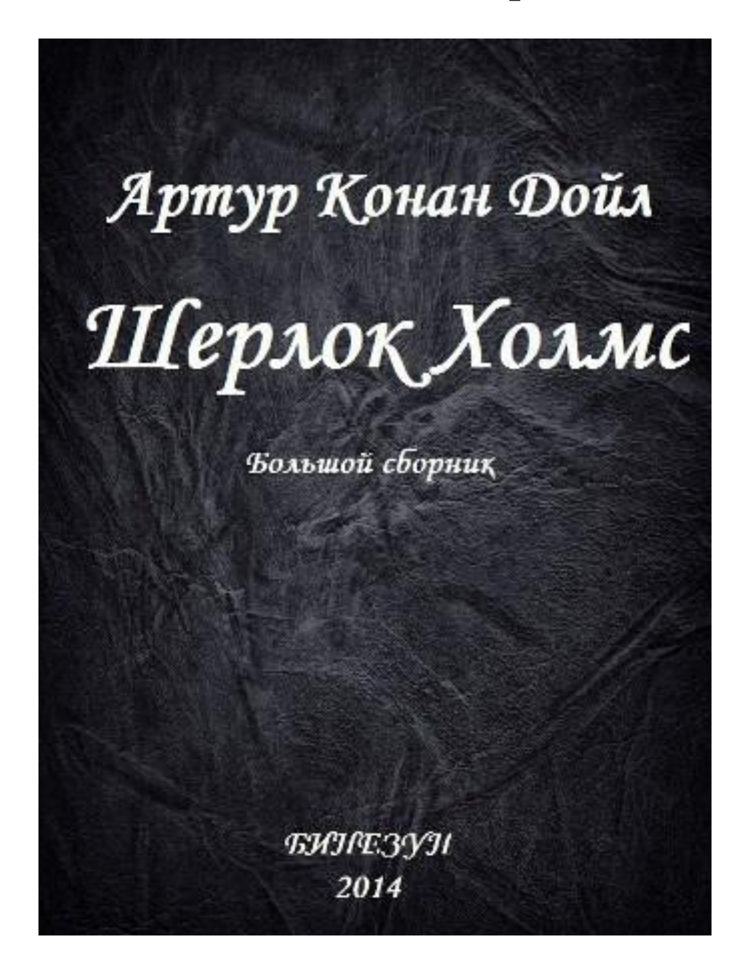
Дойл Артур Конан

Шерлок Холмс.

Большой сборник

Этюд в багровых тонах

Часть I

Мистер Шерлок Холмс

ГЛАВА I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я окончил Лондонский университет, получив звание врача, и сразу же отправился в Нетли, где прошел специальный курс для военных хирургов. После окончания занятий я был назначен ассистентом хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В то время полк стоял в Индии, и не успел я до него добраться, как вспыхнула вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк форсировал перевал и продвинулся далеко в глубь неприятельской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вдогонку своему полку; мне удалось

благополучно добраться до Кандагара, где я наконец нашел его и тотчас же приступил к своим новым обязанностям.

Многим эта кампания принесла почести и повышения, мне же не досталось ничего, кроме неудач и несчастья. Я был переведен в Беркширский полк, с которым я участвовал в роковом сражении при Майванде[1]. Ружейная пуля угодила мне в плечо, разбила кость и задела подключичную артерию.

Вероятнее всего я попал бы в руки беспощадных гази[2], если бы не преданность и мужество моего ординарца Мюррея, который перекинул меня через спину вьючной лошади и ухитрился благополучно доставить в расположение английских частей.

Измученный раной и ослабевший от длительных лишений, я вместе с множеством других раненых страдальцев был отправлен поездом в главный госпиталь в Пешавер. Там я стал постепенно поправляться и уже настолько окреп, что мог передвигаться по палате и даже выходить на веранду, чтобы немножко погреться на солнце, как вдруг меня свалил брюшной тиф, бич наших индийских колоний. Несколько месяцев меня считали почти безнадежным, а вернувшись наконец к жизни, я еле держался на ногах от слабости и истощения, и врачи решили, что меня необходимо немедля отправить в Англию. Я отплыл на военном транспорте «Оронтес» и месяц спустя сошел на пристань в Плимуте с непоправимо подорванным здоровьем, зато с разрешением отечески-заботливого правительства восстановить его в течение девяти месяцев.

В Англии у меня не было ни близких друзей, ни родни, и я был свободен, как ветер, вернее, как человек, которому положено жить на одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. При таких обстоятельствах я, естественно, стремился в Лондон, в этот огромный мусорный ящик, куда неизбежно попадают бездельники и лентяи со всей империи. В Лондоне я некоторое время жил в гостинице на Стрэнде и влачил неуютное и бессмысленное существование, тратя свои гроши гораздо более привольно, чем следовало бы. Наконец мое финансовое положение стало настолько угрожающим, что вскоре я понял: необходимо либо бежать из столицы и прозябать где-нибудь в деревне, либо решительно изменить образ жизни. Выбрав последнее, я для начала решил покинуть гостиницу и найти себе какое-нибудь более непритязательное и менее дорогостоящее жилье.

В тот день, когда я пришел к этому решению, в баре Критерион кто-то хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я увидел молодого Стэмфорда, который когда-то работал у меня фельдшером в лондонской больнице. Как приятно одинокому увидеть вдруг знакомое лицо в необъятных дебрях Лондона! В прежние времена мы со Стэмфордом никогда особенно не дружили, но сейчас я приветствовал его почти с восторгом, да и он тоже, по-видимому, был рад видеть меня. От избытка чувств я пригласил его позавтракать со мной, и мы тотчас же взяли кэб и поехали в Холборн.

— Что вы с собой сделали, Уотсон? — с нескрываемым любопытством спросил он, когда кэб застучал колесами по людным лондонским улицам. — Вы высохли, как щепка, и пожелтели, как лимон!

Я вкратце рассказал ему о своих злоключениях и едва успел закончить рассказ, как мы доехали до места.

— Эх, бедняга! — посочувствовал он, узнав о моих бедах. — Ну, и что же вы поделываете теперь?

— Ищу квартиру, — ответил я. — Стараюсь решить вопрос, бывают ли на свете удобные комнаты за умеренную цену.

— Вот странно, — заметил мой спутник, — вы второй человек, от которого я сегодня слышу эту фразу.

— А кто же первый? — спросил я.

— Один малый, который работает в химической лаборатории при нашей больнице. Нынче утром он сетовал: он отыскал очень милую квартирку и никак не найдет себе компаньона, а платить за нее целиком ему не по карману.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Если он действительно хочет разделить квартиру и расходы, то я к его услугам! Мне тоже куда приятнее поселиться вдвоем, чем жить в одиночестве!

Молодой Стэмфорд как-то неопределенно посмотрел на меня поверх стакана с вином.

— Вы ведь еще не знаете, что такое этот Шерлок Холмс, — сказал он. — Быть может, вам и не захочется жить с ним в постоянном соседстве.

— Почему? Чем же он плох?

— Я не говорю, что он плох. Просто немножко чудаковат — энтузиаст некоторых областей науки. Но вообще-то, насколько я знаю, он человек порядочный.

— Должно быть, хочет стать медиком? — спросил я.

— Да нет, я даже не пойму, чего он хочет. По-моему, он отлично знает анатомию, и химик он первоклассный, но, кажется, медицину никогда не изучал систематически. Он занимается наукой совершенно бессистемно и как-то странно, но накопил массу, казалось бы, ненужных для дела знаний, которые немало удивили бы профессоров.

— А вы никогда не спрашивали, что у него за цель? — поинтересовался я.

— Нет, из него не так-то легко что-нибудь вытянуть, хотя, если он чем-то увлечен, бывает, что его и не остановишь.

— Я не прочь с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж иметь соседа по квартире, то пусть лучше это будет человек тихий и занятый своим делом. Я недостаточно окреп, чтобы выносить шум и всякие сильные впечатления. У меня столько было того и другого в Афганистане, что с меня хватит до конца моего земного бытия. Как же мне встретиться с вашим приятелем?

— Сейчас он наверняка сидит в лаборатории, — ответил мой спутник. — Он либо не заглядывает туда по неделям, либо торчит там с утра до вечера. Если хотите, поедем к нему после завтрака.

— Разумеется, хочу, — сказал я, и разговор перешел на другие темы.

Пока мы ехали из Холборна в больницу, Стэмфорд успел рассказать мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я собирался поселиться вместе.

— Не будьте на меня в обиде, если вы с ним не уживетесь, — сказал он. — Я ведь знаю его только по случайным встречам в лаборатории. Вы сами решились на эту комбинацию, так что не считайте меня ответственным за дальнейшее.

— Если мы не уживемся, нам ничто не помешает расстаться, — ответил я. — Но мне кажется, Стэмфорд, — добавил я, глядя в упор на своего спутника, — что по каким-то соображениям вы хотите умыть руки. Что же, у этого малого ужасный характер, что ли? Не скрытничайте, ради бога!

— Попробуйте-ка объяснить необъяснимое, — засмеялся Стэмфорд. — На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой — это у него уже граничит с бездушием. Легко могу себе представить, что он вспрыснет своему другу небольшую дозу какого-нибудь новооткрытого растительного алкалоида, не по злобе, конечно, а просто из любопытства, чтобы иметь наглядное представление о его действии. Впрочем, надо отдать ему справедливость, я уверен, что он так же охотно сделает этот укол и себе. У него страсть к точным и достоверным знаниям.

— Что ж, это неплохо.

— Да, но и тут можно впасть в крайность. Если дело доходит до того, что трупы в анатомичке он колотит палкой, согласитесь, что это выглядит довольно-таки странно.

— Он колотит трупы?

— Да, чтобы проверить, могут ли синяки появиться после смерти. Я видел это своими глазами.

— И вы говорите, что он не собирается стать медиком?

— Вроде нет. Одному Богу известно, для чего он все это изучает. Но вот мы и приехали, теперь уж вы судите о нем сами.

Мы свернули в узкий закоулок двора и через маленькую дверь вошли во флигель, примыкающий к огромному больничному зданию. Здесь все было знакомо, и мне не нужно было указывать дорогу, когда мы поднялись по темноватой каменной лестнице и пошли по длинному коридору вдоль бесконечных выбеленных стен с коричневыми дверями по обе стороны. Почти в самом конце в сторону отходил низенький сводчатый коридорчик — он вел в химическую лабораторию.

В этой высокой комнате на полках и где попало поблескивали бесчисленные бутыли и пузырьки. Всюду стояли низкие широкие столы, густо уставленные ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с трепещущими язычками синего пламени. Лаборатория пустовала, и лишь в дальнем углу, пригнувшись к столу, с чем-то сосредоточенно возился какой-то молодой человек. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с места.

— Нашел! Нашел! — ликующе крикнул он, бросившись к нам с пробиркой в руках. — Я нашел наконец реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим! — Если бы он нашел золотые россыпи, и то, наверное, его лицо не сияло бы таким восторгом.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Здравствуйте! — приветливо сказал Холмс, пожимая мне руку с силой, которую я никак не мог в нем заподозрить. — Я вижу, вы жили в Афганистане.

— Как вы догадались? — изумился я.

— Ну, это пустяки, — бросил он, усмехнувшись. — Вот гемоглобин — это другое дело. Вы, разумеется, понимаете важность моего открытия?

— Как химическая реакция — это, конечно, интересно, — ответил я, — но практически…

— Господи, да это же самое практически важное открытие для судебной медицины за десятки лет. Разве вы не понимаете, что это дает возможность безошибочно определять кровяные пятна? Подите-ка, подите сюда! — В пылу нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к своему столу. — Возьмем немножко свежей крови, — сказал он и, уколов длинной иглой свой палец, вытянул пипеткой капельку крови. — Теперь я растворю эту каплю в литре воды. Глядите, вода кажется совершенно чистой. Соотношение количества крови к воде не больше, чем один к миллиону. И все-таки, ручаюсь вам, что мы получим характерную реакцию. — Он бросил в стеклянную банку несколько белых кристалликов и накапал туда какой-то бесцветной жидкости. Содержимое банки мгновенно окрасилось в мутно-багровый цвет, а на дне появился коричневый осадок.

— Ха, ха! — Он захлопал в ладоши, сияя от радости, как ребенок, получивший новую игрушку. — Что вы об этом думаете?

— Это, по-видимому, какой-то очень сильный реактив, — заметил я.

— Чудесный! Чудесный! Прежний способ с гваяковой смолой очень громоздок и ненадежен, как и исследование кровяных шариков под микроскопом, — оно вообще бесполезно, если кровь пролита несколько часов назад. А этот реактив действует одинаково хорошо, свежая ли кровь или нет. Если бы он был открыт раньше, то сотни людей, что сейчас разгуливают на свободе, давно бы уже расплатились за свои преступления.

— Вот как! — пробормотал я.

— Раскрытие преступлений всегда упирается в эту проблему. Человека начинают подозревать в убийстве, быть может, через несколько месяцев после того, как оно совершено.

Пересматривают его белье или платье, находят буроватые пятна. Что это: кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Вот вопрос, который ставил в тупик многих экспертов, а почему? Потому что не было надежного реактива. Теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и всем затруднениям конец!

Глаза его блестели, он приложил руку к груди и поклонился словно отвечая на аплодисменты воображаемой толпы.

— Вас можно поздравить, — сказал я, немало изумленный его энтузиазмом.

— Год назад во Франкфурте разбиралось запутанное дело фон-Бишофа. Он, конечно, был бы повешен, если бы тогда знали мой способ. А дело Мэзона из Брадфорда, и знаменитого Мюллера, и Лефевра из Монпелье, и Сэмсона из Нью-Орлеана? Я могу назвать десятки дел, в которых мой реактив сыграл бы решающую роль.

— Вы просто ходячая хроника преступлений, — засмеялся Стэмфорд. — Вы должны издавать специальную газету. Назовите ее «Полицейские новости прошлого».

— И это было бы весьма увлекательное чтение, — подхватил Шерлок Холмс, заклеивая крошечную ранку на пальце кусочком пластыря. — Приходится быть осторожным, — продолжал он, с улыбкой повернувшись ко мне, — я часто вожусь со всякими ядовитыми веществами. — Он протянул руку, и я увидел, что пальцы его покрыты такими же кусочками пластыря и пятнами от едких кислот.

— Мы пришли по делу, — заявил Стэмфорд, усаживаясь на высокую трехногую табуретку и кончиком ботинка придвигая ко мне другую. — Мой приятель ищет себе жилье, а так как вы жаловались, что не можете найти компаньона, я решил, что вас необходимо свести.

Шерлоку Холмсу, очевидно, понравилась перспектива разделить со мной квартиру.

— Знаете, я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, — сказал он, — которая нам с вами подойдет во всех отношениях. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

— Я сам курю «корабельный», — ответил я.

— Ну и отлично. Я обычно держу дома химикалии и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

— Нисколько.

— Погодите-ка, какие же еще у меня недостатки? Да, иногда на меня находит хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас дуюсь. Просто не обращайте на меня внимания, и это скоро пройдет. Ну, а вы в чем можете покаяться? Пока мы еще не поселились вместе, хорошо бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешил этот взаимный допрос.

— У меня есть щенок-бульдог, — сказал я, — и я не выношу никакого шума, потому что у меня расстроены нервы, я могу проваляться в постели полдня и вообще невероятно ленив. Когда я здоров, у меня появляется еще ряд пороков, но сейчас эти самые главные.

— А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? — с беспокойством спросил он.

— Смотря как играть, — ответил я. — Хорошая игра — это дар богов, плохая же…

— Ну, тогда все в порядке, — весело рассмеялся он. — По-моему, можно считать, что дело улажено, если только вам понравятся комнаты.

— Когда мы их посмотрим?

— Зайдите за мной завтра в полдень, мы поедем отсюда вместе и обо всем договоримся.

— Хорошо, значит, ровно в полдень, — сказал я, пожимая ему руку.

Он снова занялся своими химикалиями, а мы со Стэмфордом пошли пешком к моей гостинице.

— Между прочим, — вдруг остановился я, повернувшись к Стэмфорду, — как он ухитрился угадать, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

— Это главная его особенность, — сказал он. — Многие дорого бы дали, чтобы узнать, как он все угадывает.

— А, значит, тут какая-то тайна? — воскликнул я, потирая руки. — Очень занятно! Спасибо вам за то, что вы нас познакомили. Знаете ведь «чтобы узнать человечество, надо изучить человека».

— Стало быть, вы должны изучать Холмса, — сказал Стэмфорд, прощаясь. — Впрочем, вы скоро убедитесь, что это твердый орешек. Могу держать пари, что он раскусит вас быстрее, чем вы его. Прощайте!

— Прощайте, — ответил я и зашагал к гостинице, немало заинтересованный своим новым знакомым.

ГЛАВА II. ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ

На следующий день мы встретились в условленный час и поехали смотреть квартиру на Бейкер-стрит, № 221-б, о которой Холмс говорил накануне. В квартире было две удобных спальни и просторная, светлая, уютно обставленная гостиная с двумя большими окнами. Комнаты нам пришлись по вкусу, а плата, поделенная на двоих, оказалась такой небольшой, что мы тут же договорились о найме и немедленно вступили во владение квартирой. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а наутро прибыл Шерлок Холмс с несколькими ящиками и саквояжами. День-другой мы возились с распаковкой и раскладкой нашего имущества, стараясь найти для каждой вещи наилучшее место, а потом стали постепенно обживать свое жилище и приспосабливаться к новым условиям.

Холмс, безусловно, был не из тех, с кем трудно ужиться. Он вел спокойный, размеренный образ жизни и обычно был верен своим привычкам. Редко когда он ложился спать после десяти вечера, а по утрам, как правило, успевал позавтракать и уйти, пока я еще валялся в постели. Иногда он просиживал целый день в лаборатории, иногда — в анатомичке, а порой надолго уходил гулять, причем эти прогулки, по-видимому, заводили его в самые глухие закоулки Лондона. Его энергии не было предела, когда на него находил рабочий стих, но время от времени наступала реакция, и тогда он целыми днями лежал на диване в гостиной, не произнося ни слова и почти не шевелясь. В эти дни я подмечал такое мечтательное, такое отсутствующее выражение в его глазах, что заподозрил бы его в пристрастии к наркотикам, если бы размеренность и целомудренность его образа жизни не опровергала подобных мыслей.

Неделя шла за неделей, и меня все сильнее и глубже интересовала его личность, и все больше разбирало любопытство относительно его целей в жизни. Даже внешность его могла поразить воображение самого поверхностного наблюдателя. Ростом он был больше шести футов, но при своей необычайной худобе казался еще выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов оцепенения, о которых говорилось выше; тонкий орлиный нос придавал его лицу выражение живой энергии и решимости. Квадратный, чуть выступающий вперед подбородок тоже говорил о решительном характере. Его руки были вечно в чернилах и в пятнах от разных химикалий, зато он обладал способностью удивительно деликатно обращаться с предметами, — я не раз это замечал, когда он при мне возился со своими хрупкими алхимическими приборами.

Читатель, пожалуй, сочтет меня отпетым охотником до чужих дел, если я признаюсь, какое любопытство возбуждал во мне этот человек и как часто я пробовал пробить стенку сдержанности, которой он ограживал все, что касалось лично его. Но прежде чем осуждать, вспомните, до чего бесцельна была тогда моя жизнь и как мало было вокруг такого, что могло бы занять мой праздный ум. Здоровье не позволяло мне выходить в пасмурную или прохладную

погоду, друзья меня не навещали, потому что у меня их не было, и ничто не скрашивало монотонности моей повседневной жизни. Поэтому я даже радовался некоторой таинственности, окружавшей моего компаньона, и жадно стремился развеять ее, тратя на это немало времени.

Холмс не занимался медициной. Он сам однажды ответил на этот вопрос отрицательно, подтвердив тем самым мнение Стэмфорда. Я не видел также, чтобы он систематически читал какую-либо научную литературу, которая пригодилась бы для получения ученого звания и открыла бы ему путь в мир науки. Однако некоторые предметы он изучал с поразительным рвением, и в каких-то довольно странных областях обладал настолько обширными и точными познаниями, что порой я бывал просто ошеломлен. Человек, читающий что попало, редко может похвастаться глубиной своих знаний. Никто не станет обременять свою память мелкими подробностями, если на то нет достаточно веских причин.

Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания. О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, и Холмс наивно спросил, кто он такой и чем знаменит. Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца, — этому я просто не мог поверить!

— Вы, кажется, удивлены, — улыбнулся он, глядя на мое растерянное лицо. — Спасибо, что вы меня просветили, но теперь я постараюсь как можно скорее все это забыть.

— Забыть?!

— Видите ли, — сказал он, — мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных.

— Да, но не знать о солнечной системе!.. — воскликнул я.

— На кой черт она мне? — перебил он нетерпеливо. — Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?

Я хотел было спросить, что же это за работа, но почувствовал, что он будет недоволен. Я задумался над нашим коротким разговором и попытался сделать кое-какие выводы. Он не хочет засорять голову знаниями, которые не нужны для его целей. Стало быть, все накопленные знания он намерен так или иначе использовать. Я перечислил в уме все области знаний, в которых он проявил отличную осведомленность. Я даже взял карандаш и записал все это на бумаге. Перечитав список, я не мог удержаться от улыбки. «Аттестат» выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС — ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

1. Знания в области литературы — никаких.
2. —//— //— философии — никаких.
3. —//— //— астрономии — никаких.

4. —//— //— политики — слабые.
5. —//— //— ботаники — неравномерные. Знает свойства белладонны, опиума и ядов вообще. Не имеет понятия о садоводстве.
6. —//— //— геологии — практические, но ограниченные. С первого взгляда определяет образцы различных почв. После прогулок показывает мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определяет, из какой она части Лондона.
7. —//— //— химии — глубокие.
8. —//— //— анатомии — точные, но бессистемные.
9. —//— //— уголовной хроники — огромные, Знает, кажется, все подробности каждого преступления, совершенного в девятнадцатом веке.
10. Хорошо играет на скрипке.
11. Отлично фехтует на шпагах и эспадронах, прекрасный боксер.
12. Основательные практические знания английских законов.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул «аттестат» в огонь. «Сколько ни перечислять все то, что он знает, — сказал я себе, — невозможно догадаться, для чего ему это нужно и что за профессия требует такого сочетания! Нет, лучше уж не ломать себе голову понапрасну!» Я уже сказал, что Холмс прекрасно играл на скрипке. Однако и тут было нечто странное, как во всех его занятиях. Я знал, что он может исполнять скрипичные пьесы, и довольно трудные: не раз по моей просьбе он играл «Песни» Мендельсона и другие любимые мною вещи. Но когда он оставался один, редко можно было услышать пьесу или вообще что-либо похожее на мелодию. Вечерами, положив скрипку на колени, он откидывался на спинку кресла, закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам. Иногда раздавались звучные, печальные аккорды. Другой раз неслись звуки, в которых слышалось неистовое веселье. Очевидно, они соответствовали его настроению, но то ли звуки рождали это настроение, то ли они сами были порождением каких-то причудливых мыслей или просто прихоти, этого я никак не мог понять. И, наверное, я взбунтовался бы против этих скребущих по нервам «концертов», если бы после них, как бы вознаграждая меня за долготерпение, он не проигрывал одну за другой несколько моих любимых вещей.

В первую неделю к нам никто не заглядывал, и я было начал подумывать, что мой компаньон так же одинок в этом городе, как и я. Но вскоре я убедился, что у него множество знакомых, причем из самых разных слоев общества. Как-то три-четыре раза на одной неделе появлялся щуплый человечек с изжелта-бледной крысьей физиономией и острыми черными глазками; он был представлен мне как мистер Лестрейд. Однажды утром пришла элегантная молодая девушка и просидела у Холмса не меньше получаса. В тот же день явился седой, обтрепанный старик, похожий на еврея-старьевщика, мне показалось, что он очень взволнован. Почти следом за ним пришла старуха в стоптанных башмаках. Однажды с моим сожителем долго беседовал пожилой джентльмен с седой шевелюрой, потом — вокзальный носильщик в форменной куртке из вельветина. Каждый раз, когда появлялся кто-нибудь из этих непонятных посетителей, Шерлок Холмс просил позволения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. «Приходится использовать эту комнату для деловых встреч», — объяснил он как-то, прося по обыкновению извинить его за причиняемые неудобства. «Эти люди — мои клиенты». И опять у меня был повод задать ему прямой вопрос, но опять я из деликатности не захотел насильно выведывать чужие секреты.

Мне казалось тогда, что у него есть какие-то веские причины скрывать свою профессию, но вскоре он доказал, что я неправ, заговорив об этом по собственному почину.

Четырнадцатого марта — мне хорошо запомнилась эта дата — я встал раньше обычного и застал Шерлока Холмса за завтраком. Наша хозяйка так привыкла к тому, что я поздно встаю, что еще не успела поставить мне прибор и сварить на мою долю кофе. Обидевшись на все человечество, я позвонил и довольно вызывающим тоном сообщил, что я жду завтрака. Схватив со стола какой-то журнал, я принялся его перелистывать, чтобы убить время, пока

мой сожитель молча жевал гренки. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и, совершенно естественно, я стал пробегать ее глазами.

Статья называлась несколько претенциозно: «Книга жизни»; автор пытался доказать, как много может узнать человек, систематически и подробно наблюдая все, что проходит перед его глазами. На мой взгляд, это была поразительная смесь разумных и бредовых мыслей. Если в рассуждениях и была какая-то логика и даже убедительность, то выводы показались мне совеем уж нарочитыми и, что называется, высосанными из пальца. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, по непроизвольному движению какого-нибудь мускула или по взгляду можно угадать самые сокровенные мысли собеседника. По словам автора выходило, что человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Эвклида. И результаты окажутся столь поразительными, что люди непосвященные сочтут его чуть не за колдуна, пока не поймут, какой процесс умозаключений этому предшествовал.

«По одной капле воды, — писал автор, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слыхал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собою наибольшие трудности, пусть исследователь начнет с решения более простых задач. Пусть он, взглянув на первого встречного, научится сразу определять его прошлое и его профессию. Поначалу это может показаться ребячеством, но такие упражнения обостряют наблюдательность и учат, как смотреть и на что смотреть. По ногтям человека, по его рукавам, обуви и сгибе брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки — по таким мелочам нетрудно угадать его профессию. И можно не сомневаться, что все это, вместе взятое, подскажет сведущему наблюдателю верные выводы».

— Что за дикая чушь! — воскликнул я, швыряя журнал на стол. — В жизни не читал такой галиматьи.

— О чем вы? — осведомился Шерлок Холмс.

— Да вот об этой статейке, — я ткнул в журнал чайной ложкой и принялся за свой завтрак. — Я вижу, вы ее уже читали, раз она отмечена карандашом. Не спорю, написано лихо, но меня все это просто злит. Хорошо ему, этому бездельнику, развалясь в мягком кресле в тиши своего кабинета, сочинять изящные парадоксы! Втиснуть бы его в вагон третьего класса подземки да заставить угадать профессии пассажиров! Ставлю тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

— И вы проиграете, — спокойно заметил Холмс. — А статью написал я.

— Вы?!

— Да. У меня есть наклонности к наблюдению — и к анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая кажется вам такой фантастической, на самом деле очень жизненна, настолько жизненна, что ей я обязан своим куском хлеба с маслом.

— Но каким образом? — вырвалось у меня.

— Видите ли, у меня довольно редкая профессия. Пожалуй, я единственный в своем роде. Я сыщик-консультант, если только вы представляете себе, что это такое. В Лондоне множество сыщиков, и государственных и частных. Когда эти молодцы заходят в тупик, они бросаются ко мне, и мне удается направить их по верному следу. Они знакомят меня со всеми обстоятельствами дела, и, хорошо зная историю криминалистики, я почти всегда могу указать им, где ошибка. Все злодеяния имеют большое фамильное сходство, и если подробности целой

тысячи дел вы знаете как свои пять пальцев, странно было бы не разгадать тысячу первое. Лестрейд — очень известный сыщик. Но недавно он не сумел разобраться в одном деле о подлоге и пришел ко мне.

— А другие?

— Чаше всего их посылают ко мне частные агентства. Все это люди, попавшие в беду и жаждущие совета. Я выслушиваю их истории, они выслушивают мое толкование, и я кладу в карман гонорар.

— Неужели вы хотите сказать, — не вытерпел я, — что, не выходя из комнаты, вы можете распутать клубок, над которым тщетно бьются те, кому все подробности известны лучше, чем вам?

— Именно. У меня есть своего рода интуиция. Правда, время от времени попадается какое-нибудь дело посложнее. Ну, тогда приходится немножко побегать, чтобы кое-что увидеть своими глазами. Понимаете, у меня есть специальные знания, которые я применяю в каждом конкретном случае, они удивительно облегчают дело. Правила дедукции, изложенные мной в статье, о которой вы отозвались так презрительно, просто бесценны для моей практической работы. Наблюдательность — моя вторая натура. Вы, кажется, удивились, когда при первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана?

— Вам, разумеется, кто-то об этом сказал.

— Ничего подобного, Я сразу догадался, что вы приехали из Афганистана. Благодаря давней привычке цепь умозаключений возникает у меня так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти посылки. Ход моих мыслей был таков: «Этот человек по типу — врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо белее. Лицо изможденное, — очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку — держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял и секунды. И вот я сказал, что вы приехали из Афганистана, а вы удивились.

— Послушать вас, так это очень просто, — улыбнулся я. — Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах.

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

— Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен — очень недалекий малый. Этот прием — сбивать с мыслей своего собеседника какой-нибудь фразой «к случаю» после пятнадцатиминутного молчания, право же, очень дешевый показной трюк. У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По.

— Вы читали Габорио? — спросил я. — Как, по-вашему, Лекок — настоящий сыщик?

Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

— Лекок — жалкий сопляк, — сердито сказал он. — У него только и есть, что энергия. От этой книги меня просто тошнит. Подумаешь, какая проблема — установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Лекок копается почти полгода. По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать.

Он так высокомерно развенчал моих любимых литературных героев, что я опять начал злиться. Я отошел к окну и повернулся спиной к Холмсу, рассеянно глядя на уличную суету.

«Пусть он умен, — говорил я про себя, — но, помилуйте, нельзя же быть таким самоуверенным!»

— Теперь уже не бывает ни настоящих преступлений, ни настоящих преступников, — ворчливо продолжал Холмс. — Будь ты хоть семи пядей во лбу, какой от этого толк в нашей профессии? Я знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений столько врожденного таланта и упорного труда, как я. И что же? Раскрывать нечего, преступлений нет, в лучшем случае какое-нибудь грубо сработанное мошенничество с такими незамысловатыми мотивами, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня положительно коробил этот хвастливый тон. Я решил переменить тему разговора.

— Интересно, что он там высматривает? — спросил я, показывая на дюжего, просто одетого человека, который медленно шагал по другой стороне улицы, вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт, — очевидно, это был посыльный.

— Кто, этот отставной флотский сержант? — сказал Шерлок Холмс.

«Кичливый хвастун! — обозвал я его про себя. — Знает же, что его не проверишь!»

Едва успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и торопливо перебежал через улицу. Раздался громкий стук, внизу загудел густой бас, затем на лестнице послышались тяжелые шаги.

— Мистеру Шерлоку Холмсу, — сказал посыльный, входя в комнату, и протянул письмо моему приятелю.

Вот прекрасный случай сбить с него спесь! Прошлое посыльного он определил наобум и, конечно, не ожидал, что тот появится в нашей комнате.

— Скажете, уважаемый, — вкрадчивейшим голосом спросил я, — чем вы занимаетесь?

— Служу посыльным, — угрюмо бросил он. — Форму отдал заштопать.

— А кем были раньше? — продолжал я, не без злорадства поглядывая на Холмса.

— Сержантом королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр.

Он прищелкнул каблуками, отдал честь и вышел.

ГЛАВА III. ТАЙНА ЛОРИСТОН-ГАРДЕНС

Должен сознаться, что я был немало поражен тем, как оправдала себя на деле теория моего компаньона. Уважение мое к его способностям сразу возросло. И все же я не мог отделаться от подозрения, что все это было подстроено заранее, чтобы ошеломить меня, хотя зачем, собственно, — этого я никак не мог понять. Когда я взглянул на него, он держал в руке прочитанную записку, и взгляд его был рассеянным и тусклым, что свидетельствовало о напряженной работе мысли.

— Как же вы догадались? — спросил я.

— О чем? — хмуро отозвался он.

— Да о том, что он отставной сержант флота?

— Мне некогда болтать о пустяках, — отрезал он, но тут же, улыбнувшись, поспешил добавить: — Извините за резкость. Вы прервали ход моих мыслей, но, может, это и к лучшему. Так, значит, вы не сумели увидеть, что он в прошлом флотский сержант?

— Нет, конечно.

— Мне было легче понять, чем объяснить, как я догадался. Представьте себе, что вам нужно доказать, что дважды два — четыре, — трудновато, не правда ли, хотя вы в этом твердо уверены. Даже через улицу я заметил на его руке татуировку — большой синий якорь. Тут уже запахло морем. Выправка у него военная, и он носит баки военного образца. Стало быть, перед нами флотский. Держится он с достоинством, пожалуй, даже начальственно. Вы должны были бы заметить, как высоко он держит голову и как помахивает своей палкой, а с виду он

степенный мужчина средних лет — вот и все приметы, по которым я узнал, что он был сержантом.

— Чудеса! — воскликнул я.

— А, чепуха, — отмахнулся Холмс, но по лицу его я видел, что он доволен моим восторженным изумлением. — Вот я только что говорил, что теперь больше нет преступников. Кажется, я ошибся. Взгляните-ка! — Он протянул мне записку, которую принес посыльный.

— Послушайте, да ведь это ужасно! — ахнул я, пробежав ее глазами.

— Да, что-то, видимо, не совсем обычное, — хладнокровно заметил он. — Будьте добры, прочтите мне это вслух.

Вот письмо, которое я прочел:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме № 3 в Лористон-Гарденс на Брикстон-роуд произошла скверная история. Около двух часов ночи наш полисмен, делавший обход, заметил в доме свет, а так как дом нежилой, он заподозрил что-то неладное. Дверь оказалась незапертой, и в первой комнате, совсем пустой, он увидел труп хорошо одетого джентльмена; в кармане он нашел визитные карточки: «Енох Дж. Дреббер, Кливленд, Огайо, Соединенные Штаты». И никаких следов грабежа, никаких признаков насильственной смерти. На полу есть кровяные пятна, но на трупе ран не оказалось. Мы не можем понять, как он очутился в пустом доме, и вообще это дело — сплошная головоломка. Если вы приедете в любое время до двенадцати, вы застанете меня здесь. В ожидании вашего ответа или приезда я оставляю все как было. Если не сможете приехать, я сообщу вам все подробности и буду чрезвычайно обязан, если вы соблаговолите поделиться со мной вашим мнением.

Уважающий вас Тобиас Грегсон»

— Грегсон — самый толковый сыщик в Скотленд-Ярде, — сказал мой приятель. — Он и Лестрейд выделяются среди прочих ничтожеств. Оба расторопны и энергичны, хотя банальны до ужаса. Друг с другом они на ножах. Они ревнивы к славе, как профессиональные красавицы. Будет потеха, если оба нападут на след.

Удивительно неторопливо журчала его речь!

— Но ведь, наверное, нельзя терять ни секунды, — встревожился я. — Пойти позвать кэб?

— А я не уверен, поеду я или нет. Я же лентяй, каких свет не видел, то есть, конечно, когда на меня нападет лень, а вообще-то могу быть и проворным.

— Вы же мечтали о таком случае!

— Дорогой мой, да что мне за смысл? Предположим, я распутаю это дело — ведь все равно Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят всю славу. Такова участь лица неофициального.

— Но он просит у вас помощи.

— Да. Он знает, что до меня ему далеко, и сам мне это говорил, но скорее отрежет себе язык, чем признается кому-то третьему. Впрочем, пожалуй, давайте поедем и посмотрим. Возьмусь за дело на свой риск. По крайней мере посмеюсь над ними, если ничего другого мне не останется. Пошли!

Он засуетился и бросился за своим пальто: приступ энергии сменил апатию.

— Берите шляпу, — велел он.

— Хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если вам больше нечего делать.

Через минуту мы оба сидели в кэбе, мчавшем нас к Брикстон-роуд.

Стояло пасмурное, туманное утро, над крышами повисла коричневатая дымка, казавшаяся отражением грязно-серых улиц внизу. Мой спутник был в отличном настроении, без умолку

болтал о кремонских скрипках и о разнице между скрипками Страдивариуса и Амати. Я помалкивал; унылая погода и предстоявшее нам грустное зрелище угнетали меня.

— Вы как будто совсем не думаете об этом деле, — прервал я наконец его музыкальные рассуждения.

— У меня еще нет фактов, — ответил он. — Строить предположения, не зная всех обстоятельств дела, — крупнейшая ошибка. Это может повлиять на дальнейший ход рассуждений.

— Скоро вы получите ваши факты, — сказал я, указывая пальцем. — Вот Брикстон-роуд, а это, если не ошибаюсь, тот самый дом.

— Правильно. Стойте, кучер, стойте!

Мы не доехали ярдов сто, но по настоянию Холмса вышли из кэба и к дому подошли пешком.

Дом № 3 в тупике, носившем название «Лористон-Гарденс», выглядел зловеще, словно затаил в себе угрозу.

Это был один из четырех домов, стоявших немного поодаль от улицы; два дома были обитаемы и два пусты. Номер 3 смотрел на улицу тремя рядами тусклых окон; то здесь, то там на мутном темном стекле, как бельмо на глазу, выделялась надпись «Сдается внаем». Перед каждым домом был разбит маленький палисадник, отделявший его от улицы, — несколько деревцев над редкими и чахлыми кустами; по палисаднику шла узкая желтоватая дорожка, судя по виду, представлявшая собою смесь глины и песка. Ночью прошел дождь, и всюду стояли лужи. Вдоль улицы тянулся кирпичный забор в три фута высотой, с деревянной решеткой наверху; к забору прислонился дюжий констебль, окруженный небольшой кучкой зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть мельком увидеть, что происходит за забором.

Мне думалось, что Шерлок Холмс поспешит войти в дом и сразу же займется расследованием. Ничего похожего. Казалось, это вовсе не входило в его намерения. С беспечностью, которая при таких обстоятельствах граничила с позерством, он прошелся взад и вперед по тротуару, рассеянно поглядывая на небо, на землю, на дома напротив и на решетку забора. Закончив осмотр, он медленно зашагал по дорожке, вернее, по траве, сбоку дорожки, и стал пристально разглядывать землю. Дважды он останавливался; один раз я заметил на лице его улыбку и услышал довольное хмыканье. На мокрой глинистой земле было много следов, но ведь ее уже основательно истоптали полицейские, и я недоумевал, что еще надеется обнаружить там Холмс. Однако я успел убедиться в его необычайной проницательности и не сомневался, что он может увидеть много, такого, что недоступно мне.

В дверях дома нас встретил высокий, белолицый человек с льняными волосами и с записной книжкой в руке. Он бросился к нам и с чувством пожал руку моему спутнику.

— Как хорошо, что вы приехали! — сказал он. — Никто ничего не трогал, я все оставил, как было.

— Кроме этого, — ответил Холмс, указывая на дорожку. — Стадо буйволов, и то не оставило бы после себя такое месиво! Но, разумеется, вы обследовали дорожку, прежде чем дали ее так истоптать?

— У меня было много дела в доме, — уклончиво ответил сыщик. — Мой коллега, мистер Лестрейд, тоже здесь. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс бросил на меня взгляд и саркастически поднял брови.

— Ну, после таких мастеров своего дела, как вы и Лестрейд, мне, пожалуй, тут нечего делать, — сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

— Да уж, кажется, сделали все, что можно. Впрочем, дело заковыристое, а я знаю, что вы такие любите.

— Вы сюда подъехали в кэбе?

— Нет, пришел пешком, сэр.

— А Лестрейд?

— Тоже, сэр.

— Ну, тогда пойдемте, посмотрим комнату, — совсем уж непоследовательно заключил Холмс и вошел в дом. Грегсон, удивленно подняв брови, поспешил за ним.

Небольшой коридор с давно не метенным дощатым полом вел в кухню и другие службы. Справа и слева были две двери. Одну из них, видимо, уже несколько месяцев не открывали; другая вела в столовую, где и было совершено загадочное убийство. Холмс вошел в столовую, я последовал за ним с тем гнетущим чувством, которое вселяет в нас присутствие смерти.

Большая квадратная комната казалась еще больше оттого, что в ней не было никакой мебели. Яркие безвкусные обои были покрыты пятнами плесени, а кое-где отстали и свисали лохмотьями, обнажая желтую штукатурку. Прямо против двери стоял аляповатый камин с полкой, отделанной под белый мрамор; на краю полки был прилеплен огарок красной восковой свечки. В неверном, тусклом свете, пробивавшемся сквозь грязные стекла единственного окна, все вокруг казалось мертвенно-серым, чему немало способствовал толстый слой пыли на полу.

Все эти подробности я заметил уже после. В первые минуты я смотрел только на одинокую страшную фигуру, распростертую на голом полу, на пустые, незрячие глаза, устремленные в потолок. Это был человек лет сорока трех-четырех, среднего роста, широкоплечий, с жесткими, кудрявыми черными волосами и коротенькой, торчащей вверх бородкой. На нем был сюртук и жилет из плотного сукна, светлые брюки и рубашка безукоризненной белизны. Рядом валялся вылощенный цилиндр. Руки убитого были раскинуты, пальцы сжаты в кулаки, ноги скрючены, словно в мучительной агонии. На лице застыло выражение ужаса и, как мне показалось, ненависти — такого выражения я никогда еще не видел на человеческом лице. Страшная, злобная гримаса, низкий лоб, приплюснутый нос и выступающая вперед челюсть придавали мертвому сходство с гориллой, которое еще больше усиливала его неестественная вывернутая поза. Я видел смерть в разных ее видах, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как сейчас, в этой полутемной, мрачной комнате близ одной из главных магистралей лондонского предместья.

Щуплый, похожий на хорька Лестрейд стоял у двери. Он поздоровался с Холмсом и со мной.

— Этот случай наделает много шуму, сэр, — заметил он. — Такого мне еще не встречалось, а ведь я человек бывалый.

— И нет никакого ключа к этой тайне, — сказал Грегсон.

— Никакого, — подхватил Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к трупу и, опустившись на колени, принялся тщательно разглядывать его.

— Вы уверены, что на нем нет ран? — спросил он, указывая на брызги крови вокруг тела.

— Безусловно! — ответили оба.

— Значит, это кровь кого-то другого — вероятно, убийцы, если тут было убийство. Это мне напоминает обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте, в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Прочтите, право, стоит прочесть. Да, ничто не ново под луной. Все уже бывало прежде.

Его чуткие пальцы в это время беспрерывно летали по мертвому телу, ощупывали, нажимали, расстегивали, исследовали, а в глазах стояло то же отсутствующее выражение, которое я видел уже не раз. Осмотр произошел так быстро, что вряд ли кто-либо понял, как тщательно он был сделан. Наконец Холмс понюхал губы трупа, потом взглянул на подметки его лакированных ботинок.

— Его не сдвигали с места? — спросил он.

— Нет, только осматривали.

— Можно отправить в морг, — сказал Холмс. — Больше в нем нет надобности.

Четыре человека с носилками стояли наготове. Грегсон позвал их, они положили труп на носилки и понесли. Когда его поднимали, на пол упало и покатилось кольцо. Лестрейд схватил его и стал рассматривать.

— Здесь была женщина! — удивленно воскликнул он. — Это женское обручальное кольцо…

Он положил его на ладонь и протянул нам. Обступив Лестрейда, мы тоже уставились на кольцо. Несомненно, этот гладкий золотой ободок когда-то украшал палец новобрачной.

— Дело осложняется, — сказал Грегсон. — А оно, ей-Богу, и без того головоломное.

— А вы уверены, что это не упрощает его? — возразил Холмс. — Но довольно любоваться кольцом, это нам не поможет. Что вы нашли в карманах?

— Все тут. — Грегсон, выйдя в переднюю, указал на кучку предметов, разложенных на нижней ступеньке лестницы. — Золотые часы фирмы Баро, Лондон, № 97163. Золотая цепочка, очень тяжелая и массивная. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка — голова бульдога с рубиновыми глазами. Бумажник русской кожи для визитных карточек и карточки, на них написано: Енох Дж. Дреббер, Кливленд — это соответствует меткам на белье — Е. Д. Д. Кошелька нет, но в карманах оказалось семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с надписью «Джозеф Стэнджерсон» на форзаце. Два письма — одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое — Джозефу Стэнджерсону.

— Адрес какой?

— Стрэнд, Американская биржа, до востребования. Оба письма от пароходной компании «Гийон» и касаются отплытия их пароходов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

— Вы начали разыскивать этого Стэнджерсона?

— Сразу же, сэр. Я разослал объявления во все газеты, а один из моих людей поехал на американскую биржу, но еще не вернулся.

— А Кливленд вы запросили?

— Утром послали телеграмму.

— Какую?

— Мы просто сообщили, что произошло, и просили дать сведения.

— А вы не просили сообщить подробнее относительно чего-нибудь такого, что показалось вам особенно важным?

— Я спросил насчет Стэнджерсона.

— И больше ни о чем? Нет ли здесь, по-вашему, каких-либо особых обстоятельств в жизни Дреббера, которые необходимо выяснить?

— Я спросил обо всем, что считал нужным, — обиженным тоном ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся про себя и хотел было что-то сказать, как вдруг перед нами возник Лестрейд, который остался в комнате, когда мы вышли в переднюю. Он пыжился от самодовольства и потирал руки.

— Мистер Грегсон, я только что сделал открытие величайшей важности! — объявил он. — Не догадайся я тщательно осмотреть стены, мы ничего бы и не узнали!

У маленького человечка блестели глаза, он, видимо, внутренне ликовал оттого, что обставил своего коллегу на одно очко.

— Пожалуйте сюда, — сказал он суетливо, ведя нас обратно в комнату, где, казалось, стало немного светлее после того, как унесли ее страшного обитателя. — Вот станьте-ка сюда!

Он чиркнул спичкой о подошву ботинка и поднес ее к стене.

— Глядите! — торжествующе сказал он. Я уже говорил, что во многих местах обои висели клочьями.

В этом углу от стены отстал большой кусок, обнажив желтый квадрат шероховатой штукатурки. На ней кровью было выведено:

RACHE

— Видали? — хвастливо сказал Лестрейд, как балаганщик, представляющий публике аттракцион. — Это самый темный угол, и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца — он или она — написал это своей собственной кровью. Глядите, вот кровь стекла со стены, и здесь на полу пятно. Во всяком случае, самоубийство исключается. А почему убийца выбрал именно этот угол? Сейчас объясню. Видите огарок на камине? Когда он горел, этот угол был самый светлый, а не самый темный.

— Ну хорошо, надпись попалась вам на глаза, а как вы ее растолкуете? — пренебрежительным тоном сказал Грегсон.

— Как? А вот как. Убийца — будь то мужчина или женщина — хотел написать женское имя «Рэчел», но не успел докончить, наверное, что-то помешало. Попомните мои слова: рано или поздно выяснится, что тут замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь сколько угодно, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, человек начитанный и умный, но в конечном счете старая ищейка даст вам несколько очков вперед!

— Прошу прощения, — сказал мой приятель, рассердивший маленького человечка своим смехом. — Разумеется, честь этого открытия принадлежит вам, и надпись, без сомнения, сделана вторым участником ночной драмы. Я не успел еще осмотреть комнату и с вашего позволения осмотрю сейчас.

Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол. Холмс так увлекся, что, казалось, совсем забыл о нашем существовании — а мы слышали то бормотанье, то стон, то легкий присвист, то одобрительные и радостные восклицания. Я смотрел на него, и мне невольно пришло на ум, что он сейчас похож на чистокровную, хорошо выдрессированную гончую, которая рыщет взад-вперед по лесу, скуля от нетерпения, пока не нападет на утерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои поиски, тщательно измеряя расстояние между какими-то совершенно незаметными для меня следами, и время от времени — так же непонятно для меня — что-то измерял рулеткой на стенах. В одном месте он осторожно собрал щепотку серой пыли с пола и положил в конверт. Наконец он стал разглядывать через лупу надпись на стене, внимательно исследуя каждую букву. Видимо, он был удовлетворен осмотром, потому что спрятал рулетку и лупу в карман.

— Говорят, будто гений — это бесконечная выносливость, — с улыбкой заметил он. — Довольно неудачное определение, но к работе сыщика подходит вполне.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-дилетанта с нескрываемым любопытством и не без презрения. Очевидно, они не могли оценить того, что понимал я: все, что делал Холмс, вплоть до незначительных с виду мелочей, служило какой-то вполне определенной и практической цели.

— Ну, что скажете, сэр? — спросили оба хором.

— Не хочу отнимать у вас пальму первенства в раскрытии преступления, — сказал мой приятель, — и поэтому не позволю себе навязывать советы. Вы оба так хорошо справляетесь, что было бы грешно вмешиваться. — В голосе его звучал явный сарказм. — Если вы сообщите о ходе расследования, — продолжал он, — я буду счастлив помочь вам, если смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, который обнаружил труп. Будьте добры сказать мне его имя и адрес.

Лестрейд вынул записную книжку.

— Джон Рэнс, — сказал он. — Сейчас он свободен. Его адрес: Одли-корт, 46, Кеннингтон-парк-гейт.

Холмс записал адрес.

— Пойдемте, доктор, — сказал он мне. — Мы сейчас же отправимся к нему. А вам я хочу кое-что сказать, — обратился он к сыщикам, — быть может, это поможет следствию. Это, конечно, убийство, и убийца — мужчина. Рост у него чуть больше шести футов, он в расцвете лет, ноги у него очень небольшие для такого роста, обут в тяжелые ботинки с квадратными носками и курит трихинопольские сигары. Он и его жертва приехали сюда вместе в четырехколесном экипаже, запряженном лошадью с тремя старыми и одной новой подковой на правом переднем копыте. По всей вероятности, у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке. Это, конечно, мелочи, но они могут вам пригодиться.

Лестрейд и Грегсон, недоверчиво усмехаясь, переглянулись.

— Если этот человек убит, то каким же образом?

— Яд, — коротко бросил Шерлок Холмс и зашагал к двери. — Да, вот еще что, Лестрейд, — добавил он, обернувшись. — «Rache» — по-немецки «месть», так что не теряйте времени на розыски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а оба соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

ГЛАВА IV. ЧТО РАССКАЗАЛ ДЖОН РЭНС

Мы вышли из дома № 3 в Лористон-Гарденс около часу дня. Шерлок Холмс потащил меня в ближайшую телеграфную контору, откуда он послал какую-то длинную телеграмму. Затем он подозвал кэб и велел кучеру ехать по адресу, который дал нам Лестрейд.

— Самое ценное — это показания очевидцев, — сказал мне Холмс. — Откровенно говоря, у меня сложилось довольно ясное представление о деле, но тем не менее надо узнать все, что только можно.

— Знаете, Холмс, вы меня просто поражаете, — сказал я. — Вы очень уверенно описали подробности преступления, но скажите, неужели вы в душе ничуть не сомневаетесь, что все было именно так?

— Тут трудно ошибиться, — ответил Холмс. — Первое, что я увидел, подъехав к дому, были следы кэба у самой обочины дороги. Заметьте, что до прошлой ночи дождя не было целую неделю. Значит, кэб, оставивший две глубокие колеи, очевидно, проехал там нынешней ночью. Потом я заметил следы лошадиных копыт, причем один отпечаток был более четким, чем три остальных, а это значит, что подкова была новая. Кэб прибыл после того, как начался дождь, а утром, по словам Грегсона, никто не приезжал, — стало быть, этот кэб подъехал ночью, и, конечно же, он-то и доставил туда тех двоих.

— Все это вполне правдоподобно, — сказал я, — но как вы угадали рост убийцы?

— Да очень просто: рост человека в девяти случаях из десяти можно определить по ширине его шага. Это очень несложно, но я не хочу утомлять вас вычислениями. Я измерил шаги убийцы и на глинистой дорожке и на пыльном полу в комнате. А потом мне представился случай проверить свои вычисления. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно пишет на

уровне своих глаз. От пола до надписи на стене шесть футов. Одним словом, задачка для детей!

— А как вы узнали его возраст?

— Ну, вряд ли дряхлый старец может сразу перемахнуть четыре с половиной фута. А это как раз ширина лужи на дорожке, которую он, судя по всему, перепрыгнул. Лакированные ботинки обошли ее стороной, а квадратные носы перепрыгнули. Ничего таинственного, как видите. Просто я применяю на практике некоторые правила наблюдательности дедуктивного мышления, которые я отстаивал в своей статье… Ну, что же еще вам непонятно?

— Ногти и трихинопольская сигара, — ответил я.

— Надпись на стене сделана указательным пальцем, обмакнутым в кровь. Я рассмотрел через лупу, что, выводя буквы, убийца слегка царапал штукатурку, чего не случилось бы, если бы ноготь на пальце был коротко подстрижен. Пепел, который я собрал с полу, оказался темным и слоистым — такой пепел остается только от трихинопольских сигар. Ведь я специально изучал пепел от разных сортов табака; если хотите знать, я написал об этом целое исследование. Могу похвастаться, что с первого же взгляда определю вам по пеплу сорт сигары или табака. Между прочим, знание таких мелочей и отличает искусного сыщика от всяких Грегсонов и Лестрейдов.

— Ну, а красное лицо? — спросил я.

— А вот это уже более смелая догадка, хотя я не сомневаюсь, что и тут я прав. Но об этом вы пока что не расспрашивайте.

Я провел рукой по лбу.

— У меня просто голова кругом идет, — сказал я, — чем больше думаешь об этом преступлении, тем загадочнее оно становится. Как могли попасть эти двое — если их было двое — в пустой дом? Куда девался кучер, который их привез? Каким образом один мог заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что за цель преследовал убийца, если он даже не ограбил свою жертву? Как попало туда женское кольцо? А главное, зачем второй человек, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «Rache»? Должен сознаться, решительно не понимаю, как связать между собой эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

— Вы кратко и очень толково подытожили все трудности этого дела, — сказал он. — Тут еще многое неясно, хотя с помощью главных фактов я уже нашел разгадку. А что до открытия бедняги Лестрейда, то это просто уловка убийцы, чтобы направить полицию по ложному следу, внушив ей, будто тут замешаны социалисты и какие-то тайные общества. Написано это не немцем. Букву «А», если вы заметили, он пытался вывести готическим шрифтом, а настоящий немец всегда пишет печатными буквами на латинский манер, поэтому мы можем утверждать, что писал не немец, а неумелый и перестаравшийся имитатор. Конечно же, это хитрость с целью запутать следствие. Пока я вам больше ничего не скажу, доктор. Знаете, стоит фокуснику объяснить хоть один свой фокус, и в глазах зрителей сразу же меркнет ореол его славы; и если я открою вам метод своей работы, вы, пожалуй, придете к убеждению, что я самая рядовая посредственность!

— Вот уж никогда! — возразил я. — Вы сделали великое дело: благодаря вам раскрытие преступлений находится на грани точной науки.

Мои слова и серьезная убежденность тона, очевидно, доставили моему спутнику немалое удовольствие — он даже порозовел. Я уже говорил, что он был чувствителен к похвалам его искусству не меньше, чем девушка к похвалам своей красоте.

— Я скажу вам еще кое-что, — продолжал он. — Лакированные ботинки и Квадратные носы приехали в одном кэбе и вместе, по-дружески, чуть ли не под руку, пошли по дорожке к дому. В комнате они расхаживали взад и вперед, вернее Лакированные ботинки стояли, а

расхаживали Квадратные носы. Я это прочел по следам на полу и прочел также, что человека, шагавшего по комнате, охватывало все большее возбуждение. Он все время что-то говорил, пока не взвинтил себя до того, что пришел в бешенство. И тогда произошла трагедия. Ну вот, я рассказал вам все, что знаю, наверное, остальное — лишь догадки и предположения. Впрочем, фундамент для них крепкий. Но давайте-ка поторопимся, я еще хочу успеть на концерт, послушать Норман Неруду.

Кэб наш тем временем пробирался по бесконечным убогим улочкам и мрачным переулкам. Наш кучер вдруг остановился в самом мрачном и унылом из них.

— Вот вам Одли-корт, — произнес он, указывая на узкую щель в ряде тусклых кирпичных домов. — Когда вернетесь, я буду стоять здесь.

Одли-корт был местом малопривлекательным. Тесный проход привел нас в четырехугольный, вымощенный плитняком двор, окруженный грязными лачугами. Мы протолкались сквозь гурьбу замурзанных ребятишек и, ныряя под веревки с линялым бельем, добрались до номера 46. На двери красовалась маленькая медная дощечка, на которой было выгравировано имя Рэнса. Нам сказали, что констебль еще не вставал, и предложили подождать в крохотной гостиной.

Вскоре появился и сам Ранс. Он, по-видимому, был сильно не в духе оттого, что мы потревожили его сон.

— Я ведь уже дал показания в участке, — проворчал он.

Холмс вынул из кармана полсоверена и задумчиво повертел его в пальцах.

— Нам было бы куда приятнее послушать вас лично, — сказал он.

— Что ж, я не прочь рассказать все, что знаю, — ответил констебль, не сводя глаз с золотого кружка.

— Просто расскажите нам все по порядку.

Рэнс уселся на диван, набитый конским волосом, и озабоченно сдвинул брови, как бы стараясь восстановить в памяти каждую мелочь.

— Начну с самого начала, — сказал он. — Я дежурил ночью, с десяти до шести утра. Около одиннадцати в «Белом олене» малость подрались, а вообще-то в моем районе было тихо. В час ночи полил дождь, я повстречался с Гарри Мерчером — с тем, что дежурит в районе Холленд-Грув. Мы постояли на углу Генриетта-стрит, покалякали о том, о сем, а потом, часа, наверное, в два или чуть позже, я решил пройтись по Брикстон-роуд, проверить, все ли в порядке. Грязь там была невылазная, а кругом ни души, разве что один-два кэба проехали. Иду себе и думаю, между нами говоря, что хорошо бы сейчас пропустить стаканчик горяченького джина, как вдруг вижу: в окне того самого дома мелькнул свет. Ну, я-то знаю, что два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые, и все потому, что хозяин не желает чистить канализационные трубы, хотя, между прочим, последний жилец умер там от брюшного тифа… Ну и вот, я как увидел в окне свет, так даже опешил и, конечно, заподозрил что-то неладное. Когда я подошел к двери…

— Вы остановились, потом пошли обратно к калитке, — перебил его мой приятель. — Почему вы вернулись?

Рэнс подскочил на месте и изумленно уставился на Холмса.

— А ведь верно, сэр! — сказал он. — Хотя откуда вам это известно, один Бог знает! Понимаете, когда я подошел к двери, кругом было так пустынно и тихо, что я решил: лучше-ка я захвачу кого-нибудь с собой. Вообще-то я не боюсь никого, кто ходит по земле; вот те, кто лежат под землей, конечно, другое дело… Я и подумал: а вдруг это тот, что умер от брюшного тифа, пришел осмотреть канализационные трубы, которые его погубили?.. Мне, признаться, стало жутковато, ну я и вернулся к калитке, думал, может, увижу фонарь Мерчера, но только никого вокруг не оказалось.

— И на улице никого не было?

— Ни души, сэр, даже ни одна собака не пробежала. Тогда я собрался с духом, вернулся назад и распахнул дверь. В доме было тихо, и я вошел в комнату, где горел свет. Там на камине стояла свечка, красная, восковая, и я увидел…

— Знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату, стали на колени возле трупа, потом пошли и открыли дверь в кухню, а потом…

Джон Рэнс порывисто вскочил на ноги, с испугом и подозрением глядя на Холмса.

— Постойте, а где же вы прятались, почему вы все это видели, а? — закричал он. — Что-то вы слишком много знаете!

Холмс рассмеялся и бросил на стол перед констеблем свою визитную карточку.

— Пожалуйста, не арестовывайте меня по подозрению в убийстве, — сказал он. — Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд это подтвердят. Продолжайте, прошу вас. Что же было дальше?

Рэнс снова сел, но вид у него был по-прежнему озадаченный.

— Я пошел к калитке и свистнул в свисток. Прибежал Мерчер, а с ним еще двое.

— А на улице так никого и не было?

— Да, в общем, можно сказать, никого.

— Как это понять?

По лицу констебля расплылась улыбка.

— Знаете, сэр, видал я пьяных на своем веку, но уж чтоб так нализаться, как этот, — таких мне еще не попадалось. Когда я вышел на улицу, он привалился к забору возле калитки, но никак не мог устоять, а сам во всю мочь горланил какую-то песню. А ноги его так и разъезжались в стороны.

— Каков он был с виду? — быстро спросил Шерлок Холмс.

Джон Рэнс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

— Пьяный, как свинья, вот какой он был с виду, — ответил он. — Если б мы не были заняты, конечно, сволокли бы его в участок.

— Какое у него лицо, одежда, вы не заметили? — нетерпеливо добивался Холмс.

— Как не заметить, ведь мы с Мерчером попробовали было поставить его на ноги, этого краснорожего верзилу. Подбородок у него был замотан шарфом до самого рта.

— Так, достаточно! — воскликнул Холмс. — Куда же он делся?

— Некогда нам было возиться с пьяницей, других забот хватало, — обиженно заявил полисмен. — Уж как-нибудь сам доплелся домой, будьте уверены.

— Как он был одет?

— Пальто у него было коричневое.

— А в руке он не держал кнут?

— Кнут? Нет.

— Значит, бросил его где-то поблизости, — пробормотал мой приятель. — Может быть, вы видели или слышали, не проехал ли потом кэб?

— Нет.

— Ну вот вам полсоверена, — сказал Холмс, вставая и берясь за шляпу.

— Боюсь, Рэнс, вы никогда не получите повышения по службе. Головой надо иногда думать, а не носить ее, как украшение. Вчера ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, которого вы поднимали на ноги, ключ к этой тайне, его-то мы и разыскиваем. Сейчас нечего об этом рассуждать, но можете мне поверить, что это так. Пойдемте, доктор!

Оставив нашего констебля в тягостном недоумении, мы направились к кэбу.

— Неслыханный болван! — сердито хмыкнул Холмс, когда мы ехали домой. — Подумать только: прозевать такую редкостную удачу!

— Я все-таки многого тут не понимаю. Действительно, приметы этого человека совпадают с вашим представлением о втором лице, причастном к этой тайне. Но зачем ему было опять возвращаться в дом? Убийцы так не поступают.

— Кольцо, друг мой, кольцо — вот зачем он вернулся. Если не удастся словить его иначе, мы закинем удочку с кольцом. Я его поймаю на эту наживку, ставлю два против одного, что поймаю. Я вам очень благодарен, доктор. Если б не вы, я, пожалуй, не поехал бы и пропустил то, что я назвал бы интереснейшим этюдом. В самом деле, почему бы не воспользоваться жаргоном художников? Разве это не этюд, помогающий изучению жизни? Этюд в багровых тонах, а? Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и поедем слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком, и тон у нее удивительно чистый. Как мотив этой шопеновской вещицы, которую она так прелестно играет? Тра-ля-ля, лира-ля!..

Откинувшись на спинку сиденья, этот сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я думал о том, как разносторонен человеческий ум.

ГЛАВА V. К НАМ ПРИХОДЯТ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Волнения нынешнего утра оказались мне не по силам, и к концу дня я почувствовал себя совершенно разбитым. Когда Холмс уехал на концерт, я улегся на диване, надеясь, что сумею заснуть часа на два. Но не тут-то было. Мозг мой был перевозбужден сегодняшними событиями, в голове теснились самые странные образы и догадки. Стоило мне закрыть глаза, как я видел перед собой искаженное, гориллообразное лицо убитого — лицо, которое нагоняло на меня такую жуть, что я невольно проникался благодарностью к тому, кто отправил его владельца на тот свет. Наверное, еще ни одно человеческое лицо не отражало столь явно самые, низменные пороки, как лицо Еноха Дж. Дреббера из Кливленда. Но правосудие есть правосудие, и порочность жертвы не может оправдать убийцу в глазах закона.

Чем больше я раздумывал об этом преступлении, тем невероятнее казались мне утверждения Холмса, что Енох Дреббер был отравлен. Я вспомнил, как он обнюхивал его губы, — несомненно, он обнаружил что-нибудь такое, что навело его на эту мысль. Кроме того, если не яд, то что же было причиной смерти, раз на мертвеце не оказалось ни раны, ни следов удушения? А с другой стороны, чьей же кровью так густо забрызган пол? В комнате не было никаких признаков борьбы, а на жертве не найдено никакого оружия, которым он мог бы ранить своего противника. И мне казалось, что, пока на все эти вопросы не найдется ответов, ни я, ни Холмс не сможем спать по ночам. Мой приятель держался спокойно и уверенно, — надо полагать, у него уже сложилась какая-то теория, объяснявшая все факты, но какая — я не имел ни малейшего представления.

Мне пришлось ждать Холмса долго — так долго, что не было сомнений: после концерта у него нашлись и другие дела. Когда он вернулся, обед уже стоял на столе.

— Это было прекрасно, — сказал он, садясь за стол. — Помните, что говорит Дарвин о музыке? Он утверждает, что человечество научилось создавать музыку и наслаждаться ею гораздо раньше, чем обрело способность говорить. Быть может, оттого-то нас так глубоко волнует музыка, В наших душах сохранилась смутная память о тех туманных веках, когда мир переживал свое раннее детство.

— Смелая теория, — заметил я.

— Все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа, — ответил Холмс. — Но что это с вами? На вас лица нет. Вас, наверное, сильно взволновала эта история на Брикстон-роуд.

— Сказать по правде, да, — вздохнул я. — Хотя после моих афганских мытарств мне следовало бы стать более закаленным. Когда в Майванде у меня на глазах рубили в куски моих товарищей, я и то не терял самообладания.

— Понимаю. В этом преступлении есть таинственность, которая действует на воображение; где нет пищи воображению, там нет и страха. Вы видели вечернюю газету?

— Нет еще.

— Там довольно подробно рассказано об этом убийстве. Правда, ничего не говорится о том, что, когда подняли труп, на пол упало обручальное кольцо, — но тем лучше для нас!

— Почему?

— Прочтите-ка это объявление. Я разослал его во все газеты утром, когда мы заезжали на почту.

Он положил на стол передо мной газету; я взглянул на указанное место. Первое объявление под рубрикой «Находки» гласило:

«Сегодня утром на Брикстон-роуд, между трактиром «Белый олень» и Холленд-Грув найдено золотое кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, Бейкер-стрит, 221-б, от восьми до девяти вечера».

— Простите, что воспользовался вашим именем, — сказал Холмс. — Если бы я назвал свое, кто-нибудь из этих остолопов догадался бы, в чем дело, и счел бы своим долгом вмешаться.

— О, ради Бога, — ответил я. — Но вдруг кто-нибудь явится, — ведь у меня нет кольца.

— Вот оно, — сказал Холмс, протягивая мне какое-то кольцо. — Сойдет вполне: оно почти такое же.

— И кто же, по-вашему, придет за ним?

— Ну, как кто, конечно, человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг с квадратными носками. А если не он сам, так его сообщник.

— Неужели он не побоится риска?

— Ничуть. Если я правильно понял это дело, а у меня есть основания думать, что правильно, — то этот человек пойдет на все, лишь бы вернуть кольцо. Мне думается, он выронил его, когда нагнулся над трупом Дреббера. А выйдя из дома, хватился кольца и поспешил обратно, но туда по его собственной оплошности уже явилась полиция, — ведь он забыл погасить свечу. Тогда, чтобы отвести подозрения, ему пришлось притвориться пьяным. Теперь попробуйте-ка стать на его место. Подумав, он сообразит, что мог потерять кольцо на улице после того, как вышел из дома. Что же он сделает? Наверняка схватится за вечерние газеты в надежде найти объявление о находке. И вдруг — о радость! — он видит наше объявление. Думаете, он заподозрит ловушку? Никогда. Он уверен, что никому и в голову не придет, что между найденным кольцом и убийством есть какая-то связь. И он придет. Вы его увидите в течение часа.

— А потом что? — спросил я.

— О, предоставьте это мне, У вас есть какое-нибудь оружие?

— Есть старый револьвер и несколько патронов.

— Почистите его и зарядите. Он, конечно, человек отчаянный, и, хоть я поймаю его врасплох, лучше быть готовым ко всему.

Я пошел в свою комнату и сделал все, как он сказал. Когда я вернулся с револьвером, со стола было уже убрано, а Холмс предавался своему любимому занятию — пиликал на скрипке.

— Сюжет усложняется, — сказал он, — Только что я получил из Америки ответ на свою телеграмму. Все так, как я и думал.

— А что такое? — жадно спросил я.

— Надо бы купить новые струны для скрипки, — сказал он. — Спрячьте револьвер в карман. Когда явится этот тип, разговаривайте с ним как ни в чем не бывало. Остальное я беру на себя. И не впивайтесь в него глазами, не то вы его спугнете.

— Уже восемь, — заметил я, взглянув на часы.

— Да. Он, наверное, явится через несколько минут. Чуть-чуть приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Вставьте ключ изнутри… Спасибо. Вчера на лотке я купил занятную старинную книжку — De Jure inter Gentes[3], изданную на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда вышел этот коричневый томик, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

— Кто издатель?

— Какой-то Филипп де Круа. На титульном листе сильно выцветшими чернилами написано: «Ex libris Guliolmi Wnyte»[4]. Любопытно, кто такой был этот Уильям Уайт. Наверное, какой-нибудь дотошный стряпчий семнадцатого века. У него затейливый почерк крючкотвора. А вот, кажется, и наш гость!

Послышался резкий звонок. Шерлок Холмс встал и тихонько подвинул свой стул поближе к двери. Мы услышали шаги служанки в передней и щелканье замка.

— Здесь живет доктор Уотсон? — донесся до нас четкий, довольно грубый голос. Мы не слышали ответа служанки, но дверь захлопнулась, и кто-то стал подниматься по лестнице. Шаги были шаркающие и неуверенные. Холмс прислушался и удивленно поднял брови. Шаги медленно приближались по коридору, затем раздался робкий стук в дверь.

— Войдите, — сказал я.

Вместо грубого силача перед нами появилась древняя, ковыляющая старуха! Она сощурилась от яркого света; сделав реверанс, она остановилась у двери и, моргая подслеповатыми глазками, принялась нервно шарить в кармане дрожащими пальцами. Я взглянул на Холмса — на лице его было такое несчастное выражение, что я с трудом удержался от смеха.

Старая карга вытащила вечернюю газету и ткнула в нее пальцем.

— Я вот зачем пришла, добрые господа, — прошамкала она, снова приседая. — Насчет золотого обручального колечка на Брикстон-роуд. Это дочка моя, Салли, обронила, она только год как замужем, а муж ее плавает буфетчиком на пароходе, и вот было бы шуму, если б он вернулся, а кольца нет! Он и так крутого нрава, а уж когда выпьет — упаси Бог! Коли угодно вам знать, она вчера пошла в цирк вместе с…

— Это ее кольцо? — спросил я.

— Слава тебе Господи! — воскликнула старуха. — Уж как Салли обрадуется! Оно самое, как же!

— Ваш адрес, пожалуйста, — сказал я, взяв карандаш.

— Хаундсдитч, Дункан-стрит, номер 13. Путь до вас не ближний!

— Брикстон-роуд совсем не по дороге от Хаундсдитча к цирку, — резко произнес Холмс.

Старуха обернулась и остро взглянула на него своими маленькими красными глазками.

— Они ведь спросили, где живу я, — сказала она, — а Салли живет в Пекхэме, Мэйсфилд-плейс, дом 3.

— Как ваша фамилия?

— Моя-то Сойер, а ее — Деннис, потому как она вышла за Тома Денниса, — малый он из себя аккуратный, тихий, пока в море, а пароходная компания им не нахвалится, а уж сойдет на берег, тут и женский пол, и пьянки, и…

— Вот ваше кольцо, миссис Сойер, — перебил я, повинуясь знаку, поданному Холмсом. — Оно, несомненно, принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу его вернуть законной владелице.

Бормоча слова благодарности и призывая на меня Божье благословение, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла вниз по лестнице. Едва она успела выйти за дверь, как Шерлок Холмс вскочил со стула и ринулся в свою комнату. Через несколько секунд он появился в пальто и шарфе.

— Я иду за ней, — торопливо бросил он. — Она, конечно, сообщница, и приведет меня к нему. Дождитесь меня, пожалуйста.

Когда внизу захлопнулась дверь за нашей гостьей, Холмс уже сбегал с лестницы. Я выглянул в окно, — старуха плелась по другой стороне улицы, а Холмс шагал за нею, держась немного поодаль. «Либо вся его теория ничего не стоит, — подумал я, — либо сейчас он ухватится за нить, ведущую к разгадке этой тайны».

Просьба дождаться его была совершенно излишней: разве я мог уснуть, не узнав, чем кончилось его приключение?

Он ушел около девяти. Я, конечно, и понятия не имел, когда он вернется, но тупо сидел в столовой, попыхивая трубкой и перелистывая страницы «Vie de Boheme»[5] Мюрже. Пробило десять; по лестнице протопала служанка, отправляясь спать. Вот уже и одиннадцать, и снова шаги; я узнал величавую поступь нашей хозяйки, тоже собиравшейся отходить ко сну. Около двенадцати внизу резко щелкнул замок. Как только Холмс вошел, я сразу понял, что он не мог похвастаться удачей. На лице его боролись смешливость и досада, наконец, чувство юмора взяло верх, и он весело расхохотался.

— Что угодно, лишь бы мои дружки из Скотленд-Ярда не пронюхали об этом! — воскликнул он, бросаясь в кресло. — Я столько раз издевался над ними, что они мне этого ни за что не спустят! А посмеяться над собой я имею право — я ведь знаю, что в конечном счете возьму реванш!

— Да что же произошло? — спросил я.

— Я остался в дураках, — но это не беда. Так вот. Старуха шла по улице, потом вдруг стала хромать, и по всему было видно, что у нее разболелась нога. Наконец она остановилась и подозвала проезжавший мимо кэб. Я старался подойти как можно ближе, чтобы услышать, куда она велит ехать, но мог бы и не трудиться: она закричала на всю улицу: «Дункан-стрит, номер тринадцать!» Неужели же здесь нет обмана, подумал я, но когда она села в кэб, я на всякий случай прицепился сзади — этим искусством должен отлично владеть каждый сыщик. Так мы и покатили без остановок до самой Дункан-стрит. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не спеша пошел по тротуару. Кэб остановился. Кэбмен спрыгнул и открыл дверцу — никого! Когда я подошел, он в бешенстве заглядывал в пустой кэб, и должен сказать, что такой отборной ругани я еще на своем веку не слыхал! Старухи и след простыл, и, боюсь, ему долго придется ждать своих денежек! Мы справились в доме тринадцать — владельцем оказался почтенный обойщик по имени Кесуик, а о Сойерах и Деннисах там никто и не слышал.

— Неужели вы хотите сказать, — изумился я, — что эта немощная хромая старуха выскочила из кэба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

— Какая там к черту старуха! — сердито воскликнул Шерлок Холмс. — Это мы с вами — старые бабы, и нас обвели вокруг пальца! То был, конечно, молодой человек, очень ловкий, и к тому же бесподобный актер. Грим у него был превосходный. Он, конечно, заметил, что за ним следят, и проделал этот трюк, чтобы улизнуть. Это доказывает, что человек, которого мы ищем, действует не в одиночку, как мне думалось, — у него есть друзья, готовые для него пойти на риск. Однако, доктор, вы, я вижу, совсем никуда не годитесь! Ступайте-ка спать, вот что я вам скажу!

Я и в самом деле очень устал, и охотно последовал его совету. Холмс уселся у тлеющего камина, и я еще долго слышал тихие, заунывные звуки его скрипки. Я уже знал, что это значит — Холмс обдумывал странную тайну, которую решил распутать во что бы то ни стало.

ГЛАВА VI. ТОБИАС ГРЕГСОН ДОКАЗЫВАЕТ, НА ЧТО ОН СПОСОБЕН

На следующий день все газеты были полны сообщениями о так называемой «Брикстонской тайне». Каждая газета поместила подробный отчет о происшедшем, а некоторые напечатали и статьи. Из них я узнал кое-что для меня новое. У меня до сих пор хранится множество газетных вырезок, а в записной книжке есть выписка из статей о загадочном убийстве. Вот содержание нескольких из них:

«Дейли телеграф» писала, что в истории преступлений вряд ли можно найти убийство, которому сопутствовали бы столь странные обстоятельства. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие каких-либо явных мотивов и зловещая надпись на стене — все говорит о том, что преступление совершено политическими эмигрантами и революционерами. В Америке много социалистских организаций; по-видимому, убитый нарушил какие-то их неписаные законы и его выследили. Бегло упомянув германский фемгерихт[6], aqua tofana[7], карбонариев, маркизу де Бренвилье[8], теорию Дарвина, теорию Мальтуса и убийства на Рэтклиффской дороге[9], автор статьи под конец призывал правительство быть начеку и требовал усиления надзора за иностранцами в Англии.

«Стандард» подчеркивала, что беззакония такого рода, как правило, происходят при либеральном правительстве. Причина тому — неустойчивое настроение масс, что порождает неуважение к закону. Убитый, по происхождению — американец, прожил в нашей столице несколько недель. Он остановился в пансионе мадам Шарпантье на Торки-Террас, в Камберуэлле. В поездках его сопровождал личный секретарь, мистер Джозеф Стэнджерсон. Во вторник, четвертого числа сего месяца, оба простились с хозяйкой и поехали на Юстонский вокзал к ливерпульскому экспрессу. На перроне их видели вместе. После этого о них ничего не было известно, пока, согласно приведенному выше отчету, тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, в нескольких милях от вокзала. Как он туда попал и каким образом был убит — все это пока окутано мраком неизвестности. «Мы рады слышать, что расследование ведут мистер Лестрейд и мистер Грегсон из Скотленд-Ярда; можно с уверенностью сказать, что с помощью этих известных сыщиков загадка разъяснится очень скоро».

Газета «Дейли ньюс» не сомневалась, что это — убийство на политической почве. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму прибили к нашим берегам множество эмигрантов, которые стали бы превосходными гражданами Англии, если бы не были отравлены воспоминаниями о том, что им пришлось претерпеть. У этих людей существует строгий кодекс чести, и малейшее его нарушение карается смертью. Нужно приложить все усилия, чтобы разыскать секретаря покойного, некоего Стэнджерсона, и разузнать об особенностях и привычках его патрона. Чрезвычайно важно то, что удалось установить адрес дома, где он жил, — это следует целиком приписать энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Мы прочли эти статьи за завтраком; Шерлок Холмс потешался над ними вовсю.

— Я же говорил, — что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон всегда останутся в выигрыше!

— Это зависит от того, какой оборот примет дело.

— Ну что вы, это ровно ничего не значит. Если убийцу поймают, то исключительно благодаря их стараниям; если, он удерет — то несмотря на их старания. Одним словом, — «мне вершки, тебе корешки», и они всегда выигрывают. Что бы они ни натворили, у них всегда найдутся поклонники. Un sot trouve toujours un plus sot qui I'admire[10].

— Боже, что там такое? — воскликнул я, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног и гневные возгласы нашей хозяйки.

— Это отряд уголовной полиции Бейкер-стрит, — серьезно ответил Шерлок Холмс.

В комнату ворвалась целая орава на редкость грязных и оборванных уличных мальчишек.

— Смирно! — строго крикнул Холмс, и шестеро оборванцев, выстроившись в ряд, застыли неподвижно, как маленькие, и, надо сказать, довольно безобразные изваяния. — Впредь с докладом будет приходить один Уиггинс, остальные пусть ждут на улице. Ну что, Уиггинс, нашли?

— Не нашли, сэр, — выпалил один из мальчишек.

— Я так и знал. Ищите, пока не найдете. Вот ваше жалованье. — Холмс дал каждому по шиллингу. — А теперь марш отсюда, и следующий раз приходите с хорошими новостями!

Он махнул им рукой, и мальчишки, как стайка крыс, помчались вниз по лестнице; через минуту их пронзительные голоса донеслись уже с улицы.

— От этих маленьких попрошаек больше толку, чем от десятка полисменов, — заметил Холмс. — При виде человека в мундире у людей деревенеет язык, а эти сорванцы всюду пролезут и все услышат. Смышленый народ, им не хватает только организованности.

— Вы наняли их для Брикстонского дела? — спросил я.

— Да, мне нужно установить один факт. Но это только вопрос времени. Ага! Сейчас мы услышим что-то новенькое насчет убийства из мести. К нам жалует сам Грегсон, и каждая черта его лица источает блаженство.

Нетерпеливо зазвонил звонок; белобрысый сыщик через несколько секунд взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и влетел в нашу гостиную.

— Дорогой коллега, поздравьте меня! — закричал он, изо всех сил тряся покорную руку Холмса. — Я разгадал загадку, и теперь все ясно, как божий день!

Мне показалось, что на выразительном лице моего приятеля мелькнула тень беспокойства.

— Вы хотите сказать, что напали на верный след? — спросил он.

— Да что там след! Ха-ха! Преступник сидит у нас под замком!

— Кто же он такой?

— Артур Шарпантье, младший лейтенант флота ее величества! — воскликнул Грегсон, горделиво выпятив грудь и потирая пухлые руки.

Шерлок Холмс с облегчением вздохнул, и его чуть сжавшиеся губы распустились в улыбке.

— Садитесь и попробуйте вот эти сигары, — сказал он. — Мы горим нетерпением узнать, как это вам удалось. Хотите виски с водой?

— Не возражаю, — ответил сыщик. — Последние два дня отняли у меня столько сил, что я просто валюсь с ног — не столько от физической усталости, конечно, сколько от умственного перенапряжения. Вам это знакомо, мистер Холмс, мы же с вами одинаково работаем головой.

— Вы мне льстите, — с серьезным видом возразил Холмс. — Итак, каким же образом вы пришли к столь блистательным результатам?

Сыщик удобно уселся в кресло и задымил сигарой. Но вдруг он хлопнул себя по ляжке и захохотал.

— Нет, вот что интересно! — воскликнул он. — Этот болван Лестрейд воображает, что умнее всех, а сам пошел по совершенно ложному следу! Он ищет секретаря Стэнджерсона, а этот Стэнджерсон так же причастен к убийству, как неродившееся дитя. А он, наверное, уже посадил его под замок!

Эта мысль показалась Грегсону столь забавной, что он смеялся до слез.

— А как же вы напали на след?

— Сейчас все расскажу. Доктор Уотсон, это, конечно, строго между нами. Первая трудность состояла в том, как разузнать о жизни Дреббера в Америке. Другой бы стал ждать, пока кто-то откликнется на объявление или сам вызовется дать сведения об убитом. Но Тобиас Грегсон работает иначе. Помните цилиндр, что нашли возле трупа?

— Помню, — сказал Холмс. — На нем была марка — «Джон Ундервуд и сыновья», Камберуэлл-роуд, 129.

Грегсон заметно помрачнел.

— Вот уж никак не думал, что вы это заметили, — сказал он. — Вы были в магазине?

— Нет.

— Ха! — с облегчением усмехнулся Грегсон. — В нашем деле нельзя упускать ни единой возможности, хоть и самой малой.

— Для великого ума мелочей не существует, — сентенциозно произнес Холмс.

— Само собой, я пошел к Ундервуду и спросил, не случилось ли ему продать такой-то цилиндр такого-то размера. Он заглянул в свою книгу и сразу же нашел запись. Он послал цилиндр мистеру Дребберу в пансион Шарпантье на Торки-Террас. Вот таким образом я узнал его адрес.

— Ловко, ничего не скажешь, — пробормотал Шерлок Холмс.

— Затем я отправился к миссис Шарпантье, — продолжал детектив. — Она была бледна и, очевидно, очень расстроена. При ней находилась дочь — на редкость хорошенькая, между прочим; глаза у нее были красные, а когда я с ней заговорил, губы ее задрожали. Я, конечно, сразу почуял, что дело тут нечисто. Вам знакомо это ощущение какого-то особого холодка внутри, когда нападаешь на верный след, мистер Холмс? Я спросил:

— Вам известно о загадочной смерти вашего бывшего квартиранта, мистера Еноха Дреббера из Кливленда?

Мать кивнула. У нее, видно, не было силы вымолвить хоть слово. Дочь вдруг расплакалась. Тут мне уже стало ясно: эти женщины что-то знают.

— В котором часу мистер Дреббер уехал на вокзал? — спрашиваю я.

Мать, стараясь побороть волнение, судорожно глотнула воздух.

— В восемь, — ответила она. — Его секретарь, мистер Стэнджерсон, сказал, что есть два поезда: один — в девять пятнадцать, другой — в одиннадцать. Он собирался ехать первым.

— И больше вы его не видели?

Женщина вдруг сильно изменилась в лице. Она стала белой, как мел, и хрипло, через силу произнесла «нет».

Наступило молчание; вдруг дочь сказала ясным, спокойным голосом:

— Ложь никогда не приводит к добру, мама. Давайте скажем все откровенно. Да, мы видели мистера Дреббера еще раз.

— Да простит тебя Бог! — крикнула мадам Шарпантье, всплеснув руками, и упала в кресло. — Ты погубила своего брата!

— Артур сам велел бы нам говорить только правду, — твердо сказала девушка.

— Советую вам рассказать все без утайки, — сказал я. — Полупризнание хуже, чем запирательство. Кроме того, мы сами уже кое-что знаем.

— Пусть же это будет на твоей совести, Алиса! — воскликнула мать и повернулась ко мне. — Я вам расскажу все, сэр. Не подумайте, что я волнуюсь потому, что мои сын причастен к этому ужасному убийству. Он ни в чем не виновен. Я боюсь только, что в ваших глазах и, может быть, в глазах других он будет невольно скомпрометирован. Впрочем, этого тоже быть не может. Порукой тому его кристальная честность, его убеждения, вся его жизнь!

— Вы лучше расскажите все начистоту, — сказал я. — И можете поверить, если ваш сын тут ни при чем, ничего плохого с ним не случится.

— Алиса, пожалуйста, оставь нас вдвоем, — сказала мать, и девушка вышла из комнаты. — Я решила молчать, но раз уж моя бедняжка дочь заговорила об этом, то делать нечего. И поскольку я решилась, то расскажу все подробно.

— Вот это разумно! — согласился я.

— Мистер Дреббер жил у нас почти три недели. Он и его секретарь, мистер Стэнджерсон, путешествовали по Европе. На каждом чемодане была наклейка «Копенгаген» — стало быть, они прибыли прямо оттуда. Стэнджерсон — человек спокойный, сдержанный, но хозяин его, к сожалению, был совсем другого склада. У него были дурные привычки, и вел он себя довольно грубо. Когда они приехали, он в первый же вечер сильно напился, и если уж говорить правду, после полудня вообще не бывал трезвым. Он заигрывал с горничными и позволял себе с ними недопустимые вольности. Самое ужасное, что он вскоре повел себя так и с моей дочерью Алисой и не раз говорил ей такое, чего она, к счастью, по своей невинности даже не могла понять. Однажды он дошел до крайней наглости — схватил ее и стал целовать; даже его собственный секретарь не вытерпел и упрекнул его за столь неприличное поведение.

— Но вы-то почему это терпели? — спросил я. — Вы ведь могли выставить вон ваших жильцов в любую минуту.

Вопрос, как видите, вполне естественный, однако миссис Шарпантье сильно смешалась.

— Видит Бог, я отказала бы им на другой же день, — сказала она, — но слишком велико было искушение — ведь каждый платил по фунту в день — значит, четырнадцать фунтов в неделю, а в это время года так трудно найти жильцов! Я вдова, сын мой служит во флоте, и это стоит немалых денег. Не хотелось лишаться дохода, ну я и терпела, сколько могла. Но последняя его выходка меня совсем уж возмутила, и я сейчас же попросила его освободить комнаты. Потому-то он и уехал.

— А дальше?

— У меня отлегло от сердца, когда они уехали. Сын мой сейчас дома, он в отпуску, но я побоялась рассказать ему — он очень уж вспыльчивый и нежно любит сестру. Когда я заперла за ними дверь, у меня словно камень с души свалился. Но, увы, не прошло и часа, как раздался звонок и мне сказали, что мистер Дреббер вернулся. Он вел себя очень развязно, очевидно, успел порядком напиться. Он вломился в комнату, где сидели мы с дочерью, и буркнул мне что-то невразумительное насчет того, что он-де опоздал на поезд. Потом повернулся к Алисе и прямо при мне предложил ей уехать с ним. «Вы уже взрослая, — сказал он, — и по закону никто вам запретить не может. Денег у меня куча. Не обращайте внимания на свою старуху, едемте вместе сейчас же! Вы будете жить, как герцогиня!» Бедная Алиса перепугалась и бросилась прочь, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и тут вошел мой сын, Артур. Что было потом, я не знаю. Я слышала только злобные проклятия и шумную возню. Я была так напугана, что не смела открыть глаза. Наконец я подняла голову и увидела, что Артур стоит на пороге с палкой в руках и смеется. «Думаю, что наш прекрасный жилец сюда больше не покажется, — сказал он. — Пойду на улицу, погляжу, что он там делает». Артур взял шляпу и вышел. А наутро мы узнали, что мистер Дреббер убит неизвестно кем.

Рассказывая, миссис Шарпантье то вздыхала, то всхлипывала. Временами она даже не говорила, а шептала так тихо, что я еле разбирал слова. Но все, что она сказала, я записал стенографически, чтобы потом не было недоразумений.

— Очень любопытно, — сказал Холмс, зевая. — Ну, и что же дальше?

— Миссис Шарпантье замолчала, — продолжал сыщик, — и тут я понял, что все зависит от одного-единственного обстоятельства. Я посмотрел на нее пристальным взглядом — я не раз убеждался, как сильно он действует на женщин, — и спросил, когда ее сын вернулся домой.

— Не знаю, — ответила она.

— Не знаете?

— Нет, у него есть ключ, он сам отпирает дверь.

— Но вы уже спали, когда он пришел?

— Да.

— А когда вы легли спать?

— Около одиннадцати.

— Значит, ваш сын отсутствовал часа два, не меньше?

— Да.

— А может, четыре или пять часов?

— Может быть.

— Что же он делал все это время?

— Не знаю, — сказала она, так побледнев, что даже губы у нее побелели.

Конечно, после этого уже не о чем было говорить.

Я разузнал, где находится лейтенант Шарпантье, взял с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я тронул его за плечо и велел спокойно идти с нами, он нагло спросил: «Вы, наверное, подозреваете, что я убил этого негодяя Дреббера?» А поскольку об убийстве и речи пока не было, то все это весьма подозрительно.

— Очень, — подтвердил Холмс.

— При нем была палка, с которой он, по словам матери, бросился вслед за Дреббером. Толстая, тяжелая дубинка, сэр.

— Как же, по-вашему, произошло убийство?

— А вот как. Он шел за Дреббером до самой Брикстон-роуд. Там снова завязалась драка. Шарпантье ударил этой палкой Дреббера, всего вероятнее, в живот, — и тот сразу же умер, а на теле никаких следов не осталось. Лил дождь, кругом не было ни души, и Шарпантье оттащил свою жертву в пустой дом. А свеча, кровь на полу, надпись на стене и кольцо — это всего-навсего хитрости, чтобы запутать следствие.

— Молодец! — одобрительно воскликнул Холмс. — Право, Грегсон, вы делаете большие успехи. У вас большая будущность.

— Я тоже доволен собой, кажется, я недурно справился с делом, — горделиво ответил сыщик. — Молодой человек в своих показаниях утверждает, что он пошел за Дреббером, но тот вскоре заметил его и, подозвав кэб, уехал. Шарпантье утверждает, что, возвращаясь домой, он якобы встретил своего товарища по флоту, и они долго гуляли по улицам. Однако он не смог сказать, где живет этот его товарищ. Мне кажется, тут все сходится одно к одному необыкновенно точно. Но Лестрейд-то, Лестрейд! Как подумаю, что он сейчас рыщет по ложному следу, так меня разбирает смех! Смотрите-ка, да вот и он сам!

Да, действительно в дверях стоял Лестрейд — за разговором мы не услышали его шагов на лестнице. Но куда девалась его самоуверенность, его обычная щеголеватость? На лице его была написана растерянность и тревога, измятая одежда забрызгана грязью. Очевидно, он пришел о чем-то посоветоваться с Шерлоком Холмсом, потому что, увидев своего коллегу, был смущен и раздосадован. Он стоял посреди комнаты, нервно теребя шляпу, и, казалось, не знал, как поступить.

— Совершенно небывалый случай, — произнес он наконец, — непостижимо запутанное дело!

— Неужели, мистер Лестрейд! — торжествующе воскликнул Грегсон. — Я не сомневался, что вы придете к такому заключению. Удалось ли вам найти секретаря, мистера Джозефа Стэнджерсона?

— Мистер Джозеф Стэнджерсон, — серьезным тоном сказал Лестрейд, — убит в гостинице «Холлидей» сегодня около шести часов утра.

ГЛАВА VII. ПРОБЛЕСК СВЕТА

Неожиданная и важная весть, которую принес нам Лестрейд, слегка ошеломила всех нас. Грегсон вскочил с кресла, пролив на пол остатки виски с водой. Шерлок Холмс сдвинул брови и крепко сжал губы, а я молча уставился на него.

— И Стэнджерсон тоже… — пробормотал Холмс. — Дело осложняется.

— Оно и без того достаточно сложно, — проворчал Лестрейд, берясь за стул. — Но я, кажется, угодил на военный совет?

— А вы… вы точно знаете, что он убит? — запинаясь, спросил Грегсон.

— Я только что был в его комнате, — ответил Лестрейд. — И первый обнаружил его труп.

— А мы тут слушали Грегсона, который по-своему решил загадку, — заметил Холмс. — Будьте добры, расскажите нам, что вы видели и что успели сделать.

— Пожалуйста, — ответил Лестрейд, усаживаясь на стул. — Не скрою, я держался того мнения, что Стэнджерсон замешан в убийстве Дреббера. Сегодняшнее событие доказало, что я ошибался. Одержимый мыслью о его соучастии, я решил выяснить, где он и что с ним. Третьего числа вечером, примерно в половине девятого, их видели вместе на Юстонском вокзале. В два часа ночи труп Дреббера нашли на Брикстон-роуд. Следовательно, я должен был узнать, что делал Стэнджерсон между половиной девятого и тем часом, когда было совершено преступление, и куда он девался после этого. Я послал в Ливерпуль телеграмму, сообщил приметы Стэнджерсона и просил проследить за пароходами, отходящими в Америку. Затем я объехал все гостиницы и меблированные комнаты в районе Юстонского вокзала. Видите ли, я рассуждал так: если они с Дреббером расстались у вокзала, то скорее всего секретарь переночует где-нибудь поблизости, а утром опять явится на вокзал.

— Они, вероятно, заранее условились о месте встречи, — вставил Холмс.

— Так и оказалось. Вчерашний вечер я потратил на поиски Стэнджерсона, но безуспешно. Сегодня я начал искать его с раннего утра и к восьми часам добрался наконец до гостиницы «Холлидей» на Литл-Джордж-стрит. На вопрос, не живет ли здесь мистер Стэнджерсон, мне сразу ответили утвердительно.

— Вы, наверное, тот джентльмен, которого он поджидает, — сказали мне.

— Он ждет вас уже два дня.

— А где он сейчас? — спросил я.

— У себя наверху, он еще спит. Он просил разбудить его в девять.

— Я сам его разбужу, — сказал я.

Я подумал, что мой внезапный приход застанет его врасплох и от неожиданности он может проговориться насчет убийства. Коридорный вызвался проводить меня до его комнаты — она была на втором этаже и выходила в узенький коридорчик. Показав мне его дверь, коридорный пошел было вниз, как вдруг я увидел такое, от чего, несмотря на мой двадцатилетний опыт, мне едва не стало дурно. Из-под двери вилась тоненькая красная полоска крови, она пересекала пол коридорчика и образовала лужицу у противоположной стены. Я невольно вскрикнул; коридорный тотчас же вернулся назад. Увидев кровь, он чуть не хлопнулся без чувств, Дверь оказалась заперта изнутри, но мы высадили ее плечами и ворвались в комнату. Окно было открыто, а возле него на полу, скорчившись, лежал человек в ночной рубашке. Он был мертв, и, очевидно, уже давно: труп успел окоченеть. Мы перевернули его на спину, и коридорный подтвердил, что это тот самый человек, который жил у них в гостинице под именем Джозефа Стэнджерсона. Смерть наступила от сильного удара ножом в левый бок; должно быть, нож задел сердце. И тут обнаружилось самое странное. Как вы думаете, что мы увидели над трупом?

Прежде чем Холмс успел ответить, я почувствовал, что сейчас услышу что-то страшное, и у меня по коже поползли мурашки.

— Слово «Rache», написанное кровью, — сказал Холмс.

— Да, именно. — В голосе Лестрейда звучал суеверный страх.

Мы помолчали. В действиях неизвестного убийцы была какая-то зловещая методичность, и от этого его преступления казались еще ужаснее. Нервы мои, ни разу не сдававшие на полях сражений, сейчас затрепетали.

— Убийцу видели, — продолжал Лестрейд. — Мальчик, приносивший молоко, шел обратно в молочную через проулок, куда выходит конюшня, что на задах гостиницы. Он заметил, что лестница, всегда валявшаяся на земле, приставлена к окну второго этажа гостиницы, а окно распахнуто настежь. Отойдя немного, он оглянулся и увидел, что по лестнице спускается человек. И спускался он так спокойно, не таясь, что мальчик принял его за плотника или столяра, работавшего в гостинице. Мальчик не обратил особого внимания на этого человека, хотя у него мелькнула мысль, что в такую рань обычно еще не работают. Он припоминает, что человек этот был высокого роста, с красноватым лицом и в длинном коричневом пальто. Он, должно быть, ушел из комнаты не сразу после убийства — он ополоснул руки в тазу с водой и тщательно вытер нож о простыню, на которой остались кровяные пятна.

Я взглянул на Холмса — описание убийцы в точности совпадало с его догадками. Однако лицо его не выражало ни радости, ни удовлетворения.

— Вы не нашли в комнате ничего такого, что могло бы навести на след убийцы? — спросил он.

— Ничего. У Стэнджерсона в кармане был кошелек Дреббера, но тут нет ничего удивительного: Стэнджерсон всегда за него расплачивался. В кошельке восемьдесят фунтов с мелочью, и, очевидно, оттуда ничего не взято. Не знаю, каковы мотивы этих странных преступлений, но только не ограбление. В карманах убитого не обнаружено никаких документов или записок, кроме телеграммы из Кливленда, полученной с месяц назад. Текст ее — «Дж. Х. в Европе». Подписи в телеграмме нет.

— И больше ничего? — спросил Холмс.

— Ничего существенного. На кровати брошен роман, который Стэнджерсон читал на ночь вместо снотворного, а на стуле рядом лежит трубка убитого. На столе стоит стакан с водой, на подоконнике — аптекарская коробочка, и в ней две пилюли.

С радостным возгласом Шерлок Холмс вскочил со стула.

— Последнее звено! — воскликнул он. — Теперь все ясно!

Оба сыщика вытаращили на него глаза.

— Сейчас в моих руках все нити этого запутанного клубка, — уверенно заявил мой приятель. — Конечно, еще не хватает кое-каких деталей, но цепь событий, начиная с той минуты, как Дреббер расстался со Стэнджерсоном на вокзале, и вплоть до того, как вы нашли труп Стэнджерсона, мне ясна, как будто все происходило на моих глазах. И я вам это докажу. Не могли бы вы взять оттуда пилюли?

— Они у меня, — сказал Лестрейд, вытаскивая маленькую белую коробочку. — Я взял и пилюли, и кошелек, и телеграмму, чтобы сдать в полицейский участок. По правде говоря, пилюли я прихватил случайно: я не придал им никакого значения.

— Дайте сюда, — сказал Холмс и повернулся ко мне. — Доктор, как вы думаете, это обыкновенные пилюли?

Нет, пилюли, конечно, нельзя было назвать обыкновенными. Маленькие, круглые, жемчужно-серого цвета, они были почти прозрачными, если смотреть их на свет.

— Судя по легкости и прозрачности, я полагаю, что они растворяются в воде, — сказал я.

— Совершенно верно, — ответил Холмс. — Будьте добры, спуститесь вниз и принесите этого несчастного парализованного терьера, — хозяйка вчера просила усыпить его, чтобы он больше не мучился.

Я сошел вниз и принес собаку. Тяжелое дыхание и стекленеющие глаза говорили о том, что ей недолго осталось жить. Судя по побелевшему носу, она уже почти перешагнула предел собачьего существования. Я положил терьера на коврик у камина.

— Сейчас я разрежу одну пилюлю пополам, — сказал Холмс, вынимая перочинный нож. — Одну половинку мы положим обратно — она еще может пригодиться. Другую я кладу в этот бокал и наливаю чайную ложку воды. Видите, наш доктор прав — пилюля быстро растворяется.

— Да, весьма занятно, — обиженным тоном произнес Лестрейд, очевидно, заподозрив, что над ним насмехаются, — но я все-таки не понимаю, какое это имеет отношение к смерти Джозефа Стэнджерсона?

— Терпение, друг мой, терпение! Скоро вы убедитесь, что пилюли имеют к ней самое прямое отношение. Теперь я добавлю немного молока, чтобы было повкуснее и собака вылакала бы все сразу.

Вылив содержимое бокала в блюдце, он поставил его перед собакой. Та вылакала все до капли. Серьезность Холмса так подействовала на нас, что мы молча, как завороженные, следили за собакой, ожидая чего-то необычайного. Ничего, однако, не произошло. Терьер лежал на коврике, все так же тяжело дыша, но от пилюли ему не стало ни лучше, ни хуже.

Холмс вынул часы; прошла минута, другая, собака дышала по-прежнему, а Шерлок Холмс сидел с глубоко огорченным, разочарованным видом. Он прикусил губу, потом забарабанил пальцами по столу — словом, выказывал все признаки острого нетерпения. Он так волновался, что мне стало его искренне жаль, а оба сыщика иронически улыбались, явно радуясь его провалу.

— Неужели же это просто совпадение? — воскликнул он наконец; вскочив со стула, он яростно зашагал по комнате. — Нет, не может быть! Те самые пилюли, которые, как я предполагал, убили Дреббера, найдены возле мертвого Стэнджерсона. И вот они не действуют! Что же это значит? Не верю, чтобы весь ход моих рассуждений оказался неправильным. Это невозможно! И все-таки бедный пес жив… А! Теперь я знаю! Знаю!

С этим радостным возгласом он схватил коробочку, разрезал вторую пилюлю пополам, растворил в воде, долил молока и поставил перед терьером. Едва несчастный пес лизнул языком эту смесь, как по телу его пробежали судороги, он вытянулся и застыл, словно сраженный молнией.

Шерлок Холмс глубоко вздохнул и отер со лба пот.

— Надо больше доверять себе, — сказал он. — Пора бы мне знать, что если какой-нибудь факт идет вразрез с длинной цепью логических заключений, значит, его можно истолковать иначе. В коробке лежало две пилюли — в одной содержался смертельный яд, другая — совершенно безвредная. Как это я не догадался раньше, чем увидел коробку!

Последняя фраза показалась мне настолько странной, что я усомнился, в здравом ли он уме. Однако труп собаки служил доказательством правильности его доводов. Я почувствовал, что туман в моей голове постепенно рассеивается и я начинаю смутно различать правду.

— Вам всем это кажется сущей дичью, — продолжал Холмс, — потому что в самом начале расследования вы не обратили внимания на единственное обстоятельство, которое и служило настоящим ключом к тайне. Мне посчастливилось ухватиться за него, и все дальнейшее только подтверждало мою догадку и, в сущности, являлось ее логическим следствием. Поэтому все то, что ставило вас в тупик и, как вам казалось, еще больше запутывало дело, мне, наоборот, многое объясняло и только подтверждало мои заключения. Нельзя смешивать странное с таинственным. Часто самое банальное преступление оказывается самым загадочным, потому

что ему не сопутствуют какие-нибудь особенные обстоятельства, которые могли бы послужить основой для умозаключений. Это убийство было бы бесконечно труднее разгадать, если бы труп просто нашли на дороге, без всяких «outre»[11] и сенсационных подробностей, которые придали ему характер необыкновенности, Странные подробности вовсе не осложняют расследование, а, наоборот, облегчают его.

Грегсон, сгоравший от нетерпения во время этой речи, не выдержал.

— Послушайте, мистер Шерлок Холмс, — сказал он, — мы охотно признаем, что вы человек сообразительный и изобрели свой особый метод работы. Но сейчас нам ни к чему выслушивать лекцию по теории. Сейчас надо ловить убийцу. У меня было свое толкование дела, но, кажется, я ошибся. Молодой Шарпантье не может быть причастен ко второму убийству. Лестрейд подозревал Стэнджерсона и, очевидно, тоже промахнулся. Вы все время сыплете намеками и делаете вид, будто знаете гораздо больше нас, но теперь мы вправе спросить напрямик: что вам известно о преступлении? Можете ли вы назвать убийцу?

— Не могу не согласиться с Грегсоном, сэр, — заметил Лестрейд. — Мы оба пытались найти разгадку, и оба ошиблись. С той минуты, как я пришел, вы уже несколько раз говорили, что у вас есть все необходимые улики. Надеюсь, теперь-то вы не станете их утаивать?

— Если медлить с арестом убийцы, — добавил я, — он может совершить еще какие-нибудь злодеяния.

Мы так наседали на Холмса, что он явно заколебался. Нахмурив брови и опустив голову, он шагал по комнате взад и вперед, как всегда, когда он что-то напряженно обдумывал.

— Убийств больше не будет, — сказал он, внезапно остановившись. — Об этом можете не беспокоиться. Вы спрашиваете, знаю ли я имя убийцы. Да, знаю. Но знать имя — это еще слишком мало, надо суметь поймать преступника. Я очень надеюсь, что принятые мною меры облегчат эту трудную задачу, но тут нужно действовать с величайшей осторожностью, ибо нам придется иметь дело с человеком хитрым и готовым на все, и к тому же, как я уже имел случай доказать, у него есть сообщник, не менее умный, чем он сам. Пока убийца не знает, что преступление разгадано, у нас еще есть возможность схватить его; но если у него мелькнет хоть малейшее подозрение, он тотчас же переменит имя и затеряется среди четырех миллионов жителей нашего огромного города. Не желая никого обидеть, я должен все же сказать, что такие преступники не по плечу сыскной полиции, поэтому-то я и не обращался к вашей помощи. Если я потерплю неудачу, вся вина за упущение падет на меня — и я готов понести ответственность. Пока же могу пообещать, что немедленно расскажу вам все, как только я буду уверен, что моим планам ничто не угрожает.

Грегсон и Лестрейд были явно недовольны и этим обещанием и обидным намеком на сыскную полицию. Грегсон вспыхнул до корней своих льняных волос, а похожие на бусинки глаза Лестрейда загорелись гневом и любопытством. Однако ни тот, ни другой не успели произнести ни слова: в дверь постучали, и на пороге появился своей собственной, непрезентабельной персоной представитель уличных мальчишек.

— Сэр, — заявил он, прикладывая руку к вихрам надо лбом, — кэб ждет на улице.

— Молодчина! — одобрительно сказал Холмс. — Почему Скотленд-Ярд не пользуется этой новой моделью? — продолжал он, выдвинув ящик стола и доставая пару стальных наручников. — Смотрите, как прекрасно действует пружина — они захлопываются мгновенно.

— Мы обойдемся и старой моделью, — ответил Лестрейд, — было бы на кого их надеть.

— Отлично, отлично! — улыбнулся Холмс. — Пусть кэбмен пока что снесет вниз мои вещи. Позови его, Уиггинс.

Я удивился: Холмс, видимо, собрался уезжать, а мне не сказал ни слова! В комнате стоял небольшой чемодан; Холмс вытащил его на середину и, став на колени, начал возиться с ремнями.

— Помогите мне затянуть этот ремень, — не поворачивая головы, сказал он вошедшему кэбмену.

Кэбмен с вызывающе пренебрежительным видом шагнул вперед и протянул руки к ремню. Послышался резкий щелчок, металлическое звяканье, и Шерлок Холмс быстро поднялся на ноги. Глаза его блестели.

— Джентльмены, — воскликнул он, — позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Еноха Дреббера и Джозефа Стэнджерсона!

Все произошло в одно мгновение, я даже не успел сообразить, в чем дело. Но в память мою навсегда врезалась эта минута — торжествующая улыбка Холмса и его звенящий голос и дикое, изумленное выражение на лице кэбмена при виде блестящих наручников, словно по волшебству сковавших его руки. Секунду-другую мы, оцепенев, стояли, словно каменные идолы. Вдруг пленник с яростным ревом вырвался из рук Холмса и кинулся к окну. Он вышиб раму и стекло, но выскочить не успел: Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него, как ищейки, и оттащили от окна. Началась жестокая схватка. Рассвирепевший преступник обладал недюжинной силой: как мы ни старались навалиться на него, он то и дело раскидывал нас в разные стороны. Такая сверхъестественная сила бывает разве только у человека, бьющегося в эпилептическом припадке. Лицо его и руки были изрезаны осколками стекла, но, несмотря на потерю крови, он сопротивлялся с ничуть не ослабевавшей яростью. И только когда Лестрейд изловчился просунуть руку под его шарф, схватил его за горло и чуть не задушил, он понял, что бороться бесполезно; все же мы не чувствовали себя в безопасности, пока не связали ему ноги. Наконец, еле переводя дух, мы поднялись с пола.

— Внизу стоит кэб, — сказал Шерлок Холмс. — На нем мы и доставим его в Скотленд-Ярд. Ну что же, джентльмены, — приятно улыбнулся он, — нашей маленькой тайны уже не существует. Прошу вас, задавайте любые вопросы и не опасайтесь, что я откажусь отвечать.

Часть II

Страна Святых

ГЛАВА I. В ВЕЛИКОЙ СОЛЯНОЙ ПУСТЫНЕ

В центральной части огромного североамериканского материка лежит унылая, бесплодная пустыня, с давних времен служившая преградой на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски, от реки Иеллоустон на севере до Колорадо на юге простирается страна безлюдья и мертвой тишины. Но природа и в этом унылом запустении показала свой прихотливый нрав. Здесь есть и высокие горы, увенчанные снежными шапками, и темные, мрачные долины. Здесь есть скалистые ущелья, где пробегают быстрые потоки, и огромные равнины, зимою белые от снега, а летом покрытые серой солончаковой пылью. Но всюду одинаково голо, неприютно и печально.

В этой стране безнадежности не живут люди. Иногда в поисках новых мест для охоты туда забредают индейцы из племени поуни или черноногих, но даже самые отчаянные храбрецы стремятся поскорее покинуть эти зловещие равнины и вернуться в родные прерии. Здесь по кустарникам рыщут койоты, порой в воздухе захлопает крыльями сарыч, и, грузно переваливаясь, пройдет по темной лощине серый медведь, стараясь найти пропитание среди голых скал. Вот, пожалуй, и все обитатели этой глухомани.

Наверное, нет в мире картины безрадостнее той, что открывается с северного склона Сьерра-Бланка. Кругом, насколько хватает глаз, простирается бесконечная плоская равнина, сплошь покрытая солончаковой пылью; лишь кое-где на ней темнеют карликовые кусты чаппараля. Далеко на горизонте высится длинная цепь гор с зубчатыми вершинами, на которых белеет снег. На всем этом огромном пространстве нет ни признаков жизни, ни следов, оставленных живыми существами. В голубовато-стальном небе не видно птиц, и ничто не шевельнется на тусклой серой земле — все обволакивает полная тишина. Сколько ни напрягать

слух, в этой великой пустыне не услышишь ни малейшего звука, здесь царит безмолвие — нерушимое, гнетущее безмолвие.

Выше говорилось, что на равнине нет никаких следов живой жизни; пожалуй, это не совсем верно. С высоты Сьерра-Бланка видна извилистая дорога, которая тянется через пустыню и исчезает где-то вдали. Она изборождена колесами и истоптана ногами многих искателей счастья. Вдоль дороги, поблескивая под солнцем, ярко белеют на сером солончаке какие-то предметы. Подойдите ближе и приглядитесь! Это кости — одни крупные и массивные, другие помельче и потоньше. Крупные кости бычьи, другие же — человеческие. На полторы тысячи миль можно проследить страшный караванным путь по этим вехам — останкам тех, кто погиб в соляной пустыне.

4 мая 1847 года все это увидел перед собой одинокий путник. По виду он мог бы сойти за духа или за демона тех мест. С первого взгляда трудно было определить, сколько ему лет — под сорок или под шестьдесят. Желтая пергаментная кожа туго обтягивала кости его худого, изможденного лица, в длинных темных волосах и бороде серебрилась сильная проседь, запавшие глаза горели неестественным блеском, а рука, сжимавшая ружье, напоминала кисть скелета. Чтобы устоять на ногах, ему приходилось опираться на ружье, хотя, судя по высокому росту и могучему сложению, он должен был обладать крепким, выносливым организмом; впрочем, его заострившееся лицо и одежда, мешком висевшая на его иссохшем теле, ясно говорили, почему он выглядит немощным стариком. Он умирал — умирал от голода и жажды.

Напрягая последние силы, он спустился в лощину, потом одолел подъем в тщетной надежде найти здесь, на равнине, хоть каплю влаги, но увидел перси собой лишь соляную пустыню и цепь неприступных гор вдали. И нигде ни дерева, ни кустика, ни признака воды! В этом необозримом пространстве для него не было ни проблеска надежды. Диким, растерянным взглядом он посмотрел на север, потом на восток и запад и понял, что его скитаниям пришел конец, — здесь, на голой скале, ему придется встретить свою смерть. «Не все ли равно, здесь или на пуховой постели лет через двадцать пять», — пробормотал он, собираясь сесть в тень возле большого валуна.

Но прежде чем усесться, он положил на землю ненужное теперь ружье и большой узел, завязанный серой шалью, который он нес, перекинув через правое плечо. Узел был, очевидно, слишком тяжел для него, — спустив с плеча, он не удержал его в руках и почти уронил на землю. Тотчас раздался жалобный крик и из серой шали высунулись сначала маленькое испуганное личико с блестящими карими глазами, потом два грязных пухлых кулачка.

— Ты меня ушиб! — сердито произнес детский голосок.

— Правда? — виновато отозвался путник. — Прости, я нечаянно.

Он развязал шаль; в ней оказалась хорошенькая девочка лет пяти, в изящных туфельках, нарядном розовом платьице и полотняном переднике; все это свидетельствовало о том, что ее одевала заботливая мать. Лицо девочки побледнело и осунулось, но, судя по крепким ножкам и ручкам, ей пришлось вытерпеть меньше лишений, чем ее спутнику.

— Тебе больно? — забеспокоился он, глядя, как девочка, запустив пальцы в спутанные золотистые кудряшки, потирает затылок.

— Поцелуй, и все пройдет, — важно сказала она, подставляя ему ушибленное место. — Так всегда делает мама. А где моя мама?

— Она ушла. Думаю, ты скоро ее увидишь.

— Ушла? — переспросила девочка. — Как же это она не сказала «до свиданья»? Она всегда прощалась, даже когда уходила к тете пить чай, а теперь ее нет целых три дня. Ужасно пить хочется, правда? Нет ли здесь воды или чего-нибудь поесть?

— Ничего тут нет, дорогая. Потерпи немножко, и все будет хорошо. Положи сюда голову, тебе станет лучше. Нелегко говорить, когда губы сухие, как бумага, но уж лучше я тебе скажу все, как есть. Что это у тебя?

— Смотри, какие красивые! Какие чудесные! — восторженно сказала девочка, подняв два блестящих кусочка слюды. — Когда вернемся домой, я подарю их братцу Бобу.

— Скоро ты увидишь много вещей куда красивее этих, — твердо ответил ее спутник… — Ты только немножко потерпи. Вот что я хотел тебе сказать: ты помнишь, как мы ушли с реки?

— Помню.

— Понимаешь, мы думали, что скоро придем к Другой реке. Не знаю, что нас подвело — компас ли, карта или что другое, только мы сбились с дороги. Вода наша вся вышла, сберегли мы каплю для вас, детишек, и… и…

— И тебе нечем было умыться? — серьезным тоном перебила девочка, глядя в его грустное лицо.

— Да, и попить было нечего. Ну вот, сначала умер мистер Бендер, потом индеец Пит, а за ним миссис Мак-Грегор, Джонни Хоунс и, наконец, твоя мама.

— Мама тоже умерла! — воскликнула девочка и, уткнув лицо в передничек, горько заплакала.

— Да, малышка, все умерли, кроме нас с тобой. Тогда я решил поглядеть, нет ли воды в этой стороне, взвалил тебя на плечи, и мы двинулись дальше. А тут оказалось еще хуже. И нам теперь и вовсе не на что надеяться.

— Значит, мы тоже умрем? — спросила девочка, подняв залитое слезами лицо.

— Да, видно, дело к тому идет.

— Что же ты мне раньше не сказал? — обрадовалась она. — Я так испугалась! Но когда мы умрем, мы же пойдем к маме!

— Ты-то, конечно, пойдешь, милая.

— И ты тоже. Я расскажу маме, какой ты добрый. Наверное, она встретит нас на небе в дверях с кувшином воды и с целой грудой гречишных лепешек, горяченьких и поджаристых, — мы с Бобом так их любили! А долго еще ждать, пока мы умрем?

— Не знаю, должно быть, недолго. — Он не отрываясь смотрел на север, где на самом краю голубого небосвода показались три темные точки. С каждой секундой они становились все больше и все ближе и вскоре превратились в трех крупных коричневых птиц, которые медленно покружили над головами путников и уселись на скале чуть выше них. Это были сарычи, хищники западных равнин, их появление предвещало смерть.

— Курочки, курочки! — радостно воскликнула девочка, указывая на зловещих птиц, и захлопала в ладошки, чтобы они снова взлетели. — Послушай, а это место тоже создал Бог?

Неожиданный вопрос вывел его из задумчивости.

— Конечно!

— Он создал Иллинойс, и Миссури тоже он создал, — продолжала девочка. — А это место, наверное, создал кто-то другой и забыл про деревья и воду. Тут не так хорошо, как там.

— Может, помолимся? — неуверенно предложил ее спутник.

— Но мы же еще не ложимся спать, — возразила девочка.

— Это ничего. Конечно, еще не время для молитвы, но Бог не обидится, ручаюсь тебе. Прочти те молитвы, что ты всегда читала на ночь в повозке, когда мы ехали по долинам.

Девочка удивленно раскрыла глаза.

— А почему ты сам не хочешь?

— Я их позабыл, — сказал он. — Я не молился с тех пор, как был чуть побольше, чем ты. Молись, а я буду повторять за тобой.

— Тогда ты должен стать на колени, и я тоже стану, — сказала девочка, расстилая на земле шаль. — Сложи руки вот так, и тебе сразу станет хорошо.

Это было странное зрелище, которого, впрочем, не видел никто, кроме сарычей. На расстеленной шали бок о бок стояли на коленях двое путников: щебечущий ребенок и отчаянный, закаленный жизнью бродяга. Его изможденное, костлявое лицо и круглая мордашка девочки были запрокинуты вверх; глядя в безоблачное небо, оба горячо молились страшному божеству, с которым они остались один на один. Два голоса — тоненький, звонкий и низкий и хриплый — молили его о милости и прощении. Помолившись, они сели в тени возле валуна; девочка вскоре уснула, прикорнув на широкой груди своего покровителя. Он долго сторожил ее сон, но мало-помалу усталость взяла свое. Три дня и три ночи он не смыкал глаз и не давал себе отдыха. Его отяжелевшие веки постепенно опускались, а голова все ниже и ниже клонилась на грудь, пока его поседевшая борода не коснулась золотистых локонов девочки. Оба спали крепким, тяжелым сном без сновидений.

Если бы путнику удалось побороть сонливость, то через полчаса его глазам представилась бы странная картина. Далеко, на самом краю соляной равнины, показалось крошечное облачко пыли; поначалу еле заметное, сливающееся с дымкой на горизонте, оно постепенно разрасталось вверх и вширь, пока не превратилось в плотную тучу. Она увеличивалась все больше, и наконец стало ясно, что эта пыль поднята множеством движущихся живых существ. Будь эти места более плодородны, можно было бы подумать, что это бизоны, которые огромными стадами пасутся в прериях. Но здесь, в мертвой пустыне, вряд ли водились бизоны. Облако медленно приближалось к одинокой скале, где спали двое несчастных. Сквозь дымку пыли показались парусиновые крыши повозок и силуэты вооруженных всадников — загадочное явление оказалось двигавшимся с, запада караваном. Но каким караваном! Когда головная его часть приблизилась к скале, на горизонте еще не было видно конца. Пересекая огромную равнину, тянулись нестройными вереницами телеги, крытые повозки, всадники, пешие, множество женщин, сгибавшихся под ношей; были здесь и дети, семенившие возле повозок или выглядывавшие из-под белых парусиновых крыш. Очевидно, это была не просто партия переселенцев, а целое кочевое племя, которое какие-то обстоятельства вынудили искать себе нового пристанища. В ясном воздухе над этим громадным скопищем людей плыл разноголосый гул, смешанный с топотом, ржанием лошадей и скрипом колес. Но как ни громок был этот шум, он не разбудил обессиленных путников, спавших на скале.

Во главе колонны ехало несколько всадников в темной домотканой одежде и с ружьями за спиной. Лица их были неподвижны и суровы. У подножия скалы они остановились и стали совещаться.

— Родники направо, братья, — сказал всадник с гладко выбритым лицом, жестким складом рта и сильной проседью в волосах.

— Направо от Сьерра-Бланка, — стало быть, мы выедем к Рио-Гранде, — отозвался другой.

— Не бойтесь остаться без воды! — воскликнул третий. — Тот, кто мог высечь воду из скал, не покинет свой избранный народ!

— Аминь! Аминь! — подхватили остальные.

Они собирались двинуться дальше, как вдруг самый молодой и зоркий из них удивленно вскрикнул, указывая на зубчатый утес над ними. Вверху, ярко выделяясь на сером камне, трепетал клочок розовой ткани. Всадники мгновенно сдержали лошадей и перекинули ружья на грудь. Отделившись от колонны, к ним на подмогу галопом поскакала еще группа всадников. У всех на устах было одно слово: «Краснокожие».

— Тут не может быть много индейцев, — сказал седоволосый человек, судя по всему, глава отряда. — Мы миновали племя поуни, а по эту сторону гор других племен нет.

— Брат Стэнджерсон, я пойду вперед и посмотрю, что там такое, — вызвался один из всадников.

— И я! И я! — раздались голоса.

— Оставьте лошадей здесь, мы будем ждать вас внизу, — распорядился старший.

Молодые люди мгновенно спрыгнули с лошадей и, привязав их, начали карабкаться по крутизне вверх, к розовому предмету, разжегшему их любопытство. Они взбирались быстро и бесшумно, с той ловкостью и уверенностью движений, какая бывает только у опытных лазутчиков. Стоявшие внизу следили, как они перепрыгивали с уступа на уступ, пока наконец не увидели их фигуры вверху, на фоне неба. Тот юноша, что первый поднял тревогу, опередил остальных. Люди, шедшие следом, вдруг увидели, как он удивленно вскинул руки, и, догнав его, тоже остановились, пораженные представшим перед ними зрелищем.

На маленькой площадке, венчавшей голую вершину, высился гигантский валун, а возле него лежал крупный, но невероятно исхудалый мужчина с длинной бородой. По безмятежному выражению его изможденного лица и по ровному дыханию было видно, что он крепко спит. Рядом, обхватив его темную жилистую шею круглыми беленькими ручками и положив голову ему на грудь, спала девочка. Ее золотистые волосы рассыпались по вытертому бархату его куртки, розовые губы чуть раздвинулись в счастливой улыбке, показывая ровный ряд белоснежных зубов. Ее пухлые белые ножки в белых носочках и аккуратных туфельках с блестящими пряжками представляли странный контраст с длинными высохшими ногами ее спутника. Над ними, на краю скалы, торжественно и мрачно восседали три сарыча; при появлении пришельцев они с хриплым, сердитым клекотом медленно взмыли вверх.

Крик этих мерзких птиц разбудил спящих; они подняли головы, растерянно озираясь вокруг. Мужчина, шатаясь, встал и поглядел вниз, на равнину, такую пустынную в тот час, когда его сморил сон, а теперь кишевшую множеством людей и животных. Не веря своим глазам, он провел рукой по лицу.

— Вот это, наверное, и есть предсмертный бред, — пробормотал он. Девочка стояла рядом, держась за полу его куртки, и молча глядела вокруг широко раскрытыми глазами.

Пришельцам быстро удалось убедить несчастных, что их появление не галлюцинация. Один из них поднял девочку и посадил себе на плечо, а двое других, поддерживая изможденного путника, помогли ему спуститься вниз и подойти к каравану.

— Меня зовут Джоном Ферье, — сказал он. — Нас было двадцать два человека, остались в живых только я да эта малютка. Остальные погибли от голода и жажды еще там, на юге.

— Это твоя дочь? — спросил кто-то.

— Теперь моя! — вызывающе сказал путник. — Моя, потому что я ее спас. Никому ее не отдам! С этого дня она — Люси Ферье. Но вы-то кто? — спросил он, с любопытством глядя на своих рослых загорелых спасителей. — Похоже, вас тут целая туча!

— Почти десять тысяч! — ответил один из молодых людей. — Мы божьи чада в изгнании, избранный народ ангела Мерена.

— В первый раз о таком слышу, — сказал путник. — Порядочно же у него избранников, как я погляжу!

— Не смей кощунствовать! — строго прикрикнул его собеседник. — Мы те, кто верит в святые заповеди, начертанные египетскими иероглифами на скрижалях кованого золота, которые были вручены святому Джозефу Смиту в Палмайре. Мы прибыли из Нову в штате Иллинойс, где мы построили свой храм. Мы скрываемся от жестокого тиранства и от безбожников и ищем убежище, пусть даже среди голой пустыни.

Название «Нову», видимо, что-то напомнило Джону Ферье.

— А, теперь знаю, — сказал он. — Вы мормоны[12].

— Да, мы мормоны, — в один голос подтвердили незнакомцы.

— Куда же вы направляетесь?

— Мы не знаем. Нас ведет рука Господа в лице нашего Провидца. Сейчас ты предстанешь перед ним. Он скажет, что с тобой делать.

К этому времени они уже спустились к подножию горы; их ждала целая толпа пилигримов — бледные, кроткие женщины, крепенькие, резвые дети и озабоченные мужчины с суровыми глазами. Увидев, как изможден путник и как мала шедшая с ним девочка, они разразились возгласами удивления и сочувствия. Но сопровождающие, не останавливаясь, вели их дальше, пока не очутились возле повозки, которая была гораздо больше остальных и украшена ярче и изящнее. Ее везла шестерка лошадей, другие же повозки были запряжены парой и лишь немногие — четверкой. Рядом с возницей сидел человек лет тридцати на вид; такая крупная голова и волевое лицо могли быть только у вождя. Он читал толстую книгу в коричневом переплете; когда подошла толпа, он отложил книгу и со вниманием выслушал рассказ о происшедшем. Затем он повернулся к путникам.

— Мы возьмем вас с собой, — торжественно произнес он, — лишь в том случае, если вы примете нашу веру. Мы не потерпим волков в нашем стаде. Если вы окажетесь червоточиной, постепенно разъедающей плод, то пусть лучше ваши кости истлеют в пустыне. Согласны вы идти с нами на этих условиях?

— Да, я пойду с вами на каких угодно условиях! — с такой пылкостью воскликнул Ферье, что суровые старейшины не могли удержаться от улыбки. И только строгое выразительное лицо вождя не изменило прежнего выражения.

— Возьми его к себе, брат Стэнджерсон, — сказал он, — накорми и напои его и ребенка. Поручаю тебе также научить их нашей святой вере. Но мы слишком долго задержались. Вперед, братья! В Сион!

— В Сион! В Сион! — воскликнули стоявшие поблизости мормоны. Этот клич, подхваченный остальными, понесся по длинному каравану и, перейдя в неясный гул, затих где-то в дальнем его конце. Защелкали кнуты, заскрипели колеса, Повозки тронулись с места, и караван снова потянулся через пустыню. Старейшина, попечениям которого Провидец поручил двух путников, отвел их в свой фургон, где их накормили обедом.

— Вы будете жить здесь, — сказал он. — Пройдет несколько дней, и ты совсем окрепнешь. Но не забывай, что отныне и навсегда ты принадлежишь к нашей вере. Так сказал Бригем Янг[13], а его устами говорил Джозеф Смит, то есть глас Божий.

ГЛАВА II. ЦВЕТОК ЮТЫ

Здесь, пожалуй, не место вспоминать все бедствия и лишения, которые пришлось вынести беглым мормонам, пока они не нашли свою тихую пристань. С беспримерным в истории упорством они пробирались от берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор. Дикари, хищные звери, голод, жажда, изнеможение и болезни — словом, все препятствия, которые природа ставила на их пути, преодолевались с чисто англосаксонской стойкостью. И все же долгий путь и бесконечные беды расшатали волю даже самых отважных. Когда внизу перед ними открылась залитая солнцем широкая долина Юты, когда они услышали от своего вождя, что это и есть земля обетованная и что эта девственная земля отныне будет принадлежать им навеки, все, как один, упали на колени, в жарких молитвах благодаря Бога.

Янг оказался не только смелым вожаком, но и толковым управителем. Вскоре появились карты местности и чертежи с планировкой будущего города. Вокруг него были разбиты участки для ферм, распределявшиеся соответственно положению каждого. Торговцам предоставили возможность заниматься торговлей, ремесленникам — своим ремеслом. Городские улицы и площади возникали словно по волшебству. В долине осушали болота, ставили изгороди,

расчищали поля, сажали, сеяли, и на следующее лето она золотилась зреющей пшеницей. В этом необычном поселении все росло, как на дрожжах. И быстрее всего вырастал огромный храм в центре города; с каждым днем он становился все выше и обширней. С ранней зари до наступления ночи возле этого монумента, воздвигаемого поселенцами тому, кто благополучно провел их через множество опасностей, стучали молотки и визжали пилы.

Два одиноких путника, Джон Ферье и маленькая девочка, делившая его судьбу в качестве приемной дочери, прошли с мормонами до конца их трудных странствий. Маленькая Люси удобно путешествовала в повозке Стэнджерсона, где вместе с нею помещались три жены мормона и его сын, бойкий, своевольный мальчик двенадцати лет. Детская душа обладает упругостью, и Люси быстро оправилась от удара, причиненного смертью матери; вскоре она стала любимицей женщин и привыкла к новой жизни на колесах под парусиновой крышей. А Ферье, окрепнув после невзгод, оказался полезным проводником и неутомимым охотником. Он быстро завоевал уважение мормонов, и, добравшись наконец до земли обетованной, они единодушно решили, что он заслуживает такого же большого и плодородного участка земли, как и все прочие поселенцы, разумеется, за исключением Янга и четырех главных старейшин — Стэнджерсона, Кемболла, Джонстона и Дреббера, которые были на особом положении.

На своем участке Ферье поставил добротный бревенчатый сруб, а в последующие годы делал к нему пристройки, и в конце концов его жилище превратилось в просторный загородный дом. Ферье обладал практической сметкой, любое дело спорилось в его ловких руках, а железное здоровье позволяло ему трудиться на своей земле от зари до зари, поэтому дела на ферме шли отлично. Через три года он стал зажиточнее всех своих соседей, через шесть лет был состоятельным человеком, через девять — богачом, а через двенадцать лет в Солт-Лейк-Сити не нашлось бы и десяти человек, которые могли бы сравняться с ним. От Солт-Лейк-Сити до далекого хребта Уосатч не было имени известнее, чем имя Джона Ферье.

И только одно-единственное обстоятельство огорчало и обижало его единоверцев. Никакие доводы и уговоры не могли заставить его взять себе, по примеру прочих, несколько жен. Он не объяснял причины отказа, но держался своего решения твердо и непреклонно. Одни обвиняли его в недостаточной приверженности к принятой им вере, другие считали, что он просто скупец и не желает лишних расходов. Некоторые утверждали, что всему причиной старая любовь и что где-то на берегах Атлантического океана по нему тоскует белокурая красавица. Но как бы то ни было, Ферье упорно оставался холостяком. В остальном же он строго следовал вере поселенцев и слыл человеком набожным и честным.

Люси Ферье росла в бревенчатом доме и помогала приемному отцу во всех его делах. Мать и нянек ей заменяли свежий горный воздух и целительный аромат сосен. Время шло, и с каждым годом она становилась все выше и сильнее, все ярче рдел ее румянец, и все более упругой делалась походка. И не в одном путнике, проезжавшем по дороге мимо фермы Ферье, оживали вдруг давно заглохшие чувства при виде стройной девичьей фигурки, мелькавшей на пшеничном поле или сидевшей верхом на отцовском мустанге, которым она правила с легкостью и изяществом настоящей дочери Запада. Бутон превратился в цветок, и в тот год, когда Джон Ферье оказался самым богатым из фермеров, его дочь считалась самой красивой девушкой во всей Юте.

Конечно, не отец был первым, кто заметил превращение ребенка в женщину. Отцы вообще замечают это редко. Перемена совершается так постепенно и неуловимо, что ее невозможно определить точной датой. Ее не сознает даже сама девушка, пока от звука чьего-то голоса или прикосновения чьей-то руки не затрепещет ее сердце и она вдруг с гордостью и страхом не почувствует, что в ней зреет что-то новое и большое. Редкая женщина не запомнит на всю жизнь тот пустяковый случай, который возвестил ей зарю новой жизни. Для Люси Ферье этот случай был отнюдь не пустяковым, не говоря уже о том, что он повлиял на ее судьбу и судьбы многих других.

Стояло жаркое июньское утро. Мормоны трудились, как пчелы, — недаром они избрали своей эмблемой пчелиный улей. Над полями, над улицами стоял деловитый гул. По пыльным дорогам тянулись длинные вереницы нагруженных тяжелой поклажей мулов — они шли на запад, ибо в Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, а путь по суше проходил через город Избранных. Туда же двигались гурты овец и волов с дальних пастбищ, тянулись караваны усталых переселенцев; нескончаемое путешествие одинаково изматывало и людей и животных.

Сквозь эту пеструю толчею с уверенностью искусного наездника скакала на своем мустанге Люси Ферье. Лицо ее раскраснелось, длинные каштановые волосы развевались за спиной. Отец послал ее в город с каким-то поручением, и, думая лишь о деле и о том, как она его выполнит, девушка с бесстрашием юности врезалась в самую гущу движущейся толпы. Охотники за золотом, обессиленные долгой дорогой, с восторженным изумлением глазели ей вслед. Даже бесстрастным индейцам, обвешанным звериными шкурами, изменила их привычная выдержка, и они восхищенно разглядывали эту бледнолицую красавицу.

У самой окраины города дорогу запрудило огромное стадо скота, с ним еле справлялись пять-шесть озверевших пастухов. Люси, горевшей нетерпением, показалось, что животные расступились, и она решила ехать напрямик сквозь стадо. Но едва она успела въехать в образовавшийся проезд, как ряды животных снова сомкнулись, и она очутилась в живом потоке, со всех сторон окруженная длиннорогими быками с налитыми кровью глазами. Девушка привыкла управляться со скотом и, ничуть не растерявшись, при каждой возможности подгоняла лошадь, надеясь пробиться вперед. К несчастью, один из быков случайно или намеренно боднул мустанга в бок, и тот мгновенно пришел в неистовство. Храпя от ярости, он взвился на дыбы, загарцевал, заметался так, что, будь Люси менее искусной наездницей, он непременно сбросил бы ее с седла. Положение становилось опасным. Каждый раз, опуская передние копыта, взбешенный мустанг снова натыкался на рога и снова вставал на дыбы, разъяряясь еще больше. Девушка изо всех сил старалась удержаться в седле, иначе ее ждала страшная смерть под копытами грузных, перепуганных быков. Она не знала, что делать; у нее закружилась голова, рука, сжимавшая поводья, ослабела. Задыхаясь от пыли, от запаха разгоряченных животных, она в отчаянии чуть было не выпустила из рук поводья, как вдруг рядом послышался ободряющий голос, и она поняла, что ей пришли на помощь. И тотчас же смуглая мускулистая рука схватила испуганного мустанга за уздечку, и незнакомый всадник, протискиваясь между быков, вскоре вывел его на окраинную улицу.

— Надеюсь, вы не пострадали, мисс? — почтительно обратился к Люси ее спаситель.

Взглянув в его энергичное смуглое лицо, она весело рассмеялась.

— Я ужасно струсила, — наивно сказала она, — вот уж не думала, что мой Пончо испугается стада быков!

— Слава Богу, что вы удержались в седле, — серьезно произнес всадник, высокий молодой человек в грубой охотничьей куртке и с длинным ружьем за спиной. Лошадь под ним была крупная, чалой масти.

— Вы, должно быть, дочь Джона Ферье? — спросил он. — Я видел, как вы выезжали из ворот его фермы. Когда вы его увидите, спросите, помнит ли он Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Ферье, то они с моим отцом были очень дружны.

— Почему же вам не зайти и не спросить об этом самому? — спокойно спросила девушка.

Молодому человеку, очевидно, понравилось это предложение — у него даже заблестели глаза.

— Я бы с удовольствием, — сказал он, — но мы два месяца пробыли в горах, и я не знаю, удобно ли в таком виде делать визиты. Придется принять нас такими, как есть.

— Он примет вас с огромной благодарностью, и я тоже, — ответила Люси. — Он очень любит меня. Если бы меня растоптали эти быки, он горевал бы всю жизнь.

— Я тоже, — сказал молодой охотник.

— Вы? Но вам-то что до меня? Ведь мы с вами даже не друзья.

Смуглое лицо охотника так помрачнело, что Люси Ферье громко рассмеялась.

— О, не принимайте это всерьез, — сказала она. — Конечно, теперь вы наш друг. Приходите к нам непременно! А сейчас я должна торопиться, иначе отец ничего не станет мне поручать! До свиданья!

— До свиданья! — Он снял свое широкое сомбреро и наклонился к ее маленькой ручке. Люси круто повернула мустанга, стегнула его хлыстом и поскакала по широкой дороге, вздымая за собой облако пыли.

Джефферсон Хоуп-младший вернулся к своим спутникам. Он был угрюм и молчалив. Они искали в горах Невады серебро и возвратились в Солт-Лейк-Сити, надеясь собрать денег для разработки открытых ими залежей. Он был увлечен этим делом не меньше остальных, пока внезапное происшествие не отвлекло его мысли совсем в иную сторону.

Образ прелестной девушки, чистой и свежей, как ветерок Сьерры, до глубины всколыхнул его пылкую, необузданную душу. Когда она скрылась из виду, он понял, что отныне для него началась новая жизнь и что ни спекуляции с серебром, ни любые другие дела не могут быть для него важнее, чем это неожиданное и всепоглощающее чувство. Это была не юношеская мимолетная влюбленность, а бурная, неистовая страсть человека с сильной волей и властным характером. Он привык добиваться всего, чего хотел. Он поклялся себе, что добьется и теперь, если только удача зависит от напряжения всех сил и от всей настойчивости, на какую он способен.

В тот же вечер он пришел к Джону Ферье и потом навещал его так часто, что вскоре стал своим человеком в доме. Джон целых двенадцать лет не выезжал за пределы долины и к тому же был настолько поглощен своей фермой, что почти ничего не знал о том, что делается в мире. А Джефферсон Хоуп мог рассказать немало, и рассказчик он был такой, что его заслушивались и отец и дочь. Он был пионером в Калифорнии и знал много диковинных историй о том, как в те безумные и счастливые дни создавались и гибли целые состояния. Он был разведчиком необжитых земель, искал в горах серебряную руду, промышлял охотой и работал на ранчо. Если что-либо сулило рискованные приключения, Джефферсон Хоуп всегда был тут как тут. Вскоре он стал любимцем старого фермера, который не скупился на похвалы его достоинствам. Люси при этом обычно помалкивала, но горячий румянец и радостно блестевшие глаза ясно говорили о том, что ее сердце ей уже не принадлежит. Простодушный фермер, быть может, и не видел этих красноречивых признаков, но они не ускользнули от внимания того, кто завоевал ее любовь.

Однажды летним вечером он подскакал верхом к ферме и спешился у ворот. Люси, стоявшая на пороге дома, пошла ему навстречу. Он привязал лошадь к забору и зашагал по дорожке.

— Я уезжаю, Люси, — сказал он, взяв ее руку в свои и нежно глядя ей в глаза. — Я не прошу вас ехать со мной сейчас, но согласны ли вы уехать со мной, когда я вернусь?

— А когда вы вернетесь? — засмеялась она, краснея.

— Самое большее месяца через два. Я приеду и увезу вас, дорогая моя. Никто не посмеет стать между нами.

— А что скажет отец?

— Он согласен, если дела на рудниках пойдут хорошо. А я в этом не сомневаюсь.

— Ну, если вы с отцом уже столковались, что же мне остается делать… — прошептала девушка, прижавшись щекой к его широкой груди.

— Благодарю тебя, Господи! — хрипло произнес он и, нагнувшись, поцеловал девушку. — Значит, решено! Чем дольше я останусь с тобой, тем труднее будет уехать. Меня ждут в каньоне. До свиданья, радость моя, до свиданья. Увидимся через два месяца.

Он наконец оторвался от нее, вскочил на лошадь и бешеным галопом поскакал прочь — даже не оглянулся, словно боясь, что, если увидит ее хоть раз, у него не хватит силы уехать. Стоя у ворот, Люси глядела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Тогда она вошла в дом, чувствуя, что счастливее ее нет никого во всей Юте.

ГЛАВА III. ДЖОН ФЕРЬЕ БЕСЕДУЕТ С ПРОВИДЦЕМ

С тех пор, как Джефферсон Хоуп и его товарищи уехали из Солт-Лейк-Сити, прошло три недели. Сердце Джона Ферье сжималось от тоски при мысли о возвращений молодого человека и о неизбежной разлуке со своей приемной дочерью. Однако сияющее личико девушки действовало на него сильнее любых доводов, и он почти примирился с неизбежностью. В глубине своей мужественной души он твердо решил, что никакая сила не заставит его выдать дочь за мормона. Он считал, что мормонский брак — это стыд и позор. Как бы он ни относился к догмам мормонской веры, в вопросе о браке он был непоколебим. Разумеется, ему приходилось скрывать свои убеждения, ибо в стране святых в те времена было опасно высказывать еретические мысли.

Да, опасно, и настолько опасно, что даже самые благочестивые не осмеливались рассуждать о религии иначе, как шепотом, боясь, как бы их слова не были истолкованы превратно и не навлекли бы на них немедленную кару. Жертвы преследования сами стали преследователями и отличались при этом необычайной жестокостью. Ни севильская инквизиция, ни германский фемгерихт, ни тайные общества в Италии не могли создать более мощной организации, чем та, что темной тенью стлалась по всему штату Юта.

Организация эта была невидима, окутана таинственностью и поэтому казалась вдвое страшнее. Она была всеведущей и всемогущей, но действовала незримо и неслышно. Человек, высказавший хоть малейшее сомнение в непогрешимости мормонской церкви, внезапно исчезал, и никто не ведал, где он и что с ним сталось. Сколько ни ждали его жена и дети, им не суждено было увидеть его и узнать, что он испытал в руках его тайных судей. Неосторожное слово или необдуманный поступок неизбежно вели к уничтожению виновного, но никто не знал, что за страшная сила гнетет их. Не удивительно, что люди жили в непрерывном страхе, и даже посреди пустыни они не смели шептаться о своих тягостных сомнениях.

Поначалу эта страшная темная сила карала только непокорных — тех, кто, приняв веру мормонов, отступался от нее или нарушал ее догмы. Вскоре, однако, ее стали чувствовать на себе все больше и больше людей. У мормонов не хватало взрослых женщин; а без женского населения доктрина о многоженстве теряла всякий смысл. И вот поползли странные слухи — слухи об убийствах среди переселенцев, о разграблении их лагерей, причем в тех краях, где никогда не появлялись индейцы. А в гаремах старейшин появлялись новые женщины — тоскующие, плачущие, с выражением ужаса, застывшим на их лицах. Путники, проезжавшие в горах поздней ночью, рассказывали о шайках вооруженных людей в масках, которые бесшумно прокрадывались мимо них в темноте. Слухи и басни обрастали истинными фактами, подтверждались и подкреплялись новыми свидетельствами, и наконец эта темная сила обрела точное название. И до сих пор еще в отдаленных ранчо Запада слова «союз данитов» или «ангелы-мстители» вызывают чувство суеверного страха.

Но, узнав, что это за организация, люди стали бояться ее не меньше, а больше. Никто не знал, из кого состояла эта беспощадная секта. Имена тех, кто участвовал в кровавых злодеяниях, совершенных якобы во имя религии, сохранялись в глубокой тайне. Друг, которому вы поверяли свои сомнения относительно Провидца и его миссии, мог оказаться одним из тех, которые, жаждая мести, явятся к вам ночью с огнем и мечом. Поэтому каждый боялся своего соседа и никто не высказывал вслух своих сокровенных мыслей.

В одно прекрасное утро Джон Ферье собрался было ехать в поля, как вдруг услышал стук щеколды. Выглянув в окно, он увидел полного рыжеватого мужчину средних лет, который направлялся к дому. Ферье похолодел: это был не кто иной, как великий Бригем Янг.

Ферье, дрожа, бросился к двери встречать вождя мормонов — он знал, что это появление не сулит ничего хорошего. Янг сухо ответил на приветствия и, сурово сдвинув брови, прошел вслед за ним в гостиную.

— Брат Ферье, — сказал он, усевшись и сверля фермера взглядом из-под светлых ресниц, — мы, истинно верующие, были тебе добрыми друзьями. Мы подобрали тебя в пустыне, где ты умирал от голода, мы разделили с тобой кусок хлеба, мы привезли тебя в Обетованную долину, наделили тебя хорошей землей и, покровительствуя тебе, дали возможность разбогатеть. Разве не так?

— Так, — ответил Джон Ферье.

— И взамен мы потребовали только одного: чтобы ты приобщился к истинной вере и во всем следовал ее законам. Ты обещал, но если то, что говорят о тебе, правда, значит, ты нарушил обещание.

— Как же я его нарушил? — протестующе поднял руки Ферье. — Разве я не вношу свою долю в общий фонд? Разве я не хожу и храм? Разве я…

— Где твои жены? — перебил Янг, оглядываясь вокруг. — Пусть придут, я хочу с ними поздороваться.

— Это верно, я не женат. Но женщин мало, и многие среди нас нуждаются в них больше, чем я. Я все-таки не одинок — обо мне заботится моя дочь.

— Вот о дочери я и хочу поговорить с тобой, — сказал вождь мормонов.

— Она уже взрослая и слывет цветком Юты; она пришлась по сердцу некоторым достойнейшим людям.

Джон Ферье насторожился.

— О ней болтают такое, чему я не склонен верить. Ходят слухи, что она обручена с каким-то язычником. Это, конечно, пустые сплетни. Что сказано в тринадцатой заповеди святого Джозефа Смита? «Каждая девица, исповедующая истинную веру, должна быть женой одного из избранных; если же она станет женой иноверца, то совершит тяжкий грех». Я не могу поверить, чтобы ты, истинно верующий, позволил своей дочери нарушить святую заповедь.

Джон Ферье молчал, нервно теребя свой хлыст.

— Вот это будет испытанием твоей веры — так решено на Священном Совете Четырех. Девушка молода, мы не хотим выдавать ее за седого старика и не станем лишать ее права выбора. У нас, старейшин, достаточно своих телок[14], но мы должны дать жен нашим сыновьям. У Стэнджерсона есть сын, у Дреббера тоже, и каждый из них с радостью примет в дом твою дочь. Пусть она выберет одного из двух. Оба молоды, богаты и исповедуют нашу святую веру. Что ты на это скажешь?

Ферье, сдвинув брови, молчал.

— Дайте нам время подумать, — сказал он наконец. — Моя дочь еще очень молода, ей рано выходить замуж.

— Она должна сделать свой выбор за месяц, — ответил Янг, подымаясь с места. — Ровно через месяц она обязана дать ответ.

В дверях он обернулся; лицо его вдруг налилось кровью, глаза злобно сверкнули.

— Если ты, Джон Ферье, — почти закричал он, — вздумаешь о своими слабыми силенками противиться приказу Четырех, то ты пожалеешь, что твои и ее кости не истлели тогда на Сьерра-Бланка!

Погрозив ему кулаком, он вышел за дверь. Ферье молча слушал, как хрустит галька на дорожке под его тяжелыми сапогами.

Он сидел, упершись локтем в колено, и раздумывал, как сообщить обо всем этом дочери, но вдруг почувствовал ласковое прикосновение руки и, подняв голову, увидел, что Люси стоит рядом.

— Я не виновата, — сказала она, отвечая на его недоуменный взгляд. — Его голос гремел по всему дому. Ах, отец, отец, что нам теперь делать?

— Ты только не бойся! — Он притянул девушку к себе и ласково провел широкой грубой ладонью по ее каштановым волосам. — Все уладится. Как тебе кажется, ты еще не начала остывать к этому малому?

В ответ послышалось горькое всхлипывание, и ее рука стиснула руку отца.

— Значит, нет. Ну и слава Богу — не хотел бы я услышать, что ты его разлюбила. Он славный мальчик и настоящий христианин к тому же, не то, что здешние святоши, несмотря на все их молитвы и проповеди. Завтра в Неваду едут старатели — я уж как-нибудь дам ему знать, что с нами приключилось. И насколько я понимаю, он примчится сюда быстрее, чем телеграфная депеша!

Это сравнение рассмешило Люси, и она улыбнулась сквозь слезы.

— Он приедет и посоветует, как нам быть, — сказала она. — Но мне страшно за тебя, дорогой. Говорят… говорят, что с теми, кто идет наперекор Провидцу, всегда случается что-то ужасное…

— Но мы еще не идем ему наперекор, — возразил отец. — А дальше видно будет, еще успеем поостеречься. У нас впереди целый месяц, а потом, мне думается, нам лучше всего бежать из Юты.

— Бросить Юту!

— Да, примерно так.

— А наша ферма?

— Постараемся продать, что можно, выручим немного денег, а остальное — что ж, пусть пропадает. По правде говоря, Люси, я уже не раз подумывал об этом. Ни перед кем я не могу пресмыкаться, как здешний народ пресмыкается перед этим чертовым Провидцем. Я свободный американец, и все это не по мне. А переделывать себя уже поздно. Если он вздумает шататься вокруг нашей фермы, то, чего доброго, навстречу ему вылетит хороший заряд дроби!

— Но они нас не выпустят!

— Погоди, пусть приедет Джефферсон, и мы все устроим. А пока ни о чем не беспокойся, девочка, и не плачь, а то у тебя опухнут глазки, и мне от него здорово попадет! Бояться нечего, и никакая опасность нам не грозит.

Джон Ферье успокаивал ее весьма уверенным тоном, но Люси не могла не заметить, что в этот вечер он с особой тщательностью запер все двери, а потом вычистил и зарядил старое, заржавленное охотничье ружье, которое висело у него над кроватью.

ГЛАВА IV. ПОБЕГ

На следующее утро после разговора с мормонским Провидцем Джон Ферье отправился в Солт-Лейк-Сити и, найдя знакомого, который уезжал в горы Невады, вручил ему письмо для Джефферсона Хоупа. Он написал, что им угрожает неминуемая опасность и что крайне необходимо, чтобы он приехал поскорее. Когда Ферье отдал письмо, на душе у него стало легче, и, возвращаясь домой, он даже повеселел.

Подойдя к ферме, он удивился, увидев, что к столбам ворот привязаны две лошади. Удивление его возросло, когда он вошел в дом: в гостиной весьма непринужденно расположились двое молодых людей. Один, длиннолицый и бледный, развалился в кресле-

качалке, положив ноги на печь; второй, с бычьей шеей и грубым, одутловатым лицом, стоял у окна, заложив руки в карманы, и насвистывал церковный гимн. Оба кивнули вошедшему Ферье.

— Вы, вероятно, нас не знаете, — начал тот, что сидел в кресле-качалке. — Это сын старейшины Дреббера, а я Джозеф Стэнджерсон, который странствовал с вами в пустыне, когда Господь простер свою руку и направил вас в лоно истинной церкви.

— Как направит он всех людей на свете, когда придет время, — гнусавым голосом подхватил второй, — У Бога для праведных места много.

Джон Ферье холодно поклонился. Он догадался, кто они, эти гости.

— Мы пришли, — продолжал Стэнджерсон, — просить руки вашей дочери для того из нас, кто полюбится вам и ей. Правда, поскольку у меня всего четыре жены, а у брата Дреббера — семь, то у меня есть некоторое преимущество.

— Ничего подобного, брат Стэнджерсон! — воскликнул Дреббер. — Дело вовсе не в том, сколько у кого жен, — главное, кто сможет их содержать. Мне отец передал свои фабрики, стало быть, я теперь богаче тебя.

— Зато виды на будущее у меня лучше! — запальчиво возразил Стэнджерсон. — Когда Господь призовет к себе моего отца, мне достанется его кожевенный завод и дубильня. Кроме того, я старше тебя и выше по положению!

— Пусть девушка выберет сама, — усмехнулся Дреббер, любуясь своим отражением в зеркале. — Мы предоставим решать ей.

Джон Ферье слушал этот разговор у двери, кипя от злости и еле сдерживая желание обломать свой хлыст о спины гостей.

— Ну, вот что, — сказал он, шагнув вперед. — Когда моя дочь вас позовет, тогда и придете, а до тех пор я не желаю видеть ваши физиономии!

Молодые мормоны остолбенело воззрились на хозяина. По их понятиям, спор из-за девушки был высочайшей честью и для нее и для ее отца.

— Из этой комнаты два выхода, — продолжал Ферье, — через дверь и через окно. Который вы предпочитаете?

Ярость, исказившая его лицо, и угрожающе поднятый кулак заставили гостей вскочить на ноги и поспешно обратиться в бегство. Старый фермер шел за ними до дверей.

— Когда договоритесь, кто из вас жених, дайте мне знать, — с издевкой сказал он.

— Ты за это поплатишься! — выкрикнул Стэнджерсон, побелев от злости.

— Ты ослушался Провидца и Совет Четырех и будешь раскаиваться в этом до конца своих дней!

— Тяжело тебя покарает десница Божья! — воскликнул Дреббер-младший. — Мы сотрем тебя с лица земли!

— Еще посмотрим, кто кого, — взревел Ферье и бросился было за ружьем, но Люси удержала его, схватив за руку.

А за воротами уже слышался стук копыт, и Ферье понял, что их теперь не догнать.

— Ах, подлые ханжи! — бранился фермер, отирая со лба пот. — Да лучше мне видеть тебя мертвой, чем женой кого-нибудь из них!

— Я тоже предпочла бы умереть, отец, — твердо сказала девушка. — Но ведь скоро приедет Джефферсон.

— Да. Теперь уже скоро. И чем скорее, тем лучше: от них всего можно ожидать.

И в самом деле, мужественный старый фермер и его приемная дочь сейчас отчаянно нуждались в совете и помощи. Среди мормонов еще не было случая, чтобы кто-нибудь оказывал открытое неповиновение старейшинам. Если даже мелкие проступки карались столь сурово, чего же мог ждать такой бунтарь, как Ферье? Он знал, что ни положение, ни богатство

его не спасут. Люди не менее известные и состоятельные, чем он, внезапно исчезали навсегда, а все их имущество переходило к церкви. Ферье был далеко не труслив, и все же он трепетал, думая о нависшей над ним таинственной, неосязаемой угрозе. Любую явную опасность он встретил бы, не теряя присутствия духа, но его страшила неизвестность. Он скрывал этот страх от дочери и делал вид, будто все происшедшее — сущие пустяки, но любовь к отцу сделала ее прозорливой, и она подмечала все оттенки его настроения и ясно видела, что ему сильно не по себе.

Он ждал, что Янг возмутится его поведением и призовет его к ответу, и не ошибся, хотя это случилось совершенно неожиданным образом. На следующее же утро он, проснувшись, с изумлением обнаружил маленький квадратный листок бумаги, пришпиленный к одеялу прямо у него на груди. Крупным размашистым почерком на нем было написано:

«На искупление вины тебе дается двадцать девять дней, а потом —».

Тире было страшнее всяких угроз. Ферье тщетно ломал голову, стараясь догадаться, как могла эта бумажка попасть к нему в комнату. Слуги спали в отдельном флигеле, а все окна и двери дома были накрепко заперты. Он уничтожил бумажку и ничего не сказал дочери, но сердце его холодело от ужаса. Двадцать девять дней оставалось до конца месяца, то есть срока, назначенного Янгом. Какое же мужество, какие силы нужны для борьбы с врагом, обладающим такой таинственной властью? Рука, приколовшая к его одеялу записку, могла нанести ему удар в сердце, и он так и не узнал бы, кто его убийца.

На другое утро ему стало еще страшнее. Сидя с ним за завтраком, Люси вдруг удивленно вскрикнула и показала на потолок. Там, на самой середине, было выведено — очевидно, обугленной палкой — число «28». Для Люси это было загадкой, а Ферье не стал ей ничего объяснять. Всю эту ночь он просидел с ружьем в руках, не смыкая глаз и навострив слух. Он ничего не увидел и не услышал, но утром снаружи на двери появилось число «27».

Так проходил день за днем, и каждое утро он неизменно убеждался, что незримые враги ведут точный счет и где-нибудь на виду обязательно оставляют напоминание о том, сколько дней осталось до конца назначенного срока. Иногда роковые цифры появлялись на стенах, иногда — на полу, а то и на листках бумаги, приклеенных к садовой калитке или к доскам забора. При всей своей бдительности Джон Ферье так и не мог обнаружить, каким образом появлялись эти ежедневные предупреждения. Каждый раз при виде цифр его охватывал почти суеверный ужас. Он потерял покой, исхудал, и в глазах его стоял тоскливый страх, как у затравленного зверя. Его поддерживала лишь единственная надежда на то, что вот-вот из Невады примчится молодой охотник.

Число двадцать постепенно сократилось до пятнадцати, пятнадцать до десяти, а от Джефферсона Хоупа все не было никаких вестей. Количество оставшихся дней таяло, но Хоуп не появлялся. Услышав на улице стук конских копыт или окрик возчика, погонявшего лошадей, старый фермер бросался к воротам, надеясь, что наконец-то пришла помощь. Но когда цифра пять сменилась четверкой, а четверка тройкой, он совсем пал духом и перестал надеяться на спасение. Он понимал, что один, да еще плохо зная окружающие горы, он будет совершенно беспомощен. Все проезжие дороги тщательно охранялись, и никто не мог выехать без пропуска, выданного Советом Четырех. Куда ни поверни, нигде не скрыться от нависшей над ним смертельной опасности. И все-таки ничто не могло поколебать его решения скорее расстаться с жизнью, чем обречь свою дочь на позор и бесчестие.

Однажды вечером он сидел один, уйдя в мысли о своей беде и тщетно стараясь найти какой-нибудь выход. Утром на стене дома появилась цифра «2»; завтра — последний день назначенного срока. И что будет потом? Воображение смутно рисовало ему всякие ужасы. А дочь — что будет с ней, когда его не станет? Неужели нет способа вырваться из этой паутины, плотно облепившей их обоих? Он уронил голову на стол и заплакал от сознания своего бессилия.

Но что это? До него донесся легкий скребущий звук, отчетливо слышный в ночной тишине. Звук этот шел от входной двери. Ферье прокрался в прихожую и напряженно прислушался. Несколько секунд полной тишины, затем снова тот же чуть слышный и словно бы вкрадчивый звук. Очевидно, кто-то тихонько постукивал пальцем по дверной филенке. Быть может, ночной убийца, явившийся привести в исполнение приговор тайного судилища? Или это напоминание о том, что наступил последний день отпущенного ему срока? Джон Ферье решил, что мгновенная смерть лучше мучительного ожидания, которое истерзало его сердце и заставляло трепетать каждый нерв. Бросившись вперед, он выдернул засов и распахнул дверь.

Снаружи было тихо и спокойно. Стояла ясная ночь, в небе ярко переливались звезды. Фермер оглядел маленький, огороженный решеткой садик перед домом — ни там, ни на улице не было ни души. Облегченно вздохнув, Ферье посмотрел направо и налево и вдруг, случайно опустив глаза, увидел прямо у своих ног ничком распростертого на земле человека.

Ферье в ужасе отпрянул к стене и схватился за горло, чтобы подавить крик. Первой его мыслью было, что человек на земле ранен или мертв; но тот вдруг быстро и бесшумно, как змея, пополз по земле прямо в дом. Очутившись в прихожей, человек вскочил на ноги и запер дверь. Затем обернулся — и изумленный фермер узнал жесткое и решительное лицо Джефферсона Хоупа.

— Господи! — задыхаясь, произнес Джон Ферье. — Как ты меня напугал! Почему ты явился ползком?

— Дайте мне поесть, — прохрипел Хоуп. — Двое суток у меня не было во рту ни крошки. — Он набросился на холодное мясо и хлеб, оставшиеся на столе после ужина, и жадно поглощал кусок за куском.

— Как Люси? — спросил он, утолив голод.

— Ничего. Она не знает, в какой мы опасности, — ответил Ферье.

— Это хорошо. За домом следят со всех сторон. Вот почему мне пришлось ползти. Но как они ни хитры, а охотника из Уошоу им не поймать!

Почувствовав, что теперь у него есть преданный союзник, Джон Ферье словно переродился. Он схватил загрубевшую руку Хоупа и крепко стиснул.

— Таким, как ты, можно гордиться, — сказал он. — Не многие бы рискнули разделить с нами такую беду!

— Что верно, то верно, — ответил молодой охотник. — Я очень вас уважаю, но, по чести сказать, будь вы один, я бы еще дважды подумал, прежде чем совать голову в это осиное гнездо. Я приехал из-за Люси, и пока Джефферсон Хоуп ходит по земле, с ней ничего не случится!

— Что же мы будем делать?

— Завтра — последний день, и если сегодня не скрыться, вы погибли. В Орлином ущелье нас ждут две лошади и мул. Сколько у вас денег?

— Две тысячи долларов золотом и пять тысяч банкнотами.

— Достаточно. У меня примерно столько же. Надо пробраться через горы в Карсон-Сита. Разбудите Люси. Хорошо, что слуги спят не в доме.

Пока Ферье помогал дочери собираться в путешествие, Джефферсон Хоуп собрал в узелок все съестное, что нашлось в доме, и наполнил глиняный кувшин водой — он знал по опыту, что в горах источников мало, к тому же они находятся далеко один от другого. Едва он закончил сборы, как явился фермер с дочерью, уже одетой и готовой отправиться в путь. Влюбленные поздоровались пылко, но торопливо: сейчас нельзя было терять ни минуты, а дел предстояло еще много.

— Мы должны выйти немедленно, — сказал Джефферсон Хоуп тихо и твердо, как человек, сознающий, насколько велика опасность, но решивший не сдаваться. — За передним и черным

ходом следят, но мы можем осторожно вылезти в боковое окно и пойти полями. Выйдем к дороге, а оттуда всего две мили до Орлиного ущелья, где нас ждут лошади. К рассвету мы проедем половину пути через горы.

— А что, если нас задержат? — спросил Ферье.

Джефферсон похлопал по рукоятке револьвера, торчащей из-под его куртки.

— Если их будет слишком много, то двух-трех мы возьмем с собой, — мрачно усмехнулся он.

В доме потушили свет, и Ферье из темного окна поглядел на свои поля, которые он покидал навсегда. Он давно уже приучал себя к мысли о том, что эта жертва неизбежна: честь и счастье дочери были для него дороже утраченного состояния. Вокруг стояла безмятежная тишь, чуть слышно шелестели деревья, широкие поля дышали покоем, и было трудно представить себе, что где-то там притаилась смерть. Однако, судя по бледности и суровому выражению лица молодого охотника, пробираясь к дому, он видел достаточно и был осторожным не зря.

Ферье взял мешок с деньгами, Джефферсон Хоуп — скудный запас еды и воду, а Люси — маленький сверток с несколькими дорогими ее сердцу вещицами. Очень медленно и осторожно открыв окно, они подождали, пока черная туча не наползла на небо, закрыв собою звезды, и тогда один за другим спустились в маленький садик. Пригнувшись и затаив дыхание, они прокрались к забору и бесшумно двинулись вдоль него к пролому, выходившему в пшеничное поле. Внезапно молодой человек толкнул своих спутников в тень, и все трое, дрожа, приникли к земле.

Жизнь в прериях развила у Джефферсона Хоупа острый, рысий слух. Едва он и его друзья успели растянуться на земле, как в нескольких шагах раздался заунывный крик горной совы; в ответ послышался такой же крик где-то неподалеку. И тотчас же в проломе, куда стремились беглецы, возникла неясная темная фигура; опять тот же жалобный условный крик — и из темноты выступил второй человек.

— Завтра в полночь, — произнес первый, по-видимому, начальник. — Когда трижды прокричит козодой.

— Хорошо, — ответил второй. — Сказать брату Дребберу?

— Скажи ему, а он пусть передаст другим. Девять к семи!

— Семь к пяти! — сказал второй, и они разошлись в разные стороны. Последние слова, очевидно, были паролем и отзывом. Когда шаги их затихли вдали, Джефферсон вскочил на ноги, помог своим спутникам пройти через пролом и побежал по полю, поддерживая девушку и почти неся ее на руках, когда она выбивалась из сил.

— Скорей, скорей! — то и дело шептал он, задыхаясь. — Мы прошли линию часовых. Теперь все зависит от быстроты. Скорей!

Попав наконец на дорогу, где идти было легче, беглецы зашагали быстрее. Лишь однажды им кто-то попался навстречу, но им удалось вовремя броситься в поле, и они остались незамеченными. Не доходя до города, охотник свернул на узкую каменистую тропу, ведшую в горы. В темноте над ними маячили две черные зубчатые вершины, разделенные узким ущельем, — это и было Орлиное ущелье, где беглецов ждали лошади. С безошибочным чутьем Джефферсон Хоуп провел своих спутников между огромных валунов и затем по высохшему руслу потока к укромному месту среди скал, где были привязаны верные животные. Девушку усадили на мула, старый Ферье со своим мешком сел на одну из лошадей, другую же Джефферсон Хоуп, взяв под уздцы, повел по крутой, обрывистой тропе.

Это был трудный путь для тех, кто не привык к природе в самом первобытном ее состоянии. С одной стороны на тысячу футов вверх вздымалась огромная скала, черная, суровая и грозная, с длинными базальтовыми столбами вдоль отвесной стены, похожими на

ребра окаменевшего чудовища. С другой стороны — обрыв и дикий хаос внизу, нагромождение каменных глыб и обломков, по которым ни пройти, ни проехать. А посредине беспорядочно петляла тропа, местами такая узкая, что ехать по ней можно было лишь гуськом; и такая скалистая, что одолеть ее мог только опытный наездник. И все же, несмотря на трудности и опасности, беглецы воспрянули духом, ибо с каждым шагом увеличивалось расстояние между ними и той страшной деспотической силой, от которой они пытались спастись.

Однако вскоре им пришлось убедиться, что они еще не совсем ушли из-под власти святых. Они доехали до самого глухого места на всем пути, как вдруг девушка испуганно вскрикнула и указала наверх. Там, над самой тропинкой, на темной скале четко выделялся на фоне неба силуэт одинокого часового. И в ту же минуту часовой заметил их, и над безмолвным ущельем прогремел окрик: «Кто идет?»

— Путники в Неваду, — отозвался Джефферсон Хоуп, хватаясь за ружье, лежавшее поперек седла.

Часовой, взведя курок, вглядывался в них сверху, видимо, не удовлетворенный ответом Хоупа.

— Кто дал разрешение? — спросил он.

— Священный Совет Четырех, — сказал Ферье. Живя среди мормонов, он знал, что Совет Четырех представляет собою высшую власть.

— Девять к семи! — крикнул часовой.

— Семь к пяти, — быстро ответил Джефферсон Хоуп, вспомнив подслушанный в саду пароль.

— Проезжайте с Богом, — сказал голос сверху.

За сторожевым постом дорога стала шире, и лошади перешли на рысь. Оглянувшись, путники увидели одинокого человека, который стоял, опершись на ружье, и поняли, что благополучно миновали границу страны избранного народа. Впереди их ждала свобода!

ГЛАВА V. АНГЕЛЫ-МСТИТЕЛИ

Всю ночь они ехали по извилистым ущельям, по петляющим каменистым тропам. Не раз они сбивались с пути, но Хоуп, отлично знавший горы, снова выводил их на правильную дорогу. Когда рассвело, перед ними открылось зрелище удивительной, хотя и дикой красоты. Со всех сторон их обступали огромные снежные вершины — каждая словно выглядывала из-за плеча другой, чтобы увидеть дальние горизонты. Их скалистые склоны были так круты, что сосны и лиственницы как бы висели над головами проезжих и, казалось, первый же порыв ветра сбросит их вниз. И, наверное, эти опасения были не напрасны: голая долина была сплошь усеяна деревьями и валунами, рухнувшими сверху. Когда беглецы проезжали долиной, где-то неподалеку сорвался огромный камень и с сиплым грохотом покатился вниз, будя эхо в гулких ущельях и перепугав усталых лошадей, которые вдруг понеслись вскачь.

Над горизонтом медленно вставало солнце, и снежные вершины загорались одна за другой, как фонарики на празднестве, пока все сразу не запылали красным пламенем. Путники невольно залюбовались этим великолепным зрелищем — они даже ощутили прилив новых сил. Сделав привал у ручья, вытекавшего из какого-то ущелья, они наскоро перекусили и напоили лошадей. Люси и ее отец охотно остались бы здесь подольше, но Джефферсон Хоуп был неумолим.

— Они уже пустились в погоню за нами, — сказал он. — Теперь все зависит от быстроты. Доберемся до Карсона — и можем отдыхать хоть всю жизнь.

Весь день они пробирались по ущельям и к вечеру, по их расчетам, были больше чем за тридцать миль от своих врагов. Они нашли себе приют на ночь под выступом скалы, где кое-как можно было укрыться от холодного ветра, и там, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, проспали несколько часов, но еще до рассвета снова пустились в путь. Они не

замечали никаких признаков погони, и Джефферсон Хоуп начал уже думать, что им удалось ускользнуть от страшной организации, гнев которой они навлекли на себя. Он не знал, как далеко простирается ее железная рука и как скоро она сожмет их в кулак и раздавит.

В середине второго дня их странствий скудные запасы еды почти истощились. Впрочем, это мало беспокоило охотника: в горах водилась дичь, а ему и прежде часто приходилось добывать себе пищу с помощью ружья. Найдя укромный уголок, он собрал кучу валежника и разжег яркий костер, чтобы Люси и старый Ферье могли погреться. Они находились на высоте около пяти тысяч футов над уровнем моря, и воздух резко похолодал. Привязав лошадей и кивнув на прощание Люси, он перебросил ружье через плечо и отправился на поиски какой-нибудь дичи. Пройдя немного, он оглянулся: старик и девушка сидели у костра, а за ними неподвижно стояли привязанные лошади. Затем их заслонили собою скалы.

Он прошел мили две, блуждая по ущельям, но ничего не нашел, хотя по ободранной кое-где коре деревьев и по другим приметам он заключил, что где-то поблизости обитает множество медведей. Потратив на тщетные поиски часа два-три, он вконец отчаялся и хотел было повернуть обратно, как вдруг, подняв глаза, увидел нечто такое, от чего радостно забилось его сердце. На выступе высокой скалы, футах в трехстах — четырехстах над ним стояло животное, с виду похожее на овцу, но с гигантскими рогами. Снежный баран — так называлось это животное — был, вероятно, вожаком стада, которого Хоуп не мог увидеть снизу. К счастью, баран смотрел в другую сторону и не заметил охотника. Джефферсон Хоуп бросился на землю, положил дуло ружья на камень и долго прицеливался, прежде чем спустить курок. Наконец он выстрелил; животное подпрыгнуло, чуть-чуть задержалось на краю выступа и рухнуло вниз в долину.

Снежный баран оказался таким тяжеловесным, что охотник не стал тащить его на себе и отрезал лишь заднюю ногу и часть бока. Взвалив свои трофеи на плечо, он поспешил в обратный путь, так как начинало уже смеркаться. Но не успел он пройти и нескольких шагов, как понял, что, увлекшись поисками, он забрел в незнакомые места и теперь будет не так-то легко отыскать дорогу обратно. Долину окружали ущелья, ничем не отличавшиеся одно от другого. По какому-то из них он прошел около мили и наткнулся на горный поток, который, как он точно помнил, не встречался ему по пути в долину. Убедившись, что он заблудился, охотник попробовал было пойти по другому ущелью — и опять ему пришлось повернуть обратно. Быстро надвигалась ночь и почти уже стемнело, когда он наконец нашел ущелье, которое показалось ему знакомым. Но и тут ему стоило большого труда не сбиться с пути: луна еще не взошла, и среди высоких скал царила полная тьма. Сгибаясь под тяжелой ношей, измученный бесконечными блужданиями, Джефферсон Хоуп брел вперед, подбадривая себя мыслью, что с каждым шагом он все ближе к Люси и что мяса, которое он несет, хватит им до конца путешествия.

Наконец, он подошел ко входу в то самое ущелье, где оставил Люси и ее отца. Даже в темноте Хоуп узнал очертания скал, окружавших долину. Должно быть, подумал он, о нем уже беспокоятся — ведь он ушел почти пять часов назад. У него стало радостно на душе; он приставил руки ко рту, и гулкое эхо далеко разнесло веселый клич, которым он оповещал о своем возвращении. Он прислушался, ожидая ответа. Ни звука, кроме его собственного голоса, прогремевшего в мрачных безмолвных ущельях и снова и снова повторяемого эхом. Он крикнул еще раз, погромче прежнего, и опять не услышал никакого отклика от друзей, с которыми так недавно расстался. В сердце его закралась неясная, беспричинная тревога; он в смятении ринулся вперед, сбросив с плеч свою ношу.

Обогнув скалу, он увидел площадку, где был разведен костер. Там еще дымилась куча золы, но, очевидно, никто не поддерживал огонь после его ухода. Вокруг царила все та же мертвая тишина. Его смутные опасения превратились в уверенность; он подбежал ближе. Возле тлеющих остатков костра не было ни одного живого существа: девушка, старик, лошади

— все исчезли. Было ясно, что в его отсутствие сюда нагрянула страшная беда — беда, которая настигла их всех, не оставив никаких следов.

У Джефферсона Хоупа, потрясенного тяжким ударом, вдруг все поплыло перед глазами, и ему пришлось опереться на ружье, чтобы не упасть. Однако он был человеком действия и быстро преодолел свою слабость. Выхватив из золы тлеющую головешку, он дул, пока она не запылала, и, светя себе этим факелом, принялся осматривать маленький лагерь. Земля была истоптана конскими копытами, значит, на беглецов напал большой отряд всадников, а по направлению следов было видно, что отсюда они повернули обратно, к Солт-Лейк-Сити. Очевидно, они увезли с собой и старика и девушку. Джефферсон Хоуп почти убедил себя, что это так, но вдруг сердце его дрогнуло и нервы напряглись до предела. Чуть поодаль он увидел нечто такое, чего здесь не было прежде, — небольшую кучку красноватой земли. Сомнений быть не могло — это недавно засыпанная могила. Молодой охотник подошел ближе: из земли торчала палка, в ее расщепленный конец был засунут листок бумаги. Джефферсон Хоуп прочел краткую, но исчерпывающую надпись:

Джон Ферье
из Солт-Лейк-Сити
умер 4 августа 1860.

Значит, мужественного старого фермера, с которым он расстался так недавно, уже нет в живых и вот это — все, что написали на его могиле! Джефферсон Хоуп дико огляделся вокруг, ища вторую могилу. Второй не оказалось. Люси увезли с собой эти чудовища, она обречена быть одной из жен в гареме сына старейшины. Поняв, что судьба ее решена и что он бессилен помешать мормонам, молодой человек горько пожалел, что не лежит вместе со стариком в этой тихой могиле.

Но деятельная натура снова преодолела апатию, которую порождает отчаяние. Если он не в силах помочь девушке, то по крайней мере может посвятить свою жизнь отмщению. Наряду с безграничным терпением и настойчивостью в характере Джефферсона Хоупа была и мстительность — это, вероятно, передалось ему от индейцев, среди которых он вырос. Стоя у потухшего костра, он чувствовал, что облегчить его горе может только полное возмездие врагам, совершенное его собственной рукой. Отныне его сильная воля и неутомимая энергия будут посвящены только этой единственной цели. Бледный и угрюмый, Джеффесон Хоуп пошел туда, где он бросил мясо убитого барана, потом развел огонь и приготовил себе еду на несколько дней. Он сложил мясо в мешок и, несмотря на усталость, отправился в путь через горы, по следам ангелов-мстителей.

Пять дней, чуть не падая от изнеможения, сбивая до крови ноги, брел он по тем же ущельям, где недавно проезжал верхом. Ночью он забывался на несколько часов где-нибудь на земле среди скал, но еще до рассвета поднимался и снова шагал дальше. На шестой день он дошел до Орлиного ущелья, откуда начался их неудачный побег. Перед ним открылся вид на гнездо мормонов. Джефферсон Хоуп, обессилевший, изможденный, оперся на ружье и яростно погрозил кулаком широко раскинувшемуся внизу безмолвному городу. Он увидел флаги на главных улицах: очевидно, там происходило какое-то торжество. Раздумывая, что бы это могло значить, он услышал топот копыт — к нему приближался какой-то всадник. Хоуп узнал в нем мормона по имени Каупер, которому он не раз оказывал услуги. Он подошел к нему, надеясь выведать что-нибудь о судьбе Люси.

— Я Джефферсон Хоуп, — сказал он. — Вы меня помните?

Мормон уставился на него с нескрываемым изумлением. И в самом деле, трудно было узнать прежнего молодого щеголеватого охотника в этом грязном оборванце с мертвенно-бледным лицом и горящими глазами. Но когда он в конце концов убедился, что перед ним Джефферсон Хоуп, изумление на его лице сменилось ужасом.

— Вы с ума сошли! Зачем вы сюда явились? — воскликнул он. — Если кто увидит, что я с вами разговариваю, мне несдобровать! Священный Совет Четырех дал приказ арестовать вас за то, что вы помогли сбежать Ферье и его дочери!

— Не боюсь я ни вашего Совета, ни его приказов, — твердо сказал Хоуп.

— Вы, должно быть, что-нибудь о них знаете. Заклинаю вас всем, что для вас дорого, ответьте мне на несколько вопросов. Мы же были друзьями. Ради Бога, не отказывайте мне в этой просьбе!

— Ну, что вам нужно? — беспокойно озираясь, спросил мормон. — Скорее только. У скал есть уши, а у деревьев — глаза.

— Что с Люси Ферье?

— Ее вчера обвенчали с младшим Дреббером. Эй, эй, да что с вами такое? Вы просто помертвели!

— Пустяки, — побелевшими губами еле выговорил Хоуп и опустился на камень. — Вы говорите, обвенчали?

— Да, вчера. Потому и флаги возле храма вывесили. Младший Дреббер и младший Стэнджерсон все спорили, кому из них она достанется. Оба были в отряде, который помчался в погоню, и Стэнджерсон застрелил ее отца, и это вроде бы давало ему преимущество, но на Совете у Дреббера была сильная поддержка, и Провидец отдал девушку ему. Только, думается мне, ненадолго, вчера по лицу ее было видно, что не жить ей на этом свете. Не женщина стояла под венцом, а привидение. Вы что, уходите?

— Ухожу, — сказал Джефферсон Хоуп, поднимаясь.

Его застывшее, суровое лицо, казалось, было высечено из мрамора, и только глаза горели недобрым огнем.

— Куда же вы идете?

— Это неважно, — ответил он и, вскинув ружье на плечо, побрел в ущелье, а оттуда — в самое сердце гор, к логовам хищных зверей. Среди них не было более опасного и свирепого зверя, чем он сам.

Предсказание мормона сбылось. Подействовала на нее ужасная смерть отца или ненавистный насильственный брак, но бедняжка Люси, ни разу не поднявшая глаз, стала чахнуть и через месяц умерла. Вечно пьяный Дреббер, который женился на Люси главным образом из-за состояния Джона Ферье, не слишком скорбел о своей утрате. Ее оплакивали остальные его жены, по обычаю мормонов просидевшие у ее гроба всю ночь накануне погребения. А когда забрезжил рассвет, дверь вдруг распахнулась, и перепуганные, изумленные женщины увидели перед собой косматого одичалого человека в лохмотьях. Не обращая внимания на сбившихся в кучу женщин, он подошел к бездыханному телу, в котором еще так недавно обитала чистая душа Люси Ферье. Нагнувшись, он благоговейно прижался губами к ее холодному лбу, потом поднял ее руку и снял с пальца обручальное кольцо.

— Она не ляжет в могилу с этим кольцом! — гневно прорычал он и, прежде чем женщины успели поднять тревогу, бросился на лестницу и исчез. Все это было так диковинно и произошло так быстро, что женщины не поверили бы себе и не убедили других, если бы не один неоспоримый факт: маленький золотой ободок, символ брака, исчез с ее пальца.

Несколько месяцев Джефферсон Хоуп бродил по горам, вел странную полузвериную жизнь и лелеял в своем сердце свирепую жажду мести. В городе ходили слухи о таинственном существе, которое обитало в глухих горных ущельях и не раз прокрадывалось к окраинам города. Однажды в окно Стэнджерсона влетела пуля и расплющилась о стену в каком-нибудь футе от его головы. Другой раз возле проходившего под скалой Дреббера пролетел огромный камень, — он избежал ужасной смерти лишь потому, что мгновенно бросился ничком на землю. Оба молодых мормона сразу догадались, кто покушался на их жизнь, и неоднократно

устраивали набеги в горы, надеясь поймать или убить своего врага, но все их попытки кончались безуспешно. Тогда они решили из предосторожности не выходить из дома в одиночку, тем более вечером, а возле своих домов поставили караульных. Но постепенно они перестали соблюдать осторожность, ибо враг больше не давал о себе знать, и они надеялись, что время остудило его мстительный пыл.

Это было далеко не так, оно скорее усилило его. Охотник, упрямый и неподатливый по натуре, был так одержим навязчивой мыслью о мести, что не мог уже думать больше ни о чем другом.

Однако он обладал прежде всего практическим умом. Он вскоре понял, что даже его железный организм не выдержит постоянных испытаний, которым он себя подвергал. Жизнь под открытым небом и отсутствие здоровой пищи подорвали его силы. Но если он тут, в горах, околеет как собака, кто же отомстит негодяям? А его, конечно, ждет именно такая смерть, если он будет вести тот же образ жизни. Он знал, что это сыграет на руку его врагам, и поэтому заставил себя вернуться в Неваду, на свои рудники, чтобы восстановить здоровье и накопить денег, а потом снова добиваться своей цели, не терпя особых лишений.

Он намеревался прожить в Неваде не больше года, но всякие непредвиденные обстоятельства задержали его на пять лет. Несмотря на долгий срок, он так же остро чувствовал свое горе и так же жаждал мести, как в ту памятную ночь, когда он стоял у могилы Джона Ферье. Он вернулся в Солт-Лейк-Сити, изменив свой облик и назвавшись другим именем. Его ничуть не заботила собственная участь — лишь бы удалось свершить справедливое возмездие. В городе его ждали плохие вести. Несколько месяцев назад среди избранного народа произошел раскол: младшие члены церкви взбунтовались против власти старейшин. В результате некоторая часть недовольных отказалась от мормонской веры и покинула Юту. Среди них были Дреббер и Стэнджерсон; куда они уехали, никто не знал. Говорили, будто Дребберу удалось выручить за свое имущество немалые деньги и он уехал богачом, а его товарищ Стэнджерсон был сравнительно беден. Однако никто не мог подсказать, где их следует разыскивать.

Многие даже самые мстительные люди, столкнувшись с таким препятствием, перестали бы и думать о возмездии, но Джефферсон Хоуп не колебался ни минуты. Денег у него было немного, но он, хватаясь за любую возможность подработать и кое-как сводя концы с концами, ездил из города в город, разыскивая своих врагов. Год проходил за годом, черные волосы Хоупа засеребрились сединой, а он, как ищейка, все рыскал по городам, сосредоточившись на той единственной цели, которой посвятил свою жизнь. И наконец его упорство было вознаграждено. Проходя по улице, он бросил всего лишь один взгляд на мелькнувшее в окне лицо, но этого было достаточно: теперь он знал, что люди, за которыми он гонится столько лет, находятся здесь, в Кливленде, штат Огайо. Он вернулся в свое жалкое жилище с готовым планом мести. Случилось, однако, так, что Дреббер, выглянувший в окно, заметил бродягу на улице и прочел в его глазах свой смертный приговор. Вместе со Стэнджерсоном, который стал его личным секретарем, он кинулся к мировое судье и заявил, что их из ревности преследует старый соперник и им угрожает опасность. В тот же вечер Джефферсон Хоуп был арестован, и так как не нашлось никого, кто бы взял его на поруки, то он просидел в тюрьме несколько недель. Выйдя на свободу, Хоуп обнаружил, что дом Дреббера пуст: он со своим секретарем уехал в Европу.

Мститель снова потерял их следы, и снова ненависть заставила его продолжать погоню. Но для этого необходимы были деньги, и он опять стал работать, стараясь сберечь каждый доллар для предстоящей поездки. Наконец, скопив достаточно, чтобы не умереть с голода, он уехал в Европу и опять начал скитаться по городам, не гнушаясь никакой работой и выслеживая своих врагов. Догнать их, однако, не удавалось. Когда он добрался до Петербурга, Дреббер и Стэнджерсон уже уехали в Париж; он поспешил туда и узнал, что они только что

отбыли в Копенгаген. В столицу Дании он тоже опоздал — они отправились в Лондон, где наконец-то он и застиг их.

О том, что там произошло, лучше всего узнать из показаний старого охотника, записанных в дневнике доктора Уотсона, которому мы и так уже многим обязаны.

ГЛАВА VI. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСОК ДОКТОРА ДЖОНА УОТСОНА

По-видимому, яростное сопротивление нашего пленника вовсе не означало, что он пылает ненавистью к нам, ибо, поняв бесполезность борьбы, он неожиданно улыбнулся и выразил надежду, что никого не зашиб во время этой свалки.

— Вы, наверное, повезете меня в участок, — обратился он к Шерлоку Холмсу. — Мой кэб стоит внизу. Если вы развяжете мне ноги, я сойду сам. А то нести меня будет не так-то легко: я потяжелел с прежних времен.

Грегсон и Лестрейд переглянулись, очевидно, считая, что это довольно рискованно, но Шерлок Холмс, поверив пленнику на слово, тотчас же развязал полотенце, которым были скручены его щиколотки. Тот встал и прошелся по комнате, чтобы размять ноги. Помню, глядя на него, я подумал, что не часто можно увидеть человека столь могучего сложения; выражение решимости и энергии на его смуглом, опаленном солнцем лице придавало его облику еще большую внушительность.

— Если случайно место начальника полиции сейчас не занято, то лучше вас никого не найти, — сказал он, глядя на моего сожителя с нескрываемым восхищением. — Как вы меня выследили — просто уму непостижимо!

— Вам тоже следовало бы поехать со мной, — сказал Холмс, повернувшись к сыщикам.

— Я могу быть за кучера, — предложил Лестрейд.

— Отлично, а Грегсон сядет с нами в кэб. И вы тоже, доктор. Вы ведь интересуетесь этим делом, так давайте поедем все вместе.

Я охотно согласился, и мы спустились вниз. Наш пленник не делал никаких попыток к бегству; он спокойно сел в принадлежавший ему кэб, а мы последовали за ним. Взобравшись на козлы, Лестрейд стегнул лошадь и очень быстро доставил нас в участок. Нас ввели в небольшую комнатку, где полицейский инспектор, бледный и вялый, выполнявший свои обязанности механически, со скучающим видом записал имя арестованного и его жертв.

— Арестованный будет допрошен судьями в течение недели, — сказал инспектор. — Джефферсон Хоуп, хотите ли вы что-либо заявить до суда? Предупреждаю: все, что вы скажете, может быть обращено против вас.

— Я многое могу сказать, — медленно произнес наш пленник. — Мне хотелось бы рассказать этим джентльменам все.

— Может, расскажете на суде? — спросил инспектор.

— А до суда я, наверное, и не доживу. Не бойтесь, я не собираюсь кончать самоубийством. Вы ведь доктор? — спросил он, устремив на меня свои горячие черные глаза.

— Да, — подтвердил я.

— Ну, так положите сюда вашу руку, — усмехнулся Хоуп, указывая скованными руками на свою грудь.

Я так и сделал и тотчас же ощутил под рукой сильные, неровные толчки. Грудная клетка его вздрагивала и тряслась, как хрупкое здание, в котором работает огромная машина. В наступившей тишине я расслышал в его груди глухие хрипы.

— Да ведь у вас аневризма аорты! — воскликнул я.

— Так точно, — безмятежно отозвался Хоуп. — На прошлой неделе я был у доктора — он сказал, что через несколько дней она лопнет. Дело к тому идет уже много лет. Это у меня оттого, что в горах Соленого озера я долго жил под открытым небом и питался как попало. Я

сделал что хотел, и мне теперь безразлично, когда я умру, только прежде мне нужно рассказать, как это все случилось. Не хочу, чтобы меня считали обыкновенным головорезом.

Инспектор и оба сыщика торопливо посовещались, не нарушат ли они правила, позволив ему говорить.

— Как вы считаете, доктор, положение его действительно опасно? — обратился ко мне инспектор.

— Да, безусловно, — ответил я.

— В таком случае наш долг — в интересах правосудия снять с него показания, — решил инспектор. — Можете говорить, Джефферсон Хоуп, но еще раз предупреждаю, ваши показания будут занесены в протокол.

— С вашего позволения, я сяду, — сказал арестованный, опускаясь на стул. — От этой аневризмы я быстро устаю, да к тому же полчаса назад мы здорово отколошматили друг друга. Я уже на краю могилы и лгать вам не собираюсь. Все, что я вам скажу, — чистая правда, а как вы к ней отнесетесь, меня не интересует.

Джефферсон Хоуп откинулся на спинку стула и начал свою удивительную историю. Рассказывал он подробно, очень спокойным тоном, будто речь шла о чем-то самом обыденном. За точность приведенного ниже рассказа я ручаюсь, так как мне удалось раздобыть записную книжку Лестрейда, а он записывал все слово в слово.

— Вам не так уж важно знать, почему я ненавидел этих людей, — начал Джефферсон Хоуп, — достаточно сказать, что они были причиной смерти двух человеческих существ — отца и дочери — и поплатились за это жизнью. С тех пор, как они совершили это преступление, прошло столько времени, что мне уже не удалось бы привлечь их к суду. Но я знал, что они убийцы, и решил, что сам буду их судьей, присяжными и палачом. На моем месте вы поступили бы точно так же, если только вы настоящие мужчины.

Девушка, которую они сгубили, двадцать лет назад должна была стать моей женой. Ее силком выдали замуж за этого Дреббера, и она умерла от горя. Я снял обручальное кольцо с пальца покойницы и поклялся, что в предсмертную минуту он будет видеть перед собой это кольцо и, умирая, думать лишь о преступлении, за которое он понес кару. Я не расставался с этим кольцом и преследовал Дреббера и его сообщника на двух континентах, пока не настиг обоих. Они надеялись взять меня измором, но не тут-то было. Если я умру завтра, что очень вероятно, то умру я с сознанием, что дело мое сделано и сделано как следует. Я отправил их на тот свет собственной рукой. Мне больше нечего желать и не на что надеяться.

Они были богачами, а я нищим, и мне было нелегко гоняться за ними по свету. Когда я добрался до Лондона, у меня не осталось почти ни гроша; пришлось искать хоть какую-нибудь работу. Править лошадьми и ездить верхом для меня так же привычно, как ходить по земле пешком; я обратился в контору наемных кэбов и вскоре пристроился на работу. Я должен был каждую неделю давать хозяину определенную сумму, а все, что я зарабатывал сверх того, шло в мой карман. Мне перепадало немного, но кое-что удавалось наскрести на жизнь. Самое трудное для меня было разбираться в улицах — уж такой путаницы, как в Лондоне, наверное, нигде на свете нет! Я обзавелся планом города, запомнил главные гостиницы и вокзалы, и тогда дело пошло на лад.

Не сразу я разузнал, где живут эти мои господа; я справлялся везде и всюду и наконец выследил их. Они остановились в меблированных комнатах в Камберуэлле, на той стороне Темзы. Раз я их нашел, значит, можно было считать, что они в моих руках. Я отрастил бороду — узнать меня было невозможно. Оставалось только не упускать их из виду. Я решил следовать за ними повсюду, чтобы им не удалось улизнуть.

А улизнуть они могли в любую минуту. Мне приходилось следить за ними, куда бы они ни отправлялись. Иногда я ехал в своем кэбе, иногда шел пешком, но ехать было удобнее — так им трудно было бы скрыться от меня. Теперь я мог зарабатывать только рано по утрам или

ночью и, конечно, задолжал хозяину. Но меня это не заботило; самое главное — они были у меня в руках!

Они, впрочем, оказались очень хитры. Должно быть, они опасались слежки, поэтому никогда не выходили поодиночке, а в позднее время и вовсе не показывались на улице. Я колесил за ними две недели подряд и ни разу не видел одного без другого. Дреббер часто напивался, но Стэнджерсон всегда была настороже. Я следил за ними днем и ночью, а удобного для меня случая все не выпадало; но я не отчаивался — что-то подсказывало мне, что скоро наступит мой час. Я боялся только, что эта штука у меня в груди лопнет, и я не успею сделать свое дело.

Наконец, как-то под вечер я ездил взад-вперед по Торки-Террас — так называется улица, где они жили, — и увидел, что к их двери подъехал кэб. Вскоре вынесли багаж, потом появились Стэнджерсон и Дреббер, сели в кэб и уехали. У меня екнуло сердце — чего доброго, они уедут из Лондона! Я хлестнул лошадь и пустился за ними. Они вышли у Юстонского вокзала, я попросил мальчишку присмотреть за лошадью и пошел за ними на платформу. Они спросили, когда отходит поезд на Ливерпуль; дежурный ответил, что поезд только что ушел, а следующий отправится через несколько часов. Стэнджерсон, как видно, был недоволен, а Дреббер вроде даже обрадовался. В вокзальной сутолоке я ухитрился незаметно пробраться поближе к ним и слышал каждое слово. Дреббер сказал, что у него есть маленькое дело; пусть Стэнджерсон подождет его здесь, он скоро вернется. Стэнджерсон запротестовал, напомнив ему, что они решили всюду ходит вместе. Дреббер ответил, что дело его щекотливого свойства и он должен идти один. Я не расслышал слов Стэнджерсона, но Дреббер разразился бранью и заявил, что Стэнджерсон, мол, всего лишь наемный слуга и не смеет ему указывать. Стэнджерсон, видимо, решил не спорить и договорился с Дреббером, что, если тот опоздает к последнему поезду, он будет ждать его в гостинице «Холлидей». Дреббер ответил, что вернется еще до одиннадцати, и ушел.

Наконец-то настала минута, которой я ждал так долго. Враги были в моих руках. Пока они держались вместе, я бы не мог с ними справиться, но, очутившись врозь, они были бессильны против меня. Я, конечно, действовал не наобум. У меня заранее был составлен план. Месть не сладка, если обидчик не поймет, от чьей руки он умирает и за что несет кару. По моему плану тот, кто причинил мне зло, должен был узнать, что расплачивается за старый грех. Случилось так, что за несколько дней до того я возил одного джентльмена, он осматривал пустые дома на Брикстон-роуд и обронил ключ от одного из них в моем кэбе. В тот же вечер он хватился пропажи, и ключ я вернул, но днем успел снять с него слепок и заказать такой же. Теперь у меня имелось хоть одно место в этом огромном городе, где можно было не бояться, что мне помешают. Самое трудное было залучить туда Дреббера, и вот сейчас я должен был что-то придумать.

Дреббер пошел по улице, заглянул в одну распивочную, потом в другую — во второй он пробыл больше получаса. Оттуда он вышел пошатываясь — видно, здорово накачался. Впереди меня стоял кэб: он сел в него, а я поехал следом, да так близко, что морда моей лошади была почти впритык к задку его кэба. Мы проехали мост Ватерлоо, потом колесили по улицам, пока, к удивлению моему, не оказались у того дома, откуда он выехал. Зачем он туда вернулся, бог его знает; на всякий случай я остановился ярдах в ста. Он отпустил кэб и вошел… Дайте мне, пожалуйста, воды. У меня во рту пересохло.

Я подал ему стакан; он осушил его залпом.

— Теперь легче, — сказал он. — Так вот, я прождал примерно с четверть часа, и вдруг из дома донесся шум, будто там шла драка. Потом дверь распахнулась, выбежали двое — Дреббер и какой-то молодой человек — его я видел впервые. Он тащил Дреббера за шиворот и на верхней ступеньке дал ему такого пинка, что тот кувырком полетел на тротуару «Мерзавец! — крикнул молодой человек, грозя ему палкой. — Я тебе покажу, как оскорблять честную девушку!» Он был до того взбешен, что я даже испугался, как бы он не пристукнул Дреббера

своей дубинкой, но подлый трус пустился бежать со всех ног. Добежав до угла, он вскочил в мой кэб. «В гостиницу „Холлидей"!» — крикнул он.

Он сидит в моем кэбе! Сердце у меня так заколотилось от радости, что я начал бояться, как бы моя аневризма не прикончила меня тут же. Я поехал медленно, обдумывая, что делать дальше. Можно было завезти его куда-нибудь за город и расправиться с ним на безлюдной дороге. Я было решил, что другого выхода нет, но он сам пришел мне на выручку. Его опять, видно, потянуло на выпивку — он велел мне остановиться возле питейного заведения и ждать его. Там он просидел до самого закрытия и так надрался, что, когда вышел, я понял — теперь все будет по-моему.

Не думайте, что я намеревался просто взять да убить его. Конечно, это было бы только справедливо, но к такому убийству у меня не лежала душа. Я давно уже решил дать ему возможность поиграть со смертью, если он того захочет. Во время моих скитаний по Америке я брался за любую работу, и среди всего прочего мне пришлось быть служителем при лаборатории Нью-Йоркского университета. Там однажды профессор читал лекцию о ядах и показал студентам алкалоид — так он это назвал, — добытый им из яда, которым в Южной Америке отравляют стрелы. Этот алкалоид такой сильный, говорил он, что одна крупица его убивает мгновенно. Я приметил склянку, в которой содержался препарат, и, когда все разошлись, взял немножко себе. Я неплохо знал аптекарское дело и сумел приготовить две маленькие растворимые пилюли с этим алкалоидом и каждую положил в коробочку рядом с такой же по виду, но совсем безвредной. Я решил, что, когда придет время, я заставлю обоих моих молодчиков выбрать себе одну из двух пилюль в коробочке, а я проглочу ту, что останется. Алкалоид убьет наверняка, а шуму будет меньше, чем от выстрела сквозь платок. С того дня я всегда носил при себе две коробочки с пилюлями, и наконец-то настало время пустить их в ход.

Миновала полночь, время близилось к часу. Ночь была темная, ненастная, выл ветер, и дождь лил как из ведра. Но, несмотря на холод и мрак, меня распирала радость — такая радость, что я готов был заорать от восторга. Если кто-либо из вас, джентльмены, когда-нибудь имел желанную цель, целых двадцать лет только о ней одной и думал и вдруг увидел бы, что она совсем близка, вы бы поняли, что со мной творилось. Я закурил сигару, чтобы немного успокоиться, но руки у меня дрожали, а и висках стучало. Я ехал по улицам, и в темноте мне улыбались старый Джон Ферье и милая моя Люси — я видел их так же ясно, как сейчас вижу вас, джентльмены. Всю дорогу они были передо мной, справа и слева от лошади, пока я не остановился у дома на Брикстон-роуд.

Кругом не было ни души, не слышно было ни единого звука, кроме шума дождя. Заглянув внутрь кэба, я увидел, что Дреббер храпит, развалясь на сиденье. Я потряс его за плечо.

— Пора выходить, — сказал я.

— Ладно, сейчас, — пробормотал он.

Должно быть, он думал, что мы подъехали к его гостинице, — он молча вылез и потащился через палисадник. Мне пришлось идти рядом и поддерживать его — хмель у него еще не выветрился. Я отпер дверь и ввел его в переднюю. Даю вам слово, что отец и дочь все это время шли впереди нас.

— Что за адская тьма, — проворчал он, топчась на месте.

— Сейчас зажжем свет, — ответил я и, чиркнув спичкой, зажег принесенную с собой восковую свечу. — Ну, Енох Дреббер, — продолжал я, повернувшись к нему и держа свечку перед собой, — ты меня узнаешь?

Он уставился на меня бессмысленным пьяным взглядом. Вдруг лицо его исказилось, в глазах замелькал ужас — он меня узнал! Побледнев, как смерть, он отпрянул назад, зубы его застучали, на лбу выступил пот. А я, увидев все это, прислонился спиной к двери и громко

захохотал, Я всегда знал, что месть будет сладка, но не думал, что почувствую такое блаженство.

— Собака! — сказал я. — Я гонялся за тобой от Солт-Лейк-Сити до Петербурга, и ты всегда удирал от меня. Но теперь уж странствиям твоим пришел конец — кто-то из нас не увидит завтрашнего утра!

Он все отступал назад; по лицу его я понял, что он принял меня за сумасшедшего. Да, пожалуй, так оно и было. В висках у меня били кузнечные молоты; наверное, мне стало бы дурно, если бы вдруг из носа не хлынула кровь — от этого мне полегчало.

— Ну что, вспомнил Люси Ферье? — крикнул я, заперев дверь и вертя ключом перед его носом. — Долго ты ждал возмездия, и наконец-то пришел твой час!

Я видел, как трусливо затрясся его подбородок. Он, конечно, стал бы просить пощады, но понимал, что это бесполезно.

— Ты решишься на убийство? — пролепетал он.

— При чем тут убийство? — ответил я. — Разве уничтожить бешеную собаку значит совершить убийство? А ты жалел мою дорогую бедняжку, когда оторвал ее от убитого вами отца и запер в свой гнусный гарем?

— Это не я убил ее отца! — завопил он.

— Но ты разбил ее невинное сердце! — крикнул я и сунул ему коробочку. — Пусть нас рассудит Всевышний. Выбери пилюлю и проглоти. В одной смерть, в другой жизнь. Я проглочу ту, что останется. Посмотрим, есть ли на земле справедливость или нами правит случай.

Скорчившись от страха, он дико закричал и стал умолять о пощаде, но я выхватил нож, приставил к его горлу, и в конце концов он повиновался. Затем я проглотил оставшуюся пилюлю, с минуту мы молча стояли друг против друга, ожидая, кто из нас умрет. Никогда не забуду его лица, когда, почувствовав первые приступы боли, он понял, что проглотил яд! Я захохотал и поднес к его глазам кольцо Люси. Все это длилось несколько секунд — алкалоид действует быстро. Лицо его исказилось, он выбросил вперед руки, зашатался и с хриплым воплем тяжело рухнул на пол. Я ногой перевернул его на спину и положил руку ему на грудь. Сердце не билось. Он был мертв!

Из носа у меня текла кровь, но я не обращал на это внимания. Не знаю, почему мне пришло в голову сделать кровью надпись на стене. Может, из чистого озорства мне захотелось сбить с толку полицию, — очень уж весело и легко у меня было тогда на душе! Я вспомнил, что в Нью-Йорке нашли как-то труп немца, а под ним было написано слово «Rache»; газеты писали тогда, что это, должно быть, дело рук какого-то тайного общества. Что поставило в тупик Нью-Йорк, то поставит в тупик и Лондон, решил я и, обмакнув палец в свою кровь, вывел на видном месте это слово. Потом я пошел к кэбу — на улице было пустынно, а дождь лил по-прежнему. Я отъехал от дома, и вдруг, сунув руку в карман, где у меня всегда лежало кольцо, обнаружил, что его нет. Я был как громом поражен — ведь это была единственная памятка от Люси! Подумав, что я обронил его, когда наклонялся к телу Дреббера, я оставил кэб в переулке и побежал к дому — я готов был на любой риск, лишь бы найти кольцо. Возле дома я чуть было не попал в руки выходящего оттуда полисмена и отвел от себя подозрение только потому, что прикинулся в стельку пьяным.

Вот, значит, как Енох Дреббер нашел свою смерть. Теперь мне оставалось проделать то же самое со Стэнджерсоном и расквитаться с ним за Джона Ферье. Я знал, что он остановился в гостинице «Холлидей», и слонялся возле нее целый день, но он так и не вышел на улицу. Думается мне, он что-то заподозрил, когда Дреббер не явился на вокзал. Он был хитер, этот Стэнджерсон, и всегда держался начеку. Но напрасно он воображал, будто убережется от меня, если будет отсиживаться в гостинице! Вскоре я уже знал окно его комнаты, и на следующий день, едва стало светать, я взял лестницу, что валялась в проулке за гостиницей, и забрался к нему. Разбудив его, я сказал, что настал час расплатиться за жизнь, которую он отнял двадцать

лет назад. Я рассказал ему о смерти Дреббера и дал на выбор две пилюли. Вместо того, чтобы ухватиться за единственный шанс спасти свою жизнь, он вскочил с постели и стал меня душить. Защищаясь, я ударил его ножом в сердце. Все равно ему суждено было умереть — Провидение не допустило бы, чтобы рука убийцы выбрала пилюлю без яда.

Мне уже немногое осталось рассказать, и слава Богу, а то я совсем выбился из сил. Еще день-два я возил седоков, надеясь немного подработать и вернуться в Америку. И вот сегодня я стоял на хозяйском дворе, когда какой-то мальчишка-оборванец спросил, нет ли здесь кучера по имени Джефферсон Хоуп. Его, мол, просят подать кэб на Бейкер-стрит, номер 221-б. Ничего не подозревая, я поехал, и тут вдруг этот молодой человек защелкнул на мне наручники, да так ловко, что я и оглянуться не успел. Вот и все, джентльмены. Можете считать меня убийцей, но я утверждаю, что я так же послужил правосудию, как и вы.

История эта была столь захватывающей, а рассказывал он так выразительно, что мы слушали, не шелохнувшись и не проронив ни слова. Даже профессиональные сыщики, blase[15] всеми видами преступлений, казалось, следили за его рассказом с острым интересом. Когда он кончил, в комнате стояла полная тишина, нарушаемая только скрипом карандаша, — это Лестрейд доканчивал свою стенографическую запись.

— Мне хотелось бы выяснить еще одно обстоятельство, — произнес наконец Шерлок Холмс. — Кто ваш сообщник — тот, который приходил за кольцом?

Джефферсон Хоуп шутливо подмигнул моему приятелю.

— Свои тайны я могу уже не скрывать, — сказал он, — но другим не стану причинять неприятности. Я прочел объявление и подумал, что либо это ловушка, либо мое кольцо и в самом деле найдено на улице. Мой друг вызвался пойти и проверить. Вы, наверное, не станете отрицать, что он вас ловко провел.

— Что верно, то верно, — искренне согласился Холмс.

— Джентльмены, — важно произнес инспектор, — надо все же подчиняться установленным порядкам. В четверг арестованный предстанет перед судом, и вас пригласят тоже. А до тех пор ответственность за него лежит на мне.

Он позвонил. Джефферсона Хоупа увели два тюремных стражника, а мы с Шерлоком Холмсом, выйдя из участка, подозвали кэб и поехали на Бейкер-стрит.

ГЛАВА VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всех нас предупредили, что в четверг мы будем вызваны в суд; но когда наступил четверг, оказалось, что наши показания уже не понадобятся — Джефферсона Хоупа призвал к себе Высший Судия, чтобы вынести ему свой строгий и справедливый приговор. Ночью после ареста его аневризма лопнула, и наутро его нашли на полу тюремной камеры с блаженной улыбкой на лице, словно, умирая, он думал о том, что прожил жизнь не зря и хорошо сделал свое дело.

— Грегсон и Лестрейд, наверное, рвут на себе волосы, — сказал Холмс вечером, когда мы обсуждали это событие. — Он умер, и пропали все их надежды на шумную рекламу.

— По-моему, они мало что сделали для поимки преступника, — заметил я.

— В этом мире неважно, сколько вы сделали, — с горечью произнес Холмс. — Самое главное — суметь убедить людей, что вы сделали много. Но все равно, — продолжал он после паузы, уже веселее, — я ни за что не отказался бы от этого расследования. Я не помню более интересного дела. И как оно ни просто, все же в нем было немало поучительного.

— Просто?! — воскликнул я.

Холмса рассмешило мое изумление.

— Разумеется, его никак нельзя назвать сложным, — сказал он. — И вот вам доказательство — за три дня я без всякой помощи и только посредством самых обыкновенных умозаключений сумел установить личность преступника.

— Это верно!

— Я уже как-то говорил вам, что необычное — скорее помощь, чем помеха в нашем деле. При решении подобных задач очень важно уметь рассуждать ретроспективно. Это чрезвычайно ценная способность, и ее нетрудно развить, но теперь почему-то мало этим занимаются. В повседневной жизни гораздо полезнее думать наперед, поэтому рассуждения обратным ходом сейчас не в почете. Из пятидесяти человек лишь один умеет рассуждать аналитически, остальные же мыслят только синтетически.

— Должен признаться, я вас не совсем понимаю.

— Я так и думал. Попробую объяснить это понятнее. Большинство людей, если вы перечислите им все факты один за другим, предскажут вам результат. Они могут мысленно сопоставить факты и сделать вывод, что должно произойти то-то. Но лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же причины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными, или аналитическими, рассуждениями.

— Понимаю, — сказал я.

— Этот случай был именно таким — мы знали результат и должны были сами найти все, что к нему привело. Я попытаюсь показать вам различные стадии моих рассуждений. Начнем с самого начала. Вам известно, что я, не внушая себе заранее никаких идей, подошел к дому пешком. Естественно, я прежде всего исследовал мостовую и, как я уже говорил вам, обнаружил отчетливые следы колес, а из расспросов выяснилось, что кэб мог подъехать сюда только ночью. По небольшому расстоянию между колесами я убедился, что это был наемный кэб, а не частный экипаж — обыкновенный лондонский кэб гораздо уже господской коляски.

Это было, так сказать, первое звено. Затем я медленно пошел через палисадник по дорожке; она была глинистая, то есть такая, на которой особенно заметно отпечатываются следы. Вам, конечно, эта дорожка представлялась просто полоской истоптанной грязи, но для моего натренированного глаза имела значение каждая отметина на ее поверхности. В сыскном деле нет ничего важнее, чем искусство читать следы, хотя именно ему у нас почти не уделяют внимания. К счастью, я много занимался этим, и благодаря долгой практике умение распознавать следы стало моей второй натурой. Я увидел глубоко вдавленные следы констеблей, но разглядел и следы двух человек, проходивших по садику до того, как явилась полиция. Определить, что эти двое проходили раньше, было нетрудно: кое-где их следы были совершенно затоптаны констеблями. Так появилось второе звено. Я уже знал, что ночью сюда приехали двое — один, судя по ширине его шага, очень высокого роста, а второй был щегольски одет: об этом свидетельствовали изящные очертания его узких подошв.

Когда я вошел в дом, мои выводы подтвердились. Передо мной лежал человек в щегольских ботинках. Значит, если это было убийством, то убийца должен быть высокого роста. На мертвом не оказалось ран, но по ужасу, застывшему на его лице, я убедился, что он предвидел свою участь. У людей, внезапно умерших от разрыва сердца или от других болезней, не бывает ужаса на лице. Понюхав губы мертвого, я почувствовал чуть кисловатый запах и понял, что его заставили принять яд. Это подтверждалось еще и выражением ненависти и страха на его лице. Я убедился в этом с помощью метода исключения — известные мне факты не укладывались ни в какую другую гипотезу. Не воображайте, что тут произошло нечто неслыханное. Насильственное отравление ядом вовсе не новость в уголовной хронике. Каждый токсиколог тотчас вспомнил бы дело Дольского в Одессе или Летюрье в Монпелье.

Теперь передо мной встал главный вопрос: каковы мотивы преступления? Явно не грабеж: все, что имел убитый, осталось при нем. Быть может, это политическое убийство или тут замешана женщина? Я склонялся скорее ко второму предположению. Политические убийцы, сделав свое дело, стремятся как можно скорее скрыться. Это убийство, наоборот, было совершено без спешки, следы преступника видны по всей комнате, значит, он пробыл там довольно долго. Причины, по-видимому, были частного, а не политического характера и

требовали обдуманной, жестокой мести. Когда на стене была обнаружена надпись, я еще больше утвердился в своем мнении. Надпись была сделана для отвода глаз. Когда же нашли кольцо, вопрос для меня был окончательно решен. Ясно, что убийца хотел напомнить своей жертве о какой-то умершей или находящейся где-то далеко женщине. Тут-то я испросил Грегсона, не поинтересовался ли он, посылая телеграмму в Кливленд, каким-либо особым обстоятельством в жизни Дреббера. Как вы помните, он ответил отрицательно.

Затем я принялся тщательно исследовать комнату, нашел подтверждение моих догадок о росте убийцы, а заодно узнал о трихинопольской сигаре и о длине его ногтей. Так как следов борьбы не оказалось, я заключил, что у убийцы от волнения хлынула из носа кровь. Кровяные пятна на полу совпадали с его шагами. Редко бывает, чтобы у человека шла носом кровь от сильных эмоций — разве только он очень полнокровен, поэтому я рискнул сказать, что преступник, вероятно, краснолицый. События доказали, что я рассуждал правильно.

Выйдя из дома, я прежде всего исправил промах Грегсона. Я отправил телеграмму начальнику кливлендской полиции с просьбой сообщить факты, относящиеся к браку Еноха Дреббера. Ответ был исчерпывающим. Я узнал, что Дреббер уже просил у закона защиты от своего старого соперника, некоего Джефферсона Хоупа, и что этот Хоуп сейчас находится в Европе. Теперь ключ к тайне был в моих руках — оставалось только поймать убийцу.

Я уже решил про себя, что человек, вошедший в дом вместе с Дреббером, был не кто иной, как кэбмен. Следы говорили о том, что лошадь бродила по мостовой, чего не могло быть, если бы за ней кто-то присматривал. Где же, спрашивается, был кэбмен, если не в доме? К тому же нелепо предполагать, будто человек в здравом уме станет совершать задуманное преступление на глазах третьего лица, которое наверняка его выдало бы. И, наконец, представим себе, что человек хочет выследить кого-то в Лондоне — можно ли придумать что-либо лучше, чем сделаться кэбменом? Все эти соображения привели меня к выводу, что Джефферсона Хоупа надо искать среди столичных кэбменов.

Но если он кэбмен, вряд ли он бросил бы сейчас это занятие, рассуждал я. Наоборот, с его точки зрения, внезапная перемена ремесла привлекла бы к нему внимание. Вернее всего, он какое-то время еще будет заниматься своим делом. И вряд ли он живет под другим именем. Зачем ему менять свое имя в стране, где его никто не знает? Поэтому я составил из уличных мальчишек отряд сыскной полиции и гонял их по всем конторам наемных кэбов, пока они не разыскали нужного мне человека. Как они его доставили и как быстро я этим воспользовался, вы знаете. Убийство Стэнджерсона было для меня полной неожиданностью, но, во всяком случае, я не смог бы его предотвратить. В результате, как вам известно, я получил пилюли, в существовании которых не сомневался. Вот видите, все расследование представляет собою цепь непрерывных и безошибочных логических заключений.

— Просто чудеса! — воскликнул я. — Ваши заслуги должны быть признаны публично. Вам нужно написать статью об этом деле. Если вы не напишите, это сделаю я!

— Делайте что хотите, доктор, — ответил Холмс. — Но сначала прочтите-ка вот это.

Он протянул мне свежую газету «Эхо». Статейка, на которую он указал, была посвящена делу Джефферсона Хоупа.

«Публика лишилась возможности испытать острые ощущения, — говорилось в ней, — из-за скоропостижной смерти некоего Хоупа, обвинявшегося в убийстве мистера Еноха Дреббера и мистера Джозефа Стэнджерсона. Теперь, наверное, нам никогда не удастся узнать все подробности этого дела, хотя мы располагаем сведениями из авторитетных источников, что преступление совершено на почве старинной романтической вражды, в которой немалую роль сыграли любовь и мормонизм. Говорят, будто обе жертвы в молодые годы принадлежали к секте „Святых последних дней", а скончавшийся в тюрьме Хоуп тоже жил в Солт-Лейк-Сити. Если этому делу и не суждено иметь другого воздействия, то, во всяком случае, оно является блистательным доказательством энергии нашей сыскной полиции, а также послужит уроком

для всех иностранцев: пусть они сводят свои счеты у себя на родине, а не на британской земле. Уже ни для кого не секрет, что честь ловкого разоблачения убийцы всецело принадлежит известным сыщикам из Скотленд-Ярда, мистеру Грегсону и мистеру Лестрейду. Преступник был схвачен в квартире некоего мистера Шерлока Холмса, сыщика-любителя, который обнаружил некоторые способности в сыскном деле; будем надеяться, что, имея таких учителей, он со временем приобретет навыки в искусстве раскрытия преступлений. Говорят, что оба сыщика в качестве признания их заслуг получат достойную награду».

— Ну, что я вам говорил с самого начала? — смеясь, воскликнул Шерлок Холмс. — Вот для чего мы с вами создали этот этюд в багровых тонах, — чтобы обеспечить им достойную награду!

— Ничего, — ответил я, — все факты записаны у меня в дневнике, и публика о них узнает. А пока довольствуйтесь сознанием, что вы победили, и повторите вслед за римским скрягой:

«Populus me sibilat, at mihi plaudo.

Ipse domi simul ac nummos contemplar in arca».[16]

Знак четырех

ГЛАВА I. Суть дедуктивного метода Холмса

Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучался, что у меня не хватает смелости протестовать. Снова и снова я давал себе клятву сказать моему другу, что я думаю о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура пресекала всякие поползновения наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, властный характер и другие исключительные качества, я робел и язык прилипал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли в порыве отчаяния, овладевшего мной при виде неисправимого упрямства Холмса, я не выдержал и взорвался.

— Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

— Кокаин, — ответил он. — Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Благодарю покорно! — отрезал я. — Мой организм еще не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс улыбнулся моему возмущению.

— Возможно, вы правы, Уотсон, — сказал он. — И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.

— Но подумайте, — горячо воскликнул я, — какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.

— Мой мозг, — сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, — бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

— Единственный на весь мир частный детектив? — спросил я, поднимая брови.

— Единственный частный детектив-консультант, — ответил Шерлок Холмс. — Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс в тупике, а это их нормальное состояние, они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда мне удается распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод. Вы, Уотсон, хорошо его знаете. Вспомните хотя бы дело Джефферсона Хоупа.

— Да, помню, — ответил я, смягчаясь. — Интереснейший случай. Я даже написал о нем нечто вроде повести под интригующим названием: «Этюд в багровых тонах».

— Я видел вашу повесть, — без энтузиазма покачал головой Холмс. — И, должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления — точная наука, по крайней мере должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю.

— Но там действительно была романтическая история! — запротестовал я. — Я просто строго придерживался фактов.

— Кое о чем можно было и умолчать или хотя бы соблюдать меру в изложении фактов. Единственное, что заслуживает внимания в этом деле, — цепь рассуждений от следствия к причине. Это и привело к успешному раскрытию дела.

Меня рассердили эти слова — ведь я описал дело Холмса чтобы сделать ему приятное. И еще меня раздражал его эгоизм, в угоду которому надо было бы каждую строку моей книжки посвятить его бесценному методу. Прожив с моим другом на Бейкер-стрит несколько лет, я не раз подмечал в нем некоторое тщеславие, скрывавшееся под его обычной сдержанной и наставительной манерой. Однако я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая больной ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.

— С недавних пор я стал участвовать в раскрытии преступлений на континенте, — сказал немного погодя Холмс, набивая свою любимую эпиковую трубку. — На прошлой неделе ко мне обратился за советом Франсуа ле Виллар, который, как вы, вероятно, знаете, выдвинулся за последнее время в число лучших сыщиков Франции. Он обладает замечательно быстрой интуицией, свойственной кельтской расе, но для первоклассного сыщика он недостаточно сведущ в специальных областях нашего искусства. Дело касалось одного завещания и содержало несколько интересных деталей. Я напомнил Виллару два подобных случая — один расследовался в 1857 году в Риге, другой — в 1871-м в Сент-Луисе. И это дало ему ключ к решению. Сегодня утром я получил от него письмо, в котором он благодарит меня за помощь.

Говоря это, он протянул мне сложенный вдвое лист бумаги иностранного производства, который, как я заметил, пестрел словами magnifique, coup-de-maitre и tour de force[17], свидетельствующими о горячем восхищении француза.

— Он пишет вам, как ученик учителю, — сказал я.

— Он переоценивает мою помощь, — заметил Холмс безразлично. — Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока

еще не хватает знаний, но со временем и это придет. Он сейчас переводит на французский мои брошюры.

— А вы разве пишете?

— Есть грех, — рассмеялся Холмс. — Я написал несколько небольших работ. Одна из них под названием «Определение сортов табака по пеплу» описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие разные виды пепла. Табачный пепел — одна из самых частых улик. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой.

— У вас поразительная способность замечать мелочи, — сказал я.

— Просто я понимаю их важность. Или вот еще работа об отпечатках следов, в ней говорится об использовании гипса для сохранения отпечатка. Одно небольшое исследование посвящено влиянию профессий на форму руки, в ней даны литографии рук кровельщика, моряка, пробочника, композитора, ткача и шлифовальщика алмазов. Это исследование представляет собой большой практический интерес для детектива, относящегося к своей профессии как к науке. Оно особенно полезно, когда нужно опознать труп или определить занятие преступника. Но я вижу, что злоупотребляю вашим терпением, оседлав любимого конька.

— Нисколько! — горячо запротестовал я. — Мне все это в высшей степени интересно, особенно потому, что я своими глазами видел практическое применение ваших знаний. Вот вы упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это — почти одно и то же.

— Нет, это разные вещи, — ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма. — Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

— Поразительно! — воскликнул я. — Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

— Проще простого, — улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению. — Так просто, что и объяснять нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого, красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем.

— А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

— Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я все утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых открыток и целый лист марок. Для чего же тогда идти на почту, как не за тем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.

— Действительно, все очень просто, — сказал я, помолчав. — Но случай этот, как вы сами заметили, простейший. Извините мою назойливость, но мне хотелось бы подвергнуть ваш метод более серьезному испытанию.

— Я буду очень рад. Это избавит меня от лишней дозы кокаина. Дайте мне любую задачу по вашему усмотрению.

— Я помню, вы говорили, что когда долго пользуются вещью, на ней обязательно остается отпечаток личности ее владельца. И опытный глаз многое может по ней прочесть. У меня есть часы, они попали ко мне недавно. Будьте так добры, скажите, пожалуйста, каковы были привычки и характер их последнего хозяина?

Я протянул ему часы, признаться, не без тайного удовольствия, ибо, на мой взгляд, задача была неразрешима, а мне хотелось немножко сбить спесь с моего приятеля, чей нравоучительный и не допускающий возражений тон меня иногда раздражал. Он подержал часы в руке, как бы взвешивая их, внимательно рассмотрел циферблат, потом открыл крышку и стал разглядывать механизм, сперва просто так, а потом вооружившись сильной двояковыпуклой лупой. Я едва удержался от улыбки, когда Холмс, щелкнув крышкой, с разочарованным видом протянул мне часы.

— Почти ничего нельзя сказать, — проговорил он. — Часы недавно побывали у мастера. Он их тщательно почистил. Так что я лишен возможности утверждать что-нибудь наверняка.

— Вы правы, — ответил я. — Перед тем как попасть ко мне, они действительно побывали у часовщика.

Мысленно я упрекнул моего приятеля за то, что он свою неудачу объяснил такой неубедительной отговоркой. Интересно, что можно прочесть по нечищенным часам?

— Хотя я и не могу похвастаться результатами, но все-таки я в них кое-что увидел, — сказал он, устремив в потолок отрешенный взгляд. — Если я ошибусь, поправьте меня, пожалуйста, Уотсон. Так вот, часы, по-моему, принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Вас, конечно, навели на эту мысль буквы «Г. У.», выгравированные на крышке?

— Именно. Ваша фамилия ведь начинается на «У», не так ли? Часы были сделаны полстолетия назад, инициалы выгравированы почти в то же время. Из этого я заключил, что часы принадлежали человеку старшего поколения. Семейные драгоценности, насколько мне известно, переходят от отца к старшему сыну. Вполне вероятно, что вашего брата звали так же, как вашего отца. А ваш отец, если мне не изменяет память, умер много лет назад. Стало быть, до вас ими владел ваш брат.

— Да, пока все правильно, — заметил я. — А что еще вы увидели в этих часах?

— Ваш брат был человек очень беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он все промотал, жил в бедности, хотя порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов он спился и умер. Вот и все, что удалось мне извлечь из часов.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромая, зашагал по комнате.

— Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что все это рассказали вам какие-то старые часы! Это жестоко и, уж если на то пошло, отдает шарлатанством!

— Мой дорогой Уотсон, — сказал мягко Холмс, — простите меня, ради Бога. Решая вашу задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока не увидел часы.

— Тогда объясните мне, как вы все это узнали. Ваш рассказ о моем брате соответствует действительности до мельчайших подробностей.

— Счастливое совпадение. Я мог только предполагать с той или иной степенью вероятности, но оказалось, что так все и было.

— Но это не просто догадка?

— Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует гибельно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение. Вот, например, мой первый вывод — что вашему брату была несвойственна аккуратность. Если вы внимательно рассмотрите тыльную сторону часов, то заметите, что футляр не только в двух местах помят, но и сильно поцарапан чем-то твердым, например, ключом или монетами, которые ваш брат носил в одном кармане с часами. Ясно, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что человек, обращающийся с часами, стоящими пятьдесят гиней, таким беспардонным образом, аккуратностью не отличается. Нетрудно также сообразить, что если человек получил по наследству такие дорогие часы, то, значит, и само наследство было не маленькое.

Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его со вниманием.

— В английском ломбарде, когда берут в залог часы, номер квитанции обычно наносят иглой на внутреннюю сторону крышки. Это гораздо удобнее всяких ярлыков. Нет опасности, что ярлык потеряется или что его подменят. На этих часах я разглядел при помощи лупы не менее четырех таких номеров. Вывод — ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод — время от времени ему удавалось поправить свои дела, иначе он не смог бы выкупить заложенные часы. Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвердая рука. Что же во всем этом чудесного и таинственного?

— Да, теперь и я вижу, что все очень просто. И сожалею, что был несправедлив. Я должен был больше доверять вашим исключительным способностям. Можно мне задать один вопрос: есть ли у вас сейчас на руках какое-нибудь интересное дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применять их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить на его тираду, но в дверь громко постучали, и в комнату вошла хозяйка, неся на медном подносе визитную карточку.

— Вас спрашивает молодая девушка, сэр, — обратилась хозяйка к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен, — ответил он. — Хм, это имя мне незнакомо. Пригласите, пожалуйста, мисс Морстен войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я хочу, чтобы вы остались.

ГЛАВА II. Мы знакомимся с делом

Мисс Морстен вошла в комнату легким, уверенным шагом, держась спокойно и непринужденно. Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в ее одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было платье из темно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого тона, которую слегка оживляло белое перышко сбоку. Лицо ее было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворенностью и добротой. На своем веку я встречал женщин трех континентов, но никогда не доводилось мне видеть лица, которое так ясно свидетельствовало бы о благородстве и отзывчивости души. Когда мисс Морстен садилась на

стул, который Холмс предложил ей, я заметил, что руки и губы ее дрожат, видимо, от сильного внутреннего волнения.

— Я пришла именно к вам, мистер Холмс, — начала наша гостья, — потому что это вы помогли моей хозяйке миссис Сесил Форрестер распутать одну семейную историю. Она до сих пор не может забыть вашу доброту и ваш ум.

— Миссис Сесил Форрестер? — повторил задумчиво Холмс. — Помню, что мне действительно удалось немного помочь ей. Случай, однако, был весьма простой.

— Миссис Форрестер о нем другого мнения. Но зато о деле, которое привело меня к вам, вы этого не скажете. Трудно вообразить себе ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потер руки, и глаза у него заблестели. Он подался вперед на своем кресле, его резко очерченные, ястребиные черты приняли выражение самого напряженного внимания.

— Изложите ваше дело, — сказал он сухим, деловым тоном.

Я почувствовал себя неловко и, поднимаясь со стула, сказал:

— С вашего позволения, я покину вас?

К моему удивлению, мисс Морстен остановила меня, подняв затянутую в перчатку руку.

— Если ваш друг останется, — сказала она, — он окажет мне неоценимую услугу.

Я опять сел, мисс Морстен продолжала:

— Вкратце дело состоит в следующем. Мой отец служил офицером в одном полку в Индии. Когда я была совсем маленькой, он отправил меня в Англию. Мать моя умерла, родственников в Англии у нас не было, и отец поместил меня в один из лучших частных пансионов в Эдинбурге. Там я воспитывалась до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, бывший в то время старшим офицером полка, получил годичный отпуск и приехал в Англию. Он дал мне телеграмму из Лондона, что доехал благополучно, остановился в гостинице «Лэнем» и очень ждет меня. Каждое слово в телеграмме — я очень хорошо помню ее — дышало отцовской любовью и заботой. Приехав в Лондон, я прямо с вокзала отправилась в гостиницу. Там мне сказали, что капитан Морстен действительно остановился у них, но что накануне вечером он ушел куда-то и до сих пор не возвращался. Весь день я ждала от него известий. Вечером по совету администратора гостиницы я обратилась в полицию. На следующий день во всех газетах появилось объявление об исчезновении моего отца, на которое мы не получили никакого ответа. С того самого дня и до сих пор я ни слова не слыхала о моем несчастном отце. Он вернулся в Англию, мечтая увидеть дочь, отдохнуть, пожить счастливой, спокойной жизнью, а вместо этого… — Мисс Морстен прижала руку к горлу, и сдавленное рыдание оборвало на полуслове фразу.

— Когда это случилось? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез 3 декабря 1878 года, почти десять лет назад.

— А его вещи?

— Они остались в гостинице. В них не было ничего, что помогло бы раскрыть тайну его исчезновения: одежда, книги, много редких вещиц с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, несшей охрану тюрьмы.

— Были ли у него в Лондоне друзья?

— Я знала только одного: майора Шолто. Они служили вместе в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку, вернулся в Англию незадолго до приезда моего отца и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, конечно, связались с ним, но он, оказывается, даже не слыхал о возвращении своего друга.

— Очень странное дело, — заметил Холмс.

— Но самое интересное впереди. Шесть лет назад, именно 4 мая 1882 года, в «Таймсе» появилось объявление о том, что разыскивается мисс Морстен, адрес просили в ее интересах сообщить в «Таймс». Я тогда только что поступила на место компаньонки к миссис Сесил Форрестер. Она посоветовала мне послать мой адрес в отдел объявлений. И в тот же день, как адрес появился в газете, я получила по почте посылку — небольшую картонную коробочку. В ней оказалась очень крупная и красивая жемчужина, но никакой даже самой маленькой записки, объясняющей, от кого подарок, в посылке не было. И с тех пор каждый год в один и тот же день я получала по почте точно такую коробку с точно таким жемчугом без всякого указания, кто отправитель. Я показывала жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкий и дорогой сорт. Вы и сами сейчас увидите, как он красив.

Мисс Морстен открыла плоскую коробочку: там было шесть превосходных жемчужин, каких я никогда не видел.

— Очень интересно, — проговорил Шерлок Холмс. — А не произошло ли с вами еще чего-нибудь?

— Да, не далее, как сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Прочитайте его.

— Спасибо, — сказал Холмс, беря письмо. — И конверт, пожалуйста. На штемпеле — Лондон, Юго-Запад, 7 июля. Гм! В углу — отпечаток мужского большого пальца. Вероятно, почтальона. Бумага самого лучшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Человек со вкусом, по крайней мере в этом отношении. Обратного адреса нет. «Будьте сегодня вечером у третьей колонны, слева у входа в театр „Лицеум‟. Если вы боитесь, возьмите с собой двоих друзей. С вами поступили несправедливо. Это должно быть исправлено. Полиции не сообщайте. Если вмешается полиция, все рухнет. Ваш доброжелатель». Н-да, действительно! Отличная, превосходнейшая загадка! Что вы собираетесь делать, мисс Морстен?

— Это как раз я и хотела у вас спросить.

— Тогда, конечно, сегодня вечером мы едем куда указано в письме. Вы, я и, конечно, доктор Уотсон. Он самый подходящий для этого человек. Ваш незнакомый доброжелатель пишет, чтобы вы привели с собой двоих друзей. А мы с Уотсоном уже не раз работали вместе.

— А доктор Уотсон согласится пойти? — спросила мисс Морстен, и я услыхал в ее голосе чуть ли не мольбу.

— Почту за честь и особое счастье, — сказал я горячо, — если смогу быть вам полезен!

— Вы оба так добры ко мне, — ответила мисс Морстен. — Я живу очень уединенно, у меня нет друзей, на чью помощь я могла бы рассчитывать. Так я приду к вам к шести. Это не будет поздно?

— Только не опаздывайте, — ответил Холмс. — У меня к вам еще один вопрос. Скажите, это письмо написано тем же почерком, что и адрес на коробках с жемчужинами?

— Они у меня с собой, — ответила мисс Морстен, вынимая из сумочки несколько листов оберточной бумаги.

— Вы идеальный клиент. У вас хорошая интуиция. Ну посмотрим.

Он разложил листы на столе и стал внимательно разглядывать один за другим.

— Почерк везде, кроме письма, изменен, — сказал он вскоре. — Но никакого сомнения: все адреса и письмо написаны одним человеком. Смотрите, «е» везде одинаково, обратите также внимание, как изогнуто конечное «s». И там и здесь видна одна рука. Я не хотел бы заронить в вас ложную надежду, но скажите, мисс Морстен, нет ли сходства между этим почерком и рукой вашего отца?

— Никакого.

— Я так и думал. Так, значит, мы ждем вас в шесть. Позвольте мне оставить у себя все эти бумаги. Я еще подумаю о вашем деле. Время у нас есть. Сейчас только половина четвертого. До свидания.

— До свидания, — ответила наша гостья и, спрятав коробочку с жемчужинами за корсаж и взглянув на нас обоих добрыми, ясными глазами, ушла.

Стоя у окна, я смотрел, как она удалялась легким, быстрым шагом, пока серая шляпка и белое перышко не затерялись в серой толпе.

— Какая очаровательная девушка! — воскликнул я, повернувшись к моему другу.

Холмс опять разжег свою трубку и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Очаровательная? — переспросил он апатично. — Я не заметил.

— Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! — воскликнул я. — Вы иногда просто поражаете меня!

Холмс мягко улыбнулся.

— Самое главное — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня — некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей. Она отравила их, чтобы получить деньги по страховому полису. А самую отталкивающую наружность среди моих знакомых имел один филантроп, истративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Но на сей раз…

— Я никогда не делаю исключений. Исключения опровергают правило. Послушайте, Уотсон, вам когда-нибудь приходилось заниматься изучением характера по почерку? Что вы можете сказать об этом?

— Почерк разборчивый и правильный, — ответил я, — по-видимому, принадлежит человеку деловому и с сильным характером.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы, — сказал он. — Они едва выступают над строчкой: «d» можно принять за «а», а «l» за «е». Человек с сильным характером может писать очень неразборчиво, но высокие буквы у него действительно высокие. Наш корреспондент букву «к» везде пишет по-разному, а заглавные буквы таковы, что можно предположить в его характере амбицию. Ну, ладно, я ухожу. Мне надо навести кое-какие справки. Рекомендую почитать в мое отсутствие эту книгу — замечательное произведение. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел возле окна с книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых рассуждений автора. Я вспоминал нашу недавнюю посетительницу — ее улыбку, красивый грудной голос. Необъяснимая тайна омрачила ее жизнь. Ей было семнадцать лет, когда исчез ее отец, значит, сейчас ей двадцать семь — прекрасный возраст, когда робкая застенчивость юности уже прошла и жизнь уже немного остудила голову. Так я сидел и размышлял, пока мои мысли не приняли столь опасное направление, что я поспешил за письменный стол и яростно набросился на только что появившийся курс патологии. Как я мог, простой армейский хирург с простреленной ногой и тощим кошельком, как осмелился мечтать о подобных вещах? Она была неким данным, одним из компонентов проблемы — ничего больше. Если будущее мое черно, то лучше думать о нем с холодным спокойствием, как подобает мужчине, а не расцвечивать его пустой игрой воображения.

ГЛАВА III. В поисках решения

Холмс возвратился в половине шестого. Он был оживлен, весел и бодр — так обычно сменялись его приступы черной меланхолии.

— В этом деле нет ничего загадочного, — сказал он, беря из моих рук чашку чаю, которую я ему налил. — Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

— Вы уже нашли разгадку?!

— Ну, это еще рано утверждать. Пока я нашел одну чрезвычайно важную деталь. Она позволяет предположить многое, но многое еще предстоит и выяснить. Я только что обнаружил, просмотрев подшивку «Таймса», что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку, умер 28 апреля 1882 года.

— Вы, вероятно, Холмс, сочтете меня тупицей, но я не вижу в этом ничего особенного.

— Не видите? Вы поражаете меня, Уотсон. Ну, ладно, посмотрим на дело с другой стороны. Итак, капитан Морстен исчез. Единственный человек в Лондоне, кого он мог навестить, — майор Шолто. Но майор Шолто сказал, что о приезде Морстена в Англию ничего не слышал. А через четыре года майор умирает. Проходит неделя после его смерти, и дочка капитана Морстена получает ценный подарок. Через год еще один, потом еще. И так несколько лет подряд, пока не приходит письмо, где сказано, что с ней поступили несправедливо. Это, безусловно, намек на исчезновение ее отца. Зачем бы наследники Шолто стали посылать ей драгоценные подарки, если бы они не знали какой-то тайны и если бы не хотели за что-то вознаградить мисс Морстен? Можете ли вы как-нибудь по-другому объяснить и связать воедино все эти факты?

— Но какое странное вознаграждение! И в какой странной форме оно предложено! Почему он прислал свое письмо сейчас, а не шесть лет назад? Кроме того, в письме говорится, что несправедливость должна быть заглажена. Какая несправедливость? Ведь не может же быть, что отец ее жив. Значит, он имеет в виду что-то другое.

— Да, в этой истории есть еще темные места, — задумчиво проговорил Холмс. — Но наша сегодняшняя поездка все объяснит. А вот и мисс Морстен. Слышите, подъехал кэб. Вы готовы? Тогда идемте. Уже седьмой час.

Я взял шляпу и свою самую толстую трость. Холмс, я заметил, достал из ящика письменного стола револьвер и сунул его в карман. Было ясно, что нашу ночную поездку он считает делом серьезным.

На мисс Морстен был темный плащ, ее милое лицо было бледно, но спокойно. Она не была бы представительницей слабого пола, если бы наше странное путешествие не вызвало у нее тревоги, но самообладание ее было поразительно, и она охотно отвечала на вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близкий друг моего отца. В своих письмах отец неизменно упоминал о майоре. Они вместе служили офицерами в охранных войсках на Андаманских островах и, таким образом, много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца был найден один очень странный документ. Никто не мог понять, что это такое. Я не знаю, имеет ли он к этой истории отношение, но на всякий случай захватила его с собой. Может быть, вам будет интересно взглянуть на него. Вот он.

Холмс развернул сложенный в несколько раз лист бумаги и осторожно разгладил его у себя на коленях. Затем с помощью лупы он стал очень тщательно рассматривать его.

— Бумага сделана в Индии, — сказал он. — Какое-то время лист был приколот кнопками к доске. На нем набросан план одного крыла какого-то большого дома с многочисленными комнатами, коридорами и переходами. В одном месте красными чернилами поставлен крестик, над ним полуистершаяся надпись карандашом «3, 37 слева». В левом углу странный иероглиф, похожий на четыре написанных в ряд креста, перекладины которых соприкасаются, за ним грубым, размашистым почерком стоит: «Знак четырех — Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Не понимаю, какое это может иметь отношение к вашей истории? Однако, по-видимому, это важный документ. Его заботливо хранили в записной книжке, так как обе его стороны чистые.

— Мы и нашли его в записной книжке.

— Не потеряйте его, мисс Морстен. Может быть, он еще нам пригодится. Я начинаю думать, что это дело более сложное и запутанное, чем мне показалось сначала. Я должен заново все обдумать.

Холмс откинулся на спинку сиденья, по его сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряженно думает. Мы с мисс Морстен говорили вполголоса о нашем путешествии и о том, чем оно может кончиться, а наш спутник всю дорогу хранил непроницаемое молчание.

Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света, — лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых, — мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек не впечатлительный, но этот унылый, тягостный вечер и наше странное путешествие подействовали мне на нервы, и мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика.

У боковых входов театра «Лицеум» толпилось уже много народу, к главному входу нескончаемым потоком подъезжали двуколки и кареты, из которых выходили мужчины с белой накрахмаленной грудью и женщины, закутанные в шали и сверкающие бриллиантами. Едва мы достигли третьей колонны — назначенного места встречи, как от нее отделился низенький, смуглый, вертлявый человек в одежде кучера и подошел к нам.

— Вы вместе с мисс Морстен? — спросил он.

— Я мисс Морстен, а эти джентльмены — мои друзья.

Незнакомец посмотрел на нас очень внимательным, пронизывающим насквозь взглядом.

— Простите меня, мисс, — сказал он настойчиво, — но я прошу вас дать слово, что никто из ваших друзей не служит в полиции.

— Даю вам слово, — спокойно ответила мисс Морстен.

Человек пронзительно свистнул, и какой-то уличный мальчишка подвел к нам стоявший на той стороне кэб и отворил дверцу. Наш собеседник вскочил на козлы, мы сели внутрь. Возница взмахнул вожжами, и кэб с бешеной скоростью покатил сквозь туман.

Ситуация была несколько необычной. Мы ехали неизвестно куда и неизвестно зачем. Или вся эта история была мистификацией, чьей-то шуткой, чего не было никаких оснований предполагать, или, что было более похоже на истину, нам предстояло узнать что-то очень важное. Мисс Морстен держала себя по обыкновению спокойно и сдержанно. Я пытался ободрить ее рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путанны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я дуплетом уложил его из двуствольного тигренка. Сперва я еще мог уследить, куда мы едем, но очень скоро благодаря быстроте, с которой мы мчались, туману, а также моему плохому знания Лондона я перестал ориентироваться и мог сказать только, что мы едем уже очень давно. Шерлок Холмс, однако, не терял направления и то и дело шепотом называл площади и улицы, по которым мы проносились.

— Рочестер-роуд, — говорил он. — А вот и Винсент-сквер. Выезжаем на Воксхолл-бридж-роуд. Очевидно, мы едем в Суррей. Да, пожалуй, что туда. Проезжаем мост. Смотрите, в проемах блестит вода.

И в самом деле, внизу блеснула темная вода Темзы, в которой отражаются зажженные фонари, но вот кэб уже на другом берегу, мчится по запутанному лабиринту узких, извилистых улочек.

— Уондсуэрт-роуд, — говорит Холмс. — Прайори-роуд, Ларк-холл-лейн, Стокуэлл-плейс, Роберт-стрит, Коулд-харбор-лейн. А цель нашего путешествия лежит, кажется, не в фешенебельной части города.

Мы действительно проезжали через один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона. Слева и справа тянулись ряды унылых кирпичных домов, однообразие которых нарушали только ярко освещенные трактиры непрезентабельного вида на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками перед домом, затем снова бесконечные ряды новых безвкусных кирпичных зданий — чудовищные щупальца, которые протягивает во все стороны город-гигант.

Наконец кэб остановился у третьего дома совсем новой улицы. Ни один из соседних домов не был обитаем. Тот, у которого мы остановились, был такой же темный, как и соседние, не считая светлого окошка в кухне. Мы постучали, нам тотчас открыл слуга-индус в желтом тюрбане и белом свободном платье, подпоясанном желтым кушаком. Было странно видеть эту экзотическую фигуру в дверях третьеразрядного лондонского загородного дома.

— Сагиб ждет вас, — сказал он, и в тот же миг из внутренних комнат послышался тонкий, пронзительный голос:

— Проведите их ко мне. Немедленно проведите их ко мне!

ГЛАВА IV. История человечка с лысиной

Мы последовали за индусом по скудно освещенному и почти пустому мрачному коридору. У двери справа он остановился и распахнул ее настежь. В глаза нам ударил яркий желтый свет. Посреди комнаты стоял маленький человечек с вытянутой головой. Блестящую лысину, торчащую, как голая вершина горы в окружении сосен, обрамляли рыжие волосы. Он стоял, потирая руки, черты его лица находились в постоянном движении: он то улыбался, то хмурился, ни на минуту не оставаясь в покое. Природа наделила его отвислой нижней губой и выдающимися желтыми и неровными зубами, которые он безуспешно пытался прикрыть, то и дело поглаживая рукой нижнюю часть лица. Несмотря на столь заметную лысину, он производил впечатление молодого человека. Ему и было в действительности около тридцати лет.

— К вашим услугам, мисс Морстен, — повторял он тонким, высоким голосом. — К вашим услугам, господа. Прошу вас, входите в кабинет затворника. Как видите, мисс, мой кабинет мал, но зато я все в нем устроил по собственному вкусу. Оазис искусства среди мерзости запустения Южного Лондона.

Мы были поражены видом комнаты, куда он нас приглашал. В этом мрачном доме она походила на бриллиант чистой воды в медной оправе: на окнах шелковые занавеси, гобелены, картины в тяжелых рамах, восточные вазы. Ковер на полу был в янтарных и черных тонах и такой толстый, пушистый и мягкий, что ноги утопали в нем по щиколотку, как во мху. Поверх ковра были брошены две большие тигровые шкуры, которые вместе с огромным кальяном, стоящим в углу на подстилке, создавали в комнате ощущение восточной роскоши. На почти невидимой золотой проволоке в центре комнаты висела серебряная лампа в виде голубя. Она горела, наполняя комнату тонким, легким ароматом.

— Мистер Таддеуш Шолто, — проговорил маленький человечек, все так же дергаясь и улыбаясь. — Так меня зовут. Вы, конечно, мисс Морстен. А эти джентльмены…

— Мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон.

— Доктор, а! — воскликнул человечек, явно обрадованный. — А у вас есть с собой стетоскоп? Можно ли попросить вас об одном одолжении? Не будете ли вы столь любезны? У меня, видите ли, существует подозрение, что мой митральный клапан не в порядке. Насчет аорты я не беспокоюсь, но вот митральный клапан! Я бы хотел узнать ваше о нем мнение.

Я выслушал его сердце, но не нашел никаких отклонений от нормы, если не считать того, что человечек был чем-то до полусмерти напуган — его трясло с головы до ног.

— Митральный клапан в порядке, — сказал я. — У вас нет причин тревожиться.

— Вы должны извинить мне мою тревогу, мисс Морстен, — галантно сказал человечек. — Я великий страдалец. И я уже давно подозреваю — с моим митральным клапаном что-то неладное. И счастлив слышать, что мои подозрения беспочвенны. Если бы, мисс Морстен, ваш отец щадил свое сердце, он был бы все еще жив.

Я чуть не дал ему пощечину, так разозлил он меня своим грубым и бесцеремонным прикосновением к столь деликатному предмету. Мисс Морстен села, лицо ее побледнело так, что даже губы стали белые.

— Я сердцем чувствовала, что моего отца нет в живых, — проговорила она.

— Я вам все-все объясню, — сказал человечек. — Больше того, я исправлю причиненную вам несправедливость. Я обязательно это сделаю, что бы ни говорил мой брат Бартоломью. Я очень рад видеть у себя ваших друзей не только как ваших телохранителей, но и как свидетелей всего, что я сегодня собираюсь сказать и сделать. Мы трое в состоянии оказать решительное сопротивление брату Бартоломью. Но пусть не будет свидетелей — ни полиции, ни понятых. Мы все хорошо уладим между собой, не вмешивая никого постороннего. Ничто так сильно не может рассердить брата Бартоломью, как огласка, — сказал человечек и сел на низкую софу, вопросительно прищурив на нас свои близорукие, водянистые голубые глаза.

— Что касается меня, — сказал Шерлок Холмс, — то готов вас заверить: все вами сказанное дальше меня не пойдет.

Я в знак согласия кивнул.

— Ну и прекрасно, ну и прекрасно! Позвольте предложить вам рюмку кьянти, мисс Морстен, или, быть может, токайского? Других вин я не держу. Прикажете открыть бутылку? Нет? Тогда, я надеюсь, вы не станете возражать, если я закурю? Вас не обеспокоит табачный дым, легкий бальзамический аромат восточного табака? Я немного нервничаю, а мой кальян — несравненное успокаивающее средство.

Он приладил к большому сосуду трубку, и дым весело забулькал в розовой воде. Мы сидели полукругом, вытянув головы и уперев подбородки в ладони, а странный дергающийся человечек с блестящей куполообразной лысиной сидел в центре и нервно курил кальян.

— Решив послать вам это приглашение, — сказал он наконец, — я мог бы, конечно, просто написать в письме мой адрес, но я побоялся, что вы оставите без внимания мою просьбу и пригласите с собой не тех людей. Поэтому я позволил себе назначить вам это свидание у театра с моим слугой Уильямом, которому полностью доверяю. Ему были даны инструкции, что если он что-нибудь заподозрит, пусть едет домой один. Вы простите мне эту предосторожность, но я человек, склонный к уединению и, если можно так сказать, утонченный, а ничего более прозаического, чем полиция, нет. У меня инстинктивное отвращение ко всяким проявлениям грубого материализма. Я редко вступаю в соприкосновение с чернью. Как видите, я живу окруженный самой изысканной обстановкой. Я могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Пейзаж на стене — подлинный Коро, и если знаток мог бы, пожалуй, оспаривать подлинность вот этого Сальватора Роза, то насчет вон того Бугро не может быть и сомнения. Я поклонник современной французской школы.

— Простите меня, мистер Шолто, — сказали мисс Морстен, — я здесь по вашей просьбе, вы хотели что-то рассказать мне. Сейчас уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы наш разговор был как можно короче.

— Но он все-таки займет у нас какое-то время, — ответил наш хозяин. — Ибо мы, без всякого сомненья, должны будем поехать в Норвуд к моему брату Бартоломью. Мы поедем все вместе и попытаемся одолеть его упрямство. Он очень сердит на меня за то, что я повел дело так, как считаю наиболее справедливым. Вчера вечером мы с ним сильно поспорили. Вы не представляете себе, каким ужасным бывает мой брат, когда сердится.

— Если нам предстоит ехать в Норвуд, так не лучше ли отправиться немедленно, — осмелился предложить я.

Человечек рассмеялся так, что у него покраснели уши.

— Ну нет, это вряд ли получится! — воскликнул он. — Я не знаю, как мой брат воспримет ваш приезд. Поэтому я должен сперва приготовить вас, объяснить, в каких мы стоим отношениях друг к другу. Прежде всего я должен заметить, что в этой истории имеются моменты, которые для меня самого остаются тайной. Стало быть, я вам расскажу не все, а только то, что известно мне самому.

Мой отец, как вы уже догадались, — майор Джон Шолто, служивший некогда в Индии в колониальных войсках. Одиннадцать лет назад он подал в отставку, вернулся в Англию и поселился в усадьбе Пондишери-Лодж в Аппер-Норвуде. В Индии он разбогател и вернулся домой с богатой коллекцией восточных редкостей и целым штатом туземных слуг. Таким образом, он смог купить себе дом и зажил, окруженный роскошью. Других детей, кроме меня и моего брата-близнеца Бартоломью, у него не было.

Я очень хорошо помню, какие чувства вызвало у нас исчезновение капитана Морстена. О том, что он исчез, мы узнали из газет, а так как капитан Морстен был другом нашего отца, мы с братом обсуждали происшествие в его присутствии. Он обычно присоединялся к нам и гадал, что же в действительности произошло. Мы ни на один миг ни подозревали, что тайна исчезновения капитана похоронена в его груди. Что из всех людей ему одному была известна судьба Артура Морстена.

Но мы, однако, знали, что какая-то тайна тяготеет над нашим отцом, какая-то несомненная опасность угрожает ему. Он очень боялся выходить один и в качестве привратников в Пондишери-Лодж всегда держал бывших профессиональных боксеров. Уильям, который привез вас сегодня, один из них. Он был когда-то чемпионом Англии в легком весе. Наш отец никогда не говорил нам, чего он боится. Но из его поведения было ясно, что он смертельно боится людей на деревянной ноге. Однажды он выстрелил из пистолета в человека на деревяшке, который оказался всего-навсего безобидным торговцем; чтобы замять дело, отцу пришлось заплатить большие деньги. Мы с братом склонны были считать это простой причудой отца, но последующие события заставили нас изменить мнение.

В начале 1882 года мой отец получил из Индии письмо, которое как громом поразило его. Он чуть не лишился сознания, когда распечатал его утром за завтраком, и с того дня до самой смерти он так и не оправился. Что было в том письме, мы так никогда и не узнали, но когда он держал его, я успел заметить, что это была скорее коротенькая записка, кое-как нацарапанная. Наш отец уже много лет страдал хронической нервной болезнью. Теперь же состояние его резко ухудшилось, он стал на глазах слабеть, и в конце апреля врачи предупредили нас, что надежды на выздоровление нет. Нас позвали к отцу, он хотел сказать нам свое последнее слово.

Когда мы вошли в комнату, отец сидел на постели в подушках и тяжело дышал. Он попросил нас запереть дверь на замок и подойти к его постели с обеих сторон. Взяв нас обоих за руки, он заговорил голосом, надломленным волнением и болью, и мы с братом услыхали поразительное признание, которое я попытаюсь воспроизвести дословно.

«Есть только одно, — начал он, — что тяготит мою душу в эту торжественную минуту. Это несправедливость, которую я допустил по отношению к бедной сироте — дочери Морстена. Проклятая жадность, которая была неотступным пороком всю мою жизнь, лишила ее сокровищ, по крайней мере той их части, которая по справедливости принадлежит ей. Но и я сам ни на что не употребил их, так слепа и глупа алчность. Самое чувство владения сокровищами так было приятно мне, что я не мог ни с кем поделить их. Видите жемчужные четки рядом с пузырьком хины? Даже с ними я не могу расстаться, хотя я и вынул их специально, чтобы послать ей. Вы, мои сыновья, должны будете отдать принадлежащую ей часть сокровищ Агры. Но ничего не отдавайте, даже эти четки, пока не закроете мне глаза. Ведь бывало, что человек стоит одной ногой в могиле и все-таки остается жив.

Я расскажу вам, как умер Морстен, — продолжал он. — Много лет он страдал болезнью сердца, но скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним благодаря удивительному стечению обстоятельств стали обладателями огромного богатства, которое я, выйдя в отставку, увез в Англию. Скоро вернулся в Англию и Морстен и в день возвращения явился ко мне за своей долей. Со станции он пришел в Пондишери-Лодж пешком, его впустил мой преданный слуга старик Лал Човдар, которого уже нет в живых. У нас с Морстеном вышла ссора из-за того, как поделить сокровища. Морстен в приступе ярости вскочил со стула, лицо у него вдруг почернело, он прижал руку к сердцу, упал навзничь, ударившись головой об угол ларца, в котором хранились сокровища. Когда я нагнулся над ним, то, к ужасу своему, обнаружил, что он мертв.

Долгое время я оставался в растерянности, не зная, что делать. Первым моим побуждением было, конечно, позвать на помощь, но я понимал, что имеются все основания подозревать меня в убийстве. Смерть в момент ссоры, глубокая рана на голове — все это было против меня, К тому же официальное расследование неминуемо занялось бы сокровищами, а у меня были веские основания никого не посвящать в их тайну. Морстен сказал мне, что ни одна душа на свете не знает, куда он поехал. И я стал склоняться к мысли, что нет надобности, чтобы хоть одна душа узнала это.

Я все еще пребывал в полной растерянности, как вдруг, подняв голову, увидел в дверях моего слугу Лал Човдара. Он неслышно скользнул в комнату и запер за собой дверь.

— Не бойтесь, сагиб, — сказал он. — Никто не узнает, что вы убили его. Спрячем его подальше — и концы в воду.

— Но я не убивал! — запротестовал я.

— Я все слышал, — улыбаясь, покачал головой Лал Човдар. — Я слышал, как вы ссорились, слышал звук удара. Но на губах моих печать молчания. Все в доме спят. Давайте вместе унесем его.

И я решился. Если мой собственный слуга не верит мне, как можно рассчитывать, что в твою невиновность поверят двенадцать глупых торговцев в камере присяжных? В ту же ночь мы с Лал Човдаром спрятали тело, а через несколько дней все лондонские газеты были заполнены сообщениями о таинственном исчезновении капитана Морстена. Из того, что я рассказал вам, вы видите, что меня, в сущности, не в чем винить. Но я скрыл тело капитана, а сокровища, принадлежавшие нам обоим, стал считать с того дня своей нераздельной собственностью. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, мои сыновья, восстановили справедливость. Наклонитесь ко мне поближе, к самым губам. Сокровища спрятаны…» — В этот момент лицо его страшно исказилось, глаза чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я никогда не забуду: «Не пускайте его. Ради всего святого, не пускайте!» Мы оба взглянули в окно, куда был устремлен его взгляд. Из темноты на нас глядело лицо. Был хорошо виден побелевший нос, прижатый к стеклу. Лицо, налитое злобой, до бровей заросло бородой, глаза смотрели угрюмо и жестоко. Мы с братом бросились к окну, но лицо исчезло. Когда мы вернулись к изголовью отца, голова его поникла, пульс перестал биться.

В ту ночь мы обшарили весь сад, но никаких следов ночного вторжения не нашли, кроме отпечатка одной ноги на цветочной клумбе как раз под самым окном. Если бы не этот единственный след, мы могли бы подумать, что то дикое, полное злобы лицо — плод нашего воображения. Однако очень скоро мы обнаружили еще и другие, значительно более осязаемые признаки, что против нас действуют какие-то таинственные силы. Однажды утром окно в спальне моего отца оказалось распахнутым, шкафы и сундуки перерыты сверху донизу, и на его письменном столе приколот обрывок бумаги, на котором было нацарапано: «знак четырех». Мы так и не узнали, кто был наш таинственный посетитель и что означают эта слова. Насколько мы могли судить, ничего из вещей отца не пропало, хотя все было перерыто вверх дном. Вполне естественно, что это ночное посещение мы с братом связали с теми страхами, которые всю жизнь преследовали отца. Но кто это был, до сих пор остается полнейшей загадкой.

Человечек замолчал, раскурил погасший кальян и несколько секунд глубокомысленно пускал дым. Мы все с неослабным вниманием слушали его в высшей степени удивительное повествование. Во время короткого рассказа о смерти отца мисс Морстен побелела, как мел, мне даже на миг показалось, что она упадет в обморок. Но, выпив воды, которую я налил из графина венецианского стекла, стоявшего в углу на маленьком столике, она поборола волнение. Шерлок Холмс с отсутствующим выражением лица сидел, откинувшись в кресле; из-под опущенных век было видно, как блестят его глаза. Я посмотрел на него и не мог не вспомнить, что только сегодня он горько жаловался на скуку и однообразие жизни. Теперь по крайней мере он получил проблему, разрешение которой потребует напряжения всех его удивительных способностей. Мистер Таддеуш Шолто поглядывал то на одного из нас, то на другого, явно гордясь впечатлением, которое произвел его рассказ. Попыхивая своей непомерно длинной трубкой, он продолжал:

— Мой брат и я, как вы можете догадаться, были весьма взволнованы рассказом отца о сокровищах. В течение нескольких месяцев мы перерыли весь сад метр за метром и ничего не нашли. Мысль, что отец умер в тот самый миг, когда с уст его были готовы сорваться слова, которые сделали бы нас обладателями несметных сокровищ, могла свести с ума. О размерах богатства мы судили по жемчужным четкам. Относительно этих четок у нас с братом возникло небольшое недоразумение. Жемчужины были, по всей видимости, очень дорогие, и он не желал с ними расставаться, унаследовав, между нами говоря, частично отцовскую слабость. Кроме того, он полагал, что если еще кто-нибудь узнает об этих четках, то пойдут всякие сплетни, и тогда нам не миновать беды. Мне удалось только убедить его разыскать адрес мисс Морстен и посылать ей через определенное время жемчужины по одной, чтобы по крайней мере избавить ее от нужды.

— У вас доброе сердце. — Мисс Морстен с признательностью посмотрела на рассказчика. — Это был великодушный поступок.

— Но ведь мы были все равно как ваши опекуны, — энергично замахал руками человечек. — Так по крайней мере считал я. Но брат Бартоломью никак с этим не соглашался. У нас было много денег. Я был доволен тем, что мы имели. Вести себя так низко по отношению к молодой девушке — это дурной тон. Le mauvais gout mene au crime[18]. Как элегантно выражают французы подобные мысли! Наше расхождение зашло так далеко, что я предпочел поселиться отдельно. Так я и покинул Пондишери-Лодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма. Но вчера я узнал, что произошло событие огромной важности: обнаружен тайник, где спрятаны сокровища. Я немедленно дал знать мисс Морстен, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и потребовать свою долю. Вчера вечером я сказал брату Бартоломью, что написал мисс Морстен. Так что незваными гостями мы не будем, хотя и желанными тоже.

Мистер Шолто умолк, он сидел на своей роскошной софе и подергивался. А мы, не проронив ни слова, размышляли о том неожиданном обороте, который получило это таинственное дело. Первым вскочил на ноги Шерлок Холмс.

— Вы правильно вели себя, сэр, от начала до конца, — сказал он. — Мы постараемся приоткрыть завесу над всем темным, что есть в рассказанной вами истории, и этим отблагодарить вас. Но, как только что сказала мисс Морстен, уже поздно, и нам лучше всего взяться за дело без промедления.

Наш новый знакомый очень аккуратно отвернул трубку с кальяна и достал из-за занавески длинное пальто, отделанное тесьмой, с каракулевым воротником и манжетами. Он застегнулся сверху донизу на все пуговицы, хотя вечер был теплый, даже душный, и нахлобучил на голову кроличий треух, так что боковые клапаны плотно закрывали уши, оставив острую подвижную мордочку.

— Здоровье у меня хрупкое, — объяснил он нам, идя к выходу, — я вынужден соблюдать строгий режим.

Кэб ждал нас у ворот. Программа была, по-видимому, составлена заранее: не успели мы расположиться внутри, как лошади тронулись и помчались. Таддеуш Шолто трещал без умолку, его резкий высокий голос заглушал стук колес.

— Бартоломью — умная голова. Как, вы думаете, он отыскал ларец с сокровищами? Он пришел к выводу, что раз ларца нет снаружи, он должен быть где-то в доме. И он перемерил все комнаты, все коридоры и чуланы, не оставив невымеренным ни дюйма. Оказалось, что высота всего дома семьдесят четыре фута, а если взять отдельно высоту комнат, расположенных одна над другой, и сложить, и еще прибавить толщину перекрытий, которые он вымерил, просверлив сквозные отверстия, то окажется, что общая высота равна не более семидесяти футов. Значит, куда-то исчезли целых четыре фута. Было ясно, что их надо искать наверху. Тогда мой брат пробил дыру в потолке комнаты верхнего этажа, и там, как и следовало ожидать, оказался еще один крошечный чердак, который был замурован, и поэтому о нем никто не знал. Посередине чердака на стропилах стоял ларец с сокровищами. Согнувшись в три погибели, Бартоломью вытащил его через дыру и открыл. В нем оказалось драгоценностей на сумму не менее полумиллиона фунтов стерлингов.

Услыхав такую цифру, мы все широко раскрыли глава. Мисс Морстен, если нам удастся отстоять ее права, из бедной компаньонки превращалась в одну из самых богатых невест Англии. Без сомнения, всякий настоящий друг должен был бы обрадоваться, услыхав такую новость. Но я, к своему стыду, должен сказать, что сердце мое налила свинцовая тяжесть. Я пробормотал, запинаясь, несколько поздравительных слов и мрачно уставился в пол, не слушая дальнейших разглагольствований нашего нового знакомого. Он был типичнейший ипохондрик, и я, как сквозь сон, слушал бесконечное перечисление симптомов его болезней и нескончаемые мольбы объяснить ему состав и действие многочисленных шарлатанских снадобий, которые он всюду возил с собой в кожаном футляре. Я уповаю только на то, что он не запомнил мои советы, которые я дал ему в тот вечер. Холмс утверждает, что он слышал, как я предупреждал его ни в коем случае не принимать более двух капель касторового масла, поскольку это очень опасно, и настоятельно советовал в качестве успокаивающего средства в больших дозах стрихнин. Как бы там ни было, но я почувствовал облегчение, когда наш кэб рывком остановился, кучер спрыгнул с козел и открыл дверь.

— Это, мисс Морстен, и есть Пондишери-Лодж, — сказал мистер Таддеуш, подавая ей руку.

ГЛАВА V. Трагедия в Пондишери-Лодж

Было около одиннадцати часов, когда мы достигли этого последнего этапа нашего ночного путешествия. Мы оставили позади сырой туман большого города, здесь же, в деревне, ночь была суха и тепла. С запада дул теплый ветерок, тяжелые тучи медленно ползли по небу, в разрывы иногда выглядывал месяц. Было довольно светло, но Таддеуш Шолто снял с кэба дорожный фонарь и пошел с ним вперед.

В глубине парка стоял дом, обнесенный очень высокой каменной стеной, верх которой был усыпан битым стеклом. Попасть внутрь можно было только через узкую, окованную железом дверь в стене. Наш спутник как-то по-особенному постучал, как иногда стучат почтальоны.

— Кто там? — спросил из-за двери грубый голос.

— Это я, Мак-Мурдо. Пора бы уже научиться узнавать мой стук.

Послышалось ворчание, затем звяканье и скрежет ключей, и дверь тяжело повернулась на петлях. На пороге стоял низкорослый, с могучей грудью человек, желтый огонь его фонаря освещал выдвинутое вперед лицо и недоверчиво блестевшие глазки.

— Это вы, мистер Таддеуш? А это кто с вами? Я не получал никаких распоряжений от хозяина насчет ваших гостей.

— Никаких распоряжений. Вы меня поражаете, Мак-Мурдо! Я ж говорил моему брату вчера вечером, что со мной приедут мои друзья.

— Хозяин сегодня весь день не выходил из своей комнаты. Вы и сами очень хорошо знаете наши строгости. Вас я могу впустить, но ваши друзья — они пусть подождут вас снаружи.

Это было неожиданное препятствие. Таддеуш Шолто смотрел на стража растерянно и беспомощно.

— Это очень нехорошо с вашей стороны, Мак-Мурдо! — пролепетал он. — Я отвечаю за них, вам этого должно быть достаточно. С нами к тому же молодая девушка. Ей неприлично оставаться в такой час на проезжей дороге.

— Очень сожалею, мистер Таддеуш, — ответил неумолимый страж. — Гости могут быть вашими друзьями, но недругами моего хозяина. Мне хорошо платят, чтобы я хорошо исполнял свои обязанности. И я хорошо их исполняю. Я не знаю этих людей.

— Да нет же, Мак-Мурдо, знаете, — вдруг добродушно проговорил Шерлок Холмс. — Я не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя-боксера, с которым вы провели три раунда на ринге Алисона в день вашего бенефиса четыре года назад?

— Уж не мистера ли Шерлока Холмса я вижу?! — воскликнул боксер. — А ведь он самый и есть! Как это я сразу вас не узнал? Вы не стояли бы здесь таким тихоней, а нанесли бы мне ваш знаменитый встречный удар в челюсть, я бы тогда сразу узнал вас. Э-э, да что говорить! Вы из тех, кто зарывает таланты в землю. А то бы далеко пошли, если бы захотели!

— Видите, Уотсон, если моя профессия никому не будет больше нужна, у меня еще есть в запасе мои любительские таланты, — сказал, смеясь, Холмс.

— Наш друг, я уверен, не станет дольше держать нас под открытым небом.

— Входите, входите, сэр, вы и ваши друзья, — отвечал привратник. — Очень сожалею о происшедшем, мистер Таддеуш, но порядок есть порядок. Я должен быть абсолютно уверен в ваших друзьях, чтобы впустить их в дом.

За каменной стеной через пустынный парк шла усыпанная гравием аллея. Дом был весь в тени, кроме одной стены, залитой лунным светом, наверху в ней поблескивало окно. От этого огромного мрачного дома, погруженного в тишину, становилось жутко. Даже привычному Таддеушу было не по себе: фонарь дрожал и поскрипывал в его руке.

— Ничего не понимаю, — бормотал он. — Здесь какая-то ошибка. Я же ясно объяснил Бартоломью, что сегодня вечером мы будем у него. А в его кабинете почему-то нет света. Не понимаю, что бы это могло значить.

— Он всегда так строго охраняет свой дом? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, это заведено еще моим отцом. Бартоломью был любимчиком, и мне иногда казалось, что отец рассказывает ему больше, чем мне. Вон, видите освещенное луной окно — это кабинет Бартоломью. Но в нем, по-моему, темно.

— Да, темно, — сказал Шерлок Холмс. — Но в маленьком окошке у входа как будто горит свет.

— А, это комната экономки. Миссис Берстон, наша старая экономка, там обычно проводит вечера. Она-то все и объяснит нам. Не согласитесь ли вы несколько минут подождать меня здесь? Если мы войдем все сразу, то миссис Берстон испугается, она ведь не ожидает нашего вторжения. Тс, тише! Что это?

Он поднял дрожащей рукой фонарь, и вокруг нас запрыгало и закачалось пятно света. Мисс Морстен схватила меня за руку, мы все трое остановились с бьющимися сердцами, напрягая слух. От темной мрачной громады дома доносились сквозь ночную тишину скорбные, жалостные звуки — всхлипывания чем-то испуганной женщины.

— Это миссис Берстон, — сказал Шолто. — В доме только одна женщина. Подождите здесь. Я сейчас же вернусь.

Он подошел к двери и постучал своим особенным стуком. Его пустила высокая пожилая женщина, при виде его всплеснувшая от радости руками.

— О, мистер Таддеуш, я так рада, что вы пришли! Так рада, так рада! — услыхали мы ее причитания, затем дверь затворилась, и голос ее замер в глубине дома.

Таддеуш Шолто оставил нам фонарь. Холмс медленно посветил фонарем по сторонам, затем пристально посмотрел на дом и на большие кучи земли, загромождавшие двор. Мы с мисс Морстен стояли совсем близко, и ее рука была в моей. Удивительная, непостижимая вещь любовь, вот мы стоим тут двое, мы никогда не встречались до этого дня, никогда не сказали друг другу ни одного ласкового слова, не смотрели ласково друг на друга, и вот сейчас в минуту опасности наши руки инстинктивно потянулись одна к другой. Я потом часто вспоминал с удивлением об этой минуте, но тогда мне все казалось естественным, и она потом часто говорила мне, что сразу же потянулась ко мне, уверенная, что найдет во мне утешение и защиту. Так мы стояли вдвоем, перед этим странным, мрачным домом, держась за руки, как дети, и наши сердца вдруг объял покой.

— Какое странное место, — проговорила мисс Морстен, оглядываясь.

— Похоже, что над этим парком трудились все кроты Англии. Мне довелось видеть нечто подобное под Балларэтом. Но там весь холм был перекопан и изрыт золотоискателями.

— И здесь трудились золотоискатели, — заметил Холмс. — Вернее, искатели кладов. Не забывайте, хозяева этого дома шесть лет искали сокровища. Ничего удивительного, что парк похож на золотой прииск.

В этот миг входная дверь распахнулась, и с протянутыми вперед руками из дому выбежал Таддеуш Шолто, в глазах его стоял ужас.

— С Бартоломью что-то случилось! — воскликнул он. — Я так боюсь! Нервы мои не выдерживают.

Он действительно чуть не захлебывался слезами, и его дергающееся, бледное лицо, выступающее из каракулевого воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение до смерти перепуганного ребенка.

— Идемте в дом, — решительно проговорил Холмс.

— Да, идемте, — умоляюще пролепетал Таддеуш Шолто. — Я, правда, совсем уже не понимаю, что теперь делать.

Мы последовали за ним в комнату экономки, которая находилась по левую руку от входа. В ней взад и вперед металась испуганная женщина, нервно теребя пальцы, но появление мисс Морстен подействовало на нее успокаивающе.

— Господь да благословит вас, — воскликнула она, подавляя рыдания. — Какое кроткое и доброе у вас лицо! Я гляжу на вас, и мне становится легче. Что я вынесла за этот день!

Мисс Морстен, погладив худую, загрубевшую от работы руку экономки, сказала ей несколько ласковых, утешительных слов с чисто женским участием, и бледные, бескровные щеки пожилой женщины слегка порозовели.

— Хозяин заперся у себя и не отвечает на стук, — объяснила она. — Я целый день ждала, когда он позовет меня. Но вообще-то он любит оставаться один. Час назад я начала тревожиться, уж не случилось ли чего, поднялась наверх и заглянула в замочную скважину. Вы должны сами подняться туда, мистер Таддеуш, и посмотреть. Десять лет я живу в этом доме, я видела мистера Бартоломью и в горе и в радости, но такого лица я не видала у него никогда.

Шерлок Холмс взял лампу и пошел наверх первый, так как у Таддеуша от страха зуб на зуб не попадал. Колени у него подгибались, и я взял его под руку, чтобы он смог подняться по лестнице. Дважды, пока мы шли наверх, Холмс вынимал из кармана лупу и тщательно разглядывал какие-то темные пятна на циновке из кокосового волокна, которые показались мне простой пылью. Он двигался очень медленно, лампу нес низко и бросал влево и вправо цепкие взгляды. Мисс Морстен осталась внизу с перепуганной экономкой.

Третий пролет вывел нас в длинный прямой коридор, на правой стене которого висел ручной работы индийский ковер. Слева выходили три двери. Холмс медленно пошел вперед, тщательно осматривая все на ходу, мы шли за ним по пятам, а за нами двигались вдоль коридора наши длинные черные тени. Нам нужна была третья дверь. Холмс постучали, не получив ответа, попытался повернуть ручку и нажал на нее. Дверь оказалась запертой изнутри. Холмс поднес лампу к самому замку, и мы увидели, что язык замка — широкий и очень прочный. Ключ, однако, был повернут, и в скважине оставалась щелка. Шерлок Холмс наклонился к ней и тут же резко отпрянул.

— Что-то в этом есть дьявольское, Уотсон! — прошептал он. Я никогда раньше не видел его таким встревоженным. — Что вы об этом думаете?

Я нагнулся к скважине и содрогнулся от ужаса. В окно лился лунный свет, наполняя комнату слабым зыбким сиянием. Прямо на меня смотрело как бы висевшее в воздухе — так как все под ним было в тени — лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая блестящая лысина, та же рыжая бахрома вокруг, то же бескровное лицо. Только черты его лица застыли в ужасной улыбке — напряженной и неестественной, которая в этой спокойной, залитой лунным светом комнате производила более страшное впечатление, чем гримаса боли или страха. Лицо было так похоже на лицо нашего крошечного приятеля, что я оглянулся, чтобы убедиться, что он здесь, рядом со мной. «Они ведь с братом близнецы», — вспомнил я.

— Какой ужас! Что теперь делать? — сказал я Шерлоку Холмсу.

— Нужно высадить дверь, — ответил он и, навалившись на нее всем телом, попытался взломать замок. Дверь трещала и скрипела, но не поддавалась. Тогда мы с силой навалились вдвоем, замок щелкнул, дверь распахнулась, и мы очутились в кабинете Бартоломью Шолто.

Кабинет был оборудован под химическую лабораторию. На полке, висевшей на стене, против двери, стояли два ряда бутылей и пузырьков со стеклянными притертыми пробками, стол был уставлен бунзеновскими горелками, пробирками и колбами. По углам на полу стояли большие бутыли в корзинах, в которых держат кислоту. Одна из них, по-видимому, треснула или раскололась, так как из-под нее вытекала струйка какой-то темной жидкости, и комнату наполнял тяжелый, сладковатый запах, похожий на запах дегтя. В одном углу комнаты стояла стремянка, пол у ее основания был усыпан штукатуркой и дранкой, а верх упирался в потолок, рядом с отверстием, достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. На полу рядом с лестницей был брошен моток толстой веревки.

Возле стола в деревянном кресле сидел в поникшей позе хозяин дома, наклонив голову к левому плечу и улыбаясь этой ужасной, непостижимой улыбкой. Он был холодный и уже окоченел. Он был мертв, по-видимому, уже несколько часов. Я обратил внимание, что не

только его лицо было искажено гримасой, но руки и ноги были вывернуты и скручены самым невероятным образом. На столе рядом с его рукой лежало странное орудие — коричневая тонкая трость с каменным наконечником в виде молотка, грубо привязанным веревкой. Рядом с ней лежал вырванный из блокнота листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов. Холмс взглянул на него и протянул мне.

— Видите, — многозначительно подняв брови, сказал он.

В свете фонаря я прочитал, содрогнувшись от ужаса: «знак четырех».

— Во имя всего святого, что все это значит?

— Это значит, что здесь было совершено убийство, — сказал Холмс, наклоняясь к окоченевшему трупу несчастного Бартоломью Шолто. — А, я так и ожидал. Смотрите! — И он указал на вонзившийся в кожу над ухом тонкий длинный темный шип.

— Походит на шип от какого-то растения, — заметил я.

— Это и есть шип. Можете вынуть его. Только осторожно, он отравлен.

Осторожно, двумя пальцами я вынул шип. Он поддался очень легко, не оставив на коже почти никакого следа. Место прокола обозначалось только маленьким пятнышком засохшей крови.

— Для меня все это непостижимая тайна, — признался я, — и чем дальше, тем загадочнее она становится.

— Для меня наоборот, — ответил Холмс, — дело с каждой минутой проясняется. Недостает только нескольких звеньев, чтобы восстановить ход событий.

Мы почти забыли о присутствии нашего спутника, попав в эту комнату. Он все еще стоял в дверях, ломая руки и издавая время от времени сдавленные стоны. Фигура его была олицетворением отчаяния. Вдруг из его груди вырвался безумный, полный отчаяния вопль.

— Сокровища исчезли! — вопил он. — Они ограбили его! Видите вон ту дыру. Мы вытащили ларец оттуда. Я помогал ему! Я последний, кто видел его живым! Я ушел отсюда вчера вечером и слышал, когда спускался по лестнице, как он запирал за мной дверь.

— В котором часу это было?

— В десять часов. И вот он мертв! Сюда позовут полицию. Подозрение падет на меня. Да, я уверен, что так и будет. Но вы не считаете меня виновным, господа? Вы, конечно, не можете думать, что это сделал я! Разве бы я привез вас сюда, если бы это я? О, Господи! О, Господи! Нет, я сойду с ума!

Он ломал руки, топал ногами, его трясло, как в лихорадке.

— Вам нечего бояться, мистер Шолто, — сказал Холмс, успокаивающе похлопывая его по плечу. — Послушайтесь меня и поезжайте в полицейский участок. Надо сообщить о случившемся. Обещайте оказать им всевозможную помощь. А мы вас здесь подождем.

Человечек повиновался, все еще полностью не придя в себя. И мы услышали, как он, спотыкаясь в темноте, спускается по лестнице.

ГЛАВА VI. Шерлок Холмс демонстрирует свой метод

— Итак, Уотсон, — сказал Шерлок Холмс, потирая руки. — В нашем распоряжении полчаса. Давайте как можно лучше используем это время. Как я уже вам сказал, дело мне вполне ясно. Но все-таки мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидным фактам. Каким бы простым поначалу ни показался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным.

— Простым! — в изумлении воскликнул я.

— Конечно, — ответил Холмс с видом профессора, демонстрирующего ученикам интересного больного. — Пожалуйста, сядьте в тот угол, чтобы ваши следы не осложнили дело. А теперь за работу. Во-первых, как эти молодцы проникли сюда и как выбрались наружу? Дверь

со вчерашнего вечера не отпиралась. Как насчет окна? — Он поднес к окну лампу, высказывая вслух свои соображения, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне. — Окно заперто изнутри. Рамы очень прочные. Давайте откроем его. Рядом никакой водосточной трубы. Крыша недосягаема. И все-таки человек проник в комнату через окно. Прошлую ночь шел небольшой дождь. Видите, на подоконнике земля; отпечаток ботинка и еще один странный круглый отпечаток. А вот опять этот след. На этот раз на полу. А вот он уже на столе. Смотрите, Уотсон, картина вполне ясная.

Я стал рассматривать круглые бляшки земли на полу.

— Это след не от ноги, — сказал я.

— Поэтому он так и важен. Это отпечаток деревянного протеза. Видите, здесь на подоконнике след тяжелого, грубого башмака с широкой металлической подковой. А рядом круглый след деревяшки.

— Человек на деревянной ноге!

— Вот именно. Он здесь был не один. У него был очень способный и ловкий помощник. Вы могли бы, доктор, залезть по этой стене?

Я выглянул в открытое окно. Луна все еще ярко освещала эту часть дома. Мы были на высоте добрых шестидесяти футов от земли, и, насколько я мог видеть, нигде в кирпичной кладке не было ни трещины, ни выемки, куда можно было поставить ногу.

— Это абсолютно невозможно, — ответил я.

— Да, одному невозможно. Но предположим, в комнате находится ваш сообщник, который выбросил вам надежную веревку, вон ту, что валяется в углу, привязав один ее конец к торчащему в стене крюку. Ну тогда, если вы человек ловкий, то и с деревянной ногой вы, пожалуй, смогли бы забраться по этой стене. Потом вы спустились бы вниз, ваш друг втащил бы веревку наверх, отвязал от крюка, запер окно, на задвижку, а сам ушел из этой комнаты тем же путем, каким и вошел сюда. Деталь помельче, — продолжал Холмс, показывая на веревку, — хотя наш друг на деревяшке оказался отличным верхолазом, но он по профессии не моряк. Его руки не задубели от лазания по канатам. Моя лупа обнаружила в нескольких местах следы крови, особенно заметные на конце веревки. Значит, он спускался вниз так поспешно, что содрал кожу с рук.

— Очень хорошо, — сказал я, — но все дело не стало от этого ни на йоту понятнее. Кто этот таинственный помощник? Как он проник в эту комнату?

— Да, помощник, — повторил Холмс задумчиво. — Этот помощник — личность примечательная. Благодаря ему дело приобретает совершенно исключительную окраску. Я думаю, что оно впишет новую страницу в историю преступлений в Англии. Подобные случаи бывали раньше, но только в Индии и еще, если память не изменяет мне, в Сенегамбии.

— Но как же все-таки он проник в эту комнату? — повторил я. — Дверь заперта, окна снаружи недоступны. Может быть, через трубу?

— Каминное отверстие слишком мало, — ответил Холмс. — Я уже проверил эту возможность.

— Но как же тогда?

— Вы просто не хотите применить мой метод, — сказал он, качая головой. — Сколько раз я говорил вам, отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался. Нам известно, что он не мог попасть в комнату ни через дверь, ни через окна, ни через дымовой ход. Мы знаем также, что он не мог спрятаться в комнате, поскольку в ней прятаться негде. Как же тогда он проник сюда?

— Через крышу! — воскликнул я.

— Без сомнения. Он мог проникнуть в эту комнату только через крышу. Если вы будете добры посветить мне, мы продолжим наши поиски в тайнике, где был спрятан ларец с сокровищами.

Холмс поднялся по стремянке к потолку, ухватился обеими руками за балку и, подтянувшись, влез в отверстие. Затем, высунув лицо, — он, видимо, распластался там, — протянул руку, взял у меня лампу и держал ее, пока я поднимался следом.

Чердак, на котором мы очутились, был десяти футов в длину и шести в ширину. Полом служили потолочные балки и тонкий слой дранки со штукатуркой, так что ступать с балки на балку надо было с осторожностью. Крыша была двускатная, заканчивалась коньком. Потолком чердака служила, по всей вероятности, внутренняя сторона крыши. Пол покрывал толстый слой пыли, скопившийся за многие годы. Кроме пыли, на чердаке ничего не было.

— Вот, пожалуйста, — сказал Шерлок Холмс, кладя руку на покатую стену. — Это слуховое окно ведет наружу. Откройте его и очутитесь прямо на крыше, а крыша, к счастью, пологая. Именно этим путем Номер Первый и проник в комнату. Давайте посмотрим, не оставил ли он каких-нибудь следов.

Холмс опустил лампу к полу, и я второй раз за сегодняшний вечер увидел на его лице удивленное и озадаченное выражение. Проследив его взгляд, я почувствовал, как мороз продирает меня по коже: на полу было множество отпечатков босых ног — четких, хорошо заметных, но эти следы были чуть не в половину меньше следов взрослого человека.

— Холмс, — прошептал я, — выходит, что это страшное дело сделал ребенок!

Самообладание уже вернулось к Холмсу.

— Я было, признаться, оказался в тупике. Память подвела. А ведь дело-то простое. Я должен был с самого начала догадаться, какие будут следы. Ну что ж, здесь больше делать нечего. Идемте вниз.

— Но что это за следы? — спросил я, сгорая от любопытства.

— Дорогой Уотсон, проанализируйте факты, — сказал он с легким раздражением. — Вы знаете мой метод. Примените его, будет интересно сравнить результаты.

— Нет, я ничего не понимаю, — отвечал я.

— Скоро все поймете, — рассеянно бросил Холмс. — Я думаю, что ничего интересного здесь больше нет. И все-таки я проверю еще раз.

Быстрым движением он вынул из кармана лупу и сантиметр и, приблизив свой острый тонкий нос к самой обшивке, стал внимательно изучать каждый миллиметр. Его глаза, блестящие, глубоко посаженные, напоминали мне глаза хищной птицы. Так быстры, неслышны и вкрадчивы были его движения, точь-в-точь как у ищейки, взявшей след, что я вдруг подумал, каким бы страшным преступником он мог бы быть, если бы направил свой талант и свою энергию не в защиту закона, а против него.

Осматривая чердак, он все время что-то шептал себе под нос и вдруг радостно вскрикнул.

— Вот уж, можно сказать, повезло, — сказал он. — Это сэкономит нам много времени и трудов. Номер Первый имел неосторожность вступить в креозот. Видите, с правой стороны этой вязкой, вонючей лужи отпечатался краешек маленькой ноги. Бутыль с креозотом, по-видимому, треснула, и жидкость потекла.

— Ну и что?

— А то, что теперь мы его очень быстро поймаем. Есть собака, которая по следу, пахнущему креозотом, пойдет хоть на край света. Если обычная ищейка будет держать след до самых границ графства, как вы думаете, куда может уйти специально натренированная собака? Обычная пропорциональная зависимость, неизвестный член которой равен… Стоп! Я слышу, на место прибыли полномочные представители закона.

Внизу послышались тяжелые шаги и громкие голоса, сильно хлопнула входная дверь.

— Пока они еще не пришли, — сказал Холмс, — коснитесь ладонью руки и ноги этого бедняги. Что вы чувствуете?

— Мускулы затвердели, как дерево, — ответил я.

— Вот именно. Они сведены сильнейшей судорогой. Это не простое трупное окоченение. На какую мысль наводит вас эта гиппократовская, или, как любили писать старые писатели, сардоническая улыбка и это окостенение?

— Смерть наступила в результате действия какого-то сильного алкалоида растительного происхождения, — отвечал я, — наподобие стрихнина, вызывающего столбняк.

— Это первое, о чем я подумал, когда увидел это перекошенное лицо. Войдя в комнату, я сразу же стал искать, чем был введен яд. И, как помните, обнаружил шип, который едва наколол кожу. Обратите внимание, что шип поразил ту часть головы, которая обращена к отверстию в потолке, если сидеть прямо на этом стуле. А теперь давайте осмотрим самый шип.

Я осторожно взял шип и поднес к фонарю. Он был длинный, острый и черный, у самого острия блестел засохший подтек какой-то густой жидкости. Тупой конец имел овальную форму и носил следы ножа.

— Это от дерева, растущего в Англии?

— Разумеется, нет. Так вот, Уотсон, имея в своем распоряжении столько фактов, вы должны прийти к правильному заключению. А вот и представители регулярных частей; вспомогательные силы должны уступить им место.

Шаги были слышны все громче, наконец, они зазвучали прямо за дверью, и в комнату вошел, тяжело ступая, грузный, большой мужчина в сером. У него было красной, мясистое лицо, с которого хитро поглядывали на нас из-под припухших, одутловатых век маленькие блестящие глазки. За ним вошел инспектор полиции в мундире и следом все еще не переставший дрожать Таддеуш Шолто.

— Ну и дельце! — воскликнул вошедший глухим, хриплым голосом. — Хорошенькое дельце! Кто это здесь? Почему в доме людей, как в садке кроликов?..

— Вы, должно быть, помните меня, мистер Этелни Джонс? — спокойно проговорил Холмс.

— Ясное дело, помню, — прохрипел в ответ тот. — Вы мистер Холмс, Шерлок Холмс, теоретик. Я никогда не забуду, как вы поучали нас, объясняя, куда девались бишопгейтские бриллианты. Справедливость требует заметить, что вы показали нам верный путь, но теперь-то уж вы можете признать, что в тот раз вам помог просто счастливый случай.

— Мне помогла в тот раз простая логика.

— Ну будет, будет. Никогда не стыдитесь правды. Так что же здесь произошло? Скверное дело! Скверное! Факты, к счастью, налицо, так что всякие там теории ни к чему. К счастью, я как раз оказался в Норвуде, по поводу другого дела. И вдруг эта смерть в Пондишери-Лодж. Как вы думаете, отчего она наступила?

— Теории здесь ни к чему, — сухо заметил Холмс.

— Конечно, конечно. Но мы ведь не отрицаем, что вы иногда удивительно попадаете в точку. Господи помилуй! Дверь, как я понимаю, заперта. Хм, хм… Исчезли драгоценности стоимостью в полмиллиона. А как насчет окна?

— Тоже на запоре, но на подоконнике есть следы.

— Отлично, отлично, но если оно заперто, то следы не имеют никакого отношения к делу. Это подсказывает здравый смысл. Человек может умереть от удара. Да, но ведь исчезли драгоценности. Ага! У меня есть версия. Иногда и на меня находят озарения. Пожалуйста, отойдите в сторону, сержант, и вы, мистер Шолто. Ваш друг может остаться, где стоит. Что вы об этом думаете, Холмс? Шолто, как он сам признался, был вчера весь вечер со своим братом. С братом случился удар, после чего Шолто ушел и унес с собой все драгоценности. Ну, что скажете?

— После чего мертвый хозяин очень предусмотрительно встал и заперся изнутри.

— Гм, гм! В этом слабое место моей версии. Призовем на помощь здравый смысл. Этот Таддеуш Шолто пришел к брату. Завязалась ссора. Это нам известно. Брат мертв, драгоценности исчезли — это тоже известно. Никто не видел брата после ухода Таддеуша. Постель его не тронута. Таддеуш явно пребывает в большом смятении. Как вы видите, я плету сеть вокруг Таддеуша. И сеть затягивается.

— Но вам еще неизвестны все факты, — заметил Холмс. — Видите этот шип; у меня есть все основания полагать, что он отравлен. Его нашли вонзенным в голову убитого. Там остался след. На столе лежала вот эта записка, прочтите ее. Рядом было вот это странное оружие с наконечником из камня. Как ваша версия объясняет эти факты?

— Замечательно объясняет, — напыщенно ответил жирный детектив. — Дом полон индийских редкостей. И Таддеуш принес эту штуку сюда. А если шип был отравлен, то ему было проще простого использовать его как орудие убийства. Эта записка — ловкий трюк для отвода глаз. Одно только неясно — каким путем он вышел отсюда? Ага, в потолке отверстие! Разумеется, через него.

С неожиданной для его тучности ловкостью он полез вверх по лестнице и нырнул в отверстие. В ту же минуту мы услыхали его торжествующий голос. Он кричал, что с чердака на крышу ведет слуховое окно.

— Он, пожалуй, найдет там еще что-нибудь, — проговорил Холмс, пожав плечами. — Иногда в нем как будто заметны проблески разума. Il n'y a pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit[19].

— Вот видите! — сказал Этелни Джонс, спускаясь по лестнице. — Факты надежнее всякой теории. Моя версия подтверждается полностью. На чердаке есть дверь на крышу. И она даже приоткрыта.

— Это я ее открыл.

— В самом деле? Так, значит, вы тоже ее видели?

Джонс был явно обескуражен, услыхав слова Холмса.

— Неважно, кто первый ее заметил, — сказал он примирительно, — важно то, что теперь ясно, как он выбрался отсюда. Инспектор!

— Да, сэр! — Голос из коридора.

— Пригласи сюда мистера Шолто. Мистер Шолто, мой долг, предупредить вас, что все ваши слова могут быть обращены против вас. Я арестую вас именем королевы как лицо, причастное к смерти вашего брата.

— Ну вот! Я говорил вам! — воскликнул плачущим голосом маленький человечек, протягивая к нам руки.

— Не расстраивайтесь, мистер Шолто, — сказал Холмс. — Я думаю, что сумею снять с вас это обвинение.

— Не обещайте слишком много, мистер Теоретик, не обещайте! — воскликнул детектив. — Это может оказаться не таким простым делом.

— Я не только сниму с мистера Шолто обвинение, мистер Джонс, но я еще и сделаю вам подарок: назову имя и приметы одного из двоих людей, которые были в этой комнате прошлой ночью. У меня есть все основания утверждать, что его имя Джонатан Смолл. Он почти неграмотный, невысокого роста, подвижный, у него нет правой ноги, он ходит на стоптанной внутрь деревяшке. Левая его нога обута в грубый, с квадратным носом башмак на железной подковке. Это бывший каторжник, лет ему около сорока, он очень загорелый. Вот несколько примет, которые могут помочь вам, тем более, что на этой веревке имеется кровь: он вчера ночью ободрал здесь ладони. Другой…

— Ах, есть и другой, — насмешливо проговорил Этелни Джонс, но было заметно, что уверенность, с какой Холмс описывал преступника, произвела на него впечатление.

— Это довольно любопытная личность, — сказал Холмс, поворачиваясь на пятках. — Я надеюсь, что очень скоро передам эту парочку в ваши руки. Уотсон, мне надо сказать вам несколько слов.

Он вывел меня на площадку лестницы.

— Неожиданный поворот событий, — сказал он, — заставил нас забыть о первоначальной цели нашего путешествия.

— Я тоже как раз об этом подумал, — ответил я. — Нельзя, чтобы мисс Морстен дольше находилась в этом злосчастном доме.

— Нельзя. Вы должны отвезти ее домой. Она живет у миссис Сесил Форрестер в Лоуэр-Камберуэлле. Это не так далеко отсюда. Если вы решите вернуться, я вас здесь подожду. Но, может быть, вы очень устали?

— Нисколько. Я не смогу уснуть, пока эта фантастическая история не станет для меня более или менее ясной. Я не раз попадал в чрезвычайно сложные и острые ситуации, но, должен признаться, сегодняшнее нагромождение этих поистине невероятных происшествий вывело меня из равновесия. Но раз уж я оказался в самой гуще событий, я останусь с вами до конца.

— Ваше присутствие мне будет очень необходимо, — сказал Холмс. — Мы поведем это дело самостоятельно. И пусть Джонс тешит себя своими фантазиями. Когда вы отвезете мисс Морстен, поезжайте, пожалуйста, в Ламбет, улица Пинчин-лейн, 3. Это на самом берегу. В третьем доме по правую руку живет чучельник по имени Шерман, он набивает чучела птиц. В его окне вы увидите ласку, держащую крольчонка. Разбудите Шермана, передайте от меня привет и скажите ему, что мне немедленно нужен Тоби. Возьмите Тоби и привезите его сюда.

— Это собака?

— Да, забавный такой пес, не чистокровный, но с поразительным нюхом. Я предпочитаю воспользоваться помощью Тоби, чем всеми сыскными силами Лондона.

— Я привезу его вам, — ответил я. — Обратно я вернусь около трех, если найду свежую лошадь.

— А я, — сказал Холмс, — попробую узнать что-нибудь у миссис Берстон и слуги-индуса, который, как сказал мистер Таддеуш, спит в чулане на чердаке. Затем я примусь за изучение методов великого мистера Джонса и послушаю его иронические и малоделикатные замечания, «Wir sind gewohnt, dass die Menschen verhonen was sie nicht verstehen»[20]. Гете, как всегда, глубок и краток.

ГЛАВА VII. Эпизод с бочкой

Полицейские приехали в двух кэбах, одним я воспользовался, чтобы отвезти мисс Морстен домой. Обладавшая в высшей степени чувством сострадания, мисс Морстен весь этот ужасный вечер держала себя стойко, пока рядом было существо, нуждавшееся в поддержке. Когда я спустился вниз, она ласково и невозмутимо разговаривала с перепуганной экономкой. Когда же мы очутились с ней вдвоем в кэбе, она вдруг совсем обессилела, а потом безутешно разрыдалась — так сильно подействовали на нее события этого вечера. Впоследствии она говорила мне, что во время этого путешествия в кэбе я показался ей чужим и холодным. Она и не подозревала, какая во мне происходила борьба и сколько мне стоило усилий сдержать себя. Я был так же полон к ней сострадания и нежности, как там, в саду, когда мы держались за руки. Я понимал, что за многие годы безмятежной жизни я не узнал бы лучше ее доброго и храброго сердца, чем за один этот невероятный день. Но два соображения мешали мне что-нибудь сказать. Она была беззащитна и слаба, нервы у нее сильно расстроились. Говорить ей сейчас о своей любви значило воспользоваться ее беспомощностью. Но еще хуже было то, что

она была богата. Если поиски Холмса увенчаются успехом, она станет наследницей найденных сокровищ, по крайней мере половины их. Будет ли справедливо, будет ли благородно, если отставной хирург на половинном жалованье воспользуется минутой близости, которую подарил ему случай? Не отнесется ли она ко мне, как к обычному искателю богатых невест? Я не могу допустить, чтобы она так обо мне подумала. Эти сокровища Агры легли между нами непреодолимым барьером.

Было около двух часов, когда мы добрались до дома миссис Сесил Форрестер. Слуги уже давно легли спать, но миссис Форрестер еще не ложилась, а ждала возвращения мисс Морстен — так заинтересовало ее странное письмо, полученное ее компаньонкой. Она сама открыла нам дверь. Это была очень приятная средних лет дама; я с радостью заметил, как ласково она обняла мисс Морстен и голос ее звучал по-матерински. Было ясно, что мисс Морстен не просто живет в услужении, но она еще и друг. Она представила меня миссис Форрестер, и та предложила мне войти в дом, несмотря на поздний час, и рассказать о наших приключениях. Но я объяснил ей всю важность поручения Холмса и твердо обещал в скором времени заехать к ним и рассказать, как подвинулось дело. Когда кэб отъехал немного, я оглянулся, и до сих пор передо мной эта картинах две изящных женских фигурки, тесно прижавшиеся друг к другу на ступеньках крыльца, открытая входная дверь, прихожая, освещенная сквозь матовое стекло внутренней двери, барометр на стене, ярко начищенные металлические прутья на лестнице. Как умиротворяюще подействовал на меня спокойный уют английского дома! Я даже забыл на секунду это ужасное, загадочное дело.

И чем больше я о нем думал, тем загадочнее и ужаснее оно мне казалось. Пока кэб громыхал по тихим, освещенным газовыми фонарями ночным улицам, я вспомнил всю цепь невероятных событий прошлого дня и ночи. Начальная проблема вполне прояснилась. Смерть капитана Морстена, посылки с жемчужинами, объявление в газете, письмо — все это больше не было тайной, но зато нам открылась еще одна тайна, куда более загадочная и трагическая. Индийские сокровища, непонятный план, найденный среди вещей капитана Морстена, странные события, приведшие к смерти майора Шолто, открытие тайника и убийство того, кто этот тайник нашел, исключительные обстоятельства убийства, странные следы, странное оружие, слова, нацарапанные на клочке бумаги, те же самые, что были на плане Морстена, — это был настоящий лабиринт, в котором человек, не наделенный такими исключительными способностями, как мой друг Шерлок Холмс, непременно бы заблудился, потеряв всякую надежду когда-нибудь найти выход.

Пинчин-лейн была рядом старых двухэтажных кирпичных домов в нижней части Ламбета. Я долго стучал в двери дома № 3. Наконец за ставнем блеснул огонек свечи, и в окне второго этажа появилось лицо.

— Убирайся отсюда сейчас же, пьяная тварь! — раздалось сверху. — Если ты не перестанешь колотить, я отопру двери и выпущу на тебя сорок три собаки.

— Мне нужно только одну, я за тем и приехал.

— Убирайся! — вопил тот же голос. — У меня здесь в корзине гадюка! Если ты не уйдешь, я брошу ее тебе на голову!

— Мне нужна собака, а не змея! — кричал я в ответ.

— Надоело мне с тобой пререкаться. Считаю до трех. Если не уйдешь, бросаю гадюку!

— Мистер Шерлок Холмс… — начал я.

Имя Шерлока Холмса возымело магическое действие, ибо рама немедленно опустилась, а не прошло и минуты, как загремели ключи, и дверь отворилась. Мистер Шерман оказался длинным, худым стариком, с сутулыми плечами, жилистой шеей и в синих очках.

— Друг Шерлока Холмса всегда желанный гость в этом доме, — сказал он. — Входите, сэр. Держитесь подальше от барсука, он кусается. Фу, как стыдно! Ты хочешь укусить этого господина? — Эти слова были обращены к горностаю, который просовывал свою хищную

мордочку с красными глазками между прутьев клетки. — Не обращайте на эту змею внимания. Это всего-навсего веретенница. Она не ядовитая, и я пускаю ее бегать по комнате. Она уничтожает жуков. Вы не сердитесь на меня за то, что я поначалу был несколько груб. Спасения нет от мальчишек. Любят торчать под моими окнами. Чем я могу быть полезным мистеру Шерлоку Холмсу, сэр?

— Ему нужна ваша собака.

— А-а! Ему нужен Тоби!

— Да, именно Тоби.

— Тоби живет здесь в номере седьмом по левую руку.

Он медленно побрел со свечой в руках по этому удивительному звериному городку. В неверном, слабом свете свечи я различал в каждом закоулке, в каждой щели блестящие, мерцающие глаза, следящие за нами. Над нашими головами на потолочных балках сидели важные птицы и лениво переступали с ноги на ногу, когда наши голоса тревожили их сон.

Тоби оказался маленьким уродцем, длинношерстным и длинноухим, помесь спаниеля и шотландской ищейки. Он был коричневый с белым, и у него была смешная, неуклюжая походка вперевалочку. После некоторого колебания он взял от меня кусок сахару, данный мне старым натуралистом, и, заключив таким образом со мной союз, без всяких уговоров последовал за мной в кэб. На дворце Ламбетского епископа как раз пробило три, когда я во второй раз в эту ночь очутился у ворот Пондишери-Лодж. Бывший профессиональный боксер Мак-Мурдо, как я узнал, был арестован по подозрению в соучастии и вместе с мистером Шолто отправлен в полицию. Узкую входную дверь караулили два полицейских, но меня с собакой они пропустили немедленно, как только я назвал имя знаменитого сыщика.

Холмс стоял на пороге, засунув руки в карманы и куря свою трубку.

— А, вы привезли его! — сказал он, увидев меня. — Хорошая собака! Этелни Джонс ушел. Пока вас не было, мы были свидетелями его неукротимой энергии. Он арестовал не только нашего друга Таддеуша Шолто, но и экономку, привратника и слугу-индуса. Так что мы здесь одни, не считая сержанта в кабинете наверху. Оставьте собаку здесь и пойдемте со мной.

Мы привязали Тоби к столу в прихожей и поднялись по лестнице. Комната была в том же виде, как я ее оставил, только тело посреди комнаты было укрыто простыней. В углу прикорнул усталый сержант.

— Дайте мне, пожалуйста, ваш фонарь, сержант, — сказал Холмс. — А теперь завяжите сзади вот эту бечевку, чтобы фонарь висел у меня на груди. Ботинки с носками я сниму. Вы захватите их с собой вниз, Уотсон. Я хочу попробовать профессию верхолаза. Опустите, пожалуйста, мой носовой платок в креозот. Так, хорошо. А теперь поднимемся ненадолго наверх.

Мы опять поднялись по стремянке и влезли через отверстие в потолке на чердак. Холмс направил свет фонаря на странные следы в пыли.

— Это очень интересные следы, — сказал он. — Вы заметили в них что-нибудь необыкновенное?

— Это следы ребенка, — ответил я, — или миниатюрной женщины.

— Если судить по их размеру. А еще что в них поражает?

— По-моему, они больше ничем не отличаются от всякого другого следа.

— Отличаются, да еще как! Смотрите. В пыли отпечаток правой ступни. Я наступаю рядом своей ступней. В чем разница?

— Ваши пальцы прижаты друг к другу. На маленьком следе все пальцы торчат врозь.

— Совершенно верно. Это очень важно запомнить. А теперь подойдите к слуховому окну и понюхайте подоконник. Я со своим платком останусь здесь.

Так я и сделал и почувствовал сильный запах дегтя.

— Вот куда он поставил ногу, когда уходил отсюда. Если вы учуяли его след, то Тоби и подавно учует. А теперь ступайте вниз отвяжите собаку — и в погоню за Номером Первым.

Когда я вышел во двор, Шерлок Холмс был уже на коньке крыши, по которому он медленно полз, как огромный светляк. Он было исчез за трубами, но скоро опять появился и снова исчез за коньком — видимо, стал спускаться по противоположному скату крыши. Я обошел дом и увидел, что он уже сидит на карнизе, рядом с угловой водосточной трубой.

— Уотсон, это вы? — крикнул он сверху.

— Я, — ответил я.

— Вот где он поднимался. Что там внизу?

— Бочка!

— Крышка на ней есть?

— Есть.

— А лестницы поблизости не видно?

— Нет!

— Вот дьявол! Тут и шею сломать недолго. Но там, где прошел он, пройду и я. Водосточная труба довольно прочная. Ну, я спускаюсь!

Послышалось шарканье босых ног, и огонь фонаря медленно пополз вниз по стене. Затем Холмс легко прыгнул на крышку бочки и оттуда на землю.

— Нетрудно было идти по его следу, — сказал он, надевая носки и ботинки. — Черепица, где он ступал, ослабла, и впопыхах он обронил вот что. Это подтверждает мой диагноз, как любите говорить вы, медики.

Он протянул мне что-то вроде небольшого кошелька, сплетенного из цветной соломки и украшенного дешевым бисером. По виду и форме он напоминал портсигар. Внутри было полдюжины длинных темных колючек, острых с одной стороны и закругленных с другой, — точно таких, какая поразила Бартоломью Шолто.

— Дьявольские иголки, — проговорил Холмс. — Осторожнее, не уколитесь. Я очень рад, что нашел их. Вряд ли у него с собой есть еще. Теперь можно не бояться, что такой вот шип продырявит мне или вам кожу. Я скорее соглашусь получить пулю из боевой винтовки. Ну что, Уотсон, вы достаточно бодро себя чувствуете для шестимильного пробега?

— Конечно, — ответил я.

— Нога выдержит?

— Выдержит.

— Поди сюда, Тоби. Поди сюда, хорошая собака. Нюхай, Тоби! Нюхай!

Холмс сунул собаке под нос платок, испачканный креозотом. Расставив свои лохматые ноги и смешно задрав вверх одно ухо, Тоби нюхал платок с видом дегустатора, наслаждающегося букетом старого вина. Холмс бросил платок подальше, привязал толстый шпагат к ошейнику собаки и подвел ее к бочке. Собака немедленно залилась тонким, возбужденным лаем и, уткнув нос в землю, а хвост задрав вверх, помчалась по следу с такой быстротой, что поводок натянулся, и мы бросились за ней бежать изо всех сил.

Восток стал понемногу бледнеть, и мы уже могли различать предметы вокруг нас в холодных утренних сумерках. Большой, похожий на коробку дом с черными провалами окон и высокими голыми стенами высился, печальный и молчаливый, позади нас. Наш путь лежал через парк, между ям и канав, которые пересекали его по всем направлениям. Это место с кучами мусора и земли, с кустами и деревьями, давно не видавшими ножниц садовника, являло вид мрачный и заброшенный, что вполне гармонировало с разыгравшейся здесь трагедией.

Достигнув каменной ограды, Тоби побежал вдоль нее, жалобно и нетерпеливо скуля, пока не остановился наконец в углу, заслоненном от всего парка большим молодым буком. Там, где стены сходились, несколько кирпичей сдвинулось, образуя как бы ступеньки, которые были стерты и закруглены у наружного края, что говорило о том, что ими часто пользовались. Холмс поднялся по ним и, взяв у меня из рук Тоби, бросил его на землю.

— Здесь есть отпечаток руки человека на деревянной ноге, — сказал он, когда я поднялся к нему. — Видите, слабые пятна крови на белой краске. Какая удача, что со вчерашнего дня не было дождя! Запах остался на дороге, несмотря на то, что они прошли здесь двадцать восемь часов назад.

Признаюсь, у меня были на этот счет некоторые сомнения, когда я подумал, какое сильное движение бывает на Лондонском шоссе. Но сомнения мои скоро рассеялись. Тоби, ни секунды не колеблясь, побежал вперед, смешно переваливаясь на ходу. Резкий запах креозота победил на дороге все остальные запахи.

— Не думайте, пожалуйста, — сказал Холмс, — что только благодаря этой случайности преступники скоро окажутся в наших руках. Я знаю сейчас уже так много, что вижу несколько способов поймать их, но это, конечно, самый легкий и быстрый. Было бы глупо им не воспользоваться, раз уж судьба так благосклонна к нам. Но этот счастливый случай оказал мне и плохую услугу: решение перестало быть чисто логическим, каким я вначале представлял его. Тогда бы это дело действительно принесло мне лавры.

— Какие лавры вам еще нужны, Холмс! Я восхищен вашим дедуктивным методом. Такой блестящий успех! Он затмил даже дело Джефферсона Хоупа. Норвудское дело кажется мне более сложным и загадочным. Объясните мне, например, откуда вам с такой достоверностью известна наружность человека на деревянной ноге?

— А, мой дорогой Уотсон! Ведь это так просто! И это я говорю не из ложной скромности. Два офицера из тюремной охраны становятся обладателями важной тайны. Англичанин, по имени Джонатан Смолл, нарисовал и передал им план, указывающий местонахождение клада. Вы помните, что именно это имя было на плане, найденном в записной книжке капитана Морстена. От имени своих товарищей он подписался с некоторой претензией «знак четырех». Пользуясь планом, офицеры, а может быть, один из них, завладели кладом и увезли его в Англию, нарушив, как можно догадаться, соглашение, в силу которого этот клад попал им в руки. Можно спросить: почему Джонатан Смолл сам не завладел кладом? И это ясно. Если вы помните, план помечен числом, когда Морстен постоянно общался с заключенными. Отсюда следует, что Джонатан Смолл вместе со своими приятелями был в то время в тюрьме и, следовательно, сам не мог завладеть сокровищами.

— Это — чистое предположение, — сказал я.

— Больше чем предположение. Это гипотеза, которая объясняет все без исключения факты. Давайте проверим. Майор Шолто живет спокойно, наслаждаясь сокровищами, находящимися в его безраздельном владении. Потом вдруг он получает из Индии письмо, которое пугает его до полусмерти. Что это письмо могло сообщить?

— То, что человек, с которым поступили несправедливо, выпущен на свободу.

— Или бежал. Что более вероятно, так как майор Шолто, несомненно, знал сроки заключения Джонатана Смолла и его друзей. И если бы срок истек, его появление не испугало бы его до такой степени. Что же он делает? Он вооружается, ставит в воротах усадьбы надежную охрану, боясь до умопомрачения человека на деревянной ноге, причем белого. Помните, он, обознавшись, стрелял из револьвера в хромого торговца? Дальше, на плане только одно английское имя. Другие — индусские или магометанские. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что человек на деревянной ноге и есть Джонатан Смолл. Вам пока не кажется, что мое рассуждение грешит против логики?

— Нет, все очень ясно и убедительно.

— Хорошо. Тогда давайте поставим себя на место Джонатана Смолла. Посмотрим на дело с его точки зрения. Он возвращается в Англию с намерением вернуть себе то, что считает по праву принадлежащим ему, а также отомстить нарушившему соглашение. Он узнает, где живет Шолто, и, по всей вероятности, вступает в контакте кем-нибудь из слуг. Там есть дворецкий, которого мы еще не видели, его имя Лал Рао. Миссис Берстон отозвалась о нем неодобрительно. Но Смоллу не удалось, однако, найти тайник, где были спрятаны сокровища, потому что никто, кроме самого майора и его преданного слуги, который уже умер, о тайнике не знал. Неожиданно Смолл узнает, что майор при смерти. В отчаянии, что тайна клада умрет вместе с ним, он, каким-то образом обманув бдительность привратника, пробирается в парк и заглядывает в окно спальни умирающего. Только присутствие у постели майора двух его сыновей помешало ему проникнуть внутрь. Обезумев от ярости, он той же ночью пробирается в спальню усопшего, перерывает в ней все вверх дном в поисках какого-нибудь указания, где хранится сундук с драгоценностями, и оставляет как свидетельство своего визита уже известный нам «знак четырех». Без сомнения, он заранее решил, убив майора, оставить возле его тела такую записку в знак того, что это не простое убийство, а месть. Примеров подобного пристрастия к дешевым аффектам можно встретить немало в анналах преступного мира, и они обычно являются ценным ключом для установления личности преступника. Пока все ясно?

— Абсолютно все.

— Хорошо. Что же Джонатану Смоллу остается делать? Остается только установить секретное наблюдение за домом, где начались поиски сокровищ. Возможно, он жил за пределами Англии и только время от времени наезжал сюда. Затем был обнаружен тайник, и Смолла тотчас уведомили об этом. Здесь опять выступает на сцену его сообщник из домочадцев. Джонатан Смолл со своей деревянной ногой не смог бы забраться в кабинет Бартоломью Шолто, расположенный так высоко. Тогда он находит себе очень странного помощника, который легко взбирается на крышу по водосточной трубе, но попадает босой ногой в креозот, вследствие чего в дело вступает Тоби и отставной хирург с простреленным сухожилием отправляется в шестимильную прогулку.

— Так, значит, это не он, а его помощник убил майора?

— Да. И, судя по следам Смолла в комнате, он был этим очень недоволен. Он не питал ненависти к Бартоломью Шолто и считал, что надо только связать его и заткнуть ему рот. Ему совсем не хотелось лезть в петлю. Но сделанного, как говорится, не воротишь. В его сообщнике проснулись дикие инстинкты, и яд сделал свое дело. Тогда Джонатан Смолл оставил свой «знак четырех», спустил через окно на землю ларец с сокровищами и ушел сам. Таков в моем представлении ход событий. Что касается его наружности, то он, конечно, должен быть средних лет и очень смуглым, после стольких лет каторжных работ на Андаманских островах. Рост его легко рассчитывается по длине шага, а о том, что у него есть борода, мы знаем из рассказа Таддеуша Шолто, которого особенно поразило обилие растительности на лице, показавшемся в окне в ночь смерти его отца. Ну вот, собственно, и все.

— А помощник?

— Ах да, помощник, но и с ним все так же ясно. Да вы все скоро узнаете. А как хорошо дышится свежим утренним воздухом! Видите вон то маленькое облачко? Оно плывет, как розовое перо гигантского фламинго. Красный диск солнца еле продирается вверх сквозь лондонский туман. Оно светит многим добрым людям, любящим вставать спозаранку, но вряд ли есть среди них хоть один, кто спешит по более странному делу, чем мы с вами. Каким ничтожным кажется человек с его жалкой амбицией и мечтами в присутствии этих стихий! Как поживает ваш Жан Поль?

— Прекрасно! Я напал на него через Карлейля.

— Это все равно, что, идя по ручью, дойти до озера, откуда он вытекает. Он высказал одну парадоксальную, но глубокую мысль о том, что истинное величие начинается с понимания

собственного ничтожества. Она предполагает, что умение оценивать, сравнивая, уже само по себе говорит о благородстве духа. Рихтер дает много пищи для размышлений. У вас есть с собой пистолет?

— Нет, только палка.

— Возможно, нам понадобится оружие, когда мы сунемся в их логово. Джонатана вы возьмете на себя. Если же тот, другой, будет сопротивляться, я просто застрелю его.

Холмс вынул свой пистолет и, зарядив его двумя патронами, сунул обратно в правый карман пиджака.

Все это время след вел нас то по проселку, то по шоссе в сторону Лондона, и скоро мы очутились в бесконечном лабиринте улиц предместья, полных уже заводскими рабочими и докерами. Неряшливого вида женщины открывали ставни и подметали ступеньки у входа. В кабачке на углу одной из улиц жизнь уже кипела вовсю, то и дело из него появлялись бородатые мужчины, вытирая рот рукавом после утреннего возлияния. Бродячие собаки провожали нас любопытным взглядом, но наш неподражаемый Тоби не смотрел ни вправо, ни влево, а бежал вперед, почти касаясь носом земли, и время от времени нетерпеливо повизгивал, чуя горячий след.

Таким образом мы миновали Стритем, Брикстон, Камберуэлл и очутились в районе Кеннингтон-лейн, выйдя окольными путями к восточной стороне Кеннинтгонского стадиона. По-видимому, Джонатан Смолл и его страшный помощник специально выбрали этот сложный маршрут, чтобы сбить со следа преследователей. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было двигаться в желаемом направлении боковыми улочками. В начале Кеннингтон-лейн они свернули налево и пошли по Бонд-стрит и Майлс-стрит. Там, где последняя улица вливается в Найтс-плейс, Тоби остановился и забегал взад и вперед, одно ухо задрав, другое опустив, выражая всем своим видом полное недоумение. Затем он стал кружить на месте, время от времени поглядывая на нас, точно искал у нас сочувствия.

— Что такое творится с собакой? — вскипел Холмс. — Ведь не взяли же они здесь кэб и не улетели отсюда на воздушном шаре?

— Может, они останавливались здесь ненадолго? — предположил я.

— Да, по всей вероятности. Тоби опять взял след, — сказал он с облегчением.

На этот раз Тоби буквально полетел стрелой. Обнюхав все кругом своим острым носом, он вдруг опять обрел уверенность и бросился вперед с такой прытью, какую еще не проявлял. След, очевидно, был совсем свежий, так как Тоби не только почти зарылся носом в землю, но и рвался с поводка, который теперь мешал ему развить настоящий бег. По блеску глаз Холмса я видел, что конец нашего путешествия, по его мнению, близок.

Мы бежали теперь по Найн-Элмс, оставив позади большой дровяной склад фирмы «Бродерик и Нельсон». У соседней со складом таверны «Белый орел» Тоби в сильном возбуждении нырнул в калитку, и мы очутились во дворе склада, где пильщики уже начали свой дневной труд. Тоби, не обращая на них внимания, прямо по стружкам и опилкам выбежал на дорогу, обогнул сарай, проскочил коридор из двух поленниц и наконец с ликующим лаем вскочил на большую бочку, еще стоявшую на ручной тележке, на которой ее сюда привезли. Со свесившимся языком и блестящими глазами Тоби стоял на бочке и торжествующе поглядывал на нас, ожидая похвалы. Вся бочка и колеса тележки были измазаны темной густой жидкостью, кругом сильно пахло креозотом.

Мы с Шерлоком Холмсом посмотрели друг на друга и одновременно разразились неудержимым смехом.

ГЛАВА VIII. Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит

— Что же теперь делать? — воскликнул я. — Тоби потерял свою непогрешимую репутацию.

— Он действовал в меру своего разумения, — ответил Холмс, снимая Тоби с бочки и уводя его со склада. — Представьте себе, сколько Лондон потребляет в течение дня креозота, так что не удивительно, что наш след оказался пересеченным. Пошла мода пропитывать им дерево. Нет, бедняга Тоби не виноват.

— Значит, вернемся к начальному следу?

— Да. К счастью, это недалеко. Я теперь понимаю, почему Тоби так растерялся на углу Найтс-плейс. Оттуда в разные стороны убегало два одинаковых следа. Мы попали на ложный. Остается вернуться и найти правильный след.

Это было нетрудно. Мы привели Тоби туда, где он ошибся. Он сделал там еще один круг и бросился совсем в другом направлении.

— Как бы он не привел нас к месту, откуда эта бочка прикатила, — заметил я.

— Не бойтесь. Видите, Тоби сейчас бежит по тротуару, а ведь тележка ехала по мостовой. Нет, на сей раз мы на верном пути. — След свернул к берегу, позади остались Бельмонт-плейс и Принсис-стрит. В конце Брод-стрит след подошел прямо к воде, к небольшому деревянному причалу. Тоби вывел нас на самый край и остановился, возбужденно повизгивая и глядя на темную быструю воду внизу.

— Не повезло, — проговорил Холмс. — Здесь они взяли лодку.

К причалу было привязано несколько яликов и плоскодонок. Мы подвели Тоби к каждой, но как он ни внюхивался, запах креозота исчез.

Неподалеку от этого простенького причала стоял небольшой кирпичный домик. Над его вторым окном висела большая деревянная вывеска со словами «Мордекай Смит», пониже было написано: «Прокат лодок на час или на день». Надпись на двери возвещала, что у хозяина есть паровой катер, о чем красноречиво говорила большая куча кокса у самого берега. Шерлок Холмс огляделся по сторонам, и лицо его помрачнело.

— Дело плохо, — сказал он. — Эти молодчики оказались умнее, чем я предполагал. Кажется, они сумели замести следы. Боюсь, что отступление, было подготовлено заранее.

Он подошел к домику. Дверь вдруг распахнулась, и на порог выбежал маленький кудрявый мальчишка лет шести, а следом за ним полная, краснощекая женщина с губкой в руке.

— Сейчас же иди домой мыться, Джек! — кричала женщина. — Какой ты чумазый! Если папа увидит тебя, знаешь, как нам попадет!

— Славный мальчуган, — начал Холмс наступление. — Какие у проказника румяные щеки! Послушай, Джек, чего ты очень хочешь?

— Шиллинг, — ответил он, подумав.

— А может, еще что-нибудь?

— Два шиллинга, — ответил юнец, поразмыслив еще немного.

— Тогда лови! Какой прекрасный у вас ребенок, миссис Смит!

— Благослови вас Бог, сэр! Такой смышленый растет, что и не приведи Господь. Никакого сладу с ним, особенно когда отца нет дома. Как вот сейчас.

— Нет дома? — переспросил Холмс разочарованно. — Очень жаль. Я к нему по делу.

— Он уехал еще вчера утром, сэр. И я уже начинаю беспокоиться. Но если вам нужна лодка, сэр, то я могу отвязать ее.

— Мне бы хотелось взять напрокат катер.

— Катер? Вот ведь какая жалость. Он как раз на нем и ушел! Поэтому-то я и беспокоюсь. Угля в нем только, чтобы доплыть до Вулиджа и обратно. Если бы на яхте, то я бы ничего не думала. Он ведь иногда и в Грейвсенд уезжает. Даже ночует там, если много дел. Но ведь на баркасе далеко не уедешь.

— Уголь можно купить на любой пристани.

— Можно-то можно, да только он этого не любит. Слишком, говорит, они дерут за уголь… И еще мне не нравится человек на деревяшке, у него такое страшное лицо и говорит не по-нашему. Вечно здесь околачивается!

— Человек на деревяшке? — изумленно переспросил Холмс.

— Ну да, сэр. Такой загорелый, похожий на обезьяну. Это он приходил вчера ночью за моим мужем. А муж мой, как видно, ждал его, потому что катер был уже под парами. Скажу вам прямо, сэр, не нравится мне все это, очень не нравится.

— Моя дорогая миссис Смит, — сказал Холмс, пожимая плечами, — вы только напрасно волнуете себя. Ну, откуда вы можете знать, что ночью приходил не кто-то другой, а именно человек на деревянной ноге? Не понимаю, откуда такая уверенность.

— А голос, сэр? Я хорошо запомнила его голос, он такой хриплый и грубый. Он постучал в окно, было около трех. «А ну-ка проснись, дружище, — прохрипел он, — пора на вахту». Мой старик разбудил Джима — это наш старший, — и оба они, не сказав мне ни слова, ушли. Ночью было хорошо слышно, как по булыжнику стучит деревяшка.

— А что, этот, на деревяшке, был один?

— Не могу вам сказать, сэр. Больше я ничего не слышала.

— Прошу простить меня за беспокойство, миссис Смит, но мне так нужен был катер. Мне очень рекомендовали его. Как же это он называется?

— «Аврора», сэр.

— Ну да. Такая старая посудина, зеленая с желтой полосой и очень широкая в корме.

— Нет, это не он. Наш катер маленький такой, аккуратный. Его только что покрасили в черный цвет с двумя красными полосами.

— Спасибо. Уверен, что мистер Смит скоро вернется. Я хочу прокатиться вниз по реке и, если увижу «Аврору», крикну вашему мужу, что вы волнуетесь. С черной трубой, вы сказали?

— Труба черная с белой каймой, сэр.

— Ах да, конечно. Это бока черные. До свидания, миссис Смит. Я вижу лодочника, Уотсон. Мы переправимся сейчас на ту сторону.

— Самое главное, — начал Холмс, когда мы расположились на снастях ялика, — имея дело с простыми людьми, не давать им понять, что хочешь что-то узнать у них. Стоит им это понять, сейчас же защелкнут створки, как устрицы. Если же выслушивать их с рассеянным видом и спрашивать невпопад, узнаешь от них все, что угодно.

— Теперь дальнейший план действий ясен, — сказал я. — Нанять катер и искать «Аврору».

— Друг мой, это было бы невероятно трудной задачей. «Аврора» могла остановиться у любой пристани на том и другом берегу до самого Гринвича. За мостом пойдут бесконечные пристани одна за другой. Целый лабиринт пристаней. Если мы пустимся в погоню одни, они нас дня два-три поводят за нос.

— Так позовите на помощь полицию.

— Нет. Я позову Этелни Джонса разве что в последний момент. Он, в сущности, неплохой человек, и я не хотел бы портить ему карьеру. Но теперь, когда так много сделано, я хочу сам довести дело до конца.

— Может, поместить объявление в газете, чтобы хозяева пристаней сообщили нам, если увидят «Аврору»?

— Нет, это еще хуже. Наши приятели узнают, что погоня на хвосте, и, чего доброго, удерут из Англии. Я думаю, что покинуть Англию и без того входит в их планы. Но пока опасности нет, они не будут спешить. Расторопность Джонса нам только на пользу. Не

сомневаюсь, что его версия обошла уже все газеты и беглецы вполне уверены, что полиция устремилась по ложному следу.

— Что же тогда делать? — спросил я, когда мы причалили возле милбанкского исправительного дома.

— Возьмем этот кэб, поедем домой, позавтракаем и часок поспим. Вполне вероятно, что и эту ночь мы будем на ногах. Кэбмен, остановитесь возле почты. Тоби пока оставим у себя. Он еще может пригодиться.

Мы вышли у почтамта на Грейт-Питер-стрит, где Холмс послал телеграмму.

— Как вы думаете, кому? — спросил меня Холмс, когда мы опять сели в кэб.

— Не имею представления.

— Вы помните отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, который помог мне расследовать дело Джефферсона Хоупа?

— Помню, — засмеялся я.

— Так вот сейчас опять требуется их помощь. Если они потерпят неудачу, у меня есть еще помощники. Но сперва я все-таки испробую их. Эта телеграмма моему чумазому помощнику Уиггинсу. И я уверен, что он со своей ватагой будет у нас — мы еще не кончим завтракать.

Было около половины девятого, и я почувствовал, что наступила реакция после такой бурной и полной событий ночи. Нога моя сильно хромала, все тело ломило от усталости, в голове был туман. У меня не было того профессионального энтузиазма, которым горел мой друг. Не мог я также относиться к этому из ряда вон выходящему случаю, как к простой логической задаче. Что касается Бартоломью Шолто, убитого прошлой ночью, то я, слыхав о нем мало хорошего, не мог чувствовать сильной неприязни к его убийце. С сокровищами же было дело другое. Эти сокровища, или, вернее, их часть, по праву принадлежали мисс Морстен. И покуда была надежда разыскать их, я был готов посвятить этому всю мою жизнь. Правда, если я найду их, мисс Морстен, по всей вероятности, будет навсегда для меня потеряна. Но если бы я руководился только такими мыслями, какой же мелкой и себялюбивой была бы моя любовь! Если Холмс не щадил себя, чтобы поймать преступников, то причина, побуждавшая меня заняться поисками сокровищ, была во сто крат сильнее.

Ванна на Бейкер-стрит и чистое белье освежили меня как нельзя лучше. Когда я спустился вниз, завтрак был уже на столе, а Холмс потягивал кофе.

— Смотрите, — сказал он мне, смеясь и протягивая газету, — неукротимый Джонс и вездесущий газетный репортер сделали доброе дело. Но вы, пожалуй, по горло сыты норвудской историей. Принимайтесь-ка лучше за яичницу с ветчиной.

Я взял у него газету и прочитал небольшую заметку под названием «Загадочное происшествие в Аппер-Норвуде».

«Около двенадцати часов прошлой ночью, — писала „Стандард", — мистер Бартоломью Шолто, живший в Пондишери-Лодж, в Аппер-Норвуде, был найден мертвым в своей спальне при обстоятельствах, заставляющих подозревать участие чьей-то преступной воли. На теле мистера Шолто не обнаружено никаких признаков насилия. Но исчезло богатейшее собрание индийских драгоценностей, унаследованное покойным от его отца. Первыми обнаружили преступление Шерлок Холмс и доктор Уотсон, приехавшие в Пондишери-Лодж вместе с братом убитого. По исключительно счастливой случайности, хорошо известный полицейский инспектор мистер Этелни Джонс был в это время в полицейском участке Норвуда и прибыл на место преступления через полчаса после того, как подняли тревогу. Мистер Этелни Джонс с присущим ему профессиональным мастерством сейчас же взялся за дело, и результаты не замедлили сказаться: арестован брат покойного Таддеуш Шолто, а также экономка миссис Берстон, дворецкий Лал Рао, по национальности индус, и привратник по имени Мак-Мурдо. Нет сомнения, что вор или воры хорошо знакомы с расположением дома, ибо, как твердо

установлено мистером Джонсом, известным своей исключительной наблюдательностью и знанием преступного мира, негодяи не могли проникнуть в комнату ни в дверь, ни в окно, а только по крыше дома, через слуховое окно и чердак, сообщающийся с кабинетом мистера Шолто, где было найдено тело. Этот факт, который был установлен со всей тщательностью, непреложно свидетельствует о том, что мы имеем дело не со случайными грабителями. Быстрые и эффективные действия представителей закона лишний раз демонстрируют, как полезно присутствие на месте подобных преступлений человека с энергичным, проницательным умом. Мы считаем, что этот случай подтверждает правоту тех, кто держится мнения, что наша полиция должна быть более децентрализована. Тогда дела будут расследоваться более быстро и тщательно».

— Не правда ли, великолепно! — улыбнулся Холмс, отпивая из чашки кофе, — Что вы на это скажете?

— Скажу, что мы с вами едва избежали ареста как соучастники преступления.

— И я так думаю. Если его обуяет еще один приступ неукротимой деятельности, не миновать нам участи Таддеуша Шолто.

В этот миг в прихожей раздалось громкое звяканье колокольчика, вслед за ним испуганный голос нашей хозяйки, уговаривающей кого-то.

— Боже мой, Холмс, — сказал я, вставая, — никак это действительно они!

— Нет, до этого еще не дошло. Это нерегулярные полицейские части, моя команда с Бейкер-стрит.

Пока он говорил, на лестнице послышался быстрый топот босых ног, громкие мальчишеские голоса, и в комнату ворвалась ватага грязных, оборванных уличных мальчишек. Несмотря на шумное вторжение, было заметно все-таки, что это отряд, подчиняющийся дисциплине, так как мальчишки немедленно выстроились в ряд и нетерпеливо воззрились на нас. Один из них, повыше и постарше других, выступил вперед с видом небрежного превосходства. Нельзя было без смеха смотреть на это чучело, отнюдь не внушающее доверия.

— Получил вашу телеграмму, сэр, — сказал он. — И привел всех. Три шиллинга и шесть пенсов на билеты.

— Пожалуйста, — сказал Холмс, протянув несколько монет. — В дальнейшем, Уиггинс, они будут докладывать тебе, а ты мне. Я не могу часто подвергать мой дом такому вторжению. Но сейчас даже хорошо, что пришли все. Послушаете мои инструкции. Нужно установить местонахождение парового катера «Аврора», хозяин которого Мордекай Смит. Катер черный с двумя красными полосами. Труба тоже черная с белой каймой. Он затерялся где-то на реке. Я бы хотел, чтобы один из вас дежурил возле причала Смита — это напротив милбанкского исправительного дома — на случай, если катер вернется. Распределите между собой обязанности и обыщите оба берега. Если что-нибудь узнаете, немедленно сообщите мне. Ясно?

— Да, начальник, — ответил Уиггинс.

— Условия прежние, и нашедшему катер — гинея. А это за день вперед. Ну, а теперь за работу! — Холмс каждому вручил шиллинг, мальчишки застучали голыми пятками по лестнице и высыпали на улицу.

— Эти «Аврору» из-под земли достанут, — сказал Шерлок Холмс, вставая из-за стола и зажигая трубку. — Они всюду пролезут, все увидят, все услышат. Я уверен, что уже к вечеру мы будем знать, где «Аврора». А пока ничего не остается, как ждать. След оборвался, и мы не возьмем его, пока не найдем «Аврору» или хотя бы ее хозяина.

— Эти остатки доест Тоби. Вы ляжете отдохнуть, Холмс?

— Нет, я не устал. У меня странный организм. Я не помню случая, чтобы работа утомляла меня. Зато безделье меня изнуряет. Я покурю и подумаю над этим необыкновенным делом, которым мы обязаны нашей белокурой клиентке. Конец представляется мне чрезвычайно

легким. Людей с деревянной ногой не так уж много, а Номер Первый — просто уникальный экземпляр.

— Опять этот таинственный Номер Первый!

— Я отнюдь не хочу делать из него тайны, тем более от вас. Но помилуйте, Уотсон, у вас уже должно было сложиться о нем определенное мнение. Давайте еще раз вспомним все его приметы. Маленькая нога, пальцы которой никогда не знали ботинок, ходит босиком, деревянная палка с каменным наконечником, очень ловок, мал ростом, отравленные шипы. Какой вы делаете из этого вывод?

— Дикарь! — воскликнул я. — Возможно, один из тех индусов, кто был в компании с Джонатаном Смоллом.

— Ну, едва ли, — возразил Холмс. — Когда я первый раз увидел его следы, я подумал было то же самое, но потом мое мнение о нем переменилось. Среди населения полуострова Индостан есть низкорослые племена, но таких маленьких ног вы там не найдете. У собственно индусов ступни ног узкие и длинные. Магометане носят сандалии, и большой палец у них, как правило, отстоит от других, потому что отделен ремешком. Эти маленькие стрелы могут быть выпущены только одним путем. Из трубки, в которую дуют. Ну, как, по-вашему, откуда наш дикарь?

— Южная Америка, — сказал я наудачу.

Холмс протянул руку и снял с полки толстую книгу.

— Это первый том географического справочника, издающегося сейчас. Можно считать его последним словом географической науки. Посмотрим, что здесь есть для нас интересного. Андаманские острова. Расположены в Бенгальском заливе в трехстах сорока милях к северу от Суматры. Хм-хм… Ну, а что дальше? Влажный климат, коралловые рифы, акулы, Порт-Блэр, каторжная тюрьма, остров Ратленд… Ага, нашел: «Аборигены Андаманских островов могут, пожалуй, претендовать на то, что они самое низкорослое племя на земле, хотя некоторые антропологи отдают пальму первенства бушменам Африки, американским индейцам племени „диггер‟ и аборигенам Огненной Земли. Средний рост взрослого около четырех футов, хотя встречаются отдельные экземпляры гораздо ниже. Это злобные, угрюмого вида люди, почти не поддающиеся цивилизации, но зато они способны на самую преданную дружбу». Обратите на это особенное внимание, Уотсон. Слушайте дальше:

«Они очень некрасивы. У них большая, неправильной формы голова, крошечные, злые глазки и отталкивающие черты лица. Руки и ноги у них замечательно малы. Они так злобны и дики, что все усилия английских властей приручить их всегда кончались неудачей. Они всегда были грозой потерпевших кораблекрушение. Захваченных в плен они обычно убивают дубинками с каменным наконечником или отравленными стрелами. Побоище, как правило, заканчивается каннибальским пиршеством». Какие милые, располагающие к себе люди, не правда ли, Уотсон? Если бы этот красавчик имел возможность действовать по собственному усмотрению, дело могло бы принять еще более страшный оборот. Думается мне, что Джонатан Смолл не очень-то охотно прибег к его помощи.

— Но откуда у него этот странный партнер?

— Не могу вам сказать. Но, поскольку, как нам известно, Джонатан Смолл прибыл в Англию не откуда-нибудь, а с Андаманских островов, то особенно удивляться тому, что среди его знакомых есть тамошние жители, не приходится. Несомненно, что со временем мы будем знать все подробно. Послушайте, Уотсон, у вас чертовски плохой вид. Ложитесь-ка на тот диван, и посмотрим, как скоро я сумею усыпить вас.

Он взял из угла свою скрипку. Я растянулся на диване, и он заиграл тихую, медленную, навевающую дремоту мелодию, без сомнения, его собственную: у Шерлока Холмса был неподражаемый талант импровизатора. Я смутно вспоминаю его тонкую, худую руку, серьезное

лицо и взмахи смычка. Потом мне стало казаться, что я мирно уплываю куда-то по морю звуков, и вот я уже в стране снов и надо мной склонилось милое лицо Мэри Морстен.

ГЛАВА IX. Разрыв в цепи

Когда я проснулся, день уже клонился к вечеру. Я чувствовал себя окрепшим и полным энергии. Сон вернул мне силы. Шерлок Холмс сидел все на том же месте, только скрипки у него в руках не было. Услыхав, что я шевелюсь, он посмотрел в мою сторону, лицо у него потемнело и выражало тревогу.

— Вы так крепко спали, — сказал он, — а я боялся, что мы разбудим вас своим разговором.

— Нет, я ничего не слыхал, — ответил я. — Есть какие-нибудь новости?

— К сожалению, нет. И должен признаться, что я удивлен и разочарован. Я рассчитывал к этому времени уже узнать что-то определенное. Только что прибегал Уиггинс. Он сказал мне, что никаких следов катера нигде нет. Досадное промедление, когда дорога каждая минута.

— Не могу ли я помочь чем-нибудь? Я чувствую себя вполне отдохнувшим и готов еще одну ночь провести на ногах.

— Нет, сейчас делать нечего. Ждать — вот все, что нам осталось. Если мы уйдем, в наше отсутствие может прибыть долгожданное известие, и опять будет задержка. Располагайте собой как хотите, а я останусь здесь, на посту.

— Тогда я съезжу в Камберуэлл, навещу миссис Сесил Форрестер. Она просила меня вчера зайти.

— Миссис Сесил Форрестер? — переспросил Холмс, и в его глазах блеснула искорка смеха.

— И мисс Морстен тоже, само собой разумеется. Им так хотелось, чтобы я пришел и рассказал, что будет дальше!

— Я бы не стал им рассказывать всего. Женщинам никогда нельзя доверять полностью, даже лучшим из них.

Я не стал оспаривать это вопиющее заявление, а только заметил, что вернусь часа через два.

— Прекрасно! Счастливого пути. Да, вот что, если уж вы отправляетесь через реку, захватите с собой Тоби. Я думаю, он нам теперь не понадобится.

Я сделал, как сказано, и отдал его старому натуралисту с Пинчин-лейн вместе с полсовереном. Оттуда я поехал прямо в Камберуэлл. Мисс Морстен еще не оправилась от переживаний прошлого вечера, но была полна любопытства. И миссис Форрестер жаждала узнать дальнейший ход событий. Я рассказал им все, как было, опустив только самые ужасные подробности. Рассказывая о смерти мистера Шолто, я умолчал о деталях убийства. Но, несмотря на сокращения, мой рассказ все-таки сильно поразил и разволновал их.

— Как в романе! — воскликнула миссис Форрестер. — Принцесса — жертва несправедливости, клад с драгоценностями, чернокожий каннибал, разбойник на деревянной ноге. Это вместо традиционного дракона или какого-нибудь коварного графа.

— И два странствующих рыцаря-спасителя, — прибавила мисс Морстен и ясными глазами посмотрела в мою сторону.

— Послушайте, Мэри, ведь от исхода поисков зависит ваша судьба. Мне кажется, что вы не подумали об этом и поэтому так равнодушны. Только вообразите, что значит быть богатой и чтобы весь мир был у твоих ног.

Сердце мое радостно забилось, когда я увидел, что мисс Морстен не проявила никакого восторга по поводу блестящих возможностей, открывающихся ей. Наоборот, она небрежно тряхнула своей гордой головкой, как будто эти сокровища не имели к ней отношения.

— Меня очень беспокоит судьба мистера Таддеуша Шолто, — сказала она. — Все остальное неважно. Он был так добр и благороден. Наш долг сделать так, чтобы с него сняли это ужасное, несправедливое обвинение.

Когда я покинул дом миссис Форрестер, уже сильно смеркалось. На Бейкер-стрит я вернулся, когда было совсем темно. Книга и трубка моего друга лежали в его кресле, но его самого не было. Я поискал записку, но не нашел.

— Что, мистер Холмс вышел куда-нибудь? — спросил я хозяйку, когда она вошла в комнату, чтобы опустить шторы.

— Нет, он ушел к себе. Знаете, мистер Уотсон, — тут хозяйка перешла на многозначительный шепот, — я боюсь, что он нездоров.

— Почему вы так думаете?

— Очень он сегодня странный. Как только вы ушли, он стал ходить по комнате туда-сюда, туда-сюда, я слушать и то устала эти бесконечные шаги. Потом он стал разговаривать сам с собой, бормотал что-то. И всякий раз, как брякал звонок, выходил на площадку и спрашивал: «Что там такое, миссис Хадсон?» А потом пошел к себе и хлопнул дверью, но и оттуда все время слышно, как он ходит. Хоть бы он не заболел. Я предложила ему успокаивающее лекарство, но он так посмотрел на меня, что я не помню, как и убралась из его комнаты.

— Думаю, миссис Хадсон, что особенных причин для беспокойства нет, — сказал я. — Я не раз видел его в таком состоянии. Он сейчас решает одну небольшую задачу и, конечно, волнуется.

Я говорил с нашей хозяйкой самым спокойным тоном, но, признаться, и сам начал тревожиться о состоянии моего друга, когда, просыпаясь несколько раз ночью, все время слышал за стеной глухой стук его шагов. Я понимал, какой вред может причинить его деятельному уму это вынужденное бездействие.

За завтраком Холмс выглядел осунувшимся и усталым. На щеках лихорадочно горели два пятнышка.

— Вы не жалеете себя, Холмс, — заметил я. — Вы ведь всю ночь, я слыхал, не прилегли ни на часок.

— Я не мог спать, — ответил он. — Это проклятое дело изводит меня. Застрять на месте из-за какого-то пустяка, когда так много сделано, это уже слишком. Я знаю преступников, знаю их катер, знаю все. И ни с места. Я пустил в ход весь мой арсенал. Вся Темза, оба ее берега обшарены вдоль и поперек, и никаких следов проклятой «Авроры». Ни ее, ни ее хозяина. Можно подумать, что они затопили катер. Хотя есть факты, говорящие против.

— Может быть, миссис Смит направила нас по ложному следу?

— Нет, это исключается. Я навел справки. Катер с такими приметами существует.

— Может, он поднялся вверх по реке?

— Я и это учел. Сейчас ведутся поиски до самого Ричмонда. Если сегодня не будет новостей, я завтра выеду сам. И буду искать не катер, а людей. Но я все-таки уверен, абсолютно уверен, что известие придет.

Однако оно не пришло. Ни от Уиггинса, ни из других источников. Газеты продолжали печатать сообщения о норвудской трагедии. Все они были настроены враждебно к бедному Таддеушу Шолто. Ни в одной из газет не сообщалось ничего нового, не считая того, что дознание было назначено на завтра.

Вечером я опять побывал в Камберуэлле и рассказал о нашем невезении. Вернувшись, я застал Холмса в самом мрачном расположении духа. Он едва отвечал на мои вопросы и ставил весь вечер какие-то сложнейшие химические опыты. Нагревал реторты, дистиллировал воду и развел под конец такую вонь, что я чуть не убежал из дому. До рассвета я слышал, как он звенит пробирками и колбами, занимаясь своими ароматными экспериментами.

Проснулся я рано утром, как будто кто-то толкнул меня. Надо мной стоял Холмс, одетый, к моему удивлению, в грубую матросскую робу. На нем был бушлат, и вокруг шеи повязан грубый красный шарф.

— Я отправляюсь в поиски вниз по реке, Уотсон, — сказал он мне. — Я много думал над моим планом и считаю, что попытаться стоит.

— Я тоже поеду с вами.

— Нет, вы мне поможете гораздо больше, если останетесь здесь. Я ухожу неохотно. В любую минуту может прийти долгожданное известие, хотя Уиггинс, как я заметил вчера вечером, совсем упал духом. Прошу вас вскрывать все телеграммы и письма, адресованные мне. И если прочтете что-нибудь важное, действуйте по собственному усмотрению. Могу я положиться на вас?

— Вполне.

— Боюсь, что мне нельзя будет послать телеграмму, потому что я и сам еще не знаю, где в какое время я буду. Но если мне повезет, я вернусь скоро. И уж, конечно, не с пустыми руками.

Все утро и во время завтрака от Холмса не было никаких известий. Открыв «Стандард», я нашел, однако, сообщение, отличающееся от прежних. Газета писала: «Что касается трагедии в Аппер-Норвуде, то дело может оказаться куда более сложным и загадочным, чем показалось сначала. Как только что установлено, мистер Таддеуш Шолто абсолютно непричастен к смерти брата. Он и экономка миссис Берстон вчера вечером выпущены на свободу. Как сообщают, полиция располагает данными, позволяющими установить личность настоящих преступников. Расследование дела находится в надежных руках полицейского инспектора из Скотленд-Ярда мистера Этелни Джонса, известного своей энергией и проницательностью. Преступники каждую секунду могут быть арестованы».

«Ну, слава Богу, — подумал я. — По крайней мере наш друг Шолто на свободе. Что же это за „данные", интересно? Впрочем, так всегда пишут, когда полиция садится в лужу».

Я бросил газету на стол, и вдруг в глаза мне бросилось объявление в колонке происшествий. В нем говорилось:

«Разыскиваются пропавшие: Мордекай Смит и его сын Джон, покинувшие причал Смита около трех часов ночи во вторник на катере „Аврора". Катер черный с двумя красными полосами, труба черная с белой каймой. Вознаграждение — пять фунтов тому, кто сообщит о местонахождении вышеупомянутого Смита и катера „Аврора" его жене миссис Смит, причал Смита, или на Бейкер-стрит, 221-б».

Адрес говорил, что объявление помещено Холмсом. «Хитро составлено, — подумал я. — Беглецы увидят в нем только естественное беспокойство жены, разыскивающей мужа».

День тянулся очень долго. Всякий раз, как стучали в дверь или снаружи раздавались чьи-то громкие шаги, я настораживался, ожидая, что это или вернулся Холмс, или пришли с ответом на объявление. Я пытался читать, но мысли мои неотступно вращались вокруг этого странного преступления и его странных участников, за которыми мы охотились. А вдруг в рассуждения моего друга вкралась роковая ошибка и он стал жертвой чудовищного самообмана? Вдруг его точный логический ум построил эту фантастическую версию на ложных посылках? Я не знал случая, когда бы Шерлок Холмс ошибся, но ведь даже самый сильный ум один раз может ошибиться. Его могла ввести в заблуждение слишком уж изощренная логика. Он предпочитал странные, хитроумные объяснения, отбрасывая прочь более простые и естественные, находившиеся под рукой. Но, с другой стороны, я сам был очевидцем происшедшего, своими ушами слышал доводы Холмса. Проследив в который раз с самого начала всю длинную цепь странные событий, многие из которых сами по себе могли бы показаться пустяком, я должен был признать, что если Холмс и заблуждается, то истина все равно лежит где-то в области удивительного и маловероятного.

В три часа пополудни послышалось резкое звяканье колокольчика, в прихожей раздался чей-то властный голос, и, к моему удивлению, в комнату вошел не кто иной, как мистер Этелни Джонс собственной персоной. Но как не походил он сегодня на того высокомерного и бесцеремонного поборника здравого смысла, который с таким непререкаемым апломбом взялся расследовать норвудскую трагедию! Лицо у него было понурое, весь он как-то обмяк, а в его осанке появилось даже что-то просительное.

— Добрый день, сэр, добрый день, — проговорил он. — Мистера Холмса, как я вижу, нет дома?

— Нет. И я не знаю, когда он придет. Но, может быть, вы подождете его? Садитесь в это кресло. Вот вам сигары.

— Благодарю вас. Я и правда подожду, — сказал он, вытирая лицо красным, в клетку носовым платком.

— Виски с содовой хотите?

— Э-э, полстакана. Слишком жаркая стоит погода для сентября. К тому же нет конца всяким волнениям. Вы ведь знаете мою норвудскую версию?

— Помню, вы излагали ее.

— Ну вот, я был вынужден ее пересмотреть. Я так ловко подвел сеть под мистера Шолто, так крепко ее затянул, и вдруг — бац! — в сети оказалась дырка, и он ушел. У него неоспоримое алиби. С той минуты, как за ним захлопнулась дверь комнаты брата, его видели то здесь, то там, словом, он ни на одну секунду не оставался один. И не мог поэтому ни влезть на крышу, ни проникнуть на чердак сквозь слуховое окно. Это очень темное дело, и мой профессиональный престиж поставлен на карту. Я был бы очень рад небольшой помощи.

— Все мы нуждаемся иногда в помощи, — заметил я.

— Ваш друг мистер Шерлок Холмс — выдающаяся личность, сэр, — сказал он доверительно осипшим голосом. — Он человек, не знающий поражений. Мне-то известно, в скольких делах участвовал этот молодой человек, и всегда ему удавалось докопаться до истины. Он несколько непоследователен в своих методах и, пожалуй, чересчур торопится делать выводы, но вообще, я думаю, он мог бы стать самым выдающимся сыщиком Скотленд-Ярда, и готов заявить это кому угодно. Сегодня утром я получил от него телеграмму, из которой ясно, что у него есть свежие факты по этому делу. Вот телеграмма.

Он вынул ее из кармана и протянул мне. Она была послана в двенадцать часов из Поплара. «Немедленно идите на Бейкер-стрит, — писал Холмс. — Если я не успею вернуться, подождите меня. Следую по пятам норвудской парочки. Если хотите участвовать в финише, можете присоединиться к нам».

— Хорошие новости! Значит, Холмс опять напал на их след, — сказал я.

— Ага, значит, и он допустил промах! — воскликнуло явным удовольствием Джонс. — Даже лучшим из нас свойственно ошибаться. Конечно, эта телеграмма может оказаться ложной тревогой, но мой долг инспектора Скотленд-Ярда не упускать ни одного шанса. Я слышу шаги. Возможно, это Холмс.

На лестнице послышалось тяжелое шарканье ног, сильное пыхтение и кашель, как будто шел человек, для которого дышать было непосильным трудом. Один или два раза он останавливался. Но вот наконец он подошел к нашей двери и отворил ее. Его внешность вполне соответствовала звукам, которые доносились до нас. Это был мужчина преклонных лет в одежде моряка — старый бушлат был застегнут до подбородка. Спина у него была согнута, колени дрожали, а дыхание было затрудненное и болезненное, как у астматика. Он стоял, опершись на толстую дубовую палку, и его плечи тяжело поднимались, набирая в легкие непослушный воздух. На шее у него был цветной платок, лица, обрамленного длинными седыми бакенбардами, почти не было видно, только светились из-под белых мохнатых бровей

темные умные глаза. В общем, он произвел на меня впечатление почтенного старого моряка, впавшего на склоне лет в бедность.

— Чем можем вам служить, папаша? — спросил я.

Он обвел комнату медленным взглядом старика.

— Мистер Шерлок Холмс дома? — спросил он.

— Нет. Но я его заменяю. Вы можете рассказать мне все, что хотели рассказать ему.

— А я хочу видеть самого Шерлока Холмса, — упрямо повторил старик.

— Но я же вам говорю, что я его заменяю. Вы пришли по поводу катера Смита, конечно?

— Да, я знаю, где он. Еще я знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, где сокровища. Я все знаю!

— Расскажите мне; это все равно, что рассказать Холмсу.

— Нет, я должен рассказать только ему самому, — твердил наш гость со стариковским упрямством и раздражительностью.

— Тогда подождите его.

— Не хочу ждать. Не хочу даром терять день ни ради кого. Если мистера Холмса нет, пусть себе все узнает сам. А вам я ничего не скажу, больно мне ваши физиономии не нравятся.

Он поковылял к двери, но Джонс обогнал его.

— Подожди, приятель, — сказал он. — У тебя есть важные сведения, и ты не уйдешь отсюда. Придется тебе подождать, хочешь ты или нет, нашего друга Холмса.

Старик, рванулся к двери, но Этелни Джонс заслонил ее своей широкой спиной, и старик понял, что сопротивление бесполезно.

— Хорошенькое обращение с гостем, — сказал он, стуча палкой. — Я пришел сюда, чтобы поговорить с мистером Холмсом. А вы двое набросились на меня, хотя я вас знать не знаю. Хорошенькое обращение с человеком!

— Вам не сделают ничего плохого, — сказал я. — Садитесь сюда на диван и подождите. Холмс очень скоро вернется.

Он мрачно подошел к дивану и сел, подперев ладонями свою большую голову. Мы с Джонсом снова взяли наши сигары и продолжили разговор.

Вдруг голос Холмса оборвал нас на полуслове:

— Могли бы предложить сигару и мне.

Мы так и подпрыгнули в креслах. Прямо перед нами сидел Холмс и довольно улыбался.

— Холмс! — воскликнул я. — Вы здесь? А где же старик?

— Вот он, — ответил Холмс, протягивая в руке копну белых волос. — Вот он весь — бакенбарды, парик, брови. Я знал, что мой маскарад удачен, но не предполагал, что он выдержит такое испытание.

— Вот это класс! — с искренним восхищением воскликнул Джонс. — Из вас вышел бы отличный актер, первосортный! Вы кашляете точь-в-точь как постоялец работного дома. А за ваши дрожащие колени можно дать десять фунтов в неделю. Мне, правда, показался знакомым блеск глаз. Но уйти вы все-таки от нас не смогли.

— Я работал в этом маскарадном костюме весь день, — сказал он, зажигая сигару. — Видите ли, преступный мир уже довольно хорошо знает меня, особенно после того, как мой друг, сидящий здесь, взялся за перо. Так что я теперь могу появляться на передовых позициях только в переодетом виде. Вы получили мою телеграмму?

— Да, поэтому-то я здесь.

— Как подвигается ваша версия?

— Лопнула. Мне пришлось отпустить двух моих пленников, а против остальных двух нет ни одной улики.

— Не расстраивайтесь. Мы вам дадим парочку других взамен. Я только прошу вас на время целиком подчиняться мне, действовать по выработанному мной плану. Согласны? Конечно, вся заслуга в этом деле будет официально признана за вами.

— Согласен, если вы поможете мне взять этих двоих.

— Тогда, во-первых, мне необходима быстроходная посудина — полицейский моторный катер. К семи часам у Вестминстерского причала.

— Будет сделано. Там всегда дежурит полицейская лодка. Но, пожалуй, мне лучше пойти через дорогу и позвонить для верности.

— Затем два полицейских посильнее на случай сопротивления.

— В катере всегда есть два или три человека.

— Когда мы их возьмем, у нас в руках окажутся сокровища. Я думаю, мой друг будет очень рад доставить сундучок одной молодой леди, которой по праву принадлежит половина. Пусть она первая откроет его. А, Уотсон?

— Мне это было бы очень приятно.

— Нарушение процедуры, но дело такое необычное, что можно будет закрыть глаза. Но потом клад надо передать властям до окончания следствия.

— Конечно. Это будет легко сделать. Еще один момент. Мне бы очень хотелось услыхать о некоторых подробностях из уст самого Джонатана Смолла. Вы знаете, я люблю выяснять все до конца. Не будет возражений, если я с ним неофициально встречусь здесь, у меня, или в каком-нибудь другом месте, конечно, под надежной охраной?

— Вы хозяин положения, вам и карты в руки. Но у меня до сих пор нет никаких доказательств существования этого самого Джонатана Смолла. Однако если вы мне представите его, я не смогу отказать вам в вашей просьбе.

— Значит, решено?

— Решено. Еще что?

— Это уже последнее: я хочу, чтобы вы пообедали с нами. У нас есть устрицы, пара куропаток и небольшой выбор белых вин. Нет, Уотсон, вы не умеете ценить мои достоинства домашней хозяйки.

ГЛАВА X. Конец островитянина

Обед проходил очень оживленно. Холмс, когда хотел, мог быть исключительно интересным собеседником. А в тот вечер он был в ударе — сказалось сильное нервное возбуждение. Я никогда прежде не видел его таким разговорчивым. Он говорил о средневековой керамике и о мистериях, о скрипках Страдивари, буддизме Цейлона и о военных кораблях будущего. И говорил так, будто был специалистом в каждой области. Эта яркая вспышка была реакцией живого ума после мрачного уныния, которое завладело им накануне. Этелни Джонс в свободную от дел минуту оказался очень общительным человеком и за обедом доказал, что знает толк в жизненных радостях. Я тоже был в приподнятом настроении, предчувствуя конец дела и заразившись весельем Холмса. Никто из нас за весь вечер не упомянул о причине, которая собрала нас вместе.

Когда убрали со стола, Холмс посмотрел на часы и разлил в бокалы портвейн.

— Давайте выпьем, — сказал он, — за успех нашей маленькой вылазки. А теперь пора идти. У вас есть оружие, Уотсон?

— Мой старый боевой пистолет. Он в ящике стола.

— Возьмите его с собой. Это необходимо. Я вижу, что кэб уже у двери, он был заказан на половину седьмого.

У Вестминстерского причала мы были в семь с небольшим. Катер уже ждал нас. Холмс оглядел его критически.

— Есть на нем что-нибудь, что выдавало бы его принадлежность полиции? — спросил он.

— Да. Зеленый фонарь сбоку.

— Тогда снимите его.

Все было сделано мгновенно, мы вошли в катер и отчалили. Джонс, Холмс и я сидели на корме. Один полицейский стоял у руля, другой следил за топкой, впереди расположились два дюжих полисмена.

— Куда? — спросил Джонс.

— К Тауэру. Прикажите им остановиться напротив Джекобсон-Ярда.

Наше суденышко оказалось очень быстроходным. Мы промчались мимо вереницы груженых барж, как будто они не плыли, а стояли на месте. Когда мы догнали и оставили позади речной пароход, Холмс удовлетворенно улыбнулся.

— Можно подумать, что наш катер — самое быстроходное судно на реке, — заметил он.

— Ну, это вряд ли. Но катеров быстрее этого, пожалуй, найдется немного.

— Мы должны догнать «Аврору». А она слывет быстроходным судном. Сейчас я введу вас, Уотсон, в курс дела. Вы помните, как меня угнетала эта нелепая задержка.

— Помню.

— Так вот, я решил дать голове полный отдых и занялся химическими опытами. Один из наших великих государственных мужей сказал как-то, что перемена занятия — лучший отдых. И это правильно. Когда мне удалось наконец разложить углеводород, я вернулся к нашей загадке и все заново обдумал. Моя команда мальчишек обшарила всю реку не один раз, и безрезультатно. «Авроры» нигде не было — ни на причалах, ни дома. Вряд ли они затопили ее, чтобы замести следы. Хотя и эту возможность следует иметь в виду, если поиски в конце концов не приведут ни к чему. Я знал, что этот Смолл довольно хитер, но я думаю, что какая-нибудь особенно утонченная хитрость ему не по плечу. Ее ожидаешь, как правило, от человека образованного. Дальше, нам известно, что он жил несколько времени в Лондоне, вел наблюдение за Пондишери-Лодж, а это значит, что покинуть пределы Англии он сразу же не мог; чтобы уладить дела, нужно время — день, а может, на наше счастье, и больше. Такой по крайней мере напрашивается вывод.

— Вывод довольно слабый, — заметил я. — Он мог все уладить и до нападения на Пондишери-Лодж.

— Нет, не думаю. Он очень дорожит своим убежищем, где можно отлежаться в случае опасности, и покинет его только тогда, когда будет в полной уверенности, что ему совсем ничего не грозит. И вот еще что пришло мне в голову: Джонатан Смолл должен был понимать, что необычная внешность его помощника, как бы ни старался он замаскировать его, может вызвать всякие толки, и, возможно, кое-кто догадается связать его с норвудской трагедией. Он достаточно умен, чтобы понимать это. Итак, они покинули свою штаб-квартиру ночью, под покровом темноты. И, конечно, лучшим вариантом было бы вернуться до света. Но «Аврора» отошла от причала, по словам миссис Смит, когда был уже четвертый час. В это время совсем светло, через час-другой на улицах появится народ. На основании этого я сделал вывод, что они не должны уйти далеко. Они хорошо заплатили Смиту, чтобы он держал язык за зубами, наняли его катер до окончательного исчезновения и поспешили с кладом в свое логово. Они решили выждать пару деньков, чтобы узнать из газет, в каким направлении пошло следствие и нет ли за ними слежки. И тогда уже опять под покровом темноты идти в Грейвсенд или куда-нибудь в Даунс. Они, несомненно, заранее позаботились заказать места на какой-нибудь корабль, уходящий в Америку или колонии.

— А как же катер? Не могли же они захватить его в свое логово?

— Конечно, не могли. А это значит, что «Аврора», несмотря на неуловимость, находится где-то совсем рядом. Я поставил себя на место Смолла и постарался взглянуть на дело его глазами. По всей вероятности, он решил, что отпустить «Аврору» или поставить у ближайшего причала опасно: вдруг полиция все-таки напала на их след. Куда же деть «Аврору», чтобы она была невидима для всех, а для него досягаема в любую минуту? Что бы сделал я, случись мне решать такую задачу? И я увидел одну-единственную возможность. Надо поставить ее в какой-нибудь док для мелкого ремонта. Там она будет надежно укрыта от посторонних глаз и всегда готова к отплытию.

— Как просто!

— В том-то и дело, что простое объяснение всегда приходит в голову в последнюю очередь. Когда я это сообразил, я решил немедленно действовать и, приняв обличье безобидного старого матроса, отправился вниз по Темзе осматривать доки. В пятнадцати доках об «Авроре» никто и не слыхал. Зато в шестнадцатом я был вознагражден за терпение: мне сказали, что «Аврору» два дня назад поставил к ним человек на деревянной ноге и попросил проверить руль. «Но руль оказался в полном порядке, — сказал мне корабельный мастер. — Вон она там стоит, черная с красными полосами». Не успел он это сказать, как в доке появился ни кто иной, как сам пропавший хозяин «Авроры» Мордекай Смит. Я бы, конечно, не узнал его, но он, будучи основательно пьян, орал во всю глотку, что он хозяин «Авроры». Мордекай Смит требует, чтобы его посудина была готова сегодня к восьми часам. «Ровно к восьми, — повторил он, — я обещал двум джентльменам, которые не любят ждать». Они, по-видимому, хорошо заплатили ему, потому что он швырял шиллинги налево и направо. Я несколько времени шел было за ним, но он юркнул в первый же кабачок. Тогда я пошел обратно в док. По дороге случайно встретил одного из мальчишек и поставил его наблюдать за «Авророй». Увидев, что она отчаливает, он начнет махать платком. Мы тем временем будем караулить их на реке. И как только они выйдут из дока, схватим их вместе с «Авророй» и сокровищами.

— Те это люди, которых мы ищем, или нет, но продумано все образцово, — сказал Джонс. — И все-таки я лучше направил бы в Джекобсон-Ярд отряд полиции и спокойно схватил бы их, только бы они там появились.

— А они бы там не появились. Смолл хитер. Я не сомневаюсь, что он вышлет вперед разведчика, и, если тот почует опасность, Смолл заляжет в берлогу еще на неделю.

— Но можно выследить Смита и таким образом найти их убежище, — сказал я.

— Тогда мы потеряем еще день. К тому же я на девяносто девять процентов убежден, что Смит не знает, где они прячутся. Ему хорошо платят, виски есть, к чему задавать ненужные, не относящиеся к делу вопросы… Распоряжения ему посылаются, он выполняет их… Нет, я обдумал все возможные пути, этот наилучший.

Пока мы так говорили, наша лодка проносилась под многочисленными мостами, перекинутыми через Темзу. Последние лучи солнца золотили крест на куполе собора святого Павла. Тауэра мы достигли, когда уже сильно смеркалось.

— Вот Джекобсон-Ярд, — сказал Холмс, указывая на лес мачт и снастей в стороне Суррея.

— Курсируйте взад и вперед под прикрытием этой флотилии, — приказал Холмс, поднося к глазам ночной морской бинокль, и несколько времени обозревая берег. — Я вижу моего караульного, но платком он еще не машет.

— А что, если мы пройдем немного ниже и будем ждать их там? — предложил сгоравший от нетерпения Джонс.

Мы все уже сидели как на иголках. Даже ничего не знавшие полицейские и рулевой с кочегаром, и те заразились нашим волнением.

— Мы не имеем права рисковать, — сказал Холмс. — Десять шансов против одного, что они пойдут вниз по реке, а не вверх. И все-таки мы должны учесть и эту возможность. Отсюда

нам хорошо виден вход в док, а нас почти незаметно. Ночь обещает быть светлой, и огней на реке много. Мы должны оставаться там, где мы есть. Видите, как хорошо видны отсюда люди, снующие в свете газовых фонарей.

— Они возвращаются домой после работы в доке.

— Какие они усталые и грязные! Но в каждом горит искра бессмертного огня. Глядя на них, ни за что не скажешь этого. И тем не менее это так. Странное все-таки существо человек.

— Кто-то назвал человека животным, наделенным душой.

— Уинвуд Рид хорошо сказал об этом, — продолжал Холмс. — Он говорит, что отдельный человек — это неразрешимая загадка, зато в совокупности люди представляют собой некое математическое единство и подчинены определенным законам. Разве можно, например, предсказать действия отдельного человека, но поведение целого коллектива можно, оказывается, предсказать с большей точностью. Индивидуумы различаются между собой, но процентное отношение человеческих характеров в любом коллективе остается постоянным. Так говорит статистика. Но что это, кажется, платок? В самом деле, там кто-то машет белым.

— Это один из ваших мальчишек. Я отчетливо вижу его! — воскликнул я.

— А вот и «Аврора»! — крикнул Холмс. — Отличный у нее ход. Эй, там, внизу, полный вперед! Следуйте за тем катером с желтым огнем. Я не прощу себе, если он уйдет от нас!

«Аврора» незаметно выскользнула из дока и, набирая скорость, прошла за маленькими суденышками, так что, когда мы увидели ее, она уже мчалась на всех парах. Она уходила вниз по реке, держась берега. Быстроходность ее была поразительна. Джонс посмотрел на нее с тревогой.

— Очень лихо идет, — сказал он. — Нам ее не догнать.

— Должны догнать! — проговорил Холмс, стиснув зубы. — Не жалейте угля! Выжмите из машины все, что можно. Пусть лучше сгорит катер, чем они уйдут от нас!

Теперь мы шли прямо на них. Огонь в топках гудел, мощная машина стучала, как огромное металлическое сердце. Острый, отвесный нос лодки, как ножом, рассекал спокойную воду, посылая влево и вправо две круглые, длинные, тугие волны. В такт машине вся лодка вибрировала и вздрагивала, как живое существо. Желтый фонарь на носу бросал вперед длинный мерцающий столб света. Впереди нас бежало по воде темное пятно — это была «Аврора». Вихрь белой пены за ней свидетельствовал о скорости, с какой она шла. Мы проносились мимо барж, пароходов, торговых парусников, обгоняя их слева и справа. Из темноты доносились громкие голоса, а «Аврора» все уходила вперед, и мы висели у нее на хвосте.

— Наддайте ходу! — крикнул Холмс, заглянув в машинное отделение; яркое пламя осветило снизу его напряженное, орлиное лицо.

— Мне кажется, мы нагоняем их, — сказал Джонс, не спуская с «Авроры» глаз. — Нет никакого сомнения! — воскликнул я. — Еще несколько минут — и мы нагоним их.

И в тот же миг судьба зло посмеялась над нами: путь наш пересек буксир с тремя баржами. Если бы не рулевой, вывернувший до отказа руль, мы врезались бы в него. Когда наконец мы обогнули их и снова легли на курс, оказалось, что «Аврора» ушла вперед на добрых двести ярдов, но, к счастью, все еще была хорошо видна. Наша машина давала полную мощность, хрупкая посудина вибрировала и трещала под напором яростной энергии, которая несла нас. Мы оставили позади Пул, миновали Вест-индские доки, обогнули длинную Дептфордскую косу и Собачий остров. Смутное пятно впереди нас стало принимать изящные очертания «Авроры». Джонс включил прожектор, и мы ясно увидели на ее борту людей. Один сидел на корме, нагнувшись к какому-то черному предмету у его ног. Рядом лежала темная куча, похожая на огромного ньюфаундленда. Красное пламя топки освещало старшего Смита, он был обнажен до пояса и яростно, как заведенный, бросал в топку уголь, сын его держал румпель. Беглецы

не сразу поняли, что за ними погоня, но, видя, что мы неотступно идем за ними, повторяя все их зигзаги и повороты, они перестали сомневаться. У Гринвича нас разделяло саженей сто, к Блэкуоллу расстояние сократилось до семидесяти пяти. За годы моей полной приключений армейской жизни мне не раз приходилось участвовать в погоне, но никогда я не испытывал такого жгучего волнения, как во время этой бешеной гонки по Темзе. Мы все ближе и ближе. В ночной тиши слышен стук и пыхтение их машины. Человек на корме все еще стоит, нагнувшись над чем-то на палубе, что-то делая руками, поминутно поднимая голову, чтобы прикинуть на глаз расстояние между «Авророй» и нами. Мы уже совсем близко. Джонс крикнул, чтобы они остановились. Нас разделяет всего четыре корпуса, и обе лодки летят, как на крыльях. На этом участке Темзы было пустынно. С одной стороны протянулась низина Баркинглевел, с другой — печальные Пламстедские болота.

Услыхав приказ Джонса, человек на корме вскочил на ноги и, тряся над головой сжатыми кулаками, стал ругать нас грубым и охрипшим голосом. Это был сильный, рослый человек, он стоял на палубе, широко расставив ноги, и я увидел, что, начиная от бедра, вместо правой ноги у него деревянный протез. При звуках его резкого, хриплого голоса темная куча на палубе зашевелилась и обернулась маленьким черным человечком, у него была огромная, неправильной формы голова с копной всклокоченных волос. Холмс вынул свой пистолет, я тоже схватился за свой при виде этого чудовища. На нем было что-то темное, не то балахон, не то одеяло, открытым оставалось только лицо, какое может привидеться только в кошмарном сне. Никогда в жизни ни в одном лице я не встречал столько жестокости и кровожадности. Глаза его блестели мрачным, угрюмым блеском, а толстые губы, вывернутые наружу, изгибались злобной усмешкой, обнажая зубы, лязгавшие от животной ярости.

— Если он поднимет руку, стреляйте, — невозмутимо проговорил Холмс.

«Аврора» была уже на расстоянии одного корпуса от нас, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки. Я хорошо видел этих двоих — большого белого мужчину, стоящего, широко расставив ноги, и поносящего нас отборными ругательствами, и страшного карлика: его отвратительное лицо и оскаленные желтые зубы, поблескивающие в свете нашего фонаря.

Хорошо, что мы успели подойти так близко. Несмотря на то, что мы не спускали с него глаз, он быстрым движением вынул из складок своего одеяния короткую деревянную трубку, похожую на линейку школьника, и сунул ее в рот. Наши выстрелы грянули одновременно. Карлик повернулся, раскинул руки и, издав захлебывающийся кашель, упал боком в воду. На один миг в пене волн я увидел его смертоносный, ненавидящий взгляд. В тот же миг человек на деревянной ноге изо всех сил налег на руль, и его лодка круто повернула к южному берегу. Мы продолжали стрелять по ней, но мимо. Пули пролетели всего в нескольких футах от нее. Мы тоже повернули, но поздно: «Аврора» уже ткнулась носом в берег. Это было дикое, пустынное место. Луна заливала мертвенным светом огромную болотистую равнину, на которой блестели окна стоячей воды и темнели островки гниющих растений. Глухо ударившись о берег, «Аврора» застряла прочно, нос ее задрался в воздух, а корма погрузилась в воду. Беглец выскочил На берег, и его деревянная нога тотчас ушла на всю длину в вязкую почву. Напрасно он старался высвободить ее, дергаясь всем телом. Он не мог больше сделать ни одного шага ни вперед, ни назад. Он завыл в бессильной злобе и яростно заколотил другой ногой по болотистой жиже. Но его злополучная деревяшка только еще глубже уходила в предательскую почву. Когда наш катер подошел к нему, он уже так прочно встал на якорь, что мы сумели вытащить его только с помощью веревки, которой он обвязал свое туловище. И мы долго тянули его, как огромную, опасную рыбину. Оба Смита, отец и сын, сидели понурившись в своем катере, но безропотно подчинились нашему приказу и перешли к нам на борт. Потом мы вызволили «Аврору» и крепко привязали ее к своей корме. На ее палубе стоял тяжелый железный сундучок ручной индийской работы, безо всякого сомнения, тот самый, в котором хранились приносящие несчастье сокровища семьи Шолто. Ключа не было, и мы осторожно отнесли его, хотя он был довольно тяжел, в нашу маленькую кабину. Мы медленно

возвращались в Лондон и все время пути обшаривали прожектором реку и берега, но так и не нашли следов маленького островитянина. Где-то на илистом дне Темзы так и останутся лежать до скончания века кости этого странного чужеземца, нашедшего свой конец на наших туманных берегах.

— Смотрите, — показал Холмс на створку деревянной двери, — он все-таки выстрелил первый.

Действительно, в дереве как раз против того места, где мы с Холмсом стояли, торчала одна из тех черных колючек, которые мы так хорошо знали. Должно быть, она пролетела между нами в тот самый миг, когда мы одновременно разрядили свои пистолеты. Холмс улыбнулся, а меня, признаться, пробрала дрожь, когда я представил себе, какой страшной смерти мы чудом избежали этой ночью.

ГЛАВА XI. Сокровища Агры

Наш пленник сидел в кабине напротив ларца, к которому он так стремился и ради которого столько преодолел препятствий. Его лицо, точно вырезанное из красного дерева, с отчаянным до дерзости взглядом и сетью крупных и мелких морщин, говорило о жизни, сопряженной с трудом на открытом воздухе. Его подбородок, покрытый густой растительностью, сильно выдавался вперед, обличая упрямый, несговорчивый характер. Ему было, наверное, лет около пятидесяти, его черные кудрявые волосы были сильно подернуты сединой. Черты его лица, когда оно было спокойно, не были лишены приятности, зато стоило ему прийти в ярость — мы это только что видели — и оно становилось жестоким и мрачным от нависших бровей и агрессивно торчащего подбородка. Сейчас он сидел неподвижно, положив большие руки в наручниках на колени и опустив на грудь голову. Время от времени он бросал острый блестящий взгляд на ларец — причину своих преступных действий. Мне показалось, что в его суровом, замкнутом лице было больше печали, чем злобы. Однажды он взглянул вверх, и мне почудилась в его взгляде усмешка.

— Знаете, Джонатан Смолл, — начал Шерлок Холмс, — мне очень жаль, что так все обернулось.

— И мне тоже, сэр, — отозвался он с чувством. — Но я думаю, виселица мне на этот раз не грозит. Я готов присягнуть на Библии, что я не повинен в смерти мистера Шолто. Это маленький дьявол Тонга выстрелил в него своей проклятой стрелой. Мои руки не запятнаны кровью, сэр. Мне было очень жаль этого Шолто, как будто он был мой родной брат. Я хорошенько вздул Тонгу свободным концом веревки, но да что толку. Сделанного не воротишь.

— Возьмите сигару, — сказал Холмс. — И глотните из моей фляги: вы промокли насквозь. Но, скажите, как вы могли ожидать, что такой маленький, тщедушный человечек одолеет мистера Шолто да еще будет держать его, пока вы лезли по веревке?

— Вы, я вижу, сэр, знаете все, как будто видели собственными глазами. Я рассчитывал на то, что в этот час в кабинете никого не будет. Я хорошо знаю распорядок жизни в Пондишери-Лодж. В это время мистер Шолто обычно спускался вниз ужинать. Я не хочу ничего скрывать. Сейчас самая лучшая защита — говорить правду. Будь это старый майор, я бы с легким сердцем позволил вздернуть себя на виселицу. Ударить его ножом мне все равно что выкурить сигару. Но такое уж мое невезение, что я пойду на каторгу из-за молодого Шолто, с которым мы даже ни разу не поссорились.

— Вы находитесь в руках Этелни Джонса из Скотленд-Ярда, — прервал его Холмс. — Он обещал завезти вас ко мне, и я попрошу вас чистосердечно мне все рассказать. Тогда, возможно, я смогу вам помочь. Я попробую доказать, что яд этот действует так быстро, что, когда вы появились в комнате, мистер Шолто был уже мертв.

— Но так оно и было, сэр. Когда я влез в окно и увидел его оскаленное, склоненное набок лицо, меня чуть удар не хватил. Я готов был задушить Тонгу, но он вырвался и убежал на чердак. Тогда-то он и забыл свою дубинку и потерял эти проклятые колючки, как он потом мне

признался. Я думаю, они-то и были главной уликой против нас. Но я, хоть убейте, не понимаю, как вы смогли напасть на наш след?! Я не питаю к вам злобы, — он горько улыбнулся, — я только заметил одну странную вещь. Имея законное право на добрых полмиллиона фунтов, я должен был первую половину жизни строить волнорезы на Андаманских островах, а вторую в лучшем случае посвящу земляным работам в Дартмуре. В злосчастную минуту встретил я купца Ахмета и услыхал о сокровищах Агры, которые всем своим владельцам приносили только несчастье. Ахмет был убит из-за них, майор Шолто жил всю жизнь под бременем вины и трясся от страха. Мне они принесут пожизненную каторгу.

В эту минуту в дверь кабины просунулось широкое лицо и могучие плечи Этелни Джонса.

— Ни дать ни взять семейный пикник! — сказал он. — Позвольте, Холмс, приложиться к вашей фляге. Ну что ж, я думаю, нам ничего не остается, как поздравить друг друга. Жаль только, что второго не удалось взять живым. Но выхода, к сожалению, не было. А знаете, Холмс, вы должны признаться, что пошли на слишком большой риск. А если бы мы не догнали их?

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Холмс. — Но я и вправду не знал, что «Аврора» — такое быстроходное судно.

— Смит говорит, на Темзе нет ни одного катера быстрее его «Авроры» и что, если бы у него был кочегар, мы ни за что бы его не догнали. Между прочим, он клянется, что ничего не знал о норвудском деле.

— Абсолютно ничего, — подтвердил наш пленник. — Я выбрал его катер, потому что слыхал про его качества. Мы ничего не сказали ему, но хорошо заплатили и обещали заплатить еще больше на борту «Эсмеральды», которая отплывает из Грейвсенда в Бразилию.

— Ну что ж, раз он не сделал ничего плохого, и мы ничего плохого ему не сделаем. Мы быстро ловим наших парней, но с обвинением не спешим.

Было смешно смотреть, как тщеславный Джонс надувается спесью — еще бы, поймал такую птицу! По легкой улыбке, игравшей на лице Холмса, я понял, что и его забавляет хвастовство полицейского инспектора.

— Скоро мы будем у Воксхоллского моста, — обратился Джонс ко мне. — Там высадим вас вместе с сокровищами. Вряд ли надо говорить вам, что я беру на себя большую ответственность. Это — совершенно недопустимое действие. Но, как говорится, уговор дороже денег. Однако по долгу службы я должен послать с вами полисмена, поскольку вы повезете такой ценный груз. Вы возьмете кэб, надеюсь?

— Да.

— Как жаль, что нет ключа, а то мы произвели бы осмотр уже здесь. Где ключ, парень?

— На дне, — ответил коротко Смолл.

— Гм! Какой смысл доставлять нам лишние хлопоты, когда у нас их было и без того немало. Я думаю, доктор, мне не надо предупреждать вас быть как можно осторожнее. И сразу же везите сундук на Бейкер-стрит. Мы сперва поедем туда, а уж потом в полицию.

Они высадили меня у Воксхоллского моста с одним из полицейских, простым и добродушным малым. А через четверть часа мы были уже у дома миссис Сесил Форрестер. Служанка была очень удивлена такому позднему визиту. Она сказала, что миссис Форрестер в гостях и вернется не скоро, а мисс Морстен в гостиной. Полицейский любезно согласился подождать меня в кэбе, и я, держа ларец на руках, направил свои стопы в гостиную.

Мисс Морстен сидела у раскрытого окна в белом воздушном платье с чем-то розовым у шеи и талии. Мягкий свет лампы под абажуром озарял ее фигурку, откинувшуюся в плетеном кресле, ее милое серьезное лицо и золотил тусклым блеском тугие локоны ее роскошных волос. Белая рука небрежно покоилась на ручке кресла, и от всей ее задумчивой позы веяло тихой

грустью. Услыхав мои шаги, она встрепенулась и встала с кресла, ее бледные щеки залились радостным румянцем.

— Я слышала, что подъехал кэб, но подумала, что это миссис Форрестер вернулась так рано. Я и не предполагала, что это вы. Какие новости вы привезли нам?

— Я привез нечто большее, чем новости, — сказал я, ставя ларец на стол и разговаривая бойким, веселым тоном, хотя сердце у меня в груди так и ныло. — Я привез вам то, что стоит дороже всех новостей на свете. Я привез вам богатство.

Она посмотрела на ларец.

— Так это и есть клад? — спросила она довольно равнодушно.

— Да, это сокровища Агры. Половина принадлежит вам, другая половина — мистеру Шолто. Каждому из вас приходится около двухсот тысяч. Это десять тысяч фунтов годового дохода. В Англии мало найдется девушек с таким приданым. Это ли не прекрасно?

По-моему, я несколько переигрывал, стараясь выразить свой восторг. Она почувствовала фальшь в моем голосе, когда я рассыпался в поздравлениях, и, чуть-чуть подняв брови, с удивлением посмотрела на меня.

— Если я и получила их, — сказала она, — так только благодаря вам.

— Нет, нет, — воскликнул я, — не мне, а моему другу Шерлоку Холмсу. Я бы никогда в жизни не решил этой загадки, даже мощный аналитический ум моего друга и то не сразу решил ее. Мы ведь в конце чуть не упустили их.

— Ради Бога, садитесь, доктор Уотсон, и расскажите мне все по порядку.

Я коротко рассказал ей, что произошло в то время, пока мы не виделись: о переодевании Холмса, о розысках «Авроры», о появлении Этелни Джонса на Бейкер-стрит, о нашей вечерней экспедиции и, наконец, бешеной гонке по Темзе. Она слушала рассказ о наших приключениях с блестящими глазами и полуоткрытым ртом. Когда я дошел до отравленной стрелы, пролетевшей мимо нас на расстоянии дюйма, она так побледнела, что, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Это ничего, — сказала она, когда я поспешил протянуть ей стакан с водой. — Все уже в прошлом. Просто мне стало страшно: ведь это из-за меня мои друзья подвергались смертельной опасности.

— Все страшное позади, — сказал я. — Да и опасности особой не было. Не хочу я больше рассказывать обо всяких ужасах. Давайте лучше поговорим о приятном. Видите, в этом ларце сокровища. Как это замечательно! Холмс специально отпустил меня, чтобы я привез его вам и вы первая открыли его.

— Да, конечно, мне будет очень интересно посмотреть, — сказала мисс Морстен, не проявляя, однако, энтузиазма. Она, без сомнения, подумала, что бестактно оставаться равнодушной при виде предмета, который стоил таких трудных и опасных поисков.

— Какой хорошенький ларец! — прибавила она, наклоняясь над ним. — Кажется, это настоящая индийская работа?

— Да, производство бенаресских кустарей-литейщиков.

— Какой тяжелый! — попробовала она поднять его. — Он один, наверное, немало стоит. А где ключ?

— Смолл выбросил его в Темзу, — ответил я. — Придется попробовать кочергу миссис Форрестер.

У ларца был литой, массивный запор, изображавший сидящего Будду. Под этот запор я всунул конец кочерги и нажал ее как рычаг. Запор громко щелкнул и раскрылся. Дрожащими руками я поднял крышку и откинул ее назад. Какое же изумление изобразилось на наших лицах! Ларец был пуст.

Не мудрено, что он был очень тяжелый. Низ, стенки и крышка были на две трети железные. Ларец был надежный, красивый и прочный, видно, специально сделан для хранения драгоценностей, но самых драгоценностей там не было. Хотя бы одна нить жемчуга, или крупинка золота, или бриллиант. Ничего. Ларец был совершенно, вопиюще пуст…

— Сокровище пропало, — спокойно заметила мисс Морстен.

Когда я услышал эти ее слова, когда до меня дошло, что они значат, тень, все это время омрачавшая мою душу, рассеялась. Вздохнув свободно, я только сейчас понял, какой тяжестью лежал у меня на сердце этот клад. Это было низко, это было эгоистично, но я знал, видел, чувствовал только одно — золотого барьера, стоявшего между нами, не стало.

— Слава Богу! — воскликнул я от всего сердца.

Она удивленно посмотрела на меня и улыбнулась.

— Почему вы так говорите? — спросила она.

— Потому что вы опять стали досягаемы для меня, — ответил я, беря ее руку. Она не отняла ее. — Потому что я люблю вас, Мэри, люблю, как никто никогда на свете не любил! Потому что эти сокровища, эти несметные богатства наложили печать на мои уста. Но теперь их нет, и я могу сказать вам смело, что я люблю вас. И я еще раз повторяю: «Слава Богу».

— Тогда и я скажу: «Слава Богу», — прошептала она, и я привлек ее к себе. Может, кто и потерял какие-то там сокровища, но я в эту ночь стал самым богатым человеком на земле.

ГЛАВА XII. История Джонатана Смолла

Полицейский в кэбе оказался очень терпеливым человеком, потому что, как можно догадаться, я не скоро покинул дом миссис Форрестер. Но когда я показал ему пустой ларец, он заметно приуныл.

— Пропала награда! — вздохнул он. — Нет сокровищ, не будет и награды. Если бы они нашлись, мы с Сэмом Брауном получили бы по десяти фунтов за ночную работу.

— Мистер Таддеуш Шолто — богатый человек, — сказал я, — он вознаградит вас и без сокровищ.

Он, однако, покачал головой.

— Плохо дело, — уныло проговорил он. — Мистер Этелни Джонс скажет то же самое.

Его предсказание сбылось, ибо лицо у Джонса вытянулось, когда, вернувшись на Бейкер-стрит, я показал ему пустой ларец. Они тоже только что приехали, ибо по дороге переменили планы, и вместо того, чтобы ехать прямо домой, заехали в Скотленд-Ярд, и Джойс доложил о результатах. Мой друг сидел в своем кресле, как всегда, с непроницаемым лицом. Смолл — в кресле напротив, положив деревянную ногу поверх здоровой. Когда я стал демонстрировать пустой ларец, он вдруг громко расхохотался.

— Это твоих рук дело, Смолл, — сказал Этелни Джонс сердито.

— Да, моих. Сокровища спрятаны там, куда вам никогда не добраться, — сказал он, торжествуя. — Это мои сокровища, и если уж мне не суждено владеть ими, так пусть и никто не владеет. Я позаботился об этом. Никто в целом свете не имеет права на них, кроме троих каторжников в андаманской тюрьме и меня. Я знаю, что не мог бы обладать ими сейчас, не могут и они. Все, что я сделал, сделано и от их имени. Наш союз четырех — до конца дней. Так вот, я знаю, они бы одобрили меня. Пусть лучше сокровища лежат на дне Темзы, чем достанутся детям Шолто или Морстена. Не ради них мы прикончили Ахмета. Сокровища там, где ключ. Там, где Тонга. Когда я увидел, что вы настигаете нас, я спрятал добычу в надежное место. На этот раз победа не принесла вам ни рупии.

— Ты обманываешь нас, Смолл, — нахмурился Джонс. — Если бы ты решил бросить сокровища в Темзу, ты бросил бы их вместе с сундуком. Это удобнее.

— Удобнее бросить — удобнее найти, — насмешливо поглядывая на нас, ответил Смолл. — Человек, у которого хватило ума выследить меня, достанет сокровища и со дна реки. Теперь это, конечно, будет труднее — они разбросаны в радиусе пяти миль. Сердце мое чуть не разорвалось, когда я расставался с ними. Я чувствовал, что схожу с ума, увидев, что вы совсем близко. Но что толку теперь жалеть о них! Я столько испытал в жизни, что научился не плакать по убежавшему молоку.

— Это очень плохо, Смолл, — сказал Джонс. — Если бы вы помогли правосудию вместо того, чтобы так посмеяться над ним, у вас было бы больше шансов заслужить снисхождение.

— Правосудие? — воскликнул бывший каторжник. — Хорошенькое правосудие! Это мои сокровища! А правосудие требует отдать их людям, не имеющим к ним никакого отношения! Вы хотите знать, как оно стало моим? Двадцать долгих лет в этом болоте, испаряющем лихорадку! Днем не выпускаешь из рук лопату, ночью гремишь кандалами в вонючем тюремном бараке. Москиты, лихорадка, ругань черных надсмотрщиков, они любят поизмываться над белыми. Вот как я стал хозяином сокровищ Агры. Вы говорите о справедливости — а я не хочу, чтобы другие пользовались сокровищами, за которые я заплатил своей жизнью. Пусть меня вздернут на виселицу, пусть в мою шкуру вонзятся колючки Тонги, но я не хочу гнить в тюремной камере, зная, что кто-то другой купается в золоте, которое по праву принадлежит мне.

Маска безразличия спала со Смолла. Он говорил возбужденно, глаза его горели, наручники бряцали, когда он в ярости сжимал кулаки. Видя, какая неукротимая ненависть снедает этого человека, я понял, что страх, обуявший Шолто при известии о его появлении, был вполне обоснованным.

— Вы забываете, что мы ничего этого не знали, — сказал Холмс мягко. — Мы и сейчас еще не знаем, законным ли путем попали к вам эти сокровища.

— Вы разговариваете со мной, как с равным, сэр. И хотя я прекрасно понимаю, что именно вам я обязан вот этими украшениями, — Смолл показал на наручники, — я не в обиде на вас. Игра была честная. Если вы хотите послушать, я расскажу вам всю мою историю от начала до конца. Видит Бог, каждое слово в ней — чистая правда. Благодарю вас, сэр, с удовольствием сделаю глоток-другой, если во рту пересохнет.

— Родом я из Вустершира, родился в местечке под Першором. Если вы заглянете к нам, найдете не одно семейство Смоллов. Я часто подумывал съездить туда, но я никогда не был гордостью своего семейства и сомневаюсь, чтобы они очень мне обрадовались. Все они люди почтенные, ходят в церковь, пользуются уважением в округе. Они фермеры, а у меня всегда были дурные наклонности. Когда мне было восемнадцать лет, я попал в историю из-за одной девушки. Спасло меня только то, что я завербовался и стал солдатом королевы в Третьем линейном пехотном полку, который как раз отправлялся в Индию.

Но служба моя кончилась скоро, я выучился только стрелять из ружья и ходить «гусиным шагом». Понесла меня однажды нелегкая купаться в Ганг, хорошо еще, что рядом со мной оказался в воде наш сержант Джон Холдер. А он был в нашем полку одним из лучших пловцов. Выплыл я на середину, глядь — крокодил. Оттяпал мне ногу выше колена, как ножом отрезал. Я бы утонул от шока и большой потери крови, да рядом оказался Холдер, он подхватил меня и вынес на берег. Пять месяцев я пролежал в госпитале. Выписался я на деревяшке полным инвалидом, неспособным к воинской службе, да и вообще ни к какой другой.

Мне тогда довольно солоно пришлось, как вы можете себе представить, — беспомощный калека; и всего только двадцать лет. Но, как говорится, нет худа без добра. Одному человеку, по имени Эйблуайт, хозяину индиговых плантаций, потребовался надсмотрщик. Случилось, что он был другом нашего полковника, принимавшего во мне участие. Он горячо рекомендовал меня Эйблуайту. Надсмотрщик большую часть времени проводит верхом на лошади, а так как культя у меня была довольно длинная, то держаться в седле я мог, деревяшка мне не мешала.

Я должен был верхом объезжать плантации, смотреть за тем, как работают кули, и докладывать о ленивых. Плата была хорошая, жилье тоже, и я уж думал, что до конца дней останусь на индиговых плантациях. Хозяин был человек добрый, он часто заходил ко мне выкурить трубку, потому что белые люди, живущие там, тянутся друг к другу. Совсем не то, что здесь.

Но счастье никогда долго не сопутствовало мне. В стране вдруг начался бунт. Еще накануне мы жили мирно и безмятежно, как где-нибудь в Кенте или Суррее, а сегодня все полетело вверх дном. Вы, конечно, знаете эту историю лучше меня. О ней много написано, а я не большой охотник до чтения. Знаю только то, что видел своими глазами. Наши плантации находились возле городка Муттры у границы Северо-западных провинций. Каждую ночь все небо озарялось огнем горящих бунгало. Каждый день через нашу усадьбу шли европейцы с женами и детьми, спеша под защиту английских войск, стоявших в Агре. Мистер Эйблуайт был упрямый человек. Он вбил себе в голову, что все дело выеденного яйца не стоит и не сегодня-завтра кончится. Он сидел на своей веранде, потягивал виски и курил сигары. А вся Индия была в огне. Мы, конечно, остались с ним. Мы — это я и Доусон, который вместе с женой вел и счета и хозяйство. Но катастрофа все-таки разразилась. Я был весь день на дальней плантации и под вечер возвращался верхом домой. На дне неглубокого оврага темнела какая-то бесформенная куча. Я подъехал ближе, и сердце мое сжалось от ужаса: это была жена Доусона, разрезанная на куски и брошенная на съедение шакалам. Немного дальше на дороге лицом вниз лежал сам Доусон, его уже окоченевшая рука сжимала револьвер, а рядом друг подле друга лежали четверо сипаев. Я натянул поводья и остановил лошадь, не решаясь, в какую сторону ехать. В этот миг из крыши бунгало Эйблуайта повалил густой дым, наружу вырвалось пламя. Я понял, что ничем не могу помочь моему хозяину, а только и сам погибну, если очертя голову брошусь на выручку. С моего места мне хорошо были видны мятежники в красных мундирах, их было не меньше нескольких сотен, они громко кричали и плясали вокруг пылающего дома. Меня заметили, и мимо моей головы просвистело несколько пуль. Тогда я повернул коня и поскакал через рисовое поле. Ночью я был в Агре.

Оказалось, что и там небезопасно. Вся страна гудела, как растревоженный улей. Англичане собирались в небольшие отряды. Они оставались хозяевами только на той земле, которую удерживали силой оружия. На всей остальной земле они были во власти восставших. Это была война миллионов против нескольких сотен. И самое трагическое было то, что нашим противником были наши же отборные войска — пехота, артиллерия и кавалерия. Мы их обучили и вышколили, и теперь они сражались против нас нашим оружием и трубили в горн наши сигналы. В Агре стояли Третий бенгальский стрелковый полк, несколько отрядов сикхов, два эскадрона кавалерии и одна батарея. Когда началось восстание, был сформирован отряд добровольцев из гражданских чиновников и купцов. В этот отряд, несмотря на свою ногу, записался и я. Мы выступили из Агры, чтобы встретиться с противником у Шахганджа в начале июля, и несколько времени успешно сдерживали их, но скоро у нас кончился порох, и мы вернулись обратно в Агру. Со всех сторон приходили тревожные вести, что было не удивительно: ведь Агра находилась в самом центре мятежа. Лакхнау был более чем в сотне миль на восток, Канпур — почти столько же на юг. Какое направление ни возьми, всюду резня, разорение и гибель.

Агра — древний город. Он всегда наполнен индусами-фанатиками и свирепыми дикарями-язычниками. Горстка англичан потерялась бы среди узких извилистых улочек. Поэтому наш командир приказал перейти реку и укрыться в старинной Агрской крепости. Не знаю, джентльмены, слыхал ли кто-нибудь из вас об этой крепости. Это — очень странное сооружение. Такого я никогда не видывал, а уж поверьте, я много странного повидал на своем веку. Крепость очень большая и состоит из двух фортов — нового и старого. Наш гарнизон, женщины, дети, припасы и все остальное разместились в новом форте. Но он размерами был гораздо меньше старого. В старую крепость никто не ходил, в ней жили только скорпионы и

сороконожки. Там было много огромных пустых залов, галерей, длинных коридоров с бесконечными переходами и поворотами, так что было легко заблудиться. Поэтому туда редко кто отваживался ходить, хотя время от времени собиралась группа любопытных и отправлялась с факелами.

Передний фасад Агрской крепости омывала река, служившая ей защитой, зато боковые и задняя стены имели множество выходов, которые надо было охранять. Людей у нас было мало, едва хватало только, чтобы поставить к пушкам и бойницам. Тогда мы хорошо укрепили центральный форт, а у каждых ворот выставили небольшой караул — по одному англичанину и по два-три сикха. Мне выпало охранять ночью дальнюю дверь в юго-западной стене. Мне дали под начало двух сикхов и сказали, чтобы я в случае опасности стрелял, чтобы вызвать подкрепление из центральной охраны. Но поскольку наш пост находился метрах в двухстах от главных сил и добраться к нам можно было, только преодолев бесконечный лабиринт коридоров и галерей, то я очень сомневался, что в случае нападения помощь придет вовремя.

Я очень гордился тем, что у меня был свой маленький отряд — ведь солдатом я прослужил без году неделя, да еще эта нога. Две ночи прошли безо всяких происшествий. Мои пенджабцы были рослые, свирепого вида сикхи. Одного звали Мохаммед Сингх, другого Абдулла Хан, оба воевали против нас под Чилианвалла. По-английски они говорили довольно хорошо, но я с ними общался мало. Они предпочитали держаться вдвоем и что-то лопотали все время на своем странном сикхском языке. Я же обычно стоял снаружи возле двери и смотрел вниз на широкую извивающуюся ленту реки и на мерцающие огни древнего города. Дробь барабанов и тамтамов, крики и пение мятежников, опьяненных опиумом и гашишем, напоминали нам всю ночь об опасности, грозившей с того берега. Каждые два часа дозор центральной охраны обходил посты, проверяя, все ли благополучно.

Третья ночь моего дежурства была особенно темной и мрачной, то и дело моросил дождь. Ничего нет хуже стоять час за часом на страже в такую ночь. Я несколько раз пытался заговорить со своими необщительными товарищами, но все безуспешно. В два часа ночи пришел дозор и немного скрасил мое тоскливое бдение. Видя, что мне не удастся втянуть сикхов в разговор, я вынул трубку, положил ружье и чиркнул спичкой. И в тот же миг оба сикха набросились на меня. Один схватил мой мушкет и занес его над моей головой, второй приставил к моему горлу длинный нож и поклялся сквозь зубы всадить мне его в глотку, если я пошевелюсь.

Моей первой мыслью было, что негодяи в заговоре с мятежниками и что это — начало штурма. Если бы восставшие захватили наш вход, то крепость бы пала и все женщины и дети оказались бы в их руках. Возможно, джентльмены, вы подумайте сейчас, что я хочу расположить вас в свою пользу, но даю слово, что, когда я сообразил это, то, забыв о ноже, я уже раскрыл было рот, чтобы закричать, — пусть это был бы мой последний крик. Державший меня сикх точно прочитал мои мысли, ибо, видя мою решимость, прошептал мне на ухо: «Не поднимай шума. Крепость в безопасности. На нашем берегу нет негодяев-мятежников». Голос его звучал искренне, к тому же я знал, стоит мне издать звук, песенка моя спета. Это я прочел в глазах шептавшего. Поэтому я решил подождать и посмотреть, что они хотят от меня.

«Послушай, сагиб, — сказал один из них, тот, у которого был более свирепый вид и которого звали Абдулла Хан. — Либо ты должен присоединиться к нам, либо ты замолчишь навеки. Мы не можем ждать: дело слишком важное. Или ты душой и телом будешь наш и поклянешься в этом на христианском кресте, или твое тело этой ночью будет брошено в канаву, а мы уйдем к повстанцам на ту сторону реки. Выбора у тебя нет. Ну что — жизнь или смерть? Даем на размышление три минуты. Время идет, а надо все кончить до возвращения дозора».

— Как я могу решать? — возразил я. — Вы ведь не сказали мне, что я должен делать. Но знайте, если на карту поставлена судьба крепости, убивайте меня, и пусть ваша рука не дрогнет.

— Крепости ничего не грозит, — опять зашептал сикх. — Мы хотим, чтобы ты сделал только то, ради чего твои соотечественники едут в эту страну: мы хотим, чтобы ты разбогател. Если ты будешь в эту ночь с нами, то мы клянемся тебе обнаженным кинжалом и тройной клятвой сикхов — эту клятву не нарушил еще ни один сикх, что честно поделимся с тобой захваченной добычей. Ты получишь четвертую часть всех сокровищ. Что может быть справедливее?

— Каких сокровищ? — спросил я. — Я так же, как вы, не прочь разбогатеть. Но скажите, как это сделать?

— Поклянись сперва, — ответили они, — прахом твоего отца, честью матери, святым крестом твоей веры, что ни сейчас, ни впредь не поднимешь на нас руки и будешь нерушимо хранить тайну!

— Клянусь, — ответил я, — если только крепости не будет угрожать опасность.

— Тогда и мы все клянемся, что честно поделим между собой сокровища и ты получишь свою четвертую часть.

— Но ведь нас трое, — сказал я.

— Нет, четверо. Дост Акбар тоже должен получить свое. Пока будем их ждать, я тебе все расскажу. Мохаммед Сингх постоит снаружи и даст нам знать, когда они покажутся. Ну так вот, сагиб, я расскажу тебе все, потому что ты ференги, а я знаю, что ференги не нарушают клятвы. Если бы ты был лживым индусским псом, то, сколько бы ты ни клялся всеми своими богами из нечестивых храмов, твоя кровь пролилась бы, а тело было брошено в сточную канаву. Но сикхи верят англичанам, а англичане верят сикхам. Так что слушай, сагиб, что я тебе расскажу.

В северных провинциях живет один раджа. Он очень богат, хотя земли у него мало. Большие богатства унаследовал он от отца и еще больше скопил сам, потому что он любит копить и не любит тратить. Когда заварилась каша, он был другом и льва и тигра — сипаев и англичан. Но вот до него стали доходить слухи, что белых людей повсюду гонят и убивают, и он решил, что белым пришел конец. Будучи человеком осторожным, он повел себя так, чтобы в любом случае сохранить хотя бы половину сокровищ. Золото и серебро он оставил в подвалах своего дворца, а самые дорогие камни и жемчуг сложил в железный сундук и поручил своему верному слуге под видом торговца пронести в Агрскую крепость, чтобы они оставались там, пока не наступит замирение. Таким образом, если победят мятежники, он будет иметь золото и серебро, если же победят англичане, то уцелеют драгоценности. Разделив таким образом свои богатства, он присоединился к сипаям, потому что их победа тогда была очевидна. Значит, сагиб, обрати на это внимание, драгоценности должны были достаться тому, кто остался бы до конца верен долгу.

Этот мнимый купец, путешествующий под именем Ахмета, сейчас в Агре. Он жаждет проникнуть в Агрскую крепость. С ним мой молочный брат Дост Акбар, знающий его тайну. Дост Акбар обещал этой ночью привести его к западному входу в крепость. И выбрал как раз нашу дверь. Они вот-вот придут, и мы с Мохаммедом Сингхом их встретим. Место это пустынное, об Ахмете никто ничего не знает. И мы позаботимся, чтобы никто никогда не узнал. А потом поделим сокровища. Что ты на это скажешь, сагиб?

В Вустершире жизнь человека священна и неприкосновенна, но совсем другое дело, когда кругом огонь и кровь и смерть поджидает тебя на каждом шагу. Мне было все равно, будет ли жить какой-то купец Ахмет или нет. Зато рассказ о сокровищах задел мое сердце. Я стал думать, как хорошо вернуться в Англию с таким богатством, вот уж мои родные вытаращат глаза, увидев бездельника Джонатана с карманами, полными золота. Из этого вы можете судить, какой я сделал выбор. Абдулла Хан, однако, решил, что я все еще колеблюсь.

— Послушай, сагиб, — продолжал он меня уговаривать, — если этот человек попадет в руки начальника гарнизона, его все равно расстреляют или повесят, а драгоценности раджи уйдут в казну правительства, и никому не будет никакой радости. Раз уж мы устроили на него

засаду, дело надо кончать. А сокровищам у нас будет ничуть не хуже, чем в государственной казне. Мы сразу разбогатеем и станем важными господами. Мы здесь совсем одни, и никто никогда не узнает об этом. Все нам благоприятствует. Повтори еще раз, сагиб, с нами ты или против нас?

— С вами, всей душой и всем сердцем, — ответил я.

— Хорошо, — ответил он, возвращая мне мое ружье. — Ты видишь, мы доверяем тебе, потому что ты, как и мы, не можешь нарушить слова. А теперь будем ждать.

— Твой брат знает, что вы затеяли?

— Это его план. Он все и придумал. А теперь пойдем к Мохаммеду Сингху, будем ждать там.

Дождь все продолжался, потому что уже начался сезон дождей. Тяжелые, черные тучи заволокли небо, и в двух шагах ничего не было видно. Прямо перед нами обрывался неглубокий ров, он местами почти пересох, и через него было легко перебраться. У меня было очень странное ощущение, что вот я стою здесь с двумя дикими пенджабцами и жду человека, спешащего навстречу своей смерти. Вдруг глаза мои уловили во тьме по ту сторону рва слабую вспышку от прикрытого полой фонаря. Свет исчез за кучами земли, потом опять появился и стал медленно к нам приближаться.

— Идут! — сказал я.

— Окликните его, сагиб, как полагается в таких случаях, — зашептал Абдулла. — Пусть он ничего не подозревает. Дайте нас ему в провожатые, а сами оставайтесь у входа. Приготовьте фонарь, чтобы не ошибиться, что это он.

Свет фонаря то останавливался, то опять двигался в нашу сторону, и скоро я разглядел на той стороне две темные фигуры. Они подошли ко рву и начали чуть ли не на четвереньках спускаться по отлогой стенке рва, потом прошлепали по вязкому дну и стали карабкаться на нашу сторону. Тут я их и окликнул.

— Кто там? — спросил я негромко.

— Друзья, — последовал ответ.

Я открыл фонарь и осветил их. Впереди шел огромный сикх с черной бородой, спускавшейся чуть не до пояса. Только в цирке я видел таких высоких людей. Другой был маленький, толстенький и круглый, на нем был желтый тюрбан, а в руках узел — что-то завязанное в шаль. Он весь дрожал от страха, руки его тряслись так, точно его била лихорадка, он то и дело озирался по сторонам маленькими карими блестящими глазками, он походил на мышку, боязливо выглядывающую из норки. Меня самого продрал озноб, когда я подумал, что этот человечек сейчас умрет. Но я вспомнил про сокровища, и сердце мое стало как каменное. Увидев мое светлое лицо, толстяк радостно закудахтал и бросился ко мне.

— Я ищу вашей защиты, сагиб, — задыхался он. — Я несчастный купец Ахмет. Чтобы добраться до надежных стен Агрской крепости, я прошел по всей Раджпутане. Меня ограбили по дороге, били, издевались надо мной, потому что я друг правительства. Благословенна ночь, которая принесла мне спасение. Мне и моему жалкому имуществу.

— Что у вас в узле? — спросил я.

— Железный сундучок, — ответил он. — А в нем две или три семейные реликвии, не представляющие ни для кого, кроме меня, никакой ценности. Но я не нищий, я награжу тебя, молодой сагиб, и твоего начальника, если ты позволишь мне укрыться за этими стенами.

Я почувствовал, что еще немного, и я не выдержу. Чем больше я глядел на его жирные, прыгающие от страха щеки, тем более чудовищным казалось мне это хладнокровно обдуманное убийство. Скорее бы уж все кончалось.

— Отведите его в центральный форт, — приказал я.

Двое сикхов пошли по бокам, третий сзади. Все четверо медленно удалялись по коридору. Несчастный купец оказался буквально бок о бок со смертью. Я со своим фонарем остался у входа.

Я слышал, как мерные звуки их шагов разносились под пустынными гулкими сводами коридоров. Вдруг шаги замолкли. Раздались голоса, шум драки, удары. А минуту спустя я, к своему ужасу, услыхал дробный стук шагов и тяжелое дыхание бегущего в мою сторону человека. Я осветил фонарем длинный прямой коридор и увидел толстяка с залитым кровью лицом. Он мчался что было духу ко мне, а за ним по пятам тигриными прыжками несся огромный чернобородый сикх, и в его руке блестел нож. Я никогда не видел, чтобы люди так быстро бегали, как этот маленький торговец. Ему оставалось только пробежать мимо меня и выскочить на улицу. Там он был бы спасен. Мне опять на какую-то долю секунды стало жалко его, но я вспомнил о сокровищах и опять ожесточился. Когда он поравнялся со мной, я бросил ему в ноги ружье, и он упал, перевернувшись два раза через голову, как подстреленный заяц. Он не успел вскочить на ноги — сикх был уже на нем и дважды ударил его ножом в бок. Ахмет не дрогнул, не издал стона, а так и остался лежать, где упал. По-моему, он, когда падал, сломал шею. Как видите, джентльмены, я держу обещание и рассказываю все как есть, не заботясь, какое это производит на вас впечатление.

Он остановился и протянул свои скованные наручниками руки к стакану виски с содовой, приготовленному для него Холмсом. Я посмотрел на него и почувствовал, что содрогаюсь от ужаса, и не только потому, что он был участником этого коварного убийства: меня потрясло, как легко и даже цинично он об этом рассказывал. Какое бы ни уготовано ему наказание, мне не жаль его. Шерлок Холмс и Джонс оба сидели молча, сложив руки на коленях, на их лицах было написано отвращение. Он, очевидно, заметил это, потому что, когда он снова заговорил, в его голосе послышался вызов.

— Все это, конечно, очень плохо, — сказал он. — Но я бы хотел знать, много ли найдется людей, которые, оказавшись на моем месте, вели бы себя по-другому, то есть отказались бы от богатства, зная, что за их доброту им перережут глотку. К тому же когда Ахмет вступит в крепость, дело уже пошло так — он или я. Если бы он убежал, все открылось бы, меня судили бы военно-полевым судом и расстреляли, потому что в такие времена рассчитывать на снисходительность не приходится.

— Продолжайте, — коротко приказал Холмс.

— Так вот, мы втроем, Абдулла, Акбар и я, втащили его в крепость. Хотя он был коротышка, но руки нам оттянул. Мохаммед Сингх остался караулить вход. Сикхи еще раньше присмотрели место, где его можно было спрятать. Галерея со многими поворотами привела нас в большой, пустой зал, кирпичные стены которого постепенно разрушались. Земляной пол в одном месте осел и треснул, образовав естественную могилу. Здесь мы и похоронили купца Ахмета, заложив могилу кирпичами, выпавшими из стен. Покончив с Ахметом, мы вернулись к сундучку с сокровищами.

Он остался там, где Ахмет уронил его, когда сикхи первый раз на него напали. Это был тот самый сундук, который стоит сейчас на столе перед вами. К резной ручке на крышке был привязан шелковым шнуром ключ. Мы открыли его, и в свете фонаря заблестели, заиграли драгоценные камни, о каких я читал в приключенческих книгах и мечтал мальчишкой в Першоре. От их блеска можно было ослепнуть. Насытившись этим великолепным зрелищем, мы выложили драгоценности и стали считать их. Там было сто сорок три бриллианта чистой воды, и среди них знаменитый «Великий могол», по-моему, он именно так называется. Говорят, что это второй камень в мире по величине. Затем там было девяносто очень красивых изумрудов, сто семьдесят рубинов, правда, много мелких. Еще там было сорок карбункулов, двести десять сапфиров, шестьдесят один агат и несчетное количество бериллов, ониксов, кошачьего глаза, бирюзы, и еще много других камней, чьи названия я тогда не знал. Теперь я знаком с камнями гораздо лучше, чем раньше. Еще там был жемчуг — около трехсот

превосходных жемчужин, двенадцать из них снизаны в четки. Между прочим, эти четки исчезли из сундука. Их там не было, когда я недавно открывал его.

Сосчитав наши сокровища, мы уложили их обратно в сундук и понесли показать их Мохаммеду Сингху. Затем мы еще раз торжественно поклялись, что никогда не предадим друг друга и будем верно хранить нашу тайну. Мы решили поделить сокровища, когда в стране воцарится мир, а пока спрятать сундук в надежное место. Делить их сейчас не было смысла: если у нас увидят такие драгоценности, это вызовет подозрения. В крепости все жили тесно, так что спрятать их от постороннего глаза не было никакой возможности. Поэтому мы отнесли сундук в тот самый зал, где лежал Ахмет, и в одной из стен, уцелевшей лучше других, мы замуровали наши сокровища. Мы хорошо запомнили место, а на следующий день я нарисовал четыре плана и на каждом написал внизу «знак четырех», ибо мы все четверо были связаны нерушимой клятвой. И я клянусь вам положа руку на сердце, что никогда не изменял ей.

Мне не надо рассказывать вам, джентльмены, чем закончилось восстание. После того, как Уилсон взял Дели, а сэр Колин освободил Лакхнау, дело восставших было проиграно. Подоспели свежие английские части, и сам Нана Сагиб бежал за границу. Летучие отряды полковника Грейтхеда окружили Агру и выгнали из города всех мятежников. Мир наконец водворился в стране, и мы четверо стали уже надеяться, что не за горами день, когда мы сумеем незаметно вынести из крепости свои сокровища. Но нашим надеждам не суждено было сбыться — нас арестовали как убийц Ахмета.

А произошло вот что. Когда раджа поручил драгоценности Ахмету, он сделал это потому, что доверял ему. Но люди на востоке подозрительны, поэтому раджа вслед за Ахметом отправил второго слугу, которому он доверял больше, чем Ахмету. Этому второму он приказал ни на секунду не выпускать из вида Ахмета, и тот всюду следовал за ним, как тень. В ту роковую ночь он шел за Ахметом до самых дверей и видел, как его впустили в крепость. Он не сомневался, что Ахмету дали убежище, и на другой день сам отправился туда. Но Ахмета он там не встретил. Это насторожило его, и он заявил об исчезновении Ахмета сержанту охраны, а тот доложил начальнику. Немедленно организовали поиски, и тело Ахмета очень скоро нашли. Мы были уверены, что начисто замели следы, и тешили себя радужными мечтами, как вдруг нас всех четверых арестовывают и обвиняют в убийстве Ахмета. Трое из нас стояли в ту ночь на страже у юго-западной двери, а четвертый, как стало известно, путешествовал вместе с убитым. О драгоценностях на суде не было сказано ни слова, потому что раджу лишили княжеского престола и изгнали из Индии. Обстоятельства дела были очень быстро расследованы, и суд предъявил нам обвинение в убийстве. Сикхи были присуждены к пожизненной каторге, а я к смертной казни, которая позже была заменена каторгой на тот же срок.

Мы очутились в дурацком положении. Сидеть под замком, не имея никакой надежды выйти на свободу, и знать, что обладаешь тайной, которая могла бы так высоко вознести тебя, — это было невыносимо. Сносить издевку и побои надзирателей, есть один рис и пить воду, когда на воле тебя ждет сказочное богатство, — можно было сойти с ума или наложить на себя руки, но я всегда был упрямым малым и, скрепив сердце, я стал ждать своего часа.

И вот, как мне показалось, он пробил. Из Агры нас перевели в Мадрас, а оттуда на Андаманские острова в Порт-Блэр. В новой тюрьме было очень мало белых, а так как я сразу стал примерно вести себя, то скоро оказался на привилегированном положении. Мне дали в Хоптауне маленькую хижину. Хоптаун — это небольшое селение, раскинувшееся на склонах горы Харриет, и у меня даже появилось время, когда я был предоставлен самому себе. Место было отвратительное, зараженное лихорадкой; на островах, за оградой наших каторжных поселений, жили каннибальские племена. Их развлечением было при всяком удобном случае стрелять в заключенных своими ядовитыми колючками. Мы рыли землю, проводили канализацию, работали на бататовых плантациях, и было еще много других работ, так что весь день у нас был занят, зато вечер принадлежал нам. Я научился, помимо всего прочего,

готовить для нашего врача лекарства и старался усвоить кое-что из его науки. И все время я был начеку — не подвернется ли случай бежать. Но Андаманские острова находятся на расстоянии сотен миль от ближайшей земли, а в морях под теми широтами ветер очень слабый или совсем не дует. Так что бежать оттуда — дело невероятно трудное.

Доктор Соммертон был молодой человек, веселый и общительный. Офицеры помоложе собирались по вечерам у него в комнате и играли в карты. Его приемная, где я обычно готовил лекарства, примыкала к гостиной, и между комнатами в стене было маленькое окошко. Часто, когда мне было особенно тоскливо и одиноко, я гасил лампу в приемной и стоял там, наблюдая через окошко игру и слушая их разговоры. Я люблю играть в карты, и это было почти все равно что играть самому. Там обычно собирались майор Шолто, капитан Морстен и лейтенант Бромли Браун, начальник тюремной охраны из туземцев, сам доктор и двое или трое тюремных чиновников, старых, опытных игроков, которые вели умную и беспроигрышную игру. Компания собиралась дружная.

Скоро я обратил внимание, что военные всегда проигрывали, а чиновники выигрывали. Я не говорю, что они играли нечестно, нет. Но так уж получалось. Эти тюремные крысы, попав на Андаманские острова, никогда ничем, кроме карт, не занимались, они хорошо знали привычки своих партнеров и играли серьезно, а военные садились за карты только затем, чтобы провести время. От вечера к вечеру военные все больше проигрывали, а проигрывая, все больше хотели отыграться. Хуже всех приходилось майору Шолто. Сперва он платил проигрыш наличными — золотом и банкнотами, потом стал давать расписки на очень крупные суммы. Иногда он немного выигрывал, я думаю, это делалось нарочно, чтобы подбодрить его. А затем неудачи снова начинали преследовать его с еще большим ожесточением. Целыми днями он ходил мрачный, как туча, и даже стал выпивать в ущерб здоровью.

Однажды он сильно проигрался. Я сидел в своей хижине, когда майор с капитаном Морстеном, пошатываясь, возвращался домой. Они были большие друзья и никогда не разлучались. Майор сокрушался из-за своих проигрышей.

— Все кончено, Морстен, — сказал он. — Я погибший человек. Мне ничего не остается, как подать в отставку.

— Глупости, старина! — воскликнул капитан, хлопая приятеля по плечу. — Я сам в не менее затруднительном положении, но…

Вот все, что я услышал тогда, но слова майора заставили меня призадуматься.

Дня через два я увидел, как майор Шолто медленно брел по берегу, и решил поговорить с ним.

— Мне надо посоветоваться с вами, майор, — сказал я.

— Слушаю тебя, Смолл. В чем дело? — ответил он, вынимая изо рта сигару.

— Вы не знаете, — начал я, — какому официальному лицу я должен сообщить о спрятанных сокровищах? Мне известно, где лежат полмиллиона фунтов, а поскольку я сам не могу ими воспользоваться, то я подумал; не лучше ли передать их властям? Может, мне за это сократят срок.

— Ты говоришь, Смолл, полмиллиона? — У майора даже дыхание сперло, и он пристально посмотрел на меня, чтобы понять, говорю ли я серьезно.

— Да, в драгоценных камнях и жемчуге. Они лежат там себе и лежат. И никто о них не знает. Их владелец — каторжник, вне закона. Так что фактически они принадлежат первому, кто их найдет.

— Они принадлежат правительству, Смолл, — проговорил майор изменившимся голосом, — правительству, и никому больше.

Но он сказал это так неуверенно, запинаясь, что я понял, что майор попался на удочку.

— Так вы мне советуете, сэр, заявить о драгоценностях генерал-губернатору? — сказал я, прикидываясь простаком.

— Не надо торопиться, Смолл, чтобы потом не пришлось жалеть. Расскажи мне об этом подробно. Чтобы дать правильный совет, я должен знать все.

Я рассказал ему всю историю с некоторыми изменениями, чтобы он не догадался, где это произошло. Когда я кончил, он долго стоял, как в столбняке, и думал. По движению его губ я понял, какая в нем происходит борьба.

— Это очень важное дело, Смолл, — сказал он наконец. — Никому о нем ни слова. Я скоро еще приду к тебе. И тогда мы поговорим.

Он пришел ко мне через два дня поздней ночью вместе с капитаном Морстеном.

— Я бы хотел, Смолл, чтобы капитан Морстен послушал эту историю из твоих уст, — сказал майор.

Я повторил слово в слово, что рассказывал майору.

— Звучит правдиво, а? — спросил он капитана. — Я бы, пожалуй, поверил.

Капитан Морстен, ничего не сказав, кивнул.

— Послушай, Смолл, — начал майор. — Мы с капитаном все обсудили и пришли к выводу, что генерал-губернатор здесь ни при чем. Это твое личное дело, и ты волен поступать, как сочтешь нужным. Но я хотел бы вот что спросить у тебя, какую цену ты предложил бы за свои сокровища? Мы могли бы съездить за ними или по крайней мере позаботиться об их сохранности. Если, конечно, договоримся об условиях.

Он говорил холодным, безразличным тоном, но глаза его блестели волнением и алчностью.

— Видите ли, джентльмены, — отвечал я, стараясь тоже говорить спокойно, но чувствуя при этом не меньшее волнение. — Человеку в моем положении нужно одно — свобода. Это и есть мое условие: свобода мне и моим друзьям. Тогда мы примем вас в долю и разделим сокровища на пять равных частей. Вы двое получите пятую часть.

— Хм, пятую? — проговорил майор. — Это немного.

— Пятьдесят тысяч фунтов на одного, — сказал я.

— Но как мы можем освободить вас? Ты же знаешь хорошо, что требуешь невозможного.

— Ничего подобного, — ответил я. — Все продумано до мельчайших подробностей. Побегу мешает только одно — нет лодки, годной для дальнего перехода, и пищи, которой бы хватило на несколько дней. В Калькутте или в Мадрасе легко найти подходящую лодку. Вы доставите ее сюда. Мы ночью погрузимся и, если вы переправите нас в любое место на индийском побережье, считайте, что вы свою долю заработали.

— Если бы ты был один, — заметил майор.

— Все четверо или никто, — сказал я. — Мы поклялись стоять друг за друга и всегда действовать вместе.

— Видите, Морстен, — сказал майор. — Смолл — хозяин своего слова. Он не бросает друзей. Я думаю, мы можем на него положиться.

— Грязное это дело, — сказал капитан. — Но вы правы, деньги спасут нашу офицерскую честь.

— Хорошо, Смолл, — сказал майор. — Мы постараемся сделать, что ты просишь. Но сперва, разумеется, мы должны убедиться, что рассказанное тобой не выдумка. Скажи мне, где спрятаны сокровища. Я возьму месячный отпуск и на провиантском судне уеду в Индию.

— Подождите, подождите, — сказал я, становясь спокойнее, чем больше он волновался. — Я должен иметь согласие моих друзей. Я же сказал вам: все четверо или никто.

— Глупости! — воскликнул майор. — Какое отношение эти черноглазые имеют к нашему джентльменскому соглашению.

— Черные или зеленые, — сказал я, — но они мои друзья, и мы поклялись никогда не бросать друг друга.

Дело было окончательно улажено на втором свидании, в присутствии Мохаммеда Сингха, Абдуллы Хапа и Доста Акбара. Мы еще раз все обсудили и решили следующее: мы даем и майору Шолту и капитану Морстену план той части Агрской крепости, где спрятаны сокровища. Майор Шолто едет в Индию убедиться в правильности моего рассказа. Если сундук на месте, он покупает маленькую яхту и продовольствие и плывет к острову Ратленду, где мы его будем ждать. Затем возвращается к своим обязанностям. Немного погодя в отпуск едет капитан Морстен. Мы встречаем его в Агре и делим сокровища. Он забирает свою часть и часть майора и едет обратно на Андаманские острова. Приняв такой план, мы поклялись не нарушать его под страхом вечных мук. Я всю ночь просидел с бумагой и чернилами, и к утру были готовы два плана, подписанные «знаком четырех», то есть Абдуллой, Акбаром, Мохаммедом и мной.

Но я, кажется, утомил вас, джентльмены, длинным рассказом, а моему другу мистеру Джонсу, как я вижу, не терпится упрятать меня за решетку. Постараюсь быть краток. Майор Шолто уехал в Индию и никогда больше не возвращался на Андаманские острова. Капитан Морстен вскорости показал мне его имя в списке пассажиров пакетбота, ушедшего в Англию. Оказалось, что у него умер дядюшка, оставив ему наследство, и он подал в отставку. Он думал, что никогда больше не увидит нас. Ведь он совершил такую подлость — предал всех нас, и в том числе своего друга. Морстен вскоре после этого ездил в Индию и, конечно, сундука в тайнике не нашел, негодяй похитил его, не выполнив условий, на которых мы открыли ему тайну. С того самого дня я живу только мщением. Я думал об этом и днем и ночью. Отомстить Шолто стало для меня единственной, всепоглощающей страстью. Я ничего не боялся — ни суда, ни виселицы. Бежать во что бы то ни стало, найти Шолто, перерезать ему глотку своей рукой — вот о чем я мечтал. Даже сокровища Агры и те померкли перед сладостной картиной расправы с Шолто.

Я многое замышлял в этой жизни, и всегда мне все удавалось. Но прошло еще много унылых, однообразных лет, прежде чем судьба улыбнулась мне. Я уже говорил вам, что набрался кое-чего по медицинской части. Однажды, когда доктор Соммертон лежал в приступе малярии, заключенные подобрали в лесу крошечного туземца. Он был смертельно болен и ушел умирать в лес. Я взял его на руки, хотя он, как змееныш, источал злобу. Я лечил его два месяца и, представьте, поставил его на ноги. Он сильно привязался ко мне и, по-видимому, не стремился возвращаться в леса, потому что день-деньской слонялся возле моей хижины. Я выучил у него несколько слов его языка, чем еще сильнее привязал его. Тонга, как его звали, был отличным мореходом. У него было большое, просторное каноэ. Когда я увидел, как он привязан ко мне и что готов для меня на все, я стал серьезно помышлять о побеге. Мы придумали с ним такой план. Он должен был ночью пригнать свою лодку к старой, заброшенной пристани, которая не охранялась, и там подобрать меня. Я велел ему взять с собой несколько бутылей из тыкв с пресной водой, побольше бататов, кокосовых орехов и сладкого картофеля.

Маленький Тонга был верный, надежный друг. Ни у кого никогда не было и не будет таких друзей. Ночью, как мы условились, он пригнал лодку к пристани. Но так случилось, что в ту ночь поставили караульного — одного афганца, который никогда не упускал случая оскорбить или ударить меня. Я давно поклялся отомстить ему, и вот этот час настал. Судьба нарочно столкнула нас в последние минуты моей жизни на острове, чтобы я мог с ним расквитаться. Он стоял на берегу ко мне спиной, с карабином через плечо. Я поискал вокруг камень, которым я мог бы вышибить ему мозги, но не нашел. Тогда мне в голову пришла дикая мысль, я понял, что должно быть моим оружием. Я сел в темноте на землю и отвязал свою деревянную ногу. Сделав три больших прыжка, я напал на него. Он успел приложить карабин к плечу, но я

размахнулся деревяшкой и размозжил ему череп. На моей деревяшке осталась выбоина в том месте, которым я нанес удар. Мы оба упали, потому что я не мог удержать равновесия. Я поднялся и увидел, что он лежит без движения. Я поспешил к лодке, и через час мы были уже далеко в море. Тонга захватил все свои пожитки, все оружие и всех богов. Среди прочих вещей я нашел у него длинное бамбуковое копье и несколько циновок, сплетенных из листьев кокосовой пальмы, из которых и сделал какое-то подобие паруса. Десять дней мы носились по морю, на одиннадцатый нас подобрало торговое судно, идущее из Сингапура в Джидду с грузом паломников из Малайи. Это была пестрая компания, и мы с Тонгой скоро среди них затерялись. У них было одно очень хорошее качество — они не задавали вопросов.

Если я стану рассказывать все приключения, какие пришлось пережить мне и моему маленькому приятелю, вы не поблагодарите меня, потому что я не кончу до рассвета. Куда только не бросала нас судьба! Но вот в Лондон мы никак не могли попасть. И все время скитаний я не забывал главной цели. Я видел Шолто по ночам во сне. Тысячу раз ночью во сне я убивал его. Наконец, года три или четыре назад мы очутились в Англии. Мне было нетрудно узнать, где живет Шолто. Затем я принялся выяснять, что сталось с сокровищами. Я свел дружбу с одним из его домочадцев. Не стану называть имени, не хочу, чтобы кто-нибудь еще гнил в тюрьме. Я скоро узнал, что сокровища целы и находятся у Шолто. Тогда я стал думать, как напасть на него. Но Шолто был хитер. В качестве привратников он всегда держал двух профессиональных боксеров, и при нем всегда были его сыновья и слуга-индус.

И вот я узнаю, что он при смерти. Как безумный, бросился я в Пондишери-Лодж: неужели он ускользнет от меня таким образом? Я пробрался в сад и заглянул к нему в окно. Он лежал на своей постели, слева и справа стояли оба его сына. Я дошел до того, что чуть не бросился на всех троих, но тут я взглянул на него — он увидел меня в окне, челюсть у него отпала, и я понял, что для майора Шолто все на этом свете кончено. В ту же ночь я все-таки влез к нему в спальню и перерыл все бумаги — я искал какого-нибудь указания, куда он спрятал наши сокровища. Но я ничего не нашел. И тут мне пришла в голову мысль, что, если я когда-нибудь встречусь с моими друзьями-сикхами, им будет приятно узнать, что мне удалось оставить в комнате майора свидетельство нашей ненависти. И я написал на клочке бумаги «знак четырех», как было на наших картах, и приколол бумагу на грудь покойного. Пусть он и в могиле помнит о тех четверых, которых он обманул и ограбил.

На жизнь мы зарабатывали тем, что ходили по ярмаркам и бедный Тонга за деньги показывал себя. Черный каннибал, он ел перед публикой сырое мясо и плясал свои воинственные пляски. Так что к концу дня у нас всегда набиралась целая шапка монет. Я по-прежнему держал связь с Пондишери-Лодж, но никаких новостей оттуда не было. Я знал только, что его сыновья продолжают поиски. Наконец пришло известие, которого мы так долго ждали. Сокровища нашлись. Они оказались на чердаке, над потолком химической лаборатории Бартоломью Шолто. Я немедленно прибыл на место и все осмотрел. Я понял, что с моей ногой мне туда не забраться. Я узнал, однако, о слуховом окне на крыше, а также о том, что ужинает мистер Шолто внизу. И я подумал, что с помощью Тонги все будет очень легко сделать. Я взял его с собой и обвязал вокруг пояса веревкой, которую мы предусмотрительно захватили. Тонга лазал, как кошка, и очень скоро он оказался на крыше. Но, на беду, мистер Бартоломью Шолто еще был в кабинете, и это стоило ему жизни. Тонга думал, что поступил очень хорошо, убив его. Когда я влез по веревке в комнату, он расхаживал гордый, как петух. И очень удивился, когда я назвал его кровожадным дьяволом и стал бить свободным концом веревки. Потом я взял сундук с сокровищами и спустил его вниз, затем и сам спустился, написав на бумажке «знак четырех» и оставив ее на столе. Я хотел показать, что драгоценности наконец вернулись к тем, кому они принадлежат по праву. Тонга вытянул веревку, запер окно и ушел через крышу, так же, как и пришел.

Не знаю, что еще прибавить к моему рассказу. Я слыхал, как какой-то лодочник хвалил за быстроходность катер Смита «Аврору». И я подумал, что это именно то, что нам нужно. Я

договорился со старшим Смитом, нанял катер и пообещал ему хорошо заплатить, если он доставит нас в целости и сохранности на корабль, уходивший в Бразилию. Он, конечно, догадывался, что дело нечисто, но в тайну норвудского убийства посвящен не был. Все, что я рассказал вам, джентльмены, — истинная правда, и сделал я это не для того, чтобы развлечь вас: вы мне оказали плохую услугу, — а потому, что мое единственное спасение — рассказать все в точности, как было, чтобы весь мир знал, как обманул меня майор Шолто и что я абсолютно неповинен в смерти его сына.

— Замечательная история, — сказал Шерлок Холмс. — Вполне достойный финал для не менее замечательного дела. Во второй половине вашего рассказа для меня нет ничего нового, кроме разве того, что веревку вы принесли с собой. Этого я не знал. Между прочим, я считал, что Тонга потерял все свои колючки. А он выстрелил в нас еще одной.

— Той, что оставалась в трубке. Остальные он потерял.

— Понятно, — сказал Холмс. — Как это мне не пришло в голову.

— Есть еще какие-нибудь вопросы? — любезно спросил наш пленник.

— Нет, спасибо, больше нет, — ответил мой друг.

— Послушайте, Холмс, — сказал Этелни Джонс — вы человек, которого должно ублажать. Всем известно, что по части раскрытия преступлений равного вам нет. Но долг есть долг, а я уж и так сколько допустил нарушений порядка, ублажая вас и вашего друга. Мне будет куда спокойнее, если я водворю нашего рассказчика в надежное место. Кэб еще ждет, а внизу сидят два полисмена. Очень обязан вам и вашему другу за помощь. Само собой разумеется, ваше присутствие на суде необходимо. Покойной ночи.

— Покойной ночи, джентльмены, — сказал Смолл.

— Ты первый, Смолл, — проговорил предусмотрительно Джонс, когда они выходили из комнаты. — Я не хочу, чтобы ты огрел меня по голове своей деревяшкой, как ты это сделал на Андаманских островах.

— Вот и конец нашей маленькой драме, — сказал я, после того, как мы несколько времени молча курили. — Боюсь, Холмс, что это в последний раз я имел возможность изучать ваш метод. Мисс Морстен оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Холмс издал вопль отчаяния.

— Я так боялся этого! — сказал он. — Нет, я не могу вас поздравить.

— Вам не нравится мой выбор? — спросил я, слегка уязвленный.

— Нравится. Должен сказать, что мисс Морстен — очаровательная девушка и могла бы быть настоящим помощником в наших делах. У нее, бесспорно, есть для этого данные. Вы обратили внимание, что она в первый же день привезла нам из всех бумаг отца не что иное, как план Агрской крепости. Но любовь — вещь эмоциональная, и, будучи таковой, она противоположна чистому и холодному разуму. А разум я, как известно, ставлю превыше всего. Что касается меня, то я никогда не женюсь, чтобы не потерять ясности рассудка.

— Надеюсь, — сказал я, смеясь, — что мой ум выдержит это испытание. Но у вас, Холмс, опять очень утомленный вид.

— Да, начинается реакция. Теперь я всю неделю буду как выжатый лимон.

— Как странно у вас чередуются периоды того, что я, говоря о другом человеке, назвал бы ленью, с периодами, полными самой активной и напряженной деятельности.

— Да, — сказал он, — во мне заложены качества и великого лентяя и отъявленного драчуна. Я часто вспоминаю слова Гете: Schade, dass die Natur nur einen Menschen aus dir schuf, denn zum würdigen Mann war und zum Schelmen der Stoff[21]. Между прочим, — возвращаясь к норвудскому делу, — у них, как я и предполагал, в доме действительно был помощник. И это ни кто иной, как дворецкий Лал Рао. Итак, Джонсу все-таки принадлежит честь поимки одной крупной рыбы.

— Как несправедливо распределился выигрыш! — заметил я. — Все в этом деле сделано вами. Но жену получил я. А слава вся достанется Джонсу. Что же остается вам?

— Мне? — сказал Холмс. — А мне — ампула с кокаином.

И он протянул свою узкую белую руку к несессеру.

Приключения Шерлока Холмса (сборник)

Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюбленного он оказался бы не на своем месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной насмешкой, с издевкой. Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощренного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утонченный и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в одной из его могучих линз — вот что такое была бы любовь для такого человека, как Холмс. И все же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Иран Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом — моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окруженный грудами своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, что его вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моем прежнем друге и товарище.

Однажды ночью — это было 20 марта 1888 года — я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привел меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моем уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя

навеянные наркотиками туманные грезы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излияниям он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, проницательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, — заметил он. — Я думаю, Уотсон, что с тех пор, как я вас видел, вы пополнели на семь с половиной фунтов.

— На семь.

— Правда? Нет, нет, немного больше. Чуточку больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда же вы это знаете?

— Я вижу это, я делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая неряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж чересчур. Вас несомненно сожгли бы на костре, если бы вы жили несколько веков назад. Правда, что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменил костюм, так что от дождя не осталось следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить ее. И все же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс тихо рассмеялся и потер свои длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, царапины были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод, что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики, — если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре — шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного мира.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне путь своих умозаключений.

— Когда вы раскрываете свои соображения, — заметил я, — все кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы все это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлен, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Часто.

— Как часто?

— Ну, несколько сот раз!

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько? Не обратил внимания.

— Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек — семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал. Кстати, вы ведь интересуетесь

теми небольшими проблемами, в разрешении которых заключается мое ремесло, и даже были добры описать два-три из моих маленьких опытов. Поэтому вас может, пожалуй, заинтересовать вот это письмо.

Он бросил мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

— Получено только что, — сказал он. — Прочитайте-ка вслух.

Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, — говорилось в записке, — к Вам придет джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получали. Будьте дома в этот час и не подумайте ничего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

— Это в самом деле таинственно, — заметил я. — Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подтасовывать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

— Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами, — заметил я, пытаясь подражать приемам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

— Диковинная — самое подходящее слово, — заметил Холмс. — И это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «E» и маленькое «g», затем «P» и большое «G» с маленьким «t».

— Какой вывод вы можете из этого сделать? — спросил Холмс.

— Это несомненно имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Вот и ошиблись! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К°». «P», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «E». Заглянем в иностранный географический справочник… — Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. — Eglow, Eglonitz… Вот мы и нашли: Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада[22]. Место смерти Валленштейна[23], славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками… Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей трубки большое синее облако.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать своего лица… Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали резкий стук лошадиных копыт и визг колес, скользнувших вдоль ближайшей обочины. Вскоре затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по звуку, парный экипаж… Да, — продолжал он, выглянув в окно, — изящная маленькая карета и пара рысаков… по сто пятьдесят гиней каждый. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Я думаю, что мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь! Что я стану делать без моего биографа? Дело обещает быть интересным. Будет жаль, если вы пропустите его.

— Но ваш клиент…

— Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже… Ну, вот он идет. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел человек ростом едва ли меньше шести футов и шести дюймов[24], геркулесовского сложения. Он был одет роскошно, но эту роскошь сочли бы в Англии вульгарной. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены тяжелыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, был подбит огненно-красным шелком и застегнут на шее пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до половины икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли то впечатление варварской пышности, которое производил весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу, а верхняя часть его лица была закрыта черной маской, опускавшейся ниже скул. Эту маску, походившую на забрало, он, очевидно, только что надел, потому что, когда он вошел, рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, переходящей в упрямство.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом. — Я сообщал, что приду к вам. — Он смотрел то на одного из нас, то на другого, видимо не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста. — сказал Холмс. — Это мой друг и товарищ, доктор Уотсон. Он так добр, что иногда помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Вы можете считать, что я граф фон Крамм, богемский дворянин. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, — человек, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? Если это не так, я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло:

— Говорите либо с нами обоими, либо не говорите. В присутствии этого джентльмена вы можете сказать все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал широкими плечами.

— В таком случае я должен прежде всего взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет это не будет иметь значения. В настоящее время я могу, не преувеличивая, сказать: вся эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово, — сказал Холмс.

— И я.

— Простите мне эту маску, — продолжал странный посетитель. — Августейшее лицо, по поручению которого я действую, пожелало, чтобы его доверенный остался для вас неизвестен, и я должен признаться, что титул, которым я себя назвал, не совсем точен.

— Это я заметил, — сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства очень щекотливые, и необходимо принять все меры, чтобы из-за них не разросся огромный скандал, который мог бы сильно скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с царствующим домом Ормштейнов, королей Богемии.

— Так я и думал, — пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося, равнодушного человека, которого ему, несомненно, описали как самого проницательного и самого энергичного из всех европейских сыщиков. Холмс медленно открыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего тяжеловесного клиента.

— Если ваше величество соблаговолите посвятить нас в свое дело, — заметил он, — мне легче будет дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и принялся шагать по комнате в сильном возбуждении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследственный король Богемии.

— Но вы понимаете, — сказал наш странный посетитель, снова усевшись и поводя рукой по высокому белому лбу, — вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его кому-нибудь из полицейских агентов, не рискуя оказаться в его власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы обратиться к вам за советом.

— Пожалуйста, обращайтесь, — сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с хорошо известной авантюристкой Ирэн Адлер. Это имя вам, несомненно, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он завел систему регистрации разных фактов, касавшихся людей и вещей, так что трудно было назвать лицо или предмет, о которых он не мог бы сразу дать сведения. В данном случае я нашел биографию Ирэн Адлер между биографией еврейского раввина и биографией одного начальника штаба, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка, — сказал Холмс. — Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм… Ла Скала, так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве, да! Покинула оперную сцену, ха! Проживает в Лондоне… совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, попали в сети к этой молодой особе, писали ей компрометирующие письма и теперь желали бы вернуть эти письма.

— Совершенно верно. Но каким образом?

— Вы тайно женились на ней?

— Нет.

— Никаких документов или свидетельств?

— Никаких.

— В таком случае, я вас не понимаю, ваше величество. Если эта молодая женщина захочет использовать письма для шантажа или других целей, как она докажет их подлинность?

— Мой почерк.

— Пустяки! Подлог.

— Моя личная почтовая бумага.

— Украдена.

— Моя личная печать.

— Подделка.

— Моя фотография.

— Куплена.

— Но мы сфотографированы вместе!

— О-о, вот это очень плохо! Ваше величество действительно допустили большую оплошность.

— Я был без ума от Ирэн.

— Вы серьезно себя скомпрометировали.

— Тогда я был всего лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и теперь только тридцать.

— Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

— Мы пытались, но нам не удалось.

— Ваше величество должны пойти на издержки: фотографию надо купить.

— Ирэн не желает ее продавать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли весь ее дом. Раз, когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды ее заманивали в ловушку. Мы не добились никаких результатов.

— Никаких?

— Абсолютно никаких.

Холмс засмеялся.

— Ничего себе задачка! — сказал он.

— Но для меня это очень серьезная задача! — с упреком возразил король.

— Да, действительно. А что она намеревается сделать с фотографией?

— Погубить меня.

— Но каким образом?

— Я собираюсь жениться.

— Об этом я слышал.

— На Клотильде Лотман фон Саксен-Менинген. Быть может, вы знаете строгие принципы этой семьи. Сама Клотильда — воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого привела бы к разрыву.

— А Ирэн Адлер?

— Она грозит, что пошлет фотоснимок родителям моей невесты. И пошлет, непременно пошлет! Вы ее не знаете. У нее железный характер. Да, да, лицо обаятельной женщины, а душа жестокого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

— Вы уверены, что она еще не отправила фотографию вашей невесте?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в день моей официальной помолвки. А это будет в ближайший понедельник.

— О, у нас остается три дня! — сказал Холмс, зевая. — И это очень приятно, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими важными делами. Ваше величество, конечно, останетесь пока что в Лондоне?

— Конечно. Вы можете найти меня в гостинице Лэнгхэм под именем графа фон Крамма.

— В таком случае, я пришлю вам записочку — сообщу, как продвигается дело.

— Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

— Ну, а как насчет денег?

— Тратьте, сколько найдете нужным. Вам предоставляется полная свобода действий.

— Абсолютно?

— О, я готов отдать за эту фотографию любую из провинций моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-за плаща тяжелый кожаный мешочек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями, — сказал он.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайони-лодж, Серпантайн-авеню, Сент-Джонсвуд.

Холмс записал.

— И еще один вопрос, — сказал он. — Фотография была кабинетного размера?

— Да, кабинетного.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, к я надеюсь, что скоро у нас будут хорошие вести… Доброй ночи, Уотсон, — добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. — Будьте любезны зайти завтра в три часа, я бы хотел потолковать с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дождаться его, сколько бы мне ни пришлось ждать. Я глубоко заинтересовался его расследованием, хотя оно было лишено причудливых и мрачных черт, присущих тем двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Но своеобразные особенности этого случая и высокое положение клиента придавали делу необычный характер. Если даже оставить в стороне самое содержание исследования, которое производил мой друг, — как удачно, с каким мастерством он сразу овладел всей ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие следить за быстрыми, ловкими приемами, с помощью которых он разгадывал самые запутанные тайны. Я настолько привык к его неизменным триумфам, что самая возможность неудачи не укладывалась у меня в голове.

Было около четырех часов, когда дверь отворилась и в комнату вошел подвыпивший грум[25], с бакенбардами, с растрепанной шевелюрой, с воспаленным лицом, одетый бедно и вульгарно. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось трижды вглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в темном костюме, корректный, как всегда. Сунув руки в карманы, он протянул ноги к пылающему камину и несколько минут весело смеялся.

— Чудесно! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец обессилел и в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вы никогда не угадаете, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— Не могу себе представить. Полагаю, что вы наблюдали за привычками или, может быть, за домом мисс Ирэн Адлер.

— Совершенно верно, но последствия были довольно необычайные… Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Существует

удивительная симпатия, своего рода содружество между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайони-лодж. Это крохотная шикарная двухэтажная вилла; она выходит на улицу, позади нее сад. Массивный замок на садовой калитке. С правой стороны большая гостиная, хорошо обставленная, с высокими окнами, почти до полу, и с нелепыми английскими оконными затворами, которые мог бы открыть и ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что к окну галереи можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел этот сарай со всех сторон и рассмотрел его очень внимательно, но ничего интересного не заметил. Затем я пошел вдоль улицы и увидел, как я и ожидал, в переулке, примыкающем к стене сада, конюшню. Я помог конюхам чистить лошадей и получил за это два пенса, стакан водки, два пакета табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер, а также и о других местных жителях. Местные жители меня не интересовали нисколько, но я был вынужден выслушать их биографии.

— А что вы узнали об Ирэн Адлер? — спросил я.

— О, она вскружила головы всем мужчинам в этой части города. Она самое прелестное существо из всех, носящих дамскую шляпку на этой планете. Так говорят в один голос все серпантайнские конюхи. Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает кататься и ровно в семь возвращается к обеду. Редко выезжает в другое время, кроме тех случаев, когда она поет. Только один мужчина посещает ее — только один, но зато очень часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Его зовут мистер Годфри Нортон из Темпла[26]. Видите, как выгодно войти в доверие к кучерам! Они его возили домой от серпантайнских конюшен раз двадцать и все о нем знают. Выслушав то, что они мне рассказывали, я снова стал прогуливаться взад и вперед вблизи Брайони-лодж и обдумывать дальнейшие действия.

Этот Годфри Нортон, очевидно, играет существенную роль во всем деле. Он юрист. Это звучит зловеще. Что их связывает и какова причина его частых посещений? Кто она: его клиентка? Его друг? Его возлюбленная? Если она его клиентка, то, вероятно, отдала ему на хранение ту фотографию. Если же возлюбленная — едва ли. От решения этого вопроса зависит, продолжать ли мне работу в Брайони-лодж или обратить внимание на квартиру того джентльмена в Темпле. Этот вопрос очень щекотлив и расширяет поле моих розысков… Боюсь, Уотсон, что надоедаю вам этими подробностями, но, чтобы вы поняли всю ситуацию, я должен открыть вам мои мелкие затруднения.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом, — ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, когда к Брайони-лодж подкатил изящный экипаж и из него выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, усатый, смуглый, с орлиным носом. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. По-видимому, он очень спешил и был крайне взволнован. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь, с видом человека, который чувствует себя в этом доме хозяином.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкует о чем-то и размахивает руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! — крикнул он кучеру. — Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Они умчались, а я как раз соображал, не последовать ли мне за ними, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо[27]. Пальто на кучере было полузастегнуто, узел галстука торчал под самым ухом, а ремни упряжи выскочили из пряжек. Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн выпорхнула из дверей виллы и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но а этого было довольно: очень миловидная женщина с таким лицом,

в которое мужчины влюбляются до смерти. «Церковь святой Моники, Джон! — крикнула она. — Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Это был случай, которого нельзя было упустить, Уотсон. Я уже начал раздумывать, что лучше: бежать за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кэб. Кучер дважды посмотрел на такого неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь святой Моники, — сказал я, — и полгинеи, если вы доедете за двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, конечно, нетрудно было догадаться, в чем дело.

Мой кэб мчался стрелой. Не думаю, чтобы когда-нибудь я ехал быстрее, но экипаж и ландо со взмыленными лошадьми уже стояли у входа в церковь. Я рассчитался с кучером и взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника, который, по-видимому, обращался к ним с какими-то упреками. Все трое стояли перед алтарем. Я стал бродить по боковому приделу, как праздношатающийся, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, те трое обернулись ко мне, и Годфри Нортон со всех ног бросился в мою сторону.

«Слава богу! — закричал он. — Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идите, идите, добрый человек, всего три минуты!»

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, еще не успев опомниться, я бормотал ответы, которые мне шептали в ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще помогал бракосочетанию Ирэн Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все это совершилось в одну минуту, и вот джентльмен благодарит меня с одной стороны, леди — с другой, а священник так и сияет улыбкой. Это было самое нелепое положение, в каком я когда-либо находился; воспоминание о нем и заставило меня сейчас хохотать. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания, если не будет свидетеля. Мое удачное появление в церкви избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста дала мне гинею, и я собираюсь носить эту монету на часовой цепочке как память о своем приключении.

— Дело приняло весьма неожиданный оборот, — сказал я. — Что же будет дальше?

— Ну, я понял, что мои планы под серьезной угрозой. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и потому с моей стороны требовались быстрые и энергичные действия. Однако у дверей церкви они расстались: он уехал в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как всегда, в пять часов», — сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не слыхал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы взяться за свои приготовления.

— В чем они заключаются?

— Немного холодного мяса и стакан пива, — ответил Холмс, дергая колокольчик. — Я был слишком занят и совершенно забыл о еде. Вероятно, сегодня вечером у меня будет еще больше хлопот. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не боитесь нарушать законы?

— Ничуть.

— И опасность ареста вас не пугает?

— Ради хорошего дела готов и на это.

— О, дело великолепное!

— В таком случае, я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню… Теперь, — сказал он, жадно накидываясь на скромную пищу, приготовленную экономкой, — я должен во время еды обсудить с вами все дело, потому что времени у меня осталось мало. Сейчас без малого пять часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирэн или, скорее, миссис, возвращается со своей прогулки в семь часов. Мы должны быть у Брайони-лодж, чтобы встретить ее.

— Что же дальше?

— А это предоставьте мне. Я уже подготовил то, что должно произойти. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось— не вмешивайтесь. Вы понимаете?

— Я должен быть нейтрален?

— Вот именно. Не делать ничего. Вероятно, получится небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня отнесут в дом. Через четыре или пять минут откроют окно гостиной. Вы должны стать поближе к этому открытому окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, потому что я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— И когда я подниму руку — вот так, — вы бросите в комнату то, что я вам дам для этой цели, и в то же время закричите: «Пожар!» Вы меня понимаете?

— Вполне.

— Тут ничего нет опасного, — сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. — Это обыкновенная дымовая ракета, снабженная с обоих концов капсюлем, чтобы она сама собою воспламенялась. Вся ваша работа сводится к этому. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен множеством людей, после чего вы можете дойти до конца улицы, а я нагоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен оставаться нейтральным, подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по вашему сигналу бросить в окно этот предмет, затем поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу улицы.

— Совершенно верно.

— Можете на меня положиться.

— Ну, и отлично. Пожалуй, мне пора уже начать подготовку к новой роли, которую придется сегодня играть.

Он скрылся в спальне и через несколько минут появился в виде любезного, простоватого священника. Его широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, привлекательная улыбка и общее выражение благожелательного любопытства были бесподобны. Дело не только в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, самая душа, казалось, изменялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Сцена потеряла в его лице прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя, когда он стал специалистом по расследованию преступлений.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и до назначенного часа оставалось десять минут, когда мы оказались на Серпантайн-авеню. Уже смеркалось, на улице только что зажглись фонари, и мы принялись расхаживать мимо Брайони-лодж, поджидая возвращения его обитателей. Дом был как раз такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но местность оказалась далеко не такой безлюдной, как я ожидал. Наоборот: эта маленькая, тихая улица на окраине города буквально кишела народом. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, тут же был точильщик со своим колесом, два

гвардейца, флиртовавших с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей, расхаживавших взад и вперед с сигарами во рту.

— Видите ли, — заметил Холмс, когда мы бродили перед домом, — эта свадьба значительно упрощает все дело. Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, что Иран так же не хочется, чтобы фотографию увидел мистер Годфри Нортон, как не хочется нашему клиенту, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос теперь в том, где мы найдем фотографию.

— Действительно, где?

— Совершенно невероятно, чтобы Ирэн носила ее при себе. Фотография кабинетного формата слишком велика, и ее не спрятать под женским платьем. Ирэн знает, что король способен заманить ее куда-нибудь и обыскать. Две попытки такого рода уже были сделаны. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

— Ну, а где же она ее хранит?

— У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по своей природе склонны к таинственности и любят окружать себя секретами. Зачем ей посвящать в свой секрет кого-нибудь другого? Она могла положиться на собственное умение хранить вещи, но вряд ли у нее была уверенность, что деловой человек, если она вверит ему свою тайну, сможет устоять против политического или какого-нибудь иного влияния. Кроме того, вспомните, что она решила пустить в ход фотоснимок в ближайшие дни. Для этого нужно держать его под рукой. Фотоснимок должен быть в ее собственном доме.

— Но два раза взломщики перерыли дом.

— Чепуха! Они не знали, как надо искать.

— А как вы будете искать?

— Я не буду искать.

— А как же иначе?

— Я сделаю так, что Ирэн покажет его мне сама.

— Она откажется.

— В том-то и дело, что ей это не удастся… Но, я слышу, стучат колеса. Это ее карета. Теперь в точности выполняйте мои указания.

В эту минуту свет боковых фонарей кареты показался на повороте, нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайони-лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился открывать дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили оба гвардейца, ставшие на сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение леди, вышедшая из экипажа, оказалась в свалке разгоряченных, дерущихся людей, которые дико лупили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить леди. Но, пробившись к ней, он вдруг испустил крик и упал на землю с залитым кровью лицом. Когда он упал, солдаты бросились бежать в одну сторону, оборванцы — в другую. Несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, подбежали, чтобы защитить леди и оказать помощь раненому. Ирэн Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала по ступенькам, но остановилась на площадке и стала смотреть на улицу; ее великолепная фигура выделялась на фоне освещенной гостиной.

— Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.

— Он умер, — ответило несколько голосов.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то. — Но он умрет раньше, чем вы его довезете до больницы.

— Вот смелый человек! — сказала какая-то женщина. — Если бы не он, они отобрали бы у леди и кошелек и часы. Их тут целая шайка и очень опасная. А-а, он стал дышать!

— Ему нельзя лежать на улице… Вы позволите перенести его в дом, мадам?

— Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайони-лодж и уложили в гостиной, между тем как я все еще наблюдал за происходившим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы не были опущены, так что я мог видеть Холмса, лежащего на диване. Не знаю, упрекала ли его совесть за то, что он играл такую роль, — я же ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, ухаживала с такой добротой и лаской за раненым. И все же было бы черной изменой, если бы я не выполнил поручения Холмса. С тяжелым сердцем я достал из-под моего пальто дымовую ракету. «В конце концов, — подумал я, — мы не причиняем ей вреда, мы только мешаем ей повредить другому человеку».

Холмс приподнялся на диване, и я увидел, что он делает движения, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась к окну и широко распахнула его. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату ракету и крикнул: «Пожар!» Едва это слово успело слететь с моих уст, как его подхватила вся толпа. Хорошо и плохо одетые джентльмены, конюхи и служанки — все завопили в один голос: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, за окном, мечутся люди; мгновением позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Проталкиваясь сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут, к моей радости, меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Некоторое время он шел быстро и не проронил ни единого слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджвер-роуд.

— Вы очень ловко это проделали, доктор, — заметил Холмс.

— Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Достали фотографию?

— Я знаю, где она спрятана.

— А как вы узнали?

— Ирэн мне сама показала, как я вам предсказывал.

— Я все же ничего не понимаю.

— Я не делаю из этого никакой тайны, — сказал он, смеясь. — Все было очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице были моими сообщниками. Все они были наняты мною.

— Об этом-то я догадался.

— В руке у меня было немного влажной красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал окровавленный… Старый прием.

— Это я тоже смекнул…

— Они вносят меня в дом. Ирэн Адлер вынуждена принять меня, что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне. Я твердо решил выяснить, где именно. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха. Они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А что вы от этого выиграли?

— Очень много. Когда женщина думает, что у нее в доме пожар, инстинкт заставляет ее спасать то, что ей всего дороже. Это самый властный импульс, и я не раз извлекал из него пользу. В случае дарлингтоновского скандала я использовал его, также и в деле с арнсворским

дворцом. Замужняя женщина спасает ребенка, незамужняя — шкатулку с драгоценностями. Теперь мне ясно, что для нашей леди в доме нет ничего дороже того, что мы ищем. Она бросилась спасать именно это. Пожарная тревога была отлично разыграна. Дыма и крика было достаточно, чтобы потрясти стальные нервы. Ирэн поступила точно так, как я ждал. Фотография находится в тайничке, за выдвижной дощечкой, как раз над шнурком от звонка. Ирэн в одно мгновение очутилась там, и я даже увидел краешек фотографии, когда она наполовину вытащила ее. Когда же я закричал, что это ложная тревога, Ирэн положила фотографию обратно, глянула мельком на ракету, выбежала из комнаты, и после этого я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось сразу достать фотографию, но в комнату вошел кучер и начал зорко следить за мною, так что мне поневоле пришлось отложить свой налет до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Практически наши розыски закончены. Завтра я приду к Ирэн Адлер с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, леди не найдет ни нас, ни фотографии. Возможно, что его величеству будет приятно своими собственными руками достать фотографию.

— А когда вы отправитесь туда?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что нам обеспечена полная свобода действий. Кроме того, надо действовать быстро, потому что брак может полностью изменить ее быт и ее привычки. Я должен немедленно послать королю телеграмму.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей нашего дома. Холмс искал в карманах свой ключ, когда какой-то прохожий сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от проходившего мимо стройного юноши в длинном пальто.

— Я где-то уже слышал этот голос, — сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, — но не понимаю, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

Эту ночь я спал на Бейкер-стрит. Мы сидели утром за кофе с гренками, когда в комнату стремительно вошел король Богемии.

— Вы действительно добыли фотографию? — воскликнул он, обнимая Шерлока Холмса за плечи и весело глядя ему в лицо.

— Нет еще.

— Но вы надеетесь ее достать?

— Надеюсь.

— В таком случае, идемте! Я сгораю от нетерпения.

— Нам нужна карета.

— Мой экипаж у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайони-лодж.

— Ирэн Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката, по имени Нортон.

— Но она, конечно, не любит его?

— Надеюсь, что любит.

— Почему вы надеетесь?

— Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если леди любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество, и тогда у нее нет основания мешать планам вашего величества.

— Верно, верно. И все же… О, как я хотел бы, чтобы она была одного ранга со мною! Какая бы это была королева!

Он погрузился в угрюмое молчание, которого не прерывал, пока мы не выехали на Серпантайн-авеню.

Двери виллы Брайони-лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с какой-то странной иронией смотрела на нас, пока мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс, — ответил мой друг, смотря на нее вопрошающим и удивленным взглядом.

— Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром, в пять часов пятнадцать минут, она уехала со своим мужем на континент с Черингкросского вокзала.

— Что?! — Шерлок Холмс отшатнулся назад, бледный от огорчения и неожиданности. — Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— Да. Навсегда.

— А бумаги? — хрипло спросил король. — Все потеряно!

— Посмотрим! — Холмс быстро прошел мимо служанки и бросился в гостиную.

Мы с королем следовали за ним. Вся мебель в комнате была беспорядочно сдвинута, полки стояли пустые, ящики были раскрыты — видно, хозяйка второпях рылась в них, перед тем как пуститься в бегство.

Холмс бросился к шнурку звонка, отодвинул маленькую выдвижную планку и, засунув в тайничок руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирэн Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу. Вручить ему, когда он придет».

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое принялись читать письмо. Оно было датировано минувшей ночью, и вот что было в нем написано:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли. На первых порах я отнеслась к вам с доверием. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, как выдала себя, я не могла не задуматься. Уже несколько месяцев назад меня предупредили, что если король решит прибегнуть к агенту, он, конечно, обратится к вам. Мне дали ваш адрес. И все же вы заставили меня открыть то, что вы хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, я не хотела дурно думать о таком милом, добром, старом священнике… Но вы знаете, я сама была актрисой. Мужской костюм для меня не новость. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Я послала кучера Джона следить за вами, а сама побежала наверх, надела мой костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз, как раз когда вы уходили. Я следовала за вами до ваших дверей и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл, к мужу.

Мы решили, что, поскольку нас преследует такой сильный противник, лучшим спасением будет бегство. И вот, явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю человека, который лучше его. Человек этот любит меня. Король может делать все, что ему угодно, не опасаясь препятствий со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю у себя фотографию только ради

моей безопасности, ради того, чтобы у меня осталось оружие, которое защитит меня в будущем от любых враждебных шагов короля. Я оставляю здесь другую фотографию, которую ему, может быть, будет приятно сохранить у себя, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданная вам

Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

— Что за женщина, о, что за женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы все трое прочитали это послание. — Разве я не говорил вам, что она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Разве не жаль, что она не одного ранга со мной?

— Насколько я узнал эту леди, мне кажется, что она действительно совсем другого уровня, чем ваше величество, — холодно сказал Холмс. — Я сожалею, что не мог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

— Наоборот, дорогой сэр! — воскликнул король. — Большей удачи не может быть. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь так же безопасна, как если бы она была сожжена.

— Я рад слышать это от вашего величества.

— Я бесконечно обязан вам. Пожалуйста, скажите мне, как я могу вознаградить вас? Это кольцо…

Он снял с пальца изумрудное кольцо и поднес его на ладони Холмсу.

— У вашего величества есть нечто еще более ценное для меня, — сказал Холмс.

— Вам стоит только указать.

— Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

— Фотография Ирэн?! — воскликнул он. — Пожалуйста, если она вам нужна.

— Благодарю, ваше величество. В таком случае, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам всего лучшего.

Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королем, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился очень громкий скандал и как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены мудростью женщины. Холмс вечно подшучивал над женским умом, но за последнее время я уже не слышу его издевательств. И когда он говорит об Ирэн Адлер или вспоминает ее фотографию, то всегда произносит, как почетный титул: «Эта Женщина».

Союз рыжих

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

— Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, — приветливо проговорил он.

— Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

— Да, я занят. И даже очень.

— Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

— Нет, нет… Мистер Уилсон, — сказал он, обращаясь к толстяку, — этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

— Садитесь сюда, на диван, — сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

— Я знаю, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения… причем по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

— Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, — возразил я.

— Не далее, как вчера, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

— Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

— И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слыхал более чудесной истории… Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель — самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие.

— Конечно, для всякого ясно, — сказал он с улыбкой, — что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон[28], что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

— Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? — спросил он. — Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру корабельным плотником.

— Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

— А нюханье табаку? А франкмасонство?

— О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы, вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности[29].

— Ах да! Я и забыл про нее… Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

— О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

— А Китай?

— Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

— Вот оно что! — сказал он. — Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

— Я думаю, Уотсон, — сказал Холмс, — что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «Omne ignotum pro magnifico"[30], и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен… Вы нашли объявление, мистер Уилсон ?

— Нашел, — ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца. — Вот оно. С этого все и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

Союз Рыжих*во исполнение завещания покойного Иезекин Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США).*

Открыта новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флитстрит, Попс-корт, 7.

— Что это, черт побери, может означать? — воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

— Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? — сказал он. — Ну, мистер Уилсон, продолжайте вашу повесть и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

— «Утренняя хроника». 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

— Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

— Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, — сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, — у меня есть маленькая ссудная касса на Сэкс-Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов с него хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двух помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье, чтобы иметь возможность изучить мое дело.

— Как зовут этого услужливого юношу? — спросил Шерлок Холмс.

— Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы обойтись без меня и зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем же я стану внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

— В самом деле, зачем? Вам, я вижу, очень повезло: у вас есть помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встречаются в наше время такие бескорыстные служащие.

— О, у моего помощника есть свои недостатки! — сказал мистер Уилсон. — Я никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. Но в остальном он хороший работник.

— Надеюсь, он и теперь еще служит у вас?

— Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого у меня нет, я вдовец и к тому же бездетный. Мы трое живем очень тихо, сэр, поддерживаем огонь в очаге и платим по счетам — вот и все наши заслуги… Это объявление выбило нас из колеи, — продолжал мистер Уилсон. — Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того Дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал: «Хотел бы я, мистер Уилсон, чтобы господь создал меня рыжим».

«Почему?» — спрашиваю я.

«Да вот, — говорит он, — открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тому, кто займет ее, она даст недурные доходы. Там, похоже, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают себе голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, я непременно воспользовался бы этим выгодным местом».

«Что это за Союз рыжих?» — спросил я. — Видите ли, мистер Холмс, я большой домосед, и так как мне не приходится бегать за клиентами, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад услышать что-нибудь новенькое…

«Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих?» — спросил Сполдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда».

«Это очень меня удивляет, так как вы один из тех, что имеет право занять вакансию».

«А много ли это может дать?» — спросил я.

«Около двухсот фунтов стерлингов в год, не больше, но работа пустяковая и притом такая, что не мешает человеку заниматься любым другим делом».

«Расскажите мне все, что вы знаете об этом Союзе», — сказал я.

«Как вы видите сами, — ответил Сполдинг, показывая мне объявление, — в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за справкой, если хотите узнать все подробности. Насколько мне известно, этот Союз был основан американским миллионером Иезекией Хопкинсом, большим чудаком. Он сам был огненно-рыжий и сочувствовал всем рыжим на свете. Умирая, он оставил своим душеприказчикам огромную сумму и завещал употребить ее на облегчение участи тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Мне говорили, что этим счастливцам платят превосходное жалованье, а работы не требуют с них почти никакой».

«Но ведь рыжих миллионы, — сказал я, — и каждый пожелает занять это вакантное место».

«Не так много, как вам кажется, — ответил он. — Объявление, как видите, обращено только к лондонцам и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, — там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, вам нужно

только пройтись до конторы Союза рыжих. Но имеет ли для вас смысл отвлекаться от вашего основного занятия ради нескольких сот фунтов?..»

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, у меня настоящие ярко-рыжие волосы огненно-красного оттенка, и мне казалось, что, если дело дойдет до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс занять освободившуюся вакансию. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог принести мне большую пользу, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и велел ему сопровождать меня в помещение Союза. Он очень обрадовался, что сегодня ему не придется работать, и мы, закрыв контору, отправилось по адресу, указанному в объявлении.

Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенок глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего — живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Все же, увидев такую толпу, я пришел в отчаяние. Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе…

— Замечательно интересная с вами случилась история! — сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку. — Пожалуйста, продолжайте.

— В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов; по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее, чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон, — сказал мой помощник. — Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять ее, — ответил человечек. — Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить, — сказал он. — Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности». Он вцепился в мои волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слезы, — сказал он, отпуская меня. — Значит, все в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз — с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, — сказал он, — и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! — мрачно сказал он. — Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

При этих словах мое лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что все обойдется:

«Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле», — сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! — сказал Винсент Сполдинг. — С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» — спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более, что помощник мой — человек надежный и вполне может меня заменить, если нужно.

«Эти часы мне подходят, — сказал я. — А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?».

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Все назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет покидать контору», — сказал я.

«Это очень важно, — настаивал мистер Дункан Росс. — Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе — или вы теряете службу».

«А в чем все-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать „Британскую энциклопедию“. Первый том — в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы же даем вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», — ответил я.

«В таком случае, до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне еще раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело — просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром

мне пришло в голову, что следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни чернил, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена — плату за неделю. Так прошла и вторая неделя и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придет, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и написанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг все разом кончилось.

— Кончилось?

— Да, сэр. Сегодня утром. Я пошел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит гвоздиком клочок картона. Вот он, читайте сами.

Он протянул нам картон величиною с листок блокнота. На картоне было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН 9 ОКТЯБРЯ 1890 ГОДА

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали и краткую эту записку и унылое лицо Джабеза Уилсона; наконец смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное: не удержавшись, мы захохотали.

— Не вижу здесь ничего смешного! — крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней своих жгучих волос. — Если вы, вместо того чтобы помочь мне, собираетесь смеяться надо мной, я обращусь за помощью к кому-нибудь другому!

— Нет, нет! — воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. — С вашим делом я не расстанусь ни за что на свете. Оно буквально освежает мне душу своей новизной. Но в нем, простите меня, все же есть что-то забавное… Что же предприняли вы, найдя эту записку на дверях?

— Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что это имя он слышит впервые.

«Я говорю, — сказал я, — о джентльмене, который снимал у вас квартиру номер четыре».

«О рыжем?»

«Да».

«Его зовут Уильям Моррис. Он юрист, снимал у меня помещение временно — его постоянная контора была в ремонте. Вчера выехал».

«Где его можно найти?»

«В его постоянной конторе. Он оставил свой адрес. Вот: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла».

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская; в ней никто никогда не слыхал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

— Что же вы предприняли тогда? — спросил Холмс.

— Я вернулся домой на Сэкс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Он ничем не мог мне помочь. Он сказал, что следует подождать и что, вероятно, мне сообщат что-нибудь по почте. Но меня это не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу уступать такое отличное место без боя, и, так как я слыхал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, я отправился прямо к вам.

— И правильно поступили, — сказал Холмс. — Ваш случай — замечательный случай, и я счастлив, что имею возможность заняться им. Выслушав вас, я прихожу к заключению, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

— Уж чего серьезнее! — сказал мистер Джабез Уилсон. — Я лишился четырех фунтов в неделю.

— Если говорить о вас лично, — сказал Холмс, — вряд ли вы можете жаловаться на этот необычайный Союз. Напротив, вы, насколько я понимаю, стали благодаря ему богаче фунтов на тридцать, не говоря уже о том, что вы приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

— Не спорю, все это так, сэр. Но мне хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это была шутка. Забава обошлась им довольно дорого: они заплатили за нее тридцать два фунта.

— Мы попытаемся все это выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник… тот, что показал вам объявление?

— К тому времени он служил у меня около месяца.

— Где вы нашли его?

— Он явился ко мне по моему объявлению в газете.

— Только он один откликнулся на ваше объявление?

— Нет, откликнулось человек десять.

— Почему вы выбрали именно его?

— Потому что он разбитной и дешевый.

— Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

— Да.

— Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

— Маленький, коренастый, очень живой. Ни одного волоска на лице, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятнышко от ожога кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

— Я так и думал! — сказал он. — А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

— Заметил, сэр. Он объяснил мне, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был маленький.

— Гм! — произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. — Он до сих пор у вас?

— О да, сэр, я только что видел его.

— Он хорошо справлялся с вашими делами, когда вас не было дома?

— Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в моей ссудной кассе почти нечего делать.

— Довольно, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие сообщить вам, что я думаю об этом происшествии. Сегодня суббота… Надеюсь, в понедельник мы всё уже будем знать.

— Ну, Уотсон, — сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, — что вы обо всем этом думаете?

— Ничего не думаю, — ответил я откровенно. — Дело это представляется мне совершенно таинственным.

— Общее правило таково, — сказал Холмс, — чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее всего разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем нужно покончить как можно скорее.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Курить, — ответил он. — Эта задача как раз на три трубки, и я прошу вас минут десять не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я пришел к заключению, что он заснул, и сам уже начал дремать, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего твердое решение, и положил свою трубку на камин.

— Сарасате[31] играет сегодня в Сент-Джемс-холле, — сказал он. — Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

— Сегодня я свободен. Моя практика отнимает у меня не слишком много времени.

— В таком случае, надевайте шляпу и идем. Раньше всего мне нужно в Сити. Где-нибудь по дороге закусим.

Мы доехали в метро до Олдерсгэйта, оттуда прошли пешком до Сэкс-Кобург-сквер, где совершились все те события, о которых нам рассказывали утром. Сэкс-Кобург-сквер — маленькая сонная площадь с жалкими претензиями на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и висящая на углу коричневая вывеска с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь находится предприятие нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, потом возвратился к углу, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

— Третий поворот направо, четвертый налево, — мгновенно ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

— Ловкий малый! — заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. — Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

— Видимо, — сказал я, — помощник мистера Уилсона играет немалую роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

— Не на него.

— На что же?

— На его колени.

— И что вы увидели?

— То, что ожидал увидеть.

— А зачем вы стучали по камням мостовой?

— Милейший доктор, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы — разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сэкс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с той стороны.

Разница между Сэкс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом проходила одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево, а на тротуарах чернели рои пешеходов. Глядя на ряды прекрасных магазинов и роскошных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится такая убогая, безлюдная площадь.

— Позвольте мне вдоволь насмотреться, — сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. — Я хочу запомнить порядок зданий. Изучение Лондона — моя страсть… Сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, затем вегетарианский ресторан, затем каретное депо Макферлена. А там уже следующий квартал… Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного поразвлечься: бутерброд, чашка кофе и — в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке: его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов. Его удивительный характер слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии. Мне хорошо было известно, с каким бездумным спокойствием отдавался он по вечерам своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним в Сент-Джемс-холле и видя, с какой полнотой душа его отдается музыке, я чувствовал, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

— Вы, доктор, собираетесь, конечно, идти домой, — сказал он, когда концерт кончился.

— Домой, понятно.

— А мне предстоит еще одно дело, которое отнимет у меня три-четыре часа. Это происшествие на Кобург-сквер — очень серьезная штука.

— Серьезная?

— Там готовится крупное преступление. У меня есть все основания думать, что мы еще успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Вечером мне может понадобиться ваша помощь.

— В котором часу?

— Часов в десять, не раньше.

— Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

— Отлично. Имейте в виду, доктор, что дело будет опасное. Суньте в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он, однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью.

По дороге домой я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сэкс-Кобург-сквер, я те зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Что означает эта ночная экспедиция и для чего нужно, чтобы я пришел вооруженным? Куда мы отправимся с ним и что предстоит нам делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник владельца ссудной кассы весьма опасный человек, способный на большие преступления.

Я изо всех сил пытался разгадать эти загадки, но ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя по Гайд-парку, по Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба, и, войдя в прихожую, я услышал шум голосов. Я застал у Холмса двух человек. Холмс оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал — это был Питер Джонс, официальный агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

— А, вот мы и в сборе! — сказал Холмс, застегивая матросскую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. — Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте вас представить мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер тоже примет участие в нашем ночном приключении.

— Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, — сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. — Наш друг — бесценный человек. Но в самом начале охоты ему нужна для преследования зверя помощь старого гончего пса.

— Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, — угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

— Можете вполне положиться на мистера Холмса, сэр, — покровительственно проговорил агент полиции. — У него свои собственные любимые методы, которые, позволю себе заметить, несколько отвлеченны и фантастичны, но тем не менее дают отличные результаты. Нужно признать, что бывали случаи, когда он оказывался прав, а официальная полиция ошибалась.

— Раз уж вы так говорите, мистер Джонс, значит, все в порядке, — снисходительно сказал незнакомец. — И все же, признаться, мне жаль, что сегодня не придется сыграть мою обычную партию в роббер. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

— В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, — сказал Шерлок Холмс, — и самая игра увлекательнее. Ваша ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, — человек, которого вы давно хотите поймать.

— Джон Клей — убийца, вор, взломщик и мошенник, — сказал Джонс. — Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но это искуснейший вор в стране: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Он замечательный человек, этот Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде[32]. Мозг его так же изощрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Коррнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

— Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два натыкаться на подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что он

искуснейший вор в стране… Уже одиннадцатый час, и нам пора двигаться в путь. Вы двое поезжайте в первом кэбе, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел откинувшись и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечной путанице освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингдон-стрит.

— Теперь мы совсем близко, — сказал мой приятель. — Мерриуэзер — директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и цепок, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит… Мы приехали. Вот и они.

Мы снова остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер для нас. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий. В конце коридора были массивные железные двери. Открыв эти двери, мы. спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, чтобы зажечь фонарь, и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном склепе или погребе, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

— Сверху проникнуть сюда не так-то легко, — заметит Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

— Снизу тоже, — сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол. — Черт побери, звук такой, будто там пустота! — воскликнул он с изумлением.

— Я вынужден просить вас не шуметь, — сердито сказал Холмс. — Из-за вас вся наша экспедиция может закончиться крахом. Будьте любезны, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

— У нас впереди по крайней мере час, — заметил он, — так как они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный владелец ссудной кассы заснет. А когда он заснет, они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они окончат работу, тем больше времени у них останется для бегства… Мы находимся, доктор, — как вы, без сомнения, уже догадались, — в подвалах отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер — председатель правления банка; он объяснит нам, что заставляет наиболее дерзких преступников именно в настоящее время с особым вниманием относиться к этим подвалам.

— Мы храним здесь наше французское золото, — шепотом сказал директор. — Мы уже имели ряд предупреждений, что будет совершена попытка похитить его.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев назад нам понадобились дополнительные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров у банка Франции. Но нам даже не пришлось распаковывать эти деньги, и они до сих пор лежат в наших подвалах. Корзина, на которой я сижу, содержит две тысячи наполеондоров, уложенных между листами свинцовой бумаги. Редко в одном отделении банка хранят столько золота, сколько хранится у нас в настоящее время. Каким-то образом это стало известно многим, и это заставляет директоров беспокоиться.

— У них есть все основания для беспокойства, — заметил Холмс. — Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, закрыть этот фонарь чем-нибудь темным…

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, чтобы вы могли сыграть свою партию в роббер, так как нас здесь четверо. Но я вижу, что приготовления врага зашли очень далеко и что оставить здесь свет было бы рискованно. Кроме того, нам нужно поменяться местами. Они смелые люди и, хотя мы нападем на них внезапно, могут причинить нам немало вреда, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на грабителей свет, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте в них без колебания.

Я положил свой заряженный револьвер на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ящиком. Холмс накрыл фонарь и оставил нас в полнейшей тьме. Запах нагретого металла напоминал нам, что фонарь не погашен и что свет готов вспыхнуть в любое мгновение. Мои нервы, напряженные от ожидания, были подавлены этой внезапной тьмой, этой холодной сыростью подземелья.

— Для бегства у них есть только один путь — обратно, через дом на Сэкс-Кобург-сквер, — прошептал Холмс. — Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

— Инспектор и два офицера ждут их у парадного входа.

— Значит, мы заткнули все дыры. Теперь нам остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! В сущности, прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже кончилась и наверху рассветает. Ноги у меня устали и затекли, так как я боялся шевельнуться; нервы были натянуты. И вдруг внизу я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра, мелькнувшая в просвете между плитами пола. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом без всякого шума в полу возникло отверстие, и в самой середине освещенного пространства появилась рука — белая, женственная, — которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. В течение минуты эта рука с движущимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между двумя плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит перевернулась с резким скрипом, и на ее месте оказалась глубокая квадратная яма, из которой хлынул свет фонаря. Над ямой появилось гладко выбритое мальчишеское лицо; неизвестный зорко глянул во все стороны: две руки уперлись в края отверстия; плечи поднялись из ямы, потом поднялось все туловище; колено уперлось в пол. Через секунду незнакомец уже во весь рост стоял на полу возле ямы и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

— Все в порядке, — прошептал он. — Стамеска и мешки у тебя?.. Черт! Прыгай, Арчи, прыгай, а я уж за себя постою.

Шерлок Холмс схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно: я услышал треск рвущейся материи. Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

— Бесполезно, Джон Клей, — сказал Холмс мягко. — Вы попались.

— Вижу, — ответил тот совершенно спокойно. — Но товарищу моему удалось ускользнуть, и вы поймали только фалду его пиджака.

— Три человека поджидают его за дверями, — сказал Холмс.

— Ах вот как! Чисто сработано! Поздравляю вас.

— А я — вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

— Сейчас вы увидите своего приятеля, — сказал Джонс. — Он шибче умеет нырять в норы, чем я. А теперь я надену на вас наручники.

— Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! — сказал ему наш пленник после того, как наручники были надеты. — Может быть, вам неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте же любезны, обращаясь ко мне, называть меня «сэр» и говорить мне «пожалуйста».

— Отлично, — сказал Джонс, усмехаясь. — Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

— Вот так-то лучше, — спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

— Мистер Холмс, — сказал Мерриуэзер, выводи нас из кладовой, — я, право, не знаю, как наш банк может отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшую кражу.

— У меня были свои собственные счеты с мистером Джоном Клеем, — сказал Холмс. — Расходы я на сегодняшнем деле понес небольшие, и ваш банк безусловно возместит их мне, хотя, в сущности, я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих…

— Видите ли, Уотсон, — объяснил мне рано утром Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, — мне с самого начала было ясно, что единственной целью этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» может быть только удаление из дома не слишком умного владельца ссудной кассы на несколько часов ежедневно. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они вполне добились своего. Весь этот план, без сомнения, был подсказан вдохновенному уму Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю служили для Уилсона приманкой, а что значит четыре фунта для них, если они рассчитывали получить тысячи! Они поместили в газете объявление; один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина сходить туда, и оба вместе получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Чуть только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого у него есть основательные причины.

— Но как вы отгадали их замысел?

— Предприятие нашего рыжего клиента — ничтожное, во всей его квартире нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне его квартиры. Что это может быть? Я вспомнил о страсти помощника к фотографии, о том, что он пользуется этой страстью, чтобы лазить зачем-то в погреб. Погреб! Вот другой конец запутанной нити. Я подробно расспросил Уилсона об этом таинственном помощнике и понял, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он что-то делает в погребе, что-то сложное, так как ему приходится работать там по нескольку часов каждый день в течение двух месяцев. Что же он может там делать? Только одно: рыть подкоп, ведущий в какое-нибудь другое здание. Пойдя к такому выводу, я захватил вас и отправился познакомиться с тем местом, где все это происходит. Вы были очень удивлены, когда я стукнул тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп — перед фасадом или на задворках. Оказалось, что перед фасадом его не было. Я позвонил. Как я и ожидал, мне открыл помощник. У нас уже бывали с ним кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я в лицо ему не посмотрел. Я хотел видеть его колени. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты, протерты. Они свидетельствовали о многих часах, проведенных за рытьем подкопа. Оставалось только выяснить, куда он вел свой подкоп. Я свернул за угол, увидел

вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка.

— А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? — спросил я.

— Закрыв контору Союза рыжих, они тем самым давали понять, что больше не нуждаются в отсутствии мистера Джабеза Уилсона, — другими словами, их подкоп готов. Было ясно, что они постараются воспользоваться им поскорее, так как, во-первых, подкоп может быть обнаружен, а во-вторых, золото может быть перевезено в другое место. Суббота им особенно удобна, потому что она предоставляет им для бегства лишние сутки. На основании всех этих соображений я пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

— Ваши рассуждения прекрасны! — воскликнул я в непритворном восторге. — Вы создали такую длинную цепь, и каждое звено в ней безупречно.

Этот случай спас меня от угнетающей скуки, — проговорил Шерлок Холмс, зевая. — Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь — сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия наших жизненных будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне достигнуть этой цели.

— Вы истинный благодетель человечества, — сказал я.

Холмс пожал плечами:

— Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу.

«L'homme c'est rien — I'oeuvre c'est tout"[33], как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.

Установление личности

— Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать воображение человеческое, — сказал Шерлок Холмс, когда мы с ним сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит. — Нам и в голову не пришли бы многие вещи, которые в действительности представляют собою нечто совершенно банальное. Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, вылететь из окна и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши и заглянуть внутрь домов, то по сравнению с открывшимися нам необычайными совпадениями, замыслами, недоразумениями, непостижимыми событиями, которые, прокладывая себе путь сквозь многие поколения, приводят к совершенно невероятным результатам, вся изящная словесность с ее условностями и заранее предрешенными развязками показалась бы нам плоской и тривиальной.

— И все же вы меня не убедили, — отвечал я. — Дела, о которых мы читаем в газетах, как правило, представлены в достаточно откровенном и грубом виде. Натурализм в полицейских отчетах доведен до крайних пределов, но это отнюдь не значит, что они хоть сколько-нибудь привлекательны или художественны.

— Для того, чтобы добиться подлинно реалистического эффекта, необходим тщательный отбор, известная сдержанность, — заметил Холмс. — А этого как раз и не хватает в полицейских отчетах, где гораздо больше места отводится пошлым сентенциям мирового судьи, нежели подробностям, в которых для внимательного наблюдателя и содержится существо дела. Поверьте, нет ничего более неестественного, чем банальность.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Понятно, почему вы так думаете. Разумеется, находясь в положении неофициального консультанта и помощника вконец запутавшихся в своих делах обитателей трех континентов, вы постоянно имеете дело со всевозможными странными и фантастическими явлениями. Но давайте устроим практическое испытание, посмотрим, например, что написано здесь, — сказал я, поднимая с полу утреннюю газету. — Возьмем первый попавшийся заголовок: «Жестокое обращение мужа с женой». Далее следует полстолбца текста, но я, и не читая, уверен, что все

это хорошо знакомо. Здесь, без сомнения, фигурирует другая женщина, пьянство, колотушки, синяки, полная сочувствия сестра или квартирная хозяйка. Даже бульварный писака не смог бы придумать ничего грубее.

— Боюсь, что ваш пример неудачен, как и вся ваша аргументация, — сказал Холмс, заглядывая в газету. — Это — дело о разводе Дандеса, и случилось так, что я занимался выяснением некоторых мелких обстоятельств, связанных с ним. Муж был трезвенником, никакой другой женщины не было, а жалоба заключалась в том, что он взял привычку после еды вынимать искусственную челюсть и швырять ею в жену, что, согласитесь, едва ли придет в голову среднему новеллисту. Возьмите понюшку табаку, доктор, и признайтесь, что я положил вас на обе лопатки с вашим примером.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Великолепие этой вещицы настолько не вязалось с простыми и скромными привычками моего друга, что я не мог удержаться от замечания по этому поводу.

— Да, я совсем забыл, что мы с вами уже несколько недель не виделись, — сказал он. — Это небольшой сувенир от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с письмами Ирен Адлер.

— А кольцо? — спросил я, взглянув на великолепный бриллиант, блестевший у него на пальце.

— Подарок голландской королевской фамилии; но это дело настолько деликатное, что я не имею права довериться даже вам, хотя вы любезно взяли на себя труд описать некоторые из моих скромных достижений.

— А сейчас у вас есть на руках какие-нибудь дела? — с интересом спросил я.

— Штук десять — двенадцать, но ни одного интересного. То есть все они по-своему важные, но для меня интереса не представляют. Видите ли, я обнаружил, что именно незначительные дела дают простор для наблюдений, для тонкого анализа причин и следствий, которые единственно и составляют всю прелесть расследования. Крупные преступления, как правило, очень просты, ибо мотивы серьезных преступлений большею частью очевидны. А среди этих дел ничего интересного нет, если не считать одной весьма запутанной истории, происшедшей в Марселе. Не исключено, однако, что не пройдет и нескольких минут, как у меня будет дело позанятнее, ибо, мне кажется, я вижу одну из моих клиенток.

Говоря это, он встал с кресла и, подойдя к окну, смотрел на тихую, серую лондонскую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне крупную женщину в тяжелом меховом боа, с большим мохнатым красным пером на кокетливо сдвинутой набок широкополой шляпе. Из-под этих пышных доспехов она нерешительно поглядывала на наши окна, то и дело порываясь вперед и нервно теребя застежку перчатки.

Внезапно, как пловец, бросающийся в воду, она кинулась через улицу, и мы услышали резкий звонок.

— Знакомые симптомы, — сказал Холмс, швыряя в камин окурок. — Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок. В данном случае тоже можно предположить любовную историю, однако эта девица не столько рассержена, сколько встревожена или огорчена. А вот и она. Сейчас все наши сомнения будут разрешены.

В эту минуту в дверь постучали, и мальчик в форменной куртке с пуговицами доложил о прибытии мисс Мэри Сазерлэнд, между тем как сама эта дама возвышалась позади его маленькой черней фигурки, словно торговый корабль в полной оснастке, идущий вслед за крохотным лоцманским ботом. Шерлок Холмс приветствовал гостью с присущей ему непринужденной учтивостью, затем закрыл дверь и, усадив ее в кресло, оглядел пристальным и вместе с тем характерным для него рассеянным взглядом.

— Вы не находите, — сказал он, — что при вашей близорукости утомительно так много писать на машинке?

— Вначале я уставала, но теперь печатаю слепым методом, — ответила она. Затем, вдруг вникнув в смысл его слов, она вздрогнула и со страхом взглянула на Холмса. На ее широком добродушном лице выразилось крайнее изумление.

— Вы меня знаете, мистер Холмс? — воскликнула она. — Иначе откуда вам все это известно?

— Неважно, — засмеялся Холмс. — Все знать — моя профессия. Быть может, я приучился видеть то, чего другие не замечают. В противном случае, зачем вам было бы приходить ко мне за советом?

— Я пришла потому, что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы так быстро отыскали, когда все, и даже полиция, считали его погибшим. О, мистер Холмс, если бы вы так же помогли и мне! Я не богата, но все же имею ренту в сто фунтов в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на машинке, и я готова отдать все, только бы узнать, что сталось с мистером Госмером Эйнджелом.

— Почему вы так торопились бежать ко мне за советом? — спросил Шерлок Холмс, сложив кончики пальцев и глядя в потолок.

На простоватой физиономии мисс Мэри Сазерлэнд снова появился испуг.

— Да, я действительно прямо-таки вылетела из дома, — сказала она. — Меня разозлило равнодушие, с каким мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам, ничего не желает делать, только знает твердить, что ничего страшного не случилось, вот я и не вытерпела, кое-как оделась и прямо к вам.

— Ваш отец? — спросил Холмс. — Скорее, ваш отчим. Ведь у вас разные фамилии.

— Да, отчим. Я называю его отцом, хотя это смешно — он всего на пять лет и два месяца старше меня.

— А ваша матушка жива?

— О да, мама жива и здорова. Не очень-то я была довольна, когда она вышла замуж, и так скоро после смерти папы, причем он лет на пятнадцать ее моложе. У папы была паяльная мастерская на Тоттенхем-Корт-роуд — прибыльное дельце, и мама продолжала вести его с помощью старшего мастера мистера Харди. Но мистер Уиндибенк заставил ее продать мастерскую: ему, видите ли, не к лицу, — он коммивояжер по продаже вин. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов вместе с процентами, хотя отец, будь он в живых, выручил бы гораздо больше.

Я думал, что Шерлоку Холмсу надоест этот бессвязный рассказ, но он, напротив, слушал с величайшим вниманием.

— И ваш личный доход идет с этой суммы? — спросил он.

— О нет, сэр! У меня свое состояние, мне оставил наследство дядя Нэд из Окленда. Капитал в новозеландских бумагах, четыре с половиной процента годовых. Всего две с половиною тысячи фунтов, но я могу получать только проценты.

— Все это очень интересно, — сказал Холмс. — Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и позволять себе другие развлечения. Я считаю, что на доход в шестьдесят фунтов одинокая дама может жить вполне безбедно.

— Я могла бы обойтись меньшим, мистер Холмс, но вы ведь сами понимаете, что я не хочу быть обузой дома и, пока живу с ними, отдаю деньги в семью. Разумеется, это только временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал получает мои проценты и отдает их маме, а я отлично живу перепиской на машинке. Два пенса за страницу, и частенько мне удается писать по пятнадцать — двадцать страниц в день.

— Вы очень ясно обрисовали мне все обстоятельства, — сказал Холмс. — Позвольте представить вам моего друга, доктора Уотсона; при нем вы можете говорить откровенно, как наедине со мною. А теперь, будьте любезны, расскажите подробно о ваших отношениях с мистером Госмером Эйнджелом.

Мисс Сазерлэнд покраснела и стала нервно теребить край своего жакета.

— Я познакомилась с ним на балу газопроводчиков. Папе всегда присылали билеты, а теперь они вспомнили о нас и прислали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы шли на бал. Он не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. А когда я завожу речь о каком-нибудь пикнике воскресной школы, он приходит в бешенство. Но на этот раз я решила пойти во что бы то ни стало, потому что какое он имеет право не пускать меня? Незачем водить компанию с подобными людьми, говорит он, а ведь там собираются все папины друзья. И еще он сказал, будто мне не в чем идти, когда у меня есть совсем еще не надеванное красное бархатное платье. Больше возражать ему было нечего, и он уехал во Францию по делам фирмы, а мы с мамой и мистером Харди, нашим бывшим мастером, пошли на бал. Там я и познакомилась с мистером Госмером Эйнджелом.

— Полагаю, что, вернувшись из Франции, мистер Уиндибенк был очень недоволен тем, что вы пошли на бал? — спросил Холмс.

— Нет, он ничуть не рассердился. Он засмеялся, пожал плечами и сказал: что женщине ни запрети, она все равно сделает посвоему.

— Понимаю. Значит, на балу газопроводчиков вы и познакомились с джентльменом по имени Госмер Эйнджел?

— Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он пришел справиться, благополучно ли мы добрались до дому, и после этого мы, то есть я два раза была с ним на прогулке, а затем вернулся отец, и мистер Госмер Эйнджел уже не мог нас навещать.

— Не мог? Почему?

— Видите ли, отец не любит гостей и вечно твердит, что женщина должна довольствоваться своим семейным кругом. А я на это говорила маме: да, женщина должна иметь свой собственный круг, но у меня-то его пока что нет!

— Ну, а мистер Госмер Эйнджел? Он не делал попыток с вами увидеться?

— Через неделю отец снова собирался во Францию, и Госмер написал мне, что до отъезда отца нам лучше не встречаться. Он предложил мне пока переписываться и писал каждый день. Утром я сама брала письма из ящика, и отец ничего не знал.

— К тому времени вы уже обручились с этим джентльменом?

— Да, мистер Холмс. Мы обручились сразу после первой же прогулки. Госмер… мистер Эйнджел… служит кассиром в конторе на Леднхолл-стрит и…

— В какой конторе?

— В том-то и беда, мистер Холмс, что я не знаю.

— А где он живет?

— Он сказал, что ночует в конторе.

— И вы не знаете его адреса?

— Нет, я знаю только, что контора на Леднхолл-стрит.

— Куда же вы адресовали ваши письма?

— В почтовое отделение Леднхолл-стрит, до востребования.

Он сказал, что на адрес конторы писать не надо, сослуживцы будут смеяться над ним, если узнают, что письма от дамы. Тогда я предложила писать свои письма на машинке, как он и сам делал, а он не захотел. Сказал, что письма, написанные моей собственной рукой, дороги

ему, а когда они напечатаны, ему кажется, что между нами что-то чужое. Видите, мистер Холмс, как он меня любил и как был внимателен к мелочам.

— Это кое о чем говорит. Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего, — сказал Холмс. — Может быть, вы припомните еще какие-нибудь мелочи, касающиеся мистера Госмера Эйнджела?

— Он был очень застенчив, мистер Холмс. Он охотнее гулял со мною вечером, чем днем, не любил привлекать к себе внимание. Он был очень сдержан и учтив. Даже голос у него был тихий-тихий. Он рассказывал, что в детстве часто болел ангиной и воспалением гланд и у него ослабли голосовые связки, потому он и говорил шепотом. Он хорошо одевался, очень аккуратно, хотя и просто, а вот глаза у него были слабые, как у меня, и поэтому он носил темные очки.

— Ну, а что произошло, когда ваш отчим, мистер Уиндибенк, опять уехал во Францию?

— Мистер Госмер Эйнджел пришел к нам и предложил мне обвенчаться, пока не вернулся отец. Он был необычайно взволнован и заставил меня поклясться на Библии, что я всегда и во всем буду ему верна. Мама сказала, что он правильно сделал, — это, мол, служит доказательством его любви. Мама с самого начала очень хорошо к нему относилась, он ей нравился даже больше, чем мне. Потом решили, что лучше отпраздновать свадьбу еще до конца недели. Я им говорю, как же без отца, а они оба стали твердить, чтоб я об этом не думала, что отцу можно сообщить и после, а мама сказала, что берется все уладить сама. Мне это не очень понравилось, мистер Холмс. Конечно, смешно просить согласия отца, когда он всего на несколько лет старше меня; но я ничего не хотела делать тайком и поэтому написала ему в Бордо — там французское отделение его фирмы, но письмо вернулось обратно в день моей свадьбы.

— Письмо его не застало?

— Да, сэр, он как раз перед тем выехал в Англию.

— Да, неудачно! Значит, свадьба была назначена на пятницу? Она должна была происходить в церкви?

— Да, но очень скромно. Мы должны были обвенчаться в церкви Святого Спасителя возле Кингс-кросс, а затем позавтракать в отеле Сент-Пэнкрес. Госмер приехал за нами в двуколке, но так как нас было трое, он усадил нас с мамой, а сам взял кэб, который как раз оказался на улице. Мы доехали до церкви первыми и стали ждать. Потом подъехал кэб, но он не выходил. Тогда кучер слез с козел и заглянул внутрь, но там никого не оказалось! Кучер не мог понять, куда он делся, — он собственными глазами видел, как тот сел в кэб. Это случилось в пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

— Мне кажется, он обошелся с вами самым бессовестным образом, — сказал Шерлок Холмс.

— О нет, сэр! Он добрый и хороший, он не мог меня бросить. Он все утро твердил, что я должна быть ему верна, что бы ни случилось. Даже если случится что-нибудь непредвиденное, я должна всегда помнить, что дала ему слово и что рано, или поздно он вернется и я должна буду выполнить обещание. Как-то странно было слышать это перед самой свадьбой, но то, что случилось потом, придает смысл его словам.

— Безусловно. Значит, вы полагаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сэр, и я думаю, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе он бы не говорил таких странных вещей. И мне кажется, что его опасения оправдались.

— Но вы не знаете, что бы это могло быть?

— Нет.

— Еще один вопрос. Как отнеслась к этому ваша матушка?

— Она очень рассердилась, сказала, чтобы я и не заикалась об этой истории.

— А ваш отец? Вы рассказали ему, что случилось?

— Да. Он считает, что произошло какое-то несчастье, но что Госмер вернется. Какой смысл везти меня в церковь и скрыться, говорит он. Если бы он занял у меня деньги или женился и перевел на свое имя мое состояние, тогда можно было бы объяснить его поведение, но Госмер очень щепетилен насчет денег и ни разу не взял у меня ни шиллинга. Что могло случиться? Почему он не напишет? Я с ума схожу, ночью не могу уснуть. — Она достала из муфты платок и горько заплакала.

— Я займусь вашим делом, — сказал Холмс, вставая, — и не сомневаюсь, что мы чего-нибудь добьемся. Не думайте ни о чем, не волнуйтесь, а главное, постарайтесь забыть о Госмере Эйнджеле, как будто его и не было.

— Значит, я никогда больше его не увижу?

— Боюсь, что так.

— Но что с ним случилось?

— Предоставьте это дело мне. Мне хотелось бы иметь точное описание его внешности, а также все его письма.

— В субботу я поместила в газете «Кроникл» объявление о его пропаже, — сказала она. — Вот вырезка и вот четыре его письма.

— Благодарю вас. Ваш адрес?

— Камберуэлл, Лайон-плейс, 31.

— Адреса мистера Эйнджела вы не знаете. Где служит ваш отец?

— Фирма «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит — это крупнейшие импортеры кларета.

— Благодарю вас. Вы очень ясно изложили свое дело. Оставьте письма у меня и помните мой совет. Забудьте об этом происшествии раз и навсегда.

— Благодарю вас, мистер Холмс, но это невозможно. Я останусь верна Госмеру. Я буду его ждать.

Несмотря на нелепую шляпу и простоватую физиономию, посетительница невольно внушала уважение своим благородством и верностью. Она положила на стол бумаги и ушла, обещав прийти в случае надобности.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, сложив кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок. Затем он взял с полки старую глиняную трубку, которая всегда служила ему советчиком, раскурил ее и долго сидел, откинувшись на спинку кресла и утопая в густых облаках голубого дыма. На лице его изображалось полнейшее равнодушие.

— Занятное существо эта девица, — сказал он наконец. — Гораздо занятнее, чем ее история, кстати, достаточно избитая. Если вы заглянете в мою картотеку, вы найдете немало аналогичных случаев, например, Андоверское дело 1877 года. Нечто подобное произошло и в Гааге в прошлом году. В общем, старая история, хотя в ней имеются некоторые новые детали. Однако сама девица дает богатейший материал для наблюдений.

— Вы, очевидно, усмотрели много такого, что для меня осталось невидимым, — заметил я.

— Не невидимым, а незамеченным, Уотсон. Вы не знали, на что обращать внимание, и упустили все существенное. Я никак не могу внушить вам, какое значение может иметь рукав, ноготь на большом пальце или шнурок от ботинок. Интересно, что вы можете сказать на основании внешности этой девицы? Опишите мне ее.

— Ну, на ней была серо-голубая соломенная шляпа с большими полями и с кирпично-красным пером. Черный жакет с отделкой из черного стекляруса. Платье коричневое, скорее даже темно-кофейного оттенка, с полоской алого бархата у шеи и на рукавах. Серые перчатки, протертые на указательном пальце правой руки. Ботинок я не разглядел. В ушах золотые

сережки в виде маленьких круглых подвесок. В общем, это девица вполне состоятельная, хотя и несколько вульгарная, добродушная и беспечная.

Шерлок Холмс тихонько захлопал в ладоши и усмехнулся.

— Превосходно, Уотсон, вы делаете успехи. Правда, вы упустили все существенные детали, зато хорошо усвоили метод, и у вас тонкое чувство цвета. Никогда не полагайтесь на общее впечатление, друг мой, сосредоточьте внимание на мелочах. Я всегда сначала смотрю на рукава женщины. Когда имеешь дело с мужчиной, пожалуй, лучше начинать с колен брюк. Как вы заметили, у этой девицы рукава были обшиты бархатом, а это материал, который легко протирается и поэтому хорошо сохраняет следы. Двойная линия немного выше запястья, в том месте, где машинистка касается рукою стола, видна великолепно. Ручная швейная машина оставляет такой же след, но только на левой руке, и притом на наружной стороне запястья, а у мисс Сазерлэнд след проходил через все запястье. Затем я посмотрел на ее лицо и, увидев на переносице следы пенсне, сделал замечание насчет близорукости и работы на пишущей машинке, что ее очень удивило.

— Меня это тоже удивило.

— Но это же совершенно очевидно! Я посмотрел на ее обувь и очень удивился, заметив, что на ней разные ботинки; на одном носок был узорчатый, на другом — совсем гладкий. Далее, один ботинок был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, другой — на первую, третью и пятую пуговицу. Когда молодая девушка, в общем аккуратно одетая, выходит из дому в разных, застегнутых не на все пуговицы ботинках, то не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что она очень спешила.

— А что вы еще заметили? — с интересом спросил я, как всегда восхищаясь проницательностью моего друга.

— Я заметил, между прочим, что перед уходом из дому, уже совсем одетая, она что-то писала. Вы обратили внимание, что правая перчатка у нее порвана на указательном пальце, но не разглядели, что и перчатка и палец испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала второпях и слишком глубоко обмакнула перо. И это, по всей вероятности, было сегодня утром, иначе пятна не были бы так заметны. Все это очень любопытно, хотя довольно элементарно. Но вернемся к делу, Уотсон. Не прочтете ли вы мне описание внешности мистера Госмера Эйнджела, данное в объявлении?

Я поднес газетную вырезку к свету и прочитал:

«Пропал без вести утром 14-го джентльмен по имени Госмер Эйнджел. Рост — пять футов семь дюймов, крепкого сложения, смуглый, черноволосый, небольшая лысина на макушке; густые черные бакенбарды и усы; темные очки, легкий дефект речи. Одет в черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет, в кармане часы с золотой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры поверх штиблет с резинками по бокам. Служил в конторе на Леднхолл-стрит. Всякому, кто сообщит…»

— Этого достаточно. Что касается писем, — сказал Холмс, пробегая их глазами, — они очень банальны и ничего не дают для характеристики мистера Эйнджела, разве только, что он упоминает Бальзака. Однако есть одно обстоятельство, которое вас, конечно, поразит.

— Они напечатаны на машинке, — заметил я.

— Главное, что и подпись тоже напечатана на машинке. Посмотрите на аккуратненькое «Госмер Эйнджел» внизу. Есть дата, но нет адреса отправителя, кроме Леднхолл-стрит, а это весьма неопределенно. Но важна именно подпись, и ее мы можем считать доказательством.

— Доказательством чего?

— Милый друг, неужели вы не понимаете, какое значение имеет эта подпись?

— По правде говоря, нет. Может быть, он хотел оставить за собой возможность отрицать подлинность подписи в случае предъявления иска за нарушение обещания жениться.

— Нет, суть не в том. Чтобы решить этот вопрос, я напишу два письма: одно — фирме в Сити, другое — отчиму молодой девушки, мистеру Уиндибенку, и попрошу его зайти к нам завтра в шесть часов вечера. Попробуем вести переговоры с мужской частью семейства. Пока мы не получим ответа на эти письма, мы решительно ничего не можем предпринять и потому отложим это дело.

Зная о тонкой проницательности моего друга и о его необычайной энергии, я был уверен, что раз он так спокойно относится к раскрытию этой странной тайны, значит, у него есть на то веские основания. Мне был известен только один случай, когда он потерпел неудачу, — история с королем Богемии и с фотографией Ирен Адлер. Однако я помнил о таинственном «Знаке четырех» и о необыкновенных обстоятельствах «Этюда в багровых тонах» и давно проникся убеждением, что, уж если он не сможет распутать какую-нибудь загадку, стало быть, она совершенно неразрешима.

Холмс все еще курил свою черную глиняную трубку, когда я ушел, нисколько не сомневаясь, что к моему возвращению на следующий вечер в его руках уже будут все нити дела об исчезновении жениха мисс Мэри Сазерлэнд.

Назавтра я целый день провел у постели тяжело больного пациента. Только около шести часов я наконец освободился, вскочил в двуколку и поехал на Бейкер-стрит, боясь, как бы не опоздать к развязке этой маленькой драмы. Однако Холмса я застал дремлющим в кресле. Огромное количество бутылок, пробирок и едкий запах соляной кислоты свидетельствовали о том, что он посвятил весь день столь любезным его сердцу химическим опытам.

— Ну что, нашли, в чем дело? — спросил я, входя в комнату.

— Да, это был бисульфат бария.

— Нет, нет, я спрашиваю об этой таинственной истории.

— Ах, вот оно что! Я думал о соли, над которой работал. А в этой истории ничего таинственного нет. Впрочем, я уже вчера говорил, что некоторые детали довольно любопытны. Жаль только, что этого мерзавца нельзя привлечь к суду.

— Но кто же этот субъект, и зачем он покинул мисс Сазерлэнд?

Холмс раскрыл было рот, чтобы ответить, но в эту минуту в коридоре послышались тяжелые шаги и в дверь постучали.

— Это отчим девицы, мистер Джеймс Уиндибенк, — сказал Холмс. — Он сообщил мне, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, плотный, бритый, смуглый, с вежливыми вкрадчивыми манерами и необычайно острым, проницательным взглядом серых глаз. Он вопросительно посмотрел на Холмса, затем на меня, положил свой цилиндр на буфет и с легким поклоном уселся на ближайший стул.

— Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк, — сказал Холмс.

— Полагаю, что это письмо на машинке, в котором вы обещаете прийти ко мне в шесть часов вечера, написано вами?

— Да, сэр. Простите, я немного запоздал, но, видите ли, я не всегда располагаю своим временем. Мне очень жаль, что мисс Сазерлэнд побеспокоила вас этим дельцем: по-моему, лучше не посвящать посторонних в семейные неприятности. Я решительно возражал против ее намерения обратиться к вам, но вы, наверное, заметили, какая она нервная и импульсивная, и уж если она что-нибудь задумала, переубедить ее нелегко. Разумеется, я ничего не имею против вас лично, поскольку вы не связаны с государственной полицией; но все-таки неприятно, когда семейное горе становится общим достоянием. Кроме того, зачем понапрасну тратить деньги. Вы все равно не разыщете этого Госмера Эйнджела.

— Напротив, — спокойно возразил Холмс, — я имею все основания полагать, что мне удастся найти мистера Госмера Эйнджела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул и уронил перчатку.

— Очень рад это слышать, — сказал он.

— Обратили ли вы внимание, что любая пишущая машинка обладает индивидуальными чертами в такой же мере, как почерк человека? — сказал Холмс. — Если исключить совершенно новые машинки, то не найти и двух, которые печатали бы абсолютно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, некоторые буквы изнашиваются только с одной стороны. Заметьте, например, мистер Уиндибенк, что в вашей записке буква «е» расплывчата, а у буквы «r» нет хвостика. Есть еще четырнадцать характерных примет, но эти просто бросаются в глаза.

— В нашей конторе на этой машинке пишутся все письма, и шрифт, без сомнения, немного стерся, — ответил наш посетитель, устремив на Холмса проницательный взгляд.

— А теперь, мистер Уиндибенк, я покажу вам нечто особенно интересное, — продолжал Холмс. — Я собираюсь в ближайшее время написать небольшую работу на тему «Пишущие машинки и преступления». Этот вопрос интересует меня уже давно. Вот четыре письма, написанные пропавшим. Все они отпечатаны на машинке. Посмотрите: в них все «е» расплываются и у всех «r» нет хвостиков, а если воспользоваться моей лупой, можно также обнаружить и остальные четырнадцать признаков, о которых я упоминал.

Мистер Уиндибенк вскочил со стула и взял свою шляпу.

— Я не могу тратить время на нелепую болтовню, мистер Холмс, — сказал он. — Если вы сможете задержать этого человека, схватите его и известите меня.

— Разумеется, — сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. — В таком случае извещаю вас, что я его задержал.

— Как! Где? — вскричал Уиндибенк, смертельно побледнев и озираясь, как крыса, попавшая в крысоловку.

— Не стоит, право же, не стоит, — учтиво проговорил Холмс. — Вам теперь никак не отвертеться, мистер Уиндибенк. Все это слишком ясно, и вы сделали мне прескверный комплимент, сказав, что я не смогу решить такую простую задачу. Садитесь, и давайте потолкуем.

Наш посетитель упал на стул. Лицо его исказилось, на лбу выступил пот.

— Это… это — неподсудное дело, — пробормотал он.

— Боюсь, что вы правы, но, между нами говоря, Уиндибенк, с таким жестоким, эгоистичным и бессердечным мошенничеством я еще не сталкивался. Я сейчас попробую рассказать, как развивались события, а если я в чем-нибудь ошибусь, вы меня поправите.

Уиндибенк сидел съежившись, низко опустив голову. Он был совершенно уничтожен. Холмс положил ноги на решетку камина, откинулся назад и, заложив руки в карманы, начал рассказывать скорее себе самому, чем нам:

— Человек женится на женщине много старше его самого, позарившись на ее деньги; он пользуется также доходом своей падчерицы, поскольку она живет с ними. Для людей их круга это весьма солидная сумма, и потерять ее — ощутимый удар. Ради таких денег стоит потрудиться. Падчерица мила, добродушна, но сердце ее жаждет любви, и совершенно очевидно, что при ее приятной наружности и порядочном доходе она недолго останется в девицах. Замужество ее, однако, означает потерю годового дохода в сто фунтов. Что же делает отчим, дабы это предотвратить? Он требует, чтобы она сидела дома, запрещает ей встречаться с людьми ее возраста. Скоро он убеждается, что этих мер недостаточно. Девица начинает упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, заявляет, что хочет посетить некий бал. Что же делает тогда ее изобретательный отчим? Он замышляет план, который делает больше чести его уму, нежели сердцу. С ведома своей жены и при ее содействии он изменяет свою внешность, скрывает за темными очками свои проницательные глаза, наклеивает усы и

пышные бакенбарды, приглушает свой звонкий голос до вкрадчивого шепота и, пользуясь близорукостью девицы, появляется в качестве мистера Госмера Эйнджела и отстраняет других поклонников своим настойчивым ухаживанием.

— Это была шутка, — простонал наш посетитель. — Мы не думали, что она так увлечется.

— Возможно. Однако, как бы там ни было, молодая девушка искренне увлеклась. Она знала, что отчим во Франции, и потому не могла ничего заподозрить. Она была польщена вниманием этого джентльмена, а шумное одобрение со стороны матери еще более усилило ее чувство. Отлично понимая, что реального результата можно добиться только решительными действиями, мистер Эйнджел зачастил в дом. Начались свидания, последовало обручение, которое должно было помешать молодой девушке отдать свое сердце другому. Но все время обманывать невозможно. Мнимые поездки во Францию довольно обременительны. Оставался один выход: довести дело до такой драматической развязки чтобы в душе молодой девушки остался неизгладимый след и она на какое-то время сделалась равнодушной к ухаживаниям других поклонников. Отсюда клятва верности на Библии, намеки на возможность неожиданных происшествий в день свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел, чтобы мисс Сазерлэнд была крепко связана с Госмером Эйнджелом и пребывала в полном неведении относительно его судьбы. Тогда, по его расчету, она по меньшей мере лет десять сторонилась бы мужчин. Он довез ее до дверей церкви, но дальше идти не мог и потому прибегнул к старой уловке: вошел в карету через одни дверцы, а вышел через другие. Я думаю, что события развертывались именно так, мистер Уиндибенк?

Наш посетитель успел тем временем кое-как овладеть собой; он встал со стула. Холодная усмешка блуждала на его бледном лице.

— Может быть, так, а может быть, и нет, мистер Холмс, — сказал он. — Но если вы так умны, вам следовало бы знать, что в настоящий момент закон нарушаете именно вы. Я ничего противозаконного не сделал, вы же, заперев меня в этой комнате, совершаете насилие над личностью, а это преследуется законом.

— Да, закон, как вы говорите, в вашем случае бессилен, — сказал Холмс, отпирая и распахивая настежь дверь, — однако вы заслуживаете самого тяжкого наказания. Будь у этой молодой девушки брат или друг, ему следовало бы хорошенько отстегать вас хлыстом. — Увидев наглую усмешку Уиндибенка, он вспыхнул.

— Это не входит в мои обязанности, но, клянусь Богом, я доставлю себе удовольствие. — Он шагнул, чтобы снять со стены охотничий хлыст, но не успел протянуть руку, как на лестнице послышался дикий топот, тяжелая входная дверь с шумом захлопнулась, и мы увидели в окно, как мистер Уиндибенк со всех ног мчится по улице.

— Беспардонный мерзавец! — рассмеялся Холмс, откидываясь на спинку кресла. — Этот молодчик будет катиться от преступления к преступлению, пока не кончит на виселице. Да, дельце в некоторых отношениях была не лишено интереса.

— Я не вполне уловил ход ваших рассуждений, — заметил я.

— Разумеется, с самого начала было ясно, что этот мистер Госмер Эйнджел имел какую-то причину для своего странного поведения; так же очевидно, что единственно, кому это происшествие могло быть на руку, — отчим. Тот факт, что жених и отчим никогда не встречались, а, напротив, один всегда появлялся в отсутствие другого, также что-нибудь да значил. Темные очки, странный голос и пышные бакенбарды подсказывали мысль о переодевании. Мои подозрения подтвердились тем, что подпись на письмах была напечатана на машинке. Очевидно, мисс Сазерлэнд хорошо знала почерк Уиндибенка. Как видите, все эти отдельные факты, а также и многие другие, менее значительные детали били в одну точку.

— А как вы их проверили?

— Напав на след, было уже нетрудно найти доказательства. Я знаю фирму, в которой служит этот человек. Я взял описание внешности пропавшего, данное в объявлении, и,

устранив из него все, что могло быть отнесено за счет переодевания, — бакенбарды, очки, голос, — послал приметы фирме с просьбой сообщить, кто из их коммивояжеров похож на этот портрет. Еще раньше я заметил особенности пишущей машинки и написал Уиндибенку по служебному адресу, приглашая его зайти сюда. Как я и ожидал, ответ его был отпечатан на машинке, шрифт которой обнаруживал те же мелкие, но характерные дефекты. Той же почтой я получил письмо от фирмы «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит. Мне сообщили, что по всем приметам это должен быть их служащий Джеймс Уиндибенк. Вот и все!

— А как же быть с мисс Сазерлэнд?

— Если я раскрою ей секрет, она не поверит. Вспомните старую персидскую поговорку: «Опасно отнимать у тигрицы тигренка, а у женщины ее заблуждение»[34]. У Хафиза столько же мудрости, как у Горация, и столько же знания жизни.

Тайна Боскомской долины

Однажды утром, когда мы с женой завтракали, горничная подала мне телеграмму от Шерлока Холмса:

«Не можете ли вы освободиться на два дня? Вызван на запад Англии связи трагедией Боскомской долине. Буду рад если присоединитесь ко мне. Воздух пейзаж великолепны. Выезжайте из Паддингтона в 11:15».

— Ты поедешь? — ласково взглянув на меня, спросила жена.

— Право, и сам не знаю. Сейчас у меня очень много пациентов…

— О, Анструзер всех их примет! Последнее время у тебя утомленный вид. Поездка пойдет тебе на пользу. И ты всегда так интересуешься каждым делом, за которое берется мистер Шерлок Холмс.

Мой опыт лагерной жизни в Афганистане имел по крайней мере то преимущество, что я стал закаленным и легким на подъем путешественником. Вещей у меня было немного, так что я сел со своим саквояжем в кэб гораздо раньше, чем рассчитывал, и помчался на Паддингтонский вокзал.

Шерлок Холмс ходил вдоль платформы; его серый дорожный костюм и суконное кепи делали его худую, высокую фигуру еще более худой и высокой.

— Вот чудесно, что вы пришли, Уотсон, — сказал он. — Совсем другое дело, когда рядом со мной человек, на которого можно вполне положиться. Местная полиция или совсем бездействует, или идет по ложному следу. Займите два угловых места, а я пойду за билетами.

Мы сели в купе. Холмс принялся читать газеты, которые он принес с собой; иногда он отрывался, чтобы записать что-то и обдумать.

Так мы доехали до Рэдинга. Неожиданно он смял все газеты в огромный ком и забросил его в багажную сетку.

— Вы слышали что-нибудь об этом деле? — спросил он.

— Ни слова. Я несколько дней не заглядывал в газеты.

— Лондонская печать не помещала особенно подробных отчетов. Я только что просмотрел все последние газеты, чтобы вникнуть в подробности. Это, кажется, один из тех несложных случаев, которые всегда так трудны.

— Ваши слова звучат несколько парадоксально.

— Но это сама правда. В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины… Как бы то ни было, в данном случае выдвинуто очень серьезное обвинение против сына убитого.

— Значит, это убийство?

— Ну, так предполагают. Я ничего не берусь утверждать, пока сам не ознакомлюсь с делом. В нескольких словах я объясню вам положение вещей, каким оно мне представляется…

Боскомская долина — это сельская местность вблизи Росса, в Хирфордшире. Самый крупный землевладелец в тех краях — мистер Джон Тэнер. Он составил себе капитал в Австралии и несколько лет назад вернулся на родину. Одну из своих ферм, Хазерлей, он сдал в аренду мистеру Чарлзу Маккарти, тоже приехавшему их Австралии. Они познакомились в колониях, и ничего странного не было в том, что, переехав на новое место, они поселились как можно ближе друг к другу. Тэнер, правда, был богаче, и Маккарти сделался его арендатором, но они, по-видимому, оставались в приятельских отношениях. У Маккарти один сын, юноша восемнадцати лет, а у Тэнера — единственная дочь такого же возраста, жены у обоих стариков умерли. Они, казалось, избегали знакомства с английскими семействами и вели уединенный образ жизни, хотя оба Маккарти любили спорт и часто посещали скачки по соседству. Маккарти держали лакея и горничную. У Тэнера было большое хозяйство, по крайней мере с полдюжины слуг. Вот и все, что мне удалось разузнать об этих семействах. Теперь о самом происшествии.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Маккарти вышел из своего дома в Хазерлей часа в три дня и направился к Боскомскому омуту. Это небольшое озеро, образованное разлившимся ручьем, который протекает по Боскомской долине. Утром он ездил в Росс и сказал своему слуге, что очень торопится, так как в три часа у него важное свидание. С этого свидания он не вернулся.

От фермы Хазерлей до Боскомского омута четверть мили, и, когда он шел туда, его видели два человека. Во-первых, старуха, имя которой не упомянуто в газетах, и, во-вторых, Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. Оба эти свидетеля показали, что мистер Маккарти шел один. Лесник добавил, что вскоре после встречи с мистером Маккарти он увидел его сына, — Джеймса Маккарти. Молодой человек шел с ружьем. Лесник утверждал, что он следовал за отцом по той же дороге. Лесник совсем было позабыл об этой встрече, но вечером он услышал о происшедшей трагедии и все вспомнил.

Обоих Маккарти заметили еще раз после того, как Уильям Краудер, лесник, потерял их из виду. Боскомский омут окружен густым лесом, все берега его заросли камышом. Дочь привратника Боскомского имения, Пэшенс Моран, девочка лет четырнадцати, собирала в соседнем лесу цветы. Она заявила, что видела, у самого озера мистера Маккарти и его сына. Было похоже, что, они сильно ссорятся. Она слышала, как старший Маккарти грубо кричал на сына, и видела, как последний замахнулся на своего отца, будто хотел ударить его. Она была так напугана этой ужасной сценой, что стремглав бросилась домой и рассказала матери, что в лесу у омута отец и сын Маккарти затеяли ссору и что она боится, как бы дело не дошло до драки. Едва она сказала это, как молодой Маккарти вбежал в сторожку и сообщил, что он нашел в лесу своего отца мертвым, и позвал привратника на помощь. Он был сильно возбужден, без ружья, без шляпы; на правой руке его и на рукаве были видны свежие пятна крови. Следуя за ним, привратник подошел к мертвецу, распростертому на траве у самой воды. Череп покойного был размозжен ударами какого-то тяжелого, тупого оружия. Такие раны можно было нанести прикладом ружья, принадлежавшего сыну, которое валялось в траве в нескольких шагах от убитого. Под тяжестью этих улик молодой человек был сразу же арестован. Во вторник следствие вынесло предварительный приговор: «преднамеренное убийство»; в среду Джеймс Маккарти предстал перед мировым судьей Росса, который направил дело на рассмотрение суда присяжных. Таковы основные факты, известные следователю и полиции.

— Невозможно себе представить более гнусного дела, — заметил я. — Если когда-нибудь косвенные доказательства изобличали преступника, так это именно в данном случае.

— Косвенные доказательства очень обманчивы, — задумчиво проговорил Холмс — Они могут совершенно ясно указывать в одном направлении, но если вы способны разобраться в этих доказательствах, то можете обнаружить, что на самом деле они очень часто ведут нас не к истине, а в противоположную сторону. Правда, сейчас дело окончательно обернулось против

молодого человека; не исключена возможность, что он и есть преступник. Нашлись, однако, люди по соседству, и среди них мисс Тэнер, дочь землевладельца, которые верят в его невиновность. Мисс Тэнер пригласила Лестрейда — может быть, вы его помните? — для защиты подсудимого. Лестрейд, считающий защиту очень трудной, передал ее мне, и вот два джентльмена средних лет мчатся на запад со скоростью пятьдесят миль в час, вместо того чтобы спокойно завтракать у себя дома.

— Боюсь, — сказал я, — факты слишком убедительны, и у вас будут очень ограниченные возможности выиграть этот процесс.

— Ничто так не обманчиво, как слишком очевидные факты, — ответил Холмс, смеясь. — Кроме того, мы можем случайно наткнуться на какие-нибудь столь же очевидные факты, которые не оказались очевидными для мистера Лестрейда. Вы слишком хорошо меня знаете и не подумаете, что это хвастовство. Я или пользуюсь уликами, собранными Лестрейдом, или начисто их отвергаю, потому что сам он совершенно не в состоянии ни воспользоваться ими, ни даже разобраться в них. Взять хотя бы первый пришедший в голову пример: мне совершенно ясно, что в вашей спальне окно с правой стороны, но я далеко не уверен, заметит ли мистер Лестрейд даже такой очевидный факт.

— Но как, в самом деле…

— Милый мой друг, я давно с вами знаком. Мне известна военная аккуратность, отличающая вас. Вы бреетесь каждое утро и в это время года — при солнечном свете; но левая часть лица выбрита у вас несравненно хуже правой, чем левее — тем хуже, доходя, наконец, до полного неряшества. Совершенно очевидно, что эта часть лица у вас хуже освещена, чем другая. Я не могу себе представить, чтобы человек с вашими привычками смирился с плохо выбритой щекой, глядя в зеркало при нормальном освещении. Я привожу это только как простой пример наблюдательности и умения делать выводы. В этом и заключается мое ремесло, и вполне возможно, что оно пригодится нам в предстоящем расследовании. Имеется одна или две незначительные детали, которые стали известны во время допроса. Они заслуживают внимания.

— Что же это?

— Оказывается, молодого Маккарти арестовали не сразу, а несколько позже, когда он уже вернулся на ферму Хазерлей. Полицейский инспектор заявил ему, что он арестован, а он ответил, что это его ничуть не удивляет, так как он все-таки заслуживает наказания.

Его фраза произвела должный эффект — исчезли последние сомнения, которые, может быть, еще имелись у следователя.

— Это было признание! — воскликнул я.

— Нет, затем он заявил о полной своей невиновности.

— После дьявольски веских улик это звучит подозрительно.

— Наоборот, — сказал Холмс, — это единственный проблеск, который я сейчас вижу среди туч. Ведь он не может не знать, какие тяжелые подозрения падают на него. Если бы он притворился удивленным или возмущенным при известии об аресте, это показалось бы мне в высшей степени подозрительным, потому что подобное удивление или негодование были бы совершенно неискренни при сложившихся обстоятельствах. Такое поведение как раз свидетельствовало бы о его неискренности. Его бесхитростное поведение в минуту ареста говорит либо о его полной невиновности, либо, наоборот, изобличает его незаурядное самообладание и выдержку. Что же касается его ответа, что он заслуживает ареста, это тоже вполне естественно, если вспомнить, что он настолько забыл о своем сыновнем долге, что нагрубил отцу и даже, как утверждает девочка — а ее показания очень важны, — замахнулся на него. Его ответ, который говорит о раскаянии и об угрызениях совести, представляется мне скорее признаком неиспорченности, чем доказательством преступных намерений.

Я покачал головой.

— Многих вздернули на виселицу и без таких тяжких улик, — заметил я.

— Это верно. И среди них было много невиновных.

— Каковы же объяснения самого молодого человека?

— Не особенно ободряющие для его защитников, хотя есть один или два положительных пункта. Вы здесь это найдете, можете почитать про себя.

Он достал из своей папки несколько местных хартфордширских газет и, перегнув страницу, указал на те строки, в которых несчастный молодой человек дает объяснения всему происшедшему. Я уселся в углу купе и стал внимательно читать. Вот что там было написано:

«Затем был вызван мистер Джеймс Маккарти, единственный сын покойного. Он дал следующие показания:

— В течение трех дней меня не было дома: я был в Бристоле и вернулся как раз утром в прошлый понедельник, третьего числа. Когда я приехал, отца не было дома, и горничная сказала, что он поехал в Росс с Джоном Коббом, конюхом. Вскоре после моего приезда я услышал скрип колес его двуколки и, выглянув из окна, увидел, что он быстро пошел со двора, но я не знал, в каком направлении он пойдет. Потом я взял свое ружье и решил пройтись к Боскомскому омуту, чтобы осмотреть пустошь, где живут кролики; пустошь расположена на противоположном берегу озера. По пути я встретил Уильяма Краудера, лесничего, как он уже сообщил в своих показаниях; однако он ошибается, считая, что я догонял отца. Мне и в голову не приходило, что отец идет впереди меня. Когда я был приблизительно в ста шагах от омута, я услышал крик «Коу!», которым я и мой отец обычно звали друг друга. Я сразу побежал вперед и увидел, что он стоит у самого омута. Он, по-видимому, очень удивился, заметив меня, и спросил довольно грубо, зачем я здесь. Разговор дошел до очень резких выражений, чуть ли не до драки, потому что отец мой был человек крайне вспыльчивый. Видя, что ярость его неукротима, я предпочел уйти от него и направился к ферме Хазерлей. Не прошел я и полутораста шагов, как услышал позади себя леденящий душу крик, который заставил меня снова бежать назад. Я увидел распростертого на земле отца; на голове его зияли ужасные раны, в нем едва теплилась жизнь. Ружье выпало у меня из рук, я приподнял голову отца, но почти в то же мгновение он умер. Несколько минут я стоял на коленях возле убитого, потом пошел к привратнику мистера Тэнера попросить его помощи. Дом привратника был ближе других. Вернувшись на крик отца, я никого не увидел возле него, и я не могу себе представить, кто мог его убить. Его мало кто знал, потому что нрава он был несколько замкнутого и неприветливого. Но все же, насколько мне известно, настоящих врагов у него не было.

Следователь._Сообщил ли вам что-нибудь перед смертью ваш отец?_

Свидетель._Он пробормотал несколько слов, но я мог уловить только что-то похожее на «крыса»._

Следователь._Что это, по-вашему, значит?_

Свидетель._Не имею понятия. Наверное, он бредил._

Следователь._Что послужило поводом вашей последней ссоры?_

Свидетель._Я предпочел бы умолчать об этом._

Следователь._К сожалению, я вынужден настаивать на ответе._

Свидетель._Но я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю вас, что разговор наш не имел никакого отношения к ужасной трагедии, которая последовала за ним._

Следователь._Это решит суд. Излишне объяснять вам, что нежелание отвечать послужит вам во вред, когда вы предстанете перед выездной сессией суда присяжных._

Свидетель._И все же я не стану отвечать._

Следователь._По-видимому, криком «Коу!» вы с отцом всегда подзывали друг друга?_

Свидетель._Да._

Следователь.*Как же могло случиться, что он подал условный знак до того, как вас увидел, и даже до того, как он узнал, что вы вернулись из Бристоля?*

Свидетель.*(очень смущенный). Не знаю.*

Присяжный заседатель.*Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь подозрительное, когда вы прибежали на крик и нашли отца смертельно раненным?*

Свидетель.*Ничего особенного.*

Следователь.*Что вы хотите этим сказать?*

Свидетель.*Я был так взволнован и напуган, когда выбежал из лесу, что мог думать только об отце, больше ни о чем. Все же у меня было смутное представление, что в тот момент что-то лежало на земле слева от меня. Мне показалось: какая-то серая одежда — может быть, плед. Когда я встал на ноги и хотел рассмотреть эту вещь, ее уже не было.*

— Вы полагаете, что она исчезла прежде, чем вы пошли за помощью?

— Да, исчезла.

— Не можете ли вы сказать, что это было?

— Нет, у меня просто было ощущение, что там что-то лежит.

— Далеко от убитого?

— Шагах в десяти.

— А на каком расстоянии от леса?

— Приблизительно на таком же.

— Значит, эта вещь находилась на расстоянии менее двадцати шагов от вас, когда она исчезла?

— Да, но я повернулся к ней спиной.

Этим заканчивается допрос свидетеля».

— Мне ясно, — сказал я, взглянув на газетный столбец, — что в конце допроса следователь совершенно беспощаден к молодому Маккарти. Он указал, и не без основания, на противоречия в показании о том, что отец позвал сына, не зная о его присутствии, и также на отказ передать содержание его разговора с отцом, затем на странное объяснение последних слов умирающего. Все это, как заметил следователь, сильно вредит сыну.

Холмс потянулся на удобном диване и с улыбкой сказал:

— Вы со следователем страдаете одним и тем же недостатком: отбрасываете все положительное, что есть в показаниях молодого человека. Неужели вы не видите, что приписываете ему то слишком много, то слишком мало воображения? Слишком мало — если он не мог придумать такой причины ссоры, которая завоевала бы ему симпатии присяжных; и слишком много — если он мог дойти до такой выдумки, как упоминание умирающего о крысе и происшествие с исчезнувшей одеждой. Нет, сэр, я буду придерживаться той точки зрения, что все, сказанное молодым человеком, — правда. Посмотрим, к чему приведет нас эта гипотеза. А теперь я займусь своим карманным Петраркой. Пока мы не прибудем на место происшествия — об этом деле ни слова. Наш второй завтрак в Суиндоне. Я думаю, мы приедем туда минут через двадцать.

Было около четырех часов, когда мы, миновав прелестную Страудскую долину и широкий сверкающий Сэверн, очутились наконец в милом маленьком провинциальном городке Россе. Аккуратный, похожий на хорька человечек, очень сдержанный, с хитрыми глазками, ожидал нас на платформе. Хотя он был в коричневом пыльнике и в сапогах, которые он считал подходящими для сельской местности, я без труда узнал в нем Лестрейда из Скотленд-Ярда. С ним мы доехали до «Хирфорд Армз», где нам были оставлены комнаты.

— Я заказал карету, — сказал Лестрейд за чашкой чая. — Мне известна ваша деятельная натура. Ведь вы, до тех пор не можете успокоиться, пока не попадете на место преступления.

— Это очень похвально с вашей стороны, — ответил Холмс. — Но теперь все зависит от показаний барометра.

Лестрейд чрезвычайно удивился.

— Я не совсем понимаю вашу мысль, — сказал он.

— Каковы показания барометра? Двадцать девять ветра нет, на небе ни облачка — дождя не будет. А у меня целая пачка сигарет, которые надо выкурить. К тому же диван здесь несравненно лучше обычной мерзости деревенских гостиниц. Я думаю, что мне не удастся воспользоваться этой каретой сегодня вечером.

Лестрейд снисходительно засмеялся.

— Вы, конечно, уже пришли к какому-то заключению, прочитав газетные отчеты, — сказал он. — Дело это ясное, как день, и чем глубже вникаешь в него, тем яснее оно становится. Но, конечно, нельзя отказать в просьбе женщине, да еще такой очаровательной. Она слышала о вас и захотела пригласить именно вас для защиты подсудимого, хотя я неоднократно говорил ей, что вы не сделаете ничего, что бы не было уже давно сделано мной. О боже! У дверей ее экипаж!

Едва он сказал это, как в комнату вбежала одна из прелестнейших девушек, каких я когда-либо видел. Голубые глаза сверкали, губы были слегка приоткрыты, нежный румянец заливал щеки. Сильное волнение заставило ее забыть обычную сдержанность.

— О, мистер Шерлок Холмс! — воскликнула она, переводя взгляд с него на меня и наконец с безошибочной женской интуицией останавливаясь на моем друге. — Как я рада, что вы здесь! Я приехала сказать вам это. Я уверена, что Джеймс невиновен. Приступая к вашей работе, вы должны знать то, что известно мне. Не допускайте сомнений ни на одну минуту. Мы с ним дружили с раннего детства, я лучше всех знаю все его слабости, но он так мягкосердечен, что не обидит и мухи. Всем, кто действительно знает его, такое обвинение представляется совершенно нелепым.

— Надеюсь, нам удастся оправдать его, мисс Тэнер, — сказал Шерлок Холмс. — Поверьте, я сделаю все, что в моих силах.

— Но вы читали отчеты, и у вас уже есть определенное мнение обо всем происшедшем? Не видите ли вы какого-нибудь просвета? Уверены ли вы сами, что он невиновен?

— Я считаю это вполне возможным.

— Вот, наконец! — воскликнула она, гордо поднимая голову и вызывающе глядя на Лестрейда. — Вы слышали? Теперь у меня есть надежда.

Лестрейд пожал плечами.

— Боюсь, что мой коллега слишком поспешен в своих выводах, — сказал он.

— Но ведь он прав — о, я уверена, что он прав! Джеймс не способен на преступление. Что же касается его ссоры с отцом — я знаю: он потому ничего не сказал следователю, что в этом была замешана я.

— Каким образом? — спросил Холмс.

— Сейчас не время что-нибудь скрывать. У Джеймса были большие неприятности с отцом из-за меня. Отец Джеймса очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джеймсом всегда любили друг друга, как брат и сестра, но он, конечно, еще слишком молод, не знает жизни и… и… ну, словом, он, естественно, и думать не хотел о женитьбе. На этой почве возникали ссоры, и, я уверена, это была одна из таких ссор.

— А ваш отец? — спросил Холмс. — Хотел ли он вашего союза?

— Нет, он тоже был против. Кроме отца Джеймса, этого не хотел никто. — Сплошной румянец залил ее свежее лицо, когда Холмс бросил на нее один из своих испытующих взглядов.

— Благодарю вас за эти сведения, — сказал он. — Могу ли я увидеться с вашим отцом, если зайду завтра?

— Боюсь, доктор этого не позволит.

— Доктор?

— Да, разве вы не знаете? Последние годы мой бедный отец все время прихварывал, а это несчастье совсем сломило его. Он слег, и доктор Уиллоуз говорит, что у него сильное нервное потрясение от перенесенного горя. Мистер Маккарти был единственным оставшимся в живых человеком, кто знал папу в далекие времена в Виктории.

— Хм! В Виктории? Это очень важно.

— Да, на приисках.

— Совершенно верно, на золотых приисках, где, как я понимаю, мистер Тэнер и составил свой капитал?

— Ну конечно.

— Благодарю вас, мисс Тэнер. Вы очень помогли мне.

— Сообщите, пожалуйста, если завтра у вас будут какие-нибудь новости. Вы, наверное, навестите Джеймса в тюрьме? О, если вы увидите его, мистер Холмс, скажите ему, что я убеждена в его невиновности.

— Непременно скажу, мисс Тэнер.

— Я спешу домой, потому что папа серьезно болен. Я ему нужна. Прощайте, да поможет вам бог!

Она вышла из комнаты так же поспешно, как и вошла, и мы услыхали стук колес удаляющегося экипажа.

— Мне стыдно за вас, Холмс, — с достоинством сказал Лестрейд после минутного молчания. — Зачем вы подаете надежды, которым не суждено оправдаться? Я не страдаю излишней чувствительностью, но считаю, что вы поступили жестоко.

— Кажется, я вижу путь к спасению Джеймса Маккарти, — сказал Холмс. — У вас есть ордер на посещение тюрьмы?

— Да, но только для нас двоих.

— В таком случае, я изменяю свое решение не выходить из дома. Мы поспеем в Хирфорд, чтобы увидеть заключенного сегодня вечером?

— Вполне.

— Тогда поедем! Уотсон, боюсь, вам будет скучно, но часа через два я вернусь.

Я проводил их до станции, прошелся по улицам городка, наконец вернулся в гостиницу, прилег на кушетку и начал читать бульварный роман. Однако сюжет повествования был слишком плоским по сравнению с ужасной трагедией, открывающейся перед нами. Я заметил, что мысли мои все время возвращаются от книги к действительности, поэтому я швырнул книжку в другой конец комнаты и погрузился в размышления о событиях истекшего дня. Если предположить, что показания этого несчастного молодого человека абсолютно правдивы, то что же за дьявольщина, что за непредвиденное и невероятное бедствие могло произойти в тот промежуток времени, когда он отошел от своего отца, а потом прибежал на его крики? Это было нечто ужасное, кошмарное. Что же это могло быть? Пожалуй, мне, как врачу, дело станет яснее, если я познакомлюсь с характером повреждений. Я позвонил и потребовал последние номера местных газет, содержащие все материалы следствия слово в слово.

В показаниях хирурга устанавливалось, что третья задняя теменная кость и левая часть затылочной кости размозжены сильным ударом тупого орудия. Я нащупал это место на своей собственной голове. Несомненно, такой удар может быть нанесен только сзади. Это в некоторой степени снимало подозрение с обвиняемого, так как во время ссоры его видели стоящим лицом к лицу с покойным. Но этому нельзя придавать большого значения, потому что отец мог отвернуться, перед тем как его ударили. Однако нужно сообщить Холмсу и об этом. Затем очень странным представилось мне упоминание о крысе. Что это значит? Во всяком

случае, не бред. Человек, умирающий от внезапного удара, никогда не бредит. Нет, вероятно, он пытался объяснить, как он встретил свою смерть. Что же он хотел сказать? Я долго пытался найти какое-нибудь подходящее объяснение. Вспомнил и случай с этой серой одеждой, которую заметил молодой Маккарти. Если так было на самом деле, значит, убийца потерял что-то, когда убегал — наверно, пальто, — и у него хватило наглости вернуться и взять его за спиной у сына, в двадцати шагах от него, когда тот опустился на колени возле убитого. Какое сплетение таинственного и невероятного в этом происшествии!

Меня не удивило мнение Лестрейда, но я верил в дальновидность Холмса и не терял надежды: мне казалось, что каждая новая деталь укрепляет его уверенность в невиновности молодого Маккарти.

Когда вернулся Холмс, было уже совсем поздно. Он был один, так как Лестрейд остановился в городе.

— Барометр все еще не падает, — заметил он, садясь. — Только бы не было дождя, пока мы доберемся до места происшествия! Ведь человек должен вложить в такое славное дело все силы ума и сердца. По правде сказать, я не хотел приниматься за работу, когда был утомлен длинной дорогой. Я виделся с молодым Маккарти.

— Что же вы от него узнали?

— Ничего.

— Дело не стало яснее?

— Ничуть. Я был склонен думать, что ему известно имя преступника и что он скрывает его. Но теперь я убежден — для него это такая же загадка, как и для всех остальных. Молодой Маккарти не особенно умен, но очень миловиден, и мне показалось, что он человек неиспорченный.

— Я не одобряю его вкуса, — заметил я, — если это действительно правда, что он не хотел жениться на такой очаровательной молодой девушке, как мисс Тэнер.

— О, под всем этим кроется пренеприятная история! Он страстно, безумно любит ее. Но как вы думаете, что он сделал года два назад, когда она была еще в пансионе, а сам он был совсем подростком? Этот идиот попался в лапы одной бристольской буфетчице и зарегистрировал свой брак с нею. Об этом никто не подозревает, но можете себе представить, какое было для него мучение слушать упреки, что он не делает того, за что он сам отдал бы полжизни! Вот это-то отчаяние и охватило его, когда он простер руки к небу в ответ на требование отца сделать предложение мисс Тэнер. С другой стороны, у него не было возможности защищаться, и отец его, который, как все утверждают, был человек крутого нрава, выгнал бы его из дому навеки, если бы узнал всю правду. Это со своей женой-буфетчицей юноша провел в Бристоле последние три дня, а его отец не знал, где он был. Запомните это обстоятельство, это очень важно. Однако не было бы счастья — несчастье помогло. Буфетчица, узнав из газет, что ее мужа обвиняют в тяжелом преступлении и, вероятно, скоро повесят, сразу же его бросила и призналась ему в письме, что у нее уже давно есть другой законный муж, который живет в Бермудских доках, и что с мистером Джеймсом Маккарти ее на самом деле ничто не связывает. Я думаю, это известие искупило все страдания молодого Маккарти.

— Но если он невиновен, кто же тогда убийца?

— Да, кто убийца? Я бы обратил ваше внимание на следующие два обстоятельства. Первое: покойный должен был с кем-то встретиться у омута, и этот человек не мог быть его сыном, потому что сын уехал и не было известно, когда он вернется. Второе: отец кричал «Коу!» еще до того, как он узнал о возвращении сына. Это основные пункты, которые предрешают исход процесса… А теперь давайте поговорим о творчестве Джорджа Мередита[35], если вам угодно, и оставим все второстепенные дела до завтра.

Как и предсказывал Холмс, дождя не было; утро выдалось яркое и безоблачное. В девять часов за нами в карете приехал Лестрейд, и мы отправились на ферму Хазерлейи к Боскомскому омуту.

— Серьезные известия, — сказал Лестрейд. — Говорят, что мистер Тэнер из Холла так плох, что долго не протянет.

— Вероятно, он очень стар? — спросил Холмс.

— Около шестидесяти, но он потерял в колониях здоровье и уже очень давно серьезно болеет. Тут большую роль сыграло это дело. Он был старым другом Маккарти и, добавлю, его истинным благодетелем. Как мне стало известно, он даже не брал с него арендной платы за ферму Хазерлей.

— Вот как! Это очень интересно! — воскликнул Холмс.

— О да. И он помогал ему всевозможными другими способами. Здесь все говорят о том, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

— Да что вы! А вам не показалось несколько необычным, что этот Маккарти, человек очень небогатый, был так обязан мистеру Тэнеру и все же поговаривал о женитьбе своего сына на дочери Тэнера, наследнице всего состояния? Да еще таким уверенным тоном, будто стоило только сделать предложение — и все будет в порядке! Это чрезвычайно странно. Ведь вам известно, что Тэнер и слышать не хотел об их браке. Его дочь сама рассказала об этом. Не можете ли вы сделать из всего сказанного какие-нибудь выводы методом дедукции?

— Мы занимались дедукцией и логическими выводами, — сказал Лестрейд, подмигивая мне. — Знаете ли, Холмс, если в дальнейшем так же орудовать фактами, можно очень легко удалиться от истины в мир догадок и фантазий.

— Что правда, то правда, — сдержанно ответил Холмс. — Вы очень плохо пользуетесь фактами.

— Как бы то ни было, я подтвердил один факт, который оказался очень трудным для вашего понимания, — раздраженно возразил Лестрейд.

— То есть, что…

— Что Маккарти-старший встретил свою смерть от руки Маккарти-младшего и что все теории, отрицающие этот факт, — просто лунные блики.

— Ну, лунные-то блики гораздо ярче тумана! — смеясь, ответил Холмс. — Если я не ошибаюсь, слева от нас ферма Хазерлей.

— Она самая.

Это было широко раскинувшееся комфортабельное двухэтажное, крытое шифером здание с большими желтыми пятнами лишайника на сером фасаде. Опущенные шторы на окнах и трубы, из которых не шел дым, придавали дому угрюмый вид, будто кошмарное преступление всей своей тяжестью легло на эти стены.

Мы позвонили у двери, и горничная, по требованию Холмса, показала нам ботинки, в которых был ее хозяин, когда его убили, и обувь сына, которую он надевал в тот день. Холмс тщательно измерил всю обувь в семи или восьми местах, затем попросил провести нас во двор, откуда мы пошли по извилистой тропинке, ведущей к Боскомскому омуту.

Шерлок Холмс весь преображался, когда шел по горячему следу. Люди, знающие бесстрастного мыслителя с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его в этот момент. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем, брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены. Его ноздри расширялись, как у охотника, захваченного азартом преследования. Он настолько был поглощен стоящей перед ним задачей, что на вопросы, обращенные к нему, или вовсе ничего не отвечал, или нетерпеливо огрызался в ответ.

Безмолвно и быстро шел он по тропинке, пролегавшей через лес и луга к Боскомскому омуту. Это глухое, болотистое место, как и вся долина. На тропинке около нее, где растет низкая трава, было видно множество следов. Холмс то спешил, то останавливался, один раз круто повернул и сделал по лужайке несколько шагов назад. Лестрейд и я следовали за ним, сыщик с видом безразличным и пренебрежительным, в то время как я наблюдал за моим другом с большим интересом, потому что был убежден, что каждое его действие ведет к благополучному завершению дела.

Боскомский омут — небольшое, шириной ярдов[36] в пятьдесят, пространство воды, окруженное зарослями камыша и расположенное на границе фермы Хазерлей и парка богача мистера Тэнера. Над лесом, подступающим к дальнему берегу, видны красные остроконечные башенки, возвышающиеся над жилищем богатого землевладельца.

Со стороны Хазерлей лес очень густой; только узкая полоска влажной травы шагов в двадцать шириной отделяет последние деревья от камышей, окаймляющих озеро. Лестрейд точно указал, где нашли тело; а земля действительно была такая сырая, что я мог ясно увидеть место, где упал убитый. Что же касается Холмса, то по его энергичному лицу и напряженному взгляду я видел, что он многое разглядел на затоптанной траве. Он метался, как гончая, напавшая на след, а потом обратился к нашему спутнику.

— Что вы здесь делали? — спросил он.

— Я прочесал граблями всю лужайку. Я искал какое-нибудь оружие или другие улики. Но как вам удалось…

— Ну, хватит, у меня нет времени! Вы выворачиваете левую ногу, и следы этой вашей левой ноги видны повсюду. Вас мог бы выследить даже крот. А здесь, в камышах, следы исчезают. О, как было бы все просто, если бы я пришел сюда до того, как это стадо буйволов все здесь вытоптало! Здесь стояли те, кто пришел из сторожки, они затоптали все следы вокруг убитого на шесть или семь футов[37].

Он достал лупу, лег на непромокаемый плащ, чтобы было лучше видно, и разговаривал более с самим собой, чем с нами.

— Вот следы молодого Маккарти. Он проходил здесь дважды и один раз бежал так быстро, что следы каблуков почти не видны, а остальная часть подошвы отпечаталась четко. Это подтверждает его показания. Он побежал, когда увидел отца лежащим на земле. Далее, здесь следы ног отца, когда он ходил взад и вперед. Что же это? След от приклада, на который опирался сын, когда стоял и слушал отца. А это? Ха-ха, что же это такое? Кто-то подкрадывался на цыпочках! К тому же это квадратные, совершенно необычные ботинки. Он пришел, ушел и снова вернулся — на этот раз, конечно, за своим пальто. Но откуда он пришел?

Холмс бегал туда и сюда, иногда теряя след, иногда вновь натыкаясь на него, пока мы не очутились у самого леса, в тени очень большой, старой березы. Холмс нашел его следы за этим деревом и снова лег на живот. Раздался радостный возглас. Холмс долго оставался неподвижным, переворачивал опавшие листья и сухие сучья, собрал в конверт что-то похожее на пыль и осмотрел сквозь лупу землю, а также, сколько мог достать, и кору дерева. Камень с неровными краями лежал среди мха; он поднял и осмотрел его. Затем он пошел по тропинке до самой дороги, где следы терялись.

— Этот камень представляет большой интерес, — заметил он, возвращаясь к своему обычному тону. — Серый дом справа — должно быть, сторожка. Я зайду к Морану, чтобы сказать ему два слова и написать коротенькую записку. После этого мы еще успеем добраться до гостиницы, ко второму завтраку. Вы идите к карете, я присоединюсь к вам.

Минут через десять мы уже ехали к Россу. В руках у Холмса все еще был камень, который он поднял в лесу.

— Это может заинтересовать вас, Лестрейд, — сказал он, протягивая ему камень. — Вот чем было совершено убийство.

— Я не вижу на нем никаких следов.

— Их нет.

— Тогда как же вы это узнали?

— Под ним росла трава. Он пролежал там всего лишь несколько дней. Нигде вокруг не было видно места, откуда он взят. Это имеет прямое отношение к убийству. Следов какого-нибудь другого оружия нет.

— А убийца?

— Это высокий человек, левша, он хромает на правую ногу, носит охотничьи сапоги на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары с мундштуком, в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще несколько примет, но и этого достаточно, чтобы помочь нам в наших поисках.

Лестрейд засмеялся.

— К сожалению, я до сих пор остаюсь скептиком, — сказал он. — Ваши теории очень хороши, но мы должны иметь дело с твердолобыми британскими присяжными.

— Ну, это мы увидим, — ответил спокойно Холмс. — У вас одни методы, у меня другие… Кстати, я, может быть, сегодня с вечерним поездом вернусь в Лондон.

— И оставите ваше дело незаконченным?

— Нет, законченным.

— Но как же тайна?

— Она разгадана.

— Кто же преступник?

— Джентльмен, которого я описал.

— Но кто он?

— Это можно очень легко узнать. Здесь не так уж много жителей.

Лестрейд пожал плечами.

— Я человек действия, — сказал он, — и никак не могу заниматься поисками джентльмена, о котором известно только, что он хромоногий левша. Я бы стал посмешищем всего Скотленд-Ярда.

— Хорошо, — спокойно ответил Холмс. — Я предоставил вам все возможности для разгадки этой тайны. Я ведь ничего не утаил от вас, и вы сами могли разгадать таинственное преступление. Вот мы и приехали. Прощайте. Перед отъездом я вам напишу.

Оставив Лестрейда возле его двери, мы направились к нашему отелю, где нас уже ждал завтрак.

Холмс молчал, погруженный в свои мысли. Лицо его было мрачно, как у человека, который попал в затруднительное положение.

— Вот послушайте, Уотсон, — сказал он, когда убрали со стола. — Садитесь в это кресло, и я изложу перед вами то немногое, что мне известно. Я не знаю, что мне делать. Я бы хотел получить от вас совет. Закуривайте, а я сейчас начну.

— Пожалуйста.

— Ну вот, при изучении этого дела нас поразили два пункта в рассказе молодого Маккарти, хотя меня они настроили в его пользу, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец закричал «Коу» до того, как увидел своего сына. Во-вторых, что умирающий упомянул только о крысе. Понимаете, он пробормотал несколько слов, но сын уловил лишь одно. Наше расследование должно начаться с этих двух пунктов. Предположим, что все, сказанное юношей, — абсолютная правда.

— А что такое «коу»?

— Очевидно, он звал не своего сына. Он думал, что сын в Бристоле. Сын совершенно случайно услышал этот зов. Этим Криком «Коу!» он звал того, кто назначил ему свидание. Но «коу» — австралийское слово, оно в ходу только между австралийцами. Это веское доказательство, что человек, которого Маккарти надеялся встретить у Боскомского омута, бывал в Австралии.

— Ну, а крыса?

Шерлок Холмс достал из кармана сложенный лист бумаги, расправил его на столе.

— Это карта штата Виктория, — сказал он. — Я телеграфировал прошлой ночью в Бристоль, чтобы мне ее прислали. — Он закрыл ладонью часть карты. — Прочтите, — попросил он.

— *Arat*,[38] — прочитал я.

— А теперь? — Он поднял руку.

— *Ballarat*.

— Совершенно верно. Это и есть слово, произнесенное умирающим, но сын уловил только последние два слога. Он пытался назвать имя убийцы. Итак, Балларэт.

— Это потрясающе! — воскликнул я.

— Это вне всяких сомнений. А теперь, как видите, круг сужается. Наличие у преступника серого одеяния было третьим пунктом. Исчезает полная неизвестность, и появляется некий австралиец из Балларэта в сером пальто.

— И в самом деле!

— К тому же он местный житель, потому что возле омута, кроме фермы и усадьбы, ничего нет, и посторонний вряд ли забредет туда.

— Конечно.

— Затем наша сегодняшняя экспедиция. Исследуя почву, я обнаружил незначительные улики, о которых и рассказал этому тупоумному Лестрейду. Это касалось установления личности преступника.

— Но как вы их обнаружили?

— Вам известен мой метод. Он базируется на сопоставлении всех незначительных улик.

— О его росте вы, разумеется, могли приблизительно судить по длине шага. О его обуви также можно было догадаться по следам.

— Да, это была необыкновенная обувь.

— А то, что он хромой?

— Следы его правой ноги не так отчетливы, как следы левой. На правую ногу приходится меньше веса Почему? Потому что он прихрамывал — он хромой.

— А то, что он левша?

— Вы сами были поражены характером повреждений, описанных хирургом. Удар был внезапно нанесен сзади, но с левой стороны. Кто же это мог сделать, как не левша? Во время разговора отца с сыном он стоял за деревом. Он даже курил там. Я нашел пепел и благодаря моему знанию различных сортов табака установил, что он курил индийскую сигару. Я, как вам известно, немного занимался этим вопросом и написал небольшую монографию о пепле ста сорока различных сортов трубочного, сигарного и папиросного табака. Обнаружив пепел сигары, я оглядел все вокруг и нашел место, куда он ее бросил. То была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

— А мундштук?

— Я увидел, что он не брал ее в рот. Следовательно, он курит с мундштуком. Кончик был обрезан, а не откушен, но срез был неровный, поэтому я решил, что нож у него тупой.

— Холмс, — сказал я, — вы опутали преступника сетью, из которой он не сможет вырваться, и вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, вы просто сняли петлю с его шеи. Я вижу, где сходятся все ваши улики. Имя убийцы…

— Мистер Джон Тэнер, — доложил официант, открывая дверь в нашу гостиную и впуская посетителя.

У вошедшего была странная, совершенно необычная фигура. Замедленная, прихрамывающая походка и опущенные плечи делали его дряхлым, в то время как его жесткое, резко очерченное, грубое лицо и огромные конечности говорили о том, что он наделен необыкновенной физической силой. Его спутанная борода, седеющие волосы и всклокоченные, нависшие над глазами брови придавали ему гордый и властный вид. Но лицо его было пепельно-серым, а губы и ноздри имели синеватый оттенок. Я с первого взгляда понял, что он страдает какой-то неизлечимой, хронической болезнью.

— Присядьте, пожалуйста, на диван, — мягко предложил Холмс. — Вы получили мою записку?

— Да, ее принес привратник. Вы пишете, что хотите видеть меня, дабы избежать скандала.

— Я думаю, будет много толков, если я выступлю в суде.

— Зачем я вам понадобился?

Тэнер посмотрел на моего приятеля. В усталых главах его было столько отчаяния, будто он уже получил ответ на свой вопрос.

— Да, — промолвил Холмс, отвечая более на взгляд его, чем на слова. — Это так. Мне все известно о Маккарти.

Старик закрыл лицо руками.

— Помоги мне, господи! — воскликнул он. — Но я бы не допустил гибели молодого человека! Даю вам слово, что я открыл бы всю правду, если бы дело дошло до выездной сессии суда присяжных…

— Рад это слышать, — сурово сказал Холмс.

— Я бы уже давно все открыл, если бы не моя дорогая девочка. Это разбило бы ее сердце, она не пережила бы моего ареста.

— Можно и не доводить дело до ареста, — ответил Холмс.

— Неужели?

— Я неофициальное лицо. Поскольку меня пригласила ваша дочь, я действую в ее интересах. Вы сами понимаете, что молодой Маккарти должен быть освобожден.

— Я скоро умру, — сказал старый Тэнер. — Я уже много лет страдаю диабетом. Мой доктор сомневается, протяну я месяц или нет. Все-таки мне легче будет умереть под своей собственной крышей, чем в тюрьме.

Холмс встал, подошел к письменному столу, взял перо и бумагу.

— Рассказывайте все, как было, — предложил он, — а я вкратце запишу. Вы это подпишете, а Уотсон засвидетельствует. Я представлю ваше признание только в случае крайней необходимости, если нужно будет спасать Маккарти. В противном случае обещаю вам не прибегать к этой мере.

— Хорошо, — ответил старик. — Скорее всего я не доживу до выездной сессии суда, так что меня это мало волнует. Я хотел бы только избавить Алису от такого удара. А теперь я все вам расскажу… Тянулось это долго, но рассказать я могу очень быстро… Вы не знали покойного Маккарти. Это был сущий дьявол, уверяю вас. Упаси вас бог от клещей такого человека! Я был в его тисках последние двадцать лет, он совершенно отравил мне жизнь.

Сначала я расскажу вам, как я очутился в его власти. Это произошло в начале шестидесятых годов на золотых приисках. Я тогда был совсем молодым человеком, безрассудным и горячим, готовым на любое дело. Я попал в плохую компанию, начал выпивать. На участке моем не оказалось ни крупинки золота — я стал бродяжничать и сделался, как у вас говорится, рыцарем большой дороги. Нас было шестеро, мы вели дикую, привольную жизнь, совершали время от времени налеты на станцию, останавливали фургоны на дорогах к приискам. Меня называли Балларэтским Черным Джеком. Моих ребят до сих пор помнят в колониях как банду Балларэта.

Однажды из Балларэта в Мельбурн под охраной конвоя отправили золото. Мы устроили засаду. Золото охраняли шесть конвоиров, нас тоже было шесть человек. Произошла жаркая схватка. Первым залпом мы уложили четырех. Но когда мы взяли добычу, нас осталось только трое. Я приставил дуло пистолета к голове кучера — это и был Маккарти. Господи, лучше бы я убил его тогда! Но я пощадил его, хотя и заметил, что он смотрит на меня своими маленькими злыми глазками, будто хочет запомнить черты моего лица. Мы завладели золотом, стали богатыми людьми и приехали в Англию, никем не заподозренные. Здесь я навсегда расстался со своими бывшими приятелями и начал спокойную, обеспеченную жизнь.

Я купил это имение, которое как раз продавалось в то время, и старался принести хотя бы небольшую пользу своими деньгами, чтобы как-то искупить прошлое. К тому же я женился, и хотя жена моя умерла молодой, она оставила мне милую маленькую Алису. Даже когда Алиса была совсем крошкой, ее ручонки удерживали меня на праведном пути, как ничто в мире. Словом, я навсегда покончил с прошлым. Все шло великолепно, пока я не попался в руки Маккарти…

Я поехал в город по денежным делам и на Риджент-стрит встретил Маккарти. На нем не было ни приличного пальто, ни обуви.

«Вот мы и встретились, Джек, — сказал он, прикасаясь к моей руке. — Теперь уж мы с вами больше не расстанемся. Я не один: у меня есть сынишка, и вы должны о нас позаботиться. В противном случае, вы знаете: Англия прекрасная страна, где чтут законы. Кроме того, везде есть полисмены».

Вот он и поселился со своим сыном на западе, и я не мог от них отделаться; они бесплатно живут на моей земле. У меня не было ни покоя, ни отдыха, ни забвения. Куда бы я ни шел, я везде натыкался на его хитрую, ухмыляющуюся физиономию. Когда Алиса подросла, стало еще хуже, так как он заметил, что для меня страшнее всякой полиции, если о моем прошлом узнает дочь. Что бы он ни захотел, он получал по первому требованию, будь то земля, постройка или деньги, пока он не потребовал невозможного. Он потребовал Алису. Сын его, видите ли, подрос, моя дочь — тоже, и, так как о моей болезни всем было известно, ему представилось, что это великолепный шанс для его сына завладеть всем моим состоянием. Но на этот раз я был тверд. Я и мысли не мог допустить, что его проклятый род соединится с моим.

Нельзя сказать, чтобы мне не нравился его сын, но в жилах юноши текла кровь его отца, этого было достаточно. Я все же стоял на своем. Маккарти, выведенный из себя, стал угрожать.

Мы должны были встретиться у омута, на полпути между нашими домами, чтобы поговорить обо всем. Когда я пришел на условленное место, я увидел, что он толкует о чем-то с сыном. Я закурил и ждал за деревом, пока он останется один. Но по мере того как я вслушивался в его слова, во мне закипала горечь и злоба, я не мог больше этого вынести. Он принуждал сына жениться на моей дочери, ничуть не заботясь о том, как она отнесется к этому, будто речь шла об уличной девчонке.

Я чуть с ума не сошел, когда подумал, что все, чем я дорожу, может очутиться во власти такого человека. Не лучше ли разбить эти оковы? Я уже умирающий, доведенный до отчаяния человек. Хотя рассудок мой ясен и силы не покинули меня, я понимал, что моя жизнь кончена. Но мое имя и моя дочь! Я спасу и то и другое, если заставлю Маккарти держать язык за зубами…

Я его убил, мистер Холмс… Я бы убил его снова. Я большой грешник, но разве жизнь, полная страданий, не искупает вины? Я все терпел, но мысль, что моя дочь попадет в ту же западню, была невыносимы. Я убил его без угрызения совести, будто это была отвратительная ядовитая тварь. На крик прибежал его сын, но я успел спрятаться в лесу, хотя мне пришлось вернуться за пальто, которое я обронил… Это чистая правда, джентльмены, все служилось именно так.

— Что же, не мне судить вас, — промолвил Холмс, когда старик подписал свои показания. — Думаю, нам не придется представлять эти сведения в суд.

— Я вам полностью доверяю, сэр! Но что вы хотите предпринять?

— Принимая во внимание ваше здоровье — ничего. Вы сами знаете, что скоро предстанете перед судом, который выше земного суда. Я сохраню ваше признание, мне придется воспользоваться им, если Маккарти будет осужден. Если же он будет оправдан — ни один смертный, будете вы живы или нет, не узнает о вашей тайне, все это останется между нами.

— Тогда прощайте, — торжественно сказал старик. — Когда настанет ваш смертный час, вам будет легче при мысли о том, какое успокоение вы внесли в мою душу.

Шатаясь и дрожа всем своим гигантским телом, он медленно вышел из комнаты, прихрамывая на правую ногу.

— Бедные мы, бедные! — после долгой паузы воскликнул Холмс. — Почему судьба играет такими жалкими, беспомощными созданиями, как мы?

Выездная сессия суда присяжных оправдала Джеймса Маккарти под давлением многочисленных доказательств, представленных Холмсом. Старый Тэнер прожил месяцев семь после нашего свидания, сейчас его уже нет в живых. Есть все основания полагать, что Джеймс и Алиса могут спокойно жить в счастливом браке, не думая больше о черных тучах, которые омрачали их прошлое.

Пять зернышек апельсина

Когда я просматриваю мои заметки о Шерлоке Холмсе за годы от 1882 до 1890, я нахожу так много удивительно интересных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Однако одни из них уже известны публике из газет, а другие не дают возможности показать во всем блеске те своеобразные качества, которыми мой друг обладал в такой высокой степени. Все же одно из этих дел было так замечательно по своим подробностям и так неожиданно по результатам, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с ним связаны такие обстоятельства, которые, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

1887 год принес длинный ряд более или менее интересных дел. Все они записаны мною. Среди них — рассказ о «Парадол-чэмбер», Обществе Нищих-любителей, которое имело роскошный клуб в подвальном этаже большого мебельного магазина; отчет о фактах, связанных с гибелью британского судна «Софи Эндерсон»; рассказ о странных приключениях Грайса Петерсона на острове Юффа и, наконец, записки, относящиеся к Кемберуэльскому делу об отравлении. В последнем деле Шерлоку Холмсу удалось путем исследования механизма часов, найденных на убитом, доказать, что часы были заведены за два часа до смерти и поэтому покойный лег спать в пределах этого времени, — вывод, который помог обнаружить преступника.

Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Был конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь барабанил в окна так, что даже здесь, в самом сердце огромного Лондона, мы невольно отрывались на миг от привычного течения жизни и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс был мрачен. Он расположился у камина и приводил в порядок свою картотеку преступлений, а я, сидя против него, так углубился в чтение прелестных морских рассказов Кларка Рассела, что завывание бури слилось в моем сознании с текстом, а шум дождя стал казаться мне рокотом морских волн.

Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

— Послушайте, — сказал я, взглянув на Холмса, — это звонок. Кто же может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

— Кроме вас, у меня нет друзей, — ответил Холмс. — А гости ко мне не ходят.

— Может быть, клиент?

— Если так, то дело должно быть очень серьезное. Что другое заставит человека выйти на улицу в такой день и в такой час? Но скорее всего это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей квартирной хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что послышались шаги в прихожей и стук в нашу дверь.

Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы осветить пустое кресло, предназначенное для посетителя.

— Войдите! — сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого бежала вода, и блестевший от дождя длинный непромокаемый плащ свидетельствовали об ужасной погоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза полны беспокойства, как у человека, внезапно охваченного большой тревогой.

— Я должен перед вами извиниться, — произнес он, поднося к глазам золотой лорнет. — Надеюсь, вы не сочтете меня навязчивым… Боюсь, что я принес в вашу уютную комнату некоторые следы бури и дождя.

— Дайте мне ваш плащ и зонт, — сказал Холмс. — Они могут повисеть здесь, на крючке, и быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

— Да, из Хоршема.

— Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для этих мест.

— Я пришел к вам за советом.

— Его легко получить.

— И за помощью.

— А вот это не всегда так легко.

— Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его от скандала в клубе Тэнкервилл.

— А-а, помню. Он был ложно обвинен в нечистой карточной игре.

— Он сказал мне, что вы можете во всем разобраться.

— Он чересчур много мне приписывает.

— По его словам, вы никогда не знали поражений.

— Я потерпел поражение четыре раза. Три раза меня побеждали мужчины и один раз женщина.

— Но что это значит в сравнении с числом ваших успехов!

— Да, обычно у меня бывают удачи.

— В таком случае, вы добьетесь успеха и в моем деле.

— Прошу вас придвинуть ваше кресло к камину в сообщить мне подробности дела.

— Дело мое необыкновенное.

— Обыкновенные дела ко мне не попадают. Я высшая апелляционная инстанция.

— И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось за все время вашей деятельности слышать о таких непостижимых и таинственных происшествиях, как те, которые произошли в моей семье.

— Вы меня очень заинтересовали, — сказал Холмс. — Пожалуйста, сообщите нам для начала основные факты, а потом я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее существенными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

— Меня зовут Джон Опеншоу, — сказал он. — Но, насколько я понимаю, мои личные дела мало связаны с этими ужасными событиями. Это какое-то наследственное дело, и поэтому, чтобы дать вам представление о фактах, я должен вернуться к самому началу всей истории…

У моего деда было два сына: мой дядя, Элиас, и мой отец, Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри. Ему удалось расширить ее, когда началось производство велосипедов. Отец изобрел особо прочные шины «Опеншоу», и его предприятие пошло очень успешно, так что когда отец в конце концов продал свою фирму, он удалился на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элиас в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, как говорили, дела его шли очень хорошо. Во времена войны[39] он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и достиг чина полковника. Когда Ли сложил оружие,[40] мой дядя возвратился на свою плантацию, где прожил три или четыре года. В 1869 или 1870 году он вернулся в Европу и арендовал небольшое поместье в Сассексе, вблизи Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил большой капитал и покинул Америку, так как питал отвращение к неграм и был недоволен республиканским правительством, освободившим их от рабства.

Дядя был странный человек — жестокий и вспыльчивый. При всякой вспышке гнева он изрыгал страшные ругательства. Жил он одиноко и чуждался людей. Сомневаюсь, чтобы в течение всех лет, прожитых под Хоршемом, он хоть раз побывал в городе. У него был сад, лужайки вокруг дома, и там он прогуливался, хотя часто неделями не покидал своей комнаты. Он много пил и много курил, но избегал общения с людьми и не знался даже с собственным братом. А ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы увиделись, когда мне было около двенадцати лет. Это произошло в 1878 году. К тому времени дядя уже восемь или девять лет прожил в Англии. Он уговорил моего отца, чтобы я переселился к нему, и был ко мне по-своему очень добр. В трезвом виде он любил играть со мной в кости и в шашки. Он доверил мне все дела с прислугой, с торговцами, так что к шестнадцати годам я стал полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, мне позволялось ходить куда угодно и делать все что вздумается при одном условии: не нарушать уединения дяди. Но было все же одно странное исключение: на чердаке находилась комната, постоянно запертая, куда дядя не разрешал заходить ни мне, ни кому-либо другому. Из мальчишеского любопытства я заглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды — это было в марте 1883 года — на столе перед прибором дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что покупки он всегда оплачивал наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии, — сказал он, беря письмо. — Почтовая марка Пондишерри! Что это может быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт; из него выпало пять сухих зернышек апельсина, которые выкатились на его тарелку. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Его нижняя губа отвисла, глаза выкатились из орбит, лицо стало серым; он смотрел на конверт, который продолжал держать в дрожащей руке.

«К.К.К.»! — воскликнул он. — Боже мой, боже мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» — спросил я.

«Смерть», — сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней его стороне красными чернилами была три раза написана буква «К». В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядю охватил такой ужас?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице наверх. Навстречу мне спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавевший ключ, по-видимому, от чердачного помещения, а в другой — небольшая шкатулка из латуни.

«Пусть они делают что хотят, я все-таки им не сдамся! — проговорил он с проклятием. — Скажи Мэри, чтобы затопила камин в моей комнате и пошла за Фордхэмом, хоршемским юристом».

Я сделал все, как он велел. Когда приехал юрист, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а на решетке камина толстым слоем лежал пепел, по-видимому, от сожженной бумаги. Рядом стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки тройное «К» — точно такое же, какое я сегодня утром видел на конверте.

«Я хочу, Джон, — сказал дядя, — чтобы ты был свидетелем при составлении завещания. Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно, несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь мирно пользоваться им, тем лучше. Если же ты убедишься, что это невозможно, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай поместье своему злейшему врагу. Мне очень грустно, что приходится оставлять тебе такое наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь любезен, подпиши бумагу в том месте, какое тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне было указано, и юрист взял ее с собой.

Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, не находи объяснений. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно притуплялось по мере того, как шли недели и ничто не нарушало привычного течения жизни. Правда, я заметил перемену в моем дяде. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым. Большую часть времени он проводил, запершись в своей комнате. Но иногда в каком-то пьяном бреду он выбегал из дому, слонялся по саду с револьвером в руке и кричал, что никого не боится, и не даст ни человеку, ни дьяволу зарезать себя, как овцу. Однако когда эти горячечные припадки проходили, он сразу бежал домой и запирался в комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный непреодолимым страхом. Во время таких припадков его лицо даже в холодные дни блестело от пота, как будто он только что вышел из бани.

Чтобы покончить с этим, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, скажу только, что однажды настала ночь, когда он совершил одну из своих пьяных вылазок, после которой уже не вернулся. Мы отправились на розыски. Он лежал ничком в маленьком, заросшем тиной пруду, расположенном в глубине нашего сада. На теле не было никаких признаков насилия, а воды в пруду было не больше двух футов. Поэтому суд присяжных, принимая во внимание чудачества дяди, признал причиной смерти самоубийство. Но я, знавший, как его пугала самая мысль о смерти, не мог убедить себя, что он добровольно расстался с жизнью. Как бы то ни было, дело на этом и кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами фунтов, которые лежат на его текущем счете в банке…

— Позвольте, — прервал его Холмс. — Ваше сообщение, как я вижу, одно из самых интересных, какие я когда-либо слышал. Укажите мне дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

— Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он погиб через семь недель, в ночь на второе мая.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Когда отец вступил во владения хоршемской усадьбой, он по моему настоянию произвел тщательный осмотр чердачного помещения, которое всегда было заперто. Мы нашли там латунную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. Ко внутренней стороне крышки была приклеена бумажная этикетка с тремя буквами «К» и подписью внизу; «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на характер бумаг, уничтоженных полковником Опеншоу. Кроме этого, на чердаке не было ничего существенного, если не считать огромного количества разбросанных бумаг и записных книжек, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к эпохе преобразования Южных штатов и по большей части касались политических вопросов, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции.

Так вот, в начале 84 года отец поселился в Хоршеме, и все шло у нас как нельзя лучше до 85 года. Четвертого января, когда мы все сидели за завтраком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на протянутой ладони другой руки — пять сухих зернышек апельсина. Он всегда смеялся над тем, что он называл «небылицами насчет полковника», а теперь и сам испугался, когда получил такое же послание.

«Что бы это могло значить, Джон?» — пробормотал он.
Мое сердце окаменело.
«Это К.К.К.», — ответил я.
Отец заглянул внутрь конверта.
«Да, здесь те же буквы. Но что это написано под ними?»
«Положите бумаги на солнечные часы», — прочитал я, взглянув ему через плечо.
«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» — спросил он.
«Солнечные часы в саду, других здесь нет. Но бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».
«Черт возьми! — сказал он. — Мы живем в цивилизованной стране и не можем принимать всерьез такую чушь. Откуда это письмо?»
«Из Данди», — ответил я, взглянув на почтовый штемпель.
«Чья-нибудь нелепая шутка, — сказал он. — Какое мне дело до солнечных часов и бумаг? Нечего и обращать внимания на этакий вздор!»
«Я бы сообщил полиции», — сказал я.
«Чтобы меня высмеяли? И не подумаю».
«Тогда позвольте мне это сделать».
«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за таких пустяков».

Уговаривать отца было бы напрасным трудом, потому что он был очень упрям. А меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга, майора Фрибоди, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилла. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что вне дома он дальше от опасности. Однако я ошибся. На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму, в которой он умолял меня немедленно приехать. Отец упал в один из глубоких меловых карьеров, которыми изобилует местность, и лежал без чувств, с раздробленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Фэрхема в сумерки. А так как местность ему незнакома и меловые шахты не огорожены, суд присяжных, не колеблясь, вынес решение: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил все факты, связанные с его смертью, но не мог обнаружить ничего, что наводило бы на мысль об убийстве. Не было признаков насилия, не было никаких следов на земле, не было ограбления, не было посторонних лиц на дорогах. И все же излишне говорить вам, что я не находил покоя и был почти уверен, что отец мой попал в расставленные кем-то сети.

При таких трагических обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу вам: я был убежден, что наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет мне угрожать одинаково в любом доме.

Мой бедный отец скончался в январе 85 года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятье не тяготеет больше над нашей семьей, что оно рассеялось после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился. Вчера утром меня постиг удар в той же самой форме, в какой он постиг моего отца…

Молодой человек достал из кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на скатерть пять маленьких сухих зернышек апельсина.

— Вот конверт, — продолжал он. — Почтовый штемпель — Лондон, Восточный район. Внутри те же самые слова, которые были в письме, полученном моим отцом; «К. К. К.», а затем: «Положите бумаги на солнечные часы».

— Что вы сделали? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— По правде говоря, — он опустил лицо на тонкие белые руки, — я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому приближается змея. По-видимому, я во власти какой-то непреодолимой и неумолимой силы, от которой не могут спасти никакие предосторожности.

— Что вы! Что вы! — воскликнул Шерлок Холмс. — Вы должны действовать, иначе вы погибнете. Только энергия может спасти вас. Теперь не время предаваться отчаянию.

— Я был в полиции.

— Ну, и?..

— Но там с улыбкой выслушали мой рассказ. Я убежден, что инспектор считает эти письма чьей-то шуткой, а смерть моих родных, как и установил суд присяжных, — несчастным случаем, никак не связанным с этими предупреждениями.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

— Невероятная тупость! — воскликнул он.

— Все же ко мне прикомандировали полицейского, который все время дежурит в моем доме.

— Он пришел с вами сейчас?

— Нет, ему приказано находиться при доме.

Холмс снова потряс в воздухе кулаками.

— Зачем вы пришли ко мне? — спросил он. — И главное, почему вы не пришли ко мне сразу?

— Я не знал. Только сегодня я говорил о моих опасениях с майором Прендергастом, и он посоветовал мне обратиться к вам.

— Ведь уже два дня, как вы получили письмо. Вам следовало начать действовать раньше. У вас нет, я полагаю, других данных, кроме тех, которые вы мне сообщили? Нет каких-либо наводящих подробностей, которые могли бы вам помочь?

— Есть одна вещь, — сказал Джон Опеншоу. Он пошарил в кармане пальто и, вынув кусок выцветшей синей бумаги, положил его на стол. — Мне помнится, — сказал он, — что в день, когда дядя жег бумаги, маленькие несгоревшие полоски, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу дядиной комнаты и склонен думать, что это одна из бумаг, которая случайно отлетела от остальных и таким образом избежала уничтожения. Кроме упоминания зернышек, я не вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страница дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс повернул лампу, и мы оба нагнулись над листом бумаги, неровные края которого свидетельствовали о том, что лист был вырван из книги. Наверху была надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4-го. Гудзон явился. Прежняя платформа.
7-го. Посланы зернышки Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Августина.
9-го. Мак-Коули убрался.
10-го. Джон Свейн убрался.
12-го. Посетили Парамора. Все в порядке.

— Благодарю вас, — сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. — Теперь вы не должны терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне сообщили. Вы должны немедленно вернуться домой и действовать.

— Что я должен делать?

— Есть только одно дело, и оно должно быть выполнено немедленно. Вы должны положить бумагу, которую только что нам показали, в латунную шкатулку, описанную вами. Вы должны приложить записку и в ней сообщить, что все остальные бумаги были сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Вы должны заявить это словами, внушающими доверие. Написав такое письмо, немедленно поставьте шкатулку на диск солнечных часов, как вам указано. Вы понимаете?

— Вполне понимаю.

— Не думайте в настоящее время о мести или о чем-либо подобном. Я полагаю, что этого мы могли бы добиться законным путем, но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо отстранить непосредственную опасность, угрожающую вам. А затем уже выяснить это таинственное дело и наказать виновных.

— Благодарю вас, — сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. — Вы вернули мне жизнь и надежду. Я поступлю так, как вы мне советуете.

— Не теряйте ни минуты. И главное, берегите себя, так как не может быть сомнения, что вам угрожает весьма реальная и большая опасность. Каким путем вы думаете вернуться домой?

— Поездом, с вокзала Ватерлоо.

— Еще нет девяти часов. На улицах будет очень людно, так что, я надеюсь, вы будете в безопасности. И все же вы должны очень остерегаться врагов.

— Я вооружен.

— Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

— Значит, я увижу вас в Хоршеме?

— Нет, секрет вашего дела — в Лондоне, и здесь я буду его искать.

— В таком случае, я приду к вам через день или два и сообщу все, что будет выяснено насчет шкатулки и бумаг. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и простился.

Ветер по-прежнему завывал и дождь стучал в окна. Казалось, этот странный рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей, и теперь снова поглощен ею.

Холмс сидел некоторое время молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись на спинку кресла, стал следить за синими кольцами дыма, которые нагоняли друг друга под потолком.

— Я думаю, Уотсон, — заметил он наконец, — что в нашей практике не было более опасного и фантастического дела.

— Но вы составили себе определенное представление о характере этих опасностей? — спросил я.

— Здесь не может быть сомнения относительно их характера, — ответил он.

— Но в чем дело? Кто этот К. К. К. и почему он преследует несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза и, опершись на подлокотники кресла, соединил концы пальцев.

— Истинный мыслитель, — заметил он, — увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него. Как Кювье[41] мог правильно описать целое животное на основании одной кости, так и наблюдатель, основательно изучивший одно звено в серии событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья — и предшествующие, и последующие. Но чтобы довести искусство мышления до высшей точки, необходимо, чтобы мыслитель мог использовать все установленные факты, а для этого ему нужны самые обширные познания. Если мне не изменяет память, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих знаний.

— Да, — ответил я, смеясь, — это был необыкновенный документ. Я помню, что философия, астрономия и политика стояли под знаком нуля. Познание в ботанике — колеблющиеся, в геологии — глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любого района в пределах пятидесяти миль вокруг Лондона; в химии — эксцентрические; в анатомии — разрозненные; в области уголовной литературы и судебных отчетов — исключительные: при этом скрипач, боксер, владеет шпагой, юрист, отравляет себя кокаином и табаком. Таковы были главнейшие пункты моего анализа.

Холмс усмехнулся при последних словах.

— Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердачок своего мозга всем, что ему, вероятно, понадобится, а остальные знания он должен сложить в чулан при своей библиотеке, откуда может достать их в случае надобности. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны мобилизовать все доступные нам ресурсы. Дайте мне, пожалуйста, том на букву «К» из Американкой энциклопедии. Он стоит на полке, которая рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать из них вывод. Начать мы должны с предположения, что у полковника Опеншоу были весьма серьезные причины, заставившие его покинуть Америку. В его годы люди не склонны нарушать все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к уединению в Англии подсказывает мысль, что он боялся кого-то или чего-то. Поэтому мы можем принять как рабочую гипотезу, что то был страх перед кем-то или чем-то, что заставило его покинуть Америку. О том, чего именно он боялся, мы можем судить только на основании зловещих писем, которые получали он и его наследники. Вы заметили почтовые штемпели этих писем?

— Первое было из Пондишерри, второе — из Данди и третье — из Лондона.

— Из Восточного Лондона! Какой вы можете сделать отсюда вывод?

— Это все океанские порты. По-видимому, писавший находился на борту корабля.

— Великолепно! У нас уже есть ключ. Вероятно, весьма вероятно, что писавший письма находился на борту корабля. А теперь посмотрим на это дело с другой стороны. В случае с Пондишерри прошло семь недель между угрозой и ее выполнением. В случае с Данди между угрозой и выполнением прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

— Большее расстояние, которое надо было в первом случае преодолеть.

— Но ведь письмо тоже должно было пройти большое расстояние.

— Тогда я не понимаю, в чем дело.

— Есть основание предполагать, что судно, на котором находится этот человек — или, может быть, их несколько, — парусное судно. Похоже на то, что они всегда посылали свои странные предупреждения или знаки перед тем, как отправиться на выполнение своего дела. Вы видите, как быстро дело последовало за предупреждением, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но прошло семь недель. Я думаю, что семь недель представляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

— Это возможно.

— Это более чем возможно. Это вероятно. Теперь вы видите смертельную опасность в нашем последнем деле и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншоу был осторожен. Удар всегда настигал к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы пройти расстояние на паруснике. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчитывать на отсрочку!

— Боже мой! — воскликнул я. — Что значит это беспощадное преследование?

— Очевидно, бумаги, увезенные Опеншоу, представляют жизненный интерес для человека или людей, находящихся на паруснике. Полагаю, что там не один человек. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение судебное следствие. В этом должно было участвовать несколько человек, притом изобретательных и решительных. Свои бумаги они решили получить, в чьих бы руках те ни находились. Таким образом, вы видите что «К. К. К.» перестают быть инициалами человека, а становятся знаком целого общества.

— Но какого общества?

— Вы никогда не слышали о Ку-клукс-клане? — сказал Шерлок Холмс, нагибаясь и понижая голос.

— Никогда не слышал.

Холмс перелистал страницы тома, лежавшего у него на коленях:

— Вот что здесь говорится:

«Ку-Клукс-Клан — название, происходящее от сходства со звуком взводимого затвора винтовки. Это ужасное тайное общество было создано бывшими солдатами Южной армии после гражданской войны и быстро образовало местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннесси, в Луизиане, в обеих Каролинах, в Джорджии и Флориде. Это общество использовало свои силы в политических целях, главным образом для того, чтобы терроризировать негритянских избирателей, а также для убийства или изгнания из страны тех, кто противился его взглядам. Их преступлениям обычно предшествовало предупреждение, посылаемое намеченному лицу в фантастической, но широко известной форме: в некоторых частях страны — дубовые листья, в других — семена дыни или зернышки апельсина. Получив это предупреждение, человек должен был либо открыто отречься от прежних взглядов, либо покинуть страну. Если он не обращал внимания на предупреждение, его неизменно постигала смерть, обычно странная и непредвиденная. Общество было так

хорошо организовано и его методы были настолько продуманны, что едва ли известен хоть один случай, когда человеку удалось безнаказанно пренебречь предупреждением или когда были раскрыты виновники злодеяния. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и прогрессивных кругов Юга. В 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные вспышки расовой ненависти наблюдались и позже…»

— Заметьте, — сказал Холмс, откладывая том энциклопедии, — что внезапное прекращение деятельности общества совпало с отъездом из Америки Опеншоу, когда он увез с собой бумаги этой организации. Весьма возможно, что тут налицо и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за молодым Опеншоу и его семьей следят беспощадные люди. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не заснут спокойно, пока эти бумаги не будут у них в руках?

— Значит, страница, которую мы видели…

— Такая, какую можно было ожидать. Если мне не изменяет память, там было написано: «Посланы зернышки А. Б. В.» — то есть послали им предупреждение. Затем последовательно идут записи, что А и Б убрались, то есть покинули страну, и что В навестили. Боюсь, это плохо кончилось для В. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело. А тем временем единственное спасение для молодого Опеншоу — действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня ничего больше мы не можем ни сказать, ни сделать… Передайте мне мою скрипку, и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки людей.

К утру буря стихла, и солнце тускло светило сквозь туманный покров, нависший над Лондоном. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

— Извините, что я начал без вас, — сказал он. — Я предвижу, что мне придется много поработать по делу молодого Опеншоу.

— Какие шаги вы собираетесь предпринять? — спросил я.

— Это в значительной степени зависит от результатов моих первых расследований. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

— Вы не собираетесь прежде всего поехать туда?

— Нет, я начну с Сити. Позвоните, и служанка принесет нам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло просматривать ее. Я увидел заголовок, от которого у меня похолодело сердце.

— Холмс, — воскликнул я, — вы опоздали!

— А-а! — сказал он, отставляя чашку. — Я опасался, что так и будет. Как это произошло?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

Мне бросилось в глаза имя Опеншоу и заголовок: «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что было написано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь была очень темная, бушевала буря, так что, несмотря на смелые попытки нескольких прохожих, оказалось невозможным спасти тонувшего. Был дан сигнал тревоги, и с помощью речной полиции тело удалось найти. Это был молодой джентльмен, имя которого, как видно по конверту, найденному в его кармане, Джон Опеншоу, проживавший вблизи Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему со станции Ватерлоо, и что в спешке при исключительной темноте сбился с дороги и шагнул через край одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не было обнаружено следов насилия, и не может быть сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая; это должно заставить власти обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким угнетенным.

— Это наносит удар моему самолюбию, — сказал он наконец. — Бесспорно, самолюбие мелкое чувство, но с этим ничего не поделаешь. Теперь это становится для меня личным делом, и если бог пошлет мне здоровье, я выловлю всю банду. Он пришел ко мне за помощью, и я же послал его на смерть!

Он вскочил со стула, зашагал по комнате с пылающим румянцем на бледном лице, нервно сжимая и разжимая свои длинные, тонкие пальцы.

— Хитрые дьяволы! — выкрикнул он наконец. — Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная не лежит по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такую ночь было слишком людно. Ну, Уотсон, посмотрим, кто в конечном счете победит. Сейчас я пойду!

— В полицию?

— Нет, я сам буду полицией. Я сплету паутину, и пусть тогда полиция ловит в нее мух, но не раньше.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было почти десять часов, когда он вошел, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать его, запивая большими глотками воды.

— Проголодались? — заметил я.

— Умираю от голода. Совершенно забыл поесть. С утреннего завтрака у меня не было во рту ни крошки.

— Ничего?

— Ни крошки. Мне некогда было об этом думать.

— А как ваши успехи?

— Хороши.

— Вы нашли ключ?

— Они у меня в руках. Молодой Опеншоу недолго останется неотмщенным. Знаете, Уотсон, поставим на них их собственное дьявольское клеймо! Разве это плохо придумано?

— Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и выдавил на стол зернышки. Из них он взял пять и положил в конверт. На внутренней стороне конверта он написал: «Ш.Х. за Д.О.». Затем он запечатал конверт и адресовал его: «Капитану Джеймсу Келгуну, парусник „Одинокая звезда“. Саванна, Джорджия».

— Письмо будет ждать Келгуна, когда он войдет в порт, — сказал Холмс, тихо смеясь. — Это ему обеспечит бессонную ночь. Я уверен, что он сочтет письмо вестником той же судьбы, какая постигла Опеншоу.

— А кто этот капитан Келгун?

— Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

— Как вы его обнаружили?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и именами.

— Я провел весь день над ллойдовскими журналами и связками старых бумаг, прослеживая дальнейшую судьбу каждого корабля, прибывавшего в Пондишерри в январе и феврале 83 года. За эти месяцы было отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения; из них одно судно, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание, так как местом отправления указан был Лондон, между тем «Одинокая звезда» — это прозвище одного из штатов Америки.

— Кажется, Техаса.

— Я не был в этом уверен, не уверен и сейчас. Но я знал, что это судно должно быть американского происхождения.

— И что же?

— Я просмотрел записи прихода и ухода судов в Данди, и, когда я обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был там в январе 85 года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

— И что же?

— «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к докам Альберта и узнал, что сегодня утром с ранним приливом «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, чтобы последовать обратно в Саванну. Я телеграфировал в Гревзенд и узнал, что «Одинокая звезда» прошла там недавно, и так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

— Что же вы теперь сделаете?

— О, Келгун теперь в моих руках! Он и два матроса, как я узнал, — единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели не на судне. Это мне сказал грузчик, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит мое письмо, а телеграф сообщит полиции в Саванне, что эти три джентльмена крайне нужны здесь в связи с обвинением их в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какая-нибудь трещина, и убийцам Джона Опеншоу не суждено было получить зернышки апельсина, которые показали бы им, что другой человек, такой же хитрый и решительный, как они, напал на их след.

В том году равноденственные штормы были очень продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. Наконец мы узнали, что где-то далеко, в Атлантике, видели разбитую корму корабля, залитую волной; на ней были вырезаны буквы «О. З.». Это все, что суждено было нам узнать о судьбе «Одинокой звезды».

Человек с рассеченной губой

Айза Уитни приучился курить опий. Еще в колледже, прочитав книгу де Куинси, в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он начал подмешивать опий к своему табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель. Как и многие другие, он скоро убедился, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, внушая сожаление и ужас всем своим друзьям. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо, его глаза с набрякшими веками и сузившимися зрачками, его тело, бессильно лежащее в кресле, — жалкие развалины человека.

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок. Я выпрямился в кресле, а жена, опустив свое шитье на колени, недовольно поморщилась.

— Пациент! — сказала она. — Тебе придется идти к больному.

Я вздохнул, потому что незадолго до этого вернулся домой после целого дня утомительной работы.

Мы услышали шум отворяемой двери и чьи-то торопливые шаги в коридоре. Дверь нашей комнаты распахнулась, и вошла дама в темном платье, с черной вуалью на лице.

— Извините, что я ворвалась так поздно, — начала она и вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече. — Ох, у меня такое горе! — воскликнула она. — Мне так нужна помощь!

— Да ведь это Кэт Уитни, — сказала жена, приподняв ее вуаль. — Как ты испугала меня, Кэт! Мне и в голову не пришло, что это ты.

— Я обращаюсь к тебе, потому что не знаю, что делать.

Это было обычным явлением. Люди, с которыми случалась беда, устремлялись к моей жене, как птицы к маяку.

— И правильно поступила. Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

— О нет, нет! От доктора я тоже жду совета и помощи. Дело идет об Айзе. Вот уже два дня, как его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз беседовала она с нами о своем несчастном муже — со мной как с доктором, а с женой как со своей старой школьной подругой. Мы утешали и успокаивали ее как могли. Знает ли она, где находится ее муж? Нельзя ли съездить за ним и привезти его домой?

Оказалось, что это вполне возможно. Ей было известно, что за последнее время он обычно курил опий в притоне, который находился на одной из восточных улиц Сити. До сих пор его оргии всегда ограничивались одним днем и к вечеру он возвращался домой в полном изнеможении, совершенно разбитый, но на этот раз он отсутствует уже сорок восемь часов и, конечно, лежит там среди всяких подозрительных личностей, вдыхая яд или отсыпаясь после курения. Она была убеждена, что он находился именно там, в «Золотом самородке» на Эппер-Суондем-лейн. Но что она может сделать? Как может она, молодая, застенчивая, робкая женщина, войти в такое место и вырвать своего мужа из толпы подонков?

Не пойти ли нам с ней вместе? Впрочем, зачем ей идти? Я лечил Айзу Уитни и, как доктор, мог повлиять на него. Без нее мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение ближайших двух часов усажу ее мужа в кэб и отправлю домой, если он действительно находится в «Золотом самородке».

Через десять минут, покинув уютную гостиную, я уже мчался в экипаже на восток. Я знал, что мне предстоит довольно необычное дело, но в действительности оно оказалось еще более странным, чем я ожидал.

Сначала все шло хорошо. Эппер-Суондем-лейн — грязный переулок, расположенный позади высоких верфей, которые тянутся на восток вдоль северного берега реки, вплоть до Лондонского моста. Притон, который я разыскивал, находился в подвале между грязной лавкой и кабаком; в эту черную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине каждой ступеньки образовалась ложбинка — такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Приказав кэбу подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампочки, висевшей над дверью, я отыскал щеколду и вошел в длинную низкую комнату, полную густого коричневого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке эмигрантского корабля.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежащие в странных, фантастических позах: со сгорбленными плечами, с поднятыми коленями, с запрокинутыми головами, с торчащими вверх подбородками. То там, то тут замечал я темные, потухшие глаза, бессмысленно уставившиеся на меня. Среди тьмы вспыхивали крохотные красные огоньки, тускневшие по мере того, как уменьшалось количество яда в маленьких металлических трубках. Большинство лежали молча, но иные бормотали что-то себе под нос, а иные вели беседы странными низкими монотонными голосами, то возбуждаясь и торопясь, то внезапно смолкая, причем никто не слушал своего собеседника — всякий был поглощен лишь собственными мыслями. В самом дальнем конце подвала стояла маленькая жаровня с пылающими углями, возле которой на трехногом стуле сидел высокий, худой старик, опустив подбородок на кулаки, положив локти на колени и неподвижно глядя в огонь.

Как только я вошел, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опия и показал свободное место на нарах.

— Спасибо, я не могу здесь остаться, — сказал я. — Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня что-то шевельнулось, я услышал чье-то восклицание и, вглядевшись во тьму, увидел Уитни, который пристально смотрел на меня, бледный, угрюмый и какой-то встрепанный.

— Боже, да это Уотсон! — проговорил он.

Он находился в состоянии самой плачевной реакции после опьянения.

— Который теперь час, Уотсон?

— Скоро одиннадцать.

— А какой нынче день?

— Пятница, девятнадцатое июня.

— Неужели? А я думал, что еще среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили. И что вам за охота пугать человека!

Он закрыл лицо ладонями и зарыдал.

— Говорю вам, что сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже два дня. Право, вам должно быть стыдно!

— Я и стыжусь. Но вы что-то путаете, Уотсон, я здесь всего несколько часов. Три трубки… четыре трубки… забыл сколько! Но я поеду с вами домой. Я не хочу, чтобы Кэт волновалась… Бедная маленькая Кэт! Дайте мне руку. Есть у вас кэб?

— Есть. Ждет у дверей.

— В таком случае, я уеду сейчас же. Но я им должен. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем размяк и ослабел. Нет сил даже расплатиться.

По узкому проходу между двумя рядами спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих паров ядовитого зелья, я отправился разыскивать хозяина. Поровнявшись с высоким стариком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дергает за пиджак, и услышал шепот:

— Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчетливо. Их мог произнести только находившийся рядом со мной старик. Однако у него по-прежнему был такой вид, будто он погружен в себя и ничего кругом не замечает. Он сидел тощий, сморщенный, согбенный под тяжестью лет; трубка с опием висела у него между колен, словно вывалившись из его обессиленных пальцев. Я сделал два шага вперед и оглянулся. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Он повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. Спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск. Возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

— Холмс! — прошептал я. — Что делаете вы в этом притоне?

— Говорите как можно тише, — прошептал он, — у меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив немного побеседовать с вами.

— Меня за дверью ждет кэб.

— Так отправьте вашего друга домой одного в этом кэбе. Вы можете за него не бояться, так как он слишком слаб, чтобы впутаться в какой-нибудь скандал. Будет лучше всего, если вы пошлете с кучером записку вашей жене, что вы встретили меня и остались со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу: его требования всегда так определенны и точны и выражены таким повелительным тоном. К тому же я чувствовал, что, как только я усажу Уитни

в кэб, я уже выполню все свои обязательства по отношению к нему и мне уже ничто не помешает принять участие в одном из тех необычайных приключений, которые составляли повседневную практику моего знаменитого друга.

Помогать Шерлоку Холмсу в его изысканиях было для меня наивысшим счастьем. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кэб и стал терпеливо ждать неподалеку от дома. Кэб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел старик, и я зашагал за ним по улице. Два квартала он прошел не разгибая спины и неуверенно шаркая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал. Предо мною был Шерлок Холмс.

— Вероятно, Уотсон, — оказал он, — вы вообразили, что я пристрастился к курению опия.

— По правде сказать, я действительно был удивлен, когда увидел вас в этой трущобе.

— И все же я удивился еще больше, чем вы, когда увидел в этой трущобе вас.

— Я искал там друга.

— А я — врага.

— Врага?

— Да. Короче говоря, Уотсон, я занят чрезвычайно любопытным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни очумелых курильщиков опия. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в той трущобе, жизнь моя не стоила бы медяка, так как я уже бывал там не раз и негодяй ласкар, хозяин притона, поклялся расправиться со мною. На задворках этого дома, возле верфи святого Павла, есть потайная дверца, которая могла бы порассказать много диковинных историй о том, что выбрасывают через нее в черные, безлунные ночи.

— Неужели трупы?

— Да, Уотсон, трупы. Мы с вами были бы миллионерами, если бы получили по тысяче фунтов за каждого несчастного, убитого в этом притоне. Это самая страшная ловушка на всем берегу реки, и я опасаюсь, что Невилл Сент-Клер, попавший в нее, никогда не вернется домой. Но мы тоже устроим ловушку.

Шерлок Холмс сунул два пальца в рот и резко свистнул. Тотчас же издалека донесся такой же свист, а затем мы услышали грохот колес и стук копыт.

— Ну что же, Уотсон, — сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими яркие полосы света, — поедете вы со мною?

— Если буду вам полезен…

— Верный товарищ всегда полезен. В моей комнате в «Кедрах» имеются две кровати.

— В «Кедрах»?

— Да. Так называется дом мистера Сент-Клера. Я буду жить в его доме, пока не распутаю это дело.

— Где же этот дом?

— В Кенте, неподалеку от Ли. Нам нужно проехать семь миль.

— Ничего не понимаю.

— Вполне естественно. Сейчас я вам все объясню. Садитесь… Хорошо, Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи. Прощайте.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным, пустынным улицам и наконец очутились на каком-то широком мосту, под которым медленно текли мутные воды реки. За мостом были такие же улицы с кирпичными домами; тишина этих улиц нарушалась только тяжелыми размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздалых гуляк.

Черные тучи медленно ползли по небу, и в разрывах между ними то там, то здесь тускло мерцали звезды. Холмс молча правил лошадью, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что занимает его мысли, и не смея прервать его раздумье. Мы проехали несколько миль и уже пересекали пояс пригородных вилл, когда он наконец очнулся, передернул плечами и закурил трубку.

— Вы наделены великим талантом молчания, Уотсон, — сказал он. — Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужен человек, с которым я мог бы поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли. Представления не имею, что я скажу этой маленькой милой женщине, когда она встретит меня на пороге.

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться. Нитей много, но ни за одну из них я не могу ухватиться как следует. Я расскажу вам все, Уотсон, и, быть может, вам удастся найти хоть искру света в окружающем мраке.

— Рассказывайте.

— Несколько лет назад — точнее, в мае 1884 года — в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клер, который, видимо, имел много денег. Он снял большую виллу, разбил вокруг нее прекрасный сад и зажил на широкую ногу, по-барски. Мало-помалу он подружился с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет уже двоих детей. Определенных занятий у него нет, но он прянимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда с поездом 5.14. Мистеру Сент-Клеру теперь тридцать семь лет. Живет он скромно; он хороший муж и любящий отец; люди, встречавшиеся с ним, отзываются о нем превосходно. Могу еще прибавить, что долгов у него всего восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а в банке на его текущем счету двести двадцать фунтов стерлингов. Следовательно, нет оснований предполагать какие-нибудь денежные затруднения.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезет своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на ее имя в Эбердинском пароходном обществе получена небольшая, но весьма ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знаете Лондон, вам известно, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Эппер-Суондем-лейн, где вы нашли меня сегодня вечером. Миссис Сеит-Клер позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в кантору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондем-лейн, направляясь к вокзалу… До сих пор вам все ясно, не правда ли?

— Конечно, здесь нет ничего непонятного.

— Если помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клер шла медленно, поглядывая, нет ли где кэба, так как ей очень не понравился район города, в котором она очутилась. И вот, идя по Суондем-лейп, она внезапно услышала крик и вся похолодела, увидев своего мужа, который смотрел на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, жестами звал ее к себе. Окно было раскрыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он протянул к ней обе руки и вдруг исчез так внезапно, будто его насильно оттащили от окна. Однако ее зоркий женский взгляд успел заметить, что, хотя он одет в тот же черный пиджак, в котором он уехал из дому, на нем нет ни воротничка, ни галстука.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам (дом был тот самый, в котором помещается трущоба, где вы нашли меня нынче вечером) и, пробежав через переднюю комнату, попыталась подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у

лестницы она наткнулась на негодяя Ласкара, о котором я вам сейчас говорил. Ласкар с помощью своего подручного выставил ее на улицу. У него есть подручный, датчанин. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход во главе с инспектором.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клер, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, им удалось проникнуть в ту комнату, в окне которой она видела мужа. Но здесь его не оказалось. Во всем этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который, видимо, там и живет. И он и ласкар упорно клялись, что тут никого больше не было. Они так решительно все отрицали, что инспектор стал было уже сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую ее муж обещал привезти из города.

Эта находка и внезапное смущение калеки убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и обыск привел к открытию гнусного преступления.

Убранство этой квартиры, конечно, убогое. Передняя комната представляет собою что-то вроде гостиной, а рядом с ней помещается небольшая спальня, окно которой выходит на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой на четыре с половиной фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу.

При осмотре были обнаружены на подоконнике следы крови; несколько кровавых пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате удалось обнаружить всю одежду мистера Невилла Сент-Клера. Не было только его пиджака. Его ботинки, его носки, его шляпа, его часы — все оказалось тут. На одежде не нашли никаких следов насилия. Но сам мистер Невилл Сент-Клер бесследно исчез. Исчезнуть он мог только через окно, и зловещие кровавые пятна на подоконнике ясно указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, тем более что в тот час, когда совершалась трагедия, прилив достиг наивысшего уровня.

Теперь обратимся к негодяям, на которых падает подозрение. Ласкар известен как человек с темным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что через несколько мгновений после появления ее мужа в окне он находился внизу, и, следовательно, его можно считать лишь соучастником преступления. Он отрицает всякую свою причастность к этому делу. По его словам, у него нет ни малейшего представления о том, чем вообще занимается его жилец, Хью Бун. Появление в комнате одежды пропавшего джентльмена — для него полнейшая загадка.

Вот все, что известно о хозяине-ласкаре. Теперь обратимся к угрюмому калеке, который живет во втором этаже над притоном и безусловно является последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера. Его зовут Хью Бун, и его безобразное лицо хорошо знает всякий, кому приходится часто бывать в Сити. Он профессиональный нищий; впрочем, для того чтобы обойти полицейские правила, он делает вид, будто продает восковые спички.

Как вы, вероятно, не раз замечали, на левой стороне Трэд-Нидл-стрит есть ниша. В этой нише сидит калека, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков; вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и льется в грязную кожаную кепку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз наблюдал за ним, еще не предполагая, что нам когда-нибудь придется познакомиться с ним, как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. У него такая незаурядная внешность, что никто не может пройти мимо, не обратив на него внимания. Оранжево-рыжие волосы, бледное лицо, изуродованное чудовищным шрамом, нижний конец которого рассек надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и проницательные темные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст с цветом его волос, — все это выделяет его из серой

толпы попрошаек. У него всегда наготове едкая шутка для каждого, кто, проходя мимо, попытается задеть его насмешливым словом.

Таков обитатель верхнего этажа этой подозрительней курильни… После него никто уже не видел джентльмена, которого мы разыскиваем.

— Но ведь он калека! — сказал я. — Как мог он один совладать с сильным, мускулистым молодым человеком?

— У него искалечена только нога, и он слегка прихрамывает на ходу, вообще же он здоровяк и силач. Вы, Уотсон, как медик, конечно, знаете, что часто слабость одной конечности возмещается необычайной силой других.

— Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клер стало дурно, и ее отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования ее присутствие не было необходимо. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение этого дела, тщательно обыскал весь притон, но не нашел ничего нового. Сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту и тем самым предоставили ему возможность в течение нескольких минут обменяться двумя-тремя словами со своим другом, ласкаром. Однако ошибка эта была скоро исправлена: Буна схватили и обыскали. Но обыск не дал никаких улик против него. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались следы крови, но он показал полицейским свой безымянный палец, на котором был порез возле самого ногтя, и прибавил, что следы крови на подоконнике, вероятно, являются следствием того же пореза, так как он подходил к окну, когда у него из пальца шла кровь. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клера, и клялся, что присутствие одежды этого джентльмена у него в комнате — такая же тайна для него, как и для полиции. А когда ему передали, что миссис Сент-Клер видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо почудилось в припадке безумия, либо просто приснилось. Буна отвели в участок. Он громко протестовал. Инспектор остался поджидать отлива, надеясь обнаружить на дне капала какие-нибудь новые улики. И действительно, в липкой грязи, на самом дне, нашли кое-что, но совсем не то, что они с таким страхом ожидали найти. Когда отхлынула вода, они обнаружили в канале не самого Невилла Сент-Клера, а лишь пиджак Невилла Сент-Клера. И как вы думаете, что они нашли в карманах пиджака?

— Представить себе не могу.

— Я и не думаю, чтобы вы могли угадать. Все карманы были набиты монетами в пенни и в полпенни — четыреста двадцать одно пенни и двести семьдесят полпенни. Неудивительно, что отлив не унес пиджака. А вот труп — дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесен в реку, в то время как тяжеловесный пиджак остался на дне.

— Но, если не ошибаюсь, всю остальную одежду нашли в комнате. Неужели на трупе был один лишь пиджак?

— Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клера через окно и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что первым долгом он попытался бы избавиться от одежды, которая могла его выдать. Он берет пиджак, хочет выбросить его за окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывет. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, да вдобавок, быть может, его сообщник ласкар предупреждает его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где спрятаны плоды его нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

— Это правдоподобно.

— Примем это как рабочую гипотезу, за неимением лучшего… Бун, как я вам уже говорил, был арестован и приведен в участок. Прежняя его жизнь, в сущности, безупречна. Правда, в продолжение многих лет он был известен как профессиональный нищий, но жил спокойно и ни в чем дурном замечен не был.

Вот в каком положении находится все это дело в настоящее время. Как видите, по-прежнему остаются нерешенными вопросы о том, что делал Невилл Сент-Клер в этой курильне опия, что там с ним случилось, где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению. Должен признаться, что не помню случая в моей практике, который на первый взгляд казался бы таким простым и был бы в действительности таким трудным.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставили позади последние дома и покатили по дороге, с обеих сторон которой тянулись деревенские плетни. Как раз к тому времени, как мы очутились в деревне, весь его рассказ был закончен. Кое-где в окнах мерцали огни.

— Мы въезжаем в Ли, — сказал мой приятель. — За время нашего небольшого путешествия мы побывали в трех графствах Англии: выехали из Миддлсекса, пересекли угол Сэрри и приехали в Кент. Видите те огоньки между деревьями? Это «Кедры». Там возле лампы сидит женщина, настороженный слух которой несомненно уже уловил стук копыт нашей лошади.

— Отчего, ведя это дело, вы живете тут, а не на Бейкер-стрит? — спросил я.

— Оттого, что многое приходится расследовать здесь… Миссис Сент-Клер любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, что она будет рада оказать гостеприимство моему другу, помогающему мне в моих розысках. О, как тяжело мне встречаться с ней, Уотсон, пока я не могу сообщить ей ничего нового о ее муже! Приехали! Тпру!..

Мы остановились перед большой виллой, окруженной садом. Передав лошадь выбежавшему нам навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гравием. При нашем приближении дверь распахнулась, и у порога появилась маленькая белокурая женщина в светлом шелковом платье с отделкой из пышного розового шифона. Одной рукой она держалась за дверь, а другую подняла в нетерпении; нагнувшись вперед, полураскрыв губы, жадно глядя на нас, она, казалось, всем своим обликом спрашивала, что нового мы ей привезли.

— Ну? — громко спросила она.

Заметив, что нас двое, она радостно вскрикнула, но крик этот превратился в стон, когда товарищ мой покачал головой и пожал плечами.

— Узнали что-нибудь хорошее?

— Нет.

— А дурное?

— Тоже нет.

— И то слава богу. Но входите же. У вас был трудный день, вы, наверно, устали.

— Это мой друг, доктор Уотсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих моих расследованиях, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда, чтобы воспользоваться его помощью в наших поисках.

— Рада вас видеть, — сказал она, приветливо пожимая мне руку. — Боюсь, что вам покажется у нас неуютно. Ведь вы знаете, какой удар внезапно обрушился на нашу семью…

— Сударыня, — сказал я, — я отставной солдат, привыкший к походной жизни, но, право, если бы даже я не был солдатом, вам не в чем было бы извиняться передо мною. Буду счастлив, если мне удастся принести пользу вам или моему другу.

— Мистер Шерлок Холмс, — сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где нас поджидал холодный ужин, — я хочу задать вам несколько откровенных вопросов и прошу вас ответить на них так же прямо и откровенно.

— Извольте, сударыня.

— Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу знать ваше настоящее, подлинное мнение.

— О чем?

— Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущен этим вопросом.

— Говорите откровенно, — повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

— Говоря откровенно, сударыня, не верю.

— Вы думаете, что он умер?

— Да, думаю.

— Убит?

— Я этого не утверждаю.

— В какой же день он умер?

— В понедельник.

— В таком случае, мистер Холмс, будьте любезны объяснить мне, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

— Что? — закричал он.

— Да, сегодня.

Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

— Можно прочитать?

— Пожалуйста.

Он выхватил письмо у нее из рук, разложил его на столе, разгладил и принялся внимательно рассматривать. Я поднялся с кресла и стал смотреть через его плечо. Конверт был простой, конторский; на конверте стоял почтовый штемпель Гревзенда; на штемпеле — сегодняшнее или, вернее, вчерашнее число, так как полночь уже миновала.

— Грубый почерк, — пробормотал Холмс. — Уверен, что это почерк не вашего мужа, сударыня.

— Да, на конверте чужой почерк, но внутри — почерк моего мужа.

— Человеку, который надписывал конверт, пришлось наводить справки о вашем адресе.

— Откуда вы это знаете?

— Имя на конверте, как видите, выделяется своей чернотой, потому что чернила, которыми оно написано, высохли сами собою. Адрес же бледноват, потому что к нему прикладывали пресс-папье. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и если бы ее всю высушили пресс-папье, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше имя и лишь спустя некоторое время приписал к нему адрес, из чего можно заключить, что адрес не был ему вначале известен. Конечно, это пустяк, но в моей профессии нет ничего важнее пустяков. Дайте мне взглянуть на письмо… Ага! Туда было что-то вложено.

— Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

— А вы уверены, что это почерк вашего мужа?

— Один из его почерков.

— Один из его почерков?

— Его почерк, когда он пишет второпях. Обычно он пишет совсем иначе, но и этот его почерк мне хорошо знаком.

— «Дорогая, не волнуйся. Все кончится хорошо. Произошла ошибка, на исправление которой требуется некоторое время. Жди терпеливо. Невилл»… Написано карандашом на листке, вырванном из блокнота. Гм! Отправлено сегодня из Гревзенда человеком, у которого большой палец чем-то выпачкан. Ха! Если не ошибаюсь, человек, заклеивавший конверт, жует табак… Вы убеждены, сударыня, что это почерк вашего мужа?

— Убеждена. Это письмо написал Невилл.

— Оно отправлено сегодня из Гревзенда. Что ж, миссис Сент-Клер, тучи рассеиваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже миновала.

— Однако он жив, мистер Холмс!

— Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо, в конце концов, ничего не доказывает. Кольцо могли отнять у него.

— Но это его, его, его почерк!

— Хорошо. Но что, если письмо написано в понедельник, а послано только сегодня?

— Это возможно.

— А за этот срок многое могло произойти.

— О, не отнимайте у меня моей радости, мистер Холмс! Я знаю, что с ним ничего не случилось. Мы с ним настолько близки, что я непременно почувствовала бы, если бы он попал в настоящую беду. За день до того, как он исчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он — в спальне, и я сразу побежала к нему, чувствуя, что с ним случилась беда. Неужели вы думаете, что я не знала бы о его смерти, если даже такой пустяк способен повлиять на меня!

— Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических выводов. И это письмо, конечно, служит важным указанием, что вы правы. Однако, если мистер Сент-Клер жив, если он может писать вам письма, отчего же он не с вами?

— Не знаю. И представить себе не могу.

— В понедельник, уезжая, он ни о чем вас не предупреждал?

— Нет.

— И вы очень удивились, увидев его на Суондем-лейн?

— Очень.

— Окно было открыто?

— Да.

— Он мог бы окликнуть вас из окна?

— Да.

— Между тем, насколько я понял, у него вырвалось только бессвязное восклицание?

— Да.

— Вы подумали, что он зовет вас на помощь?

— Да. Он махнул мне руками.

— Но, быть может, он вскрикнул от неожиданности. Он мог всплеснуть руками от изумления, что видит вас.

— Возможно.

— И вам показалось, что его оттащили от окна?

— Он исчез так внезапно…

— Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?

— Никого. Но ведь этот отвратительный нищий сам признался, что Невилл был там. А лаокар стоял внизу, у лестницы.

— Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет, как всегда?

— Но на нем не было ни воротничка, ни галстука. Я отчетливо видела его голую шею.

— Он когда-нибудь говорил с вами о Суондем-лейн?

— Никогда.

— А вы никогда не замечали каких-нибудь признаков, указывающих на то, что он курит опий?

— Никогда.

— Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это основные пункты, о которых я хотел знать всё. Теперь мы поужинаем и пойдем отдохнуть, так как весьма возможно, что завтра нам предстоит много хлопот.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу улегся, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача, мог не спать по целым суткам и даже неделям, обдумывая ее, сопоставляя факты, рассматривая ее с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить ее, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я скоро понял, что он готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку табаку и коробок спичек. При тусклом свете лампы я видел, как он сидит там в облаках голубого дыма, со старой трубкой во рту, рассеянно устремив глаза в потолок, безмолвный, неподвижный, и свет озаряет резкие орлиные черты его лица.

Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда я при блеске утреннего солнца открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка все еще торчала у него изо рта, дым все еще вился кверху, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, уже ничего не осталось.

— Проснулись, Уотсон? — спросил он.

— Да.

— Хотите прокатиться?

— С удовольствием.

— Так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет коляска.

При этих словах он усмехнулся; глаза его блестели, и он нисколько не был похож на того мрачного мыслителя, которого я видел ночью.

Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что в доме все еще спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошел Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

— Хочу проверить одну свою версию, — сказал он, надевая ботинки. — Вы, Уотсон, видите перед собой одного из величайших глупцов, какие только существуют в Европе! Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, чтобы я полетел отсюда до Черинг-кросса! Но теперь я, кажется, нашел ключ к этой загадке.

— Где же он, ваш ключ? — спросил я, улыбаясь.

— В ванной, — ответил Холмс. — Нет, я не шучу, — продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд. — Я уже был в ванной, взял его и спрятал вот сюда, в чемоданчик. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдет ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце У ворот нас поджидала коляска; конюх держал под уздцы запряженную лошадь.

Мы вскочили в экипаж и быстро покатили по лондонской дороге. Изредка мы обгоняли телеги, которые везли в столицу овощи, но на виллах кругом все было тихо — все спало, как в заколдованном городе.

— В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело, — сказал Холмс, пуская лошадь галопом. — Сознаюсь, я был слеп, как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Мы въехали в город со стороны Сэрри. В окнах уже начали появляться заспанные лица только что проснувшихся людей. Мы переехали через реку по мосту Ватерлоо, свернули направо по Веллингтон-стрит и очутились на Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и, когда мы подъехали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повел нас внутрь здания.

— Кто дежурный? — спросил Холмс.

— Инспектор Брэдстрит, сэр.

Из вымощенного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий грузный полицейский в полной форме.

— А, Брэдстрит! Как поживаете? Я хочу поговорить с вами, Брэдстрит.

— Пожалуйста, мистер Холмс. Зайдите ко мне, в мою комнату.

Комната была похожа на контору: на столе огромная книга для записей, на стене телефон.

Инспектор сел за стол:

— Чем могу служить, мистер Холмс?

— Я хочу расспросить вас о том нищем, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клера.

— Его арестовали и привезли сюда для допроса.

— Я знаю. Он здесь?

— В камере.

— Не буйствует?

— Нет, ведет себя тихо. Но как он грязен, этот негодяй!

— Грязен?

— Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Если бы вы на него посмотрели, вы согласились бы со мною.

— Я очень хотел бы на него посмотреть.

— Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной.

Чемоданчик свой можете оставить здесь.

— Нет, я захвачу его с собой.

— Хорошо. Пожалуйте сюда.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор с выбеленными стенами. Справа и слева шла вереница дверей.

— Его камера — третья справа, — сказал инспектор. — Вот здесь.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

— Спит, — сказал он. — Вы можете хорошенько его рассмотреть.

Мы оба приникли к решетке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша. Лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи, покрывавший лицо, не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широкий шрам шел от глаза к подбородку, и сквозь щель, прорубленную к верхней губе, постоянным оскалом торчали три зуба. Клок ярчайших рыжих волос падал на лоб и на глаза.

— Красавец, не правда ли? — сказал инспектор.

— Ему необходимо помыться, — заметил Холмс. — Я уже и раньше об этом догадывался и захватил с собой весь инструмент.

Он раскрыл чемоданчик и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

— Хе-хе, да вы шутник! — засмеялся инспектор.

— Будьте любезны, откройте нам тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

— Ладно, — оказал инспектор. — А то он и в самом деле позорит нашу тюрьму.

Инспектор открыл дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул еще крепче. Холмс подошел к рукомойнику, намочил свою губку и дважды с силой провел ею по лицу арестанта.

— Позвольте мне представить вас мистеру Невиллу Сент-Клеру из Ли, в графстве Кент! — воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не видел я ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый темный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший все лицо наискосок. Исчезла разрезанная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Рыжие лохматые волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с черными волосами и нежной кожей, который, сидя в постели, протирал глаза и с недоумением глядел на нас, еще не вполне очнувшись от сна. Внезапно он понял все, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

— Боже, — закричал инспектор, — да ведь это и есть пропавший! Я знаю его, я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадежным видом человека, решившего не противиться судьбе.

— Будь что будет! — сказал он. — За что вы меня держите здесь?

— За убийство мистера Невилла Сент… Тьфу! В убийстве вас теперь обвинить невозможно. Вас могли бы обвинить, пожалуй, только в попытке совершить самоубийство, — сказал инспектор, усмехаясь. — Я двадцать семь лет служу в полиции, но ничего подобного не видел.

— Раз я мистер Невилл Сент-Клер, то, значит, преступления совершено не было и, следовательно, я арестован незаконно.

— Преступления нет, но сделана большая ошибка, — сказал Холмс. — Вы напрасно не доверились жене.

— Дело не в жене, а в детях, — пылко сказал арестант. — Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ласково похлопал его по плечу.

— Если вы позволите разбираться в вашем деле суду, вам, конечно, не избежать огласки, — оказал он. — Но если вам удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины,

газеты ничего не узнают. Инспектор Брэдстрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям, и дело до суда не дойдет.

— О, как я вам благодарен! — вскричал арестант. — Я охотно перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей несчастной тайны! Вы первые услышите мою историю…

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортером одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться нищим и стал попрошайничать. Когда я был еще актером, я славился умением гримироваться. Теперь это умение пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того чтобы вызывать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал себе губу, слегка приподняв ее. Затем, надев лохмотья и рыжий парик, я сел в самом оживленном месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я просидел не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал очерки и позабыл обо всей этой истории. Но вот, некоторое время спустя, мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я понятия не имел, где достать эти деньги, и вдруг мне в голову пришла отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и провел его в Сити, прося милостыню. За десять дней я собрал необходимую сумму и уплатил долг. Теперь вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив кепку на землю и ровно ничего не делая?

Долго длилась борьба между моей гордостью в стремлением к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками.

Только один человек был посвящен в мою тайну — владелец низкопробного притона на Суондем-лейн, в котором я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в виде жалкого нищего, и каждый вечер я превращался там в хорошо одетого господина, я щедро платил этому ласкару за его комнаты, так как был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст моей тайны.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы денег. Вряд ли в Лондоне есть хоть один нищий, зарабатывающий по семисот фунтов в год, а я зарабатывал и больше. Я навострился шуткой парировать замечания прохожих и скоро прославился на все Сити. Поток пенсов вперемешку с серебром сыпался на меня непрестанно, и я считал неудачными дни, когда получал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял дом за городом, я женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знает, что у меня есть какие-то дела в Сити. Но какого рода эти дела, она не имеет ни малейшего представления.

В прошлый понедельник, закончив работу, я переодевался у себя в комнате, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что жена моя стоит на улице и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, поднял руки, чтобы закрыть лицо, и кинулся к моему соучастнику ласкару, умоляя его никого ко мне не пускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что подняться она не сможет. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и разрисовал лицо. Даже жена не могла бы узнать меня в этом виде.

Но затем мне пришло в голову, что комнату мою могут обыскать и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причем второпях задел раненый палец (я поранил себе палец

утром в спальне), и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе. Я собирался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ко мне ворвались полицейские и через несколько минут, вместо того чтобы быть изобличенным как мистер Невилл Сент-Клер, я оказался арестованным как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказывался от умывания. Зная, что жена будет очень тревожиться обо мне, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацарапанной запиской, в которой я сообщал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

— Она только вчера получила эту записку, — сказал Холмс.

— О боже! Какую неделю она провела!

— За ласкаром следила полиция, — сказал инспектор Брэдстрит, — и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал ее какому-нибудь матросу, завсегдатаю своего притона, а тот в течение нескольких дней все забывал опустить ее в ящик.

— Так это, без сомнения и было, — подтвердил Холмс. — Но неужели вас никогда не привлекали к суду за нищенство?

— Много раз. Но что значит для меня незначительный штраф!

— Однако теперь вам придется оставить свое ремесло, — сказал Брэдстрит. — Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, Хью Бун должен исчезнуть.

— Я уже поклялся себе в этом самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

— В таком случае, все будет забыто, — сказал Брэдстрит. — Но если вас заметят опять, мы уже не станем скрывать ничего… Мы очень признательны вам, мистер Холмс, за то, что вы раскрыли это дело. Хотел бы я знать, каким образом вы достигаете подобных результатов.

— На этот раз, — отозвался мой друг, — мне понадобилось посидеть на пяти подушках и выкурить полфунта табаку… Мне кажется, Уотсон, что, если мы сейчас поедем на Бейкер-стрит, мы поспеем как раз к завтраку.

Голубой карбункул

На третий день Рождества зашел я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую — груда помятых утренних газет которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же на сиденье стула лежали пинцет и лупа.

— Вы заняты? — сказал я. — Я вам не помешал?

— Нисколько, — ответил он. — Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, — он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, — связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, — заметил я.

— Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

— Нет, — засмеялся Шерлок Холмс, — тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкутся на площади в

несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Еще бы! — воскликнул я. — Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассеченной губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьезную задачу… Однако прежде всего, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона в кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперед, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежались, и посыльный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся…

— …которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

— В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живет несколько тысяч Бейкеров и несколько сот Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Питерсон?

— Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принес мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унес гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путем размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?

— Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа, жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу, — сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, видите, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не все достаточно ясно, — заметил он, — но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали черные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку, — быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила…

— Дорогой Холмс…

— Но в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство, — продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание. — Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я все рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

— Видите, какой размер! — сказал он. — Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она, — сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. — Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь ее от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустился. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

— Все это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — все станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная — серая и жесткая, а домашняя — бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как быстро потеет ее владелец, потому что не привык много двигаться.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нес гуся именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

— У вас на все готов ответ. Но откуда вы знаете, что у него в доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен… Вы согласны со мною?

— Да, все это очень остроумно, — смеясь, сказал я. — Но, как вы сами сказали, тут еще нет преступления. Никто не пострадал — разве что человек, потерявший гуся, — значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату влетел Питерсон; щеки у него буквально пылали от волнения.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? — Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Питерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Питерсон протянул руку, и на ладони его мы увидели ярко сверкающий голубой камень чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра. Холмс присвистнул и опустился на кущетку.

— Честной слово, Питерсон, вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Алмаз, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Не просто драгоценный камень — это тот самый камень, который…

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Конечно! Узнаю камень по описаниям, последнее время я каждый день вижу объявления о его пропаже в «Таймс». Камень этот единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О, Боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумленно таращa на нас глаза.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать, — сказал Холмс, — что по некоторым соображениям графиня отдаст половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», — заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, разгладил ее, сложил пополам и прочитал следующее:

«КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ „КОСМОПОЛИТЕН"

Джон Хорнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки драгоценный камень, известный под названием «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, служащий отеля, показал, что в день кражи Хорнер припаивал расшатанный прут каминной решетки в комнате графини Моркар. Некоторое время Райдер находился в комнате с Хорнером, но потом его куда-то вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и маленький сафьяновый футляр, в котором, как выяснилось впоследствии, графиня имела обыкновение держать дагоценный камень, валялся пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же сообщил в полицию, и в тот же вечер Хорнер был арестован, но камня не нашли ни при нем, ни у него дома. Кэтрин Кьюсек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже увидела пустой футляр. Полицейский инспектор Бродстрит из округа «Б» сообщил, что Хорнер отчаянно сопротивлялся при аресте и горячо доказывал свою невиновность. Поскольку стало известно, что арестованный и прежде судился за кражу, судья отказался разбирать дело и передал его суду присяжных. Хорнер, все время высказывавший признаки сильнейшего волнения, упал в обморок и был вынесен из зала суда».

— Гм! Вот и все, что дает нам полицейский суд, — задумчиво сказал Холмс, откладывая газету. — Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень попал в гусиный зоб. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались не такими уж незначительными. Итак, вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя старой шляпы, которого я пытался охарактеризовать, чем и нагнал на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прежде всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем не достигнем цели, прибегнем к иным методам.

— Что вы напишете в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. «На углу Гуджстрит найдены гусь и черная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты: человек он бедный, и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Питерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом он, конечно, пожалел, что испугался и бросил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию… Так вот, Питерсон, бегите в бюро объявлений, чтобы они поместили эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— В «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюс стандард», «Эхо» — во всех, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр! А как быть с камнем?

— Ах да! Камень я пока оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Питерсон, купите гуся и принесите его мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящее время угощается ваша семья.

Посыльный ушел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он. — Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых камнях каждая грань может рассказать о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Его нашли на берегу реки Амоу, в Южном Китае, и замечателен он тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за сорока граней кристаллического углерода многих ограбили, кого-то облили серной кислотой, было два убийства и одно самоубийство. Кто бы сказал, что такая красивая безделушка ведет людей в тюрьму и на виселицу! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он у нас.

— Как вы считаете, Хорнер не виновен?

— Не знаю.

— А Генри Бейкер замешан в это дело?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь ни при чем. Я думаю, ему и в голову не пришло, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы дешевле. Все очень скоро прояснится, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не хотите предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я навещу своих пациентов, а вечером снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду рад вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, в связи с недавними событиями не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит. Подойдя к дому Холмса, я увидел, что в ярком полукруге света, падавшем из окна над дверью, стоит высокий мужчина в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, дверь отперли, и мы одновременно вошли к Шерлоку Холмсу.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с тем непринужденным радушным видом, который он так умело напускал на себя. — Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер сегодня холодный, а мне кажется, лето вы переносите лучше, чем зиму… Уотсон, вы пришли как раз вовремя… Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный, сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красноватые пятна на носу и щеках и легкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не было видно манжет. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— У нас уже несколько дней хранится ваша шляпа и ваш гусь, — сказал Холмс. — Мы ждали, что вы дадите в газете объявление о пропаже. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, — сказал он. — Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня унесли с собой и шляпу, и птицу, и не хотел тратить деньги по-пустому.

— Вполне естественно. Между прочим, нам ведь пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть? — Наш посетитель в волнении поднялся со стула.

— Да ведь он все равно испортился бы, — продолжал Холмс. — Но я полагаю, что вон та птица на буфете, совершенно свежая и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

— Правда, у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если захотите…

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моем приключении, — сказал он. — Право, не знаю, на что мне могут пригодиться disjecta membra[42] моего покойного знакомца! Нет, сэр, с вашего разрешения я лучше ограничусь тем превосходным гусем, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс многозначительно посмотрел на меня и чуть заметно пожал плечами.

— Итак, вот ваша шляпа и ваш гусь, — сказал он. — Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в птице и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр, — сказал Бейкер, встав и сунув под мышку своего нового гуся. — Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ Британского музея, мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. А в этом году хозяин трактира Уиндигейт, отличный человек, основал «гусиный клуб». Каждый из нас выплачивает по нескольку пенсов в неделю и к Рождеству получает гуся. Я целиком выплатил свою долю, ну а остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, — ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

— С Генри Бейкером покончено, — сказал Холмс, закрывая за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы очень голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— Я готов.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачном, ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уитмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, — сказал Холмс.

— Моих гусей? — Трактирщик, казалось, был изумлен.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

— А, понимаю. Но видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брекинридж.

— Нет, Брекинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

— А теперь к мистеру Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто. — Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только безобидный гусь, зато к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к нам. Дойдем же до конца этой нити, как бы печален этот конец ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брекинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер! Каков морозец, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой, бросив вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы? — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете купить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да? Но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, — к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продал вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Чего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось, на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Какое мне дело до других, которые пристают к вам с расспросами! — небрежно сказал Холмс. — Не хотите говорить — не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может.

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня? Я ведь этим делом занимаюсь чуть не с пеленок. Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены в городе.

— И не пытайтесь меня убедить в этом.

— Хотите пари?

— Это значило бы попросту взять у вас деньги. Я уверен, что прав. Но у меня при себе есть соверен, и я готов поставить его, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл, — сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик, — сказал торговец, — я считал, что сегодня распродал всех гусей, но, ей-ей, Бог занес ко мне в лавку еще одного. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в гроссбухе, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

— «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117, страница 249», — прочел Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в гроссбухе.

Холмс открыл указанную страницу: «Миссис Окшотт, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндигейту, „Альфа“, по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув соверен из кармана, он бросил его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Однако, пройдя несколько шагов, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным — веселым и беззвучным — смехом.

— Если у человека такие бакенбарды и такой красный платок в кармане, у него можно выудить все что угодно, предложив ему пари, — сказал он. — Я утверждаю, что и за сто фунтов мне не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти у цели. Единственное, что нам осталось решить, — пойдем ли мы к этой миссис Окшотт сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то и я…

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели в желтом свете качающейся лампы какого-то невысокого, краснолицого человека. Брекинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — орал Брекинридж. — Проваливайте вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с дурацкими расспросами, я спущу цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшотт, ей я отвечу. А вы то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей!

— Нет, но все же один из них мой, — захныкал человек.

— Ну и спрашивайте его тогда у миссис Окшотт!

— Она мне велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Убирайтесь отсюда! — Он яростно бросился вперед, и человечек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстон-роуд, — прошептал Холмс. — Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, как сильно он побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня, — мягко сказал Холмс, — но я случайно слышал, что вы спрашивали у этого торговца. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Откуда вы знаете, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— О том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю все. Вы пытаетесь установить, куда попали гуси, проданные миссис Окшотт с Брикстон-роуд торговцу Брекинриджу, который, в свою очередь, продал их мистеру Уиндигейту, владельцу «Альфы», а тот передал «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— Сэр, вы-то мне и нужны! — вскричал человек, протягивая дрожащие руки. — Я просто не могу выразить, как все это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, — сказал он. — Но прежде чем отправиться в путь, скажите, пожалуйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон, — сказал он, отводя глаза.

— Нет, мне нужно настоящее имя, — ласково сказал Холмс. — Гораздо удобнее иметь дело с человеком, который действует под своим настоящим именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае, — сказал он, — мое имя — Джеймс Райдер.

— Так я и думал. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на Холмса, то на меня с надеждой и испугом: он не знал, ждет ли его беда или удача. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой никто не произнес ни слова. Но спутник наш так учащенно дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что было ясно, в каком нервном возбуждении он пребывает.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс. — Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот, готово! Так вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с черной полосой на хвосте…

Райдер затрепетал от волнения.

— О, сэр! — вскричал он. — Вы можете сказать, где находится этот гусь?

— Он был здесь.

— Здесь?

— Да, и оказался необыкновенным гусем. Не удивительно, что вы заинтересовались им. После своей кончины он снес яичко — прелестное, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, в моей коллекции.

Наш посетитель, шатаясь, поднялся с места и правой рукой ухватился за каминную полку. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным, ярким, переливчатым блеском. Райдер стоял с искаженным лицом, не зная, потребовать ли камень себе или отказаться от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Шерлок Холмс. — Держитесь крепче на ногах, не то упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще не умеет хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток бренди. Так! Теперь он хоть немного похож на человека. Ну и жалкая же личность!

Райдер едва держался на ногах, но водка вызвала у него на щеках слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти все, у меня в руках почти все улики, и вы не многое сможете добавить. И все-таки рассказывайте, чтобы в деле не оставалось ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нем Кэтрин Кьюсек, — ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю, горничная ее сиятельства. И искушение легко завладеть богатством оказалось сильнее вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не особенно выбирали средства для достижения своей цели. Мне кажется, Райдер, из вас получится порядочный негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут каминной решетки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюсек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать ремонт. Когда Хорнер ушел, вы взяли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого…

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради Бога, сжальтесь надо мной! — закричал он. — Подумайте о моем отце, о моей матери. Это убьет их! Я никогда не воровал, никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите дела до суда!

— Ступайте на место, — сурово сказал Холмс. — Сейчас вы готовы ползать на коленях. А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он не повинен?

— Я могу скрыться, мистер Холмс! Я уеду из Англии, сэр! Тогда обвинение против него отпадет…

— Гм, мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем, что же действительно случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся, и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер повел языком по пересохшим губам.

— Я расскажу всю правду, — сказал он. — Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень на случай, если полиции придет в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто бы по служебному делу, и отправился к своей сестре. Она замужем за неким Окшоттом, живет на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу, для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный ветер, пот градом струился у меня по лбу. Сестра спросила, почему я так бледен, не случилось ли чего. Я сказал, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что бы предпринять.

Есть у меня приятель по имени Модели, который сбился с пути и только что отбыл срок наказания в Пентонвиллской тюрьме. Мы встретились с ним, разговорились, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним

кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килберн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться туда? Я вспомнил о тех терзаниях, которые пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, рассеянно глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире…

Несколько недель назад сестра обещала, что к Рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а она слово держит. И я решил взять гуся сейчас же и в нем пронести камень. Во дворе был какой-то сарай, я загнал за него огромного, очень хорошего гуся, белого, с полосатым хвостом. Потом поймал его, раскрыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать в чем дело. Я повернулся, чтобы ответить, и негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты делал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот ты обещала подарить мне гуся к Рождеству. Я и пробовал, какой из них пожирнее».

«О, мы уже отобрали для тебя гуся, — сказала она, — мы так и называли его: „Гусь Джеймса". Вон тот, большой, белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один тебе, а две дюжины на продажу».

«Спасибо, Мэгги, — сказал я. — Но если тебе все равно, дай мне того, которого я поймал».

«Твой тяжелее по крайне мере фунта на три, и мы специально откармливали его».

«Ничего, мне хочется именно этого, я бы сейчас и взял его с собой».

«Твое дело, — сказала сестра обиженно. — Какого же ты хочешь взять?»

«Вон того белого, с черной полосой на хвосте… Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста, режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понес птицу в Килберн. Я рассказал своему приятелю обо всем — он из тех, с которыми можно говорить без стеснения. Он хохотал до упаду, потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что произошла ужасная ошибка, и камня нет. Я бросил гуся, пустился бегом к сестре. Влетел на задний двор — гусей там не было.

«Где гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Отправила торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брекинриджу на Ковент-Гарден».

«А был среди них один с полосатым хвостом — такой же, какого я взял?» — спросил я.

«Да, Джеймс, ведь было два гуся с полосатыми хвостами, я вечно путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех ног помчался к этому самому Брекинриджу. Но он уже распродал гусей и не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как он со мной разговаривал. Сестра думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот… теперь я презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил себя. Боже, помоги мне! Боже, помоги! — Он закрыл лицо руками и судорожно зарыдал.

Потом наступило долгое молчание, лишь слышны были тяжелые вздохи Райдера, да мой друг мерно постукивал пальцами по столу. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь дверь.

— Убирайтесь! — проговорил он.

— Что? Сэр, да благословит вас небо!

— Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон, — сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, — я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и обвинение рухнет. Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится, — он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь. Кроме того, нынче праздники, надо прощать грехи. Случай столкнул нас со странной и забавной загадкой, и решить ее — само по себе награда. Если вы будете любезны и позволите, мы немедленно займемся новым «исследованием», в котором опять-таки фигурирует птица: ведь к обеду у нас куропатка.

Пестрая лента

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, — а таких записей, которые я вел на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти, — я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее семьи Ройлоттов из Сток-Морона. Мы с Холмсом, два холостяка, жил тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет небесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримеби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. Сам я был верен своим привычкам.

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, — сказал он. — Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодая дама решается в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постели незнакомого человека, я полагаю, она хочет сообщить что-то очень важное. Дело может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность.

— Буду счастлив услышать такую историю.

Я не хотел большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся, и через несколько минут мы спустились в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

— Доброе утро, сударыня, — сказал Холмс приветливо. — Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны,

как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

— Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, — тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

— А что же?

— Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее посеревшее, осунувшееся лицо. В ее глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

— Вам нечего бояться, — сказал он, ласково погладив ее по руке. — Я уверен, что нам удастся уладить все неприятности… Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

— Здесь нет никакого чуда, сударыня, — сказал он, улыбнувшись. — Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

— Все так и было, — сказала она. — Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Летерхеде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо… Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне участие, но чем он мне может помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы помогли в минуту горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

— Фаринтош… — сказал он. — Ах да, я вспоминаю этот случай. Он связан с тиарой из опалов. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь свое суждение о нем.

— Увы! — ответила девушка. — Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, а подозрения основываются на таких мелочах, казалось бы, не имеющих никакого значения, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взглядах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца и можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня.

— Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии, Ройлоттов из Сток-Морона, у западной границы Суррея.

Холмс кивнул головой.

— Мне знакомо это имя, — сказал он.

— Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере владения Ройлоттов простирались до Беркшира, а на западе — до Хапшира. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежних поместий остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных. Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособиться к новому положению вещей, взял взаймы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Ройлотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы — я и моя сестра Джулия, и, когда наша мать выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, это состояние переходило к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию наша мать умерла — она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морон. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того, чтобы подружиться с соседями, которые вначале обрадовались, что Ройлотт из Сток-Морона вернулся в родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, а если и выходил, то всякий раз затевал безобразную ссору с первым же человеком, который попадался ему на пути. Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках. Много было у него яростных столкновений с соседями, два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения… Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его — кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

— Так ваша сестра умерла?

— Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живет близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у нее. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня единственной подруги…

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на длинную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, — сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память… Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей — я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

— Да, вполне.

Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он еще не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», — сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чем дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, — быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», — улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

— Вот как! — сказал Холмс. — Вы на ночь всегда запираетесь на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперед. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с бельм от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула… О, я никогда не забуду ее страшного голоса.

«Боже мой, Элен! — кричала она. — Лента! Пестрая лента!»

Она пыталась еще что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры…

— Позвольте спросить, — сказал Холмс. — Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывание бури и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

— Он тщательно изучил все обстоятельства — ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но ее перекрывают целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог бы ее так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать ее слова о ленте, о пестрой ленте?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда — что они относятся к цыганам. Но почему лента пестрая? Возможно, что пестрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело темное, — сказал он. — Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрси Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла — я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

— Вы очень умно поступили, — сказал мой друг. — Но все ли вы рассказали мне?

— Да, все.

— Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас…

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен — следы пяти пальцев — ясно виднелись на белом запястье.

— Да, с вами обошлись жестоко, — сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим — суровый человек, — сказала она. — Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Сложное дело, — сказал он наконец. — Мне хотелось бы выяснить еще тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим ничего не узнал.

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня здесь тоже есть кое-какие дела. Может быть вы останетесь и позавтракаете с нами?

— Нет, мне надо идти! Теперь, когда я рассказала вам о своем горе, у меня просто камень свалился с души. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

— По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

— Достаточно грязное и достаточно темное.

— Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, ее сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна…

— В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни… если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, — я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

— Но тогда при чем здесь цыгане?

— Понятия не имею.

— У меня все-таки есть множество возражений…

— Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить все на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть их удастся прояснить. Черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, желтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это мое имя, сэр, — спокойно ответил мой друг. — Но я не знаю вашего.

— Я доктор Гримеби Ройлотт из Сток-Морона.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

— Что-то не по сезону холодная погода нынче, — сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик.

— Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, — невозмутимо продолжал мой приятель.

— Ага, вы хотите отделаться от меня! — сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом. — Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

— Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник, — сказал он. — Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел к камину, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! — прорычал он, швырнув искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс. — Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с сыщиками из полиции! Что ж, благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает от того, что так необдуманно позволила этой скотине выследить себя. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора, — сказал он. — Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу фунтов стерлингов, но с тех пор в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей. Я не напрасно потратил утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма веские основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер — превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка — вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Странным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

— Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

— Сток-Морон? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, сэр, это дом Гримеби Ройлотта, — ответил возница.

— Видите, вон там строят, — сказал Холмс. — Нам нужно попасть туда.

— Мы едем к деревне, — сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. — Но если вы хотите скорей попасть к дому, вам лучше перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

— А эта леди как будто мисс Стоунер, — сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца. — Да, мы лучше пойдем по тропинке, как вы советуете.

Мы вышли из двуколки, расплатились, и экипаж покатил обратно в Летерхед.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, — сказал Холмс, когда мы лезли через забор, — тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стоунер! Видите, мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

— Я с таким нетерпением ждала вас! — воскликнула дна, горячо пожимая нам руки. — Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, — сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стоунер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Значит, он шел за мной следом!

— Похоже на то.

— Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запритесь от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Харроу… Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клешни у краба, по обеим сторонам высокой центральной части. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной, зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что живут именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

— Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно — из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, — из комнаты доктора Ройлотта…

— Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

— Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

— Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

— Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

— Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

— Гм! — проговорил он, в раздумье почесывая подбородок.

— Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть… Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетеных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

— В комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведен всего несколько лет назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

— Действительно, здесь этот звонок — лишняя роскошь. Вы меня извините, если я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Также тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

— Да ведь звонок поддельный! — сказал он.

— Он не звонит?

— Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

— Как странно! Я и не заметила этого.

— Очень странно… — бормотал Холмс, дергая шнур. — В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

— Все это сделано тоже очень недавно, — сказала Элен.

— Примерно в одно время со звонком, — заметил Холмс.

— Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримеби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот и все, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

— Что здесь? — спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

— Деловые бумаги моего отчима.

— Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

— Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кипа бумаг.

— А нет ли в нем, например, кошки?

— Нет. Что за странная мысль!

— А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.

— Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

— Благодарю вас, все ясно, — сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. — Ага, вот еще кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плеть, висевшая в углу кровати. Конец ее был завязан петлей.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

— Не такая уж обыкновенная… Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, — сказал он.

— Я исполню все беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я целиком полагаюсь на вас.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запритесь на ключ. Услышав, что он пошел спать, вы снимете засов, откроете ставни вашего

окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой все, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, — сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

— Быть может, да.

— Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

— Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

— Тогда скажите по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

— Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна… А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что, если мистер Ройлотт вернется и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-моронского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримеби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые железные ворота, и мы слышали, как рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут сквозь деревья замелькал свет от лампы, зажженной в одной из гостиных. Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

— Право, не знаю, — сказал Холмс, — брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

— А я могу быть полезен вам?

— Ваша помощь может оказаться неоценимой.

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

— Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

— А на вентилятор вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

— Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

— Дорогой мой Холмс!

— Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

— Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я. — Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

— Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него крепкие нервы и большие знания. Палмер и Причард[43] были лучшими специалистами в своей области. Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому, прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонек засиял прямо против нашего окна.

— Это сигнал для нас, — сказал Холмс, вскакивая. — Свет горит в среднем окне.

Выходя, он сказал хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и уже собирались влезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного урода-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

— Боже! — прошептал я. — Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, пробормотал еле слышно:

— Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

— Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

— Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

— Не засните — от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном, нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча света, мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: гепард, видимо, гулял на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы гулко отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, эти каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накаленного металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Уотсон? — проревел он. — Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что все кончено, — ответил Холмс. — И в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел следом за ним, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримиби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

— Болотная гадюка! — вскричал Холмс. — Самая смертоносная индийская змея! Он умер через девять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— В начале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, — всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с мертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи — вы, конечно, тоже слыхали его, — я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

— Вы прогнали ее назад в вентилятор…

— …и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримеби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

Палец инженера

Из всех задач, какие приходилось решать моему другу мистеру Шерлоку Холмсу, мною его вниманию было предложено лишь две, а именно: случай, когда мистер Хэдерли лишился большого пальца, и происшествие с обезумевшим полковником Уорбэртоном. Последняя

представляла собой обширное поле деятельности для тонкого и самобытного наблюдателя, зато первая оказалась столь своеобразной и столь драматичной по своим подробностям, что скорее заслуживает изложения в моих записках, хотя и не позволила моему приятелю применить те дедуктивные методы мышления, благодаря которым он неоднократно добивался таких примечательных результатов. Об этой истории, мне помнится, не раз писали газеты, но, как и все подобные события, втиснутая в газетный столбец, она казалась значительно менее увлекательной, нежели тогда, когда ее рассказывал участник событий, и действие как бы медленно развертывалось перед нашими глазами, и мы шаг за шагом проникали в тайну и приближались к истине. В свое время обстоятельства этого дела произвели на меня глубокое впечатление, и прошедшие с тех пор два года ничуть не ослабили этот эффект.

События, о которых я хочу рассказать, произошли летом 1889 года, вскоре после моей женитьбы. Я снова занялся врачебной практикой и навсегда распрощался с квартирой на Бейкер-стрит, хотя часто навещал Холмса и время от времени даже убеждал отказаться от богемных привычек и почаще приходить к нам. Практика моя неуклонно росла, а поскольку я жил неподалеку от Паддингтона, то среди пациентов у меня было несколько служащих этого вокзала. Один из них, которого мне удалось вылечить от тяжелой, изнурительной болезни, без устали рекламировал мои достоинства и посылал ко мне каждого страждущего, кого он был способен уговорить обратиться к врачу.

Однажды утром, часов около семи, меня разбудила, постучав в дверь, наша служанка. Она сказала, что с Паддингтона пришли двое мужчин и ждут меня в кабинете. Я быстро оделся, зная по опыту, что несчастные случаи на железной дороге редко бывают пустячными, и сбежал вниз. Из приемной, плотно прикрыв за собой дверь, вышел мой старый пациент — кондуктор.

— Он здесь, — прошептал он, указывая на дверь. — Все в порядке.

— Кто? — не понял я. По его шепоту можно было подумать, что он запер у меня в кабинете какое-то необыкновенное существо.

— Новый пациент, — так же шепотом продолжал он. — Я решил, что лучше сам приведу его, тогда ему не сбежать. Он там, все в порядке. А мне пора. У меня, доктор, как и у вас, свои обязанности.

И он ушел, мой верный поклонник, не дав мне даже возможности поблагодарить его.

Я вошел в приемную; возле стола сидел человек. Он был одет в недорогой костюм из пестротканого твида; кепка его лежала на моих книгах. Одна рука у него была обвязана носовым платком сплошь в пятнах крови. Он был молод, лет двадцати пяти, не больше, с выразительным мужественным лицом, но страшно бледен и словно чем-то потрясен — он был совершенно не в силах овладеть собою.

— Извините, что так рано потревожил вас, доктор, — сказал он, — но со мной нынче ночью произошло нечто серьезное. Я приехал в Лондон утренним поездом, и, когда начал узнавать в Паддингтоне, где найти врача, этот добрый человек любезно проводил меня к вам. Я дал служанке свою карточку, но, вижу, она оставила ее на столе.

Я взял карточку и прочел имя, род занятий и адрес моего посетителя: «Мистер Виктор Хэдерли, инженер-гидравлик. Виктория-стрит, 16-а (4-й этаж)».

— Очень сожалею, что заставил вас ждать, — сказал я, усаживаясь в кресло у письменного стола. — Вы ведь всю ночь ехали — занятие само по себе не из веселых.

— О, эту ночь скучной я никак не могу назвать, — ответил он и расхохотался.

Откинувшись на спинку стула, он весь трясся от смеха, и в его смехе звучала какая-то высокая, звенящая нота. Мне, как медику, его смех не понравился.

— Прекратите! Возьмите себя в руки! — крикнул я и налил ему воды из графина.

Но и это не помогло. Им овладел один из тех истерических припадков, которые случаются у сильных натур, когда переживания уже позади. Наконец смех утомил его, и он несколько успокоился.

— Я веду себя крайне глупо, — задыхаясь, вымолвил он.

— Вовсе нет. Выпейте это! — Я плеснул в воду немного коньяку, и его бледные щеки порозовели.

— Спасибо, — поблагодарил он. — А теперь, доктор, будьте добры посмотреть мой палец, или, лучше сказать, то место, где он когда-то был.

Он снял платок и протянул руку. Даже я, привычный к такого рода зрелищам, содрогнулся. На руке торчало только четыре пальца, а на месте большого было страшное красное вздутие. Палец был оторван или отрублен у самого основания.

— Боже мой! — воскликнул я. — Какая ужасная рана! Крови, наверное, вытекло предостаточно.

— Да. После удара я упал в обморок и, наверное, был без сознания очень долго. Очнувшись, я увидел, что кровь все еще идет, тогда я туго завязал платок вокруг запястья и закрутил узел щепкой.

— Превосходно! Из вас вышел бы хороший хирург.

— Да нет, просто я разбираюсь в том, что имеет отношение к гидравлике.

— Рана нанесена тяжелым и острым инструментом, — сказал я, осматривая руку.

— Похожим на нож мясника, — добавил он.

— Надеюсь, случайно?

— Никоим образом.

— Неужели покушение?

— Вот именно.

— Не пугайте меня.

Я промыл и обработал рану, а затем укутал руку ватой и перевязал пропитанными корболкой бинтами. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и ни разу не поморщился, хотя время от времени закусывал губы.

— Ну, как? — закончив, спросил я.

— Превосходно! После вашего коньяка и перевязки я словно заново родился. Я очень ослабел, ведь мне пришлось немало испытать.

— Может, лучше не говорить о случившемся? Вы будете волноваться.

— О нет. Сейчас уже нет. Все равно придется выкладывать всю историю в полиции. Но, между нами говоря, только моя рана может заставить их поверить моему заявлению. История эта совершенно необычная, а я ничем подтвердить ее не могу. Даже если мне поверят, доводы, которые я способен представить в доказательство ее, настолько неопределенны, что вряд ли здесь восторжествует правосудие.

— Значит, это загадка, которую нужно разрешить, — воскликнул я. — Тогда я настоятельно рекомендую вам, прежде чем обращаться в полицию, пойти к моему другу мистеру Шерлоку Холмсу.

— Я слышал об этом человеке, — ответил мой пациент, — и был бы очень рад, если бы он взял это дело на себя, хотя, разумеется, все равно придется заявить в полицию. Может, вы порекомендуете меня ему?

— Больше того, я сам отвезу вас к нему.

— Премного буду вам обязан.

— Давайте вызовем экипаж и поедем. Мы как раз поспеем к завтраку. Вы в состоянии ехать?

— Да. На душе у меня будет неспокойно до тех пор, пока я не расскажу мою историю.

— Тогда я попрошу служанку вызвать кэб и через минуту буду готов.

Я побежал наверх, в нескольких словах рассказал о случившемся жене и через пять минут вместе с моим новым знакомым уже ехал по направлению к Бейкер-стрит.

Как я и предполагал, Шерлок Холмс — еще в халате — сидел в гостиной, читал ту колонку из «Таймса», в которой публикуются сведения о розыске различных лиц, и курил трубку. Эту трубку он обычно выкуривал до завтрака, набивая всякими остатками всех табаков — они с особой тщательностью собирались и сушились на каминной доске. Он принял нас с присущим ему спокойствием и радушием, заказал для нас яичницу с ветчиной, и мы на славу позавтракали. Когда с едой было покончено, он усадил нашего нового знакомого на диван, подложил ему под спину подушку, а рядом поставил стакан воды с коньяком.

— Вам, видно, пришлось пережить нечто необычное, мистер Хэдерли, — сказал он. — Прошу вас прилечь на диван и чувствовать себя как дома. Рассказывайте, пока сможете, но, если почувствуете себя плохо, помолчите и попробуйте восстановить силы при помощи вот этого легкого средства.

— Благодарю вас, — ответил мой пациент, — но я чувствую себя другим человеком после того, как доктор перевязал мне руку, а ваш завтрак, по-видимому, завершил курс лечения. Я постараюсь недолго занимать у вас драгоценное время и поэтому тотчас же приступаю к рассказу о моих удивительных приключениях.

Опустив тяжелые веки, будто от усталости — что на самом деле лишь скрывало присущее ему жадное любопытство, — Холмс поудобнее уселся в кресло, я пристроился напротив, и мы принялись слушать действительно невероятную историю, которую наш посетитель изложил во всех подробностях.

— Должен сказать вам, — начал он, — что родители мои умерли, я не женат и потому живу совершенно один в своей лондонской квартире. По профессии я инженер-гидравлик и приобрел немалый опыт в течение тех семи лет, что пробыл в подручных в известной гринвичской фирме «Веннер и Мейтсон». Два года назад, унаследовав солидную сумму денег после смерти отца, я решил завести собственное дело и открыл контору на Виктория-стрит.

Наверное, каждому, кто открывает собственное дело, сначала приходится туго. Во всяком случае, так было со мной. В течение двух лет мне довелось дать всего три консультации и выполнить одну небольшую работу — вот и все, что дала мне моя специальность. Весь мой доход составляет на сегодняшний день двадцать семь фунтов десять шиллингов. Ежедневно с девяти утра до четырех я сидел в своей захудалой конторе и наконец о тяжелым сердцем начал понимать, что у меня не будет настоящей работы.

Но вот вчера, когда я собрался было уходить, вошел мой клерк, доложил, что меня желает видеть по делу какой-то джентльмен, и подал мне визитную карточку: «Полковник Лизандер Старк». А следом в комнату вошел и сам полковник, человек роста выше среднего, но чрезвычайно худой. До сих пор мне не доводилось встречать таких худых людей. Кожа так обтягивала выпирающие скулы, что лицо его, казалось, состояло лишь из носа и подбородка. Тем не менее худым он был по природе, а не от какой-либо болезни, ибо взгляд у него сверкал, двигался он проворно и держался уверенно. Он был просто, но аккуратно одет, а по возрасту, решил я, ему под сорок.

— Мистер Хэдерли? — спросил он с немецким акцентом. — Вас порекомендовали мне как человека не только опытного, но и скромного, умеющего хранить тайну.

Я поклонился, чувствуя себя польщенным, как и всякий молодой человек при обращении подобного рода.

— Разрешите узнать, кто дал мне такую лестную характеристику? — полюбопытствовал я.

— Я предпочитаю пока умолчать об этом. Из того же источника мне стало известно, что родители ваши умерли, вы холосты и живете в Лондоне один.

— Совершенно правильно, — ответил я, — но простите, я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к моей деятельности. Вы ведь желали увидеть меня по делу?

— Именно так. Вы сейчас убедитесь, что все, о чем я говорю, имеет непосредственное отношение к делу. Я хочу поручить вам одну работу, но при этом должна сохраняться полная тайна, полная тайна, понятно? Чего, разумеется, можно скорее ожидать от человека одинокого, нежели от человека, который живет в кругу семьи.

— Если я дам слово хранить тайну, — сказал я, — можете быть уверены, я его не нарушу.

Он пристально посмотрел на меня, и я подумал, что ни разу не видел столь подозрительного и недоверчивого взгляда.

— Итак, вы обещаете? — спросил он.

— Да, обещаю.

— Обещаете хранить полное молчание до, во время и после работы? Никогда не упоминать об этом деле ни устно, ни письменно?

— Я уже дал вам слово.

— Очень хорошо.

Вдруг он вскочил и, молнией метнувшись по комнате, распахнул дверь настежь. За дверью никого не было.

— Все в порядке, — заметил он, возвращаясь на место. — Известно, как клерки порой интересуются делами своих хозяев. Теперь можем поговорить спокойно.

Он подвинул свой стул вплотную к моему и уставился на меня тем же недоверчиво-пронзительным взглядом.

Чувство отвращения и что-то похожее на страх начало расти во мне при столь странном поведении этого чересчур худого человека. Даже боязнь потерять клиента не могла заставить меня терпеливо ждать, пока он заговорит.

— Прошу вас, сэр, изложить дело, я дорожу своим временем.

Да простит мне небо эти слова, но они сами сорвались с моих уст.

— Вас устроят пятьдесят гиней за одну ночь работы? — спросил он.

— Вполне.

— Я сказал — за ночь работы, но правильнее сказать — за час. Мне просто нужно ваше мнение по поводу гидравлического пресса, который вышел из строя. Если вы подскажете, в чем дело, мы сумеем сами устранить неисправность. Что скажете?

— Дело несложное, плата хороша.

— Именно так. Нам хотелось бы, чтобы вы приехали сегодня вечером последним поездом.

— Куда?

— В Айфорд. Это небольшая деревушка в Брекшире, на границе с Оксфордширом, в семи милях от Рединга. От Паддингтона есть поезд, который прибывает туда примерно в одиннадцать пятнадцать.

— Превосходно.

— Я приеду в экипаже встретить вас.

— Значит, придется добираться на лошадях?

— Да, наш дом находится в стороне от железной дороги. От Айфорд до него добрых семь миль.

— Значит, вряд ли мы доберемся до места к полуночи. И обратного поезда уже не будет. Мне придется провести у вас всю ночь.

— Что же, это не проблема.

— Но не очень-то удобно. А не мог бы я приехать в какое-нибудь другое, более подходящее время?

— Самое лучшее, считаем мы, если вы приедете поздно вечером. Именно за неудобства мы и платим вам, никому не известному молодому человеку, сумму, за которую можем получить совет самых крупных специалистов по вашей профессии. Конечно, если предложение вам не по душе, еще есть время от него отказаться.

Я подумал, как мне пригодятся пятьдесят гиней.

— Нет, нет, — заспешил я, — я готов сделать так, как вы считаете нужным. Однако мне хотелось бы более четко представить себе, что именно от меня требуется.

— Совершенно справедливо. Обещание хранить тайну, которое мы взяли с вас, вполне естественно, возбудило ваше любопытство. Я отнюдь не хочу, чтобы вы брали какие-то обязательства, не ознакомившись предварительно со всеми деталями. Надеюсь, нас никто не подслушивает?

— Никто.

— Дело обстоит следующим образом. Вам, вероятно известно, что сукновальная глина — довольно ценное сыры и что залежи ее в Англии встречаются в одном-двух местах.

— Я слышал об этом.

— Некоторое время назад я купил маленький участок земли, совсем крохотный, в десяти милях от Рединга. И вдруг оказалось, что мне повезло: я обнаружил на одном поле пласт сукновальной глины. Я исследовал его и выяснил, что он составляет лишь небольшую перемычку, соединяющую два очень мощных пласта слева и справа, расположенных на участках моих соседей. В их земле хранится сырье не менее ценное, чем золото, а эти добрые люди пребывают в полном неведении. Мне, естественно, было бы выгодно купить у них землю, прежде чем они узнают ее истинную стоимость, но, к сожалению, я не располагаю для этого достаточным капиталом. Поэтому я посвятил в тайну нескольких своих приятелей, и они предложили потихоньку, не говоря никому ни слова, разрабатывать наш собственный небольшой пласт, чтобы заработать деньги, а впоследствии купить землю у соседей. Этим мы и заняты вот уже некоторое время и в помощь установили гидравлический пресс. Но пресс, как я уже сказал, вышел из строя, и нам нужен ваш совет. Мы ревностно храним наш секрет, и если станет известно, что к нам приезжал гидравлик, то тотчас же начнутся расспросы, факты выплывут наружу, и тогда прощай соседские поля, а с ними и наши планы. Вот почему я взял с вас слово никому не рассказывать, что вы сегодня вечером едете в Айфорд. Надеюсь, теперь все ясно?

— Единственное, что мне не совсем ясно, — ответил я, — это зачем вам гидравлический пресс. Сукновальную глину, насколько я знаю, вычерпывают, как песок из карьера.

— А, — небрежно махнул он рукой, — у нас свои методы работы. Чтобы соседи ничего не заметили, мы прессуем глину в кирпичи. Но это деталь. Я доверяю вам, мистер Хэдерли, и рассказал все. — Он встал. — Итак, жду вас в Айфорде в 23:15.

— Я обязательно приеду.

— И помните: никому ни слова.

Он еще раз посмотрел на меня долгим вопросительным взглядом и, пожав мне руку своей холодной, влажной рукой, поспешно вышел.

Хладнокровно поразмыслив, я, как вы представляете, не мог все-таки отделаться от удивления по поводу этого странного поручения. С одной стороны, я, разумеется, был рад, ибо плату мне предложили в десять раз большую, чем та, которую запросил бы я сам. Кроме того,

есть надежда, что за этим поручением последуют и другие. С другой стороны, облик и манеры моего клиента произвели на меня такое гнетущее впечатление, что я не мог отвязаться от мысли, что вся эта история с сукновальной глиной не вполне объясняет необходимость приехать непременно в полночь и избежать огласки. Однако я отбросил от себя страхи, на славу поужинал, доехал до Паддингтона и отправился в путь.

В Рединге мне пришлось сделать пересадку. Но я успел на последний поезд в Айфорд и в начале двенадцатого прибыл на маленькую, тускло освещенную станцию. Я оказался единственным, кто там сошел, на платформе не было ни души, кроме заспанного носильщика с фонарем в руках. За станционной оградой я увидел моего утреннего знакомого — он стоял в тени на противоположной стороне. Не сказав ни слова, он схватил меня за руку и втащил в экипаж, дверца которого предусмотрительно оказалась открытой. Опустив с обеих сторон окошки, полковник постучал кучеру, и лошадь рванулась вперед.

— Одна лошадь? — перебил Холмс.

— Да одна.

— Вы не заметили масть?

— Заметил при свете фонаря, когда садился в экипаж. Лошадь рыжей масти.

— Усталая или свежая?

— Свежая, шерсть у нее лоснилась.

— Благодарю. Извините, что перебил. Прошу продолжать ваше весьма интересное повествование.

— Итак, мы тронулись в путь и ехали по меньшей мере с час. Полковник Лизандер Старк сказал, что до места всего семь миль, но, если принять во внимание скорость, с какой мы мчались, и время, что нам потребовалось, мне показалось, что расстояние там, должно быть, миль в двенадцать. Он молча сидел рядом, и я чувствовал, когда поглядывал на него, что он не спускает с меня глаз. Проселочные дороги в тех местах, по-видимому, в неважном состоянии, и нас ужасно кидало из стороны в сторону. Я попытался было в окошко разглядеть, где мы едем, но сквозь матовое стекло мог различить только мелькавшие кое-где световые пятна. Несколько раз я хотел завести разговор — уж очень монотонным было наше путешествие, но полковник отвечал односложно, и разговор быстро затухал. Наконец ямы и ухабы закончились, колеса захрустели по посыпанной гравием дорожке, и экипаж остановился. Полковник Лизандер Старк спрыгнул на землю, я последовал за ним, и он тут же потащил меня на крыльцо, где зияла отворенная дверь. Таким образом, прямо из экипажа я очутился в прихожей и не сумел даже краем глаза разглядеть фасад дома. Едва я переступил порог, дверь тяжело захлопнулась за нами, и я услышал слабый стук отъезжающего экипажа.

В доме царил полный мрак, и полковник, что-то бормоча себе под нос, принялся шарить по карманам в поисках спичек. Внезапно в дальнем конце коридора дверь отворилась, и в коридор упал длинный луч золотистого света. Луч становился шире и шире, и в дверях, держа высоко над головой лампу, появилась женщина; вытянув шею, она вглядывалась в нас. Я заметил, что она очень красивая, а блеск, которым отливало ее темное платье, свидетельствовал о том, что оно из дорогого материала. Она произнесла несколько слов на каком-то языке, и по тону я догадался, что она о чем-то спросила моего попутчика, но тот лишь сердито буркнул в ответ, и она так вздрогнула, что чуть не выронила лампу. Полковник Старк подошел к ней, шепнул что-то на ухо и, проводив обратно в комнату, вернулся ко мне с лампой в руках.

— Будьте добры подождать несколько минут здесь, — сказал он, отворяя другую дверь в незатейливо убранную комнатку с круглым столом посредине, на котором лежало несколько немецких книг. Полковник Старк поставил лампу на крышку фисгармонии рядом с дверью. — Я постараюсь не задержать вас, — добавил он и исчез в темноте.

Я посмотрел книги на столе и, хотя не знаю немецкого, все же понял, что две из них были научные, а остальные — сборники поэзии. Затем я подошел к окну в надежде разглядеть, где нахожусь, но оно было плотно прикрыто дубовыми ставнями. Удивительно молчаливый дом! Кругом царила мертвая тишина, лишь где-то в коридоре громко тикали часы.

Смутное чувство тревоги овладевало мною. Кто эти немцы и что они делают в этом странном, уединенном доме? И где находится сам дом? Милях в десяти от Айфорда — вот и все, что мне было известно, но к северу, югу, востоку или западу от него, я и представления не имел. Однако неподалеку от Айфорда находится и Рединг и, наверное, другие города, так что место это не может быть очень уж уединенным. Все же царившая вокруг полная тишина ясно давала понять, что мы в деревне. Я ходил взад и вперед по комнате, мурлыкая что-то себе под нос, чтобы окончательно не упасть духом, и размышляя, что недаром получу обещанные пятьдесят гиней.

И вдруг беззвучно и медленно отворилась дверь, и в темном проеме появилась та женщина. Желтый свет от моей лампы упал на ее красивое лицо. Я понял, что она чего-то боится, и мне самому стало страшно. Дрожащим пальцем она подала мне знак хранить молчание и прошептала что-то на ломаном английском языке, то и дело косясь назад во мрак, словно напуганная лошадь.

— Я уйду, — сказала она, очевидно, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Я уйду. Я не могу оставаться здесь. И вам здесь тоже нечего делать.

— Сударыня, — возразил я, — я ведь еще не выполнил того, ради чего приехал. Я не могу уехать, пока не осмотрю пресс.

— Не нужно медлить, — настаивала она. — Уходите в эту дверь. Там никого нет. — Видя, что я лишь улыбаюсь и качаю головой, она вдруг отбросила всю свою сдержанность и, стиснув руки, шагнула ко мне. — Во имя неба, — прошептала она, — уходите отсюда, пока не поздно.

Но я довольно упрям по характеру, и, когда на пути у меня возникает какое-нибудь препятствие, я загораюсь еще больше и хочу довести дело до конца. Я подумал об обещанных пятидесяти гинеях, об утомительном путешествии и о тех неудобствах, что меня ожидают, если мне придется провести ночь на станции. Значит, все впустую? Почему я должен уехать, не выполнив работы и не получив тех денег, которые мне должны? Может, эта женщина — ведь я ничего о ней не знаю — помешанная? С самым независимым видом, хотя, признаться, ее поведение напугало меня больше, чем хотелось бы показать, я снова покачал головой и заявил о своем намерении остаться. Она было принялась уговаривать меня, но где-то наверху стукнула дверь, и послышались шаги на лестнице. На мгновение она прислушалась, а потом, заломив в отчаянии руки, исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась.

В комнату вошли полковник Лизандер Старк и маленький толстый человек с седой бородой, торчащей из складок его двойного подбородка. Его представили мне как мистера Фергюсона.

— Это мой секретарь и управляющий, — сказал полковник.

— Между прочим, мне казалось, что, уходя, я закрыл эту дверь. Вас не просквозило?

— Наоборот, — возразил я, — это я приоткрыл дверь, в комнате душновато.

Полковник вновь нацелился на меня подозрительным взглядом.

— Пора перейти к делу, — сказал он. — Мы с мистером Фергюсоном покажем вам, где стоит пресс.

— Я, пожалуй, надену шляпу.

— Зачем? Пресс находится в доме.

— Что? Разве залежи сукновальной глины здесь в доме?

— Нет-нет! Мы только прессуем здесь. Да, собственно, какая разница? Нам нужно, чтобы вы посмотрели машину и сказали, в чем неисправность.

Мы поднялись наверх, впереди полковник с лампой, за ним толстяк-управляющий, а потом я. Это был не дом, а настоящий лабиринт — с бесчисленными коридорами, галереями, узкими винтовыми лестницами и низкими дверцами, пороги которых были истоптаны ногами многих поколений. На первом этаже не было ни ковров, ни мебели, со стен сыпалась штукатурка, и зелеными пятнами проступала сырость. Я старался сделать вид, что все это меня мало трогает, но отнюдь не забывал предостережения женщины — хоть и пренебрег им — и зорко следил за своими спутниками. Фергюсон был угрюм и молчалив, но по тем нескольким словам, что он произнес, я понял, что он по крайней мере уроженец Англии.

Наконец полковник Лизандер Старк остановился и отпер какую-то дверь. Она вела в маленькую квадратную комнату, в которой мы трое вряд ли могли поместиться. Фергюсон остался в коридоре, а мы с полковником вошли в комнату.

— Мы находимся сейчас, — сказал он, — внутри гидравлического пресса, и если бы кто-нибудь включил его, нам не сдобровать. Потолок этой камеры в действительности — плоскость рабочего поршня, который с силой, равной весу нескольких тонн, опускается на металлический пол. Снаружи установлены боковые цилиндры, в которые поступает вода, она действует на поршень… Впрочем, с механикой вы знакомы. Пресс работает, но что-то заедает, и он не развивает полную мощность. Будьте добры осмотреть его и подсказать нам, что следует исправить.

Я взял у него лампу и внимательно осмотрел пресс. Это была машина гигантских размеров, способная создавать огромное давление. Когда я вышел из камеры я включил рычаги управления, где-то зашипело, и я понял, что в боковом цилиндре имеется небольшая утечка. Осмотр показал, что резиновая прокладка в одном месте потеряла эластичность и сквозь нее просачивается вода. Именно это было причиной падения мощности. Мои спутники весьма внимательно выслушали меня и задали несколько практических вопросов насчет того, как устранить неисправность. Объяснив им все подробно, я возвратился в главную камеру и из любопытства принялся ее осматривать. С первого же взгляда было ясно, что история с сукновальной глиной — сплошная выдумка, ибо глупо было даже предположить, что столь мощный механизм предназначен для столь ничтожной цели. Стены камеры были деревянные, но основание из железа, и я увидел на нем металлическую накипь. Я наклонился и попытался соскоблить кусочек, чтобы получше его рассмотреть, как услышал приглушенное восклицание по-немецки и увидел мертвенно-бледное лицо полковника.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

Я разозлился, когда понял, как был обманут той искусно придуманной историей, которую он мне поведал.

— Любуюсь вашей сукновальной глиной, — ответил я. — Думается, я мог бы дать вам лучший совет, если бы знал истинное назначение этого пресса.

Едва я произнес эти слова, как тут же пожалел о своей несдержанности. Лицо его окаменело, в серых глазах вспыхнул зловещий огонек.

— Ну что ж, — прошипел он, — сейчас вы узнаете все подробности.

Он сделал шаг назад, захлопнул дверцу и повернул ключ в замке. Я бросился к двери, стал дергать за ручку, колотить, но дверь оказалась весьма надежной и никак не поддавалась.

— Эй, полковник! — закричал я. — Выпустите меня.

И вдруг в тишине раздался звук, от которого душа у меня ушла в пятки. Он включил пресс. Лампа стояла на полу, где я ее поставил, когда рассматривал накипь, и при свете ее я увидел, что черный потолок начал двигаться на меня, медленно, толчками, но с такой силой, что через минуту — и я понимал это лучше, чем кто-либо другой — от меня останется мокрое место. Я снова с криком бросился к двери, ногтями пытался сорвать замок. Я умолял полковника выпустить меня, но беспощадный лязг рычагов заглушал мои крики. Потолок уже находился на расстоянии одного-двух футов от меня, и, подняв руку, я мог дотронуться до его твердой и

неровной поверхности. И в тот же момент в голове у меня сверкнула мысль о том, что смерть моя может показаться менее болезненной в зависимости от положения, в каком я ее приму. Если лечь на живот, то вся тяжесть придется на позвоночник, и я содрогнулся, представив себе, как он захрустит. Лучше, конечно, лечь на спину, но достанет ли у меня духу смотреть, как неумолимо надвигается черная тень? Я уже не мог стоять в полный рост, но тут я увидел нечто такое, от чего в душе моей затрепетала надежда.

Я уже сказал, что пол и потолок были железными, а стены камеры обшиты деревянной панелью. И вот в ту минуту, когда я в последний раз лихорадочно озирался вокруг, я заметил тонкую щель желтого света между двумя досками, которая ширилась и ширилась по мере того, как потолок опускался. На мгновение я даже не поверил, что это выход, который может спасти меня от смерти. В следующую секунду я бросился вперед и в полуобморочном состоянии свалился с другой стороны. Отверстие закрылось. Хруст лампы, а затем и стук металлических плит поведали о том, что я был на волосок от гибели.

Я пришел в себя оттого, что кто-то отчаянно дергал меня за руку, и увидел, что лежу на каменном полу в узком коридоре, надо мной склонилась женщина, одной рукой она тянет меня, а другой — держит свечу. Это была та самая моя благожелательница, чьим предупреждением я по глупости пренебрег.

— Идемте! Идемте! — задыхаясь, вскричала она. — Они сейчас будут здесь. Они увидят, что вас там нет. О, не теряйте драгоценного времени, идемте!

На этот раз я внял ее совету. Кое-как поднявшись на ноги, я вместе с ней бросился по коридору, а потом вниз по винтовой лестнице. Лестница привела нас в более широкий коридор, и тут же мы услышали топот и крики: кто-то, находящийся на том этаже, с которого мы только что спустились, отвечал на возгласы снизу. Моя провожатая остановилась и огляделась вокруг, не зная, что предпринять. Затем она распахнула дверь в спальню, где в окно полным светом светила луна.

— Это единственная возможность, — сказала она. — Окно высоко, но, может, вам удастся спрыгнуть.

В это время в дальнем конце коридора появился свет, и я увидел полковника Лизандера Старка: он бежал, держа в одной руке фонарь, а в другой что-то похожее на нож мясника. Я бросился в комнату к окну, распахнул его и выглянул. Каким тихим, приветливыми и спокойным казался сад, залитый лунным светом; окно было не более тридцати футов над землей. Я взобрался на подоконник, но медлил: мне хотелось узнать, что станется с моей спасительницей. Я решил, несмотря ни на что, прийти ей на помощь, если ей придется плохо. Едва я подумал об этом, как этот негодяй ворвался в комнату и бросился ко мне. Она обхватила его обеими руками и пыталась удержать.

— Фриц! Фриц! Вспомни свое обещание после прошлого раза, — кричала она на английском языке. — Ты обещал, что этого не повторится. Он будет молчать! Он будет молчать!

— Ты сошла с ума, Эльза! — гремел он, стараясь вырваться от нее. — Ты нас погубишь. Он видел слишком много. Пусти меня, говорю я тебе!

Он отбросил ее в сторону, метнулся к окну и замахнулся своим оружием. Я успел соскользнуть с подоконника и висел, держась за раму, когда он нанес мне удар. Я почувствовал тупую боль, руки мои разжались, и я упал в сад под окном.

Падение меня оглушило, но и только. Я вскочил и со всех ног бросился в кусты, понимая, что не ушел еще от опасности. На бегу меня вдруг охватила страшная слабость и тошнота. Руку дергало от боли, и только тогда я заметил, что у меня нет большого пальца и из раны хлещет кровь. Я попытался было обвязать руку носовым платком, но в этот момент в висках у меня застучало, и я свалился в тяжелом обмороке среди кустов роз.

Сколько я был без сознания, сказать не могу. Наверное, очень долго, потому что, когда я пришел в себя, луна уже зашла и занимался день. Одежда моя промокла до нитки от выпавшей ночью росы, а рукав пиджака был насквозь пропитан кровью. Жгучая боль напомнила мне о событиях минувшей ночи, и я вскочил на ноги, сознавая, что не могу считать себя в полной безопасности. Но каково же было мое удивление, когда, оглядевшись вокруг, я не увидел ни дома, ни сада. Я лежал у изгороди возле дороги, а немного подальше виднелось длинное строение; когда я подошел к нему, оно оказалось той самой станцией, куда я и прибыл накануне вечером. И если бы не страшная рана на руке, все происшедшее могло бы показаться просто ночным кошмаром. Ничего не понимая, я вошел в здание и спросил, скоро ли будет утренний поезд. Менее чем через час будет поезд на Рединг, ответили мне. Дежурил тот самый носильщик, что и накануне. Я спросил у него, не знает ли он полковника Лизандера Старка. Нет, имя это ему незнакомо. Не видел ли он экипаж у станции вчера вечером? Нет, не видел. Есть ли поблизости полицейский участок? Да, милях в трех от станции.

Я совсем ослабел, а рука у меня так болела, что нечего было и думать туда дойти. Я решил сначала вернуться в город, а потом уж пойти в полицию. Я приехал в Лондон в начале седьмого, прежде всего отправился перевязывать рану, и доктор оказался настолько любезен, что сам привез меня к вам. Целиком полагаюсь на вас и готов следовать любому вашему совету.

Он закончил свое удивительное повествование, и некоторое время мы сидели молча. Затем Шерлок Холмс взял с полки один из увесистых альбомов, в которых хранил вырезки из газет.

— Вот заметка, которая может вас заинтересовать, — сказал он. — Она появилась в газетах около года назад. Послушайте: «9-го числа этого месяца пропал без вести мистер Джереми Хейлинг, двадцати шести лет, по профессии инженер-гидравлик. Он ушел из дома в десять часов вечера, и с тех пор о нем ничего не известно. Был одет…» и так далее и так далее. Это и был, по-видимому, именно тот «прошлый раз», когда полковнику понадобилось ремонтировать свой пресс.

— Боже мой! — воскликнул мой пациент. — Так вот что означали слова женщины.

— Несомненно! Совершенно ясно, что полковник — человек хладнокровный и отчаянный и, подобно головорезам, которые не оставляли в живых ни одного человека на захваченном судне, сметает любые препятствия на своем пути. Однако нельзя терять ни минуты, и если вы в состоянии двигаться, мы немедленно отправимся в Скотланд-Ярд, а потом поедем в Айфорд.

Через каких-нибудь три часа или около того мы все сидели в поезде, направлявшемся из Рединга в маленькую беркширскую деревню. Мы — это Шерлок Холмс, гидротехник, инспектор Бродстрит из Скотланд-Ярда, агент в штатском и я. Бродстрит расстелил на скамейке подробную карту Англии и циркулем вычертил на ней окружность с центром в Айфорде.

— Смотрите, эта окружность имеет радиус в десять миль, — сказал он. — Нужное нам место находится где-то внутри этого круга. Вы, кажется, сказали, десять миль, сэр?

— Да, мы ехали около часа.

— И вы предполагаете, что они отвезли вас обратно, пока вы были без сознания?

— По-видимому, так. Мне смутно помнится, что меня поднимали и куда-то несли.

— Не понимаю, — вмешался я, — почему они сохранили вам жизнь, когда нашли вас без сознания в саду. Может, женщина умолила этого негодяя пощадить вас?

— Вряд ли. За всю мою жизнь не видел более зверской физиономии.

— Все это мы скоро выясним, — сказал Бродстрит. — Итак, окружность готова, сейчас остается узнать только, в какой точке находятся те люди, которых мы ищем.

— Мне думается, я могу вам показать, — спокойно ответил Холмс.

— Вот как? — воскликнул инспектор. — Значит, у вас уже есть определенное мнение. Посмотрим, что думают остальные. Я утверждаю, что это произошло на юге, ибо там местность менее населенная.

— А я говорю, на востоке, — возразил мой пациент.

— Я стою за запад, — заметил человек в штатском. — Там расположено несколько тихих деревушек.

— А я — за север, — сказал я. — На севере нет холмов, а наш друг утверждает, что не заметил, чтобы дорога шла в гору.

— Ну и ну! Неплохой букет мнений, — смеясь подытожил инспектор. — Мы назвали все румбы компаса. Кого же вы поддерживаете, мистер Холмс?

— Вы все ошибаетесь.

— Как же могут все ошибаться?

— Могут. Я считаю, что это произошло здесь. — И Холмс ткнул пальцем в центр окружности. — Тут мы их и найдем.

— А двенадцатимильная поездка? — удивился Хэдерли.

— Нет ничего проще: шесть миль туда и шесть обратно. Вы сами сказали, что когда вы садились в экипаж, лошадь была свежей и шерсть у нее лоснилась. Могло ли это быть, если она прошла двенадцать миль по плохой дороге?

— Они в самом деле могли использовать такую уловку, — задумчиво заметил Бродстрит и добавил: — Дела этой шайки, конечно, сомнений не вызывают.

— Разумеется, нет, — ответил Холмс. — Они фальшивомонетчики, причем крупного масштаба, пресс они используют для чеканки амальгамы, которая заменяет серебро.

— Нам уже некоторое время известно о существовании очень ловкой шайки, которая в огромном количестве выпускает полукроны, — сказал инспектор. — Мы даже выследили их до Рединга, но потом застряли. Они так умело замели следы, что сразу видно: стреляные воробьи. И все-таки на этот раз благодаря счастливой случайности их, пожалуй, накроем.

Но инспектор ошибся: преступникам не суждено было попасть в руки правосудия. Подъехав к Айфорду, мы увидели огромный столб дыма, который гигантским страусовым пером висел над деревьями.

— Пожар? — спросил Бродстрит у начальника станции, когда поезд, пыхтя, двинулся дальше.

— Да, сэр, — ответил тот.

— Когда начался?

— Говорят ночью, сэр, но сейчас усилился, весь дом в огне.

— А чей это дом?

— Доктора Бичерта.

— Скажите, — вмешался Холмс, — доктор Бичер — это тощий немец с длинным острым носом?

Начальник станции громко рассмеялся.

— Нет, сэр, доктор Бичер — самый настоящий англичанин. Но у него в доме живет какой-то джентльмен, его пациент, говорят, вот он иностранец, и вид у него такой, что ему не помешало бы отведать нашей доброй беркширской говядины.

Не успел начальник станции договорить, как мы все были уже на пути к горящему дому. Дорога поднималась на невысокий холм, на вершине которого стояло большое приземистое, выбеленное известкой строение; из окон и дверей его вырывался огонь, а три пожарные машины тщетно пытались прибить пламя.

— Ну конечно же! — воскликнул Хэдерли в крайнем волнении. — Вон дорожка, посыпанная гравием, а вон розовые кусты, где я лежал. А вот это окно, второе с краю, — то самое, из которого я прыгнул.

— Что ж, — заметил Холмс, — вы по крайней мере сумели им отомстить. Огонь из вашей керосиновой лампы, когда ее сплющило, перекинулся на стены, а преступники, увлекшись погоней, этого не заметили. Смотрите-ка внимательнее, нет ли в этой толпе ваших вчерашних приятелей, думается мне, они сейчас уже в доброй сотне миль отсюда.

Предположение Холмса оправдалось, ибо с тех пор мы ни слова не слышали ни о красивой женщине, ни о злом немце, ни о мрачном англичанине. Правда, утром в тот день один крестьянин встретил повозку с людьми, доверху набитую какими-то громоздкими ящиками. Повозка направлялась в сторону Рединга, но затем следы беглецов терялись, и даже Холмс при всей его проницательности оказался не в состоянии установить хотя бы приблизительно их местонахождение.

Пожарники были немало озадачены тем странным устройством, которое они обнаружили внутри дома, и еще более тем, что на подоконнике окна на третьем этаже они нашли отрубленный большой палец. На заходе солнца их усилия увенчались наконец успехом, огонь погас, хотя к тому времени крыша уже провалилась и весь дом превратился в руины; от машины, осмотр которой так дорого обошелся нашему незадачливому знакомому, ничего не осталось, если не считать помятых труб и цилиндров. В сарае обнаружили большие запасы никеля и жести, но ни единой монеты не нашли — их, по-видимому, увезли в тех громоздких ящиках, о которых уже говорилось.

Мы оба так никогда бы и не узнали, каким образом наш гидравлик очутился на том месте, где он пришел в себя, если бы не мягкая почва, поведавшая нам весьма простую историю. Его, очевидно, несли двое, у одного из них были удивительно маленькие ноги, а у второго — необыкновенно большие. В общем, весьма вероятно, что молчаливый англичанин, более трусливый или менее жестокий, чем его компаньон, помог женщине избавить потерявшего сознание человека от грозившей ему опасности.

— Да, для меня это хороший урок, — уныло заметил Хэдерли, когда мы сели в поезд, направлявшийся обратно, в Лондон. — Я лишился пальца и пятидесяти гиней, а что я приобрел?

— Опыт, — смеясь, ответил Холмс. — Может, он вам и пригодится. Нужно только облечь его в слова, чтобы всю жизнь слыть отличным рассказчиком.

Знатный холостяк

Женитьба лорда Сент-Саймона, закончившаяся таким удивительным образом, давно перестала занимать те круги великосветского общества, где вращается злополучный жених. Новые скандальные истории своими более пикантными подробностями затмили эту драму и отвлекли от нее внимание салонных болтунов, тем более что с тех пор прошло уже четыре года. Но так как я имею основание думать, что многие факты так и не дошли до широкой публики, и так как это дело прояснилось главным образом благодаря моему другу Шерлоку Холмсу, я считаю, что мои воспоминания о нем были бы неполны без краткого очерка об этом любопытном эпизоде.

Как-то днем, за несколько недель до моей собственной свадьбы, когда я еще жил вместе с Холмсом на Бейкер-стрит, на его имя пришло письмо. Холмса не было дома, он где-то бродил после обеда, я же весь день сидел в комнате, потому что погода внезапно испортилась, поднялся сильный осенний ветер, пошел дождь, и застрявшая в ноге пуля, которую я привез с собой на память об афганском походе, напоминала о себе тупой непрерывной болью. Удобно усевшись в одном кресле и положив ноги на другое, я занялся чтением газет, но потом, пресыщенный злободневными новостями, отшвырнул весь этот бумажный ворох в сторону и от нечего делать стал разглядывать лежавшее на столе письмо. Огромный герб и монограмма

красовались на конверте, и я лениво размышлял о том, какая же это важная особа состоит в переписке с моим другом.

— Вас ждет великосветское послание, — сообщил я Холмсу, когда он вошел в комнату. — А с утренней почтой вы, если не ошибаюсь, получили письма от торговца рыбой и таможенного чиновника?

— Вся прелесть моей корреспонденции именно в ее разнообразии, — ответил он улыбаясь, — и в большинстве случаев, чем скромнее автор письма, тем интереснее письмо. А вот это, мне кажется, одно из тех несносных официальных приглашений, которые либо нагоняют на вас скуку, либо заставляют прибегнуть ко лжи.

Он сломал печать и быстро пробежал письмо.

— Э, нет! Тут, пожалуй, может оказаться кое-что интересное.

— Значит, это не приглашение?

— Нет, письмо сугубо деловое.

— И от знатного клиента?

— От одного из самых знатных в Англии.

— Поздравляю вас, милый друг.

— Даю вам слово, Уотсон, — и поверьте, я не рисуюсь, — что общественное положение моего клиента значит для меня гораздо меньше, чем его дело. Однако этот случай может оказаться любопытным. Вы, кажется, довольно усердно читали газеты в последнее время?

— Как видите! — ответил я уныло, показывая на груду газет в углу. — Больше мне ничего было делать.

— Это очень кстати. В таком случае вы сможете информировать меня. Я ведь ничего не читаю, кроме уголовной хроники и объявлений о розыске пропавших родственников. Там бывают поучительные вещи. Ну, а если вы следили за происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сент-Саймоне и его свадьбе?

— О да! С большим интересом.

— Отлично. Так вот, в руке у меня письмо от лорда Сент-Саймона. Сейчас я прочитаю его вам, а вы за это время еще раз просмотрите газеты и расскажете все, что имеет отношение к этой истории. Вот что он пишет:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Лорд Бэкуотер сказал мне, что я вполне могу довериться Вашему чутью и Вашему умению хранить тайну. Поэтому я решил обратиться к Вам за советом по поводу прискорбного события, которое произошло в связи с моей свадьбой. Мистер Лестрейд из Скотланд-Ярда уже ведет расследование по этому делу, но он ничего не имеет против Вашего сотрудничества, и даже считает, что оно может оказаться полезным. Я буду у Вас сегодня в четыре часа дня и надеюсь, что ввиду первостепенной важности моего дела Вы отложите все другие встречи, если они назначены Вами на это время.

Уважающий вас Роберт Сент-Саймон».

— Письмо отправлено из особняка в Гровнере и написано гусиным пером, причем благородный лорд имел несчастье испачкать чернилами тыльную сторону правого мизинца, — сказал Холмс, складывая послание.

— Он пишет, что приедет в четыре часа. Сейчас три. Через час он будет здесь.

— Значит, я как раз успею с вашей помощью выяснить кое-какие обстоятельства. Просмотрите газеты и подберите заметки в хронологическом порядке, а я, покамест, взгляну, что представляет собой наш клиент.

Он взял с полки толстую книгу в красном переплете, стоявшую в ряду с другими справочниками.

— Вот он! — сказал Холмс, усевшись в кресло и раскрыв книгу у себя на коленях. — «Роберт Уолсингэм де Вир Сент-Саймон, второй сын герцога Балморалского». Гм!.. «Герб: голубое поле, три звездочки чертополоха над полоской собольего меха. Родился в 1846». Значит, ему сорок один год — достаточно зрелый возраст для женитьбы. Был товарищем министра колоний в прежнем составе Кабинета. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Потомки Плантагенетов по мужской линии и Тюдоров — по женской. Так… Все это ничего нам не дает. Надеюсь, что вы, Уотсон, приготовили что-нибудь более существенное?

— Мне было совсем нетрудно найти нужный материал, — сказал я. — Ведь события эти произошли совсем недавно и сразу привлекли мое внимание. Я только потому не рассказывал вам о них, что вы были заняты каким-то расследованием, а мне известно, как вы не любите, когда вас отвлекают.

— А, вы имеете в виду ту пустячную историю с фургоном для перевозки мебели по Гровнер-сквер? Она уже совершенно выяснена, да, впрочем, там все было ясно с самого начала. Ну, расскажите же, что вы там откопали.

— Вот первая заметка. Она помещена несколько недель назад в «Морнинг пост», в разделе «Хроника светской жизни»: «Состоялась помолвка, и, если верить слухам, в скором времени состоится бракосочетание лорда Роберта Сент-Саймона, второго сына герцога Балморалского, и мисс Хетти Доран, единственной дочери эсквайра Алоизиеса Дорана, из Сан-Франциско, Калифорния, США».

— Коротко и ясно, — заметил Холмс, протягивая поближе к огню свои длинные, тонкие ноги.

— На той же самой неделе в какой-то газете, в светской хронике, был столбец, в котором более подробно говорилось об этой происшествии. Ага, вот он:

«В скором времени понадобится издание закона об охране нашего брачного рынка, ибо принцип свободной торговли, господствующий ныне, весьма вредно отражается на нашей отечественной продукции. Власть над отпрысками благороднейших фамилий Великобритании постепенно переходит в ручки наших прелестных заатлантических кузин. Список трофеев, захваченных очаровательными завоевательницами, пополнился на прошлой неделе весьма ценным приобретением. Лорд Сент-Саймон, который в течение двадцати с лишним лет был неуязвим для стрел Амура, недавно объявил о своем намерении вступить в брак с мисс Хетти Доран, пленительной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Доран, чья грациозная фигура и прелестное лицо произвели фурор на всех празднествах в Вестбери-Хаус, является единственной дочерью, и, по слухам, ее приданое приближается к миллиону, не говоря уже о видах на будущее. Так как ни для кого не секрет, что герцог Балморалский был вынужден за последние годы распродать свою коллекцию картин, а у лорда Сент-Саймона нет собственного состояния, если не считать небольшого поместья в Берчмуре, ясно, что от этого союза, который с легкостью превратит гражданку республики в титулованную английскую леди, выиграет не только калифорнийская наследница».

— Что-нибудь еще? — спросил Холмс, зевая.

— О да, и очень много. Вот другая заметка. В ней говорится, что свадьба будет самая скромная, что венчание состоится в церкви святого Георгия, на Гановер-сквер, и приглашены будут только пять-шесть самых близких друзей, а потом все общество отправится в меблированный особняк на Ланкастер-гейт, нанятый мистером Алоизиесом Дораном. Два дня спустя, то есть в прошлую среду, появилось краткое сообщение о том, что венчание состоялось и что медовый месяц молодые проведут в поместье лорда Бэкуотера, близ Питерсфилда. Вот и все, что было в газетах до исчезновения невесты.

— Как вы сказали? — спросил Холмс, вскакивая с места.

— До исчезновения новобрачной, — повторил я.

— Когда же она исчезла?

— Во время свадебного обеда.

— Вот как! Дело становится куда интереснее. Весьма драматично.

— Да, мне тоже показалось, что тут что-то не совсем заурядное.

— Женщины нередко исчезают до брачной церемонии, порою во время медового месяца, но я не могу припомнить ни одного случая, когда бы исчезновение произошло столь скоропалительно. Расскажите мне, пожалуйста, подробности.

— Предупреждаю, что они далеко не полны.

— Ну, может быть, нам самим удастся их пополнить.

— Вчера появилась статья в утренней газете, и это все. Сейчас я прочту вам ее. Заголовок: «Удивительное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сент-Саймона потрясена загадочными и в высшей степени прискорбными событиями, связанными с его женитьбой. Венчание действительно состоялось вчера утром, как об этом коротко сообщалось во вчерашних газетах, но только сегодня мы можем подтвердить странные слухи, упорно циркулирующие в публике. Несмотря на попытки друзей замять происшествие, оно привлекло к себе всеобщее внимание, и теперь уже нет смысла замалчивать то, что сделалось достоянием толпы.

Свадьба была очень скромная и происходила в церкви святого Георгия. Присутствовали только отец невесты — мистер Алоизиес Доран, герцогиня Балморалская, лорд Бэкуотер, лорд Юсташ и леди Клара Сент-Саймон (младшие брат и сестра жениха), а также леди Алисия Уитингтон. После венчания все общество отправилось на Ланкастер-гейт, где в доме мистера Алоизиеса Дорана их ждал обед. По слухам, там имел место небольшой инцидент: неизвестная женщина — ее имя так и не было установлено — пыталась проникнуть в дом вслед за гостями, утверждая, будто у нее есть какие-то права на лорда Сент-Саймона. И только после продолжительной и тяжелой сцены дворецкому и лакею удалось выпроводить эту особу. Невеста, к счастью, вошла в дом до этого неприятного вторжения. Она села за стол вместе с остальными, но вскоре пожаловалась на внезапное недомогание и ушла в свою комнату. Так как она долго не возвращалась, гости начали выражать недоумение. Мистер Алоизиес Доран отправился за дочерью, но ее горничная сообщила, что мисс Хетти заходила в комнату только на минутку, что она накинула длинное дорожное пальто, надела шляпу и быстро пошла к выходу. Один из лакеев подтвердил, что какая-то дама в пальто и в шляпке действительно вышла из дому, но он никак не мог признать в ней свою госпожу, так как был уверен, что та в это время сидит за столом с гостями. Убедившись, что дочь исчезла, мистер Алоизиес Доран немедленно отправился с новобрачным в полицию, и начались энергичные поиски, которые, вероятно, очень скоро прольют свет на это удивительное происшествие. Однако пока что местопребывание исчезнувшей леди не выяснено. Ходят слухи, что тут имеет место шантаж и что женщина, которая разыскивала лорда Сент-Саймона, арестована, ибо полиция предполагает, что из ревности или из иных побуждений она могла быть причастна к таинственному исчезновению новобрачной».

— И это все?

— Есть еще одна заметка в другой утренней газете. Пожалуй, она даст вам кое-что.

— О чем же она?

— О том, что мисс Флора Миллар, виновница скандала, и в самом деле арестована. Кажется, она была прежде танцовщицей в «Аллегро» и встречалась с лордом Сент-Саймоном в течение нескольких лет. Других подробностей нет, так что теперь вам известно все, что напечатано об этом случае в газетах.

— Дело представляется мне чрезвычайно интересным. Я был бы крайне огорчен, если бы оно прошло мимо меня. Но кто-то звонит, Уотсон. Пятый час. Не сомневаюсь, что это идет наш

высокородный клиент. Только не вздумайте уходить: мне может понадобиться свидетель, хотя бы на тот случай, если я что-нибудь забуду.

— Лорд Роберт Сент-Саймон! — объявил наш юный слуга, распахивая дверь.

Вошел джентльмен с приятными тонкими чертами лица, бледный, с крупным носом, с чуть надменным ртом и твердым, открытым взглядом — взглядом человека, которому выпал счастливый жребий повелевать и встречать повиновение. Движения у него были легкие и живые, но из-за некоторой сутулости и манеры сгибать колени при ходьбе он казался старше своих лет. Волосы на висках у него поседели, а когда он снял шляпу с загнутыми полями, обнаружилось, что они, кроме того, сильно поредели на макушке. Его костюм представлял верх изящества, граничившего с фатовством: высокий крахмальный воротничок, черный сюртук с белым жилетом, желтые перчатки, лакированные ботинки и светлые гетры. Он медленно вошел в комнату и огляделся по сторонам, нервно вертя в руке шнурок от золотого лорнета.

— Добрый день, лорд Сент-Саймон, — любезно сказал Холмс, поднимаясь навстречу посетителю. — Садитесь, пожалуйста, сюда, в плетеное кресло. Это мой друг и коллега, доктор Уотсон. Придвиньтесь поближе к огню, и потолкуем о вашем деле…

— … как нельзя более мучительном для меня, мистер Холмс! Я потрясен. Разумеется, вам не раз приходилось вести дела щекотливого свойства, сэр, но вряд ли ваши клиенты принадлежали к такому классу общества, к которому принадлежу я.

— Да, вы правы, это для меня ступень вниз.

— Простите?

— Последним моим клиентом по делу такого рода был король.

— Вот как! Я не знал. Какой же это король?

— Король Скандинавии.

— Как, у него тоже пропала жена?

— Надеюсь, вы понимаете, — самым учтивым тоном произнес Холмс, — что в отношении всех моих клиентов я соблюдаю такую же тайну, какую обещаю и вам.

— О, конечно, конечно! Вы совершенно правы, прошу меня извинить. Что касается моего случая, я готов сообщить вам любые сведения, какие могут помочь вам составить мнение по поводу происшедшего.

— Благодарю вас. Я уже ознакомился с тем, что было в газетах, но не знаю ничего больше. Надо полагать, что можно считать их сообщения верными? Хотя бы вот эту заметку — об исчезновении невесты?

Лорд Сент-Саймон наскоро пробежал заметку.

— Да, это более или менее верно.

— Но для того, чтобы я мог прийти к определеному заключению, мне понадобится ряд дополнительных данных. Пожалуй, лучше будет, если я задам вам несколько вопросов.

— Я к вашим услугам.

— Когда вы познакомились с мисс Хетти Доран?

— Год назад, в Сан-Франциско.

— Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

— Да.

— Вы еще там обручились с нею?

— Нет.

— Но вы ухаживали за ней?

— Мне было приятно ее общество, и я этого не скрывал.

— Отец ее очень богат?

— Он считается самым богатым человеком на всем Тихоокеанском побережье.

— А где и как он разбогател?

— На золотых приисках. Еще несколько лет назад у него ничего не было. Потом ему посчастливилось напасть на богатую золотоносную жилу, он удачно поместил капитал и быстро пошел в гору.

— А не могли бы вы обрисовать мне характер молодой леди — вашей супруги? Что она за человек?

Лорд Сент-Саймон начал быстро раскачивать лорнет и посмотрел в огонь.

— Видите ли, мистер Холмс, — сказал он, — моей жене было уже двадцать лет, когда ее отец стал богатым человеком. До того она свободно носилась по прииску и бродила по лесам и горам, так что ее воспитанием занималась скорее природа, чем школа. Настоящая «сорви-голова», как мы называем таких девушек в Англии, натура сильная и свободолюбивая, не скованная никакими традициями. У нее порывистый, я бы даже сказал, бурный характер. Быстро принимает решения и бесстрашно доводит до конца то, что задумала. С другой стороны, я не дал бы ей имени, которое имею честь носить, — тут он с достоинством откашлялся, — если бы не был уверен, что, в сущности, это благороднейшее создание. Я твердо знаю, что она способна на героическое самопожертвование и что все бесчестное ее отталкивает.

— Есть у вас ее фотография?

— Я принес с собой вот это.

Он открыл медальон и показал нам прелестное женское лицо. Это была не фотография, а миниатюра на слоновой кости. Художнику удалось передать прелесть блестящих черных волос, больших темных глаз, изящно очерченного рта. Холмс долго и внимательно рассматривал миниатюру, потом закрыл медальон и вернул его лорду Сент-Саймону.

— А потом молодая девушка приехала в Лондон и вы возобновили знакомство с нею?

— Да, на этот сезон отец привез ее в Лондон, мы начали встречаться, обручились, и вот теперь я женился на ней.

— За ней дали, должно быть, порядочное приданое?

— Прекрасное приданое, но такова традиция в нашей семье.

— И поскольку ваш брак — уже совершившийся факт, оно конечно, останется в вашем распоряжении?

— Право, не знаю. Я не наводил никаких справок на этот счет.

— Ну, понятно. Скажите, виделись вы с мисс Доран накануне свадьбы?

— Да.

— И в каком она была настроении?

— В отличном. Все время строила планы нашей будущей совместной жизни.

— Вот как? Это чрезвычайно любопытно. А утром в день свадьбы?

— Она была очень весела — по крайней мере до конца церемонии.

— А потом вы, стало быть, заметили в ней какую-то перемену?

— Да, по правде говоря, я тогда впервые имел случай убедиться в некоторой неровности ее характера. Впрочем, этот эпизод настолько незначителен, что не стоит о нем и рассказывать. Он не имеет ни малейшего значения.

— Все-таки расскажите, прошу вас.

— Хорошо, но это такое ребячество… Когда мы с ней шли от алтаря, она уронила букет. В этот момент мы как раз поравнялись с передней скамьей, и букет упал под скамью. Произошло минутное замешательство, но какой-то джентльмен, сидевший на скамье, тут же

нагнулся и подал ей букет, который ничуть не пострадал. И все-таки, когда я заговорил с ней об этом, она ответила какой-то резкостью и потом, сидя в карете, когда мы ехали домой, казалась до нелепости взволнованной этой ерундой.

— Ах вот что! Значит, на скамье сидел какой-то джентльмен? Стало быть, в церкви все-таки была посторонняя публика?

— Ну конечно. Это неизбежно, раз церковь открыта.

— И этот джентльмен не принадлежал к числу знакомых вашей жены?

— О нет! Я только из вежливости назвал его «джентльменом»: судя по виду, это человек не нашего круга. Впрочем, я даже не разглядел его хорошенько. Но, право же, мы отвлекаемся от темы.

— Итак, возвратясь из церкви, леди Сент-Саймон была уже не в таком хорошем расположении духа? Чем она занялась, когда вошла в дом отца?

— Начала что-то рассказывать своей горничной.

— А что представляет собой ее горничная?

— Ее зовут Алиса. Она американка и приехала вместе со своей госпожой из Калифорнии.

— Вероятно она пользуется доверием вашей жены?

— Пожалуй, даже чересчур большим доверием. Мне всегда казалось, что мисс Хетти слишком много ей позволяет. Впрочем, в Америке иначе смотрят на эти вещи.

— Сколько времени продолжался их разговор?

— Кажется, несколько минут. Не знаю, право, я был слишком занят.

— И вы не слышали о чем они говорили?

— Леди Сент-Саймон сказала что-то о «захвате чужого участка». Она постоянно употребляет такого рода жаргонные словечки. Понятия не имею, что она имела в виду.

— Американский жаргон иногда очень выразителен. А что делала ваша жена после разговора со служанкой?

— Пошла в столовую.

— Под руку с вами?

— Нет, одна. Она чрезвычайно независима в таких мелочах. Минут через десять она поспешно встала из-за стола, пробормотала какие-то извинения и вышла из комнаты. Больше я не видел ее.

— Если не ошибаюсь, горничная Алиса показала на допросе, что ее госпожа вошла в свою комнату, накинула на подвенечное платье длинное дорожное пальто, надела шляпку и ушла.

— Совершенно верно. И потом ее видели в Гайд-парке. Она там была с Флорой Миллар — женщиной, которая утром того же дня устроила скандал в доме мистера Дорана. Сейчас она арестована.

— Ах да, расскажите, пожалуйста, об этой молодой особе и о характере ваших отношений.

Лорд Сент-Саймон пожал плечами и поднял брови.

— В течение нескольких лет мы были с ней в дружеских, я бы даже сказал, в очень дружеских отношениях. Она танцевала в «Аллегро». Я обошелся с ней, как подобает благородному человеку, и она не может иметь ко мне никаких претензий, но вы же знаете женщин, мистер Холмс, Флора — очаровательное существо, но она чересчур импульсивна я до безумия влюблена в меня. Узнав, что я собираюсь жениться, она начала писать мне ужасные письма, и, говоря откровенно, я только потому и устроил такую скромную свадьбу, что боялся скандала в церкви. Едва мы успели приехать после венчания, как она прибежала к дому мистера Дорана и сделала попытку проникнуть туда, выкрикивая при этом оскорбления и даже угрозы по адресу моей жены. Однако, предвидя возможность чего-либо в этом роде, я заранее

пригласил двух полицейских в штатском, и те быстро выпроводили ее. Как только Флора поняла, что скандалом тут не поможешь, она сразу успокоилась.

— Слышала все это ваша жена?

— К счастью, нет.

— А потом с этой самой женщиной ее видели на улице?

— Да. И вот этот-то факт мистер Лестрейд из Скотланд-Ярда считает тревожным. Он думает, что Флора выманила мою жену из дому и устроила ей какую-нибудь ужасную ловушку.

— Что ж, это не лишено вероятия.

— Значит, и вы того же мнения?

— Вот этого я не сказал. Ну, а сами вы допускаете такую возможность?

— Я убежден, что Флора не способна обидеть и муху.

— Однако ревность иногда совершенно меняет характер человека. Скажите, а каким образом объясняете то, что произошло, вы сами?

— Я пришел сюда не для того, чтобы объяснять что-либо, а чтобы получить объяснение от вас. Я сообщил вам все факты, какими располагал. Впрочем, если вас интересует моя точка зрения, извольте: я допускаю, что возбуждение, которое испытала моя жена в связи с огромной переменой, происшедшей в ее судьбе, в ее общественном положении, могло вызвать у нее легкое нервное расстройство.

— Короче говоря, вы полагаете, что она внезапно потеряла рассудок?

— Если хотите, да. Когда я думаю, что она могла отказаться… не от меня, нет, но от всего того, о чем тщетно мечтали многие другие женщины, мне трудно найти иное объяснение.

— Что же, и это тоже вполне приемлемая гипотеза, — ответил Холмс улыбаясь. — Теперь, лорд Сент-Саймон, у меня, пожалуй, есть почти все нужные сведения. Скажите только одно: могли вы, сидя за свадебном столом, видеть в окно то, что происходило на улице?

— Нам виден был противоположный тротуар и парк.

— Отлично. Итак, у меня, пожалуй, больше нет необходимости вас задерживать. Я напишу вам.

— Только бы вам посчастливилось разрешить эту загадку! — сказал наш клиент, поднимаясь с места.

— Я уже разрешил ее.

— Что? Я, кажется, ослышался.

— Я сказал, что разрешил эту загадку.

— В таком случае, где же моя жена?

— Очень скоро я отвечу вам и на этот вопрос.

Лорд Сент-Саймон нахмурился.

— Боюсь, что над этим делом еще немало помучаются и более мудрые головы, чем у нас с вами, — заметил он и, церемонно поклонившись, с достоинством удалился.

Шерлок Холмс засмеялся:

— Лорд Сент-Саймон оказал моей голове большую честь, поставив ее на один уровень со своей!.. Знаете что, я не прочь бы выпить виски с содовой и выкурить сигару после этого длительного допроса. А заключение по данному делу сложилось у меня еще до того, как наш клиент вошел в комнату.

— Полноте, Холмс!

— В моих заметках есть несколько аналогичных случаев, хотя, как я уже говорил вам, ни одно из тех исчезновений не было столь скоропалительным. Беседа же с лордом Сент-

Саймоном превратила мои предположения в уверенность. Побочные обстоятельства бывают иногда так же красноречивы, как муха в молоке, — если вспомнить Торо[44].

— Однако, Холмс, ведь я присутствовал при разговоре и слышал то же, что слышали и вы.

— Да, но вы не знаете тех случаев, которые уже имели место и которые сослужили мне отличную службу. Почти такая же история произошла несколько лет назад в Абердине и нечто очень похожее — в Мюнжене, на следующий год после франко-прусской войны. Данный случай… А, вот и Лестрейд! Здравствуйте, Лестрейд! Вон там, на буфете, вино, а здесь, в ящике, сигары.

Официальный сыщик Скотланд-Ярда был облачен в куртку и носил на шее шарф, что делало его похожим на моряка. В руке он держал черный парусиновый саквояж. Отрывисто поздоровавшись, он опустился на стул и закурил предложенную сигару.

— Ну, выкладывайте, что случилось? — спросил Холмс с лукавым огоньком в глазах. — У вас недовольный вид.

— И я действительно недоволен. Черт бы побрал этого Сент-Саймона с его свадьбой! Ничего не могу понять.

— Неужели? Вы удивляете меня.

— В жизни не встречал более запутанной истории. Не найти никаких концов. Сегодня я провозился с ней весь день.

— И, кажется, при этом изрядно промокли, — сказал Холмс, дотрагиваясь до рукава куртки.

— Да, я обшаривал дно Серпентайна[45].

— О, Господи! Да зачем вам это понадобилось?

— Чтобы найти тело леди Сент-Саймон.

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и от души расхохотался.

— А бассейн фонтана на Трафальгард-сквер вы не забыли обшарить? — спросил он.

— На Трафальгард-сквер? Что вы хотите этим сказать?

— Да то, что у вас точно такие же шансы найти леди Сент-Саймон здесь, как и там.

Лестрейд бросил сердитый взгляд на моего друга.

— Как видно, вы уже разобрались в этом деле? — насмешливо спросил он.

— Мне только что рассказали о нем, но я уже пришел к определенному выводу.

— Неужели! Так вы считаете, что Серпентайн тут ни при чем?

— Полагаю, что так.

— В таком случае, прошу объяснить, каким образом мы могли найти в пруду вот это.

Он открыл саквояж и выбросил на пол шелковое подвенечное платье, пару белых атласных туфелек и веночек с вуалью — все грязное и совершенно мокрое.

— Извольте! — сказал Лестрейд, кладя на эту кучу новенькое обручальное кольцо. — Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс!

— Вот оно что! — сказал Холмс, выпуская сизые кольца дыма. — И все эти вещи вы выудили в пруду?

— Они плавали у самого берега, их нашел сторож парка. Родственники леди Сент— Саймон опознали и платье и все остальное. По-моему, если там была одежда, то где— нибудь поблизости найдется и тело.

— Если исходить из этой остроумной теории, тело каждого человека должно быть найдено рядом с его одеждой. Так чего же вы надеетесь добиться с помощью вещей леди Сент-Саймон, хотел бы я знать?

— Какой-нибудь улики, доказывающей, что в ее исчезновении замешана Флора Миллар.

— Боюсь, это будет нелегко.

— Боитесь? — с горечью вскричал Лестрейд. — А я, Холмс, боюсь, что вы совсем оторвались от жизни с вашими вечными теориями и умозаключениями. За несколько минут вы сделали две грубые ошибки. Вот это самое платье, несомненно, уличает мисс Флору Миллар.

— Каким же образом?

— В платье есть карман. В кармане нашелся футляр для визитных карточек. А в футляре — записка. Вот она. — Он расправил записку на столе. — Сейчас я прочту ее вам: «Увидимся, когда все будет готово. Выходите немедленно. Ф. Х. М.». Я с самого начала предполагал, что Флора Миллар под каким-нибудь предлогом выманила леди Сент-Саймон из дому и, разумеется, вместе с сообщниками является виновницей ее исчезновения. И вот перед нами записка — записка с ее инициалами, которую она, несомненно сунула леди Сент-Саймон у дверей дома, чтобы завлечь ее в свои сети.

— Отлично, Лестрейд, — со смехом сказал Холмс. — Право же, вы очень ловко все это придумали. Покажите-ка записку.

Он небрежно взял в руку бумажку, но что-то в ней вдруг приковало его внимание.

— Да, это действительно очень важно! — сказал он с довольным видом.

— Ага! Теперь убедились?

— Чрезвычайно важно! Сердечно поздравляю вас, Лестрейд.

Торжествующий Лестрейд вскочил и наклонился над запиской.

— Что это? — изумился он. — Ведь вы смотрите не на ту сторону?

— Нет, я смотрю именно туда, куда нужно.

— Да вы с ума сошли! Переверните бумажку. Записка-то ведь написана карандашом на обороте!

— Зато здесь я вижу обрывок счета гостиницы, который весьма интересует меня.

— Ничего в нем нет особенного! Я уже видел его: «Окт. 4-го. Комната — 8 шил. Завтрак — 2 шил.6 пенс. Коктейль — 1 шил. Ленч — 2 шил. 6 пенс. Стакан хереса — 8 пенс». Вот и все. Не вижу ничего интересного.

— Вполне возможно, что не видите. А между тем этот счет имеет большое значение. Что касается записки, она тоже имеет значение, во всяком случае, ее инициалы. Так что поздравляю вас еще раз, Лестрейд.

— Ну, хватит терять время! — сказал тот, поднимаясь с места. — Я, знаете ли, считаю, что надо работать, а не сидеть у камина и разводить разные там теории. До свидания, мистер Холмс. Посмотрим, кто первым доберется до сути этого дела.

Он собрал принесенную одежду, сунул ее в саквояж и направился к двери.

— Два слова, Лестрейд, — медленно произнес Холмс, обращаясь к спине своего уходящего соперника. — Я могу вам открыть разгадку вашего дела. Леди Сент-Саймон — миф. Ее нет и никогда не было.

Лестрейд обернулся и с грустью взглянул на моего друга. Потом он посмотрел на меня, трижды постучал пальцем по лбу, многозначительно покачал головой и поспешно вышел.

Как только за ним закрылась дверь, Холмс встал и надел пальто.

— В том, что сказал этот субъект, есть доля истины, — заметил он. — Нельзя все время сидеть дома, надо работать. Поэтому, Уотсон, я должен ненадолго оставить вас наедине с вашими газетами.

Шерлок Холмс покинул меня в половине шестого, но я недолго оставался в одиночестве, ибо не прошло и часа, как к нам явился посыльный из гастрономического магазина с большущей коробкой. С помощью мальчика, пришедшего с ним вместе, он распаковал ее, и, к

моему великому удивлению, на скромном обеденном столе нашей квартирки появился роскошный холодный ужин. Здесь была парочка холодных вальдшнепов, фазан, паштет из гусиной печенки и несколько пыльных, покрытых паутиной бутылок старого вина. Расставив все эти лакомые блюда, оба посетителя исчезли, подобно духами из «Тысячи и одной ночи», успев сказать только, что за все уплачено и велено доставить по этому адресу.

Около девяти в комнату бодрыми шагами вошел Холмс. Лицо его было серьезно, но в глазах блестел огонек, по которому я сразу угадал, что он не обманулся в своих догадках.

— А, ужин уже на столе! — сказал он, потирая руки.

— Вы, значит, ждете гостей? Они накрыли на пять персон.

— Да, я думаю, что к нам может кое-кто зайти, — ответил он. — Странно, что лорда Сент-Саймона еще нет… Ага! Кажется, я слышу на лестнице его шаги.

Он не ошибся. В комнату быстро вошел наш утренний посетитель, еще сильнее прежнего раскачивая висевший на шнурке лорнет. На его аристократическом лице отражалось сильнейшее смятение.

— Стало быть, мой посыльный застал вас дома? — спросил Холмс.

— Да, но признаюсь, содержание письма поразило меня сверх всякой меры. Есть ли у вас доказательства того, что вы сообщили?

— Есть, и самые веские.

Лорд Сент-Саймон опустился в кресло и провел рукой по лбу.

— Что скажет герцог! — прошептал он. — Что он скажет, когда услышит об унижении, которому подвергся один из членов его семьи!

— Но ведь тут чистейшая случайность. Я никак не могу согласиться, что в этом есть что-нибудь унизительное.

— Ах, вы смотрите на такие вещи с другой точки зрения!

— Я решительно не вижу здесь ничьей вины. Мне кажется, эта леди просто не могла поступить иначе. Конечно, она действовала чересчур стремительно, но ведь у нее нет матери — ей не с кем было посоветоваться в критическую минуту.

— Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление! — сказал лорд Сент-Саймон, барабаня пальцами по столу.

— Однако вы должны принять в расчет то исключительно положение, в котором оказалась бедная молодая девушка.

— Я не собираюсь принимать в расчет что бы то ни было. Со мной поступили бесчестно. Я просто вне себя.

— Кажется, звонят, — заметил Холмс. — Да, я слышу шаги на площадке… Что ж, если я не в силах убедить, вас, лорд Сент-Саймон, более снисходительно отнестись ко всему случившемуся, то, может быть, это скорее удастся адвокату, которого я пригласил.

Холмс распахнул дверь и впустил в комнату даму и господина.

— Лорд Сент-Саймон, — сказал он, — позвольте представить вас мистеру и миссис Фрэнсис Хей Маултон. С миссис Маултон вы, кажется, уже знакомы.

При виде новых посетителей наш клиент вскочил с места. Он стоял выпрямившись, опустив глаза, заложив руку за борт сюртука, — воплощение оскорбленного достоинства. Дама подбежала к нему и протянула руку, но он упорно не поднимал глаз. Так было, пожалуй, лучше для него, если он хотел остаться непреклонным: вряд ли кто-нибудь мог бы устоять перед ее умоляющим взглядом.

— Вы сердитесь, Роберт? — сказала она. — Что ж, я понимаю, вы не можете не сердиться.

— Сделайте одолжение, не оправдывайтесь, — с горечью произнес лорд Сент-Саймон.

— Да, да, я знаю, я виновата, мне надо было поговорить с вами перед тем, как уйти, но я словно обезумела и с той самой минуты, как вдруг увидела Фрэнка, уже не сознавала, что делаю и что говорю. Удивительно еще, как это я не упала в обморок перед алтарем!

— Быть может, сударыня, вам угодно, чтобы мы — я и мой друг удалились на то время, пока вы будете объясняться с лордом Сент-Саймоном? — спросил Холмс.

— Если мне будет позволено высказать мое мнение, — вмешался мистер Маултон, — я скажу, что хватит делать тайну из этой истории. Что до меня, так я бы хотел, чтобы вся Европа и вся Америка услышали наконец правду.

Маултон был крепкий, загорелый молодой человек небольшого роста, с резкими чертами лица и быстрыми движениями.

— Ну хорошо, тогда я расскажу, как было дело, — сказала его спутница. — Мы с Фрэнком познакомились в 1881 году на прииске Мак-Квайра, близ Скалистых гор, где папа разрабатывал участок. Мы дали друг другу слово. Но вот однажды папа напал на богатую золотоносную жилу и разбогател, а участок бедного Фрэнка все истощался и в конце концов совсем перестал что-либо давать. Чем богаче становился папа, тем беднее становился Фрэнк. Папа теперь и слышать не хотел о нашем обручении и увез меня во Фриско. Но Фрэнк не сдавался. Он поехал за мной во Фриско, и мы продолжали видеться без ведома папы. Папа страшно рассердился бы, если б узнал об этом, поэтому мы и решили все сами. Фрэнк сказал, что он уедет и тоже наживет состояние и что приедет за мной только тогда, когда у него будет столько же денег, сколько у папы. А я пообещала, что буду ждать его, сколько бы ни понадобилось, и не выйду замуж за другого, пока он жив. «Если так, — сказал мне Фрэнк, — почему бы нам не обвенчаться теперь же? Я буду уверен в тебе, а твоим мужем стану лишь тогда, когда вернусь». Так мы и решили. Он отлично все устроил, священник обвенчал нас, и Фрэнк уехал искать счастья, а я вернулась к папе.

Через некоторое время я узнала, что Френк в Монтане. Потом он уехал искать золото в Аризону, а следующее известие о нем я получила уже из Нью-Мексико. Потом появилась длинная газетная статья о нападении на прииски индейцев-апачей, и в списке убитых было имя моего Фрэнка. Я потеряла сознание и потом несколько месяцев была тяжело больна. Папа уже думал, что у меня чахотка, и водил меня по всем докторам Фриско. Больше года я ни слова не слыхала о Фрэнке и была совершенно уверена, что он умер. Тут во Фриско приехал лорд Сент-Саймон, потом мы с папой поехали в Лондон, была решена свадьба, и папа был очень доволен, но я все время чувствовала, что ни один мужчина в мире не может занять в моем сердце то место, какое я отдала моему Фрэнку.

И все-таки, если бы я вышла замуж за лорда Сент-Саймона, я была бы ему верной женой. Мы не вольны в нашей любви, но управлять своими поступками в нашей власти. Я шла с ним к алтарю с твердым намерением исполнить свой долг, насколько это было в моих силах. Но вообразите себе, что я почувствовала, когда, подойдя к алтарю и оглянувшись, вдруг увидела Фрэнка. Он стоял возле первой скамьи и смотрел прямо на меня. Сначала я подумала, что это призрак. Но когда я оглянулась снова, он по-прежнему стоял там и взглядом словно спрашивал, рада я, что вижу его, или нет. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Все кружилось передо мной, и слова священника доносились до меня, точно жужжание пчелы. Я не знала, как быть. Остановить брачную церемонию, решиться на скандал в церкви? Я снова взглянула на него и, должно быть, он прочитал мои мысли, потому что приложил палец к губам, как бы советуя молчать. Потом я увидела, как он торопливо пишет что-то на клочке бумаги, и поняла, что эта записка предназначалась мне. Проходя мимо него я уронила букет, и он, возвращая цветы, успел сунуть мне в руку записку. В ней было всего несколько слов: он просил, чтобы я вышла к нему, как только он подаст знак. У меня, конечно, не было и тени сомнения, что теперь мой главный долг — повиноваться ему и делать все, что он скажет.

Придя домой, я все рассказала моей служанке, которая знала Фрэнка еще в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать обо всем, сложить кое-что из самых необходимых вещей и приготовить мне пальто. Я знаю, мне следовало бы поговорить с лордом Сент-Саймоном, но это было так трудно в присутствии его матери и всех этих важных гостей! И я решила, что сначала убегу, а потом уже объяснюсь с ним. Мы просидели за столом минут десять, не больше, я вот, глядя в окно, я увидела Фрэнка, стоявшего на противоположном тротуаре. Он кивнул мне и зашагал по направлению к парку. Я вышла из столовой, накинула пальто и пошла вслед за ним. На улице ко мне подошла какая-то женщина и начала рассказывать что-то о лорде Сент-Саймоне. Я почти не слушала ее, но все же уловила, что у него тоже была какая-то тайна до нашей женитьбы. Вскоре мне удалось отделаться от этой женщины, и я нагнала Фрэнка. Мы сели в кэб и поехали на Гордон-сквер, где он успел снять квартиру, и это была моя настоящая свадьба после стольких лет ожидания. Фрэнк, оказывается, попал в плен к апачам, бежал, приехал во Фриско, узнал, что я, считая его умершим, уехала в Англию, поспешил вслед за мной сюда и наконец разыскал меня как раз в день моей второй свадьбы.

— Я прочитал о венчании в газетах, — пояснил американец. — Там было указано название церкви и имя невесты, но не было ее адреса.

— Потом мы начали советоваться, как нам поступить. Фрэнк с самого начала стоял за то, чтобы ничего не скрывать, но мне было так стыдно, что захотелось исчезнуть и никогда больше не встречать никого из этих людей, разве только написать несколько слов папе, чтоб он знал, что я жива и здорова. Я с ужасом представляла себе, как все эти лорды и леди сидят за свадебным столом и ждут моего возвращения. Итак, Фрэнк взял мое подвенечное платье и остальные вещи, связал их в узел, чтобы никто не мог выследить меня, и отнес в такое место, где никто не мог бы их найти. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы сегодня к нам не пришел этот милый джентльмен, мистер Холмс, хотя каким чудом он нас нашел, просто уму непостижимо. Он доказал нам — очень убедительно и мягко, — что я была не права, а Фрэнк прав и что мы сами себе повредим, если будем скрываться. Потом он сказал, что может предоставить нам возможность поговорить с лордом Сент-Саймоном без свидетелей, и вот мы здесь. Теперь, Роберт, вы знаете все. Мне очень, очень жаль, если я причинила вам горе, но я надеюсь, что вы будете думать обо мне не так уж плохо.

Лорд Сент-Саймон слушал этот длинный рассказ все с тем же напряженным и холодным видом. Брови его были нахмурены, а губы сжаты.

— Прошу извинить меня, — сказал он, — но не в моих правилах обсуждать самые интимные свои дела в присутствии посторонних.

— Так вы не хотите простить меня? Не хотите пожать мне руку на прощание?

— Нет, почему же, если это может доставить вам удовольствие.

И он холодно пожал протянутую ему руку.

— Я полагал, — начал было Холмс, — что вы не откажетесь поужинать с нами.

— Право, вы требуете от меня слишком многого, — возразил достойный лорд. — Я вынужден примириться с обстоятельствами, но вряд ли можно ожидать, чтобы я стал радоваться тому, что произошло. С вашего позволения, я пожелаю вам приятного вечера.

Он сделал общий поклон и торжественно удалился.

— Но вы-то, надеюсь, удостоите меня своим обществом, — сказал Шерлок Холмс. — Мне, мистер Маултон, всегда приятно видеть американца, ибо я из тех, кто верит, что недомыслие монарха и ошибки министра,[46] имевшего место в давно минувшие годы, не помешают нашим детям превратиться когда-нибудь в граждан некой огромной страны, у которой будет единый флаг — англо-американский.

— Интересный выдался случай, — заметил Холмс, когда гости ушли. — Он с очевидностью доказывает, как просто можно иной раз объяснить факты, которые на первый взгляд представляются почти необъяснимыми. Что может быть проще и естественнее ряда событий, о которых нам рассказала молодая леди? И что может быть удивительнее тех выводов, которые легко сделать, если смотреть на вещи, скажем, с точки зрения мистера Лестрейда из Скотланд-Ярда!

— Так вы, значит, были на правильном пути с самого начала?

— Для меня с самого начала были очевидны два факта: первый — что невеста шла к венцу совершенно добровольно и второй — что немедленно после венчания она уже раскаивалась о своем поступке. Ясно как день, что за это время произошло нечто, вызвавшее в ней такую перемену. Что же это могло быть? Разговаривать с кем-либо вне дома у нее не было возможности, потому что жених ни на секунду не расставался с нею. Но, может быть, она встретила кого-нибудь? Если так, это мог быть только какой-нибудь американец: ведь в Англии она совсем недавно и вряд ли кто-нибудь здесь успел приобрести над ней такое огромное влияние, чтобы одним своим появлением заставить ее изменить все планы. Итак, методом исключения мы уже пришли к выводу, что она встретила какого-то американца. Но кто же он был, этот американец, и почему встреча с ним так подействовала на нее? По-видимому, это был либо возлюбленный, либо муж. Юность девушки прошла, как известно, среди суровых людей в весьма своеобразной обстановке. Все это я понял еще до рассказа лорда Сент-Саймона. А когда он сообщил нам о мужчине, оказавшемся в церкви, о том, как невеста переменила свое обращение с ним самим, как она уронила букет — испытанный способ получения записок, — о разговоре леди Сент-Саймон с любимой горничной и о ее многозначительном намеке на «захват чужого участка» (а на языке золотопромышленников это означает посягательство на то, чем уже завладел другой), все стало для меня совершенно ясно. Она сбежала с мужчиной, и этот мужчина был либо ее возлюбленным, либо мужем, причем последнее казалось более вероятным.

— Но каким чудом вам удалось разыскать их?

— Это, пожалуй, было бы трудновато, но мой друг Лестрейд, сам того не понимая, оказался обладателем ценнейшей информации. Инициалы, разумеется, тоже имели большое значение, но еще важнее было узнать, что на этой неделе человек с такими инициалами останавливался в одной из лучших лондонских гостиниц.

— А как вы установили, что это была одна из лучших?

— Очень просто: по ценам. Восемь шиллингов за номер и восемь пенсов за стакан хереса берут только в первоклассных гостиницах, а их в Лондоне не так много. Уже во второй гостинице, которую я посетил, на Нортумберленд-авеню, я узнал из книги для приезжающих, что некто мистер Фрэнсис Х. Маултон, из Америки, выехал оттуда как раз накануне. А просмотрев его счета, я нашел те самые цифры, которые видел в копии счета. Свою корреспонденцию он распорядился пересылать по адресу: Гордон-сквер, 226, куда я и направился. Мне посчастливилось застать влюбленную пару дома, и я отважился дать молодым несколько отеческих советов. Мне удалось доказать им, что они только выиграют, если разъяснят широкой публике и особенно лорду Сент-Саймону, создавшееся положения Я пригласил их сюда, пообещав им встречу с лордом, и, как видите, мне удалось убедить его явиться на это свидание

— Но результаты не блестящи, — заметил я. — Он бы не слишком любезен.

— Ах, Уотсон, — с улыбкой возразил мне Холмс, — пожалуй, вы тоже были бы не слишком любезны, если бы после всех хлопот, связанных с ухаживанием и со свадьбой, оказались вдруг и без жены, и без состояния. По-моему, мы должны быть крайне снисходительны к лорду Сент-Саймону и благодарить судьбу за то, что, по всей видимости, никогда не окажемся в его положении… Передайте мне скрипку и садитесь поближе. Ведь теперь у нас осталась

неразгаданной только одна проблема — как мы будем убивать время в эти темные осенние вечера.

Берилловая диадема

— Посмотрите-ка, Холмс, — сказал я. — Какой-то сумасшедший бежит. Не понимаю, как родные отпускают такого без присмотра.

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и глядел вниз, на Бейкер-стрит.

Холмс лениво поднялся с кресла, встал у меня за спиной и, засунув руки в карманы халата, взглянул в окно.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег лежал плотным слоем, сверкая в лучах зимнего солнца. На середине улицы снег превратился в бурую грязную массу, но по обочинам он оставался белым, как будто только что выпал. Хотя тротуары уже очистили, было все же очень скользко, и пешеходов на улице было меньше, чем обычно. Сейчас на улице на всем протяжении от станции подземки до нашего дома находился только один человек. Его эксцентричное поведение и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким энергичным лицом и представительной фигурой. Одет он был богато, но не броско: блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и коричневые гетры. Однако все его поведение решительно не соответствовало его внешности и одежде. Он бежал, то и дело подскакивая, как человек, не привыкший к физическим упражнениям, размахивал руками, вертел головой, лицо его искажалось гримасами.

— Что с ним? — недоумевал я. — Он, кажется, ищет какой-то дом.

— Я думаю, что он спешит сюда, — сказал Холмс, потирая руки.

— Сюда?

— Да. Полагаю, ему нужно посоветоваться со мной. Все признаки налицо. Ну, прав я был или нет?

В это время незнакомец, тяжело дыша, кинулся к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, огласив звоном весь дом.

Через минуту он вбежал в комнату, едва переводя дух и жестикулируя. В глазах у него затаилось такое горе и отчаяние, что наши улыбки погасли и насмешка уступила место глубокому сочувствию и жалости. Сначала он не мог вымолвить ни слова, только раскачивался взад и вперед и хватал себя за голову, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Вдруг он бросился к стене и ударился о нее головой. Мы кинулись к нашему посетителю и оттащили его на середину комнаты. Холмс усадил несчастного в кресло, сам сел напротив и, похлопав его по руке, заговорил так мягко и успокаивающе, как никто, кроме него, не умел.

— Вы пришли ко мне, чтобы рассказать, что с вами случилось? — сказал он. — Вы утомились от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью выслушаю вас, что вы имеете сказать.

Незнакомцу потребовалась минута или больше того, чтобы отдышаться и побороть волнение. Наконец он провел платком по лбу, решительно сжал губы и повернулся к нам.

— Вы, конечно, сочли меня за сумасшедшего? — спросил он.

— Нет, но я вижу, что с вами стряслась беда, — ответил Холмс.

— Да, видит Бог! Беда такая неожиданная и страшная, что можно сойти с ума. Я вынес бы бесчестье, хотя на моей совести нет ни единого пятнышка. Личное несчастье — это случается с каждым. Но одновременно и то и другое, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это касается не только меня. Если не будет немедленно найден выход из моего бедственного положения, может пострадать одна из знатнейших персон нашей страны.

— Успокойтесь, сэр, прошу вас, — сказал Холмс. — Расскажите, кто вы и что с вами случилось.

— Мое имя, возможно, известно вам, — проговорил посетитель. — Я Александр Холдер из банкирского дома «Холдер и Стивенсон» на Тренидл-стрит.

Действительно, имя было хорошо знакомо нам; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы в Лондоне. Что же привело в такое жалкое состояние одного из виднейших граждан столицы? Мы с нетерпением ждали ответа на этот вопрос. Огромным усилием воли Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу.

— Я понимаю, что нельзя терять ни минуты. Как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам, я немедленно поспешил сюда. Я добрался до Бейкер-стрит подземкой и всю дорогу от станции бежал: по такому снегу кэбы движутся очень медленно. Я вообще мало двигаюсь и потому так запыхался. Но сейчас мне стало лучше, и я постараюсь изложить все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском деле очень многое зависит от умения удачно вкладывать средства и в то же время расширять клиентуру. Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств — выдача ссуд под солидное обеспечение. За последние годы мы немало успели в этом отношении. Мы ссужаем крупными суммами знатные семейства под обеспечение картинами, фамильными библиотеками, сервизами.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, и кто-то из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, потому что это был не кто иной, как… Впрочем, пожалуй, даже вам я не решусь его назвать. Это имя известно всему миру; имя одной из самых высокопоставленных и знатных особ Англии. Я был ошеломлен оказанной мне честью, и когда он вошел, хотел было выразить свои чувства высокому посетителю. Но он прервал меня: ему, видно, хотелось как можно быстрее уладить неприятное для него дело.

— Мистер Холдер, я слышал, что вы предоставляете ссуды.

— Да. Фирма дает ссуды под надежные гарантии, — отвечал я.

— Мне совершенно необходимы пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и притом немедленно, — заявил он. — Конечно, такую небольшую сумму я мог бы одолжить у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом порядке. И я вынужден сам заниматься этим. Вы, конечно, понимаете, что человеку моего положения неудобно вмешивать в это дело посторонних.

— Позвольте узнать, на какой срок вам нужны деньги? — осведомился я.

— В будущий понедельник мне вернут крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно получить деньги сразу.

— Я был бы счастлив безоговорочно дать вам деньги из своих личных средств, но это довольно крупная сумма, так что придется сделать это от имени фирмы. Элементарная справедливость по отношению к моему компаньону требует, чтобы я принял меры деловой предосторожности.

— Иначе и быть не может, — сказал он и взял в руки квадратный футляр черного сафьяна, который перед тем положил на стол возле себя. — Вы, конечно, слышали о знаменитой берилловой диадеме?

— Разумеется. Это — национальное достояние.

— Совершенно верно. — Он открыл футляр — на мягком розовом бархате красовалось великолепнейшее произведение ювелирного искусства.

— В диадеме тридцать девять крупных бериллов, — сказал он. — Ценность золотой оправы не поддается исчислению. Самая минимальная ее стоимость вдвое выше нужной мне суммы. Я готов оставить диадему у вас.

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой и с некоторым колебанием поднял глаза на своего именитого посетителя.

— Вы сомневаетесь в ценности диадемы? — улыбнулся он.

— О, что вы, я сомневаюсь лишь…

— …удобно ли мне оставить эту диадему вам? Можете не беспокоиться. Мне эта мысль и в голову не пришла, не будь я абсолютно убежден, что через четыре дня получу диадему обратно. Пустая формальность! Ну, а само обеспечение вы считаете удовлетворительным?

— Вполне.

— Вы, разумеется, понимаете, мистер Холдер, что мой поступок — свидетельство глубочайшего доверия, которое я питаю к вам. Это доверие основано на том, что я знаю о вас. Я рассчитываю на вашу скромность, на то, что вы воздержитесь от каких-либо разговоров о диадеме. Прошу вас также беречь ее особенно тщательно, так как любое повреждение вызовет скандал. Оно повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и пропажа диадемы. В мире больше нет таких бериллов, и, если потеряется хоть один, возместить его будет нечем. Но я доверяю вам и со спокойной душой оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром.

Видя, что мой клиент спешит, я без дальнейших разговоров вызвал кассира и распорядился выдать пятьдесят банковских билетов по тысяче фунтов стерлингов.

Оставшись один и разглядывая драгоценность, лежащую на моем письменном столе, я подумал об огромной ответственности, которую принял на себя. В случае пропажи диадемы, несомненно, разразится невероятный скандал: ведь она достояние нации! Я даже начал сожалеть, что впутался в это дело. Но сейчас уже ничего нельзя было изменить. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что было бы опрометчиво оставлять в банке такую драгоценность. Кому не известны случаи взлома сейфов? А вдруг взломают и мой? В каком ужасном положении я окажусь, случись такая беда! И я решил держать диадему при себе. Затем я вызвал кэб и поехал домой в Стритем с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в комнате, смежной с моей спальней.

А теперь два слова о людях, живущих в моем доме. Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга — приходящие работники, поэтому о них можно не говорить. У меня три горничные, работающие уже много лет, и их абсолютная честность не вызывает ни малейшего сомнения. Четвертая — Люси Парр, официантка, живет у нас только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и вполне справляется со своей работой. Люси — хорошенькая девушка, у нее есть поклонники, которые слоняются возле дома. Это — единственное, что мне не нравится. Впрочем, я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все, что касается слуг. Моя собственная семья так немногочисленна, что мне не придется много о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына Артура. К великому моему огорчению, он обманул мои надежды. Нет ни малейшего сомнения, что виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Очень может быть. Когда скончалась жена, я понял, что теперь сын — моя единственная привязанность. Я не мог ему отказать ни в чем, я совершенно не мог выносить даже малейшего его неудовольствия. Может быть, для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку построже. Но в то время я думал иначе.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой склонности к этому. Он стал необузданным, своенравным, и, говоря по совести, я не мог доверить ему большие деньги. Юношей он вступил в аристократический клуб, а позже благодаря обаятельным манерам стал своим человеком в кругу самых богатых и расточительных людей. Он пристрастился к крупной игре в карты, проматывал деньги на

скачках и поэтому все чаще и чаще обращался ко мне с просьбой дать ему денег — в счет будущих карманных расходов. Деньги нужны были для того, чтобы расплатиться с карточными долгами. Правда, Артур неоднократно пытался отойти от этой компании, но каждый раз влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что сэр Джордж Бэрнвелл оказывал такое влияние на моего сына. Артур нередко приглашал его к нам, и должен сказать, что даже я подпадал под обаяние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, интереснейший собеседник, много поездивший и повидавший на своем веку, к тому же человек исключительно привлекательной внешности. Но все же, думая о нем спокойно, отвлекаясь от его личного обаяния и вспоминая его циничные высказывания и взгляды, я сознавал, что сэру Джорджу нельзя доверять.

Так думал не только я — того же взгляда придерживалась и Мэри, обладающая тонкой женской интуицией.

Теперь остается рассказать лишь о Мэри, моей племяннице. Когда лет пять тому назад умер брат и она осталась одна на всем свете, я взял ее к себе. С тех пор она для меня словно родная дочь. Мэри — солнечный луч в моем доме — такая ласковая, чуткая, милая, какой только может быть женщина, и к тому же превосходная хозяйка. Мэри — моя правая рука, я не могу себе представить, что я делал бы без нее. И только в одном она шла против моей воли. Мой сын Артур любит ее и дважды просил ее руки, но она каждый раз отказывала ему. Я глубоко убежден, что если хоть кто-нибудь способен направить моего сына на путь истинный, так это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь… но сейчас, увы, слишком поздно. Все погибло!

Ну вот, мистер Холмс, теперь вы знаете людей, которые живут под моей крышей, и я продолжу свою печальную повесть.

Когда в тот вечер после обеда мы пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри, какое сокровище находится у нас в доме. Я, конечно, не назвал имени клиента. Люси Парр, подававшая нам кофе, к тому времени уже вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не берусь утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом, хотели посмотреть знаменитую диадему, но я почел за благо не прикасаться к ней.

— Куда же ты ее положил? — спросил Артур.

— В бюро.

— Будем надеяться, что сегодня ночью к нам не вломятся грабители, — сказал он.

— Бюро заперто на ключ, — возразил я.

— Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета.

Он часто нес всякий вздор, и я не придал значения его словам.

После кофе Артур с мрачным видом последовал в мою комнату.

— Послушай, папа, — сказал он, опустив глаза. — Не мог бы ты одолжить мне двести фунтов?

— Ни в коем случае, — ответил я резко. — Я и так слишком распустил тебя в денежных делах.

— Да, ты всегда щедр, — сказал он. — Но сейчас мне крайне нужна эта сумма, иначе я не смогу показаться в клубе.

— Тем лучше! — воскликнул я.

— Но меня же могут посчитать за нечестного человека! Я не вынесу такого позора. Так или иначе я должен достать деньги. Если ты не дашь мне двести фунтов, я буду вынужден раздобыть их иным способом.

Я возмутился: за последний месяц он третий раз обращался ко мне с подобной просьбой.

— Ты не получишь ни фартинга! — закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова. После ухода Артура я заглянул в бюро, убедился, что драгоценность на месте, и снова запер его на ключ.

Затем я решил обойти комнаты и посмотреть, все ли в порядке. Обычно эту обязанность берет на себя Мэри, но сегодня я решил, что лучше сделать это самому. Спускаясь с лестницы, я увидел свою племянницу — она закрывала окно в гостиной.

— Скажите, папа, вы разрешили Люси отлучиться? — Мне показалось, что Мэри немножко встревожена. — Об этом и речи не было.

— Она только что вошла через черный ход. Думаю, что она выходила к калитке повидаться с кем-нибудь. Мне кажется, это ни к чему, и пора это прекратить.

— Непременно поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам это сделаю. Ты проверила, все хорошо заперто?

— Да, папа.

— Тогда спокойной ночи, дитя мое. — Я поцеловал ее отправился к себе в спальню и вскоре уснул.

— Я подробно говорю обо всем, что может иметь хоть какое-нибудь отношение к делу, мистер Холмс. Но, если что-либо покажется вам неясным, спрашивайте, не стесняйтесь.

— Нет, нет, вы рассказываете вполне ясно, — ответил Холмс.

— Сейчас я перехожу к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно детально. Обычно я сплю не очень крепко, а беспокойство в тот раз отнюдь не способствовало крепкому сну. Около двух часов ночи я проснулся от какого-то слабого шума. Шум прекратился прежде, чем я сообразил, в чем дело, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я весь обратился в слух. Вдруг до меня донеслись легкие шаги в комнате рядом с моей спальней. Я выскользнул из постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

— Артур! — закричал я. — Негодяй! Вор! Как ты посмел притронуться к диадеме!

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного сына — на нем была только рубашка и брюки. Он стоял около газовой горелки и держал в руках диадему. Мне показалось, что он старался согнуть ее или сломать. Услышав меня, Артур выронил диадему и повернулся ко мне, бледный как смерть. Я схватил сокровище: не хватало золотого зубца с тремя бериллами.

— Подлец! — закричал я вне себя от ярости. — Сломать такую вещь! Ты обесчестил меня, понимаешь? Куда ты дел камни, которые украл?

— Украл? — попятился он.

— Да, украл! Ты вор! — кричал я, тряся его за плечи.

— Нет, не может быть, ничего не могло пропасть! — бормотал он.

— Тут недостает трех камней. Где они? Ты, оказывается, не только вор, но и лжец! Я же видел, как ты пытался отломить еще кусок.

— Хватит! Я больше не намерен терпеть оскорбления, — холодно сказал Артур. — Ты не услышишь от меня ни слова. Утром я ухожу из дому и буду сам устраиваться в жизни.

— Ты уйдешь из моего дома только в сопровождении полиции! — кричал я, обезумев от горя и гнева. — Я хочу знать все, абсолютно все!

— Я не скажу ни слова! — неожиданно взорвался он. — Если ты считаешь нужным вызвать полицию — пожалуйста, пусть ищут!

Я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала в комнату. Увидев диадему и растерянного Артура, она все поняла и, вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицией. Когда прибыли полицейский инспектор и констебль, Артур, мрачно

стоявший со скрещенными руками, спросил меня, неужели я действительно собираюсь предъявить ему обвинение в воровстве. Я ответил, что это дело отнюдь не частное, что диадема — собственность нации и что я твердо решил дать делу законный ход.

— Но ты по крайней мере не дашь им арестовать меня сейчас же, — сказал он. — Во имя наших общих интересов разреши мне отлучиться из дому хотя бы на пять минут.

— Для того, чтобы ты скрылся или получше припрятал краденое? — воскликнул я.

Я понимал весь ужас своего положения и заклинал его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь гораздо более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет огромный скандал, который потрясет всю нацию. Всего можно избежать, если только он скажет, что он сделал с тремя камнями.

— Пойми, — говорил я. — Ты задержан на месте преступления. Признание не усугубит твою вину. Напротив, если ты вернешь бериллы, то поможешь исправить создавшееся положение и тебя простят.

— Приберегите свое прощение для тех, кто в нем нуждается, — сказал он высокомерно и отвернулся.

Я видел, что он крайне ожесточен, и понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. Оставался один выход. Я пригласил инспектора, и тот взял Артура под стражу.

Полицейские немедленно обыскали Артура и его комнату, обшарили каждый закоулок в доме, но обнаружить драгоценные камни не удалось, а негодный мальчишка не раскрывал рта, несмотря на наши увещевания и угрозы. Сегодня утром его отправили в тюрьму. А я, закончив формальности, поспешил к вам. Умоляю вас применить все свое искусство, чтобы раскрыть это дело. В полиции мне откровенно сказали, что в настоящее время вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. Я не остановлюсь ни перед какими расходами. Я уже предложил вознаграждение в тысячу фунтов… Боже! Что же мне делать? Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь… О, что мне делать?!

Он схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал, как ребенок, который не в состоянии выразить свое горе.

Несколько минут Холмс сидел молча, нахмурив брови и устремив взгляд на огонь в камине.

— У вас часто бывают гости? — спросил он.

— Нет, у нас никого не бывает, иногда разве придет компаньон с женой да изредка кто-либо из друзей Артура. Недавно к нам несколько раз заглядывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

— А вы сами часто бываете в обществе?

— Артур — часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба домоседы.

— Это необычно для молодой девушки.

— Она не очень общительная и к тому же не такая уж юная. Ей двадцать четыре года.

— Вы говорите, что случившееся явилось для нее ударом?

— О да! Она потрясена больше меня.

— А у вас не появлялось сомнения в виновности Артура?

— Какие же могут быть сомнения, когда я собственными глазами видел диадему в руках у Артура?

— Я не считаю это решающим доказательством вины. Скажите, кроме отломанного зубца, были какие-нибудь еще повреждения на диадеме?

— Она была погнута.

— А вам не приходила мысль, что ваш сын просто пытался распрямить ее?

— Что вы! Я понимаю, вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он делал в моей комнате? Если он не имел преступных намерений, отчего он молчит?

— Все это верно. Но, с другой стороны, если он виновен, то почему бы ему не попытаться придумать какую-нибудь версию в свое оправдание? То обстоятельство, что он не хочет говорить, по-моему, исключает оба предположения. И вообще тут есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

— Они считают, что Артур, выходя из спальни, неосторожно стукнул дверью.

— Очень похоже! Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить весь дом! А что они думают по поводу исчезнувших камней?

— Они и сейчас еще простукивают стены и обследуют мебель.

— А они не пытались искать вне дома?

— Они проявили исключительную энергию. Они прочесали весь сад.

— Ну, дорогой мистер Холдер, — сказал Холмс, — разве не очевидно, что все гораздо сложнее, чем предполагаете вы и полиция? Вы считаете дело ясным, а с моей точки зрения это очень запутанная история. Судите сами, по-вашему, ход событий таков: Артур поднимается с постели, пробирается с большим риском в ту комнату, открывает бюро и достает диадему, отламывает с большим трудом зубец, выходит и где-то прячет три берилла из тридцати девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, затем вновь возвращается в вашу комнату, подвергая себя огромному риску: ведь его могут застать там. Неужели такая версия в самом деле кажется вам правдоподобной?

— Но тогда я ума не приложу, что могло случиться! — воскликнул банкир в отчаянии. — Если он не имел дурных намерений, почему он молчит?

— А вот это уже наше дело — разгадать загадку, — ответил Холмс. — Теперь, мистер Холдер, мы отправимся вместе с вами в Стритем и потратим часок-другой, чтобы на месте познакомиться с кое-какими обстоятельствами.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал его. И я охотно согласился: эта странная история вызвала у меня предельное любопытство и глубокую симпатию к несчастному мистеру Холдеру. Говоря откровенно, виновность Артура казалась мне, как и нашему клиенту, совершенно бесспорной, и все же я верил в чутье Холмса: если мой друг не удовлетворился объяснениями Холдера, значит, есть какая-то надежда.

Пока мы ехали к южной окраине Лондона, Холмс не проронил ни слова. Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, напротив, казалось, воспрянул духом от слабого проблеска надежды и даже пытался завести со мной разговор о своих банковских делах. В пути мы были недолго: непродолжительная поездка по железной дороге, краткая прогулка пешком — и вот мы уже в Фэрбенке, скромной резиденции богатого финансиста.

Фэрбенк — большой квадратный дом из белого камня, расположенный недалеко от шоссе, с которым его соединяет только дорога для экипажей. Сейчас эта дорога, упирающаяся в массивные железные ворота, была занесена снегом. Направо от нее — густые заросли кустарника, за ними — узкая тропинка, по обе стороны которой живая изгородь; тропинка ведет к кухне, и ею пользуются главным образом поставщики продуктов. Налево — дорожка к конюшне. Она, собственно говоря, не входит во владения Фэрбенка и является общественной собственностью. Впрочем, там очень редко можно встретить посторонних.

Холмс не вошел в дом вместе с нами; он медленно двинулся вдоль фасада, по дорожке, ведущей на кухню и дальше через сад, в сторону конюшни. Мистер Холдер и я так и не дождались Холмса; войдя в дом, мы молча расположились в столовой около камина. Внезапно дверь отворилась, и в комнату тихо вошла молодая девушка. Она была немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Эти глаза казались еще темнее оттого, что в лице ее не было ни кровинки. Мне никогда еще не приходилось видеть такой мертвенной бледности. Губы тоже были совсем белые, глаза заплаканы. Казалось, что она сильнее

потрясена горем, чем даже мистер Холдер. В то же время черты ее лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

— Вы распорядились, чтобы Артура освободили, папа? — спросила она.

— Нет, моя девочка, дело надо расследовать до конца.

— Я глубоко убеждена, что он не виновен. Мне сердце подсказывает это. Он не мог сделать ничего дурного. Вы потом сами пожалеете, что обошлись с ним так сурово.

— Но почему же он молчит, если не виновен?

— Возможно, он обиделся, что вы подозреваете его в краже.

— Как же не подозревать, если я застал его с диадемой в руках?

— Он взял диадему в руки, чтобы посмотреть. Поверьте, папа, он не виновен. Пожалуйста, прекратите это дело. Как ужасно, что наш дорогой Артур в тюрьме!

— Я не прекращу дела, пока не будут найдены бериллы. Ты настолько привязана к Артуру, что забываешь об ужасных последствиях. Нет, Мэри, я не отступлюсь, напротив, я пригласил джентльмена из Лондона для самого тщательного расследования.

— Это вы? — Мэри повернулась ко мне.

— Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его одного. Он хотел пройти по дорожке, которая ведет к конюшне.

— К конюшне? — Ее темные брови удивленно поднялись. — Что он думает там найти? А вот, очевидно, и он сам. Я надеюсь, сэр, что вам удастся доказать непричастность моего кузена к этому преступлению. Я убеждена в этом.

— Я полностью разделяю ваше мнение, — сказал Холмс, стряхивая у половика снег с ботинок. — Полагаю, я имею честь говорить с мисс Холдер? Вы позволите задать вам несколько вопросов?

— Ради Бога, сэр! Если б только мои ответы помогли распутать это ужасное дело!

— Вы ничего не слышали сегодня ночью?

— Ничего, пока до меня не донесся громкий голос дяди, и тогда я спустилась вниз.

— Накануне вечером вы закрывали окна и двери. Хорошо ли вы их заперли?

— Да.

— И они были заперты сегодня утром?

— Да.

— У вашей горничной есть поклонник. Вчера вечером вы говорили дяде, что она выходила к нему?

— Да, она подавала нам вчера кофе. Она могла слышать, как дядя рассказывал о диадеме.

— Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла что-то сообщить своему поклоннику и они вместе замыслили кражу.

— Ну какой прок от всех этих туманных предположений? — нетерпеливо воскликнул мистер Холдер. — Ведь я же сказал, что застал Артура с диадемой в руках.

— Не надо спешить, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь относительно вашей прислуги. Мисс Холдер, она вошла в дом через кухню?

— Да. Я спустилась посмотреть, заперта ли дверь, и увидела Люси у порога. Заметила в темноте и ее поклонника.

— Вы знаете его?

— Да, он зеленщик, приносит нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

— И он стоял немного в стороне, не у самой двери?

— Да.

— И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в выразительных черных глазах девушки.

— Вы волшебник, — сказала она. — Как вы это узнали? — Она улыбнулась, но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

— Я хотел бы подняться наверх, — сказал он. — Впрочем, сначала я посмотрю окна.

Он быстро обошел первый этаж, переходя от одного окна к другому, затем остановился у большого окна, которое выходило на дорожку, ведущую к конюшне. Он открыл окно и тщательно, с помощью сильной лупы осмотрел подоконник. — Что ж, теперь пойдемте наверх, — сказал он наконец.

Комната, расположенная рядом со спальней банкира, выглядела очень скромно: серый ковер, большое бюро и высокое зеркало. Холмс первым делом подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

— Каким ключом отперли его? — спросил он.

— Тем самым, о котором говорил мой сын, — от буфета в чулане.

— Где ключ?

— Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

— Замок бесшумный, — сказал он. — Не удивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, и находится диадема? Посмотрим… — Он открыл футляр, извлек диадему и положил на стол. Это было чудесное произведение ювелирного искусства. Таких изумительных камней мне никогда не приходилось видеть. Один зубец диадемы был отломан.

— Вот этот зубец соответствует отломанному, — сказал Холмс. — Будьте любезны, мистер Холдер, попробуйте отломить его.

— Боже меня сохрани! — воскликнул банкир, в ужасе отшатнувшись от Холмса.

— Ну, так попробую я. — Холмс напряг все силы, но попытка оказалась безуспешной. — Немного поддается, но мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, чтоб отломить зубец, хотя руки у меня очень сильные. Человеку с обычным физическим развитием это вообще не под силу. Но допустим, что я все же сломал диадему. Раздался бы треск, как выстрел из пистолета. Неужели вы полагаете, мистер Холдер, что это произошло чуть ли не над вашим ухом и вы ничего не услышали?

— Уж не знаю, что и думать. Мне все это совершенно непонятно.

— Как знать, может быть все разъяснится. А что вы думаете, мисс Холдер?

— Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

— Скажите, мистер Холдер, были ли в тот момент на ногах вашего сына ботинки или туфли?

— Нет, он был босой, на нем были только брюки и рубашка.

— Благодарю вас. Ну что ж, нам просто везет, и если мы не раскроем тайну, то только по нашей собственной вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я еще раз обойду вокруг дома.

Холмс вышел один: лишние следы, по его словам, только затрудняют работу.

Он пропадал около часу, а когда вернулся, ноги у него были все в снегу, а лицо непроницаемо, как обычно.

— Мне кажется, я осмотрел все, что нужно, — сказал он, — и могу отправиться домой.

— Ну, а как же камни, мистер Холмс, где они? — воскликнул банкир.

— Этого я сказать не могу.

Банкир в отчаянии заломил руки.

— Неужели они безвозвратно пропали? — простонал он. — А как же Артур? Дайте хоть самую маленькую надежду!

— Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

— Ради всего святого, что же произошло в моем доме?

— Если вы посетите меня на Бейкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу дать более подробные объяснения. Надеюсь, вы предоставите мне свободу действий при условии, разумеется, что камни будут возвращены, и не постоите за расходами?

— Я отдал бы все свое состояние!

— Прекрасно. Я подумаю над этой историей. До свидания. Возможно, я еще загляну сегодня сюда.

Было совершенно ясно, что Холмс уже что-то надумал, но я даже приблизительно не мог представить себе, к каким выводам он пришел. По дороге в Лондон я несколько раз пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз уходил от ответа. Наконец, отчаявшись, я прекратил свои попытки. Не было еще и трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс поспешно ушел в свою комнату и через несколько минут снова появился. Он успел переодеться. Потрепанное пальто с поднятым воротником, небрежно повязанный красный шарф и стоптанные башмаки придавали ему вид типичного бродяги.

— Ну, так, я думаю, сойдет, — сказал он, взглянув в зеркало над камином. — Хотелось бы взять с собою и вас, Уотсон, но это невозможно. На верном пути я или нет, скоро узнаем. Думаю, что вернусь через несколько часов. — Он открыл буфет, отрезал кусок говядины, положил его между двумя кусками хлеба и, засунув сверток в карман, ушел.

Я только что закончил пить чай, когда Холмс возвратился в прекрасном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и налил себе чашку.

— Я заглянул на минутку, сейчас отправлюсь дальше.

— Куда же?

— На другой конец Вест-Энда. Вернусь, возможно, не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

— Как успехи?

— Ничего, пожаловаться не могу. Я был в Стритеме, но в дом не заходил. Интересное дельце, не хотелось бы упустить его. Хватит, однако, болтать, надо сбросить это тряпье и снова стать приличным человеком.

По поведению моего друга я видел, что он доволен результатами. Глаза у него блестели, на бледных щеках, даже появился слабый румянец. Он поднялся к себе в комнату, и через несколько минут я услышал, как стукнула входная дверь. Холмс снова отправился на «охоту».

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился спать. Холмс имел обыкновение исчезать на долгое время, когда нападал на след, так что меня ничуть не удивило его опоздание. Не знаю, в котором часу он вернулся, но, когда на следующее утро я вышел к завтраку, Холмс сидел за столом с чашкой кофе в одной руке и газетой в другой. Как всегда, он был бодр и подтянут.

— Простите, Уотсон, что я начал завтрак без вас, — сказал он. — Но вот-вот явится наш клиент.

— Да, уже десятый час, — ответил я. — Кажется, звонят? Наверное, это он.

И в самом деле это был мистер Холдер. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. Обычно массивное и энергичное лицо его осунулось и как-то сморщилось, волосы, казалось, побелели еще больше. Он вошел усталой походкой, вялый, измученный, что представляло еще более тягостное зрелище, чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он проговорил:

— Не знаю, за что такая кара! Два дня назад я был счастливым, процветающим человеком, а сейчас опозорен и обречен на одинокую старость. Беда не приходит одна. Исчезла Мэри.

— Исчезла?

— Да. Постель ее не тронута, комната пуста, а на столе вот эта записка. Вчера я сказал ей, что, выйди она замуж за Артура, с ним ничего не случилось бы. Я говорил без тени гнева, просто был убит горем. Вероятно, так не нужно было говорить. В записке она намекает на эти слова.

«Дорогой дядя!

Я знаю, что причинила вам много горя и что поступи я иначе, не произошло бы это ужасное несчастье. С этой мыслью я не смогу быть счастливой под вашей крышей и покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, самое главное, не ищите меня, потому что это бесцельно и может только повредить мне.

Всю жизнь до самой смерти любящая вас Мэри».

— Что означает эта записка, мистер Холмс? Уж не хочет ли она покончить самоубийством?

— О нет, ничего подобного. Может быть, это наилучшим образом решает все проблемы. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания близятся к концу.

— Да, вы так думаете? Вы узнали что-нибудь новое, мистер Холмс? Узнали, где бериллы?

— Тысячу фунтов за каждый камень вы не сочтете чересчур высокой платой?

— Я заплатил бы все десять!

— В этом нет необходимости. Трех тысяч вполне достаточно, если не считать некоторого вознаграждения мне. Чековая книжка при вас? Вот перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир в изумлении подписал чек. Холмс подошел к письменному столу, достал маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на стол. Мистер Холдер с радостным криком схватил свое сокровище.

— Я спасен, спасен! — повторял он, задыхаясь. — Вы нашли их!

Радость его была столь же бурной, как и вчерашнее отчаяние. Он крепко прижимал к груди найденное сокровище.

— За вами еще один долг, мистер Холдер, — сказал Холмс сурово.

— Долг? — Банкир схватил перо. — Назовите сумму, и я выплачу вам ее немедленно.

— Нет, не мне. Вы должны попросить прощения у вашего сына. Он держал себя мужественно и благородно. Имей я такого сына, я гордился бы им.

— Значит, не Артур взял камни?

— Да, не он. Я говорил это вчера и повторяю сегодня.

— В таком случае поспешим к нему и сообщим, что правда восторжествовала.

— Он все знает. Я беседовал с ним, когда распутал дело. Поняв, что он не хочет говорить, я сам изложил ему всю историю, и он признал, что я прав, и, в свою очередь, рассказал о некоторых подробностях, которые были неясны мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно, заставит его быть вполне откровенным.

— Так раскройте же, ради Бога, эту невероятную тайну!

— Сейчас я расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины. Но сначала разрешите сообщить вам тяжелую весть: ваша племянница Мэри была в сговоре с сэром Джорджем Бэрнвеллом. Сейчас они оба скрылись.

— Мэри? Это невозможно!

— К сожалению, это факт! Принимая в своем доме сэра Джорджа Бэрнвелла, ни вы, ни ваш сын не знали его как следует. А между тем он один из опаснейших субъектов, игрок,

отъявленный негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница и понятия не имела, что бывают такие люди. Слушая его признания и клятвы, она думала, что завоевала его любовь. А он говорил то же самое многим до нее. Одному дьяволу известно, как он сумел поработить волю Мэри, но так или иначе она сделалась послушным орудием в его руках. Они виделись почти каждый вечер.

— Я не верю, не могу этому верить! — вскричал банкир. Его лицо стало пепельно-серым.

— А теперь я расскажу, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и, приоткрыв окно над дорожкой, которая ведет в конюшню, сообщила своему возлюбленному о диадеме. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу под окном. Жажда наживы охватила сэра Джорджа, он буквально подчинил Мэри своей воле. Я не сомневаюсь, что Мэри любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине преодолевает все другие чувства. Мэри из их числа. Едва она успела договориться с ним о похищении драгоценности, как услышала, что вы спускаетесь по лестнице. Тогда, быстро закрыв окно, она сказала вам, что к горничной приходил ее зеленщик. И он в самом деле приходил…

В ту ночь Артуру не спалось: его тревожили клубные долги. Вдруг он услышал, как мимо его комнаты прошуршали осторожные шаги. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел двоюродную сестру — та крадучись пробиралась по коридору и исчезла в вашей комнате. Ошеломленный Артур наскоро оделся и стал ждать, что произойдет дальше. Скоро Мэри вышла; при свете лампы в коридоре ваш сын заметил у нее в руках драгоценную диадему. Мэри спустилась вниз по лестнице. Трепеща от ужаса, Артур проскользнул за портьеру около вашей двери: оттуда видно все, что происходит в гостиной. Мэри потихоньку открыла окно, передала кому-то в темноте диадему, а затем, закрыв окно, поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура, застывшего за портьерой.

Боясь разоблачить любимую девушку, Артур ничего не мог предпринять, хотя понимал, каким ударом будет для вас пропажа диадемы и как важно вернуть драгоценность. Но едва Мэри скрылась за дверью своей комнаты, он бросился вниз полуодетый и босой, распахнул окно, выскочил в сад и помчался по дорожке; там, вдали, виднелся при свете луны чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэрнвелл попытался бежать, но Артур догнал его. Между ними завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник — за другой. Ваш сын ударил сэра Джорджа и повредил ему бровь. Затем что-то неожиданно хрустнуло, и Артур почувствовал, что диадема у него в руках; он кинулся назад, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута, и попытался распрямить ее. В это время вошли вы.

— Боже мой! Боже мой! — задыхаясь, повторял банкир.

— Артур был потрясен вашим несправедливым обвинением. Ведь, напротив, вы должны были бы благодарить его. Он не мог рассказать вам правду, не предав Мэри, хотя она и не заслуживала снисхождения. Он вел себя как рыцарь и сохранил тайну.

— Так вот почему она упала в обморок, когда увидела диадему! — воскликнул мистер Холдер. — Бог мой, какой же я безумец! Ведь Артур просил отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как я ошибался!

— Приехав к вам, — продолжал Холмс, — я в первую очередь внимательно осмотрел участок возле дома, надеясь что-нибудь обнаружить. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить следы на снегу. Я прошел по дорожке, которой подвозят продукты, но она была утоптана. Но неподалеку от двери в кухню я заметил следы женских ботинок; рядом с женщиной стоял мужчина. Круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. По-видимому, кто-то помешал их разговору, так как женщина

побежала к двери: носки женских ботинок отпечатались глубже, чем каблуки. Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел. Я тут же подумал, что это должно быть, горничная и ее поклонник, о которых вы говорили. Так оно, и оказалось. Я обошел сад, но больше ничего не заметил, кроме беспорядочных следов, разбегавшихся во всех направлениях. Это ходили полицейские. Но когда я дошел до дорожки, которая вела к конюшне, вся сложная история этой ночи открылась мне, будто написанная на снегу.

Я увидел две линии следов: одна из них принадлежала человеку в ботинках, другая, как я с удовлетворением заметил, — человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эта вторая линия — следы вашего сына. Впоследствии ваши слова подтвердили правильность моего предположения.

Первый человек спокойно шагал туда и обратно, второй бежал. Следы бежавшего отпечатались там же, где шел человек в ботинках. Из этого можно было сделать вывод, что второй человек преследовал первого. Я пошел по следам человека в ботинках. Они привели меня к окну вашей гостиной; здесь снег был весь истоптан, очевидно, этот человек кого-то долго поджидал. Тогда я направился по его следам в противоположную сторону. Они тянулись по дорожке примерно на сотню ярдов. Потом человек в ботинках обернулся — в этом месте снег был сильно истоптан, словно шла борьба. Капли крови на снегу свидетельствовали о том, что это так и было. Затем человек в ботинках бросился бежать. На некотором расстоянии я снова заметил кровь; значит, ранен был именно он. Я пошел по тропинке до самой дороги; там снег был счищен и следы обрывались.

Вы помните, что, войдя в дом, я осмотрел через лупу подоконник и раму окна гостиной и обнаружил, что кто-то вылезал из окна. Я заметил также очертание следа мокрой ноги, то есть человек залезал и обратно. После этого я уже был в состоянии представить себе все, что произошло. Кто-то стоял под окном, и кто-то подал ему диадему. Ваш сын видел это, бросился преследовать неизвестного, вступил с ним в борьбу. Каждый из них тянул сокровище к себе. Тогда-то и был отломан кусок диадемы. Артур поспешил с диадемой домой, не заметив, что у противника остался обломок. Пока все понятно. Но возникал вопрос: кто этот человек, боровшийся с вашим сыном, и кто подал ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения. Тогда то, что остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Рассуждал я примерно так: естественно, не вы отдали диадему. Значит, оставались только ваша племянница или горничные. Но если в похищении замешаны горничные, то ради чего ваш сын согласился принять вину на себя? Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И мне стала понятна причина его молчания: он не хотел выдавать Мэри. Тогда я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала в обморок, увидав диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Но кто ее сообщник? Разумеется, это мог быть только ее возлюбленный. Лишь под его влиянием она могла так легко забыть, чем обязана вам. Я знал, что вы редко бываете в обществе и круг ваших знакомых ограничен. Но в их числе сэр Джордж Бэрнвелл. Я и прежде слышал о нем как о человеке крайне легкомысленном по отношению к женщинам. Очевидно, это он стоял под окном и только у него должны находиться пропавшие бериллы. Артур узнал его, и все же сэр Джордж считал себя в безопасности, ибо был уверен, что ваш сын не скажет ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь элементарная логика подскажет вам, что я предпринял. Переодевшись бродягой, я отправился к сэру Джорджу. Мне удалось познакомиться с его лакеем, который сообщил, что его хозяин накануне где-то расшиб до крови голову. Мне удалось раздобыть у

него за шесть шиллингов старые ботинки сэра Джорджа, с которыми я отправился в Стритем и убедился, что ботинки точно соответствуют следам на снегу.

— Вчера вечером я видел какого-то бродягу на тропинке, — сказал мистер Холдер.

— Совершенно верно, это был я. Я понял, что сэр Джордж в моих руках. Нужен был большой такт, чтобы успешно завершить дело и избежать огласки. Этот хитрый негодяй понимал, как связаны у нас руки.

Вернувшись домой, я переоделся и отправился к сэру Джорджу. Вначале он, разумеется, все отрицал, но когда я рассказал в подробностях, что произошло той ночью, он стал угрожать мне и даже схватил висевшую на стене трость. Я знал, с кем имею дело, и мигом приставил револьвер к его виску. Тогда он образумился. Я объявил ему, что мы согласны выкупить камни по тысяче фунтов за каждый. Тогда-то он впервые обнаружил признаки огорчения.

— Черт побери! Я уже отдал все три камня за шестьсот фунтов! — воскликнул он.

Пообещав сэру Джорджу, что против него не будет возбуждено судебное расследование, я узнал адрес скупщика, поехал туда и после долгого торга выкупил у него камни по тысяче фунтов каждый. Затем я отправился к вашему сыну, объяснил ему, что все в порядке, и к двум часам ночи после тяжкого трудового дня добрался домой.

— Благодаря вам в Англии не разразился огромный скандал, — сказал банкир, поднимаясь с кресла. — Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность. Но вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превосходит всякую фантазию. А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за то, что так с ним обошелся. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже вы с вашим богатым опытом не сможете разыскать ее.

— Можно с уверенностью сказать, — возразил Холмс, — что она сейчас там же, где сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, как бы ни расценивать поступок вашей племянницы, она будет скоро наказана.

«Медные буки»

— Человек, который любит искусство ради искусства, — заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф», — самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно заметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить и, вынужден констатировать, порой пытаетесь приукрашивать, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивных методов мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

— Тем не менее, — улыбнулся я, — не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

— Возможно, вы и ошибаетесь, — продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять, — возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки вместо того, чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

— Мне кажется, в своих записках я отдаю вам должное, — несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

— Нет, это не эгоизм и не тщеславие, — сказал он, отвечая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам. — Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно — вне меня. Преступление — вещь повседневная.

Логика — редкая. Именно на логике, а не преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно просматривая газетные объявления, пока наконец, по-видимому, отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не принялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

— В то же время, — после паузы продолжал он, попыхивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь, — вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационности, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатными холостяком — все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, однако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

— Может, в конце концов так и случилось, — ответил я, — но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

— Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки — наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И тем не менее, даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек, или по крайней мере преступник, утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его. — И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

«Дорогой мистер Холмс!
Мне очень хочется посоветоваться с вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к вам завтра в половине одиннадцатого.
С уважением Вайолет Хантер».

— Вы знаете эту молодую леди? — спросил я.

— Нет.

— Сейчас половина одиннадцатого.

— Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

— Это дело может оказаться более интересным, нежели вы предполагаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который сначала вы сочли просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

— Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленое, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

— Ради Бога, извините за беспокойство, — сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу, — но со мной произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

— Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам, чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление. Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

— В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вестэуэй» — его все знают, — и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй — фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она заглядывая в свой гроссбух, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда на прошлой неделе, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый, претолстый человек с улыбчивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимся на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

— Подходит, — воскликнул он. — Лучшего и желать нельзя. Грандиозно! Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

— Ищете место, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Гувернантки?

— Да, сэр.

— А сколько вы хотите получать?

— Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

— Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! — вскричал он, яростно размахивая пухлыми кулаками. — Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

— Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете, — сказала я. — Немного французский, немного немецкий, музыка и рисование…

— Вот это да! — снова вскричал он. — Значит и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее, чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным — я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

— В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед, — сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки

среди белых складок лица, — дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного и внимательного человека», — подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

— А где вы живете, сэр? — спросила я.

— В Хемпшире. Чудная сельская местность. «Медные буки», в пяти милях от Уинчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный — старинный загородный дом.

— А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

— Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся — я решила, что он шутит.

— Значит, мои обязанности — присматривать за ребенком? — спросила я.

— Нет-нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! — вскричал он. — Вам придется также — я уверен, вы и протестовать не будете, — выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Немного, не правда ли?

— Буду рада оказаться вам полезной.

— Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

— Нет, — ответила я в крайнем удивлении.

— Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

— Да нет…

— Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые волосы с особым каштановым отливом. Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

— Нет, это невозможно, — ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

— Но это — обязательное условие, — сказал он. — Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

— Нет, сэр, не могу, — твердо ответила я.

— Что ж… Значит вопрос решен. Жаль, жаль, во всех остальных отношениях вы нам вполне подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

— Вы хотите остаться в наши списках? — спросила она.

— Если можно, мисс Стопер.

— Мне это представляется бесполезным, поскольку вы отказались от очень интересного предложения, — резко заметила она. — Не будем же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой — в буфете у меня было пусто, а на столе — лишь новые счета, — я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его.

«Медные буки», близ Винчестера.

Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне ваш адрес, и я пишу вам из дома, желая осведомиться, не переменили ли вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам, — я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платье такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии), думаю, оно будет вам впору. Полагаю, что и просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль: даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву. Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите каким поездом вы прибудете.

Искренне ваш Джефро Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

— Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано, — улыбнулся Холмс.

— А вы не советуете?

— Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

— А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

— Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

— Я думаю, что мистер Рукасл — добрый, мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь, как бы ее не забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

— Может быть, может быть. На сегодняшний день это самое вероятное предположение. Тем не менее место это вовсе не для молодой леди.

— Но деньги, мистер Холмс, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

— Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

— Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность…

— Опасность? Какая опасность?

— Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться, — с самым серьезным видом пояснил Холмс.

— Во всяком случае, в любое время дня и ночи шлите телеграмму, и я приду вам на помощь.

— Тогда все в порядке. — Выражение озабоченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась. — Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупо поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

— Во всяком случае, — сказал я, прислушиваясь к ее быстрым, твердым шагам на лестнице, — она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

— Ей придется это сделать, — мрачно заметил Холмс. — Не сомневаюсь, через несколько дней мы получим от нее известие.

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности — во всем этом было что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмурив лоб и рассеянно глядя вдаль, но когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

— Ничего не знаю, ничего! — раздраженно восклицал он. — Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпичи?

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я застал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок, передал его мне.

— Посмотрите расписание поездов, — сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

«Прошу быть гостинице „Черный лебедь" Винчестере завтра полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать. Хантер».

— Поедете со мной? — спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

— С удовольствием.

— Тогда посмотрите расписание.

— Есть поезд в половине десятого, — сказал я, изучая справочник. — Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

— Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона, завтра утром нам может понадобиться максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того как мы переехали границу Хампшира, он отбросил их принялся смотреть в окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое

небо было испещрено маленькими кудрявыми облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко, и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

— До чего приятно на них смотреть! — воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

— Знаете, Уотсон, — сказал он, — беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

— О Господи! — воскликнул я. — Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

— Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон, — и уверенность эта проистекает из опыта, — что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

— Вас прямо страшно слушать.

— И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых — всего один шаг, А теперь взгляните на эти уединенные дома — каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественным бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от города — вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

— Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

— Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

— В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

— Я придумал семь разных версий, и каждая из них опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Хайд-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

— Я рада, что вы приехали, — серьезно сказала она. — Большое спасибо. Я в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

— Расскажите же, что случилось.

— Сейчас расскажу, я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неведомо зачем.

— Изложите все по порядку. — Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом следует упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

— Что именно?

— Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в своем экипаже в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в пятнах и подтеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада — луг, который опускается к дороге на Саутгемптон, что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг — собственность лорда Саутертона. Прямо перед домом растет несколько медных буков, отсюда и название усадьбы.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной: миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и что от первой жены у него одна дочь — та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне. Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности предупреждая его. Мистер Рукасл тоже в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным. Не раз я заставала ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому — ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несоразмерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию — вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

— Мне нужны все подробности, — сказал Холмс, — представляются они вам относящимися к делу или нет.

— Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, так зовут слугу, — грубый, неотесанный человек с серой гривой и седыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным. Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера — высокая сильная женщина с сердитым лицом, она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате, они расположены рядом.

В первые дни после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

— Мы очень обязаны вам, мисс Хантер, — поворачиваясь ко мне, сказал он, — за снисходительность к нашим капризам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это ничуть не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношенное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо, она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступать к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятельствах вся эта сцена повторилась. Снова я должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ему вслух. Я читала минут десять, начав где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркальца, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

— Джефри, — сказал она, — на дороге стоит какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

— Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? — спросил он.

— Нет. Я никого здесь не знаю.

— Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помашите ему, чтобы он ушел.

— А не лучше ли просто не обращать внимания?

— Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помашите ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал Холмс. — Все это очень интересно.

— Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот, в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

— Загляните-ка сюда, — сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками. — Ну, разве это не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

— Не бойтесь, — засмеялся мой хозяин. — Это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы опустить с цепи на ночь, и да поможет Бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжевато-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда не случалось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Такой же особый цвет, как у меня, такие же густые волосы. Но затем я сообразила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта. Однажды, поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщинился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

— Не сочтите за грубость, моя дорогая юная леди, — обратился ко мне он, — что я прошел мимо вас, не сказав ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

— Между прочим, — сказала я, — у вас наверху, по-видимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

— Я увлекаюсь фотографией, — ответил он, — и устроил там темную комнату. Но до чего вы наблюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенности, что если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что кроме мистера Рукасла в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться предоставившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами и пол, не застланный ковром. В конце коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья отворены и вели в пустые комнаты, запыленные и мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй — одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладиной от железной кровати; один конец перекладины был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оказалось. Эта забаррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь и раздумывая, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полоску тусклого света, проникающего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать — так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

— Значит, — улыбаясь, сказал он, — это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

— Ох, как я перепугалась! — пролепетала я.

— Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаювающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

— По глупости я забрела в нежилое крыло, — объяснила я. — Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как там страшно!

— И это все? — спросил он, зорко вглядываясь в меня.

— Что же еще? — воскликнула я.

— Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

— Откуда же мне знать?

— Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

— Уверяю вас, если бы я знала…

— Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог… — при этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу, словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком, — я отдам вас на растерзание моему мастифу.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту. Наверное, я метнулась мимо него в свою комнату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала про вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок — все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство, не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полу-миле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумеет спустить с цепи эту злобную тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я, затаив дыхание, слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

— Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

— Да.

— В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

— Да, винный погреб.

— Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я бы не обратился с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

— Попробую. А что я должна сделать?

— Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь не проспится. Остается мисс Толлер. Если вы сумеете под каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы облегчите нашу задачу.

— Я это сделаю.

— Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее расследовать эту историю, у которой только одно объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас, вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек на дороге — это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее — на вас было ее платье, — то видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом деле — это ребенок.

— Он-то какое отношение имеет ко всей этой истории? — воскликнул я.

— Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок аномален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли

он ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той девушки, что находится в их власти.

— Вы совершенно правы, мистер Холмс! — вскричала наша клиентка. — Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять ни минуты, поможем этой бедняжке.

— Надо быть осторожными, потому что мы имеем дело с очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

— Удалось? — только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

— Это миссис Толлер в погребе, — объяснила мисс Хантер.

— А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется такие же, как у мистера Рукасла.

— Умница! — восхищенно вскричал Холмс. — А теперь ведите нас, через несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

— Надеюсь, мы не опоздали, — сказал он. — Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Ну-ка, Уотсон, нажмите на дверь плечем, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

— Здесь что-то произошло, — сказал Холмс. — Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

— Но каким образом?

— Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. — Он влез на стол. — Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

— Но это невозможно, — возразила мисс Хантер. — Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

— Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руках. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

— Негодяй! — сказал он. — Куда вы дели свою дочь?

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

— Это я у вас должен спросить! — закричал он. — Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу! — Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

— Он пошел за собакой! — воскликнула мисс Хантер.

— У меня есть пистолет, — сказал я.

— Надо закрыть парадную дверь, — распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем ужасных вопль, сопровождаемый жутким рычанием. Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

— Боже мой! — вскричал он. — Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал за горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелив; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складках шеи. С большим трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

— Миссис Толлер! — воскликнула мисс Хантер.

— Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уж пошел наверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

— Так! — воскликнул Холмс, пристально глядя на нее. — Значит, мисс Толлер известно об этом деле больше, чем кому-либо другому.

— Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

— Тогда, пожалуйста, садитесь, и мы послушаем, некоторые детали, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

— Постараюсь прояснить их, — сказала она. — Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба. Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это ничуть не смутило — он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается порядочному человеку.

— Ваш рассказ значительно прояснил дело, — заметил Холмс. — Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

— Да, сэр.

— И привез миссис Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

— Именно так, сэр.

— Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

— Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый, — безмятежно отозвалась миссис Толлер.

— Ему удалось сделать так, что ваш почтенный супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

— Именно так, сэр, все и произошло.

— Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи, — сказал Холмс. — А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наш locus standi[47] представляется сейчас довольно сомнительным.

Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться. Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенчались в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове святого Маврикия. Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс, к крайнему моему неудовольствию, больше не проявлял к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.

Записки о Шерлоке Холмсе (сборник)

Серебряный

— Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать, — сказал как-то за завтраком Холмс.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорили вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, что занимает его. В настоящее время в центре внимания публики, было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму, — таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда Холмс вдруг объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился — я ждал этого.

— Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой, — сказал я.

— Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы не даром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в купе первого класса, и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой свежих газет, которыми он запасся в киоске на Паддингтонском вокзале. Наконец — Рединг к тому времени остался уже далеко позади — он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. — Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

— И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного?

— Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых. Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от хозяина Серебряного полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к делу, — это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря.

— У вас уже есть версия?

— Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела — рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

— Серебряный, — начал он, — сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года, как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье, Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подводил своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы. Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага и в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня маленькая — всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое — абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стирает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тавистока выстроено несколько вилл для больных и вообще желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на

расстоянии двух миль, расположен Кейплтон — усадьба лорда Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пустоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий — Нэд Хаятер — остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка — ее зовут Эдит Бакстер — понесла ему ужин — баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, — уже совсем стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину — по виду явно джентльмена — в сером твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать — тридцать пять.

— Вы не скажете мне, где я нахожусь? — спросил он девушку. — Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря.

— Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, — отвечала ему девушка.

— Неужели? Какая удача! — воскликнул он. — Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное, несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

— Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги.

Волнение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху ужин. Оно было уже открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать ему о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

— Добрый вечер, — проговорил он, заглядывая в окошко. — У меня к вам дело.

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

— Какое у вас ко мне может быть дело? — сердито спросил конюх.

— Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади. Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять ферлонгов и что вы сами ставите на него?

— Ах, вот вы кто! — закричал конюх. — Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!

Он побежал спустить собаку. Служанка бросилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то его уже не было, и хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов не обнаружили.

— Стойте! — перебил я Холмса. — Когда конюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно! — улыбнулся мой друг. — Это обстоятельство показалось мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь конюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожился, но большого значения случившемуся как будто не

придал. Впрочем, смутная тревога все-таки не оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и хочет посмотреть, все ли в порядке. Она умоляла его не ходить, потому что начался дождь, — она слышала, как он стучит в окно, — но Стрэкер накинул плащ и ушел. Миссис Стрэкер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была отворена, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспамятства, денник фаворита был пуст, нигде никаких следов тренера. Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слыхал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни на куст дрока был брошен плащ Стрэкера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была размозжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана — длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая — красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на незнакомце, появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему что-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение, и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И наконец вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело. Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, — человек энергичный. Одари его природа еще и воображением, он мог бы достичь вершин сыскного искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он был хорошо известен в округе. Имя его — Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках. Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита. Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Бронзовом, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял, хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость со свинцовым набалдашником вполнее могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера — неопровержимое доказательство, что по крайней мере один

из нападавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду вам очень признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

— А не может ли быть, — предположил я, — что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга.

— Вполне возможно, — сказал Холмс. — Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

— И все-таки, — продолжал я, — я никак не могу понять гипотезу полиции.

— Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно найти очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фицрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне не нашли — Симпсон, вероятно, надел ее на лошадь. Оставив дверь незапертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут его встретил или догнал тренер. Началась драка, Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то спрятал ее, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее, — иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу.

Начинало вечереть, когда мы подъехали к Тавистоку — маленькому городку, торчащему, как яблоко на щите, в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем. Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, — сказал полковник, здороваясь. — Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Холмс.

— Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего, — сказал инспектор. — Вы, конечно, хотите поскорее увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори с увлечением делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не принимал, он сидел, откинувшись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

— Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона, — заключил Грегори. — Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

— А нож Стрэкера?

— Мы склонились к выводу, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

— Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

— Разумеется. У него не нашли ни ножа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под сильный дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс.

Холмс покачал головой.

— Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, — заметил он. — Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ — разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек, впервые попавший в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный? Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

— Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них вовсе не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые, — летом он дважды приезжал в Тависток. Опиум он скорее всего привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

— Что он сказал о галстуке?

— Признался, что галстук его, но твердит, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство, которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был сговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его повстречал тренер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

— Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

— Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный — второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

— И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

— Абсолютно ничего.

Холмс уселся поглубже, и разговор прервался. Через несколько минут экипаж наш остановился возле стоящего у дороги хорошенького домика из красного кирпича, с широким выступающим карнизом. За ним, по ту сторону загона, виднелось строение под серой черепичной крышей. Вокруг до самого горизонта тянулась волнистая равнина, буро-золотая от желтеющего папоротника, только далеко на юге подымались островерхие крыши Тавистока да к западу от нас стояло рядом несколько домиков кейплтонской конюшни. Мы все выпрыгнули из коляски, а Холмс так и остался сидеть, глядя прямо перед собой, поглощенный какими-то своими мыслями. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и стал вылезать.

— Простите меня, — обратился он к полковнику Россу, который глядел на моего друга с недоумением, — простите меня, я задумался.

По блеску его глаз и волнению, которое он старался скрыть, я догадался, что он близок к разгадке, хотя и не представлял себе хода его мыслей.

— Вы, наверное, хотите первым делом осмотреть место происшествия, мистер Холмс? — предположил Грегори.

— Мне хочется побыть сначала здесь и уточнить несколько деталей. Стрэкера потом принесли сюда, не так ли?

— Да, он лежит сейчас наверху.

— Он служил у вас несколько лет, полковник?

— Я всегда был им очень доволен.

— Карманы убитого, вероятно, осмотрели, инспектор?

— Все вещи в гостиной. Если хотите, можете взглянуть.

— Да, благодарю вас.

В гостиной мы сели вокруг стоящего посреди комнаты стола. Инспектор отпер сейф и разложил перед нами его содержимое: коробка восковых спичек, огарок свечи длиной в два дюйма, трубка из корня вереска, кожаный кисет и в нем полунции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумаги, нож с ручкой из слоновой кости и очень тонким негнущимся лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К°, Лондон».

— Очень интересный нож, — сказал Холмс, внимательно разглядывая его.

— Судя по засохшей крови, это и есть тот самый нож, который нашли в руке убитого. Что вы о нем скажете, Уотсон? Такие ножи по вашей части.

— Это хирургический инструмент, так называемый катарактальный нож.

— Так я и думал. Тончайшее лезвие, предназначенное для тончайших операций. Не странно ли, что человек, отправляющийся защищаться от воров, захватил его с собой, — особенно если учесть, что нож не складывается?

— На кончик был надет кусочек пробки, мы его нашли возле трупа, — объяснил инспектор. — Жена Огрэкера говорит, нож лежал у них несколько дней на комоде, и, уходя ночью, Стрэкер взял его с собой. Оружие не ахти какое, но, вероятно, ничего другого у него под рукой в тот момент не было.

— Вполне возможно. Что это за бумаги?

— Три оплаченных счета за сено. Письмо полковника Росса с распоряжениями. А это счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, мадам Лезерье с Бондстрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер говорит, что Дербишир — приятель ее мужа и что время от времени письма для него приходили на их адрес.

— У миссис Дербишир весьма дорогие вкусы, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гинеи за один туалет многовато. Ну что ж, тут как будто все, теперь отправимся на место преступления.

Мы вышли из гостиной, и в этот момент стоящая в коридоре женщина шагнула вперед и тронула инспектора за рукав. На ее бледном, худом лице лежал отпечаток пережитого ужаса.

— Нашли вы их? Поймали? — Голос ее сорвался.

— Пока нет, миссис Стрэкер. Но вот только что из Лондона приехал мистер Холмс, и мы надеемся с его помощью найти преступников.

— По-моему, мы с вами не так давно встречались, миссис Стрэкер, — помните, в Плимуте, на банкете? — спросил Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— В самом деле? А мне показалось, это были вы. На вас было стального цвета шелковое платье, отделанное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр!

— А-а, значит, я обознался. — И, извинившись, Холмс последовал за инспектором во двор.

Несколько минут ходьбы по тропинке среди кустов привели нас к оврагу, в котором нашли труп. У края его рос куст дрока, на котором в то утро миссис Стрэкер и служанка заметили плащ убитого.

— Ветра в понедельник ночью не было, — сказал Холмс.

— Ветра — нет, но шел сильный дождь.

— В таком случае плащ не был заброшен ветром на куст, его кто-то положил туда.

— Да, он был аккуратно сложен.

— А знаете, это очень интересно! На земле много следов. Я вижу, в понедельник здесь побывало немало народу.

— Мы вставали только на рогожу. Она лежала вот здесь, сбоку.

— Превосходно.

— В этой сумке ботинок, который был в ту ночь на Стрэкере, ботинок Фицроя Симпсона и подкова Серебряного.

— Дорогой мой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку, спустился в яму и подвинул рогожу ближе к середине. Потом улегся на нее и, подперев руками подбородок, принялся внимательно изучать истоптанную глину.

— Ага? — вдруг воскликнул он. — Это что?

Холмс держал в руках восковую спичку, покрытую таким слоем грязи, что с первого взгляда ее можно было принять за сучок.

— Не представляю, как я проглядел ее, — с досадой сказал инспектор.

— Ничего удивительного! Спичка была втоптана в землю. Я заметил ее только потому, что искал.

— Я не исключал такой возможности.

Холмс вытащил ботинки из сумки и стал сравнивать подошвы со следами на земле. Потом он выбрался из ямы и пополз, раздвигая кусты.

— Боюсь, больше никаких следов нет, — сказал инспектор. — Я все здесь осмотрел самым тщательным образом. В радиусе ста ярдов.

— Ну что ж, — сказал Холмс, — я не хочу быть невежливым и не стану еще раз все осматривать. Но мне бы хотелось, пока не стемнело, побродить немного по долине, чтобы лучше ориентироваться здесь завтра. Подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, с некоторым нетерпением следивший за спокойными и методичными действиями Холмса, взглянул на часы.

— А вы, инспектор, пожалуйста, пойдемте со мной. Я хочу с вами посоветоваться. Меня сейчас волнует, как быть со списками участников забега. По-моему, наш долг перед публикой — вычеркнуть оттуда имя Серебряного.

— Ни в коем случае! — решительно возразил Холмс. — Пусть остается.

Полковник поклонился.

— Я чрезвычайно благодарен вам за совет, сэр. Когда закончите свою прогулку, найдете нас в домике несчастного Стрэкера, и мы вместе вернемся в Тависток.

Они направились к дому, а мы с Холмсом медленно пошли вперед. Солнце стояло над самыми крышами кейплтонской конюшни; перед нами полого спускалась к западу равнина, то золотистая, то красновато-бурая от осенней ежевики и папоротника. Но Холмс, погруженный в глубокую задумчивость, не замечал прелести пейзажа.

— Вот что, Уотсон, — промолвил он наконец, — мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера, и будем думать, что произошло с лошадью. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе, Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейплтон. Что ему делать одному в поле? И уж, конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь цыгане, — зачем им было красть его? Они чуть что прослышат — спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее — большой риск, а выгоды — никакой. Это вне всякого сомнения.

— Где же тогда Серебряный?

— Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет. Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той лощине ночью в понедельник, наверное, было очень сыро. Если наше предположение правильно, Серебряный скакал в этом направлении, и нам нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в лощину. Холмс попросил меня обойти ее справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой. На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз пришлась к отпечатку.

— Вот что значит воображение, — улыбнулся Холмс. — Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно лощинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс — он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

— Сначала лошадь была одна! — вырвалось у меня.

— Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам. Он не поднимал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли в обратном направлении.

— Один ноль в вашу пользу, Уотсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них, — теперь нам не придется делать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти долго. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона. Когда мы подошли к ним, нам навстречу выбежал конюх.

— Идите отсюда! — закричал он. — Нечего вам тут делать.

— Позвольте только задать вам один вопрос, — сказал Холмс, засовывая указательный и большой пальцы в карман жилета. — Если я приду завтра в пять часов утра повидать вашего хозяина мистера Сайлеса Брауна, это будет не слишком рано?

— Скажете тоже «рано», сэр. Мой хозяин подымается ни свет ни заря. Да вот и он сам, поговорите с ним. Нет-нет, сэр, он прогонит меня, если увидит, что я беру у вас деньги. Лучше потом.

Только Шерлок Холмс опустил в карман полкроны, как из калитки выскочил немолодой мужчина свирепого вида с хлыстом в руке и закричал:

— Это что такое, Даусон? Сплетничаете, да? У вас дела, что ли нет? А вы какого черта здесь шляетесь?

— Чтобы побеседовать с вами, дорогой мой сэр. Всего десять минут, — наинежнейшим голосом проговорил Холмс.

— Некогда мне беседовать со всякими проходимцами! Здесь не место посторонним! Убирайтесь, а то я сейчас спущу на вас собаку.

Холмс нагнулся к его уху и что-то прошептал. Мистер Браун вздрогнул и покраснел до корней волос.

— Ложь! — закричал он. — Гнусная, наглая ложь!

— Отлично! Ну что же, будем обсуждать это прямо здесь, при всех, или вы предпочитаете пройти в дом?

— Ладно, идемте, если хотите.

Холмс улыбнулся.

— Я вернусь через пять минут, Уотсон. К вашим услугам, мистер Браун.

Вернулся он, положим, через двадцать пять минут, и, пока я его ждал, теплые краски вечера погасли. Тренер тоже вышел с Холмсом, и меня поразила происшедшая с ним перемена: лицо у него стало пепельно-серым, лоб покрылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках. Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! Он семенил за Холмсом, как побитая собака.

— Я все сделаю, как вы сказали, сэр. Все ваши указания будут выполнены, — повторял он.

— Вы знаете, чем грозит ослушание. — Холмс повернул к нему голову, и тот съежился под его взглядом.

— Что вы, что вы, сэр! Доставлю к сроку. Сделать все, как было раньше?

Холмс на минуту задумался, потом рассмеялся:

— Не надо, оставьте, как есть. Я вам напишу. И смотрите, без плутовства, иначе…

— О, верьте мне, сэр, верьте!

— Берегите как зеницу ока.

— Да, сэр, можете на меня положиться, сэр.

— Думаю, что могу. Завтра получите от меня указания.

И Холмс отвернулся, не замечая протянутой ему дрожащей руки. Мы зашагали к Кингс-Пайденду.

— Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брайна, я давно не встречал, — сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

— Значит, лошадь у него?

— Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами. Вы, конечно, обратили внимание на необычные, как будто обрубленные носки у следов и на то, что на нем были именно такие ботинки. Кроме того, для простого слуги это был бы слишком дерзкий поступок… Я рассказал ему, как он, встав по обыкновению первым и войдя в загон, увидел в подее незнакомую лошадь, как он подошел к ней и, не веря собственным глазам, увидел у нее на лбу белую отметину, из-за которой она и получила свою кличку — Серебряный, и как сообразил, что судьба отдает в его руки единственного соперника той лошади, на которую он поставил большую сумму. Потом я рассказал ему, что первым его побуждением было отвести Серебряного в Кингс-Пайленд, но тут дьявол стал нашептывать ему, что так легко увести лошадь и спрятать, пока не кончатся скачки, и тогда он повернул к Кейплтону и укрыл ее там. Когда он все это услышал, он стал думать только о том, как спасти собственную шкуру.

— Да ведь конюшню осматривали!

— Ну, этот старый барышник обведет вокруг пальца кого угодно.

— А вы не боитесь оставлять лошадь в его руках? Он же с ней может что-нибудь сделать, ведь это в его интересах.

— Нет, мой друг, он в самом деле будет беречь ее как зеницу ока. В его интересах вернуть ее целой и невредимой. Это единственное, чем он может заслужить прощение.

— Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного прощать врагам!

— Дело не в полковнике Россе. У меня свои методы, и я рассказываю ровно столько, сколько считаю нужным, — в этом преимущество моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы или нет, Уотсон, но полковник держался со мной немного свысока, и мне хочется слегка позабавиться. Не говорите ему ничего о Серебряном.

— Конечно, не скажу, раз вы не хотите.

— Но все это пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрэкера.

— Вы сейчас им займетесь?

— Напротив, мой друг, мы с вами вернемся сегодня ночным поездом в Лондон.

Слова Холмса удивили меня. Мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, он так успешно начал распутывать клубок и вдруг хочет все бросить. Я ничего не понимал. До самого дома тренера мне не удалось вытянуть из Холмса ни слова. Полковник с инспектором дожидались нас в гостиной.

— Мой друг и я возвращаемся ночным поездом в Лондон, — заявил Холмс.

— Приятно было подышать прекрасным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник скривил губы в презрительной усмешке

— Значит, вы сложили оружие. Считаете, что убийцу несчастного Стрэкера арестовать невозможно, — сказал он.

— Боюсь, что это сопряжено с очень большими трудностями. — Холмс пожал плечами. — Но я совершенно убежден, что во вторник ваша лошадь будет бежать, и прошу вас предупредить жокея, чтобы он был готов. Могу я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрэкера?

Инспектор извлек из кармана конверт и вынул оттуда фотографию.

— Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания! Если позволите, господа, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать вопрос служанке Стрэкеров.

— Должен признаться, ваш лондонский советчик меня разочаровал, — с прямолинейной резкостью сказал полковник Росс, как только Холмс вышел из комнаты. — Не вижу, чтобы с его приезда дело подвинулось хоть на шаг.

— По крайней мере вам дали слово, что ваша лошадь будет бежать, — вмешался я.

— Слово-то мне дали, — пожал плечами полковник. — Я предпочел бы лошадь, а не слово.

Я открыл было рот, чтобы защитить своего друга, но в эту минуту он вернулся.

— Ну вот, господа, — заявил он. — Я готов ехать. Один из конюхов отворил дверцу коляски. Холмс сел рядом со мной, но вдруг перегнулся через борт и тронул конюха за рукав.

— У вас есть овцы, я вижу, — сказал он. — Кто за ними ходит?

— Я, сэр.

— Вы не замечали, с ними в последнее время ничего не случилось?

— Да нет, сэр, как будто ничего, только вот три начали хромать, сэр.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

— Неплохо придумано, Уотсон, очень неплохо! — Он не заметно подтолкнул меня локтем. — Грегори, позвольте рекомендовать вашему вниманию странную эпидемию, поразившую овец. Поехали.

Лицо полковника Росса по-прежнему выражало, какое невысокое мнение составил он о талантах моего друга, зато инспектор так и встрепенулся.

— Вы считаете это обстоятельство важным? — спросил он.

— Чрезвычайно важным.

— Есть еще какие-то моменты, на которые вы посоветовали бы мне обратить внимание?

— На странное поведение собаки в ночь преступления.

— Собаки? Но она никак себя не вела!

— Это-то и странно, — сказал Холмс.

Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде, мчащемся в Винчестер, где должен был разыгрываться кубок Уэссекса. Полковник Росс ждал нас, как и было условленно, в своем экипаже четверкой у вокзала на площади. Мы поехали за город, где был беговой круг. Полковник был мрачен, держался в высшей степени холодно.

— Никаких известий о моей лошади до сих пор нет, — заявил он.

— Надеюсь, вы ее узнаете, когда увидите?

Полковник вспылил:

— Я могу вам описать одну за другой всех лошадей, участвовавших в скачках за последние двадцать лет. Моего фаворита, с его отметиной на лбу и белым пятном на правой передней бабке, узнает каждый ребенок!

— А как ставки?

— Происходит что-то непонятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, утром разрыв начал быстро сокращаться, не знаю, удержатся ли сейчас на трех к одному.

— Хм, — сказал Холмс, — сомнений нет, кто-то что-то пронюхал.

Коляска подъехала к ограде, окружающей главную трибуну. Я взял афишу и стал читать:

*« **Приз Уэссекса***
Жеребцы четырех и пяти лет.
Дистанция 1 миля 5 ферлонгов.
50 фунтов подписных.
Первый приз — 1000 фунтов.
Второй приз — 300 фунтов.
Третий приз — 200 фунтов.
1. Негр — владелец Хит Ньютон; наездник — красный шлем, песочный камзол.
2. Боксер — владелец полковник Уордлоу; наездник — оранжевый шлем, камзол васильковый, рукава черные.
3. Беспечный — владелец лорд Бэкуотер; наездник — шлем и рукава камзола желтые.
4. Серебряный — владелец полковник Росс; наездник — шлем черный, камзол красный.
5. Хрусталь — владелец герцог Балморал; наездник — шлем желтый, камзол черный с желтыми полосами.
6. Озорник — владелец лорд Синглфорд; наездник — шлем фиолетовый, рукава камзола черные»

— Мы вычеркнули Баярда, нашу вторую лошадь, которая должна была бежать, полагаясь на ваш совет, — сказал полковник. — Но что что? Фаворит сегодня Серебряный?

— Серебряный — пять к четырем! — неслось с трибун. — Серебряный — пять к четырем! Беспечный — пятнадцать к пяти! Все остальные — пять к четырем!

— Лошади на старте! — закричал я. — Смотрите, все шесть!

— Все шесть! Значит, Серебряный бежит! — воскликнул полковник в сильнейшем волнении. — Но я не вижу его. Моих цветов пока нет.

— Вышло только пятеро. Вот, наверное, он, — сказал я, и в эту минуту из падока крупной рысью выбежал великолепный гнедой жеребец и пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

— Это не моя лошадь! — закричал полковник Росс. — На ней нет ни единого белого пятнышка! Объясните, что происходит, мистер Холмс!

— Посмотрим, как он возьмет, — невозмутимо сказал Холмс. Несколько минут он не отводил бинокля от глаз… — Прекрасно! Превосходный старт! — вдруг воскликнул он. — Вот они, смотрите, поворачивают!

Из коляски нам было хорошо видно, как лошади вышли на прямой участок круга. Они шли так кучно, что всех их, казалось, можно накрыть одной попоной, но вот на половине прямой желтый цвет лорда Бэкуотера вырвался вперед. Однако ярдах в тридцати от того места, где стояли мы, жеребец полковника обошел Беспечного и оказался у финиша на целых шесть корпусов впереди. Хрусталь герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

— Как бы там ни было, кубок мой, — прошептал полковник, проводя ладонью по глазам. — Убейте меня, если я хоть что-нибудь понимаю. Вам не кажется, мистер Холмс, что вы уже достаточно долго мистифицируете меня?

— Вы правы, полковник. Сейчас вы все узнаете. Пойдемте поглядим на лошадь все вместе. Вот он, — продолжал Холмс, входя в падок, куда впускали только владельцев лошадей и их друзей. — Стоит лишь потереть ему лоб и бабку спиртом, — и вы узнаете Серебряного.

— Что!

— Ваша лошадь попала в руки мошенника, я нашел ее и взял на себя смелость выпустить на поле в том виде, как ее сюда доставили.

— Дорогой сэр, вы совершили чудо! Лошадь в великолепной форме. Никогда в жизни она не шла так хорошо, как сегодня. Приношу вам тысячу извинений за то, что усомнился в вас. Вы оказали мне величайшую услугу, вернув жеребца. Еще большую услугу вы мне окажете, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

— Я его нашел, — спокойно сказал Холмс.

Полковник и я в изумлении раскрыли глаза.

— Нашли убийцу! Так где же он?

— Он здесь.

— Здесь! Где же?!

— В настоящую минуту я имею честь находиться в его обществе.

Полковник вспыхнул.

— Я понимаю, мистер Холмс, что многим обязан вам но эти слова я могу воспринять только как чрезвычайно неудачную шутку или как оскорбление.

Холмс расхохотался.

— Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

Он шагнул вперед и положил руку на лоснящуюся холку скакуна.

— Убийца — лошадь! — в один голос вырвалось у нас с полковником.

— Да, лошадь. Но вину Серебряного смягчает то, что он совершил убийство из самозащиты и что Джон Стрэкер был совершенно недостоин вашего доверия… Но я слышу звонок. Отложим подробный рассказ до более подходящего момента. В следующем забеге я надеюсь немного выиграть.

Возвращаясь вечером того дня домой в купе пульмановского вагона, мы не заметили, как поезд привез нас в Лондон, — с таким интересом слушали мы с полковником рассказ о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как Холмс разгадал тайну.

— Должен признаться, — говорил Холмс, — что все версии, которые я составил на основании газетных сообщений, оказались ошибочными. А ведь можно было даже исходя из них нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник — Фицрой Симпсон, хоть и понимал, что улики против него очень неубедительны. Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина под чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеянность — все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики.

— Признаться, — прервал его полковник, — я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

— Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус — именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семействе Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрений, но зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена — единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то всыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появлении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен — или, если хотите, почти уверен, — что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Огрэкер? Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не воспользовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете, — ведь вы опытный лошадник, — что можно проколоть сухожилие на ноге лошади так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хромать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

— Негодяй! Мерзавец! — вскричал полковник.

— Почувствовав укол ножа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

— Я был слеп, как крот! — горячился полковник. — Ну, конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

— Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, который он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник,

как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешена женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный Дербишир развеется, как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но, испуганное внезапной вспышкой, животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел снять плащ — операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

— Невероятно! — воскликнул полковник. — Просто невероятно! Вы как будто все видели собственными глазами!

— И последнее, чтобы поставить все точки над i. Мне пришло в голову, что такой осторожный человек, как Стрэкер, не взялся бы за столь сложную операцию, как прокол слухожилия, не попрактиковавшись предварительно. На ком он мог практиковаться в Кингс-Пайленде? Я увидел овец в загоне, спросил конюха, не случалось ли с ними чего в последнее время. Его ответ в точности подтвердил мое предположение. Я даже сам удивился.

— Теперь я понял все до конца, мистер Холмс?

— В Лондоне я зашел к портнихе и показал ей фотографию Стрэкера. Она сразу же узнала его, сказала, что это один из ее постоянных клиентов и зовут его мистер Дербишир. Жена у него большая модница и обожает дорогие туалеты. Не сомневаюсь, что он влез по уши в долги и решился на преступление именно из-за этой женщины.

— Вы не объяснили только одного, — сказал полковник, — где была лошадь?

— Ах, лошадь… Она убежала, и ее приютил один из ваших соседей. Думаю, мы должны проявить к нему снисхождение. Мы сейчас проезжаем Клэпем, не так ли? Значит, до вокзала Виктории минут десять. Если вы зайдете к нам выкурить сигару, полковник, я с удовольствием дополню свой рассказ интересующими вас подробностями.

Желтое лицо

Вполне естественно, что я, готовя к изданию эти короткие очерки, в основу которых легли те многочисленные случаи, когда своеобразный талант моего друга побуждал меня жадно выслушивать его отчет о какой-нибудь необычной драме, а порой и самому становиться ее участником, что я при этом чаще останавливаюсь на его успехах, чем на неудачах. Я поступаю так не в заботе о его репутации, нет: ведь именно тогда, когда задача ставила его в тупик, он особенно удивлял меня своей энергией и многогранностью дарования. Я поступаю так по той причине, что там, где Холмс терпел неудачу, слишком часто оказывалось, что и никто другой не достиг успеха, и тогда рассказ оставался без развязки. Временами, однако, случалось и так, что мой друг заблуждался, а истина все же бывала раскрыта. У меня записано пять-шесть случаев этого рода, и среди них наиболее яркими и занимательными представляются два — дело о втором пятне и та история, которую я собираюсь сейчас рассказать.

Шерлок Холмс редко занимался тренировкой ради тренировки. Немного найдется людей, в большей мере способных к напряжению всей своей мускульной силы, и в своем весе он был бесспорно одним из лучших боксеров, каких я только знал; но в бесцельном напряжении телесной силы он видел напрасную трату энергии, и его, бывало, с места не сдвинешь, кроме тех случаев, когда дело касалось его профессии. Вот тогда он бывал совершенно неутомим и неотступен, хотя, казалось бы, для этого требовалось постоянная и неослабная тренировка;

но, правда, он всегда соблюдал крайнюю умеренность в еде и в своих привычках, был до строгости прост. Он не был привержен ни к каким порокам, а если изредка и прибегал к кокаину то разве что в порядке протеста против однообразия жизни, когда загадочные случаи становились редки и газеты не предлагали ничего интересного.

Как-то ранней весной он был в такой расслабленности, что пошел со мной днем прогуляться в парк. На вязах только еще пробивались хрупкие зеленые побеги, а клейкие копьевидные почки каштанов уже начали развертываться в пятиперстные листики. Два часа мы прохаживались вдвоем, большей частью молча, как и пристало двум мужчинам, превосходно знающим друг друга. Было около пяти, когда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Разрешите доложить, сэр, — сказал наш мальчик-лакей, открывая нам дверь. — Тут приходил один джентльмен, спрашивал вас, сэр.

Холмс посмотрел на меня с упреком.

— Вот вам и погуляли среди дня! — сказал он. — Так он ушел, этот джентльмен?

— Да, сэр.

— Ты не предлагал ему зайти?

— Предлагал, сэр, он заходил и ждал.

— Долго он ждал?

— Полчаса, сэр. Очень был беспокойный джентльмен, сэр, он все расхаживал, пока тут был, притоптывал ногой. Я ждал за дверью, сэр, и мне все было слышно. Наконец он вышел в коридор и крикнул: «Что же он так никогда и не придет, этот человек?» Это его точные слова, сэр. А я ему: «Вам только надо подождать еще немного». «Так я, — говорит, — подожду на свежем воздухе, а то я просто задыхаюсь! Немного погодя зайду еще раз», — с этим он встал и ушел, и, что я ему ни говорил, его никак было не удержать.

— Хорошо, хорошо, ты сделал что мог, — сказал Холмс, проходя со мной в нашу общую гостиную. — Как все-таки досадно получилось, Уотсон! Мне позарез нужно какое-нибудь интересное дело, а это, видно, такое и есть, судя по нетерпению джентльмена. Эге! Трубка на столе не ваша! Значит, это он оставил свою. Добрая старая трубка из корня вереска с длинным чубуком, какой в табачных магазинах именуется янтарным. Хотел бы я знать, сколько в Лондоне найдется чубуков из настоящего янтаря! Иные думают, что признаком служит муха. Возникла, знаете, целая отрасль промышленности — вводить поддельную муху в поддельный янтарь. Он был, однако, в сильном расстройстве, если забыл здесь свою трубку, которой явно очень дорожит.

— Откуда вы знаете, что он очень ею дорожит? — спросил я.

— Такая трубка стоит новая семь с половиной шиллингов. А между тем она, как видите, дважды побывала в починке: один раз чинилась деревянная часть, другой — янтарная. Починка, заметьте, оба раза стоила дороже самой трубки — здесь в двух местах перехвачено серебряным кольцом. Человек должен очень дорожить трубкой, если предпочитает дважды чинить ее, вместо того, чтобы купить за те же деньги новую.

— Что-нибудь еще? — спросил я, видя, что Холмс вертит трубку в руке и задумчиво, как-то по-своему ее разглядывает. Он высоко поднял ее и постукивал по ней длинным и тонким указательным пальцем, как мог бы профессор, читая лекцию, постукивать по кости.

— Трубки бывают обычно очень интересны, — сказал он. — Ничто другое не заключает в себе столько индивидуального, кроме, может быть, часов да шнурков на ботинках. Здесь, впрочем, указания не очень выраженные и не очень значительные. Владелец, очевидно, крепкий человек с отличными зубами, левша, неаккуратный и не склонен наводить экономию.

Мой друг бросал эти сведения небрежно, как бы вскользь, но я видел, что он скосил на меня взгляд, проверяя, слежу ли я за его рассуждением.

— Вы думаете, человек не стеснен в деньгах, если он курит трубку за семь шиллингов? — спросил я.

— Он курит гросвенорскую смесь по восемь пенсов унция, — ответил Холмс, побарабанив по голове трубки и выбив на ладонь немного табаку. — А ведь можно и за половину этой цены купить отличный табак — значит, ему не приходится наводить экономию.

— А прочие пункты?

— Он имеет привычку прикуривать от лампы и газовой горелки. Вы видите, что трубка с одного боку сильно обуглилась. Спичка этого, конечно, не наделала бы. С какой стати станет человек, разжигая трубку, держать спичку сбоку? А вот прикурить от лампы вы не сможете, не опалив головки. И опалена она с правой стороны. Отсюда я вывожу, что ее владелец левша. Попробуйте сами прикурить от лампы и посмотрите, как, естественно, будучи правшой, вы поднесете трубку к огню левой ее стороной. Иногда вы, может быть, сделаете и наоборот, но не будете так поступать из раза в раз. Эту трубку постоянно подносили правой стороной. Далее, смотрите, он прогрыз янтарь насквозь. Это может сделать только крепкий, энергичный человек да еще с отличными зубами. Но, кажется, я слышу на лестнице его шаги, так что нам будет что рассмотреть поинтересней трубки.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел высокий молодой человек. На нем был отличный, но не броский темно-серый костюм, и в руках он держал коричневую фетровую шляпу с широкими полями. Выглядел он лет на тридцать, хотя на самом деле был, должно быть, старше.

— Извините, — начал он в некотором смущении. — Полагаю, мне бы следовало постучать. Да, конечно, следовало… Понимаете, я несколько расстроен, тем и объясняется… — Он провел рукой по лбу, как делает человек, когда он сильно не в себе, и затем не сел, а скорей упал на стул.

— Я вижу вы ночи две не спали, — сказал Холмс в спокойном, сердечном тоне. — Это изматывает человека больше, чем работа, и даже больше, чем наслаждение. Разрешите спросить, чем могу вам помочь?

— Мне нужен ваш совет, сэр. Я не знаю, что мне делать, все в моей жизни пошло прахом.

— Вы хотели бы воспользоваться моими услугами сыщика-консультанта?

— Не только. Я хочу услышать от вас мнение рассудительного человека… и человека, знающего свет. Я хочу понять, что мне теперь делать дальше. Я так надеюсь, что вы мне что-то посоветуете.

Он не говорил, а выпаливал резкие, отрывочные фразы, и мне казалось, что говорить для него мучительно и что он все время должен превознемогать себя усилием воли.

— Дело это очень щепетильное, — продолжал он. — Никто не любит говорить с посторонними о своих семейных делах. Ужасно, знаете, обсуждать поведение своей жены с людьми, которых ты видишь в первый раз. Мне противно, что я вынужден это делать! Но я больше не в силах терпеть, и мне нужен совет.

— Мой милый мистер Грэнт Манро… — начал Холмс.

Наш гость вскочил со стула.

— Как! — вскричал он. — Вы знаете мое имя?

— Если вам желательно сохранять инкогнито, — сказал с улыбкой Холмс, — я бы посоветовал отказаться от обыкновения проставлять свое имя на подкладке шляпы или уж держать ее тульей к собеседнику. Я как раз собирался объяснить вам, что мы с моим другом выслушали в этой комнате немало странных тайн и что мы имели счастье внести мир во многие встревоженные души. Надеюсь, нам удастся сделать то же и для вас. Я попрошу вас, поскольку время может оказаться дорого, не тянуть и сразу изложить факты.

Наш гость опять провел рукой по лбу, как будто исполнить эту просьбу ему было до боли тяжело. По выражению его лица и по каждому жесту я видел, что он сдержанный, замкнутый человек, склонный скорее прятать свои раны, нежели чванливо выставлять их напоказ. Потом он вдруг взмахнул стиснутым кулаком, как бы отметая прочь всю сдержанность, и начал.

— Факты эти таковы, мистер Холмс. Я женатый человек, и женат я три года. Все это время мы с женой искренне любили друг друга, и были очень счастливы в нашей брачной жизни. Никогда у нас не было ни в чем разлада — ни в мыслях, ни в словах, ни на деле. И вот в этот понедельник между нами вдруг возник барьер: я открываю, что в ее жизни и в ее мыслях есть что-то, о чем я знаю так мало, как если б это была не она, а та женщина, что метет улицу перед нашим домом. Мы сделались чужими, и я хочу знать, почему.

Прежде, чем рассказывать дальше, я хочу, чтобы вы твердо знали одно, мистер Холмс: Эффи любит меня. На этот счет пусть не будет у вас никаких сомнений. Она любит меня всем сердцем, всей душой и никогда не любила сильней, чем теперь. Я это знаю, чувствую. Этого я не желаю обсуждать. Мужчина может легко различить, любит ли его женщина. Но между нами легла тайна, и не пойдет у нас по-прежнему, пока она не разъяснится.

— Будьте любезны, мистер Манро, излагайте факты, — сказал Холмс с некоторым нетерпением.

— Я сообщу вам, что мне известно о прошлой жизни Эффи. Она была вдовой, когда мы с нею встретились, хотя и совсем молодою — ей было двадцать пять. Звали ее тогда миссис Хеброн. В юности она уехала в Америку, и жила одна там в городе Атланте, где и вышла замуж за этого Хеброна, адвоката с хорошей практикой. У них был ребенок, но потом там вспыхнула эпидемия желтой лихорадки, которая и унесла обоих — мужа и ребенка. Я видел сам свидетельство о смерти мужа. После этого Америка ей опротивела, она вернулась на родину и стала жить с теткой, старой девой, в Мидлеексе, в городе Пиннере. Пожалуй, следует упомянуть, что муж не оставил ее без средств: у нее был небольшой капитал — четыре с половиной тысячи фунтов, которые он так удачно поместил, что она получала в среднем семь процентов. Она прожила в Пиннере всего полгода, когда я встретился с ней. Мы полюбили друг друга и через несколько недель поженились. Сам я веду торговлю хмелем, и, так как мой доход составляет семь-восемь сотен в год, мы живем не нуждаясь, снимаем виллу в Норбери за восемьдесят фунтов в год. У нас там совсем по-дачному, хоть это и близко от города. Рядом с нами, немного дальше по шоссе, гостиница и еще два дома, прямо перед нами — поле, а по ту сторону его — одинокий коттедж; и, помимо этих домов, никакого жилья ближе, чем на полпути до станции. Выпадают такие месяцы в году, когда дела держат меня в городе, но летом я бываю более или менее свободен, и тогда мы с женою в нашем загородном домике так счастливы, что лучше и желать нельзя. Говорю вам, между нами никогда не было никаких размолвок, пока не началась эта проклятая история.

Одну вещь я вам должен сообщить, прежде чем стану рассказывать дальше. Когда мы поженились, моя жена перевела на меня все свое состояние — в сущности, вопреки моей воле, потому что я понимаю, как неудобно это может обернуться, если мои дела пойдут под уклон. Но она так захотела, и так было сделано. И вот шесть недель тому назад она вдруг говорит мне:

— Джек, когда ты брал мои деньги, ты сказал, что когда бы они мне ни понадобились, мне довольно будет просто попросить.

— Конечно, — сказал я, — они твои.

— Хорошо, — сказала она, — мне нужно сто фунтов.

Я опешил — я думал, ей понадобилось на новое платье или что-нибудь в этом роде.

— Зачем тебе вдруг? — спросил я.

— Ах, — сказала она шаловливо, — ты же говорил, что ты только мой банкир, а банкиры, знаешь, никогда не спрашивают.

— Если тебе в самом деле нужны эти деньги, ты их, конечно, получишь, — сказал я.

— Да, в самом деле нужны.

— И ты мне не скажешь, на что?

— Может быть, когда-нибудь и скажу, но только, Джек, не сейчас.

Пришлось мне этим удовлетвориться, хотя до сих пор у нас никогда не было друг от друга никаких секретов. Я выписал ей чек и больше об этом деле не думал. Может быть, оно и не имеет никакого отношения к тому, что произошло потом, но я посчитал правильным рассказать вам о нем.

Так вот, как я уже упоминал, неподалеку от нас стоит коттедж. Нас от него отделяет только поле, но, чтобы добраться до него, надо сперва пройти по шоссе, а потом свернуть по проселку. Сразу за коттеджем славный сосновый борок, я люблю там гулять, потому что среди деревьев всегда так приятно. Коттедж последние восемь месяцев стоял пустой, и было очень жаль, потому что это премилый двухэтажный домик с крыльцом на старинный манер и жимолостью вокруг. Я, бывало, остановлюсь перед этим коттеджем и думаю, как мило было бы в нем устроиться.

Так вот в этот понедельник вечером я пошел погулять в свой любимый борок, когда на проселке мне встретился возвращающийся пустой фургон, а на лужайке возле крыльца я увидел груду ковров и разных вещей. Было ясно, что коттедж наконец кто-то снял. Я прохаживался мимо, останавливался, как будто от нечего делать, — стою, оглядываю дом, любопытствуя, что за люди поселились так близко от нас. И вдруг вижу в одном из окон второго этажа чье-то лицо, уставившееся прямо на меня.

Не знаю, что в нем было такого, мистер Холмс, только у меня мороз пробежал по спине. Я стоял в отдалении, так что не мог разглядеть черты, но было в этом лице что-то неестественное, нечеловеческое. Такое создалось у меня впечатление. Я быстро подошел поближе, чтобы лучше разглядеть следившего за мной. Но едва я приблизился, лицо вдруг скрылось — и так внезапно, что оно, показалось мне, нырнуло во мрак комнаты. Я постоял минут пять, думая об этой истории и стараясь разобраться в своих впечатлениях. Я не мог даже сказать, мужское это было лицо или женское. Больше всего меня поразил его цвет. Оно было мертвенно-желтое с лиловыми тенями и какое-то застывшее, отчего и казалось таким жутко неестественным. Я до того расстроился, что решил узнать немного больше о новых жильцах. Я подошел и постучался в дверь, и мне тут же открыла худая высокая женщина с неприветливым лицом.

— Чего вам надо? — спросила она с шотландским акцентом.

— Я ваш сосед, вон из того дома, — ответил я, кивнув на нашу виллу. — Вы, я вижу, только что приехали, я и подумал, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен.

— Эге! Когда понадобитесь, мы сами вас попросим, — сказала она и хлопнула дверью у меня перед носом.

Рассердясь на такую грубость, я повернулся и пошел домой. Весь вечер, как ни старался я думать о другом, я не мог забыть призрака в окне и ту грубую женщину. Я решил ничего жене не рассказывать — она нервная, впечатлительная женщина, и я не хотел делиться с нею неприятным переживанием. Все же перед сном я как бы невзначай сказал ей, что в коттедже появились жильцы, на что она ничего не ответила.

Я вообще сплю очень крепко. В семье у нас постоянно шутили, что ночью меня пушкой не разбудишь; но почему-то как раз в эту ночь — потому ли, что я был немного возбужден своим маленьким приключением, или по другой причине, не знаю, — только спал я не так крепко, как обычно. Я смутно сознавал сквозь сон, что в комнате что-то происходит, и понемногу до меня дошло, что жена стоит уже в платье и потихоньку надевает пальто и шляпу. Мои губы шевельнулись, чтобы пробормотать сквозь сон какие-то слова недоумения или упрека за эти

несвоевременные сборы, когда, вдруг приоткрыв глаза, я посмотрел на озаренное свечой лицо, и у меня отнялся язык от изумления. Никогда раньше я не видел у нее такого выражения лица — я даже не думал, что ее лицо может быть таким. Она была мертвенно-бледна, дышала учащенно и, застегивая пальто, украдкой косилась на кровать, чтобы проверить, не разбудила ли меня. Потом, решив, что я все-таки сплю, она бесшумно выскользнула из комнаты, и секундой позже раздался резкий скрип, какой могли произвести только петли парадных дверей. Я приподнялся в постели, потер кулаком о железный край кровати, чтобы увериться, что это не сон. Потом я достал часы из-под подушки. Они показывали три пополуночи. Что на свете могло понадобиться моей жене в тот час на шоссейной дороге?

Я просидел так минут двадцать, перебирая это все в уме и стараясь подыскать объяснение. Чем больше я думал, тем это дело представлялось мне необычайней и необъяснимей. Я еще ломал над ним голову, когда опять послышался скрип петель внизу, и затем по лестнице раздались ее шаги.

— Господи, Эффи, где это ты была? — спросил я, как только она вошла.

Она задрожала и вскрикнула, когда я заговорил, и этот сдавленный крик и дрожь напугали меня больше, чем все остальное, потому что в них было что-то невыразимо виноватое. Моя жена всегда была женщиной прямого и открытого нрава, но я похолодел, когда увидел, как она украдкой пробирается к себе же в спальню и дрожит оттого, что муж заговорил с ней.

— Ты не спишь, Джек? — вскрикнула она с нервным смешком. — Смотри, а я-то думала, тебя ничем не разбудишь.

— Где ты была? — спросил я строже.

— Так понятно, что это тебя удивляет, — сказала она, и я увидел, что пальцы ее дрожат, расстегивая пальто. — Я и сама не припомню, чтобы когда-нибудь прежде делала такую вещь. Понимаешь, мне вдруг стало душно, и меня прямо-таки неодолимо потянуло подышать свежим воздухом. Право, мне кажется, у меня был бы обморок, если бы я не вышла на воздух. Я постояла несколько минут в дверях, и теперь я совсем отдышалась.

Рассказывая мне эту историю, она ни разу не поглядела в мою сторону, и голос у нее был точно не свой. Мне стало ясно, что она говорит неправду. Я ничего не сказал в ответ и уткнулся лицом в стенку с чувством дурноты и с тысячью ядовитых подозрений и сомнений в голове. Что скрывает от меня жена? Где она побывала во время своей странной прогулки? Я чувствовал, что не найду покоя, пока этого не узнаю, и все-таки мне претило расспрашивать дальше после того, как она уже раз солгала. До конца ночи я кашлял и ворочался с боку на бок, строя догадку за догадкой, одна другой невероятнее. Назавтра мне нужно было ехать в город, но я был слишком взбудоражен и даже думать не мог о делах. Моя жена была, казалось, расстроена не меньше, чем я, и по ее быстрым вопросительным взглядам, которые она то и дело бросала на меня, я видел: она поняла, что я не поверил ее объяснению, и прикидывает, как ей теперь быть. За первым завтраком мы едва обменялись с ней двумя-тремя словами, затем я сразу вышел погулять, чтобы собраться с мыслями на свежем утреннем воздухе.

Я дошел до Хрустального дворца, просидел там целый час в парке и вернулся в Норбери в начале второго. Случилось так, что на обратном пути мне нужно было пройти мимо коттеджа, и я остановился на минутку посмотреть, не покажется ли опять в окошке то странное лицо, что глядело на меня накануне. Я стою и смотрю, и вдруг — вообразите себе мое удивление, мистер Холмс, — дверь открывается, и выходит моя жена!

Я онемел при виде ее, но мое волнение было ничто перед тем, что отразилось на ее лице, когда глаза наши встретились. В первую секунду она как будто хотела шмыгнуть обратно в дом; потом, поняв, что всякая попытка спрятаться будет бесполезна, она подошла ко мне с побелевшим лицом и с испугом в глазах, не вязавшимся с ее улыбкой.

— Ах, Джек, — сказала она, — я заходила сейчас туда спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь нашим новым соседям. Что ты так смотришь на меня, Джек? Ты на меня сердишься?

— Так! — сказал я. — Значит, вот куда ты ходила ночью?

— Что ты говоришь? — закричала она.

— Ты ходила туда. Я уверен. Кто эти люди, что ты должна навещать их в такой час?

— Я не бывала там раньше.

— Как ты можешь утверждать вот так заведомую ложь? — закричал я. — У тебя и голос меняется, когда ты это говоришь. Когда у меня бывали от тебя секреты? Я сейчас же войду в дом и узнаю, в чем дело.

— Нет, нет, Джек, ради Бога! — У нее осекся голос, она была сама не своя от волнения. Когда же я подошел к дверям, она судорожно схватила меня за рукав и с неожиданной силой оттащила прочь.

— Умоляю тебя, Джек, не делай этого, — кричала она. — Клянусь, я все тебе расскажу когда-нибудь, но если ты сейчас войдешь в коттедж, ничего из этого не выйдет кроме горя. — А потом, когда я попробовал ее отпихнуть, она прижалась ко мне с исступленной мольбой.

— Верь мне, Джек! — кричала она. — Поверь мне на этот только раз! Я никогда не дам тебе повода пожалеть об этом. Ты знаешь, я не стала б ничего от тебя скрывать иначе, как ради тебя самого. Дело идет о всей нашей жизни. Если ты сейчас пойдешь со мной домой, все будет хорошо. Если ты вломишься в этот коттедж, у нас с тобой все будет испорчено.

Она говорила так убежденно, такое отчаяние чувствовалось в ее голосе и во всей манере, что я остановился в нерешительности перед дверью.

— Я поверю тебе на одном условии — и только на одном, — сказал я наконец, — с этой минуты между нами никаких больше тайн! Ты вольна сохранить при себе свой секрет, но ты пообещаешь мне, что больше не будет ночных хождений в гости, ничего такого, что нужно от меня скрывать. Я согласен простить то, что уже в прошлом, если ты дашь мне слово, что в будущем ничего похожего не повторится.

— Я знала, что ты мне поверишь, — сказала она и вздохнула с облегчением. — Все будет, как ты пожелаешь. Уйдем же, ах, уйдем от этого дома! — Все еще цепко держась за мой рукав, она увела меня прочь от коттеджа.

Я оглянулся на ходу — из окна на втором этаже за нами следило то желтое, мертвенное лицо. Что могло быть общего у этой твари и моей жены? И какая могла быть связь между Эффи и той простой и грубой женщиной, которую я видел накануне? Даже странно было спрашивать, и все-таки я знал, что у меня не будет спокойно на душе, покуда я не разрешу загадку.

Два дня спустя я сидел дома и моя жена как будто честно соблюдала наш уговор; во всяком случае, насколько мне было известно, она даже не выходила из дому. Но на третий день я получил прямое доказательство, что ее торжественного обещания было недостаточно, чтобы пересилить то тайное воздействие, которое отвлекало ее от мужа и долга.

В тот день я поехал в город, но вернулся поездом не три тридцать шесть, как обычно, а пораньше — поездом два сорок. Когда я вошел в дом, наша служанка вбежала в переднюю с перепуганным лицом.

— Где хозяйка? — спросил я.

— А она, наверно, вышла погулять, — ответила девушка.

В моей голове сейчас же зародились подозрения. Я побежал наверх удостовериться, что ее в самом деле нет дома. Наверху я случайно посмотрел в окно и увидел, что служанка, с которой я только что разговаривал, бежит через поле прямиком к коттеджу. Я, конечно, сразу понял, что это все означает: моя жена пошла туда и попросила служанку вызвать ее, если я вернусь. Дрожа от бешенства, я сбежал вниз и помчался туда же, решив раз и навсегда положить конец этой истории. Я видел, как жена со служанкой бежали вдвоем по проселку, но я не стал их останавливать. То темное, что омрачало мою жизнь, затаилось в коттедже. Я дал

себе слово: что бы ни случилось потом, но тайна не будет больше тайной. Подойдя к дверям, я даже не постучался, а прямо повернул ручку и ворвался в коридор.

На первом этаже было тихо и мирно. В кухне посвистывал на огне котелок, и большая черная кошка лежала, свернувшись клубком, в корзинке; но нигде и следа той женщины, которую я видел в прошлый раз. Я кидаюсь из кухни в комнату — и там никого. Тогда я взбежал по лестнице и убедился, что в верхних двух комнатах пусто и нет никого. Во всем доме ни души! Мебель и картины были самого пошлого, грубого пошиба, кроме как в одной-единственной комнате — той, в окне которой я видел то странное лицо. Здесь было уютно и изящно, и мои подозрения разгорелись яростным, злым огнем, когда я увидел, что там стоит на камине карточка моей жены: всего три месяца тому назад она по моему настоянию снялась во весь рост, и это была та самая фотография! Я пробыл в доме довольно долго, пока не убедился, что там и в самом деле нет никого. Потом я ушел, и у меня было так тяжело на сердце, как никогда в жизни. Жена встретила меня в передней, когда я вернулся домой, но я был так оскорблен и рассержен, что не мог с ней говорить, и пронесся мимо нее прямо к себе в кабинет.

Она, однако, вошла следом за мной, не дав мне даже времени закрыть дверь.

— Мне очень жаль, что я нарушила обещание, Джек, — сказала она, — но если бы ты знал все обстоятельства, ты, я уверена, простил бы меня.

— Так расскажи мне все, — говорю я.

— Я не могу, Джек, не могу! — закричала она.

— Пока ты мне не скажешь, кто живет в коттедже и кому это ты подарила свою фотографию, между нами больше не может быть никакого доверия, — ответил я и, вырвавшись от нее, ушел из дому. Это было вчера, мистер Холмс, и с того часа я ее не видел и не знаю больше ничего об этом странном деле. В первый раз легла между нами тень, и я так потрясен, что не знаю, как мне теперь вернее всего поступить. Вдруг сегодня утром меня осенило, что если есть на свете человек, который может дать мне совет, так это вы, и вот я поспешил к вам и безоговорочно отдаюсь в ваши руки. Если я что-нибудь изложил неясно, пожалуйста, спрашивайте. Но только скажите скорей, что мне делать, потому что я больше не в силах терпеть эту муку.

Мы с Холмсом с неослабным вниманием слушали эту необыкновенную историю, которую он нам рассказывал отрывисто, надломленным голосом, как говорят в минуту сильного волнения. Мой товарищ сидел некоторое время молча, подперев подбородок рукой и весь уйдя в свои мысли.

— Скажите, — спросил он наконец, — вы могли бы сказать под присягой, что лицо, которое вы видели в окне, было лицом человека?

— Оба раза, что я его видел, я смотрел на него издалека, так что сказать это наверное никак не могу.

— И, однако же, оно явно произвело на вас неприятное впечатление.

— Его цвет казался неестественным, и в его чертах была странная неподвижность. Когда я подходил ближе, оно как-то рывком исчезало.

— Сколько времени прошло с тех пор, как жена попросила у вас сто фунтов?

— Почти два месяца.

— Вы когда-нибудь видели фотографию ее первого мужа?

— Нет, в Атланте вскоре после его смерти произошел большой пожар, и все ее бумаги сгорели.

— Но все-таки у нее оказалось свидетельство о его смерти. Вы сказали, что вы его видели?

— Да, она после пожара выправила дубликат.

— Вы хоть раз встречались с кем-нибудь, кто был с ней знаком в Америке?

— Нет.

— Она когда-нибудь заговаривала о том, чтобы съездить туда?

— Нет.

— Не получала оттуда писем?

— Насколько мне известно, — нет.

— Благодарю вас. Теперь я хотел бы немножко подумать об этом деле. Если коттедж оставлен навсегда, у нас могут возникнуть некоторые трудности; если только на время, что мне представляется более вероятным, то это значит, что жильцов вчера предупредили о вашем приходе, и они успели скрыться, — тогда, возможно, они уже вернулись, и мы все это легко выясним. Я вам посоветую: возвращайтесь в Норбери и еще раз осмотрите снаружи коттедж. Если вы убедитесь, что он обитаем, не врывайтесь сами в дом, а только дайте телеграмму мне и моему другу. Получив ее, мы через час будем у вас, а там мы очень скоро дознаемся, в чем дело.

— Ну, а если в доме все еще никого нет?

— В этом случае я приеду завтра, и мы с вами обсудим, как быть. До свидания, и главное — не волнуйтесь, пока вы не узнали, что вам в самом деле есть из-за чего волноваться.

— Боюсь, дело тут скверное, Уотсон, — сказал мой товарищ, когда, проводив мистера Грэнт Манро до дверей, он вернулся в наш кабинет. — Как оно вам представляется?

— Грязная история, — сказал я.

— Да. И подоплекой здесь шантаж, или я жестоко ошибаюсь.

— А кто шантажист?

— Не иначе, как та тварь, что живет в единственной уютной комнате коттеджа и держит у себя эту фотографию на камине. Честное слово, Уотсон, есть что-то очень завлекательное в этом мертвенном лице за окном, и я бы никак не хотел прохлопать этот случай.

— Есть у вас своя гипотеза?

— Пока только первая наметка. Но я буду очень удивлен, если она окажется неверной. В коттедже — первый муж этой женщины.

— Почему вы так думаете?

— Чем еще можно объяснить ее безумное беспокойство, как бы туда не вошел второй? Факты, как я считаю, складываются примерно так. Женщина выходит в Америке замуж. У ее мужа обнаруживаются какие-то нестерпимые свойства, или, скажем, его поражает какая-нибудь скверная болезнь — он оказывается прокаженным или душевнобольным. В конце концов она сбегает от него, возвращается в Англию, меняет имя и начинает, как ей думается, строить жизнь сызнова. Она уже три года замужем за другим и полагает себя в полной безопасности — мужу она показала свидетельство о смерти какого-то другого человека, чье имя она и приняла, — как вдруг ее местопребывание становится известно ее первому мужу или, скажем, какой-нибудь не слишком разборчивой женщине, связавшейся с больным. Они пишут жене и грозятся приехать и вывести ее на чистую воду. Она просит сто фунтов и пробует откупиться от них. Они все-таки приезжают, и когда муж в разговоре с женой случайно упоминает, что в коттедже поселились новые жильцы, она по каким-то признакам догадывается, что это ее преследователи. Она ждет, пока муж заснет, и затем кидается их уговаривать, чтоб они уехали. Ничего не добившись, она на другой день с утра отправляется к ним опять, и муж, как он сам это рассказал, встречает ее в ту минуту, когда она выходит от них. Тогда она обещает ему больше туда не ходить, но через два дня, не устояв перед надеждой навсегда избавиться от страшных соседей, она предпринимает новую попытку, прихватив с собой фотографию, которую, возможно, они вытребовали у нее. В середине переговоров прибегает служанка с сообщением, что хозяин уже дома, и тут жена, понимая,

что он пойдет сейчас прямо в коттедж, выпроваживает его обитателей через черный ход — вероятно, в тот сосновый борок, о котором здесь упоминалось. Муж приходит — и застает жилище пустым. Я, однако ж, буду крайне удивлен, если он и сегодня найдет его пустым, когда выйдет вечером в рекогносцировку. Что вы скажете об этой гипотезе?

— В ней все предположительно.

— Зато она увязывает все факты. Когда нам станут известны новые факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы успеем ее пересмотреть. В ближайшее время мы ничего не можем начать, пока не получим новых известий из Норбери.

Долго нам ждать не пришлось. Телеграмму принесли, едва мы отпили чай. «В коттедже еще живут, — гласила она, — Опять видел окне лицо. Приду встречать поезду семь ноль-ноль и до вашего прибытия ничего предпринимать не стану».

Когда мы вышли из вагона, Грэнт Манро ждал нас на платформе, и при свете станционных фонарей нам было видно, что он очень бледен и дрожит от волнения.

— Они еще там, мистер Холмс, — сказал он, ухватив моего друга за рукав. — Я, когда шел сюда, видел в коттедже свет. Теперь мы с этим покончим раз и навсегда.

— Какой же у вас план? — спросил мой друг, когда мы пошли по темной, обсаженной деревьями дороге.

— Я силой вломлюсь в дом и увижу сам, кто там есть. Вас двоих я попросил бы быть при этом свидетелями.

— Вы твердо решились так поступить, несмотря на предостережения вашей жены, что для вас же лучше не раскрывать ее тайну?

— Да, решился.

— Что ж, вы, пожалуй, правы. Правда, какова бы она ни была, лучше неопределенности и подозрений. Предлагаю отправиться сразу же. Конечно, перед лицом закона мы этим поставим себя в положение виновных, но я думаю, стоит пойти на риск.

Ночь была очень темная, и начал сеять мелкий дождик, когда мы свернули с шоссейной дороги на узкий, в глубоких колеях проселок, пролегший между двух рядов живой изгороди. Мистер Грэнт Манро в нетерпении чуть не бежал, и мы, хоть и спотыкаясь, старались не отстать от него.

— Это огни моего дома, — сказал он угрюмо, указывая на мерцающий сквозь деревья свет, — а вот коттедж, и сейчас я в него войду.

Проселок в этом месте сворачивал. У самого поворота стоял домик. Желтая полоса света на черной земле перед нами показывала, что дверь приоткрыта, и одно окно на втором этаже было ярко освещено. Мы поглядели и увидели движущееся по шторе темное пятно.

— Она там, эта тварь! — закричал Грэнт Манро. — Вы видите сами, что там кто-то есть. За мной, и сейчас мы все узнаем!

Мы подошли к двери, но вдруг из черноты выступила женщина и встала в золотой полосе света, падавшего от лампы. В темноте я не различал ее лица, но ее протянутые руки выражали мольбу.

— Ради Бога, Джек, остановись! — закричала она. — У меня было предчувствие, что ты придешь сегодня вечером. Не думай ничего дурного, дорогой! Поверь мне еще раз, и тебе никогда не придется пожалеть об этом.

— Я слишком долго верил тебе, Эффи! — сказал он строго.

— Пусти! Я все равно войду. Я и мои друзья, мы решили покончить с этим раз и навсегда.

Он отстранил ее, и мы, не отставая, последовали за ним. Едва он распахнул дверь, прямо на него выбежала пожилая женщина и попыталась заступить ему дорогу, но он оттолкнул ее,

и мгновением позже мы все трое уже поднимались по лестнице. Грэнт Манро влетел в освещенную комнату второго этажа, а за ним и мы.

Комната была уютная, хорошо обставленная, на столе горели две свечи и еще две на камине. В углу, согнувшись над письменным столом, сидела маленькая девочка. Ее лицо, когда мы вошли, было повернуто в другую сторону, мы разглядели только, что она в красном платьице и длинных белых перчатках. Когда она живо кинулась к нам, я вскрикнул от ужаса и неожиданности. Она обратила к нам лицо самого странного мертвенного цвета, и его черты были лишены всякого выражения. Мгновением позже загадка разрешилась. Холмс со смехом провел рукой за ухом девочки, маска соскочила, и угольно-черная негритяночка засверкала всеми своими белыми зубками, весело смеясь над нашим удивленным видом. Разделяя ее веселье, громко засмеялся и я, но Грэнт Манро стоял, выкатив глаза и схватившись рукой за горло.

— Боже! — закричал он, — что это значит?

— Я скажу тебе, что это значит, — объявила женщина, вступая в комнату с гордой решимостью на лице. — Ты вынуждаешь меня открыть тебе мою тайну, хоть это и кажется мне неразумным. Теперь давай вместе решать, как нам с этим быть. Мой муж в Атланте умер. Мой ребенок остался жив.

— Твой ребенок!

Она достала спрятанный на груди серебряный медальон.

— Ты никогда не заглядывал внутрь.

— Я думал, что он не открывается.

Она нажала пружину, и передняя створка медальона отскочила. Под ней был портрет мужчины с поразительно красивым и тонким лицом, хотя его черты являли безошибочные признаки африканского происхождения.

— Это Джон Хеброн из Атланты, — сказала женщина, — и не было на земле человека благородней его. Выйдя за него, я оторвалась от своего народа, но, пока он был жив, я ни разу ни на минуту не пожалела о том. Нам не посчастливилось — наш единственный ребенок пошел не в мой род, а больше в его. Это нередко бывает при смешанных браках, и маленькая Люси куда черней, чем был ее отец. Но черная или белая, она моя родная, моя дорогая маленькая девочка, и мама очень любит ее! — Девочка при этих словах подбежала к ней и зарылась личиком в ее платье.

— Я оставила ее тогда в Америке, — продолжала женщина, — только по той причине, что она еще не совсем поправилась и перемена климата могла повредить ее здоровью. Я отдала ее на попечение преданной шотландки, нашей бывшей служанки. У меня и в мыслях не было отступаться от своего ребенка. Но когда я встретила тебя на своем пути, когда я тебя полюбила, Джек, я не решилась рассказать тебе про своего ребенка. Да простит мне Бог, я побоялась, что потеряю тебя, и у меня недостало мужества все рассказать. Мне пришлось выбирать между вами, и по слабости своей я отвернулась от родной моей девочки. Три года я скрывала от тебя ее существование, но я переписывалась с няней и знала, что с девочкой все хорошо. Однако в последнее время у меня появилось неодолимое желание увидеть своего ребенка. Я боролась с ним, но напрасно. И хотя я знала, что это рискованно, я решилась на то, чтоб девочку привезли сюда — пусть хоть на несколько недель. Я послала няне сто фунтов и дала ей указания, как вести себя здесь в коттедже, чтобы она могла сойти просто за соседку, к которой я не имею никакого отношения. Я очень боялась и поэтому не велела выводить ребенка из дому в дневные часы. Дома мы всегда прикрываем ей личико и руки: вдруг кто-нибудь увидит ее в окно, и пойдет слух, что по соседству появился черный ребенок. Если бы я меньше остерегалась, было бы куда разумней, но я сходила с ума от страха, как бы не дошла до тебя правда.

Ты первый и сказал мне, что в коттедже кто-то поселился. Мне бы подождать до утра, но я не могла уснуть от волнения, и наконец я вышла потихоньку, зная, как крепко ты спишь. Но ты увидел, что я выходила, и с этого начались все мои беды. На другой день мне пришлось отдаться на твою милость, и ты из благородства не стал допытываться. Но на третий день, когда ты ворвался в коттедж с парадного, няня с ребенком едва успели убежать через черный ход. И вот сегодня ты все узнал, и я спрашиваю тебя: что с нами будет теперь — со мной и с моим ребенком? — Она сжала руки и ждала ответа.

Две долгих минуты Грэнт Манро не нарушал молчания, и когда он ответил, это был такой ответ, что мне и сейчас приятно его вспомнить. Он поднял девочку, поцеловал и затем, держа ее на одной руке, протянул другую жене и повернулся к двери.

— Нам будет удобней поговорить обо всем дома, — казал он. — Я не очень хороший человек, Эффи, но, кажется мне, все же не такой дурной, каким ты меня считала.

Мы с Холмсом проводили их до поворота, и, когда мы вышли на проселок, мой друг дернул меня за рукав.

— Полагаю, — сказал он, — в Лондоне от нас будет больше пользы, чем в Норбери.

Больше он ни слова не сказал об этом случае вплоть до поздней ночи, когда, взяв зажженную свечу, он повернулся к двери, чтобы идти в свою спальню.

— Уотсон, — сказал он, — если вам когда-нибудь покажется, что я слишком полагаюсь на свои способности или уделяю случаю меньше старания, чем он того заслуживает, пожалуйста, шепните мне на ухо: «Норбери» — и вы меня чрезвычайно этим обяжете.

Приключения клерка

Вскоре после женитьбы я купил в Паддингтоне практику у доктора Фаркера. Старый доктор некогда имел множество пациентов, но потом вследствие болезни — он страдал чем-то вроде пляски святого Витта, — а также преклонных лет их число заметно поуменьшилось. Ведь люди, и это понятно, предпочитают лечиться у того, кто сам здоров, и мало доверяют медицинским познаниям человека, который не может исцелить даже самого себя. И чем хуже становилось здоровье моего предшественника, тем в больший упадок приходила его практика, и к тому моменту, когда я купил ее, она приносила вместо прежних тысячи двухсот немногим больше трехсот фунтов в год. Но я положился на свою молодость и энергию и не сомневался, что через год-другой от пациентов не будет отбою.

Первые три месяца, как я поселился в Паддингтоне, я был очень занят и совсем не виделся со своим другом Шерлоком Холмсом. Зайти к нему на Бейкер-стрит у меня не было времени, а сам он если и выходил куда, то только по делу. Поэтому я очень обрадовался, когда однажды июньским утром, читая после завтрака «Британский медицинский вестник», услыхал в передней звонок и вслед за тем резкий голос моего старого друга.

— А, мой дорогой Уотсон, — сказал он, войдя в комнату, — рад вас видеть! Надеюсь, миссис Уотсон уже оправилась после тех потрясений, что пришлось нам пережить в деле со «Знаком четырех».

— Благодарю вас, она чувствует себя превосходно, — ответил я, горячо пожимая ему руку.

— Надеюсь также, — продолжал Шерлок Холмс, усаживаясь в качалку, — занятия медициной еще не совсем отбили у вас интерес к нашим маленьким загадкам?

— Напротив! — воскликнул я. — Не далее, как вчера вечером, я разбирал свои старые заметки, а некоторые даже перечитал.

— Надеюсь, вы не считаете свою коллекцию завершенной?

— Разумеется, нет! Я бы очень хотел еще пополнить ее.

— Скажем, сегодня?

— Пусть даже сегодня.

— Даже если придется ехать в Бирмингем?

— Куда хотите.

— А практика?

— Что практика? Попрошу соседа, он примет моих пациентов. Я ведь подменяю его, когда он уезжает.

— Ну и прекрасно, — сказал Шерлок Холмс, откидываясь в качалке и бросая на меня проницательный взгляд из-под полуопущенных век. — Эге, да вы, я вижу, были больны. Простуда летом — вещь довольно противная.

— Вы правы. На той неделе я сильно простудился и целых три дня сидел дома. Но мне казалось, от болезни теперь уже не осталось и следа.

— Это верно, вид у вас вполне здоровый.

— Как же вы догадались, что я болел?

— Мой дорогой Уотсон, вы же знаете мой метод.

— Метод логических умозаключений?

— Разумеется.

— С чего же вы начали?

— С ваших домашних туфель.

Я взглянул на новые кожаные туфли, которые были на моих ногах.

— Но что по этим туфлям… — начал было я, но Холмс ответил на вопрос прежде, чем я успел его закончить.

— Туфли ваши новые, — разъяснил он. — Вы их носите не больше двух недель, а подошвы, которые вы сейчас выставили напоказ, уже подгорели. Вначале я подумал, что вы их промочили, а затем, когда сушили, сожгли. Но потом я заметил у самых каблуков бумажные ярлычки с клеймом магазина. От воды они наверняка бы отсырели. Значит, вы сидели у камина, вытянув ноги к самому огню, что вряд ли кто, будь он здоров, стал бы делать даже в такое сырое и холодное лето, какое выдалось в этом году.

Как всегда, после объяснений Шерлока Холмса, все оказалось очень просто. Холмс, прочтя эту мысль на моем лице, грустно улыбнулся.

— Боюсь, что мои объяснения приносят мне только вред, — заметил он. — Одни следствия без причины действуют на воображении гораздо сильнее… Ну, вы готовы со мной в Бирмингем?

— Конечно. А что там за дело?

— Все узнаете по дороге. Внизу нас ждет экипаж и клиент. Едемте.

— Одну минуту.

Я черкнул записку своему соседу, забежал наверх к жене, чтобы предупредить ее об отъезде, и догнал Холмса на крыльце.

— Ваш сосед тоже врач? — спросил он, кивнув на медную дощечку на соседней двери.

— Да, он купил практику одновременно со мной.

— И давно она существует?

— Столько же, сколько моя. С тех пор, как построили эти дома.

— Вы купили лучшую.

— Да. Но как вы об этом узнали?

— По ступенькам, мой дорогой Уотсон. Ваши ступеньки сильно стерты подошвами, так, что каждая на три дюйма ниже, чем у соседа. А вот и наш клиент. Мистер Холл Пикрофт, позвольте мне представить вам моего друга, доктора Уотсона, — сказал Холмс. — Эй, кэбмен, — добавил он, — подстегните-ка лошадей, мы опаздываем на поезд.

Я уселся напротив Пикрофта.

Это был высокий, хорошо сложенный молодой человек с открытым, добродушным лицом и светлыми закрученными усиками. На нем был блестящий цилиндр и аккуратный черный костюм, придавший ему вид щеголеватого клерка из Сити, как оно и было на самом деле. Он принадлежал к тому сорту людей, которых у нас называют «кокни»[48], но которые дают нам столько прекрасных солдат-волонтеров, а также отличных спортсменов, как ни одно сословие английского королевства. Его круглое румяное лицо было от природы веселым, но сейчас уголки его губ опустились, и это придало ему слегка комический вид. Какая беда привела его к Шерлоку Холмсу, я узнал, только когда мы уселись в вагон первого класса и поезд тронулся.

— Итак, — сказал Холмс, — у нас впереди больше часа свободного времени. Мистер Пикрофт, расскажите, пожалуйста, моему другу о своем приключении, как вы его рассказывали мне, а если можно, то и подробнее. Мне тоже будет полезно проследить еще раз ход событий. Дело, Уотсон, может оказаться пустяковым, но в нем есть некоторые довольно интересные обстоятельства, которые вы, как и я, так любите. Итак, мистер Пикрофт, начинайте. Я не буду прерывать вас больше.

Наш спутник взглянул на меня, и глаза его загорелись.

— Самое неприятное в этой истории то, — начал он, — что я в ней выгляжу полнейшим дураком. Правда, может, все еще обойдется. Да, признаться, я и не мог поступить иначе. Но если я и этого места лишусь, не получив ничего взамен, то и выйдет, что нет на свете другого такого дурака, как я. Хотя я и не мастер рассказывать, но послушайте, что произошло.

Служил я в маклерской фирме «Коксон и Вудхаус» в Дрейпер-Гарденсе, но весной этого года лопнул венесуэльский займ, — вы, конечно, об этом слышали, — и фирма обанкротилась. Всех служащих, двадцать семь человек, разумеется, уволили. Работал я у них пять лет, и, когда разразилась гроза, старик Коксон дал мне блестящую характеристику. Я начал искать новое место, сунулся туда, сюда, но таких горемык, как я, везде было полно.

Положение было отчаянное. У Коксона я получал в неделю три фунта стерлингов и за пять лет накопил семьдесят фунтов, но эти деньги, как и все на свете, подошли к концу. И вот я дошел до того, что не осталось денег даже на марки и конверты, чтобы писать по объявлениям. Я истрепал всю обувь, обивая пороги различных фирм, но найти работы не мог.

Когда я уже совсем потерял надежду, то услышал о вакантной должности в большом банкирском доме «Мейсон и Уильямсы» на Ломбард-стрит. Смею предположить, что вы мало знакомы с деловой частью Лондона, но можете мне поверить, что это один из самых богатых и солидных банков. Обращаться с предложением своих услуг следовало только почтой. Я послал им заявление вместе с характеристикой безо всякой надежды на успех. И вдруг обратной почтой получаю ответ, что в ближайший понедельник могу приступить к исполнению своих новых обязанностей. Как это случилось, никто не мог объяснить. Говорят, что в таких случаях управляющий просто сует руку в кучу заявлений и вытаскивает наугад первое попавшееся, вот и все. Но, так или иначе, мне повезло, и я никогда так не радовался, как на сей раз. Жалованье у них в неделю было даже больше на один фунт, а обязанности мало чем отличались от тех, что я исполнял у Коксона.

Теперь я подхожу к самой удивительной части моей истории. Надо вам сказать, что я снимаю квартиру за Хемпстедом: Потерс-стрит, 17. В тот самый вечер, когда пришло это приятное письмо, я сидел дома и курил трубку. Вдруг входит квартирная хозяйка и подает визитную карточку, на которой напечатано: «Артур Пиннер, финансовый агент». Я никогда прежде о таком не слыхал и не представлял, зачем я ему понадобился, однако попросил хозяйку пригласить его наверх. Вошел среднего роста темноглазый брюнет, с черной бородой и лоснящимся носом. Походка у него была быстрая, речь отрывистая, как у человека, привыкшего дорожить временем.

— Мистер Пикрофт, если не ошибаюсь? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил я, предлагая стул.

— Раньше служили у Коксона?

— Да, сэр.

— А сейчас поступили в банкирский дом Мейсонов?

— Совершенно верно.

— Так-с, — произнес он. — Видите ли, я слыхал, что вы обладаете незаурядными деловыми способностями. Вас очень хвалил мне Паркер, бывший управляющий у Коксона.

Я, разумеется, был весьма польщен, услышав столь лестный о себе отзыв. Я всегда хорошо справлялся со своими обязанностями у Коксона, но мне и в голову не приходило, что в Сити идут обо мне такие разговоры.

— У вас хорошая память? — спросил затем Пиннер.

— Неплохая, — ответил я скромно.

— Вы следили за курсом бумаг последнее время?

— Безусловно! Я каждой утро просматриваю «Биржевые ведомости».

— Удивительное прилежание! — воскликнул он. — Вот где источник всякого успеха! Если не возражаете, я вас немного поэкзаменую. Скажите, каков курс Эйширских акций?

— От ста пяти до ста пяти с четвертью.

— А Объединенных новозеландских?

— Сто четыре.

— Хорошо, а Брокенхиллских английских?

— От ста семи до ста семи с половиной.

— Великолепно! — вскричал он. — Просто замечательно. Таким я вас и представлял себе. Мальчик мой, вы созданы для большего, чем быть простым клерком у Мейсонов!

Его восторг, как вы понимаете, меня, конечно, несколько смутил.

— Так-то оно так, мистер Пиннер, — сказал я, — но не все обо мне такого высокого мнения. Я не один день побегал, пока нашел эту вакансию. И я очень рад ей.

— Ах, Господи, что это вы говорите! Разве ваше место там? Вот послушайте, что я вам скажу. Правда, я не могу предложить вам уже сейчас место, которое вы заслуживаете, но в сравнении с Мейсонами это небо и земля. Когда вы начинаете работать у Мейсонов?

— В понедельник.

— Хм-м, готов биться об заклад, что вы туда не пойдете.

— Что, не пойду к Мейсонам?!

— Вот именно, мой дорогой. К этому времени вы уже будете работать коммерческим директором Франко-Мидланской компании скобяных изделий, имеющей сто тридцать четыре отделения в различных городах и селах Франции, не считая Брюсселя и Сан-Ремо.

У меня даже дыхание перехватило.

— Но я никогда не слышал об этой компании, — пробормотал я.

— Очень может быть. Мы не кричим о себе на каждом углу, капитал фирмы целиком составляют частные вклады, а дела идут так хорошо, что реклама просто ни к чему. Генеральный директор фирмы — мой брат Гарри Пиннер, он же и основал ее. Зная, что я еду в Лондон, он попросил меня подыскать ему расторопного помощника — молодого человека, способного и делового, с хорошими рекомендациями. Паркер рассказал мне о вас, и вот я здесь. Для начала мы можем предложить вам всего каких-то пятьсот фунтов в год, но в дальнейшем…

— Пятьсот фунтов!? — вскричал я, пораженный.

— Это для начала. Кроме того, вы будете получать один процент комиссионных с каждого нового контракта, и, можете поверить мне, ваше жалованье удвоится.

— Но я ничего не смыслю в скобяных изделиях.

— Зато вы смыслите в бухгалтерии.

Голова моя закружилась, и я едва усидел на месте. Но вдруг в душу мою закралось сомнение.

— Я буду откровенен с вами, сэр, — сказал я. — Мейсоны положили мне двести фунтов в год, но фирма «Мейсон и Уильямсы» — дело верное. А о вас я ровно ничего…

— Вы просто прелесть! — вскричал мой гость в восторге. — Именно такой человек нам и нужен. Вас не проведешь. И это очень хорошо. Вот вам сто фунтов, и если считаете, что дело сделано, смело кладите их в свой карман в качестве аванса.

— Это очень большая сумма, — сказал я. — Когда я должен приступить к работе?

— Поезжайте завтра утром в Бирмингем, — ответил он. — И в час приходите во временную контору фирмы на Корпорейшн-стрит, дом 126. Я дам вам письмо моему брату. Нужно его согласие. Но, между нами говоря, я считаю ваше назначение решенным.

— Не знаю, как и благодарить вас, мистер Пиннер, — сказал я.

— Пустое, мой мальчик. Вы должны благодарить только самого себя. А теперь еще один-два пункта, — так, чистая формальность, но это необходимо уладить. Есть у вас бумага? Будьте добры, напишите на ней: «Согласен поступить на должность коммерческого директора во Франко-Мидландскую компанию скобяных изделий с годовым жалованьем 500 фунтов».

Я написал то, что мистер Пиннер продиктовал мне, и он положил бумагу в карман.

— И еще один вопрос, — сказал он. — Как вы думаете поступить с Мейсонами?

На радостях я совсем было о них забыл.

— Напишу им о своем отказе от места, — ответил я.

— По-моему, этого делать не надо. Я был у Мейсона и поссорился из-за вас с его управляющим. Я зашел к нему навести о вас справки, а он стал кричать, что я сманиваю его людей и тому подобное. Ну я и не выдержал. «Если вы хотите держать хороших работников, платите им как следует», — сказал я в сердцах. А он мне ответил, что вы предпочитаете служить у них на маленьком жалованье, чем у нас на большом.

«Ставлю пять фунтов, — сказал я, — что, когда я предложу ему место коммерческого директора у нас, он даже не напишет вам о своем отказе». «Идет! — воскликнул он. — Мы его, можно сказать, из петли вытащили, и он от нас не откажется!» Это точные его слова.

— Каков нахал! — возмутился я. — Я его и в глаза не видел, а он смеет говорить обо мне такие вещи… Да я теперь ни за что не напишу им, хоть умоляйте меня!

— Ну и прекрасно. Так, значит, по рукам, — сказал он, поднимаясь со стула. — Я рад, что нашел брату хорошего помощника. Вот вам сто фунтов, а вот и письмо. Запомните адрес: Корпорейшн-стрит, 126; не забудьте:, завтра в час. Спокойной ночи, и пусть счастье всегда сопутствует вам. как вы того заслужили.

Вот, насколько я помню, какой у нас произошел разговор. Можете себе представить, доктор Уотсон, как я обрадовался этому предложению. Я не спал до полуночи, взволнованный блестящей перспективой, и на следующий день выехал в Бирмингем самым ранним поездом. По приезде я оставил вещи в гостинице на Нью-стрит, а сам отправился пешком по данному адресу.

До назначенного срока оставалось около четверти часа, но я подумал, что ничего не случится, если я приду раньше. Дом 126 оказался большим пассажем, в конце которого по обе стороны располагались два больших магазина, за одним виднелась лестница, наподобие винтовой, куда выходили двери различных контор и отделений местных фирм.

Внизу, в начале лестницы, висел на стене большой указатель с названием фирм, но как я ни искал, а «Франко-Мидландской» там не оказалось. Сердце мое упало, и я несколько минут стоял возле указателя, тупо разглядывая его и спрашивая себя, кто и зачем вздумал разыграть меня таким нелепым образом, как вдруг ко мне подошел незнакомец — точная копия моего вчерашнего посетителя, только этот был чисто выбрит, и волосы у него были чуть посветлее.

— Мистер Пикрофт? — спросил он меня.

— Да, — ответил я.

— Я ждал вас, но вы пришли немного раньше. Сегодня утром мне передали письмо от моего брата. Он очень вас хвалит.

— Я искал на указателе мою будущую фирму, когда вы подошли.

— У нас пока еще нет вывески, мы только на прошлой неделе сняли это помещение. Ну что же, идемте наверх, там и переговорим.

Мы поднялись по лестнице чуть не под самую крышу и очутились в пустой и грязной комнатке, ободранной и обшарпанной, из которой вела дверь в другую, такую же. Надеясь увидеть большую контору с рядами сверкающих столов и кучей клерков, я оторопело оглядел голое окно без штор или занавесок, две сосновые табуретки и маленький стол, которые вместе со счетами и корзиной для бумаг составляли всю обстановку.

— Мистер Пикрофт, пусть вас не смущает наше скромное помещение, — подбодрил меня мой новый начальник, заметив мое вытянувшееся лицо, — Рим не сразу строился. Наша фирма достаточно богата, но мы не швыряем деньги на ветер. Прошу вас, садитесь и давайте ваше письмо.

Я протянул ему письмо, которое он внимательно прочел.

— О, да вы произвели сильное впечатление на моего брата Артура, — заметил он. — А брат мой, — человек проницательный. Правда, он меряет людей по лондонской мерке, а я — по своей, бирмингемской. Но на этот раз я последую его совету. Считайте себя с сегодняшнего дня принятым на службу в нашу контору.

— Каковы будут мои обязанности? — спросил я.

— Вы будете скоро заведовать большим филиалом нашей компании в Париже, который имеет во Франции сто тридцать четыре отделения и будет распространять английскую керамику по всей стране. Оформление торговых заказов заканчивается в ближайшие дни. А пока вы останетесь в Бирмингеме и будете делать свое дело здесь.

— Что именно? — спросил я.

Вместо ответа он достал из ящика стола большую книгу в красном переплете.

— Это справочник города Парижа, — сказал он, — с указанием рода занятий его жителей. Возьмите его домой и выпишите всех торговцев железоскобяными изделиями с их адресами. Это нам крайне необходимо.

— Но ведь, наверное, есть специальные справочники по профессиям, — заметил я.

— Они очень неудобны. Французская система отличается от нашей. Словом, берите этот справочник и в следующий понедельник к двенадцати часам принесите мне готовый список. До свидания, мистер Пикрофт. Я уверен, что вам понравится у нас, если, конечно, вы и впредь будете усердны и сообразительны.

С книгой в руках я вернулся в отель; душу мою обуревали самые противоречивые чувства. С одной стороны, меня окончательно приняли на работу, и в моем кармане лежало сто фунтов. С другой — жалкий вид конторы, отсутствие вывески на стене и другие мелочи, сразу бросающиеся в глаза человеку, опытному в банковских делах, заставляли меня призадуматься о финансовом положении моих новых хозяев. Но будь что будет — аванс я получил, надо приниматься за работу. Все воскресенье я усердно трудился, и тем не менее к понедельнику я дошел только до буквы «Н». Я отправился к своему новому шефу и застал его все в той же

ободранной комнате; он велел мне продолжать списывать парижских жестянщиков и прийти с готовой работой в среду. Но и в среду работа все еще не была окончена. Я корпел над списком вплоть до пятницы, то есть до вчерашнего дня. Вчера я наконец принес Пиннеру готовый список.

— Благодарю вас, — сказал он. — Боюсь, что я недооценил трудностей задачи. Этот список мне будет очень полезен.

— Да, над этим пришлось изрядно попотеть, — заметил я.

— А теперь, — заявил он, — я попрошу вас составить список мебельных магазинов, они также занимаются продажей керамики.

— Хорошо.

— Приходите в контору завтра к семи часам вечера, чтобы я знал, как идут дела. Но не переутомляйтесь. Пойдите вечером в мюзик-холл. Я думаю, это не повредит ни вам, ни вашей работе.

Сказав это, он рассмеялся, и я, к своему ужасу, вдруг заметил на его нижнем втором слева зубе плохо наложенную золотую пломбу.

Шерлок Холмс даже руки потер от удовольствия, я же слушал нашего клиента, недоумевая.

— Ваше недоумение понятно, доктор Уотсон, — сказал Пикрофт. — Вы просто не знаете всех обстоятельств дела. Помните, в Лондоне я разговаривал с братом моего хозяина? Так вот, у него во рту была точно такая же золотая пломба. Я обратил на нее внимание, когда он рассмеялся, рассказывая мне о своем разговоре с управляющим Мейсонов.

Тогда я сравнил мысленно обоих братьев и увидел, что голос и фигура у них абсолютно одинаковы и что отличаются они только тем, что можно легко изменить с помощью бритвы или же парика. Сомнений не было: передо мной был тот же самый человек, который приходил ко мне в Лондоне. Конечно, бывает, что два брата похожи друг на друга, как две капли воды, но чтобы у них был одинаково запломбирован один и тот же зуб — этого быть не могло.

Шеф мой с поклоном проводил меня до двери, и я очутился на улице, едва соображая, где я и что со мной происходит.

Кое-как я добрался до гостиницы, сунул голову в таз с холодной водой, чтобы прийти в себя, и стал думать, зачем он послал меня из Лондона в Бирмингем к самому себе, зачем написал это идиотское письмо? Как ни ломал я голову, ответа на эти вопросы не находил. И тут меня осенило: поеду к Шерлоку Холмсу; только он может понять, в чем тут дело. В тот же день вечерним поездом я выехал в Лондон, чтобы еще утром увидеться с Шерлоком Холмсом и привезти его в Бирмингем.

Клерк закончил рассказ о своем удивительном приключении. Наступило молчание. Шерлок Холмс многозначительно взглянул на меня и откинулся на подушки. Выражение его лица было довольное и вместе с тем критическое, как у знатока, только что отведавшего глоток превосходного вина.

— Ну что, Уотсон, ловко придумано, а? — заметил он. — В этом есть что-то заманчивое для меня. Надеюсь, вы согласитесь, что интервью с Гарри-Артуром Пиннером во временной конторе Франко-Мидландской компании скобяных изделий было бы для нас небезынтересно.

— Да, но как это сделать? — спросил я.

— Очень просто, — вмешался в разговор Холл Пикрофт. — Вы оба — мои друзья, ищете работу, и я, естественно, решил рекомендовать вас моему хозяину.

— Отлично, так и сделаем! — воскликнул Холмс. — Я хочу повидать этого господина и, если удастся, выяснить, какую игру он затеял. Что особенного он нашел в вас? Почему дал такой большой аванс? Быть может…

Он принялся грызть ногти, уставившись отсутствующим взглядом в окно, и до самого Нью-стрита нам больше не удалось вытянуть из него ни слова.

В тот же день в семь часов вечера мы втроем шагали по Корпорейшн-стрит, направляясь в контору Франко-Мидландской компании.

— Приходить раньше нет надобности, — заметил клерк. — Он там бывает, по-видимому, только за тем, чтобы повидаться со мной. Так что до назначенного часа в конторе все равно никого не будет.

— Это интересно, — сказал Холмс.

— Ну, что я вам говорил, — воскликнул Пикрофт. — Вон он идет впереди нас.

Он указал на невысокого, белокурого, хорошо одетого мужчину, спешившего по другой стороне улицы. Пока мы его разглядывали, Пиннер, заметив напротив газетчика, размахивающего свежими номерами вечерней газеты, кинулся к нему через улицу, огибая пролетки и омнибусы, и купил одну. Затем с газетой в руках он скрылся в дверях пассажа.

— Он уже в конторе! — воскликнул Пикрофт. — Идемте со мной, я сейчас вас представлю.

Вслед за нашим спутником мы взобрались на пятый этаж и очутились перед незапертой дверью. Пикрофт постучал. Из-за двери послышалось: «Войдите». Мы зашли в пустую, почти не меблированную комнату, вид которой полностью совпадал с описанием Пикрофта. За единственным столом с развернутой газетой в руках сидел человек, только что виденный нами на улице. Он поднял голову и я увидел лицо, искаженное таким страданием, вернее, даже не страданием, а безысходным отчаянием, как бывает, когда с человеком стряслось непоправимая беда. Лоб его блестел от испарины, щеки приняли мертвенно-бледный оттенок, напоминавший брюхо вспоротой рыбы, остекленевший взгляд был взглядом сумасшедшего. Он уставился на своего клерка, точно видел его впервые, и по лицу Пикрофта я понял, что таким он видит хозяина в первый раз.

— Мистер Пиннер, что с вами, вы больны? — воскликнул он.

— Да, я что-то неважно себя чувствую, — выдавил из себя мистер Пиннер. — Что это за джентльмены, которые пришли с вами? — добавил он, облизывая пересохшие губы.

— Это мистер Гаррис из Бэрмендси, а это мистер Прайс — он здешний житель, — словоохотливо ответил наш клерк. — Мои друзья. Они хорошо знают конторское дело. Но оба сейчас без работы. И я подумал, может, у вас найдется для них местечко.

— Конечно, почему бы нет! — вскричал Пиннер, через силу улыбаясь. — Я даже уверен, что найдется. Вы по какой части, мистер Гаррис?

— Я бухгалтер, — ответил Холмс.

— Так-так, бухгалтеры нам нужны. А ваша специальность, мистер Прайс?

— Я клерк, — ответил я.

— Полагаю, что и для вас дело найдется. Как только мы примем решение, я тотчас дам вам знать. А сейчас я попрошу вас уйти. Ради Бога, оставьте меня одного!

Последние слова вырвались у него помимо воли. Точно у него больше не было сил сдерживаться. Мы с Холмсом переглянулись, а Пикрофт шагнул к столу.

— Мистер Пиннер, вы, наверное, забыли, что я пришел сюда за дальнейшими инструкциями, — сказал он.

— Да-да, конечно, мистер Пикрофт, — ответил хозяин конторы неожиданно бесстрастным тоном. — Подождите меня здесь минутку. Да и ваши друзья пусть подождут. Я буду к вашим услугам через пять минут, если позволите мне злоупотребить вашим терпением в такой степени.

Он встал, учтиво поклонился, вышел в соседнюю комнату и затворил за собой дверь.

— Что там такое? — зашептал Холмс. — Он не ускользнет от нас?

— Нет! — уверенно ответил Пикрофт. — Эта дверь ведет только во вторую комнату.

— А из нее нет другого выхода?

— Нет.

— Там тоже пусто?

— Вчера по крайней мере там ничего не было.

— Зачем он туда пошел? Мне здесь не все ясно. Такое впечатление, что Пиннер внезапно повредился в уме. Что-то испугало его до потери сознанья. Но что?

— Возможно, он решил, что мы из полиции, — предположил я.

— Возможно, — согласился Пикрофт.

Холмс покачал головой.

— Нет, он уже был бледен, как смерть, когда мы вошли, — возразил он. — Разве только…

Его слова были прерваны резким стуком, раздавшимся из соседней комнаты.

— Какого черта он стучится в собственную дверь! — вскричал Пикрофт.

Стук не прекращался. Мы все в ожидании уставились на закрытую дверь. Лицо у Холмса стало жестким. Он в сильном возбуждении наклонился вперед.

Потом из соседней комнаты вдруг донесся тихий булькающий звук, словно кто-то полоскал горло, и чем-то часто забарабанили по деревянной перегородке. Холмс, как бешеный, прыгнул через всю комнату к двери и толкнул ее. Дверь оказалась на запоре. Мы с Пикрофтом тоже бросились к двери, и все втроем навалились на нее. Сорвалась одна петля, потом вторая, и дверь с треском рухнула на пол, Мы ворвались внутрь. Комната была пуста.

Наша растерянность длилась не больше минуты. В ближайшем углу комнаты виднелась еще одна дверь. Холмс подскочил к ней и отворил ее рывком. За дверью на полу лежали пиджак и жилетка, а на крюке на собственных подтяжках, затянутых вокруг шеи, висел управляющий Франко-Мидландской компании скобяных изделий. Колени его подогнулись, голова неестественно свесилась на грудь, пятки, ударяя по двери, издавали тот самый непонятный стук, который заставил нас насторожиться. В мгновение ока я обхватил и приподнял его бесчувственное тело, а Холмс и Пикрофт стали развязывать резиновую петлю, которая почти исчезла под багрово-синими складками кожи. Затем мы перенесли Пиннера в другую комнату и положили на пол. Лицо у него стало свинцово-серым, но он был жив, и его фиолетово-синие губы с каждым вдохом и выдохом выпячивались и опадали. Это было жалкое подобие того здорового, цветущего человека, которого мы видели на улице всего полчаса назад.

— Как его состояние, Уотсон? — спросил меня Холмс.

Я наклонился над распростертым телом и начал осмотр. Пульс по-прежнему оставался слабым, но дыхание постепенно выравнивалось, веки слегка дрожали, приоткрыв тонкую белую полоску глазных яблок.

— Чуть было не отправился к праотцам, — заметил я, — но, кажется, все обошлось. Откройте-ка окно и дайте сюда графин с водой.

Я расстегнул ему рубашку на груди, смочил холодной водой лицо и принялся поднимать и опускать его руки, делая искусственное дыхание, пока он не вздохнул наконец всей грудью.

— Теперь все остальное — только вопрос времени, — заметил я, отходя от него.

Холмс стоял у стола, засунув руки в карманы брюк и опустив голову на грудь.

— Ну что же, — сказал он, пора вызывать полицию. Должен признаться, что мне будет приятно посвятить их в подробности этого дела.

— Я все-таки ничего не понимаю, — признался Пикрофт, почесав затылок. — Черт возьми! Для чего, спрашивается, я был им здесь нужен?

— Все очень просто, — махнул рукой Холмс, — мне непонятна только заключительная сцена. — Холмс указал на подтяжки.

— А все остальное понятно?

— Думаю, что да. А вы, Уотсон, что скажете?

Я пожал плечами.

— Ровным счетом ничего не понимаю.

— А ведь если внимательно проследить ход событий, то вывод напрашивается сам собой.

— Какой же?

— Одну минутку. Вначале вернемся к двум исходным точкам: первое — заявление Пикрофта с просьбой принять его на работу в эту нелепую компанию. Надеюсь, вы догадываетесь, зачем его заставили написать это заявление?

— Боюсь, что нет.

— И все-таки оно зачем-то понадобилось! Ведь, как правило, чтобы принять человека на службу, достаточно устного соглашения, и на сей раз не было никаких причин, чтобы делать исключение. Отсюда вывод: им дозарезу нужен был образец вашего почерка.

— Но зачем?

— В самом деле, зачем? Ответив на этот вопрос, мы с вами решим и всю задачу. Так, значит, зачем же им стал нужен ваш почерк? А затем, что кому-то понадобилось написать что-то, подделываясь под вашу руку. Теперь второй момент. Как вы сейчас увидите, одно дополняет другое. Помните, как у мистера Пикрофта было взято обещание не посылать Мейсонам письменного отказа от места, а отсюда следует, что управляющий названного банка и по сей день пребывает в уверенности, что в понедельник к нему на службу явился не кто иной, как мистер Пикрофт.

— Боже мой! — вскричал бедняга Пикрофт. — Каким же я оказался идиотом!

— Сейчас вы окончательно поймете, зачем им понадобился ваш почерк. Вообразите себе, что человек, проникший под вашим именем к Мейсонам, не знает вашего почерка. Ясно, его тут же поймают, и он проиграет игру, еще не начав ее. Но если мошенник знаком с вашей рукой, то бояться ему нечего. Ибо, насколько я понял, у Мейсона вас никто никогда в глаза не видел.

— В том-то и дело, что никто! — простонал Пикрофт.

— Прекрасно. Далее, мошенникам было крайне важно, чтобы вы не передумали или случайно не узнали, что у Мейсонов работает ваш двойник. Поэтому вам дали солидный аванс и увезли в Бирмингем, где поручили вам такую работу, которая удержала бы вас вдали от Лондона хотя бы с неделю. Все очень просто, как видите.

— Да, но зачем ему понадобилось выдавать себя за собственного брата?

— И это понятно. Их, очевидно, двое. Один должен был заменить вас у Мейсонов, второй — отправить вас в Бирмингем. Приглашать третьего, на роль управляющего фирмой, им не хотелось. Поэтому второй изменил, сколько мог, свою внешность и выдал себя за собственного брата, так что даже разительное сходство не могло бы вызвать подозрений. И если бы не золотая пломба, вам бы и в голову никогда не пришло, что ваш лондонский посетитель и управляющий бирмингемской конторы — одно и то же лицо.

Холл Пикрофт затряс сжатыми кулаками.

— Боже мой! — вскричал он. — И чем же занимался мой двойник в конторе Мейсонов, пока я тут позволил водить себя за нос? Что же теперь нам делать, мистер Холмс? Что?

— Во-первых, без промедления телеграфировать Мейсонам.

— Сегодня суббота, банк закрывается в двенадцать.

— Это неважно, там наверняка есть сторож или швейцар…

— Да, они держат специального сторожа. Об этом как-то говорили в Сити. У них в банке хранятся большие ценности.

— Прекрасно. Мы сейчас позвоним и узнаем у него, все ли там в порядке и работает ли клерк с вашей фамилией. В общем, дело ясное. Не ясно одно, почему, увидев нас, один из мошенников тотчас ушел в другую комнату и повесился.

— Газета!.. — послышался хриплый голос позади нас.

Самоубийца сидел на полу бледный и страшный, в глазах его появились проблески сознания, руки нервно растирали широкую красную полосу, оставленную петлей на шее.

— Газета! Ну конечно! — вскричал Холмс возбужденно. — Какой же я идиот! Я все хотел связать самоубийство с нашим визитом и совсем забыл про газету. Разгадка, безусловно, в ней. — Он развернул газету на столе, и крик торжества сорвался с его уст.

— Посмотрите, Уотсон! — вскричал он. — Это лондонская «Ивнинг стандард». Какие заголовки! «Ограбление в Сити! Убийство в банке Мейсонов! Грандиозная попытка ограбления! Преступник пойман!» Вот здесь, Уотсон. Читайте. Я просто сгораю от нетерпения.

Это неудавшееся ограбление, судя по тому, сколько места отвела ему газета, было главным происшествием дня. Вот что я прочитал:

«Сегодня днем в Сити была совершена дерзкая попытка ограбления банка. Убит один человек. Преступник пойман. Несколько дней назад известный банкирский дом „Мейсон и Уильямсы" получил на хранение ценные бумаги на сумму, значительно превышающую миллион фунтов стерлингов. Управляющий банком, сознавая ответственность, легшую на его плечи, и понимая всю опасность хранения такой огромной суммы, установил в банке круглосуточное дежурство вооруженного сторожа. Полученные ценности были помещены в сейфы самой последней конструкции. В это время в банк на службу был принят новый клерк, по имени Холл Пикрофт, оказавшийся не кем иным, как знаменитым взломщиком и грабителем Беддингтоном, который со своим братом вышел на днях на свободу, отсидев пять лет в каторжной тюрьме. Каким-то образом, каким, еще не установлено, этому Беддингтону удалось устроиться в банк клерком. Проработав несколько дней, он изучил расположение кладовой и сейфов, а также снял слепки с нужных ему ключей.

Обычно в субботу служащие Мейсонов покидают банк ровно в двенадцать часов дня. Вот почему Тьюсон, сержант полиции, дежуривший в Сити, был слегка удивлен, когда увидел какого-то господина с саквояжем в руках, выходящего из банка в двенадцать минут второго. Заподозрив неладное, он последовал за неизвестным и после отчаянного сопротивления задержал его с помощью подоспевшего констебля Поллока. Сразу стало ясно, что совершено дерзкое и грандиозное ограбление. Саквояж оказался битком набит ценными бумагами, американскими железнодорожными акциями и акциями других компаний. Стоимость бумаг превышала сто тысяч фунтов стерлингов.

При осмотре здания обнаружили труп несчастного сторожа, засунутый в один из самых больших, сейфов, где он пролежал бы до понедельника, если бы не расторопность и находчивость сержанта Тьюсона. Череп бедняги был размозжен ударом кочерги, нанесенным сзади. Очевидно, Беддингтон вернулся назад в контору, сделав вид, что забыл там что-то. Убив сторожа и быстро очистив самый большой сейф, он попытался скрыться со своей добычей. Его брат, обычно работающий вместе с ним, на этот раз, как пока известно, в деле не участвовал. — Однако полиция принимает энергичные меры, чтобы установить его местопребывание».

— Мы можем, пожалуй, избавить полицию от лишних хлопот, — сказал Холмс, бросив взгляд на поникшую фигуру, скорчившуюся у окна. — Человеческая натура — странная вещь, Уотсон. Этот человек так любит своего брата, убийцу и злодея, что готов был руки на себя наложить, узнав, что тому грозит виселица. Но делать нечего, мы с доктором побудем здесь, а вы, мистер Пикрофт, будьте добры, сходите за полицией.

«Глория Скотт»

— У меня здесь кое-какие бумаги, — сказал мой друг Шерлок Холмс, когда мы зимним вечером сидели у огня. — Вам не мешало бы их просмотреть, Уотсон. Это документы, касающиеся одного необыкновенного дела — дела «Глории Скотт». Когда мировой судья Тревор прочитал вот эту записку, с ним случился удар, и он, не приходя в себя, умер.

Шерлок Холмс достал из ящика письменного стола потемневшую от времени коробочку, вынул оттуда и протянул мне записку, нацарапанную на клочке серой бумаги. Записка заключала в себе следующее:

«С дичью дело, мы полагаем, закончено.
Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках все.
Фазаньих курочек берегитесь».

Когда я оторвался от этого загадочного письма, то увидел, что Холмс удовлетворен выражением моего лица.

— Вид у вас довольно-таки озадаченный, — сказал он.

— Я не понимаю, как подобная записка может внушить кому-нибудь ужас. Мне она представляется нелепой.

— Возможно. И все-таки факт остается фактом, что вполне еще крепкий пожилой человек, прочитав ее, упал, как от пистолетного выстрела.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — сказал я. — Но почему вы утверждаете, что мне необходимо ознакомиться с этим делом?

— Потому что это — мое первое дело.

Я часто пытался выяснить у своего приятеля, что толкнуло его в область расследования уголовных дел, но до сих пор он ни разу не пускался со мной в откровенности. Сейчас он сел в кресло и разложил бумаги на коленях. Потом закурил трубку, некоторое время попыхивал ею и переворачивал страницы.

— Вы никогда не слышали от меня о Викторе Треворе? — спросил Шерлок Холмс. — Он был моим единственным другом в течение двух лет, которые я провел в колледже. Я не был общителен, Уотсон, я часами оставался один в своей комнате, размышляя надо всем, что замечал и слышал вокруг, — тогда как раз я и начал создавать свой метод. Потому-то я и не сходился в колледже с моими сверстниками. Не такой уж я любитель спорта, если не считать бокса и фехтования, словом, занимался я вовсе не тем, чем мои сверстники, так что точек соприкосновения у нас было маловато. Тревор был единственным моим другом, да и подружились-то мы случайно, по милости его терьера, который однажды утром вцепился мне в лодыжку, когда я шел в церковь. Начало дружбы прозаическое, но эффективное. Я пролежал десять дней, и Тревор ежедневно приходил справляться о моем здоровье. На первых порах наша беседа длилась не более минуты, потом Тревор стал засиживаться, и к концу семестра мы с ним были уже близкими друзьями. Сердечный и мужественный, жизнерадостный и энергичный, Тревор представлял собой полную противоположность мне, и все же у нас было много общего. Когда же я узнал, что у него, как и у меня, нет друзей, мы сошлись с ним еще короче.

В конце концов он предложил мне провести каникулы в имении его отца в Донифорпе, в Норфолке, и я решил на этот месяц воспользоваться его гостеприимством…

У старика Тревора, человека, по-видимому, состоятельного и почтенного, было имение. Донифорп — это деревушка к северу от Лагмера, недалеко от Бродз. Кирпичный дом Тревора, большой, старомодный, стоял на дубовых сваях. В тех местах можно было отлично поохотиться на уток, половить рыбу. У Треворов была небольшая, но хорошо подобранная библиотека. Как я понял, ее купили у бывшего владельца вместе с домом. Кроме того, старик Тревор держал

сносного повара, так что только уж очень привередливый человек не провел бы здесь приятно время.

Тревор давно овдовел. Кроме моего друга, детей у него не было. Я слышал, что у него была еще дочь, но она умерла от дифтерита в Бирмингеме, куда ездила погостить. Старик, мировой судья, заинтересовал меня. Человек он был малообразованный, но с недюжинным умом и очень сильный физически. Едва ли он читал книги, зато много путешествовал, много видел и все запоминал. С виду это был коренастый, плотный человек с копной седых волос, с загорелым, обветренным лицом и голубыми глазами. Взгляд этих глаз казался колючим, почти свирепым, и все-таки в округе он пользовался репутацией человека доброго и щедрого, был хорошо известен как снисходительный судья.

Как-то вскоре после моего приезда, мы сидели после обеда за стаканом портвейна. Молодой Тревор заговорил о моей наблюдательности и моем методе дедукции, который мне уже удалось привести в систему, хотя тогда я еще не представлял себе точно, какое он найдет применение в дальнейшем. Старик, по-видимому, считал, что его сын преувеличивает мое искусство.

— Попробуйте ваш метод на мне, мистер Холмс, — со смехом сказал он: в тот день он был в отличном расположении духа, — я прекрасный объект для выводов и заключений.

— Боюсь, что о вас я немногое могу рассказать, — заметил я. — Я лишь могу предположить, что весь последний год вы кого-то опасались.

Смех замер на устах старика, и он уставился на меня в полном недоумении.

— Да, это правда, — подтвердил он и обратился к сыну: — Знаешь, Виктор, когда мы разогнали шайку браконьеров, они поклялись, что зарежут нас. И они в самом деле напали на сэра Эдвара Хоби. С тех пор я все время настороже, хотя, как ты знаешь, я не из пугливых.

— У вас очень красивая палка, — продолжал я. — По надписи я определил, что она у вас не больше года. Но вам пришлось просверлить отверстие в набалдашнике и налить туда расплавленный свинец, чтобы превратить палку в грозное оружие. Если б вам нечего было бояться, вы бы не прибегали к таким предосторожностям.

— Что еще? — улыбаясь, спросил старик Тревор.

— В юности вы часто дрались.

— Тоже верно. А это как вы узнали? По носу, который у меня глядит в сторону?

— Нет, — ответил я, — по форме ушей, они у вас прижаты к голове. Такие уши бывают у людей, занимающихся боксом.

— А еще что?

— Вы часто копали землю — об этом свидетельствуют мозоли.

— Все, что у меня есть, я заработал на золотых приисках.

— Вы были в Новой Зеландии.

— Опять угадали.

— Вы были в Японии.

— Совершенно верно.

— Вы были связаны с человеком, инициалы которого Д. А., а потом вы постарались забыть его.

Мистер Тревор медленно поднялся, устремил на меня непреклонный, странный, дикий взгляд больших голубых глаз и вдруг упал в обморок — прямо на скатерть, на которой была разбросана ореховая скорлупа. Можете себе представить, Уотсон, как мы оба, его сын и я, были потрясены. Обморок длился недолго. Мы расстегнули мистеру Тревору воротник и сбрызнули ему лицо водой. Мистер Тревор вздохнул и поднял голову.

— Ах, мальчики! — силясь улыбнуться, сказал он. — Надеюсь, я не испугал вас? На вид я человек сильный, а сердце у меня слабое, и оно меня иногда подводит. Не знаю, как вам это удается, мистер Холмс, но, по-моему, все сыщики по сравнению с вами младенцы. Это — ваше призвание, можете поверить человеку, который кое-что повидал в жизни.

И, знаете, Уотсон, именно преувеличенная оценка моих способностей навела меня на мысль, что это могло бы быть моей профессией, а до того дня это было увлечение, не больше. Впрочем, тогда я не мог думать ни о чем, кроме как о внезапном обмороке моего хозяина.

— Надеюсь, я ничего не сказал такого, что причинило вам боль? — спросил я.

— Вы дотронулись до больного места. Позвольте задать вам вопрос: как вы все узнаете, и что вам известно?

Задал он этот вопрос полушутливым тоном, но в глубине его глаз по-прежнему таился страх.

— Все очень просто объясняется, — ответил я. — Когда вы засучили рукав, чтобы втащить рыбу в лодку, я увидел у вас на сгибе локтя буквы Д. А. Буквы были все еще видны, но размазаны, вокруг них на коже расплылось пятно — очевидно, их пытались уничтожить. Еще мне стало совершенно ясно, что эти инициалы были вам когда-то дороги, но впоследствии вы пожелали забыть их.

— Какая наблюдательность! — со вздохом облегчения воскликнул мистер Тревор. — Все так, как вы говорите. Ну, довольно об этом. Худшие из всех призраков — это призраки наших былых привязанностей. Пойдемте покурим в бильярдной.

С этого дня к радушию, которое неизменно оказывал мне мистер Тревор, примешалась подозрительность. Даже его сын обратил на это внимание.

— Задали вы моему отцу задачу, — сказал мой друг. — Он все еще не в состоянии понять, что вам известно, а что неизвестно.

Мистер Тревор не подавал вида, но это, должно быть, засело у него в голове, и он часто поглядывал на меня украдкой.

Наконец я убедился, что нервирую его и что мне лучше уехать.

Накануне моего отъезда произошел случай, доказавший всю важность моих наблюдений.

Мы, все трое, разлеглись на шезлонгах, расставленных перед домой на лужайке, грелись на солнышке и восхищались видом на Бродз, как вдруг появилась служанка и сказала, что какой-то мужчина хочет видеть мистера Тревора.

— Кто он такой? — спросил мистер Тревор.

— Он не назвал себя.

— Что ему нужно?

— Он уверяет, что вы его знаете и что ему нужно с вами поговорить.

— Проведите его сюда.

Немного погодя мы увидели сморщенного человечка с заискивающим видом и косолапой походкой. Рукав его распахнутой куртки был выпачкан в смоле. На незнакомце была рубашка в красную и черную клетку, брюки из грубой бумажной ткани и стоптанные тяжелые башмаки. Лицо у него было худое, загорелое, глазки хитренькие. Он все время улыбался; улыбка обнажала желтые кривые зубы. Его морщинистые руки словно хотели что-то зажать в горсти — привычка, характерная для моряка. Когда он своей развинченной походкой шел по лужайке, у мистера Тревора вырвался какой-то сдавленный звук; он вскочил и побежал к дому. Вернулся он очень скоро, и когда проходил мимо меня, я почувствовал сильный запах бренди.

— Ну, мой друг, чем я могу быть вам полезен? — осведомился он.

Моряк смотрел на него, прищурившись и нагло улыбаясь.

— Узнаете? — спросил он.

— Как же, как же, дорогой мой! Вне всякого сомнения, вы — Хадсон? — не очень уверенно спросил Тревор.

— Да, я — Хадсон, — ответил моряк. — Тридцать с лишним лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. И вот у вас собственный дом, а я все еще питаюсь солониной из бочек.

— Сейчас ты убедишься, что я старых друзей не забываю! — воскликнул мистер Тревор и, подойдя к моряку, что-то сказал ему на ухо. — Поди на кухню, — продолжал он уже громко, — там тебе дадут и выпить и закусить. И работа для тебя найдется.

— Спасибо, — теребя прядь волос, сказал моряк. — Я долго бродяжничал, пора и отдохнуть. Я надеялся, что найду пристанище у мистера Бедоза или у вас.

— А разве ты знаешь, где живет мистер Бедоз? — с удивлением спросил мистер Тревор.

— Будьте спокойны, сэр: я знаю, где живут все мои старые друзья, — со зловещей улыбкой ответил моряк и вразвалку пошел за служанкой в кухню.

Мистер Тревор пробормотал, что он сдружился с этим человеком на корабле, когда они ехали на прииски, а затем пошел к дому. Когда мы через час вошли в столовую, то увидели, что он, мертвецки пьяный, валяется на диване.

Этот случай произвел на меня неприятное впечатление, и на другой день я уже не жалел о том, что уезжаю из Донифорпа, я чувствовал, что мое присутствие стесняет моего друга.

Все эти события произошли в первый месяц наших каникул. Я вернулся в Лондон и там около двух месяцев делал опыты по органической химии.

Осень уже вступила в свои права, и каникулы подходили к концу, когда я неожиданно получил телеграмму от моего друга — он вызывал меня в Донифорп, так как нуждался, по его словам, в моей помощи и совете. Разумеется, я все бросил и поехал на север.

Мой друг встретил меня в экипаже на станции, и я с первого взгляда понял, что последние два месяца были для него очень тяжелыми. Он похудел, у него был измученный вид, и он уже не так громко и оживленно разговаривал.

— Отец умирает. — Это было первое, что я от него услышал.

— Не может быть! — воскликнул я. — Что с ним?

— Удар. Нервное потрясение. Он на волоске от смерти. Не знаю, застанем ли мы его в живых.

Можете себе представить, Уотсон, как я был ошеломлен этой новостью.

— Что случилось? — спросил я.

— В том-то все и дело… Садитесь, дорогой поговорим… Помните того субъекта, который явился к нам накануне вашего отъезда?

— Отлично помню.

— Знаете, кого мы впустили в дом?

— Понятия не имею.

— Это был сущий дьявол, Холмс! — воскликнул мой друг.

Я с удивлением посмотрел на него.

— Да, это был сам дьявол. С тех пор у нас не было ни одного спокойного часа — ни одного! С того вечера отец не поднимал головы, жизнь его была разбита, в конце концов сердце не выдержало — и все из-за этого проклятого Хадсона!

— Как же Хадсон этого добился?

— Ах, я бы много дал, чтобы это выяснить! Мой отец — добрый, сердечный, отзывчивый старик! Как он мог попасть в лапы к этому головорезу? Я так рад, что вы приехали. Холмс! Я

верю в вашу рассудительность и осторожность, я знаю, что вы мне дадите самый разумный совет.

Мы мчались по гладкой, белой деревенской дороге. Перед нами открывался вид на Бродэ, освещенный красными лучами заходящего солнца. Дом стоял на открытом месте; слева от рощи еще издали можно было разглядеть высокие трубы и флагшток.

— Отец взял к себе этого человека в качестве садовника, — продолжал мой друг, — но Хадсону этого было мало, и отец присвоил ему чин дворецкого. Можно было подумать, что это его собственный дом, — он слонялся по всем комнатам и делал, что хотел. Служанки пожаловались на его грубые выходки и мерзкий язык. Отец, чтобы вознаградить их, увеличил им жалованье. Этот тип брал лучшее ружье отца, брал лодку и уезжал на охоту. С лица его не сходила насмешливая, злобная и наглая улыбка, так что, будь мы с ним однолетки, я бы уже раз двадцать сшиб его с ног. Скажу, положа руку на сердце, Холмс: все это время я должен был держать себя в руках, а теперь я говорю себе: я дурак, дурак, зачем только я сдерживался?.. Ну, а дела шли все хуже и хуже. Эта скотина Хадсон становился все нахальнее, и наконец за один его наглый ответ отцу я схватил его за плечи и выпроводил из комнаты. Он удалился медленно, с мертвенно-бледным лицом; его злые глаза выражали угрозу явственнее, чем ее мог бы выразить его язык. Я не знаю, что произошло между моим бедным отцом и этим человеком, но на следующий день отец пришел ко мне и попросил меня извиниться перед Хадсоном. Вы, конечно, догадываетесь, что я отказался и спросил отца, как он мог дать этому негодяю такую волю, как смеет Хадсон всеми командовать в доме.

— Ах, мой мальчик! — воскликнул отец. — Тебе хорошо говорить, ты не знаешь, в каком я положении. Но ты узнаешь все. Я чувствую, что ты узнаешь, а там будь что будет! Ты не поверишь, если тебе скажут дурное о твоем бедном старом отце, ведь правда, мой мальчик?..

Отец был очень расстроен. На целый день он заперся у себя в кабинете. В окно мне было видно, что он писал. Вечер, казалось, принес нам большое облегчение, так как Хадсон сказал, что намерен покинуть нас. Он вошел в столовую, где мы с отцом сидели после обеда, и объявил о своем решении тем развязным тоном, каким говорят в подпитии.

— Хватит с меня Норфолка, — сказал он, — я отправляюсь к мистеру Бедозу в Хампшир. Наверно, он будет так же рад меня видеть, как и вы.

— Надеюсь, вы не будете поминать нас лихом? — сказал мой отец с кротостью, от которой у меня кровь закипела в жилах.

— Со мной здесь дурно обошлись, — сказал он и мрачно поглядел в мою сторону.

— Виктор! Ты не считаешь, что обошелся с этим достойным человеком довольно грубо? — обернувшись ко мне, спросил отец.

— Напротив! Я полагаю, что по отношению к нему мы оба выказали необыкновенное терпение, — ответил я.

— Ах, вот как вы думаете? — зарычал Хадсон. — Ладно, дружище, мы еще посмотрим!..

Сгорбившись, он вышел из комнаты, а через полчаса уехал, оставив моего отца в самом плачевном состоянии. По ночам я слышал шаги у него в комнате. Я был уверен, что катастрофа вот-вот разразиться.

— И как же она разразилась? — с нетерпением в голосе спросил я.

— Чрезвычайно просто. На письме, которое мой отец получил вчера вечером, был штамп Фордингбриджа. Отец прочитав его, схватился за голову и начал бегать по комнате, как сумасшедший. Когда я наконец уложил его на диван, его рот и глаза были перекошены — с ним случился удар.

По первому зову пришел доктор Фордем. Мы перенесли отца на кровать. Потом его всего парализовало, сознание к нему уже не возвращается, и я боюсь, что мы не застанем его в живых.

— Какой ужас! — воскликнул я. — Что же могло быть в этом роковом письме?

— Ничего особенного. Все это необъяснимо. Письмо нелепое, бессмысленное… Ах, Боже мой, этого-то я и боялся!

Как раз в это время мы обогнули аллею. При меркнущем солнечном свете было видно, что все шторы в доме спущены. Когда мы подъехали к дому, лицо моего друга исказилось от душевной боли. Из дома вышел господин в черном.

— Когда это произошло, доктор? — спросил Тревор.

— Почти тотчас после вашего отъезда.

— Он приходил в сознание?

— На одну минуту, перед самым концом.

— Что-нибудь просил мне передать?

— Только одно: бумаги находятся в потайном отделении японского шкафчика.

Мой друг вместе с доктором прошел в комнату умершего, а я остался в кабинете. Я перебирал в памяти все события. Кажется никогда в жизни я не был так подавлен, как сейчас… Кем был прежде Тревор? Боксером, искателем приключений, золотоискателем? И как он очутился в лапах у этого моряка с недобрым лицом? Почему он упал в обморок при одном упоминании о полустертых инициалах на руке и почему это письмо из Фордингбриджа послужило причиной его смерти.

Потом я вспомнил, что Фординтбридж находится в Хампшире и что мистер Бедоз, к которому моряк поехал прямо от Тревора и которого он, по-видимому, тоже шантажировал, жил в Хампшире. Письмо, следовательно, могло быть или от Хадсона, угрожавшего тем, что он выдаст некую тайну, или от Бедоза, предупреждающего своего бывшего сообщника, что над ним нависла угроза разоблачения. Казалось бы, все ясно. Но могло ли письмо быть таким тривиальным и бессмысленным, как охарактеризовал его сын? Возможно, он неправильно истолковал его. Если так, то, по всей вероятности, это искусный шифр: вы пишете об одном, а имеется в виду совсем другое. Я решил ознакомиться с этим письмом. Я был уверен, что если в нем есть скрытый смысл, то мне удастся его разгадать.

Я долго думал. Наконец заплаканная служанка принесла лампу, а следом за ней вошел мой друг, бледный, но спокойный, держа в руках те самые документы, которые сейчас лежат у меня на коленях.

Он сел напротив меня, подвинул лампу к краю стола и протянул мне короткую записку — как видите, написанную второпях на клочке серой бумаги.

«С дичью дело, мы полагаем, закончено. Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках все. Фазаньих курочек берегитесь».

Должен заметить, что, когда я впервые прочел это письмо, на моем лице выразилось такое же замешательство, как сейчас на вашем. Потом я внимательно перечитал его.

Как я и предвидел, смысл письма был скрыт в загадочном наборе слов. Быть может, он кроется именно в «мухобойках» или в «фазаньих курочках»? Но такое толкование произвольно и вряд ли к чему-нибудь привело бы. И все же я склонялся к мысли, что все дело в расстановке слов. Фамилия Хадсон как будто указывала на то, что, как я и предполагал, он является действующим лицом этого письма, а письмо скорее всего от Бедоза. Я попытался прочитать его с конца, но сочетание слов: «Берегитесь курочек фазаньих» — меня не вдохновило. Тогда я решил переставить слова, но ни «дичь», ни «с» тоже света не пролили. Внезапно ключ к загадке оказался у меня в руках.

Я обнаружил, что если взять каждое третье слово, то вместе они составят то самое письмо, которое довело старика Тревора до такого отчаяния.

Письмо оказалось коротким, выразительным, и теперь, когда я прочел его моему другу, в нем явственно прозвучала угроза:

«Дело закончено. Хадсон рассказал все. Берегитесь».

Виктор Тревор дрожащими руками закрыл лицо.

— Наверное, вы правы, — заметил он. — Но это еще хуже смерти — это бесчестье! А при чем же тут «глава предприятия» «фазаньи курочки»?

— К содержанию записки они ничего не прибавляют, но если у нас с вами не окажется иных средств, чтобы раскрыть отправителя, они могут иметь большое значение. Смотрите, что он пишет: «Дело... закончено...», — и так далее. После того как он расположил шифр, ему нужно было заполнить пустые места любыми двумя словами. Естественно, он брал первое попавшееся. Можете быть уверены, что он охотник или занимается разведением домашней птицы. Вы что-нибудь знаете об этом Бедозе?

— Когда вы заговорили о нем, я вспомнил, что мой несчастный отец каждую осень получал от него приглашение поохотиться в его заповедниках, — ответил мой друг.

— В таком случае не подлежит сомнению, что записка от Бедоза, — сказал я. — Остается выяснить, как моряку Хадсону удавалось держать в страхе состоятельных и почтенных людей.

— Увы, Холмс! Боюсь, что их всех связывало преступление и позор! — воскликнул мой друг. — Но от вас у меня секретов нет. Вот исповедь, написанная моим отцом, когда он узнал, что над ним нависла опасность. Как мне доктор и говорил, я нашел ее в японском шкафчике. Прочтите вы — у меня для этого недостанет ни душевных сил, ни смелости.

— Вот эта исповедь, Уотсон. Сейчас я вам ее прочитаю, так же как в ту ночь, в старом кабинете, прочел ему. Видите? Она написана на обороте документа, озаглавленного:

«Некоторые подробности рейса „Глории Скотт", отплывшей из Фалмута 8 октября 1855 года и разбившейся 6 ноября под 15°20' северной широты и 25°14' западной долготы».

Написана исповедь в форме письма и заключает в себе следующее:

«Мой дорогой, любимый сын! Угроза бесчестья омрачила последние годы моей жизни. Со всей откровенностью могу сказать, что не страх перед законом, не утрата положения, которое я здесь себе создал, не мое падение в глазах всех, кто знал меня, надрывает мне душу. Мне не дает покоя мысль, что ты меня так любишь, а тебе придется краснеть за меня. Между тем до сих пор я мог льстить себя надеждой, что тебе не за что презирать меня. Но если удар, которого я ждал каждую минуту, все-таки разразится, то я хочу, чтобы ты все узнал непосредственно от меня и мог судить, насколько я виноват. Если же все будет хорошо, если милосердный Господь этому не попустит, я заклинаю тебя всем святым, памятью твоей дорогой матери и нашей взаимной привязанностью: когда это письмо попадет к тебе в руки, брось его в огонь и никогда не вспоминай о нем. Если же ты когда-нибудь прочтешь эти строки, то это будет значить, что я разоблачен и меня уже нет в этом доме или, вернее всего (ты же знаешь: сердце у меня плохое), что я мертв. И в том и в другом случае запрет снимается. Все, о чем я здесь пишу, я пишу тебе с полной откровенностью, так как надеюсь на твою снисходительность.

Моя фамилия, милый мальчик, не Тревор. Раньше меня звали Джеймс Армитедж. Теперь ты понимаешь, как меня потрясло открытие, сделанное твоим другом, — мне показалось, что он разгадал мою тайну. Под фамилией Армитедж я поступил в лондонский банк и под той же фамилией я был осужден за нарушение законов страны и приговорен к ссылке. Не думай обо мне дурно, мой мальчик. Это был так называемый долг чести: чтобы уплатить его, я воспользовался чужими деньгами, будучи уверен, что верну, прежде чем их хватятся. Но злой рок преследовал меня.

Деньги, на которые я рассчитывал, я не получил, а внезапная ревизия обнаружила у меня недостачу. На это могли бы посмотреть сквозь пальцы, но тридцать лет тому назад законы соблюдались строже, чем теперь. И вот, когда мне было всего двадцать три года, я, в кандалах, как уголовный преступник, вместе с тридцатью семью другими осужденными, очутился на палубе «Глории Скотт», отправляющейся в Австралию.

Это со мной случилось в пятьдесят пятом году, когда Крымская война была в разгаре и суда, предназначенные для переправки осужденных, в большинстве случаев играли роль транспортных судов в Черном море. Вот почему правительство было вынуждено воспользоваться для отправки в ссылку заключенных маленькими и не очень подходящими для этой цели судами. «Глория Скотт» возила чай из Китая. Это было старомодное, неповоротливое судно, новые клипера легко обгоняли ее. Водоизмещение ее равнялось пятистам тоннам. Кроме тридцати восьми заключенных, на борту ее находилось двадцать шесть человек, составлявших судовую команду, восемнадцать солдат, капитан, три помощника капитана доктор, священник и четверо караульных. Словом когда мы отошли от Фалмута, на борту «Глории Скотт» находилось около ста человек. Перегородки между камерами были не из дуба, как полагалось на кораблях для заключенных, — они были тонкими и непрочными. Еще когда нас привели на набережную, один человек обратил на себя мое внимание, и теперь он оказался рядом со мной на корме «Глории». Это был молодой человек с гладким, лишенным растительности лицом, с длинным, тонким носом и тяжелыми челюстями. Держался он независимо, походка у него была важная, благодаря огромному росту он возвышался над всеми. Я не видел, чтобы кто-нибудь доставал ему до плеча. Я убежден, что росту он был не менее шести с половиной футов. Среди печальных и усталых лиц энергичное лицо этого человека, выражавшее непреклонную решимость, выделялось особенно резко. Для меня это был как бы маячный огонь во время шторма. Я обрадовался, узнав, что он мой сосед; когда же глубокой ночью, я услышал чей-то шепот, а затем обнаружил, что он ухитрился проделать отверстие в разделявшей нас перегородке, то это меня еще больше обрадовало.

— Эй, приятель! — прошептал он. — Как тебя зовут и за что ты здесь?

Я ответил ему и, в свою очередь, поинтересовался, с кем я разговариваю.

— Я Джек Прендергаст, — ответил он. — Клянусь Богом, ты слышал обо мне еще до нашего знакомства!

Тут я вспомнил его нашумевшее дело, — я узнал о нем незадолго до моего ареста. Это был человек из хорошей семьи, очень способный, но с неискоренимыми пороками. Благодаря сложной системе обмана он сумел выудить у лондонских купцов огромную сумму денег.

— Ах, так вы помните мое дело? — с гордостью спросил он.

— Отлично помню.

— В таком случае вам, быть может, запомнилась и одна особенность этого дела?

— Какая именно?

— У меня было почти четверть миллиона, верно?

— Говорят.

— И этих денег так и не нашли, правильно?

— Не нашли.

— Ну, а как вы думаете, где они? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

— Деньги у меня, — громким шепотом проговорил он. — Клянусь Богом, у меня больше фунтов стерлингов, чем у тебя волос на голове. А если у тебя есть деньги, сын мой, и ты знаешь, как с ними надо обращаться, то с их помощью ты сумеешь кое-чего добиться! Уж не думаешь ли ты, что такой человек, как я, до того запуган, что намерен просиживать штаны в этом вонючем трюме, в этом ветхом, прогнившем гробу, на этом утлом суденышке? Нет, милостивый государь, такой человек прежде всего позаботиться о себе и о своих товарищах. Можешь положиться на этого человека. Держись за него и возблагодари судьбу, что он берет тебя на буксир.

Такова была его манера выражаться. Поначалу я не придал его словам никакого значения, но немного погодя, после того как он подверг меня испытанию и заставил принести торжественную клятву, он дал мне понять, что на «Глории» существует заговор: решено подкупить команду и переманить ее на нашу сторону. Человек десять заключенных вступило в

заговор еще до того, как нас погрузили на корабль. Прендергаст стоял во главе этого заговора, а его деньги служили движущей силой.

— У меня есть друг, — сказал он, — превосходный, честнейший человек, он-то и должен подкупить команду. Деньги у него. А как ты думаешь, где он сейчас? Он священник на «Глории» — ни больше, ни меньше! Он явился на корабль в черном костюме, с поддельными документами и с такой крупной суммой, на которую здесь все что угодно можно купить. Команда за него в огонь и в воду. Он купил их всех оптом за наличный расчет, когда они только нанимались. Еще он подкупил двух караульных, Мерсера, второго помощника капитана, а если понадобится, подкупит и самого капитана.

— Что же мы должны делать? — спросил я,

— Как что делать? Мы сделаем то, что красные мундиры солдат станут еще красней.

— Но они вооружены! — возразил я.

— У нас тоже будет оружие, мой мальчик. На каждого маменькиного сынка придется по паре пистолетов. И вот, если при таких условиях мы не сумеем захватить это суденышко вместе со всей командой, то нам ничего иного не останется, как поступить в институт для благородных девиц. Поговори со своим товарищем слева и реши, можно ли ему доверять.

Я выяснил, что мой сосед слева — молодой человек, который, как и я, совершил подлог. Фамилия его был Иване, но впоследствии, как и я, он переменил ее. Теперь это богатый и преуспевающий человек; живет он на юге Англии. Он выразил готовность примкнуть к заговору, — он видел в этом единственное средство спасения. Мы еще не успели проехать залив, а уже заговор охватил всех заключенных — только двое не участвовали в нем. Один из них был слабоумный, и мы ему не доверяли, другой страдал желтухой, и от него не было никакого толка. Вначале ничто не препятствовало нам овладеть кораблем. Команда представляла собой шайку головорезов, как будто нарочно подобранную для такого дела. Мнимый священник посещал наши камеры, дабы наставить нас на путь истинный. Приходил он к нам с черным портфелем, в котором якобы лежали брошюры духовно-нравственного содержания. Посещения эти были столь часты, что на третий день у каждого из нас оказались под кроватью напильник, пара пистолетов, фунт пороха и двадцать пуль. Двое караульных были прямыми агентами Прендергаста, а второй помощник капитана — его правой рукой. Противную сторону составляли капитан, два его помощника, двое караульных, лейтенант Мартин, восемнадцать солдат и доктор. Так как мы не навлекли на себя ни малейших подозрений, то решено было, не принимая никаких мер предосторожности, совершить внезапное нападение ночью. Однако все произошло гораздо скорее, чем мы предполагали.

Мы находились в плавании уже более двух недель. И вот однажды вечером доктор спустился в трюм осмотреть заболевшего заключенного и, положив руку на койку, наткнулся на пистолеты. Если бы он не показал виду, то дело наше было бы проиграно, но доктор был человек нервный. Он вскрикнул от удивления и помертвел. Больной понял, что доктор обо всем догадался, и бросился на него. Тревогу тот поднять не успел — заключенный заткнул ему рот и привязал к кровати. Спускаясь к нам, он отворил дверь, ведшую на палубу, и мы все ринулись туда. Застрелили двоих караульных, а также капрала, который выбежал посмотреть, в чем дело. У дверей кают-компании стояли два солдата, но их мушкеты, видимо, не были заряжены, потому что они в нас ни разу не выстрелили, а пока они собирались броситься в штыки, мы их прикончили. Затем мы подбежали к каюте капитана, но когда отворили дверь, в каюте раздался выстрел. Капитан сидел за столом, уронив голову на карту Атлантического океана, а рядом стоял священник с дымящимся пистолетом в руке. Двух помощников капитана схватила команда. Казалось, все было кончено.

Мы все собрались в кают-компании, находившейся рядом с каютой капитана, расселись на диванах и заговорили все сразу — хмель свободы ударил нам в голову. В каюте стояли ящики, и мнимый священник Уилсон достал из одного ящика дюжину бутылок темного хереса. Мы отбили у бутылок горлышки, разлили вино по бокалам и только успели поставить бокалы на стол, как раздался треск ружейных выстрелов и кают-компания наполнилась таким густым

дымом, что не видно было стола. Когда же дым рассеялся, то глазам нашим открылось побоище. Уилсон и еще восемь человек валялись на полу друг на друге, а на столе кровь смешалась с хересом. Воспоминание об этом до сих пор приводит меня в ужас. Мы были так напуганы, что, наверное, не смогли бы оказать сопротивление, если бы не Прендергаст. Наклонив голову, как бык, он бросился к двери вместе со всеми, кто остался в живых. Выбежав, мы увидели лейтенанта и десять солдат. В кают-компании над столом был приоткрыт люк, и они стреляли в нас через эту щель.

Однако, прежде чем они успели перезарядить ружья, мы на них набросились. Они героически сопротивлялись, но у нас было численное превосходство, и через пять минут все было кончено. Боже мой! Происходило ли еще такое побоище на другом каком-нибудь корабле? Прендергаст, словно рассвирепевший дьявол, поднимал солдат, как малых детей, и — живых и мертвых — швырял за борт. Один тяжело раненый сержант долго держался на воде, пока кто-то из сострадания не выстрелил ему в голову. Когда схватка кончилась, из наших врагов остались в живых только караульные, помощники капитана и доктор.

Схватка кончилась, но затем вспыхнула ссора. Все мы были рады отвоеванной свободе, но кое-кому не хотелось брать на душу грех. Одно дело — сражение с вооруженными людьми, и совсем другое — убийство безоружных. Восемь человек — пятеро заключенных и три моряка — заявили, что они против убийства. Но на Прендергаста и его сторонников это не произвело впечатления. Он сказал, что мы должны на это решиться, что это единственный выход — свидетелей оставлять нельзя. Все это едва не привело к тому, что и мы разделили бы участь арестованных, но потом Прендергаст все-таки предложил желающим сесть в лодку. Мы согласились — нам претила его кровожадность, а кроме того, мы опасались, что дело может обернуться совсем худо для нас. Каждому из нас выдали по робе и на всех — бочонок воды, бочонок с солониной, бочонок с сухарями и компас. Прендергаст бросил в лодку карту и крикнул на прощание, что мы — потерпевшие кораблекрушение, что наш корабль затонул под 15° северной широты и 25° западной долготы. И перерубил фалинь.

Теперь, мой милый сын, я подхожу к самой удивительной части моего рассказа. Во время свалки «Глория Скотт» стояла носом к ветру. Как только мы сели в лодку, судно изменило курс и начало медленно удаляться. С северо-востока дул легкий ветер, наша лодка то поднималась, то опускалась на волнах. Иване и я, как наиболее грамотные сидели над картой, пытаясь определить, где мы находимся, я выбрать, к какому берегу лучше пристать. Задача оказалась не из легких: на севере, в пятистах милях от нас, находились острова Зеленого мыса, а на востоке, примерно милях в семистах, — берег Африки. В конце концов, так как ветер дул с юга, мы выбрали Сьерра-Леоне и поплыли по направлению к ней. «Глория» была уже сейчас так далеко, что по правому борту видны были только ее мачты. Внезапно над «Глорией» взвилось густое черное облако дыма, похожее на какое-то чудовищное дерево. Несколько минут спустя раздался взрыв, а когда дым рассеялся, «Глория Скотт» исчезла. Мы немедленно направили лодку туда, где над водой все еще поднимался легкий туман, как бы указывая место катастрофы.

Плыли мы томительно долго, и сперва нам показалось, что уже поздно, что никого не удастся спасти. Разбитая лодка, масса плетеных корзин и обломки, колыхавшиеся на волнах, указывали место, где судно пошло ко дну, но людей не было видно, и мы, потеряв надежду, хотели было повернуть обратно, как вдруг послышался крик: «На помощь!» — и мы увидели вдали доску, а на ней человека. Это был молодой матрос Хадсон. Когда мы втащили его в лодку, он был до того измучен и весь покрыт ожогами, что мы ничего не могли у него узнать.

Наутро он рассказал нам, что, как только мы отплыли, Прендергаст и его шайка приступили к совершению казни над пятерыми уцелевшими после свалки: двух караульных они расстреляли и бросили за борт, не избег этой участи и третий помощник капитана. Прендергаст своими руками перерезал горло несчастному доктору. Только первый помощник капитана, мужественный и храбрый человек, не дал себя прикончить. Когда он увидел, что

арестант с окровавленным ножом в руке направляется к нему, он сбросил оковы, которые как-то ухитрился ослабить, и побежал на корму.

Человек десять арестантов, вооруженных пистолетами, бросились за ним и увидели, что он стоит около открытой пороховой бочки, а в руке у него коробка спичек. На корабле находилось сто человек, и он поклялся, что если только до него пальцем дотронутся, все до одного взлетят на воздух. И в эту секунду произошел взрыв. Хадсон полагал, что взрыв вернее всего вызвала шальная пуля, выпущенная кем-либо из арестантов, а не спичка помощника капитана. Какова бы ни была причина, «Глории Скотт» и захватившему ее сброду пришел конец.

Вот, мой дорогой, краткая история этого страшного преступления, в которое я был вовлечен. На другой день нас подобрал бриг «Хотспур», шедший в Австралию. Капитана нетрудно было убедить в том, что мы спаслись с затонувшего пассажирского корабля. В Адмиралтействе транспортное судно «Глория Скотт» сочли пропавшим; его истинная судьба так и осталась неизвестной. «Хотспур» благополучно доставил нас в Сидней. Мы с Ивансом переменили фамилии и отправились на прииски. На приисках нам обоим легко было затеряться в той многонациональной среде, которая нас окружала.

Остальное нет нужды досказывать. Мы разбогатели, много путешествовали, а когда вернулись в Англию как богатые колонисты, то приобрели имения. Более двадцати лет мы вели мирный и плодотворный образ жизни и все надеялись, что наше прошлое забыто навеки. Можешь себе представить мое состояние, когда в моряке, который пришел к нам, я узнал человека, подобранного в море! Каким-то образом он разыскал меня и Бедоза и решил шантажировать нас. Теперь ты догадываешься, почему я старался сохранить с ним мирные отношения, и отчасти поймешь мой ужас, который еще усилился после того, как он, угрожая мне, отправился к другой жертве».

Под этим неразборчиво, дрожащей рукой было написано:

«Бедоз написал мне шифром, что Хадсон рассказал все. Боже милосердный, спаси нас!»

Вот что я прочитал в ту ночь Тревору-сыну. На мои взгляд Уотсон, эта история полна драматизма. Мой друг был убит горем. Он отправился на чайные плантации в Терай и там, как я слышал, преуспел. Что касается моряка и мистера Бедоза, то со дня получения предостерегающего письма ни о том, ни о другом не было ни слуху ни духу. Оба исчезли бесследно. В полицию никаких донесений не поступало, следовательно, Бедоз ошибся, полагая, что угроза будет приведена в исполнение. Кто-то как будто видел Хадсона мельком. Полиция решила на этом основании, что он прикончил Бедоза и скрылся. Я же думаю, что все вышло как раз наоборот: Бедоз, доведенный до отчаяния, полагая, что все раскрыто, рассчитался наконец с Хадсоном и скрылся, не забыв захватить с собой изрядную сумму денег. Таковы факты, доктор, и если они когда-нибудь понадобятся вам для пополнения вашей коллекции, то я с радостью предоставлю их в ваше распоряжение.

Обряд дома Месгрейвов

В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире, и его привычки могли свести с ума любого человека, живущего с ним под одной крышей.

Не то чтобы я сам был безупречен в этом отношении. Сумбурная работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача. Но все же моя неаккуратность имеет известные границы, и когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак — в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. Кроме того, я всегда считал, что стрельба из пистолета, бесспорно, относится

к такого рода развлечениям, которыми можно заниматься только под открытым небом. Поэтому, когда у Холмса появлялась охота стрелять и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем «V. R.»[49]выводя его при помощи пуль, я особенно остро чувствовал, что это занятие отнюдь не улучшает ни воздух, ни внешний вид нашей квартиры.

Комнаты наши вечно были полны странных предметов, связанных с химией или с какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных местах, например, в масленке, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего мучили меня бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок — на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год. Где-то в своих бессвязных записках я, кажется, уже говорил, что приливы кипучей энергии, которые помогали Холмсу в замечательных расследованиях, прославивших его имя, сменялись у него периодами безразличия, полного упадка сил. И тогда он по целым дням лежал на диване со своими любимыми книгами, лишь изредка поднимаясь, чтобы поиграть на скрипке. Таким образом, из месяца в месяц бумаг накапливалось все больше и больше, и все углы были загромождены пачками рукописей. Жечь эти рукописи ни в коем случае не разрешалось, и никто, кроме их владельца, не имел права распоряжаться ими.

В один зимний вечер, когда мы сидели вдвоем у камина, я отважился намекнуть Холмсу, что, поскольку он кончил вносить записи в свою памятную книжку, пожалуй, не грех бы ему потратить часок-другой на то, чтобы придать нашей квартире более жилой вид. Он не мог не признать справедливости моей просьбы и с довольно унылой физиономией поплелся к себе в спальню. Вскоре он вышел оттуда, волоча за собой большой жестяной ящик. Поставив его посреди комнаты и усевшись перед ним на стул, он откинул крышку. Я увидел, что ящик был уже на одну треть заполнен пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

— Здесь немало интересных дел, Уотсон, — сказал он, лукаво посматривая на меня. — Если бы вы знали, что лежит в этом ящике, то, пожалуй, попросили бы меня извлечь из него кое-какие бумаги, а не укладывать туда новые.

— Так это отчеты о ваших прежних делах? — спросил я. — Я не раз жалел, что у меня нет записей об этих давних случаях.

— Да, мой дорогой Уотсон. Все они происходили еще до того, как у меня появился собственный биограф, вздумавший прославить мое имя.

Мягкими, ласкающими движениями он вынимал одну пачку за другой.

— Не все дела кончились удачей, Уотсон, — сказал он, — но среди них есть несколько прелюбопытных головоломок. Вот, например, отчет об убийстве Тарлтона. Вот дело Вамбери, виноторговца, и происшествие с одной русской старухой. Вот странная история алюминиевого костыля. Вот подробный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А это… вот это действительно прелестно.

Он сунул руку на самое дно ящика и вытащил деревянную коробочку с выдвижной крышкой, похожую на те, в каких продаются детские игрушки. Оттуда он вынул измятый листок бумаги, медный ключ старинного фасона, деревянный колышек с привязанным к нему мотком бечевки и три старых, заржавленных металлических кружка.

— Ну что, друг мой, как вам нравятся эти сокровища? — спросил он, улыбаясь недоумению, написанному на моем лице.

— Любопытная коллекция.

— Очень любопытная. А история, которая с ней связана, покажется вам еще любопытнее.

— Так у этих реликвий есть своя история?

— Больше того, — они сами — история.

— Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс разложил все эти предметы на краю стола, уселся в свое кресло и стал разглядывать их блестевшими от удовольствия глазами.

— Это все, — сказал он, — что я оставил себе на память об одном деле, связанном с «Обрядом дома Месгрейвов».

Холмс не раз упоминал и прежде об этом деле, но мне все не удавалось добиться от него подробностей.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали об этом случае! — попросил я.

— И оставил весь этот хлам неубранным? — насмешливо возразил он. — А как же ваша любовь к порядку? Впрочем, я и сам хочу, чтобы вы приобщили к своим летописям это дело, потому что в нем есть такие детали, которые делают его уникальным в хронике уголовных преступлений не только в Англии, но и других стран. Коллекция моих маленьких подвигов была бы не полной без описания этой весьма оригинальной истории…

Вы, должно быть, помните, как происшествие с «Глорией Скотт» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов. Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами — в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «Этюд в багровых тонах», — у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале, и как долго я ждал успеха.

Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг — а его у меня было даже чересчур много — изучением всех тех отраслей знания, какие могли бы мне пригодиться в моей профессии. Время от времени ко мне обращались за советом — преимущественно по рекомендации бывших товарищей студентов, потому что в последние годы моего пребывания в университете там немало говорили обо мне и моем методе. Третье дело, по которому ко мне обратились, было дело «Дома Месгрейвов», и тот интерес, который привлекла к себе эта цепь странных событий, а также те важные последствия, какие имело мое вмешательство, и явились первым шагом на пути к моему нынешнему положению.

Реджинальд Месгрейв учился в одном колледже со мной, и мы были с ним в более или менее дружеских отношениях. Он не пользовался особенной популярностью в нашей среде, хотя мне всегда казалось, что высокомерие, в котором его обвиняли, было лишь попыткой прикрыть крайнюю застенчивость. По наружности это был типичный аристократ: тонкое лицо, нос с горбинкой, большие глаза, небрежные, но изысканные манеры. Это и в самом деле был отпрыск одного из древнейших родов королевства, хотя и младший его ветви, которая еще в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрейвов и обосновалась в Западном Суссексе, а замок Харлстон — резиденция Месгрейвов — является, пожалуй, одним из самых старинных зданий графства. Казалось, дом, где он родился, оставил свой отпечаток на внешности этого человека, и когда я смотрел на его бледное, с резкими чертами лицо и горделивую осанку, мне всегда невольно представлялись серые башенные своды, решетчатые окна и все эти благородные остатки феодальной архитектуры. Время от времени нам случалось беседовать, и, помнится, всякий раз он живо интересовался моими методой наблюдений и выводов.

Мы не виделись года четыре, и вот однажды утром он явился ко мне на Монтегю-стрит. Изменился он мало, одет был прекрасно — он всегда был немного франтоват — и сохранил спокойное изящество, отличавшее его и прежде.

— Как поживаете, Месгрейв? — спросил я после того, как мы обменялись дружеским рукопожатием.

— Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца, — сказал он. — Это случилось около двух лет назад. Разумеется, мне пришлось тогда взять на себя управление Харлстонским поместьем. Кроме того, я депутат от своего округа, так что человек я занятый. А вы, Холмс, говорят, решили применить на практике те выдающиеся способности, которыми так удивляли нас в былые времена?

— Да, — ответил я, — теперь я пытаюсь зарабатывать на хлеб с помощью собственной смекалки.

— Очень рад это слышать, потому что ваш совет был бы сейчас просто драгоценен для меня. У нас в Харлстоне произошли странные вещи, и полиции не удалось ничего выяснить. Это настоящая головоломка.

Можете себе представить, с каким чувством я слушал его, Уотсон. Ведь случай, тот самый случай, которого я с таким жгучим нетерпением ждал в течение этих месяцев бездейственности, наконец-то, казалось мне, был передо мной. В глубине души я всегда был уверен, что могу добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, и теперь мне представлялась возможность испытать самого себя.

— Расскажите мне все подробности! — вскричал я.

Реджинальд Месгрейв сел против меня и закурил папиросу.

— Надо вам сказать, — начал он, — что хоть я и не женат, мне приходится держать в Харлстоне целый штат прислуги. Замок очень велик, выстроен он крайне бестолково и потому нуждается в постоянном присмотре. Кроме того, у меня есть заповедник, и в сезон охоты на фазанов в доме обычно собирается большое общество, что тоже требует немало слуг. Всего у меня восемь горничных, повар, дворецкий, два лакея и мальчуган на посылках. В саду и при конюшне имеются, конечно, свои рабочие.

Из этих людей дольше всех прослужил в нашей семье Брайтон, дворецкий. Когда отец взял его к себе, он был молодым школьным учителем без места, и вскоре благодаря своему сильному характеру и энергии он сделался незаменимым в нашем доме. Это рослый, красивый мужчина с великолепным лбом, и хотя он прожил у нас лет около двадцати, ему и сейчас на вид не больше сорока. Может показаться странным, что при такой привлекательной наружности и необычайных способностях — он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах — он так долго удовлетворялся своим скоромным положением, но, видимо, ему жилось хорошо, и он не стремился ни к каким переменам. Харлстонский дворецкий всегда обращал на себя внимание всех наших гостей.

Но у этого совершенства есть один недостаток: он немного Донжуан и, как вы понимаете, в нашей глуши ему не слишком трудно играть эту роль.

Все шло хорошо, пока он был женат, но когда его жена умерла, он стал доставлять нам немало хлопот. Правда, несколько месяцев назад мы уже успокоились и решили, что все опять наладится: Брайтон обручился с Рэчел Хауэлз, нашей младшей горничной. Однако вскоре он бросил ее ради Дженет Треджелис, дочери старшего егеря. Рэчел — славная девушка, но очень горячая и неуравновешенная, как все вообще уроженки Уэльса. У нее началось воспаление мозга, и она слегла, но потом выздоровела и теперь ходит — вернее, ходила до вчерашнего дня как тень; у нее остались одни глаза.

Такова была наша первая драма в Харлстоне, но вторая быстро изгладила ее из нашей памяти, тем более, что этой второй предшествовало еще одно большое событие: дворецкий Брайтон был с позором изгнан из нашего дома.

Вот как это произошло. Я уже говорил вам, что Брайтон очень умен, и, как видно, именно ум стал причиной его гибели, ибо в нем проснулось жадное любопытство к вещам, не имевшим к нему никакого отношения. Мне и в голову не приходило, что оно может завести его так далеко, но случай открыл мне глаза.

Как я уже говорил, наш дом выстроен очень бестолково: в нем множество всяких ходов и переходов. На прошлой неделе — точнее, в прошлый четверг ночью — я никак не мог уснуть, потому что по глупости выпил после обеда чашку крепкого черного кофе. Промучившись до двух часов ночи и почувствовав, что все равно не засну, я наконец встал и зажег свечу, чтобы продолжить чтение начатого романа. Но оказалось, что книгу я забыл в бильярдной, поэтому, накинув халат, я отправился за нею.

Чтобы добраться до бильярдной, мне надо было спуститься на один лестничный пролет и пересечь коридор, ведущий в библиотеку и в оружейную. Можете вообразить себе мое удивление, когда, войдя в этот коридор, я увидел слабый свет, падавший из открытой двери библиотеки! Перед тем как лечь в постель, я сам погасил там лампу и закрыл дверь. Разумеется, первой моей мыслью было, что к нам забрались воры. Стены всех коридоров в Харлстоне украшены старинным оружием — это военные трофеи моих предков. Схватив с одной из стен алебарду, я поставил свечу на пол, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь библиотеки.

Дворецкий Брайтон, совершенно одетый, сидел в кресле. На коленях у него был разложен лист бумаги, похожий на географическую карту, и он смотрел на него в глубокой задумчивости. Остолбенев от изумления, я не шевелился и наблюдал за ним из темноты. Комната была слабо освещена огарком свечи. Вдруг Брайтон встал, подошел к бюро, стоявшему у стены, отпер его и выдвинул один из ящиков. Вынув оттуда какую-то бумагу, он снова сел на прежнее место, положил ее на стол возле свечи, разгладил и стал внимательно рассматривать. Это спокойное изучение наших фамильных документов привело меня в такую ярость, что я не выдержал, шагнул вперед, и Брайтон увидел, что я стою в дверях. Он вскочил, лицо его позеленело от страха, и он поспешно сунул в карман похожий на карту лист бумаги, который только что изучал.

«Отлично! — сказал я. — Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены».

Он поклонился с совершенно подавленным видом и проскользнул мимо меня, не сказав ни слова. Огарок остался на столе, и при его свете я разглядел бумагу, которую Брайтон вынул из бюро. К моему изумлению, оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а всего лишь копия с вопросов и ответов, произносимых при выполнении одного оригинального старинного обряда, который называется у нас «Обряд дома Месгрейвов». Вот уже несколько веков каждый мужчина из нашего рода, достигнув совершеннолетия, выполняет известный церемониал, который представляет интерес только для членов нашей семьи или, может быть, для какого-нибудь археолога — как вообще вся наша геральдика, — но никакого практического применения иметь не может.

— К этой бумаге мы еще вернемся, — сказал я Месгрейву.

— Если вы полагаете, что это действительно необходимо… — с некоторым колебанием ответил мой собеседник. — Итак, я продолжаю изложение фактов. Замкнув бюро ключом, который оставил Брайтон, я уже собирался было уходить, как вдруг с удивлением увидел, что дворецкий вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрейв, — вскричал он голосом, хриплым от волнения, — я не вынесу бесчестья! Я человек маленький, но гордость у меня есть, и бесчестье убьет меня. Смерть моя будет на вашей совести, сэр, если вы доведете меня до отчаяния! Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, дайте мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно. А быть изгнанным на глазах у всей прислуги, которая так хорошо меня знает, — нет, это выше моих сил!»

«Вы не стоите того, чтобы с вами особенно церемонились, Брайтон, — ответил я. — Ваш поступок просто возмутителен. Но так как вы столько времени прослужили в нашей семье, я

не стану подвергать вас публичному позору. Однако месяц — это слишком долго. Можете уйти через неделю и под каким хотите предлогом».

«Через неделю, сэр? — вскричал он с отчаянием. — О, дайте мне хотя бы две недели!»

«Через неделю, — повторил я, — и считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Низко опустив голову, он медленно побрел прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошел к себе.

В течение двух следующих дней Брайтон самым тщательным образом выполнял свои обязанности. Я не напоминал ему о случившемся и с любопытством ждал, что он придумает, чтобы скрыть свой позор. Но на третий день он, вопреки обыкновению, не явился ко мне за приказаниями. После завтрака, выходя из столовой, я случайно увидел горничную Рэчел Хауэлз. Как я уже говорил вам, она только недавно оправилась после болезни и сейчас была так бледна, у нее был такой изнуренный вид, что я даже пожурил ее за то, что она начала работать.

«Напрасно вы встали с постели, — сказал я. — Приметесь за работу, когда немного окрепнете».

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что я подумал, уж не подействовала ли болезнь на ее рассудок.

«Я уже окрепла, мистер Месгрейв», — ответила она.

«Посмотрим, что скажет врач, — возразил я. — А пока что бросьте работу и идите вниз. Кстати, скажите Брайтону, чтобы он зашел ко мне».

«Дворецкий пропал», — сказала она.

«Пропал?! То есть как пропал?»

«Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!»

Она прислонилась к стене и начала истерически хохотать, а я, напуганный этим внезапным припадком, подбежал к колокольчику и позвал на помощь. Девушку увели в ее комнату, причем она все еще продолжала хохотать и рыдать, я же стал расспрашивать о Брайтоне. Сомнения не было: он исчез. Постель оказалась нетронутой, и никто не видел его с тех пор, как он ушел к себе накануне вечером. Однако трудно было бы себе представить, каким образом он мог выйти из дому, потому что утром и окна и двери оказались запертыми изнутри. Одежда, часы, даже деньги Брайтона — все было в его комнате, все, кроме черной пары, которую он обыкновенно носил. Не хватало также комнатных туфель, но сапоги были налицо. Куда же мог уйти ночью дворецкий Брайтон, и что с ним сталось?

Разумеется, мы обыскали дом и все службы, но нигде не обнаружили его следов. Повторяю, наш дом — это настоящий лабиринт, особенно самое старое крыло, теперь уже необитаемое, но все же мы обыскали каждую комнату и даже чердаки. Все наши поиски оказались безрезультатными. Мне просто не верилось, чтобы Брайтон мог уйти из дому, оставив все свое имущество, но ведь все-таки он ушел, и с этим приходилось считаться. Я вызвал местную полицию, но ей не удалось что-либо обнаружить. Накануне шел дождь, и осмотр лужаек и дорожек вокруг дома ни к чему не привел. Так обстояло дело, когда новое событие отвлекло наше внимание от этой загадки.

Двое суток Рэчел Хауэлз переходила от бредового состояния к истерическим припадкам. Она была так плоха, что приходилось на ночь приглашать к ней сиделку. На третью ночь после исчезновения Брайтона сиделка, увидев, что больная спокойно заснула, тоже задремала в своем кресле. Проснувшись рано утром, она увидела, что кровать пуста, окно открыто, а пациентка исчезла. Меня тотчас разбудили, я взял с собой двух лакеев и отправился на поиски пропавшей. Мы легко определили, в какую сторону она убежала: начиная от окна, по газону шли следы, которые кончались у пруда рядом с посыпанной гравием дорожкой, выводившей из наших владений. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины; вы можете себе

представить, какое чувство охватило нас, когда мы увидели, что отпечатки ног бедной безумной девушки обрывались у самой воды. Разумеется, мы немедленно вооружились баграми и принялись разыскивать тело утопленницы, но не нашли его. Зато мы извлекли на поверхность другой, совершенно неожиданный предмет. Это был полотняный мешок, набитый обломками старого, заржавленного, потерявшего цвет металла и какими-то тусклыми осколками не то гальки, не то стекла. Кроме этой странной добычи, мы не нашли в пруду решительно ничего и, несмотря на все наши вчерашние поиски и расспросы, так ничего и не узнали ни о Рэчел Хауэлз, ни о Ричарде Брайтоне. Местная полиция совершено растерялась, и теперь последняя моя надежда на вас.

Можете себе представить, Уотсон, с каким интересом выслушал я рассказ об этих необыкновенных событиях, как хотелось мне связать их в единое целое и отыскать путеводную нить, которая привела бы к разгадке!

Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Прежде горничная любила дворецкого, но потом имела основания возненавидеть его. Она была уроженка Уэльса, натура необузданная и страстная. После исчезновения дворецкого она была крайне возбуждена. Она бросила в пруд мешок с весьма странным содержимым. Каждый из этих фактов заслуживал внимания, но ни один из них не объяснял сути дела. Где я должен был искать начало этой запутанной цепи событий? Ведь предо мной было лишь последнее ее звено…

— Месгрейв, — сказал я, — мне необходимо видеть документ, изучение которого ваш дворецкий считал настолько важным, что даже пошел ради него на риск потерять место.

— В сущности, этот наш обряд — чистейший вздор, — ответил он, — и единственное, что его оправдывает, — это его древность. Я захватил с собой копию вопросов и ответов на случай, если бы вам вздумалось взглянуть на них.

Он протянул мне тот самый листок, который вы видите у меня в руках, Уотсон. Этот обряд нечто вроде экзамена, которому должен был подвергнутых каждый мужчина из рода Месгрейвов, достигший совершеннолетия. Сейчас я прочитаю вам вопросы и ответы в том порядке, в каком они записаны здесь:

«Кому это принадлежит?»

«Тому, кто ушел».

«Кому это будет принадлежать?»

«Тому, кто придет».

«В каком месяцу это было?»

«В шестом, начиная с первого».

«Где было солнце?»

«Над дубом».

«Где была тень?»

«Под вязом».

«Сколько надо сделать шагов?»

«На север — десять и десять, на восток — пять и пять, на юг — два и два, на запад — один и один и потом вниз».

«Что мы отдадим за это?»

«Все, что у нас есть».

«Ради чего отдадим мы это?»

«Во имя долга».

— В подлиннике нет даты, — заметил Мейсгрейв, — но, судя по его орфографии, он относится к середине семнадцатого века. Боюсь, впрочем, что он мало поможет нам в раскрытии нашей тайны.

— Зато он ставит перед нами вторую загадку, — ответил я, — еще более любопытную. И возможно, что, разгадав ее, мы тем самым разгадаем и первую. Надеюсь, что не обидитесь на меня, Месгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий, по-видимому, очень умный человек и обладает большой проницательностью и чутьем, чем десять поколений его господ.

— Признаться, я вас не понимаю, — ответил Месгрейв. — Мне кажется, что эта бумажка не имеет никакого практического значения.

— А мне она кажется чрезвычайно важной именно в практическом отношении, и, как видно, Брайтон был того же мнения. По всей вероятности, он видел ее и до той ночи, когда вы застали его в библиотеке.

— Вполне возможно. Мы никогда не прятали ее.

— По-видимому, на этот раз он просто хотел освежить в памяти ее содержание. Насколько я понял, он держал в руках какую-то карту или план, который сравнивал с манускриптом и немедленно сунула карман, как только увидел вас?

— Совершенно верно. Но зачем ему мог понадобиться наш старый семейный обряд, и что означает весь этот вздор?

— Полагаю, что мы можем выяснить это без особого труда, — ответил я. — С вашего позволения, мы первым же поездом отправимся с вами в Суссекс и разберемся в деле уже на месте.

Мы прибыли в Харлстон в тот же день. Вам, наверно, случалось, Уотсон, видеть изображение этого знаменитого древнего замка или читать его описания, поэтому я скажу лишь, что он имеет форму буквы «L», причем длинное крыло его является более современным, а короткое — более древним, так сказать, зародышем, из которого и выросло все остальное. Над низкой массивной дверью в центре старинной части высечена дата «1607», но знатоки единодушно утверждают, что деревянные балки и каменная кладка значительно старше. В прошлом веке чудовищно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили наконец владельцев выстроить новое крыло, и старое теперь служит лишь кладовой и погребом, а то и вовсе пустует. Вокруг здания великолепный парк с прекрасными старыми деревьями. Озеро же или пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, в двухстах ярдах от дома.

К этому времени у меня уже сложилось твердое убеждение, Уотсон, что тут не было трех отдельных загадок, а была только одна и что если бы мне удалось вникнуть в смысл обряда Месгрейвов, это дало бы мне ключ к тайне исчезновения обоих — и дворецкого Брайтона, и горничной Хауэлз. На это я и направил все силы своего ума. Почему Брайтон так стремился проникнуть в суть этой старинной формулы? Очевидно, потому, что он увидел в ней нечто ускользнувшее от внимания всех поколений родовитых владельцев замка — нечто такое, из чего он надеялся извлечь какую-то личную выгоду. Что же это было, и как это могло отразиться на дальнейшей судьбе дворецкого?

Когда я прочитал бумагу, мне стало совершенно ясно, что все цифры относятся к какому-то определенному месту, где спрятано то, о чем говорится в первой части документа, и что если бы мы нашли это место, мы оказались бы на верном пути к раскрытию тайны — той самой тайны, которую предки Месгрейвов сочли нужным облечь в столь своеобразную форму. Для начала поисков нам даны были два ориентира: дуб и вяз. Что касается дуба, то тут не могло быль никаких сомнений. Прямо перед домом, слева от дороги, стоял дуб, дуб-патриарх, одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо приходилось видеть.

— Он уже существовал, когда был записан ваш «обряд»? — спросил я у Месгрейва.

— По всей вероятности, этот дуб стоял здесь еще во времена завоевания Англии норманнами, — ответил он. — Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Таким образом, один из нужных мне пунктов был выяснен.

— Есть у вас здесь старые вязы? — спросил я.

— Был один очень старый, недалеко отсюда, но десять лет назад в него ударила молния, и пришлось срубить его под корень.

— Но вы знаете то место, где он рос прежде?

— Ну, конечно, знаю.

— А других вязов поблизости нет?

— Старых нет, а молодых очень много.

— Мне бы хотелось взглянуть, где он рос.

Мы приехали в двуколке, и мой клиент сразу, не заходя в дом, повез меня к тому месту на лужайке, где когда-то рос вяз. Это было почти на полпути между дубом и домом.

Пока что мои поиски шли успешно.

— По всей вероятности, сейчас уже невозможно определись высоту этого вяза? — спросил я.

— Могу вам ответить сию же минуту: в нем было шестьдесят четыре фута.

— Как вам удалось узнать это? — воскликнул я с удивлением.

— Когда мой домашний учитель задавал мне задачи по тригонометрии, они всегда были построены на измерениях высоты. Поэтому я еще мальчиком измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Вот это была неожиданная удача! Нужные мне сведения пришли ко мне быстрее, чем я мог рассчитывать.

— А скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не задавал вам такого же вопроса? — спросил я.

Реджинальд Месгрейв взглянул на меня с большим удивлением.

— Теперь я припоминаю, — сказал он, — что несколько месяцев назад Брайтон действительно спрашивал меня о высоте этого дерева. Кажется, у него вышел какой-то спор с грумом.

Это было превосходное известие, Уотсон. Значит, я был на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно уже заходило, и я рассчитал, что меньше чем через час оно окажется как раз над ветвями старого дуба. Итак, одно условие, упомянутое в документе, будет выполнено. Что касается тени от вяза, то речь шла, очевидно, о самой дальней ее точке — в противном случае указателем направления избрали бы не тень, а ствол. И, следовательно, теперь мне нужно было определить, куда падал конец тени от вяза в тот момент, когда солнце оказывалось прямо над дубом…

— Это, как видно, было нелегким делом, Холмс? Ведь вяза-то уже не существовало.

— Конечно. Но я знал, что если Брайтон мог это сделать, то смогу и я. А кроме того, это было не так уж трудно. Я пошел вместе с Месгрейвом в его кабинет и вырезал себе вот этот колышек, к которому привязал длинную веревку сделав не ней узелки, отмечающие каждый ярд. Затем я связал вместе два удилища, что дало мне шесть футов, и мы с моим клиентом отправились обратно к тому месту, где когда-то рос вяз. Солнце как раз касалось в эту минуту вершины дуба. Я воткнул свой шест в землю, отметил направление тени и измерил ее. В ней было девять футов.

Дальнейшие мои вычисления были совсем уж несложны. Если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов, и направление той и другой, разумеется, будет совпадать. Я отмерил это расстояние. Оно привело меня почти к самой стене дома, и я воткнул там колышек. Вообразите мое торжество, Уотсон, когда в двух дюймах от колышка я увидел в земле

конусообразное углубление! Я понял, что это была отметина, сделанная Брайтоном при его измерении, и что я продолжаю идти по его следам.

От этой исходной точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив с помощью карманного компаса, где север, где юг. Десять шагов и еще десять шагов (очевидно имелось в виду, что каждая нога делает поочередно по десять шагов) в северном направлении повели меня параллельно стене дома, и, отсчитав их, я снова отметил место своим колышком. Затем я тщательно отсчитал пять и пять шагов на восток, потом два и два — к югу, и они привели меня к самому порогу старой двери. Оставалось сделать один и один шаг на запад, но тогда мне пришлось бы пройти эти шаги по выложенному каменными плитами коридору. Неужто это и было место, указанное в документе?

Никогда в жизни я не испытывал такого горького разочарования, Уотсон. На минуту мне показалось, что в мои вычисления вкралась какая-то существенная ошибка. Заходящее солнце ярко освещало своими лучами пол коридора, и я видел, что эти старые, избитые серые плиты были плотно спаяны цементом и, уж конечно, не сдвигались с места в течение многих и многих лет. Нет, Брайтон не прикасался к ним, это было ясно. Я постучал по полу в нескольких местах, но звук получался одинаковый повсюду, и не было никаких признаков трещины или щели. К счастью, Месгрейв, который начал вникать в смысл моих действий и был теперь не менее взволнован, чем я, вынул документ, чтобы проверить мои расчеты.

— И вниз! — вскричал он. — Вы забыли об этих словах: «и вниз». Я думал, это означало, что в указанном месте надо будет копать землю, но теперь мне сразу стало ясно, что я ошибся.

— Так, значит, у вас внизу есть подвал? — воскликнул я.

— Да, и он ровесник этому дому. Скорее вниз, через эту дверь!

По винтовой каменной лестнице мы спустились вниз, и мой спутник, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь, стоявший на бочке в углу. В то же мгновение мы убедились, что попали туда, куда нужно, и что кто-то недавно побывал здесь до нас.

В этом подвале хранились дрова, но поленья, которые, как видно, покрывали прежде весь пол, теперь были отодвинуты к стенкам, освободив пространство посередине. Здесь лежала широкая и тяжелая каменная плита с заржавленным железным кольцом в центре, а к кольцу был привязан плотный клетчатый шарф.

— Черт возьми, это шарф Брайтона! — вскричал Месгрейв.

— Я не раз видел этот шарф у него шее. Но что он мог здесь делать, этот негодяй?

По моей просьбе были вызваны два местных полисмена, и в их присутствии я сделал попытку приподнять плиту, ухватившись за шарф. Однако я лишь слегка пошевелил ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось немного сдвинуть ее в сторону. Под плитой была черная яма, и все мы заглянули в нее. Месгрейв, стоя на коленях, опустил свой фонарь вниз.

Мы увидели узкую квадратную каморку глубиной около семи футов, шириной и длиной около четырех. У стены стоял низкий, окованный медью деревянный сундук с откинутой крышкой; в замочной скважине торчал вот этот самый ключ — забавный и старомодный. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли. Сырость и черви до того изъели дерево, что оно поросло плесенью даже изнутри. Несколько металлических кружков, таких же, какие вы видите здесь, — должно быть, старинные монеты — валялись на дне. Больше в нем ничего не было.

Однако в первую минуту мы не смотрели на старый сундук — глаза наши были прикованы к тому, что находилось рядом. Какой-то мужчина в черном костюме сидел на корточках, опустив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. Лицо этого человека посинело и было искажено до неузнаваемости, но, когда мы приподняли его, Реджинальд Месгрейв по росту, одежде и волосам сразу узнал в нем своего пропавшего дворецкого. Брайтон умер уже

несколько дней назад, но на теле у него не было ни ран, ни кровоподтеков, которые могли бы объяснить его страшный конец. И когда мы вытащили труп из подвала, то оказались перед загадкой, пожалуй, не менее головоломной, чем та, которую мы только что разрешили…

Признаюсь, Уотсон, пока что я был обескуражен результатами своих поисков. Я предполагал, что стоит мне найти место, указанное в древнем документе, как все станет ясно само собой, но вот я стоял здесь, на этом месте, и разгадка тайны, так тщательно скрываемой семейством Месгрейвов была, по-видимому, столь же далека от меня, как и раньше. Правда, я пролил свет на участь Брайтона, но теперь мне предстояло еще выяснить, каким образом постигла его эта участь и какую роль сыграла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал еще раз перебирать в уме все подробности случившегося…

Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах. В этом случае дело упрощалось: Брайтон был человек незаурядного ума, так что мне не приходилось принимать в расчет разницу между уровнем его и моего мышления. Брайтон знал, что где-то было спрятано нечто ценное. Он определил это место. Он убедился, что камень, закрывающий вход в подземелье, слишком тяжел для одного человека. Что он сделал потом? Он не мог прибегнуть к помощи людей посторонних. Ведь даже если бы нашелся человек, которому он мог бы довериться, пришлось бы отпирать ему наружные двери, а это было сопряжено со значительным риском. Удобнее было бы найти помощника внутри дома. Но к кому мог обратиться Брайтон? Та девушка была когда-то преданна ему. Мужчина, как бы скверно не поступил он с женщиной никогда не верит, что ее любовь окончательно потеряна для него. Очевидно, оказывая Рэчел мелкие знаки внимания Брайтон попытался помириться с ней, а потом уговорил ее сделаться его сообщницей. Ночью они вместе спустились в подвал, и объединенными усилиями им удалось сдвинуть камень. До этой минуты их действия были мне так ясны, как будто я наблюдал их собственными глазами.

Но и для двух человек, особенно если один из них женщина, вероятно, это была нелегкая работа. Даже нам — мне и здоровенному полисмену из Суссекса — стоило немалых трудов сдвинуть эту плиту. Что же они сделали, чтобы облегчить свою задачу? Да, по-видимому, то же, что сделал бы и я на их месте. Тут я встал, внимательно осмотрел валявшиеся на полу дрова и почти сейчас же нашел то, что ожидал найти. Одно полено длиной около трех футов было обломано на конце, а несколько других сплющены: видимо, они испытали на себе действие значительной тяжести. Должно быть, приподнимая плиту, Брайтон и его помощница вводили эти поленья в щель, пока отверстие не расширилось настолько, что в него уже можно было проникнуть, а потом подперли плиту еще одним поленом, поставив его вертикально, так что оно вполне могло обломаться на нижнем конце — ведь плита давила на него всем своим весом. Пока что все мои предположения были как будто вполне обоснованы.

Как же должен был я рассуждать дальше, чтобы полностью восстановить картину ночной драмы? Ясно, что в яму мог забраться только один человек, и, конечно, это был Брайтон. Девушка, должно быть, ждала наверху. Брайтон отпер сундук и передал ей его содержимое (это было очевидно, так как ящик оказался пустым), а потом… что же произошло потом?

Быть может, жажда мести, тлевшая в душе этой пылкой женщины, разгорелась ярким пламенем, когда она увидела, что ее обидчик — а обида, возможно, была гораздо сильнее, чем мы могли подозревать, — находится теперь в ее власти. Случайно ли упало полено и каменная плита замуровала Брайтона в этом каменном гробу? Если так, Рэчел виновна лишь в том, что умолчала о случившемся. Или она намеренно вышибла подпорку, и сама захлопнула ловушку? Так или иначе, но я словно видел перед собой эту женщину: прижимая к груди найденное сокровище, она летела вверх по ступенькам винтовой лестницы, убегая от настигавших ее заглушенных стонов и отчаянного стука в каменную плиту, под которой задыхался ее неверный возлюбленный.

Вот в чем была разгадка ее бледности, ее возбуждения, приступов истерического смеха на следующее утро. Но что же все-таки было в сундуке? Что сделала девушка с его содержимым? Несомненно, это были те самые обломки старого металла и осколки камней, которые она при первой же возможности бросила в пруд, чтобы скрыть следы своего преступления…

Минут двадцать я сидел неподвижно, в глубоком раздумье. Мейсгрев, очень бледный, все еще стоял, раскачивая фонарь, и глядел вниз, в яму.

— Это монеты Карла Первого,[50] — сказал он, протягивая мне несколько кружочков, вынутых из сундука. — Видите, мы правильно определили время возникновения нашего «обряда».

— Пожалуй, мы найдем еще кое-что, оставшееся от Карла Первого! — вскричал я, вспомнив вдруг первые два вопроса документа. — Покажите-ка мне содержимое мешка, который вам удалось выудить в пруду.

Мы поднялись в кабинет Месгрейва, и он разложил передо мной обломки. Взглянув на них, я понял, почему Месгрейв не придал им никакого значения: металл был почти черен, а камешки бесцветны и тусклы. Но я потер один из них о рукав, и он засверкал, как искра, у меня на ладони. Металлические части имели вид двойного обруча, но они были погнуты, перекручены и почти потеряли свою первоначальную форму.

— Вы, конечно, помните, — сказал я Месгрейву, — что партия короля главенствовала в Англии даже и после его смерти. Очень может быть, что перед тем, как бежать, ее члены спрятали где-нибудь самые ценные вещи, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

— Мой предок, сэр Ральф Месгрейв, занимал видное положение при дворе и был правой рукой Карла Второго[51] во время его скитаний.

— Ах, вот что! — ответил я. — Прекрасно. Это дает нам последнее, недостающее звено. Поздравляю вас, Месгрейв! Вы стали обладателем — правда, при весьма трагических обстоятельствах — одной реликвии, которая представляет собой огромную ценность и сама по себе и как историческая редкость.

— Что же это такое? — спросил он, страшно взволнованный.

— Не более не менее, как древняя корона английских королей.

— Корона?!

— Да, корона. Вспомните, что говорится в документе: «Кому это принадлежит?» «Тому, кто ушел». Это было написано после казни Карла Первого. «Кому это будет принадлежать?» «Тому, кто придет». Речь шла о Карле Втором, чье восшествие на престол уже предвиделось в то время. Итак, вне всяких сомнений, эта измятая и бесформенная диадема венчала головы королей из династии Стюартов.

— Но как же она попала в пруд?

— А вот на этот вопрос не ответишь в одну минуту.

И я последовательно изложил Месгрейву весь ход моих предположений и доказательств. Сумерки сгустились, и луна уже ярко сияла в небе, когда я кончил свой рассказ.

— Но интересно почему же Карл Второй не получил обратно свою корону, когда вернулся? — спросил Месгрейв, снова засовывая в полотняный мешок свою реликвию.

— О, тут вы поднимаете вопрос, который мы с вами вряд ли сможем когда-либо разрешить. Должно быть, тот Месгрейв, который был посвящен в тайну, оставил перед смертью своему преемнику этот документ в качестве руководства, но совершил ошибку, не объяснив ему его смысла. И с этого дня вплоть до нашего времени документ переходил от отца к сыну, пока наконец не попал в руки человека, который сумел вырвать его тайну, но поплатился за это жизнью…

Такова история «Обряда дома Месгрейвов», Уотсон. Корона и сейчас находится в Харлстоне, хотя владельцам замка пришлось немало похлопотать и заплатить порядочную сумму денег, пока они не получили официального разрешения оставить ее у себя. Если вам вздумается взглянуть на нее, они, конечно, с удовольствием ее покажут стоит вам только назвать мое имя.

Что касается той женщины, она бесследно исчезла. По всей вероятности, она покинула Англию и унесла в заморские края память о своем преступлении.

Рейгетские сквайры

В то время мой друг Шерлок Холмс еще не оправился после нервного переутомления, полученного в результате крайне напряженной работы весной тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Нашумевшая история с Нидерландско-Суматрской компанией и грандиозным мошенничеством барона Мопэртуиса слишком свежа в памяти публики и слишком тесно связана с политикой и финансами, чтобы о ней можно было рассказать в этих записках. Однако косвенным путем она явилась причиной одного редкостного и головоломного дела, которое дало возможность моему другу продемонстрировать еще одно оружие среди множества других, служивших ему в его нескончаемой войне с преступлениями.

Четырнадцатого апреля, как помечено в моих записях, я получил телеграмму из Лиона с известием о том, что Холмс лежит больной в отеле Люлонж. Не прошло и суток, как я уже был у него в номере и с облегчением убедился, что ничего страшного ему не грозит. Однако тянувшееся больше двух месяцев расследование, в течение которого он работал по пятнадцати часов в день, а случалось и несколько суток подряд, подорвало железный организм Холмса. Блистательная победа, увенчавшая его труды, не спасла его от упадка сил после такого предельного нервного напряжения, и в то время как его имя гремело по всей Европе, а комната была буквально по колено завалена поздравительными телеграммами, я нашел его здесь во власти жесточайшей хандры. Даже сознание, что он одержал успех там, где не справилась полиция трех стран, и обвел вокруг пальца самого искушенного мошенника в Европе, не могло победить овладевшего им безразличия.

Три дня спустя мы вернулись вместе на Бейкер-стрит, но мой друг явно нуждался в перемене обстановки, да и меня соблазняла мысль выбраться в эту весеннюю пору на недельку в деревню. Мой старинный приятель, полковник Хэйтер, который был моим пациентом в Афганистане, а теперь снял дом поблизости от городка Рейгет в графстве Суррей, часто приглашал меня к себе погостить. В последний раз он сказал, что был бы рад оказать гостеприимство и моему другу. Я повел речь издали, но, когда Холмс узнал, что нас приглашают в дом с холостяцкими порядками и что ему будет предоставлена полная свобода, он согласился с моим планом, и через неделю после нашего возвращения из Лиона полковник уже принимал нас у себя. Хэйтер был человек очень приятный и бывалый, объездивший чуть ли не весь свет, и скоро обнаружилось — как я и ожидал, — что у них с Холмсом много общего.

В день нашего приезда, вечером, мы, отобедав, сидели в оружейной полковника; Холмс растянулся на диване, а мы с Хэйтером рассматривали небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

— Да, кстати, — вдруг сказал наш хозяин, — я возьму с собой наверх один из этих пистолетов на случай тревоги.

— Тревоги? — воскликнул я.

— Тут у нас недавно случилось происшествие, перепугавшее всю округу. В прошлый понедельник ограбили дом старого Эктона, одного из самых богатых здешних сквайров. Убыток причинен небольшой, но воры до сих пор на свободе.

— И никаких следов? — спросил Холмс, насторожив слух.

— Пока никаких. Но это — мелкое дело. Обычное местное преступление, слишком незначительное, чтобы заинтересовать вас, мистер Холмс, после того громкого международного дела.

Холмс ответил на комплимент небрежным жестом, но по его улыбке было заметно, что он польщен.

— Ничего примечательного?

— По-моему, ничего. Воры обыскали библиотеку, и, право же, добыча не стоила затраченных ими трудов. Все в комнате было перевернуто вверх дном, ящики столов взломаны, книжные шкафы перерыты, а вся-то пропажа — томик переводов Гомера, два золоченых подсвечника, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый барометр да клубок бечевки.

— Что за удивительный набор! — воскликнул я.

— О, воры, видимо, схватили все, что им попалось под руку.

Холмс хмыкнул со своего дивана.

— Полиция графства должна бы кое-что извлечь из этого, — сказал он. — Ведь совершенно очевидно, что…

Но я предостерегающе поднял палец.

— Вы приехали сюда отдыхать, друг мой. Ради Бога, не принимайтесь за новую задачу, пока не окрепли нервы.

Холмс посмотрел на полковника с комическим смирением и пожал плечами, после чего беседа повернула в более спокойное русло.

Однако судьбе было угодно, чтобы все мои старания оберечь друга пропали даром, ибо на следующее утро это дело вторглось в нашу жизнь таким образом, что было невозможно остаться в стороне, и наше пребывание в деревне приняло неожиданный для всех нас оборот. Мы сидели за завтраком, когда к нам ворвался дворецкий, забыв о всякой пристойности, и выпалил, задыхаясь:

— Вы слышали новость, сэр? У Каннингемов, сэр?

— Опять ограбление? — вскричал полковник, и его рука с чашкой кофе застыла в воздухе.

— Убийство!

Полковник присвистнул.

— Бог мой! — промолвил он. — Кто убит? Мировой судья или его сын?

— Ни тот, ни другой, сэр. Убит Уильям, кучер. Пуля угодила прямо в сердце.

— Кто в него стрелял?

— Вор, сэр. Убил кучера наповал и был таков. Он успел добраться только до окна кладовой. Тут Уильям и бросился на него и нашел свою смерть, спасая добро хозяина.

— Когда это случилось?

— Вчера, сэр, около полуночи.

— А-а, в таком случае мы заглянем туда попозже, — сказал полковник, невозмутимо принимаясь за прерванный завтрак.

— Скверное дело, — добавил он, когда дворецкий ушел. — Старый Каннингем — самый влиятельный сквайр в наших местах и очень почтенный человек. Это его сразит. Уильям служил ему много лет и был хороший работник. Очевидно, это те же негодяи, что побывали у Эктона.

— И похитили ту чрезвычайно любопытную коллекцию?

— Именно.

— Гм! Возможно окажется, что дело не стоит выеденного яйца. И тем не менее на первый взгляд это немного странно, не так ли? Следовало бы ожидать, что шайка грабителей,

действующая в провинции, будет менять места своих налетов, а не совершать две кражи со взломом в соседних усадьбах в течение нескольких дней. Когда вчера вечером вы говорили о мерах предосторожности, помнится, мне пришло в голову, что вор или воры выбрали бы эту округу самой последней во всей Англии, из чего следует, что мне надо еще многому учиться.

— Я думаю, это был кто-то из местных. Понятно, что его привлекли именно эти усадьбы. В здешних краях они самые крупные.

— И самые богатые?

— Должны были быть. Но Эктон и Каннингемы уже несколько лет ведут тяжбу, которая высосала кровь из обоих, мне думается. Старый Эктон возбудил иск на половину имения Каннингемов, и адвокаты изрядно нажились на этом деле.

— Если это местный вор, изловить его не составит большого труда, — сказал Холмс, зевнув. — Не волнуйтесь, Уотсон, я не собираюсь вмешиваться.

— Инспектор Форрестер, сэр, — возвестил дворецкий, распахивая двери.

В комнату вошел полицейский сыщик, быстрый молодой человек с живым, энергичным лицом.

— Доброе утро, полковник, — сказал он. — Надеюсь, я не помешал, но нам стало известно, что мистер Холмс с Бейкер-стрит находится у вас.

Полковник жестом руки показал на моего друга, и инспектор поклонился.

— Мы думали, что, возможно, вы пожелаете принять участие, мистер Холмс.

— Судьба против вас, Уотсон, — сказал Холмс, смеясь. — Мы как раз беседовали об этом деле, инспектор, когда вы пришли. Может быть, вы познакомите нас с некоторыми подробностями?

Когда он откинулся на стуле в знакомой мне позе, я понял, что все мои надежды рухнули.

— Нам не за что было ухватиться в деле с ограблением Эктона. Но здесь достаточно материала, чтобы начать расследование, и мы не сомневаемся, что в обоих случаях действовало одно и то же лицо. Взломщика видели.

— А-а!

— Да, сэр. Но он умчался быстрей оленя, как только прогремел выстрел, убивший несчастного Уильяма Кервана. Мистер Каннигем видел его из окна своей спальни, а мистер Алек Каннингем видел его с черной лестницы. Тревога поднялась без четверти двенадцать. Мистер Каннингем только что лег спать, а мистер Алек в халате курил трубку. Они оба слышали, как Уильям, кучер, звал на помощь, и мистер Алек бросился вниз посмотреть, что случилось. Входная дверь была раскрыта, и когда он сбежал по черной лестнице, то увидел перед домом двух мужчин, схватившихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, и убийца кинулся прочь прямо по саду, пролез через живую изгородь и исчез. Мистер Каннингем из окна своей спальни видел, как он выскочил на дорогу, но тут же потерял его из виду. Мистер Алек задержался посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, и, таким образом, злодей успел скрыться. Нам известно только, что это был человек среднего роста, в чем-то темном. Другими приметами мы не располагаем, но мы ведем усиленные розыски, и если преступник — человек нездешний, он скоро будет найден.

— А что там делал этот Уильям? Он что-нибудь сказал перед смертью?

— Ни слова. Уильям жил в сторожке со своей матерью. Он был преданный слуга, и мы предполагаем, что он подошел к дому с намерением проверить, все ли благополучно.

Это и понятно: кража у Эктона заставила всех быть начеку. Грабитель, видимо, только что открыл дверь — замок был взломан, — как Уильям набросился на него.

— А Уильям ничего не сказал своей матери перед уходом?

— Она очень стара и глуха, и ничего не удалось узнать от нее. Горе почти лишило ее рассудка, но я подозреваю, что она всегда была туповата. Однако есть одна очень важная улика. Взгляните!

Он вынул из своего блокнота клочок бумаги и расправил его на колене.

— Это было найдено у мертвого Уильяма в руке. Зажат между большим и указательным пальцами. По-видимому, это краешек какой-то записки. Обратите внимание, что указанное здесь время в точности совпадает со временем, когда бедняга встретил свою судьбу. Не то убийца вырывал у него записку, не то он у убийцы. Написанное наводит на мысль, что кого-то приглашали на свидание.

Холмс взял обрывок бумаги, факсимиле которого я здесь привожу:

«без четверти двенадцать узнаете то, что может»

— Если это действительно так, — продолжал инспектор, — то напрашивается весьма вероятное предположение, что этот Уильям Керван, несмотря на свою репутацию честного человека, мог быть заодно с вором. Они могли встретиться в условленном месте, вдвоем взломать дверь, после чего между ними вспыхнула ссора.

— Этот документ представляет чрезвычайный интерес, — сказал Холмс, изучая обрывок с самым сосредоточенным вниманием, — дело куда тоньше, чем я думал.

Он обхватил руками голову, а инспектор с улыбкой наблюдал, какое действие произвел его рассказ на прославленного лондонского специалиста.

— Ваше последнее замечание, — сказал Холмс немного погодя, — о том, что взломщик, возможно, был в сговоре со слугой и что это была записка одного к другому, в которой назначалась встреча, остроумно и не лишено правдоподобия. Однако этот документ раскрывает…

Он опять обхватил голову руками и несколько минут просидел молча, весь уйдя в свои мысли. Когда он поднял лицо, — я с удивлением увидел, что щеки его порозовели, а глаза блестят как до болезни. Он вскочил на ноги с прежней энергией.

— Вот что, — заявил он, — я хотел бы бегло осмотреть место, где было совершено убийство. С вашего разрешения, полковник, я покину моего друга Уотсона и вас и прогуляюсь вместе с инспектором, чтобы проверить правильность моих догадок. Я буду обратно через полчаса.

Прошло полтора часа, инспектор вернулся один.

— Мистер Холмс ходит взад и вперед по полю, — сказал он. — Он хочет, чтобы мы вчетвером отправились в усадьбу.

— К мистеру Каннингему?

— Да, сэр.

— Зачем?

Инспектор пожал плечами.

— Это мне не совсем ясно, сэр. Между нами говоря, мне кажется, что мистер Холмс еще не совсем выздоровел после болезни. Он ведет себя очень странно. Я бы сказал, он немного не в себе.

— Думаю, что не стоит беспокоиться, — заметил я. — Я не раз убеждался, что в его безумии есть метод.

— Скорее в его методе есть безумие, — пробормотал инспектор. — Но он горит нетерпением, и если вы готовы, полковник, то лучше пойдемте.

Холмс расхаживал взад и вперед по полю, низко опустив голову и засунув руки в карманы.

— Дело становится все интересней, — сказал он. — Уотсон, наша поездка в деревню определенно удалась. Я провел восхитительное утро.

— Вы были на месте преступления, как я догадываюсь? — спросил полковник.

— Да, мы с инспектором сделали небольшую разведку.

— И с успехом?

— Да, мы видели интересные вещи. По дороге я обо всем вам расскажу. Прежде всего мы осмотрели тело бедняги. Он действительно умер от револьверной раны, как сообщалось.

— А вы в этом сомневались?

— Все надо проверить. Мы не зря совершили свой обход. Потом мы беседовали с мистером Каннингемом и его сыном, и они смогли точно указать место, где преступник, убегая, пролез сквозь изгородь. Это было в высшей степени любопытно.

— Несомненно.

— Потом мы заглянули к матери несчастного Уильяма. От нее, однако, мы не могли добиться толку: она очень стара и слаба.

— И к какому результату привело вас ваше обследование?

— К убеждению в том, что это — весьма необычное преступление. Может быть, наш теперешний визит прольет на него немного света. Я полагаю, инспектор, мы с вами единодушны в том, что этот клочок бумаги в руке убитого, на котором записано точное время его смерти, имеет огромнейшее значение.

— Он должен дать ключ, мистер Холмс.

— Он дает ключ. Кто бы ни писал записку, это был человек, поднявший Уильяма Кервана с постели в этот час. Но где же она?

— Я тщательно обыскал землю и не нашел, — сказал инспектор.

— Записку из руки Уильяма вырвали. Почему она была так нужна кому-то? Потому что она его уличала. И что он должен был с ней сделать? Сунуть в карман, по всей вероятности, не заметив, что уголок остался зажатым в пальцах у трупа. Если бы мы нашли недостающую часть, мы бы очень легко распутали дело.

— Да, но как нам залезть в карман к преступнику, если мы не поймали самого преступника?

— Н-да, над этим стоит поломать голову. Затем вот еще что. Эту записку кто-то принес Уильяму. Конечно, не тот, кто ее писал: ему проще было бы тогда все передать на словах. Кто же принес записку? Или она пришла по почте?

— Я навел справки, — сказал инспектор. — Вчера вечерней почтой Уильям получил письмо. Конверт он уничтожил.

— Отлично! — воскликнул Холмс, похлопывая инспектора по плечу. — Вы уже повидали почтальона. Работать с вами одно удовольствие. Однако вот и сторожка, и, если вы последуете за нами, полковник, я покажу вам место преступления.

Мы прошли мимо хорошенького домика, где жил убитый кучер, и вступили в дубовую аллею, которая привела нас к прекрасному старому зданию времен королевы Анны, с датой битвы при Мальплаке,[52] высеченной над дверями. Следуя за Холмсом и инспектором, мы обогнули дом и подошли к боковому входу, отделенному цветником от живой изгороди, окаймлявшей дорогу. У двери на кухню дежурил полицейский.

— Распахните дверь, сержант, — приказал Холмс. — Вон на той лестнице стоял молодой Каннингем, и оттуда он видел двух мужчин, дерущихся как раз здесь, где мы стоим. Старый Каннингем смотрел из того окна — второго налево. Он говорит, что убийца побежал вон туда. За тот куст. То же самое видел и сын. Оба показывают одно направление. Затем мистер Алек выбежал из дома и склонился над раненым. Земля очень твердая, как видите, и не осталось никаких следов, которые могли бы помочь нам.

Пока он говорил, из-за угла дома показались двое мужчин; они шли к нам по садовой дорожке. Один был джентльмен почтенной наружности, с волевым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и удрученным взглядом; другой — щеголеватый молодой человек, чья нарядная одежда и веселый, беззаботный вид никак не вязались с делом, которое привело нас сюда.

— Ну как, все на том же месте? — спросил он Холмса. — Я думал, вы, столичные специалисты, шутя решаете любую головоломку. Вы не так уж проворны, как я погляжу.

— О, дайте нам немного времени, — сказал Холмс добродушно.

— Оно вам понадобится, — ответил молодой Алек Каннингем. — У вас пока еще нет в руках ни одной нити.

— Одна есть, — вмешался инспектор, — Мы думаем, что если бы нам только удалось найти… Боже! Мистер Холмс, что с вами?

Мой бедный друг ужасно изменился в лице. Глаза закатились, все черты свело судорогой, и, глухо застонав, он упал ничком на землю. Потрясенные внезапностью и силой припадка, мы перенесли несчастного в кухню, и там, полулежа на большом стуле, он несколько минут тяжело дышал. Наконец он поднялся, сконфуженно извиняясь за свою слабость.

— Уотсон вам объяснит, что я только что поправился после тяжелой болезни. Но я до сих пор подвержен этим внезапным нервным приступам.

— Хотите, я отправлю вас домой в своей двуколке? — спросил старый Каннингем.

— Ну, раз уж я здесь, я хотел бы уточнить один не совсем ясный мне пункт. Нам будет очень легко это сделать.

— Какой именно?

— Мне кажется вполне вероятным, что бедняга Уильям пришел после того, как взломщик побывал в доме. Вы, видимо, считаете само собой разумеющимся, что грабитель не входил в помещение, хотя дверь и была взломана.

— По-моему, это вполне очевидно, — сказал мистер Каннингем внушительно. — Мой сын Алек тогда еще не лег спать, и он, конечно, услышал бы, что кто-то ходит по дому.

— Где он сидел?

— Я сидел в моей туалетной и курил.

— Какое это окно?

— Последнее налево, рядом с окном отца.

— И у вас и у него, конечно, горели лампы?

— Разумеется.

— Как странно, — улыбнулся Холмс. — Не удивительно ли, что взломщик — при этом взломщик, который недавно совершил одну кражу, — умышленно вторгается в дом в такое время, когда он видит по освещенным окнам, что два члена семьи еще бодрствуют?

— Должно быть, это был дерзкий вор.

— Не будь это дело таким необычным, мы, конечно, не обратились бы к вам за разгадкой, — сказал мистер Алек. — Но ваше предположение, что вор успел ограбить дом, по-моему, величайшая нелепость. Мы наверняка заметили бы беспорядок в доме и хватились бы похищенных вещей.

— Это зависит от того, какие были украдены вещи, — сказал Холмс. — Не забывайте, что наш взломщик — большой причудник, и у него своя собственная линия в работе. Чего стоит, например, тот любопытнейший набор, который он унес из дома Эктонов. Позвольте, что там было?.. Клубок бечевки, пресс-папье и Бог знает какая еще чепуха!

— Мы в ваших руках, мистер Холмс, — сказал старый Каннингем. — Все, что предложите вы или инспектор, будет выполнено беспрекословно.

— Прежде всего, — сказал Холмс, — я хотел бы, чтобы вы назначили награду за обнаружение преступника от своего имени, потому что пока в полиции договорятся о сумме, пройдет время, а в таких делах чем скорее, тем лучше. Я набросал текст, подпишите, если вы не возражаете. Пятидесяти фунтов, по-моему, вполне достаточно.

— Я бы с радостью дал пятьсот, — сказал мировой судья, беря из рук Холмса бумагу и карандаш. — Только здесь не совсем правильно написано, — добавил он, пробегая глазами документ.

— Я немного торопился, когда писал.

— Смотрите, вот тут, в начале: «Поскольку во вторник, без четверти час ночи, была совершена попытка…» и т. д. В действительности это случилось без четверти двенадцать.

Меня огорчила эта ошибка, потому что я знал, как болезненно должен переживать Холмс любой подобный промах. Точность во всем, что касалось фактов, была его коньком, но недавняя болезнь подорвала его силы, и один этот маленький случай убедительно показал мне, что мой друг еще далеко не в форме. В первую минуту Холмс заметно смутился, инспектор же поднял брови, а Алек Каннингем расхохотался. Старый джентльмен, однако, исправил ошибку и вручил бумагу Холмсу.

— Отдайте это в газету как можно скорее, — сказал он, — прекрасная мысль, я нахожу.

Холмс бережно вложил листок в свою записную книжку.

— А теперь, — сказал он, — было бы неплохо пройтись всем вместе по дому и посмотреть, не унес ли чего с собой этот оригинальный грабитель.

До того как войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, ее открыли с помощью прочного ножа или стамески, с силой отведя назад язычок замка. В том месте, куда просовывали острие, на дереве остались следы.

— А вы не запираетесь изнутри на засов? — спросил он.

— Мы никогда не видели в этом необходимости.

— Вы держите собаку?

— Да, но она сидит на цепи с другой стороны дома.

— Когда слуги ложатся спать?

— Часов в десять.

— Как я понимаю, Уильям тоже в это время обычно был в постели?

— Да.

— Странно, что именно в эту ночь ему вздумалось не спать. Теперь, мистер Каннингем, я буду вам очень признателен, если вы согласитесь провести нас по дому.

Из выложенной каменными плитами передней, от которой в обе стороны отходили кухни, прямо на второй этаж вела деревянная лестница. Она выходила на площадку напротив другой, парадной лестницы, ведущей наверх из холла. От этой площадки тянулся коридор с дверями в гостиную и в спальни, в том числе в спальни мистера Каннингема и его сына. Холмс шел медленно, внимательно изучая планировку дома. Весь его вид говорил о том, что он идет по горячему следу, хотя я не мог представить себе даже отдаленно, чей это след.

— Любезный мистер Холмс, — сказал старший Каннингем с ноткой нетерпения в голосе. — Уверяю вас, это совершенно лишнее. Вон моя комната, первая от лестницы, а за ней комната сына. Судите сами: возможно ли, чтобы вор поднялся наверх, не потревожив нас?

— Вам бы походить вокруг дома да поискать там свежих следов, — сказал сын с недоброй улыбкой.

— И все же разрешите мне еще немного злоупотребить вашим терпением. Я хотел бы, например, посмотреть, как далеко обозревается из окон спален пространство перед домом.

Это, насколько я понимаю, комната вашего сына, — он толкнул дверь, — а там, вероятно, туалетная, в которой он сидел и курил, когда поднялась тревога. Куда выходит ее окно?

Холмс прошел через спальню, раскрыл дверь в туалетную и обвел комнату взглядом.

— Надеюсь, теперь вы удовлетворены? — спросил мистер Каннингем раздраженно.

— Благодарю вас. Кажется, я видел все, что хотел.

— Ну, если это действительно необходимо, мы можем пройти и в мою комнату.

— Если это вас не слишком затруднит.

Мировой судья пожал плечами и повел нас в свою спальню, ничем не примечательную комнату с простой мебелью. Когда мы направились к окну, Холмс отстал, и мы с ним оказались позади всех. В ногах кровати стоял квадратный столик с блюдом апельсинов и графином с водой. Проходя мимо, Холмс, к моему несказанному удивлению, вдруг наклонился и прямо перед моим носом нарочно опрокинул все это на пол. Стекло разбилось вдребезги, а фрукты раскатились по всем углам.

— Ну и натворили вы дел, Уотсон, — сказал он, нимало не смутившись, — во что вы превратили ковер!

Я в растерянности наклонился и стал собирать фрукты, догадываясь, что по какой-то причине мой друг пожелал, чтобы я взял вину на себя. Остальные присоединились ко мне, и столик снова поставили на ножки.

— Вот те на! — вскричал инспектор. — Куда же он делся?

Холмс исчез.

— Подождите здесь одну минутку, — сказал Алек Каннингем, — по-моему, ваш приятель свихнулся. Пойдемте со мной, отец, посмотрим, куда он в самом деле делся!

Они ринулись вон из комнаты, а мы остались втроем с полковником и инспектором, в недоумении глядя друга на друга.

— Честное слово, я склонен согласиться с мистером Алеком, — сказал сыщик. — Возможно, это — следствие болезни, но мне кажется…

Внезапные громкие вопли: «На помощь! На помощь! Убивают!» — не дали ему договорить. Я с содроганием узнал голос своего друга. Не помня себя, я кинулся из комнаты на площадку. Вопли перешли в хриплые, сдавленные стоны, которые неслись из той комнаты, куда мы заходили сначала. Я ворвался в нее, а оттуда в туалетную. Два Каннингема склонились над распростертым телом Шерлока Холмса; молодой обеими руками душил его за горло, а старый выкручивал ему кисть. В следующее мгновение мы втроем оторвали от него обоих, и Холмс, шатаясь, встал, очень бледный и, видимо, крайне обессиленный.

— Арестуйте этих людей, инспектор, — сказал он, задыхаясь.

— На каком основании?

— По обвинению в убийстве их кучера, Уильяма Кервана.

Инспектор уставился на Холмса широко раскрытыми глазами.

— О, помилуйте, мистер Холмс, — промолвил он наконец, — я уверен, что вы, конечно, не думаете в самом деле…

— Довольно, посмотрите на их лица! — приказал Холмс сердито.

Ручаюсь, что никогда мне не приходилось видеть на человеческих физиономиях такого явного признания вины. Старший был ошеломлен и раздавлен. Его суровые, резкие черты выражали угрюмую безнадежность. А сын сбросил с себя развязность и нарочитую беспечность, злобное бешенство опасного зверя вспыхнуло в его черных глазах и исказило красивые черты. Инспектор ничего не сказал, но пошел к двери и дал свисток. Немедленно явились два полицейских.

— У меня нет выбора, мистер Каннингем, — сказал он, — Надеюсь, все это окажется, нелепой ошибкой, но вы же сами видите, что… А-а, вот вы как? Бросьте сейчас же!

Он ударил по руке молодого Каннингема, и револьвер со взведенным курком упал на пол.

— Спрячьте его, — сказал Холмс, проворно наступив на револьвер ногой, — он вам пригодится на суде. Но вот что действительно нам необходимо… — Он показал маленький скомканный листок бумаги.

— Записка! — вскричал инспектор.

— Вы угадали.

— Где она была?

— Там, где она должна была быть, по моим соображениям. Я все объясню вам позже.

Я думаю, полковник, что вы с Уотсоном можете вернуться, я же приду самое большее через час. Нам с инспектором надо поговорить с арестованными, но я непременно буду ко второму завтраку.

Шерлок Холмс сдержал свое слово — около часу дня он присоединился к нам в курительной полковника. Его сопровождал невысокий пожилой джентльмен. Холмс представил его мне. Это был мистер Эктон, дом которого первым подвергся нападению.

— Я хотел, чтобы мистер Эктон присутствовал, когда я буду рассказывать вам о своем расследовании этого пустячного дела, — сказал Холмс, — понятно, что ему будут очень интересны подробности. Боюсь, полковник, что вы жалеете о той минуте, когда приняли под свой кров такого буревестника, как я.

— Напротив, — ответил полковник горячо, — я считаю великой честью познакомиться с вашим методом. Признаюсь, что он далеко превзошел мои ожидания и что я просто не в состоянии постичь, как вам удалось разрешить эту загадку. Я до сих пор ничего не понимаю.

— Боюсь, что мое объяснение вас разочарует, но я никогда ничего не скрываю от моего друга Уотсона, ни от любого другого человека, всерьез интересующегося моим методом. Но прежде всего, полковник, я позволю себе выпить глоток вашего бренди: эта схватка в туалетной у Каннингемов меня порядком обессилила.

— Надеюсь, больше у вас не было этих нервных приступов?

Шерлок Холмс рассмеялся от всей души.

— Об этом в свою очередь. Я расскажу вам все по порядку, задерживаясь на разных пунктах, которые вели меня к решению. Пожалуйста, остановите меня, если какой-нибудь вывод покажется вам не совсем ясным.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные. Иначе ваша энергия и внимание непременно распылятся вместо того, чтобы сосредоточиться на главном. Ну, а в этом деле у меня с самого начала не было ни малейшего сомнения в том, что ключ следует искать в клочке бумаги, найденном в руке убитого.

Прежде чем заняться им, я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что если рассказ Алека Каннингема верен и если убийца, застрелив Уильяма Кервана, бросился бежать мгновенно, то он, очевидно, не мог вырвать листок из руки мертвеца. Но если это сделал не он, тогда это сделал не кто иной, как Алек Каннингем, так как к тому времени, когда отец спустился вниз, на место происшествия уже сбежались слуги. Соображение очень простое, но инспектору оно не пришло в голову. Он и в мыслях не допускал, что эти почтенные сквайры имеют какое-то отношение к убийству. Ну, а в моих правилах — не иметь предвзятых мнений, а послушно идти за фактами, и поэтому еще на самой первой стадии расследования мистер Алек Каннингем был у меня на подозрении.

Итак, я очень внимательно исследовал тот оторванный уголок листка, который предъявил нам инспектор. Мне сразу стало ясно, что он представляет собой часть интереснейшего документа. Вот он, перед вами. Вы не замечаете в нем ничего подозрительного?

— Слова написаны как-то неровно и беспорядочно, — сказал инспектор.

— Милейший полковник! — вскричал Холмс. — Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот документ писали два человека, по очереди, через слово. Если я обращу ваше внимание на энергичное «t» в словах «at» и «to» и попрошу вас сравнить его с вялым «t» в словах «guarter» и «twelve», вы тотчас же признаете этот факт. Самый простой анализ этих четырех слов даст вам возможность сказать с полнейшей уверенностью, что «learn» и «maybe» написаны более сильной рукой, а «what» — более слабой.

— Боже правый! Да это ясно как день! — воскликнул полковник. — Но с какой стати два человека будут писать письмо подобным образом?

— Очевидно, дело было скверное, и один из них, не доверявший другому, решил, что каждый должен принять равное участие. Далее, ясно, что один из двух — тот, кто писал «at» и «to», — был главарем.

— А это откуда вы взяли?

— Мы можем вывести это из простого сравнения одной руки с другой по их характеру. Но у нас есть более веские основания для такого предположения. Если вы внимательно изучите этот клочок, вы придете к выводу, что обладатель более твердой руки писал все свои слова первым, оставляя пропуски, которые должен был заполнить второй. Эти пропуски не всегда было достаточно большими, и вы можете видеть, что второму было трудно уместить свое «guarter» между «at» и «to», из чего следует, что эти слова были уже написаны. Человек, который написал все свои слова первым, был, безусловно, тем человеком, который планировал это преступление.

— Блестяще! — воскликнул мистер Эктон.

— Но все это очевидные вещи, — сказал Холмс. — Теперь, однако, мы подходим к одному важному пункту. Возможно, вам неизвестно, что эксперты относительно точно определяют возраст человека по его почерку. В нормальных случаях они ошибаются не больше чем на три-четыре года. Я говорю, в нормальных случаях, потому что болезнь или физическая слабость порождают признаки старости даже у юноши. В данном случае, глядя на четкое, энергичное письмо одного и на нетвердое, но все еще вполне разборчивое письмо второго, однако уже теряющее поперечные черточки, мы можем сказать, что один из них — молодой человек, а другой — уже в годах, хотя еще не дряхлый.

— Блестяще! — еще раз воскликнул мистер Эктон.

— И есть еще один момент, не такой явный и более интересный. Оба почерка имеют в себе нечто общее. Они принадлежат людям, состоящим в кровном родстве. Для нас это наиболее очевидно проявляется в том, что «a» они пишут как греческое «?», но я вижу много более мелких признаков, говорящих о том же. Для меня нет никакого сомнения в том, что в обоих образцах письма прослеживается фамильное сходство. Разумеется, вам я сообщаю только основные результаты исследования этого документа. Я сделал еще двадцать три заключения, которые интереснее экспертам, чем вам. И все они усиливали мое впечатление, что это письмо написали Каннингемы — отец и сын.

Когда я дошел до этого вывода, моим следующим шагом было изучить подробности преступления и посмотреть, не могут ли они нам помочь. Я отправился в усадьбу Каннингемов с инспектором и увидел все, что требовалось. Рана на теле убитого, как я мог установить с абсолютной уверенностью, была получена в результате револьверного выстрела, сделанного с расстояния примерно около четырех ярдов. На одежде не было никаких следов пороха. Поэтому Алек Каннингем явно солгал, сказав, что двое мужчин боролись друг с другом, когда прогремел выстрел. Далее, отец и сын одинаково показали место, где преступник выскочил на

дорогу. Но в этом месте как раз проходит довольно широкая сырая канава. Поскольку в канаве не оказалось никаких следов, я твердо убедился не только в том, что Каннингемы опять солгали, но и в том, что на месте происшествия вообще не было никакого неизвестного человека.

Теперь мне надо было выяснить мотив этого редкостного преступления. Чтобы добраться до него, я решил прежде всего попробовать узнать, с какой целью была совершена первая кража со взломом у мистера Эктона. Как я понял со слов полковника, между вами, мистер Эктон, и Каннингемами велась тяжба. Разумеется, мне сразу же пришло на ум, что они проникли в вашу библиотеку, чтобы заполучить какой-то документ, который играет важную роль в деле.

— Совершенно верно, — сказал мистер Эктон, — насчет их намерений не может быть никаких сомнений. У меня есть неоспоримое право на половину их имения, и если бы только им удалось выкрасть одну важную бумагу — которая, к счастью, хранится в надежном сейфе моих поверенных, — они, несомненно, выиграли бы тяжбу.

— Вот то-то и оно! — сказал Холмс, улыбаясь. — Это была отчаянная, безрассудная попытка, в которой чувствуется влияние молодого Алека. Ничего не найдя, они попытались отвести подозрение, инсценировав обычную кражу со взломом, и с этой целью унесли что попалось под руку. Все это достаточно ясно, но многое оставалось для меня по-прежнему темным. Больше всего мне хотелось найти недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из рук мертвого, и почти уверен, что он сунул ее в карман своего халата. Куда еще он мог ее деть? Вопрос заключался в том, была ли она все еще там. Стоило приложить усилия, чтобы это выяснить, и ради этого мы все пошли в усадьбу.

Каннингемы присоединились к нам, как вы, несомненно, помните, в саду, около двери, ведущей на кухню. Конечно, было чрезвычайно важно не напомнить им о существовании этого документа, иначе они уничтожили бы его немедля. Инспектор был уже готов посвятить их в то, почему мы придавали такое значение этой бумажке, как благодаря счастливейшему случаю со мной сделалось нечто вроде припадка, и я грохнулся на землю, изменив таким образом тему разговора.

— Боже правый! — воскликнул полковник, смеясь. — Вы хотите сказать, что ваш припадок был ловкий трюк и мы зря вам сочувствовали?

— С профессиональной точки зрения это проделано великолепно! — воскликнул я, с изумлением глядя на Холмса, который не переставал поражать меня все новыми проявлениями своего изобретательного ума.

— Это — искусство, которое часто может оказаться полезным, — сказал он. — Когда я пришел в себя, мне удалось с помощью не такого уж хитрого приема заставить старого Каннингема написать слово «twelve», чтобы я мог сравнить его с тем же словом, написанным на нашем клочке.

— Каким же идиотом я был! — воскликнул я.

— Я видел, какое сочувствие вызвала у вас моя слабость, — сказал Холмс, смеясь. — И мне было очень жаль огорчать вас, — ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне. Затем мы все вместе отправились на второй этаж, и после того, как мы зашли в комнату младшего Каннингема и я приметил халат, висевший за дверью, я сумел отвлечь их внимание на минуту, перевернул стол и проскользнул обратно, чтобы обыскать карманы.

Но только я успел достать бумажку, которая, как я ожидал, была в одном из них, как оба Каннингема накинулись на меня и убили бы меня на месте, если бы не ваша быстрая и дружная помощь. По правде говоря, я и сейчас чувствую железную хватку этого молодого человека у себя на горле, а отец чуть не вывернул мне кисть, стараясь вырвать у меня бумажку. Они поняли, что я знаю все, и внезапный переход от абсолютной безопасности к полному отчаянию сделал их невменяемыми.

Потом у меня был небольшой разговор со старым Каннингемом по поводу мотива этого преступления. Старик вел себя смирно, зато сын — сущий дьявол, и если бы он только мог добраться до своего револьвера, он пустил бы пулю в лоб себе или кому-нибудь еще. Когда Каннингем понял, что против него имеются такие тяжкие улики, он совсем пал духом и чистосердечно во всем признался. Оказывается, Уильям тайно следовал за своими хозяевами в ту ночь, когда они совершили свой налет на дом Эктона и, приобретя таким образом над ними власть, стал вымогать у них деньги под угрозой выдать их полиции. Однако мистер Алек был слишком опасной личностью, чтобы с ним можно было вести такую игру. В панике, охватившей всю округу после кражи со взломом, он поистине гениально усмотрел возможность отделаться от человека, которого он боялся. Итак, Уильям был завлечен в ловушку и убит, и если бы только они не оставили этого клочка бумаги и внимательнее отнеслись к подробностям своей инсценировки, возможно, на них никогда бы не пало подозрение.

— А записка? — спросил я.

Шерлок Холмс развернул перед нами записку, приложив к ней оторванный уголок:

«Если вы придете без четверти двенадцать к восточному входу, то вы узнаете то, что может вас очень удивить и сослужит большую службу как вам, так и Анни Моррисон. Только об этом никто не должен знать».

— Нечто вроде этого я и ожидал найти. Конечно, мы еще не знаем, в каких отношениях были Алек Каннингем, Уильям Керван и Анни Моррисон. Результат показывает, что ловушка была подстроена искусно. Я уверен, что вам доставит удовольствие проследить родственные черты в буквах «d» и в хвостиках у буквы «g».

Отсутствие точек в написании буквы «i» у Каннингема-отца тоже очень характерно.

Уотсон, наш спокойный отдых в деревне, по-моему, удался как нельзя лучше, и я, несомненно, вернусь завтра на Бейкер-стрит со свежими силами.

Горбун

Однажды летним вечером, спустя несколько месяцев после моей женитьбы, я сидел у камина и, покуривая последнюю трубку, дремал над каким-то романом — весь день я был на ногах и устал до потери сознания. Моя жена поднялась наверх, в спальню, да и прислуга уже отправилась на покой — я слышал, как запирали входную дверь. Я встал и начал было выколачивать трубку, как раздался звонок.

Я взглянул на часы. Было без четверти двенадцать. Поздновато для гостя. Я подумал, что зовут к пациенту и чего доброго придется сидеть всю ночь у его постели. С недовольной гримасой я вышел в переднюю, отворил дверь. И страшно удивился — на пороге стоял Шерлок Холмс.

— Уотсон, — сказал он, — я надеялся, что вы еще не спите.

— Рад вас видеть. Холмс.

— Вы удивлены, и не мудрено! Но, я полагаю, у вас отлегло от сердца! Гм… Вы курите все тот же табак, что и в холостяцкие времена. Ошибки быть не может: на вашем костюме пушистый пепел. И сразу видно, что вы привыкли носить военный мундир, Уотсон. Вам никогда не выдать себя за чистокровного штатского, пока вы не бросите привычки засовывать платок за обшлаг рукава. Вы меня приютите сегодня?

— С удовольствием.

— Вы говорили, что у вас есть комната для одного гостя, и, судя по вешалке для шляп, она сейчас пустует.

— Я буду рад, если вы останетесь у меня.

— Спасибо. В таком случае я повешу свою шляпу на свободный крючок. Вижу, у вас в доме побывал рабочий. Значит, что-то стряслось. Надеюсь, канализация в порядке?

— Нет, это газ…

— Ага! на вашем линолеуме остались две отметины от гвоздей его башмаков… как раз в том месте, куда падает свет. Нет, спасибо, я уже поужинал в Ватерлоо, но с удовольствием выкурю с вами трубку.

Я вручил ему свой кисет, и он, усевшись напротив, некоторое время молча курил. Я прекрасно знал, что привести его ко мне в столь поздний час могло только очень важное дело, и терпеливо ждал, когда он сам заговорит.

— Вижу, сейчас вам много приходится заниматься вашим прямым делом, — сказал он, бросив на меня проницательный взгляд.

— Да, сегодня был особенно тяжелый день, — ответил я и, подумав, добавил: — Возможно, вы сочтете это глупым, но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся.

— Я ведь знаю ваши привычки, мой дорогой Уотсон, — сказал он. — Когда у вас мало визитов, вы ходите пешком, а когда много, — берете кэб. А так как я вижу, что ваши ботинки не грязные, а лишь немного запылились, то я, ни минуты не колеблясь, делаю вывод, что в настоящее время у вас работы по горло и вы ездите в кэбе.

— Превосходно! — воскликнул я.

— И совсем просто, — добавил он. — Это тот самый случай, когда можно легко поразить воображение собеседника, упускающего из виду какое-нибудь небольшое обстоятельство, на котором, однако, зиждется весь ход рассуждений. То же самое, мой дорогой Уотсон, можно сказать и о ваших рассказиках, интригующих читателя только потому, что вы намеренно умалчиваете о некоторых подробностях. Сейчас я нахожусь в положении этих самых читателей, так как держу в руках несколько нитей одного очень странного дела, объяснить которое можно, только зная все его обстоятельства. И я их узнаю, Уотсон, непременно узнаю!

Глаза его заблестели, впалые щеки слегка зарумянились. На мгновение на лице отразился огонь его беспокойной, страстной натуры. Но тут же погас. И лицо опять стало бесстрастной маской, как у индейца. О Холмсе часто говорили, что он не человек, а машина.

— В этом деле есть интересные особенности, — добавил он. — Я бы даже сказал — исключительно интересные особенности. Мне кажется, я уже близок к его раскрытию. Остается выяснить немногое. Если бы вы согласились поехать со мной, вы оказали бы мне большую услугу.

— С великим удовольствием.

— Могли бы вы отправиться завтра в Олдершот?

— Конечно. Я уверен, что Джексон не откажется посетить моих пациентов.

— Поедем поездом, который отходит от Ватерлоо в десять часов одиннадцать минут.

— Прекрасно. Я как раз успею договориться с Джексоном.

— В таком случае, если вы не очень хотите спать, я коротко расскажу вам, что случилось и что нам предстоит.

— До вашего прихода мне очень хотелось спать. А теперь сна ни в одном глазу.

— Я буду краток, но постараюсь не упустить ничего важного. Возможно, вы читали в газетах об этом происшествии. Я имею в виду предполагаемое убийство полковника Барклея из полка «Роял Мэллоуз», расквартированного в Олдершоте.

— Нет, не читал.

— Значит, оно еще не получило широкой огласки. Не успело. Полковника нашли мертвым всего два дня назад. Факты вкратце таковы.

Как вы знаете, «Роял Мэллоуз» — один из самых славных полков британской армии. Он отличился и в Крымскую кампанию и во время восстания сипаев. До прошлого понедельника

им командовал Джеймс Барклей, доблестный ветеран, который начал службу рядовым солдатом, был за храбрость произведен в офицеры и в конце концов стал командиром полка, в который пришел новобранцем.

Полковник Барклей женился, будучи еще сержантом. Его жена, в девичестве мисс Нэнси Дэвой, была дочерью отставного сержанта-знаменщика, когда-то служившего в той же части. Нетрудно себе представить, что в офицерской среде молодую пару приняли не слишком благожелательно. Но они, по-видимому, быстро освоились. Насколько мне известно, миссис Барклей всегда пользовалась расположением полковых дам, а ее супруг — своих сослуживцев-офицеров. Я могу еще добавить, что она была очень красива, и даже теперь, через тридцать лет, она все еще очень привлекательна.

Полковник Барклей бы, по-видимому, всегда счастлив в семейной жизни. Майор Мерфи, которому я обязан большей частью своих сведений, уверяет меня, что он никогда не слышал ни о каких размолвках этой четы. Но, в общем, он считает, что Барклей любил свою жену больше, чем она его. Расставаясь с ней даже на один день, он очень тосковал. Она же, хотя и была нежной и преданной женой, относилась к нему более ровно. В полку их считали образцовой парой. В их отношениях не было ничего такого, что могло бы хоть отдаленно намекнуть на возможность трагедии.

Характер у полковника Барклея был весьма своеобразный. Обычно веселый и общительный, этот старый служака временами становился вспыльчивым и злопамятным. Однако эта черта его характера, по-видимому, никогда не проявлялась по отношению к жене. Майора Мерфи и других трех офицеров из пяти, с которыми я беседовал, поражало угнетенное состояние, порой овладевавшее полковником. Как выразился майор, средь шумной и веселой застольной беседы нередко будто чья-то невидимая рука вдруг стирала улыбку с его губ. Когда на него находило, он помногу дней пребывал в скверныйшем настроении. Была у него в характере еще одна странность, замеченная сослуживцами, — он боялся оставаться один, и особенно в темноте. Эта ребяческая черта у человека, несомненно обладавшего мужественным характером, вызывала толки и всякого рода догадки.

Первый батальон полка «Роял Мэллоуз» квартировал уже несколько лет в Олдершоте. Женатые офицеры жили не в казармах, и полковник все это время занимал виллу Лэчайн, находящуюся примерно в полумиле от Северного лагеря. Дом стоит в глубине сада, но его западная сторона всего ярдах в тридцати от дороги. Прислуга в доме — кучер, горничная и кухарка. Только они да их господин с госпожой жили в Лэчайн. Детей у Барклеев не было, а гости у них останавливались нечасто.

А теперь я расскажу о событиях, которые произошли в Лэчайн в этот понедельник между девятью и десятью часами вечера.

Миссис Барклей была, как оказалось, католичка и принимала горячее участие в деятельности благотворительного общества «Сент-Джордж», основанного при церкви на Уот-стрит, которое собирало и раздавало беднякам поношенную одежду. Заседание общества было назначено в тот день на восемь часов вечера, и миссис Барклей пообедала наскоро, чтобы не опоздать. Выходя из дому, она, по словам кучера, перекинулась с мужем несколькими ничего не значащими словами и обещала долго не задерживаться. Потом она зашла за мисс Моррисон, молодой женщиной, жившей в соседней вилле, и они вместе отправились на заседание, которое продолжалось минут сорок. В четверть десятого миссис Барклей вернулась домой, расставшись с мисс Моррисон у дверей виллы, в которой та жила.

Гостиная виллы Лэчайн обращена к дороге, и ее большая стеклянная дверь выходит на газон, имеющий в ширину ярдов тридцать и отделенный от дороги невысокой железной оградой на каменном основании. Вернувшись, миссис Барклей прошла именно в эту комнату. Шторы не были опущены, так как в ней редко сидят по вечерам, но миссис Барклей сама зажгла лампу, а затем позвонила и попросила горничную Джейн Стюарт принести ей чашку чаю, что

было совершенно не в ее привычках. Полковник был в столовой; услышав, что жена вернулась, он потел к ней. Кучер видел, как он, миновав холл, вошел в комнату. Больше его в живых не видели.

Минут десять спустя чай был готов, и горничная понесла его в гостиную. Подойдя к двери, она с удивлением услышала гневные голоса хозяина и хозяйки. Она постучала, но никто не откликнулся. Тогда она повернула ручку, однако дверь оказалась запертой изнутри. Горничная, разумеется, побежала за кухаркой. Обе женщины, позвав кучера, поднялись в холл и стали слушать. Ссора продолжалась. За дверью, как показывают все трое, раздавались только два голоса — Барклея и его жены. Барклей говорил тихо и отрывисто, так что ничего нельзя было разобрать. Хозяйка же очень гневалась, и, когда повышала голос, слышно ее было хорошо. «Вы трус! — повторяла она снова и снова. — Что же теперь делать? Верните мне жизнь. Я не могу больше дышать с вами одним воздухом! Вы трус, трус!» Вдруг послышался страшный крик, это кричал хозяин, потом грохот и, наконец, душераздирающий вопль хозяйки. Уверенный, что случилась беда, кучер бросился к двери, за которой не утихали рыдания, и попытался высадить ее. Дверь не поддавалась. Служанки от страха совсем потеряли голову, и помощи от них не было никакой. Кучер вдруг сообразил, что в гостиной есть вторая дверь, выходящая в сад. Он бросился из дому. Одна из створок двери были открыта — дело обычное по летнему времени, — и кучер в мгновение ока очутился в комнате. На софе без чувств лежала его госпожа, а рядом с задранными на кресло ногами, с головой в луже крови на полу у каминной решетки распростерлось тело хозяина. Несчастный полковник был мертв.

Увидев, что хозяину уже ничем не поможешь, кучер решил первым делом отпереть дверь в холл. Но тут перед ним возникло странное и неожиданное препятствие. Ключа в двери не было. Его вообще не было нигде в комнате. Тогда кучер вышел через наружную дверь и отправился за полицейским и врачом. Госпожу, на которую, разумеется, прежде всего пало подозрение, в бессознательном состоянии отнесли в ее спальню. Тело полковника положили на софу, а место происшествия тщательно осмотрели.

На затылке каким-то тупым орудием. Каким — догадаться было нетрудно. На полу, рядом с трупом, валялась необычного вида дубинка, вырезанная из твердого дерева, с костяной ручкой. У полковника была коллекция всевозможного оружия, вывезенного из разных стран, где ему приходилось воевать, и полицейские высказали предположение, что дубинка принадлежит к числу его трофеев. Однако слуги утверждают, что прежде они этой дубинки не видели. Но так как в доме полно всяких диковинных вещей, то возможно, что они проглядели одну из них. Ничего больше полицейским обнаружить в комнате не удалось. Неизвестно было, куда девался ключ: ни в комнате, ни у миссис Барклей, ни у ее несчастного супруга его не нашли. Дверь в конце концов пришлось открывать местному слесарю.

Таково было положение вещей, Уотсон, когда во вторник утром по просьбе майора Мерфи я отправился в Олдершот, чтобы помочь полиции. Думаю, вы согласитесь со мной, что дело уже было весьма интересное, но, ознакомившись с ним подробнее, я увидел, что оно представляет исключительный интерес.

Перед тем, как осмотреть комнату, я допросил слуг, но ничего нового от них не узнал. Только горничная Джейн Стюарт припомнила одну важную подробность. Услышав, что господа ссорятся, она пошла за кухаркой и кучером, если вы помните. Хозяин и хозяйка говорили очень тихо, так что о ссоре она догадалась скорее по их раздраженному тону, чем по тому, что они говорили. Но благодаря моей настойчивости она все-таки вспомнила одно слово из разговора хозяев: миссис Барклей дважды произнесла имя «Давид». Это очень важное обстоятельство — оно дает нам ключ к пониманию причины ссоры. Ведь полковника, как вы знаете, звали Джеймс.

В деле есть также обстоятельство, которое произвело сильнейшее впечатление и на слуг, и на полицейских. Лицо полковника исказил смертельный страх. Гримаса была так ужасна, что мороз продирал по коже. Было ясно, что полковник видел свою судьбу, и это повергло его в

неописуемый ужас. Это, в общем, вполне вязалось с версией полиции о виновности жены, если, конечно, допустить, что полковник видел, кто наносит ему удар. А тот факт, что рана оказалась на затылке, легко объяснили тем, что полковник пытался увернуться. Миссис Барклей ничего объяснить не могла: после пережитого потрясения она находилась в состоянии временного беспамятства, вызванного нервной лихорадкой.

От полицейских я узнал еще, что мисс Моррисон, которая, как вы помните, возвращалась в тот вечер домой вместе с миссис Барклей, заявила, что ничего не знает о причине плохого настроения своей приятельницы.

Узнав все это, Уотсон, я выкурил несколько трубок подряд, пытаясь понять, что же главное в этом нагромождении фактов. Прежде всего бросается в глаза странное исчезновение дверного ключа. Самые тщательные поиски в комнате оказались безрезультатными. Значит, нужно предположить, что его унесли. Но ни полковник, ни его супруга не могли этого сделать. Это ясно. Значит, в комнате был кто-то третий. И этот третий мог проникнуть внутрь только через стеклянную дверь. Я сделал вывод, что тщательное обследование комнаты и газона могло бы обнаружить какие-нибудь следы этого таинственного незнакомца. Вы знаете мои методы, Уотсон. Я применил их все и нашел следы, но совсем не те, что ожидал. В комнате действительно был третий — он пересек газон со стороны дороги. Я обнаружил пять отчетливых следов его обуви — один на самой дороге, в том месте, где он перелезал через невысокую ограду, два на газоне и два, очень слабых, на крашеных ступенях лестницы, ведущей к двери, в которую он вошел. По газону он, по всей видимости, бежал, потому что отпечатки носков гораздо более глубокие, чем отпечатки каблуков. Но поразил меня не столько этот человек, сколько его спутник.

— Спутник?

Холмс достал из кармана большой лист папиросной бумаги и тщательно расправил его на колене.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил он.

На бумаге были следы лап какого-то маленького животного. Хорошо заметны были отпечатки пяти пальцев и отметины, сделанные длинными когтями. Каждый след достигал размеров десертной ложки.

— Это собака, — сказал я.

— А вы когда-нибудь слышали, чтобы собака взбиралась вверх по портьерам? Это существо оставило следы и на портьере.

— Тогда обезьяна?

— Но это не обезьяньи следы.

— В таком случае, что бы это могло быть?

— Ни собака, ни кошка, ни обезьяна, ни какое бы то ни было другое известное вам животное! Я пытался представить себе его размеры. Вот видите, расстояние от передних лап до задних не менее пятнадцати дюймов. Добавьте к этому длину шеи и головы — и вы получите зверька длиной около двух футов, а возможно, и больше, если у него есть хвост. Теперь взгляните вот на эти следы. Они дают нам длину его шага, которая, как видите, постоянна и составляет всего три дюйма. А это значит, что у зверька длинное тело и очень короткие лапы. К сожалению, он не позаботился оставить нам где-нибудь хотя бы один волосок. Но, в общем, его внешний вид ясен, он может лазать по портьерам. И, кроме того, наш таинственный зверь — существо плотоядное.

— А это почему?

— А потому, что над дверью, занавешенной портьерой, висит клетка с канарейкой. И зверек, конечно, взобрался по шторе вверх, рассчитывая на добычу.

— Какой же это все-таки зверь?

— Если бы я это знал, дело было бы почти раскрыто. Я думаю, что этот зверек из семейства ласок или горностаев. Но, если память не изменяет мне, он больше и ласки и горностая.

— А в чем заключается его участие в этом деле?

— Пока не могу сказать. Но согласитесь, нам уже многое известно. Мы знаем, во-первых, что какой-то человек стоял на дороге и наблюдал за ссорой Барклеев: ведь шторы были подняты, а комната освещена. Мы знаем также, что он перебежал через газон в сопровождении какого-то странного зверька и либо ударил полковника, либо, тоже вероятно, полковник, увидев нежданного гостя, так испугался, что лишился чувств и упал, ударившись затылком об угол каминной решетки. И, наконец, мы знаем еще одну интересную деталь: незнакомец, побывавший в этой комнате, унес с собой ключ.

— Но ваши наблюдения и выводы, кажется, еще больше запутали дело, — заметил я.

— Совершенно верно. Но они с несомненностью показали, что первоначальные предположения неосновательны. Я продумал все снова и пришел к заключению, что должен рассмотреть это дело с иной точки зрения. Впрочем, Уотсон, вам давно уже пора спать, а все остальное я могу с таким же успехом рассказать вам завтра по пути в Олдершот.

— Покорно благодарю, вы остановились на самом интересном месте.

— Ясно, что когда миссис Барклей уходила в половине восьмого из дому, она не была сердита на мужа. Кажется, я упоминал, что она никогда не питала к нему особенно нежных чувств, но кучер слышал, как она, уходя, вполне дружелюбно болтала с ним. Вернувшись же, она тотчас пошла в комнату, где меньше всего надеялась застать супруга, и попросила чаю, что говорит о расстроенных чувствах. А когда в гостиную вошел полковник, разразилась буря. Следовательно, между половиной восьмого и девятью часами случилось что-то такое, что совершенно переменило ее отношение к нему. Но в течение всего этого времени с нею неотлучно была мисс Моррисон, из чего следует, что мисс Моррисон должна что-то знать, хотя она и отрицает это.

Сначала я предположил, что у молодой женщины были с полковником какие-то отношения, в которых она и призналась его жене. Это объясняло, с одной стороны, почему миссис Барклей вернулась домой разгневанная, а с другой — почему мисс Моррисон отрицает, что ей что-то известно. Это соображение подкреплялось и словами миссис Барклей, сказанными во время ссоры. Но тогда при чем здесь какой-то Давид? Кроме того, полковник любил свою жену, и трудно было предположить существование другой женщины. Да и трагическое появление на сцене еще одного мужчины вряд ли имеет связь с предполагаемым признанием мисс Моррисон. Нелегко было выбрать верное направление. В конце концов я отверг предположение, что между полковником и мисс Моррисон что-то было. Но убеждение, что девушка знает причину внезапной ненависти миссис Барклей к мужу, стало еще сильнее. Тогда я решил пойти прямо к мисс Моррисон и сказать ей, что я не сомневаюсь в ее осведомленности и что ее молчание может дорого обойтись миссис Барклей, которой наверняка предъявят обвинение в убийстве.

Мисс Моррисон оказалась воздушным созданием с белокурыми волосами и застенчивым взглядом, но ей ни в коем случае нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле. Выслушав меня, она задумалась, потом повернулась ко мне с решительным видом и сказала мне следующие замечательные слова.

— Я дала миссис Барклей слово никому ничего не говорить. А слово надо держать, — сказала она. — Но, если я могу ей помочь, когда против нее выдвигается такое серьезное обвинение, а она сама, бедняжка, не способна защитить себя из-за болезни, то, я думаю, мне будет простительно нарушить обещание. Я расскажу вам абсолютно все, что случилось с нами в понедельник вечером.

Мы возвращались из церкви на Уот-стрит примерно без четверти девять. Надо было идти по очень пустынной улочке Хадсон-стрит. Там на левой стороне горит всего один фонарь, и, когда мы приближались к нему, я увидела сильно сгорбленного мужчину, который шел нам навстречу с каким-то ящиком, висевшим через плечо. Это был калека, весь скрюченный, с кривыми ногами. Мы поравнялись с ним как раз в том месте, где от фонаря падал свет. Он поднял голову, посмотрел на нас, остановился как вкопанный и закричал душераздирающим голосом: «О, Боже, ведь это же Нэнси!» Миссис Барклей побелела как мел и упала бы, если бы это ужасное существо не подхватило ее. Я уже было хотела позвать полицейского, но, к моему удивлению, они заговорили вполне мирно.

«Я была уверена, Генри, все эти тридцать лет, что тебя нет в живых», — сказала миссис Барклей дрожащим голосом.

«Так оно и есть».

Эти слова были сказаны таким тоном, что у меня сжалось сердце. У несчастного было очень смуглое и сморщенное, как печеное яблоко, лицо, совсем седые волосы и бакенбарды, а сверкающие его глаза до сих пор преследуют меня по ночам.

«Иди домой, дорогая, я тебя догоню, — сказала миссис Барклей. — Мне надо поговорить с этим человеком наедине. Бояться нечего».

Она бодрилась, но по-прежнему была смертельно бледна, и губы у нее дрожали.

Я пошла вперед, а они остались. Говорили они всего несколько минут. Скоро миссис Барклей догнала меня, глаза ее горели. Я обернулась: несчастный калека стоял под фонарем и яростно потрясал сжатыми кулаками, точно он потерял рассудок. До самого моего дома она не произнесла ни слова и только у калитки взяла меня за руку и стала умолять никому не говорить о встрече.

«Это мой старый знакомый. Ему очень не повезло в жизни», — сказала она.

Я пообещала ей, что не скажу никому ни слова, тогда она поцеловала меня и ушла. С тех пор мы с ней больше не виделись. Я рассказала вам всю правду, и если я скрыла ее от полиции, так только потому, что не понимала, какая опасность грозит миссис Барклей. Теперь я вижу, что ей можно помочь, только рассказав все без утайки.

Вот что я узнал он мисс Моррисон. Как вы понимаете, Уотсон, ее рассказ был для меня лучом света во мраке ночи. Все прежде разрозненные факты стали на свои места, и я уже смутно предугадывал истинный ход событий. Было очевидно, что я должен немедленно разыскать человека, появление которого так потрясло миссис Барклей. Если он все еще в Олдершоте, то сделать это было бы нетрудно. Там живет не так уж много штатских, а калека, конечно, привлекает к себе внимание. Я потратил на поиски день и к вечеру нашел его. Это Генри Вуд. Он снимает квартиру на той самой улице, где его встретили дамы. Живет он там всего пятый день. Под видом служащего регистратуры я зашел к его квартирной хозяйке, и та выболтала мне весьма интересные сведения. По профессии этот человек — фокусник; по вечерам он обходит солдатские кабачки и дает в каждом небольшое представление. Он носит с собой в ящике какое-то животное. Хозяйка очень боится его, потому что никогда не видела подобного существа. По ее словам, это животное участвует в некоторых его трюках. Вот и все, что удалось узнать у хозяйки, которая еще добавила, что удивляется, как он, такой изуродованный, вообще живет на свете, и что по ночам он говорит иногда на каком-то незнакомом языке, а две последние ночи — она слышала — он стонал и рыдал у себя в спальне. Что же касается денег, то они у него водятся, хотя в задаток он дал ей, похоже, фальшивую монету. Она показала мне монету, Уотсон. Это была индийская рупия.

Итак, мой дорогой друг, вы теперь точно знаете, как обстоит дело и почему я просил вас поехать со мной. Очевидно, что после того, как дамы расстались с этим человеком, он пошел за ними следом, что он наблюдал за ссорой между мужем и женой через стеклянную дверь, что он ворвался в комнату и что животное, которое он носит с собой в ящике, каким-то образом

очутилось на свободе. Все это не вызывает сомнений. Но самое главное — он единственный человек на свете, который может рассказать нам, что же, собственно, произошло в комнате.

— И вы собираетесь расспросить его?

— Безусловно… но в присутствии свидетеля.

— И этот свидетель я?

— Если вы будете так любезны. Если он все откровенно расскажет, то и хорошо. Если же нет, нам ничего не останется, как требовать его ареста.

— Но почему вы думаете, что он будет еще там, когда мы приедем?

— Можете быть уверены, я принял некоторые меры предосторожности. Возле его дома стоит на часах один из моих мальчишек с Бейкер-стрит. Он вцепился в него, как клещ, и будет следовать за ним, куда бы он не пошел. Так что мы встретимся с ним завтра на Хадсон-стрит, Уотсон. Ну, а теперь… С моей стороны было бы преступлением, если бы я сейчас же не отправил вас спать.

Мы прибыли в городок, где разыгралась трагедия, ровно в полдень, и Шерлок Холмс сразу же повел меня на Хадсон-стрит. Несмотря на его умение скрывать свои чувства, было заметно, что он едва сдерживает волнение, да и сам я испытывал полуспортивный азарт, то захватывающее любопытство, которое я всегда испытывал, участвуя в расследованиях Холмса.

— Это здесь, — сказал он, свернув на короткую улицу, застроенную простыми двухэтажными кирпичными домами. — А вот и Симпсон. Послушаем, что он скажет.

— Он в доме, мистер Холмс! — крикнул, подбежав к нам, мальчишка.

— Прекрасно, Симпсон! — сказал Холмс и погладил его по голове. — Пойдемте, Уотсон. Вот этот дом.

Он послал свою визитную карточку с просьбой принять его по важному делу, и немного спустя мы уже стояли лицом к лицу с тем самым человеком, ради которого приехали сюда. Несмотря на теплую погоду, он льнул к пылавшему камину, а в маленькой комнате было жарко, как в духовке. Весь скрюченный, сгорбленный человек этот сидел на стуле в невообразимой позе, не оставляющей сомнения, что перед нами калека. Но его лицо, обращенное к нам, хотя и было изможденным и загорелым до черноты, носило следы красоты замечательной. Он подозрительно посмотрел на нас желтоватыми, говорящими о больной печени, глазами и, молча, не вставая, показал рукой на два стула.

— Я полагаю, что имею дело с Генри Вудом, недавно прибывшим из Индии? — вежливо осведомился Холмс. — Я пришел по небольшому делу, связанному со смертью полковника Барклея.

— А какое я имею к этому отношение?

— Вот это я и должен установить. Я полагаю, вы знаете, что если истина не откроется, то миссис Барклей, ваш старый друг, предстанет перед судом по обвинению в убийстве?

Человек вздрогнул.

— Я не знаю, кто вы, — закричал он, — и как вам удалось узнать то, что вы знаете, но клянетесь ли вы, что сказали правду?

— Конечно. Ее хотят арестовать, как только к ней вернется разум.

— Господи! А вы сами из полиции?

— Нет.

— Тогда какое же вам дело до всего этого?

— Стараться, чтобы свершилось правосудие, — долг каждого человека.

— Я даю вам слово, что она невиновна.

— В таком случае виновны вы.

— Нет, и я невиновен.

— Тогда кто же убил полковника Барклея?

— Он пал жертвой самого провидения. Но знайте же: если бы я вышиб ему мозги, что, в сущности, я мечтал сделать, то он только получил бы по заслугам. Если бы его не поразил удар от сознания собственной вины, весьма возможно, я бы сам обагрил руки его кровью. Хотите, чтобы я рассказал вам, как все было? А почему бы и не рассказать? Мне стыдиться нечего.

Дело было так, сэр. Вы видите, спина у меня сейчас горбатая, как у верблюда, а ребра все срослись вкривь и вкось, но было время, когда капрал Генри Вуд считался одним из первых красавцев в сто семнадцатом пехотном полку. Мы тогда были в Индии, стояли лагерем возле городка Бзарти. Барклей, который умер на днях, был сержантом в той роте, где служил я, а первой красавицей полка… да и вообще самой чудесной девушкой на свете была Нэнси Дэвой, дочь сержанта-знаменщика. Двое любили ее, а она любила одного; вы улыбнетесь, взглянув на несчастного калеку, скрючившегося у камина, который говорит, что когда-то он был любим за красоту. Но, хотя я и покорил ее сердце, отец хотел, чтобы она вышла замуж за Берклея. Я был ветреный малый, отчаянная голова, а он имел образование и уже был намечен к производству в офицеры. Но Нэнси была верна мне, и мы уже думали пожениться, как вдруг вспыхнул бунт и страна превратилась в ад кромешный.

Нас осадили в Бхарти — наш полк, полубатарею артиллерии, роту сикхов и множество женщин и всяких гражданских. Десять тысяч бунтовщиков стремились добраться до нас с жадностью своры терьеров, окруживших клетку с крысами. Примерно на вторую неделю осады у нас кончилась вода, и было сомнительно, чтобы мы могли снестись с колонной генерала Нилла, которая отступила в глубь страны. В этом было наше единственное спасение, так как надежды пробиться со всеми женщинами и детьми не было никакой. Тогда я вызвался пробраться сквозь осаду и известить генерала Нилла о нашем бедственном положении. Мое предложение было принято; я посоветовался с сержантом Барклеем, который, как считалось, лучше всех знал местность, и он объяснил мне, как лучше пробраться через линии бунтовщиков. В тот же вечер, в десять часов, я отправился в путь. Мне предстояло спасти тысячи жизней, но в тот вечер я думал только об одной.

Мой путь лежал по руслу пересохшей реки, которое, как мы надеялись, скроет меня от часовых противника, но только я ползком одолел первый поворот, как наткнулся на шестерых бунтовщиков, которые, притаившись в темноте, поджидали меня. В то же мгновение удар по голове оглушил меня. Очнулся я у врагов, связанный по рукам и ногам. И тут я получил смертельный удар в самое сердце: прислушавшись к разговору врагов, я понял, что мой товарищ, тот самый, что помог мне выбрать путь через вражеские позиции, предал меня, известив противника через своего слугу-туземца.

Стоит ли говорить, что было дальше? Теперь вы знаете, на что был способен Джеймс Барклей. На следующий день подоспел на выручку генерал Нилл, и осада была снята, но, отступая, бунтовщики захватили меня с собой. И прошло много-много лет, прежде чем я снова увидел белые лица. Меня пытали, я бежал, меня поймали и снова пытали. Вы видите, что они со мной сделали. Потом бунтовщики бежали в Непал и меня потащили с собой. В конце концов я очутился в горах за Дарджилингом. Но горцы перебили бунтовщиков, и я стал пленником горцев, покуда не бежал. Путь оттуда был только один — на север. И я оказался у афганцев. Там я бродил много лет и в конце концов вернулся в Пенджаб, где жил по большей части среди туземцев и зарабатывал на хлеб, показывая фокусы, которым я к тому времени научился. Зачем было мне, жалкому калеке, возвращаться в Англию и искать старых товарищей? Даже жажда мести не могла заставить меня решиться на этот шаг. Я предпочитал, чтобы Нэнси и мои старые друзья думали, что Генри Вуд умер с прямой спиной, я не хотел предстать перед ними похожим на обезьяну. Они не сомневались, что я умер, и мне хотелось, чтобы они так и думали. Я слышал, что Барклей женился на Нэнси и что он сделал блестящую карьеру в полку, но даже это не могло вынудить меня заговорить.

Но когда приходит старость, человек начинает тосковать по родине. Долгие годы я мечтал о ярких зеленых полях и живых изгородях Англии. И я решил перед смертью повидать их еще раз. Я скопил на дорогу денег и вот поселился здесь, среди солдат, — я знаю, что им надо, знаю, чем их позабавить, и заработанного вполне хватает мне на жизнь.

— Ваш рассказ очень интересен, — сказал Шерлок Холмс. — О вашей встрече с миссис Барклей и о том, что вы узнали друг друга, я уже слышал. Как я могу судить, поговорив с миссис Барклей, вы пошли за ней следом и стали свидетелем ссоры между женой и мужем. В тот вечер миссис Барклей бросила в лицо мужу обвинение в совершенной когда-то подлости. Целая буря чувств вскипела в вашем сердце, вы не выдержали, бросились к дому и ворвались в комнату…

— Да, сэр, все именно так и было. Когда он увидел меня, лицо у него исказилось до неузнаваемости. Он покачнулся и тут же упал на спину, ударившись затылком о каминную решетку. Но он умер не от удара, смерть поразила его сразу, как только он увидел меня. Я это прочел на его лице так же просто, как читаю сейчас вон ту надпись над камином. Мое появление было для него выстрелом в сердце.

— А потом?

— Нэнси потеряла сознание, я взял у нее из руки ключ, думая отпереть дверь и позвать на помощь. Вложив ключ в скважину, я вдруг сообразил, что, пожалуй, лучше оставить все как есть и уйти, ведь дело очень легко может обернуться против меня. И уж, во всяком случае, секрет мой, если бы меня арестовали, стал бы известен всем.

В спешке я опустил ключ в карман, а ловя Тедди, который успел взобраться на портьеру, потерял палку. Сунув его в ящик, откуда он каким-то образом улизнул, я бросился вон из этого дома со всей быстротой, на какую были способны мои ноги.

— Кто этот Тедди? — спросил Холмс.

Горбун наклонился и выдвинул переднюю стенку ящика, стоявшего в углу. Тотчас из него показался красивый красновато-коричневый зверек, тонкий и гибкий, с лапками горностая, с длинным, тонким носом и парой самых прелестных глазок, какие я только видел у животных.

— Это же мангуста! — воскликнул я.

— Да, — кивнув головой, сказал горбун. — Одни называют его мангустом, а другие фараоновой мышью. Змеелов — вот как зову его я. Тедди замечательно быстро расправляется с кобрами. У меня здесь есть одна, у которой вырваны ядовитые зубы. Тедди ловит ее каждый вечер, забавляя солдат. Есть еще вопросы, сэр?

— Ну что ж, возможно, мы еще обратимся к вам, но только в том случае, если миссис Барклей придется действительно туго.

— Я всегда к вашим услугам.

— Если же нет, то вряд ли стоит ворошить прошлую жизнь покойного, как бы отвратителен ни был его поступок. У вас по крайней мере есть то удовлетворение, что он тридцать лет мучился угрызениями совести. А это, кажется, майор Мерфи идет по той стороне улицы? До свидания, Вуд. Хочу узнать, нет ли каких новостей со вчерашнего дня.

Мы догнали майора, прежде чем он успел завернуть за угол.

— А, Холмс, — сказал он. — Вы уже, вероятно, слышали, что весь переполох кончился ничем.

— Да? Но что же все-таки выяснилось?

— Медицинская экспертиза показала, что смерть наступила от апоплексии. Как видите, дело оказалось самое простое.

— Да, проще не может быть, — сказал, улыбаясь, Холмс. — Пойдем, Уотсон, домой. Не думаю, чтобы наши услуги еще были нужны в Олдершоте.

— Но вот что странно, — сказал я по дороге на станцию. — Если мужа звали Джеймсом, а того несчастного — Генри, то при чем здесь Давид?

— Мой дорогой Уотсон, одно это имя должно было бы раскрыть мне глаза, будь я тем идеальным логиком, каким вы любите меня описывать. Это слово было брошено в упрек.

— В упрек?

— Да. Как вам известно, библейский Давид[53] то и дело сбивался с пути истинного и однажды забрел туда же, куда и сержант Джеймс Барклей. Помните то небольшое дельце с Урией и Вирсавией? Боюсь, я изрядно подзабыл Библию, но, если мне не изменяет память, вы его найдете в первой или второй книге Царств.

Постоянный пациент

Просматривая довольно непоследовательные записки, коими я пытался проиллюстрировать особенности мышления моего друга мистера Шерлока Холмса, я вдруг обратил внимание на то, как трудно было подобрать примеры, которые всесторонне отвечали бы моим целям. Ведь в тех случаях, когда Холмс совершил tour de force[54] аналитического мышления и демонстрировал значение своих особых методов расследования, сами факты часто бывали столь незначительны и заурядны, что я не считал себя вправе опубликовывать их. С другой стороны, нередко случалось, что он занимался расследованиями некоторых дел, имевших по своей сути выдающийся и драматический характер, не роль Холмса в их раскрытии была менее значительная, чем это хотелось бы мне, его биографу. Небольшое дело, которое я описал под заглавием «Этюд в багровых тонах», и еще одно, более позднее, связанное с исчезновением «Глории Скотт», могут послужить примером тех самых сцилл и харибд, которые извечно угрожают историку. Быть может, роль, сыгранная моим другом в деле, к описанию которого я собираюсь приступить, и не очень видна, но все же обстоятельства дела настолько значительны, что я не могу позволить себе исключить его из своих записок.

Был душный пасмурный октябрьский день, к вечеру, однако, повеяло прохладой.

— А что, если нам побродить по Лондону, Уотсон? — сказал мой друг.

Сидеть в нашей маленькой гостиной было невмоготу, и я охотно согласился. Мы гуляли часа три по Флит-стрит и Стрэнду, наблюдая за калейдоскопом уличных сценок. Беседа с Холмсом, как всегда очень наблюдательным и щедрым на остроумные замечания, была захватывающе интересна.

Мы вернулись на Бейкер-стрит часов в десять. У подъезда стоял экипаж.

— Гм! Экипаж врача… — сказал Холмс. — Практикует не очень давно, но уже имеет много пациентов. Полагаю, приехал просить нашего совета! Как хорошо, что мы вернулись!

Я был достаточно сведущ в дедуктивном методе Холмса, чтобы проследить ход его мыслей. Стоило ему заглянуть в плетеную сумку, висевшую в экипаже и освещенную уличным фонарем, как по характеру и состоянию медицинских инструментов он мгновенно сделал вывод, чей это экипаж. А свет в окне одной из наших комнат во втором этаже говорил о том, что этот поздний гость приехал именно к нам. Мне было любопытно, что бы это могло привести моего собрата-медика в столь поздний час, и я проследовал за Холмсом в наш кабинет.

Когда мы вошли, со стула у камина поднялся бледный узколицый человек с рыжеватыми бакенбардами. Ему было не больше тридцати трех-тридцати четырех лет, но выглядел он старше. Судя по ему унылому лицу землистого оттенка, жизнь не баловала его. Как и все легкоранимые люди, он был и порывист и застенчив, а его худая белая рука, которой он, вставая, взялся за каминную доску, казалась скорей рукой художника, а не хирурга. Одежда на нем была спокойных тонов: черный сюртук, темные брюки, цветной, но скромный галстук.

— Добрый вечер, доктор, — любезно сказал Холмс. — Рад, что вам пришлось ждать лишь несколько минут.

— Вы что же, говорили с моим кучером?

— Нет, я определил это по свече, которая стоит на столике. Пожалуйста, садитесь и расскажите, чем могу служить.

— Я доктор Перси Тревельян, — сказал наш гость. — Я живу в доме номер четыреста три, по Брук-стрит.

— Не вы ли автор монографии о редких нервных болезнях? — спросил я.

Когда он услышал, что я знаком с его книгой, бледные его щеки порозовели от удовольствия.

— На эту работу так редко ссылаются, что я уже совсем похоронил ее, — сказал он. Мои издатели говорили мне, что она раскупается убийственно плохо. А вы сами, я полагаю, тоже врач?

— Военный хирург в отставке.

— Я всегда увлекался нервными заболеваниями и хотел бы специализироваться на них, но приходится довольствоваться тем, что есть. Впрочем, мистер Шерлок Холмс, это не относится к делу, и я вполне понимаю, что у вас каждая минута на счету. С некоторых пор у меня в доме на Брук-стрит происходят очень странные вещи, а сегодня вечером дело приняло такой оборот, что я больше не мог ждать ни часа и принужден был приехать к вам, чтобы просить вашего совета и помощи.

Шерлок Холмс сел и раскурил трубку.

— Располагайте мною, — сказал он. — Расскажите подробно, что вас встревожило.

— Сущие пустяки, — сказал доктор Тревельян, — я мне даже стыдно говорить о них. Однако они привели меня в растерянность, а последнее происшествие таково, что я лучше расскажу вам все по порядку, и вы уже сами решите, что существенно, а что нет.

Придется начать с того, как я учился. Видите ли, я закончил Лондонский университет, и не думайте, что я пою себе дифирамбы, но мои профессора возлагали на меня большие надежды. По окончании университета я не бросил исследовательской работы и остался на небольшой должности в клинике при Королевском колледже. Мне посчастливилось привлечь внимание к своей работе о редких случаях каталепсии и в конце концов получить премию Брюса Пинкертона и медаль за свою монографию о нервных болезнях, только что упомянутую вашим другом. Скажу, не преувеличивая, что в то время мне все прочили блестящую будущность.

У меня было одно препятствие: я был беден. Меня нетрудно понять — врачу-специалисту, который метит высоко, надо начинать свою карьеру на одной из улиц, примыкающих к Кавендиш-сквер, где снять и обставить квартиру стоит безумных денег. Не говоря уже об этих издержках, надо еще как-то жить в течение нескольких лет и при этом держать приличный выезд. Все это было мне не по карману, и я решил вести экономную жизнь и копить деньги, чтобы лет через десять можно было заняться частной практикой. И вдруг мне помог случай.

Однажды утром ко мне в комнату ввалился совершенно незнакомый человек, некий господин Блессингтон, и с ходу приступил к делу.

«Вы тот самый Перси Тревельян, который за выдающиеся успехи недавно получил премию?» — спросил он.

Я поклонился.

«Отвечайте мне прямо, — продолжал он, — так как это в ваших же интересах. Чтобы иметь успех, ума у вас хватит. А вот как насчет такта?»

Услышав этот неожиданный вопрос, я не мог не улыбнуться.

«Наверно, я не лишен этого достоинства».

«У вас есть какие-нибудь дурные привычки? Вы выпиваете, а?»

«Да что вы в самом деле, сэр!» — воскликнул я.

«Ладно, ладно! Тогда все в порядке. Но я был обязан спросить. Как же вы с такой головой и не у дел?»

Я пожал плечами.

«Да, ну же! — сказал он со свойственной ему живостью. — Старая история. В голове у вас больше, чем в кармане, а? А чтобы вы сказали, если бы для начала я помог вам обосноваться на Брук-стрит?»

Я смотрел на него в изумлении.

«О, это я ради собственной выгоды, не вашей, — сказал он. — Сказать откровенно, — если это подойдет вам, то обо мне и говорить нечего. Видите ли, у меня есть несколько лишних тысяч, и я думаю вложить этот капитал в вас».

«Но почему?» — едва мог вымолвить я.

«Ну, это такое же прибыльное дело, как и всякое другое, только более безопасное».

«И что я должен делать?»

«Сейчас объясню. Я сниму дом, обставлю его, буду платить слугам… Словом, заправлять всем. Вам остается только просиживать штаны в кабинете. Я дам вам денег на мелкие расходы и все прочее. Вы будете отдавать мне три четверти своего заработка, остальное оставлять себе».

— Вот с таким странным предложением, мистер Холмс, и обратился ко мне этот Блессингтон. Я не буду злоупотреблять вашим терпением, излагая подробности наших переговоров. На Благовещенье я переехал и стал принимать больных, рассчитываясь с мистером Блессингтоном почти на тех самых условиях, которые он предложил. Он и сам поселился тут же в доме, став чем-то вроде постоянного пациента, живущего при кабинете врача. Оказалось, что у него слабое сердце и он нуждается в постоянном наблюдении. Две лучшие комнаты на втором этаже он занял под собственные гостиную и спальню. Привычки у него были странные — он избегал общества и очень редко выходил. Не отличаясь особой пунктуальностью, он был сама пунктуальность лишь в одном. Каждый вечер в один и тот же час он заходил в мой кабинет, просматривал книгу приема больных, откладывал пять шиллингов и три пенса из каждой заработанной мною гинеи и забирал все остальные деньги, пряча их в сундук, стоявший в его комнате. Скажу вам откровенно, что у него ни разу не было оснований сожалеть о помещении своего капитала. С самого начала дело оказалось прибыльным. Первые же успехи и репутация, которую я завоевал в клинике, позволили мне быстро выдвинуться, и за последние два года я обогатил его.

Таковы, мистер Холмс, мое прошлое и мои отношения с мистером Блессингтоном. Остается только рассказать, какие события привели меня сегодня к вам.

Несколько недель назад мистер Блессингтон вошел в мой кабинет в очень возбужденном состоянии. Он говорил о каком-то ограблении, которое, по его словам, было совершенно в Вест-Энде. Это, насколько мне помнится, сильно взволновало его, и он заявил, что мы должны поставить дополнительные засовы на двери и окна, не откладывая этого дела ни на день. Целую неделю он пребывал в страшном беспокойстве, то и дело выглядывая из окон и прекратив короткие прогулки, которые обычно совершал перед обедом. Наблюдая его поведение, я вдруг подумал, что он смертельно боится чего-то или кого-то, но, когда я спросил его об этом прямо, он стал так ругаться, что я принужден был прекратить разговор. Со временем его страхи постепенно рассеялись, и он вернулся было к прежним привычкам, как вдруг новое событие повергло его в такое состояние, что на него просто жалко было смотреть. В нем он пребывает и по сей день.

А случилось вот что. Два дня назад я получил письмо, которое я сейчас прочту вам. На нем нет ни обратного адреса, ни даты отправления.

«Русский дворянин, живущий в настоящее время в Англии — говорится в нем, — был бы весьма признателен, если бы доктор Перси Тревельян согласился принять его. Вот уже несколько лет он страдает припадками каталепсии, а, как известно, доктор Тревельян — знаток этой болезни. Он предполагает зайти завтра в четверть седьмого вечера, если доктор Тревельян сочтет для себя удобным находиться дома в это время».

Это письмо меня заинтересовало, так как каталепсия — заболевание очень редкое. Ровно в назначенный час я был у себя в кабинете. Слуга ввел пациента.

Это был пожилой человек, худой, серьезный, обладающий самой заурядной внешностью, — русского дворянина я представлял себе совсем другим. Гораздо больше меня поразила наружность его товарища — высокого молодого человека, удивительно красивого, со смуглым злым лицом и руками, ногами и грудью Геркулеса. Он поддерживал своего спутника под локоть и помог ему сесть на стул с такой заботливостью, какой вряд ли можно было ожидать от человека его внешности.

«Простите, доктор, что я вошел тоже, — сказал он мне по-английски, но несколько пришепетывая. — Это мой отец, и его здоровье для меня все».

Я был тронут сыновьей тревогой.

«Может быть, вы хотите остаться с отцом во время приема?» — спросил я.

«Боже упаси! — воскликнул он, в ужасе всплеснув руками. — Я не могу выразить, как больно мне смотреть на отца. Если с ним случится один из его ужасных припадков, я не переживу. У меня самого исключительно чувствительная нервная система. С вашего позволения, пока вы будете заниматься отцом, я подожду в приемной.

Я, разумеется, согласился, и молодой человек вышел. Я стал расспрашивать пациента о его болезни и вел подробные записи. Он не отличался умом, и ответы его часто были невразумительны, что я относил за счет плохого владения языком. Вдруг он вообще перестал отвечать на мои вопросы, и, обернувшись к нему, я с удивлением увидел, что он сидит на стуле очень прямо, с неподвижным лицом и смотрит на меня в упор бессмысленным взглядом. У него снова начался приступ его загадочной болезни.

Сначала я почувствовал жалость и страх. Но потом, как ни стыдно признаться, профессиональный интерес взял верх. Я записывал температуру и пульс своего пациента, проверял неподвижность его мышц, обследовал рефлексы. Никаких отклонений от моих прежних наблюдений не было. В подобных случаях я получал хорошие результаты путем ингаляции нитрита амила, и сейчас, кажется, представилась превосходная возможность еще раз проверить эффективность этого лекарства. Бутыль с лекарством была в моей лаборатории на первом этаже. Оставив пациента на стуле, я побежал за ней. Ища бутыль, я замешкался и вернулся… скажем, минут через пять. Представьте мое изумление, когда я обнаружил, что комната пуста, а моего пациента и след простыл!

Первым делом я, разумеется, выбежал в приемную. Сын ушел тоже. Дверь в прихожую была закрыта, но не заперта. Мой слуга-мальчик, который пускает пациентов еще неопытен и далеко не отличается расторопностью. Он ждет внизу и бежит наверх, чтобы проводить пациентов к двери, когда я звоню из кабинета. Он ничего не слышал, и все это оставалось для меня полнейшей загадкой. Немного погодя пришел с прогулки мистер Блессингтон. Я ему ничего не сказал, потому что последнее время, по правде говоря, старался общаться с ним как можно меньше.

Я никогда не думал, что мне придется увидеть русского и его сына еще раз, и поэтому можете представить себе мое удивление, когда сегодня вечером они оба явились ко мне в кабинет в тот же час.

«Я очень прошу вас извинить меня за вчерашний неожиданный уход, доктор», — сказал мой пациент.

«Признаться, я очень удивился», — сказал я.

«Видите ли, дело в том, — пояснил он, — что когда я прихожу в себя после припадков, то почти ничего не помню, что со мной было до этого. Я очнулся, как мне показалось, в незнакомой комнате и в изумлении поспешил выйти на улицу».

«А я, — добавил сын, — увидев, что отец прошел через приемную, естественно, подумал, что прием закончился. И только когда мы пришли домой, я стал понимать, что произошло».

«Ну, что ж, — сказал я, рассмеявшись, — ничего серьезного не случилось, разве что вы заставили меня поломать голову. Итак, не соблаговолите ли, сэр, пройти в приемную, а я снова займусь вашим отцом».

Примерно полчаса старый джентльмен рассказывал мне о симптомах болезни, а потом, выписав рецепт, я проводил его к сыну.

Я уже говорил вам, что в этот час мистер Блессингтон обычно прогуливался. Вскоре он пришел и поднялся наверх. И тотчас я услышал, как он сбегает вниз. Мистер Блессингтон ворвался ко мне в кабинет в паническом страхе.

«Кто заходил в мою комнату?» — крикнул он.

«Никто», — ответил я.

«Вы врете! — вопил он. — Поднимитесь и посмотрите».

Я решил не обращать внимания на его грубость — он был вне себя от ужаса. Мы поднялись наверх, и он показал мне следы, отпечатавшиеся на пушистом ковре.

«Вы думаете, это мои?» — кричал он.

Таких больших следов он, конечно, оставить не мог, и они были явно свежие. Сегодня днем, как вы знаете, шел сильный дождь, и у меня побывали только отец с сыном. Значит, пока я занимался с отцом, сын, ожидавший в приемной, с какой-то неизвестной мне целью входил в комнату моего постоянного пациента. Из комнаты ничего не пропало, но следы, несомненно, свидетельствовали, что там кто-то побывал.

Мне показалось, что мистер Блессингтон волнуется как-то чрезмерно, впрочем, тут бы всякий потерял покой. Опустившись в кресло, он буквально рыдал, и мне стоило великих трудов привести его в чувство. Это он предложил мне отправиться к вам, и я счел его предложение вполне уместным, так как происшествие действительно очень странное, хотя и не такое ужасное, как это померещилось мистеру Блессингтону. Если бы вы поехали сейчас со мной, то мне бы хоть удалось успокоить его. Впрочем, по-моему, он вряд ли способен объяснить, что его так взволновало.

Шерлок Холмс слушал этот длинный рассказ очень внимательно, и я понял, что дело его увлекло. Как всегда, на лице его ничего не отражалось, только веки набрякли, да, пыхтя трубкой, он выпускал более густые клубы дыма всякий раз, когда доктор рассказывал очередной странный эпизод. Как только наш гость кончил держать речь, Холмс молча вскочил, сунул мне мою шляпу, взял со стола собственную и пошел следом за Тревельяном к двери. Не прошло и четверти часа, как мы подъехали к дому врача на Брук-стрит. Это был скромный, ничем не выделяющийся дом, в каких живут врачи, имеющие практику в Вест-Энде. Мальчик-слуга открыл нам дверь, и мы тотчас стали подниматься наверх по широкой лестнице, покрытой хорошим ковром.

Но тут случилось нечто странное… Свет наверху внезапно погас, и из темноты донесся пронзительный, дрожащий голос:

— У меня пистолет. Еще шаг, и я буду стрелять.

— Это уже выходит за всякие рамки, мистер Блессингтон! — возмутился доктор Тревельян.

— А, это вы, доктор? — проговорили из темноты, и послышался вздох облегчения. — А джентльмены, что с вами, — они и в самом деле те, за кого себя выдают?

Мы чувствовали, что из темноты нас изучающе рассматривают.

— Да, это те самые.

— Ладно, можете подняться, и если вас раздражают меры предосторожности, которые я принял, то прошу прощения.

Говоря это, он снова зажег газ на лестнице, и мы увидели перед собой странного человека, вид которого, как и голос, свидетельствовал о расстроенных нервах. Он был очень толст, но когда-то, видно, был еще толще, потому что щеки у него висели, как у гончей, большими складками. Он был болезненно бледен, а редкие рыжеватые волосы от пережитого страха стояли дыбом. Рука его сжимала пистолет, который он сунул в карман, когда мы приблизились.

— Добрый вечер, мистер Холмс, — сказал он. — Большое спасибо, что приехали. Еще никто так не нуждался в вашем совете, как я сейчас. Наверно, доктор Тревельян уже рассказал вам о совершенно недопустимом вторжении в мою комнату?

— Совершенно верно, — сказал Шерлок Холмс. — Мистер Блессингтон, кто эти два человека и почему они вам досаждают?

— Видите ли, понимаете ли, — суетливо заговорил постоянный пациент, — мне трудно сказать что-либо определенное. Да и почем мне знать, мистер Холмс?

— Значит, не знаете?

— Входите, пожалуйста. Ну, сделайте одолжение, войдите.

Он провел нас в свою спальню, большую и обставленную удобной мебелью.

— Вы видите это? — спросил он, показывая на большой черный сундук, стоявший у спинки кровати. — Я никогда не был особенно богатым человеком, мистер Холмс… За всю жизнь я только раз вложил деньги в дело… вот доктор Тревельян не даст мне соврать. И банкирам я не верю. Я бы не доверил свои деньги банкиру ни за что на свете, мистер Холмс. Между нами, все свое маленькое состояние я храню в этом сундуке, и вы теперь понимаете, что я пережил, когда в комнату ко мне вломились незнакомые люди.

Холмс изучающе посмотрел на Блессингтона и покачал головой.

— Если вы будете обманывать меня, я ничего не смогу вам посоветовать, — сказал он.

— Но я же вам все рассказал.

Досадливо махнув рукой. Холмс резко повернулся к нему спиной.

— Спокойной ночи, доктор Тревельян, — сказал он.

— И вы не дадите никакого совета? — дрогнувшим голосом воскликнул Блессингтон.

— Мой совет вам, сэр, говорить только правду.

Через минуту мы были уже на улице и зашагали домой. Мы пересекли Оксфорд-стрит, прошли половину Харли-стрит, и только тогда мой друг наконец заговорил.

— Простите, что напрасно вытащил вас из дому, Уотсон. Но если покопаться, дело это интересное.

— А я не вижу здесь ничего серьезного, — признался я.

— Вполне очевидно, что двое… может, их больше, но будем считать, что двое… по какой-то причине решили добраться до этого человека, этого Блессингтона. В глубине души я не сомневаюсь, что как в первом, так и во втором случае тот молодой человек проникал в комнату Блессингтона, а его сообщник весьма нехитрым способом отвлекал доктора.

— А каталепсия?

— Злостная симуляция, Уотсон, хотя мне и не хотелось говорить об этом нашему специалисту. Симулировать эту болезнь очень легко. Я и сам это проделывал.

— Что же было потом?

По чистой случайности оба раза Блессингтон отсутствовал. Столь необычный час для своего визита к врачу они выбрали только потому, что в это время в приемной нет других пациентов. Но так уж совпало, что Блессингтон совершает свой моцион именно в этот час — они, видно, не очень хорошо знакомы с его привычками. Разумеется, если бы замышлялся простой грабеж, они бы по крайней мере попытались обшарить комнату. Кроме того, я прочел в глазах этого человека, что страх пробрал его до мозга костей. Трудно поверить, что, имея двух таких мстительных врагов, он ничего не знает об их существовании. Он, разумеется, отлично знает, кто эти люди, но у него есть причины скрывать это. Возможно даже, завтра он станет более разговорчивым.

— А нельзя ли допустить иное предположение, — сказал я, — без сомнения, совершенно невероятное, но все же убедительное? Может быть, всю эти историю с каталептиком-русским и его сыном измыслил сам доктор Тревельян, которому надо было забраться в комнату к Блессингтону?

При свете газового фонаря я увидел, что моя блестящая версия вызвала у Холмса улыбку.

— Дорогой Уотсон, — сказал он, — это было первое, что пришло мне в голову, но рассказу доктора есть подтверждение. Этот молодой человек оставил следы не только в комнате, но и на лестничном ковре. Молодой человек существует. Он носит ботинки с тупыми носами, а не остроносые, как Блессингтон, и они на дюйм с третью побольше размером, чем докторские. Ну, а теперь сразу в постель, ибо я буду удивлен, если поутру мы не получим каких-нибудь новостей с Брук-стрит.

Предсказание Шерлока Холмса сбылось, и новость была трагическая. В половине восьмого утра, когда хмурый день еще только занимался, Холмс уже стоял в халате у моей постели.

— Уотсон, — сказал он, — нас ждет экипаж.

— А что такое?

— Дело Брук-стрит.

— Есть новости?

— Трагические, но какие-то невнятные, — сказал он, поднимая занавеску. — Поглядите… вот листок из записной книжки, и на нем накарябано карандашом: «Ради Бога, приезжайте немедленно. П. Т.».

Наш друг доктор и сам, кажется, потерял голову. Поторопитесь, дорогой Уотсон, нас срочно ждут.

Примерно через четверть часа мы уже были в доме врача. Он выбежал нам навстречу с лицом, перекосившимся от ужаса.

— Такая беда! — воскликнул он, сдавливая пальцами виски.

— Что случилось?

— Блессингтон покончил с собой.

Холмс присвистнул.

— Да, этой ночью он повесился.

Мы вошли, и доктор повел нас в комнату, которая по виду была его приемной.

— Я даже не соображаю, что делаю, — говорил он. — Полиция уже наверху. Я потрясен до глубины души.

— Когда вы узнали об этом?

— Каждый день рано утром ему относили чашку чая. Горничная вошла примерно в семь, и несчастный уже висел посередине комнаты. Он привязал веревку к крюку, на котором обычно висела тяжелая лампа, и спрыгнул с того самого сундука, что показал нам вчера.

Холмс стоял, глубоко задумавшись.

— С вашего позволения, — сказал он наконец, — я бы поднялся наверх и взглянул на все сам.

Мы оба в сопровождении доктора пошли наверх.

За дверью спальни нас ожидало ужасное зрелище. Я уже говорил о том впечатлении дряблости, которое производил этот Блессингтон. Теперь, когда он висел на крюке, оно еще усилилось. В лице не осталось почти ничего человеческого. Шея вытянулась, как у ощипанной курицы, и по контрасту с ней тело казалось еще более тучным и неестественным. На нем была лишь длинная ночная рубаха, из-под которой окоченело торчали распухшие лодыжки и нескладные ступни. Рядом стоял щеголеватый инспектор, делавший заметки в записной книжке.

— А, мистер Холмс, — сказал он, когда мой друг вошел. — Рад видеть вас.

— Доброе утро, Лэннер, — откликнулся Холмс. — Надеюсь, вы не против моего вмешательства. Вы уже слышали о событиях, предшествовавших этому происшествию?

— Да, кое-что слышал.

— Ну, и каково ваше мнение?

— Насколько я могу судить, Блессингтон обезумел от страха. Посмотрите на постель — он провел беспокойную ночь. Вот довольно глубокий отпечаток его тела. Вы знаете, что самоубийства чаще всего совершаются часов в пять утра. Примерно в это время он и повесился. И, наверно, заранее все обдумал.

— Судя по тому, как затвердели его мышцы, он умер часа три назад, — сказал я.

— Что-нибудь особенное в комнате обнаружили? — спросил Холмс.

— Нашли на подставке для умывальника отвертку и несколько винтов. И ночью здесь, видно, много курили. Вот четыре сигарных окурка, которые я подобрал в камине.

— Г-м! — произнес Холмс. — Нашли вы его мундштук?

— Нет.

— А портсигар?

— Да, он был у него в кармане пальто.

Холмс открыл портсигар и понюхал единственную оставшуюся в нем сигару.

— Это гаванская сигара, а это окурки сигар особого сорта, который импортируется голландцами из их ост-индских колоний. Их обычно заворачивают в солому, как вы знаете, и они потоньше и подлиннее, чем сигары других сортов.

Он взял четыре окурка и стал рассматривать их в свою карманную лупу.

— Две сигары выкурены через мундштук, а две просто так, — продолжал он. — Две были обрезаны не очень острым ножом, а концы двух других — откушены набором великолепных зубов. Это не самоубийство, мастер Лэннер. Это тщательно продуманное и хладнокровно совершенное убийство.

— Не может быть! — воскликнул инспектор.

— Почему же это не может быть?

— А зачем убивать человека таким неудобным способом — вешать?

— Вот это мы и должны узнать.

— Как убийцы могли проникнуть сюда?

— Через парадную дверь.

— Но она была заперта на засов.

— Ее заперли после того, как они вошли.

— Почем вы знаете?

— Я видел следы. Простите, через минуту я, возможно, сообщу вам еще кое-какие сведения.

Он подошел к двери и, повернув ключ в замке, со свойственной ему методичностью осмотрел ее. Затем он вынул ключ, который торчал с внутренней стороны, и тоже обследовал его. Постель, ковер, стулья, камин, труп и веревка — все было по очереди осмотрено, пока, наконец, Холмс не заявил, что удовлетворен, после чего он, призвав на помощь меня и инспектора, отрезал веревку, на которой висел труп несчастного Блессингтона, и почтительно прикрыл его простыней.

— Откуда взялась веревка? — спросил я.

— Ее отрезали отсюда, — сказал доктор Тревельян, вытягивая из-под кровати веревку, уложенную в большой круг. — Он ужасно боялся пожаров и всегда держал ее поблизости, чтобы бежать через окно, если лестница загорится.

— Это, должно быть, избавило убийц от лишних хлопот, — задумчиво сказал Холмс. — Да, все свершилось очень просто, и я сам буду удивлен, если к полудню не сообщу вам причины преступления. Я возьму фотографию Блессингтона, ту, что на камине. Она может помочь мне в моем расследовании.

— Но, ради Бога, объясните нам, что же здесь произошло, — взмолился доктор.

— Последовательность событий ясна для меня, как будто я сам здесь присутствовал, — сказал Холмс. — Преступников было трое: один — молодой, другой — пожилой, а каков был третий, я пока определить не могу. Вряд ли надо говорить, что первые два — те самые, что выдавали себя за русского дворянина и его сына, и, следовательно, у нас есть их полный словесный портрет. Они были впущены сообщником, находившимся в доме. Примите мой совет, инспектор, и арестуйте слугу-мальчишку, который, как помнится, поступил к вам, доктор, на службу совсем недавно.

— Этого постреленка нигде не могут найти, — сказал доктор Тревельян. — Горничная и кухарка только что искали его.

Холмс пожал плечами.

— Он сыграл в этой драме немаловажную роль, — сказал он.

— Три преступника поднялись по лестнице на цыпочках — пожилой шел первым, молодой — вторым, а неизвестный замыкал шествие…

— Это уж слишком, дорогой Холмс! — воскликнул я.

— Судя по тому, как накладываются друг на друга следы, сомнений быть не может. Я имел возможность изучить, кому какие принадлежат следы, когда побывал здесь вчера вечером. Затем все трое подошли к комнате мистера Блессингтона, дверь в которую была заперта. Ключ они повернули с помощью куска проволоки. Даже без лупы видно по царапинам на бородке, что они действовали отмычкой. Войдя в комнату, они первым делом вставили мистеру Блессингтону кляп. Он, наверно, спал или был так парализован страхом, что не мог кричать. Стены здесь толстые, и понятно, что крик его, если даже он успел крикнуть, никто не слышал. Затем — это мне совершенно ясно — злоумышленники устроили совет, что-то вроде суда. Тогда-то они и выкурили эти сигары. Пожилой сидел на том плетеном стуле — это он курил через мундштук. Молодой сидел там — он стряхивал пепел на комод. Третий ходил по комнате. Блессингтон, по-моему, сидел на постели, но в этом я не совсем уверен. Ну, и все кончилось тем, что они повесили Блессингтона. Они так хорошо подготовились к этому, что, наверно, принесли с собой какой-нибудь блок или шкив, который мог бы служить виселицей. Эта отвертка и винты были нужны им, как я полагаю, для закрепления блока. Но, увидев крюк, они, естественно, воспользовались им. Покончив с Блессингтоном, они вышли, а их сообщник запер за ними дверь.

Все мы с глубоким интересом слушали этот рассказ о ночных событиях, которые Холмс восстановил по приметам столь незаметным и малозначительным, что, даже видя их воочию, мы едва могли следить за ходом его рассуждений. Инспектор тотчас вышел, чтобы принять меры по розыску слуги, а мы с Холмсом вернулись завтракать на Бейкер-стрит.

— Я вернусь к трем, — сказал он, кончив завтракать. — Инспектор с доктором уже будут здесь к этому времени, и я надеюсь окончательно прояснить для них это дело.

Наши гости пришли в назначенный срок, но мой друг появился только без четверти четыре. Однако, когда он вошел, по выражению его лица я увидел, что ему сопутствовал полный успех.

— Какие новости, инспектор?

— Мы нашли мальчишку, сэр.

— Превосходно, а я нашел взрослых.

— Вы нашли их! — воскликнули мы в один голос.

— Ну, по крайней мере, я узнал, кто они. Ваш Блессингтон, как я и ожидал, хорошо известен в полицейском управлении. Да и его убийцы тоже. Это Биддл, Хэйуорд и Моффат.

— Банда, ограбившая Уортингдонский банк! — воскликнул инспектор.

— Совершенно верно, — сказал Холмс.

— Значит, Блессингтон, должно быть, Сатон?

— Да, — сказал Холмс.

— Ну, тогда все встает на свои места, — сказал инспектор.

Но мы с Тревельяном смотрели друг на друга, ничего не понимая.

— Вы, наверно, помните знаменитое ограбление Уордингдонского банка, — сказал Холмс. — В банде было пять человек — четверо нам знакомы, а пятого звали Картрайт. Был убит сторож Тобин, и воры скрылись с семью тысячами фунтов. Это было в тысяча восемьсот пятом году. Все пятеро были арестованы, но убедительных улик против них не имелось. Блессингтон, или Сатон, самый гнусный тип в этой пятерке бандитов, стал доносчиком. Картрайта повесили, а трем остальным дали по пятнадцать лет. Не отсидев нескольких лет до полного срока, они вышли на свободу на днях и решили, как вы догадываетесь, выследить предателя и отомстить ему за смерть товарища. Дважды они пытались добраться до него и терпели неудачу; на третий раз, как видите, получилось. Теперь вам все ясно, доктор Тревельян?

— Мне кажется, что лучше уж объяснить нельзя, — сказал доктор. — И, конечно, в первый раз он был сильно встревожен именно в тот день, когда прочел в газетах, что их выпускают на свободу.

— Совершенно верно. А все его страхи, что его могут ограбить, для отвода глаз.

— Но почему он не сказал всей правды вам?

— Ну, видите ли, уважаемый сэр, он знал мстительный характер своих бывших сообщников и пытался как можно дольше скрывать ото всех, кто он на самом деле. Это была постыдная тайна, и он не мог заставить себя признаться мне. Однако, каким бы негодяем он ни был, он все же жил под защитой английских законов, и я не сомневаюсь, что вы, инспектор, примете надлежащие меры. Щит правосудия на этот раз не помог, но меч его по-прежнему обязан карать.

Таковы были странные обстоятельства, связанные с делом постоянного пациента и его врача с Брук-стрит. Полиция так и не нашла убийц, и в Скотленд-Ярде решили, что они уплыли из Англии на злополучном пароходе «Норма Крейна», который исчез несколько лет назад со всей командой у берегов Португалии, в нескольких лигах[55] севернее Опорто. Судебное дело

против мальчика-слуги было прекращено за недостатком улик. В газетах «тайна Брук-стрит» до настоящего времени полностью не освещалась.

Морской договор

Июль того года, когда я женился, памятен мне по трем интересным делам. Я имел честь присутствовать при их расследовании. В моих дневниках они называются: «Второе пятно», «Морской договор» и «Усталый капитан». Первое из этих дел связано с интересами высокопоставленных лиц, в нем замешаны самые знатные семейства королевства, так что долгие годы было невозможно предать его гласности. Но именно оно наиболее ясно иллюстрирует аналитический метод Холмса, который произвел глубочайшее впечатление на всех, кто принимал участие в расследовании. У меня до сих пор хранится почти дословная запись беседы, во время которой Холмс рассказал все, что доподлинно произошло, месье Дюбюку из парижской полиции и Фрицу фон Вальдбауму, известному специалисту из Данцига, которые потратили немало энергии, распутывая нити, оказавшиеся второстепенными. Но только когда наступит новый век, рассказать этот случай можно будет безо всякого ущерба для кого бы то ни было. А сейчас мне хотелось бы рассказать историю с морским договором. Это дело в свое время тоже имело государственное значение, и в нем есть несколько моментов, придающих ему совершенно уникальный характер.

Еще в школьные годы я сдружился с Перси Фелпсом, который был почти что моим ровесником, но опередил меня на два класса. У него были блестящие способности — он получал почти все школьные премии и за выдающиеся успехи был удостоен стипендии, которая позволила ему добиться триумфа и в Кембридже. Помнится, у него были большие родственные связи. Еще в школе мы знали, что брат его матери лорд Холдхэрст — крупный деятель консервативной партии. Но тогда это знатное родство приносило ему мало пользы; напротив, было очень забавно вывалять его в пыли на спортивной площадке или ударить ракеткой ниже спины. Другое дело, когда он ступил на путь самостоятельной жизни. Краем уха я слышал, что благодаря своим способностям и влиянию дяди он получил хорошее место в министерстве иностранных дел. Но затем я совершенно забыл о нем, пока не получил следующего письма:

Брайарбрэ, Уокинг.

Дорогой Уотсон, я не сомневаюсь, что вы помните «Головастика» Фелпса, который учился в пятом классе, когда вы были в третьем. Возможно даже вы слышали, что благодаря влиянию моего дяди я получил хорошую должность в министерстве иностранных дел и был в доверии и чести, пока на меня не обрушилось ужасное несчастье, погубившее мою карьеру.

Нет надобности писать обо всех подробностях этого кошмарного происшествия. Если вы снизойдете до моей просьбы, мне все равно придется вам рассказать все от начала до конца.

Я только что оправился от нервной горячки, которая длилась два месяца, и я все еще слаб. Не могли бы вы навестить меня вместе с вашим другом, мистером Холмсом? Мне бы хотелось услышать его мнение об этом деле, хотя авторитетные лица утверждают, что ничего больше поделать нельзя. Пожалуйста, приезжайте с ним как можно скорее. Пока я живу в этом ужасном неведении, мне каждая минута кажется часом.

Объясните ему, что если я не обратится к нему прежде, то не потому, что я не ценил его таланта, а потому, что, с тех пор как на меня обрушился этот удар, я все время находился в беспамятстве. Теперь сознание вернулось ко мне, хотя я и не слишком уверенно чувствую себя, так как боюсь рецидива. Я еще так слаб, что могу, как вы видите, только диктовать. Прошу вас, приходите вместе с вашим другом.

Ваш школьный товарищ Перси Фелпс.

Что-то в его письме тронуло меня, было что-то жалостное в его повторяющихся просьбах привезти Холмса. Попроси он что-нибудь неисполнимое, я и тогда постарался бы все для него сделать, но я знал, как Холмс любит свое искусство, знал, что он всегда готов прийти на

помощь тому, кто в нем нуждается. Моя жена согласилась со мной, что нельзя терять ни минуты, и вот я тотчас после завтрака оказался еще раз в моей старой квартире на Бейкер-стрит.

Холмс сидел в халате за приставным столом и усердно занимался какими-то химическими исследованиями. Над голубоватым пламенем бунзеновской горелки в большой изогнутой реторте неистово кипела какая-то жидкость, дистиллированные капли которой падали в двухлитровую мензурку. Когда я вошел, мой друг даже не поднял головы, и я, видя, что он занят важным делом, сел в кресло и принялся ждать.

Он окунал стеклянную пипетку то в одну бутылку, то в другую, набирая по нескольку капель жидкости из каждой, и наконец перенес пробирку со смесью на письменный стол. В правой руке он держал полоску лакмусовой бумаги.

— Вы пришли в самый ответственный момент, Уотсон, — сказал Холмс. — Если эта бумага останется синей, все хорошо. Если она станет красной, то это будет стоить человеку жизни.

Он окунул полоску в пробирку, и она мгновенно окрасилась в ровный грязновато-алый цвет.

— Гм, я так и думал! — воскликнул он. — Уотсон, я буду к вашим услугам через минуту. Табак вы найдете в персидской туфле.

Он повернулся к столу и написал несколько телеграмм, которые тут же вручил мальчику-слуге. Затем сел на стул, стоявший против моего кресла, поднял колени и, сцепив длинные пальцы, обхватил руками худые, длинные ноги.

— Самое обыкновенное убийство, — сказал он. — Догадываюсь, что вы принесли кое-что получше. Вы вестник преступлений, Уотсон. Что у вас?

Я дал ему письмо, которое он прочел самым внимательным образом.

— В нем сообщается не слишком много, верно? — заметил он, отдавая письмо. — Почти ничего. — И все же почерк интересный. — Но это не его почерк. — Верно. Писала женщина!

— Да нет, это мужской почерк!

— Нет, писала женщина, и притом обладающая редким характером. Видите ли, знать в начале расследования, что ваш клиент, к счастью или на свою беду, тесно общается с незаурядной личностью, — это уже много. Если вы готовы, то мы тотчас отправимся в Уокинг и встретимся с этим попавшим в беду дипломатом и с дамой, которой он диктует свои письма.

На Ватерлоо мы удачно сели на ранний поезд и меньше чем через час оказались среди хвойных лесов и вересковых зарослей Уокинга. Усадьба Брайарбрэ находилась в нескольких минутах ходу от станции. Мы послали свои визитные карточки, и нас провели в гостиную, обставленную элегантной мебелью, куда через несколько минут вошел довольно полный человек, принявший нас очень радушно. Ему было уже лет за тридцать пять, но из-за очень румяных щек и веселых глаз он производил впечатление пухлого, озорного мальчугана.

— Я рад, что вы приехали, — сказал он, экспансивно пожимая наши руки. — Перси все утро спрашивает о вас. Бедняга, он цепляется за любую соломинку. Его отец с матерью просили меня встретить вас, потому что им больно даже упоминание об этом деле.

— Мы пока еще ничего не знаем, — заметил Холмс. — Как я догадываюсь, вы не член этой семьи.

Наш новый знакомый удивился, но, посмотрев вниз, рассмеялся. — Вы, разумеется, увидели монограмму «Дж. Г.» у меня на брелоке, — сказал он. — А я уже было поразился вашей проницательности. Я Джозеф Гаррисон, и так как Перси собирается жениться на моей сестре Энни, то буду его родственником по крайней мере со стороны жены. Сестру мою вы увидите в его комнате — последние два месяца она нянчит его, как ребенка. Пожалуй, нам лучше пройти к нему тотчас: он ждет вас с нетерпением.

Комната, в которую нас провели, была на том же этаже, что и гостиная. Это была полугостиная-полуспальня, в ней было много цветов. Теплый летний воздух, напоенный садовыми ароматами, вливался в раскрытое окно, у которого на кушетке лежал очень бледный и изможденный молодой человек.

Когда мы вошли, сидевшая рядом с ним женщина встала.

— Я пойду, Перси? — спросила она.

Он схватил ее за руку, чтобы удержать.

— Здравствуйте, Уотсон, — сказал он сердечно. — Вы отпустили усы — я бы ни за что не узнал вас, да и меня узнать мудрено. А это, наверно, ваш знаменитый друг — мистер Шерлок Холмс?

Я коротко представил Холмса, и мы оба сели. Толстый молодой человек вышел, но его сестра осталась с больным, который не выпускал ее руки. Это была женщина примечательной внешности — с красивым смугловатым цветом лица, большими черными миндалевидными глазами и копной иссиня-черных волос, но для своего небольшого роста она была, пожалуй, несколько полновата. По контрасту с ее яркими красками бледное лицо ее жениха казалось еще более осунувшимся, изможденным.

— Я не хочу, чтобы вы теряли время, — сказал он, приподнявшись на кушетке, — и сразу перейду к делу. Я был счастливым и преуспевающим человеком, мистер Холмс. Уже готовилась моя свадьба, как вдруг ужасная беда разрушила все мои жизненные планы.

Уотсон, наверно, говорил вам, что я служил в министерстве иностранных дел и благодаря влиянию моего дяди, лорда Холдхэрста, быстро получил ответственную должность. Когда дядюшка стал министром иностранных дел в нынешнем правительстве, он стал давать мне ответственные поручения, и, так как я выполнял их с неизменным успехом, он в конце концов совершенно уверился в моих способностях н дипломатическом такте.

Примерно десять недель назад, а точнее, двадцать третьего мая, он вызвал меня к себе в кабинет н, похвалив за старание, сказал, что хочет поручить мне новое ответственное дело.

«Вот это, — сказал он, беря серый свиток бумаги со стола, — оригинал тайного договора между Англией и Италией, сведения о котором уже просочились, к сожалению, в печать. Чрезвычайно важно, чтобы в дальнейшем никакой утечки информации не было. Французское или русское посольства заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать содержание этого документа. Я бы предпочел не вынимать его из ящика моего письменного стола, если бы не было настоятельной необходимостью снять с него копию. В вашем кабинете есть сейф?»

«Да, сэр».

«Тогда возьмите договор и заприте его в сейфе. Я дам указание, чтобы вам разрешили остаться, когда все уйдут, и вы сможете снять копию, не спеша и не боясь, что за вами будут подглядывать. Когда вы все кончите, заприте и оригинал и копию в сейф и завтра утром вручите их мне лично». Я взял документ и…

— Простите, — перебил его Холмс, — вы были один во время разговора?

— Совершенно один.

— В большой комнате?

— Футов тридцать на тридцать.

— Посередине ее?

— Да, примерно.

— И говорили тихо?

— Дядя всегда говорит очень тихо. А я почти ничего не говорил.

— Спасибо, — сказал Холмс, закрывая глаза. — Пожалуйста, продолжайте.

— Я сделал точно так, как он мне велел, и подождал, пока уйдут клерки. Один из клерков, работавших со мной в одной комнате, Чарльз Горо, не управился вовремя со всей работой, и поэтому я решил сходить пообедать. Когда я вернулся, он уже ушел. Мне не терпелось поскорее закончить работу: я знал, что Джозеф — мистер Гаррисон, которого вы только что видели, — в городе и что он поедет в Уокинг одиннадцатичасовым поездом. И я тоже хотел поспеть на этот поезд.

С первого же взгляда я понял, что дядя нисколько не преувеличил значения договора. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что им определялась позиция Великобритании по отношению к Тройственному союзу и предопределялась будущая политика нашей страны па тот случай, если французский флот по своей боевой мощи превзойдет в Средиземном море итальянский флот. В договоре трактовались вопросы, имеющие отношение только к военно-морским делам. В конце стояли подписи высоких договаривающихся сторон. Я пробежал глазами договор и стал переписывать его.

Это был пространный документ, написанный на французском языке и насчитывающий двадцать шесть статей. Я писал очень быстро, но к девяти часам одолел всего лишь девять статей и уже потерял надежду попасть на поезд. Я хотел спать и плохо соображал, потому что плотно пообедал, да и сказывался целый день работы. Чашка кофе взбодрила бы меня. Швейцар у нас дежурит всю ночь в маленькой комнате возле лестницы и обычно варит на спиртовке кофе для тех сотрудников, которые остаются работать в неурочное время. И я звонком вызвал его.

К моему удивлению, на звонок пришла высокая, плотная, пожилая женщина в фартуке. Это была жена швейцара, работающая у нас уборщицей, и я попросил ее сварить кофе.

Переписав еще две статьи, я почувствовал, что совсем засыпаю, встал и прошелся по комнате, чтобы размять ноги. Кофе мне еще не принесли, и я решил узнать, в чем там дело. Открыв дверь, я вышел в коридор. Из комнаты, где я работал, можно пройти к выходу только плохо освещенным коридором. Он кончается изогнутой лестницей, спускающейся в вестибюль, где находится к комнатка швейцара. Посередине лестницы есть площадка, от которой под прямым углом отходит еще один коридор. По нему, минуя небольшую лестницу, можно пройти к боковому входу, которым пользуются слуги и клерки, когда они идут со стороны Чарльз-стрит и хотят сократить путь.

— Спасибо. Я внимательно слушаю вас, — сказал Шерлок Холмс.

— Вот что очень важно. Я спустился по лестнице в вестибюль, где нашел швейцара, который крепко спал. На спиртовке, брызгая водой на пол, бешено кипел чайник. Я протянул было руку, чтобы разбудить швейцара, который все еще крепко спал, как вдруг над его головой громко зазвонил звонок. Швейцар, вздрогнув, проснулся.

«Это вы, мистер Фелпс!» — сказал он, смущенно глядя на меня.

«Я сошел вниз, чтобы узнать, готов ли кофе».

«Я варил кофе и уснул, сэр, — сказал он, взглянул на меня и уставился на все еще раскачивающийся звонок. Лицо его выражало крайнее изумление. — Сэр, если вы здесь, то кто же тогда звонил?» — спросил он.

«Звонил? — переспросил я. — Что вы имели в виду? Что это значит?»

«Этот звонок из той комнаты, где вы работаете».

Мое сердце словно сжала ледяная рука. Значит, сейчас кто-то есть в комнате, где лежит на столе мой драгоценный договор. Что было духу я понесся вверх по лестнице, по коридору. В коридоре не было никого, мистер Холмс. Не было никого и в комнате. Все лежало на своих местах, кроме доверенного мне документа, — он исчез со стола. Копия была на столе, а оригинал пропал.

Холмс откинулся на спинку стула и потер руки. Я видел, что дело это захватило его.

— Скажите, пожалуйста, а что вы сделали потом? — спросил он.

— Я мигом сообразил, что похититель, по-видимому, поднялся наверх, войдя в дом с переулка. Я бы, наверно, встретился с ним, если бы он шел другим путем.

— А вы убеждены, что он не прятался все это время в комнате или в коридоре, который, по вашим словам, был плохо освещен?

— Это совершенно исключено. В комнате или коридоре не спрячется и мышь. Там просто негде прятаться.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Швейцар, увидев по моему побледневшему лицу, что случилась какая-то беда, тоже поднялся наверх. Мы оба бросились вон из комнаты, побежали по коридору, а затем по крутой лесенке, которая вела на Чарльз-стрит. Дверь внизу была закрыта, но не заперта. Мы распахнули ее и выбежали на улицу. Я отчетливо помню, что со стороны соседней церкви донеслось три удара колоколов. Было без четверти десять.

— Это очень важно, — сказал Холмс, записав что-то на манжете сорочки.

— Вечер был очень темный, шел мелкий теплый дождик. На Чарльз-стрит не было никого, на Уайтхолл, как всегда, движение продолжалось самое бойкое. В чем были, без головных уборов, мы побежали по тротуару и нашли на углу полицейского.

«Совершена кража, — задыхаясь, сказал я. — Из министерства иностранных дел украден чрезвычайно важный документ. Здесь кто-нибудь проходил?»

«Я стою здесь уже четверть часа, сэр, — ответил полицейский, — за все это время прошел только один человек — высокая пожилая женщина, закутанная в шаль».

«А, это моя жена, — сказал швейцар. — А кто-нибудь еще не проходил?»

«Никто».

«Значит, вор, наверно, пошел в другую сторону», — сказал швейцар и потянул меня за рукав.

Но его попытка увести меня отсюда только усилила возникшее у меня подозрение. «Куда пошла женщина?» — спросил я. «Не знаю, сэр. Я только заметил, как она прошла мимо, но причин следить за ней у меня не было. Кажется, она торопилась». «Как давно это было?» «Несколько минут назад». «Сколько? Пять?» «Ну, не больше пяти».

«Мы напрасно тратим время, сэр, а сейчас дорога каждая минуту, — уговаривал меня швейцар. — Поверьте мне, моя старуха никакого отношения к этому не имеет. Пойдемте скорее в другую сторону от входной двери. И если вы не пойдете, то я пойду один».

С этими словами он бросился в противоположную сторону. Но я догнал его и схватил за рукав. «Где вы живете?» — спросил я.

«В Брикстоне. Айви-лейн, 16, — ответил он, — но вы на ложном следу, мистер Фелпс. Пойдем лучше в ту сторону улицы и посмотрим, нет ли там чего!»

Терять было нечего. Вместе с полицейским мы поспешили в противоположную сторону и вышли на улицу, где было большое движение и масса прохожих. Но все они в этот сырой вечер только и мечтали поскорее добраться до крова. Не нашлось ни одного праздношатающегося, который бы мог сказать нам, кто здесь проходил. Потом мы вернулись в здание, поискали на лестнице и в коридоре, но ничего не нашли. Пол в коридоре покрыт кремовым линолеумом, на котором заметен всякий след. Мы тщательно осмотрели его, но не обнаружили никаких следов.

— Дождь шел весь вечер?

— Примерно с семи.

— Как же в таком случае женщина, заходившая в комнату около девяти, не наследила своими грязными башмаками?

— Я рад, что вы обратили внимание на это обстоятельство. То же самое пришло в голову и мне. Но оказалось, что уборщицы обычно снимают башмаки в швейцарской и надевают матерчатые туфли.

— Понятно. Значит, хотя на улице в тот вечер шел дождь, никаких следов не оказалось? Дело принимает чрезвычайно интересный оборот. Что вы сделали затем?

— Мы осмотрели и комнату. Потайной двери там быть не могло, а от окон до земли добрых футов тридцать. Оба окна защелкнуты изнутри. На полу ковер, так что люк исключается, а потолок обыкновенный, беленый. Кладу голову на отсечение, что украсть документ могли, только войдя в дверь.

— А через камин?

— Камина нет. Только печка. Шнур от звонка висит справа от моего стола. Значит, тот, кто звонил, стоял по правую руку. Но зачем понадобилось преступнику звонить? Это неразрешимая загадка.

— Происшествие, разумеется, необычайное. Но что вы делали дальше? Вы осмотрели комнату, я полагаю, чтобы убедиться, не оставил ли незваный гость каких-нибудь следов своего пребывания — окурков, например, потерянной перчатки, шпильки или другого пустяка?

— Ничего не было.

— А как насчет запахов?

— Об этом мы не подумали.

— Запах табака оказал бы нам величайшую услугу при расследовании.

— Я сам не курю и поэтому заметил бы табачный запах. Нет. Зацепиться там было совершенно не за что. Одно только существенно — жена швейцара миссис Танджи спешно покинула здание. Сам швейцар объяснил, что его жена всегда в это время уходит домой. Мы с полицейским решили, что лучше всего было бы немедленно арестовать женщину, чтобы она не успела избавиться от документа, если, конечно, похитила его она.

Мы тут же дали знать в Скотленд-Ярд, и оттуда тотчас прибыл сыщик мистер Форбс, энергично взявшийся за дело. Наняв кеб, мы через полчаса уже стучались в дверь дома, где жил швейцар. Нам отворила девушка, оказавшаяся старшей дочерью миссис Танджи. Ее мать еще не вернулась, и нас провели в комнату.

Минут десять спустя раздался стук. И тут мы совершили серьезный промах, в котором я виню только себя. Вместо того чтобы открыть дверь самим, мы позволили сделать это девушке. Мы услышали, как она сказала: «Мама, тебя ждут двое мужчин», — и тотчас услышали в коридоре быстрый топот. Форбс распахнул дверь, и мы оба бросились за женщиной в заднюю комнату или кухню. Она вбежала туда первая и вызывающе взглянула на нас, но потом вдруг, узнав меня, от изумления даже переменилась в лице.

«Да это же мистер Фелпс из министерства!» — воскликнула она.

«А вы за кого нас приняли? Почему бросились бежать от нас?» — спросил мой спутник.

«Я думала, пришли описывать имущество, — сказала она. — Мы задолжали лавочнику».

«Придумано не так уж ловко, — парировал Форбс. — У нас есть причины подозревать вас в краже важного документа из министерства иностранных дел. И я думаю, что вы бросились в кухню, чтобы спрятать его. Вы должны поехать с нами в Скотленд-Ярд, где вас обыщут».

Напрасно она протестовала и сопротивлялась. Подъехал кеб, и мы все трое сели в него. Но перед тем мы все-таки осмотрели кухню и особенно очаг, предположив, что она успела сжечь бумаги за то короткое время, пока была в кухне одна. Однако ни пепла, ни обрывков мы не нашли. Приехав в Скотленд-Ярд, мы сразу передали ее в руки одной из сотрудниц. Я ждал ее доклада, сгорая от нетерпения. Но никакого документа не нашли.

Тут только я понял весь ужас моего положения. До сих пор я действовал и, действуя, забывался. Я был совершенно уверен, что договор найдется немедленно, и не смел даже думать о том, какие последствия меня ожидают, если этого не случится. Но теперь, когда розыски окончились, я мог подумать о своем положении. Оно было поистине ужасно! Уотсон вам скажет, что в школе я был нервным, чувствительным ребенком. Я подумал о дяде и его коллегах по кабинету министров, о позоре, который я навлек на него, на себя, на всех, кто был связан со мной. А что, если я стал жертвой какого-то невероятного случая? Никакая случайность не допустима, когда на карту становятся дипломатические интересы. Я потерпел крах, постыдный, безнадежный крах. Не помню, что я потом делал. Наверно, со мной была истерика. Смутно припоминаю столпившихся вокруг и старающихся утешить меня служащих Скотланд-Ярда. Один из них поехал со мной до Ватерлоо и посадил меня в поезд на Уокинг. Наверно, он проводил бы меня до самого дома, если бы не подвернулся доктор Ферьер, живущий по соседству от нас и ехавший тем же поездом. Доктор любезно взял на себя заботу обо мне, и как раз вовремя, потому что на станции у меня начался припадок, и мы еще не добрались до дому, как я превратился в буйнопомешанного.

Можете представить себе, что здесь было, когда после звонка доктора все поднялись с постелей и увидели меня в таком состоянии. Бедняжка Энни, сидящая здесь, и моя мать были в отчаянии. Доктор Ферьер рассказал родным то, что ему сообщил на вокзале сыщик, и только подлил масла в огонь. Всем было ясно, что я заболел надолго, а посему Джозефа выпроводили из этой веселой комнаты и обратили ее в больничную палату. Здесь я и провалялся более девяти недель в полном беспамятстве и бреду. Если бы не мисс Гаррисон и не заботы доктора, я бы еще и сейчас не был способен здраво рассуждать. Энни ходила за мной днем, а ночью дежурила сиделка, так как в приступе безумия я мог сделать что угодно. Постепенно сознание мое прояснилось, но память ко мне вернулась только три дня назад. Порой мне хочется вовсе лишиться ее. В первую очередь я попросил телеграфировать мистеру Форбсу, который расследует дело. Он приехал и заверил меня, что делается все возможное, хотя на след преступника еще не напали. Швейцара и его жену проверили самым тщательным образом и ничего не обнаружили. Тогда полиция стала подозревать Горо, который, как вы помните, оставался в тот вечер работать дольше других. Подозрение могла вызвать только его французская фамилия и тот факт, что он тогда задержался в министерстве; но я приступил к работе лишь после его ухода, а он сам и его семья — предки Горо были гугенотами — по своим симпатиям и образу жизни такие же англичане, как вы и я. Как бы там ни было, инкриминировать ему ничего не могли, и пришлось отказаться и от этой версии. Вы, мистер Холмс, — моя последняя надежда. Если вы не спасете меня, моя честь и мое положение — все погибло безвозвратно.

Устав от длинного рассказа, больной опустился на подушки, а его сиделка налила ему в стакан какую-то успокаивающую микстуру. Холмс сидел, запрокинув голову и закрыв глаза, и молчал. Стороннему человеку показалось бы, что им овладело безразличие, но я-то знал, что эта его поза означает напряженнейшую работу мысли.

— Ваш рассказ был настолько исчерпывающим, — сказал он наконец, — что мне почти нечего спрашивать.

Но один вопрос, имеющий первостепенное значение, я вам все-таки задам. Говорили вы кому-нибудь о том, что получили специальное задание?

— Никому.

— Хотя бы вот… мисс Гаррисон?

— Нет. Я не был в Уокинге после того, как мне дали это задание.

— И ни с кем из ваших вы тогда случайно не виделись?

— Ни с кем.

— Кто-нибудь из них знает, где расположена ваша комната в министерстве?

— О да, у меня там бывали все.

— Конечно, этот последний вопрос излишен, если вы никому ничего не говорили.

— Никому ничего.

— Что вы знаете о швейцаре?

— Ничего, кроме того, что он отставной солдат.

— Какого полка?

— Я слышал, как будто… Коулдстрим-Гардз.

— Спасибо. Я не сомневаюсь, что узнаю подробности у Форбса. Следователи Скотланд-Ярда отлично умеют собирать факты, но не всегда умеют объяснить их. Ах, какая прелестная роза!

Холмс прошел мимо кушетки к открытому окну, приподнял опустившийся стебель розы и полюбовался тончайшими оттенками розового и зеленого. Эта сторона его характера мне еще не была знакома — я до сих пор ни разу не видел, чтобы он проявлял интерес к живой природе.

— Нигде так не нужна дедукция, как в религии, — сказал он, прислонившись к ставням. — Логик может поднять ее до уровня точной науки. Мне кажется, что своей верой в божественное провидение мы обязаны цветам. Все остальное — наши способности, наши желания, наша пища — необходимо нам в первую очередь для существования. Но роза дана нам сверх всего. Запах и цвет розы украшают жизнь, а не являются условием ее существования. Только божественное провидение может быть источником прекрасного. Вот почему я и говорю: пока есть цветы, человек может надеяться.

Перси Фелпс и его невеста с удивлением слушали разглагольствования Холмса, и на их лицах появилось разочарование. Держа розу в пальцах, он замечтался. Это продолжалось несколько минут, пока голос молодой женщины не заставил его очнуться.

— Вы уже видите, как можно решить эту загадку? — резковато сказала она.

— О, загадку! — откликнулся он, опускаясь с небес на землю. — Было бы нелепо отрицать, что дело это весьма трудное и запутанное, но я обещаю заняться им серьезно и держать вас в курсе дела.

— У вас уже есть какая-нибудь версия?

— У меня их есть уже семь, но я, разумеется, должен все проверить, прежде чем высказать их вслух.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Я подозреваю себя…

— Что?

— В том, что делаю слишком поспешные выводы.

— В таком случае поезжайте в Лондон и проверьте их.

— Вы дали прекрасный совет, мисс Гаррисон, — вставая, сказал Холмс. — Думаю, Уотсон, это лучшее, что мы можем предпринять. Не позволяйте себе тешиться слишком радужными надеждами, мистер Фелпс. Дело очень запутанное.

— Я места себе не найду, пока снова не увижу вас, — взмолился дипломат.

— Хорошо, я приеду завтра тем же поездом, хотя более чем вероятно, что не сообщу вам ничего нового.

— Благослови вас бог за ваше обещание приехать, — сказал наш клиент. — Я знаю теперь, что дело в надежных руках, и это придает мне силы. Кстати, я получил письмо от лорда Холдхэрста.

— Так. Что он пишет?

— Он холоден, но не резок. Думаю, что он щадит меня только из-за моего состояния. Он пишет, что дело чрезвычайно серьезное, но что в отношении моего будущего ничего не будет предприниматься — он, конечно, имеет в виду увольнение, — пока я не встану на ноги и не получу возможности исправить положение.

— Ну, это все очень разумно и деликатно, — сказал Холмс.

— Пойдемте, Уотсон, у нас в городе работы на целый день.

Мистер Джозеф Гаррисон отвез нас на станцию, и вскоре мы уже мчались в портсмутском поезде. Холмс глубоко задумался и не проронил ни слова, пока мы не проехали узловой станции Клэпем.

— Очень интересно подъезжать к Лондону по высокому месту и смотреть на дома внизу.

Я подумал, что он шутит, потому что вид был совсем непривлекательный, но он тут же пояснил:

— Посмотрите вон на те большие дома, громоздящиеся над шиферными крышами, как кирпичные острова в свинцово-сером море.

— Это казенные школы.

— Маяки, друг мой! Бакены будущего! Коробочки с сотнями светлых маленьких семян в каждой. Из них вырастет просвещенная Англия будущего. Кажется, этот Фелпс не пьет?

— Думаю, что нет.

— И я так тоже думаю. Но мы обязаны предусмотреть все. Бедняга увяз по уши, а вытащим ли мы его из этой трясины — еще вопрос. Что вы думаете о мисс Гаррисон?

— Девушка с сильным характером. — И к тому же неплохой человек, если я не ошибаюсь. Они с братом — единственные дети фабриканта железных изделий, живущего где-то на севере, в Нортумбер-ленде. Фелпс обручился с ней этой зимой, во время своего путешествия, и она в сопровождении брата приехала познакомиться с родными жениха. Затем произошла катастрофа, и она осталась, чтобы ухаживать за возлюбленным. Ее брат Джозеф, найдя, что тут довольно неплохо, остался тоже. Я уже, как видите, навел кое-какие справки. И сегодня нам придется заниматься этим весь день.

— Мои пациенты… — начал было я.

— О, если вы находите, что ваши дела интереснее моих… — сердито перебил меня Холмс.

— Я хотел сказать, что мои пациенты проживут без меня денек-другой, тем более что в это время года болеют мало.

— Превосходно, — сказал он, снова приходя в хорошее настроение. — В таком случае займемся этой историей вдвоем. Думается мне, что в первую очередь нам надо повидать Форбса. Вероятно, он может рассказать нам много интересного. Тогда нам будет легче решить, с какой стороны браться за дело.

— Вы сказали, что у вас уже есть версия.

— Даже несколько, но только дальнейшее расследование может показать, что они стоят. Труднее всего раскрыть преступление, совершенное без всякой цели. Это преступление не бесцельное. Кому оно выгодно? Либо французскому послу, либо русскому послу, либо тому, кто может продать документ одному из этих послов, либо, наконец, лорду Холдхэрсту.

— Лорду Холдхэрсту?!

— Можно же представить себе государственного деятеля в таком положении, когда он не пожалеет, если некий документ будет случайно уничтожен.

— Но только не лорд Холдхэрст. У этого государственного деятеля безупречная репутация.

— А все-таки мы не можем позволить себе пренебречь и такой версией. Сегодня мы навестим благородного лорда и послушаем, что он нам скажет. Между прочим, расследование уже идет полным ходом.

— Уже?

— Да, я послал до станции Уокинг телеграммы в вечерние лондонские газеты. Это объявление появится сразу во всех газетах.

Он дал мне листок, вырванный из записной книжки. Там было написано карандашом:

«10 фунтов стерлингов вознаграждения всякому, кто сообщит номер кеба, с которого седок сошел на Чарльз-стрит возле подъезда министерства иностранных дел без четверти десять вечера 23 мая. Обращаться по адресу: Бейкер-стрит, 221-б».

— Вы уверены, что похититель приехал в кебе?

— Если и не в кебе, то вреда никакого не будет. Но если верить мистеру Фелпсу, что ни в комнате, ни в коридоре спрятаться нельзя, значит, человек должен был прийти с улицы. Если он пришел с улицы в такой дождливый вечер и не оставил мокрых следов на линолеуме, который тут же тщательно осмотрели, более чем вероятно, что он приехал в кебе. Да, я думаю, можно смело предположить, что он приехал в кебе.

— Это выглядит правдоподобно.

— Такова одна из версий, о которых я говорил. Возможно, она приведет к чему-нибудь. Потом, разумеется, надо выяснить, почему зазвенел звонок, — это самая приметная деталь. Что это: бравада похитителя? Или кто-то хотел помешать преступнику? Или просто случайность?

Холмс замолчал и снова стал напряженно думать, и мне, знакомому со всеми его настроениями, показалось, что мысли его вдруг устремились по новому руслу.

Мы были на городском вокзале в двадцать минут четвертого и, наскоро закусив в буфете, сразу отправились в Скотленд-Ярд. Холмс уже телеграфировал Форбсу, и он нас ждал. Это был коротышка с решительным, но отнюдь не дружелюбным выражением лисьей физиономии. Он принял нас очень холодно, особенно когда узнал, по какому делу мы пришли.

— Я уже слышал о ваших методах, мистер Холмс, — сказал он с кислым видом. — Вы пользуетесь всей информацией, какую может предоставить в ваше распоряжение полиция, легко находите преступника и лишаете наших сыщиков заслуженных Лавров.

— Напротив, — возразил Холмс, — из последних пятидесяти трех преступлений, мною раскрытых, только о четырех стало известно, что это сделал я, а остальные же сорок девять на счету полиции. Я не виню вас за то, что вы не знаете этого: вы еще молоды и неопытны, но если вы хотите преуспеть в своей новой должности, вы станете работать со мной, а не против меня.

— Я был бы рад, если бы вы мне дали несколько советов по этому делу, — сказал сыщик, сменив гнев на милость. — Мне пока еще нечем похвастаться.

— Что вы предприняли?

— Мы следили за Танджи, швейцаром. Он ушел в отставку из гвардии с хорошей характеристикой, никаких компрометирующих данных у нас о нем нет, но у жены его дурная слава. Думается мне, она знает больше, чем это кажется.

— За ней вы следили?

— Мы подставили к ней одну из наших сотрудниц. Миссис Танджи пьет, наша сотрудница провела с ней два вечера, но ничего не могла вытянуть из нее.

— Кажется, к ним наведывались судебные исполнители?

— Да, но им заплатили.

— А откуда взялись деньги?

— Здесь все в порядке. Швейцар как раз получил пенсию. Нет никаких признаков, что у них стали водиться деньги.

— Как она объяснила, что в тот вечер на звонок мистера Фелпса поднялась она?

— Она сказала, что муж очень устал и она хотела помочь ему.

— Что ж, это согласуется с тем, что немного позже его нашли спящим на стуле. Значит, против них нет никаких улик, разве что у женщины плохая репутация. Вы спросили, почему она так спешила в тот вечер? Ее поспешность привлекла внимание постового полицейского.

— Она задержалась против обычного и хотела поскорее добраться домой.

— Вы указали ей на то, что вы с мистером Фелпсом, выйдя из министерства по крайней мере минут на двадцать позже нее, добрались до ее дома раньше?

— Она объясняет это разницей в скорости омнибуса и кеба.

— А сказала она, почему, придя домой, она бегом бросилась в кухню?

— У нее там были приготовлены деньги для судебных исполнителей.

— У нее, я вижу, есть ответ на любой вопрос. А спросили вы ее, не встретила ли она кого-нибудь на Чарльз-стрит, когда выходила из министерства?

— Она не видела никого, кроме постового.

— Допросили вы ее тщательно. А что еще вы сделали?

— Следили все эти десять недель за клерком Горо, но безрезультатно. Против него нет никаких улик…

— Что еще?

— Вот и все… и ни следов, ни улик.

— Вы думали над тем, почему звонил звонок?

— Должен признаться, что я в полном недоумении. Кто бы он ни был, но у этого человека железные нервы… Взять и самому поднять тревогу!

— Да, очень странный поступок. Большое спасибо за сведения. Если я найду преступника, я дам вам знать. Пойдем, Уотсон!

— Куда теперь? — спросил я, когда мы вышли из кабинета.

— Теперь мы пойдем и побеседуем с лордом Холдхэрстом, членом кабинета министров и будущим премьером Англии.

К счастью, лорд Холдхэрст был еще в своем служебном кабинете. Холмс послал свою визитную карточку, и нас тотчас привели к нему. Государственный деятель принял нас со старомодной учтивостью, которой он отличался, и усадил в роскошные удобные кресла, стоящие по обе стороны камина. Он стоял перед нами на ковре, высокий, худощавый, с резкими чертами одухотворенного лица, с вьющимися, рано тронутыми сединой волосами. Живое воплощение так редко встречающегося истинного благородства.

— Ваше имя мне очень хорошо знакомо, мистер Холмс, — улыбаясь, сказал он. — И, разумеется, я не буду притворяться, что не знаю о цели вашего визита. Только одно происшествие, случившееся в этом учреждении, могло привлечь ваше внимание. Могу ли я спросить, чьи интересы вы представляете?

— Мистера Перси Фелпса, — ответил Холмс.

— О, моего несчастного племянника! Вы понимаете, что из-за нашего родства мне гораздо труднее защищать его. Боюсь, что это происшествие скажется губительно на его карьере.

— А если документ будет найден?

— Тогда, разумеется, все будет иначе.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, лорд Холдхэрст.

— Я буду рад дать вам любые сведения, которыми я располагаю.

— В этом кабинете вы дали указание переписать документ?

— Да.

— Следовательно, вас вряд ли могли подслушать?

— Это исключается.

— Говорили вы кому-нибудь, что хотите отдать договор для переписки?

— Не говорил.

— Вы уверены в этом?

— Совершенно уверен.

— Но если ни вы, ни мистер Фелпс никому ничего не говорили, то, значит, похититель оказался в комнате клерков совершенно случайно. Он увидел документ и решил воспользоваться счастливым случаем.

Государственный деятель улыбнулся.

— Это уже вне моей компетенции, — сказал он.

Холмс минуту помолчал.

— Есть еще одно важное обстоятельство, которое я хотел бы обсудить с вами, — сказал Холмс. — Насколько я понимаю, вы опасаетесь очень серьезных последствий, если станет известно содержание договора.

По выразительному лицу министра пробежала тень.

— Да, очень серьезных.

— Сейчас уже заметно что-нибудь?

— Пока нет.

— Если бы договор попал в руки, скажем, французского или русского министерства иностранных дел, вы бы узнали об этом?

— Мне следовало бы знать, — поморщившись, сказал лорд Холдхэрст.

— Но прошло уже десять недель, а ничего еще не произошло. Значит, есть основания полагать, что по какой-то причине договор еще не попал к тому, кто в нем заинтересован.

Лорд Холдхэрст пожал плечами.

— Вряд ли можно полагать, мистер Холмс, что похититель унес договор, чтобы вставить его в рамку и повесить на стену.

— Может быть, он ждет, чтобы ему предложили побольше.

— Еще немного — и он вообще ничего не получит. Через несколько месяцев договор уже ни для кого не будет секретом.

— Это очень важно, — сказал Холмс. — Разумеется, можно еще предположить, что похититель внезапно заболел…

— Нервной горячкой, например? — спросил министр, бросив на Холмса быстрый взгляд.

— Я этого не говорил, — невозмутимо сказал Холмс. — А теперь, лорд Холдхэрст, позвольте откланяться, мы и так отняли у вас столько драгоценного времени.

— Желаю успеха в вашем расследовании, кто бы ни оказался преступником, — сказан учтиво министр, и мы, откланявшись, вышли.

— Прекрасный человек, — сказал Холмс, когда мы оказались на Уайтхолл. — Но и ему знакома жизненная борьба. Он далеко не богат, а у него много расходов. Вы, разумеется, заметили, что его ботинки побывали в починке? Но я больше не стану, Уотсон, отвлекать вас от ваших прямых обязанностей. Сегодня мне больше нечего делать, разве что пойти и узнать, кто откликнулся на мое объявление о кебе. Но я был бы вам весьма признателен, если бы вы завтра поехали со мной в Уокинг тем же поездом, что и сегодня.

Мы встретились на следующее утро, как договорились, и поехали в Уокинг. Холмс сказал, что на объявление никто не откликнулся и ничего нового по делу нет. При этом лицо у него стало совершенно бесстрастным, как у краснокожего, и я никак не мог определить по его виду, доволен ли он ходом расследования или нет. Помнится, он завел разговор о бертильоновской системе измерений и бурно восхищался этим французским ученым.

Наш клиент все еще находился под надзором своей заботливой сиделки, но вид у него был уже лучше. Когда мы вошли, он без труда встал с кушетки и приветствовал нас.

— Какие новости? — нетерпеливо спросил он.

— Как я и думал, пока никаких, — сказал Холмс. — Я встретился с Форбсом, потом с вашим дядей и начал расследование сразу по нескольким каналам, которые, возможно, и приведут к чему-нибудь.

— Значит, ваш интерес к делу еще не остыл?

— Конечно, нет!

— Благослови вас бог за эти слова! — воскликнула мисс Гаррисон. — Если мы будем мужественны и терпеливы, правда непременно откроется.

— А у нас новостей побольше, чем у вас, — сказал Фелпс, снова садясь на кушетку.

— Я ожидал этого.

— Да, ночью у нас было происшествие, и, кажется, весьма серьезное. — Он нахмурился, и в его глазах мелькнул страх. — Знаете, я уже начинаю подозревать, что стал нечаянной жертвой чудовищного заговора и что заговорщики посягают не только на мою честь, но и на мою жизнь!

— Ого! — воскликнул Холмс.

— Это кажется невероятным, потому что, как я раньше считал, у меня нет в целом мире ни одного врага. Но прошлой ночью я убедился в обратном.

— Продолжайте, пожалуйста.

— К вашему сведению, я прошлую ночь впервые провел без сиделки. Мне стало гораздо лучше, и я думал, что смогу обойтись без нее. В комнате горел ночник. Часа в два ночи я забылся тревожным сном, как вдруг меня разбудил негромкий шорох, похожий на то, как скребется мышь. Некоторое время я лежал прислушиваясь. Мышь, решил я, но тут шум усилился, и вдруг со стороны окна донесся резкий металлический скрежет. Я сразу догадался, в чем дело. Слабый шум производился инструментом, который кто-то старался просунуть в щель между оконными створками, а скрежет — отодвигаемым шпингалетом.

Потом наступила примерно десятиминутная пауза — словно человек хотел убедиться, не проснулся ли я от шума. Затем я услышал легкое поскрипывание, и окно стало медленно раскрываться. Я не выдержал — нервы у меня теперь не те. Соскочил с постели и распахнул ставни. Под окном на корточках сидел какой-то человек. На нем было что-то вроде плаща, скрывавшего и нижнюю часть лица. В одном только я уверен: рука его сжимала какое-то оружие. Мне показалось, что это длинный нож. Я отчетливо видел, как блеснул металл, когда человек бросился бежать.

— Очень интересно, — сказал Холмс. — И что же вы сделали?

— Если бы я не был так слаб, я бы выскочил в раскрытое окно и побежал за ним. Но я мог только позвонить и поднял на ноги весь дом. Сделать это удалось не сразу: звонок звенит на кухне, а все слуги спят наверху. На мой крик сверху прибежал Джозеф, он и разбудил остальных. На клумбе под окном Джозеф с конюхом нашли следы, но земля была настолько сухая, что дальше, в траве, следы затерялись. Но на деревянном заборе, отделяющем сад от дороги, осталась отметина — ее нашли Джозеф с конюхом, — кто-то перелезал через забор и надломил доску. Я еще ничего не говорил местным полицейским, потому что хотел сперва выслушать ваше мнение.

Рассказ нашего клиента произвел на Шерлока Холмса сильное впечатление. Он вскочил со стула и, не скрывая волнения, стал быстро ходить по комнате.

— Беда никогда не приходит одна, — сказал Фелпс, улыбаясь, хотя было видно, что происшествие его потрясло.

— К вам — во всяком случае, — сказал Холмс. — Не могли бы вы обойти со мной вокруг дома?

— Погреться немного на солнышке мне бы не повредило. Джозеф тоже пойдет.

— И я, — сказала мисс Гаррисон.

— Боюсь, что вам лучше остаться здесь, — покачал головой Холмс. — Сидите в этой комнате и никуда не отлучайтесь.

Девушка с недовольным видом села. Ее брат, однако, пошел с нами. Мы все четверо обогнули газон и приблизились к окну комнаты молодого дипломата. На клумбе, как он и говорил, были следы, но безнадежно затоптанные. Холмс склонился над ними, тут же выпрямился и пожал плечами.

— Ну, здесь немногое можно увидеть, — сказал он. — Давайте вернемся к дому и поглядим, почему взломщик выбрал именно эту комнату. Мне кажется, большие окна гостиной и столовой должны были показаться ему более привлекательными.

— Их лучше видно с дороги, — предположил мистер Джозеф Гаррисон.

— Да, разумеется. А эта дверь куда ведет? Он мог бы ее попытаться взломать.

— Это вход для лавочников. На ночь она запирается.

— А раньше когда-нибудь случалось подобное?

— Никогда, — ответил наш клиент.

— У вас есть столовое серебро или еще что-нибудь, что может привлечь грабителя?

— В доме нет ничего ценного.

Засунув руки в карманы. Холмс с необычным для него беспечным видом завернул за угол.

— Кстати, — обратился он к Джозефу Гаррисону, — вы, помнится, обнаружили место, где вор сломал забор. Пойдемте туда, посмотрим.

Молодой человек привел нас к забору, — у одной тесины верхушка была надломлена, и кусок ее торчал. Холмс совсем отломал ее и с сомнением осмотрел.

— Думаете, это сделано вчера вечером? Судя по излому, здесь лезли уже давно.

— Может быть.

— И по другую сторону забора нет никаких следов, не видно, чтобы кто-то прыгал. Нет, нам здесь делать нечего. Пойдемте-ка обратно в спальню и поговорим.

Перси Фелпс шел очень медленно, опираясь на руку своего будущего шурина. Холмс быстро пересек газон, и мы оказались у открытого окна гораздо раньше, чем они.

— Мисс Гаррисон, — очень серьезно сказал Холмс, — вы должны оставаться на этом месте в течение всего дня. Ни в коем случае не уходите отсюда. Это необычайно важно.

— Я, разумеется, сделаю так, как вы хотите, мистер Холмс, — сказала удивленно девушка.

— Когда пойдете спать, заприте дверь этой комнаты снаружи и возьмите ключ с собой. Обещаете?

— А как же Перси?

— Он поедет с нами в Лондон.

— А я должна остаться здесь?

— Ради его блага. Этим вы окажете ему большую услугу! Обещайте мне! Хорошо?

Едва девушка успела кивнуть, как вошли ее жених с братом.

— Что ты загрустила, Энни? — спросил ее брат. — Ступай на солнышко.

— Нет, Джозеф, не хочу. У меня немного болит голова, а в этой комнате так прохладно и тихо.

— Что вы теперь намереваетесь делать, мистер Холмс? — спросил наш клиент.

— Видите ли, расследуя это небольшое дело, мы не должны упускать из виду главную цель. И вы бы мне очень помогли, если бы поехали со мной в Лондон.

— Мы едем сейчас же?

— И как можно скорей. Скажем, через час.

— Я чувствую себя довольно хорошо, но будет, ли от меня какой-нибудь толк?

— Самый большой.

— Наверно, вы захотите, чтобы я остался ночевать в Лондоне?

— Именно это я и хотел предложить вам.

— Значит, если мой ночной приятель вздумает посетить меня еще раз, он обнаружит, что клетка пуста. Все мы в полном вашем распоряжении, мистер Холмс. Вы только должны дать нам точные инструкции, что делать. Вероятно, вы хотите, чтобы Джозеф поехал с нами и приглядывал за мной?

— Это необязательно. Мой друг Уотсон, как вы знаете, — врач, и он позаботится о вас. С вашего позволения, мы поедим и втроем отправимся в город.

Мы так и сделали, а мисс Гаррисон, согласно уговору с Холмсом, под каким-то предлогом осталась в спальне. Я не представлял себе, какова цель этих маневров моего друга, разве что он хотел разлучить зачем-то девушку с Фелпсом, который, оживившись от прилива сил и возможности действовать, завтракал вместе с нами в столовой. Однако у Холмса в запасе был еще более поразительный сюрприз: дойдя с нами до станции и проводив нас до вагона, он спокойно объявил, что не собирается уезжать из Уокинга.

— Мне еще тут надо кое-что выяснить, я приеду позже, — сказал он. — Ваше отсутствие, мистер Фелпс, будет мне своеобразной подмогой. Уотсон, вы меня очень обяжете, если по приезде в Лондон тотчас отправитесь с нашим другом на Бейкер-стрит и будете ждать меня там. К счастью, вы старые школьные товарищи — вам будет о чем поговорить. Мистер Фелпс пусть расположится на ночь в моей спальне. Я буду к завтраку — поезд приходит на вокзал Ватерлоо в восемь.

— А как же с нашим расследованием в Лондоне? — уныло спросил Фелпс.

— Мы займемся этим завтра. Мне кажется, что мое присутствие необходимо сейчас именно здесь.

— Скажите в Брайарбрэ, что я надеюсь вернуться завтра к вечеру! — крикнул Фелпс, когда поезд тронулся.

— Я вряд ли вернусь в Брайарбрэ, — ответил Холмс и весело помахал вслед поезду, уносившему нас в Лондон.

По пути мы с Фелпсом долго обсуждали этот неожиданный маневр Холмса, но так и не могли ничего понять.

— Наверно, он хочет выяснить кое-что в связи с сегодняшним ночным происшествием. Был ли это действительно взломщик? Лично я не верю, что это был обыкновенный вор.

— А кто же это, по-вашему?

— Можете считать, что это следствие нервной горячки, но у меня такое чувство, будто вокруг меня плетется какая-то сложная политическая интрига, заговорщики покушаются на мою жизнь. Хотя зачем это им, я, хоть убейте, не понимаю. Можно подумать, что у меня мания величия, так нелепо мое предположение. Но скажите: зачем было вору взламывать окно спальни, где совершенно нечем поживиться, и зачем ему такой длинный нож?

— А может, это простая отмычка?

— О нет! Это был нож. Я отчетливо видел, как блестело лезвие.

— Но скажите ради бога, кто может питать к вам такую вражду?

— Если бы я знал!

— Если то же думает Холмс, то тогда понятно, почему он остался. Предположим, что ваша догадка правильная. Тогда Холмс сегодня ночью выследит покушавшегося на вас человека, а это значительно облегчит поиски морского договора. Ведь нелепо предполагать, что у вас есть сразу два врага — один ворует у вас документ, а другой покушается на вашу жизнь.

— Но мистер Холмс сказал, что он не собирается возвращаться в Брайарбрэ.

— Я знаю его не первый день, — сказал я. — Холмс никогда ничего не делает, не имея веских оснований. И мы заговорили о другом.

Но день для меня выдался утомительный. Фелпс еще не совсем оправился после своей болезни, обрушившееся на него несчастье сделало его нервным и раздражительным. Тщетно я старался развлечь его рассказами об Афганистане, Индии, занимал его разговорами о последних политических новостях, делал все, чтобы развеять его хандру.

Он то и дело возвращался к своему пропавшему договору, высказывал предположения, что бы такое мог делать сейчас Холмс, какие шаги предпринимает лорд Холдхэрст, гадал, что нового мы узнаем завтра утром. Словом, к концу дня на него было жалко смотреть, так он себя измучил.

— Вы очень верите в Холмса? — то и дело спрашивал он.

— Он на моих глазах распутал не одно сложное дело.

— Но такого сложного у него еще не бывало?

— Бывали и посложнее.

— Но тогда не ставились на карту государственные интересы?

— Этого я не знаю. Но мне достоверно известно, что услугами Шерлока Холмса для расследования очень важных дел пользовались три королевских дома Европы.

— Вы-то знаете его хорошо, Уотсон. Но для меня он совершенно непостижимый человек, и я ума не приложу, как ему удастся найти разгадку этого дела. Вы считаете, что на него можно надеяться? Вы думаете, что он уверен в успешном разрешении этого дела?

— Он мне ничего не сказал.

— Это плохой признак.

— Напротив. Я давно заметил, что, потеряв след, Холмс обычно говорит об этом. А вот когда он вышел на след, но еще не совсем уверен, что след ведет его правильно, он становится особенно сдержанным. Ну, полноте, дорогой мой, не терзайте себя, этим делу не поможешь. Идите лучше спать — утро вечера мудренее.

Наконец мне удалось уговорить Фелпса, и он лег, но я не думаю, чтобы он спал в ту ночь, — в таком он был возбуждении. Его настроение передалось и мне, и я ворочался в постели до глубокой ночи, вдумываясь в это странное дело, сочиняя сотни версий, одну невероятнее другой. Почему Холмс остался в Уокинге? Почему он попросил мисс Гаррисон не уходить из «больничной палаты» весь день? Почему он так старался скрыть от обитателей Брайарбрэ, что не едет в Лондон, а остается поблизости? Я ломал себе голову, стараясь найти всем этим фактам объяснение, пока наконец не уснул.

Проснулся я в семь часов и тотчас пошел к Фелпсу. Бедняга очень осунулся после бессонной ночи и выглядел усталым. Первым делом он спросил меня, не приехал ли Холмс.

— Он будет, когда обещал, — ответил я. — Ни минутой раньше, ни минутой позже.

И я не ошибся: едва пробило восемь, как к подъезду подкатил кеб, и из него вышел наш друг. Мы стояли у окна и видели, что его левая рука перевязана бинтами, а лицо очень мрачное и бледное. Он вошел в дом, но наверх поднялся не сразу.

— У него вид человека, потерпевшего поражение, — уныло сказал Фелпс. Мне пришлось признать, что он прав.

— Но, может быть, — сказал я, — ключ к делу следует искать здесь, в городе. Фелпс застонал.

— Я не знаю, с чем он приехал, — сказал он, — но я так надеялся на его возвращение! А что у него с рукой? Ведь вчера она не была завязана?

— Вы не ранены. Холмс? — спросил я, когда мой друг вошел в комнату.

— А, пустяки! Из-за собственной неосторожности получил царапину, — ответил он, поклонившись. — Должен сказать, мистер Фелпс, более сложного дела у меня еще не было.

— Я боялся, что вы найдете его неразрешимым.

— Да, с таким я еще не сталкивался.

— Судя по забинтованной руке, вы попали в переделку, — сказал я. — Вы не расскажете, что случилось?

— После завтрака, дорогой Уотсон, после завтрака! Не забывайте, что я проделал немалый путь, добрых тридцать миль, и нагулял на свежем воздухе аппетит. Наверно, по моему объявлению о кебе никто не являлся? Ну да ладно, подряд несколько удач не бывает.

Стол был накрыт, и только я собирался позвонить, как миссис Хадсон вошла с чаем и кофе. Еще через несколько минут она принесла приборы, и мы все сели за стол: проголодавшийся Холмс, совершенно подавленный Фелпс и я, преисполненный любопытства.

— Миссис Хадсон на высоте положения, — сказал Холмс, снимая крышку с курицы, приправленной кэрри. — Она не слишком разнообразит стол, но для шотландки завтрак задуман недурно. Что у вас там, Уотсон?

— Яичница с ветчиной, — ответил я.

— Превосходно! Что вам предложить, мистер Фелпс: курицу с приправой, яичницу?

— Благодарю вас, я ничего не могу есть, — сказал Фелпс.

— Полноте! Вот попробуйте это блюдо.

— Спасибо, но я и в самом деле не хочу.

— Что ж, — сказал Холмс, озорно подмигнув, — надеюсь, вы не откажете в любезности и поухаживаете за мной.

Фелпс поднял крышку и вскрикнул. Он побелел, как тарелка, на которую он уставился. На ней лежал свиток синевато-серой бумаги. Фелпс схватил его, жадно пробежал глазами и пустился в пляс по комнате, прижимая свиток к груди и вопя от восторга. Обессиленный таким бурным проявлением чувств, он вдруг упал в кресло, и мы, опасаясь, как бы он не потерял сознание, заставили его выпить бренди.

— Ну, будет вам! Будет! — успокаивал его Холмс, похлопывая по плечу. — С моей стороны, конечно, нехорошо так внезапно обрушивать на человека радость, но Уотсон скажет вам: я не могу удержаться от театральных жестов.

Фелпс схватил его руку и поцеловал ее.

— Да благословит вас бог! — вскричал он. — Вы спасли мне честь!

— Ну, положим, моя честь тоже была поставлена на карту, — сказал Холмс. — Уверяю вас, мне так же неприятно не раскрыть преступления, как вам не справиться с дипломатическим поручением.

Фелпс положил драгоценный документ во внутренний карман сюртука.

— Я не осмеливаюсь больше отвлекать вас от завтрака, но умираю от любопытства: как вам удалось добыть этот документ и где он был?

Шерлок Холмс выпил чашку кофе, затем отдал должное яичнице с ветчиной. Потом он встал, закурил трубку и уселся поудобнее в кресло.

— Я буду рассказывать вам все по порядку, — начал Холмс. — Проводив вас на станцию, я совершил прелестную прогулку по восхитительному уголку Суррея к красивой деревеньке, под названием Рипли, где выпил в гостинице чаю и на всякий случай наполнил свою флягу и положил в карман сверток с бутербродами. Там я оставался до вечера, а потом направился в сторону Уокинга и после захода солнца оказался на дороге, ведущей в Брайарбрэ. Дойдя до усадьбы и подождав, пока дорога не опустеет — по-моему, там вообще прохожих бывает не слишком много, — я перелез через забор в сад.

— Но ведь калитка была не заперта! — воскликнул Фелпс.

— Да. Но в таких случаях я люблю быть оригинальным. Я выбрал место, где стоят три елки, и под этим прикрытием перелез через забор незаметно для обитателей дома. В саду, прячась за кустами, я пополз — чему свидетельство печальное состоящие моих брюк — к зарослям рододендронов, откуда очень удобно наблюдать за окнами спальни. Здесь я присел на корточки и стал ждать, как будут развиваться события.

Портьера в комнате не была опущена, и я видел, как мисс Гаррисон сидела за столом и читала. В четверть одиннадцатого она закрыла книгу, заперла ставни и удалилась. Я слышал, как она захлопнула дверь, а потом повернула ключ в замке.

— Ключ? — удивился Фелпс.

— Да, я посоветовал мисс Гаррисон, когда она пойдет спать, запереть дверь снаружи и взять ключ с собой. Она точно выполнила мои указания, и, разумеется, без ее содействия документ не лежал бы сейчас в кармане вашего сюртука. Потом она ушла, огни погасли, а я продолжал сидеть на корточках под рододендроновым кустом.

Ночь была прекрасна, но тем не менее сидеть в засаде было очень утомительно. Конечно, в этом было что-то от ощущений охотника, который лежит у источника, поджидая крупную дичь. Впрочем, ждать мне пришлось очень долго… почти столько же, Уотсон, сколько мы с вами ждали в той комнате смерти, когда расследовали историю с «пестрой лентой». Часы на церкви в Уокинге били каждую четверть часа, и мне не раз казалось, что они остановились. Но вот наконец часа в два ночи я вдруг услышал, как кто-то тихо-тихо отодвинул засов и повернул в замке ключ. Через секунду дверь для прислуги отворилась, и на пороге, освещенный лунным светом, показался мистер Джозеф Гаррисон.

— Джозеф! — воскликнул Фелпс.

— Он был без шляпы, но запахнут в черный плащ, которым мог при малейшей тревоге мгновенно прикрыть лицо. Он пошел на цыпочках в тени стены, а дойдя до окна, просунул нож с длинным лезвием в щель и поднял шпингалет. Затем он распахнул окно, сунул нож в щель между ставнями, сбросил крючок и открыл их.

Со своего места я прекрасно видел, что делается внутри комнаты, каждое его движение. Он зажег две свечи, которые стояли на камине, подошел к двери и завернул угол ковра. Потом наклонился и поднял квадратную планку, которой прикрывается доступ к стыку газовых труб, — здесь от магистрали ответвляется труба, снабжающая газом кухню, которая находится в нижнем этаже. Сунув руку в тайник, Джозеф достал оттуда небольшой бумажный сверток, вставил планку на место, отвернул ковер, задул свечи и, спрыгнув с подоконника, попал прямо в мои объятия, так как я уже ждал его у окна.

Я не представлял себе, что господин Джозеф может оказаться таким злобным. Он бросился на меня с ножом, и мне пришлось дважды сбить его с ног и порезаться о его нож, прежде чем я взял верх. Хоть он и смотрел на меня «убийственным» взглядом единственного

глаза, который еще мог открыть после того, как кончилась потасовка, но уговорам моим все-таки внял и документ отдал. Овладев документом, я отпустил Гаррисона, но сегодня же утром телеграфировал Форбсу все подробности этой ночи. Если он окажется расторопным и схватит эту птицу, честь ему и хвала! Но если он явится к опустевшему уже гнезду — а я подозреваю, что так оно и случится, — то правительство от этого еще и выиграет. Я полагаю, что ни лорду Холдхэрсту, ни мистеру Перси Фелпсу совсем не хотелось бы, чтобы это дело разбиралось в полицейском суде.

— Господи! — задыхаясь, проговорил наш клиент. — Скажите мне, неужели украденный документ в течение всех этих долгих десяти недель, когда я находился между жизнью и смертью, был все время со мной в одной комнате?

— Именно так и было.

— А Джозеф! Подумать только — Джозеф оказался негодяем и вором!

— Гм! Боюсь, что Джозеф — человек гораздо более сложный и опасный, чем об этом можно судить по его внешности. Из его слов, сказанных мне ночью, я понял, что он по неопытности сильно запутался в игре на бирже и готов был пойти на все, чтобы поправить дела. Как только представился случай, он, будучи эгоистом до мозга костей, не пощадил ни счастья своей сестры, ни вашей репутации.

Перси Фелпс поник в своем кресле.

— Голова идет кругом! — сказал он. — От ваших слов мне становится дурно.

— Раскрыть это дело было трудно главным образом потому, — заметил своим менторским тоном Холмс, — что скопилось слишком много улик. Важные улики были погребены под кучей второстепенных. Из всех имеющихся фактов надо было отобрать те, которые имели отношение к преступлению, и составить из них картину подлинных событий. Я начал подозревать Джозефа еще тогда, когда вы сказали, что он в тот вечер собирался ехать домой вместе с вами и, следовательно, мог, зная хорошо расположение комнат в здании министерства иностранных дел, зайти за вами по пути. Когда я услышал, что кто-то горит желанием забраться в вашу спальню, в которой спрятать что-нибудь мог только Джозеф (вы в самом начале рассказывали, как Джозефа выдворили из нее, когда вернулись домой с доктором), мое подозрение перешло в уверенность. Особенно когда я узнал о попытке забраться в спальню в первую же ночь, которую вы провели без сиделки. Это означало, что непрошеный гость хорошо знаком с расположением дома.

— Как я был слеп!

— Я подумал и решил, что дело обстояло так: этот Джозеф Гаррисон вошел в министерство со стороны Чарльз-стрит и, зная дорогу, прошел прямо в вашу комнату тотчас после того, как вы из нее вышли. Не застав никого, он быстро позвонил, и в то же мгновение на глаза ему попался документ, лежавший на столе. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что случай дает ему в руки документ огромной государственной важности. В мгновенье ока он сунул документ в карман и вышел. Как вы помните, прежде чем сонный швейцар обратил ваше внимание на звонок, прошло несколько минут, и этого было достаточно, чтобы вор успел скрыться.

Он уехал в Уокинг первым же поездом и, приглядевшись к своей добыче и уверившись, что она в самом деле чрезвычайно ценна, спрятал ее, как ему показалось, в очень надежное место. Дня через два он намеревался взять ее оттуда и отвести во французское посольство или в другое место, где, по его мнению, ему дали бы большие деньги. Но дело получило неожиданный оборот. Его без предупреждения выпроводили из собственной комнаты, и с тех пор в ней всегда находились по крайней мере два человека, что мешало ему забрать свое сокровище. Это, по-видимому, страшно бесило его. И вот наконец удобный случай представился. Он попытался забраться в комнату, но ваша бессонница расстроила его планы. Наверно, вы помните, что в тот вечер вы не выпили своего успокоительного лекарства.

— Помню.

— Я полагаю, что Джозеф принял меры, чтобы лекарство стало особенно эффективным, и вполне полагался на ваш глубокий сон. Я, разумеется, понял, что он повторит попытку, как только будет возможность сделать это без риска. И тут вы покинули комнату. Чтобы он не упредил нас, я целый день продержал в ней мисс Гаррисон. Затем, внушив ему мысль, что путь свободен, я занял свой пост. Я уже знал, что документ скорее всего находится в комнате, но не имел никакого желания срывать в поисках его всю обшивку и плинтусы. Я позволил ему взять документ из тайника и таким образом избавил себя от неимоверных хлопот. Есть еще какие-нибудь неясности?

— Почему в первый раз он полез в окно, — спросил я, — когда мог проникнуть через дверь?

— До двери ему надо было идти мимо семи спален. Легче было пройти по газону. Что еще?

— Но не думаете же вы, — спросил Фелпс, — что он намеревался убить меня? Нож ему нужен был только как инструмент.

— Возможно, — пожав плечами, ответил Холмс. — Одно могу сказать определенно: мистер Гаррисон — такой джентльмен, на милосердие которого я не стал бы рассчитывать ни в коем случае.

Случай с переводчиком

За все мое долгое и близкое знакомство с мистером Шерлоком Холмсом я не слышал от него ни слова о его родне и едва ли хоть что-нибудь о его детских и отроческих годах. От такого умалчивания еще больше усиливалось впечатление чего-то нечеловеческого, которое он на меня производил, и временами я ловил себя на том, что вижу в нем некое обособленное явление, мозг без сердца, человека, настолько же чуждого человеческих чувств, насколько он выделялся силой интеллекта. И нелюбовь его к женщинам и несклонность завязывать новую дружбу были достаточно характерны для этой чуждой эмоциям натуры, но не в большей мере, чем это полное забвение родственных связей. Я уже склонялся к мысли, что у моего друга не осталось в живых никого из родни, когда однажды, к моему большому удивлению, он заговорил со мной о своем брате.

Был летний вечер, мы пили чай, и разговор, беспорядочно перескакивая с гольфа на причины изменений в наклонности эклиптики к экватору, завертелся под конец вокруг вопросов атавизма и наследственных свойств. Мы заспорили, в какой мере человек обязан тем или другим своим необычным дарованием предкам, а в какой — самостоятельному упражнению с юных лет.

— В вашем собственном случае, — сказал я, — из всего, что я слышал от вас, по-видимому, явствует, что вашей наблюдательностью и редким искусством в построении выводов вы обязаны систематическому упражнению.

— В какой-то степени, — ответил он задумчиво. — Мои предки были захолустными помещиками и жили, наверно, точно такою жизнью, какая естественна для их сословия. Тем не менее эта склонность у меня в крови, и идет она, должно быть, от бабушки, которая была сестрой Верне,[56] французского художника. Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы.

— Но почему вы считаете, что это свойство у вас наследственное?

— Потому что мой брат Майкрофт наделен им в большей степени, чем я.

Новость явилась для меня поистине неожиданной. Если в Англии живет еще один человек такого же редкостного дарования, как могло случиться, что о нем до сих пор никто не слышал — ни публика, ни полиция? Задавая свой вопрос, я выразил уверенность, что мой товарищ только из скромности поставил брата выше себя самого. Холмс рассмеялся.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он, — я не согласен с теми, кто причисляет скромность к добродетелям. Логик обязан видеть вещи в точности такими, каковы они есть, а недооценивать себя — такое же отклонение от истины, как преувеличивать свои способности. Следовательно, если я говорю, что Майкрофт обладает большей наблюдательностью, чем я, то так оно и есть, и вы можете понимать мои слова в прямом и точном смысле.

— Он моложе вас?

— Семью годами старше.

— Как же это он никому не известен?

— О, в своем кругу он очень известен.

— В каком же?

— Да хотя бы в клубе «Диоген».

Я никогда не слышал о таком клубе, и, должно быть, недоумение ясно выразилось на моем лице, так как Шерлок Холмс, достав из кармана часы, добавил:

— Клуб «Диоген» — самый чудной клуб в Лондоне, а Майкрофт — из чудаков чудак. Он там ежедневно с без четверти пять до сорока минут восьмого. Сейчас ровно шесть, и вечер прекрасный, так что, если вы не прочь пройтись, я буду рад познакомить вас с двумя диковинками сразу.

Пять минут спустя мы были уже на улице и шли к площади Риджент-серкес.

— Вас удивляет, — заметил мой спутник, — почему Майкрофт не применяет свои дарования в сыскной работе? Он к ней неспособен.

— Но вы, кажется, сказали…

— Я сказал, что он превосходит меня в наблюдательности и владении дедуктивным методом. Если бы искусство сыщика начиналось и кончалось размышлением в покойном кресле, мой брат Майкрофт стал бы величайшим в мире деятелем по раскрытию преступлений. Но у него нет честолюбия и нет энергии. Он бы лишнего шагу не сделал, чтобы проверить собственные умозаключения, и, чем брать на себя труд доказывать свою правоту, он предпочтет, чтобы его считали неправым. Я не раз приходил к нему с какой-нибудь своей задачей, и всегда предложенное им решение впоследствии оказывалось правильным. Но если требовалось предпринять какие-то конкретные меры, чтобы можно было передать дело в суд, — тут он становился совершенно беспомощен.

— Значит, он не сделал из этого профессии?

— Никоим образом. То, что дает мне средства к жизни, для него не более как любимый конек дилетанта. У него необыкновенные способности к вычислениям, и он проверяет финансовую отчетность в одном министерстве. Майкрофт снимает комнаты на Пэл-Мэл, так что ему только за угол завернуть, и он в Уайтхолле — утром туда, вечером назад и так изо дня в день, из года в год. Больше он никуда не ходит, и нигде его не увидишь, кроме как в клубе «Диоген», прямо напротив его дома.

— Я не припомню такого названия.

— Вполне понятно. В Лондоне, знаете, немало таких людей, которые — кто из робости, а кто по мизантропии — избегают общества себе подобных. Но при том они не прочь просидеть в покойном кресле и просмотреть свежие журналы и газеты. Для их удобства и создан был в свое время клуб «Диоген», и сейчас он объединяет в себе самых необщительных, самых «антиклубных» людей нашего города. Членам клуба не дозволяется обращать друг на друга хоть какое-то внимание. Кроме как в комнате для посторонних посетителей, в клубе ни под каким видом не допускаются никакие разговоры, и после трех нарушений этого правила, если о них донесено в клубный комитет, болтун подлежит исключению. Мой брат — один из членов-учредителей, и я убедился лично, что обстановка там самая успокаивающая.

В таких разговорах мы дошли до Сент-Джеймса и свернули на Пэл-Мэл. Немного не доходя до Карлотона, Шерлок Холмс остановился у подъезда и, напомнив мне, что говорить воспрещается, вошел в вестибюль. Сквозь стеклянную дверь моим глазам открылся на мгновение большой и роскошный зал, где сидели, читая газеты, какие-то мужчины, каждый в своем обособленном уголке. Холмс провел меня в маленький кабинет, смотревший окнами на Пэл-Мэл, и, оставив меня здесь на минутку, вернулся со спутником, который, как я знал, не мог быть не кем иным, как только его братом.

Майкрофт Холмс был много выше и толще Шерлока. Он был, что называется, грузным человеком, и только в его лице, хоть и тяжелом, сохранилось что-то от той острой выразительности, которой так поражало лицо его брата. Его глаза, водянисто-серые и до странности светлые, как будто навсегда удержали тот устремленный в себя и вместе с тем отрешенный взгляд, какой я подмечал у Шерлока только в те минуты, когда он напрягал всю силу своей мысли.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — сказал он, протянув широкую, толстую руку, похожую на ласт моржа. — С тех пор, как вы стали биографом Шерлока, я слышу о нем повсюду. Кстати, Шерлок, я ждал, что ты покажешься еще на прошлой неделе — придешь обсудить со мною случай в Мэнор-Хаусе. Мне казалось, что он должен поставить тебя в тупик.

— Нет, я его разрешил, — улыбнулся мой друг.

— Адамс, конечно?

— Да, Адамс.

— Я был уверен в этом с самого начала. — Они сели рядом в фонаре окна. — Самое подходящее место для всякого, кто хочет изучать человека, — сказал Майкрофт. — Посмотри, какие великолепные типы! Вот, например, эти двое, идущие прямо на нас.

— Маркер и тот другой, что с ним?

— Именно. Кто, по-твоему, второй?

Двое прохожих остановились напротив окна. Следы мела над жилетным карманом у одного были единственным, на мой взгляд, что наводило на мысль о бильярде. Второй был небольшого роста смуглый человек в съехавшей на затылок шляпе и с кучей свертков под мышкой.

— Бывший военный, как я погляжу, — сказал Шерлок.

— И очень недавно оставивший службу, — заметил брат.

— Служил он, я вижу, в Индии.

— Офицер по выслуге, ниже лейтенанта.

— Я думаю, артиллерист, — сказал Шерлок.

— И вдовец.

— Но имеет ребенка.

— Детей, мои мальчик, детей.

— Постойте, — рассмеялся я, — для меня это многовато.

— Ведь нетрудно же понять, — ответил Холмс, — что мужчина с такой выправкой, властным выражением лица и такой загорелый — солдат, что он не рядовой и недавно из Индии.

— Что службу он оставил лишь недавно, показывают его, как их называют, «амуничные» башмаки, — заметил Майкрофт.

— Походка не кавалерийская, а пробковый шлем он все же носил надвинутым на бровь, о чем говорит более светлый загар с одной стороны лба. Сапером он быть не мог — слишком тяжел. Значит, артиллерист.

— Далее, глубокий траур показывает, конечно, что он недавно потерял близкого человека. Тот факт, что он сам делает закупки, позволяет думать, что умерла жена. А накупил он, как видите, массу детских вещей. В том числе погремушку, откуда видно, что один из детей — грудной младенец. Возможно, мать умерла родами. Из того, что он держит под мышкой книжку с картинками, заключаем, что есть и второй ребенок.

Мне стало понятно, почему мой друг сказал, что его брат обладает еще более острой наблюдательностью, чем он сам. Шерлок поглядывал на меня украдкой и улыбался. Майкрофт взял понюшку из черепаховой табакерки и отряхнул с пиджака табачные крошки большим красным шелковым платком.

— Кстати, Шерлок, — сказал он, — у меня как раз кое-что есть в твоем вкусе — довольно необычная задача, которую я пытался разрешить. У меня, правда, не хватило энергии довести дело до конца, я предпринял только кое-какие шаги, но она мне дала приятный случай пораскинуть мозгами. Если ты склонен прослушать данные…

— Милый Майкрофт, я буду очень рад.

Брат настрочил записку на листке блокнота и, позвонив, вручил ее лакею.

— Я пригласил сюда мистера Мэласа, — сказал Майкрофт. — Он живет через улицу, прямо надо мной, и мы с ним немного знакомы, почему он и надумал прийти ко мне со своим затруднением. Мистер Мэлас, как я понимаю, родом грек и замечательный полиглот. Он зарабатывает на жизнь отчасти как переводчик в суде, отчасти работая гидом у разных богачей с Востока, когда они останавливаются в отелях на Нортумберленд-авеню. Я думаю, мы лучше предоставим ему самому рассказать о своем необыкновенном приключении.

Через несколько минут в кабинет вошел низенький толстый человек, чье оливковое лицо и черные, как уголь, волосы выдавали его южное происхождение, хотя по разговору это был образованный англичанин. Он горячо пожал руку Шерлоку Холмсу, и его темные глаза загорелись радостью, когда он услышал, что его историю готов послушать такой знаток.

— Я думаю, в полиции мне не поверили, поручусь вам, что нет, — начал он с возмущением в голосе, — Раз до сих пор они такого не слыхивали, они полагают, что подобная вещь невозможна. У меня не будет спокойно на душе, пока я не узнаю, чем это кончилось для того несчастного человека с пластырем на лице.

— Я весь внимание, — сказал Шерлок Холмс.

— Сегодня у нас среда, — продолжал мистер Мэлас. — Так вот, все это случилось в понедельник поздно вечером, не далее как два дня тому назад. Я переводчик, как вы уже, может быть, слышали от моего соседа. Перевожу я со всех и на все языки или почти со всех, но так как я по рождению грек и ношу греческое имя, то с этим языком мне и приходится работать больше всего. Я много лет являюсь главным греческим переводчиком в Лондоне, и мое имя хорошо знают в гостиницах.

Случается, и нередко, что меня в самое несуразное время вызывают к какому-нибудь иностранцу, попавшему в затруднение, или к путешественникам, приехавшим поздно ночью и нуждающимся в моих услугах. Так что я не удивился, когда в понедельник поздно вечером явился ко мне на квартиру элегантно одетый молодой человек, некто Латимер, и пригласил меня в свой кэб, ждавший у подъезда. К нему, сказал он, приехал по делу его приятель — грек, и так как тот говорит только на своем родном языке, без переводчика не обойтись. Мистер Латимер дал мне понять, что ехать к нему довольно далеко — в Кенсингтон, и он явно очень спешил: как только мы вышли на улицу, он быстрехонько втолкнул меня в кэб.

Я говорю — кэб, но у меня тут возникло подозрение, не сижу ли я скорей в карете. Экипаж был, во всяком случае, куда просторней этого лондонского позорища — четырехколесного кэба, и обивка, хотя и потертая, была из дорогого материала. Мистер Латимер сел против меня, и мы покатили на Чаринг-Кросс и затем вверх по Шефтсбери-авеню. Мы выехали на Оксфорд-

стрит, и я уже хотел сказать, что мы как будто едем в Кенсингтон кружным путем, когда меня остановило на полуслове чрезвычайно странное поведение спутника.

Для начала он вытащил из кармана самого грозного вида дубинку, налитую свинцом, и помахал ею, как бы проверяя ее вес. Потом, ни слова не сказав, он положил ее рядом с собой на сиденье. Проделав это, он поднял с обеих сторон оконца, и я, к своему удивлению, увидел, что стекла их затянуты бумагой, как будто нарочно для того, чтобы мне через них ничего не было видно.

— Извините, что лишаю вас удовольствия смотреть в окно, мистер Мэлас, — сказал он. — Дело в том, понимаете, что в мои намерения не входит, чтобы вы видели куда мы с вами едем. Для меня может оказаться неудобным, если вы сможете потом сами найти ко мне дорогу.

Как вы легко себе представите, мне стало не по себе: мой спутник был молодой парень, крепкий и плечистый, так что, и не будь при нем дубинки, я все равно с ним не сладил бы.

— Вы очень странно себя ведете, мистер Латимер, — сказал я, запинаясь. — Неужели вы не понимаете, что творите беззаконие?

— Спору нет, я позволил себе некоторую вольность, — отвечал он, — когда я стану расплачиваться с вами, все будет учтено. Должен, однако, вас предупредить, мистер Мэлас, что если вы сегодня вздумаете поднять тревогу или предпринять что-нибудь, идущее вразрез с моими интересами, то дело для вас обернется не шуткой. Прошу вас не забывать, что, как здесь в карете, так и у меня дома, вы все равно в моей власти.

Он говорил спокойно, но с хрипотцой, отчего его слова звучали особенно угрожающе. Я сидел молча и недоумевал, что на свете могло послужить причиной, чтобы похитить меня таким необычайным образом. Но в чем бы не заключалась причина, было ясно, что сопротивляться бесполезно и что мне оставалось одно: ждать, а уж там будет видно.

Мы были в пути почти что два часа, но я все же не мог уяснить себе, куда мы едем. Временами грохот колес говорил, что мы катим по булыжной мостовой, а потом их ровный и бесшумный ход наводил на мысль об асфальте, но, кроме этой смены звука, не было ничего, что хотя бы самым далеким намеком подсказало мне, где мы находимся. Бумага на обоих окнах не пропускала света, а стекло передо мной было задернуто синей занавеской. С Пэл-Мэл мы выехали в четверть восьмого, и на моих часах было уже без десяти девять, когда мы наконец остановились. Мой спутник опустил оконце, и я увидел низкий сводчатый подъезд с горящим над ним фонарем. Меня быстро высадили из кареты, в подъезде распахнулась дверь, причем, когда я входил, у меня создалось смутное впечатление газона и деревьев по обе стороны от меня. Но был ли это уединенный городской особняк в собственном саду или bona fide[57] загородный дом, не берусь утверждать.

В холле горел цветной газовый рожок, но пламя было так сильно привернуто, что я мало что мог разглядеть — только, что холл довольно велик и увешан картинами. В тусклом свете я различил, что дверь нам открыл маленький, невзрачный человек средних лет с сутулыми плечами. Когда он повернулся к нам, отблеск света показал мне, что он в очках.

— Это мистер Мэлас, Гарольд? — спросил он.

— Да.

— Хорошо сработано! Очень хорошо! Надеюсь, вы на нас не в обиде, мистер Мэлас, — нам без вас никак не обойтись. Если вы будете вести себя с нами честно, вы не пожалеете, но если попробуете выкинуть какой-нибудь фокус, тогда… да поможет вам Бог!

Он говорил отрывисто, нервно перемежая речь смешком, но почему-то наводил на меня больше страха, чем тот, молодой.

— Что вам нужно от меня? — спросил я.

— Только, чтобы вы задали несколько вопросов одному джентльмену из Греции, нашему гостю, и перевели бы нам его ответы. Но ни полслова сверх того, что вам прикажут сказать, или… — снова нервный смешок, — …лучше б вам и вовсе не родиться на свет!

С этими словами он открыл дверь и провел нас в комнату, освещенную опять-таки только одной лампой с приспущенным огнем. Комната была, безусловно, очень большая, и то, как ноги мои утонули в ковре, едва я вступил в нее, говорило о ее богатом убранстве. Я видел урывками крытые бархатом кресла, высокий с белой мраморной доской камин и по одну его сторону — то, что показалось мне комплектом японских доспехов. Одно кресло стояло прямо под лампой, и пожилой господин молча указал мне на него. Молодой оставил нас, но тут же появился из другой двери, ведя с собой джентльмена в каком-то балахоне, медленно подвигавшегося к нам. Когда он вступил в круг тусклого света, я смог разглядеть его, и меня затрясло от ужаса, такой у него был вид. Он был мертвенно бледен и крайне истощен, его выкаченные глаза горели, как у человека, чей дух сильней его немощного тела. Но что потрясло меня даже больше, чем все признаки физического изнурения, — это то, что его лицо вдоль и поперек уродливо пересекали полосы пластыря и широкая наклейка из того же пластыря закрывала его рот.

— Есть у тебя грифельная доска, Гарольд? — крикнул старший, когда это странное существо не село, а скорее упало в кресло. — Руки ему развязали? Хорошо, дай ему карандаш. Вы будете задавать вопросы, мистер Мэлас, а он писать ответы. Спросите прежде всего, готов ли он подписать бумаги.

Глаза человека метнули огонь.

«Никогда», — написал он по-гречески на грифельной доске.

— Ни на каких условиях? — спросил я по приказу нашего тирана.

«Только если ее обвенчает в моем присутствии знакомый мне греческий священник».

Тот пожилой захихикал своим ядовитым смешком.

— Вы знаете, что вас ждет в таком случае?

«О себе я не думаю».

Я привожу вам образцы вопросов и ответов, составлявших наш полуустный-полуписьменный разговор. Снова и снова я должен был спрашивать, сдастся ли он и подпишет ли документ. Снова и снова я получал тот же негодующий ответ. Но вскоре мне пришла на ум счастливая мысль. Я стал к каждому вопросу прибавлять коротенькие фразы от себя — сперва совсем невинные, чтобы проверить, понимают ли хоть слово наши два свидетеля, а потом, убедившись, что на лицах у них ничего не отразилось, я повел более опасную игру. Наш разговор пошел примерно так:

— От такого упрямства вам добра не будет. Кто вы?!

— Мне все равно. В Лондоне я чужой.

— Вина за вашу судьбу падет на вашу собственную голову. Давно вы здесь?

— Пусть так. Три недели.

— Вашей эта собственность уже никогда не будет. Что они с вами делают?

— Но и негодяям она не достанется. Морят голодом.

— Подпишите бумаги, и вас выпустят на свободу. Что это за дом?

— Не подпишу никогда. Не знаю.

— Этим вы ей не оказываете услуги. Как вас зовут?

— Пусть она скажет мне это сама. Кратидес.

— Вы увидите ее, если подпишете. Откуда вы?

— Значит, я не увижу ее никогда. Из Афин.

Еще бы пять минут. Мистер Холмс, и я бы выведал всю историю у них под носом. Уже на моем следующем вопросе, возможно, дело разъяснилось бы, но в это мгновение открылась дверь, и в комнату вошла женщина. Я не мог ясно ее разглядеть и знаю только, что она высокая, изящная, с черными волосами и что на ней было что-то вроде широкого белого халата.

— Гарольд! — заговорила она по-английски, но с заметным акцентом. — Я здесь больше не выдержу. Так скучно, когда никого с тобой нет, кроме… Боже, это Паулос!

Последние слова она сказала по-гречески, и в тот же миг несчастный судорожным усилием сорвал пластырь с губ и с криком: «София! София!» — бросился ей на грудь. Однако их объятие длилось лишь одну секунду, потому что младший схватил женщину и вытолкнул из комнаты, в то время как старший без труда одолел свою изнуренную голодом жертву и уволок несчастного в другую дверь. На короткий миг я остался в комнате один. Я вскочил на ноги со смутной надеждой, что, возможно, как-нибудь, по каким-то признакам мне удастся разгадать, куда я попал. Но, к счастью, я еще ничего не предпринял, потому что, подняв голову, я увидел, что старший стоит в дверях и не сводит с меня глаз.

— Вот и все, мистер Мэлас, — сказал он. — Вы видите, мы оказали вам доверие в некоем сугубо личном деле. Мы бы вас не побеспокоили, если бы не случилось так, что один наш друг, который знает по-гречески и начал вести для нас эти переговоры, не был вынужден вернуться на Восток. Мы оказались перед необходимостью найти кого-нибудь ему в замену и были счастливы узнать о таком одаренном переводчике, как вы.

Я поклонился.

— Здесь пять соверенов, — сказал он, подойдя ко мне, — гонорар, надеюсь, достаточный. Но запомните, — добавил он, и со смешком легонько похлопал меня по груди, — если вы хоть одной душе обмолвитесь о том, что увидели — хоть одной душе! — тогда… да помилует Бог вашу душу!

Не могу вам передать, какое отвращение и ужас внушал мне этот человек, такой жалкий с виду. Свет лампы падал теперь прямо на него, и я мог разглядеть его лучше. Желто-серое остренькое лицо и жидкая бороденка клином, точно из мочалы. Когда он говорил, то вытягивал шею вперед, и при этом губы и веки у него непрерывно подергивались, как если б он страдал пляской святого Витта. Мне невольно подумалось, что и этот странный, прерывистый смешок — тоже проявление какой-то нервной болезни. И все же лицо его было страшно — из-за серых, жестких, с холодным блеском глаз, затаивших в своей глубине злобную, неумолимую жестокость.

— Нам будет известно, если вы проговоритесь, — сказал он. — У нас есть свои каналы осведомления. А сейчас вас ждет внизу карета, и мой друг вас отвезет.

Меня быстро провели через холл, запихали в экипаж, и опять у меня перед глазами мелькнули деревья и сад. Мистер Латимер шел за мной по пятам и, не обронив ни слова, сел против меня. Опять мы ехали куда-то в нескончаемую даль, в полном молчании и при закрытых оконцах, пока наконец, уже в первом часу ночи, карета не остановилась.

— Вы сойдете здесь, мистер Мэлас, — сказал мой спутник. — Извините, что я вас покидаю так далеко от вашего дома, но ничего другого нам не оставалось. Всякая попытка с вашей стороны проследить обратный путь кареты окажется вам же во вред.

С этими словами он открыл дверцу, и не успел я соскочить, как кучер взмахнул кнутом, и карета, громыхая, покатила прочь. В недоумении смотрел я вокруг. Я стоял посреди какого-то выгона, поросшего вереском и черневшими здесь и там кустами дрока. Вдалеке тянулся ряд домов, и там кое-где в окнах под крышей горел свет. По другую сторону я видел красные сигнальные фонари железной дороги.

Привезшая меня карета уже скрылась из виду. Я стоял, озираясь, и гадал, куда же меня занесло, как вдруг увидел, что в темноте прямо на меня идет какой-то человек. Когда он поравнялся со мной, я распознал в нем железнодорожного грузчика.

— Вы мне не скажете, что это за место? — спросил я.

— Уондсуэрт-Коммон, — сказал он.

— Могу я поспеть на поезд в город?

— Если пройдете пешочком до Клэпемского разъезда — это примерно в миле отсюда, — то как раз захватите последний поезд на Викторию.

На том и закончилось мое приключение, мистер Холмс. Я не знаю, ни где я был, ни кто со мной разговаривал — ничего, кроме того, что вы от меня услышали. Но я знаю, что ведется подлая игра, и хотел бы, если сумею, помочь этому несчастному. Наутро я рассказал обо всем мистеру Майкрофту Холмсу, а затем сообщил в полицию.

Выслушав этот необычайный рассказ, мы короткое время сидели молча. Потом Шерлок посмотрел через всю комнату на брата.

— Предприняты шаги? — спросил он.

Майкрофт взял лежавший на столе сбоку номер «Дейли ньюс».

— «Всякий, кто что-нибудь сообщит о местопребывании господина Паулоса Кратидеса из Афин, грека, не говорящего по-английски, получит вознаграждение. Равная награда будет выплачена также всякому, кто доставит сведения о гречанке, носящей имя София. X 2473». Объявление появилось во всех газетах. Пока никто не откликнулся.

— Как насчет греческого посольства?

— Я справлялся. Там ничего не знают.

— Так! Дать телеграмму главе афинской полиции!

— Вся энергия нашей семьи досталась Шерлоку, — сказал, обратясь ко мне, Майкрофт. — Что ж, берись за этот случай, приложи все свое умение и, если добьешься толку, дай мне знать.

— Непременно, — ответил мой друг, поднявшись с кресла. — Дам знать и тебе, и мистеру Мэласу. А до тех пор, мистер Мэлас, я бы на вашем месте очень остерегался, потому что по этим объявлениям они, конечно, узнали, что вы их выдали.

Мы отправились домой. По дороге Холмс зашел на телеграф и послал несколько депеш.

— Видите, Уотсон, — сказал он, — мы не потеряли даром вечер. Многие мои случаи — самые интересные — попали ко мне таким же путем, через Майкрофта. Заданная нам задача может иметь, конечно, только одно решение, но тем не менее она отмечена своими особенными чертами.

— Вы надеетесь ее решить?

— Знать столько, сколько знаем мы, и не раскрыть остальное — это будет поистине странно. Вы, наверно, и сами уже построили гипотезу, которая могла бы объяснить сообщенные нам факты.

— Да, но лишь в общих чертах.

— Какова же ваша идея?

— Мне представляется очевидным, что эта девушка-гречанка была увезена молодым англичанином, который называет себя Гарольдом Латимером.

— Увезена — откуда?

— Возможно, из Афин.

Шерлок Холмс покачал головой.

— Молодой человек не знает ни слова по-гречески. Девица довольно свободно говорит по-английски. Вывод: она прожила некоторое время в Англии, он же в Греции не бывал никогда.

— Хорошо. Тогда мы можем предположить, что она приехала в Англию погостить, и этот Гарольд уговорил ее бежать с ним.

— Это более вероятно.

— Затем ее брат (думаю, они именно брат с сестрой) решил вмешаться и приехал из Греции. По неосмотрительности он попал в руки молодого человека и его старшего сообщника. Теперь злоумышленники силой вынуждают его подписать какие-то бумаги и этим перевести на них имущество девушки, состоящее, возможно, под его опекой. Он отказывается. Для переговоров с ним необходим переводчик. Они находят мистера Мэласа, сперва воспользовавшись услугами другого. Девушке не сообщали, что приехал брат, и она открывает это по чистой случайности.

— Превосходно, Уотсон, — воскликнул Холмс, — мне кажется, говорю это искренне, что вы недалеки от истины. Вы видите сами, все карты у нас в руках, и теперь нам надо спешить, пока не случилось непоправимое. Если время позволит, мы захватим их непременно.

— А как мы узнаем, где этот дом?

— Ну, если наше рассуждение правильно и девушку действительно зовут — или звали — Софией Кратидес, то мы без труда нападем на ее след. На нее вся надежда, так как брата никто, конечно, в городе не знает. Ясно, что с тех пор как у них Гарольдом и девицей завязались какие-то отношения, должен был пройти некоторый срок — по меньшей мере несколько недель: пока известие достигло Греции, пока брат приехал сюда из-за моря. Если все это время они жили в одном определенном месте, мы, вероятно, получим какой-нибудь ответ на объявление Майкрофта.

В таких разговорах мы пришли к себе на Бейкер-стрит. Холмс поднялся наверх по лестнице первым и, отворив дверь в нашу комнату, ахнул от удивления. Заглянув через его плечо, я удивился не меньше. Майкрофт, его брат, сидел в кресле и курил.

— Заходи, Шерлок! Заходите, сэр, — приглашал он учтиво, глядя с улыбкой в наши изумленные лица. — Ты не ожидал от меня такой прыти, а, Шерлок? Но этот случай почему-то не выходит у меня из головы.

— Но как ты сюда попал?

— Я обогнал вас в кэбе.

— Дело получило дальнейшее развитие?

— Пришел ответ на мое объявление.

— Вот как!

— Да, через пять минут после вашего ухода.

— Что сообщают?

Майкрофт развернул листок бумаги.

— Вот, — сказал он. — Писано тупым пером на желтоватой бумаге стандартного размера человеком средних лет, слабого сложения.

«Сэр, — говорит он, — в ответ на ваше объявление от сегодняшнего числа разрешите сообщить вам, что я отлично знаю названную молодую особу. Если вы соизволите навестить меня, я смогу вам дать некоторые подробности относительно ее печальной истории. Она проживает в настоящее время на вилле „Мирты" в Бэкконхэме.

Готовый к услугам Дж. Дэвенпорт».

— Пишет он из Лоуэр-Брикстона, — добавил Майкрофт Холмс. — Как ты думаешь, Шерлок, не следует ли нам съездить к нему сейчас же и узнать упомянутые подробности?

— Мой милый Майкрофт, спасти брата важней, чем узнать историю сестры. Думаю, нам нужно поехать в Скотленд-Ярд за инспектором Грегсоном и двинуть прямо в Бэккенхэм. Мы знаем, что человек приговорен, и каждый час промедления может стоить ему жизни.

— Хорошо бы прихватить по дороге и мистера Мэласа, — предложил я, — нам может потребоваться переводчик.

— Превосходно! — сказал Шерлок Холмс. — Пошлите лакея за кэбом, и мы поедем немедленно.

С этими словами он открыл ящик стола, и я заметил, как он сунул в карман револьвер.

— Да, — ответил он на мой вопросительный взгляд. — По всему, что мы слышали, нам, я сказал бы, предстоит иметь дело с крайне опасной шайкой.

Уже почти стемнело, когда мы достигли Пэл-Мэл и поднялись к мистеру Мэласу. За ним, узнали мы, заходил какой-то джентльмен, и он уехал.

— Вы нам не скажете, куда? — спросил Майкрофт Холмс.

— Не знаю, сэр, — отвечала женщина, открывшая нам дверь. — Знаю только, что тот господин увез его в карете.

— Он назвал вам свое имя?

— Нет, сэр.

— Это не был высокий молодой человек, красивый, с темным волосами?

— Ах, нет, сэр; он был маленький, в очках, с худым лицом, но очень приятный в обращении: когда говорил, все время посмеивался.

— Едем! — оборвал Шерлок Холмс. — Дело принимает серьезный оборот! — заметил он, когда мы подъезжали к Скотленд-Ярду. — Эти люди опять завладели Мэласом. Он не из храбрых, как они убедились в ту ночь. Негодяй, наверно, навел на него ужас уже одним своим появлением. Им, несомненно, опять нужны от него профессиональные услуги; но потом они пожелают наказать его за предательство: как иначе могут они расценивать его поведение?

Мы надеялись, поехав поездом, прибыть на место, если не раньше кареты, то хотя бы одновременно с ней. Но в Скотленд-Ярде мы прождали больше часа, пока нас провели к инспектору Грегсону и пока там выполняли все формальности, которые позволили бы нам именем закона проникнуть в дом. Было без четверти десять, когда мы подъехали к Лондонскому мосту, и больше половины одиннадцатого, когда сошли вчетвером на Бэккенхэмской платформе. От станции было с полмили до виллы «Мирты» — большого, мрачного дома, стоявшего на некотором расстоянии от дороги в глубине участка. Здесь мы отпустили кэб и пошли по аллее.

— Во всех окнах темно, — заметил инспектор. — В доме, видать, никого нет.

— Гнездо пусто, птички улетели, — сказал Холмс.

— Почему вы так думаете?

— Не позже, как час назад, отсюда уехала карета с тяжелой поклажей.

Инспектор рассмеялся.

— Я и сам при свете фонаря над воротами видел свежую колею, но откуда у вас взялась еще поклажа?

— Вы могли бы заметить и вторую колею, идущую к дому. Обратная колея глубже — много глубже. Вот почему можем с несомненностью утверждать, что карета взяла весьма основательный груз.

— Ничего не скажешь. Очко в вашу пользу, — сказал инспектор и пожал плечами. — Эге, взломать эту дверь будет не так-то легко. Попробуем — может быть, нас кто-нибудь услышит.

Он громко стучал молотком и звонил в звонок, однако безуспешно. — Холмс тем временем тихонько ускользнул, но через две-три минуты вернулся.

— Я открыл окно, — сказал он.

— Слава Богу, что вы действуете на стороне полиции, а не против нее, мистер Холмс, — заметил инспектор, когда разглядел, каким остроумным способом мой друг оттянул щеколду. — Так! Полагаю, при сложившихся обстоятельствах можно войти, не дожидаясь приглашения.

Мы один за другим прошли в большую залу — по-видимому, ту самую, в которой побывал мистер Мэлас. Инспектор зажег свой фонарь, и мы увидели две двери, портьеры, лампу и комплект японских доспехов, как нам их описали. На столе стояли два стакана, пустая бутылка из-под коньяка и остатки еды.

— Что такое? — вдруг спросил Шерлок Холмс.

Мы все остановились, прислушиваясь. Где-то наверху, над нашими головами, раздавались как будто стоны. Холмс бросился к дверям и прямо в холл. Вдруг сверху отчетливо донесся вопль. Холмс стремглав взбежал по лестнице, а я с инспектором — за ним по пятам. Брат его Майкрофт поспешал, насколько позволяло его грузное сложение.

Три двери встретили нас на площадке второго этажа, и эти страшные стоны раздавались за средней; они то затихали до глухого бормотания, то опять переходили в пронзительный вопль. Дверь была заперта, но снаружи торчал ключ. Холмс распахнул створки, кинулся вперед и мгновенно выбежал вон, схватившись рукой за горло.

— Угарный газ! — вскричал он. — Подождите немного. Сейчас он уйдет.

Заглянув в дверь, мы увидели, что комнату освещает только тусклое синее пламя, мерцающее в маленькой медной жаровне посередине. Оно отбрасывало на пол круг неестественного, мертвенного света, а в темной глубине мы различили две смутные тени, скорчившиеся у стены. В раскрытую дверь тянуло страшным ядовитым чадом, от которого мы задыхались и кашляли. Холмс взбежал по лестнице на самый верх, чтобы вдохнуть свежего воздуха, и затем, ринувшись в комнату, распахнул окно и вышвырнул горящую жаровню в сад.

— Через минуту нам можно будет войти, — прохрипел он, выскочив опять на площадку. — Где свеча? Вряд ли мы сможем зажечь спичку в таком угаре. Ты, Майкрофт, будешь стоять у дверей и светить, а мы их вытащим. Ну, идем, теперь можно!

Мы бросились к отравленным и выволокли их на площадку. Оба были без чувств, с посиневшими губами, с распухшими, налитыми кровью лицами, с глазами навыкате. Лица их были до того искажены, что только черная бородка и плотная короткая фигура позволили нам опознать в одном из них грека-переводчика, с которым мы расстались только несколько часов тому назад в «Диогене». Он был крепко связан по рукам и ногам, и над глазом у него был заметен след от сильного удара. Второй оказался высоким человеком на последней стадии истощения; он тоже был связан, и несколько лент лейкопластыря исчертили его лицо причудливым узором. Когда мы его положили, он перестал стонать, и я с одного взгляда понял, что здесь помощь наша опоздала. Но мистер Мэлас был еще жив, и, прибегнув к нашатырю и бренди, я менее чем через час с удовлетворением убедился, увидев, как он открывает глаза, что моя рука исторгла его из темной долины, где сходятся все стези.

То, что он рассказал нам, было просто и только подтвердило наши собственные выводы. Посетитель, едва войдя в его комнату на Пэл-Мэл, вытащил из рукава налитую свинцом дубинку и под угрозой немедленной и неизбежной смерти сумел вторично похитить его. Этот негодяй с его смешком производил на злосчастного полиглота какое-то почти магнетическое действие; даже и сейчас, едва он заговаривал о нем, у него начинали трястись руки, и кровь отливала от щек. Его привезли в Бэккенхэм и заставили переводить на втором допросе, еще более трагическом, чем тот, первый: англичане грозились немедленно прикончить своего узника, если он не уступит их требованиям. В конце концов, убедившись, что никакими угрозами его не сломить, они уволокли его назад в его тюрьму, а затем, выбранив Мэласа за его измену, раскрывшуюся через объявления, оглушили его ударом дубинки, и больше он ничего не помнил, пока не увидел наши лица, склоненные над ним.

Такова необычайная история с греком-переводчиком, в которой еще и сейчас многое покрыто тайной. Снесшись с джентльменом, отозвавшимся на объявление, мы выяснили, что несчастная девица происходила из богатой греческой семьи и приехала в Англию погостить у своих друзей. В их доме она познакомилась с молодым человеком по имени Гарольд Латимер, который приобрел над ней власть и в конце концов склонил ее на побег. Друзья, возмущенные ее поведением, дали знать о случившемся в Афины ее брату, но тем и ограничились. Брат, прибыв в Англию, по неосторожности очутился в руках Латимера и его сообщника по имени Уилсон Кэмп — человека с самым грязным прошлым. Эти двое, увидев, что, не зная языка, он перед ними совершенно беспомощен, пытались истязаниями и голодом принудить его перевести на них все свое и сестрино состояние. Они держали его в доме тайно от девушки, а пластырь на лице предназначался для того, чтобы сестра, случайно увидев его, не могла бы узнать. Но хитрость не помогла: острым женским глазом она сразу узнала брата, когда впервые увидела его — при том первом визите переводчика. Однако несчастная девушка была и сама на положении узницы, так как в доме не держали никакой прислуги, кроме кучера и его жены, которые были оба послушным орудием в руках злоумышленников. Убедившись, что их тайна раскрыта и что им от пленника ничего не добиться, два негодяя бежали вместе с девушкой, отказавшись за два-три часа до отъезда от снятого ими дома с полной обстановкой и успев, как они полагали, отомстить обоим: человеку, который не склонился перед ними, и тому, который посмел их выдать.

Несколько месяцев спустя мы получили любопытную газетную вырезку из Будапешта. В ней рассказывалось о трагическом конце двух англичан, которые путешествовали в обществе какой-то женщины. Оба были найдены заколотыми, и венгерская полиция держалась того мнения, что они, поссорившись, смертельно ранили друг друга. Но Холмс, как мне кажется, склонен был думать иначе. Он и по сей день считает, что если б разыскать ту девушку-гречанку, можно было б узнать от нее, как она отомстила за себя и за брата.

Последнее дело Холмса

С тяжелым сердцем приступаю я к последним строкам этих воспоминаний, повествующих о необыкновенных талантах моего друга Шерлока Холмса. В бессвязной и — я сам это чувствую — в совершенно неподходящей манере я пытался рассказать об удивительных приключениях, которые мне довелось пережить бок о бок с ним, начиная с того случая, который я в своих записках назвал «Этюд в багровых тонах», и вплоть до истории с «Морским договором», когда вмешательство моего друга, безусловно, предотвратило серьезные международные осложнения. Признаться, я хотел поставить здесь точку и умолчать о событии, оставившем такую пустоту в моей жизни, что даже двухлетний промежуток оказался бессильным ее заполнить. Однако недавно опубликованные письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего покойного брата, вынуждают меня взяться за перо, и теперь я считаю своим долгом открыть людям глаза на то, что произошло. Ведь одному мне известна вся правда, и я рад, что настало время, когда уже нет причин ее скрывать.

Насколько мне известно, в газеты попали только три сообщения: заметка в «Журналь де Женев» от 6 мая 1891 года, телеграмма агентства Рейтер в английской прессе от 7 мая и, наконец, недавние письма, о которых упомянуто выше. Из этих писем первое и второе чрезвычайно сокращены, а последнее, как я сейчас докажу, совершенно искажает факты. Моя обязанность — поведать наконец миру о том, что на самом деле произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Читатель, может быть, помнит, что после моей женитьбы тесная дружба, связывавшая меня и Холмса, приобрела несколько иной характер. Я занялся частной врачебной практикой. Он продолжал время от времени заходить ко мне, когда нуждался в спутнике для своих расследований, но это случалось все реже и реже, а в 1890 году было только три случая, о которых у меня сохранились какие-то записи.

Зимой этого года и в начале весны 1891-го газеты писали о том, что Холмс приглашен французским правительством по чрезвычайно важному делу, и из полученных от него двух писем — из Нарбонна и Нима — я заключил, что, по-видимому, его пребывание во Франции сильно затянется. Поэтому я был несколько удивлен, когда вечером 24 апреля он внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

— Да, я порядком истощил свои силы, — сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова. — В последнее время мне приходилось трудновато… Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

— Вы чего-нибудь боитесь? — спросил я.

— Да, боюсь.

— Чего же?

— Духового ружья.

— Дорогой мой Холмс, что вы хотите этим сказать?

— Мне кажется, Уотсон, вы достаточно хорошо меня знаете, и вам известно, что я не робкого десятка. Однако не считаться с угрожающей тебе опасностью — это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку.

Он закурил папиросу, и, казалось, табачный дым благотворно подействовал на него.

— Во-первых, я должен извиниться за свой поздний визит, — сказал он. — И, кроме того, мне придется попросить у вас позволения совершить второй бесцеремонный поступок — перелезть через заднюю стену вашего сада, ибо я намерен уйти от вас именно таким путем.

— Но что все это значит? — спросил я.

Он протянул руку ближе к лампе, и я увидел, что суставы двух его пальцев изранены и в крови.

— Как видите, это не совсем пустяки, — сказал он с улыбкой. — Пожалуй, этак можно потерять и всю руку. А где миссис Уотсон? Дома?

— Нет, она уехала погостить к знакомым.

— Ага! Так, значит, вы один?

— Совершенно один.

— Если так, мне легче будет предложить вам поехать со мной на недельку на континент.

— Куда именно?

— Куда угодно. Мне решительно все равно.

Все это показалось мне как нельзя более странным. Холмс не имел обыкновения праздно проводить время, и что-то в его бледном, изнуренном лице говорило о дошедшем до предела нервном напряжении. Он заметил недоумение в моем взгляде и, опершись локтями о колени и сомкнув кончики пальцев, стал объяснять мне положение дел.

— Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? — спросил он.

— Нет.

— Гениально и непостижимо. Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недосягаемую высоту в уголовном мире. Уверяю вас, Уотсон, что если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям. Между нами говоря, Уотсон, благодаря последним двум делам, которые позволили мне оказать кое-какие услуги королевскому дому Скандинавии и республике Франции, я имею возможность вести образ жизни, более

соответствующий моим наклонностям, и серьезно заняться химией. Но я еще не могу спокойно сидеть в своем кресле, пока такой человек, как профессор Мориарти, свободно разгуливает по улицам Лондона.

— Что же он сделал?

— О, у него необычная биография! Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона, завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не умеряет, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной. Темные слухи поползли о нем в том университетском городке, где он преподавал, и в конце концов он был вынужден оставить кафедру и перебраться в Лондон, где стал готовить молодых людей к экзамену на офицерский чин… Вот то, что знают о нем все, а вот что узнал о нем я.

Мне не надо вам говорить, Уотсон, что никто не знает лондонского уголовного мира лучше меня. И вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила — могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом. Сколько раз в самых разнообразных случаях, будь то подлог, ограбление или убийство, я ощущал присутствие этой силы и логическим путем обнаруживал ее следы также и в тех еще не распутанных преступлениях, к расследованию которых я не был непосредственно привлечен. В течение нескольких лет пытался я прорваться сквозь скрывавшую ее завесу, и вот пришло время, когда я нашел конец нити и начал распутывать узел, пока эта нить не привела меня после тысячи хитрых петель к бывшему профессору Мориарти, знаменитому математику.

Он — Наполеон преступного мира, Уотсон. Он — организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека, — стоит только довести об этом до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадется: он вне подозрений. Такова организация, Уотсон, существование которой я установил путем логических умозаключений, и всю свою энергию я отдал на то, чтобы обнаружить ее и сломить.

Но профессор хитро замаскирован и так великолепно защищен, что, несмотря на все мои старания, раздобыть улики, достаточные для судебного приговора, невозможно. Вы знаете, на что я способен, милый Уотсон, и все же спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника. Ужас и негодование, которые внушали мне его преступления, почти уступили место восхищению перед его мастерством. Однако в конце концов он сделал промах, маленький, совсем маленький промах, но ему нельзя было допускать и такого, поскольку за ним неотступно следил я. Разумеется, я воспользовался этим промахом и, взяв его за исходную точку, начал плести вокруг Мориарти свою сеть. Сейчас она почти готова, и через три дня, то есть в ближайший понедельник, все будет кончено, — профессор вместе с главными членами своей шайки окажется в руках правосудия. А потом начнется самый крупный уголовный процесс нашего века. Разъяснится тайна более чем сорока загадочных преступлений, и все виновные понесут наказание. Но стоит поторопиться; сделать один неверный шаг, и они могут ускользнуть от нас даже в самый последний момент.

Все было бы хорошо, если бы я мог действовать так, чтобы профессор Мориарти не знал об этом. Но он слишком коварен. Ему становился известен каждый шаг, который я предпринимал для того, чтобы поймать его в свои сети. Много раз пытался он вырваться из них, но я каждый раз преграждал ему путь. Право же, друг мой, если бы подробное описание этой безмолвной борьбы могло появиться в печати, оно заняло бы свое место среди самых блестящих и волнующих книг в истории детектива. Никогда еще я не поднимался до такой высоты, и никогда еще не приходилось мне так туго от действий противника. Его удары были сильны, но я отражал их с еще большей силой. Сегодня утром я предпринял последние шаги, и мне нужны были еще три дня, только три дня, чтобы завершить дело. Я сидел дома, обдумывая все это, как вдруг дверь отворилась — передо мной стоял профессор Мориарти.

У меня крепкие нервы, Уотсон, но, признаюсь, я не мог не вздрогнуть, увидев, что человек, занимавший все мои мысли, стоит на пороге моей комнаты. Его наружность была хорошо знакома мне и прежде. Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое, — что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые — должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно — по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня.

«У вас не так развиты лобные кости, как я ожидал, — сказал он наконец. — Опасная это привычка, мистер Холмс, держать заряженный револьвер в кармане собственного халата».

Действительно, когда он вошел, я сразу понял, какая огромная опасность мне угрожает: ведь единственная возможность спасения заключалась для него в том, чтобы заставить мой язык замолчать навсегда. Поэтому я молниеносно переложил револьвер из ящика стола в карман и в этот момент нащупывал его через сукно. После его замечания я вынул револьвер из кармана и, взведя курок, положил на стол перед собой. Мориарти продолжал улыбаться и щуриться, но что-то в выражении его глаз заставляло меня радоваться близости моего оружия.

«Вы, очевидно, не знаете меня», — сказал он.

«Напротив, — возразил я, — мне кажется, вам нетрудно было понять, что я вас знаю. Присядьте, пожалуйста. Если вам угодно что-нибудь сказать, я могу уделить вам пять минут».

«Все, что я хотел вам сказать, вы уже угадали», — ответил он.

«В таком случае, вы, вероятно, угадали мой ответ».

«Вы твердо стоите на своем?»

«Совершенно твердо».

Он сунул руку в карман, а я взял со стола револьвер. Но он вынул из кармана только записную книжку, где были нацарапаны какие-то даты.

«Вы встали на моем пути четвертого января, — сказал он. — Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили мои планы, а сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может».

«Что вы предлагаете?» — спросил я.

«Бросьте это дело, мистер Холмс, — сказал он, покачивая головой. — Право же, бросьте».

«После понедельника», — ответил я.

«Полноте, мистер Холмс. Вы слишком умны и, конечно, поймете меня: вам необходимо устраниться. Вы сами повели дело так, что другого исхода нет. Я испытал интеллектуальное наслаждение, наблюдая за вашими методами борьбы, и, поверьте, был бы огорчен, если бы вы заставили меня прибегнуть к крайним мерам… Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, я говорю искренне».

«Опасность — неизбежный спутник моей профессии», — заметил я.

«Это не опасность, а неминуемое уничтожение, — возразил он. — Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут».

«Боюсь, — сказал я, вставая, — что из-за вашей приятной беседы я могу пропустить одно важное дело, призывающее меня в другое место».

Он тоже встал и молча смотрел на меня, с грустью покачивая головой.

«Ну что ж! — сказал он наконец. — Мне очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю каждый ход вашей игры. До понедельника вы бессильны. Это поединок между нами, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых — заявляю вам, что этого никогда не будет. Вы надеетесь победить меня — заявляю вам, что это вам никогда не удастся. Если у вас хватит умения погубить меня, то, уверяю вас, вы и сами погибните вместе со мной».

«Вы наговорили мне столько комплиментов, мистер Мориарти, что я хочу ответить вам тем же и потому скажу, что во имя общественного блага я с радостью согласился бы на второе, будь я уверен в первом».

«Первого обещать не могу, зато охотно обещаю второе», — отозвался он со злобной усмешкой и, повернувшись ко мне сутулой спиной, вышел, оглядываясь и щурясь.

Такова была моя своеобразная встреча с профессором Мориарти, а, говоря по правде, она оставила во мне неприятное чувство. Его спокойная и точная манера выражаться заставляет вас верить в его искренность, несвойственную заурядным преступникам. Вы, конечно, скажете мне: «Почему же не прибегнуть к помощи полиции?» Но ведь дело в том, что удар будет нанесен не им самим, а его агентами — в этом я убежден. И у меня уже есть веские доказательства.

— Значит, на вас уже было совершено нападение?

— Милый мой Уотсон, профессор Мориарти не из тех, кто любит откладывать дело в долгий ящик. После его ухода, часов около двенадцати, мне понадобилось пойти на Оксфорд-стрит. Переходя улицу на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, я увидел парный фургон, мчавшийся со страшной быстротой прямо на меня. Я едва успел отскочить на тротуар. Какая-то доля секунды — и я был бы раздавлен насмерть. Фургон завернул за угол и мгновенно исчез. Теперь уж я решил не сходить с тротуара, но на Вир-стрит с крыши одного из домов упал кирпич и рассыпался на мелкие куски у моих ног. Я подозвал полицейского и приказал осмотреть место происшествия. На крыше были сложены кирпичи и шиферные плиты, приготовленные для ремонта, и меня хотели убедить в том, что кирпич сбросило ветром. Разумеется, я лучше знал, в чем дело, но у меня не было доказательств. Я взял кэб и доехал до квартиры моего брата на Пэл-Мэл, где и провел весь день. Оттуда я отправился прямо к вам. По дороге на меня напал какой-то негодяй с дубинкой. Я сбил его с ног, и полиция задержала его, но даю вам слово, что никому не удастся обнаружить связь между джентльменом, о чьи передние зубы я разбил сегодня руку, и тем скромным учителем математики, который, вероятно, решает сейчас задачи на грифельной доске за десять миль отсюда. Теперь вы поймете, Уотсон, почему, придя к вам, я прежде всего закрыл ставни и зачем мне понадобилось просить вашего разрешения уйти из дома не через парадную дверь, а каким-нибудь другим, менее заметным ходом.

Я не раз восхищался смелостью моего друга, но сегодня меня особенно поразило его спокойное перечисление далеко не случайных происшествий этого ужасного дня.

— Надеюсь, вы переночуете у меня? — спросил я.

— Нет, друг мой, я могу оказаться опасным гостем. Я уже обдумал план действий, и все кончится хорошо. Сейчас дело находится в такой стадии, что арест могут произвести и без меня. Моя помощь понадобится только во время следствия. Таким образом, на те несколько

дней, которые еще остаются до решительных действий полиции, мне лучше всего уехать. И я был бы очень рад, если бы вы могли, поехать со мной на континент.

— Сейчас у меня мало больных, — сказал я, — а мой коллега, живущий по соседству, охотно согласится заменить меня. Так что я с удовольствием поеду с вами.

— И можете выехать завтра же утром?

— Если это необходимо.

— О да, совершенно необходимо. Теперь выслушайте мои инструкции, и я попрошу вас, Уотсон, следовать им буквально, так как нам предстоит вдвоем вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, вы должны сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал Виктория. Утром вы пошлете слугу за кэбом, но скажете ему, чтобы он не брал ни первый, ни второй экипаж, которые попадутся ему навстречу. Вы сядете в кэб и поедете на Стрэнд, к Лоусерскому пассажу, причем адрес вы дадите кучеру на листке бумаги и скажите, чтобы он ни в коем случае не выбрасывал его. Расплатитесь с ним заранее и, как только кэб остановится, моментально нырните в пассаж с тем расчетом, чтобы ровно в четверть десятого оказаться на другом его конце. Там, у самого края тротуара, вы увидите небольшой экипаж. Править им будет человек в плотном черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Вы сядете в этот экипаж и прибудете на вокзал как раз вовремя, чтобы попасть на экспресс, отправляющийся на континент.

— А где я должен встретиться с вами?

— На станции. Нам будет оставлено второе от начала купе первого класса.

— Так, значит, мы встретимся уже в вагоне?

— Да.

Тщетно я упрашивал Холмса остаться у меня ночевать. Мне было ясно, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом и что это единственная причина, которая гонит его прочь. Сделав еще несколько торопливых указаний по поводу наших завтрашних дел, он встал, вышел вместе со мной в сад, перелез через стенку прямо на Мортимер-стрит, свистком подозвал кэб, и я услышал удаляющийся стук колес.

На следующее утро я в точности выполнил указания Холмса. Кэб был взят со всеми необходимыми предосторожностями — он никак не мог оказаться ловушкой, — и сразу после завтрака я поехал в условленное место. Подъехав к Лоусерскому пассажу, я пробежал через него со всей быстротой, на какую был способен, и увидел карету, которая ждала меня, как было условленно. Как только я сел в нее, огромного роста кучер, закутанный в темный плащ, стегнул лошадь и мигом довез меня до вокзала Виктория. Едва я успел сойти, он повернул экипаж и снова умчался, даже не взглянув в мою сторону.

Пока все шло прекрасно. Мой багаж уже ждал меня на вокзале, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, хотя бы потому, что оно было единственное с надписью «занято». Теперь меня тревожило только одно — отсутствие Холмса. Я посмотрел на вокзальные часы: до отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно искал я в толпе отъезжающих и провожающих худощавую фигуру моего друга — его не было. Несколько минут я убил, помогая почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж должен быть отправлен прямо в Париж. Потом я еще раз обошел платформу и вернулся в свое купе, где застал уже знакомого мне дряхлого итальянца. Оказалось, что, хотя у него не было билета в это купе, носильщик все-таки усадил его ко мне. Бесполезно было объяснять моему непрошеному дорожному спутнику, что его вторжение мне неприятно: я владел итальянским еще менее, чем он английским. Поэтому я только пожимал плечами и продолжал тревожно смотреть в окно, ожидая моего друга. Мною начал овладевать страх: а вдруг его отсутствие означало, что за ночь с ним произошло какое-нибудь несчастье! Уже все двери были закрыты, раздался свисток, как вдруг…

— Милый Уотсон, вы даже не соблаговолите поздороваться со мной! — произнес возле меня чей-то голос.

Я оглянулся, пораженный. Пожилой священник стоял теперь ко мне лицом. На секунду его морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа перестала выдвигаться вперед, а рот — шамкать, тусклые глаза заблистали прежним огоньком, сутулая спина выпрямилась. Но все это длилось одно мгновение, и Холмс исчез также быстро, как появился.

— Боже милостивый! — вскричал я. — Ну и удивили же вы меня!

— Нам все еще необходимо соблюдать максимальную осторожность, — прошептал он. У меня есть основания думать, что они напали на наш след. А, вот и сам Мориарти!

Поезд как раз тронулся, когда Холмс произносил эти слова. Выглянув из окна и посморев назад, я увидел высокого человека, который яростно расталкивал толпу и махал рукой, словно желая остановить поезд. Однако было уже поздно: скорость движения все увеличивалась, и очень быстро станция осталась позади.

— Вот видите, — сказал Холмс со смехом, — несмотря на все наши предосторожности, нам еле-еле удалось отделаться от этого человека.

Он встал, снял с себя черную сутану и шляпу — принадлежности своего маскарада — и спрятал их в саквояж.

— Читали вы утренние газеты, Уотсон?

— Нет.

— Значит, вы еще не знаете о том, что случилось на Бейкер-стрит?

— Бейкер-стрит?

— Сегодня ночью они подожгли нашу квартиру, но большого ущерба не причинили.

— Как же быть, Холмс? Это становится невыносимым.

— По-видимому, после того как их агент с дубинкой был арестован, они окончательно потеряли мой след. Иначе они не могли бы предположить, что я вернулся домой. Но потом они, как видно, стали следить за вами — вот что привело Мориарти на вокзал Виктория. Вы не могли сделать какой-нибудь промах по пути к вокзалу?

— Я в точности выполнил все ваши указания.

— Нашли экипаж на месте?

— Да, он ожидал меня.

— А кучера вы узнали?

— Нет.

— Это был мой брат, Майкрофт. В таких делах лучше не посвящать в свои секреты наемного человека. Ну, а теперь мы должны подумать, как нам быть с Мориарти.

— Поскольку мы едем экспрессом, а пароход отойдет, как только придет наш поезд, мне кажется, теперь уже им не за что не угнаться за нами.

— Милый мой Уотсон, ведь я говорил вам, что, когда речь идет об интеллекте, к этому человеку надо подходить точно с той же меркой, что и ко мне. Неужели вы думаете, что если бы на месте преследователя был я, такое ничтожное происшествие могло бы меня остановить? Ну, а если нет, то почему же вы так плохо думаете о нем?

— Но что он может сделать?

— То же, что сделал бы я.

— Тогда скажите мне, как поступили бы вы.

— Заказал бы экстренный поезд.

— Но ведь он все равно опоздает.

— Никоим образом. Наш поезд останавливается в Кентербери, а там всегда приходится по крайней мере четверть часа ждать парохода. Вот там-то он нас и настигнет.

— Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажите арестовать его, как только он приедет.

— Это уничтожило бы плоды трехмесячной работы. Мы поймали крупную рыбку, а мелкая уплыла бы из сетей в разные стороны. В понедельник все они будут в наших руках. Нет, сейчас арест недопустим.

— Что же нам делать?

— Мы должны выйти в Кентербери.

— А потом?

— А потом нам придется проехать в Ньюхейвен и оттуда — в Дьепп. Мориарти снова сделает тоже, что сделал бы я: он приедет в Париж, пойдет в камеру хранения багажа, определит, какие чемоданы наши, и будет там два дня ждать. Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать, и спокойно направимся в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком опытный путешественник и потому не позволил себе огорчаться из-за потери багажа, но, признаюсь, мне была неприятна мысль, что мы должны увертываться и прятаться от преступника, на счету которого столько гнусных злодеяний. Однако Холмс, конечно, лучше понимал положение вещей. Поэтому в Кентербери мы вышли. Здесь мы узнали, что поезд в Ньюхейвен отходит только через час.

Я все еще уныло смотрел на исчезавший вдали багажный вагон, быстро уносивший весь мой гардероб, когда Холмс дернул меня за рукав и показал на железнодорожные пути.

— Видите, как быстро! — сказал он.

Вдалеке, среди Кентских лесов, вилась тонкая струйка дыма. Через минуту другой поезд, состоявший из локомотива с одним вагоном, показался на изогнутой линии рельсов, ведущей к станции. Мы едва успели спрятаться за какими-то тюками, как он со стуком и грохотом пронесся мимо нас, дохнув нам в лицо струей горячего пара.

— Проехал! — сказал Холмс, следя взглядом за вагоном, подскакивавшим и слегка покачивавшимся на рельсах. — Как видите, проницательность нашего друга тоже имеет границы. Было бы поистине чудом, если бы он сделал точно те же выводы, какие сделал я, и действовал бы в соответствии с ними.

— А что бы он сделал, если бы догнал нас?

— Без сомнения, попытался бы меня убить. Ну, да ведь и я не стал бы дожидаться его сложа руки. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь или рискнуть умереть с голоду и подождать до Ньюхейвена.

В ту же ночь мы приехали в Брюссель и провели там два дня, а на третий двинулись в Страсбург. В понедельник утром Холмс послал телеграмму лондонской полиции, и вечером, придя в нашу гостиницу, мы нашли там ответ. Холмс распечатал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

— Я должен был это предвидеть! — простонал он. — Бежал!

— Мориарти?

— Они накрыли всю шайку, кроме него! Он один ускользнул! Ну, конечно, я уехал, и этим людям было не справиться с ним. Хотя я был уверен, что дал им в руки все нити. Знаете, Уотсон, вам лучше поскорее вернуться в Англию.

— Почему это?

— Я теперь опасный спутник. Этот человек потерял все. Если он вернется в Лондон, он погиб. Насколько я понимаю его характер, он направит теперь все силы на то, чтобы отомстить мне. Он очень ясно высказался во время нашего короткого свидания, и я уверен, что это не пустая угроза. Право же, я советую вам вернуться в Лондон, к вашим пациентам.

Но я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не счел возможным покинуть его в такую минуту. Более получаса мы спорили об этом, сидя в ресторане страсбургской гостиницы, и в ту же ночь двинулись дальше, в Женеву.

Целую неделю мы с наслаждением бродили по долине Роны, а потом, миновав Лейк, направились через перевал Гемми, еще покрытый глубоким снегом, и дальше — через Интерлакен — к деревушке Мейринген. Это была чудесная прогулка — нежная весенняя зелень внизу и белизна девственных снегов наверху, над нами, — но мне было ясно, что ни на одну минуту Холмс не забывал о нависшей над ним угрозе. В уютных альпийских деревушках, на уединенных горных тропах — всюду я видел по его быстрому, пристальному взгляду, внимательно изучающему лицо каждого встречного путника, что он твердо убежден в неотвратимой опасности, идущей за нами по пятам.

Помню такой случай: мы проходили через Гемми и шли берегом задумчивого Даубена, как вдруг большая каменная глыба сорвалась со скалы, возвышавшейся справа, скатилась вниз и с грохотом погрузилась в озеро позади нас. Холмс вбежал на скалу и, вытянув шею, начал осматриваться по сторонам. Тщетно уверял его проводник, что весною обвалы каменных глыб — самое обычное явление в здешних краях. Холмс ничего не ответил, но улыбнулся мне с видом человека, который давно уже предугадывал эти события.

И все же при всей своей настороженности он не предавался унынию. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его в таком жизнерадостном настроении. Он снова и снова повторял, что, если бы общества было избавлено от профессора Мориарти, он с радостью прекратил бы свою деятельность.

— Мне кажется, я имею право сказать, Уотсон, что не совсем бесполезно прожил свою жизнь, — говорил он, — и даже если бы мой жизненный путь должен был оборваться сегодня, я все-таки мог бы оглянуться на него с чувством душевного удовлетворения. Благодаря мне воздух Лондона стал чище. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и убежден, что никогда не злоупотреблял своим влиянием, помогая неправой стороне. В последнее время меня, правда, больше привлекало изучение загадок, поставленных перед нами природой, нежели те поверхностные проблемы, ответственность за которые несет несовершенное устройство нашего общества. В тот день, Уотсон, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и самого талантливого преступника в Европе, вашим мемуарам придет конец.

Теперь я постараюсь коротко, но точно изложить то немногое, что еще осталось недосказанным. Мне нелегко задерживаться на этих подробностях, но я считаю своим долгом не пропустить ни одной из них.

3 мая мы пришли в местечко Мейринген и остановились в гостинице «Англия», которую в то время содержал Петер Штайлер-старший. Наш хозяин был человек смышленый и превосходно говорил по-английски, так как около трех лет прослужил кельнером в гостинице «Гровнер» в Лондоне. 4 мая, во второй половине дня, мы по его совету отправились вдвоем в горы с намерением провести ночь в деревушке Розенлау. Хозяин особенно рекомендовал нам осмотреть Рейхенбахский водопад, который находится примерно на половине подъема, но несколько в стороне.

Это — поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец,

который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые скалы вокруг. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх, — все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом.

Мы стояли у края, глядя в пропасть, где блестела вода, разбивавшаяся далеко внизу о черные камни, и слушали доносившееся из бездны бормотание, похожее на человеческие голоса.

Дорожка, по которой мы поднялись, проложена полукругом, чтобы дать туристам возможность лучше видеть водопад, но она кончается обрывом, и путнику приходится возвращаться той же дорогой, какой он пришел. Мы как раз повернули, собираясь уходить, как вдруг увидели мальчика-швейцарца, который бежал к нам навстречу с письмом в руке. На конверте стоял штамп той гостиницы, где мы остановились. Оказалось, это письмо от хозяина и адресовано мне. Он писал, что буквально через несколько минут после нашего ухода в гостиницу прибыла англичанка, находящаяся в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, но по дороге у нее внезапно пошла горлом кровь. По-видимому, ей осталось жить не более нескольких часов, но для нее было бы большим утешением видеть около себя доктора англичанина, и если бы я приехал, то… и т.д. и т.д. В постскриптуме добряк Штайлер добавлял, что он и сам будет мне крайне обязан, если я соглашусь приехать, так как приезжая дама категорически отказывается от услуг врача-швейцарца, и что на нем лежит огромная ответственность.

Я не мог не откликнуться на это призыв, не мог отказать в просьбе соотечественнице, умиравшей на чужбине. Но вместе с тем я опасался оставить Холмса одного. Однако мы решили, что с ним в качестве проводника и спутника останется юный швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался еще немного побыть у водопада, а затем потихоньку отправиться через холмы в Розенлау, где вечером я должен был к нему присоединиться. Отойдя немного, я оглянулся: Холмс стоял, прислонясь к скале, и, скрестив руки, смотрел вниз, на дно стремнины. Я не знал тогда, что больше мне не суждено было видеть моего друга.

Спустившись вниз, я еще раз оглянутся. С этого места водопад уже не был виден, но я разглядел ведущую к нему дорожку, которая вилась вдоль уступа горы. По этой дорожке быстро шагал какой-то человек. Его черный силуэт отчетливо выделялся на зеленом фоне. Я заметил его, заметил необыкновенную быстроту, с какой он поднимался, но я и сам очень спешил к моей больной, а потому вскоре забыл о нем.

Примерно через час я добрался до нашей гостиницы в Мейрингене. Старик Штайлер стоял на дороге.

— Ну что? — спросил я, подбегая к нему. — Надеюсь, ей не хуже?

На лице у него выразилось удивление, брови поднялись. Сердце у меня так и оборвалось.

— Значит, не вы писали это? — спросил я, вынув из кармана письмо. — В гостинице нет больной англичанки?

— Ну, конечно, нет! — вскричал он. — Но что это? На конверте стоит штамп моей гостиницы?.. А, понимаю! Должно быть, письмо написал высокий англичанин, который приехал вскоре после вашего ухода. Он сказал, что…

Но я не стал ждать дальнейших объяснений хозяина. Охваченный ужасом, я уже бежал по деревенской улице к той самой горной дорожке, с которой только что спустился.

Спуск к гостинице занял у меня час, и, несмотря на то, что я бежал изо всех сил, прошло еще два, прежде чем я снова достиг Рейхенбахского водопада. Альпеншток Холмса все еще стоял у скалы, возле которой я его оставил, но самого Холмса не было, и я тщетно звал его. Единственным ответом было эхо, гулко повторявшее мой голос среди окружавших меня отвесных скал.

При виде этого альпенштока я похолодел. Значит, Холмс не ушел на Розенлау. Он оставался здесь, на этой дорожке шириной в три фута, окаймленной отвесной стеной с одной стороны и заканчивающейся отвесным обрывом с другой. И здесь его настиг враг. Юного швейцарца тоже не было. По-видимому, он был подкуплен Мориарти и оставил противников с глазу на глаз. А что случилось потом? Кто мог сказать мне, что случилось потом?

Минуты две я стоял неподвижно, скованный ужасом, силясь прийти в себя. Потом я вспомнил о методе самого Холмса и сделал попытку применить его, чтобы объяснить себе разыгравшуюся трагедию. Увы, это было нетрудно! Во время нашего разговора мы с Холмсом не дошли до конца тропинки, и альпеншток указывал на то место, где мы остановились. Черноватая почва не просыхает здесь изза постоянных брызг потока, так что птица — и та оставила бы на ней свой след. Два ряда шагов четко отпечатывались почти у самого конца тропинки. Они удалялись от меня. Обратных следов не было. За несколько шагов от края земля была вся истоптана и разрыта, а терновник и папоротник вырваны и забрызганы грязью. Я лег лицом вниз и стал всматриваться в несущийся поток. Стемнело, и теперь я мог видеть только блестевшие от сырости черные каменные стены да где-то далеко в глубине сверканье бесчисленных водяных брызг. Я крикнул, но лишь гул водопада, чем-то похожий на человеческие голоса, донесся до моего слуха.

Однако судьбе было угодно, чтобы последний привет моего друга и товарища все-таки дошел до меня. Как я уже сказал, его альпеншток остался прислоненным к невысокой скале, нависшей над тропинкой. И вдруг на верхушке этого выступа что-то блеснуло. Я поднял руку, то был серебряный портсигар, который Холмс всегда носил с собой. Когда я взял его, несколько листочков бумаги, лежавших под ним, рассыпались и упали на землю. Это были три листика, вырванные из блокнота и адресованные мне. Характерно, что адрес был написан так же четко, почерк был так же уверен и разборчив, как если бы Холмс писал у себя в кабинете.

«Дорогой мой Уотсон , — говорилось в записке. —Я пишу Вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ждет меня для окончательного разрешения вопросов, касающихся нас обоих. Он бегло обрисовал мне способы, с помощью которых ему удалось ускользнуть от английской полиции, и узнать о нашем маршруте. Они только подтверждают мое высокое мнение о его выдающихся способностях. Мне приятно думать, что я могу избавить общество от дальнейших неудобств, связанных с его существованием, но боюсь, что это будет достигнуто ценой, которая огорчит моих друзей, и особенно Вас, дорогой Уотсон. Впрочем, я уже говорил Вам, что мой жизненный путь дошел до своей высшей точки, и я не мог бы желать для себя лучшего конца. Между прочим, если говорить откровенно, я нимало не сомневался в том, что письмо из Мейрингена западня, и, отпуская Вас, был твердо убежден, что последует нечто в этом роде. Передайте инспектору Петерсону, что бумаги, необходимые для разоблачения шайки, лежат у меня в столе, в ящике под литерой «М» — синий конверт с надписью «Мориарти». Перед отъездом из Англии я сделал все необходимые распоряжения относительно моего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта.

Прошу Вас передать мой сердечный привет миссис Уотсон.

Искренне преданный Вам Шерлок Холмс».

Остальное можно рассказать в двух словах. Осмотр места происшествия, произведенный экспертами, не оставил никаких сомнений в том, что схватка между противниками кончилась так, как она неизбежно должна была кончиться при данных обстоятельствах: видимо, они вместе упали в пропасть, так и не разжав смертельных объятий. Попытки отыскать трупы были тотчас же признаны безнадежными, и там, в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены, навеки остались лежать тела опаснейшего преступника и искуснейшего поборника правосудия своего времени. Мальчика-швейцарца так и не нашли — разумеется, это был один из многочисленных агентов, находившихся в распоряжении Мориарти. Что касается шайки, то, вероятно, все в Лондоне помнят, с какой полнотой улики, собранные Холмсом, разоблачили всю организацию и обнаружили, в каких железных тисках держал ее

покойный Мориарти. На процессе страшная личность ее главы и вдохновителя осталась почти не освещенной, и если мне пришлось раскрыть здесь всю правду о его преступной деятельности, это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые пытались обелить его память нападками на человека, которого я всегда буду считать самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

Возвращение Шерлока Холмса (сборник)

Пустой дом

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я вес еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я счел бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, – запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональна Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным в совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже чем когда бы то ни было осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию – удалить катаракту, – и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа

поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов

– Болдвин, Кэвендиш и Бэгетель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Бэгетель. Он играл там также и до обеда. Его партнеры – мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран – показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого – в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них – имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек заперся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой – не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе газона, отделявшего дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн – многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кэбов. Однако выстрела никто не слыхал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навылет и, судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн – убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все факты, пытаясь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же

окно, и я понял, что это был тот самый дом, где произошло убийство. Высокий, худой человек в темных очках, по-моему, переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» – и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил, который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за домом N427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; подмышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

– Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? – спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

– Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

– Не стоит говорить о таких пустяках, – сказал я. – А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

– Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание – в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

– Дорогой мой Уотсон, – сказал хорошо знакомый голос, – приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

– Холмс! – вскричал я. – Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?

– Погодите минутку, – ответил он. – Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

– Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и нащупал его тонкую, мускулистую руку.

– Нет, это не дух, это несомненно, – сказал я. – Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил трубку. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада – кучка седых волос и связка старых книг – лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

– Как приятно вытянуться, Уотсон! – сказал он. – Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах… Дело в том, что я хочу просить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

– Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

– Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

– Когда и куда вам угодно.

– Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы еще успеем немного закусить перед уходом… Ну, а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

– Не были?!

– Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного – отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы – «баритсу», которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но все-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал трубкой.

– Но следы! – вскричал я. – Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

– Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставались по меньшей мере три его сообщника. Гибель главаря могла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все они были

чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы через некоторое время прикончить меня. А если эти люди будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более открыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что я жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осмотрел скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале есть несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме того, по некоторым признакам я понял, что чуть повыше в ней имеется выемка… Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль об обмане. Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня доносится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть. И здесь я лежал, в то время, как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение кончено, но одно весьма неожиданное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с грохотом пролетел вдруг совсем около меня, ударился о тропинку и низринулся в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Я понял, что это означает. Мориарти действовал не один. Его сообщник – и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, – стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, невидимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять – третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь руками за край расселины. На полдороге я сорвался вниз, но все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побежал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, уверенный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека – моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вам никогда не удалось бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три года я несколько раз порывался написать вам – и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот

почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Ситуация была в тот момент очень опасной, и возглас удивления или радости мог бы привлечь ко мне внимание и привести к печальным, даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли не так хорошо, как я того ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных ее члена, оба – мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхассу и провел несколько дней у далай-ламы[58].

Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что-то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа в Хартуме… Отчет об этом визите был затем представлен мною министру иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о нашумевшем убийстве на Парк-лейн заставило меня поторопиться с отъездом. Эта загадка заинтересовала меня не только сама по себе, но и потому, что ее раскрытие, по-видимому, могло помочь мне осуществить кое-какие проекты, касающиеся меня лично. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом, сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, это – чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, рассказанная мне в тот апрельский вечер, повесть, которой я бы ни за что не поверил, если бы не видел своими глазами высокую, худощавую фигуру и умное, энергичное лицо человека, которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне, нежели в словах.

– Работа – лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон, – сказал он, – а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь. Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

– Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра, – ответил он.

– А пока что у нас и без того есть о чем поговорить – ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кэбе рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилось в ожидании необычайных событий. Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквера. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом

оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Блэндфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо, и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга. Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

– Знаете ли вы, где мы? – шепотом спросил он.

– Кажется, на Бейкер-стрит, – ответил я, глядя через мутное стекло.

– Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

– Но зачем мы пришли сюда?

– Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну, а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица – все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна вполоборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точна копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он стоит здесь, рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

– Ну? – спросил он.

– Это просто невероятно! – прошептал я.

– Кажется, годы не убили мою изобретательность, а привычка не засушила ее, – сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любующегося своим творением. – А ведь правда похож?

– Я готов был бы поклясться, что это вы.

– Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

– Но зачем вам понадобилось все это?

– У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь в другом месте.

– Так вы думаете, что за квартирой следят?

– Я знаю, что за ней следят.

– Кто же?

– Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они – и только они – знали, что я еще жив. Они были уверены, что рано или поздно я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

– Но как вы догадались об этом?

– Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный малый, по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время прекрасный музыкант. Он мало меня интересует. Меня гораздо больше интересует другой – тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы, – самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы – мы были охотниками. Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на тротуаре. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много, почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне. Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде невдалеке от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным возгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате, уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал изумление. Схватив Холмса за руку, я показал ему на окно.

– Фигура шевельнулась! – воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, сталкиваясь с проявлениями ума, менее тонкого, чем его собственный.

– Разумеется, она шевельнулась, – сказал он. – Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз, то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственный силуэт не был виден… Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я увидел, как он стоит, вытянув шею, в позе напряженного ожидания. Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царили безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре.

В полном безмолвии я слышал свистящее дыхание Холмса, выдававшее сильное, с трудом сдерживаемое волнение. Внезапно он толкнул меня в глубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где мы прятались. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги послышались в коридоре – шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в пустом доме. Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и, крадучись, двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии. Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его лицо. Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены. Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало белоснежную грудь фрачной манишки. Смуглое мрачное лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но, когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана пальто какой-то предмет довольно больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не щелкнула какая-то пружина или задвижка. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы услышали длинный, скрежещущий, резкий звук. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с каким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним – изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку, и раздалось странное жужжание, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его на пол. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

– Это вы, Лестрейд? – спросил Холмс.

– Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

– Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год – многовато, Лестрейд. Но дело о тайне Молей вы вели не так уж… то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно…

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон. На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке была заложена способность как к добру, так и ко злу. Но жестокие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный, ястребиный нос и глубокие морщины, избороздившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствовавшими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не

обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

– Дьявол! – шептал он. – Хитрый дьявол!

– Итак, полковник, – сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник, – все пути ведут к свиданью, как поется в старинной песенке. Кажется, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием, – помните, когда я лежал в той расселине над Рейхенбахским водопадом.

Полковник, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

– Дьявол, сущий дьявол! – снова и снова повторял он.

– Я еще не представил вас, – сказал Холмс. – Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в наших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость, но продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра, глаза у него злобно сверкали, усы ощетинились.

– Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника, – продолжал Холмс. – Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом – мое дерево, а вы – мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тигров, или же на тот маловероятный случай, если бы вы промахнулись. Эти господа, – он показал на нас, – мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

– Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз, – продолжал Холмс. – Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Лестрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

– Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет, – сказал он, – я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

– Это, пожалуй, справедливо, – заметил Лестрейд. – Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

– Превосходное и единственное в своем роде оружие! – сказал он. – Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

– Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им, – сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям. – Это все?

– Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

– Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство мистера Шерлока Холмса.

– О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Благодаря сочетанию свойственной вам проницательности и смелости вы наконец поймали этого человека.

– Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

– Тот, кого безуспешно искала вся полиция, – полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго этажа дома N427 по Парк-лейн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд… А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре – надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничего не изменилось. Правда, когда я вошел, меня удивила ее непривычная опрятность, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники, которые так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка со множеством трубок, даже персидская туфля с табаком – все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это был раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на высокой подставке и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

– Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? – спросил Холмс.

– Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы приказали.

– Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

– Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу красивую статую – прошла через голову и сплющилась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

– Мягкая револьверная пуля, посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь… А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется побеседовать с вами кое о чем.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул старый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

– Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен, – сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. – Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

– Нет, никогда.

– Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель…

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

– У меня отличная коллекция на «М», – сказал он. – Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган – отравитель, и Мерридью, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз – тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Черингкросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг. Он протянул мне книгу, и я прочитал: «Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1843 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего британского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской (дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: „Охота на крупного зверя в Западных Гималаях" (1881) и „Три месяца в джунглях" (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервильский и карточный клуб Бэгетель».

На полях четким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

– Странно, – сказал я, возвращая Холмсу книгу. – Казалось бы, его путь – это путь честного солдата.

– Вы правы, – ответил Холмс. – До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые растут нормально до определенной высоты, а потом вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случается и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла объясняется каким-нибудь сильным влиянием, источник которого надо искать в родословной человека. И следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

– Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

– Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Никакого открытого скандала не было, но он до такой степени восстановил против себя кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами, но к помощи его прибегал очень редко – лишь в двух или трех особо трудных случаях, которые были не под силу заурядному преступнику. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стюард из Лаудера в 1877 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду. Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал что делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехало в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно из-за него я пережил несколько весьма неприятных минут, лежа в расселине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и так или иначе он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог: ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже была бесполезно: суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я

был бессилен что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить. И вот произошло это убийство Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он играл с юношей в карты, он пошел за ним следом после клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку немедленно устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, хотя, уверяю вас, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

– Нет, – ответил я. – Вы еще не объясняли мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

– Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало. Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

– Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

– Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, будучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег. Но Моран, без сомнения, играл нечисто – я давно знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плутует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать своими шулерскими приемами, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возвратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на столе, он заперся на ключ… Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

– Не сомневаюсь, что вы попали в точку.

– Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе, полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотленд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

Подрядчик из Норвуда

– С тех пор, как погиб профессор Мориарти, – сказал как-то за завтраком Шерлок Холмс, – Лондон для криминалистов потерял всякий интерес.

– Боюсь, мало кто из добропорядочных лондонцев согласится с вами, – засмеялся я.

– Да, конечно, нельзя думать только о себе, – улыбнулся мой друг, вставая из-за стола. – Общество довольно, всем хорошо, страдает лишь один Шерлок Холмс, который остался не у дел. Когда этот человек был жив, утренние газеты были источником неистощимых

возможностей. Едва уловимый намек, случайная фраза – и мне было ясно: гений зла опять замышляет что-то; так, увидев дрогнувший край паутины, мгновенно представляешь себе хищного паука в ее центре. Мелкие кражи, необъяснимые убийства, кажущиеся бессмысленными нарушения закона – но, зная Мориарти, я видел за всем этим единый преступный замысел. В те дни для того, кто занимается изучением уголовного мира, ни одна столица Европы не представляла такого широкого поля деятельности, как Лондон. А сейчас… – И Холмс с шутливым негодованием пожал плечами, возмущаясь результатом своих собственных усилий.

Эпизод, который я хочу рассказать, произошел через несколько месяцев после возвращения Холмса. По его просьбе я продал свою практику в Кенсингтоне и поселился с ним на нашей старой квартире на Бейкер-стрит. Мою скромную практику купил молодой врач по имени Вернер. Он, не колеблясь, согласился на самую высокую цену, какую у меня хватило духу запросить, – объяснилось это обстоятельство через несколько лет, когда я узнал, что Вернер – дальний родственник Холмса и деньги ему дал не кто иной, как мой друг.

Те месяцы, что мы прожили вместе, вовсе не были так бедны событиями, как это представил сейчас Холмс. Пробегая свои дневники того времени, я нахожу там знаменитое дело о похищенных документах бывшего президента Мурильо и трагедию на борту голландского лайнера «Фрисланд», которая едва не стоила нам с Холмсом жизни. Но гордой, замкнутой душе моего друга претили восторги толпы, и он взял с меня клятву никогда больше не писать ни о нем самом, ни о его методе, ни о его успехах. Запрещение это, как я уже говорил, было снято с меня совсем недавно.

Высказав свой необычный протест, Шерлок Холмс удобно уселся в кресло, взял газету и только что принялся неспешно ее разворачивать, как вдруг раздался резкий звонок и сильные глухие удары, как будто в дверь барабанили кулаком. Потом кто-то шумно ворвался в прихожую, взбежал по лестнице, и в нашей гостиной очутился бледный, взлохмаченный, задыхающийся молодой человек с лихорадочно горящими глазами.

– Простите меня, мистер Холмс, – с трудом выговорил он. – Ради бога не сердитесь… Я совсем потерял голову. Мистер Холмс, я – несчастный Джон Гектор Макфарлейн.

Он почему-то был уверен, что это имя объяснит нам и цель его визита и его странный вид, но по вопросительному выражению на лице моего друга я понял, что для него оно значит ничуть не больше, чем для меня.

– Возьмите сигарету, мистер Макфарлейн, – сказал Холмс, подвигая ему свой портсигар. – Мой друг доктор Уотсон, видя ваше состояние, прописал бы вам что-нибудь успокаивающее. Какая жара стоит все это время! Ну вот, а теперь, если вы немножко пришли в себя, садитесь, пожалуйста, на этот стул и рассказывайте спокойно и не торопясь, кто вы и что привело вас сюда. Вы назвали свое имя так, будто я должен его знать, но, уверяю вас, кроме тех очевидных фактов, что вы масон, адвокат, холосты и что у вас астма, мне больше ничего не известие.

Я был знаком с методами моего друга и потому, взглянув повнимательнее на молодого человека, отметил и небрежность одежды, и пачку деловых бумаг, и брелок на цепочке от часов, и затрудненное дыхание – словом, все, что помогло Холмсу сделать свои выводы. Но наш посетитель был поражен.

– Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, к этому можно только добавить, что нет сейчас в Лондоне человека несчастнее меня. Ради всего святого, мистер Холмс, помогите мне! Если они придут за мной, а я не кончу рассказывать, попросите их подождать. Я хочу, чтобы вы узнали все от меня. Я пойду в тюрьму со спокойной душой, если вы согласитесь помогать мне.

– Вы пойдете в тюрьму! – воскликнул Холмс. – Да это просто замеча… просто ужасно. Какое обвинение вам предъявляют?

– Убийство мистера Джонаса Олдейкра из Лоуэр-Норвуда.

На лице моего друга отразилось сочувствие, смешанное, как мне показалось, с удовольствием.

– Подумать только! – заговорил он. – Ведь всего несколько минут назад я жаловался доктору Уотсону, что сенсационные происшествия исчезли со страниц наших газет.

Наш гость протянул дрожащую руку к «Дейли телеграф», так и оставшейся лежать на коленях Холмса.

– Если бы вы успели развернуть газету, сэр, вам не пришлось бы спрашивать, зачем я к вам пришел. Мне кажется, что сейчас все только и говорят обо мне и о моем несчастье. – Он показал нам первую страницу. – Вот. С вашего позволения, мистер Холмс, я прочту. Слушайте: «Загадочное происшествие в Лоуэр-Норвуде. Исчез местный подрядчик. Подозревается убийство и поджог. Преступник оставил следы». Они уже идут по этим следам, мистер Холмс, и я знаю, они скоро будут здесь! За мной следили с самого вокзала. Они, конечно, ждут только ордера на арест. Мама не переживет этого, не переживет! – Он в отчаянии ломал руки, раскачиваясь на стуле.

Я с интересом разглядывал человека, которого обвиняли в таком страшном преступлении: лет ему было около двадцати семи, светло-русые волосы, славное лицо с мягкими, будто смазанными чертами, ни усов, ни бороды, испуганные голубые глаза, слабый детский рот; судя по костюму и манерам – джентльмен, из кармана летнего пальто торчит пачка документов, подсказавших Холмсу его профессию…

– Воспользуемся оставшимся у нас временем, – сказал Холмс. – Уотсон, прочтите, пожалуйста, статью.

Под броским заголовком, который прочитал нам Макфарлейн, было напечатано следующее интригующее сообщение:

«Сегодня ночью, точнее, рано утром, в Лоуэр-Норвуде случилось происшествие, которое наводит на мысль о преступлении. Мистер Джонас Олдейкр хорошо известен в округе, где он в течение многих лет брал подряды на строительство. Мистер Джонас Олдейкр – холостяк, пятидесяти двух лет, его усадьбы Дип-Дин-хаус в районе Сайденхема и неподалеку от Сайденхем-роуд. По словам соседей, он человек со странностями, скрытный и необщительный. Несколько лет назад он оставил дело, на котором нажил немалое состояние. Однако небольшой склад стройматериалов у него остался. И вот вчера вечером, около двенадцати часов, в пожарную охрану сообщили, что за его домом во дворе загорелся один из штабелей с досками. Пожарные немедленно выехали, но пламя с такой яростью пожирало сухое дерево, что погасить огонь было невозможно, и штабель сгорел дотла. С первого взгляда могло показаться, что происшествие это ничем не примечательно, но скоро выяснились обстоятельства, указывающие на преступление. Всех поразило отсутствие на месте происшествия владельца склада, – его стали искать, но нигде не нашли. Когда вошли к нему в комнату, то увидели, что постель не смята, сейф раскрыт, по полу разбросаны какие-то документы, всюду следы борьбы, слабые пятна крови и наконец в углу дубовая трость, рукоятка которой тоже испачкана кровью. Известно, что вечером у мистера Джонаса Олдейкра был гость, которого он принимал в спальне. Есть доказательства, что найденная трость принадлежит этому гостю, которым является Джон Гектор Макфарлейн-младший, компаньон лондонской юридической конторы „Грэм и Макфарлейн‟, 426. Грешембилдингз, Восточно-центральный район. По мнению полиции, данные, которыми она располагает, не оставляют сомнений в мотивах, толкнувших его на преступление. Мы уверены, что в самом скором времени сможем сообщить нашим читателям новые подробности.

Более позднее сообщение. – Ходят слухи, что мистер Джон Гектор Макфарлейн уже арестован по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра. Достоверно известно, что приказ об его аресте подписан. Следствие получило новые улики, подтверждающие самые худшие предположения. Кроме следов борьбы, в спальне несчастного обнаружено, что, во-

первых, выходящая во двор стеклянная дверь спальни оказалась открытой, во-вторых, через двор к штабелю тянется след от протащенного волоком тяжелого предмета и, наконец, в-третьих, в золе были обнаружены обуглившиеся кости. Полиция пришла к заключению, что мы имеем дело с чудовищным преступлением: убийца нанес жертве смертельный удар в спальне, вынул из сейфа бумаги, оттащил труп к штабелю и, чтобы скрыть следы, поджег его. Следствие поручено опытному специалисту Скотленд-Ярда инспектору Лестрейду, который взялся за расследование со свойственной ему энергией и проницательностью».

Шерлок Холмс слушал отчет об этих необычайных событиях, закрыв глаза и соединив кончики пальцев.

– Случай, несомненно, интересный, – наконец задумчиво проговорил он.

– Но позвольте спросить вас, мистер Макфарлейн, почему вы до сих пор разгуливаете на свободе, хотя оснований для вашего ареста как будто вполне достаточно?

– Я с родителями живу в Торрингтон-лодж, это в Блэкхите, мистер Холмс, но вчера мы кончили дела с мистером Олдейкром очень поздно. Я остался ночевать в Норвуде, в гостинице, и на работу поехал оттуда. О случившемся я узнал только в поезде, когда прочел заметку, которую вы сейчас услышали. Я сразу понял, какая ужасная опасность мне грозит, и поспешил к вам рассказать обо всем. Я нисколько не сомневаюсь, что, приди я вместо этого в свою контору в Сити или возвратись вчера домой, меня бы уже давно арестовали. От вокзала Лондон-бридж за мной шел какой-то человек, и я уверен… Господи, что это?

Раздался требовательный звонок, вслед за которым на лестнице послышались тяжелые шаги, дверь гостиной открылась, и на пороге появился наш старый друг Лестрейд в сопровождении полицейских.

– Мистер Джон Гектор Макфарлейн! – сказал инспектор Лестрейд.

Наш несчастный посетитель встал. Лицо его побелело до синевы.

– Вы арестованы за преднамеренное убийство мистера Джонаса Олдейкра.

Макфарлейн в отчаянии обернулся к нам и снова опустился на стул, как будто ноги отказывались держать его.

– Подождите, Лестрейд, – сказал Холмс, – позвольте этому джентльмену досказать нам то, что ему известно об этом в высшей степени любопытном происшествии. Полчаса дела не меняют. Мне кажется, это поможет нам распутать дело.

– Ну, распутать его будет нетрудно, – отрезал Лестрейд.

– И все-таки, если вы не возражаете, мне было бы очень интересно выслушать мистера Макфарлейна.

– Что ж, мистер Холмс, мне трудно вам отказать. Вы оказали полиции две-три услуги, и Скотленд-Ярд перед вами в долгу. Но я останусь с моим подопечным и предупреждаю, что все его показания будут использованы обвинением.

– Именно этого я и хочу, – отозвался наш гость. – Выслушайте правду и вникните в нее, – больше мне ничего не нужно.

Лестрейд взглянул на часы.

– Даю вам тридцать минут.

– Прежде всего я хочу сказать, – начал Макфарлейн, – что до вчерашнего дня я не был знаком с мистером Джонасом Олдейкром. Однако имя его я слыхал – его знали мои родители, но уже много лет не виделись с ним. Поэтому я очень удивился, когда вчера часа в три дня он появился в моей конторе в Сити. А услышав о цели его визита, я удивился еще больше. Он принес несколько вырванных из блокнота страничек с кое-как набросанными пометками и положил их мне на стол. Вот они. «Это мое завещание, – сказал он, – прошу вас, мистер Макфарлейн, оформить его как положено. Я посижу здесь и подожду». Я сел переписывать завещание и вдруг увидел – представьте себе мое изумление, – что почти все свое состояние

он оставляет мне! Я поднял на него глаза, – этот странный, похожий на хорька человечек с белыми ресницами наблюдал за мной с усмешкой. Не веря собственным глазам, я дочитал завещание, и тогда он рассказал мне, что семьи у него нет, родных никого не осталось, что в юности он был дружен с моими родителями, а обо мне всегда слышал самые похвальные отзывы и уверен, что его деньги достанутся достойному человеку. Я, конечно, стал его смущенно благодарить. Завещание было составлено и подписано в присутствии моего клерка. Вот оно, на голубой бумаге, а эти бумажки, как я уже говорил, – черновики. После этого мистер Олдейкр сказал, что у него дома есть еще бумаги – подряды, документы на установление права собственности, закладные, акции, и он хочет, чтобы я их посмотрел. Он сказал, что не успокоится до тех пор, пока все не будет улажено, и попросил меня приехать к нему домой в Норвуд вечером, захватив завещание, чтобы скорее покончить с формальностями. «Помните, мой мальчик: ни слова вашим родителям, пока дело не кончено. Пусть это будет для них нашим маленьким сюрпризом», – настойчиво твердил он и даже взял с меня клятву молчать. Вы понимаете, мистер Холмс, я не мог ему ни в чем отказать. Этот человек был мой благодетель, и я, естественно, хотел самым добросовестным образом выполнить все его просьбы. Я послал домой телеграмму, что у меня важное дело и когда я вернусь, неизвестно. Мистер Олдейкр сказал, что угостит меня ужином, и просил прийти к девяти часам, потому что раньше он не успеет вернуться домой. Я долго искал его, и, когда позвонил у двери, было уже почти половина десятого. Мистер Олдейкр…

– Подождите! – прервал его Холмс. – Кто открыл дверь?

– Пожилая женщина, наверное, его экономка.

– И она, я полагаю, спросила, кто вы, и вы ответили ей?

– Да.

– Продолжайте, пожалуйста.

Макфарлейн вытер влажный лоб и стал рассказывать дальше:

– Эта женщина провела меня в столовую; ужин – весьма скромный – был уже подан. После кофе мистер Джонас Олдейкр повел меня в спальню, где стоял тяжелый сейф. Он отпер его и извлек массу документов, которые мы стали разбирать. Кончили мы уже в двенадцатом часу. Он сказал, что не хочет будить экономку, и выпустил меня через дверь спальни, которая вела во двор и все время была открыта.

– Портьера была опущена? – спросил Холмс.

– Я не уверен, но, по-моему, только до половины. Да, вспомнил, он поднял ее, чтобы выпустить меня. Я не мог найти трости, но он сказал: «Не беда, мой мальчик, мы теперь, надеюсь, будем часто видеться с вами, хочется верить, это не обременительная для вас обязанность. Придете в следующий раз и заберете свою трость». Так я и ушел – сейф раскрыт, пачки документов на столе. Было уже поздно возвращаться в Блэкхит, поэтому я переночевал в гостинице «Анерли Армз». Вот, собственно, и все. А об этом страшном событии я узнал только в поезде.

– У вас есть еще вопросы, мистер Холмс? – осведомился Лестрейд. Слушая Макфарлейна, он раза два скептически поднял брови.

– Пока я не побывал в Блэкхите, нет.

– В Норвуде, хотели вы сказать, – поправил Лестрейд.

– Ну да, именно это я и хотел сказать, – улыбнулся своей загадочной улыбкой Холмс.

Хотя Лестрейд и не любил вспоминать это, но он не один и не два раза убедился на собственном опыте, что Холмс со своим острым, как лезвие бритвы, умом видит гораздо глубже, чем он, Лестрейд. И он подозрительно посмотрел на моего друга.

– Мне бы хотелось поговорить с вами, мистер Холмс, – сказал он. – Что ж, мистер Макфарлейн, вот мои констебли, кэб ждет внизу.

Несчастный молодой человек встал и, умоляюще посмотрев на нас, пошел из комнаты. Полицейские последовали за ним; Лестрейд остался.

Холмс взял со стола странички черновых набросков завещания и принялся с живейшим любопытством их изучать.

– Любопытный документ, Лестрейд, не правда ли? – Он протянул их инспектору.

Представитель власти озадаченно повертел их в руках и сказал:

– Я разобрал только первые строки, потом в середине второй страницы еще несколько и две строчки в конце. В этих местах почерк почти каллиграфический, все остальное написано скверно, а три слова вообще невозможно прочесть.

– И что вы по этому поводу думаете? – спросил Холмс.

– А вы что думаете?

– Думаю, что завещание было написано в поезде. Каллиграфические строки написаны на остановках, неразборчивые во время хода поезда, а совсем непонятные – когда вагон подскакивал на стрелках. Эксперт сразу определил бы, что завещание составлено в пригородном поезде, потому что только при подходе к большому городу стрелки следуют одна за другой так часто. Если считать, что он писал всю дорогу, можно заключить, что это был экспресс и что между Норвудом и вокзалом Лондон-бридж он останавливался всего один раз.

Лестрейд захохотал.

– Ну, мистер Холмс, для меня ваши теории чересчур мудрены. Какое все это имеет отношение к происшедшему?

– Самое прямое: подтверждает рассказ Макфарлейна, в частности, то, что Джонас Олдейкр составил свое завещание наспех. Вероятно, он занимался этим по дороге в Лондон. Не правда ли, любопытно – человек пишет столь важный документ в столь мало подходящей обстановке. Напрашивается вывод, что он не придавал ему большого значения. Именно так поступил бы человек, наперед знающий, что завещание никогда не вступит в силу.

– Как бы там ни было, он написал свой смертный приговор, – возразил Лестрейд.

– Вы так думаете?

– А вы разве нет?

– Может быть. Мне в этом деле еще не все ясно.

– Не ясно? Но ведь яснее и быть не может Молодой человек неожиданно узнает, что в случае смерти некоего пожилого джентльмена он наследует состояние. И что он делает? Не говоря никому ни слова, он под каким-то предлогом отправляется в тот же вечер к своему клиенту, дожидается, пока экономка – единственный, кроме хозяина, обитатель дома – заснет, и, оставшись со своим благодетелем вдвоем, убивает его, сжигает труп в штабеле досок, а сам отправляется в местную гостиницу. Следы крови на полу и на рукоятке его трости почти не заметны. Возможно, он считает, что убил Олдейкра без кровопролития, и решает уничтожить труп, чтобы замести следы, которые, вероятно, с неизбежностью указывали на него. Это очевидно.

– В том-то и дело, милый Лестрейд, что уж слишком очевидно. Среди ваших замечательных качеств нет одного – воображения, но все-таки попробуйте на одну минуту представить себя на месте этого молодого человека и скажите: совершили бы вы убийство вечером того дня, когда узнали о завещании? Неужели вам не пришло бы в голову, что соседство этих двух событий опасно, что еще опаснее слуги, которые знают о вашем присутствии в доме. Ведь дверь-то ему открывала экономка! И наконец затратить столько усилий, чтобы уничтожить труп, и оставить в комнате трость, чтобы все знали, кто преступник! Согласитесь, Лестрейд, это маловероятно.

– Что касается трости, мистер Холмс, вам известно не хуже, чем мне: преступники часто волнуются и делают то, чего бы никогда не сделали в нормальном состоянии. Скорее всего он

просто побоялся вернуться за тростью в спальню. Попробуйте придумать версию, которая объясняла бы факты лучше, чем моя.

– Можно придумать сколько угодно, – пожал плечами Холмс. – Пожалуйста, вот вполне правдоподобный вариант. Дарю его как рабочую гипотезу. Какой-то бродяга идет мимо дома и видит благодаря поднятой портьере в спальне двоих. Поверенный уходит. Входит бродяга, замечает трость, хватает ее, убивает Олдейкра. И, устроив пожар с сожжением, исчезает.

– Зачем бродяге сжигать труп?

– А зачем Макфарлейну?

– Чтобы уничтожить улики.

– А бродяга хотел сделать вид, что вообще никакого убийства не было.

– Почему же бродяга ничего не взял?

– Потому что увидел, что бумаги не представляют никакой ценности.

Лестрейд покачал головой, хотя мне показалось, что вид у него стал чуть менее самоуверенный.

– Если вам угодно, мистер Холмс, ищите своего бродягу, а мы уж займемся Макфарлейном. Кто прав, покажет будущее. Но советую вам, мистер Холмс, обратить внимание на следующее обстоятельство: как удалось установить, не пропала ни одна бумага, а Макфарлейн – единственный человек на свете, кому не надо было ничего брать. Будучи законным наследником, он и так должен был все получить.

Этот довод как будто произвел на моего друга впечатление.

– Не могу отрицать, – сказал он, – что некоторые обстоятельства явно свидетельствуют в пользу вашей версии. Я только высказал мысль, что возможны и другие. Впрочем, как вы справедливо заметили, будущее покажет. До свидания. Если вы не возражаете, я сегодня буду в Норвуде, посмотрю, как подвигается дело.

Как только за инспектором закрылась дверь, мой друг вскочил с кресла и стал энергично собираться, как человек, которому предстоит любимая работа.

– Прежде всего, Уотсон, – говорил он, быстро надевая сюртук, – я, как и сказал, поеду в Блэкхит.

– Почему не в Норвуд?

– Потому что перед нами два в высшей степени странных эпизода, следующих немедленно один за другим. Полиция делает ошибку, сконцентрировав все внимание на втором эпизоде, по той причине, что он имеет вид преступления. Но логика требует иного подхода, это несомненно. Сначала нужно попытаться выяснить все, связанное с первым эпизодом, то есть с этим странным завещанием, которое было составлено так поспешно и на имя человека, который меньше всего этого ожидал. Может быть, оно даст ключ к пониманию второго эпизода. Нет, мой друг, вы мне вряд ли сможете сегодня помочь. Опасности ни малейшей, иначе я непременно попросил бы вас составить мне компанию. Надеюсь, вечером я смогу объявить вам, что мне удалось сделать что-то для этого несчастного молодого человека, который доверил мне свою судьбу.

Вернулся мой друг поздно вечером, и его потемневшее, расстроенное лицо яснее всяких слов сказало мне, что от утренних его надежд не осталось следа. С час он играл на скрипке, стараясь успокоиться. Наконец он отложил инструмент и принялся подробно излагать мне свои неудачи.

– Плохи дела, Уотсон, хуже не придумаешь. Перед Лестрейдом я старался не показать виду, но, честно говоря, я боюсь, что на этот раз он идет по верному пути, а не мы. Чутье тянет меня в одну сторону, факты – в другую. А английские судьи – у меня есть все основания полагать – не достигли того интеллектуального уровня, чтобы предпочесть мои теории фактам Лестрейда.

– Вы ездили в Блэкхит?

– Да, Уотсон, ездил и узнал там, что покойный Олдейкр был негодяй, каких поискать. Отец Макфарлейна поехал разыскивать сына, дома была мать – маленькая седенькая старушка с голубыми глазками, вся трепещущая от страха и негодования. Она, конечно, не могла и на секунду допустить, что сын ее виноват. А вот по поводу судьбы Олдейкра она не выразила ни удивления, ни сожаления. Мало того, она говорила о нем в таких выражениях, что позиция Лестрейда стала еще крепче. Ведь если Макфарлейн знал ее отношение к Олдейкру, ничего удивительного, что он возненавидел его и решился на убийство. «Это не человек, это злобная, хитрая обезьяна, – твердила она, – и он был всю жизнь такой, даже в юности». «Вы были знакомы с ним раньше?»

– спросил я. «Да, я его хорошо знала! Он когда-то ухаживал за мной. Какое счастье, что я отказала ему и вышла замуж за человека честного и доброго, хотя и не такого состоятельного! Мы, мистер Холмс, были с Олдейкром помолвлены, и вдруг я однажды узнаю, что он – какой ужас! – открыл птичник и пустил туда кота. Его жестокость так поразила меня, что я немедленно отказала ему». Она порылась в ящике бюро и протянула мне фотографию молодой женщины. Лицо было изрезано ножом. «Это я, – сказала она. Вот в каком виде прислал он мне мою фотографию вместе со своим проклятием в день моей свадьбы». «Но теперь, – возразил я, – он, как видно, простил вас: ведь все свое состояние он оставил вашему сыну». «Ни мне, ни моему сыну ничего не нужно от Джонаса Олдейкра, ни от живого, ни от мертвого! – вспыхнула она. – Есть бог на небесах, мистер Холмс. Он покарал дурного человека. И он докажет, когда будет на то его святая воля, что сын мой неповинен ни в чьей смерти!» Как я ни старался, ничего не мог найти в пользу нашей гипотезы. В конце концов я махнул рукой и поехал в Норвуд. Усадьба Дип-Дин-хаус – большое здание современного вида, из красного кирпича. Дом стоит в саду, перед крыльцом – обсаженный лавровыми кустами газон. Справа от дома и на значительном удалении от дороги – склад, где был пожар. Я набросал в записной книжке план, вот он. Эта застекленная дверь слева ведет в спальню Олдейкра, так что с улицы все видно, что в ней делается. Это, пожалуй, самое утешительное из всего, что мне сегодня удалось узнать. Лестрейда не было, всем заправлял его помощник сержант. Его люди как раз перед моим появлением сделали драгоценную находку: роясь в золе на месте сгоревшего штабеля, они нашли, кроме обуглившихся костей, несколько почерневших металлических дисков. Внимательно изучив их, я убедился, что это – пуговицы от брюк. На одной мне даже удалось разобрать слово «Хаймс» – это имя портного, у которого шил Олдейкр. Затем я приступил к газону, – нет ли там следов, но сушь стоит такая, что земля тверже камня. Кроме того, что сквозь живую изгородь из бирючины как раз против сгоревшего штабеля был протащен волоком человек или чем-то нагруженный мешок, ничего установить не удалось. Все это, конечно, подтверждает версию полиции. Я целый час ползал по дворику под палящим солнцем и все без толку. Потерпев фиаско во дворе, я пошел в спальню. Пятна крови оказались очень бледные, едва различимые, но свежие. Трости я не видел, ее уже увезли, но следы на ней тоже были слабые. Трость, безусловно, принадлежит нашему подопечному, он сам признает это. На ковре отпечатки подошв подрядчика и Макфарлейна, но никаких следов третьего лица, и это тоже оборачивается против нас. Словом, чаша весов склоняется все ниже в их пользу. И все-таки у меня возникла надежда, хоть и очень слабая. Я просмотрел содержимое сейфа, которое почти целиком было выложено на стол. Бумаги были в запечатанных конвертах, полиция вскрыла один или два. Так вот, насколько я могу судить, ценность их весьма невелика, да и банковская книжка Олдейкра не подтвердила, что ее владелец особенно преуспевал. Мне показалось, что некоторых бумаг нет. Несколько раз попадались упоминания о каких-то операциях, связанных, как можно предположить, со значительными суммами. Но документов, оформляющих эти сделки, нет. Если бы я смог это доказать, аргументы Лестрейда неизбежно обратились бы против него. Ну, скажите, зачем человеку красть то, что и так должно ему достаться? В конце концов, заглянув в каждую щель

и не добившись никаких результатов, я решил поговорить с экономкой. Миссис Лексингтон – хмурая, молчаливая старуха, с подозрительным взглядом исподлобья. Она что-то знает, но выпытать я у нее ничего не мог. Да, она впустила мистера Макфарлейна в половине десятого. Зачем у нее рука не отсохла в тот миг, когда она подошла к двери! Она легла спать в половине одиннадцатого. Ее комната находится в другом конце дома, никакого шума она не слышала. Шляпу и, насколько она помнит, трость мистер Макфарлейн оставил в прихожей. Она проснулась от криков «Пожар! Пожар!». Конечно, ее дорогого хозяина убили. Были ли у него враги? У кого их нет, но мистер Олдейкр жил очень замкнуто и встречался с людьми только, когда того требовали дела. Пуговицы она видела и с уверенностью заявляет, что они от того костюма, который был на нем накануне. Доски в штабеле были очень сухие, потому что целый месяц не было дождей. Они вспыхнули, как порох, и когда она добежала до склада, все было объято пламенем. И она и пожарники слышали запах горелого мяса. Ни о бумагах, ни о личных делах мистера Олдейкра ей ничего не известно. Вот, дорогой Уотсон, отчет о моих сегодняшних неудачах. И все-таки, все-таки… – Его нервные руки сжались в кулаки, и он продолжал со страстной убежденностью: – Я знаю, игра нечистая. Я чувствую это нутром. Экономке что-то известно. Но что – я все еще не могу сообразить. Она смотрела угрюмо и вызывающе, как человек с нечистой совестью. Но что об этом говорить, Уотсон. Боюсь, однако, если нам не поможет случай, «Норвудское дело» не займет своего места в хронике наших успехов, которая, как я предвижу, рано или поздно обрушится на голову безропотного читателя.

– Но ведь для суда важно, какое впечатление производит человек, правда? – спросил я.

– На впечатление, милый Уотсон, полагаться опасно. Помните Берта Стивенса, этого кровавого убийцу, который рассчитывал, что мы спасем его? А ведь на вид был безобиден, как ученик воскресной школы.

– Да, правда.

– Так что если мы не представим обоснованной версии, Макфарлейн обречен. Улики против него неопровержимы, и сегодня я убедился, что дальнейшее расследование только усугубит дело. Между прочим, просмотрев бумаги, я обнаружил одну любопытную деталь, которая может послужить исходной точкой нашего расследования. Оказывается, в течение этого года Олдейкр выплатил некоему мистеру Корнелиусу довольно крупную сумму денег, поэтому сейчас он, попросту говоря, беден. Интересно, что это за мистер Корнелиус, с которым удалившийся от дел подрядчик заключал такие солидные сделки. Не имеет ли он какого-нибудь отношения к случившемуся? Может быть, этот Корнелиус – маклер? Однако я не обнаружил ни одной расписки в получении столь значительных сумм. Придется мне за сведениями об этом джентльмене обратиться в банк. Но боюсь, мой друг, нас ждет бесславный конец, – Лестрейд повесит нашего подопечного. И Скотленд-Ярд будет торжествовать!

Не знаю, спал ли Шерлок Холмс в ту ночь, только, когда я сошел утром к завтраку, он сидел в столовой бледный, измученный, с темными тенями вокруг горящих глаз. На ковре возле кресла окурки и ворох газет, на столе распечатанная телеграмма.

– Что вы скажете об этом, Уотсон? – спросил он, пододвигая ее ко мне.

Телеграмма была из Норвуда; в ней говорилось: «Найдены новые важные улики. Вина Макфарлейна доказана бесспорно. Советую отказаться от расследований. Лестрейд».

– Звучит серьезно, – сказал я.

– Наш Лестрейд упивается победой, – устало улыбнулся Холмс. – И все-таки поиски оставлять рано. Любая улика может обернуться другой стороной и дать расследованию направление, противоположное тому, в котором движется Лестрейд. Завтракайте, Уотсон, а потом поедем вместе и посмотрим, что можно сделать. Кажется, мне сегодня не обойтись без вашей помощи.

Холмс завтракать не стал, – этот удивительный человек в минуты душевного напряжения не мог думать о еде. Уповая на свою исключительную выносливость, он не ел и не спал, пока

не падал с ног от полного истощения. «Я не могу сейчас тратить энергию на пищеварение», – отмахивался он от меня, когда я, пользуясь правом врача, заставлял его есть. Поэтому я не удивился, что Холмс и в то утро не притронулся к завтраку.

Любители острых ощущений все еще толпились вокруг Дип-Дин-хауса, который оказался точно такой загородной усадьбой, как я себе представлял. В воротах нас с видом победителя встретил Лестрейд; на лице его было написано торжество.

– Ну что, мистер Холмс, доказали, что мы ошибаемся? Нашли своего бродягу, а? – засмеялся он.

– Я еще не пришел ни к какому заключению, – отвечал мой друг.

– Но зато мы уже пришли к заключению. И сегодня оно блестяще подтвердилось. Придется вам признать, мистер Холмс, что на этот раз мы вас обошли.

– Судя по вашему виду, произошло что-то из ряда вон выходящее.

Лестрейд расхохотался.

– Вы, как и все, не любите проигрывать, мистер Холмс! Но что делать, человек не может быть всегда прав, верно, доктор Уотсон? Пожалуйста, пройдите сюда, господа, надеюсь, я смогу представить вам неоспоримое доказательство вины Макфарлейна. – Он повел нас по коридору в темную переднюю. – Совершив преступление, молодой Макфарлейн пришел сюда за своей шляпой. А теперь смотрите! – Он театральным жестом зажег спичку, и мы увидели на белой стене темное пятно крови. Лестрейд поднес спичку поближе

– это оказалось не просто пятно, а ясный отпечаток большого пальца. – Посмотрите на него в лупу, мистер Холмс!

– Смотрю.

– Вам известно, что во всем мире не найдется двух одинаковых отпечатков пальцев?

– Кое-что слышал об этом.

– Тогда не будете ли вы так любезны сличить этот отпечаток с отпечатком большого пальца правой руки Макфарлейна, который сняли сегодня утром по моему приказанию?

Он протянул нам кусочек воска. И без лупы было ясно, что оба отпечатка одного пальца. Я понял, что наш клиент обречен.

– Все ясно, – заявил Лестрейд.

– Да, все, – невольно вырвалось у меня.

– Ясно как день, – проговорил и Холмс.

Услыхав неожиданные нотки в его голосе, я поднял голову. Лицо Холмса меня поразило. Оно дрожало от еле сдерживаемого смеха, глаза сверкали. Я вдруг увидел, что он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

– Подумать только, – наконец сказал он. – Кто бы мог подумать? Как, однако, обманчива внешность! Такой славный молодой человек! Урок нам, чтобы впредь не слишком полагались на собственные впечатления, правда, Лестрейд?

– Вот именно, мистер Холмс. Излишняя самоуверенность только вредит, – отвечал ему Лестрейд.

Наглость этого человека перешла границы, но возразить ему было нечего.

– Как заботливо провидение! Надо было, чтобы снимая шляпу с крючка, этот юноша прижал к стене большой палец правой руки! Какое естественное движение, только представьте себе! – По виду Холмс был вполне спокоен, но все его тело напряглось, как пружина, от сдерживаемого волнения. – Кстати, Лестрейд, кому принадлежит честь этого замечательного открытия?

– Экономке. Она указала на пятно дежурившему ночью констеблю.

– Где был констебль?

– На своем посту в спальне, где совершилось убийство. Следил, чтобы никто ничего не тронул.

– Почему полиция не заметила отпечатка вчера?

– У нас не было особых причин осматривать прихожую так тщательно. Да в таком месте сразу и не заметишь, сами видите.

– Да, да, разумеется. У вас, конечно, нет сомнений, что отпечаток был здесь и вчера?

Лестрейд поглядел на Холмса, как на сумасшедшего. Признаться, веселый вид моего друга и его нелепый вопрос озадачили и меня.

– Вы что же, считаете, что Макфарлейн вышел среди ночи из тюрьмы специально для того, чтобы оставить еще одну улику против себя? – спросил Лестрейд. – На всем земном шаре не найдется криминалиста, который стал бы отрицать, что это отпечаток большого пальца правой руки Макфарлейна и никого другого.

– В этом нет никаких сомнений.

– Так чего же вам еще? Я смотрю на вещи здраво, мистер Холмс, мне важны факты. Есть у меня факты – я делаю выводы. Если я вам еще понадоблюсь, найдете меня в гостиной, я иду писать отчет.

К Холмсу уже вернулась его обычная невозмутимость, хотя мне казалось, что в глазах у него все еще вспыхивают веселые искорки.

– Неопровержимая улика, не правда ли, Уотсон? – обратился он ко мне.

– А между тем ей-то и будет обязан Макфарлейн своим спасением.

– Какое счастье! – радостно воскликнул я. – А я уж боялся, что все кончено.

– Кончено? Такой вывод был бы несколько преждевременен, милый Уотсон. Видите ли, у этой улики, которой наш друг Лестрейд придает такое большое значение, имеется один действительно серьезный изъян.

– В самом деле. Холмс! Какой же?

– Вчера, когда я осматривал прихожую, *отпечатка здесь не было*. А теперь, Уотсон, давайте погуляем немножко по солнышку.

В полном недоумении, но уже начиная надеяться, спустился я за своим другом в сад. Холмс обошел вокруг дома, внимательно изучая его. Потом мы вернулись и осмотрели все комнаты от подвала до чердака. Половина комнат стояла без мебели, но он внимательно исследовал и их. В коридоре второго этажа, куда выходили двери трех пустующих спален, на него опять напало веселье.

– Случай поистине необыкновенный, Уотсон, – сказал он. – Пожалуй, пора просветить нашего приятеля Лестрейда. Он немного позабавился на наш счет. Теперь настала наша очередь, если я правильно решил загадку. Кажется, я придумал, как нужно сделать… Да, именно так!

Когда мы вошли в гостиную, инспектор Скотленд-Ярда все еще сидел там и писал.

– Вы пишете отчет? – спросил его Холмс.

– Совершенно верно.

– Боюсь, что это преждевременно. Расследование еще не кончено.

Лестрейд слишком хорошо знал моего друга, чтобы пропустить его слова мимо ушей. Он положил ручку и с любопытством поднял глаза на Холмса.

– Что вы хотите сказать, мистер Холмс?

– А то, что есть важный свидетель, которого вы еще не видели.

– Вы можете представить его нам?

– Думаю, что могу.

– Давайте его сюда.

– Сейчас. Сколько у вас констеблей?

– В доме и во дворе трое.

– Превосходно. А скажите, они все парни высокие, сильные, и голос у них громкий?

– Ну, разумеется, только при чем здесь их голос?

– Я помогу вам в этом разобраться и не только в этом, – пообещал Холмс. – Будьте любезны, позовите ваших людей, мы сейчас начнем.

Через пять минут трое полицейских стояли в прихожей.

– В сарае есть солома, – обратился к ним Холмс. – Пожалуйста, принесите две охапки. Это поможет нам раздобыть свидетеля, о котором я говорил. Так, благодарю вас. Надеюсь, у вас есть спички, Уотсон. А теперь, мистер Лестрейд, я попрошу всех следовать за мной.

Как я уже сказал, на втором этаже был широкий коридор, куда выходили двери трех пустых спален. Мы прошли в конец коридора, и Холмс расставил всех по местам. Полицейские ухмылялись, Лестрейд во все глаза глядел на моего друга. Изумление на его лице сменилось ожиданием, ожидание – возмущением. Холмс стоял перед нами с видом фокусника, который сейчас начнет показывать чудеса.

– Будьте любезны, Лестрейд, пошлите одного из ваших людей, пусть принесет два ведра воды. Разложите солому на полу, вот здесь, подальше от стен. Ну вот, теперь все готово.

Лицо Лестрейда начало наливаться кровью.

– Вы что же, издеваетесь над нами, мистер Шерлок Холмс? – не выдержал он. – Если вам что-то известно, скажите по-человечески, нечего устраивать цирк!

– Уверяю вас, Лестрейд, для всего, что я делаю, имеются веские основания. Вы, вероятно, помните, что немного посмеялись надо мной сегодня утром, когда удача улыбалась вам, так что не сердитесь за это небольшое театральное представление. Прошу вас, Уотсон, откройте это окно и поднесите спичку к соломе. Вот сюда.

Я так и сделал. Ветер ворвался в окно, сухая солома вспыхнула и затрещала, коридор наполнился серым дымом.

– Теперь, Лестрейд, будем ждать свидетеля. А вы, друзья, кричите «Пожар!» Ну, раз, два, три…

– Пожар! – закричали мы что было сил.

– Благодарю вас. Еще раз, пожалуйста.

– Пожар!! Горим!

– Еще раз, джентльмены, все вместе.

– Пожар!!!

Крик наш был слышен, наверное, во всем Норвуде. И тут произошло то, чего никто не ожидал. В дальнем конце коридора, где, как мы все думали, была глухая стена, вдруг распахнулась дверь, и из нее выскочил, как заяц из норы, маленький тщедушный человечек.

– Превосходно, – сказал Холмс хладнокровно. – Уотсон, ведро воды на солому. Достаточно. Лестрейд, позвольте представить вам вашего главного свидетеля, мистера Джонаса Олдейкра.

Лестрейд в немом изумлении глядел на тщедушного человечка, а тот щурился от яркого света и дыма, глядя то на нас, то на тлеющую солому. У него было очень неприятное лицо – хитрое, злое, хищное, с бегающими серыми глазками и белесыми ресницами.

– Это что значит? – наконец рявкнул Лестрейд. – Вы что там все это время делали, а?

Олдейкр смущенно хихикнул и съежился под грозным взглядом пылавшего яростью детектива.

– Ничего плохого!

– Ничего плохого?! Вы сделали все, чтобы невинного человека вздернули на виселицу! Если бы не этот джентльмен, вам бы это удалось!

Человечек захныкал:

– Что вы, сэр, что вы, я просто хотел пошутить!

– Ах, пошутить! Зато мы с вами шутить не будем. Отведите его в гостиную и держите там до моего прихода. Мистер Холмс, – продолжал он, когда полицейские ушли, – я не мог говорить при подчиненных, но сейчас скажу, и пусть доктор Уотсон тоже слышит, – вы совершили чудо! Хотя я и не понимаю, как вам это удалось. Вы спасли жизнь невинного человека и предотвратили ужасный скандал, который погубил бы мою карьеру.

Холмс с улыбкой похлопал Лестрейда по плечу.

– Вместо погибшей карьеры – такой блестящий успех! Вас ждет не позор, а слава. Подправьте слегка отчет, и все увидят, как трудно провести инспектора Лестрейда.

– Вы не хотите, чтобы упоминалось ваше имя?

– Ни в коем случае. Наградой для меня – сама работа. Может быть, и мне когда-нибудь воздадут должное, если я разрешу моему усердному биографу взяться за перо. Как, Уотсон? Но давайте посмотрим нору, где пряталась крыса.

Оштукатуренная фанерная перегородка с искусно скрытой в ней дверью отгораживала от торцовой стены клетушку длиной в шесть футов, куда дневной свет проникал сквозь щели между балками под крышей. Внутри стоял стол, стул и кровать, был запас воды, еда, несколько книг, какие-то бумаги.

– Вот что значит всю жизнь строить дома, – заметил Холмс, выходя в коридор. – Никто не знал об этом убежище, кроме, конечно, его экономки. Кстати, Лестрейд, я бы посоветовал вам, не теряя времени, присоединить и ее к своей добыче.

– Сейчас же сделаю это, мистер Холмс. Расскажите только, как вы узнали о тайнике?

– Я предположил, что «убитый» прячется где-то в доме. Промерив шагами коридор второго этажа, я увидел, что он на шесть футов короче нижнего. Ясно, что тайник мог быть только там. Я был уверен, что он не выдержит, услыхав крики: «Пожар! Горим!» Конечно, можно было просто войти туда и арестовать его, но мне хотелось немного позабавиться. Пусть он сам выйдет на свет божий. Кроме того, мне хотелось немного помистифицировать вас за ваши утренние насмешки.

– Вам это блестяще удалось, мистер Холмс. Но как вы вообще догадались, что он в доме?

– По отпечатку пальца, Лестрейд. Помните, вы сказали: «Все ясно!»? Все было действительно ясно. Накануне отпечатка не было, это я знал. Как вы могли заметить, детали имеют для меня большое значение. Я накануне тщательно осмотрел всю переднюю и знал совершенно точно, что стена была чистая. Значит, отпечаток появился ночью.

– Но как?

– Очень просто. Когда Олдейкр с Макфарлейном разбирали бумаги, Джонас Олдейкр мог подсунуть юноше конверт, а тот, запечатывая его, нажал на мягкий сургуч большим пальцем. Он мог сделать это непроизвольно и тут же забыть об этом. А может быть, Олдейкр и не подсовывал, а все получилось само собой и он сам не ожидал, что отпечаток сослужит ему такую службу. Но потом, сидя у себя в норе и размышляя, он сообразил, что с помощью отпечатка можно состряпать неопровержимую улику против Макфарлейна. А уж снять восковой слепок с сургуча, уколоть палец иглой, выдавить на воск несколько капель крови и приложить к стене в прихожей – собственной ли рукой, или рукой экономки – особого труда не составило. Держу пари, среди бумаг, которые захватил с собой в убежище наш затворник, вы найдете конверт с отпечатком большого пальца на сургуче.

– Изумительно! – воскликнул Лестрейд. – Потрясающе! Вот теперь все действительно ясно как день. Но для чего ему понадобилась вся эта инсценировка, мистер Холмс?

Я забавлялся, глядя на детектива: сейчас перед нами был не заносчивый победитель, а робкий почтительный ученик.

– Это не так сложно. У джентльмена, дожидающегося нас внизу, характер злобный, жестокий и мстительный. Вы знаете, что он когда-то делал предложение матери Макфарлейна и получил отказ? Не знаете, конечно! Я же говорил, что сначала нужно было ехать в Блэкхит, а в Норвуд потом… Он не простил оскорбления, – именно так он воспринял ее отказ, – и всю жизнь его хитрый, коварный ум вынашивал план мщения.

Последние год-два дела его пошатнулись, вероятно, из-за тайных спекуляций. И в один прекрасный день он понял, что не выкрутится. Тогда он решил обмануть своих кредиторов и выписал несколько крупных чеков на имя некоего мистера Корнелиуса, который, мне думается, и есть сам Олдейкр. Я еще не успел установить судьбу чеков, но не сомневаюсь, что они переведены на имя этого самого Корнелиуса в какой-нибудь провинциальный городок, куда ведущий двойную жизнь Олдейкр время от времени наезжал. Замысел его в общих чертах, по-моему, таков: исчезнуть, объявиться где-нибудь под другим именем, получить деньги и начать новую жизнь.

Он решил одновременно улизнуть от кредиторов и отомстить. Отличная, непревзойденная по жестокости месть! Его, несчастного старика, убивает из корыстных мотивов единственный сын его бывшей возлюбленной. Придумано и исполнено мастерски. Мотив убийства – завещание, тайный ночной визит, о котором неизвестно даже родителям, «забытая» трость, пятна крови, обгорелые останки какого-то животного, пуговицы в золе – все безупречно. Этот паук сплел сеть, которая должна была погубить Макфарлейна. Я, во всяком случае, еще два часа назад не знал, как его спасти. Но Олдейкру не хватило чувства меры – качества, необходимого истинному художнику. Ему захотелось улучшить уже совершенное произведение. Потуже затянуть веревку на шее несчастной жертвы. Этим он все испортил. Пойдемте, Лестрейд, вниз. Я хочу кое о чем спросить его.

Олдейкр сидел в своей гостиной, по обе стороны от его стула стояли полицейские.

– Дорогой сэр, это была всего лишь шутка, – скулил он умоляюще, не переставая. – Уверяю вас, сэр, я спрятался только затем, чтобы посмотреть, как мои друзья будут реагировать на мое исчезновение. Вы же прекрасно понимаете, я бы никогда не допустил, чтобы с бедным дорогим Макфарлейном что-нибудь случилось.

– Это будет решать суд, – сказал Лестрейд. – А пока вы арестованы по обвинению в заговоре и в попытке преднамеренного убийства.

– Что касается ваших кредиторов, они, вероятно, потребуют конфискации банковского счета мистера Корнелиуса, – добавил Холмс.

Человечек вздрогнул и впился злобным взглядом в Холмса.

– Я вижу, что многим обязан вам, – прошипел он. – Когда-нибудь я с вами еще рассчитаюсь.

Холмс улыбнулся.

– Боюсь, в ближайшие годы вы будете очень заняты. Кстати, что вы такое положили в штабель вместе со старыми брюками? Дохлого пса, кроликов или еще что-нибудь? Не хотите говорить? Как нелюбезно с вашей стороны. Думаю, что пары кроликов хватило. Будете писать о Норвудском деле, Уотсон, смело пишите о кроликах. Истина где-то недалеко.

Пляшущие человечки

В течение многих часов Шерлок Холмс сидел согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

– Итак, Уотсон, – сказал он внезапно, – вы не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в самые тайные мои мысли было совершенно необъяснимым.

– Как, черт возьми, вы об этом узнали? – спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза радостно заблистали.

– Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку,

– сказал он.

– Признаюсь.

– Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

– Почему?

– Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

– Уверен, что этого я никогда не скажу.

– Видите ли, дорогой мой Уотсон… – Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории. – Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. После того как я заметил впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было вовсе нетрудно заключите, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

– Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

– Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий лучше скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

– До чего просто! – воскликнул я.

– Конечно, – сказал он, слегка уязвленный, – всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своему химическому анализу.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

– Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! – воскликнул я.

– Вот каково ваше мнение!

– Что же это, в таком случае?

– Мистер Хилтон Кьюбит из Ридлинг-Торп-мэнор в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это такое. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий, румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что

жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собирался усесться, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

– Что вы об этом думаете, мистер Холмс? – воскликнул он.

– Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

– Это действительно в высшей степени любопытный рисунок,

– сказал Холмс. – С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

– Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я принял это так близко к сердцу.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:

Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

– Это дело обещает много любопытного и необычайного, – сказал он. – Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбит, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

– Я плохой рассказчик, – сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки. – Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился… Но предварительно я должен сказать, что, хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торп уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рассел-сквер, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье. Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, – говорила она, – я хочу позабыть о них. Я не желаю возвращаться к своему прошлому, потому что всякое воспоминание причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить мне на слово и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки – на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нацарапаны мелом. Я думал, что их нарисовал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там, несомненно, стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать! Я человек небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот простодушный гигант с большими голубыми глазами! Любовь и преданность к жене были написаны в каждой черточке его лица. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

– Не думаете ли вы, мистер Кьюбит, – сказал он наконец,

– что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбит покачал своей большой головой:

– Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илси захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

– В таком случае, я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

– Нет.

– Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

– Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услыхал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

– В этих странных рисунках бесспорно заключен какой-то смысл. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбит. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

– Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

– Почему?

– Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбита. Помните Хилтона Кьюбита и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, и лоб его избороздили морщины.

– Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, – сказал он, бессильно опускаясь в кресло. – Отвратительное состояние – чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые пытаются вовлечь тебя в какую-то беду, но еще нестерпимее видеть при этом, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

– Сказала она вам хоть что-нибудь?

– Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

– А вы сами что-нибудь обнаружили?

– Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того…

– Того, кто нарисовал их?

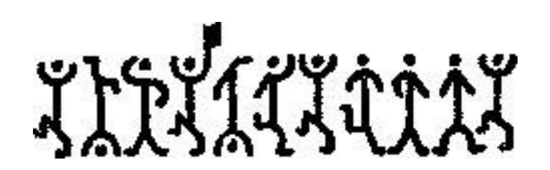
– Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку… Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие иероглифы были изображены на нем:

– Превосходно! – сказал Холмс. – Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

– Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:

Холмс потер руки и засмеялся от радости.

– Наш материал быстро разрастается, – сказал он.

– Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это – бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает. Хилтон, давай поедем путешествовать – ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? – сказал я. – Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

«Иди спать, – сказала она. – Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но, когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он безусловно находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

– Вы их срисовали?

– Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

– Скажите, – спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, – эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

– Они были нарисованы на нижней панели двери.

– Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбит, продолжайте свой интересный рассказ.

– Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения, и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня… Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они дали бы ему такой урок, что он навсегда оставил бы нас в покое.

– Боюсь, что столь сложное дело не излечишь такими простыми лекарствами, – сказал Холмс. – Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

– Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

– Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Во всяком случае, оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался со своим обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбита исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он становился в тупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец он удовлетворенно вскрикнул, вскочил со стула и принялся бегать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

– Если мне ответят так, как я рассчитываю, – ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения, – сказал он.

– Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбита. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:

Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Озабоченное лицо его стало угрюмым.

– Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, – сказал он. – Какие поезда отправляются в Норт-Уэлшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

– Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, – сказал Холмс. – Наше присутствие там Необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ… Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбнта в неведении о положении дел, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасную паутину.

Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя – точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уэлшем и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

– Вы, вероятно, сыщики из Лондона? – спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством:

– Почему вы так думаете?

– Потому что инспектор Мартин из Норвича только что приехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее… для виселицы.

Холмс был хмур и озабочен.

– Мы едем в Ридлинг-Торп-мэнор, – сказал он, – но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

– Страшное дело! – воскликнул начальник станции. – Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбит и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!..

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона, испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он как бы окаменел от печали. Он сидел, откинувшись назад, погруженный в тоскливые думы.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

– Вот Ридлинг-Торп-мэнор, – сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услыхав имя моего приятеля.

– Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

– Я предугадал его. Я ехал, чтобы предупредить его.

– Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем, так как, по общему мнению, они жили очень дружно.

– У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков, – сказал Холмс. – Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал: трагедия совершилась, мне не удалось предупредить ее… Ну что ж, пусть, в таком случае, те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

– Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс, – с искренним чувством ответил инспектор.

– В таком случае, я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

Инспектор Мартин был настолько умен, что позволил моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбит и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро,

так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбит убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

– Вы трогали убитого? – спросил Холмс.

– Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее, раненную, на полу.

– Давно ли вы здесь, доктор?

– С четырех часов утра.

– Был здесь кто-нибудь, кроме вас?

– Да, был констебль.

– Вы что-нибудь здесь передвигали?

– Ничего.

– Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?

– Горничная Сондерс.

– Она первая подняла тревогу?

– Она и миссис Кинг, кухарка.

– Где она теперь?

– Вероятно, на кухне.

– В таком случае, начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; взор его был непреклонен, лицо сурово. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, всю жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище, кроме меня, состояло из инспектора Мартина, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, свеча горела на столе. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, прислонясь головой к стене. Рана ее была ужасна – кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем, с помощью конюха и работающего на конюшне мальчишки, они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. На ней было платье, на ее муже – халат, надетый поверх ночной сорочки. Между мужем и женой никогда не было ссор. Их все считали чрезвычайно дружными супругами.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат на втором этаже.

– Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт, – сказал Холмс инспектору Мартину. – А теперь,, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего было привлечено грузным телом несчастного сквайра, распростертым на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в теле. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха! Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбит были пятна пороха на лице, но не на руках.

– Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все, – сказал Холмс. – Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли!.. Теперь можно унести тело мистера Кьюбита. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

– Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран

– тоже две, следовательно, установить судьбу каждой пули нетрудно.

– Это так только кажется, – сказал Холмс. – Будьте любезны, установите судьбу вон той пули, которая пробила край оконной рамы.

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

– Черт возьми! – воскликнул инспектор. – Как вам удалось это найти?

– Я нашел, потому что искал.

– Удивительно! – сказал сельский врач. – Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

– На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, – сказал Шерлок Холмс. – Если помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

– Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

– Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

– Почему на короткое время?

– Потому что – взгляните сами – эта свеча не оплыла стеарином.

– Верно, верно! – вскричал инспектор.

– Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

– Но каким же образом окно оказалось закрытым?

– Его, несомненно, закрыла женщина, закрыла инстинктивно… Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка – нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных тесемкой, и больше ничего.

– Возьмите, это будет фигурировать на суде, – сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. – Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис

Кинг, кухаркой… Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

– Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

– А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

– Не могу в этом разобраться, сэр.

– Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы громко вскрикнули. Цветы были вытоптаны, на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

– Я так и думал! – сказал он. – Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

– Кого вы подозреваете? – спросил он.

– Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

– Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

– У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, а просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли перекрестному допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только мальчишка, работавший на конюшне, внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстон, живет фермер по фамилии Элридж.

– Его ферма лежит в стороне от других?

– Далеко от других, сэр.

– И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

– Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

– Седлай коня, мой мальчик! – сказал он. – Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Усевшись за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил мальчику записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть – он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный четкий почерк Холмса. Записка была адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элриджа, Ист-Рэстон в Норфолке.

– Мне кажется, инспектор, – заметил Холмс, – что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический анализ. А дело, которое привело нас сюда быстро приближается к развязке.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбит, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво потребовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

– Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, – сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. – Перед вами, друг Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбитом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

– Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня совершенная новость. Цель изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто догадается, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбит передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбит эти послания, был безусловно близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: *И, Л*и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбит по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

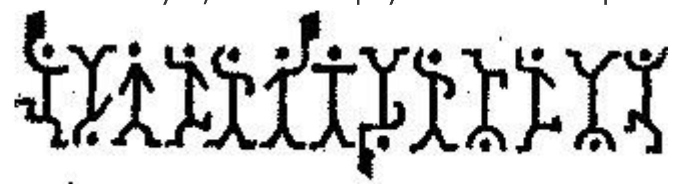

В нем семь букв: третья буква и последняя – И. Я предположил, что слово это *«ПРИХОДИ»,*и сразу оказался обладателем еще пяти букв: *П, Р, Х, О, Д*. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбит. Вот оно:

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

*.И.О.Д.*Что же могла миссис Кьюбит ответить на его просьбу прийти? Внезапно я догадался. Она ответила: *«НИКОГДА»*.

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:

Если подставить под эту надпись уже известные буквы, получается:

*..Д.С. А. СЛ.НИ*Предположим, что второе слово *«ЗДЕСЬ».*В таком случае последнее слово *«СЛЕНИ».*Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: *«Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ».*Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: *«ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА».*Мне пришло в голову, что «Элридж» – название дома или гостиницы, в которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

– Что же вы сделали дальше, сэр? – спросил инспектор.

– Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени – американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбит с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбит сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

*ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И.*Так я узнал буквы М и *Т,*которые до сих пор мне не попадались, *«ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!»*Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

– Большая честь – совместно с вами раскрывать преступление, – сказал инспектор мягко. – Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

– Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

– Откуда вы знаете?

– Удрать – это значит сознаться в своей вине.

– В таком случае, давайте поедем и арестуем его.

– Я жду его сюда с минуты на минуту.

– Почему вы думаете, что он придет?

– Оттого, что я написал ему и попросил прийти.

– Все это слишком опрометчиво, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не легче ли предположить, что ваше письмо возбудит в нем подозрения и он попытается скрыться?

– Все зависит от того, как составить письмо, – сказал Шерлок Холмс. – Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

– Я полагаю, джентльмены, – спокойно сказал Холмс, – что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине – одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся:

– Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Теперь уж мне от вас не уйти… Однако меня вызывала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбит… Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

– Миссис Хилтон Кьюбит тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

– Да вы с ума сошли! – заорал он яростно. – Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной головке. Возьмите свои слова обратно, эй, вы! Скажите, что она не ранена!

– Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

– Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, – сказал он.

– Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, – следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании

этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

– Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, – сурово сказал Холмс. – Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, вы старались заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами… А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

– Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною, – сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

– Послушайте, мистер, – вскричал он, и глаза его недоверчиво блеснули, – а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

– Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

– Ее написали вы?! На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

– То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, – сказал Холмс. – Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норвич, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбит сама была заподозрена в убийстве своего мужа и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно не повинна в его трагической смерти.

– Так я и сделаю, – сказал американец. – Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси знала о некоторых наших делах, но она терпеть не могла нашей профессии, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Она была помолвлена со мной и вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию, но с людьми нашей профессии она не желала иметь ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда и, так как она могла не получать моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно… Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока

ко мне не прискакал мальчишка с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки…

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

– Пора ехать.

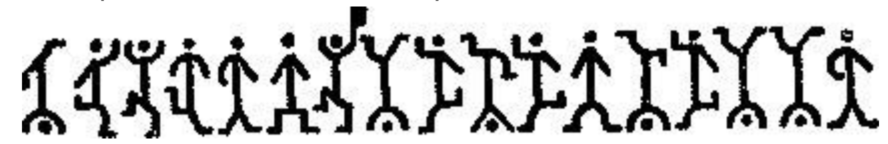
– Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

– Нет, она еще не очнулась… Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что, когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

– Попробуйте прочитать ее, Уотсон, – сказал он, улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:

– Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: *«ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО».*Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбит, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру… Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норвиче был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и доказанность того, что Хилтон Кьюбит выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбит мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что посвятила свою жизнь заботам о бедных.

Одинокая велосипедистка

Годы с 1894 по 1901 были периодом очень напряженной деятельности Шерлока Холмса. Пожалуй, ни одно трудное расследование за эти восемь лет не обошлось без его совета. Частные расследования, в которых он сыграл выдающуюся роль, исчисляются сотнями, причем многие из них оказались чрезвычайно запутанными и необычными. Каков итог этих лет? Множество блестящих побед и несколько, увы, неизбежных неудач. Поскольку я сохранил самые подробные записи всех дел и часто сам в них участвовал, мне, естественно, трудно решить, что же наиболее достойно опубликования. Я последую старому моему правилу: отдавать предпочтение тем случаям, которые представляют интерес не с точки зрения чудовищности преступления, а с точки зрения тонкости и драматической неожиданности его раскрытия. Вот почему мне хотелось бы описать дело мисс Вайолет Смит, одинокой велосипедистки из Чарлингтона, и весьма интересное расследование, неожиданно оборвавшееся трагедией. Я бы не сказал, что дело это особенно ярко иллюстрировало удивительный дар, снискавший моему другу заслуженную славу. Однако есть в нем некоторые особенности, благодаря которым оно занимает выдающееся место в хронике преступлений, из которых я черпаю материал для моих настоящих очерков.

Вот записная книжка 1895 года. Да, впервые мы увидели мисс Вайолет Смит в субботу 23 апреля. Я помню, что визит ее был очень нежелателен для Холмса: он был всецело поглощен одним сложным и загадочным делом – преследованием, которому подвергся Джон Винсент Хартен, известный табачный фабрикант-миллионер. Холмс любил больше всего точную,

углубленную и сосредоточенную работу мысли и терпеть не мог, когда его отвлекали от разбираемого дела. Но надо было обладать особой черствостью, чтобы отказаться выслушать молодую прекрасную женщину, высокую, стройную и гордую, как королева, которая пришла к нам на Бейкер-стрит поздно вечером, умоляя помочь ей. Холмс уверял ее, что он занят, но это было бесполезно, ибо молодая дама, видимо, твердо решила, что не уйдет, пока Холмс не выслушает ее, и выдворить ее можно было разве что силой. Холмс смирился и, устало улыбаясь, предложил прелестной посетительнице сесть и рассказать, что ее так встревожило.

– Уж, конечно, не здоровье! – заключил Холмс, окинув ее быстрым проницательным взглядом. – У такой заядлой велосипедистки плохого здоровья быть не может!

Та взглянула на свои ноги: действительно, край ботинка был чуть-чуть стерт от частого соприкосновения с педалью велосипеда.

– Да, я много езжу на велосипеде, мистер Холмс, и это имеет прямое отношение к цели моего визита.

Холмс подошел к ней и взял ее за руку (наша посетительница не носила перчаток). Он стал рассматривать ее руку так внимательно и бесстрастно, как ученый рассматривает редкого представителя животного или растительного мира.

– Вы, надеюсь, извините меня. Такова моя профессия, – сказал он, опуская ее руку. – Я чуть не ошибся: решил было, что вы машинистка. Но, конечно, вы занимаетесь музыкой. Уотсон, обратите внимание на сплющенные кончики пальцев. Характерно и для пианиста и для машинистки. Но в вашем лице есть одухотворенность. – Холмс мягким движением повернул ее лицо к свету. – Машинисткам она несвойственна. Сомнений нет, наша гостья занимается музыкой.

– Да, мистер Холмс, я учительница музыки.

– И живете за городом, судя по цвету лица.

– Вы не ошиблись. Около Фарнема на границе с Сурреем.

– Прекрасное место. У нас с ним связано много воспоминаний. Помните, Уотсон, мы занимались там Арчибальдом Стенфордом, подделавшим документы? Ну, хорошо. Расскажите нам, мисс Вайолет, что же с вами случилось недалеко от Фарнема на границе с графством Суррей?

Молодая дама изложила очень ясно и точно следующее весьма странное происшествие.

– Мой покойный отец, мистер Холмс, Джеймс Смит был дирижером оркестра в одном театре. Когда он умер, у нас с мамой не оказалось ни одного близкого человека, кроме моего дяди, Ральфа Смита. Но он уехал в Африку двадцать пять лет назад, и мы ничего о нем по сей день не знаем. После смерти отца мы остались совершенно без средств. И вот однажды нам сказали что в «Таймсе» напечатано объявление о том, что нас кто-то разыскивает. Вы можете легко представить себе наше волнение. Мы решили, что кто-то оставил нам наследство, и тут же отправились к юристу, имя которого сообщалось в объявлении. У юриста нам представили двух джентльменов, мистера Каррутерса и мистера Вудли, – они жили в Южной Африке и приехали домой погостить. Эти джентльмены сказали нам, что дядя был их друг и что он умер в совершенной нищете несколько месяцев назад в Иоганнесбурге. Умирая, дядя просил их найти нас и помочь нам, если мы нуждаемся. Нам показалось странным, что дядя Ральф, который знать нас не хотел, когда был жив, вдруг, умирая, проявил такую заботу. Однако мистер Каррутерс объяснил, что дядя услышал о смерти брата только перед самой своей смертью и очень беспокоился о нашей судьбе.

– Простите, – сказал Холмс, – а когда произошел этот разговор?

– В декабре прошлого года – четыре месяца назад.

– Прошу вас, продолжайте.

– Этот мистер Вудли сразу же вызвал у меня отвращение. Он строил мне глазки – пошлый молодой человек с одутловатым лицом, рыжими усиками и прилизанными волосами. Он показался мне омерзительным; я была уверена, что Сирил не одобрил бы такое знакомство.

– Его зовут Сирил? – сказал Холмс, улыбаясь.

Молодая посетительница покраснела и засмеялась.

– Да, мистер Холмс, его зовут Сирил Мортон. Он инженер-электрик, и, надеюсь, мы обвенчаемся в конце лета. Господи, но как же так получилось, что я о нем заговорила? Я только хотела сказать, что этот мистер Вудли показался мне отвратительным, а мистер Каррутерс, который был гораздо старше, производил скорее приятное впечатление. Темноволосый. Цвет лица желтоватый, нездоровый. Чисто выбрит. У него хорошие манеры и приятная улыбка. Он почти все время молчал, спросил только, какие у нас средства остались после смерти отца, и, узнав, что нам совсем не на что жить, предложил, чтобы я учила музыке его единственную дочь десяти лет. Я ответила, что мне не хочется оставлять мать одну, но он сказал, что на субботу и воскресенье я могу ездить домой. Он будет платить мне сто гиней в год – очень, конечно, хорошие деньги. В конце концов я согласилась и отправилась жить в Чилтерн-Грэйндж, в шести милях от Фарнема. Мистер Каррутерс был вдов, хозяйство вела экономка, очень почтенная пожилая женщина – миссис Диксон. Девочка была просто прелесть. Словом, все оборачивалось наилучшим образом. Сам мистер Каррутерс был очень мил, любил музыку, и вечера поэтому проходили очень приятно. А каждую субботу я уезжала домой в город.

Первым облачком, омрачившим мою жизнь, был приезд мистера Вудли, того самого молодого человека с рыжими усиками. Он приехал на неделю, но эта неделя показалась мне длиннее, чем три месяца! Он был ужасный человек, всем грубил и всех тиранил, но хуже всего было его отношение ко мне. Он ухаживал за мной самым настойчивым, самым пошлым образом, без конца хвалился своим богатством, повторял, что если бы я вышла за него замуж, то у меня были бы лучшие бриллианты в Лондоне, и наконец, когда я объявила ему, что не желаю иметь с ним ничего общего, он обнял меня, несмотря на мое сопротивление, и поклялся, что не отпустит, пока я его не поцелую. Он был страшно силен, и я не могла вырваться из его объятий. К счастью, тут вошел мистер Каррутерс и буквально оттащил его от меня, после чего нахал набросился на хозяина дома, сбил его с ног и ударил по лицу. На этом пребывание мистера Вудли в доме в качестве гостя закончилось. Мистер Каррутерс извинился передо мной на следующий день и уверил меня, что никогда впредь я не подвергнусь подобному унижению, – он позаботится об этом. Действительно, мистер Вудли с тех пор исчез.

Теперь, мистер Холмс, я перехожу к событию, которое побудило меня обратиться к вам за советом. Каждую субботу я езжу на станцию Фарнем на велосипеде, чтобы успеть на поезд 12.22. Дорога от Чилтерн-Грэйндж до станции безлюдна, а особенно она безлюдна там, где с одной стороны Чарлингтонская пустошь, а с другой – леса вокруг Чарлингтон-холла. Этот участок дороги тянется больше мили, и трудно себе представить более пустынную местность. Редко-редко встретишь телегу или одиноко бредущего крестьянина – и так до самого Круксбери-хилла, где дорога выходит на шоссе. Проезжая по этому месту две недели назад, я случайно оглянулась и увидела на расстоянии примерно двух сотен ярдов от меня велосипедиста. Это был мужчина средних лет, и я заметила у него короткую черную бородку. Потом я оглянулась опять, но велосипедист исчез, и я о нем забыла. Представьте мое удивление, мистер Холмс, когда, возвращаясь назад в понедельник, я заметила опять того же велосипедиста в том же самом месте. Мое удивление возросло еще больше, когда та же история в точности повторилась и в следующую субботу и затем в понедельник. Велосипедист все время держался на почтительном расстоянии от меня, и я никак не могла бы назвать его поведение назойливым. И все-таки в этом было что-то странное и неприятное. Я рассказала все мистеру Каррутерсу, он встревожился и сказал, что заказал лошадь и легкую рессорную коляску, так что я больше не буду ездить одна по этой безлюдной дороге.

Лошадь и коляску нам обещали доставить на этой неделе, но почему-то не доставили, и сегодня утром мне пришлось опять ехать одной на велосипеде до станции. Когда я подъезжала к Чарлингтонской пустоши, я оглянулась – опять тот же велосипедист. Он опять держался от меня на расстоянии, и я не могла разглядеть его лица, но одно несомненно: я его не знаю. На нем был темный костюм, на голове кепка. Что касается черт его лица, то я видела ясно лишь черную бородку. Почему-то сегодня я не была испугана. Меня охватило любопытство: кто он и что ему нужно от меня. Я сбавила скорость. Он сбавил скорость тоже. Я остановилась. Он остановился. Ну хорошо же! Там, где дорога круто поворачивает, я быстро проехала поворот, а затем круто остановилась и стала ждать. Я думала, он вылетит из-за поворота и проскочит мимо меня, не успев «остановиться. Ничего подобного! Он так и не показался. Я села на велосипед и поехала назад. Вот и поворот, за ним видна добрая миля дороги, но велосипедист исчез. А ведь дорога нигде не ответвлялась! Куда он исчез?

Тут Холмс засмеялся, потирая от удовольствия руки.

– Да, случай своеобразный, что и говорить, – сказал он. – Не могли ли бы вы сказать мне, сколько времени прошло с того момента, как вы проехали поворот, и до того, когда вы увидели, что на дороге никого нет?

– Не более двух-трех минут.

– Значит, он не мог успеть за это время ни скрыться, двигаясь обратно по дороге, ни свернуть, потому что никаких ответвлений у дороги нет.

– Совершенно никаких.

– Тогда он свернул на какую-нибудь тропинку влево или вправо.

– Только не на пустошь. Я бы увидела его.

– С помощью метода исключения мы должны сделать вывод, что велосипедист уехал в сторону усадьбы Чарлингтон-холл, которая стоит, если не ошибаюсь, недалеко от дороги. Что еще вы можете сказать?

– Ничего, мистер Холмс, кроме того, что это меня сильно взволновало, и я поняла, что не успокоюсь, пока не разыщу вас и не попрошу у вас совета.

Некоторое время Холмс молчал.

– А где работает тот джентльмен, с которым вы помолвлены? – наконец спросил он.

– В компании «Мидленд электрик», в Ковентри.

– Мог бы он неожиданно нагрянуть к вам, не сообщив предварительно о своем визите?

– Что вы, мистер Холмс! Никогда в жизни. Я достаточно хорошо его знаю!

– Есть у вас еще поклонники?

– Было несколько перед тем, как я познакомилась с Сирилом.

– А потом?

– Потом этот ужасный Вудли, если, конечно, можно назвать его поклонником?

– А кто-нибудь еще?

Наша прелестная посетительница была, видимо, несколько смущена.

– Так кто же? – повторил Холмс.

– Я не знаю, может быть, это – мое воображение, но иногда мне кажется, что мистер Каррутерс, у которого я работаю, не совсем ко мне… равнодушен. Мы ведь проводим столько времени вместе! Я ему аккомпанирую по вечерам. Он никогда и словом не обмолвился ни о чем. Он настоящий джентльмен. Но вы знаете, что любая девушка догадывается о таких вещах без слов.

– Хм, – Холмс нахмурился. – Чем он зарабатывает на жизнь?

– Он богатый человек.

– И не держит выезд?

– Во всяком случае, он вполне обеспечен. Раза два или три в неделю он отправляется в город. Его интересуют акции южноафриканских золотых приисков.

– Я попрошу вас, мисс Смит, уведомлять меня обо всех дальнейших событиях. Я теперь очень занят, но я найду время, чтобы навести некоторые справки, касающиеся вашего дела. А пока что, прошу вас, не предпринимайте без моего ведома никаких шагов. До свидания, и надеюсь, что мы услышим от вас хорошие вести.

Посетительница ушла.

– Что ж, это естественно, что у такой девушки есть поклонники, – проговорил Холмс, пыхтя своей трубкой. – И один из них решил ее преследовать на велосипеде на безлюдной дороге. Наверняка ее тайный воздыхатель. Но, между прочим, Уотсон, в этом деле есть интересные детали, наводящие на размышления.

– Вы хотите сказать: странно, что этот воздыхатель появляется только на одном участке дороги.

– Совершенно верно. Прежде всего мы должны выяснить, кто живет в Чарлингтон-холле. Затем надо узнать, что связывает Каррутерса и Вудли, поскольку ясно, что люди они совершенно разные. Почему оба они начали с таким рвением разыскивать родственников Ральфа Смита? Еще одна неясность: что это за странный хозяин, который платит гувернантке жалованье вдвое выше обычного и в то же время не держит лошадей, хотя живет в шести милях от станции? Да, Уотсон, все это странно, очень странно.

– Вы поедете туда?

– Нет, дорогой Уотсон. Поедете вы. В конце концов, возможно, что это какая-нибудь пустяковая интрижка, и я не могу ради нее прерывать важное расследование. В понедельник рано утром поезжайте в Фарнем, спрячьтесь недалеко от Чарлингтон-холла, наблюдайте и действуйте по своему усмотрению. Затем вы должны разузнать, кто живет в этом Чарлингтон-холле, вернуться и рассказать мне обо всем, что узнали. А теперь, Уотсон, ни одного больше слова об этом деле, пока у нас нет надежных фактов, которые привели бы нас к решению вопроса.

От нашей посетительницы мы узнали, что поезд, с которым она возвращается в понедельник, отходит от Ватерлоо в 9 часов 50 минут. Поэтому я отправился из дому очень рано и выехал в 9 часов 13 минут. На станции Фарнем мне объяснили, где находится Чарлингтон-холл, и я нашел его без труда. Ошибиться было невозможно: по одну сторону дороги тянется пустошь, а по другую – живая изгородь из старых тиссов, за которой начинается парк с великолепными деревьями. Главные ворота парка сложены из замшелого камня, и оба столба увенчаны позеленевшими дворянскими гербами. Кроме главного входа, я заметил несколько тропинок между тиссами. Дом не был виден с дороги, но все окружающее говорило о заброшенности и запустении.

Равнина была усеяна золотыми островами цветущего дрока, который так и пылал в лучах яркого весеннего солнца. Я спрятался за одним из таких островков так, чтобы видеть и ворота усадьбы и достаточно большой участок дороги в обе стороны. На дороге не было ни души. Затем я увидел велосипедиста. Он ехал по направлению к станции. Он был в черном костюме, и я заметил, что у него темная бородка. Он достиг того места, где начиналось поместье Чарлингтон, спрыгнул с велосипеда, пошел, ведя велосипед к одной из тропинок, и скрылся за тиссами вместе со своим велосипедом.

Прошло четверть часа и я увидел нашу велосипедистку – она возвращалась со станции. Поравнявшись с усадьбой Чарлингтон, она оглянулась. Несколько мгновений спустя велосипедист вышел из своего убежища, сел на велосипед и последовал за ней. Нигде кругом – от горизонта и до горизонта – не было ни души; только две одинокие фигуры – изящная девушка, державшаяся очень прямо, а на некотором расстоянии от нее – пригнувшийся к

самому рулю бородатый преследователь, явно замышляющий что-то. Она оглянулась и сбавила скорость. Он тоже сбавил скорость. Она остановилась. И он остановился, сохраняя расстояние в двести ярдов. Ее следующее движение было смелым и неожиданным. Она повернула велосипед и ринулась ему навстречу! Однако он выказал не меньше проворства и помчался назад. Затем она повернула обратно и поехала дальше. Голова у нее была гордо поднята, словно она не желала больше замечать своего преследователя. Он тоже повернул и поехал за ней, сохраняя ту же дистанцию, и наконец обе фигуры скрылись за поворотом.

Я не покинул своего убежища. И правильно сделал, ибо вскоре я снова увидел велосипедиста – он возвращался обратно. У ворот усадьбы он повернул и слез с велосипеда. В течение нескольких минут я все еще мог видеть его: он стоял под деревьями, и мне показалось, что он поправляет галстук. Затем он вскочил на велосипед и поехал по аллее, ведущей к дому. Я побежал к изгороди. Сквозь деревья я разглядел старое серое здание в стиле Тюдор, ощетинившееся трубами, но так как аллея шла через густой кустарник, велосипедиста больше не было видно.

Так или иначе, мне представлялось, что я неплохо поработал, и в отличном расположении духа я вернулся в Фарнем. Местный агент по продаже недвижимого имущества не мог дать мне никаких сведений о Чарлингтон-холле и посоветовал обратиться к известной фирме на Пэл-Мэл. Я зашел туда по пути домой. Представитель фирмы оказался воплощенной любезностью. «Я хотел бы снять Чарлингтон-холл на лето?» «Нет, к сожалению, это невозможно. Поздно. Дом сдали примерно месяц назад. Арендовавшего этот дом зовут мистером Уильямсоном. Весьма почтенный пожилой джентльмен». Вежливый представитель больше ничего, к сожалению, сообщить не мог, поскольку деловые операции клиентов фирма хранит в строгой тайне.

Вечером Шерлок Холмс с большим вниманием выслушал мой пространный доклад, но отнюдь не похвалил меня, на что я, признаться, весьма рассчитывал. Наоборот, его суровое лицо стало еще более суровым, когда он комментировал то, что я сделал, и то, что я должен был сделать.

– Во-первых, мой дорогой Уотсон, вы неудачно выбрали пункт наблюдения. Вы должны были спрятаться за изгородью – тогда вы смогли бы увидеть с близкого расстояния интересующее нас лицо. Вы же были от него в нескольких стах ярдов и поэтому можете сообщить мне даже меньше, чем мисс Смит. Она полагает, что велосипедист незнаком ей; я же, напротив, убежден, что она знает его. Иначе зачем бы он старался держаться от нее подальше? Вы говорите, что он низко пригнулся над рулем. Тоже затем, чтобы скрыть лицо! Словом, вы здорово прошляпили. Этот велосипедист скрылся в доме, и вы хотели выяснить, кто он. Для этого вы отправились к лондонскому агенту по недвижимому имуществу!

– А что мне было делать? – спросил я, начиная горячиться.

– Что? Отправиться в ближайший кабачок! Центр всех местных сплетен. Там бы вам сообщили имя любого обитателя дома – от хозяина до судомойки. Уильямсон! Это ровно ничего не говорит мне. Если он пожилой человек, то он не может быть велосипедистом, который сумел успешно скрыться от погони этой молодой, сильной спортсменки. Что нам дала ваша поездка? Ничего, кроме того, что наша посетительница сказала нам правду. А я и не сомневался в этом. Как не сомневался в том, что между велосипедистом и Чарлингтон-холлом есть связь. Это поместье арендовано неким Уильямсоном. Что из этого следует? Решительно ничего. Ну, ну, не расстраивайтесь. До следующей субботы мы мало что можем сделать, а пока я сам наведу кое-какие справки.

Утром мы получили письмо от мисс Смит. Она коротко и точно описывала в нем все те события, которые я видел собственными глазами. В нем была очень важная приписка:

«Я уверена, что вы сохраните в тайне то, что я сейчас напишу: мой хозяин сделал мне предложение, и пребывание в его доме стало для меня затруднительным. Я убеждена, что он

движим глубоким и достойным уважения чувством. Но я помолвлена с другим. Он принял мой отказ очень серьезно, но деликатно. И все таки, вы можете легко представить себе, обстановка в доме стала несколько напряженной».

– Кажется, наша очаровательная клиентка попала в переделку, – сказал Холмс, прочтя письмо. – В этом деле больше интересных особенностей и возможных осложнений, чем я думал сначала. Пожалуй, не мешает мне провести один день на лоне природы. Поеду-ка я сегодня во второй половине дня и проверю на месте несколько имеющихся у меня теорий.

День Холмса на лоне природы кончился неожиданно: он вернулся поздно вечером с рассеченной губой и кровоподтеком на лбу, не говоря уже о том, что весь его вид был таков, что, право, Скотленд-Ярд мог бы вполне заинтересоваться им самим. Приключения, пережитые им за день, видимо, доставили ему огромное удовольствие, и он хохотал от души, рассказывая о них.

– Я веду сидячий образ жизни, и немножко размяться на свежем воздухе очень полезно, – сказал он. – Вам известно, что я неплохо владею старинным английским видом спорта – боксом. Это мне очень пригодилось. Иначе все могло бы кончиться очень плохо.

Я стал просить его рассказать, что произошло.

– Я нашел тот кабачок – помните, я советовал вам начать с него – и обиняками задал хозяину несколько вопросов. Болтливый хозяин рассказал мне все, что меня интересовало. Оказалось, что Уильямсон, седобородый обитатель Чарлингтон-холла, живет совершенно один, не считая, конечно, прислуги. Есть слух, что он был священником. Однако два случая, происшедших за время его короткого пребывания в этой усадьбе, показались мне странными для священника, и я навел справки в церковном управлении. Мне ответили, что действительно, священник такой есть, но репутация у него самая дурная. Хозяин еще рассказал мне, что к этому Уильямсону на субботу и воскресенье съезжается веселая компания, особенно выделяется один джентльмен с рыжими усиками по имени Вудли – он в Чарлингтон-холле завсегдатай. Только он это произнес, дверь отворилась, и вошел мистер Вудли собственной персоной – он пил пиво в соседней комнате и слышал весь наш разговор. Он тут же набросился на меня. Кто я такой? Что мне надо? Какого черта я им интересуюсь? И давай сыпать самыми отборными ругательствами. Закончил он этот поток коротким, но сильным ударом. Я увернулся, но не совсем удачно. Зато следующие несколько минут были восхитительны Вудли замахнулся второй раз, но его предупредил мой удар прямой левой. Что касается меня, результат у вас перед глазами. Зато мистера Вудли пришлось свезти домой в телеге. Так закончилась моя прогулка; я должен признаться, что если не считать огромного удовольствия, полученного мной лично, польза от моего пребывания на границе с графством Суррей почти такая же, как от вашей поездки!

В четверг пришло еще одно письмо от нашей клиентки.

«Вас не удивит, конечно, м-р Холмс, – писала она, – что я оставляю дом м-ра Каррутерса. Даже большое жалованье не может возместить создавшееся неприятное положение. Коляска и лошадь наконец доставлены, и если раньше безлюдная дорога и была опасной, то теперь этой опасности нет. Я вынуждена оставить дом м-ра Каррутерса не только потому, что чувствую себя с ним неловко, но и потому, что тот отвратительный человек, о котором я вам говорила, мистер Вудли, появился опять. У него всегда была отталкивающая внешность, но теперь он просто страшен. С ним, вероятно, произошел несчастный случай: все лицо у него распухло. Я видела его в окно, но, к счастью, не встретилась с ним. Он долго говорил о чем-то с м-ром Каррутерсом, которого сильно взволновал этот разговор. Очевидно, Вудли живет поблизости, потому что он не ночевал в доме, а утром я его увидела опять – он пробирался через кусты. Если бы по саду бродил дикий зверь, то я, право, была бы меньше испугана. Трудно передать то омерзение и тот страх, которые этот человек во мне вызывает. Как может

м-р Каррутерс выносить его хотя бы одну секунду? Впрочем, все мои треволнения кончатся в эту субботу».

– Будем надеяться, Уотсон, будем надеяться, – сказал Холмс мрачно. – Очевидно, сети очень сложной интриги плетутся вокруг этой молодой женщины, и наша задача – проследить за тем, чтобы никто не тронул ее в субботу. Я думаю, Уотсон, нам придется выкроить время и поехать с вами вместе в субботу, не то наше интересное, хотя и незаконченное расследование может оказаться историей с грустным концом.

Признаюсь, что до сих пор я не относился слишком серьезно к этому делу. Мне оно казалось странным, причудливым, но никак не опасным. Ничего не было удивительного, что незнакомец искал случая встретиться с хорошенькой девушкой. Как можно считать его опасным, если у него не хватало храбрости приблизиться к ней и он обратился в бегство, когда она сама попыталась сделать это! Негодяй Вудли был человек иного сорта, но после того единственного случая, о котором она нам рассказала, он оставил ее в покое, и когда он опять зашел к Каррутерсу, он даже не встретился с ней. Велосипедист был, без сомнения, один из воскресных гостей Чарлингтон-холла, о которых говорил хозяин кабачка; но кто он такой и чего добивался, оставалось неясным. Я понял, что за всеми этим непонятными событиями может скрываться трагедия, только когда увидел, как Холмс, настроенный очень серьезно и решительно, уходя, сунул в карман револьвер.

Дождь кончился, и утро было великолепное. Наши глаза, уставшие от светло-серых, темно-серых и желтовато-серых тонов Лондона, впивали краски поросшей вереском пустоши с островками цветущего дрока, ярко горевшего на солнце. Мы шли с Холмсом по широкой песчаной дороге, наслаждаясь утренней свежестью, веселым щебетаньем птиц и запахами весны. Дорога пошла в гору. С гребня Круксбери-хилл мы увидели старый, мрачный Чарлингтон-холл. Его трубы ощетинились среди старинных дубов, и все же деревья были моложе, чем дом, который они окружали. Дорога вилась красновато-желтой лентой между коричневой пустошью и распускающейся зеленью леса. Холмс указал вперед на черную точку, появившуюся вдали. Коляска! Она двигалась нам навстречу.

Холмс воскликнул с досадой:

– Я рассчитал время так, чтобы у нас было в запасе лишних полчаса! Но если это ее коляска, то, значит, она спешит к более раннему поезду, и я боюсь, Уотсон, что она проедет мимо Чарлингтона прежде, чем мы до него доберемся.

Дорога пошла вниз, и коляска скрылась из виду. Мы бросились вперед. Я начал задыхаться – вот что значит сидячий образ жизни! Холмс, напротив, был в прекрасной форме: его поддерживал неистощимый запас нервной энергии. Шаг его оставался все таким же быстрым и пружинистым. В сотне ярдов от меня он вдруг остановился, и я увидел, как он в отчаянии махнул рукой. В то же мгновение из-за поворота показалась пустая коляска, лошади несли во весь опор, и вожжи волочились по земле.

– Опоздали! – закричал Холмс, когда я подбежал к нему, тяжело дыша. – Надо же быть таким идиотом! Не подумать о предыдущем поезде! Они похитили ее, Уотсон, похитили! А может быть, убили! Бог знает, что произошло! Встаньте на дороге, остановите лошадь! Вот так. Быстрей в коляску! Может, нам еще удастся исправить последствия моей ошибки.

Мы вскочили в коляску. Холмс повернул лошадей, ударил кнутом, и мы понеслись. Сразу же за поворотом нам открылась вся дорога между Чарлингтон-холлом и пустошью. Я схватил Холмса за руку.

– Это он! – крикнул я, задыхаясь от волнения.

Одинокий велосипедист катил нам навстречу. Низко нагнувшись над рулем, он жал на педали, словно на велосипедной гонке. Вдруг он поднял голову, увидев нас, затормозил и соскочил с велосипеда. Его иссиня-черная борода странно выделялась на бледном лице, и глаза горели, как в лихорадке. Он был ошеломлен, увидев в коляске нас.

– Эй, – заорал он, – стойте! – Он поставил велосипед поперек дороги.

– Где вы взяли эту коляску? Остановитесь же, говорю я вам! – завопил он, вытаскивая револьвер из бокового кармана. – Остановитесь, или, клянусь небом, я стреляю в лошадь!

Холмс бросил вожжи мне на колени и выскочил из коляски.

– Вы именно тот человек, которого мы хотим видеть. Где мисс Вайолет Смит? – Холмс говорил быстро и отчетливо.

– Вот это я и хочу спросить у вас. Вы сидите в ее коляске, значит, должны знать, где она!

– Коляска неслась пустая. Мы остановили лошадь, сели в нее и помчались на помощь молодой женщине.

– Боже мой! Боже мой! Что делать? – закричал незнакомец в отчаянии. – Они схватили ее, этот подлец Вудли и бандит-священник. Быстрее, быстрее, если вы действительно ее друг! Помогите мне, и мы спасем ее, даже если для этого необходимо, чтобы мой труп гнил в Чарлингтонском лесу!

С пистолетом в руке он побежал, не помня себя, к тропинке между тиссами. Холмс бросился за ним, я за Холмсом, оставив лошадь пастись у дороги.

– Вот где они шли, – сказал Холмс, указывая на следы ног вдоль тропинки. – Эй, постойте-ка! Что это там в кустах?

Молодой человек лет восемнадцати в одежде конюха, с кожаными шнурами и крагами, лежал навзничь, подогнув колени, на его голове зияла глубокая рана. Он был без сознания, но жив. Я взглянул на рану и понял, что кость не задета.

– Это Питер, конюх! – закричал незнакомец. – Он ее вез! Негодяи стащили его с коляски и оглушили. Пусть он лежит. Сейчас мы ему помочь не можем, но ее мы можем спасти от худшей участи, которая только может выпасть на долю женщины.

Мы помчались по тропинке, которая вилась между деревьями. Когда мы достигли кустов, окаймлявших дом. Холмс остановился.

– Они не в доме. Вот их следы. Они идут влево, у лавровых кустов! Ну, конечно, так и есть!

Последние слова он сказал потому, что вдруг из-за кустов послышался пронзительный женский крик, полный ужаса. Затем крик оборвался и на самой высокой ноте перешел в хрип.

– Сюда! Сюда! Они в аллее для игры в кегли! – кричал незнакомец, продираясь сквозь кусты. – Собаки, трусливые собаки! За мной, джентльмены! Поздно! Поздно! Клянусь всем святым, что поздно!

Кусты неожиданно расступились, и мы очутились на прелестной лужайке. На противоположном ее конце, под сенью могучего дуба, расположилось необычайное трио. Наша клиентка прислонилась к дереву, видимо, теряя сознание; рот у нее был завязан платком. Перед ней, расставив ноги, стоял свирепого вида молодой человек с бульдожьим лицом и рыжими усами. Одной рукой он подбоченился, в другой держал хлыст, весь его облик выражал презрительный вызов. Между ними находился пожилой человек с седой бородой; поверх его легкого шерстяного костюма была накинута сутана. По-видимому, он только что совершил обряд бракосочетания, потому что положил библию в карман как раз в ту минуту, когда мы появились. В виде шутовского поздравления он похлопал негодяя жениха по плечу.

– Они обвенчаны! – мог лишь выговорить я.

– Вперед! – закричал наш проводник и помчался через лужайку, а Холмс и я за ним.

Когда мы приблизились, молодая дама, боясь упасть, судорожно схватилась за дерево. Уильямсон, бывший священник, поклонился нам с издевательской вежливостью, а негодяй Вудли важно выступил вперед. Он хохотал в восторге от своей проделки.

– Сними бороду, Боб, – сказал он, – я тебя сразу узнал. Ты и твои друзья примчались как раз вовремя, для того, чтобы я мог представить вам миссис Вудли.

Ответ нашего спутника был неожиданным. Он сорвал с себя бороду – она действительно была приставной – и с яростью отшвырнул ее прочь. Оказалось, что у него продолговатое, нездорового цвета, чисто выбритое лицо.

– Да, я Боб Каррутерс, – сказал он, прицелившись из пистолета в Вудли, который наступал на него, угрожающе размахивая хлыстом. – И я сделаю все, чтобы смыть оскорбление, нанесенное этой девушке, даже если меня за это повесят. Я сказал тебе, негодяй, что с тобой будет, если ты не оставишь ее в покое, и, клянусь господом богом, я сдержу свое слово!

– Но ты опоздал, голубчик. Она моя жена!

– Не жена, а вдова!

Раздался выстрел, и я увидел, как на жилете Вудли вдруг выступило и расплылось кровавое пятно. Он завертелся на месте и рухнул навзничь; смертельная бледность вдруг покрыла пятнами его отвратительное, кирпичного цвета лицо. Старый Уильямсон, так и не снявший сутаны, разразился при этом такими ругательствами, каких я никогда еще не слышал, и тоже выхватил револьвер, но Холмс опередил его, направив на него дуло своего оружия.

– Довольно, – резко сказал мой друг. – Бросьте револьвер! Уотсон, подберите его. Так, приставьте к его голове. Благодарю вас. А вы, Каррутерс, дайте ваш револьвер мне. Хватит кровопролития. Давайте, давайте его сюда!

– Кто вы такой?

– Шерлок Холмс.

– Не может быть!

– Я вижу, вам известно мое имя. Тем лучше. Я буду представлять официальную полицию впредь до ее прибытия. Эй вы, послушайте! – закричал он испуганному конюху, который появился на краю лужайки, под деревьями. – Подите сюда. Возьмите вот эту записку и гоните вовсю в Фарнем. – Он написал несколько слов на листке своего блокнота. – Отдайте это начальнику полицейского участка. А пока вместо него я.

Могучий ум Холмса и его воля теперь управляли этой трагической сценой, все остальные участники лишь подчинялись ему. Уильямсон и Каррутерс отнесли раненого Вудли в дом, в то время как я предложил руку испуганной девушке. Раненого положили на кровать, и по просьбе Холмса я осмотрел его. Я нашел Холмса в увешанной старинными гобеленами столовой, двое арестованных сидели против него.

– Он будет жить, – сказал я.

– Что? – вскочил на ноги Каррутерс. – Я пойду наверх и прикончу его. Не хотите ли вы сказать, что эта девушка, этот ангел будет на всю жизнь прикована к этому чудовищу Джеку Вудли?

– На этот счет можете не беспокоиться, – сказал Холмс. – Есть по крайней мере две причины, в силу которых она ни в коем случае не будет его женой. Прежде всего мы поставим вопрос о том, имел ли мистер Уильямсон право венчать.

– Я принял сан, – сказал старый негодяй.

– Которого вас потом лишили.

– Священник останется священником всегда.

– Сомневаюсь. А как насчет разрешения на заключение брака?

– Оно у меня в кармане.

– В таком случае вы достали его мошенническим образом. Как бы то ни было, венчание по принуждению – это не венчание, а серьезное преступление, в чем вы скоро убедитесь. Думаю, что у вас будет по меньшей мере десять лет, чтобы обдумать это хорошенько. Что

касается вас, Каррутерс, то, право, лучше бы вы не вынимали из кармана этот злосчастный пистолет!

– Теперь я вижу, что вы правы, мистер Холмс. Но поймите: я люблю эту девушку, и я впервые узнал, что значит любить. Какие я предпринимал предосторожности, чтобы уберечь ее! И вдруг все пошло прахом, и она оказалась во власти самого свирепого негодяя в Южной Африке, имя которого наводит ужас на всех от Кимберли до Иоганнесбурга. Поверите ли, мистер Холмс? С тех пор, как эта девушка стала у меня работать, я ни разу не отпустил ее домой одну, потому что знал о сборищах этих негодяев. Я каждый раз садился на велосипед и сопровождал ее. Конечно, я держался на почтительном расстоянии и, кроме того, надевал поддельную бороду, чтобы она не узнала меня. Мисс Смит так независима и горда, она ни за что не осталась бы работать у меня, если бы узнала, что я всюду сопровождаю ее.

– Почему же вы не сказали ей об опасности?

– Потому что и в этом случае она бы покинула меня. Я просто не мог этого сделать. Хотя она и не любила меня, для меня было счастьем видеть ее в доме, слышать звук ее голоса.

– Вот что, – сказал я, – вы называете это любовью, мистер Каррутерс, а по-моему, это называется эгоизмом.

– Может быть, вы и правы. Но разве любовь и эгоизм не сопутствуют друг другу? Словом, я не мог допустить и мысли, что она покинет меня. Кроме того, планы этих бандитов таковы, что ей необходима была защита. Потом пришла телеграмма, и я понял, что теперь они начнут действовать.

– Какая телеграмма?

Каррутерс вытащил ее из кармана.

– Вот она, – сказал он.

Содержание телеграммы было простым и коротким:

«Старик умер».

– Хм! – сказал Холмс. – Мне кажется, я вижу всю цепь событий и понимаю, почему телеграмма сыграла роковую роль. Но раз уж мы все равно сидим и ждем, может быть, вы расскажете нам, что знаете.

Тут старый негодяй в сутане разразился бранью.

– Клянусь всем святым, – заорал он, – если ты донесешь на нас, Боб Каррутерс, то я сделаю с тобой то, что ты сделал с Джеком Вудли! Насчет девчонки можешь приходить в телячий восторг сколько душе угодно, это твое дело. Но если ты продашь своих друзей этому фараону в штатском, будешь последней собакой, ясно?

– Вашему преосвященству незачем так волноваться, – сказал Холмс, закуривая. – Дело и так совершенно ясно, и если я интересуюсь некоторыми детали ми, то лишь из чистой любознательности. Впрочем, если не хотите рассказывать, то давайте расскажу я, и тогда вы увидите, как мало вы можете скрыть. Прежде всего, вы трое – то есть вы, Уильямсон, вы, Каррутерс, и Вудли – приехали из Южной Африки в надежде на…

– Ложь номер один! – закричал священник. – Я увидел их в первый раз два месяца назад и никогда не был в Африке. Скушайте на здоровье, дорогой мистер Не-суйте-нос-в-чужие-дела!

– Да, мы познакомились только два месяца назад, – сказал Каррутерс.

– Хорошо, значит, вы двое приехали из Африки. Его преосвященство – продукт отечественного производства. В Южной Африке вы были знакомы с Ральфом Смитом. У вас были основания предполагать, что он не протянет долго. Вы разузнали, что наследство его должна получить племянница. Ну как, все правильно?

Каррутерс кивнул, а Уильямсон опять разразился проклятиями.

– Девушка была ближайшей родственницей, и вы знали, что дядя не оставил завещания.

– Он не умел ни читать, ни писать, – сказал Каррутерс.

– Итак, вы приехали сюда вдвоем и разыскали девушку. Вы решили, что один из вас женится на ней, а другой получит свою долю добычи. Роль мужа должен был сыграть Вудли. Почему?

– Мы разыграли это в карты еще на пароходе. Он выиграл.

– Понимаю. Вы пригласили девушку к себе в качестве гувернантки, чтобы Вудли мог ухаживать за ней. Но она быстро раскусила этого пьяного негодяя и наотрез отказалась знать его. А тут вы полюбили девушку, и уже поэтому вся затея должна была провалиться. Мысль о том, что она будет принадлежать этому негодяю, была теперь невыносима для вас.

– Невыносима, клянусь небом, невыносима!

– Между вами произошла ссора. Вудли, разъяренный покинул ваш дом и принялся осуществлять свой собственный план.

– Сдается мне, Уильямсон, что нам нечего сообщить этому джентльмену!

– Каррутерс горько рассмеялся. – Да, мы поссорились. Он ударил меня, и я упал. Теперь, во всяком случае, я с ним расквитался за это. Потом он исчез. Познакомился с этим святым отцом. Я узнал, что они поселились в том доме у дороги. Я чувствовал, они замышляют что-то недоброе, и не спускал с нее глаз. Иногда я заходил к ним, чтобы разузнать их планы. Позавчера Вудли зашел ко мне с телеграммой, извещавшей, что Ральф Смит умер. Он спросил меня, намерен ли я участвовать в сделке. Я сказал, что нет. Он тогда спросил, согласен ли я жениться на ней и отдать ему долю наследства. Я сказал, что согласен, но она этого не желает. Тогда он заявил: «Выдадим ее за тебя замуж, а через неделю или две настроение у нее переменится». Я сказал, что не хочу ничего делать силой. Он стал ругаться, как последний негодяй, хотя, впрочем, он и есть последний негодяй. Заявил, что так или иначе он своего добьется, и ушел. В эту субботу она уезжала от меня. Я достал коляску, чтобы садовник отвез ее на станцию, но все равно меня одолело беспокойство, и я поехал за ней на велосипеде. Но она уже отъехала довольно далеко, и когда я догнал коляску, было уже поздно. Я это понял, когда в коляске вместо нее увидел вас.

Холмс встал и бросил окурок в камин.

– Я оказался таким тупицей, Уотсон! – сказал он. – Вы ведь мне сказали, что велосипедист поправлял галстук, – помните, когда он шел по дорожке к дому. Одного этого было достаточно, чтобы распутать всю эту историю. Так или иначе, мы можем поздравить себя с весьма любопытным, можно сказать, единственным в своем роде делом. Я вижу, что трое полицейских идут по дорожке к дому, и я рад, что молодой конюх бодро поспевает за ними. Таким образом, весьма возможно, что ни он, ни наш весьма интересный жених не окажутся жертвами сегодняшних приключений. Я думаю, Уотсон, вы должны сейчас обратить свое профессиональное внимание на мисс Смит. Если же она оправилась, то мы с удовольствием проводим ее домой к матери. Если же она еще не совсем пришла в себя, скажите ей, что мы собираемся послать телеграмму молодому электрику в Мидленд. Это будет лучшим лекарством. Что касается вас, Каррутерс, то полагаю, вы вполне заслужили прощение за ваше прежнее участие в этом заговоре. Вот, сэр, моя карточка, и если мои показания могут помочь вам во время суда, я к вашим услугам.

Читатель, возможно, заметил, что для меня часто бывает трудно завершить должным образом мои очерки и сообщить те заключительные подробности, которые могут его интересовать, – такой напряженной и бурной была наша с Холмсом деятельность. Каждое дело являлось как бы преддверием следующего, и как только очередная пьеса кончалась, ее действующие лица выпадали из нашего поля зрения, ибо мы были слишком заняты, чтобы интересоваться их судьбой. Однако в моих черновиках есть коротенькая приписка, относящаяся к данному делу. В ней сказано, что мисс Вайолет Смит действительно унаследовала большое состояние и сейчас она замужем за Сирилом Мортоном, старшим

партнером фирмы «Мортон и Кеннеди», известных инженеров-электриков из Вестминстера. Уильямсон и Вудли предстали перед судом по обвинению в том, что насильно увезли мисс Смит и насильно произвели обряд венчания: Уильямсон был приговорен к семи годам, Вудли – к десяти. О судьбе Каррутерса в приписке ничего не сказано, но я уверен, что к его выстрелу из револьвера суд отнесся с большим снисхождением, поскольку Вудли имел репутацию опасного негодяя, и несколько месяцев заключения вполне удовлетворили правосудие.

Случай в интернате

Наша скромная сцена на Бейкер-стрит знавала много драматических эпизодов, но я не припоминаю ничего более неожиданного и ошеломляющего, чем первое появление на ней Торникрофта Хакстейбла, магистра искусств, доктора философии и т. д. и т. п. Визитная карточка, казавшаяся слишком маленькой для такого груза ученых степеней, опередила его на несколько секунд; следом за ней появился и он сам, человек рослый, солидный, величественный – олицетворение выдержки и твердости духа. И вот, не успела дверь закрыться за ним, как он оперся руками о стол, медленно осел на пол и, потеряв сознание, растянулся во весь свой могучий рост на медвежьей шкуре у нас перед камином.

Мы вскочили с мест и минуту молча, удивленно смотрели на этот внушительный обломок крушения, занесенный к нам бурей, разыгравшейся где-то далеко, в безбрежном океане жизни. Потом Холмс быстро подсунул ему подушку под голову, а я поднес к его губам рюмку коньяку. Полное бледное лицо незнакомца бороздили глубокие морщины; под опухшими глазами лежали синеватые тени; уголки приоткрытого рта были скорбно опущены; на двойном подбородке проступала щетина. Видимо, он приехал издалека, так как воротничок и рубашка у него загрязнились, нечесаные волосы прядями падали на высокий, красивый лоб. Перед нами лежал человек, которого постигла какая-то большая беда.

– – Что с ним, Уотсон? – спросил Холмс.

– Полный упадок сил… вероятно, от голода и усталости,

– ответил я, держа пальцы на его кисти, где тоненькой, еле ощутимой ниточкой пульсировала жизнь.

– Обратный проезд до Мэклтона. Это на севере Англии, – сказал Холмс, вынимая у него из кармашка для часов железнодорожный билет. – Сейчас еще нет двенадцати. Раненько же ему пришлось выехать!

Припухшие веки нашего гостя дрогнули, и его серые глаза уставились на нас бессмысленным взглядом. Минутой позже он с трудом поднялся на ноги, весь красный от стыда.

– Простите меня, мистер Холмс. Этот обморок – следствие нервного потрясения. Нет, благодарю вас… Стакан молока с сухариком – и все пройдет. Мистер Холмс, я приехал сюда с тем, чтобы увезти вас с собой. Мне казалось, что никакая телеграмма не даст вам должного представления о неотложности этого дела.

– Когда вы окончательно оправитесь…

– Я чувствую себя отлично. Просто не понимаю, что это со мной приключилось. Мистер Холмс, я прошу вас выехать в Мэклтон первым же поездом.

Холмс покачал головой:

– Мой коллега, доктор Уотсон, подтвердит вам, что мы с ним очень заняты. Мне уже выдан аванс на расследование пропажи документов Феррера, а кроме того, на днях начинается слушание дела об убийстве в Абергавенни. Выехать из Лондона меня может заставить только что-нибудь сверхважное.

– Сверхважное! – Наш гость воздел руки. – Неужели вы не слышали о похищении единственного сына герцога Холдернесса?

– Герцога Холдернесса? Бывшего министра?

– Да, да! Мы приложили все силы, чтобы это не попало в газеты, но во вчерашнем «Глобусе» уже промелькнули кое-какие слухи. Я думал, что до вас они тоже дошли.

Холмс протянул свою длинную, худую руку и снял с полки том энциклопедического справочника на букву «X».

– «Холдернесс, шестой герцог, кавалер Ордена подвязки, член Тайного совета…» и так далее, до бесконечности. «Барон Боверли, граф Карстон…» Боже мой, сколько титулов! «Председатель суда графства Хэллемшир (с 1900). Женат на Эдит, дочери сэра Чарльза, Эпплдора (1888). Единственный сын и наследник лорд Солтайр. Владелец двухсот пятидесяти тысяч акров земли. Рудники в Ланкашире и Уэлсе. Адрес: Карлтон-хаус-террас; Холдернесс-холл, Хэллемшир; замок Карлтон, Бангор, Узле. Лорд Адмиралтейства[59] (1872), министр…» Словом, известный человек, пожалуй, один из самых известных в нашей стране.

– Один из самых известных и, может быть, самых богатых. Насколько я знаю, мистер Холмс, вы далеко не ремесленник в своей области и сплошь и рядом беретесь за дело ради самого дела. Но разрешите вам сказать, что его светлость обещает вручить чек на пять тысяч фунтов тому, кто укажет местонахождение его сына, и дополнительную тысячу фунтов, если ему назовут похитителя или похитителей.

– Щедрое вознаграждение! – сказал Холмс. – Уотсон, пожалуй, мы с вами отправимся на север Англии вместе с доктором Хакстейблом. А вы, доктор, выпейте молока, а потом расскажите нам, что произошло, когда произошло, где произошло и, наконец, какое отношение имеет к этому доктор Торкикрофт Хакстейбл, директор интерната под Мэклтоном, и почему он только через три дня после происшествия – о чем сужу по вашему небритому подбородку – обращается ко мне, веря в мои скромные способности.

Наш гость выпил стакан молока и горячо, не упуская ни одной подробности, повел свой рассказ. Взгляд его сразу ожил, щеки порозовели.

– Должен вам доложить, джентльмены, что я основатель и директор школы-интерната под Мэклтоном. «Комментарии к Горацию» Хакстейбла, может быть, напомнят вам, с кем вы имеете дело. Мой интернат для мальчиков несомненно самое лучшее и самое привилегированное учебное заведение в Англии. Лорд Леверстоук, граф Блэкуотер, сэр Кэткарт Соумс – вот кто доверяет мне своих сыновей. Но вершины славы моя школа достигла три недели назад, когда лорд Холдернесс передал мне через своего секретаря, мистера Джеймса Уайлдера, что десятилетний лорд Солтайр, его единственный сын и наследник, будет учиться у меня в школе. Мог ли я думать тогда: вот прелюдия, за которой последует величайшее несчастье моей жизни!

Лорд Солтайр приехал первого мая, к началу летнего семестра. Этот очаровательный мальчик очень скоро освоился с нашими порядками. Должен заметить – и, надеюсь, никто не обвинит меня в нескромности, ибо умалчивать об этом было бы нелепо, – мальчику жилось дома не сладко. Ни для кого не секрет, что супружеская жизнь герцога оставляла желать много лучшего и по взаимному согласию супруги разъехались, причем герцогиня поселилась на юге Франции. Все это произошло совсем недавно, а сыновние чувства мальчика, как нам стало известно, были всецело на стороне матери. Он затосковал после ее отъезда из Холдернесс-холла, и тогда герцог решил определить его ко мне в интернат. Через две недели маленький лорд Солтайр совсем обжился у нас и, судя по всему, чувствовал себя прекрасно.

Последний раз его видели вечером тринадцатого мая, то есть в понедельник. Отведенная ему комната была на втором этаже, а в большой смежной спали два других мальчика. Эти мальчики ничего не видели и не слышали ночью, следовательно, лорд Солтайр вышел из своей комнаты не через дверь. Окно у него было открыто, а стену в этом месте густо увивает плющ с очень толстыми ветками… Следов на земле мы не обнаружили, но можно не сомневаться, что он вылез в окно.

Беглеца хватились во вторник, в семь часов утра. Кровать его была не застлана. Перед уходом он успел одеться в школьную форму – черную итонскую курточку и серые брюки. Ночью в комнату к нему никто не входил, а если бы оттуда доносились крики или звуки борьбы, Контер, старший из мальчиков в смежной спальне, разумеется, услышал бы шум, так как он спит чутко.

Как только исчезновение лорда Солтайра было обнаружено, я созвал весь интернат – мальчиков, учителей, слуг. И тут мы убедились, что лорд Солтайр бежал не один. Отсутствовал Хайдеггер – преподаватель немецкого языка. Комната Хайдеггера была в противоположном крыле второго этажа, но тоже выходила окнами на лужайку. Кровать и у него стояла неубранная, однако одеться как следует ему, видимо, не пришлось, потому что его рубашка и носки валялись на полу. Он вылез в окно и спустился вниз, цепляясь за ветки плюща, о чем свидетельствовали следы на земле. Его велосипеда, обычно стоявшего в небольшом сарае в конце лужайки, на месте не оказалось.

Хайдеггер поступил ко мне в школу два года назад с самыми лучшими рекомендациями, но человек он был молчаливый, хмурый и не пользовался особенной любовью ни среди школьников, ни среди учителей.

Сегодня у нас четверг, и со вторника мы не узнали ничего нового о беглеце. Разумеется, первое, что я сделал, – я снесся с Холдернесс-холлом. Поместье герцога находится всего в нескольких милях от школы, и у нас была надежда, что, затосковав по дому, лорд Солтайр вернулся к отцу, но там его не оказалось. Герцог страшно взволнован, а что касается меня, так вы сами могли убедиться, до чего доводят человека тревога и чувство ответственности за своего питомца. Мистер Холмс, умоляю вас, не щадите своих сил! Это дело заслуживает того, чтобы вы отдались ему всецело.

Шерлок Холмс внимательно выслушал рассказ злополучного директора. Нахмуренные брови, глубокая складка между ними свидетельствовали о том, что он не нуждается в уговорах и положит все силы на расследование дела, которое, помимо своей серьезности, будило в нем его всегдашнюю любовь к задачам необычным и запутанным.

Он вынул из кармана блокнот и записал в нем что-то себе для памяти.

– Вы совершили большую ошибку, что не обратились ко мне сразу, – строго проговорил мой друг. – Это сильно осложнит расследование. Я, например, уверен, что и лужайка и плющ на стене могли бы о многом порассказать опытному глазу.

– Я тут ни при чем, мистер Холмс. Его светлость всеми силами старался избежать огласки. Он опасался, как бы его семейные неурядицы не стали предметом сплетен. Это ему всегда претило.

– А местные власти занимались расследованием бегства лорда Солтайра?

– Да, сэр, но – увы! – это ни к чему не привело. Сначала мы как будто напали на след беглецов – нам сообщили, что с нашей станции утренним поездом выехал какой-то молодой человек и с ним мальчик. Но вчера вечером их задержали в Ливерпуле, и ошибка сразу выяснилась. Вот тогда-то я уж совсем отчаялся и после бессонной ночи с первым же поездом выехал к вам.

– Как только полиция направилась по ложному следу, расследование дела на месте, вероятно, велось уже не так ретиво?

– Его попросту прекратили.

– Значит, три дня прошли впустую. Это возмутительно!

– Да, каюсь. Вы правы.

– А ведь загадку можно было распутать. Я с удовольствием возьмусь за это дело. Скажите, вам удалось установить какую-нибудь связь между исчезнувшим мальчиком и учителем немецкого языка?

– Никакой связи между ними не было.

– Учитель преподавал у него в классе?

– Нет, и, насколько мне известно, он даже ни разу с ним не говорил.

– Странно, очень странно! Велосипед у мальчика был?

– Нет.

– А другие велосипеды все на месте?

– На месте.

– Вы в этом уверены?

– Совершенно уверен.

– Надеюсь, вы не думаете, что немец уехал глухой ночью на велосипеде, с мальчиком на руках?

– Разумеется, нет.

– Тогда как вы все это объясняете?

– Может быть, они взяли велосипед для отвода глаз, припрятали его где-нибудь, а сами пошли пешком.

– Может быть. Но, согласитесь сами, это странный способ отвести глаза. Ведь в сарае стояли и другие велосипеды?

– Да.

– Не лучше ли ему было спрятать два велосипеда, если он хотел навести вас на мысль, что они уехали, а не ушли пешком?

– Да, вы правы.

– То-то и оно. Нет, эта теория никуда не годится. Но сама по себе пропажа велосипеда может послужить отправной точкой для дальнейшего расследования. В конце концов, это не такая вещь, которую легко спрятать или уничтожить. Еще один вопрос: кто-нибудь навещал мальчика накануне его бегства?

– Нет.

– Может быть, на его имя были письма?

– Да, одно письмо было.

– От кого?

– От его отца.

– Вы вскрываете почту своих учеников?

– Нет.

– Почему же вы думаете, что письмо пришло от его отца?

– Конверт был с гербом, и адрес написан угловатым почерком герцога. Кроме того, герцог сам вспомнил, что писал сыну.

– Когда мальчик получал письма до этого?

– Последние дни на его имя ничего не было.

– А из Франции ему писали?

– Ни разу.

– Вы, разумеется, понимаете, к чему я клоню. Либо лорда Солтайра увели силой, либо он убежал по собственной воле. Последняя гипотеза подсказывает, что мальчик не мог бы отважиться на такой поступок без воздействия извне. Если к нему никто не приходил, следовательно, воздействие оказывалось при помощи писем. Вот почему мне важно знать, кто были его корреспонденты.

– Вряд ли я могу тут чем-нибудь помочь вам. Насколько известно, ему писал только отец.

– И отцовское письмо пришло в день побега. Какие отношения были между отцом и сыном: хорошие, дружеские?

– Его светлость никого не удостаивает своей дружбы – он поглощен важными государственными делами. Вряд ли ему доступны обычные человеческие чувства. Но по-своему он относился к сыну неплохо.

– Однако сердцем мальчик был всецело на стороне матери?

– Да.

– Он сам так говорил?

– Нет.

– Кто же? Герцог?

– Ну, что вы! Конечно, нет!

– Тогда откуда вам это известно?

– Мне приходилось раз-другой беседовать с секретарем его светлости, мистером Джеймсом Уайлдером. Он и осведомил меня по секрету о настроениях лорда Солтайра.

– Понятно. Кстати, последнее письмо герцога нашли в комнате мальчика уже после побега?

– Нет, он взял его с собой… Мистер Холмс, а не пора ли нам на вокзал?

– Сейчас я велю вызвать кэб. Через четверть часа мы будем к вашим услугам. Если вы собираетесь телеграфировать домой, мистер Хакстейбл, пусть там у вас думают, что расследование все еще ведется в Ливерпуле. Ведь, кажется, туда занесло вашу свору гончих? А я тем временем спокойно, без помех, поработаю у самых дверей вашей школы, и, может быть, чутье не подведет двух таких старых ищеек, как ваш покорный слуга и Уотсон, и мы ухитримся кое-что разнюхать на месте.

Вечером на нас пахнуло бодрящим холодным воздухом графства Дерби, где находилась знаменитая школа доктора Хакстейбла. Когда мы подъехали к ней, было уже темно. На столе в передней лежала визитная карточка. Лакей шепнул что-то директору, и тот, взволнованный, повернулся к нам.

– Герцог здесь, – сказал он. – Герцог и мистер Уайлдер ждут меня в кабинете. Пойдемте, джентльмены, я представлю вас.

Я, конечно, знал по фотографиям этого известнейшего государственного деятеля, но он оказался совсем не таким, как на портретах. На ковре у камина перед нами стоял изысканно одетый, величественной осанки человек с худым, узким лицом и как-то нелепо торчащим длинным крючковатым носом. Он был бледен, как смерть, и эту бледность особенно подчеркивала его длинная ярко-рыжая борода, сквозь которую на белом жилете поблескивала золотая цепочка от часов. Бывший министр смотрел на нас ледяным взглядом. Рядом с ним стоял совсем еще молодой человек небольшого роста с подвижным, нервным лицом и умными голубыми глазами – как я догадался, его личный секретарь Уайлдер. Разговор начал он, и начал сразу, весьма решительным и даже едким тоном:

– Доктор Хакстейбл, я был у вас сегодня утром, но, к сожалению, опоздал и не мог воспрепятствовать вашей поездке в Лондон. Как мне сказали, вы отправились туда за мистером Шерлоком Холмсом с тем, чтобы поручить ему расследование этого дела. Его светлость удивлен, доктор Хакстейбл, что вы решились на такой шаг, не посоветовавшись предварительно с ним.

– Когда я узнал, что полицейские розыски ни к чему не привели…

– Его светлость далеко не убежден в этом.

– Но, мистер Уайлдер!..

– Как вам известно, доктор Хакстейбл, его светлость не хочет, чтобы это дело получило огласку. Он предпочел бы не посвящать в него лишних людей.

– Это легко исправить, – пробормотал перепуганный доктор. – Мистер Шерлок Холмс может выехать в Лондон утренним поездом.

– Не собираюсь, доктор, не собираюсь! – с вежливой улыбкой сказал Холмс. – Северный воздух так приятен и так благотворен для здоровья, что я решил провести несколько дней здесь, на равнинах, а уж развлекаться буду как могу. Найду ли я пристанище под вашим кровом или в деревенской гостинице, это, разумеется, зависит только от вас.

Несчастный доктор был в полной растерянности, но тут ему на выручку поспешил звучный бас рыжебородого герцога, прозвучавший точно гонг, которым сзывают к обеду.

– Мистер Уайлдер прав, доктор Хакстейбл, вам следовало бы посоветоваться со мной. Но поскольку вы посвятили мистера Холмса во все это дело, с нашей стороны было бы неразумно отказываться от его помощи. Вам незачем идти в деревенскую гостиницу, мистер Холмс, я буду рад принять вас у себя в Холдернесс-холле:

– Премного благодарен, ваша светлость. Однако в интересах нашего дела, пожалуй, мне следует остаться здесь, на месте происшествия.

– Не хочу вас неволить, мистер Холмс. Но если вам понадобятся какие-нибудь сведения от меня или мистера Уайлдера, мы к вашим услугам.

– Мне, вероятно, придется побывать в Холдернесс-холле, – сказал Холмс. – А сейчас, сэр, я только хотел бы знать, как вы объясняете таинственное исчезновение вашего сына.

– Затрудняюсь вам ответить, сэр.

– Простите, если я коснусь неприятной для вас темы, но без этого нельзя. Не думаете ли вы, что тут замешана герцогиня?

Министр медлил с ответом.

– Нет, не думаю, – сказал он наконец.

– Тогда само собой напрашивается другое объяснение: может быть, мальчика похитили с тем, чтобы получить за него выкуп? Таких требований не было?

– Нет, сэр.

– Еще один вопрос, ваша светлость. Мне известно, что вы писали сыну в день его исчезновения.

– Нет, это было накануне.

– Совершенно верно. Но он получил ваше письмо именно в тот день?

– Да.

– Не было ли в этом письме чего-нибудь такого, что могло взволновать его или подать ему мысль о бегстве?

– Разумеется, нет, сэр!

– Письмо вы отправили сами?

За герцога раздраженно ответил секретарь:

– Его светлость не имеет обыкновения лично отправлять свою корреспонденцию. Это письмо было оставлено вместе с другими на столе в кабинете, и я все их положил в сумку для почты.

– Вы уверены, что среди других писем было и это?

– Да, я его видел.

– Сколько писем вы написали в тот день, ваша светлость?

– Не то двадцать, не то тридцать. У меня обширная переписка. Но, по-моему, мы несколько отклонились от существа дела.

– Нет, почему же! – сказал Холмс.

– Я сам посоветовал полиции направить поиски на юг Франции, – продолжал герцог. – Повторяю: я не думаю, чтобы герцогиня была способна толкнуть сына на такой чудовищный поступок, но он, при его упорстве, мог убежать к матери, тем более, если тут не обошлось без подстрекательства и содействия этого немца. А теперь, доктор Хакстейбл, разрешите откланяться.

Я чувствовал, сколько еще вопросов есть у Холмса, но герцог сразу положил конец разговору. Утонченный аристократизм этого вельможи не позволял ему входить в обсуждение семейных дел с посторонним человеком, и он, видимо, боялся, что каждый новый вопрос бросит безжалостный свет на старательно затемненные уголки его жизни.

Сразу после ухода герцога и мистера Уайлдера мой друг с обычным для него рвением принялся за работу.

Тщательный осмотр комнаты мальчика ничего не дал, кроме окончательной уверенности в том, что он мог убежать только через окно. В комнате учителя-немца среди его вещей тоже не нашлось новых улик. Плющ под окном не выдержал его тяжести, и, посветив фонариком на лужайку, мы увидели там глубокие отпечатки каблуков. Примятая трава – вот единственное, что свидетельствовало об этом необъяснимом ночном побеге.

Шерлок Холмс ушел, оставив меня одного, и вернулся только в двенадцатом часу ночи. Он достал где-то большую карту здешних мест, разложил ее у меня в комнате на кровати и поставил посередине лампу. Потом закурил и стал сосредоточенно разглядывать свое приобретение, время от времени показывая мне интересующие его пункты дымящимся янтарным мундштуком трубки.

– Это дело захватывает меня все больше и больше, Уотсон,

– говорил мой друг. – Интересное дело, очень интересное… Но сейчас, когда я только приступаю к нему, мне хотелось бы обратить ваше внимание на некоторые географические детали, которые могут оказаться немаловажными в ходе расследования. Взгляните на эту карту.

Вот этот заштрихованный квадрат – школа. Воткнем сюда булавку. Вот шоссе. Оно проходит мимо школы с востока на запад, и ответвлений от него нет на протяжении мили в ту и другую сторону. Если наши беглецы шли дорогой, другого пути для них быть не могло.

– Правильно.

– По счастливому стечению обстоятельств, мы можем проверить, что делалось на шоссе той ночью. Вот здесь, где сейчас моя трубка, с двенадцати до шести утра дежурил полисмен. Как видите, это первый перекресток в восточной части шоссе. Полисмен ни на минуту не отлучался со своего поста, и он утверждает, что непременно заметил бы взрослого мужчину с мальчиком, если бы они там прошли. Я говорил с ним сегодня вечером, и, по-моему, на его слова можно положиться. Значит, эта часть шоссе исключается. Теперь посмотрим, как обстоит дело в западной его части. Там есть гостиница «Рыжий бык», хозяйка которой лежит больная. Она посылала за врачом в Мэклтон, но тот был у другого больного и приехал к ней только рано утром. В ожидании его в гостинице не спали всю ночь и то и дело поглядывали на шоссе, не едет ли он. По словам этих людей, мимо гостиницы никто не проходил. Если поверить им, выходит, что и западная часть шоссе не оставляет у нас никаких сомнений. Следовательно, беглецы избрали какой-то другой путь.

– А велосипед? – сказал я.

– Да, велосипед. Сейчас мы им займемся. Итак, продолжаем наши рассуждения. Если беглецы не вышли на шоссе, следовательно, они отправились или к северу, или к югу от школы, это бесспорно. Давайте взвесим оба эти предположения. К югу от школы лежит обширное поле, разбитое на мелкие участки; каждый отделен от другого оградой из камня.

Проехать тут на велосипеде невозможно. Следовательно, и это предположение надо отставить. Теперь обратим наши взоры к северу. Там мы видим рощу, называющуюся «Косой клин», а за ней, на десять миль вглубь, простирается болотистая равнина, все более холмистая к северу. Левее нее стоит Холдернесс-холл, до которого по шоссе десять миль, а напрямик всего шесть. Равнина эта унылая, безлюдная. По ней разбросано несколько маленьких скотоводческих ферм. Овцы, коровы да болотная птица – вот единственные обитатели этих мест. Дальше, как вы сами видите, проходит честерфилдское шоссе. Вдоль него стоят два-три коттеджа, церковь и гостиница. Позади – холмы, высокие, обрывистые. Я уверен, что наши поиски надо направить сюда, к северу.

– Но велосипед! – повторил я.

– При чем тут велосипед! – нетерпеливо сказал Холмс. – Хорошие велосипедисты ездят не только по шоссейным дорогам. Равнина испещрена тропинками, кроме того, в ту ночь ярко светила луна… Стойте! Что это?

Тревожный стук в дверь – и сейчас же следом за ним в комнату к нам вошел доктор Хакстейбл. Он держал в руках голубое кепи с белой нашивкой на козырьке.

– Находка! – воскликнул он. – Слава богу! Наконец-то мы напали на след нашего мальчика! Это его кепи!

– Где его нашли?

– В фургоне у цыган, которые стояли табором на равнине. Они снялись с места во вторник. Сегодня полиция нагрянула к ним и произвела обыск в фургоне. Вот что было найдено.

– Как это к ним попало? Что они говорят?

– Изворачиваются, лгут. Клянутся, будто нашли кепи на равнине, во вторник утром. Нет, эти негодяи знают, где мальчик! К счастью, их всех посадили под замок. Страх перед законом развяжет им языки. А может быть, не только страх, но и кошелек герцога.

– Ну что ж, хорошо, – сказал Холмс, когда доктор вышел из комнаты. – Во всяком случае, это подтверждает мою теорию, что только поиски на равнине и дадут какие-нибудь результаты. Полиция здесь ничего не сделала, если не считать ареста цыган. Посмотрите на карту, Уотсон. По равнине пробегает ручей. Между школой и Холдернесс-холлом он кое-где заболочен. Погода сейчас такая засушливая, что искать следы в других местах бесполезно, а среди болот, может быть, кое-что и осталось. Завтра я зайду за вами пораньше, и мы попытаемся пролить свет на эту таинственную историю.

На другой день, проснувшись в предрассветных сумерках, я увидел у своей кровати высокую, худую фигуру Холмса. Он был одет и, судя по всему, уже успел совершить прогулку.

– Я обследовал лужайку и сарай с велосипедами, – сказал мой друг, – потом погулял в Косом клине. Вставайте, Уотсон, в соседней комнате подано какао. И я попрошу вас поторопиться, потому что нам надо много сделать за сегодняшний день.

Лицо у моего друга раскраснелось, глаза блестели, как у человека, которому не терпится приняться за свою любимую работу. Это был другой Холмс – оживленный, энергичный, совсем не похожий на погруженного в себя бледного мечтателя с Бейкер-стрит. И, глядя на его подтянутую, брызжащую силой фигуру, я понял, что день нам предстоит хлопотливый.

Но начался он с самого горького разочарования. Полные надежд, мы отправились в путь по бурой торфяной равнине, которую пересекало множество тропинок, протоптанных овцами, и вскоре вышли к светло-зеленой заболоченной луговине, лежащей между нами и Холдернесс-холлом. Если мальчик бежал домой, он не мог миновать ее, и тут должны были остаться его следы или следы учителя-немца. Но ничего такого мы не нашли. Мой друг шел вдоль кромки этой зеленой луговины и, нахмурив брови, внимательно приглядывался к каждому темному пятну на ее мшистой поверхности. Овечьих следов здесь было множество, а пройдя дальше еще несколько миль, мы увидели отпечатки коровьих копыт. И это было все.

– Осечка, – сказал Холмс, обводя сумрачным взглядом расстилавшуюся перед ним равнину. – Вон там еще болота, и между ними есть узкий проход. Смотрите! Смотрите! Что это?

Мы ступили на вьющуюся черной лентой тропинку. По самой ее середине, на сырой земле, четко виднелись отпечатки велосипедных колес.

– Ура! – крикнул я. – Вот и велосипед!

Но Холмс покачал головой, и выражение лица у него было не столько радостное, сколько удивленное и настороженное.

– Велосипед-то велосипед, да не тот, – сказал он. – Мне известны сорок два различных отпечатка велосипедных шин. Эти, как видите, фирмы «Данлоп», да еще с заплатой. У Хайдеггера были палмеровские, с продольными полосками. Это мне сказал учитель математики Эвелинг. Следовательно, проезжал тут не Хайдеггер, а кто-то другой.

– Значит, мальчик?

– Ах, если бы мы могли доказать, что у него был велосипед! Но нас уверяют, что велосипеда у него не было. Эти следы, как вы сами можете убедиться, ведут от школы.

– Или по направлению к школе.

– Нет, мой дорогой, Уотсон. Отпечаток заднего колеса всегда глубже, потому что на него приходится большая тяжесть. Вот видите? В нескольких местах он совпал с менее ясным отпечатком переднего и уничтожил его. Нет, велосипедист несомненно ехал от школы. Может быть, он не имеет никакого отношения к нашим розыскам, но все же прежде, чем продолжать их, давайте пойдем обратно по этому следу.

Так мы и сделали, и через двести-триста ярдов там, где тропинка свернула с заболоченного участка, отпечаток велосипедных колес исчез. Но дальше тропинку пересекал ручеек, и за ним следы снова появились, хотя их успели затоптать коровы. Потом тропинка углубилась в Косой клин – рощу, которая примыкала почти к самому зданию школы. Велосипедист, очевидно, выехал из этой рощи. Холмс сел на валун и подпер подбородок руками. Пока он сидел так, в полной неподвижности, я успел выкурить две сигареты.

– Ну что ж, – сказал наконец мой друг, – предусмотрительный человек, разумеется, может сменить шины у своего велосипеда, чтобы запутать следы. Но иметь дело с преступником, обладающим таким даром предвидения, было бы для меня большой честью. Оставим этот вопрос неразрешенным и вернемся к болоту, потому что там еще не все обследовано.

Мы продолжили свой тщательный осмотр заболоченного участка равнины и вскоре были вознаграждены по заслугам. Холмс увидел еще одну грязную тропинку и, подойдя к ней, радостно вскрикнул. По самой ее середине тянулись тонкие, как телеграфные провода, полоски. Это были отпечатки палмеровских велосипедных шин.

– Вот где проезжал герр[60] Хайдеггер! – взволнованно проговорил Холмс. – Мои умозаключения были не так уж плохи, Уотсон!

– С чем вас и поздравляю.

– Но до конца еще далеко. Прошу вас, не ступайте на тропинку. Пойдемте по этому следу. Он верно, скоро оборвется.

Однако в этой части равнины то и дело попадались топкие места, и хотя велосипедный след часто терялся, мы каждый раз находили его.

– Вы замечаете, – сказал Холмс, – что здесь велосипедист нажал на педали? Это совершенно очевидно. Взгляните вот сюда, где сохранились следы и переднего и заднего колеса. Они одинаково четкие. А это можно объяснить только тем, что велосипедист перенес центр тяжести на руль, как делают гонщики. Боже мой, он упал!

На грязной тропинке был широкий длинный мазок. Дальше виднелись отпечатки башмаков, а потом снова появился велосипедный след.

– Колеса скользнули? – спросил я.

Холмс поднял с земли сломанный кустик дрока. К моему ужасу, желтые цветы были забрызганы красным. На тропинке и в зарослях дрока темнели бурые пятна запекшейся крови.

– Плохо дело! – сказал Холмс. – Совсем плохо! Не ступите сюда, Уотсон, отойдите подальше. Итак, что можно прочесть здесь? Он упал раненный… поднялся… снова сел на велосипед… двинулся дальше. По тропинке прошло стадо. Не бык же его забодал! Но других следов здесь нет. Вперед, вперед, Уотсон! Пятна крови, отпечатки велосипедных колес – уж по этим следам мы его наверняка разыщем!

Наши поиски не затянулись. Велосипедный след начал судорожно петлять по влажно лоснящейся тропинке. Я посмотрел вперед, и вдруг перед глазами у меня что-то блеснуло металлическим блеском. Мы вытащили из зарослей дрока велосипед с палмеровскими шинами. Одна педаль у него была погнута, руль и переднее колесо сплошь залиты кровью. Чуть подальше из травы торчал башмак. Мы кинулись туда и увидели злосчастного велосипедиста – высокого бородатого человека в очках с разбитым правым стеклом. Причиной его смерти был сокрушительный удар, раскроивший ему череп. То, что он еще мог проехать несколько метров после такого ранения, говорило о его поразительной живучести и силе духа. Башмаки у него были надеты на босу ногу, а под пиджаком виднелась ночная сорочка. Сомневаться не приходилось – перед нами лежал учитель-немец.

Холмс бережно перевернул тело и осмотрел его, потом сел и задумался. И, глядя на встревоженное лицо моего друга, я понял, что эта страшная находка не очень-то продвинула вперед наше расследование.

– Просто не знаю, как нам быть, Уотсон, – сказал наконец Холмс. – Я склонен идти дальше. Наши поиски так затянулись, что нам и часу нельзя терять. С другой стороны, надо сообщить в полицию. Разве можно оставлять здесь тело этого бедняги!

– Пошлите со мной записку.

– Но я не могу обойтись без вас и без вашей помощи! Стойте, вон там кто-то режет торф. Позовите этого человека, пусть приведет сюда полицию.

Я исполнил просьбу Холмса, и он отправил насмерть перепуганного фермера с запиской к доктору Хакстейблу.

– Итак, Уотсон, – снова заговорил мой друг, – сегодня утром мы с вами напали на два следа. Первый оставлен велосипедом с палмеровскими шинами, и вы видите, куда он нас привел. Вторая наша находка – след от заплатанной данлопской шины. До того как отправиться по этому второму следу, давайте уясним себе, что нам известно, и отделим существенное от несущественного… Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что мальчик бежал по собственной воле. Он вылез в окно и скрылся один или с сообщником. Это несомненно.

Я утвердительно наклонил голову.

– Так. Теперь займемся несчастным немцем. Мальчик успел одеться – следовательно, он готовился к побегу. Но немец, видимо, одевался второпях и потому убежал без носков.

– Несомненно.

– Что его заставило выскочить в окно? То, что он увидел убегавшего мальчика. Он хотел догнать и вернуть его. Он хватает свой велосипед, пускается в погоню за беглецом и погибает на болотах.

– Да, как будто так.

– Теперь я подхожу к наиболее спорной части моих рассуждений. Преследуя маленького мальчика, взрослый мужчина должен был бы просто побежать за ним. Ведь догнать его ничего не стоило бы. Но немец, который, по словам доктора Хакстейбла, был прекрасным велосипедистом, поступает по-другому – то есть спешит в сарай за своим велосипедом. Отсюда

вывод: он увидел, что мальчик воспользовался более совершенным способом передвижения, чем собственные ноги.

– Другими словами, взял чей-то велосипед?

– Восстановим картину побега до конца. Немец погибает в пяти милях от школы – и погибает, заметьте, не от пули, которую мог бы пустить в него и ребенок, а от безжалостного удара по голове, нанесенного рукой сильного человека. Значит, у мальчика был спутник, и удалялись они так быстро, что хороший велосипедист настиг их лишь на пятой миле. При осмотре места, где разыгралась трагедия, мы обнаружили отпечатки коровьих копыт – и только. Я сделал более широкий круг, шагов на пятьдесят, и не увидел ни одной тропинки. Второй велосипедист не имел никакого отношения к убийству, а человеческих следов там не было.

– Холмс! – воскликнул я. – Это неправдоподобно!

– Браво! – сказал он. – Вывод исчерпывающий. В моем изложении событий есть что-то неправдоподобное – следовательно, я допустил ошибку. Но вы все время были со мной и все видели сами. Где же я ошибаюсь?

– Может быть, он расшиб голову во время падения?

– Среди болот, Уотсон?

– Я теряюсь. Холмс.

– Полно, полно, мы разгадывали и более трудные загадки. Материала для размышлений у нас достаточно, надо только с умом использовать его… Итак, пойдемте дальше, Уотсон. Палмеровские шины сказали нам все что могли. Теперь посмотрим, куда нас приведет заплатанная данлопская.

Мы отправились по этому следу, но вскоре перед нами потянулись пологие, заросшие вереском холмы; ручей остался позади. Идти дальше не имело смысла, так как отпечатки данлопских шин могли вести или к Холдернесс-холлу, вздымавшему слева свои величавые башни, или к приземистым серым домишкам, за которыми, судя по карте, проходило честерфилдское шоссе.

Когда мы были всего в нескольких шагах от ветхой в весьма неказистой на вид гостиницы с петухом на вывеске, Холмс вдруг охнул и схватил меня за плечо, чтобы не упасть. У него подвернулась нога, а, как известно, в таких случаях человек становится совершенно беспомощным. Он кое-как доковылял до двери гостиницы, где с трубкой в зубах сидел коренастый, смуглый человек средних лет.

– Здравствуйте, мистер Рюбен Хейз, – сказал Холмс.

– А кто вы такой и откуда вам известно, как меня зовут?

– спросил этот человек, смерив Холмса подозрительным и недобрым взглядом.

– Ваше имя написано на вывеске у вас над головой. А хозяина всегда узнаешь. Скажите, нет ли у вас какой-нибудь таратайки в каретнике?

– Нет.

– Я на правую ногу ступить не могу.

– Не ступайте, коли не можете.

– А как же мне идти?

– Как-нибудь на одной ножке допрыгаете.

Ответы мистера Рюбена Хейза не отличались чрезмерной любезностью, но Холмс сносил его грубость с удивительным добродушием.

– Слушайте, любезнейший, – сказал он, – вы же видите, какая со мной стряслась беда. Нам лишь бы до места добраться, а как и на чем, мне все равно.

– А мне и подавно все равно, – ответил этот угрюмый субъект.

– Я здесь по важному делу. Дайте мне свой велосипед и получите соверен за услугу.

Хозяин навострил уши:

– Куда вам ехать?

– В Холдернесс-холл.

– Уж не к самому ли герцогу в гости? – сказал хозяин гостиницы, насмешливо глядя на нашу забрызганную грязью одежду.

Холмс добродушно рассмеялся:

– Герцог примет нас с распростертыми объятиями.

– Это почему же?

– Потому что мы к нему с хорошими вестями о его пропавшем сыне.

Мистер Хейз вздрогнул:

– Неужто выследили?

– Из Ливерпуля дали знать, что он там. Его вот-вот найдут.

Что-то тенью скользнуло по этой грубой, заросшей щетиной физиономии. Мистер Хейз вдруг подобрел.

– У меня на герцога зуб, – сказал он, – потому что я служил у него в кучерах и он очень круто со мной обошелся. Поставщик сена наврал ему на меня с три короба, и вышел мне расчет, и даже рекомендации не дали. Но все равно я рад, что молодой лорд отыскался в Ливерпуле. Так и быть, помогу вам доставить эту добрую весть в Холдернесс-холл.

– Благодарствуйте, – сказал Холмс. – Но мы сначала поужинаем, а потом вы дадите мне свой велосипед.

– У меня нет велосипеда.

Холмс показал ему соверен.

– Говорю вам, нет у меня велосипеда! На лошадях доедете.

– Хорошо, – сказал Холмс. – Накормите нас, а потом мы об этом поговорим.

Когда мы остались одни в кухне, мощенной плитняком, нога у Холмса вдруг, ни с того ни с сего, перестала болеть. День близился к вечеру. Мы проголодались и не спешили вставать из-за стола. Погруженный в свои мысли, Холмс несколько раз, не прерывая молчания, подходил к окну. Оно смотрело во двор, заваленный мусором. В одном его углу стояла кузница, где работал грязный, чумазый подросток, в другом – конюшня. После одной из таких экскурсий Холмс снова сел за стол и вдруг вскочил, громко вскрикнув.

– Есть, Уотсон! Нашел! – заговорил он. – Теперь все ясно. Уотсон, вы видели отпечатки коровьих копыт сегодня утром?

– Видел.

– Где?

– Да повсюду. И на болотах, и около того места, где бедняга Хайдеггер покончил счеты с жизнью.

– Правильно. А теперь, Уотсон, скажите, много ли коров попалось вам на глаза?

– Коров я не видел.

– Странно, Уотсон! Повсюду отпечатки коровьих копыт, а самих коров нигде не видно. Правда странно?

– Да, действительно.

– Теперь, Уотсон, напрягите память и постарайтесь представить, как выглядели эти следы на тропинке.

– Ну, представляю.

– Помните? Иногда они были такие… – он стал раскладывать на столе хлебные крошки: – : : : : – А иногда такие: – : . : . : . : . – А кое-где вот такие: – . : . : . : – Помните?

– Нет.

– А я помню и готов подтвердить это под присягой. Впрочем, мы еще вернемся туда и проверим все на месте. Затмение, что ли, на меня нашло, что я не сделал из этого соответствующих выводов!

– Каких выводов?

– А вот каких: удивительные это коровы, которых можно пустить любым аллюром – и рысью, и в галоп, и шагом! Помяните мое слово, Уотсон, такая хитрая уловка не по уму хозяину деревенской харчевни! На дворе никого нет, кроме этого малого в кузнице. Сделаем вылазку и посмотрим, как там обстоят дела.

В полуразвалившейся конюшне стояли две лохматые, нечищенные лошади. Холмс поднял у одной из них заднюю ногу и громко рассмеялся:

– Подковы старые, а подковали совсем недавно. Подковы старые, а гвозди новенькие. Это дело станет наряду с классическими – оно вполне того заслуживает. Теперь заглянем в кузницу.

Подросток, занятый своим делом, не обратил на нас ни малейшего внимания. Я увидел, как Холмс быстро оглядел всю кузницу, наваленную железным ломом и щепками. Вдруг сзади послышались шаги, и мы увидели хозяина. Густые брови пошлись у него в одну линию над злобно сверкающими глазами, смуглое лицо подергивалось судорогой. Он держал в руке короткую, окованную железом дубинку и Надвигался на нас с таким угрожающим видом, что я обрадовался, нащупав револьвер у себя в кармане.

– Полицейские ищейки! – крикнул он. – Что вам здесь нужно?

– Мистер Рюбен Хейз, помилуйте! – преспокойно сказал Холмс. – Можно подумать, что вы боитесь, как бы мы и на самом деле чего-нибудь здесь не нашли.

Огромным усилием воли Хейз овладел собой и скривил губы в фальшивой улыбке, которая показалась мне еще страшнее, чем его грозный вид.

– Пожалуйста, ищите. Что найдете – все ваше, – сказал он. – Но я не люблю, когда посторонние люди без спросу шныряют у меня по двору. Поэтому, мистер, чем скорее вы уплатите по счету и уберетесь отсюда, тем будет лучше.

– Не сердитесь на нас, мистер Хейз, – сказал Холмс. – Мы просто хотели взглянуть на ваших лошадей, но я, кажется, и пешком дойду. Ведь до Холдернесс-холла недалеко?

– Отсюда до самых ворот мили две, не больше. Вон по той дороге, налево.

Он проводил нас со двора мрачным взглядом.

Мы недалеко ушли по дороге, так как Холмс остановился у первого ее поворота, зная, что теперь нас никто не увидит.

– Было «горячо», как говорится в детской игре, – сказал он. – И чем больше я удаляюсь от гостиницы, становится все холоднее и холоднее. Нет, уходить отсюда еще рано!

– Я убежден, что этот Рюбен Хейз все знает. Более злодейской физиономии мне в жизни не приходилось видеть!

– Не правда ли? Настоящий злодей! А лошади, а кузница? Н-да, любопытное местечко этот «Боевой петух»! Давайте-ка понаблюдаем, что там делается, только осторожно, исподтишка.

Позади нас поднимался отлогий холм, усеянный серыми валунами. Когда мы стали взбираться вверх по его склону, я посмотрел в сторону Холдернесс-холла и вдруг увидел быстро мчавшегося по дороге велосипедиста.

– Пригнитесь, Уотсон! – крикнул Холмс, опустив мне на плечо свою тяжелую руку.

Только мы успели спрятаться за валун, как этот человек пронесся мимо. В облаке пыли, поднятой велосипедом, передо мной мелькнуло бледное, взволнованное лицо – лицо, в каждой черточке которого сквозил ужас: открытый рот, остановившийся взгляд дико вытаращенных глаз. Это была какая-то нелепая карикатура на щеголеватого, подтянутого Джеймса Уайлдера – нашего вчерашнего знакомца.

– Секретарь герцога! – воскликнул Холмс. – Скорее, Уотсон! Посмотрим, что ему там понадобилось.

Прыгая по камням, мы поднялись вверх по откосу и увидели оттуда дверь гостиницы. Велосипед Уайлдера стоял у стены. В доме не было заметно никакого движения, в окна никто не выглядывал.

Солнце заходило за высокие башни Холдернесс-холла, и на равнину медленно спускались сумерки. Вскоре в сгустившейся темноте из конюшни при гостинице выкатила двуколка с зажженными по бокам фонарями, и через минуту-другую скачущая во весь опор лошадь промчала ее мимо нас по направлению к Честерфилду.

– Как это понимать, Уотсон? – прошептал Холмс.

– Похоже на бегство.

– Двуколка, и в ней всего один седок, насколько мне удалось разглядеть. Но это не мистер Джеймс Уайлдер, потому что, смотрите, вон он стоит.

Посреди ярко освещенного квадрата двери чернела фигура секретаря. Вытянув шею, он вглядывался в темноту, явно поджидая кого-то. Прошло несколько минут, и наконец на дороге послышались шаги. В свете, падавшем из дверей, мелькнула еще чья-то тень, дверь закрыли, и гостиница снова погрузилась во мрак. Потом в одном из ее верхних окон зажгли лампу.

– Странные посетители захаживают в «Боевой петух», – сказал Холмс.

– Вход в кабачок с другой стороны.

– Правильно. Эти двое, вероятно, не просто посетители, а хозяйские гости. Но что понадобилось в этом логове мистеру Джеймсу Уайлдеру, да еще в такой поздний час? И кому он назначил там встречу? Рискнем, Уотсон, посмотрим на них поближе.

Мы спустились на дорогу и крадучись подошли к дверям гостиницы. Велосипед Уайлдера по-прежнему стоял у стены. Холмс чиркнул спичкой, поднес ее к заднему велосипедному колесу, и я услышал, как он хмыкнул, когда огонек осветил заплату на данлопской шине. Окно, в котором горела лампа, было как раз над нами.

– Надо заглянуть туда одним глазком. Уотсон, если вы подставите мне спину, а сами прислонитесь к стене, я как-нибудь ухитрюсь это сделать.

Секунду спустя Холмс стал ногами мне на плечи и тут же соскочил вниз.

– Пойдемте, друг мой, – сказал он. – На сегодня хватит. Мы сделали все что могли. Не будем терять времени, ведь до школы путь не близкий.

Пока мы, оба усталые, медленно шагали по равнине, Холмс не проронил почти ни слова и, не заходя в школу, пошел на станцию отправить телеграммы. Потом я слышал, как он утешал доктора Хакстейбла, сраженного трагической смертью учителя, и уже совсем поздно ночью увидел его у себя в комнате – такого же бодрого и полного сил, как минувшим утром.

– Все идет прекрасно, друг мой, – сказал он. – Обещаю вам, что завтра к вечеру мы добьемся разгадки этой тайны.

На следующий день в одиннадцать часов утра мы с Холмсом шли по знаменитой тиссовой аллее Холдернесс-холла. Лакей встретил нас у великолепного портала[61] и провел в кабинет его светлости. Там пред нами предстал мистер Джеймс Уайлдер. Он держался скромно, учтиво, но на его подергивающемся лице, в его бегающих по сторонам глазах все еще сквозил ужас.

– Вы хотите повидать герцога? Увы! его светлость плохо себя чувствует. Он просто убит этой трагедией, о которой доктор Хакстейбл известил нас вчера телеграммой.

– Мне необходимо повидать герцога, мистер Уайлдер.

– Но он не выходит из своей комнаты.

– Тогда я пройду к нему.

– Он в постели.

– И все-таки я настаиваю на встрече.

Ледяной, не допускающий возражений тон Холмса убедил секретаря, что спорить с этим человеком бесполезно.

– Хорошо, мистер Холмс, я доложу о вас.

Прошло не меньше часа, прежде чем герцог появился в кабинете. Глаза у него запали еще больше, плечи были безвольно опущены – он словно постарел со вчерашнего дня. С изысканной вежливостью отвесив нам поклон, он сел в кресло.

– Я слушаю вас, мистер Холмс.

Но мой друг смотрел в упор на секретаря, который стоял возле своего патрона.

– Ваша светлость, присутствие мистера Уайлдера несколько связывает меня.

Секретарь побледнел и бросил злобный взгляд на Холмса.

– Если вашей светлости угодно…

– Да, да, оставьте нас… Итак, мистер Холмс, что вы имеете сказать мне?

Мой друг выждал, когда дверь за секретарем закрылась.

– Ваша светлость, – начал он, – мы с моим коллегой, доктором Уотсоном, знаем со слов доктора Хакстейбла, что вы обещали денежное вознаграждение за расследование интересующего вас дела. Мне бы хотелось услышать это из ваших собственных уст.

– Пожалуйста, мистер Холмс.

– Если мне правильно сказали, вы назначили пять тысяч фунтов тому, кто укажет вам, где находится ваш сын.

– Совершенно верно.

– И еще тысячу тому, кто назовет лицо или же лиц, которые держат его взаперти.

– Совершенно верно.

– Тут, конечно, подразумеваются не только похитители, но и те, кто замыслил похищение.

– Да, да! – нетерпеливо воскликнул герцог. – Если вы разгадаете эту тайну, мистер Шерлок Холмс, вам не придется жаловаться на мою скупость.

Мой друг жадно потер руки, что удивило меня, так как до сих пор я знал его как человека самых скромных потребностей.

– Это у вас чековая книжка на столе? – спросил он. – Попрошу вашу светлость выписать мне чек на шесть тысяч фунтов! Переводный чек в то отделение банка на Оксфорд-стрит, где у меня открыт текущий счет.

Герцог выпрямился в кресле и смерил моего друга ледяным взглядом.

– Вы шутите, мистер Холмс? Подходящая ли это тема для острот!

– Что вы, ваша светлость! Я серьезен, как никогда.

– Что же это значит?

– Это значит, что я получу вознаграждение по заслугам. Мне известно, где находится ваш сын, и я знаю людей – вернее, человека, который держит его у себя.

Рыжая борода герцога словно вспыхнула огнем на мертвенной бледности его лица.

– Где мой сын? – еле выговорил он.

– В гостинице «Боевой петух», в двух милях от ворот вашего парка. По крайней мере, там он был вчера.

Герцог откинулся на спинку кресла:

– Кого вы обвиняете?

Ответ Шерлока Холмса поразил меня. Он стремительно шагнул вперед и коснулся рукой плеча герцога:

– Я обвиняю вас. А теперь, ваша светлость, будьте добры выдать мне чек на шесть тысяч фунтов.

Мне никогда не забыть, как герцог вскочил с кресла и судорожно взмахнул руками, точно стараясь удержаться на краю пропасти. Потом, нечеловеческим усилием воли призвав на помощь свою аристократическую выдержку, он снова сел к столу и закрыл лицо руками. Прошла минута, другая…

– Что вам, собственно, известно? – спросил несчастный, не поднимая головы.

– Я видел вас вместе с ним вчера вечером.

– Кто еще знает об этом, кроме вашего друга?

– Я никому ничего не говорил.

Трясущимися пальцами герцог взял перо и открыл чековую книжку.

– Я не нарушу своего слова, мистер Холмс. Вы получите обещанный чек, хотя эти деньги пойдут в уплату за вести, которые ничего, кроме горя, мне не принесли. Но мог ли я думать, обещая вознаграждение, что события примут такой оборот! Впрочем, надеюсь, и вы, мистер Холмс, и ваш друг – люди благоразумные?

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, ваша светлость.

– Хорошо, будем говорить начистоту, мистер Холмс. Если подробности этого дела никому, кроме вас двоих, не известны, дальнейшего хода ему можно не давать. Я должен вам двенадцать тысяч фунтов, не правда ли?

Но Холмс улыбнулся и покачал головой:

– Увы, ваша светлость! Все это не так легко уладить, как может показаться с первого взгляда. Кто-то должен нести ответ за убийство учителя.

– Но Джеймс тут ни при чем! Нельзя перекладывать всю вину на него. Убийство – дело рук этого зверя, этого негодяя, услугами которого он имел несчастье воспользоваться.

– А я держусь того взгляда, ваша светлость, что когда человек стал на путь преступления, он должен нести моральную ответственность за все последствия своего поступка.

– Моральную – да. Но не заставляйте его отвечать перед лицом закона! Человека нельзя осуждать за убийство, при котором он даже не присутствовал, за убийство, которое возмутило его не меньше, чем вас. Услышав о нем, он не вынес угрызений совести и сразу во всем мне признался. Потом, не теряя ни минуты, порвал с убийцей. Мистер Холмс, спасите его, спасите! Умоляю вас, спасите его!

Куда девалась аристократическая сдержанность герцога! Этот вельможа метался по кабинету с искаженным лицом, судорожно взмахивая руками. Наконец он овладел собой, снова сел к столу и сказал:

– Я ценю, что вы пришли ко мне к первому. Давайте, по крайней мере, обсудим, какие надо принять меры, чтобы уберечь меня от позора.

– Давайте, – сказал Холмс. – Но тогда, ваша светлость, нам надо быть откровенными друг с другом до конца. Я сделаю все, что в моих силах, если буду знать точно обстоятельства этого дела. Насколько мне удалось понять, ваши слова относились к мистеру Джеймсу Уайлдеру, – следовательно, вы утверждаете, что убийца не он?

– Да, убийце удалось скрыться.

Холмс сдержанно улыбнулся:

– Ваша светлость, видимо, не осведомлены о моих скромных заслугах в этой области, иначе вы не подумали бы, что от меня так легко скрыться. Вчера, в одиннадцать часов вечера, мистер Рюбен Хейз арестован в Честерфилде по моему указанию. Начальник тамошней полиции известил меня об этом сегодня утром. Я получил его телеграмму перед тем, как уйти из школы.

Герцог откинулся на спинку кресла и в изумлении воззрился на моего друга.

– Есть ли пределы вашим возможностям, мистер Холмс? – воскликнул он. – Значит, Рюбен Хейз арестован? Что ж, этому можно только радоваться. Но не отразится ли его арест на судьбе Джеймса?

– Вашего секретаря?

– Нет, сэр, моего сына.

На сей раз удивляться пришлось Холмсу:

– Должен вам сказать, ваша светлость, что ничего подобного я не предполагал. Может быть, вы объясните все подробнее?

– Я ничего не стану скрывать. Вы правы: только полная откровенность, хоть она и мучительна для меня, может облегчить ужасное положение, в которое поставил нас обоих обезумевший от зависти Джеймс. В молодые годы, мистер Холмс, я любил так, как любят только раз в жизни. Я предложил руку любимой женщине, но она отвергла мое предложение, опасаясь, что такой брак испортит мне карьеру. Если б она была жива, я не женился бы ни на ком другом. Но она умерла, оставив мне ребенка, и я лелеял его, заботился о нем в память о ней.

Я не мог открыто признать свое отцовство, но мой сын получил самое лучшее образование и, когда вырос, всегда жил при мне. Он случайно узнал мою тайну и с тех пор старался всячески использовать свои сыновние права, держа меня в страхе перед разоблачением. Его присутствие в Холдернесс-холле до некоторой степени было причиной моего разрыва с женой. И, что самое тяжелое, – он с первого же дня возненавидел лютой ненавистью моего маленького сына, моего законного наследника.

Вы спросите, почему же я, несмотря на все это, продолжал держать Джеймса у себя в доме? Ответ мой будет таков: потому что я видел в нем его мать и терпел ради нее. Не только чертами лица, но и движениями, манерами он ежеминутно вызывал у меня в памяти ее милый облик. Расстаться с ним мне было не под силу. Но под конец я стал бояться, как бы он не сделал чего-нибудь с Артуром – лордом Солтайром, и отослал мальчика в интернат, к доктору Хакстейблу.

Джеймс управлял у меня делами по имению и таким образом узнал Хейза, который был одним из моих арендаторов. Что у него могло быть общего с этим заведомым негодяем, не знаю, но они подружились. Впрочем, я всегда замечал за Джеймсом тяготение к дурному обществу. Решив похитить лорда Солтайра, он сделал этого человека своим сообщником.

Вы помните, я написал Артуру письмо накануне его бегства? Так вот, Джеймс вскрыл конверт и вложил туда запуску, в которой просил Артура встретиться с ним в роще Косой клин, что недалеко от школы. Мальчик пришел на свидание, потому что записка была послана якобы по просьбе герцогини. Джеймс приехал в рощу на велосипеде – в чем потом сам признался мне – и уверил Артура, что мать тоскует по нему, что она здесь неподалеку и что если он придет в рощу в полночь, там его будет ждать провожатый с лошадью. Несчастный мальчик попался в эту ловушку. Он пришел в рощу к назначенному часу и увидел там Хейза, который сам был верхом и держал в поводу пони. Артур сел в седло, и они тронулись в путь. Как выяснилось впоследствии – Джеймс узнал об этом только вчера, – за ними была погоня. Хейз ударил преследователя несколько раз дубинкой по голове, и тот умер от полученных ран. Хейз

привез Артура к себе в гостиницу и запер его наверху, заставив присматривать за ним миссис Хейз, женщину добрую, но всецело подчиняющуюся своему свирепому супругу…

Вот, мистер Холмс, как обстояли дела два дня назад, когда мы с вами встретились. Я знал обо всем этом не больше вас. Если вы спросите меня, что толкнуло Джеймса на такой поступок, я отвечу вам: в его ненависти к лорду Солтайру было что-то слепое, фанатичное. Джеймс считал, что все мои поместья должны отойти к нему, и не мог спокойно говорить о существующих у нас законах наследования. Впрочем, им двигала не только безрассудная ненависть, но и тонкий расчет. Он требовал, чтобы я оставил ему в наследство мои поместья по завещанию вопреки майорату[62] , а он вернет мне Артура. Он прекрасно знал, что я никогда не заявлю на него в полицию. Таковы были намерения Джеймса, но они так и остались всего лишь намерениями, ибо события разворачивались с такой быстротой, что ему не удалось осуществить свой план.

Вы обнаружили тело убитого Хайдеггера и тем самым сразу положили конец этому злодейскому замыслу. Джеймс ужаснулся, услышав о гибели учителя. Мы узнали об этом вчера, сидя вот здесь, в кабинете, куда нам принесли телеграмму доктора Хакстейбла. Она привела Джеймса в такое смятение, он так сокрушался, что смутная догадка, все время мучившая меня, превратилась в уверенность, и я бросил обвинение ему в лицо. Он во всем чистосердечно покаялся, но тут же стал умолять меня повременить дня три, чтобы его гнусный сообщник мог спастись. Я уступил ему, как уступал всегда и во всем, и тогда Джеймс кинулся в гостиницу предупредить Хейза и помочь ему бежать. Идти туда засветло мне было невозможно, так как это возбудило бы толки. Я дождался темноты и поспешил к моему дорогому Артуру. Он был цел и невредим, но вы не можете себе представить, какое страшное впечатление произвело на ребенка убийство, совершенное у него на глазах! Помня о данном слове, я скрепя сердце оставил Артура в гостинице еще на три дня на попечении миссис Хейз. Ведь сообщать обо всем этом в полицию, не выдавая убийцы, было нельзя, а арест Хейза погубил бы моего несчастного Джеймса.

Вы настаивали на взаимной откровенности, мистер Холмс, и разрешите мне поймать вас на слове. Я рассказал вам все, ничего не утаивая, ничего не смягчая. Будьте и вы откровенны со мной до конца.

– Хорошо, ваша светлость, – ответил Холмс. – Прежде всего я должен сказать вам, что перед лицом закона ваше положение чрезвычайно серьезно. Вы покрыли уголовное преступление, вы помогли убийце бежать, ибо, по всей вероятности, деньги на его побег Джеймс Уайлдер взял у вас из кармана.

Герцог молча склонил голову.

– Да, дело крайне серьезное. Но, на мой взгляд, то, как вы поступили со своим младшим сыном, ваша светлость, заслуживает еще большего осуждения. Оставить его на три дня в этом притоне!

– Меня клятвенно заверили…

– Разве можно полагаться на клятвы этих людей! Вы уверены, что его не упрячут куда-нибудь подальше? В угоду преступному старшему сыну вы без всякой нужды подвергаете опасности ни в чем не повинного ребенка! Нет, ваш поступок нельзя оправдать!

Гордый вельможа не привык выслушивать такие отповеди – и где? в его же герцогских чертогах! Кровь бросилась ему в лицо, но совесть заставила его смолчать.

– Я помогу вам, но при одном условии: вызовите слугу, и пусть он исполнит мое распоряжение.

Не говоря ни слова, герцог нажал кнопку электрического звонка. В кабинет вошел лакей.

– Вам, наверно, будет приятно услышать, – сказал ему Холмс, – что лорд Солтайр нашелся. Герцог приказывает немедленно выслать за ним экипаж в гостиницу «Боевой

петух»… А теперь, – сказал Холмс, когда просиявший от радости лакей выбежал из кабинета, – обеспечив ближайшее будущее, мы можем более снисходительно отнестись к недавнему прошлому. Поскольку справедливость будет восстановлена, я, как лицо неофициальное, не вижу необходимости доводить до сведения властей обо всем, что мне известно. Хейз – дело другое. Его ждет виселица, и я палец о палец не ударю, чтобы спасти ему жизнь. Разгласит он вашу тайну или нет – не знаю, не берусь предсказывать, но вы несомненно можете внушить ему, что говорить лишнее не в его интересах. В полиции Хейза обвинят в похищении мальчика в расчете на выкуп. Если там не копнут поглубже, я не вижу оснований наталкивать их на это. Однако мне хочется сказать вашей светлости, что дальнейшее пребывание мистера Джеймса Уайлдера у вас в доме к добру не приведет.

– Это я знаю сам, мистер Холмс, и у нас с ним решено: он навсегда покинет Холдернесс-холл и отправится искать счастья в Австралию.

– Ваша светлость, вы говорили, что Джеймс Уайлдер был яблоком раздора между вами и вашей женой. А не попробовать ли вам теперь примириться с герцогиней и снова наладить свою семейную жизнь?

– Об этом я тоже подумал, мистер Холмс, и сегодня утром написал герцогине.

– В таком случае, – сказал Холмс вставая, – и я и мой друг можем поздравить себя с тем, что наше недолгое пребывание в ваших местах принесло неплохие плоды. Мне осталось выяснить только один вопрос. Лошади Хейза были подкованы так, что их следы можно было принять за отпечатки коровьих копыт. Кто его надоумил сделать это – уж не мистер ли Уайлдер?

Минуту герцог молчал, сосредоточенно сдвинув брови. Потом он открыл дверь в соседнюю комнату, представляющую собой настоящий музей, подвел нас к витрине в дальнем ее углу и показал на надпись под стеклом.

«Эти подковы, – прочитали мы, – найдены при раскопках крепостного рва в Холдернесс-холле. Они предназначались для лошадей, но их выковывали в форме раздвоенного коровьего копыта. По-видимому, магнаты Холдернесс-холла, занимавшиеся разбоем в средние века, применяли этот способ, чтобы сбивать погоню со следа».

Холмс поднял стеклянную крышку и, послюнявив палец, провел им по одной из подков. На пальце осталось темное пятно – болотная тина еще не успела как следует засохнуть.

– Благодарю вас, – сказал мой друг. – Вот второе, что чрезвычайно заинтересовало меня в ваших местах.

– А первое?

Холмс перегнул чек пополам и бережно вложил его в записную книжку.

– Я человек небогатый, – сказал он и засунул книжку поглубже во внутренний карман пиджака.

Черный Питер

Никогда я не видел моего друга в таком расцвете духовных и физических сил, как в 1895 году. Известность его все росла, практика все расширялась. Из уважения к чужим тайнам я не позволяю себе даже намекнуть на имена тех знаменитых людей, которым случалось переступать порог нашего скромного жилища на Бейкер-стрит. Надо сказать, что Холмс, как все великие художники, работал только из любви к искусству. Я не слышал (кроме единственного случая с герцогом Холдернесским), чтобы он требовал крупного вознаграждения за свои неоценимые услуги. Он был настолько бескорыстен – или настолько независим, – что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько

загадочным и волнующим, что могло, зажечь его воображение и давало ему возможность применить свое мастерство.

В этом памятном 1895 году Холмс произвел целый ряд любопытных и разнообразных исследований, начиная с выяснения причин внезапной смерти кардинала Тоски (по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом преступника Уилсона; этот знаменитый тренер канареек был вместе с тем истинной язвой лондонского Ист-Энда. Вслед за этими громкими делами возникла трагедия в Вудменс-Ли: капитан Питер Керн погиб при самых страшных и таинственных обстоятельствах. В моих записках о деятельности Шерлока Холмса был бы большой пробел, если бы в них отсутствовал рассказ об этом необычайном происшествии.

В течение первой недели июля мой друг так часто и так надолго уходил из дому, что я понял: он чем-то занят. За эти дни несколько раз к нам заходили какие-то люди сурового и грубого вида. Они спрашивали капитана Бэзила. Это убедило меня, что Холмс, скрывая под одной из своих многочисленных масок и под вымышленной фамилией свое собственное грозное имя, ведет какое-то новое расследование. В различных районах Лондона у него было по меньшей мере пять укромных местечек, где он мог изменять свой облик. Холмс ничего не рассказывал мне об этом новом деле, и не в моем обычае было вызывать его на откровенность. О том, в каком направлении он работает, Холмс впервые дал мне понять довольно необычным образом.

Как-то раз он ушел из дому еще перед завтраком; я только что сел за стол, как вдруг он входит в комнату, не снимая шляпы и держа, словно зонтик, под мышкой громадный гарпун.

– Черт возьми, Холмс! – вскричал я. – Неужели вы хотите сказать, что гуляли по Лондону с этакой штукой?

– Нет, я только съездил к мяснику.

– К мяснику?

– И вот возвращаюсь домой с прекрасным аппетитом. Знаете, как полезны физические упражнения перед завтраком? Но, держу пари, вам ни за что не угадать, какие именно упражнения я проделывал.

– И не собираюсь угадывать.

Холмс, посмеиваясь, налил себе кофе.

– Заглянули бы вы в заднюю комнату лавки Аллардайса, так увидели бы: с потолка свисает свиная туша, а какой-то джентльмен, сняв сюртук, яростно старается проткнуть ее вот этим орудием. Джентльмен этот – я. И, увы, оказалось, что мне с одного удара ее не проткнуть. Не хотите ли попробовать сами?

– Ни за что на свете. Но для чего вы этим занимались?

– Мне кажется, что это имеет косвенное отношение к загадочной истории в Вудменс-Ли… А, Хопкинс, я получил вашу телеграмму вчера вечером и ждал вас. Входите, сейчас будем завтракать.

К нам вошел худощавый подвижный человек лет тридцати. На нем был скромный шерстяной костюм, но его выправка свидетельствовала о том, что он привык носить военный мундир. Я сразу узнал Стэнли Хопкинса, молодого инспектора полиции, который, по мнению Холмса, подавал большие надежды. Хопкинс, в свою очередь, считал себя учеником знаменитого сыщика и восхищался его научными методами.

Лицо Хопкинса было хмуро; он опустился в кресло с видом глубокого уныния.

– Нет, благодарю вас, сэр, я уже позавтракал. Я ночевал в городе, потому что приехал сюда для доклада.

– И о чем же вам пришлось докладывать?

– О неудаче, сэр, о полной неудаче.

– Вы не сдвинулись с места?

– Нет.

– Неужели? Видно, придется заняться этим делом мне.

– Ради бога, прошу вас, мистер Холмс! Мне в первый раз поручили важное дело, а я не в силах выполнить его. Умоляю, помогите!

– Ладно, ладно. Я как раз внимательно ознакомился со всеми данными следствия. Кстати, что вы думаете по поводу табачного кисета, найденного на месте преступления? Не в нем ли ключ к этому делу?

Хопкинс, казалось, удивился:

– Кисет принадлежал убитому, сэр. Там внутри его инициалы. И сделан он из тюленьей кожи, а ведь покойный много лет охотился на тюленей.

– Но при нем не оказалось трубки.

– Да, сэр, трубки мы не нашли – он действительно курил мало. Впрочем, мог же он держать табак для приятелей.

– Безусловно. Я лишь потому заговорил об этом, что если бы я сам расследовал этот случай, то сделал бы именно кисет отправным пунктом моих поисков. Однако мой друг, доктор Уотсон, не знает этой истории, и я тоже не прочь еще раз послушать ее. Расскажите нам в двух словах самое существенное.

Стэнли Хопкинс извлек из кармана узкую полоску бумаги:

– В моем распоряжении есть некоторые данные о жизни покойного капитана Питера Кери. Он родился в 1845 году – значит, ему было пятьдесят лет. Он считался одним из самых отважных и удачливых охотников на тюленей и китов. В 1883 году командовал паровым охотничьим судном «Морской единорог» из Данди. В том же году он совершил ряд удачных рейсов, а в следующем вышел в отставку. Затем несколько лет путешествовал и, наконец, купил себе небольшую усадьбу «Вудменс-Ли» возле Форест-Роу, в Суссексе. Там он прожил шесть лет и там же умер ровно неделю назад.

Он отличался большими странностями. В повседневном быту этот молчаливый и мрачный человек был строгим пуританином[63] . Семья его состояла из жены и двадцатилетней дочери. Дом обслуживали две девушки. Служанки часто менялись, ибо жить там было нелегко, а временами становилось просто невыносимо. Кери часто пил, и, когда у него наступал запой, он становился сущим дьяволом. Случалось, что он среди ночи выталкивал из дому жену и дочь и с кулаками гонялся за ними по всему парку. И они, бывало, так кричали, что в соседней деревне жители просыпались от их крика.

Однажды он был привлечен к суду за то, что избил старого священника, который пытался образумить его. Короче, мистер Холмс, трудно сыскать человека более опасного, чем Питер Кери. Я слышал, что таков он был и в те времена, когда командовал судном. В среде моряков его прозвали Черный Питер – не только за смуглое лицо и огромную черную бороду, но и за его бешеный нрав, который наводил ужас на окружающих. Нечего говорить, что все соседи ненавидели и избегали его; я не слышал ни единого слова сожаления по поводу его ужасного конца.

Вы, мистер Холмс, несомненно, читали в протоколе следствия о «каюте» этого человека, но ваш друг, возможно, ничего не слышал о ней. Неподалеку от дома капитан выстроил себе деревянный флигелек, который всегда называл «каютой»; там проводил он каждую ночь. Это была маленькая, однокомнатная хибарка размером шестнадцать футов на десять; ключ от нее он держал у себя в кармане, сам стелил себе постель, сам убирал комнату и никому не позволял переступать ее порог. В двух стенах этого домика прорублено по небольшому окну. Оба окна были всегда занавешены и никогда не раскрывались, одно из них выходит на проселочную дорогу. Случалось, в домике целую ночь горел свет, и прохожие с недоумением спрашивали,

что же там делает Черный Питер? Именно это окно, мистер Холмс, позволило нам установить во время следствия некоторые любопытные подробности.

Вы помните, что каменщик, по имени Слэтер, который шел из Форест-Роу около часа ночи за двое суток до убийства, остановился у владений капитана и посмотрел на квадрат света, видневшийся сквозь деревья. Он клянется, что на занавеске ясно обозначалась тень мужского профиля, но это был не Питер Кери, которого он хорошо знал. Это был тоже бородатый мужчина, но борода у него была короткая и торчала она иначе, чем у капитана. Так утверждает каменщик. Впрочем, нужно сказать, что перед этим он провел два часа в трактире, да и расстояние от дороги до окна порядочное. Кроме того, его показания относятся к понедельнику, а убийство совершено в среду.

Во вторник Питер Кери находился в самом ужасном состоянии. Он был совершенно пьян и, как дикий зверь, свиреп и опасен. Он бродил вокруг дома, и женщины, заслышав его голос, закрылись в доме. Поздно вечером он отправился к себе в хижину. Его дочь спала с открытым окном. Около двух часов ночи страшный крик донесся со стороны «каюты». Девушка не придала этому значения, ибо капитан в пьяном виде часто кричал и ругался. Поднявшись в семь часов утра, одна из служанок заметила, что дверь хижины открыта настежь, но человек этот внушал такой страх, что до самого полудня домашние не отваживались заглянуть к нему. Посмотрев в открытую дверь, они увидели ужасное зрелище и, бледные от страха, пустились бежать в деревню. Через час я был на месте и приступил к следствию.

Нервы у меня крепкие, вы это знаете, мистер Холмс, но даю вам слово – меня затрясло, когда я заглянул в этот домишко. Он весь гудел, как фисгармония, от налетевших тучами мясных мух, а пол и стены его напоминали бойню. Капитан называл свое помещение каютой, и вправду оно вроде каюты: войдешь туда, и кажется – ты на борту корабля. В одном конце комнаты – койка, рядом – корабельный сундук, на стенах – морские карты, фотоснимок с «Морского единорога», кипа судовых журналов на полке – все в точности, как полагается в капитанской каюте. И посреди всего этого сам капитан – лицо искаженное, как у грешника, терзаемого муками ада, а большая черно-седая борода стала дыбом во время предсмертной агонии. Широкая грудь пробита стальным гарпуном. Гарпун прошел насквозь и глубоко вонзился в деревянную стену. Капитан был приколот к стене, словно жук, прикрепленный булавкой к картону. Конечно, мертв он был с той самой минуты, как испустил вопль.

Я знаком с вашими методами, сэр, и тотчас же стал применять их. Не позволив что-либо трогать с места, я очень тщательно осмотрел землю снаружи и пол в комнате. Но следов не было.

– Вы хотите сказать, что вы не заметили их?

– Уверяю вас, сэр, там не было никаких следов.

– Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтоб в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника… Впрочем, из протокола следствия я вижу, что на некоторые вещи вы даже не потрудились обратить внимания.

Молодой инспектор насупился; язвительное замечание Холмса задело его за живое.

– Глупо я сделал, мистер Холмс, что не пригласил вас тотчас же, – сказал он. – Однако теперь уж ничем не поможешь. Да, в комнате было несколько предметов, заслуживавших особого внимания. Начать с того гарпуна, которым убит капитан. Кто-то снял этот гарпун со стены. Два гарпуна висят на своих крюках, а третий крюк пустует. На ручке имеется надпись: «Пароход „Морской единорог“, Данди». Это, по-видимому, свидетельствует о том, что преступление было совершено в припадке ярости и что убийца схватил первое орудие, какое

попалось под руку. А то, что Кери был вполне одет, хотя убийство произошло в два часа ночи, наводит на мысль, что у него было свидание с убийцей. Об этом говорит и то, что на столе оказалась бутылка рома и два грязных стакана.

– Да, – сказал Холмс, – пожалуй, оба ваши вывода можно принять. А что, в комнате нашлись и другие спиртные напитки?

– Да, на сундуке был поднос; там стояли графины с коньяком и виски. Но это не имеет значения. Ведь графины были полны, значит, к ним не притрагивались.

– Все равно их присутствие имеет некоторое значение, – сказал Холмс.

– Какие же еще предмету, по-вашему, имеют отношение к делу?

– На столе лежал тот табачный кисет.

– Где именно?

– На самой середине стола. Он сделан из грубой и жесткой тюленьей кожи и завязан кожаным ремешком. Внутри него буквы «П. К.». В кисете было примерно с пол-унции крепкого табака, какой курят моряки.

– Прекрасно. А еще?

Стэнли Хопкинс вытащил из кармана записную книжку в желтовато-сером переплете. Переплет ее был шероховат и потрепан, а странички пожелтели и выцвели. На первой странице значились инициалы «Д. Х. Н.» и дата «1883».

Холмс положил книжку на стол и начал разглядывать ее со свойственной ему тщательностью, в то время как Хопкинс и я смотрели из-за его плеча. На второй странице мы увидели буквы «К. Т. Ж.», дальше на двух-трех страничках – сплошные цифры. На иных страничках были слова: «Аргентина», «Коста-Рика», «Сан-Паоло», и снова столбцы цифр и каких-то значков.

– Что вы думаете об этих записях? – спросил Холмс.

– По-видимому, это опись биржевых акций. Я считаю, что «Д. Х. Н.» – инициалы маклера, а «К. Т. Ж.», возможно, его клиент.

– Или «Канадская Тихоокеанская железная дорога», – сказал Холмс.

Стэнли Хопкинс пробормотал проклятье и стукнул себя кулаком по ноге.

– Какой я дурак! – вскричал он. – Конечно, вы совершенно правы. Теперь нам остается расшифровать значение букв «Д. Х. Н.». Я уже просмотрел старые биржевые реестры за 1883 год и не нашел ни одного биржевого маклера с такими инициалами. И все же я на верном пути. Ведь правда же, мистер Холмс, вполне возможно, что это инициалы того человека, который приходил ночью к капитану, то есть иными словами, убийцы? А эта книжечка, в которой перечислено так много ценных бумаг, может быть, раскроет нам мотивы преступления.

По лицу Холмса было видно, что он захвачен врасплох этим новым открытием.

– Я должен признать справедливость ваших выводов, – сказал он. – Пожалуй, эта книжка, о которой ничего не сказано в протоколе следствия, несколько меняет мои предположения. В обоснованной версии этого преступления для нее нет места. А вы пытались разыскать владельцев ценных бумаг, упомянутых здесь?

– Да. Я обратился в разные конторы с запросами, но ведь это акции южноамериканских предприятий. Боюсь, что получу ответ лишь через несколько недель.

Холмс продолжал рассматривать переплет книжки в увеличительное стекло.

– Тут, несомненно, пятно, – сказал он.

– Да, сэр, это следы крови. Я ведь сказал, что поднял книжку с пола.

– Кровавое пятно было сверху или снизу?

– На стороне, прилегавшей к полу.

– Значит, книжка упала на пол уже после убийства.

– Правильно, мистер Холмс. Я думаю, что убийца уронил ее при поспешном бегстве. Она лежала у самой двери.

– Вероятно, ни одной из этих ценных бумаг не было найдено среди имущества покойного?

– Нет, сэр.

– Есть у вас основания предполагать ограбление?

– Нет, сэр. По-видимому, ничего не было похищено.

– Черт возьми, какой интересный случай! Там был еще нож, не так ли?

– Нож остался в ножнах, его не успели вынуть. Он лежал у ног убитого. Миссис Кери говорит, что это нож ее мужа.

Холмс задумался.

– Ладно, – сказал он. – Полагаю, мне придется съездить туда и посмотреть.

Стэнли Хопкинс вскрикнул от радости:

– Благодарю вас, сэр! Это снимет с меня тяжкое бремя.

Холмс погрозил пальцем инспектору.

– Все было бы гораздо проще неделю назад, – сказал он. – Но даже и сейчас моя поездка может принести пользу. Уотсон, если вы ничем не заняты, я был бы очень рад съездить вместе с вами. Вызовите карету, Хопкинс, мы отправимся в Форест-Роу через четверть часа.

Сойдя с поезда на маленькой станции, мы ехали еще несколько миль по перелескам, уцелевшим от того огромного дремучего бора, который некогда сдерживал вторжение саксов; этот неприступный край в течение шестидесяти лет служил бастионом Британии. Обширные участки его были вырублены, потому что здесь возникли первые в стране чугуноплавильные заводы, а для плавки руды понадобился лес. Теперь промышленность переместилась в более богатые районы Севера, и только эти поредевшие рощи и огромные борозды на земле напоминали о прошлом. В прогалине на зеленом склоне холма стоял длинный дом из необтесанного камня; к дому вела извилистая дорожка, мелькавшая среди полей. Ближе к дороге, окруженный с трех сторон кустами, находился маленький флигель, обращенный к нам окном и дверью. Здесь-то и произошло убийство.

Стэнли Хопкинс сначала повел нас в дом, где представил угрюмой седой женщине – вдове убитого. Изможденное лицо, глубокие морщины и полный ужаса взгляд запавших глаз с покрасневшими веками говорили о том, что она перенесла годы страданий и горьких обид. Ее дочь, бледная белокурая девушка, вызывающе сверкая глазами, заявила, что она радуется смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар.

Питер Кери создал в доме страшную, удручающую обстановку, и нам стало легче, когда мы снова очутились на солнечном свете и пошли по тропинке, протоптанной через поле покойным капитаном.

Флигель оказался простейшей деревянной постройкой с легкой кровлей и двумя окнами: одно находилось подле двери, а другое в противоположной стене. Стэнли Хопкинс вынул ключ из кармана и нагнулся к замку: вдруг он остановился, и на его лице отразилось напряженное внимание и удивление.

– Замок хотели взломать, – сказал он.

В этом не приходилось сомневаться. Дверь была поцарапана, и белые царапины отчетливо выделялись на краске, как будто их только что нанесли. Холмс осмотрел окно.

– И окно кто-то пробовал открыть, но не смог. Видно, неопытный взломщик.

– Это очень странно, – сказал инспектор. – Могу поклясться, что вчера вечером этих царапин не было.

– Может, приходил из деревни какой-нибудь любопытный простак? – предположил я.

– Нет, не похоже. Мало кто решится ступить на двор усадьбы, а уж взломать «каюту» – таких смельчаков нет. А вы что думаете, мистер Холмс?

– Я думаю, что нам повезло.

– Вы полагаете, этот человек придет снова?

– Очень возможно. Он попробовал открыть дверь крохотным перочинным ножом. Это не удалось. Что ему остается теперь?

– Вернуться следующей ночью с более подходящим инструментом.

– Правильно. Глупо будет, если мы не подкараулим его. А пока разрешите мне осмотреть «каюту» внутри.

Следы трагедии были уже уничтожены, но мебель в маленькой комнате все еще стояла так же, как и в ночь убийства. В течение двух часов Холмс с огромным вниманием осматривал поочередно каждый предмет, но по его лицу было видно, что поиски безуспешны. Только раз он прервал свое кропотливое исследование:

– Вы брали что-нибудь с этой полки, Хопкинс?

– Нет, я не трогал ничего.

– Здесь что-то взято: в этом углу полки пыли меньше. Возможно, тут лежала книга, а может быть, коробка… Пожалуй, больше мне здесь делать нечего. Пойдемте погуляем в этих чудесных рощах, Уотсон, полюбуемся на птиц и на цветы. Мы встретимся с вами здесь попозже, Хопкинс: не удастся ли нам поближе познакомиться с джентльменом, который заходил сюда нынче ночью.

В двенадцатом часу ночи мы устроили засаду. Хопкипс хотел оставить дверь хижины открытой, но Холмс побоялся, что это спугнет незнакомца. Замок был настолько несложен, что его можно было открыть любым достаточно крепким ножом. Холмс предложил также, чтобы мы засели не внутри хижины, а снаружи, в кустах, которые росли под вторым окном. Таким образом нам удалось бы проследить за этим человеком, если он зажжет свет, и разузнать цель его прихода.

Наступило долгое мучительное ожидание; нервная дрожь охватила нас. Так дрожит охотник, подстерегая у водопоя томимого жаждой зверя. Какой хищник подкрадется сюда из темноты? Лютый тигр, которого можно одолеть только в тяжкой борьбе с его сверкающими клыками и когтями, или трусливый шакал, опасный лишь для слабых и беззащитных?

В полном молчании мы притаились в кустах. Сначала до нас доносились шаги запоздалых прохожих и голоса из деревни, но мало-помалу эти звуки замерли. Наконец наступила полная тишина. Только бой часов на далекой церкви извещал нас о том, что время идет, да мелкий дождь шуршал и шептал в той листве, которая служила нам кровом.

Пробило половину третьего: наступил самый темный предрассветный час. Внезапно мы вздрогнули, услышав тихий, но отчетливый скрип калитки. По дорожке кто-то шел. Потом снова наступила долгая тишина. Я уже подумал, что это ложная тревога, как вдруг позади, за хижиной, послышались осторожные шаги, а через мгновение – лязг и шум металла. Человек пытался взломать замок! На этот раз он действовал более умело или инструмент у него был получше – вскоре послышался треск, и дверные петли заскрипели. Затем чиркнула спичка, и в следующее мгновение ровный свет свечи озарил внутренность хижины. Сквозь тонкие занавески мы увидели все, что происходило внутри.

Ночной посетитель был худощавый, болезненного вида молодой человек. Черные усики оттеняли мертвенную бледность его лица. Ему, наверно, было немногим больше двадцати лет. Я еще ни разу не видел человека, находившегося в таком жалком состоянии: зубы у него стучали от страха, он дрожал всем телом. Он был одет как джентльмен: норфолкская куртка, короткие спортивные штаны, на голове суконное кепи. Мы видели, как он испуганно озирался по сторонам. Затем он поставил свечу на стол и исчез в одном из углов. Оттуда он возвратился

с большой книгой – с одним из тех судовых журналов, целая кипа которых стояла на полке. Наклонившись над столом, он быстро перелистывал страницы, пока не наткнулся на запись, которую искал. Тогда он гневно ударил кулаком по журналу, поставил его на место и потушил свет.

Не успел он повернуться к выходу, как Хопкинс схватил его за воротник. Я услышал громкий крик ужаса: взломщик понял, что его поймали. Свечу снова зажгли. Несчастный пленник дрожал и корчился в объятиях сыщика.

– Ну, милейший, – сказал Стэнли Хопкинс, – кто же вы такой и что вам здесь нужно?

Юноша овладел собой и старался казаться спокойным.

– Вы, наверно, сыщик? – спросил он. – И думаете, что я имею отношение к смерти капитана Питера Кери? Уверяю вас, я к этому непричастен.

– Это будет видно, – сказал Хопкинс. – Прежде всего, как вас зовут?

– Джон Холпи Нелиган.

Я заметил, как Холмс и Хопкинс обменялись взглядом.

– Что вы тут делаете?

– Могу я надеяться, что вы не выдадите моей тайны?

– Непременно выдадим. Еще бы!

– В таком случае, какой же мне резон говорить?

– Если вы не скажете, вам плохо придется на суде.

Юноша содрогнулся.

– Ну что же, скажу, – промолвил он. – Почему бы и не сказать? Но как мне отвратительна мысль, что это старое позорное дело снова всплывет на поверхность! Вы когда-нибудь слышали о Даусоне и Нелигане?

По лицу Хопкинса я понял, что ему ничего не известно об этом, но Холмс встрепенулся и сказал:

– Вы имеете в виду владельцев Западного банка? Они обанкротились на миллион, разорили половину Корнуэльского графства, и Нелиган исчез.

– Совершенно верно. Нелиган – мой отец.

Наконец-то вскрылось нечто определенное. Но все же целая пропасть лежала между сбежавшим банкиром и капитаном Питером Кери, которого пригвоздил к стене его же собственный гарпун. И мы внимательно продолжали слушать рассказ молодого человека.

– Банкротство фактически коснулось только моего отца. Даусон удалился от дел раньше. Мне в то время исполнилось всего десять лет, но я был достаточно взрослый и чувствовал весь позор и ужас того, что случилось. Люди говорили, будто мой отец украл все ценные бумаги и сбежал. Это неправда. Отец твердо верил, что если ему дадут время реализовать их, все обойдется и он полностью расплатится со всеми вкладчиками. Он отплыл в Норвегию на маленькой яхте, как раз перед тем, как был отдан приказ об его аресте. Я помню последнюю ночь, когда он прощался с моей матерью. Он оставил нам опись тех ценных бумаг, которые взял с собой. Он клялся, что восстановит свое доброе имя и что ни один из его доверителей не пострадает. С тех пор мы больше не слыхали о нем. И яхта и он исчезли. Мы с матерью были убеждены, что он покоится на дне морском. Есть у нас один верный друг, человек с деловыми связями, вот он-то недавно и узнал, что некоторые ценные бумаги, бывшие у отца, снова появились на Лондонском рынке. Можете себе представить наше изумление! Я потратил несколько месяцев на то, чтобы проследить их путь, испытал множество неудач и наконец установил, что продавал их капитан Питер Кери, владелец этой лачуги.

Естественно, я стал наводить справки о нем. Я узнал, что он командовал китобойным судном, которое возвращалось из полярных морей как раз в то время, когда мой отец следовал

в Норвегию. Осень тогда была ненастная, на море бушевали штормы. Отцовскую яхту, вероятно, отнесло на север, где ее и встретил корабль капитана Питера Кери. Если это так, то куда же исчез мой отец? Во всяком случае, если бы Питер Кери помог мне выяснить, как эти ценные бумаги попали на рынок, я доказал бы, что мой отец не продавал их и что он взял их с собой без всякой корыстной цели.

Я приехал в Суссекс, чтобы повидать капитана, но как раз в это время он погиб страшной смертью. В протоколе следствия я прочитал описание его «каюты». Упоминалось, между прочим, что там старые судовые журналы его корабля. Мне пришло в голову, что если бы мне посчастливилось прочитать в одном из этих журналов, что происходило в августе 1883 года на борту «Морского единорога», я узнал бы загадочную судьбу моего отца. Прошлой ночью я попытался добраться до этих журналов, но не мог открыть дверь. Сегодня моя попытка была успешнее, но обнаружилось, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны. Тут-то вы меня и схватили.

– Это все? – спросил Хопкинс.

– Да, все. – Глаза юноши забегали пои этих словах.

– Вам больше нечего сказать?

Он колебался:

– Нечего.

– Вы здесь не были до вчерашней ночи?

– Нет.

– А как же вы объясните вот это? – вскричал Хопкинс, протягивая ему злосчастную записную книжку с инициалами нашего пленника на первой странице и кровавым пятном на переплете.

Несчастный пал духом. Он закрыл лицо руками и вновь задрожал.

– Откуда же вы взяли ее? – простонал он. – А я и не знал… Я думал, что потерял ее в отеле.

– Довольно! – сурово произнес Хопкинс. – Если вам есть еще что сказать, вы скажете на суде. А теперь вы пойдете со мной в полицию… Ну, мистер Холмс, я весьма признателен вам и вашему другу за то, что вы пришли сюда помочь мне. Как выяснилось, в вашем присутствии не было надобности. Я довел бы дело до конца и без вас, но тем не менее я вам очень благодарен. Для вас оставлены комнаты в отеле «Брэмблтай», и мы можем идти в деревню вместе.

– Ну, Уотсон, каково же ваше мнение обо всем этом? – спросил Холмс, когда на следующее утро мы ехали обратно.

– Я вижу, что вы не удовлетворены.

– О нет, мой дорогой Уотсон, я совершенно удовлетворен. Но в то же время не могу похвалить Стэнли Хопкинса. Его методы никуда не годятся. Я разочаровался в нем. Я ожидал от него большего. Всегда возможно второе решение задачи, и надо искать его. Это первое правило уголовного следствия.

– Какое же здесь возможно второе решение?

– То, которое лежит в основе моего собственного расследования. Может статься, оно ничего и не даст, не могу сказать, но пройду этот путь до конца.

На Бейкер-стрит Холмса ожидало несколько писем. Он схватил одно из них, вскрыл и торжествующе рассмеялся.

– Чудесно, Уотсон! Второе решение назревает. У вас есть телеграфные бланки? Напишите для меня парочку телеграмм: «Самнеру, пароходному агенту, Рэтклифф-хайвей. Пришлите трех человек, отправка завтра десять утра. Бэзил». Это мое имя в тех кругах. Вторая: «Инспектору Стэнли Хопкинсу. Лорд-стрит, 46, Брикстон. Приезжайте завтра девять тридцать

завтракать. Важно. Телеграфируйте, если не можете приехать. Шерлок Холмс»… Так вот, Уотсон, эта чертовщина преследовала меня целых десять дней, теперь я хочу развязаться с ней. Завтра, надеюсь, мы покончим с этим делом – и уже навсегда.

Точно в указанный час появился инспектор Стэнли Хопкинс, и мы все уселись за великолепный завтрак, который приготовила миссис Хадсон. Молодой сыщик был в восторге от своей удачи.

– Так вы в самом деле уверены, что ваше объяснение правильно? – обратился к нему Холмс.

– Еще бы! Случай совершенно ясный.

– А по-моему, это дело еще не закончено.

– Вы удивляете меня, мистер Холмс! Чего же еще можно требовать?

– Разве ваше объяснение охватывает все стороны дела?

– Несомненно. Я узнал, что молодой Нелиган прибыл в отель «Брэмблтай» в день, когда было совершено преступление. Он приехал якобы для игры в гольф. Его комната находилась на первом этаже, и он мог уйти, когда ему вздумается. В ту самую ночь он пошел в Вудмеис-Ли, встретился в хижине с Питером Кери, повздорил с ним и убил его гарпуном. Затем, ужаснувшись делом рук своих, он убежал из хижины и обронил записную книжку. Принес он ее потому, что хотел расспросить Питера Кери насчет этих ценных бумаг. Вы, наверно, заметили, что некоторые из них в списке отмечены крестиками? Это те, что проданы на Лондонском рынке. Но большинство их, очевидно, находилось еще у Керн. Молодой Нелиган, по его признанию, мечтал овладеть ими, чтобы выплатить долги отца. Некоторое время после убийства он не отваживался подходить к хижине, но наконец решился, чтобы раздобыть нужные ему сведения.

Просто и ясно, не правда ли?

Холмс улыбнулся и покачал головой.

– Я вижу в вашей версии один недостаток, Хопкинс: она абсолютно неправдоподобна. Вы пробовали проткнуть гарпуном тело? Нет? Так вот, дорогой сэр, вам придется обратить особое внимание на эту деталь. Мой друг Уотсон мог бы рассказать вам, как я упражнялся в этом целое утро. Это не так-то легко, тут нужна сильная и натренированная рука. А удар капитану был нанесен с такой силой, что гарпун глубоко вонзился в стену, пройдя его тело насквозь. Можно ли предположить, что этот хилый юноша способен нанести такой страшный удар? И что это именно он – тот человек, который глубокой ночью пил ром с Черным Питером?

И что это именно его профиль видели на занавеске за два дня до того? Нет, нет, Хопкинс, придется нам поискать кое-кого пострашнее.

Во время речи Холмса лицо сыщика все больше и больше вытягивалось. Его расчеты и надежды рушились, но он не сдавался без борьбы.

– Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Нелиган был там в ту ночь. Явное доказательство этого – книжка. По-моему, для суда этих данных достаточно, пусть даже в них и есть, по-вашему, слабое место. А самое главное, мистер Холмс, что мой преступник уже задержан. А вашего «человека пострашнее» я что-то не вижу.

– Я склонен думать, что он сейчас поднимается по нашей лестнице, – спокойно ответил Холмс. – Мне кажется, Уотсон, вам лучше держать этот револьвер под рукой. – Холмс встал и положил исписанный лист бумаги на столик, стоявший поблизости. – Теперь мы готовы, – добавил он.

Послышались грубые голоса, а затем миссис Хадсон открыла дверь и сказала, что трое мужчин спрашивают капитана Бэзила.

– Впустите их по одному, – сказал Холмс. Первым вошел маленький, круглый человечек с румяными щеками и пышными седыми бакенбардами. Холмс вытащил из кармана письмо.

– Ваше имя? – спросил он.

– Джеймс Ланкастер.

– Мне очень жаль, Ланкастер, но место уже занято.

Вот вам полсоверена за беспокойство. Пройдите в ту комнату и подождите несколько минут.

Второй был высокий высохший человек с гладкими волосами и болезненным цветом лица. Его звали Хью Пэттино. Он также получил отказ, полсоверена и приказание ждать.

У третьего посетителя была примечательная внешность. Его свирепое, бульдожье лицо обросло взъерошенными волосами и бородой, а из-под жестких, густо нависших бровей сверкали смелые темные глаза. Он поздоровался и стоял в позе моряка, теребя в руках свою кепку.

– Ваше имя? – спросил Холмс.

– Патрик Кэрис.

– Гарпунщик?

– Да, сэр. Двадцать шесть рейсов.

– Из Данди, кажется?

– Да, сэр.

– Согласны пойти с экспедиционным судном?

– Да, сэр. Жалованье?

– Восемь фунтов в месяц. Могли бы отправиться немедленно?

– Как только получу снаряжение.

– Бумаги при вас?

– Да, сэр.

Он вытащил из кармана связку потрепанных и засаленных документов. Холмс просмотрел их и возвратил ему.

– Как раз такой человек мне и нужен, – сказал он. – Вот контракт на этом столе. Подпишите его, и дело с концом.

Моряк вразвалку прошел по комнате и взялся за перо.

– Здесь подписать? – спросил он, нагнувшись к столу.

Холмс склонился над его плечом и протянул руки поверх его шеи.

– Теперь все в порядке, – сказал он.

Я услышал лязг стали и рев разъяренного быка. В ту же минуту Холмс и моряк, сцепившись, покатились по полу. Моряк обладал гигантской силой: даже в наручниках, которые Холмс так ловко надел ему на руки, он мог бы одолеть моего друга. Но мы с Хопкинсом бросились на помощь. И только когда холодное дуло револьвера прижалась к его виску, он наконец понял, что сопротивление бесполезно. Мы связали ему ноги веревкой и подняли с полу, задыхаясь от борьбы.

– Я должен извиниться перед вами, Хопкинс, – сказал Шерлок Холмс, – яйца всмятку, боюсь, уже холодные. Но, я думаю, такой успешный конец следствия придаст вам аппетит?

Стэнли Хопкинс онемел от изумления.

– Что тут скажешь, мистер Холмс! – наконец выпалил он, мучительно покраснев. – Видно, я с самого начала свалял дурака. Нельзя было ни на минуту забывать, что вы учитель, а я – всего лишь ученик. Даже теперь, видя вашу работу, я все-таки не пойму, как вы это проделали и что это значит.

– Ладно, ладно, – добродушно сказал Холмс, – мы все учимся на своих ошибках. Вот теперь вы уже твердо запомните, что нельзя упускать из виду второе решение. Вы были так

поглощены молодым Нелиганом, что даже не вспомнили о Патрике Кэрнсе. А ведь он-то и сеть убийца Питера Кери.

Хриплый голос моряка перебил его:

– Послушайте, мистер! Я не жалуюсь, что вы так грубо обошлись со мной, но надо все-таки называть вещи своими именами. Вы говорите: «убийца Питера Кери». А вот я заявляю, что был вынужден убить его. Это далеко не одно и то же. Может, вы не поверите? Может, вы думаете, я плету небылицы?

– Совсем нет, – ответил Холмс. – Мы охотно выслушаем все, что вы хотите сказать.

– Я буду говорить недолго, и, клянусь богом, каждое мое слово – правда. Я знал Черного Питера, и когда он взялся за нож, я схватил гарпун, потому что понимал, что только одному из нас быть в живых. Вот так он и умер. Может, это и называется убийством. Мне все равно, как умирать, только мне больше нравится испустить дух с веревкой на шее, чем с ножом Черного Питера в сердце.

– Как вы очутились в его доме? – спросил Холмс.

– Я расскажу все по порядку. Только дайте я сяду, так легче будет говорить. Эта история началась в августе 1883 года. Питер Кери был хозяином «Морского единорога», а я у него – запасным гарпунщиком. Мы выбрались из торосистых льдов и шли домой. Встречный ветер трепал нас, а шторм не унимался целую неделю. Вдруг натыкаемся на маленькое суденышко: оно дрейфует на север. Всего экипажа один человек, да и тот не моряк. Остальные, бывшие в этом суденышке, решили, что оно пойдет ко дну, уселись в шлюпку и пошли к норвежскому берегу. И должно быть, все до одного потонули. Так вот, мы этого человека взяли к себе на судно. Они с капитаном долго толковали в каюте. Весь его багаж, принятый к нам на борт, состоял из одной жестяной коробки. Насколько мне известно, имени этого человека ни разу никто не назвал. На вторую же ночь он исчез, будто его и вовсе не бывало. Болтали, будто он или сам бросился в воду, или упал за борт – в ту ночь разыгралась сильная буря. Только один человек знал, что с ним случилось, – это был я. Потому что в глухую темную ночь, за два дня до того, как мы миновали маяки Шотландских островов, я собственными глазами видел, как капитан схватил его за ноги и сбросил в море.

Я никому не сболтнул ни слова. Думаю – посмотрю, что будет дальше. Пришли мы в Шотландию. Дела этого никто не поминал, да никто ни о чем и не спрашивал. Погиб человек случайно, и никому это не интересно. Вскоре Питер Кери вышел в отставку, и только спустя много лет мне удалось узнать, где он поселился. Я сообразил, что он взял грех на душу ради той жестяной коробки. Ну, думаю, теперь он мне заплатит как следует, чтобы я держал язык за зубами.

От одного моряка, который встретил его в Лондоне, я узнал, что он живет здесь, и приехал, чтобы выжать из него кое-что. В первую ночь он держался благоразумно: пообещал мне такую сумму, что я на всю жизнь был бы избавлен от моря. Окончательно договориться мы должны были через две ночи. Я пришел – вижу, он уже пьян и настроение у него самое гнусное. Мы сели, выпили, поговорили о старых временах. Чем больше он пил, тем меньше мне нравилось выражение его лица. Я заметил гарпун на стене: пожалуй, думаю, он мне понадобится. А того наконец прорвало: ухватил он большой складной нож и полез на меня, изрыгая слюну и ругань. Я по всему видел, что он готов на убийство. Но не успел он раскрыть нож, как я пригвоздил его гарпуном к стене. Боже, как он заревел! Его лицо до сих пор не дает мне уснуть… Кровь лилась ручьем, а я стоял и ждал. Но кругом было тихо, и я успокоился. Огляделся – вижу: на полке жестяная коробка. У меня на нее такое же право, как у Питера Кери, поэтому я взял ее и вышел из хижины. И сдуру забыл на столе свой кисет.

А теперь я расскажу вам самую диковинную часть этой истории. Только я выбрался на воздух, как вдруг слышу чьи-то шаги. Я засел в кустах. Смотрю, к хижине пробирается человек. Вошел в нее, закричал, как полоумный, и пустился бежать со всех ног, пока не пропал из виду.

А я всех перехитрил: прошагал десять миль пешком, в Танбридж-Уэллсе сел на поезд и приехал в Лондон.

Когда я раскрыл коробку, оказалось, что в ней ни гроша. Ничего там не было, кроме бумаг, которые я не решился продать. Я потерял власть над Черным Питером и очутился на мели в Лондоне без единого шиллинга. У меня оставалось только мое ремесло. Я увидел эти объявления о гарпунщиках и большом жалованье и отправился к морским агентам, а они послали меня сюда. Вот все, что мне известно. И хоть я прикончил Черного Питера, но правосудие должно благодарить меня – я сэкономил правительству расход на пеньковую веревку.

– Весьма убедительные показания, – сказал Холмс, вставая и закуривая трубку. – Я думаю, Хопкинс, вам следует, не теряя времени, препроводить арестованного в более надежное место. Эта комната не совсем пригодна под камеру, мистер Патрик Кэрнс занимает слишком много места на нашем ковре.

– Не знаю, как и благодарить вас, мистер Холмс, – сказал Хопкинс. – До сих пор я не понимаю, как вы достигли такого успеха.

– Просто я с самого начала ухватился за верную нить. Знай я раньше о записной книжке, она, может быть, так же сбила бы меня с толку, как и вас. Но все, что я слышал об этом деле, вело только в одном направления. Огромная силища, уменье пользоваться гарпуном, бутылка рома, кисет из тюленьей кожи с крепким табаком – все это указывало на моряка, причем на китобоя. Я был убежден, что инициалы «П.К.» – простое совпадение. Кисет не принадлежал Питеру Кери, потому что тот редко курил и в его «каюте» не нашли трубки. Вы помните, я спрашивал, были ли в «каюте» виски и коньяк. Вы ответили, что были. Но кто, кроме моряка, станет пить ром, когда под рукой есть коньяк или виски? Да, я был уверен, что это моряк.

– А как вы отыскали его?

– Мой дорогой сэр, ведь это же очень просто. Моряк мог быть только из числа тех, кто плавал вместе с Кери на «Морском единороге». Насколько мне было известно, капитан на другом судне не плавал. Я затратил три дня на телеграммы в Данди, чтобы установить имена команды «Морского единорога» в 1883 году. Когда я узнал, что в числе гарпунщиков был Патрик Кэрнс, мои расследования почти закончились. Я считал, что этот человек находится, вероятно, в Лондоне и не прочь на некоторое время покинуть Англию. Поэтому я провел несколько дней в Ист-Энде, выдумал арктическую экспедицию, предложил заманчивые условия для гарпунщиков, которые будут служить под, командой капитана Бэзила, – и вот результат.

– Замечательно! – воскликнул Хопкинс. – Просто замечательно!

– Вы должны как можно скорее добиться освобождения молодого Нелигана,

– сказал Холмс. – Думаю, вам следует извиниться перед ним. Жестяную коробку надо ему возвратить, но, конечно, те ценные бумаги, что проданы Питером Кери, уже пропали навсегда… Вот и кэб, Хопкинс, вы можете увезти этого человека. Если мое присутствие понадобится на суде, дайте нам знать в Норвегию. Точный адрес я сообщу вам позже.

Конец Чарльза Огастеса Милвертона

Прошли годы после событий, о которых я собираюсь говорить, а все-таки описывать их приходится с большой осторожностью. Долго нельзя было, даже крайне сдержанно и с недомолвками, обнародовать эти факты, но теперь главное действующее лицо недостижимо для человеческого закона, и с надлежащими сокращениями история эта может быть рассказана так, чтобы никому не повредить. Она заключает в себе единственный в своем роде случай как из деятельности Шерлока Холмса, так и моей. Читатель извинит меня, если я скрою дату или какой-нибудь факт, по которому он мог бы добраться до истинных участников этой истории.

Был холодный, даже морозный зимний вечер. Холмс и я совершили одну из своих вечерних прогулок и около шести часов вернулись домой. Когда Холмс зажег лампу, свет упал на лежавшую на столе карточку. Взглянув на нее, он с возгласом отвращения бросил ее на пол. Я поднял ее и прочел:

Чарльз Огастес Милвертон Апддор Тауэрс, Хемпстед Агент

– Кто это такой? – спросил я.

– Худший человек в Лондоне, – ответил Холмс, садясь и протягивая ноги к огню. – Не написано ли чего-нибудь на оборотной стороне карточки?

Я перевернул ее.

– «Зайду в 6.30 Ч. О. М.», – прочел я.

– Гм! Он сейчас будет здесь. Не испытывали ли вы, Уотсон, стоя перед змеями в зоологическом саду, гадливости и омерзения при виде этих скользких, ядовитых тварей с их ледяным взглядом и злыми плоскими мордами? Именно такие чувства заставляет меня испытывать Милвертон. За время своей деятельности я приходил в соприкосновение с пятьюдесятью убийцами, и худший из них никогда не вызывал у меня такого отвращения, как этот молодчик. А между тем я не могу не иметь с ним дела… Впрочем, он явится по-моему приглашению.

– Но кто же он такой?

– Я вам скажу, Уотсон. Это король всех шантажистов. Да поможет небо мужчине, а еще больше женщине, чье доброе имя окажется во власти Милвертона. Завладев их тайной, он будет их жать и жать с улыбающейся физиономией и каменным сердцем, пока не выжмет досуха. Он в своем роде гений, и в честной торговле его марка прославилась бы. Метод его следующий: он распространяет слух, что готов уплатить очень высокие суммы за письма, компрометирующие людей богатых или с положением. Он получает этот товар не только от лакеев и горничных, не гнушающихся предать, но часто и от благородных мерзавцев, которые добились доверия и расположения женщин. Он ведет дела, не скупясь. Мне известно, что он заплатил семьсот фунтов одному лакею за записку в две строчки и что результатом этого было разорение знатной фамилии. Весь подобный товар, появляющийся на рынке, идет к Милвертону, и в этой большой столице найдутся сотни людей, которые бледнеют, услыхав его имя. Никто не знает, кто завтра будет его жертвой, потому что он очень богат и очень хитер и ему не нужно зарабатывать каждый день. Он будет несколько лет держать про запас карту, чтобы пойти ею в тот момент, когда ставки в игре будут самые высокие. Я сказал, что он худший человек в Лондоне, и в самом деле, спрашиваю вас, как можно сравнить разбойника, сгоряча уложившего дубиной своего товарища, с этим человеком, который методически и не спеша терзает душу и выматывает нервы для того, чтобы умножить свои уже набитые золотом мешки?

Я редко слышал, чтобы мой друг говорил с такой горячностью.

– Но ведь есть же закон, – возразил я. – Так что и на этого человека можно найти управу.

– Теоретически – да, практически – нет. Какая польза для женщины заключить его на несколько месяцев в тюрьму, если за этим тотчас же последует ее гибель? Его жертвы не смеют парировать его ударов. Если бы он когда-нибудь занялся шантажом против невинной особы, тогда действительно мы поймали бы его, но он хитер, как сам дьявол. Нет, нет, надо найти другие пути для борьбы с ним.

– А для чего он явится сюда?

– Одна знатная клиентка поручила мне свое печальное дело. Это леди Ева Брэкуэл, самая красивая из девушек, начавших выезжать в прошлый сезон. Ее свадьба с герцогом Доверкором назначена через две недели. У этого исчадия имеется несколько неосторожных писем – всего только неосторожных, Уотсон, – которые были написаны ею одному бедному сквайру. Этих

писем достаточно, чтобы помешать свадьбе. Милвертон пошлет их герцогу, если ему не будет уплачена крупная сумма. Мне поручено повидаться с ним и по возможности договориться.

В эту минуту на улице послышался лошадиный топот и скрип колес. Посмотрев в окно, я увидел великолепную карету, запряженную парой гнедых коней, яркий свет ее верхнего фонаря отражался на блестящих крупах благородных животных. Лакей открыл дверцы, и из кареты вышел низкого роста толстый мужчина в пальто с каракулевым воротником. Через минуту он был в нашей комнате.

Чарльз Огастес Милвертон был человек лет пятидесяти, с большой, умной головой, круглым, пухлым, бритым лицом, застывшей улыбкой и острыми серыми глазками, которые живо поблескивали-за большими очками в золотой оправе. Он походил бы на Пиквика, если бы не фальшивая, как наклеенная, улыбка и холодный блеск настороженных, проницательных глаз. Голос его был мягок и приятен, как и его добродушная по виду наружность, когда он, подходя с протянутой пухлой ручкой, выражал сожаление, что не застал нас в первый свой визит.

Холмс оставил без внимания протянутую руку, его лицо стало твердым и холодным, как гранит. Улыбка Милвертона стала еще шире; он пожал плечами, снял пальто, тщательно сложил его и, перекинув через спинку стула, сел.

– Этот джентльмен? – спросил он, делая плавный жест в мою сторону. – Не будет ли это нескромностью?

– Доктор Уотсон мой друг и коллега.

– Прекрасно, мистер Холмс. Я протестую только в интересах нашей клиентки. Дело такое щекотливое…

– Доктор Уотсон уже слышал о нем.

– Значит, мы можем приступить к делу. Вы говорите, что действуете от имени леди Евы. Уполномочила ли она вас принять мои условия?

– Какие ваши условия?

– Семь тысяч фунтов.

– А в случае несогласия?

– Дорогой сэр, мне тяжело обсуждать этот вопрос, но если деньги не будут уплачены четырнадцатого, то, конечно, восемнадцатого свадьбы не будет.

Его нестерпимая улыбка стала еще любезнее.

Холмс немного подумал.

– Мне кажется, – сказал он наконец, – что вы действуете сейчас с излишней уверенностью. Я знаю содержание писем. И моя клиентка поступит, конечно, так, как я ей посоветую. А я ей посоветую, чтобы она все рассказала своему будущему мужу и положилась на его великодушие.

Милвертон рассмеялся.

– Вы, очевидно, не знаете герцога, – сказал он.

Увидев расстроенное лицо Холмса, я понял, что он знает герцога.

– В письмах нет ничего дурного, – сказал он.

– Они бойки… очень бойки, – ответил Милвертон. – Леди писала прелестно. Но уверяю вас, что герцог Доверкорский не сумеет этого оценить. Впрочем, раз вы думаете иначе, то покончим на этом. Это вопрос чисто деловой. Вы находите, что ваша клиентка только выиграет, если эти письма попадут к герцогу, – тогда с вашей стороны будет поистине безумием платить за них такую большую сумму.

Милвертон встал и взял пальто.

Холмс стал серым от злости и досады.

– Постойте, – сказал он. – Вы уж слишком торопитесь. Мы, конечно, сделаем все, чтобы избежать скандала в таком щекотливом деле.

Милвертон снова сел.

– Я был уверен, что вы именно так подойдете к делу, – замурлыкал он.

– Вместе с тем, – продолжал Холмс, – леди Ева – небогатая женщина. Уверяю вас, что даже две тысячи фунтов будет для нее разорением, а сумма, которую вы назвали, ей положительно не по силам. Поэтому я вас прошу умерить требования и вернуть письма за ту цену, которую я упомянул и которая, уверяю вас, составляет все, что вы можете получить от нее.

Милвертон весь расплылся в улыбке, в его глазах заплясали веселые огоньки.

– Я знаю: то, что вы говорите о средствах леди, правда, – сказал он.

– Но подумайте, этот брак – такой подходящий случай для ее друзей и родных что-либо сделать для нее. Они будут думать о свадебном подарке. Объясните им, что эта связка писем доставит ей больше радости, чем все лондонские канделябры и вазы.

– Это невозможно, – возразил Холмс.

– Боже мой, боже мой, как печально! – воскликнул Милвертон, вынимая из кармана толстую записную книжку. – Мне поневоле думается, что у наших дам плохие советчики, они не учат их делать усилия. Взгляните на это!

Он вынул из конверта с гербом записочку.

– Это принадлежит… впрочем, нехорошо быть нескромным. Вот завтра уже можно будет назвать имя, когда эта записка будет в руках мужа этой дамы. И все только потому, что она не хочет заплатить за нее нищенскую сумму, которую достала бы в полчаса, обменяв свои бриллианты на стразы. Такая жалость! Ну-с, а вы помните внезапный разрыв между мисс Майлс и полковником Доркингом? «Морнинг пост» сообщила о их разрыве всего за два дня до свадьбы. А почему? Нет, это почти невероятно, ведь каких-нибудь жалких тысяча двести фунтов – и все было бы улажено. Разве это не печально? И вы еще можете торговаться, вы, человек здравомыслящий, когда на карту поставлены честь и будущее вашей клиентки! Вы удивляете меня, мистер Холмс.

– Я говорю то, что есть, – возразил Холмс. – Таких денег моей клиентке взять неоткуда. Но сумма, которую я назвал, тоже немаленькая. Зачем отказываться от нее и губить счастье женщины? Ведь это не принесет вам барыша.

– Вот вы и ошиблись, мистер Холмс, огласка косвенным путем будет мне очень полезна. У меня наклевывается восемь – десять подобных случаев. Если пойдет слух, что я строго наказал леди Еву, то другие окажутся благоразумнее. Понимаете?

Холмс вскочил со стула.

– Хватайте его сзади, Уотсон! Не выпускайте из комнаты! Сейчас, сэр, мы посмотрим содержимое вашей записной книжки.

Милвертон быстро, как мышь, шмыгнул в угол и прижался спиной к стене.

– Мистер Холмс, мистер Холмс, – проговорил он, отворачивая борт сюртука и показывая дуло большого революльвера, торчавшего из внутреннего кармана. – Я ожидал от вас чего-нибудь более оригинального. С подобным обращением я сталкивался часто, и из этого никогда ничего не выходило. Поверьте, я вооружен до зубов и готов применить оружие, зная, что закон на моей стороне. К тому же я не настолько глуп, чтобы захватить сюда эти письма. Так что вы опять ошиблись, мистер Холмс. Будьте здоровы, джентльмены, мне предстоят сегодня вечером еще два свидания, а до Хемстеда далеко.

Милвертон шагнул вперед, взял со стула свое пальто и, положив руку на револьвер, пошел к двери. Я схватился за стул, но Холмс покачал головой, и я опустил его.

С поклоном, улыбкой и подмигиваниями Милвертон торжествующе вышел из комнаты, и через несколько секунд мы услышали, как стукнула дверца кареты и загромыхали колеса.

Холмс сидел недвижимо возле огня, глубоко засунув руки в карманы брюк, низко опустив голову и устремив пристальный взгляд на раскаленные угли. Так просидел он безмолвно с полчаса. Затем резким движением вскочил на ноги, как человек, принявший решение, и пошел к себе в спальню. Вскоре оттуда вышел щеголеватый мастеровой с козлиной бородкой и несколько развязными манерами. Прикурив от лампы глиняную трубку, он взялся за ручку двери.

– Я скоро вернусь, Уотсон, – сказал он и исчез во мраке ночи.

Я понял, что мой друг начал кампанию против Чарльза Огастеса Милвертона. Но мне и во сне не могло присниться, что из этого выйдет.

Несколько дней подряд Холмс выходил из дому в разное время в этом наряде, но, кроме того, что он бывает в Хемстеде и не теряет времени зря, я ничего не знал о его деятельности. Наконец в один ненастный вечер, когда за окном неистовствовала буря, он вернулся домой и, сняв свой костюм, сел перед огнем и от души рассмеялся.

– Вы ведь не замечали, Уотсон, за мной матримониальных наклонностей?

– Не замечал.

– Так знайте, я обручен.

– Дорогой друг! Поздр…

– Невеста – горничная Милвертона.

– Господи помилуй. Холмс!

– Я должен был собрать о нем сведения.

– И вы зашли слишком далеко?

– Это было необходимо. Я лудильщик по имени Эскот, и дела мои процветают. Каждый вечер мы гуляли и беседовали. О боже! Эти беседы! Однако же я добился, чего хотел. Я теперь знаю дом Милвертона, как свои пять пальцев.

– Но девушка, Холмс!

Он пожал плечами.

– Ничего не поделаешь, милый Уотсон. На очень уж крупную дичь охота. Но я с удовольствием могу сообщить вам, что у меня есть соперник, который тут же займет мое место, как только я покажу спину. Какая роскошная ночь!

– Вы любите такую погоду?

– Это то, что мне надо. Я намерен сегодня ночью, Уотсон, залезть в дом Милвертона.

У меня даже дух захватило и мороз побежал по коже – с такой непреклонной решимостью проговорил он эти слова. Подобно тому, как молния среди ночи освещает на один миг малейшие детали обширного ландшафта, я умственным взглядом окинул все результаты, могущие произойти от такого поступка, – поимка, арест, почтенная карьера, оканчивающаяся позором, лучший мой друг в руках отвратительного Милвертона.

– Ради самого неба. Холмс, одумайтесь! – воскликнул я.

– Дорогой друг, вы ведь знаете, я не люблю опрометчивых поступков, я все хорошо взвесил и никогда бы не пошел на такую опасную меру, если бы имелся другой выход. Посмотрим на дело трезво. Вы, я полагаю, допускаете, что с точки зрения морали мой замысел оправдан, я совершу преступление только в глазах закона. Ограбить дом Милвертона – это не более чем отобрать у него силой записную книжку. А в этом вы сами были готовы помочь мне.

Я подумал.

– Да, – сказал я, – поступок нравственно законен, раз наша цель – взять только то, чем Милвертон пользуется для незаконных целей.

– Именно. А раз поступок с моральной точки зрения законен, остается только личный риск. Но истинный джентльмен не должен думать о риске, когда женщина так отчаянно нуждается в его помощи.

– Вы очутитесь в сложном положении.

– Это и есть риск. Я не вижу иного способа получить письма. У несчастной леди нет денег, а среди ее родных нет ни одного человека, которому она могла бы довериться. Завтра последний день, и, если мы не добудем писем сегодня ночью, этот негодяй сдержит свое слово и погубит ее. Поэтому я должен или все предоставить судьбе, или сделать этот последний ход. Между нами говоря, Уотсон, это своеобразная дуэль между Милвертоном и мною. При первом обмене ударов, как вы видели, перевес был на его стороне, и моя репутация и чувство собственного достоинства требуют, чтобы я продолжил ее.

– Мне это не нравится, но, видно, так должно быть, – сказал я. – Когда мы отправляемся?

– Вы со мной не пойдете.

– В таком случае и вы не пойдете, – возразил я. – Даю вам честное слово (а я никогда в жизни не нарушал его), что сейчас же найму кэб, поеду в полицию и выдам вас, если вы не возьмете меня с собой.

– Вы не можете мне помочь.

– Почем вы знаете? Неизвестно, что случится. Как бы там ни было, мое решение неизменно. Не вы одни обладаете чувством собственного достоинства и дорожите своей репутацией.

Холмс сначала казался раздосадованным, но теперь лицо его прояснилось, и он хлопнул меня по плечу.

– Ладно, дорогой друг, пусть будет так. Мы много лет жили в одной комнате, и нечего под конец менять традицию. Если не повезет, будем вместе делить камеру. Признаюсь, Уотсон, я всегда думал, что из меня вышел бы замечательный преступник. И вот наконец такая блестящая возможность!

Холмс вынул из ящика аккуратный кожаный футляр и, открыв его, показал мне несколько блестящих инструментов.

– Это первоклассный, последнего изобретения воровской набор, в нем никелированная фомка, алмаз для резания стекла, отмычки и все новейшие приспособления, требуемые прогрессом цивилизации. Вот также потайной фонарь. Все в порядке. Есть у вас бесшумные башмаки?

– Да, есть. Башмаки для тенниса с резиновыми подошвами.

– Прекрасно. А маска?

– Могу сделать пару из черного шелка.

– У вас, я вижу, врожденная склонность к таким вещам. Очень хорошо; делайте маски. Поужинаем перед уходом чем-нибудь холодным. Теперь половина девятого. В одиннадцать мы доедем до Черч-роу. Оттуда четверть часа ходьбы до Аплдор Тауэрс. Начнем работать еще до полуночи. Милвертон спит крепко и всегда ложится в половине одиннадцатого. При удаче будем дома в два часа с письмами леди Евы в кармане.

Мы надели фраки, чтобы иметь вид людей, возвращающихся из театра. На Оксфорд-стрит мы наняли кэб и доехали до Хемстеда. Там мы рассчитались с извозчиком и, застегнув доверху пальто, потому что было очень холодно и дул пронизывающий ветер, пошли вдоль Хиса.

– Это – дело деликатное, – сказал Холмс. – Документы находятся в кабинете Милвертона. Заперты в сейфе. А кабинет примыкает к спальне. Но у него, как у всех толстяков, не жалующихся на здоровье, прекрасный сон. Агата (так зовут мою невесту) говорит, что ее хозяина пушкой не разбудишь. У Милвертона есть секретарь, который ему очень предан. Днем он никуда не выходит из кабинета: вот почему мы пошли ночью. Дом охраняет злющая собака,

спущенная с цепи. Но я в последние два вечера приходил к Агате поздно, и она стала запирать ее. А вот и дом. Вот тот большой, в глубине сада. Пройдем в ворота, теперь направо между лавровыми кустами. Я думаю, пора надеть маски Видите, ни в одном окне нет света. Все идет прекрасно.

Надев маски и превратившись в настоящих разбойников, мы прокрались к безмолвному, мрачному дому. Вдоль одной его стороны была крытая веранда с несколькими окнами и двумя дверьми внутри.

– Это его спальня, – шепнул Холмс. – А рядом дверь в кабинет. Но она, к сожалению, заперта на засов и на замок. Отпирая ее, мы бы произвели слишком много шума. Так что пойдем кругом. Там есть оранжерея, в которую выходит гостиная.

Оранжерея была заперта, но Холмс вырезал стекло и повернул ключ изнутри. В следующий момент он запер за нами дверь, и мы в глазах закона стали преступниками. Нас охватил влажный, жаркий воздух зимнего сада и густые, одуряющие ароматы экзотических растений. Холмс взял меня в темноте за руку и быстро повел мимо кустов, ветки которых задевали нас по лицу. Мой друг обладал замечательной способностью: он видел в темноте Не выпуская моей руки, он открыл дверь, и я почувствовал, что мы вошли в большую комнату, в которой недавно курили сигары. Холмс двигался осторожно, стараясь не задеть мебель Потом он отворил другую дверь и закрыл ее за нами. Протянув руку, я ощупал несколько пальто, висевших на стене, и понял, что мы вышли в коридор. Мы прошли еще немного, и Холмс очень тихо отворил дверь с правой стороны. Что-то спрыгнуло на нас, и у меня душа ушла в пятки. Но это был кот, и я чуть не рассмеялся над своим испугом. В этой комнате горел в камине огонь, и тут также сильно пахло табачным дымом. Холмс вошел на цыпочках, подождал меня и затем очень тихо притворил дверь. Мы были в кабинете Милвертона. Портьера на противоположном конце скрывала вход в его спальню.

Огонь в камине ярко горел и освещал комнату. Возле дверей я увидел электрическую кнопку, но включать свет не было надобности, даже если бы это было безопасно. С одной стороны камина тяжелая портьера закрывала окно с выступом, которое мы видели снаружи. С другой стороны была дверь, выходящая на веранду. Посреди комнаты стоял письменный стол с вертящимся креслом, обитым яркой красной кожей. Напротив находился большой книжный шкаф с мраморным бюстом Афины наверху. В углу, между книжным шкафом и стеной, стоял большой зеленый сейф, и огонь камина ярко отражался в его начищенных медных ручках. Холмс, неслышно ступая, подошел к нему и осмотрел. Затем подкрался к двери спальни и, приблизив ухо к дверной щели, прислушался. Там было все тихо. Между тем мне пришло в голову, что не мешает обеспечить себе отступление через наружную дверь, и я осмотрел ее. К моему удивлению, она не была заперта ни на замок, ни на засов. Я дотронулся до руки Холмса, и он повернул свое лицо, скрытое маской, в сторону двери. Я видел, что он тоже удивлен.

– Мне это не нравится, – шепнул он мне в ухо. – Не понимаю, в чем дело. Во всяком случае, мы не должны терять времени.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Да, стойте у двери. Если услышите чьи-нибудь шаги, заложите засов, и мы уйдем тем путем, каким пришли. Если в комнату войдут со стороны зимнего сада и наша работа будет окончена, мы уйдем через эту дверь. Если же мы не успеем взять документы, то спрячемся за оконной портьерой. Ясно?

Я кивнул головой и встал у двери. Мое первое чувство страха прошло, и я трепетал от острого наслаждения, какого никогда не испытывал, когда мы защищали закон, а не бросали ему вызов, как теперь. Высокая цель нашей миссии, сознание, что нами двигают рыцарские побуждения, а не эгоистические, презрение, которое вызывала гнусная личность нашего противника, – все это умножало охотничий азарт. Я не чувствовал вины, а, наоборот,

испытывал радость и возбуждение от опасности, которой мы подвергались. Я с восхищением наблюдал за Холмсом. Он раскрыл свой набор и выбирал нужный инструмент спокойно и внимательно, как хирург перед сложной операцией. Я знал, что открывание сейфов – его конек, и понимал радость, которую он испытывал, очутившись лицом к лицу с зеленым позолоченным чудовищем, с драконом, держащим в своей пасти репутацию многих прекрасных дам. Завернув рукава фрака (пальто свое он положил на стул), Холмс вынул два сверла, фомку и несколько отмычек. Я стоял у двери, ведущей на веранду, не спуская глаз с других дверей, готовый ко всякой случайности, хотя, в сущности, у меня не было никаких планов, что делать в случае, если нас прервут. С полчаса Холмс сосредоточенно работал, откладывая один инструмент, выбирая другой, манипулируя ими с силой и точностью специалиста-механика. Наконец я услыхал, как что-то щелкнуло, широкая зеленая дверца открылась, и я мельком увидел внутри сейфа несколько пакетов, перевязанных, запечатанных и надписанных. Холмс взял один из них, но читать при мерцающем свете камина было трудно, и он вынул свой маленький потайной фонарь, так как включать свет рядом со спальней Милвертона было опасно. Вдруг я увидел, что Холмс поднял голову и стал внимательно прислушиваться. Затем в мгновение ока он толкнул дверцу сейфа, взял свое пальто, сунул инструменты в карманы и бросился за оконную портьеру, сделав мне знак последовать его примеру.

Только присоединившись к нему, я услыхал то, что встревожило его тонкий слух. Где-то в доме раздавался шум. Хлопнула дверь. Стали отчетливо слышны мерные, тяжелые шаги, быстро приближавшиеся к нам. У двери в кабинет шаги остановились. Открылась дверь. Резко щелкнул электрический выключатель. Дверь затворилась, и нашего обоняния коснулся едкий дым крепкой сигары. Затем шаги стали раздаваться в нескольких ярдах от нас, кто-то ходил по комнате взад и вперед. Наконец шаги смолкли и заскрипел стул. Затем щелкнул ключ в каком-то замке, и я услыхал шелест бумаги.

До сих пор я не осмеливался выглянуть, но тут я тихонечко раздвинул портьеры и заглянул в узкую щель. Я знал по тому, как Холмс прижался ко мне, что и он наблюдает. Прямо перед собой, почти на расстоянии руки мы увидели широкую круглую спину Милвертона. Было очевидно, что наши расчеты относительно его действий были совершенно ошибочны. Он и не входил спальню, а сидел в какой-нибудь курительной или бильярдной в дальнем флигеле дома, окна которого нам не были видны. Его широкая седеющая голова с блестящей лысиной была прямо перед нашими глазами. Он сидел, прислонившись к спинке красного кожаного кресла, ноги его были вытянуты, изо рта вверх торчала длинная черная сигара. На нем была тужурка цвета красного вина с черным бархатным воротником. Он держал в руках длинный документ, который лениво читал, выпуская изо рта кольца дыма. Его спокойные манеры и удобная поза говорили о том, что он расположился в кабинете надолго.

Я почувствовал, как рука Холмса проскользнула в мою и успокоительно ее пожала. Он как бы говорил мне, что предвидел такой оборот и не волнуется. Я не знал, видит ли он то, что было видно мне, а именно, что дверца сейфа закрыта неплотно и что Милвертон в любую минуту может заметить это. Про себя я решил, что если он обнаружит открытый сейф, – я тотчас выскочу из своей засады, наброшу ему на голову свое пальто, свяжу его и остальное предоставлю Холмсу. Но Милвертон ни разу не поднял глаз. Он неторопливо прочитывал бумаги, которые держал в руках, переворачивая страницу за страницей. Я надеялся, что он пойдет в спальню, когда кончит читать документ и докурит сигару; но не успел он окончить ни то, ни другое, как случилось нечто неожиданное.

Я заметил, что Милвертон несколько раз взглянул на часы, а однажды встал и снова сел, проявляя нетерпение. Но мне и в голову не приходило, что у него могло быть назначено свидание в такой неурочный час. Вдруг со стороны веранды до моего слуха донесся слабый звук шагов. Милвертон бросил бумаги и вытянулся на стуле. Скоро послышался легкий стук в дверь. Милвертон встал и открыл ее.

– Вы опоздали на полчаса, – произнес он резко.

Так вот объяснение открытой двери и ночного бдения Милвертона! Мы услыхали легкое шуршание женского платья. Я сдвинул было портьеры, так как теперь лицо Милвертона было обращено к нам. Но любопытство взяло верх, и я снова чуть-чуть раздвинул их. Милвертон уже сидел в кресле, и его черная сигара так же заносчиво торчала вверх. В середине комнаты, освещенная электрическим светом, стояла высокая, стройная женщина в темном капюшоне, стянутом у подбородка, с лицом, скрытым вуалью. Женщина быстро и прерывисто дышала, и вся ее гибкая фигура дрожала от сильного волнения.

– Вы, милая, лишили меня ночного отдыха, – сказал Милвертон. – Надеюсь, я буду вознагражден за это. Вы не могли прийти раньше?

Женщина покачала головой.

– Ну, не могли так не могли. Вы говорите, графиня немилостиво обращается с вами. У вас теперь есть возможность расквитаться с ней. Да что с вами, девушка? Что вы так дрожите? Вот так. Подбодритесь! А теперь приступим к делу. – Он вынул из ящика записку. – Вы говорите, что имеете пять писем, компрометирующих графиню д'Альбер. Вы желаете их продать, я желаю их купить. Хорошо. Остается определить цену. Я, конечно, должен посмотреть письма, действительно ли это то, что надо… Господи, да вы ли это?

Женщина, не говоря ни слова, подняла вуаль и отбросила с головы капюшон. Я увидел красивую брюнетку с правильными, тонкими чертами, нос с изящной горбинкой, густые черные брови над горящими ненавистью глазами и тонкие губы, изогнутые зловещей улыбкой.

– Да, это я, – ответила она. – Несчастная, которую вы погубили.

Милвертон рассмеялся, но в смехе его послышался страх.

– Вы были так упрямы, – сказал он. – Зачем было доводить дело до крайности? Уверяю вас, по собственному желанию я и мухи бы не обидел. Но всякий человек по-своему зарабатывает на хлеб. Что же мне оставалось делать? Я назначил цену, которая вам по средствам. Вы не хотели заплатить.

– И тогда вы послали письма моему мужу; это надорвало сердце благороднейшему из людей. Я недостойна была завязывать ему шнурки на ботинках. И он умер. Вы помните ту ночь, когда здесь, в этом кабинете, я просила, умоляла вас о милосердии, а вы расхохотались мне в лицо? Вы и сейчас пытаетесь смеяться, но губы ваши дрожат. Негодяй! Трусливая тварь! Вы не думали, что еще раз увидите меня? Но именно в ту ночь я узнала, как можно проникнуть к вам, когда вы один. Ну-с, Чарльз Милвертон, что еще вы хотите сказать?

– Не воображайте, что вы испугали меня, – ответил Милвертон, поднимаясь на ноги. – Стоит мне крикнуть, явятся слуги и схватят вас. Но я буду снисходителен, ведь гнев ваш так понятен. Уходите отсюда. И кончим этот разговор.

Но женщина не двинулась с места, держа руку под плащом и все так же зловеще улыбаясь.

– Вам больше не удастся погубить ничью жизнь, как вы погубили мою. Вы больше не будете терзать сердца, как истерзали мое. Я спасу мир от ядовитой гадины. Получай, собака!

В ее руке блеснул маленький пистолет. Один выстрел, другой, третий… Дуло пистолета было в полуметре от груди Милвертона. Он пошатнулся, упал на стол, закашлялся, цепляясь за бумаги. Затем, шатаясь, поднялся и шагнул из-за стола. Грянул шестой выстрел, и он упал на пол.

– Вы убили меня, – успел только прошептать он.

Женщина пристально посмотрела на него и ударила каблуком по его лицу. Потом снова посмотрела – Милвертон не вскрикнул, не двинулся. Зашуршали юбки, в душной комнате повеяло ночной свежестью, и мстительница удалилась.

Никакое вмешательство с нашей стороны не могло бы спасти этого человека от его судьбы; если бы не Холмс, схвативший меня за руку, когда женщина посылала пулю за пулей в шатающегося Милвертона, я бросился бы ему на помощь. Я понял, что означает его твердое

рукопожатие. Это не наше дело, правосудие наконец настигло мерзавца, у нас свои обязанности и своя цель, которую мы не должны терять из виду. Только что женщина исчезла, как Холмс быстрыми, неслышными шагами подошел к внутренней двери и повернул ключ в замке. В тот же момент мы услыхали в доме голоса и бегущие шаги. Выстрелы подняли весь дом. С невозмутимым видом Холмс быстро подошел к сейфу, выгреб обеими руками связки писем и бросил их все в огонь, потом еще и еще, пока сейф не опустел. Кто-то нажал ручку и стал колотить в дверь. Холмс бросил по сторонам беглый взгляд. На столе Милвертона лежало испачканное кровью письмо – вестник смерти. Холмс бросил в камин и его. Затем вынул ключ из замка наружной двери, выпустил меня, вышел сам и запер дверь.

– Сюда, Уотсон, – сказал он, – надо перелезть через стену сада.

Я не представлял себе, что тревога может так быстро охватить дом. Оглянувшись, я увидел, что все окна сверкают огнями. Парадная дверь была отперта, по аллее бежали люди. Сад кишел народом. Кто-то заметил, как мы выбежали с веранды, закричал и бросился за нами. Холмс хорошо знал каждую дорожку сада, и он уверенно бежал вперед между кустами и деревьями. Я ни на шаг не отставал от него. За мной по пятам – я слышал его дыхание – мчался наш преследователь. Путь преградила шестифутовая стена. Холмс перескочил через нее. Я тоже прыгнул и, уцепившись за край, почувствовал, как чья-то рука схватила меня за ногу. Я выдернул ее, вскарабкался на верх стены, усыпанный битым стеклом, и упал в кусты лицом вниз. Холмс в одно мгновение поставил меня на ноги, и мы бросились бежать по огромной Хемстедской пустоши. Мы пробежали приблизительно две мили, когда Холмс наконец остановился и стал прислушиваться.

Вокруг нас царило абсолютное безмолвие. Мы ушли от погони. Мы спасены.

На следующее утро, когда, позавтракав, мы курили свои трубки, в нашей скромной гостиной появился инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда. Вид у него был важный и многозначительный.

– Доброе утро, мистер Холмс, – произнес он, – доброе утро. Скажите, пожалуйста, вы сейчас очень заняты?

– Занят, но с удовольствием послушаю вас.

– Не могли бы вы помочь нам расследовать очень интересное дело, случившееся прошлой ночью в Хемстеде?

– Господи! – воскликнул Холмс. – Что там такое случилось?

– Убийство… Крайне драматическое и замечательное. Я знаю, как вы живо интересуетесь подобными делами, и был бы вам очень обязан, если бы вы доехали до Аплдор Тауэрс и помогли бы нам. Это – необычное преступление. Мы с некоторых пор следили за убитым. Между нами будь сказано, он был изрядный негодяй. У него в сейфе хранились компрометирующие бумаги, которые он использовал для шантажа. Все эти бумаги сожжены убийцами. Не похищено ни одного ценного предмета Надо полагать, что преступники – люди из общества. Они руководствовались, по-видимому, единственной целью – предотвратить общественную огласку.

– Преступников было несколько? – спросил Холмс.

– Двое. Их чуть-чуть не поймали на месте преступления. У нас есть отпечатки их следов, есть их описание; десять шансов против одного, что мы найдем их. Первый был очень проворен, второго садовнику удалось было схватить, но тот вырвался. Это был мужчина среднего роста, крепкого сложения, с широким лицом, толстой шеей, усами и в маске.

– Приметы неопределенные, – возразил Шерлок Холмс. – Вполне подойдут хотя бы к Уотсону

– Правда, подойдут, – улыбнулся инспектор, которому это показалось забавным. – Точь-в-точь Уотсон.

– Боюсь, что я не смогу вам помочь, Лестрейд, – сказал Холмс. – Дело в том, что я знал этого Милвертона и считаю его одним из самых опасных людей в Лондоне. По-моему, есть преступления, на которые не распространяется закон. Личная месть бывает иногда справедлива. Не надо спорить. Я решил твердо. Мои симпатии на стороне преступников, а не их жертвы. Я не возьмусь за это дело Холмс за все утро ни разу не обмолвился о трагедии, свидетелями которой мы были. Но я заметил, что он был крайне задумчив и рассеян, как человек, пытающийся что-то припомнить. Вдруг он вскочил со стула.

– Клянусь Юпитером, Уотсон, – воскликнул он, – я вспомнил! Берите шляпу! Идемте со мной!

Чуть не бегом мы прошли Бейкер-стрит, Оксфорд-стрит и остановились почти у самой площади Риджент-серкес. Тут, налево, есть окно магазина, в котором выставлены фотографии знаменитостей дня и известных красавиц. Глаза Холмса устремились на одну из них, и, следуя за его взглядом, я увидел портрет гордой красавицы в придворном платье и с высокой бриллиантовой диадемой на благородной голове. Я посмотрел на тонко очерченный нос, на густые брови, на прямой рот и сильный маленький подбородок. У меня остановилось дыхание, когда я прочел прославленное веками имя великого сановника и государственного деятеля, чьей женой она была. Мои глаза встретились с глазами Холмса. Мы отошли от окна, и он приложил палец к губам.

Шесть Наполеонов

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлок Холмс охотно принимал его. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигареты. Холмс пристально посмотрел на него.

– У вас есть для меня какое-то интересное дело?

– О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

– В таком случае, расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

– От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

– Болезнь? – спросил я.

– Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

– Это дело не по моей части.

– Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова:

– Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробность.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

– О первом случае нам сообщили четыре дня назад, – сказал он. – Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, выбежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени… Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями, принадлежавшими французскому императору. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дома и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

– Случай действительно необыкновенный! – сказал он.

– Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. К двенадцати часам доктор Барникот приехал к себе в хирургическую, и представите себе его удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник… или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

– Они оригинальны и даже причудливы, – сказал Холмс. – Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хэдсона?

– Их отливали в одной и той же форме.

– Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

– Это и мне приходило в голову, – сказал Лестрейд. – Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

– Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны, – ответил я. – Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн.

У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

– Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, – сказал Холмс, покачав головой, – ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

– А вы как это объясните?

– Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух: «Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд»

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю. Это может значить все что угодно. Но, мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона… Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит – в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом N131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс даже присвистнул.

– Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

– История с Наполеонами продолжается, – сказал Лестрейд. – Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

– К какому событию?

– К убийству… Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

– Странная вещь, – сказал он. – Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и, если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

– Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хай-стритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех часов снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль – никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший

гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я засвистел в свисток и тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

– Кто был убитый? – спросил Холмс.

– Этого определить не удалось. – сказал Лестрейд. – Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

– А что стало с бюстом? – спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

– Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпеден-Хауз-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

– Ну что? – спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

– Нам еще много придется повозиться с этим делом, – сказал он. – И все-таки… все-таки… все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

– Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

– Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

– Дом этот пустой, – сказал он, – и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

– Да, – возразил Холмс, – но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

– Я не обратил на это внимания, – сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

– Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

– Вы правы, черт побери! – сказал сыщик. – Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

– Запомните его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят вас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

– По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

– Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

– С какого?

– О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

– Отлично, – сказал Лестрейд.

– Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеононенавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

– Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

– Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати… Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставлю фотографию у себя.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

– Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу,

– сказал он наконец. – Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

– Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, – сказал он. – Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по-моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Хелдера и компании, на Черч-стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Барникоту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-

какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст…

– Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, – сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. – Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Хелдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой. Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов – шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготовляются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склеивают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

– А, негодяй! – закричал он. – Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция… по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

– К чему его присудили?

– Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

– Нет, нет, – вскричал Холмс, – не говорите его брату ни слова… умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

– Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, – ответил хозяин. – Да, – продолжал он, порывшись в своих бумагах, – последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощание никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом листке, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

– Все в порядке, Уотсон, – сказал он. – Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, – настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

– Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер – наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и отвечу вам. Да, вот тут все записано. Один бюст – мистеру Харкеру, другой – мистеру Джосайе Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнумвэли, в Лабурнумлодж, а третий – мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гровроуд.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

– Как дела, мистер Холмс? – спросил он.

– Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром, – сказал мой друг. – Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

– Судьбу каждого бюста! – воскликнул Лестрейд. – Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

– Да что вы говорите!

– И определил причину преступления.

– Превосходно!

– У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он

выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану… Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

– Превосходно, Лестрейд, превосходно! – воскликнул он. – Но я не вполне понимаю, как вы объясните уничтожение бюстов.

– Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами – пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство – стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

– Как же вы собираетесь поступить дальше?

– Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

– Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит… Словом, это зависит от одного обстоятельства, которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против. Итак, я надеюсь, что, если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

– В итальянском квартале?

– Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите рассыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода – захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие – охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха – это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник

бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

– Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, – прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома – добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

– Мистер Джосайа Браун, если не ошибаюсь? – сказал Холмс.

– Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйте, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

– Все в порядке, – сказал Лестрейд, прощаясь с нами. – Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя версия подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

– Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, – сказал Холмс. – Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело – одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный головорез во всем итальянском квартале. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз – за мелкое воровство, другой раз – за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготовлять бюсты и что он изготовлял их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна. Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок. Через

минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

– Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

– Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? – сказал он.

– Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно… Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

– Совершенно верно.

– Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

– Именно так.

– Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

– А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

– Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

– Нет, не говорил.

– Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

– Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

– Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

– Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства… Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

– Джентльмены! – воскликнул он. – Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиев [64]! Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванными на сцену

рукоплесканиями зрителей. – Да, джентльмены, – сказал он, – это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренностей последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской Хелдера и компании, в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Хелдера и компании как раз в то время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище, найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Хелдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведал, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

– Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? – спросил я.

– Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс «против» и два – «за». Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиев. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст – тот, который находился в Рединге, – и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

– Да, – сказал Лестрейд, – много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

– Спасибо! – сказал Холмс. – Спасибо!

Три студента

В 1895 году ряд обстоятельств – я не буду здесь на них останавливаться – привел мистера Шерлока Холмса и меня в один из наших знаменитых университетских городов; мы пробыли там несколько недель и за это время столкнулись с одним происшествием, о котором я собираюсь рассказать, не слишком запутанным, но весьма поучительным. Разумеется, любые подробности, позволяющие читателю определить, в каком колледже происходило дело или кто был преступник, неуместны и даже оскорбительны. Столь позорную историю можно было бы предать забвению безо всякого ущерба. Однако с должным тактом ее стоит изложить, ибо в ней проявились удивительные способности моего друга. В своем рассказе я постараюсь избегать всего, что позволит угадать, где именно это случилось или о ком идет речь.

Мы остановились тогда в меблированных комнатах неподалеку от библиотеки, где Шерлок Холмс изучал древние английские хартии, – его труды привели к результатам столь поразительным, что они смогут послужить предметом одного из моих будущих рассказов. И как-то вечером нас посетил один знакомый, мистер Хилтон Сомс, – преподаватель колледжа Святого Луки. Мистер Сомс был высок и худощав и всегда производил впечатление человека нервозного и вспыльчивого. Но на сей раз он просто не владел собой, и по всему было видно; что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Мистер Холмс, не сможете ли вы уделить мне несколько часов вашего драгоценного времени? У нас в колледже случилась пренеприятная история, и, поверьте, если бы не счастливое обстоятельство, что вы сейчас в нашем городе, я бы и не знал, как мне поступить.

– Я очень занят, и мне не хотелось бы отвлекаться от своих занятий, – отвечал мой друг. – Советую вам обратиться в полицию.

– Нет, нет, уважаемый сэр, это невозможно. Если делу дать законный ход, его уже не остановишь, а это как раз такой случай, когда следует любым путем избежать огласки, чтобы не бросить тень на колледж. Вы известны своим тактом не менее, чем талантом расследовать самые сложные дела, и я бы ни к кому не обратился, кроме вас. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне.

Вдали от милой его сердцу Бейкер-стрит нрав моего друга отнюдь не становился мягче. Без своего альбома газетных вырезок, без химических препаратов и привычного беспорядка Холмс чувствовал себя неуютно. Он раздраженно пожал плечами в знак согласия, и наш визитер, волнуясь и размахивая руками, стал торопливо излагать суть дела.

– Видите ли, мистер Холмс, завтра первый экзамен на соискание стипендии Фортескью, и я один из экзаменаторов. Я преподаю греческий язык, и первый экзамен как раз по греческому. Кандидату на стипендию дается для перевода большой отрывок незнакомого текста. Этот отрывок печатается в типографии, и, конечно, если бы кандидат мог приготовить его заранее, у него было бы огромное преимущество перед другими экзаменующимися. Вот почему необходимо, чтобы экзаменационный материал оставался в тайне.

Сегодня около трех часов гранки текста прибыли из типографии. Задание

– полглавы из Фукидида. Я обязан тщательно его выверить – в тексте не должно быть ни единой ошибки. К половине пятого работа еще не была закончена, а я обещал приятелю быть у него к чаю. Уходя, я оставил гранки на столе. Отсутствовал я более часа.

Вы, наверное, знаете, мистер Холмс, какие двери у нас в колледже – массивные, дубовые, изнутри обиты зеленым сукном. По возвращении я с удивлением заметил в двери ключ. Я было подумал, что это я сам забыл его в замке, но, пошарив в карманах, нашел его там. Второй,

насколько мне известно, у моего слуги, Бэннистера, он служит у меня вот уже десять лет, и честность его вне подозрений. Как выяснилось, это действительно был его ключ – он заходил узнать, не пора ли подавать чай, и, уходя, по оплошности забыл ключ в дверях. Бэннистер, видимо, заходил через несколько минут после моего ухода. В другой раз я не обратил бы внимания на его забывчивость, но в тот день она обернулась весьма для меня плачевно.

Едва я взглянул на письменный стол, как понял, что кто-то рылся в моих бумагах. Гранки были на трех длинных полосах. Когда я уходил, они лежали на столе. А теперь я нашел одну на полу, другую – на столике у окна, третью – там, где оставил…

Холмс в первый раз перебил собеседника:

– На полу лежала первая страница, возле окна – вторая, а третья – там, где вы ее оставили?

– Совершенно верно, мистер Холмс. Удивительно! Как вы могли догадаться?

– Продолжайте ваш рассказ, все это очень интересно.

– На минуту мне пришло в голову, что Бэннистер разрешил себе недопустимую вольность – заглянул в мои бумаги. Но он это категорически отрицает, и я ему верю. Возможно и другое – кто-то проходил мимо, заметил в дверях ключ и, зная, что меня нет, решил взглянуть на экзаменационный текст. Речь идет о большой сумме денег – стипендия очень высокая, и человек, неразборчивый в средствах, охотно пойдет на риск, чтобы обеспечить себе преимущество.

Бэннистер был очень расстроен. Он чуть не потерял сознание, когда стало ясно, что гранки побывали в чужих руках. Я дал ему глотнуть бренди, и он сидел в кресле в изнеможении, пока я осматривал комнату. Помимо разбросанных бумаг, я скоро заметил и другие следы незваного гостя. На столике у окна лежали карандашные стружки. Там же я нашел кончик грифеля. Очевидно, этот негодяй списывал текст в величайшей спешке, сломал карандаш и вынужден был его очинить.

– Прекрасно, – откликнулся Холмс. Рассказ занимал его все больше, и к нему явно возвращалось хорошее настроение. – Вам повезло.

– Это не все. Письменный стол у меня новый, он покрыт отличной красной кожей. И мы с Бэннистером готовы поклясться – кожа на нем была гладкая, без единого пятнышка. А теперь на поверхности стола я увидел порез длиной около трех дюймов – не царапину, а именно порез. И не только это: я нашел на столе комок темной замазки или глины, в нем видны какие-то мелкие крошки, похожие на опилки. Я убежден: эти следы оставил человек, рывшийся в бумагах. Следов на полу или каких-нибудь других улик, указывающих на злоумышленника, не осталось. Я бы совсем потерял голову, не вспомни я, по счастью, что вы сейчас у нас в городе. И я решил обратиться к вам. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне! Надо во что бы то ни стало найти этого человека, иначе придется отложить экзамен, пока не будет подготовлен новый материал, но это потребует объяснений, и тогда не миновать скандала, который бросит тень не только на колледж, но и на весь университет. У меня одно желание – не допустить огласки.

– Буду рад заняться этим делом и помочь вам, – сказал Холмс, поднимаясь и надевая пальто. – Случай любопытный. Кто-нибудь заходил к вам после того, как вы получили гранки?

– Даулат Рас, студент-индус; он живет на этой же лестнице и приходил справиться о чем-то, связанном с экзаменами.

– Он тоже будет экзаменоваться?

– Да.

– Гранки лежали на столе?

– Насколько я помню, они были свернуты трубочкой.

– Но видно было, что это гранки?

– Пожалуй.

– Больше у вас в комнате никто не был?

– Никто.

– Кто-нибудь знал, что гранки пришлют вам?

– Только наборщик.

– А ваш слуга, Бэннистер?

– Конечно, нет. Никто не знал.

– Где сейчас Бэннистер?

– Он так и остался в кресле у меня в кабинете. Я очень спешил к вам. А ему было так плохо, что он не мог двинуться с места.

– Вы не закрыли дверь на замок?

– Я запер бумаги в ящик.

– Значит, мистер Сомс, если допустить, что индус не догадался, то человек, у которого гранки побывали в руках, нашел их случайно, не зная заранее, что они у вас?

– По-моему, да.

Холмс загадочно улыбнулся.

– Ну, – сказал он, – идемте. Случай не в вашем вкусе, Уотсон, – тут нужно не действовать, а думать. Ладно, идемте, если хотите. Мистер Сомс, я к вашим услугам.

Низкое окно гостиной нашего друга, длинное, с частым свинцовым переплетом, выходило в поросший лишайником старинный дворик колледжа. За готической дверью начиналась каменная лестница с истертыми ступенями. На первом этаже помещались комнаты преподавателя. На верхних этажах жили три студента; их комнаты находились одна над другой. Когда мы подошли, уже смеркалось. Холмс остановился и внимательно посмотрел на окно. Затем приблизился к нему вплотную, встал на цыпочки и, вытянув шею, заглянул в комнату.

– Очевидно, он вошел в дверь. Окно не открывается, только маленькая форточка, – сообщил наш ученый гид.

– Вот как! – отозвался Холмс и, непонятно улыбнувшись, взглянул на нашего спутника. – Что же, если здесь ничего не узнаешь, пойдемте в дом.

Хозяин отпер дверь и провел нас в комнату. Мы остановились на пороге, а Холмс принялся внимательно осматривать ковер.

– К сожалению, никаких следов, – сказал он. – Да в сухую погоду их и не может быть. Слуга ваш, наверно, уже пришел в себя. Вы думаете, он так и остался в кресле, когда вы уходили? А в каком именно?

– Вон там, у окна.

– Понятно. Возле того столика. Теперь входите и вы. Я окончил осматривать ковер. Примемся теперь за столик. Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Кто-то вошел в комнату и стал лист за листом переносить гранки с письменного стола на маленький столик к окну – оттуда он мог следить за двором, на случай, если вы появитесь, и таким образом в нужную минуту скрыться.

– Меня он увидеть не мог, – вставил Сомс, – я пришел через калитку.

– Ага, превосходно! Но как бы то ни было, он устроился с гранками возле окна с этой целью. Покажите мне все три полосы. Отпечатков пальцев нет, ни одного! Так, сначала он перенес сюда первую и переписал ее. Сколько на это нужно времени, если сокращать слова? Четверть часа, не меньше. Потом он бросил эту полосу и схватил следующую. Дошел до середины, но тут вернулись вы, и ему пришлось немедленно убираться прочь; он так

торопился, что не успел даже положить на место бумаги и уничтожить следы. Когда вы входили с лестницы, вы, случайно, не слышали поспешно удаляющихся шагов?

– Как будто нет.

– Итак, неизвестный лихорадочно переписывал у окна гранки, сломал карандаш и вынужден был, как видите, чинить его заново. Это весьма интересно, Уотсон. Карандаш был не совсем обычный. Очень толстый, с мягким грифелем, темно-синего цвета снаружи, фамилия фабриканта вытиснена на нем серебряными буквами, и оставшаяся часть не длиннее полутора дюймов. Найдите такой точно карандаш, мистер Сомс, и преступник в ваших руках. Если я добавлю, что у него большой и тупой перочинный нож, то у вас появится еще одна улика.

Мистера Сомса несколько ошеломил этот поток сведений.

– Я понимаю ход ваших мыслей, – сказал он, – но как вы догадались о длине карандаша?..

Холмс протянул ему маленький кусочек дерева с буквами «НН», над которыми облупилась краска.

– Теперь ясно?

– Нет, боюсь, и теперь не совсем…

– Вижу, что я всегда был несправедлив к вам, Уотсон. Оказывается, вы не единственный в своем роде. Что означают эти буквы «НН»? Как известно, чаще всего встречаются карандаши Иоганна Фабера. Значит, «НН» – это окончание имени фабриканта.

Он наклонил столик так, чтобы на него падал электрический свет.

– Если писать на тонкой бумаге, на полированном дереве останутся следы. Нет, ничего не видно. Теперь письменный стол. Этот комок, очевидно, и есть та темная глина, о которой вы говорили. Формой напоминает полую пирамидку; в глине, как вы и сказали, заметны опилки. Так, так, очень интересно! Теперь порез на столе – кожа, попросту говоря, вспорота. Ясно. Начинается с тонкой царапины и кончается дырой с рваными краями. Весьма вам признателен за этот интересный случай, мистер Сомс. Куда ведет эта дверь?

– Ко мне в спальню.

– Вы заходили туда после того, как обнаружили посягательство на экзаменационный текст?

– Нет, я сразу бросился к вам.

– Позвольте мне заглянуть в спальню… Какая милая старомодная комната. Будьте любезны, подождите немного: я осмотрю пол. Нет, ничего интересного. А что это за портьера? Так, за ней висит одежда. Случись кому-нибудь прятаться в этой комнате, он забрался бы сюда: кровать слишком низкая, а гардероб – узкий. Здесь, конечно, никого нет?

Холмс взялся за портьеру, и по его слегка напряженной и даже настороженной позе было видно, что он готов к любой неожиданности. Он отдернул портьеру, но там мы не увидели ничего, кроме нескольких костюмов. Холмс обернулся и внезапно наклонился над полом.

– Ну-ка, а это что? – воскликнул он. На полу лежала точно такая же пирамидка из темной вязкой массы, как и на письменном столе. Холмс на ладони поднес ее к лампе.

– Ваш гость, как видите, оставил следы не только в гостиной, но и в спальне, мистер Сомс.

– Что ему было здесь нужно?

– По-моему, это вполне очевидно. Вы пришли не с той стороны, откуда он вас ждал, и он услыхал ваши шаги, когда вы уже были у самой двери. Что ему оставалось? Он схватил свои вещи и бросился к вам в спальню.

– Господи боже мой, мистер Холмс, значит, все время, пока я разговаривал с Бэннистером, негодяй сидел в спальне, как в ловушке, а мы об этом и не подозревали?

– Похоже, что так.

– Но, возможно, все было иначе, мистер Холмс. Не знаю, обратили ли вы внимание на окно в спальне.

– Мелкие стекла, свинцовый переплет, три рамы, одна на петлях и достаточно велика, чтобы пропустить человека.

– Совершенно верно. И выходит это окно в угол двора, так что со двора одна его часть не видна совсем. Преступник мог залезть в спальню, оставить за шторой следы, пройти оттуда в гостиную и, наконец обнаружив, что дверь не заперта, бежать через нее.

Холмс нетерпеливо покачал головой.

– Давайте рассуждать здраво, – сказал он. – Как я понял из ваших слов, этой лестницей пользуются три студента, и они обычно проходят мимо вашей двери.

– Да, их трое.

– И все они будут держать этот экзамен?

– Да.

– У вас есть причины подозревать кого-то одного больше других?

Сомс ответил не сразу.

– Вопрос весьма щекотливый, – проговорил он. – Не хочется высказывать подозрения, когда нет доказательств.

– И все-таки у вас есть подозрения. Расскажите их нам, а о доказательствах позабочусь я.

– Тогда я расскажу вам в нескольких словах о всех троих. Сразу надо мной живет Гилкрист, способный студент, отличный спортсмен, играет за колледж в регби и крикет и завоевал первые места в барьерном беге и прыжках в длину. Вполне достойный молодой человек. Его отец – печальной известности сэр Джейбс Гилкрист – разорился на скачках. Сыну не осталось ни гроша, но это трудолюбивый и прилежный юноша. Он многого добьется.

На третьем этаже живет Даулат Рас, индус. Спокойный, замкнутый, как большинство индусов. Он успешно занимается, хотя греческий – его слабое место. Работает упорно и методично.

На самом верху комната Майлса Макларена. Когда он возьмется за дело, то добивается исключительных успехов. Это один из самых одаренных наших студентов, но он своенравен, беспутен и лишен всяких принципов. На первом курсе его чуть не исключили за какую-то темную историю с картами. Весь семестр он бездельничал и, должно быть, очень боится этого экзамена.

– Значит, вы подозреваете его?

– Не берусь утверждать. Но из всех троих за него, пожалуй, я поручусь меньше всего.

– Понимаю. А теперь, мистер Сомс, познакомьте нас с Бэннистером.

Слуга был невысокий человек лет пятидесяти, с сильной проседью, бледный, гладко выбритый. Он не совсем еще оправился от неожиданного потрясения, нарушившего мирный ход его жизни. Пухлое лицо его подергивала нервная судорога, руки дрожали.

– Мы пытаемся разобраться в этой неприятной истории, Бэннистер, – обратился к нему хозяин.

– Понимаю, сэр.

– Если не ошибаюсь, вы оставили в двери ключ? – сказал Холмс.

– Да, сэр.

– Как странно, что его случилось с вами в тот самый день, когда в комнате были столь важные бумаги.

– Да, сэр, очень неприятно. Но я забывал ключ и раньше.

– Когда вы вошли в комнату?

– Около половины пятого. В это время я обычно подаю мистеру Сомсу чай.

– Сколько вы здесь пробыли?

– Я увидел, что его нет, и сейчас же вышел.

– Вы заглядывали в бумаги на столе?

– Нет, сэр, как, можно!

– Почему вы оставили ключ в двери?

– У меня в руках был поднос. Я хотел потом вернуться за ключом. И забыл.

– В двери есть пружинный замок?

– Нет, сэр.

– Значит, она стояла открытой все время?

– Да, сэр.

– И выйти из комнаты было просто?

– Да, сэр.

– Вы очень разволновались, когда мистер Сомс вернулся и позвал вас?

– Да, сэр. Такого не случалось ни разу за все годы моей службы. Я чуть сознания не лишился, сэр.

– Это легко понять, А где вы были, когда вам стало плохо?

– Где, сэр? Да вот тут, около дверей.

– Странно, ведь вы сели на кресло там, в углу. Почему вы выбрали дальнее кресло?

– Не знаю, сэр, мне было все равно, куда сесть.

– По-моему, он не совсем ясно помнит, что происходило, мистер Холмс. Вид у него бил ужасный – побледнел как смерть.

– Сколько, вы здесь пробыли по уходе хозяина?

– С минуту, не больше. Потом я запер дверь и пошел к себе.

– Кого вы подозреваете?

– Сэр, я не берусь сказать. Не думаю, что во всем университете найдется хоть один джентльмен, способный ради выгоды на такой поступок. Нет, сэр, в это я поверить не могу.

– Благодарю вас, это все, – заключил Холмс. – Да, еще один вопрос. Кому-нибудь из трех джентльменов, у которых, вы служите, вы упоминали об этой неприятности?

– Нет, сэр, никому.

– А видели кого-нибудь из них?

– Нет, сэр, никого.

– Прекрасно. Теперь, мистер Сомс, с вашего позволения осмотрим двор.

Три желтых квадрата светились над нами в сгущавшихся сумерках.

– Все три пташки у себя в гнездышках, – сказал Холмс, взглянув наверх. – Эге, а это что такое? Один из них, кажется, не находит себе места.

Он говорил об индусе, чей темный силуэт вдруг появился на фоне спущенной шторы. Студент быстро шагал взад и вперед во комнате.

– Мне бы хотелось на них взглянуть, – сказал Холмс. – Это можно устроить?

– Нет ничего проще, – ответил Сомс. – Наши комнаты – самые старинные в колледже, и неудивительно, что здесь бывает много посетителей, желающих на них посмотреть. Пойдемте, я сам вас проведу.

– Пожалуйста, не называйте ничьих фамилий! – попросил Холмс, когда мы стучались к Гилкристу.

Нам открыл высокий и стройный светловолосый юноша и, услышав о цели нашего посещения, пригласил войти.

Комната действительно представляла собой любопытный образец средневекового интерьера. Холмса так пленила одна деталь, что он решил тут же зарисовать ее в блокнот, сломал карандаш и был вынужден попросить другой у хозяина, а кончил тем, что попросил у него еще и перочинный нож. Такая же любопытная история приключилась и в комнатах у индуса – молчаливого, низкорослого человека с крючковатым носом. Он поглядывал на нас с подозрением и явно обрадовался, когда архитектурные исследования Холмса пришли к концу. Незаметно было, чтобы во время этих визитов Холмс нашел улику, которую искал. У третьего студента нас ждала неудача. Когда мы постучали, он не пожелал нам открыть и вдобавок разразился потоком брани.

– А мне плевать, кто вы! Убирайтесь ко всем чертям! – донесся из-за двери сердитый голос. – Завтра экзамен, и я не позволю, чтоб меня отрывали от дела.

Наш гид покраснел от негодования.

– Грубиян! – возмущался он, когда мы спускались по лестнице. – Конечно, он не мог знать, что это стучу я. Но все-таки его поведение в высшей степени невежливо, а в данных обстоятельствах и подозрительно.

Реакция Холмса была довольно необычной.

– Вы не можете мне точно сказать, какого он роста? – спросил Холмс.

– По правде говоря, мистер Холмс, не берусь. Он выше индуса, но не такой высокий, как Гилкрист. Что-нибудь около пяти футов и шести дюймов.

– Это очень важно, – сказал Холмс. – А теперь, мистер Сомс, разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Наш гид вскричал в смятении и испуге:

– Боже праведный, мистер Холмс, неужели вы оставите меня в такую минуту! Вы, кажется, не совсем понимаете, как обстоит дело. Завтра экзамен. Я обязан принять самые решительные меры сегодня же вечером. Я не могу допустить, чтобы экзамен состоялся, если кому-то известен материал. Надо выходить из этого положения.

– Оставьте все, как есть. Я загляну завтра поутру, и мы все обсудим. Кто знает, быть может, к тому времени у меня появятся какие-то дельные предложения. А пока ничего не предпринимайте, решительно ничего.

– Хорошо, мистер Холмс.

– И будьте совершенно спокойны. Мы непременно что-нибудь придумаем. Я возьму с собой этот комок черной глины, а также карандашные стружки. До свидания.

Когда мы вышли в темноту двора, то снова взглянули на окна. Индус все шагал по комнате. Других не было видно.

– Ну, Уотсон, что вы об этом думаете? – спросил Холмс на улице. – Совсем как игра, которой развлекаются на досуге, – вроде фокуса с тремя картами, правда? Вот вам трое. Нужен один из них. Выбирайте. Кто по-вашему?

– Сквернослов с последнего этажа. И репутация у него самая дурная. Но индус тоже весьма подозрителен. Что это он все время расхаживает взад и вперед?

– Ну, это ни о чем не говорит. Многие ходят взад и вперед, когда учат что-нибудь наизусть.

– Он очень неприязненно поглядывал на нас.

– Вы бы поглядывали точно так же, если бы накануне трудного экзамена к вам ворвалась толпа ищущих развлечения бездельников. В этом как раз нет ничего особенного. И карандаши, и ножи у всех тоже в порядке. Нет, мои мысли занимает совсем другой человек.

– Кто?

– Бэннистер, слуга. Он каким-то образом причастен к этой истории.

– Мне он показался безукоризненно честным человеком.

– И мне. Это как раз и удивительно. Зачем безукоризненно честному человеку… Ага, вот и большой писчебумажный магазин. Начнем поиски отсюда.

В городе было всего четыре мало-мальски приличных писчебумажных магазина, и в каждом Холмс показывал карандашные стружки и спрашивал, есть ли в магазине такие карандаши. Всюду отвечали, что такой карандаш можно выписать, но размера он необычного и в продаже бывает редко. Моего друга, по-видимому, не особенно огорчила неудача; он только пожал плечами с шутливой покорностью.

– Не вышло, мой дорогой Уотсон. Самая надежная и решающая улика не привела ни к чему. Но, по правде говоря, я уверен, что мы и без нее сумеем во всем разобраться. Господи! Ведь уже около девяти, мой друг, а хозяйка, помнится мне, говорила что-то насчет зеленого горошка в половине восьмого. Смотрите, Уотсон, как бы вам из-за вашего пристрастия к табаку и дурной привычки вечно опаздывать к обеду не отказали от квартиры, а заодно, чего доброго, и мне. Это, право, было бы неприятно, во всяком случае сейчас, пока мы не решили странную историю с нервным преподавателем, рассеянным слугой и тремя усердными студентами.

Холмс больше не возвращался в тот день к этому делу, хотя после нашего запоздалого обеда он долго сидел в глубокой задумчивости. В восемь утра, когда я только что закончил свой туалет, он пришел ко мне в комнату.

– Ну, Уотсон, – сказал он, – пора отправляться в колледж святого Луки. Вы можете один раз обойтись без завтрака?

– Конечно.

– Сомс до нашего прихода будет как на иголках.

– А у вас есть для него добрые вести?

– Кажется, есть.

– Вы решили эту задачу?

– Да, мой дорогой Уотсон, решил.

– Неужели вам удалось найти какие-то новые улики?

– Представьте себе, да! Я сегодня поднялся чуть свет, в шесть утра был уже на ногах, и не зря. Два часа рыскал по окрестности, отмерил, наверно, не менее пяти миль – и вот, смотрите!

Он протянул мне руку. На ладони лежали три пирамидки вязкой темной глины.

– Послушайте, Холмс, но вчера у вас было только две.

– Третья прибавилась сегодня утром. Понятно, что первая и вторая пирамидки того же происхождения, что и третья. Не так ли, Уотсон? Ну, пошли, надо положить конец страданиям нашего друга Сомса.

И, действительно, мы застали несчастного преподавателя в самом плачевном состоянии. Через несколько часов начинался экзамен, а он все еще не знал, как ему поступить – предать ли свершившееся гласности или позволить виновному участвовать в экзамене на столь высокую стипендию. Он места себе не находил от волнения и с протянутыми руками бросился к Холмсу.

– Какое счастье, что вы пришли! А я боялся, вдруг вы отчаялись и решили отказаться от этого дела. Ну, как мне быть? Начинать экзамен?

– Непременно.

– А негодяй…

– Он не будет участвовать.

– Так вы знаете, кто он?

– Кажется, знаю. А чтобы история эта не вышла наружу, устроим своими силами нечто вроде небольшого полевого суда. Сядьте, пожалуйста, вон там, Сомс! Уотсон, вы здесь! А я займу кресло посредине. Я думаю, у нас сейчас достаточно внушительный вид, и мы заставим трепетать преступника. Позвоните, пожалуйста, слуге.

Вошел Бэннистер и, увидев грозное судилище, отпрянул в изумлении и страхе.

– Закройте дверь, Бэннистер, – сказал Холмс. – А теперь расскажите всю правду о вчерашнем.

Слуга переменился в лице.

– Я все рассказал вам, сэр.

– Вам нечего добавить?

– Нечего, сэр.

– Что ж, тогда я должен буду высказать кое-какие свои предположения. Садясь вчера в это кресло, вы хотели скрыть какой-то предмет, который мог бы разоблачить незваного гостя?

Бэннистер побледнел как полотно.

– Нет, нет, сэр, ничего подобного.

– Это всего лишь только предположение, – вкрадчиво проговорил Холмс.

– Признаюсь откровенно, я не сумею этого доказать. Но предположение это вполне вероятно: ведь стоило мистеру Сомсу скрыться за дверью, как вы тут же выпустили человека, который прятался в спальне.

Бэннистер облизал пересохшие губы.

– Там никого не было, сэр.

– Мне прискорбно это слышать, Бэннистер. До сих пор вы еще, пожалуй, говорили правду, но сейчас, безусловно, солгали.

Лицо слуги приняло выражение мрачного упрямства.

– Там никого не было, сэр.

– Так ли это, Бэннистер?

– Да, сэр, никого.

– Значит, вы не можете сообщить нам ничего нового. Не выходите, пожалуйста, из комнаты. Станьте вон там, у дверей спальни. А теперь, Сомс, я хочу просить вас об одном одолжении. Будьте любезны, поднимитесь к Гилкристу и попросите его сюда.

Спустя минуту преподаватель вернулся вместе со своим студентом. Это был великолепно сложенный молодой человек, высокий, гибкий и подвижный, с пружинистой походкой и приятным открытым лицом. Тревожный взгляд его голубых глаз скользнул по каждому из нас и наконец остановился с выражением неприкрытого страха на Бэннистере, сидевшем в углу.

– Закройте дверь, – сказал Холмс. – Так вот, мистер Гилкрист, нас пятеро, никого больше нет, и никто никогда не услышит о том, что сейчас здесь будет сказано. Мы можем быть предельно откровенными друг с другом. Объясните, мистер Гилкрист, как вы, будучи человеком честным, могли совершить вчерашний поступок?

Злосчастный юноша отшатнулся и с укором взглянул на Бэннистера.

– О нет, мистер Гилкрист, я никому не сказал ни слова, ни единого слова! – вскричал слуга.

– Да, это верно, – заметил Холмс. – Но ваше последнее восклицание равносильно признанию вины, и теперь, сэр, – прибавил Шерлок Холмс, глядя на Гилкриста, – вам остается одно: чистосердечно все рассказать.

Лицо Гилкриста исказила судорога, он попытался было совладать с собой, но уже в следующее мгновение бросился на колени возле стола и, закрыв лицо руками, разразился бурными рыданиями.

– Успокойтесь, успокойтесь, – мягко проговорил Холмс, – человеку свойственно ошибаться, и, уж конечно, никому не придет в голову назвать вас закоренелым преступником. Вам, наверное, будет легче, если я сам расскажу мистеру Сомсу, что произошло, а вы сможете поправить меня там, где я ошибусь. Договорились? Ну, ну, не отвечайте, если вам это трудно. Слушайте и следите, чтобы я не допустил по отношению к вам ни малейшей несправедливости.

Дело начало для меня проясняться с той минуты, мистер Сомс, как вы объяснили мне, что никто, даже Бэннистер, не мог знать, что гранки находятся в вашей комнате. Наборщик, безусловно, отпадал, – он мог списать текст еще в типографии. Индуса я тоже исключил: ведь гранки были скатаны трубкой и он, конечно, не мог догадаться, что это такое. С другой стороны, в чужую комнату случайно попадает какой-то человек, и это происходит в тот самый день, когда на столе лежит экзаменационный текст. Такое совпадение, на мой взгляд, невероятно. И я сделал вывод: вошедший знал о лежащем на столе тексте. Откуда он это знал?

Когда я подошел к вашему дому, я внимательно осмотрел окно. Меня позабавило ваше предположение, будто я обдумываю возможность проникнуть в комнату через окно – при свете дня, на глазах у всех, кто живет напротив. Мысль, разумеется, нелепая. Я прикидывал в уме, какого роста должен быть человек, чтобы, проходя мимо, увидеть через окно бумаги, лежавшие на столе. Во мне шесть футов, и я, только поднявшись на цыпочки, увидел стол. Никому ниже шести футов это бы не удалось. Тогда у меня возникло такое соображение: если один из трех студентов очень высокого роста, то в первую очередь следует заняться им.

Когда мы вошли и я осмотрел комнату, столик у окна дал мне еще одну нить. Письменный стол представлял загадку, пока вы не упомянули, что Гилкрист занимается прыжками в длину. Тут мне стало ясно все, не хватало нескольких доказательств, и я их поспешил раздобыть.

Теперь послушайте, как все произошло. Этот молодой человек провел день на спортивной площадке, тренируясь в прыжках. Когда он возвращался домой, у него были с собой спортивные туфли, у которых, как вы знаете, на подошвах острые шипы. Проходя мимо вашего окна, он, благодаря высокому росту, видел на столе свернутые трубкой бумаги и сообразил, что это может быть. Никакой беды не случилось бы, если б он не заметил ключа, случайно забытого слугой. Его охватило непреодолимое желание войти и проверить, действительно ли это гранки. Опасности в этом не было: ведь он всегда мог притвориться, что заглянул к вам по делу. Увидев, что это действительно гранки, он не мог побороть искушения. Туфли он положил на письменный стол. А что вы положили на кресло у окна?

– Перчатки, – тихо ответил молодой человек.

– Значит, на кресле были перчатки. – Холмс торжествующе взглянул на Бэннистера. – А потом он взял первый лист и стал переписывать на маленьком столике. Окончив первый, принялся за второй. Он думал, что вы вернетесь через ворота, которые видны в окно. А вы вернулись, мистер Сомс, через боковую калитку. Внезапно прямо за порогом послышались ваши шаги. Забыв про перчатки, студент схватил туфли и метнулся в спальню. Видите, царапина на столе отсюда малозаметна, а со стороны спальни она резко бросается в глаза. Это убедительно свидетельствует, что туфлю дернули в этом направлении и что виновный спрятался в спальне. Земля, налипшая вокруг одного из шипов, осталась на столе, комок с другого шипа упал на пол в спальне. Прибавлю к этому, что нынче утром я ходил на спортивную площадку, где тренируются в прыжках; участок этот покрыт темной глиной. Я захватил с собой комок глины и немного тонких рыжеватых опилок – ими посыпают землю,

чтобы спортсмен, прыгая, не поскользнулся. Так все было, как я рассказываю, мистер Гилкрист?

Студент теперь сидел выпрямившись.

– Да, сэр, именно так, – сказал он.

– Боже мой, неужели вам нечего добавить? – воскликнул Сомс.

– Есть, сэр, но я просто не могу опомниться, так тяжело мне это позорное разоблачение. Я не спал сегодня всю ночь и под утро, мистер Сомс, написал вам письмо. Раньше, чем узнал, что все открылось. Вот это письмо, сэр: «Я решил не сдавать экзамена. Мне предлагали не так давно поступить офицером в родезийскую армию, и на днях я уезжаю в Южную Африку».

– Я очень рад, что вы не захотели воспользоваться плодами столь бесчестного поступка, – сказал Сомс. – Но что заставило вас принять такое решение?

Гилкрист указал на Бэннистера.

– Это он наставил меня на путь истинный.

– Послушайте, Бэннистер, – сказал Холмс, – из всего мной рассказанного ясно, что только вы могли выпустить из комнаты этого молодого человека: ведь мистер Сомс оставил вас одного, а уходя, вы должны были запереть дверь. Бежать через окно, как видите, невозможно. Так не согласитесь ли вы поведать нам последнюю неразгаданную страничку этой истории и объяснить мотивы вашего поведения?

– Все очень просто, сэр, если, конечно, знать подоплеку. Но догадаться о ней невозможно, даже с вашим умом. В свое время, сэр, я служил дворецким у сэра Джейбса Гилкриста, отца этого юного джентльмена. Когда сэр Гилкрист разорился, я поступил сюда, в колледж, но старого хозяина не забывал, а ему туго тогда приходилось. В память о прошлых днях я чем мог служил его сыну. Так вот, сэр, когда мистер Сомс поднял вчера тревогу, зашел я в кабинет и вижу на кресле желтые перчатки мистера Гилкриста. Я их сразу узнал и все понял. Только бы их не увидел мистер Сомс – тогда дело плохо. Ни жив ни мертв упал я в кресло и не двигался до тех пор, пока мистер Сомс не пошел за вами. В это время из спальни выходит мой молодой хозяин и во всем признается… А ведь я его младенцем на коленях качал, – ну как мне было не помочь ему! Я сказал ему все, что сказал бы ему покойный отец, объяснил, что добра от такого поступка не будет, и выпустил его. Можно меня винить за это, сэр?

– Нет, конечно, – от всего сердца согласился Холмс, поднимаясь с кресла. – Ну вот, Сомс, тайна раскрыта, а нас дома ждет завтрак. Пойдемте, Уотсон. Я надеюсь, сэр, что в Родезии вас ждет блестящая карьера. Однажды вы оступились. Но впредь пусть вами руководят во всем лишь самые высокие устремления.

Пенсне в золотой оправе

Записки о нашей деятельности за 1894 год составляют три увесистых тома. Должен признаться, что мне трудно выбрать из этой огромной массы материала случаи, которые были бы наиболее интересны сами по себе и в то же время наиболее ярко отражали своеобразный талант моего друга. В нерешительности листаю я страницы своих записок. Вот ужасный, вызывающий дрожь отвращения случай про красную пиявку, а вот страшная смерть банкира Кросби. К этому году относится и трагедия в Эдлтоне и необычная находка в старинном кургане. Знаменитое дело о наследстве Смит-Мортимера тоже произошло в это время, и тогда же был выслежен и задержан Юрэ, убийца на Бульварах, за что Холмс получил благодарственное письмо от французского президента и орден Почетного легиона. Все эти случаи заслуживают внимания читателей, но в целом, мне кажется, ни один из них не содержит в себе столько интересного, как происшествие в Йоксли-Олд-плейс. Я имею в виду не только трагическую смерть молодого Уиллоуби Смита, но также последующие события, которые представили мотивы преступления в самом необычном свете.

Однажды вечером в конце ноября (погода была отвратительная, настоящая буря) мы сидели вместе с Холмсом в нашей гостиной на Бейкер-стрит. Я углубился в последнее исследование по хирургии, а Холмс старался прочитать с помощью сильной лупы остатки первоначального текста на палимпсесте. Мы молчали, поскольку каждый из нас был всецело погружен в свое дело. Дождь яростно хлестал в оконные стекла, а ветер с воем проносился по Бейкер-стрит. Странно, не правда ли? Мы находились в самом центре города, и произведения рук человеческих окружали нас со всех сторон на добрые десять миль, и в то же время – вот вам – мы в плену стихийных сил, для которых весь Лондон не больше чем холмики крота в чистом поле. Я подошел к окну и стал смотреть на пустынную улицу. Там и сям в лужах на мостовой и тротуаре дробились огни уличных фонарей. Одинокий кэб выехал с Оксфорд-стрит, колеса его шлепали по лужам.

– Да, Уотсон, хорошо, что в такой вечер нам не надо никуда выходить,

– сказал Холмс, отложив лупу и свертывая древнюю рукопись. – На сегодня достаточно. От этой работы очень устают глаза. Насколько я могу разобрать, это всего лишь счета аббатства второй половины пятнадцатого столетия. Постойте-ка! Что это значит? – последние слова он произнес, потому что сквозь вой ветра мы услышали стук копыт, а затем скрежет колеса о край тротуара. Видимо, кэб, который я увидел в окно, остановился у дверей дома.

– Что ему надо? – удивился я, увидев, что кто-то вышел из кэба.

– Что ему надо? Ему надо видеть нас. А нам, мой бедный Уотсон, надо надевать пальто, шарфы, галоши и все, что придумал человек на случай непогоды. Постойте-ка! Кэб уезжает! Тогда есть надежда. Если бы он хотел, чтобы мы поехали с ним, он бы не отпустил кэб. Придется вам пойти открыть дверь, поскольку все добропорядочные люди давно уже спят.

Свет лампы в передней упал на лицо нашего полуночного гостя. И я сразу узнал его. Это был Стэнли Хопкинс, молодой, подающий надежды детектив, к служебной карьере которого Холмс проявлял интерес.

– Он дома? – спросил Хопкинс.

– Дома, дома, сэр, – послышался сверху голос Холмса. – Надеюсь, вы не потащите нас куда-нибудь в такую ночь.

Детектив поднялся наверх. В свете лампы его плащ сверкал, как мокрая чешуя. Пока Холмс ворошил поленья в камине, я помогал Хопкинсу разоблачаться.

– Идите сюда, дорогой Хопкинс, и протяните ноги к огню, – сказал он.

– Вот сигара, а у нашего доктора есть чудесная микстура, содержащая горячую воду и лимон. В такую ночь нет лучшего снадобья. Что-то очень важное погнало вас из дому в такую погоду, а?

– Вы не ошиблись, мистер Холмс. Какой у меня сегодня был день! Вы читали последние новости о йокслийском деле?

– Последние новости, которые я сегодня читал, относятся к пятнадцатому столетию.

– Ну, это ничего. Сообщение составляет всего один абзац, да там все переврано так, что вы немного потеряли. Должен вам сказать, я не сидел, сложа руки. Йоксли находится в Кенте, в семи милях от Чатама и трех милях от железной дороги. Я получил телеграмму в три пятнадцать, был в Йоксли в пять, провел расследование, приехал с последним поездом в Лондон и со станции Чаринг-Кросс прямо к вам.

– Из чего я могу заключить, что вам не все ясно в этом деле.

– Не все ясно? Мне ничего не ясно. Такого запутанного дела у меня никогда не было, а сначала я подумал, что оно совсем простое и распутать его ничего не стоит. Нет мотива преступления, мистер Холмс. Вот что не дает мне покоя: нет мотива! Человек убит, этого отрицать нельзя, но я не могу понять, кто мог желать его смерти.

Холмс закурил и откинулся в кресле.

– Расскажите, – предложил он.

– Все факты я знаю досконально, – начал Стэнли Хопкинс, – но я бы хотел понять, что они означают. Несколько лет назад этот загородный дом, Йоксли-Олд-плейс, был снят одним человеком, назвавшимся профессором Корэмом. Профессор очень больной человек. Он то лежит в постели, то ковыляет по дому с палочкой, а то садовник возит его в коляске по парку. Соседям он нравится, они к нему заходят, он слывет за очень ученого человека. Прислуга состоит из пожилой экономки миссис Маркер и служанки Сьюзен Тарлтон. Они жили в доме с того времени, как профессор поселился здесь, и репутация у них безупречная. Профессор пишет какой-то ученый труд. Около года назад он решил, что ему необходим секретарь. Первые два секретаря не подошли, но третий, мистер Уиллоуби Смит, молодой человек, только что окончивший университет, оказался именно таким секретарем, о каком профессор мечтал. По утрам он писал под диктовку профессора, а вечером подбирал материал, необходимый для работы на следующий день. За этим Смитом не замечалось решительно ничего дурного: ни когда он учился в Аптшнгеме, ни в Кембридже. Я видел характеристики, из которых явствует, что он всегда был вежливым, спокойным, прилежным молодым человеком, у которого не было решительно никаких слабостей. И вот этот молодой человек умер этим утром в кабинете профессора при обстоятельствах, которые, бесспорно, указывают на убийство.

Хопкинс замолчал. Ветер гудел, и оконные стекла жалобно дребезжали под его напором. Холмс и я тоже пододвинулись ближе к огню, слушая интересное повествование молодого детектива, которое он излагал нам неторопливо и последовательно.

– Обыщите всю Англию, – продолжал он, – и вы не найдете более дружного кружка людей, отгороженного от всяких внешних влияний. Неделями никто из них не выходит за ворота. Профессор погружен в свою работу, и ничего иного для него не существует. Молодой Смит не был знаком ни с кем из соседей, и образ его жизни мало чем отличался от образа жизни профессора. У женщин нет никаких интересов вне дома. Мортимер, который возил профессора в коляске по парку, – старый солдат на пенсии, ветеран Крымской войны, человек безупречного поведения. Он жил не в самом доме, а в трехкомнатном коттедже на другом конце парка. Больше в усадьбе не было никого. Надо, однако, сказать, что в ста ярдах от ворот парка проходит Лондонское шоссе на Чатам. Ворота заперты на щеколду, и постороннему, конечно, нетрудно проникнуть в парк.

Теперь позвольте мне изложить показания Сьюзен Тарлтон, поскольку она единственная, кто может сказать что-нибудь об этой истории. В начале двенадцатого, когда профессор все еще был в постели (в плохую погоду он редко вставал раньше двенадцати), она вешала занавеси в спальне наверху, окна которой были по фасаду. Экономка была занята каким-то своим делом в кухне. Смит работал у себя в комнате наверху; служанка слышала, как он прошел по коридору и спустился в кабинет, который находится как раз под спальней, где она вешала занавеси. Она уверена, что это был мистер Смит, так как она хорошо знает его быструю, решительную походку. Она не слышала, как дверь кабинета закрылась, но примерно минуту спустя внизу, в кабинете, раздался ужасный крик. Это был хриплый, исступленный вопль, такой странный и неестественный, что было непонятно, кто кричит: мужчина или женщина. Тут же послышался глухой удар об пол падающего тела – такой сильный, что задрожал весь дом, а затем наступила тишина. Несколько мгновений служанка не могла пошевелиться от ужаса, но затем собралась с духом и бросилась опрометью вниз по лестнице. Она распахнула дверь кабинета. Молодой Смит лежал распростертый на полу. Сперва она не заметила ничего особенного. Она попыталась поднять его и вдруг увидела кровь, вытекающую из раны на шее пониже затылка. Рана была очень маленькая, но глубокая, и, видимо, была задета сонная артерия. Рядом на ковре валялось орудие преступления: нож с ручкой из слоновой кости и негнущимся лезвием для срезания восковых печатей – такие часто украшают старинные письменные приборы. Он постоянно лежал у профессора на столе.

Служанка решила, что Смит мертв, но когда она плеснула ему в лицо водой из графина, он на миг открыл глаза. «Профессор, – пробормотал он, – это была она». Служанка готова поклясться, что это его точные слова. Несчастный отчаянно пытался сказать что-то еще, поднял было правую руку. Но она тут же упала, и он больше не шевелился.

Затем в комнату вбежала экономка. Но последних слов Смита она не слышала. Оставив у тела Сьюзен, она поспешила к профессору. Тот сидел в постели. Он был страшно взволнован, он тоже слышал крик и понял, что в доме произошло несчастье. Миссис Маркер готова показать под присягой, что профессор был в ночной пижаме, да он и не мог одеться без Мортимера, которому было приказано прийти в двенадцать. Профессор заявил, что он слышал где-то в глубине дома крик, и это все, что ему известно. Он не знает, как объяснить слова секретаря: «Профессор, это была она». Вероятно, это был бред. По мнению профессора, у Смита не было ни одного врага, и он теряется в догадках, какие могут быть мотивы убийства. Прежде всего профессор послал садовника Мортимера за полицией. А затем констебль вызвал меня. Ничего в доме не трогали, пока я не приехал, и было строго-настрого приказано, чтобы никто не ходил по тропинкам, ведущим к дому. Да, мистер Шерлок Холмс, это был прекрасный случай для применения на практике ваших теорий. Все было для этого налицо.

– Кроме Шерлока Холмса, – сказал мой друг чуть язвительно. – Хорошо, а теперь давайте послушаем, что вы там сделали.

– Прежде всего, мистер Холмс, прошу вас, взгляните на план расположения комнат. Вы получите представление о том, где находится кабинет профессора и другие комнаты, и вам легче будет следить за моим рассказом.

Он развернул план и расстелил у Холмса на коленях. Я встал сзади Холмса и тоже стал его рассматривать.

– Это, конечно, набросок, я изобразил только то, что существенно для дела. Остальное вы увидите позже сами. Предположим, что убийца проник в дом извне. Но как? Ясно, что он прошел через парк по аллее и проник в дом с черного хода, откуда легко попасть в кабинет. Любой другой путь очень сложен. Скрыться преступник мог только тем же путем, поскольку два других возможных пути отступления были отрезаны. Один – Сьюзен, она бежала на шум по лестнице. Другой ведет в спальню профессора. Естественно, что все внимание я обратил на аллею в парке. Незадолго до этого шел дождь, земля размокла, и следы на ней должны быть видны вполне отчетливо.

Я осмотрел тропинку и понял, что имею дело с осторожным и опытным преступником. Никаких следов на аллее не оказалось! Но зато кто-то прошел по газону, чтобы не оставить следов на земле Ясных отпечатков тоже не было, но трава была примята, значит, по ней кто-то прошел. Это мог быть только убийца: ни садовник, да и вообще никто из домашних не ходил утром в этом месте, а ночью шел дождь.

– Одну секунду, – прервал его Холмс. – А куда ведет эта аллея?

– На шоссе.

– Сколько надо идти по ней, чтобы выйти на шоссе?

– Ярдов сто.

– Допустим, у самых ворот на этой аллее были следы. Вы уверены, что вы бы заметили их?

– К сожалению, в этом месте аллея вымощена кирпичом.

– Ну, а на шоссе?

– И на шоссе никаких следов. Оно все покрыто лужами.

– Ну и ну! А скажите судя по следам на траве, человек шел к дому или, наоборот, от дома?

– Этого я не могу сказать. У следов не было определенных очертаний.

– Следы большой ноги или маленькой?

– Тоже нельзя сказать.

Холмс прищелкнул языком Его лицо выражало досаду.

– Дождь все еще хлещет, и ветер не затихает, – сказал он. – Расшифровать эти следы может оказаться потруднее, чем древнюю рукопись! Ну что ж, ничего не поделаешь. Итак, Хопкинс, вы обнаружили, что ничего не обнаружили. Что же вы после этого предприняли?

– Я не считаю, что я ничего не обнаружил, мистер Холмс. Во-первых, я обнаружил, что кто-то проник в дом извне. Затем я исследовал пол коридора. На полу лежит кокосовая циновка, и на ней нет никаких следов. Затем я двинулся в кабинет. Мебели в кабинете почти нет, если не считать огромного письменного стола с секретером. Боковые ящики секретера были открыты, средний – закрыт на ключ. Боковые ящики, по-видимому, никогда не запирались, и в них не было ничего ценного. В среднем ящике хранились важные бумаги, но они остались на месте. Профессор уверял меня, что ничего не пропало. Ясно, что грабеж не был целью преступления. Затем я осмотрел тело убитого. Оно лежало чуть левее письменного стола – взгляните на мой чертежик. Рана на правой стороне шеи и нанесена сзади. Ясно, что он не мог нанести ее сам.

– Если только он не упал на нож, – сказал Холмс.

– Совершенно верно. Мне это тоже пришло в голову. Но ведь нож лежал на расстоянии нескольких футов от тела. Значит, молодой человек не упал на нож. Затем обратите внимание на последние слова убитого. И, наконец, в его правой руке была зажата очень важная вещественная улика.

Хопкинс извлек из кармана бумажный пакетик. Он развернул его и вытащил пенсне в золотой оправе. С одной стороны к пенсне был прикреплен двойной черный шелковый шнурок. Оба конца его были оборваны.

– У Смита было прекрасное зрение, – сказал Хопкинс. – Значит, он сорвал это пенсне с лица убийцы.

Шерлок Холмс взял пенсне и осмотрел его с величайшим вниманием и интересом. Затем он надел пенсне себе на нос, попытался читать, подошел к окну и взглянул на ближайшие дома, затем снял пенсне и опять тщательно осмотрел его, держа близко от лампы, удовлетворенно засмеялся, сел за стол и написал несколько строчек на клочке бумаги, которую он протянул Хопкинсу.

– Вот самое лучшее, что я могу сделать для вас, – сказал он. – Это, наверное, поможет.

Удивленный детектив прочел записку вслух.

«Разыскивается дама, хорошо одетая и проживающая в респектабельном доме или квартире. У нее толстый, мясистый нос и близко посаженные глаза. Она морщит лоб, близоруко щурится, и, вероятно, у нее сутулые плечи. Есть данные, что в течение последних нескольких месяцев она, по крайней мере, дважды обращалась к оптику. Поскольку в ее пенсне необычайно сильные стекла, а оптиков не так уж много, разыскать ее будет нетрудно».

Заметив на наших лицах удивление, Холмс улыбнулся.

– Все это очень просто, – сказал он. – Трудно найти предмет, который позволял бы сделать больше выводов, чем очки или пенсне, особенно с такими редкими стеклами. Откуда я заключил, что пенсне принадлежит женщине? Обратите внимание, какая изящная работа. Кроме того, я помнил слова убитого. Что же касается ее респектабельности и туалета, то и это просто: оправа дорогая, из чистого золота, и трудно себе представить, чтобы дама, носившая такое пенсне, была бы менее респектабельна во всех других отношениях. Наденьте пенсне, и вы увидите, что оно не будет держаться у вас на носу. Значит, у этой дамы нос весьма широк. Такой нос – обычно короткий, мясистый, хотя есть целый ряд исключений, вот почему я не настаиваю на этой подробности в своем описании. У меня довольно узкое лицо, и тем не менее, когда я надеваю пенсне, я вижу, что мои глаза расставлены шире, чем стекла. Другими

словами, глаза у этой дамы близко посажены. Обратите внимание, Уотсон, что стекла вогнутые и чрезвычайно сильные. Когда женщина так плохо видит, это непременно должно сказаться на ее облике. Я имею в виду морщины на лбу, привычку щуриться, сутулые плечи.

– Понимаю, – сказал я. – Но почему вы решили, что дама дважды посещала оптика?

Холмс взял пенсне.

– Обратите внимание, что зажимы с внутренней стороны покрыты пробкой, чтобы меньше давить на кожу. Одна пробковая прокладка бледнее и немножко стерта, другая совершенно новая. Очевидно, что новая надета недавно. Но и старая прокладка положена всего несколько месяцев назад. А так как обе прокладки одинаковые, я заключаю, что дама дважды чинила пенсне в одном и том же месте.

– Поразительно! – закричал Хопкинс. – Только подумать, что все эти данные были у меня в руках, а я ни о чем не догадался! Правда, у меня было намерение обойти лондонских оптиков.

– Обойдите обязательно. А сейчас расскажите, что вам еще известно об этом деле.

– Больше ничего, мистер Холмс. Теперь мне кажется, что вы знаете не меньше меня, а возможно, и больше! Мы выясняли, не появлялся ли какой-нибудь незнакомый человек на станции или на ближайших дорогах. Никто, видимо, не появлялся. Что меня окончательно сбивает с толку – это полнейшее отсутствие мотивов преступления. Даже никакого намека!

– В этом я не могу вам помочь! Но, я полагаю, вы хотите, чтобы мы завтра отправились с вами на место преступления.

– Если это вас не очень затруднит, мистер Холмс. В шесть часов утра от вокзала Чаринг-Кросс отходит поезд на Чатам, и мы должны быть в Йоксли в начале девятого.

– Хорошо, мы поедем этим поездом. У вашего дела есть некоторые любопытные подробности, и мне хотелось бы изучить его более основательно. Но сейчас уже за полночь, а нам надо хоть несколько часов поспать. Я вас устрою вот на этом диване перед камином. Утром я на спиртовке сварю кофе, и двинемся в путь.

Утром ветер утих. Негреющее солнце поднималось над мрачными болотами в поймах Темзы. Унылые просторы реки навсегда соединены в моей памяти с преследованием островитянина с Андаманов на заре нашей деятельности. После долгого и утомительного путешествия мы вышли на маленькой станции в нескольких милях от Чатама. Пока запрягали лошадь в местной гостинице, мы наскоро позавтракали и поэтому, явившись в Йоксли, сразу взялись за дело. Полицейский встретил нас у ворот парка.

– Ну как, Уилсон, есть новости?

– Ничего не слышно, сэр.

– Видели каких-нибудь приезжих?

– Никак нет, сэр. Полиция уверена, что вчера никто не приезжал сюда и не уезжал.

– Обошли все гостиницы и постоялые дворы?

– Да, сэр. И не обнаружили никого, кто мог бы внушить подозрение.

– В конце концов отсюда до Чатама можно дойти пешком. Приезжий мог укрыться там или сесть на поезд незамеченным. А вот та самая аллея, о которой я вам говорил, мистер Холмс. Ручаюсь, что вчера следов на ней не было.

– А с какой стороны были следы на траве?

– Вот с этой, сэр. Видите узкую полоску травы между аллеей и цветочной грядкой? Сейчас я следов не вижу, но вчера они были ясно заметны.

– Да, да, здесь действительно кто-то прошел, – подтвердил Холмс, наклоняясь и рассматривая траву. – Наша дама ступала очень осторожно, не правда ли? Оступись она в ту или другую сторону, следы остались бы и на аллее и на мягкой цветочной грядке, где они были бы еще заметнее.

– Да, сэр, дама с большим самообладанием!

Я заметил, как лицо Холмса напряглось.

– Вы говорите, назад она шла тем же путем?

– Да, сэр, другого пути нет.

– То есть по этой же полоске травы?

– Разумеется, мистер Холмс.

– Гм! Замечательно! Настоящий подвиг! Ну хорошо, с аллеей покончили. Пойдемте дальше. Эта калитка обычно открыта? Значит, ей ничего не стоило проникнуть в парк. Ясно, что об убийстве она не думала. Иначе она захватила бы с собой какое-нибудь оружие, а не воспользовалась бы ножом с письменного стола. Она шла по этому коридору, не оставив следов на циновке. Затем она вошла в кабинет. Как долго пробыла она в кабинете? Мы судить об этом не можем.

– Она пробыла там несколько минут, сэр. Я забыл сказать вам, что миссис Маркер – экономка – убирала в кабинете примерно за четверть часа до случившегося – так она утверждает.

– Значит, не больше четверти часа. Итак, наша дама входит в комнату. Идет к столу. Что ей надо? В боковых ящиках ей, очевидно, ничего не надо. А то бы они были заперты. Итак, ее интересует средний ящик. Ага! Что это за царапина? Уотсон, зажгите-ка спичку Что же вы ничего не сказали мне об этом, Хопкинс?

След, который мы увидели, начинался на бронзовом украшении вокруг замочной скважины справа, а затем продолжался примерно на четыре дюйма по лакированному дереву.

– Я заметил эту царапину, мистер Холмс. Но вокруг замочных скважин всегда царапины.

– Эта царапина сделана недавно, совсем недавно. Посмотрите, как блестит бронза. Старая царапина быстро бы потускнела и была бы такого же цвета, как и вся поверхность бронзы. Посмотрите на царапину в лупу. Как свежевспаханная земля по обеим сторонам борозды. Где миссис Маркер?

Пожилая женщина с усталым, грустным лицом вошла в комнату.

– Вы стирали здесь пыль вчера утром?

– Да, сэр.

– Видели эту царапину?

– Нет, сэр, не видела.

– Разумеется, нет. Если бы царапина была тогда, когда вы стирали пыль, то вы бы смахнули тряпкой вот эти крохотные кусочки лака. У кого ключ от секретера?

– Профессор держит ключ на своей цепочке от часов.

– Ключ простой?

– Нет, сэр, фигурный.

– Очень хорошо. Вы можете идти, миссис Маркер. Так, дело проясняется. Наша дама входит в комнату, идет к среднему ящику, затем открывает его или, по крайней мере, пытается открыть. А в это время появляется молодой Смит. Она вытаскивает ключ с такой поспешностью, что оставляет царапину около замочной скважины. Он хочет задержать ее, а она, схватив первое, что подвернулось ей под руку (а этим предметом оказался тот ножичек), ударяет Смита, тот падает навзничь, и она убегает, возможно, зажав в другой руке то, ради чего она сюда пришла. Служанка Сьюзен здесь? Как, по-вашему, Сьюзен, мог кто-нибудь выскользнуть через эту дверь после того, как вы услышали крик?

– Нет, сэр, никто не мог. Я бежала по лестнице и увидела бы, есть ли кто в коридоре. А потом эта дверь вообще не открывалась: когда она открывается, слышно.

– Таким образом, дама не могла уйти тем же путем, каким пришла. Этот коридор ведет в спальню профессора? Из него нет выхода наружу?

– Нет, сэр.

– А теперь пойдемте познакомимся с профессором. Смотрите, Хопкинс! В коридоре к кабинету профессора лежит такая же кокосовая циновка. Это очень важно, очень важно!

– Важно?

– Разве вы не видите, какая тут связь? Впрочем, наверно, я ошибаюсь. Хотя… Ну хорошо, представьте меня профессору.

Мы прошли по коридору. Он был примерно такой же длины, как и тот, дверь которого выходила в сад. В конце коридора было несколько ступенек и затем дверь. Наш спутник постучал, и мы вошли в спальню профессора.

Комната была большой, стены представляли собой сплошные книжные полки, часть книг лежала на полу, в углах и вдоль полок. Кровать стояла посередине. Хозяин дома полулежал-полусидел в подушках. Его лицо поразило меня: худое, с орлиным носом, пронзительными черными глазами, которые словно притаились в глубоких орбитах под густыми, нависшими бровями. Волосы и борода были у него совершенно седые, если не считать некоторой странной желтизны вокруг рта. Из густой поросли седых волос торчала папироса, и в комнате было трудно дышать от густого табачного дыма. Когда он протянул руку Холмсу, я заметил, что пальцы у него тоже желтые от никотина.

– Вы курите, мистер Холмс? – спросил профессор. Он говорил, тщательно выбирая слова, и в речи его чувствовался какой-то странный акцент. – Прошу вас. А вы, сэр? Рекомендую вам эти сигареты. Их специально набивают для меня в Александрии. Высылают тысячу штук сразу, и, увы, каждые две недели приходится заказывать новую партию. Плохо, сэр, очень плохо. Но у старика слишком мало удовольствий. Табак и работа. Вот все, что мне осталось в жизни.

Холмс закурил. Глаза его незаметно изучали комнату.

– Да, табак и работа. А теперь опять только табак, – воскликнул он горестно. – Какой ужасный случай прервал мою работу! Кто мог предвидеть столь чудовищное злодеяние? Такой достойный молодой человек. После нескольких месяцев обучения он стал великолепным помощником. Что вы думаете обо всем этом деле, мистер Холмс?

– Пока трудно сказать.

– Хорошо, если бы вы пролили свет на это темное дело. Для старого книжного червя и больного это настоящий удар. Мне кажется, я потерял способность думать. Но вы человек дела, человек действия. Для вас это обычная, будничная работа. Вы сохраняете присутствие духа при любой катастрофе. Нам повезло, что именно вы взялись за расследование.

Пока профессор говорил, Холмс ходил взад и вперед по комнате. Я заметил, что он курил одну сигарету за другой. Очевидно, он разделял пристрастие нашего хозяина к сигаретам, присланным из Александрии.

– Да, сэр, это ужасный удар, – сказал профессор. – Вот там, на маленьком столике, груда бумаг, это мой «magnum opus». Анализ документов, найденных в коптских монастырях Сирии и Египта. Это серьезнейшее исследование основ вновь открытой религии. Мое здоровье так плохо, что я не знаю, смогу ли я теперь закончить мой труд без помощника, которого я так неожиданно лишился. Ой-ой-ой, мистер Холмс! Да вы, я вижу, еще более отчаянный курильщик, чем я!

Холмс улыбнулся:

– Да, я знаток табака, – сказал он, беря четвертую сигарету из ящика и зажигая ее от окурка предыдущей. – Не буду докучать вам расспросами, профессор Корэм, поскольку вы были в постели в момент преступления и, естественно, не можете ничего о нем знать. Я лишь

задам вам один вопрос: как вы думаете, что имел в виду несчастный молодой человек, когда он сказал: «Профессор, это была „она"?

Профессор покачал головой.

– Сьюзен – деревенская девушка, – сказал он. – А вы знаете, как невероятно глуп простой народ. Я думаю, бедняга пробормотал что-нибудь невнятное в бреду, а она вообразила бог знает что.

– Понимаю. Вы сами ничем не можете объяснить эту трагедию?

– Возможно, несчастный случай. А может быть – говорю это только между нами, – самоубийство. У молодых людей всегда какие-нибудь тайные горести – несчастная любовь, о которой мы ничего не знали. И вот он наложил на себя руки. Это более правдоподобно, чем убийство.

– Ну а пенсне?

– Пенсне? Ах, да, пенсне! Увы, я всего только ученый, человек, парящий в заоблачных высотах. И я ничего не понимаю в практической жизни. Но согласитесь, мой друг, что залогом любви могут быть самые странные предметы. Берите, берите еще. Рад, что вы оценили эти сигареты. Так вот: веер, или перчатка, или пенсне – кто знает, что может сжимать в последний миг рука самоубийцы. Вот этот джентльмен говорит о следах на траве. Но в конце концов он мог и ошибиться. Что касается ножа, то ведь он мог отлететь в сторону, когда несчастный молодой человек рухнул навзничь. Возможно, я сужу о деле, как ребенок, но мне кажется, что Уиллоуби Смит сам наложил на себя руки.

Эта теория, кажется, произвела на Холмса впечатление, и он продолжал расхаживать по комнате, погруженный в свои мысли, и куря одну папиросу за другой.

– Скажите, профессор Корэм, – сказал он наконец, – а что вы держите в среднем ящике вашего секретера?

– Ничего такого, что могло бы заинтересовать вора. Семейные бумаги, письма от моей бедной жены, дипломы тех университетов, которые удостоили меня этой чести. Вот ключ. Взгляните сами.

Холмс взял ключ и посмотрел на профессора. Затем вернул ключ обратно.

– Благодарю вас. Но это сейчас не имеет значения, – сказал он. – С вашего позволения, я пойду в сад и все обдумаю на досуге. В вашей теории самоубийства что-то есть. Итак, простите нас за вторжение, профессор Корэм. Я обещаю вам, что пока не буду вас тревожить. Мы зайдем к вам в два часа, после второго завтрака, если позволите, и расскажем обо всем, что за это время произошло.

Холмс казался чем-то сильно расстроенным и долго ходил по аллее сада молча.

– Нашли нить? – спросил я его наконец.

– Все зависит от тех сигарет, которые я курил, – сказал он. – Возможно, я на ложном пути. Но сигареты покажут.

– Мой дорогой Холмс, – воскликнул я, – как же сигареты…

– Вы это увидите сами. Если я ошибся, ничего страшного нет. Пойдем по линии пенсне. Я люблю во всяком расследовании сократить путь, если возможно. А вот и наша дорогая миссис Маркер. Поговорим с ней минут пять, может быть, узнаем еще что-нибудь.

Я уже, кажется, упоминал, что Холмс умел в мгновение ока снискать расположение женщины своей обходительностью. Не прошло и двух минут, как у них завязался оживленный разговор, точно они знали друг друга многие годы.

– Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, сэр. Курит он ужас сколько. Весь день, а иногда и всю ночь, сэр. Придешь, бывало, утром в его комнату

– настоящий лондонский туман, сэр. Бедный мистер Смит, он тоже курил, но совсем не столько, сколько профессор. А что касается здоровья профессора, то я, право, не знаю, становится оно лучше или хуже от такого курения.

– Во всяком случае, аппетит оно наверняка отбивает, а?

– Я бы не сказала, сэр.

– Наверно, профессор очень мало ест?

– Как когда, сэр. Как когда.

– Держу пари, сегодня он не завтракал. И второй завтрак он не сможет съесть после такого курения.

– Ошиблись, сэр. Наоборот, сегодня утром он ел очень много. Право, не знаю, когда он завтракал плотнее. А на второй завтрак заказал себе отбивные. Я удивилась, потому что я-то смотреть не могу на еду, с тех пор как увидела вчера на полу в кабинете бедного мистера Смита. Но, видно, все люди разные. У профессора аппетит нисколько не испортился.

Мы ходили по саду все утро. Хопкинс отправился в деревню, чтобы проверить слухи о некой приезжей, которую якобы видели дети на Чатамском шоссе вчера утром. Что касается моего друга, то он, казалось, потерял весь интерес к делу. Никогда еще я не видел, чтобы он с такой прохладцей занимался расследованием. Даже когда Хопкинс явился и сказал, что дети действительно видели женщину, в точности соответствующую описанию Холмса, вплоть до пенсне, мой друг оставался безучастным. Он немного оживился, только когда Сьюзен, прислуживающая нам за едой, сказала, что мистер Смит вчера утром гулял по саду и вернулся домой за полчаса до происшествия. Я не представлял себе, какое значение для разбираемого дела имеет это обстоятельство, но понял, что Холмс включил его в ту общую картину, которая составилась у него в голове. Вдруг он вскочил и взглянул на часы.

– Два часа, джентльмены, – сказал он, – пойдемте наверх и поговорим начистоту с нашим другом профессором.

Старый профессор кончил второй завтрак, и пустая тарелка ясно говорила о том, что экономка была права: профессор обладал великолепным аппетитом. Было что-то жуткое в его облике, когда он повернул к нам свою гриву и уставился на нас глубоко посаженными горящими глазами. И, конечно, он курил. Его одели, и он сидел в кресле у огня.

– Ну как, мистер Холмс, раскрыли вы тайну этого ужасного происшествия?

Он подвинул коробку с сигаретами к Холмсу. Холмс одновременно протянул руку, и коробка полетела на пол. Пришлось всем нам ползать на коленях и доставать сигареты из самых невозможных мест. Когда мы поднялись, я заметил, что глаза у Холмса блестят и щеки стали розовые. Я знал, что это был признак победы.

– Да, – сказал он. – Я раскрыл ее.

Стэнли Хопкинс и я уставились на него в изумлении. Усмешка тронула худое лицо старого профессора.

– Раскрыли? Где же, в саду?

– Нет, здесь.

– Как здесь? Когда?

– Только что.

– Вы шутите, мистер Холмс. Простите, но дело слишком серьезно, чтобы шутить.

– Я выковал и проверил каждое звено в цепи моих рассуждений, профессор Корэм, и я уверен, что цепь эта безупречна. Я не знаю, каковы ваши мотивы и какую точно роль играли вы в этой странной истории. Может быть, через несколько минут я узнаю это от вас. А пока позвольте мне описать вам, как все произошло, чтобы вы знали, каких подробностей мне еще не хватает для полноты картины. Вчера в вашем кабинете была дама. Она хотела взять какие-

то бумаги из среднего ящика секретера. У нее был свой ключ. Я имел возможность осмотреть ваш и убедился, что на нем нет следов от лака. Таким образом, вы не являетесь ее соучастником. Она пришла, насколько я могу понять, без вашего ведома, с целью ограбить вас.

Профессор выпустил изо рта облако дыма.

– Это, конечно, все интересно и поучительно, – сказал он, – но что же дальше? Если вы знаете каждый ее шаг, вы, наверное, можете сказать, куда же она потом делась?

– Попытаюсь. Итак, ваш секретарь схватил ее, и она заколола его, чтобы спастись… Я склонен считать эту трагедию несчастным случаем, поскольку я убежден, что у дамы не было намерения совершить это ужасное преступление. Убийца не приходит невооруженным. Ужаснувшись тому, что она сделала, она заметалась по комнате в поисках выхода. К несчастью, во время борьбы с молодым человеком она потеряла пенсне и поэтому, будучи очень близорукой, оказалась совсем беспомощной. Она побежала по коридору, думая, что это тот самый, по которому она пришла: ведь на полу в обоих коридорах лежат одинаковые циновки, – а когда она поняла, что попала не в тот коридор и дорога к выходу отрезана, было уже поздно. Что было делать? Назад идти она не могла. Оставаться в коридоре нельзя. Значит, надо было идти вперед по коридору. И она пошла. Поднялась по ступенькам, открыла дверь и оказалась у вас в комнате.

Старый профессор уставился на Холмса, нижняя челюсть у него отвисла, смесь страха и удивления ясно читалась на его выразительном лице. Потом он сделал над собой усилие, пожал плечами и несколько театрально засмеялся.

– Это все очень хорошо, мистер Холмс, – сказал он. – Но в вашей великолепной теории есть один маленький изъян. Я все время был в этой комнате, не выходил из нее весь день.

– Я знаю это, профессор Корэм.

– Вы хотите сказать, что, лежа на кровати, я мог не заметить, как женщина вошла ко мне?

– Я этого не говорил. Вы заметили, как женщина вошла. Вы говорили с ней. Вы узнали ее. Вы помогли ей спастись.

Профессор опять неестественно рассмеялся. Он встал с кресла, глаза у него горели, как раскаленные угли.

– Вы сошли с ума! – закричал он. – Вы бредите! Я помог ей спастись? Ну и где же она сейчас?

– Она вон там, – сказал Холмс и указал на высокий книжный шкаф в углу комнаты.

Старый профессор взмахнул руками, мрачное лицо его страшно исказилось, и он упал в кресло. В то же мгновение книжный шкаф, о котором говорил Холмс повернулся на петлях, и в комнату шагнула женщина.

– Вы правы. – Она говорила со странным акцентом. – Вы правы. Да, я здесь.

Она была вся в пыли и паутине, которую собрала, видимо, со стен своего убежища. Лицо ее, которое никогда нельзя было бы назвать красивым, все было в грязных потеках. Холмс правильно угадал ее черты, и, кроме того, у нее был еще длинный подбородок, выдававший упрямство. Из-за близорукости и резкого перехода от темноты к свету она щурилась и моргала глазами, стараясь разглядеть, кто мы такие. И все же, несмотря на то, что она предстала нам в столь невыгодном свете, во всем ее облике было благородство, упрямый подбородок и гордо поднятая голова выражали смелость и внушали уважение и даже восхищение. Стэнли Хопкинс дотронулся до ее руки и объявил, что она арестована, но она отвела его руку мягко, но с достоинством, которому нельзя было не подчиниться. Старый профессор лежал распростертый в кресле, лицо у него дергалось, и он глядел на нее глазами загнанного зверя.

– Да, сэр, я арестована, – сказала она. – Я слышала весь разговор и поняла, что вы знаете правду. Я признаюсь во всем. Да, я убила этого молодого человека. Но вы были правы, сказав, что это несчастный случай. Я даже не знала, что у меня в руках нож, потому что в отчаянии я

схватила первое, что попалось под руку, и ударила его, чтобы он отпустил меня. Я говорю вам правду.

– Мадам, – сказал Холмс, – я не сомневаюсь в том, что это правда. Может быть, вы присядете: мне кажется, вам нехорошо.

Мертвенная бледность залила ее лицо, и эта бледность была еще более ужасной от темных потеков грязи. Она села на край кровати.

– У меня мало времени, – продолжала она, – но я хотела бы рассказать вам всю правду. Я жена этого человека. Он не англичанин. Он русский. Я не назову его имени.

Старый профессор в первый раз зашевелился.

– Побойся бога, Анна! – закричал он. – Побойся бога!

Она взглянула на него с величайшим презрением.

– Зачем ты так цепляешься за свою презренную жизнь, Сергей? – сказала она. – Ты причинил вред многим и никому не сделал ничего хорошего, даже себе. Но не бойся, я не порву гнилую нить твоей жизни до положенного ей срока. Я достаточно взяла греха на свою совесть с тех пор, как переступила порог этого проклятого дома. Но я должна продолжить свой рассказ, а то будет поздно. Да, джентльмены, я жена этого человека. Ему было пятьдесят, а я была глупая двадцатилетняя девчонка, когда мы поженились. Это было в России, в университете, я не буду называть вам его.

– Побойся бога, Анна, – пробормотал старый профессор опять.

– Мы были революционеры, нигилисты, вы знаете. Он, я и многие другие. Потом начались преследования, был убит высокопоставленный полицейский чиновник, многих арестовали, и для того, чтобы спасти себя и получить большую награду, мой муж выдал жену и товарищей. Мы были арестованы. Некоторые отправились на виселицу, других сослали в Сибирь, и в том числе меня. Моя ссылка не была пожизненной. А мой муж, захватив с собой деньги, запятнанные кровью, уехал в Англию и поселился здесь в полном уединении, хорошо понимая, что как только организация узнает о его местонахождении, не пройдет и недели, как свершится правосудие.

Старый профессор протянул дрожащую руку и взял сигарету.

– Я в твоей власти, Анна, – сказал он, – но ты всегда была добра ко мне.

– Я еще не рассказала о главном его злодеянии, – продолжала она. – Среди членов организации был мой друг. Он был благороден, бескорыстен, он любил меня, словом полная противоположность моему мужу. Он ненавидел насилие. Мы все были виноваты – если это вина, – но он не был. Он писал мне письма, в которых убеждал меня избрать иной путь. Эти письма и мой дневник, в котором я изо дня в день описывала мои чувства к нему и наши разные убеждения, спасли бы его. Мой муж нашел этот дневник и письма и спрятал их. Он старался изо всех сил очернить Алексея, чтобы его присудили к смерти. Но ему не удалось. Алексей был сослан в Сибирь на каторгу. В эти минуты, когда мы здесь с вами сидим, он надрывается там в соляной шахте. Подумай об этом, негодяй, гнусный негодяй! Алексей, человек, чье имя ты недостоин даже произносить, влачит тяжкую жизнь раба, а ты благоденствуешь. Твоя жизнь сейчас в моих руках, но я не хочу марать их!

– Ты всегда была благородной женщиной, Анна, – сказал он, затягиваясь сигаретой.

Она поднялась, но тут же упала назад, застонав от боли.

– Я должна кончить, – сказала она. – Когда мой срок истек, я решила достать дневники и письма и отправить их русскому правительству, чтобы моего друга выпустили на волю. Я знала, что мой муж в Англии. После многих месяцев бесплодных поисков я наконец нашла его. Я знала, что он хранит дневник, потому что получила в Сибири от него письмо, в котором он укорял меня, приводя выдержки из дневника. Но я была уверена, зная его мстительность, что он не отдаст мне дневник по своей воле. Я должна была выкрасть его. С этой целью я наняла

частного агента-детектива, который поступил в дом мужа в качестве секретаря, это был твой второй секретарь, Сергей, тот, который так поспешно покинул тебя. Ему удалось выяснить, что дневник и письма лежат в среднем ящике секретера, и еще он сделал отпечаток ключа. Больше он ничего не хотел делать. Он передал мне план дома и сообщил, что во второй половине дня в кабинете никого не бывает, потому что секретарь работает вот здесь, наверху. В конце концов я решилась и проникла в дом, чтобы забрать бумаги. Мне это удалось, но какой ценой! Бумаги были в моих руках, и я уже запирала ящик стола, когда молодой человек схватил меня. Я его видела утром. Мы встретились на дороге, и я спросила его, где живет профессор Корэм, не зная, что он работает в качестве секретаря в этом доме.

– Совершенно правильно! – воскликнул Холмс. – Придя домой, секретарь рассказал своему хозяину о встрече. Умирая, он попытался объяснить, что это была она, то есть та, о которой он ему говорил.

– Дайте мне кончить, – властно сказала женщина, и лицо ее исказилось, как от боли. – Когда молодой человек рухнул навзничь, я бросилась вон из комнаты, ошиблась дверью и оказалась в спальне мужа. Он хотел выдать меня. Но я сказала ему, что его жизнь в моих руках. Если он выдаст меня правосудию, я выдам его организации. Я хотела жить не ради самой себя, я должна была исполнить задуманное. Он знал, что я выполню то, что сказала, и что судьба его в моих руках. По этой причине и только по этой он спрятал меня. Он толкнул меня в этот тайник, оставшийся от былых времен и известный только ему одному. Он ел у себя в спальне и мог уделять мне часть своей еды. Мы решили, что, когда полиция покинет дом, я ночью выскользну и никогда больше не вернусь. Но вам каким-то образом все стало известно.

Она вынула из-за лифа небольшой пакет.

– Выслушайте мои последние слова. Этот пакет спасет Алексея, я доверяю его вашей чести и вашей любви к справедливости. Возьмите его. Отнесите в русское посольство. Я исполнила свой долг и…

– Остановите ее! – воскликнул Холмс. Он бросился к ней и вырвал из ее рук маленькую склянку.

– Поздно, – сказала она, повалившись на кровать. – Я приняла яд, перед тем как выйти из убежища. Голова кружится. Я умираю. Прошу вас, сэр, не забудьте пакета.

– Простой случай, а между тем в некоторых отношениях весьма поучительный, – заметил Холмс, когда мы возвращались в город. – Все дело зависело от пенсне. Если бы не счастливая случайность, что умирающий секретарь в последнюю секунду схватил его, я не убежден, что мы бы нашли решение. Мне было ясно, что, лишившись таких сильных стекол, человек становится беспомощным и слепым. Помните, когда вы уверяли меня, что она и обратно прошла по той узкой полоске травы, ни разу не ступив в сторону, я сказал, что это был подвиг. Про себя я решил, что это невозможно, разве что, на наше несчастье, у нее оказалось в запасе второе пенсне. Тогда я стал серьезно обдумывать гипотезу, что обладательница пенсне находится в доме. Обнаружив сходство двух коридоров, я понял, что она очень легко могла спутать их. В таком случае, очевидно, она должна попасть в спальню процессора. Это соображение насторожило меня, и я тщательно осмотрел комнату, рассчитывая заметить в ней хоть какие-нибудь признаки тайника. Ковер был цельный и туго натянут на полу, и я отбросил мысль о люке. Могла быть ниша позади книг, это бывает в старинных библиотеках. Я обратил внимание, что книги навалены на полу повсюду, только не перед этим шкафом. Он, следовательно, мог служить дверью. Но никаких других знаков, подтверждающих мое предположение, не было. Тогда я опять обратил внимание на ковер. Он был серовато-коричневый, и я мог легко проделать один эксперимент. Для этого я выкурил несметное количество этих великолепных сигарет и усыпал весь пол возле подозрительного шкафа пеплом. Эта простая уловка оказалась очень эффективной. Потом мы пошли вниз и я, Уотсон, в вашем присутствии удостоверился (впрочем, вы не совсем поняли, куда клонят мои

расспросы), что профессор стал есть гораздо больше. Это следовало ожидать, раз ему пришлось кормить еще одного человека. Затем мы снова поднялись в спальню. Рассыпав коробку с сигаретами, я получил возможность внимательно исследовать ковер и убедился, что в наше отсутствие узница покидала свое убежище. Ну, Хопкинс, вот и Чаринг-Кросс. Поздравляю вас с удачно расследованным делом. Вы, я не сомневаюсь, поедете отсюда прямо в Скотленд-Ярд. А наш путь, Уотсон, в русское посольство.

Пропавший регбист

Из множества загадочных телеграмм, приходивших на Бейкер-стрит, мне особенно запомнилась одна, которую принесли хмурым февральским утром лет семь или восемь назад. Телеграмма была адресована Шерлоку Холмсу, и в ней говорилось: «Подождите меня. Ужасное несчастье. Исчез правый трехчетвертной. Крайне необходим завтра. Овертон». Целый час просидел Холмс, размышляя над ней в недоумении.

– Почтовый штемпель Стэнда, отправлена в десять тридцать шесть, – сказал Холмс, снова и снова перечитывая телеграмму. – Должно быть, мистер Овертон очень волновался, и телеграмма получилась не совсем понятной. Ну что ж, мы подождем его и тогда все узнаем. А пока я почитаю сегодняшний «Таймс». Со скуки я готов взяться за самое пустячное дело.

Мы действительно переживали один из периодов бездействия. Это всегда доставляло мне немало беспокойства, ибо я по опыту знал, как опасно оставлять без работы его чрезвычайно активный мозг. Много лет я боролся с его пристрастием к наркотикам, которое одно время чуть было не погубило его поразительный талант. И теперь, даже в состоянии безделья, он не испытывал влечения к этому искусственному возбудителю. Но я понимал, что опасная привычка не уничтожена совсем, она дремлет; и всякий раз, как я замечал его осунувшееся аскетическое лицо и беспокойный блеск в глубоко посаженных глазах, я чувствовал, что сон неглубок и пробуждение близко. И я благословлял этого мистера Овертона, кто бы он ни был, нарушившего своей загадочной телеграммой покой моего друга, который грозил ему большими бедствиями, чем все опасности его беспокойной жизни.

Как мы и предполагали, вскоре за телеграммой появился и ее отправитель. О его прибытии возвестила визитная карточка, на которой стояло: мистер Сирил Овертон, Тринити-колледж (Кембридж).

Задевая плечами косяки двери, в комнату вошел человек богатырского телосложения – не меньше двухсот фунтов крепких мускулов и костей. Он остановился, переводя взгляд с меня на Холмса; его красивое лицо выражало крайнюю озабоченность.

– Мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился.

– Я к вам прямо из Скотленд-Ярда, мистер Холмс. Я видел там инспектора Стэнли Хопкинса. Он посоветовал мне обратиться к вам, сказав, что это дело скорее по вашей части.

– Прошу вас, садитесь и расскажите, что случилось.

– Это ужасная история, мистер Холмс. Удивляюсь, как я еще не поседел. Вы, конечно, слышали о Годфри Стонтоне. На нем держится вся команда. Я готов отдать за него двух лучших игроков. Как он ведет мяч, пасует, какие применяет захваты! И при этом у него отличная голова: его слово для ребят закон! Без него нам нельзя, мистер Холмс. У нас, правда, есть Мурхаус, первый запасной. Но он полузащитник и всегда лезет в свалку, а не стоит, где ему положено, у боковой линии. Он отлично бьет по воротам, ничего не скажешь. Но поля он не видит. И бегает плохо. За оксфордскими нападающими, за Мортоном или Джонсоном ему не угнаться! У Стивенсона быстрые ноги, но он не может бить с двадцати пяти ярдов, а кому нужен такой трехчетвертной, даже если он хорошо бегает? Короче говоря, мистер Холмс, если вы не поможете мне найти Годфри Стонтона, мы пропали.

Мой друг с живым интересом выслушал эту длинную горячую речь, каждое положение которой подкреплялось энергичным ударом мускулистой руки по колену. Когда посетитель умолк, Холмс дотянулся рукой до картотеки и положил на колени ящичек на букву «С». Но на сей раз это вместилище разнообразных сведений обмануло его надежды.

– Здесь значится Артур Х. Стонтон, приобретающий известность мошенник, – сказал он. – Есть также Генри Стонтон, которого вздернули на виселицу не без моей помощи. Но имя Годфри Стонтона я слышу впервые.

Теперь пришла очередь удивиться посетителю.

– Как, вам, всеведущему Шерлоку Холмсу, неизвестно это имя?! – воскликнул он. – В таком случае, надо полагать, что имя Сирила Овертона вам также ни о чем не говорит?

Холмс с добродушной улыбкой покачал головой.

– О боже! – вскричал атлет. – Ведь я был первым запасным в матче Англия – Уэльс, а с этого года капитан университетской команды. Но это неважно. Не думал я, что в Англии найдется хоть один человек, который не слышал о Годфри Стонтоне. Ведь это знаменитый трехчетвертной – гордость Кембриджа и Блэкхита, участник пяти международных встреч! Боже мой! Мистер Холмс, где вы были все это время?

Холмс рассмеялся наивности молодого гиганта.

– Мистер Овертон, вы живете в своем мире, чистом и здоровом, я живу в своем. Моя профессия сталкивала меня с людьми из разных слоев общества, но, слава богу, ни разу со спортсменами-любителями, этой самой лучшей и самой здоровой частью населения Англии. Однако ваш неожиданный приход говорит о том, что в этом мире свежего воздуха и честной игры есть работа и для меня. Итак, дорогой сэр, прошу вас сесть и рассказать мне не спеша и возможно более подробно, что произошло и чем я могу вам помочь.

Молодое лицо Овертона приняло напряженное выражение, как бывает у людей, привыкших действовать силой, а не умом. Но мало-помалу с многочисленными повторениями и неясными местами, которые я опущу, он поведал нам свою странную историю.

– Как я уже говорил, – начал Овертон, – я капитан команды Кембриджского университета, и Годфри Стонтон – мой лучший игрок. Завтра у нас матч с Оксфордским университетом. Вчера мы приехали в Лондон и остановились в гостинице «Бентли». В десять часов вечера я обошел все комнаты и лично убедился, что все ребята на месте; я считаю, что успех команды зависит не только от усиленных тренировок, но и от крепкого многочасового сна. Я поговорил с Годфри, и мне показалось, что он бледен и как будто чем-то обеспокоен. Я спросил, что с ним, он ответил, что все в порядке, – просто немного болит голова, и я пожелал ему спокойной ночи. А спустя полчаса ко мне в номер зашел портье и сказал, что в гостиницу только что приходил какой-то бородатый человек, по виду из простых, и попросил передать Годфри записку. Годфри еще не спал. Прочитав записку, он, словно пораженный громом, откинулся на спинку кресла. Перепуганный портье хотел позвать меня, но Годфри остановил его, потом выпил стакан воды и немного пришел в себя. Затем он спустился вниз, сказал несколько слов человеку, дожидавшемуся ответа, и они оба покинули гостиницу. Портье видел, как они чуть не бегом бросились к Стрэнду. Утром я зашел в комнату Годфри: его там не было, и, судя по нетронутой постели, не было всю ночь; вещи все оставались на тех же местах, как я их видел накануне вечером. Годфри ушел неизвестно куда и неизвестно с кем, и мне почему-то кажется, что он никогда больше не вернется. Годфри – спортсмен до мозга костей, он не мог бы из-за пустяков бросить тренировки. Не в его правилах подводить команду и капитана. Да, у меня такое предчувствие, что он исчез навсегда и мы никогда больше его не увидим.

Шерлок Холмс с глубоким вниманием выслушал этот рассказ.

– Вы что-нибудь предприняли? – спросил он.

– Я отправил телеграмму в Кембридж, чтобы узнать, не появлялся ли он там. Мне ответили, что в Кембридже его нет.

– Мог ли он вчера попасть в Кембридж?

– Да, ночным поездом одиннадцать часов пятнадцать минут.

– Но, насколько вы можете судить, он не воспользовался этим поездом?

– На вокзале его не видели.

– Что вы стали делать дальше?

– Я послал телеграмму лорду Маунт-Джеймсу.

– Почему именно ему?

– Годфри – сирота. Лорд Маунт-Джеймс – его близкий родственник, кажется, дядя.

– Вот как. Это по-новому освещает дело. Ведь лорд Маунт-Джеймс – один из самых богатых людей в Англии.

– Да, Годфри как-то вскользь говорил об этом.

– У лорда есть еще родственники?

– Нет, Годфри – его единственный наследник. Старику уже около восьмидесяти, он страдает подагрой. Говорят, он мог бы суставами мелить бильярдный кий. Он ужасный скряга, никогда не давал Годфри ни шиллинга. Но со временем все так или иначе перейдет к Годфри.

– Вы получили ответ от лорда?

– Нет.

– Что могло заставить вашего друга обратиться к лорду?

– Вчера вечером он был чем-то озабочен. Если из-за денег, то, возможно, он и обратился к старику. Ведь у того их куры не клюют. Но, по-моему, это дело безнадежное. И Годфри это знал, он почти никогда ни за чем не обращался к старику.

– Ну, это скоро выяснится. А теперь допустим, что он поехал к лорду. Тогда как вы объясните появление этого субъекта в столь поздний час, и почему оно так подействовало на Годфри.

– Для меня все это полнейшая загадка, – ответил Сирил Овертон, сжав голову руками.

– Ну ладно. У меня сегодня свободный день, и я с удовольствием займусь вашим делом, – сказал Холмс. – А вам бы я посоветовал подумать о том, как провести матч без этого молодого человека. Как вы сами заметили, столь таинственное исчезновение должно иметь причину: и эта причина может задержать его неизвестно сколько времени. А сейчас в гостиницу, может, портье вспомнит еще что-нибудь.

Шерлок Холмс обладал счастливым даром располагать к себе самых робких свидетелей. Вместе с портье мы отправились в опустевшую комнату Годфри Стонтона, и тот очень скоро рассказал ему все, что мог вспомнить о ночном посетителе. Это был мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, с бледным лицом и седой бородой. Он не походил ни на джентльмена, ни на рабочего. Портье про него сказал: «…ни то ни се». Он был очень взволнован – портье заметил, как дрожала его рука, когда он протянул ему записку. Годфри Стонтон, прочитав принесенную портье записку, сунул ее в карман. Выйдя в холл, он не подал руки посетителю. Они только обменялись несколькими фразами, портье разобрал лишь слово «время». Потом оба поспешно покинули гостиницу. На часах в холле было ровно половина одиннадцатого.

– Еще несколько вопросов, – сказал Холмс, садясь на кровать Стонтона.

– Вы дежурите днем, не так ли?

– Да, сэр. Я работаю до одиннадцати часов вечера.

– Ночной портье, надеюсь, ничего необычного не заметил?

– Нет, сэр. Только несколько человек вернулись поздно из театра. Больше никто не приходил.

– Вы вчера никуда не отлучались из гостиницы?

– Нет, сэр.

– Были ли для мистера Стонтона письма или телеграммы?

– Да, сэр, телеграмма.

– Вот как, это интересно. В котором часу?

– Около шести.

– Где мистер Стонтон получил ее?

– У себя в комнате.

– Вы видели, как он читал ее?

– Да, сэр: я ждал, не будет ли ответа.

– Ну и как?

– Он написал ответ, сэр.

– Вы отнесли его на почту?

– Нет, он отнес сам.

– Но он написал его в вашем присутствии?

– Да, сэр. Я стоял у двери, а он сидел за столом, спиной ко мне. Когда он кончил писать, он сказал: «Можете идти, я отправлю ответ сам».

– Чем он писал ответ?

– Пером, сэр.

– Он взял телеграфный бланк со стола?

– Да, сэр. Он писал на верхнем бланке.

Холмс взял бланки и, подойдя к окну, тщательно осмотрел верхний.

– Жаль, что он не писал карандашом, – разочарованно сказал он, бросив бланки на стол. – Вы ведь, Уотсон, не раз, наверное, замечали, что буквы, написанные карандашом, четко отпечатываются на следующем листе – это обстоятельство разрушило немало счастливых браков. Ну, а здесь, к сожалению, нет никаких следов. Это значит, что он писал мягким широким пером. И я почти уверен, что в этом случае нам может помочь пресс-папье. Ага! Вот то, что нам нужно!

Он сорвал лист промокательной бумаги, и мы увидели на ней загадочные иероглифы.

– Поднесите к зеркалу! – заволновался Сирил Овертон.

– Не нужно, – сказал Холмс. – Бумага тонкая, мы увидим текст на обратной стороне.

Он перевернул листок, и мы прочитали: «Помогите нам, ради всего святого».

– Это последние слова телеграммы, которую Годфри Стонтон отправил за несколько часов до исчезновения. Не хватает по меньшей мере шести слов. Но и то, что есть, свидетельствует о серьезной опасности, угрожавшей молодому человеку, от которой кто-то мог бы защитить его. Причем, опасность угрожала двоим – в телеграмме стоит «нам», а не «мне». Так что замешан еще один человек. И это, конечно, ночной посетитель Годфри Стонтона, который сам был в крайнем смятении. Но что у него может быть с ним общего? И кто этот третий, кому была послана мольба о помощи? Вот с него-то мы и начнем наши поиски.

– Значит, первым делом надо узнать, кому послана телеграмма, – предположил я.

– Совершенно верно, мой дорогой Уотсон. Эта глубокая мысль и мне пришла в голову. Но разве вам неизвестно, что если мы явимся на почту и потребуем корешок телеграммы, то служащие едва ли пойдут нам навстречу. Столько еще у нас бюрократизма! Однако, если

взяться за дело с умом и тактом, то можно, пожалуй, надеяться на успех. А теперь, мистер Овертон, я хотел бы в вашем присутствии просмотреть бумаги, оставленные на столе.

Холмс переворачивал быстрыми, тонкими пальцами письма, счета и записные книжки, изучая их живым, проницательным взглядом.

– Ничего интересного, – сказал он наконец. – кстати, ваш друг, кажется, не жаловался на здоровье. Его ничего не беспокоило?

– Нет, он здоров как бык.

– Вы когда-нибудь видели его больным?

– Ни разу. Однажды он расшиб ногу, и еще как-то у него сместилась коленная чашечка, но все это пустяки.

– И все-таки, возможно, он не так уж здоров, как вам кажется. По-моему, он чем-то болен, но держит это в тайне. С вашего согласия я захвачу с собой некоторые бумаги, они могут понадобиться нам в дальнейшем.

– Одну минуту, – послышался скрипучий голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях смешного старичка, размахивающего руками. На нем был порыжелый сюртук с развязавшимся белым галстуком и цилиндр с необычайно широкими полями. Он был похож на деревенского священника или наемного плакальщика. Но, несмотря на этот жалкий, почти нелепый вид, его резкий голос и решительные манеры выдавали в нем человека, привыкшего повелевать.

– Кто вы такой, сэр, и по какому праву берете бумаги этого джентльмена? – спросил он.

– Я частный сыщик. Хочу найти причину его исчезновения.

– Ах вон оно что! А кто вас об этом просил?

– Вот этот джентльмен, друг мистера Стонтона. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда.

– Кто вы такой, сэр?

– Я Сирил Овертон.

– Значит, это вы послали мне телеграмму. Я лорд Маунт-Джеймс. Получив ее, я с первым же омнибусом отправился сюда. Значит, это вы наняли сыщика?

– Да, сэр.

– И вы готовы платить?

– Я не сомневаюсь, что мой друг Годфри оплатит счет.

– А если вы его не найдете? Что тогда, отвечайте!

– В таком случае его родные, несомненно…

– Ни в коем случае, сэр! – взвизгнул старик. – И не думайте, что я заплачу вам хоть пенни. Так и знайте, мистер сыщик. Я единственный родственник этого молодого человека, и я заявляю, что меня все это не касается. Если у него есть виды на наследство, то только потому, что я никогда не бросал денег на ветер и сейчас не собираюсь этого делать. Что же касается бумаг, с которыми вы так бесцеремонно обращаетесь, то должен сказать, что если они представляют какую-нибудь ценность, вы будете по всей строгости отвечать за каждый пропавший листок.

– Отлично, сэр, – сказал Шерлок Холмс. – Но позвольте спросить, нет ли у вас каких-либо соображений, куда мог деться молодой человек.

– Никаких соображений! Он достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе. И если у него хватило ума потеряться, пусть пеняет на себя. Я категорически отказываюсь участвовать в его розысках.

– Я понимаю вас, – сказал Холмс, и в его глазах сверкнул злой огонек.

– Но вы, кажется, не совсем меня понимаете. Годфри Стонтон небогат. И если его похитили, то вовсе не для того, чтобы завладеть его состоянием. Молва о вашем богатстве,

лорд Маунт-Джеймс, распространилась даже за границей. Не исключено поэтому, что вашего племянника похитили бандиты, которые надеются выведать у него план вашего дома, ваши привычки и где вы храните драгоценности.

Лицо нашего неприятного посетителя стало белым, как его галстук.

– Боже мой, сэр, я никогда не думал, что люди способны на такое! Каких только мерзавцев нет на свете! Но Годфри – стойкий парень, он не предаст своего дядю. Впрочем, я сегодня же вечером отвезу в банк фамильное серебро. А вы, мистер сыщик, не жалейте, пожалуйста, сил. Во чтобы то ни стало найдите его целым и невредимым. Что же касается денег – ну, скажем, пять или даже десять фунтов, – можете всегда рассчитывать на меня.

Но даже сейчас, в эту минуту просветления, титулованный скряга ничем не мог нам помочь, ибо почти ничего не знал о своем племяннике. Единственный ключ к тайне по-прежнему содержался в последних словах телеграммы, и Холмс с ее помощью надеялся нащупать следующее звено. Наконец лорд Маунт-Джеймс ушел. Ушел и Овертон, чтобы вместе с командой обсудить свалившуюся на них беду. Рядом с гостиницей была почта, и мы остановились перед ней.

– Стоит рискнуть, Уотсон, – сказал Холмс. – Конечно, с ордером на руках я мог бы просто потребовать, чтобы мне показали корешки, но до этой стадии еще далеко. Я думаю, что они вряд ли запомнили его лицо в этой беспрестанной сутолоке. Рискнем!

– Простите за беспокойство, – обратился он через окошко к молодой девушке, пустив в ход все свое обаяние. – Вчера я отправил телеграмму и боюсь, что сделал в ней большую ошибку. Почему-то задерживается ответ, уж не забыл ли я подписаться. Могли бы вы проверить?

Девушка взяла пачку корешков.

– В котором часу вы отправили телеграмму? – спросила она.

– Сразу же после шести…

– Кому?

Холмс прижал палец к губам и оглянулся на меня.

– Она кончается словами: «…ради всего святого», – прошептал он. – Пожалуйста, я очень беспокоюсь.

Девушка отделила одну из телеграмм.

– Вот она. Фамилии действительно нет, – сказала она, разглаживая ее на стойке.

– Я так и знал, – сказал Холмс. – Боже, какой я идиот! До свидания, мисс, премного вам благодарен. У меня словно гора с плеч свалилась.

Когда мы вышли на улицу, он довольно засмеялся, потирая руки.

– Ну? – спросил я.

– Все хорошо, дорогой Уотсон! У меня в запасе было семь разных способов, как подобраться к телеграмме. Но я меньше всего ожидал, что повезет с первого раза.

– Что же вы узнали?

– Узнал отправной пункт наших исследований. Вокзал Кингс-Кросс, – сказал он кучеру подъехавшего к нам кэба.

– Значит, мы уезжаем из Лондона?

– Да, в Кембридж. Все говорит о том, что надо искать в этом направлении.

– Скажите, пожалуйста. Холмс, – начал я, когда кэб громыхал по Грэйс-Инн-роуд, – составили ли вы себе представление, почему исчез Годфри Стонтон? Мне кажется, что ни в одном вашем деле мотивы не были столь туманны. Вы вряд ли верите, что его похитили, зарясь на деньги его богатого дядюшки.

– Признаюсь, дорогой Уотсон, мне это действительно кажется маловероятным. Я выдвинул такую версию, чтобы расшевелить этого в высшей степени неприятного старика.

– И вам это как нельзя лучше удалось. Но все-таки, Холмс, что случилось с молодым человеком?

– У меня есть несколько идей. Во-первых, молодой человек исчезает накануне важного матча. Факт немаловажный, если учесть, что он лучший игрок команды. Это может быть простым совпадением, а может, и нет. Любительский спорт – зрелище, на котором не принято заключать пари. И все-таки многие заключают. Значит, есть люди, которым выгодно вывести Стонтона из игры. Ведь случается же, что перед скачками исчезает лучшая лошадь. Это первая версия. Вторая основывается на том очевидном факте, что молодой человек скоро станет обладателем громадного состояния, хотя в настоящее время его средства ничтожны. Можно предположить поэтому, что он стал жертвой шайки, которая потребует за него крупный выкуп.

– Но эти версии не объясняют телеграммы.

– Совершенно верно, Уотсон. Телеграмма пока остается единственной реальной уликой, и мы не должны отвлекаться от нее. Поэтому мы и едем в Кембридж. Там мы узнает, какую роль играет телеграмма в этом деле. Дальнейший ход расследований пока неясен, но я буду очень удивлен, если к вечеру все или почти все не разъяснится.

Мы приехали в старый университетский городок с наступлением темноты. На вокзале Холмс нанял кэб и приказал кучеру ехать к дому доктора Лесли Армстронга. Спустя несколько минут наш кэб остановился у большого особняка на оживленной улице. Мы вошли в холл и, после долгого ожидания, были приглашены в приемную доктора.

Имя доктора Лесли Армстронга было мне незнакомо, что достаточно ясно показывает, как далек я был в то время от медицины. Теперь я знаю, что он не только один из лучших профессоров медицинского факультета, но и ученый с европейским именем, внесший значительный вклад в целый ряд наук. Даже ничего не слыхав о его ученых заслугах, а только раз взглянув на него, можно было с уверенностью сказать, что он человек выдающийся. У него было крупное, волевое лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд из-под густых бровей, массивный, как гранитная глыба, подбородок. Это был человек с острым умом и сильным характером: суровый, аскетический, сдержанный и даже внушающий робость. Он повертел в руках визитную карточку моего друга и неприветливо посмотрел на нас.

– Я слышал о вас, мистер Холмс, и о вашей деятельности и должен сказать, что я не одобряю ее.

– В этом вы единодушны, доктор, со всеми преступниками Англии, – спокойно ответил мой друг.

– Само собой разумеется, что, когда ваши усилия направлены на искоренение преступности, вас должны поддерживать все здравомыслящие члены общества. Хотя, смею думать, официальные власти достаточно компетентны в своем деле. Достойно же осуждения то, что вы суетесь в чужие тайны, извлекаете на свет божий семейные драмы, тщательно оберегаемые от постороннего глаза, и наконец отвлекаете от дела людей, более вас занятых. Сейчас, например, вместо того, чтобы беседовать с вами, я должен был бы писать научный трактат.

– Несомненно, доктор. И все же наша беседа может оказаться более важной, чем любой трактат. Между прочим, доктор, мы делаем как раз обратное тому, что вы так справедливо осуждаете. Мы охраняем от огласки чужие тайны, что неизбежно происходит, если дело попадет в руки полиции. Считайте меня партизанским отрядом, что ли, действующим отдельно от регулярных сил. Так вот, я сегодня приехал к вам поговорить о мистере Годфри Стонтоне.

– А что с ним случилось?

– Вы его знаете, не так ли?

– Он мой близкий друг.

– Вам известно о его исчезновении?

– Об исчезновении? – Суровое лицо доктора не дрогнуло.

– Он ушел из гостиницы вчера вечером, и больше его не видели.

– Он, несомненно, вернется.

– Завтра матч университетских команд.

– Мне нет дела до этих детских забав. Судьба молодого человека действительно не безразлична мне, потому что я знаю его и люблю, а регби – это не по моей части.

– Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь. Я тоже обеспокоен судьбой мистера Стонтона. Вам известно, где он находится?

– Нет, конечно.

– Вы видели его вчера или сегодня?

– Нет.

– Какого вы мнения о здоровье мистера Стонтона?

– Он абсолютно здоров.

– Жаловался ли он когда-нибудь на недомогание?

– Ни разу.

Холмс вынул листок бумаги и показал его доктору.

– Как тогда вы объясните происхождение этой квитанции на тринадцать гиней, уплаченных в прошлом месяце мистером Годфри Стонтоном доктору Лесли Армстронгу из Кембриджа? Я нашел ее на письменном столе Стонтона среди прочих бумаг.

Лицо доктора налилось кровью.

– Я не вижу необходимости давать вам объяснения, мистер Холмс.

Холмс спрятал квитанции в записную книжку.

– Вы, по-видимому, предпочитаете давать объяснения перед публикой, – сказал он. – А я ведь вам уже говорил, что гарантирую сохранение тайны. Вы поступили бы гораздо благоразумнее, если бы вполне доверились мне.

– Я ничего не могу сказать об этой квитанции.

– Имели вы от Стонтона какое-либо известие с тех пор, как он уехал в Лондон?

– Нет.

– Ох, уж эта почта! – сокрушенно вздохнул Холмс. – Вчера вечером в шесть часов пятнадцать минут Годфри Стонтон послал вам срочную телеграмму, которая, несомненно, связана с его исчезновением, и вам до сих пор ее не принесли. Это – возмутительное безобразие! Я сейчас же пойду в местное почтовое отделение и подам жалобу.

Доктор Лесли Армстронг вскочил на ноги, его темное лицо побагровело от гнева.

– Потрудитесь немедленно покинуть мой дом, сэр, – сказал он. – И передайте вашему хозяину, лорду Маунт-Джеймсу, что я не желаю иметь никаких дел ни с ним, ни с его агентами. – он неистово зазвонил в колокольчик. – Джон, проводи этих джентльменов.

Напыщенный дворецкий только что не вытолкал нас, и мы оказались на улице. Холмс рассмеялся.

– Да, доктор Лесли Армстронг – действительно решительный и энергичный человек, – сказал он. – Он с успехом мог бы заменить профессора Мориарти, направь он свои таланты по другому руслу. Итак, мой бедный Уотсон, мы одиноки и неприкаянны в этом негостеприимном городе. А ведь уехать отсюда мы не можем. Это значит отказаться от поисков. Смотрите, прямо напротив дома Армстронга, как нельзя более кстати, гостиница. Снимите комнату с окнами на улицу и купите еды, а я между тем наведу кое-какие справки.

Наведение справок заняло у Холмса больше времени, чем он предполагал, и в гостиницу он вернулся лишь к девяти часам. Он был в плохом расположении духа, бледен, весь в пыли и валился с ног от голода и усталости. На столе его ждал холодный ужин. Утолив голод, он раскурил трубку и приготовился в своем обычном полушутливом тоне рассказывать о своих неудачах, к которым он всегда относился с философским спокойствием. Вдруг на улице послышался скрип колес экипажа, Холмс поднялся и выглянул в окно. Перед домом доктора в свете газового фонаря стояла карета, запряженная парой серых лошадей.

– Доктор отсутствовал три часа, – сказал Холмс, – он уехал в половине седьмого и вот только что вернулся. Значит, он был где-то в радиусу десяти

– двенадцати миль. Он ездит куда-то каждый день, а иногда даже два раза в день.

– Это не удивительно, ведь он практикующий врач.

– В том-то и дело, что Армстронг не практикующий врач. Он профессор и консультант, а практика только отвлекла бы его от научной работы. Зачем же ему понадобилось совершать эти длинные и утомительные поездки? Кого он навещает?

– Его кучер мог бы…

– Мой дорогой Уотсон, к кучеру я первым делом и обратился. Но он спустил на меня пса: не знаю, чем это объяснить – то ли его собственным свирепым нравом, то ли приказом хозяина. Однако вид моей трости не очень понравился ни кучеру, ни собаке, и инцидент на этом был исчерпан. Наши отношения после этого настолько обострились, что о каких-либо расспросах не могло быть и речи. Но, к счастью, во дворе гостиницы я разговорился с одним славным малым – местным жителем, он-то и рассказал мне о привычках доктора и его ежедневных поездках. Во время нашего разговора, словно в подтверждение его слов, к дому доктора подъехала карета.

– И вы решили следовать за ней?

– Чудесно, Уотсон! Вы сегодня бесподобны, именно это я и решил. Рядом с нашей гостиницей, как вы, вероятно, заметили, есть магазин, торгующий велосипедами. Я бросился туда, взял напрокат велосипед и покатил за каретой, которая была уже довольно далеко. Я быстро нагнал ее и, держась на расстоянии около ста ярдов, следовал за ее фонарем. Так мы выехали из города и уже отъехали довольно далеко, когда случилось неожиданное: карета остановилась, из нее вышел доктор и, решительным шагом приблизившись ко мне, язвительно заметил, что, поскольку дорога узкая, он не хотел бы своей каретой загораживать мне путь. Он был неподражаем. Я проследовал мимо кареты и, отъехав несколько миль, остановился. Я ждал долго – карета словно сквозь землю провалилась. «Наверное, свернула на одну из проселочных дорог», – решил я и покатил обратно. Кареты и след простыл. Доктор вернулся, как видите, только сейчас. Сначала я никак не связывал эти поездки с исчезновением Годфри Стонтона, меня просто интересовало все, что касается доктора Армстронга. Но хитрость доктора меня насторожила. И я не успокоюсь, пока все не узнаю.

– Попытаемся выследить его завтра.

– Сможем ли? Это не так просто. Вы ведь не знаете окрестностей Кембриджа! Укрыться на этой плоской, как стол, местности негде, а человек, которого мы хотим выследить, вовсе не глуп, как он это ясно показал сегодня. Я отправил телеграмму Овертону, чтобы он сообщил, не случилось ли в Лондоне чего нового. А пока сосредоточим все внимание на докторе Армстронге: ведь это его имя я прочитал на корешке телеграммы благодаря любезности телеграфистки. Я готов поклясться, он знает, где находится Стонтон. А если знает он, то должны узнать и мы. Надо признаться, что счет пока в его пользу, а вы хорошо знаете, Уотсон, что не в моих правилах бросать игру на этой стадии.

Но и следующий день не приблизил нас к решению загадки. После завтрака нам принесли записку, и Холмс с улыбкой протянул ее мне. Вот что в ней было:

«Сэр, смею вас заверить, что, преследуя меня, вы теряете время. Как вы убедились прошлой ночью, в задке моей кареты есть окно, и если вас не пугает двадцатимильная прогулка, конечными пунктом которой будут ворота вашей гостиницы, то можете смело следовать за мной. Но должен вам сказать, что слежка за мной никоим образом не поможет мистеру Годфри Стонтону. Я уверен, что лучшей услугой, какую вы могли бы оказать этому джентльмену, было бы ваше немедленное возвращение в Лондон. Скажите вашему хозяину, что вам не удалось напасть на его след. В Кембридже вы ничего не добьетесь.

Искренне ваш Лесли Армстронг».

– Да, доктор прямодушный и честный противник, – сказал Холмс. – Но он разжег мое любопытство, и я не уеду отсюда, пока не узнаю, куда и зачем он ездит.

– Карета уже у его дверей, – сказал я. – А вот и он сам. Взглянул на наше окно. Садится в карету. Может, мне попытать счастья на велосипеде?

– Нет, нет, мой дорогой Уотсон! При всем моем уважении к вашей природной сообразительности должен сказать, что доктор вам не по плечу. Я уж как-нибудь сам постараюсь с ним управиться. Боюсь, что вам пока придется заняться чем-нибудь другим, ибо появление двух любопытствующих незнакомцев в окрестностях Кембриджа вызвало бы нежелательные толки. Вы, несомненно, найдете много интересного в этом почтенном городе, а я постараюсь принести вечером более благоприятные вести.

Но и в этот день моему другу не повезло. Он вернулся поздно вечером, усталый и разочарованный.

– Весь день потратил впустую, Уотсон. Зная направление поездок доктора, я объездил все тамошние деревни, разговаривал с трактирщиками и другими осведомленными людьми. Я обошел Честертон, Хистон, Уотербич и Окингтон, и везде меня постигла неудача. Ежедневное появление кареты наверняка не осталось бы незамеченным в этом «сонном царстве». Словом, счет два – ноль в пользу доктора. Телеграммы не было?

– Была, я ее распечатал, вот она: «Помпей. Обратитесь Джереми Диксону Тринити-колледж», – и ничего не понял.

– Ну, это ясно. Телеграмма от нашего друга Овертона. Ответ на мой вопрос. Сейчас я пошлю записку мистеру Джереми Диксону. Уверен, что на этот раз счастье, несомненно, улыбнется нам. Кстати, как прошел матч?

– В сегодняшней вечерней газете помещен подробный отчет о матче. Выиграл Оксфорд. Вот чем кончается отчет: «Поражение светло-голубых объясняется отсутствием прославленного игрока международного класса Годфри Стонтона. Оно дало о себе знать на первых же минутах встречи. Отсутствие комбинационной игры в трехчетвертной линии, вялость в нападении и обороне свели на нет усилия этой сильной и дружной команды».

– Значит, беспокойство нашего друга Овертона имело основания, – сказал Холмс. – Но лично я разделяю мнение доктора. Мне тоже нет никакого дела до регби. А сейчас спать, Уотсон, завтра нам предстоит хлопотливый денек.

Я пришел в ужас, когда, проснувшись на следующее утро, увидел Холмса у камина с небольшим шприцем в руках. Шприц ассоциировался у меня с его единственной слабостью, и я решил, что мои худшие опасения оправдались. Увидев ужас на моем лице. Холмс рассмеялся и положил шприц на стол.

– Нет, нет, дорогой друг, не надо беспокоиться. Шприц на этот раз не орудие зла, это скорее ключ к разгадке тайны. Я возлагаю на него большую надежду. Все пока что благоприятствует нам. Я только что совершил небольшую вылазку. А теперь позавтракайте поплотнее, Уотсон, ибо сегодня мы возьмем след доктора Армстронга. И я не позволю ни себе, ни вам ни минуты отдыха, пока мы не загоним его в нору.

– Тогда давайте захватим завтрак с собой. Я не успею поесть: ведь доктор сию минуту уедет. Карета уже у дверей.

– Сегодня это неважно. Пусть едет. Он будет семи пядей во лбу, если ему удастся ускользнуть от нас. Когда позавтракаете, мы спустимся вниз, и я познакомлю вас с одним замечательным сыщиком.

Мы сошли вниз, и Холмс повел меня в конюшню. Открыв стойло, он вывел приземистую и вислоухую пегую собаку-ищейку.

– Позвольте представить вам Помпея, – сказал он, – гордость местных охотников. Судя по его сложению, он не шибкий бегун, но зато он отлично держит след. Ну, Помпей, хотя ты и не очень быстр, но, думаю, двум лондонцам среднего возраста будет нелегко угнаться за тобой, поэтому я позволю себе прикрепить к твоему ошейнику этот кожаный поводок. А теперь вперед, покажи, на что ты способен.

Он подвел Помпея к дому доктора. Собака понюхала землю и, натянув повод, с визгом рванулась по улице. Спустя полчаса мы были за городом.

– Что это значит. Холмс? – спросил я.

– Старый, избитый прием, но порой дает отличные результаты. Сегодня утром я заглянул во двор к доктору и облил из шприца заднее колесо кареты анисовым маслом. Помпей будет гнать за ним хоть до самого Джон-о'Гротса[64]. Чтобы сбить его со следа, нашему другу пришлось бы в карете переправляться через Кэм. Ах, какой хитрец! Вот почему ему удалось улизнуть тогда ночью!

Собака вдруг круто свернула с дороги на поросший травой проселок. Через полмили он вывел нас на другое шоссе. След круто повернул вправо. Дорога обогнула город с востока и повела в направлении, противоположном тому, в каком мы начали преследование.

– Значит, этот крюк он сделал исключительно ради нас, – сказал Холмс.

– Не удивительно, что мои вчерашние поиски ни к чему не привели. Доктор играет по всем правилам. Интересно, что его заставляет прибегать к таким хитростям? Вон там, справа, должно быть, Трампингтон. Смотрите. Уотсон. А, карета! Скорее, скорее, иначе все пропало!

Он бросился в ближайшую калитку, увлекая за собой упирающегося Помпея. Едва мы укрылись за живой изгородью, как карета промчалась мимо. На мгновенье я увидел доктора Армстронга. Он сидел сгорбившись, обхватив руками голову, – живое воплощение горя. Взглянув на помрачневшее лицо моего спутника, я понял, что и он заметил состояние доктора.

– Боюсь, как бы наши поиски не имели печального конца, – сказал он. – Но мы сейчас все узнаем. Помпей, вперед! Вон к тому дому!

Сомнений не было: мы достигли цели. Помпей, взвизгивая, бегал у ворот, где еще виднелись следы экипажа. Холмс привязал собаку к плетню, и мы по дорожке поспешили к дому. Мой друг постучал в невысокую, грубо сколоченную дверь, подождал немного и постучал снова. В доме кто-то был, оттуда доносился стон, полный безысходного отчаяния и горя. Холмс в нерешительности постоял у двери, потом оглянулся на дорогу. По ней мчалась карета, запряженная парой серых лошадей.

– Доктор возвращается! – вскричал Холмс. – Скорее в дом. Мы должны узнать, в чем дело!

Он распахнул дверь, и мы оказались в холле. Стон усилился, перейдя в непрерывный отчаянный вопль. Он доносился откуда-то сверху. Холмс стремительно бросился туда, я за ним. Он толкнул полуоткрытую дверь, и мы в ужасе остановились перед открывшейся нашим глазам картиной.

На кровати недвижно лежала молодая красивая девушка. Ее спокойное бледное лицо обрамляли пышные золотистые волосы. Потускневшие широко открытые голубые глаза смотрели в потолок. В изножье кровати, зарывшись лицом в простыни, стоял на коленях

молодой человек, тело его содрогалось от рыданий. Горе совсем убило его, он даже не взглянул в нашу сторону. Холмс положил ему руку на плечо.

– Вы мистер Годфри Стонтон?

– Да, да… Это я. Но вы пришли поздно. Она умерла.

Он, видимо, принял нас за врачей. Холмс пробормотал несколько слов соболезнования и попытался объяснить ему, сколько хлопот доставил он своим друзьям, когда на лестнице послышались шаги и в дверях появилось суровое, порицающее лицо доктора Армстронга.

– Итак, джентльмены, – сказал он, – вы добились своего и выбрали для вторжения самый подходящий момент. Я не хотел бы затевать ссору в присутствии усопшей, но знайте: будь я моложе, ваше чудовищное поведение не осталось бы безнаказанным.

– Простите, доктор Армстронг, но мне кажется, мы не совсем понимаем друг друга, – с достоинством отвечал мой друг. – Не согласитесь ли вы спуститься вниз, где мы могли бы обсудить это печальное дело?

Через минуту мы сидели в гостиной.

– Я слушаю вас, сэр, – сказал доктор.

– Прежде всего я хочу, чтобы вы знали, что я не имею никакого отношения к лорду Маунт-Джеймсу, более того, этот старик мне глубоко несимпатичен. Поймите, если исчезает человек и ко мне обращаются за помощью, мой долг – разыскать его. Как только пропавший найден, миссия моя окончена. И если не был нарушен закон, то тайна, которой я невольно коснулся, навсегда останется тайной. В этом деле, как я полагаю, не было нарушения закона, и вы можете целиком рассчитывать на мою скромность. Ни одно слово о нем не проникнет на страницы газет.

Доктор Армстронг шагнул вперед и протянул Холмсу руку.

– Я ошибался в вас, мистер Холмс, – сказал он. – Вы настоящий джентльмен. Я оставил было несчастного Стонтона наедине с его горем, но потом, благодарение богу, решил вернуться обратно: может, ему понадобится моя помощь. И это дало мне возможность узнать вас лучше. Вы достаточно осведомлены об этом деле, и мне не составит труда объяснить все остальное. Год назад Годфри Стонтон снимал квартиру в Лондоне. Он полюбил дочь хозяйки и вскоре женился на ней. Мир не видел женщины нежнее, красивее и умнее ее. Никто не постеснялся бы иметь такую жену. Но Годфри – наследник этого отвратительного скряги. И если бы он узнал о женитьбе племянника, он лишил бы его наследства. Я хорошо знаю Годфри и очень люблю его. Он в полном смысле слова прекрасный человек. И я всячески способствовал тому, чтобы сохранить его тайну. Благодаря этому уединенному дому и осторожности Годфри об их браке до сегодняшнего дня знали только два человека – я да еще преданный слуга, который сейчас ушел за врачом в Трампингтон. Некоторое время назад Годфри постиг страшный удар – его жена опасно заболела. Оказалась скоротечная чахотка. Годфри чуть не лишился рассудка от горя; но все-таки ему пришлось ехать в Лондон на этот матч, ибо он не мог объяснить своего отсутствия, не раскрыв тайны. Я пытался ободрить его, послав ему телеграмму. Он ответил мне, умоляя сделать все, чтобы спасти ее. Вам каким-то чудом удалось прочитать его телеграмму. Я не хотел говорить ему, как велика опасность, так как его присутствие здесь ничему бы не помогло, но я написал всю правду отцу девушки, а тот, позабыв благоразумие, рассказал обо всем Годфри. Годфри, все бросив, приехал сюда в состоянии, близком к безумию. И на коленях простоял у ее постели до сегодняшнего утра, пока смерть не положила конец ее страданиям. Вот и все, мистер Холмс. Я не сомневаюсь, что могу положиться на вашу скромность и на скромность вашего друга.

Холмс крепко пожал руку доктору.

– Пойдемте, Уотсон, – сказал он.

И мы вышли из этого печального дома навстречу бледному сиянию зимнего дня.

Убийство в Эбби-Грейндж

В холодное, морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Холмс. Свеча в его руке озаряла взволнованное лицо моего друга, и я сразу же понял: случилось что-то неладное.

– Вставайте, Уотсон, вставайте! – говорил он. – Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кэбе и мчались с грохотом по тихим улицам к вокзалу Черинг-кросс. Едва забрезжил робкий зимний рассвет, и в молочном лондонском тумане смутно виднелись редкие фигуры спешивших на работу мастеровых. Холмс, укутавшись в свое теплое пальто, молчал, и я последовал его примеру, потому что было очень холодно, а мы оба выехали натощак. И только выпив на вокзале горячего чаю и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что он мог говорить, а я слушать. Холмс вынул из кармана записку и прочитал ее вслух:

«Эбби-Грейндж, Маршем, Кент, 3.30 утра.

Мой дорогой м-р Холмс! Буду очень рад, если Вы немедленно окажете мне содействие в деле, которое обещает быть весьма замечательным. Это нечто в Вашем вкусе. Леди придется выпустить, все остальное постараюсь сохранить в первоначальном виде. Но, прошу вас, не теряйте ни минуты, потому что трудно будет оставить здесь сэра Юстеса.

Преданный вам Стэнли Хопкинс»

– Хопкинс вызывал меня семь раз, и во всех случаях его приглашение оправдывалось, – сказал Холмс. – Если не ошибаюсь, все эти дела вошли в вашу коллекцию, а я должен признать, Уотсон, что у вас есть умение отбирать самое интересное. Это в значительной степени искупает то, что мне так не нравится в ваших сочинениях. Ваша несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого, погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему не научат.

– А почему бы вам самому не писать эти рассказы? – сказал я с некоторой запальчивостью.

– И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я очень занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений. Хопкинс, по-моему, нас вызвал сегодня по поводу убийства.

– Вы думаете, стало быть, что этот сэр Юстес мертв?

– Да. По записке видно, что Хопкинс сильно взволнован, а он не тот человек, которого легко взволновать. Да, я думаю, что это убийство и тело оставлено, чтобы мы могли его осмотреть. Из-за обыкновенного самоубийства Хопкинс не послал бы за мной. Слова «леди придется выпустить» означают, вероятно, что, пока разыгрывалась трагедия, она была где-то заперта. Мы переносимся в высший свет, Уотсон. Дорогая, хрустящая бумага, монограмма «Ю. Б.», герб, пышный титул. Полагаю, что наш друг Хопкинс оправдает свою репутацию и сегодня утром мы не будем скучать. Преступление было совершено до полуночи.

– Из чего вы это могли заключить?

– Из расписания поездов и из подсчета времени. Надо было вызвать местную полицию, она снеслась со Скотленд-Ярдом. Хопкинс должен был туда приехать и, в свою очередь, послать за мной. Этого хватает как раз на целую ночь. Впрочем, вот уже и Чизилхерст, и скоро все наши сомнения разъяснятся.

Проехав несколько миль по узким деревенским дорогам, мы добрались до ворот парка, которые распахнул перед нами старый привратник; его мрачное лицо говорило о недавно пережитом большом потрясении. Через великолепный парк между двумя рядами старых вязов шла аллея, заканчиваясь у невысокого, вытянутого в длину дома с колоннами в стиле Палладио

по фасаду. Центральная часть здания была, несомненно, очень древней постройки и вся увита плющом; но большие широкие окна говорили о том, что ее коснулись современные усовершенствования, а одно крыло было по всем признакам совсем новое. У входа в открытых дверях мы увидели стройную молодую фигуру инспектора Стэнли Хопкинса и его возбужденное, встревоженное лицо.

– Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вы тоже, доктор Уотсон. Но, право, если бы я мог начать все сначала, я бы не стал беспокоить вас. Как только леди пришла в себя, она дала такие ясные показания, что теперь уже дело за немногим. Помните луишемскую банду взломщиков?

– Троих Рэндолов?

– Именно. Отец и два сына. Это их работа. У меня нет сомнений на этот счет. Две недели назад они поработали в Сайденхэме, их там видели, и у нас теперь есть описание их наружности. Какая дерзость? Двух недель не прошло

– и вот вам новое преступление. И в одном районе. Но это они, никакого сомнения, они. На этот раз от виселицы им не уйти.

– Сэр Юстес, значит, мертв?

– Да. Они проломили ему голову кочергой от его же собственного камина.

– Сэр Юстес Брэкенстолл, как сообщил нам кучер?

– Да, он. Один из самых богатых людей в Кенте. Леди Брэкенстолл сейчас в гостиной. Бедная, что ей пришлось пережить! Она была почти мертва, когда я впервые увидел ее. Вам лучше всего, я думаю, пойти к ней и послушать рассказ обо всем этом из ее собственных уст. Потом мы вместе осмотрим столовую.

Леди Брэкенстолл оказалась женщиной необыкновенной. Редко приходилось мне видеть такую изящную фигуру, такие женственные манеры и такое прекрасное лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми глазами и, должно быть, восхитительным цветом лица, которое от недавних переживаний было сейчас очень бледным и измученным. На ее долю выпали не только моральные страдания, но и физическое: над одним глазом у нее набух большой багровый кровоподтек, который ее горничная – высокая строгая женщина – усердно смачивала водой с уксусом. Леди лежала на кушетке в полном изнеможении, но ее быстрый, внимательный взгляд и настороженное выражение прекрасного лица показали, что страшное испытание не повлияло ни на ее разум, ни на ее самообладание. На ней был свободный, голубой с серебром халат, но здесь же, на кушетке, позади нее, лежало черное, отделанное блестками нарядное платье.

– Я уже рассказала вам все, что произошло, мистер Хопкинс, – сказала она устало. – Не могли бы вы повторить мой рассказ? Впрочем, если вы считаете, что это необходимо, я расскажу сама. Они уже были в столовой?

– Я считал, что сначала им надо выслушать ваш рассказ.

– Я вздохну свободно только тогда, когда с этим ужасом будет покончено. Мне страшно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на секунду закрыла лицо руками. Широкие рукава ее халата упали, обнажив руки до локтя.

– У вас есть еще ушибы, мадам? Что это? – воскликнул Холмс.

Два ярко-красных пятна проступали на белой гладкой коже руки. Она поспешила прикрыть их.

– Это ничего. Это не имеет отношения к страшным событиям минувшей ночи. Если вы и ваш друг присядете, я расскажу вам все, что знаю. Я жена сэра Юстеса Брэкенстолла. Мы поженились около года тому назад. Думаю, ни к чему скрывать, что наш брак был не из счастливых. Так скажут вам, надо думать, все соседи, даже если бы я и попыталась это

отрицать. Возможно, что вина отчасти моя. Я выросла в более свободной, не скованной такими условностями обстановке Южной Австралии, и эта английская жизнь с ее строгими приличиями и чопорностью мне не по душе. Но главное в том – и это знают все, – что сэр Юстес сильно пил. Нелегко было даже час провести с таким человеком. Вообразите, что значит для чуткой и пылкой молодой женщины быть с ним вместе и днем и ночью! Это святотатство, это преступление, это подлость – считать, что такой брак нерушим. Я убеждена, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на вашу страну. Небо не позволит, чтобы несправедливость торжествовала вечно.

Она на минуту привстала, щеки у нее вспыхнули, глаза заблестели. Багровый кровоподтек показался мне еще страшнее. Сильная и нежная рука ее суровой горничной опустила ее голову на подушку, и неистовая вспышка гнева разрешилась бурными рыданиями.

Наконец она заговорила опять:

– Я расскажу вам теперь о минувшей ночи. Вы уже, возможно, заметили, что все наши слуги спят в новом крыле. В центральной части дома жилые комнаты, за ними кухня и наши спальни наверху. Горничная моя Тереза спит над моей комнатой. Больше здесь нет никого, и ни один звук не доносится до тех, кто живет в пристройке. Судя по тому, как вели себя грабители, это им было известно.

Сэр Юстес удалился к себе около половины одиннадцатого. Слуги уже легли спать. Не легла только моя горничная, она ждала у себя наверху, когда я позову ее. Я сидела в этой комнате и читала. В двенадцатом часу, перед тем как подняться наверх, я пошла посмотреть, все ли в порядке. Это моя обязанность, как я уже объяснила вам, на сэра Юстеса не всегда можно было положиться. Я зашла в кухню, в буфетную к дворецкому, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Когда я подошла к дверям, задернутым плотными портьерами, я вдруг почувствовала сквозняк и поняли, что дверь открыта настежь. Я отдернула портьеру и оказалась лицом к лицу с пожилым широкоплечим мужчиной, который только что вошел в комнату. Дверь, большая, стеклянная, так называемое французское окно, выходит на лужайку перед домом. У меня в руке была зажженная свеча, и я увидела за этим мужчиной еще двоих, которые как раз входили в дом. Я отступила, но мужчина набросился на меня, схватил сперва за руку, потом за горло. Я хотела крикнуть, но он кулаком нанес мне страшный удар по голове и свалил наземь. Вероятно, я потеряла сознание, потому что, когда через несколько минут я пришла в себя, оказалось, что они оторвали от звонка веревку и крепко привязали меня к дубовому креслу, которое стоит во главе обеденного стола. Я не могла ни крикнуть, ни шевельнуться – так крепко я была привязана, и рот у меня был завязан платком. В эту минуту в комнату вошел мой несчастный супруг. Он, должно быть, услышал какой-то подозрительный шум и ожидал увидеть нечто подобное тому, что представилось его глазам. Он был в ночной сорочке и брюках, но в руке держал свою любимую дубинку. Он бросился к одному из грабителей, но тот, которого я увидели первым, схватил из-за каминной решетки кочергу и ударил его со страшной силой по голове. Мой муж упал, даже не вскрикнув. Он был мертв. Сознание опять покинуло меня, но через несколько минут я очнулась. Открыв глаза, я увидела, что воры взяли из буфета все серебро и достали оттуда же бутылку с вином. У каждого в руке был бокал. Я уже говорила вам, что один из них был постарше, с бородой, два других – молодые парни. Возможно, это были отец и сыновья. Поговорив шепотом о чем-то, они ко мне подошли, чтобы проверить, крепко ли я привязана. Потом они ушли, затворив за собой дверь. Мне удалось освободить рот только через четверть часа. Я закричала, крики услыхала горничная и сбежала вниз. Проснулись и другие слуги, и мы послали за полицией. Полиция немедленно связалась с Лондоном. Вот все, что я могу сказать вам, джентльмены, и надеюсь, что мне не придется еще раз повторять эту столь горестную для меня историю.

– Вы хотели бы что-то спросить, мистер Холмс? – сказал Хопкинс.

– Нет, я не хочу больше испытывать терпение леди Брэкенстолл и злоупотреблять ее временем, – сказал Холмс. – Но прежде чем пойти осматривать столовую, я был бы рад послушать ваш рассказ, – обратился он к горничной.

– Я видела этих людей еще до того, как они вошли в дом, – сказала она. – Я сидела у окна своей комнаты и вдруг увидела у сторожки привратника трех мужчин. Ночь-то была лунная. Но ничего плохого я тогда не подумала. А через час я услышала стоны моей хозяйки, бросилась вниз и нашла ее, голубушку, привязанной в этом кресле, точь-в-точь как она вам рассказывала. Хозяин лежал на полу, а комната была забрызгана мозгами и кровью. И даже у нее на платье была кровь. От этого кто угодно в обморок упадет. Но она всегда была мужественной, мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды. И она ни капельки не изменилась, став леди Брэкенстолл из Эбби-Грейндж. Вы очень долго расспрашивали ее, джентльмены. Видите, как она устала. Старая верная Тереза отведет ее в спальню. Ей надо отдохнуть.

Эта худая, суровая женщина с материнской нежностью обняла за талию свою хозяйку и увела ее из комнаты.

– Она прожила с ней всю жизнь, – сказал Хопкинс. – Нянчила ее, когда та была маленькой. Полтора года назад они покинули Австралию и вместе приехали в Англию. Ее зовут Тереза Райт, и таких слуг вы теперь не найдете. Вот так, мистер Холмс!

Выразительное лицо Холмса стало безучастным. Я знал, для него вместе с тайной исчезает и вся привлекательность дела. Правда, оставалось еще найти и арестовать преступников. Но дело было такое заурядное, что Холмсу не стоило тратить время. Он чувствовал примерно то же, что чувствует крупный специалист, светило в медицинском мире, когда его приглашают к постели ребенка лечить корь. Но, войдя в столовую и воочию увидев картину преступления, Холмс оживился и снова почувствовал интерес к этому делу.

Столовая была большой высокой комнатой с потолком из резного дуба, с дубовыми панелями и отличным собранием оленьих рогов и старого оружия на стенах. Напротив входа в дальнем конце комнаты находилась та самая стеклянная дверь, о которой говорила леди Брэкенстолл. Справа три окна, наполнявшие комнату холодным светом зимнего солнца. По левую сторону зияла пасть большого, глубокого камина под массивной дубовой полкой. У камина стояло тяжелое дубовое кресло с подлокотниками и резьбой внизу спинки. Сквозь отверстия резьбы был продет красный шнур, концы которого были привязаны к нижней перекладине. Когда леди освободили от пут, шнур соскочил, но узлы так и остались не развязаны.

Эти детали мы заметили позже, потому что теперь все наше внимание было приковано к телу, распростертому на тигровой шкуре перед камином.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он лежал на спине, с запрокинутым лицом и торчащей вверх короткой черной бородкой, скаля в усмешке белые зубы. Над головой были занесены стиснутые кулаки, а поверх рук лежала накрест его тяжелая дубинка. Его красивое, смуглое, орлиное лицо исказила гримаса мстительной ненависти и неистовой злобы. Он, видимо, был уже в постели, когда поднялась тревога, потому что на нем была щегольская, вышитая ночная сорочка, а из брюк торчали босые ноги. Голова была размозжена, и все в комнате говорило о дикой жестокости, с которой был нанесен удар. Рядом с ним валялась тяжелая кочерга, согнувшаяся от удара в дугу. Холмс внимательно осмотрел кочергу и нанесенную ею рану на голове.

– Видимо, этот старший Рэндол – могучий мужчина, – заметил он.

– Да, – сказал Хопкинс. – У меня есть о нем кое-какие данные. Опасный преступник.

– Вам будет нетрудно его взять.

– Конечно. Мы давно за ним следим. Ходили слухи, что он подался в Америку. А он, оказывается, здесь. Ну, теперь ему от нас не уйти. Мы уже сообщили его приметы во все морские порты, и еще до вечера будет объявлена денежная премия за поимку. Я одного не

могу понять: как они решились на такое отчаянное дело, зная, что леди опишет их нам, а мы по описанию непременно их опознаем.

– В самом деле, почему им было не прикончить и леди Брэкенстолл?

– Наверное, думали, – высказал я предположение, – что она не скоро придет в себя.

– Возможно. Они видели, что она без сознания, вот и пощадили ее. А что вы можете рассказать, Хопкинс, об этом несчастном? Я как будто слышал о нем что-то не очень лестное.

– Трезвым он был неплохой человек. Но когда напивался, становился настоящим чудовищем. Точно сам дьявол вселялся в него. В такие минуты он бывал способен на все. Несмотря на титул и на богатство, он уже дважды чуть не попал к нам. Как-то облил керосином собаку и поджег ее, а собака принадлежала самой леди. Скандал едва замяли. В другой раз он бросил в горничную графин. В эту самую Терезу Райт. И с этим делом сколько было хлопот! Вообще говоря, только это между нами, без него в доме станет легче дышать… Что вы делаете. Холмс?

Холмс опустился на колени и с величайшим вниманием рассматривал узлы на красном шнуре, которым леди привязали к креслу. Затем он так же тщательно осмотрел оборванный конец шнура, который был сильно обтрепан.

– Когда за этот шнур дернули, то в кухне, надо думать, громко зазвонил звонок, – заметил он.

– Да, но услышать его никто не мог. Кухня – направо, в противоположной стороне здания.

– Откуда грабитель мог знать, что звонка не услышат? Как он решился столь неосмотрительно дернуть шнур?

– Верно, мистер Холмс, верно. Вы задаете тот же вопрос, который и я много раз задавал себе. Нет сомнения, что грабители должны были хорошо знать и самый дом и его порядки. Прежде всего они должны были знать, что все слуги в этот сравнительно ранний час уже в постели и что ни один из них не услышит звонка. Стало быть, кто-то из слуг был их союзником. Но в доме восемь слуг, и у всех отличные рекомендации.

– При прочих равных условиях, – сказал Холмс, – можно было бы заподозрить служанку, в которую хозяин бросил графин. Но это означало бы предательство по отношению к хозяйке, а Тереза Райт безгранично предана ей. Но это – второстепенное обстоятельство. Арестовав Рэндола, вы без особого труда установите и его сообщников. Рассказ леди полностью подтверждается – если требуются подтверждения – всем тем, что мы здесь видим.

Он подошел к стеклянной двери и отворил ее.

– Никаких следов, да их и не может быть: земля твердая, как железо. Между прочим, свечи на камине горели ночью!

– Да. Именно эти свечи и свеча в спальне леди послужили грабителям ориентиром.

– Что грабители унесли?

– Совсем немного. Только полдюжины серебряных приборов из буфета. Леди Брэкенстолл думает, что, убив сэра Юстеса, они испугались и не стали дочиста грабить дом, как это было наверняка задумано.

– Пожалуй, что так. Странно только, что у них хватило духу задержаться и выпить вина.

– Нервы, видно, хотели успокоить.

– Пожалуй. К этим бокалам никто не притрагивался сегодня?

– Никто, и бутылка как стояла, так и стоит на буфете.

– Сейчас посмотрим. А это что такое? Три бокала стояли в ряд, все со следами вина. В одном на дне темнел осадок, какой дает старое, выдержанное вино. Тут же стояла бутылка, наполненная на две трети, а рядом лежала длинная, вся пропитанная вином пробка. Эта пробка и пыль на бутылке говорили о том, что убийцы лакомились не простым вином.

Холмс вдруг на глазах переменился. Куда девалась его апатия! Взгляд стал живым и внимательным. Он взял в руки пробку и стал ее рассматривать.

– Как они вытащили ее? – спросил он.

Хопкинс кивнул на выдвинутый наполовину ящик буфета. В нем лежало несколько столовых скатертей и большой пробочник.

– Леди Брэкенстолл упоминала этот пробочник?

– Нет. Но ведь она была без сознания, когда они открывали бутылку.

– Да, действительно. Между прочим, бутылку открывали штопором из складного ножа с набором инструментов. Он был длиной не более полутора дюймов. Если присмотреться к головке пробки, то видно, что штопор ввинчивался трижды, прежде чем пробка была извлечена. И штопор ни разу не прошел насквозь. Этот длинный пробочник насквозь бы пробуравил пробку и вытащил ее с первого раза. Когда вы поймаете субъекта, непременно поищите у него складной перочинный нож с многочисленными инструментами.

– Великолепно! – воскликнул Хопкинс.

– Но эти бокалы, признаюсь, ставят меня в тупик. Леди Брэкенстолл в самом деле видела, как все трое пили вино?

– Да, видела.

– Ну, тогда не о чем говорить! А все-таки вы должны признать, Хопкинс, что эти бокалы весьма примечательны. Что? Вы ничего не замечаете? Ну хорошо, пусть. Возможно, что, когда человек развил в себе некоторые способности, вроде моих, и углубленно занимался наукой дедукции, он склонен искать сложные объяснения там, где обычно напрашиваются более простые. Эти бокалы, вероятно, ничего не значат. Всего хорошего, Хопкинс. Не вижу, чем я могу быть полезен вам. Дело как будто ясное. Сообщите мне, когда Рэндол будет арестован, и вообще о всех дальнейших событиях. Надеюсь, что скоро смогу поздравить вас с успешным завершением дела. Идемте, Уотсон. Думаю, что дома мы с большей пользой проведем время.

На обратном пути я по лицу Холмса видел, что ему не дает покоя какая-то мысль. Усилием воли он старался избавиться от ощущения какой-то несообразности и старался вести разговор так, будто все для него ясно. Но сомнения снова и снова одолевали его. Нахмуренные брови, невидящие глаза говорили о том, что его мысли опять устремились к той большой столовой в Эбби-Грейндж, где разыгралась эта полночная трагедия. И в конце концов на какой-то пригородной станции, когда поезд уже тронулся. Холмс, побежденный сомнениями, выскочил на платформу и потянул меня за собой.

– Извините меня, дорогой друг, – сказал он, когда задние вагоны нашего поезда скрылись за поворотом, – мне совестно делать вас жертвой своей прихоти, как это может показаться. Но, клянусь жизнью, я просто не могу оставить дело в таком положении. Мой опыт, моя интуиция восстают против этого. Все неправильно, готов поклясться, что все неправильно. А между тем рассказ леди точен и ясен, в показаниях горничной нет никаких противоречий, все подробности сходятся. Что я могу противопоставить этому? Три пустых бокала, вот и все. Но если бы я подошел к делу без предвзятого мнения, если бы стал расследовать его с той тщательностью, которой требует дело de novo, если бы не было готовой версии, которая сразу увела нас в сторону, – неужели я не нашел бы ничего более определенного, чем эти бокалы? Конечно, нашел бы. Садитесь на эту скамью, Уотсон, подождем чизилхерстский поезд. А пока послушайте мои рассуждения. Только прошу вас

– это очень важно, – пусть показания хозяйки и горничной не будут для вас непреложной истиной. Личное обаяние леди Брэкенстолл не должно мешать нашим выводам.

В ее рассказе, если к нему отнестись беспристрастно, несомненно, есть подозрительные детали. Эти взломщики совершили дерзкий налет в Сайденхэме всего две недели назад. В газетах сообщались о них кое-какие сведения, давались их приметы. И если бы кто-нибудь

решил сочинить версию об ограблении, он мог бы воспользоваться этим. Подумайте, разве взломщики, только что совершившие удачный налет, пойдут на новое опасное дело, вместо того чтобы мирно радоваться удаче где-нибудь в недосягаемом месте? Далее, разве принято у грабителей действовать в столь ранний час или бить женщину, чтобы она молчала, хотя это самый верный способ заставить ее закричать? Не будут они и убивать человека, если их достаточно, чтобы справиться с ним без кровопролития. Не упустят они добычи и не ограничатся пустяками, если добыча сама идет в руки. Оставить бутылку вина недопитой тоже не в правилах этих людей. Не удивляют ли вас все эти несообразности, Уотсон?

– Все вместе они производят впечатление, хотя каждая в отдельности не такая уж невозможная вещь. Самое странное в этом деле, мне кажется, то, что леди привязали к креслу.

– Мне это не кажется странным, Уотсон. Они должны были или убить ее, или сделать так, чтобы она не подняла тревоги сразу же после их ухода. Но все равно, Уотсон, разве я не убедил вас, что в рассказе леди Брэкенстолл не все заслуживает доверия? А хуже всего эти бокалы.

– Почему?

– Вы можете представить себе их?

– Могу.

– Леди Брэкенстолл говорит, что из них пили трое. Не вызывает это у вас сомнения?

– Нет. Ведь вино осталось В каждом бокале.

– Но почему-то в одном есть осадок, а в других нет… Вы, наверное, это заметили? Как вы можете объяснить это?

– Бокал, в котором осадок, был, наверное, налит последним?

– Ничего подобного. Бутылка была полная, осадок в ней на дне, так что в третьем бокале вино должно быть точно такое, как и в первых двух. Возможны только два объяснения. Первое: после того, как наполнили второй бокал, бутылку сильно взболтали, так что весь отстой оказался в третьем бокале. Но это маловероятно. Да, да, я уверен, что я прав.

– Как же вы объясняете этот осадок?

– Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили остатки, поэтому в одном бокале есть осадок, а в двух других нет. Да, именно так и было. Но тогда ночью в столовой было два человека, а не три, и дело сразу из весьма заурядного превращается в нечто в высшей степени интересное. Выходит, что леди Брэкенстолл и ее горничная сознательно нам лгали, что нельзя верить ни одному, их слову и что, видимо, у них были очень веские причины скрыть настоящего преступника. Так что нам придется восстановить обстоятельства дела самим, не рассчитывая на их помощь. Вот что нам предстоит сделать, Уотсон. А вот и чизилхерстский поезд.

Наше возвращение очень удивило всех обитателей Эбби-Грейндж. Узнав, что Стэнли Хопкинс уехал докладывать своему начальству, Шерлок Холмс завладел столовой, запер изнутри двери и два часа занимался самым подробным и тщательным изучением места преступления, чтобы на собранных фактах возвести блестящее здание неопровержимых выводов. Усевшись в углу, я, как прилежный студент на демонстрации опыта у профессора, не отрываясь следил, как подвигается это замечательное исследование. Окно, портьеры, ковер, кресло, веревка – все было внимательно изучено и о каждом предмете сделано заключение. Тело несчастного баронета уже убрали, а все остальное оставалось на своих местах. К моему удивлению. Холмс влез на дубовую каминную полку. Высоко над его головой висел обрывок красного шнура, все еще привязанный к звонку. Холмс долго смотрел вверх, потом, чтобы приблизиться к шнуру, оперся коленом на карниз стены и протянул руку. До шнура оставалось всего несколько дюймов. Но тут его внимание привлек карниз. Осмотрев его, он, очень довольный, спрыгнул на пол.

– Все в порядке, Уотсон. Дело раскрыто. Это будет одно из самых замечательных дел в вашей коллекции. Однако, мой дорогой, до чего я был недогадлив – ведь я чуть было не совершил самой большой ошибки в моей жизни! Теперь остается восстановить только несколько недостающих звеньев. И вся цепь событий будет ясна.

– Вы уже знаете, кто эти люди?

– Это один человек, Уотсон, один! Один, но поистине грозная фигура. Силен, как лев, – вспомните удар, который погнул кочергу. Рост – шесть футов. Проворен, как белка. Очень ловкие пальцы. Умен и изобретателен. Ведь все это представление придумано им. Да, Уотсон, мы столкнулись с замечательной личностью. Но все-таки и он оставил следы. Этот шнур от звонка – ключ к решению всего дела.

– Не понимаю.

– Послушайте, Уотсон: если бы вам понадобился этот шнур и вы бы его с силой дернули, как по-вашему, где бы он оборвался? Конечно, там, где он привязан к проволоке. Почему же он оборвался гораздо ниже?

– Потому что он в этом месте протерся.

– Вот именно. И оборванный конец действительно потерт. У этого человека хватило ума подделать потертость ножом. Но другой конец наверху целый. Отсюда не видно. Но если встать на каминную полку, в этом легко убедиться. Он очень чисто срезан, и никаких потертостей там нет. Теперь уже можно восстановить ход событий. Неизвестный не стал обрывать шнур, боясь поднять тревогу. Чтобы обрезать его, он влез на каминную полку, но этого ему показалось мало. Тогда он оперся коленом на карниз, оставив на его пыльной поверхности след, протянул руку и обрезал шнур ножом. Я не дотянулся: еще оставалось три дюйма до шнура. Из этого я заключаю, что он по крайней мере на три дюйма выше меня. А теперь взгляните на сиденье кресла. Что это?

– Кровь.

– Кровь, вне всякого сомнения. Это одно доказывает, что рассказ леди Брэкенстолл – вымысел от начала до конца. Если она сидела в этом кресле, когда совершалось преступление, откуда взялись на нем пятна крови? Нет, нет, ее посадили в кресло после того, как супруг ее был убит. Бьюсь об заклад, что и на черном платье леди есть такое же пятно. Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой. А сейчас я хотел бы поговорить с этой няней Терезой. Но чтобы получить необходимые сведения, надо проявить большой такт.

Эта суровая австралийская няня оказалась очень интересной особой. Молчаливая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро смягчилась, побежденная обходительностью Холмса и его добродушной готовностью выслушать все, что она скажет. Тереза и не пыталась скрыть свою ненависть к покойному хозяину.

– Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графин. Он при мне выругал госпожу гадким словом, и я сказала ему, что, будь здесь ее брат, он не посмел бы так говорить. Тогда он и швырнул в меня графин. Да пусть бы он каждый день бросался графинами, лишь бы не обижал мою славную птичку. Как он терзал ее! А она была очень горда и никогда не жаловалась. Она и мне рассказывала не все. Вы видели на ее руках ссадины? Она не говорила мне, откуда они. Но я-то знаю, что это он проткнул ей руку длинной шпилькой от шляпы. Сущий дьявол он был, а не человек, – да простит меня бог, что я так говорю о покойнике. Когда мы встретили его в первый раз полтора года назад, он прикинулся таким ласковым, ну чисто мед! А теперь нам эти полтора года кажутся вечностью. Она, моя голубушка, только что приехала в Лондон. Первый раз оторвалась от дома. Он вскружил ей голову титулом, деньгами, обманчивым лондонским блеском. Если она и совершила ошибку, то заплатила за нее слишком дорогой ценой. В каком месяце мы с ним познакомились? Вскоре после того, как приехали. Приехали мы в июне, познакомились в июле. А поженились они в январе, в прошлом году. Да, она сейчас

в своей гостиной. Конечно, она поговорит с вами. Но не мучайте ее расспросами – ведь ей столько пришлось натерпеться…

Леди Брэкенстолл полулежала на той же кушетке, но вид у нее был теперь гораздо лучше. Горничная вошла вместе с нами и сразу же стала менять примочку на лбу.

– Надеюсь, – сказала леди Брэкенстолл, – вы пришли не за тем, чтобы опять меня допрашивать.

– Нет, – сказал Холмс очень мягко. – Я не причиню вам лишнего беспокойства. У меня есть одно желание – помочь вам, ибо я знаю, сколько вам пришлось выстрадать. Отнеситесь ко мне, как к другу, доверьтесь мне, и вы не раскаетесь.

– Что я должна сделать?

– Сказать мне всю правду.

– Мистер Холмс?!

– Нет, нет, леди Брэкенстолл, это бесполезно. Вы, возможно, слышали когда-нибудь мое имя. Так вот, ставлю на карту свое имя и свою репутацию, что ваш рассказ – от первого слова до последнего – вымысел.

– Какая наглость! – воскликнула Тереза. – Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала?

Холмс встал со стула.

– Итак, вам нечего мне сказать?

– Я все сказала.

– Подумайте еще раз, леди Брэкенстолл. Не лучше ли искренне рассказать все?

Сомнение изобразилось на ее прекрасном лице. И в ту же секунду оно снова стало непроницаемо, как маска. Видно, леди Брэкенстолл приняла какое-то решение.

– Я больше ничего не знаю.

– Очень жаль. – Холмс пожал плечами и взял шляпу.

Не сказав больше ни слова, мы оба вышли из комнаты и покинули дом.

В парке был пруд. Мой друг направился к нему. Пруд весь замерз. Но в нем была полынья, оставленная для зимовавшего здесь одинокого лебедя.

Холмс взглянул на полынью, и мы пошли к сторожке привратника. Там Холмс написал короткую записку для Стэнли Хопкинса и оставил ее у привратника.

– Попали мы в цель или промахнулись, но Хопкинс должен это знать. Иначе что он подумает о нашем повторном визите? – сказал Холмс. – Но во все подробности его еще рано посвящать. Теперь нашим местом действия будет пароходная контора линии Аделаида – Саутгемптон, которая находится, если память не изменяет мне, в конце Пэлл-Мэлл. Есть еще и вторая линия, связывающая Южную Австралию с Англией, но начнем сперва с более крупной.

Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие. Очень скоро Холмс имел все интересующие его сведения.

В июне 1895 года только одно судно этой фирмы, «Рок оф Гибралтар», прибыло в отечественный порт. Это было самое большое и лучшее их судно. В списке пассажиров значилось имя мисс Фрейзер из Аделаиды и ее горничной. Сейчас этот пароход был на пути в Австралию, где-то к югу от Суэцкого канала. Команда та же, что и в 1895 году, за одним исключением. Старший помощник, мистер Джек Кроукер, назначен капитаном на судно «Бас Рок», которое выходит из Саутгемптона через два дня. Кроукер живет в Сайденхэме, но сегодня утром должен прийти за инструкциями. Его можно подождать.

Нет, мистер Холмс не хочет его видеть, но был бы рад взглянуть на его послужной список и узнать, что он за человек. Это была поистине блестящая карьера. Во всем флоте не было офицера, которого можно было бы сравнить с капитаном Кроукером. Что до его личных качеств, то на работе он исполнителен и точен, но вне службы иногда проявляется его

необузданная, горячая натура. Человек вспыльчивый, даже безрассудный, но при всем том очень добр, честен и верен долгу.

Вот что узнал Холмс в пароходной конторе линии Аделаида – Саутгемптон.

Оттуда мы отправились в Скотленд-Ярд. Но, подъехав к полицейскому управлению, Холмс не вышел из кэба, а продолжал сидеть, нахмурив брови и глубоко задумавшись. Очнувшись от размышлений, он приказал ехать на телеграф в Черинг-кросс; там отправил какую-то телеграмму. И только тогда мы вернулись на Бейкер-стрит.

– Нет, я не мог этого сделать, Уотсон, – сказал мне Холмс. – Если будет выписан ордер на арест, ничто на свете уже не сможет спасти его. В первый или во второй раз за всю мою карьеру я чувствую, что, раскрыв преступника, я причиню больший вред, чем преступник своим преступлением. Я научился быть осторожным, и уж лучше я согрешу против законов Англии, чем против моей совести. Прежде чем начать действовать, нам надо разузнать еще кое-что.

Под вечер к нам пришел инспектор Стэнли Хопкинс. Дела у него шли не очень хорошо.

– Вы ясновидящий, мистер Холмс. Право, я иногда думаю, что вы наделены сверхъестественными способностями. В самом деле, каким чудом вы могли узнать, что украденное столовое серебро на дне пруда?

– А я этого не знал.

– Но вы посоветовали мне осмотреть пруд.

– И вы нашли серебро?

– Нашел.

– Очень рад, что помог вам.

– Но вы не помогли мне! Вы только осложнили дело. Что это за взломщики, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

– Что и говорить, довольно странные взломщики. Я исходил из той мысли, что если серебро похитили люди, которые взяли его для отвода глаз, то они, конечно, постараются как можно скорее избавиться от него.

– Но как вам могла прийти в голову эта мысль?

– Я просто допустил такую возможность. Когда грабители вышли из дома, у них перед носом оказался пруд с этой соблазнительной прорубью во льду. Можно ли придумать лучшее место, чтобы спрятать серебро?

– Именно спрятать! В этом все дело! – воскликнул Хопкинс. – Да, да, теперь мне все ясно! В полночь на дорогах еще людно. Преступники побоялись, что их увидят с серебром, и бросили добычу в пруд, чтобы вернуться за ней, когда их никто не увидит. Блестяще, мистер Холмс! Это лучше, чем ваша идея похищения серебра для отвода глаз.

– Пожалуй, вы правы. Отличная версия. Мои рассуждения, конечно, абсурдны. Но вы должны признать, что именно они помогли обнаружить похищенное серебро.

– Да, сэр, да. Это ваша заслуга. Но это еще не все. Меня постигло горькое разочарование.

– Разочарование?

– Да, мистер Холмс. Сегодня утром в Нью-Йорке арестована банда Рэндола.

– Это ужасно, Хопкинс. Ваша версия лопнула. Если их арестовали в Нью-Йорке, они не могли минувшей ночью совершить убийство в Кенте.

– Для меня это страшный удар, мистер Холмс. Правда, есть еще банды из трех человек. А может, тут действовала шайка, неизвестная полиции?

– Да, конечно, вполне возможно. Что же вы теперь собираетесь делать?

– Буду продолжать поиски, мистер Холмс. Может, вы подскажете мне что-нибудь?

– Я вам уже подсказал.

– Что именно?

– Помните, для отвода глаз?

– Но мотивы, мистер Холмс, мотивы?

– Да, это, конечно, самое главное. Я вам дал идею, подумайте над ней. Возможно, она и приведет к чему-нибудь. Не останетесь ли отобедать с нами? Нет? До свидания, Хопкинс. Держите нас в курсе дела.

Только после обеда, когда со стола было убрано, Холмс снова заговорил об убийстве в Эбби-Грейндж. Он закурил трубку и протянул ноги в домашних туфлях поближе к веселому огоньку камина. Потом вдруг взглянул на часы.

– Жду событий, Уотсон.

– Когда?

– Сейчас, в ближайшие минуты. Держу пари, вы считаете, что я нехорошо поступил со Стэнли Хопкинсом.

– Я верю вашему здравому смыслу. Холмс.

– Очень любезно с вашей стороны, Уотсон. Вы вот как должны смотреть на это: я лицо неофициальное; Хопкинс – лицо официальное. Я имею право действовать по личному усмотрению, он – нет. Он должен давать ход всему, что знает, иначе он изменит служебному долгу. В сомнительном случае я не могу ставить его в такое трудное положение. Поэтому подождем, пока дело прояснится.

– А когда оно прояснится?

– Очень скоро. Сейчас вы увидите последнее действие этой маленькой, но поистине замечательной драмы.

На лестнице послышались быстрые шаги, дверь нашей комнаты распахнулась, и мы увидели перед собой молодого моряка, поразившего нас своей мужественной красотой.

Вошедший был очень высокий молодой человек, голубоглазый, с усами золотистого цвета, с кожей, опаленной тропическим солнцем; его легкая, пружинящая походка говорила о том, что он так же быстр, как и силен.

Он закрыл за собой дверь и остановился, стиснув кулаки и тяжело дыша от волнения.

– Садитесь, капитан Кроукер. Вы получили мою телеграмму?

Наш гость сел в кресло и вопросительно посмотрел сначала на Холмса, потом на меня.

– Я получил вашу телеграмму и пришел точно в назначенный час. Я знаю, вы были у нас в конторе. И я вижу – мне деваться некуда, я готов услышать самое худшее. Что вы собираетесь предпринять? Арестовать меня? Говорите, сударь! Нечего играть со мной в кошки-мышки!

– Предложите капитану сигару, Уотсон, – сказал Холмс. – Закуривайте, капитан Кроукер, и не нервничайте. Можете не сомневаться, мы бы не сидели здесь с вами и не курили бы сигары, если бы я считал вас обыкновенным преступником. Будете со мной откровенны, я, возможно, помогу вам. Нет – пеняйте на себя.

– Что вы хотите от меня узнать?

– Расскажите нам, ничего не утаивая, что произошло этой ночью в Эбби-Грейндж. Ничего не утаивая, заметьте, и ничего не скрывая. Я знаю уже так много, что если вы хоть на дюйм уклонитесь от истины, я свистну из моего окна в этот полицейский свисток, и дело из моих рук уйдет в руки полиции.

Моряк на минуту задумался. Потом хлопнул себя по колену своей большой загорелой рукой.

– Рискну! – воскликнул он. – Не сомневаюсь, что вы человек слова и джентльмен, и я расскажу вам все. Но сперва два слова о самом важном. Что касается меня, то я ни о чем не

жалею и ничего не боюсь. Доведись мне начать сначала, я бы сделал то же и гордился этим. Будь он проклят, этот зверь! Имей он десять жизней, он всеми десятью заплатил бы за свои бесчинства! Но Мэри, Мэри Фрейзер – я не могу назвать ее тем дьявольским именем… Когда я думаю, что навлек на нее беду – а ведь я готов жизнь отдать за одну ее улыбку, – душа моя начинает дрожать от страха. Но что мне оставалось делать? Вы сейчас все узнаете и тогда скажете, можно ли было поступить на моем месте иначе.

Мне придется вернуться немного назад. Вы, как видно, знаете все. И вы знаете, конечно, что мы познакомились с Мэри на пароходе «Рок оф Гибралтар», где я был старшим помощником во время ее путешествия в Англию. С первого взгляда она стала для меня единственной женщиной на свете. С каждым днем я любил ее все сильнее и сильнее. Сколько раз во время ночной вахты я опускался на колени и в темноте целовал палубу корабля, потому что по ней ступали ее милые ножки. Она не обещала мне стать моей женой, не обманывала меня. Я ни на что не могу пожаловаться. Я любил ее, а она питала ко мне только дружеские чувства. Когда мы расталось, она была свободной женщиной. Я же потерял свою свободу навсегда.

Когда я вернулся из плавания в следующий раз, я узнал, что она вышла замуж. В самом деле, почему ей было не выйти замуж, если она встретила человека, который понравился ей? Титул и деньги – кому они подойдут больше, чем ей? Она рождена для всего изящного и прекрасного. Меня не обидело это замужество. Я не эгоист. Я даже радовался ее счастью. Я говорил себе: хорошо, что она не связала своей судьбы с нищим моряком. Как я любил Мэри Фрейзер! Я уже не думал, что увижу ее еще раз. В последнее плавание я получил повышение, но мое новое судно еще не было спущено на воду, и мне пришлось ждать месяца два. Жил я у своих в Сайденхэме. Однажды, гуляя по проселку, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, об их жизни. Услыхав рассказ Терезы, я чуть рассудка не лишился. Как он смел, пьяное чудовище, поднять на нее руку! Да он недостоин лизать ей подошвы! Я встретился с Терезой еще раз. А потом мы встретились с Мэри. Мы виделись с ней два раза. Больше она не захотела меня видеть. На днях я узнал, что через неделю выхожу в море. И я решил во что бы то ни стало повидать Мэри еще раз. Тереза всегда была мне другом, потому что любила Мэри и ненавидела этого негодяя почти так же, как я. От нее я и узнал привычки обитателей этого дома. Мэри обычно засиживалась с какой-нибудь книжкой в своей маленькой: гостиной на первом этаже. Я пробрался ночью к ее окну и стал осторожно царапать стекло. Она не хотела мне открывать, но я знал, что она полюбила меня и не захочет, чтобы я мерз под окном. Она шепнула мне, чтобы я подошел к двери в столовую. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Я опять услыхал из ее уст такие вещи, от которых во мне закипела кровь. Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни. Мы стояли с ней в столовой у самой двери и – небо свидетель – вели самый невинный разговор, когда он, как безумный, ворвался в комнату, гнусно обругал ее и ударил по лицу палкой. Тогда я схватил из камина кочергу. Бой был честный. Видите, у меня на руке след его первого удара. Мой удар был вторым. Я расплющил его голову, как гнилую тыкву. Вы думаете, джентльмены, что я жалею об этом? Ничуть. На карту были поставлены две жизни: его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он в живых, он бы убил ее. Разве я не прав? А что бы сделали вы на моем месте?

Когда он ударил ее, она закричала. На крик прибежала Тереза. Но с ним все уже было кончено. На буфете стояла бутылка вина, я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, потому что она была в беспамятстве. Я тоже выпил немного. Одна Тереза сохраняла ледяное спокойствие. Весь дальнейший план действий принадлежал в равной мере ей и мне. Мы решили инсценировать нападение грабителей. Пока я лазил отрезать шнур от звонка, Тереза несколько раз повторила Мэри наш план. Затем я привязал ее крепко-накрепко к креслу, потер ножом конец шнура, чтобы выглядело естественно и никто не удивлялся, как это вор мог залезть так высоко. Оставалось только взять несколько серебряных приборов, чтобы не было

сомнений, что здесь были грабители. Перед уходом я наказал им поднять тревогу не раньше чем через четверть часа. Бросив в пруд серебро, я вернулся в Сайденхэм, первый раз в жизни чувствуя себя настоящим преступником. Все, что я рассказал вам, мистер Холмс, – истинная правда, хотя бы мне пришлось поплатиться за нее головой…

Некоторое время Холмс молча курил. Затем он встал, прошелся по комнате из угла в угол, так же молча пожал нашему гостю руку.

– Вот что, – сказал он затем. – Я знаю, что каждое ваше слово – правда. Вы не рассказали мне почти ничего нового. Только акробат или моряк мог дотянуться с карниза до шнура, и только моряк мог завязать такие узлы, какими Мэри Фрейзер была привязана к креслу. Но она только один раз в своей жизни сталкивалась с моряками, когда ехала в Англию. Кроме того, этот моряк принадлежал, бесспорно, к ее кругу, раз она так стойко защищала его. Из этого следует, между прочим, что она полюбила этого моряка. Так что мне не трудно было найти вас.

– Я думал, что полиция никогда не разгадает нашу хитрость.

– Хопкинс и не разгадал ее. И не разгадает, сколько бы ни бился. Теперь вот что, капитан Кроукер, дело это очень серьезное, хотя я охотно признаю, что вы действовали под давлением исключительных обстоятельств. Я не могу сказать, превысили вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете исчезнуть в ближайшие двадцать четыре часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно.

– А потом вы поставите в известность полицию?

– Конечно.

Лицо моряка вспыхнуло от гнева.

– Как вы могли предложить мне это? Я знаю законы и понимаю, что Мэри будет признана сообщницей. И вы думаете, я позволю, чтобы она одна прошла через этот ад? Ну нет, сэр! Пусть мне грозит самое худшее, я никуда не уеду. Прошу вас об одном, подумайте, как спасти Мэри от суда.

Холмс еще раз протянул моряку руку.

– Не волнуйтесь, это я проверял вас. Ни одной фальшивой ноты! Я беру на себя большую ответственность. Но я дал Хопкинсу нить, и, если он не сумеет за нее ухватиться, не моя вина. Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроукер, – подсудимый. Вы, Уотсон, – английский суд присяжных, – я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья. Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

– Невиновен, господин судья! – сказал я.

– Vox populi – vox dei[65] . Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора.

Второе пятно

Я думал, что больше мне не придется писать о славных подвигах моего друга Шерлока Холмса. Не то чтобы у меня не было материалов. Напротив, я храню записи о сотнях случаев, никогда еще не упоминавшихся мною. Точно так же нельзя сказать, чтобы у читателей пропал интерес к своеобразной личности и необычным приемам работы этого замечательного человека. Настоящая причина заключалась лишь в том, что Шерлок Холмс ни за что не хотел, чтобы в печати продолжали появляться рассказы о его приключениях. Пока он не отошел от дел, отчеты о его успехах представляли для него практический интерес; когда же он окончательно покинул Лондон и посвятил себя изучению и разведению пчел на холмах Суссекса, известность стала ему ненавистна, и он настоятельно потребовал, чтобы его оставили в покое. Только после того, как я напомнил ему, что я дал обещание напечатать в

свое время этот рассказ, «Второе пятно», и убедил его, что было бы очень уместно завершить весь цикл рассказов столь важным эпизодом из области международной политики – одним из самых ответственных, какими Холмсу приходилось когда-либо заниматься, – я получил от него согласие на опубликование этого дела, так строго хранимого в тайне. Если некоторые детали моего рассказа и покажутся туманными, читатели легко поймут, что для моей сдержанности есть достаточно веская причина.

Однажды осенью, во вторник утром (год и даже десятилетие не могут быть указаны), в нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из них, строгий, надменный, с орлиным профилем и властным взглядом, был не кто иной, как знаменитый лорд Беллинджер, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Второй, элегантный брюнет с правильными чертами лица, еще не достигший среднего возраста и одаренный не только красотой, но и тонким умом, был Трелони Хоуп, пэр Англии и министр по европейским делам, самый многообещающий государственный деятель нашей страны.

Посетители сели рядом на заваленный бумагами диван. По взволнованным и утомленным лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьера судорожно сжимали костяную ручку зонтика. Он мрачно и настороженно смотрел то на Холмса, то на меня.

Министр по европейским делам нервно теребил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

– Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс, – а это произошло сегодня в семь часов утра, – я немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам, – сказал он.

– Вы известили полицию?

– Нет, сэр! – сказал премьер-министр со свойственными ему быстротой и решительностью. – Не известили и никогда не стали бы извещать. Известить полицию – значит предать дело гласности. А этого-то мы прежде всего и хотим избежать.

– Но почему же, сэр?

– Документ, о котором идет речь, настолько важен, что оглашение его может легко привести, и, пожалуй, в настоящий момент непременно приведет, к международному конфликту. Могу без преувеличения сказать, что вопросы мира и войны зависят от этого документа. Если розыски его не могут проходить в совершенной тайне, лучше совсем отказаться от них, так как этот документ похитили именно для того, чтобы предать его широкой огласке.

– Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне подробно, при каких обстоятельствах исчез этот документ.

– Я вам изложу все в нескольких словах, мистер Холмс… Этот документ

– письмо от одного иностранного монарха – был получен шесть дней назад. Письмо имеет такое большое значение, что я не решался оставлять его в сейфе министерства и каждый вечер уносил с собой домой, на Уайтхолл-террас, где хранил его в спальне, в закрытой на ключ шкатулке для официальных бумаг. Оно находилось там и вчера вечером, я уверен в этом. Когда я одевался к обеду, я еще раз открыл шкатулку и убедился, что документ на месте. А сегодня утром письмо исчезло. Шкатулка стояла около зеркала на моем туалетном столе всю ночь. Сплю я чутко, моя жена тоже. Мы оба готовы поклясться, что никто ночью не входил в комнату.

– В котором часу вы обедали?

– В половине восьмого.

– Когда вы легли спать?

– Моя жена была в театре. Я ждал ее. Мы ушли в спальню около половины двенадцатого.

– Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

– В спальню входить не позволено никому, кроме горничной – по утрам и моего камердинера или камеристки моей жены – в течение остальной части дня. Но эти двое – верные слуги и давно живут у нас в доме. Кроме того, ни один из них не мог знать, что в шкатулке хранится нечто более ценное, чем простые служебные бумаги.

– Кто знал о существовании этого письма?

– В моем доме – никто.

– Но ваша жена, конечно, знала?

– Нет, сэр. Я ничего не говорил моей жене до сегодняшнего утра, пока не обнаружил пропажу письма.

Премьер одобрительно кивнул головой.

– Я всегда знал, как велико ваше чувство долга, сэр, – сказал он. – Не сомневаюсь, что в столь важном и секретном деле оно оказалось бы сильнее даже самых тесных семейных уз.

Министр по европейским делам поклонился.

– Совершенно справедливо, сэр. До сегодняшнего утра я ни одним словом не обмолвился жене об этом письме.

– Могла ли она догадаться сама?

– Нет, мистер Холмс, она не могла догадаться, да и никто не мог бы.

– А прежде у вас пропадали документы?

– Нет, сэр.

– Кто здесь в Англии знал о существовании этого письма?

– Вчера о письме были извещены все члены кабинета. Но требование хранить тайну, которое сопровождает каждое заседание кабинета, на этот раз было подкреплено торжественным предупреждением со стороны премьер-министра. Боже мой, и подумать только, что через несколько часов я сам потерял его!

Отчаяние исказило красивое лицо Трелони Хоупа. Он схватился за голову. На мгновение перед нами открылись подлинные чувства человека порывистого, горячего и остро впечатлительного.

Но тут же маска высокомерия снова появилась на его лице, и уже спокойным голосом он продолжал:

– Кроме членов кабинета, о существовании письма знают еще два, возможно, три чиновника департамента, и больше никто во всей Англии, уверяю вас, мистер Холмс.

– А за границей?

– За границей, я уверен, не видел этого письма никто, кроме того, кто его написал. Я твердо убежден, что даже его министры… то есть я хотел сказать, что при отправлении оно миновало обычные официальные каналы.

Холмс на некоторое время задумался, затем сказал:

– А теперь, сэр, я должен получить более точное представление, что это за документ и почему его исчезновение повлечет за собой столь серьезные последствия.

Два государственных деятеля обменялись быстрым взглядом, и премьер нахмурил густые брови:

– Мистер Холмс, письмо было в длинном, узком голубом конверте. На красной сургучной печати изображен приготовившийся к нападению лев. Адрес написан крупным твердым почерком…

– Эти подробности, – прервал его Холмс, – конечно, очень интересны и существенны, но мне надо знать содержание письма. О чем говорилось в нем?

– Это строжайшая государственная тайна, и боюсь, что я не могу ответить вам, тем более что не вижу в этом необходимости. Если с помощью ваших необычайных, как говорят, способностей вам удастся найти соответствующий моему описанию конверт вместе с его содержимым, вы заслужите благодарность своей страны и получите любое вознаграждение, которое будет в наших возможностях.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

– Я понимаю, конечно, что вы принадлежите к числу самых занятых людей Англии, – сказал он, – но и моя скромная профессия отнимает у меня много времени. Очень сожалею, что не могу быть вам полезным в этом деле, и считаю дальнейшее продолжение нашего разговора бесполезной тратой времени.

Премьер-министр вскочил. В его глубоко сидящих глазах сверкнул тот недобрый огонь, который нередко заставлял съеживаться от страха сердца членов кабинета.

– Я не привык, сэр… – начал он, но овладел собой и снова занял свое место.

Минуту или более мы сидели молча. Затем старый государственный деятель пожал плечами:

– Мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс. Вы безусловно правы, и с нашей стороны неразумно ожидать от вас помощи, пока мы не доверимся вам полностью.

– Я согласен с вами, сэр, – сказал молодой дипломат.

– Хорошо, я расскажу вам все, но полагаюсь целиком на вашу скромность и на скромность вашего коллеги, доктора Уотсона. Я взываю к вашему патриотизму, джентльмены, ибо не могу представить себе большего несчастья для нашей страны, чем разглашение этой тайны.

– Вы можете вполне довериться нам.

– Так вот, это письмо одного иностранного монарха; он обеспокоен недавним расширением колоний нашей страны. Оно было написано в минуту раздражения и лежит целиком на его личной ответственности. Наведение справок показало, что его министры ничего не знают об этом письме. К тому же тон письма довольно резкий, и некоторые фразы носят столь вызывающий характер, что его опубликование несомненно взволновало бы общественное мнение Англии. И даже более, сэр: могу сказать не колеблясь, что через неделю после опубликования письма наша страна будет вовлечена в большую войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и показал его премьер-министру.

– Совершенно верно, это он. И именно это письмо, которое, возможно, повлечет за собой миллионные расходы и гибель сотен тысяч людей, исчезло таким загадочным образом.

– Вы известили автора письма?

– Да, сэр, была отправлена шифрованная телеграмма.

– Но, может быть, он и рассчитывал на опубликование письма?

– Нет, сэр! У нас есть все основания полагать, что он уже понял неосторожность и опрометчивость своего поступка. Опубликование письма было бы для него и для его страны еще большим ударом, чем для нас.

– Если так, то в чьих же интересах раскрыть содержание этого письма? Для чего кому-то понадобилось украсть его?

– Тут, мистер Холмс, вы заставляете меня коснуться области высокой международной политики. Если вы примете во внимание ситуацию в Европе, вам будет нетрудно понять мотив преступления. Европа представляет собой вооруженный лагерь. Существуют два союза, имеющие равную военную силу. Великобритания держит нейтралитет. Если бы мы были вовлечены в войну с одним союзом, это обеспечило бы превосходство другого, даже независимо от того, участвовал бы он в ней или нет. Вы понимаете?

– Все совершенно ясно. Итак, в краже и разглашении письма заинтересованы враги этого монарха, стремящиеся посеять раздор между его страной и нами?

– Да, сэр.

– А кому могли переслать этот документ, если бы он попал в руки врага?

– Любому из европейских правительств. Весьма возможно, что в настоящий момент оно несется по назначению с такой скоростью, какую только способен развить пароход.

Министр Трелони Хоуп опустил голову на грудь в тяжело вздохнул. Премьер ласково положил руку ему на плечо:

– С вами случилось несчастье, мой дорогой друг. Никто не решится обвинить вас – вы приняли все меры предосторожности… Теперь, мистер Холмс, вам известно все. Что вы посоветуете предпринять?

Холмс печально покачал головой:

– Вы полагаете, сэр, что война неизбежна, если этот документ не будет возвращен?

– Думаю, что она вполне возможна.

– Тогда, сэр, готовьтесь к войне.

– Это жестокие слова, мистер Холмс!

– Примите во внимание факты, сэр. Я не допускаю, что письмо было похищено после половины двенадцатого ночи, так как с этого часа и до момента, когда обнаружена пропажа, мистер Хоуп и его жена находились в спальне. Значит, оно было похищено вчера вечером, между половиной восьмого и половиной двенадцатого – вероятно, ближе к половине восьмого, потому что вор знал, где оно лежит, и, конечно, постарался завладеть им как можно раньше. А теперь, сэр, если такой важный документ похищен еще вчера, то где он может быть сейчас? У вора нет никаких причин хранить его. Скорее всего, его уже передали заинтересованному лицу. Какие же у нас теперь шансы перехватить его или даже напасть на его след? Оно для нас недосягаемо.

Премьер-министр поднялся с дивана:

– Вы рассуждаете совершенно логично, мистер Холмс. Я вижу, что тут действительно ничего нельзя сделать.

– Допустим, например, что документ был похищен горничной или лакеем…

– Они оба – старые и верные слуги.

– Насколько я понял, спальня находится на втором этаже и не имеет отдельного хода с улицы, а из передней в нее нельзя подняться незамеченным. Значит, письмо похитил кто-то из домашних. Кому вор мог передать его? Одному из международных шпионов и секретных агентов, имена которых мне хорошо известны. Есть три человека, которые, можно сказать, возглавляют эту компанию. Я начну с того, что узнаю, чем занят сейчас каждый из них. Если кто-нибудь из них уехал, в особенности же если он уехал вчера вечером, мы будем знать, куда делся этот документ.

– А зачем ему уезжать? – спросил министр по европейским делам. – Он мог бы с таким же успехом отнести письмо в посольство здесь же в Лондоне.

– Не думаю. Эти агенты работают совершенно самостоятельно и часто находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами.

Премьер-министр кивком головы подтвердил это:

– Полагаю, что вы правы, мистер Холмс. Он собственноручно доставит такой ценный подарок к месту назначения. Ваш план действий мне кажется абсолютно верным. Однако, Хоуп, нам не следует из-за этого несчастья забывать о прочих наших обязанностях. Если в течение дня произойдут новые события, мы сообщим вам, мистер Холмс, и вы, разумеется, информируете нас о результатах ваших собственных расследований.

Министры поклонились и с видом, полным достоинства, вышли из комнаты.

Когда наши высокопоставленные гости ушли, Холмс молча закурил трубку и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость. Я развернул утреннюю газету и начал читать о сенсационном преступлении, которое было совершено в Лондоне накануне вечером, как вдруг мой приятель громко вскрикнул, вскочил на ноги и положил трубку на камин.

– Да, – сказал он, – лучшего пути нет. Положение отчаянное, но не безнадежное. Сейчас, необходимо хотя бы узнать, кто этот похититель, – ведь, возможно, письмо еще не ушло из его рук. В конце концов, этих людей интересуют только деньги, а к моим услугам – казначейство Британии. Если письмо продается, я куплю его… даже если правительству придется увеличить на пенни подоходный налог. Возможно, этот человек все еще держит его при себе: надо же ему узнать, какую цену предложат здесь, прежде чем попытать свое счастье за границей! Есть только три человека, способные на такую смелую игру: это Оберштейн, Ля Ротьер и Эдуард Лукас. Я повидаюсь со всеми.

Я заглянул в утреннюю газету:

– Эдуард Лукас с Годолфин-стрит?

– Да.

– Вы не можете повидаться с ним.

– Почему?

– Вчера вечером он был убит в своем доме.

Мой друг так часто удивлял меня во время наших приключений, что я испытал чувство торжества, увидев, как поразило его мое сообщение. Он в изумлении уставился на меня, затем выхватил из моих рук газету. Вот та заметка, которую я читал в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла:

Убийство в Вестминстере

Вчера вечером в доме No 16 на Годолфин-стрит совершено таинственное преступление. Годолфин-стрит – одна из тех старинных тихих улиц, которые тянутся между рекою и Вестминстерским аббатством, почти под сенью большой башни здания парламента. Большинство ее домов построено еще в XVIII веке. В одном из этих домов, в маленьком, но изысканном особняке, несколько лет подряд проживал мистер Эдуард Лукас, хорошо известный в обществе как обаятельный человек, один из лучших теноров-любителей Англии. Мистер Лукас был холост: ему было тридцать четыре года; его прислуга состояла из пожилой экономки миссис Прингл и лакея Миттона. Экономка обычно по вечерам не работала; она рано поднималась к себе в комнату, расположенную в верхнем этаже дома. Лакей в этот вечер отправился навестить приятеля в Хам Мерсмите. С десяти часов мистер Лукас оставался в квартире один. Пока еще не выяснено, что произошло за это время, но без четверти двенадцать констебль Бэррет, проходя по Годолфин-стрит, заметил, что дверь дома No16 приоткрыта. Он постучал, но не получил ответа. Увидев в первой комнате свет, он вошел в коридор и снова постучал, но и на этот раз ему не ответили. Тогда он отворил, дверь и вошел.

В комнате царил страшный беспорядок: вся мебель была сдвинута в сторону, посередине валялся опрокинутый стул. Около этого стула, все еще сжимая рукой его ножку, лежал несчастный владелец дома. Он был убит ударом ножа прямо в сердце, причем смерть, вероятно, наступила мгновенно. Нож, которым было совершено убийство, оказался кривым индийским кинжалом, взятым из коллекции восточного оружия, украшавшего одну из стен комнаты. Убийство, по-видимому, было совершено не с целью грабежа, ибо ценные вещи, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Мистер Эдуард Лукас был настолько известен и любим всеми, что сообщение о его насильственной и загадочной смерти встречено искренней скорбью его многочисленных друзей.

– Ну, Уотсон, что вы думаете об этом? – спросил Холмс после долгого молчания.

– Удивительное совпадение!

– Совпадение? Один из трех людей, которых мы считали возможными участниками этой драмы, умирает насильственной смертью в тот самый час, когда разыгрывается драма. Какое же это совпадение! Нет, нет, мой дорогой Уотсон, эти два события связаны между собой, несомненно, связаны. И наша задача – отыскать эту связь.

– Но теперь полиция все узнает.

– Вовсе, нет. Они знают только то, что видят на Годолфин-стрит. Они не знают и ничего не узнают об Уайтхолл-террас. Только нам известны оба случая, и только мы можем сопоставить их. Есть одно явное обстоятельство, которое в любом случае возбудило бы мои подозрения против Лукаса. Годолфин-стрит в Вестминстере находится в нескольких шагах ходьбы от Уайтхолл-террас. Другие тайные агенты, о которых я говорил, живут в дальнем конце Вест-Энда. Поэтому, естественно, Лукасу было гораздо проще, чем остальным, установить связь и получить сведения из дома министра по европейским делам. Это незначительное обстоятельство, но если учесть, что события развертывались с такой быстротой, оно может оказаться существенным. Ага! Есть какие-то новости!

Появилась миссис Хадсон, неся на подносе дамскую визитную карточку. Холмс взглянул на нее, поднял брови и передал мне.

– Попросите леди Хильду Трелони Хоуп пожаловать сюда, – сказал он.

Спустя мгновение нашей скромной квартире была вторично оказана честь, на этот раз посещением самой очаровательной женщины в Лондоне. Я часто слышал о красоте младшей дочери герцога Белминстера, но ни одно описание ее, ни одна фотография не могли передать удивительное, мягкое обаяние и прелестные краски ее тонкого лица. Однако в то осеннее утро не красота ее бросилась нам в глаза при первом взгляде. Лицо ее было прекрасно, но бледно от волнения; глаза блестели, но блеск их казался лихорадочным; выразительный рот был крепко сжат – она пыталась овладеть собой. Страх, а не красота – вот что поразило нас, когда наша очаровательная гостья появилась в раскрытых дверях.

– Был у вас мой муж, мистер Холмс?

– Да, миледи, был.

– Мистер Холмс, умоляю вас, не говорите ему, что я приходила сюда!

Холмс холодно поклонился и предложил даме сесть.

– Ваша светлость ставит меня в весьма щекотливое положение. Прошу вас сесть и рассказать, что вам угодно. Но, к сожалению, никаких безусловных обещаний заранее дать я не могу.

Она прошла через всю комнату и села спиной к окну. Это была настоящая королева – высокая, грациозная и очень женственная.

– Мистер Холмс, – начала она, и, пока она говорила, ее руки в белых перчатках беспрестанно сжимались и разжимались, – я буду с вами откровенна и надеюсь, что это заставит вас быть откровенным со мною. Между моим мужем и мною нет тайн ни в чем, кроме одного: это политика. Здесь он молчит, он не рассказывает мне ничего. Однако я узнала, что вчера вечером у нас в доме случилось нечто весьма неприятное. Мне известно, что пропал какой-то документ. Но поскольку здесь затронута политика, мой муж отказывается посвятить меня в это дело. А ведь очень важно… поверьте, очень важно… чтобы я знала об этом все. Кроме членов правительства, вы – единственный человек, кто знает правду. Умоляю вас, мистер Холмс, объясните мне, что произошло и каковы могут быть последствия! Расскажите мне все, мистер Холмс. Пусть интересы вашего клиента не заставят вас молчать. Уверяю вас, я действую в его интересах, и если бы он только понимал это, то, вероятно, полностью доверился бы мне. Что это была за бумага, которую похитили?

– Миледи, вы требуете от меня невозможного.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

– Вы должны меня понять, миледи. Если ваш муж находит, что вам лучше оставаться в неведении относительно данного дела, как могу я, с которого взяли слово хранить эту тайну, открыть вам то, что он желал бы скрыть? Вы даже не имеете права спрашивать меня – вы должны спросить мужа.

– Я спрашивала его. Я пришла к вам, пытаясь использовать последнюю возможность. Но если даже вы не хотите сказать ничего определенного, вы крайне обяжете меня, ответив на один вопрос.

– Какой, миледи?

– Может ли из-за этого случая пострадать политическая карьера моего мужа?

– Видите ли, миледи, если дело не будет улажено, оно может, конечно, иметь весьма прискорбные последствия.

– О!

Она глубоко вздохнула, как человек, сомнения которого разрешились.

– Еще один вопрос, мистер Холмс. Из слов моего мужа, оброненных им тотчас же после случившегося несчастья, я поняла, что пропажа письма может привести к тяжелым последствиям для всей страны.

– Если он так сказал, я, конечно, не стану отрицать этого.

– Но каковы могут быть эти последствия?

– Ах, миледи, вы снова задаете мне вопрос, на который я не вправе ответить!

– Если так, я больше не буду отнимать у вас время. Не могу упрекать вас, мистер Холмс, за то, что вы отказались быть откровенным со мной, и, надеюсь, вы не подумаете обо мне дурно, потому что я искренне желаю разделить заботы моего мужа даже против его воли. Еще раз прошу вас: ничего не говорите ему о моем посещении.

На пороге она оглянулась, и я опять увидел красивое, взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатый рот. Затем она исчезла.

– Ну, Уотсон, прекрасный пол – это уж по вашей части, – улыбаясь, сказал Холмс, когда парадная дверь захлопнулась и больше не было слышно шуршания юбок. – Какую игру ведет эта красивая дама? Что ей на самом деле нужно?

– Но ведь она все очень ясно объяснила, а беспокойство ее вполне естественно…

– Хм! Вспомните ее выражение лица, едва сдерживаемую тревогу, ее беспокойство, настойчивость, с которой она задавала вопросы. Не забудьте, что она принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

– Да, она была очень взволнована.

– Вспомните также, как горячо она старалась убедить нас, что действует только в интересах своего мужа и для этого должна знать все. Что она хотела этим сказать? И вы, наверно, заметили, Уотсон, что она постаралась сесть спиной к свету. Она не хотела, чтобы мы видели ее лицо.

– Да, она выбрала именно это место.

– Женщин вообще трудно понять. Вы помните одну, в Маргейте, которую я заподозрил на том же основании. А потом оказалось, что причиной ее волнения было лишь отсутствие пудры на носу. Как можно строить предположения на таком неверном материале? За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос… До свидания, Уотсон.

– Вы уходите?

– Да, я проведу утро на Годолфин-стрит с нашими друзьями из полиции. Решение нашей проблемы – в убийстве Эдуарда Лукаса, хотя, признаюсь, не могу даже представить, какую

форму оно примет. Создавать же версию, не имея фактов, большая ошибка. Будьте на страже, мой дорогой Уотсон, и принимайте вместо меня посетителей. А я вернусь к завтраку, если удастся.

Ведь этот день и два следующих Холмс был упорно молчалив, как сказали бы его друзья, и мрачен, как сказали бы все остальные. Он то приходил, то уходил, беспрерывно курил, играл на скрипке обрывки каких-то мелодий, часто задумывался, питался одними бутербродами в неурочное время и неохотно отвечал на вопросы, которые я время от времени задавал ему. Я понимал, что поиски его пока не дали никаких результатов. Он ничего не рассказывал мне об этом деле, и только из газет я узнал о ходе следствия, об аресте и быстром освобождении Джона Миттона, лакея покойного.

Следствие установило факт «предумышленного убийства», но убийца не был найден. Не удалось истолковать и мотивы преступления. В комнате находилось много ценных вещей, но ничто не было взято. Бумаги покойного остались нетронутыми. Их тщательно рассмотрели и установили, что покойный ревностно изучал международную политику, неутомимо собирал всякие слухи и сплетни, был выдающимся лингвистом и вел огромную переписку. Он был близко знаком с видными политическими деятелями нескольких стран. Но среди документов, заполнявших ящики его стола, не нашли ничего сенсационного. Что касается его отношений с женщинами, то они, по-видимому, носили беспорядочный и поверхностный характер. Среди женщин у него было много знакомых, но мало друзей, и ни в одну их них он не был влюблен. У него были неизменные привычки, и он вел спокойный образ жизни. Его смерть явилась неразрешимой загадкой, которую так и не удавалось разгадать.

Что касается лакея Джона Миттона, то полиция арестовала его с отчаяния, чтобы прикрыть свою полнейшую беспомощность. Против него не могли выдвинуть никакого обвинения. В тот вечер он был в гостях у своих приятелей в Хаммерсмите. Алиби было налицо. Правда, он ушел домой рано и мог возвратиться в Вестминстер еще до того, как было обнаружено преступление, но он объяснил, что прошел часть пути пешком, и этому можно было верить, если вспомнить, что вечер был чудесный. Он пришел в двенадцать часов и, по-видимому, был потрясен неожиданной трагедией. Миттон всегда был в хороших отношениях с хозяином. Некоторые из вещей, принадлежавших покойному, – например, футляр с бритвами – были найдены в чемоданах лакея, но он заявил, что это подарки его бывшего хозяина, и экономка подтвердила это.

Миттон находился в услужении у Лукаса три года. Примечательно, что Лукас никогда не брал Миттона с собой на континент. Иногда он жил в Париже по три месяца подряд, но Миттона оставлял присматривать за домом на Годолфин-стрист. Что же касается экономки, то в тот вечер, когда было совершено преступление, она не слышала ничего. Если и был у ее хозяина посетитель, очевидно, хозяин сам впустил его.

Итак, судя по газетам, тайна уже три дня оставалась неразгаданной. А Холмс, если и знал больше газет, ничего не рассказывал мне, только заметил мимоходом, что инспектор Лестрейд ввел его в курс дела, и поэтому я понимал, что он прекрасно осведомлен обо всех новостях. На четвертый день появилась длинная телеграмма из Парижа, которая, казалось, решала весь вопрос.

– «Парижская полиция, – писала газета „Дейли телеграф", – сделала открытие, приподнимающее завесу над трагической гибелью мистеру Эдуарда Лукаса, умершего насильственной смертью вечером в прошлый понедельник на Годолфин-стрит, в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден в своей комнате с ножом в груди и что подозрение пало на его лакея, которому удалось доказать свое алиби. Вчера слуги мадам Анри Фурнэ, проживающей в Париже на улице Аустерлиц, заявили полиции, что их хозяйка сошла с ума. Медицинское освидетельствование показало, что она действительно страдает опасным и хроническим умопомешательством. При расследовании полиция установила, что мадам Анри Фурнэ в прошлый вторник возвратилась из поездки в Лондон, и есть основания

думать, что эта поездка имеет какую-то связь с преступлением в Вестминстере. Сличение фотографий дало возможность установить, что муж мадам Анри Фурнэ и мистер Эдуард Лукас – одно лицо и что покойный по какой-то причине жил двойной жизнью – в Лондоне и Париже. Мадам Фурнэ, креолка по происхождению, отличается крайне вспыльчивым характером, и у нее бывали припадки ревности, которые делали ее совершенно невменяемой. Именно во время одного из таких припадков, как предполагают, она и совершила это страшное преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что она делала в понедельник вечером, однако известно, что похожая на нее женщина привлекла внимание людей, находившихся на вокзале Черинг-кросс во вторник утром, своим безумным видом и странными жестами. Поэтому возможно, что преступление или было совершено ею в припадке безумия, или оно так повлияло на несчастную женщину, что свело ее с ума. В настоящее время она не в состояний рассказать о происшедшем, и врачи не выражают надежды на восстановление ее умственных способностей. Есть сведения, что вечером в понедельник какая-то женщина, возможно мадам Фурнэ, в течение нескольких часов стояла около дома на Годолфин-стрит»… Что вы думаете об этом, Холмс?

Я читал ему заметку вслух, пока он заканчивал свой завтрак.

– Мой дорогой Уотсон, – сказал он, встав из-за стола и расхаживая по комнате, – у вас ангельское терпение, но эти три дня я ничего не рассказывал вам просто потому, что и рассказывать-то было нечего. Даже сейчас эти сведения из Парижа мало чем помогают нам.

– Но дело о смерти этого человека теперь окончательно выяснено.

– Смерть этого человека – простой эпизод, мелкий случай по сравнению с нашей действительной задачей, которая заключается в том, чтобы отыскать письмо и спасти Европу от катастрофы. За минувшие три дня произошло только одно значительное событие: то, что ничего не произошло. Почти ежечасно я получаю сведения от правительства и знаю, что нигде по всей Европе еще нет никаких признаков беспокойства. Если письмо затерялось… нет, оно не могло затеряться… Но если оно не затерялось, то где же оно? У кого? Почему его скрывают? Вот вопрос, который молотом стучит в моем мозгу. И является ли простым совпадением, что Лукас был убит как раз в тот вечер, когда исчезло письмо? Было ли оно вообще у него? Если было, то почему его не нашли среди бумаг? Не унесла ли его с собой обезумевшая жена Лукаса? Если унесла, не находится ли оно у нее дома, в Париже? И как я могу искать его там, не возбудив подозрений французской полиции? Это тот случай, дорогой Уотсон, где законность столь же страшна для нас, как и нарушение ее. Все против нас, но интересы, поставленные на карту, колоссальны. Если мне удастся успешно завершить это дело, оно, конечно, достойно увенчает мою карьеру… А, вот и последние новости с передовых позиций! – Он быстро взглянул на записку, поданную ему. – Ага! Лестрейд, кажется, нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Уотсон, и мы вместе отправимся в Вестминстер.

Впервые я увидел место, где было совершено преступление: высокий неприглядный, с узким фасадом дом, своей чопорностью, официальностью и массивностью напоминавший то столетие, когда он был построен. Бульдожье лицо Лестрейда выглянуло из окна, и когда огромный констебль открыл нам дверь, Лестрейд дружески приветствовал нас.

Комната, в которую мы вошли, оказалась той самой, где было совершено преступление, но следов его уже не осталось, кроме безобразного расплывшегося пятна на ковре. Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета. Над камином висела замечательная коллекция оружия; из нее-то и был взят кинжал в тот трагический вечер. Около окна стоял роскошный письменный стол, и каждый предмет в комнате: картины, ковры, портьеры – все свидетельствовало об утонченном, даже изнеженном вкусе хозяина.

– Вы слышали новости из Парижа? – спросил Лестрейд.

Холмс утвердительно кивнул.

– На этот раз наши французские друзья попали в самую точку. Убийство, несомненно, произошло именно так, как утверждают они. Она постучала в дверь – неожиданный визит, я думаю, потому что у него никто не бывал. Он впустил ее – нельзя же было держать ее на улице! Она рассказала ему, как выследила его, осыпала его упреками. А затем, благо кинжал был под рукой, скоро наступил конец. Все это произошло, конечно, не сразу, потому что все стулья были свалены в кучу, а один был даже у него в руках, как будто он пытался им обороняться. Мы представляем себе все это так ясно, как будто сами были свидетелями.

Холмс поднял брови:

– И все же вы прислали за мной?

– Ах, да, это другое дело – маленький пустяк, но именно один из тех, какими вы интересуетесь: подозрительный, знаете ли, и, как вы, пожалуй, назовете, странный. На первый взгляд он не имеет ничего общего со всем этим делом.

– Что же это?

– Вам известно, что, после того как преступление обнаружено, мы тщательно следим, чтобы все вещи оставались на прежних местах. Тут ничего не трогали. День и ночь в квартире дежурил полицейский. Сегодня утром, после того как убитого похоронили и обследование этой комнаты было закончено, мы решили немного привести ее в порядок. И вот ковер… Видите ли, он не прикреплен к полу, его просто положили на пол. Случайно мы подняли его и обнаружили…

– Да? Обнаружили… – Лицо Холмса выражало величайший интерес.

– О-о, я уверен, что вам и за сто лет не отгадать, что мы обнаружили! Вы видите это пятно на ковре? Ведь через этот ковер должно было просочиться порядочное количество крови, не так ли?

– Разумеется.

– И представьте себе, что на светлом паркете в этом месте нет пятна.

– Нет пятна? Но оно должно быть!

– Да, вы так думаете. И все же его там нет.

Он приподнял край ковра, и мы убедились, что так оно и есть.

– Но ведь нижняя сторона ковра тоже запятнана, как и верхняя. Она-то должна была оставить пятно на полу!

Видя изумление прославленного специалиста, Лестрейд захихикал от восторга.

– Ну, а теперь я объясню вам, в чем дело. Второе пятно тоже существует, но оно не совпадает с первым. Взгляните сами.

С этими словами он приподнял другой конец ковра, и действительно, на светлых квадратах паркета, ближе к старинной двери, мы увидели большое темно-красное пятно.

– Что вы скажете об этом, мистер Холмс?

– Здесь все очень просто. Два пятна совпадают друг с другом, но ковер был перевернут. Так как он квадратный и не прикреплен к полу, это было легко сделать.

– Мистер Холмс, полиция не нуждается в том, чтобы вы объясняли ей, что ковер был перевернут. Это совершенно ясно: если положить ковер вот так, пятна приходятся друг над другом. А я вас спрашиваю: кто поднимал ковер и зачем?

По неподвижному лицу Холмса я видел, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

– Послушайте, Лестрейд, – сказал он, – тот полицейский в коридоре все время дежурит здесь?

– Да.

– Ну, так вот вам мой совет: допросите его хорошенько. Но только не при нас, мы подождем здесь. Отведите его в другую комнату. Наедине с вами он скорее признается. Спросите его, как он посмел впустить человека и оставить его одного в этой комнате. Не спрашивайте, сделал ли он это. Считайте, что это не требует доказательства. Скажите ему, что вам известно, что здесь кто-то был. Пригрозите ему. Скажите, что только чистосердечное признание может искупить его вину. Сделайте все, как я говорю.

– Клянусь, я выжму из него все, если он хоть что-нибудь знает! – воскликнул Лестрейд.

Он выбежал в переднюю, и через минуту мы услышали, как он кричит в соседней комнате.

– Скорее, Уотсон, скорее! – воскликнул Холмс, дрожа от нетерпения.

Вся сверхъестественная сила этого человека, скрываемая под маской апатии, вспыхнула порывом энергии. Он откинул ковер и, быстро опустившись на колени, начал ощупывать каждый квадрат паркета под ним. Один из них, когда он дотронулся до его края, отскочил в сторону. Это была крышка ящичка; под ней находилось маленькое темное углубление. Холмс нетерпеливо засунул туда руку, но, вытащив ее, застонал от досады и горького разочарования. Ящичек был пуст.

– Живее, Уотсон, живее! Кладите его на место!

Едва мы успели закрыть тайник и положить ковер на место, как в коридоре послышался голос Лестрейда. Когда он вошел, Холмс стоял, небрежно прислонившись к камину, с унылым и страдальческим видом, едва сдерживая безудержную зевоту.

– Простите, что задержал вас, мистер Холмс. Вижу, вам до смерти надоело все это дело. Наконец-то он сознался! Войдите, Макферсон. Пусть джентельмены тоже узнают о вашем непростительном поведении.

В комнату боком вошел красный и смущенный констебль огромного роста.

– Уверяю вас, сэр, у меня и в мыслях ничего худого не было. Вчера вечером сюда зашла молодая женщина; она сказала, что ошиблась домом. Мы поговорили. Скучно ведь стоять здесь одному целый день…

– Ну, и что же случилось?

– Она захотела посмотреть, где произошло убийство, сказала, что читала об этом в газетах. Очень порядочная молодая женщина, сэр, и так складно говорила. Я подумал: ничего худого не выйдет, если я пущу ее поглядеть. Но, увидав пятно на ковре, она упала на пол и лежала как мертвая. Я бросился на кухню, принес воды, но не мог привести ее в чувство. Тогда я побежал за угол, в трактир «Ветка плюща», за коньяком, однако, пока я ходил, молодая женщина пришла в себя и ушла… Ей, наверно, было стыдно встретиться со мной.

– А ковра никто не трогал?

– Видите ли, сэр, когда я вернулся, он был, пожалуй, немного сдвинут. Ведь она упала на него, а он ничем не прикреплен к полу. Я его потом расправил.

– Это вам урок, констебль Макферсоя, чтобы вы не обманывали меня, – важно проговорил Лестрейд. – Вы, конечно, решили, что это нарушение порядка не откроется, а мне достаточно было бросить только один взгляд на ковер, и я сразу понял, что кто-то заходил в эту комнату. Ваше счастье, приятель, что ничего не пропало, а то вам пришлось бы худо. Мне жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас сюда из-за такого пустяка, но я думал, что это второе пятно, не совпадающее с первым, заинтересует вас.

– Разумеется, это очень интересно… Констебль, эта женщина только один раз заходила сюда?

– Да, сэр, только один раз.

– А как ее зовут?

– Не знаю, сэр. Она сказала, что ищет работу по переписке на машинке, но ошиблась номером дома, очень приятная, приличная молодая женщина, сэр.

– Высокая? Красивая?

– Да, сэр, довольно высокая молодая женщина. Можно сказать, что она красивая. Пожалуй, даже очень красивая. «О, офицер, разрешите мне только взглянуть!» – сказала она. У нее были такие приятные, прямо ласковые манеры, и я подумал, что не будет большой беды, если разрешу ей заглянуть в дверь.

– Как она была одета?

– Очень просто, сэр: в длинной накидке до самого пола.

– В котором часу это было?

– Как раз начинало темнеть. Зажгли фонаря, когда я возвращался из трактира.

– Очень хорошо, – сказал Холмс. – Пойдемте, Уотсон, нас ждет важное дело в другом месте.

Когда мы выходили из дома, Лестрейд остался в комнате, а полный раскаяния констебль бросился отворять нам дверь. Холмс на пороге повернулся и протянул что-то Макферсону. Констебль всмотрелся.

– Боже мой, сэр! – изумленно воскликнул он.

Холмс приложил палец к губам, сунул этот предмет обратно во внутренний карман и, когда вышли на улицу, расхохотался.

– Прекрасно! – сказал он. – Пойдемте, дорогой Уотсон. Занавес поднят, начинается последний акт. Можете быть спокойны: войны не будет, блестящая карьера высокочтимого лорда Трелони Хоупа не, пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою поспешность и премьер-министру не придется распутывать сложное положение в Европе. От нас требуется только некоторая тактичность и находчивость, и тогда вся эта история, грозившая очень неприятными последствиями, не будет стоить и ломаного гроша.

Я проникся восхищением к этому удивительному человеку.

– Вы решили задачу? – воскликнул я.

– Пока нет, Уотсон. Есть еще некоторые обстоятельства, которые так же непонятны, как и раньше. Но нам уже известно так много, что просто будет обидно не узнать всего. Мы отправимся прямо на Уайтхолл-террас и доведем дело до конца.

Когда мы пришли в дом министра по европейским делам, Шерлок Холмс заявил, что желает видеть леди Хильду Трелони Хоуп. Нас провели в приемную.

– Мистер Холмс! – сказала леди, и лицо ее порозовело от негодования.

– Это просто нечестно и неблагородно с вашей стороны. Ведь я уже сказала, что хотела сохранить мой визит к вам в тайне, иначе муж подумает, что я вмешиваюсь в его дела. А вы компрометируете меня своим приходом. Ведь это доказывает, что между нами существуют деловые отношения.

– К сожалению, миледи, у меня не было иного выбора. Мне поручили найти этот исключительно важный документ, поэтому я вынужден просить вас, миледи, передать его мне.

Леди вскочила на ноги; румянец мгновенно схлынул с прекрасного лица. Ее глаза потускнели, она зашаталась. Мне показалось, что она упадет в обморок, но огромным усилием воли она овладела собой, и лицо ее вспыхнуло от изумления и гнева:

– Вы… Вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

– Послушайте, миледи, это бесполезно. Отдайте письмо.

Она метнулась к звонку:

– Дворецкий проводит вас.

– Не звоните, леди Хильда. Если вы это сделаете, все мои искренние попытки избежать скандала окажутся напрасными. Верните мне письмо, и все уладится. Если вы будете слушаться меня, я помогу вам. Если вы не захотите довериться мне, я вынужден буду выдать вас.

Она стояла перед ним гордая и величественная. Глаза ее встретили взгляд Холмса, как будто желали понять, что у него на уме. Она не снимала руки со звонка, но и не звонила.

– Вы пытаетесь запугать меня. Не очень благородно, мистер Холмс, прийти сюда угрожать женщине! Вы говорите, что вам кое-что известно. Что вы знаете?

– Прошу вас, миледи, сядьте. Вы ушибетесь, если упадете. Я не буду говорить, пока вы не сядете… Благодарю вас.

– Даю вам пять минут, мистер Холмс.

– Достаточно и одной, леди Хильда. Я знаю о том, что вы были у Эдуарда Лукаса, отдали ему этот документ, знаю, как вы вчера вечером хитроумно проникли в его комнату вторично и взяли письмо из тайника под ковром.

Лицо леди Хильды стало смертельно бледным. Она не сводила глаз с Холмса; у нее перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

– Вы сошли с ума, мистер Холмс… Вы сошли с ума! – наконец воскликнула она.

Из кармана он вытащил маленький кусочек картона. Это была фотография женщины.

– Я захватил ее, потому что считал, что она может пригодиться, – сказал он. – Полицейский узнал вас.

Она с трудом глотнула воздух, и ее голова упала на спинку кресла.

– Послушайте, леди Хильда… Письмо у вас, но дело все же можно уладить. У меня нет никакого желания причинять вам неприятности. Мои обязанности кончатся, когда я возвращу пропавшее письмо вашему мужу. Послушайтесь моего совета и будьте откровенны со мной – здесь все ваше спасение.

Ее мужество было восхитительно. Даже в этот момент она не признавала себя побежденной.

– Я снова повторяю вам, мистер Холмс: вы находитесь во власти какой-то нелепой фантазии.

Холмс встал со стула:

– Мне жаль вас, леди Хильда. Я сделал для вас все, что мог, теперь я вижу – это было напрасно Он нажал кнопку звонка. Вошел дворецкий.

– Мистер Трелони Хоуп дома?

– Он будет дома, сэр, через пятнадцать минут.

Холмс взглянул на часы.

– Еще пятнадцать минут, – сказал он. – Очень хорошо, я подожду.

Едва дворецкий закрыл за собой дверь, как леди Хильда, простирая руки, бросилась к ногам Холмса; ее прекрасное лицо было залито слезами.

– О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! – умоляла она в порыве отчаяния. – Ради бога, не говорите ему! Я так люблю его! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а эта, я знаю, разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял ее.

– Благодарю вас, миледи, что вы хоть в последний момент опомнились. Нельзя терять ни минуты. Где письмо?

Она бросилась к письменному столу, отперла его и вынула длинный голубой конверт.

– Вот оно, мистер Холмс… Лучше бы я никогда не видела его!

– Как нам теперь его вернуть? – раздумывал Холмс. – Скорее, скорее, надо найти какой-нибудь выход!.. Где шкатулка с документами?

– Все еще в спальне.

– Как удачно! Скорее, миледи, принесите ее сюда.

Через минуту она появилась, держа в руках красную плоскую шкатулку.

– Чем вы открывали ее прежде? У вас есть второй ключ? Конечно, есть. Откройте!

Из-за корсажа леди Хильда вытащила маленький ключ. Шкатулку открыли; она была полна бумаг. Холмс засунул голубой конверт в самую середину, между листками какого-то другого документа. Шкатулку заперли и отнесли обратно в спальню.

– Теперь мы готовы встретить его, – оказал Холмс. – У нас еще есть десять минут. Я беру на себя очень много, чтобы выгородить вас, леди Хильда! За это вы должны в оставшееся время честно рассказать мне всю эту странную историю.

– Я расскажу вам все, мистер Холмс! – воскликнула леди. – О, мистер Холмс, мне легче отрубить себе правую руку, чем доставить ему хоть минуту горя! Во всем Лондоне нет женщины, которая так любила бы своего мужа, как я, и все же, если бы он узнал, что я сделала, что была вынуждена сделать, он никогда не простил бы меня. Он так высоко ставит свою собственную честь, что не в состоянии забыть или простить бесчестный поступок другого. Помогите мне, мистер Холмс! Мое счастье, его счастье, наши жизни поставлены на карту!

– Скорее, миледи, время истекает!

– Еще до замужества, мистер Холмс, я написала неосторожное, глупое письмо, письмо впечатлительной влюбленной девушки. В нем не было ничего плохого, но все же мой муж счел бы его непростительным. Если бы он прочел это письмо, он перестал бы верить мне. Прошли годы с тех пор, как я написала это письмо. Я подумала, что все забыто. Но вдруг этот человек, Лукас, известил меня о том, что оно попало к нему в руки и что он намерен показать его моему мужу. Я умоляла его пощадить меня. Он сказал, что возвратит мне мое письмо, если я принесу ему один документ, который, по его словам, хранится у мужа в шкатулке для депеш. У него был какой-то шпион в министерстве, который сообщил ему о существовании этого документа. Лукас уверял меня, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место, мистер Холмс! Что я должна была делать?

– Рассказать обо всем мужу.

– Я не могла, мистер Холмс, не могла! С одной стороны, мне грозила неминуемая гибель; с другой, хоть мне и казалось ужасным взять документ, принадлежащий мужу, но все же я не вполне представляла себе, какие это будет иметь последствия в области международной политики, что же касается нашей любви и взаимного доверия, мне все казалось совершенно ясным. И я совершила кражу, мистер Холмс. Я сняла слепок с ключа, а этот человек, Лукас, сделал второй: ключ. Я открыла шкатулку, взяла документ и отнесла его на Гододфил-стрит.

– И что произошло там, миледи?

– Я постучала в дверь, как было условлено. Лукас открыл. Я прошла за ним в его комнату, оставив за собой дверь полуоткрытой, потому что боялась остаться одна с этим человеком. Я помню, что когда я входила в дом, на улице стояла какая-то женщина. Наши переговоры быстро закончились. Мое письмо лежало у него на письменном столе. Я отдала ему документ, он возвратил мне письмо. В это мгновение у двери послышался шум, в коридоре раздались шаги. Лукас быстро откинул ковер, сунул документ в какой-то тайник и снова положил ковер на место.

То, что произошло потом, было похоже на какой-то кошмар. Я видела смуглое безумное лицо, слышала голос женщины, которая кричала по-французски: «Я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с ней!» Произошла дикая сцена. Я видела, как он схватил стул, а в ее руке блеснул кинжал. Я бросилась бежать от этого ужаса, выскочила из дома и только на

следующее утро из газет узнала о страшном убийстве. В тот вечер я была счастлива, потому что мое собственное письмо находилось в моих руках и я еще не сознавала, что готовит мне будущее.

Но на следующее утро я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую. Отчаяние мужа, обнаружившего пропажу документа, потрясло меня. Я едва удержалась от того, чтобы не упасть к его ногам и не рассказать, что я наделала. Но ведь мне пришлось бы признаться и в том, что было раньше. В то утро я пришла к вам, и только тогда мне стала ясна вся тяжесть моего поступка. С той минуты я все время думала, как вернуть мужу этот документ. Документ должен был находиться там, куда положил его Лукас, потому что он спрятал его до прихода этой ужасной женщины. Если бы не ее появление, я никогда не узнала бы, где находится тайник. Как проникнуть в его комнату? В течение двух дней я следила за этим домом, но ни разу дверь не оставалась открытой. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы уже знаете, как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и решила уничтожить, так как не знала, каким образом возвратить его мужу, не рассказав ему обо всем… Боже мой, я слышу его шаги на лестнице!

Министр по европейским делам в сильном волнении вбежал в комнату.

– Что нового, мистер Холмс, что нового? – закричал он.

– У меня есть некоторая надежда.

– Слава богу. – Его лицо просияло. – Премьер-министр завтракает со мной, могу я порадовать его? У него стальные нервы, но я знаю, что он почти не спит с тех пор, как произошло это ужасное событие… Джейкобс, попросите премьер-министра подняться сюда. Что касается вас, дорогая, едва ли вам будут интересны эти разговоры о политике. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр хорошо владел собой, но по блеску его глаз и по судорожным движениям его сухих рук я видел, что он разделяет волнение своего молодого коллеги:

– Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы хотите нам что-то сообщить?

– Пока только отрицательное, – ответил мой друг. – Я навел справки везде, где только мог, и убедился, что оснований для волнений нет никаких.

– Но этого недостаточно, мистер Холмс. Мы не можем вечно жить на вулкане, нам нужно знать определенно.

– Я надеюсь найти письмо, поэтому я и пришел сюда. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше я убеждаюсь, что письмо никогда не покидало пределы этого дома.

– Мистер Холмс!

– Если бы оно было похищено, его, конечно, давным-давно опубликовали бы.

– Но какой же смысл взять его, чтобы спрятать в этом же доме?

– А я не уверен, что его вообще взяли.

– Как же тогда оно исчезло из шкатулки?

– Я и не уверен, что оно исчезло из шкатулки.

– Мистер Холмс, сейчас неподходящее время для шуток! Я вас уверяю, что там его нет.

– Вы заглядывали туда со вторника?

– Нет. Да это совершенно бесцельно!

– Вы могли и не заметить его.

– Послушайте, это невозможно.

– Кто знает! Такие вещи бывали. Ведь там, наверно, есть еще документы. Оно могло затеряться среди них.

– Письмо лежало сверху.

– Кто-нибудь мог тряхнуть шкатулку, и оно переместилось.

– Нет, нет, я вынимал все.

– Но это же легко проверить, Хоуп! – сказал премьер. – Прикажите принести шкатулку сюда.

Министр по европейским делам нажал звонок:

– Джейжобс, принесите мою шкатулку для бумаг… Мы совершенно напрасно теряем время, но если это удовлетворит вас, что ж, проверим… Спасибо, Джейкобс, поставьте ее сюда… Ключ у меня всегда на цепочке от часов. Вот все бумаги, вы видите. Письмо от лорда Мерроу, доклад сэра Чарльза Харди, меморандум из Белграда, сведения о русско-германских хлебных пошлинах, письмо из Мадрида, донесение от лорда Флауэрса… Боже мой! Что это? Лорд Беллинджер! Лорд Беллинджер!

Премьер выхватил голубой конверт у него из рук:

– Да, это оно. И письмо цело… Поздравляю вас Хоуп!

– Благодарю вас! Благодарю вас! Какая тяжесть свалилась с моих плеч!.. Но это непостижимо… невозможно… Мистер Холмс, вы волшебник, вы чародей Откуда вы узнали, что оно здесь?

– Потому что я знал, что больше ему быть негде.

– Не могу поверить своим глазам! – Он стремительно выбежал из комнаты. – Где моя жена? Я должен оказать ей, что все уладилось. Хильда! Хильда! – услышали мы его голос на лестнице.

Премьер, прищурившись, посмотрел на Холмса.

– Послушайте, сэр, – сказал он, – здесь что-то кроется. Как могло письмо снова очутиться в шкатулке?

Холмс, улыбаясь, отвернулся, чтобы избежать испытующего взгляда этих проницательных глаз.

– У нас тоже есть свои дипломатические тайны, – сказал он и, взяв шляпу, направился к двери.

Собака Баскервилей

Глава I. МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника было врезано серебряное кольцо шириной около дюйма. На кольце было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незаметными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, — ответил он. — Нет, в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. А раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней образ ее владельца, а я вас послушаю.

— По-моему, — начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, — этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение, — сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают клуб, вернее всего охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу. — Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил папиросу в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не бог весть что, но все же любопытно, — сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана. — Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, они и послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства. — Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это все?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Черингкросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Черингкросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это допустимо только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора[66], живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек около тридцати лет, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, — сказал я, — но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилий). Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Черингкросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу „Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?‟. Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей „Аномальные явления атавизма‟ („Ланцет‟, 1882), „Прогрессируем ли мы?‟ („Вестник психологии‟, март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, — с лукавой улыбкой сказал Холмс, — зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту — только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что… Боже мой! Ну, конечно, курчавый спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него:

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но с некоторой неряшливостью: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Как только наш гость вошел в комнату, его взгляд тотчас же упал на палку в руках Холмса, и он с радостным криком потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Черингкросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами:

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, — сказал Холмс. — А теперь, доктор Джеймс Мортимер…

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

И, по-видимому, человек научного склада ума?

Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс: так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с…

— Нет, доктор Уотсон вот — перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлиненный череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого

антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, — сказал он. — Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете сами набивать папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и с поразительной ловкостью набил папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятного собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

— Я полагаю, сэр, — начал он наконец, — что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считая вас вторым по величине европейским экспертом…

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Труды господина Бертильона[67] внушают большое уважение людям с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней…

— Так, самую малость, — ответил Холмс. — Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II. ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меня в кармане лежит один манускрипт, — сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли, — сказал Холмс.

— Манускрипт очень древний.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этого манускрипта дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую ваш манускрипт тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. — Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который его постиг.

Холмс протянул руку, взял манускрипт и расправил его на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я глянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервилей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла. Холмс сомкнул концы пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Гуго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, в подлинности коей не может быть сомнений. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владетелем поместья Баскервиль был Гуго, того же рода, и этого Гуго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Гуго была наклонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Гуго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а это было в Михайлов день, Гуго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых, самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть не лишилась ума, слыша пение, крики и страшные ругательства, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Гуго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девушку до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Гуго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие

слова, Гуго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто еще одну флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей компанией, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу, по следам коей неслись собаки. «Но я видел и нечто другое, — присовокупил он. — Гуго Баскервиль проскакал мимо меня на вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, но все же продолжали путь, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ощетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней виднелись два больших каменных столба, поставленные здесь еще в незапамятные времена. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Гуго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Гуго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах растерзало горло Гуго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и таинственной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Евангелии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Гуго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камин.

— Ну и что же? — сказал он.

— По-вашему, это неинтересно?

— Интересно для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету:

— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня сего года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этого.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательным. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей[68] приятно знать, что потомок древнего рода, знавшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность тем людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы следствию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности дворецкого, жена — экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали резкие изменения цвета лица, одышка и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев,

что дверь в холл все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше… и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, следствие пришло к заключению о скоропостижной смерти, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы следователя не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

— Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

— Вы ознакомили меня с делом, которое безусловно не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, — сказал Шерлок Холмс. — В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камеями[69] и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда познакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать.

— Он откинулся на спинку кресла, сомкнул кончики пальцев и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом, — начал доктор Мортимер, явно волнуясь. — Я о многом умолчал на следствии по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, ибо излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы, Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкленда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретить ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные

научные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов[70].

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в эту легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Дворецкий Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось на следствии, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, останавливался, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания на следствии. По его словам, на земле около тела не было Видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие…

— Следы?

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

Глава III. ЗАДАЧА

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки — верный признак проснувшегося интереса.

— Вы сами их видели?

— Точно так же, как вижу вас.

— И ничего об этом не сказали!

— А зачем?

— Неужели, кроме вас, их никто не видел?

— Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.

— На болотах, должно быть, много овчарок?

— Разумеется. Но это была не овчарка.

— Вы говорите, что следы очень большие?

— Огромные.

— Но к телу сэра Чарльза они не приближали?

— Нет.

— Какая тогда стояла погода?

— Сырая, холодная.

— Но дождя не было?

— Нет.

— А что представляет собой эта аллея?

— По бокам высокая зеленая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине — дорожка футов восьми в ширину.

— А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?

— Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.

— Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?

— Да, и эта калитка ведет на болота.

— А других выходов туда нет?

— Нет.

— Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?

— Есть еще один выход — через беседку в дальнем конце.

— Сэр Чарльз дошел туда?

— Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.

— Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?

— На траве следов обычно не видно.

— Они были на той же стороне дорожки, где калитка?

— Да, на самом краю, ближе к калитке.

— Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

— Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.

— Какой она вышины?

— Фута четыре.

— Значит, через нее можно перелезть?

— Да.

— А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

— Нет, ничего особенного.

— Боже мой! Неужели там не посмотрели?

— Нет, я сам смотрел.

— И ничего не нашли?

— Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять — десять.

— Почему вы так думаете?

— Потому что пепел дважды упал с его сигары.

— Превосходно! Вот такой помощник нам под стать! Правда, Уотсон? Ну, а следы?

— Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

— Ах, если б я сам там был! — воскликнул он. — Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий — это такая страница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров… Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

— Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того…

— Что же вы колеблетесь?

— Есть некая область, где бессилен самый проницательный и самый опытный сыщик.

— Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

— Я этого не говорю.

— Не «говорю», но «думаю»?

— С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

— Например?

— Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс: во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

— И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

— Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

— До сих пор моя сыскная деятельность протекала а пределах этого мира, — сказал он. — Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии — вещь весьма реальная?

— Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

— Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

— Я ни о чем таком вас не просил.

— Тогда чем же я могу помочь вам?

— Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо, — доктор Мортимер посмотрел на часы, — ровно через час с четвертью.

— Это и есть наследник?

— Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

— Других претендентов на наследство нет?

— Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать, это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах, — отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервилевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Гуго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри — последний отпрыск рода Баскервилей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

— А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

— Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервили, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

— В двух словах дело обстоит так, — сказал он наконец. — Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервилей. Правильно я вас понял?

— Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

— Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узкоместной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

— Если б вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть — в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

— Я советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

— А потом?

— Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

— Сколько вам потребуется времени на это?

— Одни сутки. Я буду вам весьма обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

— Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

— Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

— Да, об этом рассказывают трое.

А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

— Не знаю. Не слышал.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

— Уходите, Уотсон?

— Да, если я ничем не могу вам помочь.

— Нет, друг мой, я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступать к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вон выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь. Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я открыл дверь в гостиную и перепугался — уж не пожар ли у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудились, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

— Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

— Какое там «немного»! Дышать нечем!

— Тогда откройте окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

— Холмс, дорогой мой!

— Правильно?

— Разумеется, правильно, но как вы…

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

— Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Тоже весь день просидели сиднем?

— Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

— Мысленно?

— Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стенфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Льщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

— Карта крупного масштаба?

— Да, очень крупного. — Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени. — Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

— Окруженный лесом?

— Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений — та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это — две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцати милях от них — принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия и, может быть, разыграется еще раз на наших глазах.

— Да, места дикие.

— Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела…

— Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное?

— А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

— Оно не выходило у меня из головы весь день.

— И к чему же вы пришли?

— Запутанная история.

— Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

— Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллеи на цыпочках.

— Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время следствия. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!

— Тогда в чем же тут дело?

— Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвый.

— Спасался? Но от кого?

— В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

— Почему вы так думаете?

— То, что его так напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь — а по-видимому, все так и было, как я предполагаю, — то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на следствии, сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-то?

— Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку — ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

— Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

— И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все складывается — звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

Глава IV. СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду — как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истинного джентльмена.

— Сэр Генри Баскервиль, — представил его нам доктор Мортимер.

— Да, он самый, — сказал баронет. — И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

— Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

— Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного внимания.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес — «Отель „Нортумберленд", сэру Генри Баскервилю» — был написан крупными печатными буквами; на почтовом штемпеле стояли: «Черинг-кросс» и время отправления — вечер предыдущего дня.

— Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? — спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

— Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

— Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

— Нет, я живу у знакомых, — сказал доктор. — Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

— Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

— Так вот, мистер Холмс, — сказал сэр Генри Баскервиль, — может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

— А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

— Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

— Какая история? — резко спросил сэр Генри. — Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам!

— Мы посвятим вас во все, сэр Генри. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову, — сказал Шерлок Холмс. — А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

— Вон там, в углу.

— Будьте любезны, дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. — Он быстро пробежал ее глазами. — «Свобода торговли»… Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац. «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? — воскликнул Холмс, радостно потирая руки. — Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжело больных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

— Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика, — сказал он, — но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

— Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсон знаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

— Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

— А связь, дорогой мой Уотсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги», Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

— Ах, черт возьми! Конечно, вы правы, какая блестящая догадка! — воскликнул сэр Генри.

— Если вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» — они вырезаны подряд. — Ну-ка… Да, действительно!

— Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! — сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга. — Догадаться; что слова вырезаны из газетного текста, это еще туда-сюда. Но безошибочно назвать газету, и мало того — указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

— Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

— Разумеется, могу.

— Каким образом?

— Но ведь это мой конек! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти…

— А у меня тоже есть свой конек. На мой взгляд, разница между

боргесом на шпонах[Боргес — один из видов типографского шрифта. Шпоны — тонкие металлические пластинки, которые употребляются в типографиях для увеличения расстояния между строками набора.], которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов — одно из самых элементарных требовании к сыщику, хотя должен признаться, что во дни своей юности я однажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу «Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

— Значит, мистер Холмс, — сказал сэр Генри Баскервиль, — кто-то составил это письмо, вырезав ножницами…

— Маникюрными ножницами, — перебил его Холмс. — Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь подальше от», пришлось сделать два надреза.

— Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их…

— Гуммиарабиком, — подсказал Холмс.

— …и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

— Потому что автор письма не нашел их в газете. Все остальные слова довольно обыкновенные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадаются сравнительно редко.

— Весьма правдоподобное объяснение. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

— Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую улику. Как вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли

этот человек проявил бы небрежность в таком, по-видимому, серьезном деле. Если он действительно торопился, то интересно знать почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи. Но с чьей стороны?

— Мы, кажется, вступили в область догадок, — заметил доктор Мортимер.

— Скажите лучше — в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе. Вы, разумеется, назовете это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

— Почему вы так думаете?

— Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды запнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом дне. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния, а чтобы и то и другое отказывалось служить — это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Черинг-кросса и обнаружить там остатки изрезанной передовицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания… Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа ее на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

— Ну что?

— Нет, ничего, — сказал Холмс и положил письмо на стол. — Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можно. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда вон выходящего с тех пор, как вы приехали в Лондон.

— Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

— Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

— Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман, — сказал наш гость. — Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

— Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

— Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

— Все, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни.

Сэр Генри улыбнулся:

— Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

— Вы потеряли один башмак?

— Друг мой, — воскликнул доктор Мортимер, — да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

— Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

— Совершенно верно, — сказал Холмс. — Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Значит, у вас пропал башмак?

— Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мне так и не

удалось добиться вразумительного ответа. Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Стренде, и даже не успел обновить ее.

— Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

— Они светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их темной ваксой.

— Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

— Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки — ценой в шесть долларов! — а вот надеть-то их так и не пришлось.

— Если это кража, то довольно бессмысленная, — сказал Шерлок Холмс. — Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

— А теперь, джентльмены, — решительно заговорил баронет, — довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

— Законное требование, — согласился Холмс. — Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

— Н-да, хорошее мне досталось наследство! — сказал он, когда длинное повествование было закончено. — О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили, рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться — к священнику или к полисмену.

— Совершенно верно.

— А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

— Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах, — сказал доктор Мортимер.

— И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам, — сказал Холмс, — если он предупреждает вас об опасности.

— А может быть, наоборот — кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

— Это тоже не исключено… Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

— А почему бы мне туда не поехать?

— По-видимому, это небезопасно.

— Откуда же эта опасность исходит — от нашего семейного пугала или от людей?

— Вот это мы и должны выяснить.

— Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решено окончательно. — Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервилевская неукротимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода. — Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всем на

досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в отель. Что, если вы и ваш друг, доктор Уотсон, придете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

— Вас это устраивает, Уотсон?

— Вполне.

— Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

— Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

— Я с удовольствием присоединюсь к вам, — сказал его спутник.

— Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился — от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

— Одевайтесь, Уотсон, скорей. Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

— Догнать их?

— Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро — одно удовольствие.

Он прибавил шагу, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворенно хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кэб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперед.

— Вот его-то нам и надо, Уотсон! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кэба мелькнула густая черная борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительным взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхнее окошечко, седок что-то крикнул кэбмену, и кэб стремительно понесся по Риджент-стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно — свободных не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кэбом, который быстро исчезал у нас из виду.

— Ах, черт! — бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока. — Вот не повезло! Да я сам во всем виноват. Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

— Что это за человек?

— Понятия не имею.

— Соглядатай?

— Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так; если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

— Да, помню.

— Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все

очень серьезно, и хотя мне до сих пор еще неясно, какие здесь действуют силы — добрые или злые, — я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его прием имеет еще ту выгоду, что, если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом приеме есть.

— Кэбмен?

— Вот именно.

— Какая жалость, что мы не заметили его номера!

— Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

— Не вижу, что вы могли еще сделать.

— Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальнейших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственного приема могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

— Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними, — сказал Холмс.

— Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас на руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

— Лицо нет, а бороду разглядел.

— Я тоже… а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник который встретил его с распростертыми объятиями.

— Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком дельце!

— Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

— Вы преувеличиваете, друг мой] Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган, по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

— Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

— Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

— Дайте мне «Путеводитель по гостиницам», — сказал Холмс. — Благодарю вас. Смотри, Картрайт, вот это — названия двадцати трех гостиниц в районе Черинг-кросс. Видишь?

— Да, сэр.

— Ты обойдешь их все по очереди.

— Слушаю, сэр.

— И для начала будешь давать швейцарам по шиллингу. Вот тебе двадцать три шиллинга.

— Слушаю, сэр.

— Ты скажешь, что тебе нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объяснишь это так: одну очень важную телеграмму доставили по ошибке не в тот адрес, и тебе велено ее разыскать. Понятно?

— Да, сэр.

— Но на самом деле ты будешь искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Ты сможешь отличить ее от других?

— Да, сэр.

— Швейцары будут, конечно, отсылать тебя к коридорным, ты и им дашь по шиллингу. Вот тебе еще двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трех, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжен. Но в трех остальных гостиницах тебе покажут груду бумаг, среди которых ты и поищешь эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю тебе еще десять шиллингов. К вечеру телеграфируй мне, на Бейкер-стрит, как у тебя обстоят дела… А теперь, Уотсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кэбмене номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведем там время, оставшееся до завтрака.

Глава V. ТРИ ОБОРВАННЫЕ НИТИ

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то, что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

— Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, — сказал нам дежурный по вестибюлю. — Он просил сразу же провести к нему гостей.

— Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постояльцев? — спросил Холмс.

— Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были еще две записи: «Теофилиус Джонсон с семьей, из Ньюкасла» и «миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

— Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал? — сказал Холмс дежурному. — Он адвокат, седой и немного прихрамывает?

— Нет, сэр, мистер Джонсон — владелец угольных копей, еще не старый джентльмен, ваших лет.

— Вы уверены, что он не адвокат?

— Уверен, сэр. Мистер Джонсон наш частый гость, мы его знаем не первый год.

— Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор… Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

— Миссис Олдмор женщина слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Она останавливается только у нас, когда приезжает в город.

— Благодарю вас. Вероятно, я спутал ее с другой леди… Эти вопросы помогли нам установить один очень важный факт, Уотсон, — продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице. — Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остановились не здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чем мы

уже убедились, они так же старательно избегают попадаться ему на глаза. А это говорит о многом.

— Например, о чем?

— Ну, хотя бы о том… Хэлло! Друг мой, что случилось?

Мы вышли на верхнюю площадку и столкнулись там с сэром Генри Баскервилем. Он выбежал на лестницу весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда он наконец обрел дар слова, то сразу сбился на явный американский акцент, чего мы утром за ним не заметили.

— За кого меня принимают в этом отеле — за дурачка, что ли? — закричал сэр Генри. — Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдет моего башмака, я устрою скандал] У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость пересолили.

— Все еще разыскиваете свою пропажу?

— Да, разыскиваю, и не успокоюсь, пока не найду.

— Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

— Да, сэр. А теперь та же история с черным.

— Как! Неужели вы хватились и…

— Вот именно! У меня всего-навсего три пары обуви — новая светло-коричневая, старая черная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричневый башмак, а сегодня стащили и черный… Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

На площадке появился взволнованный коридорный-немец:

— Нет, сэр. Я у всех спрашивал, никто ничего не знает.

— Так вот, слушайте: или вы отыщете к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что немедленно съезжаю отсюда.

— Башмак найдется, сэр… Обещаю вам, что найдется… Минутку терпения, сэр.

— Имейте в виду, это в последний раз. Я больше не допущу, чтобы меня обкрадывали в вашем воровском притоне!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками…

— А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за них беспокоились.

— Вы уж очень серьезно к ним относитесь!

— Как же вы сами это объясните?

— Я даже не пытаюсь объяснить. Со мной еще никогда в жизни не случалось ничего более нелепого и более странного.

— Более странного?.. Да, это, пожалуй, так, — задумчиво проговорил Холмс.

— А что вы сами об этом скажете?

— Я, собственно, еще ничего не понимаю. История очень запутанная, сэр Генри. Если ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезнейших дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нити, и одна из них непременно должна привести нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень приятно провели время за завтраком, лишь вскользь коснувшись тех вопросов, что свели нас четверых вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейших планах Баскервиля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

— Я поеду в Баскервиль-холл.

— Когда?

— В конце недели.

— Я считаю ваше решение правильным, — сказал Холмс. — Теперь у меня уже нет никаких сомнений в том, что в Лондоне за вами установлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и что им от вас нужно. Если они действуют с дурными намерениями, вам угрожает опасность, которую мы не в силах предотвратить… Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышли, за вами следили?

Доктор Мортимер так и подскочил на месте:

— Следили? Кто?

— Вот этого я, к сожалению, не могу сказать. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

— Нет… впрочем, постойте… Ну конечно… У дворецкого сэра Чарльза, Бэрримора, окладистая черная борода.

— Гм! А где он сейчас?

— В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

— Надо проверить, действительно ли он там, а не в Лондоне.

— Как же это сделать?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли приезду сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпене? Прекрасно! Вторую телеграмму пошлем в Гримпен на имя начальника конторы: «Телеграмму адресованную Бэрримору просьба передать собственные руки. Случае отсутствия направьте обратно отель „Нортумберленд“ сэру Генри Баскервилю». Вот так. К вечеру мы будем знать, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире, или нет.

— Прекрасно, — сказал Баскервиль. — Кстати, доктор Мортимер, что собой представляет этот Бэрримор?

— Он сын покойного управляющего поместьем. Это уже четвертое поколение Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я знаю, он и его жена вполне почтенные люди.

— Тем не менее, — сказал сэр Генри, — мне совершенно ясно, что пока Баскервиль-холл остается без хозяина, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

— Да, правильно.

— Бэрримор получил что-нибудь по завещанию сэра Чарльза? — спросил Холмс.

— И ему и его жене было завещано по пятисот фунтов.

— Гм! А они знали об этом раньше?

— Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжениях на случай смерти.

— Интересный факт.

— Я надеюсь, — сказал доктор Мортимер, — что вы не станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мне он тоже оставил тысячу фунтов.

— Вот как! А еще кому?

— В завещании было указано много мелких сумм разным лицам и крупные пожертвования на благотворительные цели. Наследство же все отошло сэру Генри.

— А в какой сумме оно выражается?

— Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивленно поднял брови.

— Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном капитале, — сказал он.

— Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояния выяснились только после того, как мы ознакомились с ценными бумагами. Общая сумма наследства подходит к миллиону.

— Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится… гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

— Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам — к Десмондам. Джеймс Десмонд уже немолодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

— Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

— Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

— И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

— К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

— А вы уже составили завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

— Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

— Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

— Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не сможет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

— Мистер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

— Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одно из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажиста, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

— Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

— Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня как снег на голову, но Баскервиль, не дожидаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

— Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны! — воскликнул он. — Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелесть для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне польстили.

— Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, — ответил я, — и не пожалею потраченного времени.

— Вы будете присылать мне подробные отчеты, — сказал Холмс. — В самый критический момент — а он неминуемо наступит — я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу.

— Вас это устраивает, доктор Уотсон?

— Вполне.

— Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь раскланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил из-под стоявшего в углу шкафа светло-коричневый башмак.

— Вот она, моя пропажа!

— Пусть и остальные загадки разрешатся так же просто! — сказал Шерлок Холмс.

— Но все-таки это очень странно, — заметил доктор Мортимер. — Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

— И я тоже, — сказал Баскервиль. — Обшарил все уголки. Башмака нигде не было.

— Значит, коридорный положил его туда, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но он ничего не мог сказать, и дальнейшие расспросы тоже ни к чему не привели. Таким образом, к серии этих быстро сменяющих одна другую и явно нелепых загадок прибавилась еще одна. Уж не говоря о трагической смерти сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъяснимых событий, совершившихся всего лишь за два дня: письмо, составленное из газетных вырезок, бородатый незнакомец в кэбе, пропажа сначала нового коричневого башмака, потом старого черного и теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в кэбе молча и, судя по его нахмуренным бровям и напряженному взгляду, так же, как и я, пытался привести в единую систему все эти странные и, казалось бы, не связанные один с другим факты. Весь остальной день и вечер он провел у себя в кабинете, погруженный в густые клубы табачного дыма и в размышления.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. Первая гласила:

«Только что сообщил Бэрримор дома Баскервиль».

Вторая:

«Обошел двадцать три гостиницы сожалению изрезанной страницы „Таймса“ не нашел. Картрайт».

— Вот и оборвались сразу две нити, Уотсон. Нет ничего лучше таких дел, где все словно сговорились против тебя. Тогда-то и начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по третьему следу.

— У вас еще есть в запасе кэбмен, который вез этого незнакомца.

— Совершенно верно. Я запросил его фамилию и адрес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что даже превзошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина — по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

— Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу справлялись о номере две тысячи семьсот четыре, — начал он. — Я уже седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слыхал. Дай, думаю, сам зайду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

— Вы ни в чем не провинились, любезнейший, — сказал Холмс. — Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

— Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь! — ухмыльнулся кэбмен. — А что вам угодно, сэр?

— Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай если вы мне опять понадобитесь.

— Джон Клейтон, проживаю в Бороу, Тарпи-стрит, номер три. Кэб стоит в Шипли-Ярд, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

— А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал двух джентльменов на Риджент-стрит.

Кэбмен с удивлением воззрился на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

— Что ж вам рассказать, когда вы сами не хуже меня все знаете! — ответил он. — Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

— Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назвался сыщиком?

— Да, сэр.

— А когда он заявил вам об этом?

— Когда расплачивался.

— А еще что-нибудь он говорил?

— Сказал свою фамилию.

— Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

— Свою фамилию? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

— Его зовут, — сказал кэбмен, — мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого ошеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

— Удар, Уотсон! Меткий удар! — сказал он. — Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

— Да, сэр, он сам так сказал.

— Блистательно! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

— Он кликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквер. Говорит: «Я сыщик», и посулил мне две гинеи, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к отелю «Нортумберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

— Вот к этому самому дому, — сказал Холмс.

— Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на…

— Это я знаю, — сказал Холмс.

— А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стеганул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он

дал мне две гинеи — не надул! — и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

— Так, понимаю. И больше вы его не видели?

— Нет, больше не видел.

— А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса. Кэбмен почесал в затылке:

— Не так-то это легко. Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

— Цвет глаз какой?

— Вот не приметил…

— Больше ничего не запомнили?

— Ничего, сэр.

— Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

— Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел посмеиваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

— Третья нить тоже не выдержала, — сказал он. — Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом, углядел меня на Риджент-стрит, сообразил, что номер кэба взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил поиздеваться надо мной. Попомните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

— Что?

— Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше Оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здравым и невредимым.

Глава VI. БАСКЕРВИЛЬ-ХОЛЛ

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, мы отправились, как и было условлено, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, Шерлок Холмс всю дорогу давал мне напутственные указания и советы.

— Я не стану говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсон, чтобы у вас не создалось предвзятого мнения, — сказал он. — Мне нужны факты, изложенные подробнейшим образом, а уж сопоставлять их я буду сам.

— Что же вас интересует? — спросил я.

— Все, что так или иначе касается этого дела, в особенности отношения между молодым Баскервилем и его соседями, а если узнаете что-нибудь новое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последние дни я навел кое-какие справки, но, к сожалению, результатами похвалиться не могу. Мне удалось выяснить только одно: ближайший наследник, мистер Джеймс Десмонд, действительно прекрасный человек весьма почтенного возраста, так что это не его козни. Думаю, что мы смело можем не заниматься им в дальнейшем. Значит, остаются только те люди, которые составят непосредственное окружение сэра Генри Баскервиля.

— А не лучше ли сразу же отделаться от четы Бэрриморов?

— Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудно совершить. Если они ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после не доищешься. Нет, нет! Пусть так и остаются на подозрении. Потом, если не ошибаюсь, там есть

конюх, двое фермеров, наш друг доктор Мортимер, по-видимому, человек безупречной честности, и его жена, о которой нам ничего не известно. Не забудьте и натуралиста Стэплтона с сестрой — как говорят, весьма привлекательной молодой особой. Дальше идут мистер Френкленд из Лефтер-холла — тоже личность неизвестная, и двое-трое других соседей. Вот люди, которые должны находиться под вашим наблюдением.

— Постараюсь не осрамиться.

— Оружие вы взяли?

— Да, думаю, это будет не лишним.

— Безусловно. Держите револьвер при себе и днем и ночью и не ослабляйте бдительности ни на секунду.

Наши друзья уже успели запастись билетами первого класса и ждали нас на платформе.

— Нет, ничего нового, — сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос моего друга. — Могу только поклясться, что последние два дня слежки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

— Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

— Да, за исключением вчерашнего. У меня так уж заведено — по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям, и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

— А я пошел в парк посмотреть на гуляющих, — сказал Баскервиль. — И все обошлось благополучно.

— Тем не менее это было неблагоразумно с вашей стороны, — сказал Холмс нахмурившись и покачал головой. — Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

— Нет, сэр, он исчез бесследно.

— Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего, — добавил он, когда поезд тронулся. — Сэр Генри! Помните наставление из странной легенды, которую нам читал доктор Мортимер, и остерегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда злые силы властвуют безраздельно.

Я выглянул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы двигались быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девонширских пейзажей.

— Где только мне не пришлось побывать с тех пор, как я уехал отсюда, доктор Уотсон! — сказал он. — И все-таки эти места ни с чем не сравнишь.

— Покажите нам такого девонширца, который не восхищался бы своим Девонширом.

— Тут дело не только в самом Девоншире, но и в людях, которые его населяют, — сказал доктор Мортимер. — Одного взгляда на круглый череп

нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской[71] расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа — наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

— Я его никогда не видел, потому что мы жили в маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тринадцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождусь, когда наконец появятся торфяные болота.

— Вот как! В таком случае ваше желание исполнилось — можете любоваться ими, — сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм с зазубренной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь, и эти жадные взгляды говорили о том, как много значит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, владычествовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме и с явным американским акцентом сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглое выразительное лицо, я чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставят нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любой риск.

Поезд остановился у маленькой, захолустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, коренастых лошадок. Наш приезд, очевидно, был здесь большим событием, так как и сам начальник станции и носильщики — все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское местечко, но, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мундирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, нескладный малый с угловатыми чертами лица, снял шапку, приветствуя сэра Генри Баскервиля, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороны поднимались зеленые склоны пастбищ, домики с остроконечными крышами выглядывали из густой листвы, но впереди, за пределами этого мирного, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула на боковую дорогу, и мы начали подниматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими насыпями, на которых росли мясистые хвощи и влажный мох. Отливающий бронзой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солнца. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменному мосту через бурную речку, которая быстро неслась между серыми валунами, обдавая их пеной. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубняком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством оглядываясь по сторонам, и закидывал нас бесчисленными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я не мог отделаться от грусти, которую навевали на меня эти пастбища и взгорья, явно носившие следы осени. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропинки. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потонул в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!» — подумал я.

— Смотрите! — вдруг крикнул доктор Мортимер. — Что это?

Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском, — первый предвестник близости торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтовкой наготове. Он наблюдал за дорогой, по которой мы ехали.

— Перкинс, что это значит? — спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах:

— Из принстаунской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставили сторожевых на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

— Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

— Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришка.

— Кто же он?

— Селден, который совершил убийство в Ноттинг-хилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскинулись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где долменами[72] из обломков скал и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее запахнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись — лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая красновато-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скупые очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубокую чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь спокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

— Баскервиль-холл, — сказал он.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост — щеки у него раскраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами — гербом Баскервилей. Каменный домик привратника был ветхий, с обнажившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение — первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев; их ветви смыкались сумрачным сводом у нес над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллеи, в конце которого виднелись призрачные очертания дома.

— Это случилось здесь? — тихо спросил он.

— Нет, нет, в тисовой аллее, она с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

— Меня нисколько не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды, — сказал он. — Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полугода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свана[73] по тысяче свечей каждый.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставлявшим открытыми только оконные амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые башни с бойницами поднимались над этой частью здания. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита, позднейшей пристройки. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился неяркий свет, над крутой остроконечной крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил из тени, падавшей от террасы, и открыл дверцу коляски. В освещенных дверях холла показался силуэт женщины. Она тоже подошла к нам и помогла мужчине снять наши чемоданы.

— Сэр Генри, вы не будете возражать, если я поеду прямо домой? — сказал доктор Мортимер. — Меня ждет жена.

— Останьтесь, пообедайте с нами!

— Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много накопилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня — он прекрасный гид. Всего хорошего! И помните: когда бы я вам ни понадобился, днем или ночью, не стесняйтесь посылать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Холл, в котором мы очутились, был очень красив — просторный, высокий, с массивными стропилами из потемневшего от времени дуба. В старинном камине с чугунной решеткой для дров потрескивали и шипели поленья. Продрогнув после долгой езды, мы с сэром Генри протянули руки к огню. Потом стали разглядывать дубовую обшивку холла, высокое, узкое окно с цветными стеклами, оленьи головы и гербы на стенах, смутно видневшиеся в неярком свете люстры.

— Я именно так и представлял себе все это, — сказал сэр Генри. — Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только — ведь мои предки жили в этом самом доме в течение пяти веков! Как вспомнишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческим восторгом. Он стоял в круге света, падавшего от люстры, а длинные тени ложились по стенам и черным пологом сгущались над ним.

Бэрримор разнес наши чемоданы по комнатам и, вернувшись, почтительно склонился перед нами, как и подобало хорошо вышколенному слуге. Наружность у него была незаурядная — высокий, представительный, с окладистой черной бородой, оттенявшей бледное благообразное лицо.

— Прикажете подавать обед, сэр?

— А готово?

— Через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Мы с женой будем счастливы, сэр Генри, остаться здесь на первых порах, но ведь при новых порядках вам потребуется большой штат.

— При каких новых порядках?

— Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уединенный образ жизни и мы вдвоем вполне могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется налаживать все по-новому.

— Значит, вы с женой хотите получить расчет?

— Если только это не причинит вам каких-либо неудобств, сэр.

— Но ведь ваши предки в течение нескольких поколений жили в Баскервиль-холле. Мне бы очень не хотелось с первых же своих шагов здесь порывать старые семейные связи.

Я подметил следы волнения на бледном лице дворецкого.

— Нам с женой это тоже не легко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очень привязаны к сэру Чарльзу и до сих пор никак не оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле, как прежде.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Я надеюсь, сэр, что нам удастся наладить какое-нибудь дело. Ведь сэр Чарльз не оставил нас своей щедростью… А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, на которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здания тянулись два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя была в одном крыле со спальней Баскервиля, почти дверь в дверь. Эти комнаты оказались более современными, чем центральная часть дома, а светлые обои и множество зажженных свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезде в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хозяйского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низшего звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей. Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в ней под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетые во все черное, их голоса звучали приглушенно, и настроение у них было несколько пониженное. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах — начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства — взирали на нас со стен, удручая своим молчанием. Разговор за столом как-то не клеился, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в бильярдную — комнату вполне современную.

— Что и говорить, обстановка не из веселых, — сказал сэр Генри. — Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Неудивительно, что мой дядюшка нервничал, живя один в таком доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я открыл штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. За газоном, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его холодном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот. Я задернул штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, и больше ничего не нарушало мертвой тишины, царившей в доме. И вдруг в глухую полночь моего слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я прождал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивающего стены.

Глава VII. СТЭПЛТОНЫ ИЗ МЕРРИПИТ-ХАУС

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окна с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливала бронзой в золотых

лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

— Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты, — сказал баронет. — Устали с дороги, прозябли, вот нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

— Однако нельзя приписывать все только нашему настроению, — ответил я. — Скажите мне, например, неужели вы не слышали среди ночи чей-то плач, по-моему, женский?

— А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

— Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина.

— Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал дворецкого звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэрримора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

— В доме всего две женщины, сэр Генри, — ответил Бэрримор. — Одна из них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая — моя жена, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам неправду, потому что после завтрака мне пришлось столкнуться с миссис Бэрримор в коридоре, на ярком свету. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщину с крупными чертами лица и со строго сжатыми губами. Но глаза — красные, с припухшими веками, — выдали ее. Значит, она-то и плакала ночью, а если так, муж не мог не знать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличить во лжи. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервиля были известны нам только с его слов. Неужели же мы видели Бэрримора в кэбе на Риджент-стрит? Во всяком случае, борода была точно такая. Кэбмен говорил о человеке среднего роста, но это впечатление могло быть ошибочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать начальника почтовой конторы в Гримпене и узнать у него, была ли наша телеграмма передана Бэрримору в собственные руки. И в том и в другом случае у меня, по крайней мере, будет что сообщить Шерлоку Холмсу.

Сэр Генри занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, и я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мили по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мне прежде всего бросились в глаза два более солидных, чем остальные, строения — гостиница и дом доктора Мортимера. Начальник почтовой конторы, оказавшийся также и здешним лавочником, запомнил нашу телеграмму.

— Конечно, сэр, — сказал он, — я доставил ее мистеру Бэрримору, как и было указано.

— А кто ее относил?

— Мой сынишка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору?

— Да, папа.

— И вручил ему самому? — спросил я.

— Нет, мистер Бэрримор был где-то на чердаке, и я отдал телеграмму его жене, а она обещала тотчас же передать ему.

— А самого мистера Бэрримора ты видел?

— Нет, сэр, я же говорю, что он был на чердаке.

— Откуда же ты знаешь, где он был, если сам его не видел?

— Ну, жена-то должна была знать, где он, — раздраженно сказал почтмейстер. — Ведь телеграмма доставлена? А если произошла какая-то ошибка, пусть мистер Бэрримор сам пожалуется.

Продолжать расспросы было бессмысленно, но мне стало ясно, что хитрая уловка Холмса ни к чему не привела и мы так и не узнаем, уезжал Бэрримор в Лондон или нет. Допустим, что уезжал. Допустим, что он — последний, кто видел сэра Чарльза в живых, — первый выследил его наследника, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то наущению, или у него есть свои собственные коварные планы? Какой ему смысл преследовать Баскервилей? Я вспомнил странное предостережение, составленное из газетных вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть, оно послано кем-то другим, кто старается помешать ему? Единственное правдоподобное объяснение дал всему этому сэр Генри, сказав, что если Баскервилей удастся отпугнуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существование до конца дней своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тонкую интригу, которая невидимой сетью оплетает молодого баронета? Холмс сам признал, что среди всех его сенсационных расследований это дело наиболее запутанное и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачной дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можно скорее и, приехав сюда, снял с меня тяжелую ответственность.

Мои размышления были внезапно прерваны звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликнул меня по имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий, худощавый блондин лет тридцати пяти — сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким длинным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботаническая коробка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

— Простите мне мою смелость, доктор Уотсон, — еще не отдышавшись как следует, заговорил незнакомец. — Мы здесь народ нецеремонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Меррипит-хаус.

— Вас нетрудно узнать по коробке и сачку, — сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон натуралист. — Но как вы-то догадались, кто я такой?

— Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами по дороге, и я решил догнать вас и представиться вам самолично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

— Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо похоронил себя в такой глуши, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

— Нет, не думаю.

— Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая будто бы преследует род Баскервилей.

— Да, знаю.

— До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище. — Стэплтон говорил с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он относится к своим словам гораздо серьезнее. — Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к трагическому концу.

— Каким образом?

— Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно сказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

— Откуда вы знали, что у него больное сердце?

— От моего друга, Мортимера.

— Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

— Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

— Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

— А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

— Доктор Уотсон, зачем нам прикидываться, будто мы не знаем вас? — сказал он. — Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы и есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

— Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением?

— Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

— Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, я уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

— Уверяю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри, и никакой помощи мне не нужно.

— Великолепно! — воскликнул Стэплтон. — Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего! Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги начиналась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся среди болот. Левее стоял крутой, усеянный валунами холм, на котором в древние времена велись разработки гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесный откос, густо заросший папоротником и ежевикой. Вдали, на горизонте, поднимались серые клубы дыма.

— По этой тропинке отсюда не так уж далеко до Меррипит-хаус, — сказал Стэплтон. — Пожертвуйте часом времени, и я буду иметь удовольствие представить вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мне следует быть возле сэра Генри, но потом вспомнил счета и бумаги, грудой лежавшие у него на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс просил меня познакомиться с людьми, живущими по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял приглашение Стэплтона, и мы свернули вправо.

— Замечательные здесь места! — сказал он, глядя на волнистую линию зеленых холмов, над которыми морскими валами поднимались фантастические очертания гранитной гряды. — Эти болота никогда вам не примелькаются. А сколько тайн они хранят — бескрайние, пустынные, загадочные!

— Вы хорошо их знаете?

— Я ведь здесь всего второй год. Местные старожилы, пожалуй, назовут меня новичком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

— А разве это такое нелегкое дело?

— Весьма нелегкое. Вот, например, присмотритесь к той равнине с поднимающимися кое-где причудливыми холмами. Чем она, по-вашему, замечательна?

— По ней хорошо скакать галопом.

— Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько на ней ярко-зеленых лужаек?

— Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэплтон рассмеялся.

— Перед вами огромная Гримпенская трясина, — сказал он. — Попади в эту трясину человек или животное — один неосторожный шаг, и все кончено. Я только вчера видел, как туда забрел чей-то пони и, разумеется, погиб. Его голова долго виднелась над трясиной. Он все вытягивал шею, старался выбраться, но в конце концов засосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осенних дождей это совсем гиблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гримпенской трясины и возвращался оттуда живым. Смотрите, еще один несчастный пони!

В зеленой осоке перекатывалось и билось что-то темное. Потом над зарослями мелькнула мучительно вытянутая шея, и болота огласились страшным криком. Я похолодел от ужаса, но у моего спутника были, по-видимому, более крепкие нервы.

— Кончено! — сказал он. — Засосало. Второй за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погибло! Они как повадятся туда в засуху, так и ходят до самой осени. И часто гибнут. Да, Гримпенская трясина — страшное место.

— И вы все-таки пробираетесь туда?

— Да, там есть две-три тропинки, по которым ловкий человек может пройти. Я отыскал их.

— Но зачем вам ходить в такое опасное место?

— А вон видите те холмы вдалеке? Это настоящие островки среди непролазной топи, которая мало-помалу окружила их со всех сторон. Сумейте на них пробраться, и какие там редкостные растения, какие бабочки!

— Что ж, когда-нибудь попробую.

Стэплтон с удивлением посмотрел на меня.

— Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! — сказал он. — Ваша гибель будет на моей совести. Назад вам не вернуться, поверьте мне. Я сам только потому и осмеливаюсь туда ходить, что у меня есть сложная система примет.

— Стойте! — крикнул я. — Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невнятного стона, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стенания. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

— Таинственные места эти болота, — сказал он.

— Что это такое?

— Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей, когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось ее слышать, но сегодня что-то уж очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями осоки. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней — только два ворона громко каркали, сидя на каменном столбе позади нас.

— Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь, — сказал я. — Как вы объясняете этот вой?

— Трясина иной раз издает очень странные звуки. То ли это ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

— Нет, нет! Это был голос живого существа.

— Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит выпь?

— Нет, не приходилось.

— В Англии эта птица попадается теперь очень редко, в сущности она почти вымерла, но на таких болотах все возможно. Я бы нисколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

— В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

— Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

— Что это? Овчарни?

— Нет, это жилища наших почтенных пращуров. Доисторический человек густо заселял торфяные болота, и так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целости и неприкосновенности. Только крыши сняты. При желании можно пойти туда и увидеть очаг и ложе.

— Да это целый городок! Когда же он был обитаем?

— Неолитический человек[Неолитический человек — человек позднейшей эпохи каменного века,

культура которого характеризуется шлифованными каменными изделиями.] — точный период не установлен.

— А чем этот человек занимался?

— Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать первенство бронзовой палице, научился добывать олово. Видите вон тот ров на противоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы найдете много любопытных особенностей на наших болотах. А, простите, пожалуйста! Это, наверно, Cyclopides!

Мимо нас пролетел маленький мотылек, и Стэплтон с поразительной быстротой и ловкостью кинулся за ним в погоню. Я с ужасом увидел, что мотылек понесся прямо к трясине, но мой новый знакомый как ни в чем не бывало прыгал с кочки на кочку и размахивал своим зеленым сачком. Серый костюм и порывистые движения придавали ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхищения и страха, — мне все казалось, что он вот-вот оступится и уйдет в предательскую трясину. Вдруг позади меня послышались чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел почти рядом с собой женщину. Она появилась с той стороны, где виднелся дым, указывающий на близость Меррипит-хаус, но раньше я не мог ее заметить, ибо тропинка, по которой она шла, уходила под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд ли в здешних местах приходилось рассчитывать на встречу с другими дамами. Кроме того, мне говорили о ней как о красавице, а идущая по тропинке женщина действительно поражала своей красотой — красотой не совсем обычного типа. Большее несходство между сестрой и братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондин с серыми глазами, она брюнетка — таких жгучих брюнеток мне еще не приходилось встречать в Англии, — изящная, стройная, высокая. Ее

тонкие, горделивые черты были настолько правильны, что лицо могло бы показаться безжизненным, если б не выразительный рот и быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фигура, нарядное платье — как странно было видеть такое существо на безлюдной тропинке, вьющейся среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

— Уезжайте отсюда! — сказала она. — Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом воззриться на нее. Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

— Зачем же мне уезжать? — спросил я.

— Не требуйте объяснений. — Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картавила. — Ради бога, послушайтесь моего совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

— Но ведь я только что приехал!

— Боже мой, — воскликнула она, — неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова… Будьте так любезны, сорвите мне вон ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа несколько теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоню за мотыльком и подошел к нам, весь красный и запыхавшийся.

— А, это ты, Бэрил! — сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

— Как ты разгорячился, Джек!

— Да, я погнался за великолепным экземпляром Cyclopides. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость — не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

— Вы, кажется, успели познакомиться?

— Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот — орхидеи отцветают.

— Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Сэр Генри Баскервиль.

— Нет, нет, — сказал я, — не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

— Значит, мы говорили, не понимая друг друга, — сказала она.

— Да, у вас было не так уж много времени на разговоры, — заметил Стэплтон, продолжая пытливо глядеть на сестру.

— Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа, — сказала она. — А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам в Меррипит-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью веяло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому — старый, весь сморщенный, в порыжевшем сюртуке. Но самые

комнаты удивили меня своими размерами и элегантностью убранства; последнее следовало, вероятно, приписать вкусу хозяйки. Я посмотрел в окно на бескрайние, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдали линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

— Странное мы выбрали место, где поселиться? — сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли. — И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?

— Да, очень хорошо, — ответила она, но ее слова прозвучали как-то неубедительно.

— У меня была школа в одном из северных графств, — сказал Стэплтон. — Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от себя самого, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, большая часть моего капитала была безвозвратно потеряна. И все же, если б не разлука с моими дорогими мальчиками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботанике и зоологии здесь непочатый край работы, да и сестра моя — не меньшая любительница природы. Это признание, доктор Уотсон, вы навлекли на свою голову сами: вольно же вам было устремлять из окна такой грустный взгляд на наши болота!

— Да, не отрицаю, мне действительно кажется, что жить здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

— Нет, я не скучаю, — быстро ответила она.

— Мы заняты научной работой, у нас большая библиотека и очень интересные соседи. Доктор Мортимер — весьма начитанный человек в своей области. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседником. Мы с ним были очень близки, и я даже не могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я нанесу сегодня визит сэру Генри? Это ему не помешает?

— Я уверен, что он будет очень рад познакомиться с вами.

— Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, нам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освоился на новом месте… А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекции вы не найдете в этой части Англии. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешил к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гибель несчастного пони, загадочный вой, который ставился в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервилей, — все это настроило меня на грустный лад. А к этим более или менее смутным впечатлениям прибавились еще и совершенно недвусмысленные слова мисс Стэплтон, которые были сказаны с такой силой убеждения, что мне не приходилось сомневаться в серьезности и глубине причин, их вызвавших. Я отказался от настойчивых приглашений к завтраку и отправился домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропинки, здесь был, очевидно, и другой, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румянец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще большую прелесть; она сидела на придорожном камне, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

— Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала, — проговорила она. — Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинения за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам это не имеет никакого отношения.

— Как же я могу это забыть, мисс Стэплтон! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень интересует. Скажите мне, почему вы так настаивали на его отъезде в Лондон?

— Женский каприз, доктор Уотсон! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объяснить свои слова и поступки.

— Нет, нет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтон, будьте откровенны со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой на одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на что вы намекали, и я передам ваше предостережение сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суровым, и она ответила мне:

— Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Уотсон. Смерть сэра Чарльза потрясла нас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, угнетала сэра Чарльза, и когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованны. Теперь меня очень беспокоит приезд наследника сэра Чарльза, и я считаю нужным предупредить его об опасности, которая ему угрожает. Вот и все, ничего другого я не хотела сказать.

— Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

— Вы знаете предание о собаке?

— Я не верю этому вздору!

— А я верю. Если вы имеете хоть какое-нибудь влияние на сэра Генри, увезите его отсюда. Это роковое место для Баскервилей. Мир велик. Почему сэру Генри надо жить именно здесь, где ему грозит опасность?

— Вот потому-то он и решил здесь жить. Таков характер этого человека, и, если вы не выскажетесь более определенно, вряд ли мне удастся увезти его отсюда.

— Я не могу дать вам более определенных сведений по той простой причине, что у меня их нет.

— Тогда, мисс Стэплтон, разрешите задать вам еще один вопрос. Если это все, что вам нужно было сказать мне, почему же вы боялись, как бы вас не услышал брат? По-моему, тут нет ничего такого, что могло бы не понравиться ему или кому-нибудь другому.

— Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервиль-холл пустовал: это повредит бедному люду, который живет здесь на болотах. Он бы страшно рассердился на меня, если бы знал, что я стараюсь как-то повлиять на сэра Генри. Но я исполнила свой долг и больше ничего не скажу. А теперь мне надо идти, не то он хватится меня и заподозрит, что я говорила с вами. Прощайте!

Она повернулась и вскоре исчезла среди валунов, а я, полный каких-то неясных страхов, направил свои шаги к Баскервиль-холлу.

Глава VIII. ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Начиная с этого дня я буду излагать ход событий по своим письмам к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной на столе. Они сохранились полностью, если не считать одного затерявшегося листка, и передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из нее еще не изгладились трагические события тех дней.

Баскервиль-холл, 13 октября

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы знаете все, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишенных даже какой-то мрачной прелести. Стоит мне только выйти на них, и я чувствую, что современная Англия остается где-то позади, а вместо нее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давно исчезнувшее племя напоминает о себе повсюду — вот его пещеры, вот могилы, вот огромные каменные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища[74]. Глядя на иссеченные примитивным орудием склоны холмов, на которых темнеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и если бы вдруг под низким сводом одной из них появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым наконечником, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместно, чем ваше. Страннее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние неплодородные места. Я не археолог, но, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угнетенное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет никакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, нисколько не интересно такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор не в силах забыть ваше равнодушие к вопросу о том, движется ли солнце вокруг земли или земля вокруг солнца. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредственное отношение к Генри Баскервилю.

Последние несколько дней вы не получали от меня никаких сведений по той простой причине, что рассказывать мне было не о чем. Но с тех пор произошло одно странное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для нашего дела.

Одно из этих обстоятельств — весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах, — каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем нет ни слуху ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где. Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник безусловно ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых, сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горничная, старик лакей, сестра и брат — последний, по-видимому, отнюдь не силач, — вот и все обитатели Меррипит-хаус. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сэром Генри очень тревожились за них и хотели даже, чтобы конюх Перкинс ночевал в Меррипит-хаус, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и неудивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глуши, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип и вы непременно заинтересовались бы им.

Он пришел с визитом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беспутном Гуго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему этому очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, многого недоговаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервилей.

На обратном пути мы зашли в Меррипит-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговаривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма — препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом — Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати, если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака явились Стэплтоны, и, по просьбе сэра Генри, добрейший доктор повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узенькие полоски дерна.

В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары. Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, Баскервиль увидел нечто, приближающееся к нему с болот, и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какая-нибудь овчарка с болот? Или призрачная собака — огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, настороженный Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность — и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей — мистером Френклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Френкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве

ответчика, а такие развлечения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений — пусть приходский совет доказывает, что это неправильно. Потом разломает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокон веков была проезжая дорога — пусть хозяин подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает назубок древнее общинное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседней деревушки Фернворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попеременно то проносят его с торжеством по улицам, то предают символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Френкленда семь тяжб, которые, по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишенный таким образом жала, будет совершенно безобидным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Френкленд нашел себе очень странное занятие. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обозревает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Френкленд употреблял свою нерастраченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длинной низине. Да, мистер Френкленд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более кстати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Френкленде из Лефтер-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности о тех странных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэрримор в тот день на месте. Вы уже знаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выяснилось, что наша проверка ничего не дала и мы так и не получили нужных нам сведений. Я рассказал сэру Генри о своей неудаче, и он со свойственной ему непосредственностью немедленно вызвал Бэрримора и спросил его про телеграмму. Берримор сказал, что телеграмма была получена.

— Мальчик передал ее вам в собственные руки? — опросил сэр Генри.

Бэрримор удивленно посмотрел на него и минуту подумал.

— Нет, — сказал он. — Я тогда был на чердаке, и телеграмму принесла мне жена.

— А ответ вы написали сами?

— Нет, я сказал жене, как ответить, она спустилась вниз и написала.

Вечером Бэрримор снова вернулся к этой теме по своему собственному почину.

— Сэр Генри, я не совсем понял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме, — сказал он. — Неужели я в чем-нибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Генри постарался уверить Бэрримора, что это не так, и, чтобы окончательно успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделанные им в Лондоне, уже доставлены в Баскервиль-холл.

Меня очень интересует миссис Бэрримор. Это весьма солидная, почтенная женщина с пуританскими наклонностями и, по-видимому, не блещущая умом. Казалось бы, трудно вообразить себе существо более невозмутимое. Но вы уже знаете, что в первую ночь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мне не раз приходилось замечать следы слез у нее на лице. Эту женщину гложет какое-то тяжелое горе. Иной раз мне приходит в голову: может

быть, это муки нечистой совести? А потом я начинаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мне всегда казалось, что это личность сомнительная, странная, а события прошлой ночи окончательно усилили мои подозрения.

Впрочем, само по себе это происшествие не так уж значительно. Вы, вероятно, помните, что я сплю не очень крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время приходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она падала от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то вороватое, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет — значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Стараясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косяка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, поднеся свечку к самому стеклу. Я видел его в профиль — застывшее в напряжении лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сие значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся. Не хочу утруждать вас изложением собственных теорий на этот счет, ибо вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план кампании, основываясь на моих ночных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выиграет от этого.

Глава IX. ВТОРОЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш посланник не баловал вас новостями, то признайтесь, что теперь он наверстывает упущенное, ибо события быстро следуют одно за другим. Свой последний отчет я закончил драматическим описанием Бэрримора у окна пустой комнаты, а с тех пор у меня накопился целый ворох новостей, которые, без сомнения, сильно удивят вас. Я никак не мог предугадать, что дела примут такой оборот. За последние двое суток обстановка, с одной стороны, значительно прояснилась, с другой — стала еще сложнее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего ночного приключения я еще перед завтраком обследовал ту комнату, куда заходил Бэрримор. Окно, в которое он так пристально смотрел, имеет одно преимущество по сравнению со всеми другими окнами дома: из него открывается самый лучший вид на болота. В просвете между двумя деревьями они лежат как на ладони, а из других окон их почти не видно. Следовательно, Бэрримор избрал это окно, чтобы высмотреть кого-то или что-то на просторах торфяных болот. Впрочем, ночь была темная, и я не знаю, на что он рассчитывал. Потом мне пришло в голову: может быть, это какая-нибудь любовная интрижка? Тогда все станет понятным — и осторожность, с какой он действовал, и страдания его жены. У человека с его внешностью есть все данные, чтобы пленить сердце какой-нибудь

деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно. Вернувшись тогда к себе в комнату, я слышал, как где-то открыли дверь. Вероятно, Бэрримор ходил на тайное свидание. Такие мысли занимали меня все следующее утро. В дальнейшем мои подозрения могут оказаться несостоятельными, и все же, невзирая на это, я считаю необходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут ясными. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

— Я знаю, что Бэрримор разгуливает по ночам, я давно собираюсь поговорить с ним, — сказал он. — Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

— Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

— Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

— Уверен, что он сделал бы то же самое, — сказал я. — Прокрался бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

— Тогда давайте сделаем это вместе.

— Но он услышит нас!

— Нет. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо, радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовлявшим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и меблировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэплтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу и собрался идти куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

— Вы со мной, Уотсон? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это зависит от того, куда вы идете. Если на болота, то да, — ответил я.

— На болота.

— Вы же знаете, какие мне даны распоряжения. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы сами это слышали.

Сэр Генри с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

— Дорогой друг, — сказал он, — несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложится моя жизнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка не захочется мешать мне. Нет, пустите меня одного.

Посудите сами, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генри взял свою палку и ушел.

Но стоило мне только немного поразмыслить, и меня начала мучить совесть — зачем я позволил ему уйти из-под моего наблюдения! А что, если, вернувшись в Лондон, я должен буду

признаться вам, что мое попустительство довело нас до беды? Меня бросило в жар при одной мысли об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррипит-хаус.

Я быстро шагал по дороге, не видя сэра Генри, и через несколько минут подошел к тому месту, где начинается тропинка, уводящая в глубь болот. Тут меня взяло сомнение в правильности выбранного пути, и я поднялся на холм, с которого открывается широкий вид на болота, — тот самый холм, где была когда-то каменоломня. Оттуда я сразу увидел баронета. Он шагал по тропинке примерно на расстоянии четверти мили от меня, а рядом с ним шла женщина — не кто иная, как мисс Стэплтон. Было ясно, что эти двое давно обо всем договорились и что сегодняшняя встреча не случайна. Погруженные в разговор, они шли очень медленно, и, судя по жестикуляции мисс Стэплтон, она старалась в чем-то убелить сэра Генри, который внимательно слушал ее и время от времени отрицательно качал головой. Я стоял среди валунов, не зная, как мне быть. Догнать их и нарушить эту интимную беседу немыслимо. Но в чем состоит мой долг? В том, чтобы ни на секунду не спускать глаз с сэра Генри. Выслеживать друга — крайне неприятное занятие. И все же я не видел иного выхода и решил продолжать свое наблюдение с вершины холма, а потом для очистки совести признаться баронету во всем. Правда, если б он вдруг оказался в опасности, я бы не смог ему помочь, так как был слишком далеко, но согласитесь сами — выбирать не приходилось.

Пройдя несколько шагов, наш сэр Генри и девушка остановились, увлеченные своим разговором, и тут мне вдруг стало ясно, что я не единственный свидетель их встречи. Среди валунов мелькнуло что-то зеленое. Приглядевшись, я увидел, что это зеленый лоскут на палке, а палку несет человек, идущий по направлению к тропинке. Это оказался Стэплтон со своим сачком для ловли бабочек. Он был гораздо ближе к нашей парочке, чем я, и шел прямо на нее. В эту минуту сэр Генри обнял мисс Стэплтон, но она отвернулась, стараясь вырваться из его объятий. Он нагнулся к ней, она заслонилась от него ладонью… А потом они отскочили друг от друга и оглянулись назад. Виной этому был Стэплтон, который бежал к ним со всех ног, нелепо размахивая сачком. Он отчаянно жестикулировал и, поравнявшись с влюбленными, в страшном волнении заметался перед ними. Я не мог понять, что все это значит, но, по-видимому, Стэплтон в чем-то обвинял сэра Генри, а тот оправдывался и мало-помалу начинал выходить из себя. Девушка стояла рядом, храня высокомерное молчание. Наконец Стэплтон круто повернулся, повелительно махнул сестре рукой, и та, бросив нерешительный взгляд на сэра Генри, пошла следом за братом. Порывистые жесты натуралиста свидетельствовали о том, что его гнев пал и на девушку. Баронет проводил их взглядом, потом повесил голову и медленно зашагал в обратный путь.

Я так ничего и не понял из этой разыгравшейся у меня на глазах сцены и чувствовал глубокий стыд, что был свидетелем ее без ведома моего друга. Мне не оставалось ничего другого, как сбежать с холма и встретить баронета внизу. Лицо у него было красное от гнева, брови нахмурены — человек явно не знал, что делать, как поступить.

— Хелло, Уотсон! Откуда вас принесло? Неужели вы все-таки пошли следом за мной?

Пришлось объяснить ему все: как я почувствовал, что не могу отпустить его одного, как пошел следом за ним и оказался свидетелем их встречи и всех последующих событий. Сэр Генри сверкнул на меня глазами, но моя откровенность обезоружила его, и он рассмеялся, правда невесело:

— Уж, кажется, в такой пустыне можно было рассчитывать на уединение, так нет! Все словно сговорились и вышли полюбоваться, как я ухаживаю за девушкой! А ухаживание получилось довольно неудачное. Где вы забронировали себе место?

— Вон на том холме.

— Значит, на галерке. А ее братец устроился в первых рядах. Вы видели, как он на нас налетел?

— Да, видел.

— Вам никогда не приходило в голову, что этот субъект не в своем уме?

— Нет, не приходило.

— Мне тоже. До сегодняшнего дня я считал Стэплтона самым нормальным человеком, а теперь мне кажется, что на него надо надеть смирительную рубашку, а может, на меня. Неужели я так уж плох? Вы живете со мной не первую неделю, Уотсон. Будьте откровенны. Что мне мешает стать хорошим мужем женщины, которую я люблю?

— По-моему, ничто не мешает.

— К моему положению в обществе он не может придраться, значит, дело во мне самом. Что он имеет против меня? Я в жизни не причинил никому зла. А этот субъект даже близко меня к ней не хочет подпускать.

— Он так и сказал?

— Да, и добавил кое-что сверх этого. Знаете, Уотсон, я ведь познакомился с ней всего несколько недель назад, но мне с первой же встречи стало ясно, что эта женщина создана для меня. И она… она тоже… ей было хорошо со мной, я готов поклясться в этом! Женские глаза говорят лучше слов. Но он противился нашему сближению, и я только сегодня улучил возможность поговорить с ней наедине. Она с радостью согласилась на это свидание, но, как вы думаете, зачем? Чтобы говорить о нашей любви? Нет, будь ее воля, она и меня заставила бы замолчать. У нее одно на языке: здесь опасно, и она не успокоится до тех пор, пока я не уеду из Баскервиль-холла… Я сказал, что после встречи с ней никуда отсюда не уеду, а если это так уж необходимо, пусть уезжает вместе со мной. Одним словом, я сделал ей предложение, но она даже не успела ответить мне, потому что в эту минуту ее милейший братец налетел на нас как сумасшедший. Он был весь белый от ярости, а его бесцветные глазки буквально метали искры. Что я себе позволил! Как я смею приставать к женщине со своими ухаживаниями, которые ничего не вызывают у нее, кроме отвращения! Я, вероятно, воображаю, что баронету все дозволено? Не будь он ее братом, я бы знал, как ему ответить! Пришлось сказать только, что ничего позорного в моих чувствах нет и что я надеюсь иметь честь назвать когда-нибудь мисс Стэплтон своей женой. Но это ничему не помогло, и под конец я тоже вышел из себя и погорячился, а горячиться не следовало, принимая во внимание, что она стояла тут же. После этого он удалился вместе с ней, как вы сами видели, а я остался один в полном недоумении. Теперь, Уотсон, объясните мне, что все это значит, и я ввек не забуду вам такого одолжения!

Я прикинул мысленно и так и эдак, но, по правде сказать, вся эта история повергла меня в не меньшее недоумение. Титул нашего друга, его богатство, молодость, характер, наружность — все говорит в его пользу, и я не знаю за ним ничего дурного, кроме, пожалуй, темного рока, тяготеющего над его семьей.

Да, странно, что предложение сэра Генри было отвергнутое такой резкостью и даже без всякой ссылки на желание самой девушки. Странно и то, что она отнеслась ко всему происходящему столь безучастно. Впрочем, наши сомнения разрешил в тот же день сам Стэплтон. Он явился с извинениями за грубость, долго беседовал с сэром Генри в его кабинете, и ссоры как не бывало, — мы получили на будущую пятницу приглашение к обеду в Меррипит-хаус.

— Я все же не перестал сомневаться в нормальности этого человека, — сказал сэр Генри, — у меня до сих пор стоит перед глазами его лицо, когда он накинулся на нас сегодня утром, но надо отдать ему справедливость, извинения были исчерпывающи, к ним не придерешься.

— А как он объяснил свою вспышку?

— Сестра для него все. Это понятно, и я очень рад, что он знает ей цену. Они всю жизнь прожили вместе, и, если верить ему, других близких людей у него нет, так что возможность разлуки с ней приводит его в ужас. Он будто бы не догадывался о моих чувствах, а убедившись

в них собственными глазами, понял, что сестру могут отнять у него, и при одной этой мысли потерял над собой всякую власть. Он очень сожалеет о случившемся и признает, что эгоистично и глупо с его стороны думать, будто бы можно удержать около себя такую красивую женщину, как мисс Стэплтон. Если разлука с ней неизбежна, то пусть уж разлучником буду я, их сосед. Так или иначе, это для него большой удар, и вряд ли ему удастся скоро примириться с ним. Но он не будет нам препятствовать, если я пообещаю молчать о своей любви в течение ближайших трех месяцев и довольствоваться только дружбой его сестры. Я пообещал, и на том дело и кончилось.

Как видите, одна из наших маленьких тайн разъяснилась. А нащупать ногами дно в этой трясине, где мы барахтаемся, дело нешуточное. Теперь нам известно, почему Стэплтон так неодобрительно относился к поклоннику своей сестры — к такому завидному поклоннику, как сэр Генри.

А теперь я потяну за другую ниточку, которую мне удалось высвободить из этого спутанного клубка. Перейдем к таинственным ночным рыданиям, к заплаканному лицу миссис Бэрримор и загадочным путешествиям дворецкого к окну, выходящему на болота. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались в своем помощнике. Доверие, которое вы мне оказали, послав меня сюда, вполне оправдано. Чтобы выяснить эту очередную загадку, понадобилась одна ночь.

Я говорю «одна ночь», но вернее будет сказать «две ночи», ибо в первую мы ничего не дознались. Мы с сэром Генри сидели в его комнате чуть ли не до трех часов утра, но так ничего и не услышали, кроме боя часов на лестнице. Это томительное бдение закончилось тем, что и сэр Генри и ваш покорный слуга оба заснули, сидя в креслах. Впрочем, эта неудача нас не обескуражила, решено было попробовать еще раз. На следующую ночь мы прикрутили фитиль у лампы и сидели, куря папиросу за папиросой, в полном молчании. Время тянулось невероятно медленно, но нас подбадривал тот же азарт, какой бывает у охотника, терпеливо подстерегающего дичь у капкана.

Пробило час, два, и мы уже были готовы отчаяться, как вдруг усталости нашей словно не бывало — и я и сэр Генри оба невольно выпрямились. В коридоре послышался скрип половиц. Крадущиеся шаги поравнялись с нашей комнатой и мало-помалу замерли вдали. Баронет бесшумно открыл дверь. Мы отправились следом за нашей дичью. Она уже успела пройти галерею, а в коридоре была полная темнота. Соблюдая всяческую осторожность, мы дошли до дальнего крыла, и там перед нами промелькнула фигура высокого человека с черной бородой, который на цыпочках, ссутулив плечи, ступал по коридору. Вот он шмыгнул в ту же дверь, свеча на секунду осветила ее, а потом в темный коридор потянулся тоненький желтый луч. Мы двигались к этому лучу, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы были босиком, и все же старые половицы стонали и поскрипывали под тяжестью наших шагов. Мне казалось, что их нельзя не услышать, но, к счастью, Бэрримор действительно туг на ухо, да к тому же он был слишком поглощен своим делом.

Добравшись наконец до двери, мы заглянули в комнату. Дворецкий стоял со свечой у окна, почти прижавшись к стеклу лицом, то есть в той же позе, в какой я видел его две ночи назад. У нас не было заранее разработанного плана действий, но баронет принадлежит к тому сорту людей, для которых решительные поступки кажутся самыми естественными. Он смело вошел в комнату. Бэрримор отскочил от окна, прерывисто переводя дух, и, мертвенно-бледный, дрожа всем телом, стал перед нами. В его темных глазах, горевших на белой маске лица, сквозил ужас. Он растерянно переводил их с меня на сэра Генри.

— Бэрримор, что вы здесь делаете?

— Ничего, сэр. — От волнения он едва ворочал языком; свеча дрожала в его руке, бросая на стены и на потолок неровные тени. — Окно, сэр… Я проверяю по ночам, все ли заперты.

— Даже на втором этаже?

— Да, сэр, во всем доме.

— Слушайте, Бэрримор, — строго сказал сэр Генри, — мы решили добиться от вас правды, так что чем скорее вы во всем признаетесь, тем лучше. Ну, довольно изворачиваться! Что вам здесь понадобилось?

Дворецкий бросил на нас беспомощный взгляд и в полном смятении стиснул руки:

— Я ничего плохого не делал, сэр! Я только посветил свечкой в окно.

— А зачем вы светили свечкой в окно?

— Не спрашивайте меня, сэр Генри… Не спрашивайте! Клянусь вам, сэр, это не моя тайна, я не могу ее выдать. Если б она касалась только меня, я ничего не стал бы скрывать от вас.

Вдруг меня осенила неожиданная мысль, и я взял свечу, которая стояла на подоконнике.

— Это, вероятно, условный знак. Сейчас посмотрим, будет ли на него какой-нибудь ответ.

Я поднес свечку к самому стеклу, так же, как делал Бэрримор, и вгляделся в непроглядный мрак ночи. Луна спряталась за облака, и в первую минуту мне удалось разглядеть только гряду деревьев, оттенявшую мутную ширь болот. И вдруг я торжествующе вскрикнул, увидев в черном квадрате окна крошечную желтую точку, прорезавшую ночную тьму.

— Вот, смотрите!

— Нет, нет, сэр!.. — забормотал дворецкий. — Уверяю вас, сэр…

— Перенесите свечу вправо, Уотсон! — крикнул баронет. — Видите? Там огонь тоже передвинулся… Ну, негодяй, вы все еще будете упорствовать? Ведь это сигнал! Признавайтесь: кто ваш сообщник? Что вы замышляете?

Дворецкий бросил на него явно вызывающий взгляд:

— Это мое дело, вас оно не касается. Я ничего не скажу.

— Тогда можете считать себя уволенным.

— Слушаю, сэр. Видно, ничего не поделаешь.

— Я выгоню вас с позором! Стыдитесь! Наши предки больше ста лет жили вместе под одной кровлей, а вы замыслили какой-то заговор против меня.

— Нет, нет, сэр! Не против вас!

Эти слова произнес женский голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях насмерть перепуганную миссис Бэрримор, которая своей бледностью могла поспоришь с мужем. Эта грузная женщина в нижней юбке и в шали могла бы произвести весьма комическое впечатление, если б не ужас, написанный у нее на лице.

— Нас рассчитали, Элиза. Вот чем все кончилось!.. Пойди уложи вещи, — сказал Бэрримор.

— Джон, Джон! До чего же я тебя довела!.. Это все моя вина, сэр Генри. Он только ради меня на это пошел… ради одной меня!

— Так говорите же! В чем тут дело?

— Мой несчастный брат погибает от голода на болотах. Не можем же мы допустить, чтобы он умер у самых наших дверей! Джон подает ему знак, что еда приготовлена, а он показывает, куда ее принести.

— Значит, ваш брат и есть тот…

— …беглый каторжник, сэр… убийца Селден.

— Это все правда, сэр, — подтвердил Бэрримор. — Я вам сказал, что не могу открыть чужую тайну, а теперь вы сами все услышали, и теперь вы знаете, что против вас мы ничего не замышляли.

Так вот как разъяснились эти загадочные ночные путешествия со свечой! Мы с сэром Генри в изумлении смотрели на миссис Бэрримор. Неужели эта флегматичная почтенная

женщина — той же крови, что и один из самых страшных преступников, которых знает наша страна?

— Да, сэр, моя девичья фамилия Селден, он мой младший брат. Мы избаловали его с детских лет, потакали ему во всем, вот он и уверился, будто ему все дозволено, будто мир существует только для его удовольствия. Потом подрос, попал в дурную компанию, и словно бес вселился в нашего мальчика. Он разбил материнское сердце и смешал наше имя с грязью. А чем дальше, тем хуже и хуже — от одного преступления к другому. Что его спасло от виселицы? Только милость божия. Но для меня, сэр, он остается все тем же маленьким кудрявым мальчуганом, с которым я играла, которого нянчила как старшая сестра. Поэтому он и убежал из тюрьмы — знал, что я здесь и что мы не откажемся помочь ему. Когда он приплелся сюда ночью, усталый, голодный, а погоня — по пятам, что нам оставалось делать? Мы впустили его, накормили, помогли всем, чем можно. Потом приехали вы, сэр, и он решил, что лучше переждать на болотах, пока суматоха не уляжется, и с тех пор скрывается там. А мы проверяем через ночь, не ушел ли, светим ему в окно, и, если он отвечает, мой муж носит на условленное место хлеб и мясо. Каждый день надеемся — может, ушел, но пока он здесь, мы его не бросим. Я женщина верующая, лгать вам не стану. Если тут есть что дурное, так муж ни в чем не виноват: он пошел на это только ради меня.

Она говорила с таким чувством, что ей нельзя было не поверить.

— Это правда, Бэрримор?

— Да, сэр Генри. Все до последнего слова правда.

— Ну что ж, я не стану вас осуждать за преданность жене. Забудьте то, что я вам говорил. Идите оба к себе, а утром мы обсудим все как следует.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и в лицо нам пахнуло холодным ночным ветром. Далеко в непроглядной тьме все еще мерцал крошечный желтый огонек.

— Удивляюсь, как, он не боится! — сказал сэр Генри.

— Огонь, вероятно, только отсюда и видно.

— Может быть. Как по-вашему, где это?

— Где-нибудь около гранитных столбов.

— Мили две, не больше?

— И того не будет.

— Да, если Бэрримор носил туда еду, значит, недалеко. И он ждет сейчас, что к нему придут на его огонек. Нет, Уотсон, я пойду и поймаю этого изверга!

Та же самая мысль мелькнула и у меня. Ведь Бэрриморы не сделали нас соучастниками — мы заставили их выдать свою тайну. Этот человек опасен для общества. Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны воспользоваться представившейся нам возможностью, чтобы вернуть его туда, где он уже никому не повредит. В противном случае за нашу оплошность поплатятся другие — например, Стэплтоны, на которых он может напасть в любую ночь. Я думаю, что именно эта мысль подбивала сэра Генри на такой смелый поступок.

— Я пойду с вами.

— Тогда возьмите револьвер и наденьте башмаки. Надо торопиться, не то он потушит огонь и скроется.

Не прошло и пяти минут, как мы уже быстро шли по темной аллее, прислушиваясь к монотонному вою осеннего ветра и шороху осыпающихся листьев. В воздухе стоял пряный запах гнили и сырости. Луна лишь изредка показывалась из-за туч, тянувшихся по небу, а как только мы вышли на болото, заморосил мелкий дождь. Желтый огонек по-прежнему мерцал впереди.

— А вы что-нибудь прихватили с собой? — спросил я.

— Да, хлыст.

— Давайте действовать быстро, чтобы не дать ему опомниться и оказать сопротивление, — ведь он, говорят, отчаянный. Захватим его врасплох.

— Слушайте, Уотсон! — вдруг заговорил баронет. — А что бы сказал об этом Холмс? Помните? «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно…»

И, словно в ответ на его слова, где-то вдали, на мрачных просторах болот, возник тот странный звук, который так поразил меня несколько дней назад около Гримпенской трясины. Ветер донес до нас сначала глухое ворчание, а потом рев, мало-помалу перешедший в тоскливый вой. Эти дикие, грозные звуки повторялись в той же последовательности раз за разом, наполняя собой воздух. Баронет схватил меня за рукав, и я даже в темноте разглядел, какой мертвенной бледностью покрылось его лицо.

— Боже мой, Уотсон, что это?

— Не знаю. Говорят, что такие звуки не редкость на болотах. Я уже слышал их.

Вой снова замер, наступила полная тишина. Мы стояли, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало окружающего нас безмолвия.

— Уотсон, — сказал баронет, — это выла собака.

Кровь похолодела у меня в жилах, ибо голос сэра Генри дрогнул от ужаса.

— Как они объясняют этот звук? — спросил он.

— Кто?

— Здешние жители.

— Но ведь это совершенно невежественные люди! Не все ли вам равно, как они его объясняют?

— Уотсон, скажите мне, что они говорят об этом?

Минуту я колебался, но вопрос был поставлен так, что отмолчаться мне не удалось.

— Они говорят, что это воет собака Баскервилей.

Сэр Генри застонал.

— Да, так может выть только собака, — сказал он после долгого молчания, — но она где-то далеко, в той стороне.

— Я не могу определить, откуда шел этот вой.

— Его принесло ветром. А где Гримпенская трясина? Вон там?

— Да.

— Так оттуда он и шел. Бросьте, Уотсон! Вы же сами думаете, что это выла собака. Я не ребенок. Не бойтесь сказать мне правду.

— В тот раз со мной был Стэплтон. Он говорит, что так кричат какие-то птицы.

— Нет, это собака. Боже мой! Неужели во всех этих небылицах есть хоть доля правды? Неужели мне угрожает какая-то неведомая опасность? Вы не верите в это, Уотсон?

— Нет, нет!

— А все-таки одно дело — смеяться над такими глупостями в Лондоне и совсем другое — слышать этот вой, стоя в темноте на болотах. А мой дядя? Ведь около его тела нашли собачьи следы. Все одно к одному. Я далеко не трус, Уотсон, но у меня кровь стынет в жилах от этих звуков. Потрогайте мою руку.

Она была холодна, как мрамор.

— Ничего, завтра все пройдет.

— Нет, этого воя мне никогда не забыть. Что же нам теперь делать?

— Повернем домой?

— Ни за что! Ловить этого негодяя так ловить. Мы с вами охотимся за каторжником, а чудовищная собака, наверно, охотится за нами. Пойдемте, Уотсон! Пусть все исчадия ада ринутся сюда на болота, все равно отступать нельзя.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы медленно двинулись дальше. И справа и слева от нас громоздились неясные в темноте очертания скалистых холмов. Впереди по-прежнему маячил маленький желтый огонек. Нет ничего обманчивее расстояния в кромешной тьме. Огонек мерцал то у самого горизонта, то всего в нескольких шагах от нас. Но наконец мы разглядели источник света и поняли, что теперь до него недалеко. Это была оплывшая свечка, вставленная в расселину между камнями, которые защищали ее от ветра и от посторонних глаз, оставляя открытой только с той стороны, где был Баскервиль-холл. Наше приближение скрывал большой гранитный валун. Мы притаились за ним и осторожно выглянули наружу. Странно было видеть эту одинокую свечу среди болот! Желтый язычок пламени, отсвечивающий на камнях, — и ни признака жизни вокруг.

— Что же теперь делать? — прошептал сэр Генри.

— Подождем здесь. Он, вероятно, где-нибудь поблизости. Может быть, сейчас покажется.

Я не успел договорить, как мы увидели его. В расселине, где горела свеча, появилось страшное, изборожденное следами пагубных страстей лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, облепленное грязью, заросшее щетиной, все в космах спутанных волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которые жили когда-то на склонах этих холмов. Огонек свечи отражался в хитрых маленьких глазках, злобно бегавших по сторонам, точно глаза зверя, заслышавшего в темноте шаги охотников. Что-то, вероятно, возбудило его подозрение. То ли у них с Бэрримором был какой-то неизвестный нам условный знак, то ли он почувствовал, что дело неладно, но я сразу подметил следы страха на его отвратительной физиономии. Он мог каждую секунду погасить свечу и скрыться в темноте. Я выбежал вперед, сэр Генри за мной. Каторжник с воплем швырнул в нас камнем, который разлетелся на куски, ударившись рядом о валун. Я успел только разглядеть, что он приземистый, широкоплечий. К счастью, в эту минуту из-за туч показалась луна. Мы кинулись вверх по холму, а каторжник мчался по другому его склону, с ловкостью горного козла прыгая по камням. Удачный выстрел мог бы ранить его, но я захватил с собой револьвер только для защиты, а не для того, чтобы стрелять в спину невооруженному человеку.

И я и сэр Генри были неплохие бегуны, однако мы вскоре поняли, что нам не догнать его. Он долго виднелся впереди, освещенный ярким лунным светом, и наконец почти исчез, превратившись в маленькую точку, быстро движущуюся по склону отдаленного холма. Расстояние между нами все увеличивалось. Наконец мы окончательно выбились из сил, сели на камни и стали смотреть вслед его удаляющейся фигуре.

И вот тут-то произошло нечто странное и совершенно неожиданное. Мы уже поднялись, решив оставить бесполезную погоню. Луна была справа от нас; неровная вершина гранитного столба четко вырисовывалась на фоне ее серебряного диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоявшую неподвижно, словно статуя из черного дерева. Не думайте. Холмс, что это была галлюцинация. Я, как никогда, мог положиться на свое зрение! Насколько мне удалось разглядеть, это был высокий, худой человек. Он стоял, чуть расставив ноги, скрестив руки на груди, опустив голову, и словно в раздумье смотрел на царство торфа и гранита, которое лежало перед ним. Вот таким и представляется мне дух здешних болот! Это был не каторжник. Он стоял далеко от места, где тот скрылся, да и ростом он был выше. Вскрикнув от неожиданности, я повернулся к баронету и схватил его за руку. Секунды, которая понадобилась мне на это, было достаточно — человек исчез. Острая вершина гранитного столба по-прежнему врезалась в лунный диск, но неподвижной, безмолвной фигуры на ней уже не было.

Я сразу же решил, что надо пойти туда и осмотреть этот столб, но он стоял довольно далеко от нас, а баронету было не до приключений — он все еще не мог успокоиться после страшного воя, напомнившего ему о мрачном семейном предании. К тому же сам он ничего не видел, и, следовательно, его не могло взволновать это странное зрелище.

— Наверно, часовой. Со времени побега болота так и кишат ими, — сказал он.

Возможно, что сэр Генри был прав, но мне так хотелось окончательно убедиться в этом! Сегодня мы дадим знать принстаунским властям, где скрывается беглый каторжник. Но все-таки жалко, что нам не удалось поймать его самим и с торжеством водворить обратно в тюрьму!

Таковы события последней ночи, и вы, дорогой Холмс, должны признать, что вам представлен полный отчет о них. Большая часть моих рассказов, конечно, не имеет никакого отношения к нашему делу, но я считаю нужным сообщать в своих письмах все факты — выбирайте из них те, которые сослужат вам службу. Кое-какие успехи у нас все же есть. Мы узнали теперь всю подоплеку поведения Бэрриморов, а это значительно прояснило обстановку. Но тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остается по-прежнему неразгаданной. Может быть, в следующем письме мне удастся немного приоткрыть над ней завесу. А лучше всего было бы, если б вы приехали сюда сами.

Глава X. ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА УОТСОНА

До сих пор я вполне обходился в своем повествовании отчетами, которые Шерлок Холмс получал от меня в первые дни после моего приезда в Баскервиль-холл. Теперь же мы подошли к такому моменту, когда я вынужден оставить этот способ и снова положиться на свою память, подкрепив ее выписками из собственного дневника. Эти два отрывка подведут нас вплотную к тем событиям, которые навеки запечатлелись у меня в мозгу.

Я остановился на описании нашей неудачной погони за каторжником и на том, что за ней последовало. Продолжаю свой рассказ на другое утро.

16 октября. Туманный серый день, моросит дождь. Над Баскервиль-холлом низко нависли тучи; время от времени гряда их редеет, и тогда сквозь просветы вдали виднеются мрачные просторы торфяных болот, на которых поблескивают серебром склоны холмов и мокрые валуны. И дома и под открытым небом — всюду одинаково тоскливо. После пережитого ночью баронет находится в мрачном настроении. Я сам ощущаю какую-то тяжесть на сердце, и меня гнетет предчувствие неминуемой беды — предчувствие тем более страшное, что объяснить его я не в силах.

А разве оснований для беспокойства нет? Стоит только вспомнить цепь событий, которые все указывают на присутствие каких-то темных сил, действующих здесь. Смерть последнего хозяина Баскервиль-холла, в точности совпадающая с семейным преданием, толки среди фермеров о странном существе, которое то и дело появляется на болотах. Да я собственными ушами дважды слышал звуки, похожие на отдаленный собачий лай. Нельзя же в самом деле поверить, что все это — вне законов природы! Призрачная собака, которая оставляет следы на земле и громко воет? Нет, это невыносимо! Стэплтон, а за ним и Мортимер могли поддаться общему настроению, но если у меня есть какое-нибудь достоинство, так это здравый смысл, и я никогда не стану предаваться суеверию. Для этого надо опуститься на уровень развития здешних фермеров, которые, не довольствуясь рассказами о какой-то свирепой собаке, наделяют ее пламенем, пышущим из глаз и пасти. Холмс не стал бы даже слушать подобные бредни, а я представляю здесь его персону. Однако факты остаются фактами: мне пришлось дважды слышать этот вой. А что, если по болотам действительно бегает какая-то огромная собака? Ведь тогда все станет понятным! Но где она прячется, что она ест, откуда она взялась, почему никто не видел ее днем? Надо сознаться, что, давая всему этому правдоподобное объяснение, мы наталкиваемся на не меньшие трудности. Но даже если оставить собаку в стороне — как объяснить то, что было в Лондоне? Неизвестный в кэбе, письмо, автор которого заклинал сэра Генри не выходить на торфяные болота? Уж в этом-то нет ничего

сверхъестественного, хотя и то и другое можно в одинаковой степени приписать и дружеским и враждебным силам. Но где он сейчас, этот друг или враг? Остался ли в Лондоне, или последовал за нами сюда? Неужели… Неужели его-то я и видел на вершине гранитного столба?

Правда, он всего лишь мелькнул у меня перед глазами, но кое-что я все же приметил и готов подтвердить это под присягой. Он не из здешних жителей

— теперь я знаю всех соседей сэра Генри. Он выше Стэплтона и гораздо худее Френкленда. Его можно было бы принять за Бэрримора, но Бэрримор оставался дома, и я уверен, что ему не удалось бы прокрасться за нами незамеченным. Следовательно, здесь, так же как и в Лондоне, нас выслеживает какой-то неизвестный. Мы до сих пор не можем отделаться от него. Если б мне удалось поймать этого человека, тогда все наши недоумения сразу бы разъяснились. Вот моя цель, и я приложу все свои силы, чтобы достигнуть ее.

Первым моим побуждением было поделиться своими планами с сэром Генри. Но, поразмыслив, я решил вести игру самостоятельно и поменьше говорить об этом. Баронет молчалив и погружен в свои мысли. Вой, который мы слышали на болотах, очень на него подействовал. Я решил не усугублять его беспокойства, но оружия не сложу и буду действовать на свой страх и риск.

Сегодня после завтрака у нас разыгралась небольшая сцена. Бэрримор попросил у сэра Генри разрешения поговорить с ним, и они ушли в кабинет. Сидя в бильярдной, я слышал их повышенные голоса и прекрасно догадывался, о чем там идет речь. Вскоре дверь кабинета раскрылась и баронет позвал меня.

— Бэрримор в обиде на нас, — сказал сэр Генри. — С нашей стороны, видите ли, было нечестно преследовать его шурина, тайну которого он выдал нам по собственной воле.

Дворецкий стоял бледный, но держал себя в руках.

— Я, может быть, погорячился, сэр, но в таком случае прощу прощения. Но все же меня очень удивило, когда я услышал ваши шаги на рассвете и узнал, что вы хотели поймать Селдена. Незачем мне наводить людей на его след — ему, несчастному, и без того плохо.

— Если б вы действительно выдали Селдена по собственной воле, это было бы совсем другое дело, — сказал баронет. — Но ведь вы, вернее, ваша жена признались во всем только под нашим нажимом. Вам ничего другого не оставалось.

— Я не думал, что вы воспользуетесь моим признанием, сэр Генри. Никак не думал.

— Селден опасен для общества. Ведь он ни перед чем не остановится, по его физиономии видно! Вспомните, как редко здесь встречается жилье. Взять хотя бы мистера Стэплтона — в случае нападения ему надеяться не на что, разве только на собственные силы. Нет, пока этого человека не посадят под замок, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

— Селден никого не тронет, сэр, клянусь вам! Для здешних жителей он теперь не страшен. Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено и он уедет в Южную Америку, Умоляю вас, не сообщайте полиции, что Селден все еще здесь, на болотах. Его уже перестали искать, и он может спокойно дождаться парохода. Если вы донесете на него, нам с женой несдобровать. Прошу вас, сэр, не обращайтесь в полицию!

— Уотсон, что вы на это скажете?

Я пожал плечами:

— Если этот человек уберется из Англии, налогоплательщики вздохнут свободнее.

— А вдруг он натворит каких-нибудь бед до отъезда?

— Нет, сэр! Ведь не безумный же он! Мы дали ему все, что нужно. А новое преступление выдаст его с головой.

— Это верно, — сказал сэр Генри. — Хорошо, Бэрримор…

— Да благословит вас бог, сэр! Как я вам благодарен! Если Селдена поймают, моя жена не перенесет такого горя.

— Выходит, Уотсон, мы с вами укрываем уголовного преступника. Но у меня, кажется, не хватит теперь духу выдать его. Хорошо, покончим на этом. Вы можете идти, Бэрримор.

Пробормотав дрогнувшим голосом несколько слов благодарности, дворецкий пошел к дверям, но на пороге вдруг остановился.

— Вы так хорошо со мной обошлись, сэр, что мне хочется как-то отблагодарить вас, — нерешительно начал он. — Я кое-что знаю, сэр Генри… может быть, напрасно я так долго молчал, но это выяснилось, когда следствие было уже закончено. Я еще ни с кем не говорил об этом… Речь идет о смерти сэра Чарльза.

Мы с баронетом так и подскочили на месте.

— Вам известны обстоятельства его смерти?

— Нет, сэр.

— Тогда что же?

— Я знаю, почему он стоял у калитки в такой поздний час. У него было свидание с женщиной.

— Свидание с женщиной! У сэра Чарльза!

— Да, сэр.

— Кто она такая?

— Имени ее я вам не скажу, сэр. Я знаю только первые буквы: «Л. Л.».

— Откуда вам это известно, Бэрримор?

— Сэр Генри, в то утро ваш дядюшка получил письмо. На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей добротой. К нему каждый обращался со своим горем. Но а то утро пришло только одно письмо, почему я его и запомнил. Почерк на конверте был женский, и на штемпеле стояло: «Кумби-Треси».

— Дальше?

— Я бы не вспомнил больше об этом письме, если б не жена. Несколько недель тому назад она принялась за уборку в кабинете сэра Чарльза — в первый раз после его смерти — и нашла в глубине камина листок бумаги. Большая часть его превратилась в пепел, но один маленький кусочек — самый конец — уцелел, и слова еще можно было разобрать, хотя чернила посерели от огня, а бумага обуглилась. Это была, наверно, только приписка, и мы прочли вот что: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера». Внизу стояли две буквы: «Л. Л.».

— Вы сохранили этот обрывок?

— Нет, сэр. Он рассыпался у меня в руках.

— А до этого сэр Чарльз получал письма, написанные тем же почерком?

— Не знаю, сэр, не обращал внимания. Да и это письмо запомнилось мне только потому, что оно было единственное в тот день.

— И вы не знаете, кто такая «Л. Л.»?

— Нет, сэр, понятия не имею. Но я думаю, что, если б нам удалось разыскать эту леди, мы бы узнали кое-какие подробности о смерти сэра Чарльза.

— Я просто не понимаю вас, Бэрримор! Как можно было скрывать до сих пор такие важные сведения?

— Видите ли, сэр, сразу же вслед за этим на нас самих свалилась беда. Кроме того, мы с женой очень любили сэра Чарльза и не забывали его благодеяний. Зачем, думаем, ворошить

старое? Нашему несчастному хозяину это уже не поможет, а когда в дело замешана женщина, тут надо действовать осторожно. Ведь даже самые достойные люди…

— По-вашему, это может оскорбить его память?

— Да, сэр, я решил, что ничего хорошего из этого не получится. Но вы были так добры к нам… Мне не захотелось скрывать от вас то, что знаю.

— Хорошо, Бэрримор, можете идти.

Когда дворецкий вышел, сэр Генри повернулся ко мне:

— Ну, Уотсон, что вы скажете об этом новом луче света?

— По-моему, он еще больше сгустил темноту.

— Да, верно. Но если б нам удалось выследить эту «Л. Л.», тогда все бы прояснилось. Мы теперь знаем, что есть женщина, которой многое известно, а это уже серьезное достижение! Надо только найти ее. Что ж нам теперь делать?

— Немедленно сообщить обо всем Холмсу. Может быть, это наведет его на нужный след. Я почти уверен, что он сейчас же приедет сюда.

Я ушел к себе и написал Холмсу подробный отчет о событиях сегодняшнего утра. Мой друг, по-видимому, очень занят последнее время, так как письма с Бейкер-стрит становятся все реже и все короче. В них ни словом не упоминается о моих отчетах, а о цели моей поездки сюда — лишь вскользь. Дело о шантаже, вероятно, поглощает все силы Холмса. Но последние события, безусловно, привлекут его внимание и снова пробудят в нем интерес к нашему расследованию. Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь!

17 октября. Сегодня весь день льет дождь; тяжелые капли шуршат в густом плюще, падают с карнизов. Я вспомнил каторжника, скрывающегося в глубине мрачных, открытых небу торфяных болот. Бедняга! Каковы бы ни были совершенные им преступления, теперешние его муки в какой-то мере искупают их. А потом вспомнился мне и тот, другой человек… Лицо, мелькнувшее в окне кэба, темная фигура, словно вырезанная на лунном диске. Неужели этот неуловимый соглядатай, этот пособник тьмы тоже бродит сейчас, под таким ливнем?

Вечером я надел непромокаемый плащ и отправился в глубь болот, рисуя в своем воображении страшные картины. Дождь хлестал мне в лицо, в ушах свистел ветер. Да хранит господь тех, кто блуждает сейчас около Гримпенской трясины! В такую погоду даже взгорья превращаются здесь в сплошную топь. Я отыскал гранитный столб, на котором стоял тот одинокий созерцатель, и с его неровной, уступчатой вершины оглядел расстилавшиеся внизу унылые болота. Дождевые потоки заливали эти бурые низины, тяжелые, свинцово-серые тучи низко стлались над землей, а сквозь их обрывки проступали причудливые очертания холмов. Вдали, по левую руку от меня, над деревьями ложбины поднимались чуть видные в тумане узкие башни Баскервиль-холла. Только они одни и говорили о присутствии человека в этих местах, если не считать доисторических пещер, ютившихся на склонах холмов. И нигде ни малейшего следа того незнакомца, одинокую фигуру которого я видел на этой самой вершине две ночи назад!

На обратном пути меня догнал доктор Мортимер, ехавший в своей тележке со стороны Гнилой топи. Все это время доктор был к нам очень внимателен, и не проходило почти ни одного дня, чтобы он не заглянул в Баскервиль-холл справиться, как мы поживаем. Доктор усадил меня к себе в тележку и предложил подвезти домой. Он очень огорчен пропажей своего спаниеля. Собака убежала на болота и не вернулась. Я утешал доктора как мог, а сам, вспоминая пони, увязшего в Гримпенской трясине, думал, что Мортимеру вряд ли придется увидеть когда-нибудь свою собачонку.

— Кстати, доктор, — сказал я, трясясь вместе с ним по рытвинам дороги, — вы, вероятно, знаете здесь всех, кто находится в радиусе ваших разъездов?

— Думаю, что всех.

— Тогда вы, может быть, скажете мне полное имя и фамилию женщины, инициалы которой «Л. Л.»?

Мортимер задумался, потом ответил:

— Нет. Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и джентри[75] такие инициалы как будто ни к кому не подходят. Хотя постойте, — добавил он после паузы, — есть некая Лаура Лайонс — вот вам «Л. Л.». Но она живет в Кумби-Треси.

— Кто она такая? — спросил я.

— Дочь Френкленда.

— Как! Дочь этого старого чудака?

— Совершенно верно. Она вышла замуж за художника по фамилии Лайонс, который приезжал сюда на этюды. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, насколько я слышал, нельзя сваливать всю вину на одну сторону. Отец отрекся от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и не только поэтому. Одним словом, два греховодника — и старый и молодой — допекали несчастную женщину как могли.

— Чем же она живет?

— Старик Френкленд, вероятно, дает ей кое-что, разумеется, не много, так как его собственные дела находятся в плачевном состоянии. Но каковы бы ни были ее прегрешения, нельзя же было позволять ей скатываться все ниже и ниже. Эта история стала известна здесь, и соседи — а именно Стэплтон и сэр Чарльз — помогли ей, дали возможность честно зарабатывать на жизнь. Я тоже кое-что пожертвовал. Мы хотели, чтобы она выучилась печатать на машинке.

Мортимер спросил, почему меня это интересует, и я кое-как удовлетворил его любопытство, стараясь не вдаваться в подробности, ибо нам совершенно незачем посвящать в свои дела лишних людей.

Завтра утром я съезжу в Кумби-Треси, и, если мне удастся повидать эту даму с весьма сомнительной репутацией, миссис Лауру Лайонс, мы сделаем большой шаг вперед к тому, чтобы одной загадкой стало у нас меньше.

Между прочим, ваш покорный слуга мало-помалу превращается в мудрого змия: когда Мортимер зашел уж слишком далеко в своих расспросах, я осведомился, к какому типу принадлежит череп Френкленда, и спас положение — вся остальная часть пути была посвящена лекции по краниологии[76]. Годы, проведенные в обществе Шерлока Холмса, не прошли для меня даром.

Чтобы покончить с описанием этого унылого, дождливого дня, упомяну еще об одном разговоре, на сей раз с Бэрримором. Этот разговор дал мне козырь в руки, с которого я и пойду в нужную минуту.

Мортимер остался у нас, и после обеда они с баронетом затеяли партию в экартэ[77]. Дворецкий подал мне кофе в кабинет, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Ну, Бэрримор, что поделывает ваш милый родственник? Уехал или все еще прячется на болотах?

— Не знаю, сэр. Хоть бы поскорее уехал! Ведь сколько мы с ним хватили горя! Я ничего о нем не знаю с тех пор, как отнес ему в последний раз еду, а это было третьего дня.

— А тогда вы его видели?

— Нет, сэр, но я потом проверил — еды на месте не оказалось.

— Раз еды не было, значит, он все еще там.

— Да как будто так, сэр, если только ее не взял тот, другой человек.

Моя рука с чашкой замерла на полдороге, и я во все глаза уставился на Бэрримора:

— Так вы знаете, что там есть кто-то другой?

— Да, сэр, на болотах прячется еще один человек.

— Вы его видели?

— Нет, сэр.

— Откуда же вы о нем знаете?

— Мне говорил про него Селден недели полторы назад. Этот человек тоже скрывается, но, по-моему, он не из каторжников… Не нравится мне это, доктор Уотсон, совсем не нравится! — с неожиданной силой вырвалось вдруг у Бэрримора.

— Слушайте, друг мой! Я здесь действую исключительно в интересах вашего хозяина. Я только затем и приехал, чтобы помочь ему. Скажите мне прямо: что, собственно, вам не нравится?

Минуту Бэрримор колебался, точно сожалея о своей вспышке или же не находя подходящих слов для выражения обуревающих его чувств.

— Да все, что там делается, сэр! — воскликнул он наконец, показав на залитое дождевыми потоками окно, которое выходит на болота. — Не к добру это. Там замышляют черное дело, поверьте моему слову! Мне теперь хочется только одного: чтобы сэр Генри поскорее уехал отсюда в Лондон.

— Да что вас так напугало?

— А вы вспомните смерть сэра Чарльза! Мало ли что там следователь наговорил! Прислушайтесь ночью, что делается на болотах. Ведь люди ни за какие деньги не согласятся выйти туда после захода солнца… А этот человек, который там прячется и кого-то выслеживает, — кого он выслеживает? Что все это значит? Нет, для тех, кто носит имя Баскервилей, это добром не кончится, и я не дождусь того дня, когда новые слуги сэра Генри заступят на мое место и мне можно будет уехать отсюда!

— Расскажите мне про этого человека, — сказал я. — Что вы о нем знаете? Что говорил Селден? Ему известно, где тот прячется и зачем?

— Селден видел его раза два, но он осторожный, хитрый. Сначала Селден принял его за полицейского, а потом убедился, что тут нечто совсем другое. По виду он джентльмен, но что ему там нужно, никак не поймешь.

— А где он прячется?

— Селден говорит, что в старых пещерах на склонах холма — знаете, там есть каменные пещеры, где в древности жили люди.

— А чем он питается?

— Селден подглядел, что к нему ходит какой-то мальчишка. Он, наверно, носит ему еду и все прочее из Кумби-Треси.

— Хорошо, Бэрримор. Мы еще с вами поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Когда дворецкий вышел, я остановился у окна и посмотрел сквозь мутное стекло на бегущие по небу облака и на деревья, которые трепал ветер. Если в такую погоду неуютно даже в доме, то каково же в каменной пещере на болотах! Какой ненавистью надо пылать, чтобы устроить засаду в таком месте и в такое время! И что побудило этого человека пойти на столь тяжкое испытание?

В одной из этих пещер таится самая суть той задачи, которая так мучит меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что в человеческих силах, и доберусь до разгадки этой тайны!

Глава XI. ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИТНОМ СТОЛБЕ

Отрывки из моего дневника, составившие последнюю главу, подвели нас вплотную к 18 октября, то есть к тому числу, начиная с которого все эти невероятные события быстро

двинулись к своей страшной развязке. Происшествия последних дней настолько врезались мне в память, что я могу рассказывать о них, не прибегая к своим записям.

Итак, начнем с того дня, в канун которого я выяснил два обстоятельства первостепенной важности. Первое: что миссис Лаура Лайонс из Кумби-Треси писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание в том самом месте, где он встретил свою смерть (причем в тот же условленный час), и второе: что человека, скрывающегося на болотах, следует искать в каменных пещерах на склоне холма. Я чувствовал, что теперь только недостаток мужества и сообразительности может помешать мне разгадать эти две загадки.

В тот вечер мне не удалось рассказать баронету о миссис Лайонс, так как доктор Мортимер допоздна засиделся с ним за картами. Но на другой день во время завтрака я поделился с ним своим открытием и предложил съездить со мной в Кумби-Треси. Сначала он охотно согласился на это, но, поразмыслив, мы решили, что лучше мне поехать одному. Чем официальнее будет обставлен этот визит, тем меньших результатов мы добьемся. И я не без угрызений совести оставил сэра Генри дома, а сам отправился на эти новые розыски.

Подъехав к Кумби-Треси, я велел Перкинсу придержать лошадей и навел справки о леди, которую мне предстояло допросить. Отыскать ее дом оказалось нетрудно — он стоял в самом центре деревни. Служанка, открывшая дверь, без дальнейших церемоний ввела меня в гостиную, где за пишущей машинкой сидела женщина. Она с приятной улыбкой поднялась мне навстречу, но, увидев перед собой незнакомца, нахмурилась, снова села к столу и осведомилась о цели моего посещения.

С первого взгляда миссис Лайонс поразила меня своей красотой. Светло-карие глаза, каштановые волосы, нежный румянец на щеках, правда усыпанных веснушками, — румянец того восхитительного оттенка, что таится в самом сердце белой розы. Повторяю, первое впечатление было очень сильное. Однако, присмотревшись, я настроился на критический лад. В этом лице было что-то неприятное, грубое — его совершенную красоту портили то ли безвольные складки у рта, то ли жесткость взгляда. Но все эти мысли пришли мне в голову задним числом. В первую же минуту я просто почувствовал, что передо мной сидит очень красивая женщина и эта женщина спрашивает меня, зачем я пришел. И мне только тогда стало ясно, насколько щекотлива цель моего визита.

— Я имею удовольствие знать вашего батюшку, — сказал я.

Начало было довольно неудачное, и леди сразу же дала мне понять это.

— У меня нет ничего общего с моим отцом, — сказала она. — Я ничем ему не обязана и не могу считать его друзей своими друзьями. Он не обременяет себя отцовскими заботами. Если б не покойный сэр Чарльз Баскервиль и некоторые другие сердобольные люди, мне пришлось бы голодать.

— А я как раз хочу поговорить с вами о покойном сэре Чарльзе Баскервиле.

Веснушки ярко выступили на ее побледневшем лице.

— Что именно вас интересует? — спросила она, и ее пальцы нервно потрогали клавиши машинки.

— Вы были знакомы с ним?

— Я же говорю, что я многим ему обязана. Если мне удалось стать на ноги, то это объясняется главным образом тем участием, которое он проявлял к моей судьбе.

— Вы с ним переписывались?

Леди метнула на меня быстрый взгляд, и в ее светло-карих глазах вспыхнул злой огонек.

— Объясните мне цель этих расспросов, — резко сказала она.

— Цель их может быть только одна: избежать неприятной для вас огласки. Давайте поговорим здесь иначе это уже будет не в нашей власти, а тогда выйдет хуже.

Она побледнела еще больше и долго молчала. Потом вдруг посмотрела на меня и сказала дерзким, вызывающим тоном:

— Хорошо, я согласна. Что вы хотите знать?

— Вы переписывались с сэром Чарльзом?

— Да, я писала ему раза два, благодарила его за великодушие и деликатность.

— Даты этих писем вы помните?

— Нет.

— А вы встречались с ним лично?

— Считанное число раз, во время его приездов в Кумби-Треси. Сэр Чарльз был очень скромный человек он не любил выставлять напоказ свои добрые дела.

— Вы редко с ним переписывались, редко встречались, тем не менее он был настолько посвящен в ваши дела, что даже оказывал вам помощь! Как же это так?

Она ответила на мой каверзный вопрос не задумываясь:

— Мне помогали общими силами и другие джентльмены, которые знали мою печальную историю. Один из них был мистер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Он проявил ко мне исключительную доброту, и сэр Чарльз через него познакомился со мной.

Я уже знал, что сэр Чарльз Баскервиль не раз поручал Стэплтону вести свои благотворительные дела, и поэтому счел такое объяснение вполне правдоподобным.

— Теперь скажите: в своих письмах к сэру Чарльзу вы не настаивали на личном свидании?

Она гневно вспыхнула:

— Я считаю такой вопрос неуместным, сэр!

— Простите, сударыня, но я вынужден повторить его.

— Хорошо, я отвечу: конечно, нет!

— Даже в день смерти сэра Чарльза?

Румянец в мгновение ока схлынул с ее щек; лицо, смотревшее на меня, покрылось мертвенной бледностью. Пересохшие губы дрогнули, и я скорее увидел, чем услышал еще одно «нет».

— Вам явно изменяет память. Я могу даже процитировать одну фразу из вашего письма. Там было сказано: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера».

Мне показалось, что еще секунда — и миссис Лайонс потеряет сознание, но она поборола себя огромным усилием воли.

— Значит, нет на свете порядочных джентльменов? — вырвалось у нее.

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу: он исполнил вашу просьбу. Но иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Теперь вы признаетесь, что писали ему в тот день?

— Да, писала. Я не стану отказываться! — воскликнула она, вкладывая всю душу в свои слова. — Мне нечего стыдиться этого письма. Я просила его о помощи. Я была уверена, что, если мне удастся поговорить с ним, он не откажется поддержать меня.

— Но почему вы назначили такой час для встречи?

— Я узнала, что он уезжает на другой день в Лондон, возможно на несколько месяцев. А раньше я не могла прийти, на это у меня были свои причины.

— Зачем же вы назначили свидание в парке? Разве нельзя было устроить его в доме?

— По-вашему, женщина может явиться одна в такой поздний час в дом холостяка?

— Хорошо. Что же было, когда вы пришли на свидание?

— Я никуда не ходила.

— Миссис Лайонс!

— Клянусь вам всем, что для меня свято, я не ходила туда! Мне помешали.

— Что же вам помешало?

— Это мое личное дело, я не могу говорить о нем.

— Следовательно, вы назначили свидание сэру Чарльзу в том самом месте, где его постигла смерть, и даже в тот же самый час, но сами туда не пошли?

— Это святая правда.

Все мои дальнейшие ухищрения ни к чему не привели, она продолжала стоять на своем.

— Миссис Лайонс, — сказал я, заканчивая этот длинный и безрезультатный допрос, — вы не хотите говорить начистоту и тем самым берете на себя большую ответственность. Ваше положение весьма щекотливое. Если я обращусь к помощи полиции, вы убедитесь, насколько все это скомпрометирует вас. Допустим, что вы ни в чем не виноваты, но тогда зачем вам понадобилось с первых же слов отказываться от своего письма, которое было послано сэру Чарльзу в день его смерти?

— Я боялась, что из этого будут сделаны ложные выводы и меня вовлекут в неприятную историю.

— А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Если вы читали его, вам это должно быть ясно самому.

— Я не говорил, что читал все письмо.

— Вы привели на память целую фразу.

— Только постскриптум. Я уже сказал вам, что письмо было сожжено, мне не удалось прочитать его целиком. Повторяю свой вопрос еще раз: почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Это касается только меня.

— Тогда вы тем более должны остерегаться публичного расследования.

— Хорошо, я расскажу вам все. Если слухи о моей горькой судьбе дошли и до вас, то вы должны знать, что я вышла замуж опрометчиво и имею все основания сожалеть об этом.

— Да, я кое-что слышал.

— С тех пор муж, которого я ненавижу, не перестает преследовать меня своими домогательствами. Закон на его стороне, и мне каждый день грозит опасность, что он принудит меня к совместной жизни. Перед тем как написать письмо сэру Чарльзу, я узнала, что могу получить свободу, но для этого требовались деньги. Свобода даст мне все: душевное спокойствие, счастье, самоуважение — решительно все! Великодушие сэра Чарльза было хорошо известно, и я думала: если рассказать ему о своем горе, он не откажется помочь.

— Так почему же вы не пришли на свидание?

— Потому что за это время я успела получить помощь из других рук.

— Тогда надо было написать вторично и объяснить, почему вы не можете прийти!

— Я так бы и сделала, если б не прочла на следующее утро в газетах о его смерти.

Рассказ получался довольно связный, и мои вопросы не могли поколебать его правдоподобие. Проверить все это можно было бы только одним способом: узнать, начала ли миссис Лайонс бракоразводное дело вскоре после трагической смерти сэра Чарльза.

Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумби-Треси только к рассвету. Такую поездку не сохранишь в тайне. Следовательно, она говорит правду или по крайней мере часть правды.

Я ушел от нее, сбитый с толку и удрученный своей неудачей. Опять передо мной та глухая стена, которая вырастает на всех моих путях к намеченной цели. И все же, вспоминая лицо этой женщины и ее поведение во время нашего разговора, я все больше и больше убеждался, что она многое утаила от меня. Почему она вдруг так побледнела? Почему мне приходилось силой вырывать у нее каждое слово? Почему она не поехала на свидание, назначенное на тот час, когда произошла трагедия? Уж наверно, причины всего этого не так просты, как ей хотелось внушить мне. Да, тут ничего нельзя было поделать! Приходилось идти по другим следам, которые вели к каменным пещерам на болотах.

Но следы эти были в высшей степени неясные, в чем я убедился на обратном пути, проезжая мимо холмов, испещренных остатками жилья доисторического человека. Бэрримор сказал, что неизвестный прячется в одной из заброшенных пещер, но ведь тут они попадаются всюду! Впрочем, кроме указаний Бэрримора, у меня были и свои собственные соображения, так как я сам видел этого человека на вершине гранитного столба. Следовательно, оттуда и надо начинать поиски. Я обследую каждую пещеру в этом месте и в конце концов найду ту, которая мне нужна. Если незнакомец попадется мне, я заставлю его назвать себя, заставлю признаться, почему он так упорно преследует нас. Пусть даже для этого придется пригрозить ему револьвером. Он улизнул от Холмса на многолюдной Риджент-стрит, но здесь, на пустынных болотах, это ему не удастся. Если же я найду ту самую пещеру, а ее обитателя там не окажется, что ж — буду ждать его возвращения, когда бы он ни пришел. Холмс упустил этого человека в Лондоне. Как же я буду торжествовать, если мне удастся настигнуть его и тем самым взять верх над моим учителем!

Счастье столько раз изменяло нам во время этого расследования, но теперь оно обернулось ко мне лицом, И вестником удачи был не кто иной, как седовласый, румяный мистер Френкленд, который встретил меня у своей садовой калитки, выходившей на проезжую дорогу.

— Добрый день, доктор Уотсон! — крикнул он с необычной для него приветливостью. — Дайте лошадям передохнуть! Зайдите, порадуйтесь вместе со мной, выпьем по стаканчику вина.

После всего, что я слышал об отношении мистера Френкленда к родной дочери, у меня не могло быть особо дружеских чувств к нему, но мне хотелось во что бы то ни стало отослать Перкинса домой, и такой предлог оказался как нельзя более кстати. Я вылез из коляски, велел передать сэру Генри, что вернусь к обеду, и последовал за Френклендом прямо в столовую.

— Сегодня у меня торжественный день, сэр, настоящий праздник! — объявил он, радостно похохатывая. — Я выиграл два судебных процесса. Теперь здешняя публика поймет, что закон есть закон и что в моем лице она имеет дело с человеком, который не побоится обрушить его возмездие на головы непокорных. Я добился права свободного проезда через парк старика Мидлтона — через самый парк, сэр! — в каких-нибудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучим наших магнатов, будь они прокляты! Пусть знают, что им никто не позволит безнаказанно попирать общинные права! Кроме того, я закрыл доступ в лес, где здешняя публика повадилась устраивать пикники. Эти негодяи ведут себя так, будто права частной собственности не существует! Они воображают, что им всюду можно оставлять пустые бутылки и клочки бумаги. Оба дела закончены, доктор Уотсон, и оба в мою пользу. У меня давно не было такого счастливого дня — с тех самых пор, как я притянул к ответу сэра Джона Морленда за браконьерство, когда он охотился на кроликов в своем собственном загоне.

— Как же это вам удалось?

— Обратитесь к судебным архивам, сэр, вы не пожалеете потраченного времени. «Френкленд против Морленда». Дело слушалось в Лондоне. Оно обошлось мне в двести фунтов, но я его выиграл!

— И что это вам дало?

— Ничего, сэр, ровным счетом ничего. Я горжусь тем, что у меня нет личной заинтересованности в этих делах. Я только выполняю свой общественный долг. Не сомневаюсь, что сегодня ночью жители деревушки Фернворси сожгут на костре мое чучело. В последний раз, когда они это затеяли, я потребовал, чтобы полиция положила конец такому безобразию. Но ведь полицейские власти в нашем графстве ведут себя совершенно позорно, сэр! Я вправе рассчитывать на их защиту, а они мне ее не оказывают! Подождите, дело «Френкленд против полиции» привлечет к себе внимание общества. Я предупреждал, что местным властям придется пожалеть о своем возмутительном отношении ко мне, и вот мои слова уже сбылись.

— Каким же образом? — спросил я.

Старик бросил на меня многозначительный взгляд:

— Им до смерти хочется узнать одну вещь, а мне кое-что известно. Но я ни за какие блага в мире не стану помогать этим негодяям!

Я уже давно подыскивал предлог, чтобы поскорее отделаться от этого болтуна, но последние его слова меня заинтересовали. Однако мне был хорошо известен строптивый нрав старого греховодника; я знал, что стоит только проявить интерес к его рассказу, как он замолчит, и поэтому спросил совершенно равнодушным тоном:

— Наверно, опять браконьерство?

— Ха-ха! Нет, друг мой, тут дело гораздо серьезнее. А что, если оно касается беглого каторжника?

Я так и вздрогнул:

— Вы знаете, где он прячется?

— Точного места, может быть, и не знаю, а навести полицию на его след могу. Неужели вам не приходило в голову, что изловить этого человека удастся лишь тогда, когда мы узнаем, кто носит ему пищу, и проследим за ее доставкой?

Старик был настолько близок к истине, что мне стало не по себе.

— Да, правильно, — сказал я. — Но почему вы думаете, что каторжник все еще прячется на болотах?

— Потому что я собственными глазами видел того кто носит ему еду.

У меня сжалось сердце при мысли о Бэрриморе. Если он попадет во власть этого злобного, пронырливого старикашки, его дело плохо. Но услышав дальнейшее я вздохнул свободнее.

— Представьте себе, еду носит ребенок! — продолжал Френкленд. — Я каждый день его вижу в подзорную трубу, которая у меня на крыше. Он ходит одной и той же дорогой, в одно и то же время. К кому? — спрашивается. Конечно, к каторжнику!

Вот она, удача, наконец-то! Но я даже виду не подал, насколько это меня интересует. Ребенок! Бэрримор говорил, что нашему неизвестному прислуживает какой-то мальчишка. Значит, Френкленд напал на след этого человека, а каторжник тут совершенно ни при чем. Если б я мог выпытать у старика все, что ему известно, это избавило бы меня от долгих и утомительных поисков. Но моими козырями в игре по-прежнему оставались недоверие и полное равнодушие:

— А мне кажется, что это сын какого-нибудь здешнего пастуха. Наверно, носит обед отцу.

Малейшее противоречие выбивало искры из властного старика. Он злобно сверкнул на меня глазами и весь ощетинился, словно разъяренная кошка.

— Вам так кажется, сэр? — И, протянув руку, он показал на расстилавшиеся перед нами болота: — А тот гранитный столб вы видите? Так! А невысокий холм позади него, с кустами терновника? Это самое каменистое место на всех болотах. Что там делать пастухам? Ваше предположение просто нелепо, сэр!

Я кротко согласился, что не учел этого обстоятельства. Моя покорность понравилась Френкленду, и он пустился в дальнейшие разглагольствования:

— Можете быть уверены, сэр, что я никогда не делаю поспешных заключений. Я вижу этого мальчишку с узелком не впервые. Каждый день, а то и два раза на дню он… постойте, доктор Уотсон!.. Это обман зрения или же по склону вон того холма что-то движется?

И действительно, я даже на расстоянии нескольких миль разглядел на тускло-зеленом склоне маленькую темную точку.

— Пойдемте, сэр, пойдемте! — крикнул Френкленд, кидаясь вверх по лестнице. — Вы увидите его собственными глазами!

На плоской крыше стояла укрепленная на треноге подзорная труба весьма внушительных размеров. Френкленд припал к ней и разразился восторженным воплем:

— Скорей, доктор Уотсон, скорей! Пока он не скрылся за холмом!

В самом деле, вверх по склону медленно карабкался мальчик с узелком за плечами. Вот он выбрался на гребень холма, и я совершенно ясно увидел, как его нескладная фигурка, одетая в отрепья, выступила на холодной синеве неба. Мальчик украдкой огляделся по сторонам, видимо, проверяя, не следят ли за ним, и скрылся за холмом.

— Ну что, прав я или нет?

— Действительно, мальчик, и, вероятно, у него есть причины пробираться туда тайком.

— А что это за тайные причины, об этом догадался бы даже полицейский констебль. Но я им ни единым словом не обмолвлюсь, и вас, доктор Уотсон, тоже прошу — молчите. Понимаете? Ни единого слова!

— Как вам будет угодно.

— Они пренебрегают мной самым возмутительным образом. Когда все обстоятельства дела «Френкленд против полиции» выплывут на свет божий, по стране пронесется волна негодования. Нет, пусть не рассчитывают на мою помощь! Они бы палец о палец не ударили, если б эти мерзавцы вздумали сжечь вместо чучела меня самого… Как, вам пора уходить? Неужели вы не поможете мне распить вот этот графин в честь такого радостного события?

Но я не поддался ни на какие мольбы, а когда старик заявил, что хочет проводить меня домой, уговорил его отказаться от этого намерения. Пока он мог видеть меня, я шел по дороге, но потом к тому каменистому холму, за которым скрылся мальчик.

Все складывалось как нельзя лучше, и я поклялся мысленно, что если мне не удастся воспользоваться счастливым случаем, дарованным судьбой, то виной этому будет все что угодно, только не отсутствие энергии и настойчивости с моей стороны.

Когда я взобрался на вершину, солнце уже садилось, и пологие склоны холма с одного бока были золотисто-зеленые, с другого — тонули в серой тени. Вдали, над самым горизонтом, низко стлалась мглистая дымка, из которой проступали фантастические очертания Лисьего столба. Кругом ни звука, ни движения. Только какая-то большая серая птица — не то чайка, не то кроншнеп — высоко парила в синем небе. Она и я — мы были единственными живыми существами между огромным небосводом и расстилающейся под ним пустыней. Голые просторы болот, безлюдье, неразгаданная тайна и важность предстоящей мне задачи — все это пронизало холодом мое сердце. Мальчугана нигде не было видно. Но между холмами, у самых ног, ютились древние каменные пещеры, и в середине их круга была одна, уцелевшие своды которой могли служить защитой в непогоду. У меня забилось сердце, когда я увидел ее. Вот в этой норе, должно быть, и прячется тот человек. Наконец-то моя нога ступит на порог его убежища — он у меня в руках!

Я крадучись подходил к этой каменной дыре — точь-в-точь как Стэплтон, когда его сачок уже занесен над бабочкой! И, подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что место здесь обжитое. К отверстию, служившему входом, вела еле заметная среди камней тропинка. Из

самой пещеры не доносилось ни звука. Неизвестный или притаился там, или же рыщет по болотам. Нервы у меня были натянуты до предела в ожидании предстоящей встречи. Отбросив в сторону папиросу, я сжал рукоятку револьвера, быстро подошел ко входу и заглянул внутрь. Пещера была пуста.

Но чутье не обмануло меня: тут явно кто-то жил. На каменном ложе, где когда-то почивал неолитический человек, лежали одеяла, завернутые в непромокаемый плащ. В примитивном очаге виднелась кучка золы. Рядом с ним стояли кое-какие кухонные принадлежности и ведро, до половины налитое водой. Груда пустых консервных банок свидетельствовала о том, что здесь живут уже не первый день, а когда глаза мои привыкли к полутьме, я разглядел в углу железную кружку и початую бутылку виски. Посередине лежал плоский камень, служивший столом, а на нем — маленький узелок, вероятно тот самый, который я разглядел в подзорную трубу у мальчишки за спиной. В узелке был хлеб и две консервные банки — одна с копченым языком, другая с персиками в сиропе. Осмотрев все это, я хотел было положить узелок обратно, как вдруг сердце у меня так и екнуло: на камне лежал листок бумаги, на котором было что-то написано. Я взял его и, с трудом разобрав карандашные каракули, прочел следующее:

Доктор Уотсон уехал в Кумби-Треси.

Минуту я стоял неподвижно с запиской в руках и раздумывал над смыслом этого краткого послания. Выходит, что незнакомец охотится не за сэром Генри, а за мной? Он выслеживает меня не сам, а приставил ко мне кого-то другого — может быть, этого мальчика? И вот его последнее донесение. С тех пор как я живу здесь, за каждым моим шагом, вероятно, ведется слежка. Ведь все это время меня не оставляло ощущение, что здесь действуют какие-то невидимые силы и что они осторожно и умело стягивают вокруг нас тончайшую сеть, легкое прикосновение которой мы чувствуем на себе лишь изредка, в самые критические минуты.

Эта записка, вероятно, не единственная. Я огляделся по сторонам, но ничего больше не нашел. Не удалось мне обнаружить и какие-либо следы, по которым можно было бы судить об этом человеке, избравшем себе столь странное жилье, или о его намерениях. О нем можно было сказать только то, что он, по-видимому, спартанец в своих привычках и не придает особого значения жизненным удобствам. Вспомнив ливни последних дней и посмотрев на зияющую дыру в своде пещеры, я понял, насколько этот человек поглощен своим делом, если ради него он мирится даже с таким неуютным пристанищем. Кто же он — наш злобный враг или ангел-хранитель? И я дал себе клятву не выходить из пещеры, не узнав всего до конца.

Солнце уже пряталось, и небо на западе горело золотом. Отсветы заката ложились красноватыми пятнами на разводья далекой Гримпенской трясины. Вдали поднимались башни Баскервиль-холла, а в стороне от них еле виднелся дымок, встающий над крышами Гримпена. Между ним и Баскервиль-холлом, за холмом, стоял дом Стэплтонов. Золотой вечерний свет придавал всему столько прелести и безмятежного покоя! Но мое сердце не верило миру, разлитому в природе, и трепетало от той страшной неизвестности, которую таила в себе неминуемая, приближающаяся с каждой секундой встреча. Нервы у меня были натянуты, но я сидел, полный решимости, в темной пещере и с угрюмым упорством ждал возвращения ее обитателя.

И наконец я услышал его. Вот камень попал ему под каблук. Еще раз… еще… шаги все ближе, ближе… Я отскочил в самый темный угол и взвел курок револьвера, решив не показываться на свет до тех пор, пока мне не удастся хоть немного рассмотреть этого человека. Снаружи все смолкло; по-видимому, он остановился. Потом шаги послышались снова, и вход в пещеру заслонила чья-то тень.

— Сегодня такой чудесный вечер, дорогой Уотсон, — сказал хорошо знакомый мне голос. — Зачем сидеть в духоте? На воздухе гораздо приятнее.

Глава XII. СМЕРТЬ НА БОЛОТАХ

Минуту или две я стоял, не веря своим ушам, и не мог перевести дух от неожиданности. Потом дар речи вернулся ко мне, и я почувствовал, как огромная тяжесть спала у меня с плеч. Этот холодный, язвительный голос мог принадлежать только одному человеку во всем мире.

— Холмс! — крикнул я. — Холмс!

— Выходите, — сказал он, — и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я вылез из пещеры и увидел его. Холмс сидел на камне и с озорным блеском в серых глазах смотрел на мою изумленную физиономию. Он сильно похудел за это время, но вид у него был бодрый, спокойный, лицо — бронзовое от загара. Строгий спортивный костюм, кепи — ни дать ни взять турист, странствующий по болотам! Он даже остался верен своему поистине кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без единого пятнышка. Как будто все это происходило на Бейкер-стрит!

— Кто другой мог бы так обрадовать меня своим появлением! — сказал я, крепко пожимая ему руку.

— А заодно и удивить?

— Да, вы правы.

— Но, уверяю вас, друг мои, удивились не вы один Я и не подозревал, что вам удалось найти мое временное пристанище, и никак не думал застать вас здесь. Это выяснилось всего лишь за двадцать шагов до пещеры.

— Вы узнали мои следы?

— Нет, Уотсон! Боюсь, что это непосильная задача — различить ваши следы среди множества других, которые существуют на свете. Если же в будущем вы захотите как-нибудь провести меня, то советую вам сначала переменить табачный магазин, ибо стоит только мне увидеть папиросу с маркой «Бредли. Оксфорд-стрит», как я сразу же догадаюсь, что мой друг Уотсон находится где-то поблизости. Вон он, ваш окурок, валяется около тропинки. Вы, вероятно, бросили его в ту минуту, когда решили взять приступом мое пустое жилье?

— Совершенно верно.

— Так я и думал… И, зная ваш дотошный характер, догадался, что вы устроили в пещере засаду и ждете возвращения ее обитателя, держа револьвер наготове. Так вы в самом деле приняли меня за преступника?

— Я не знал, кто вы такой, но решил выяснить

— Великолепно, Уотсон! А как вам удалось отыскать мое жилье? Вы, вероятно, увидели меня во время погони за каторжником, когда я по собственной оплошности позволил луне светить мне в спину?

— Да, я вас увидел тогда.

— И стали обыскивать все пещеры подряд, пока не наткнулись на эту?

— Нет, меня навел на след ваш мальчишка — за ним тут кое-кто наблюдает.

— А! Старый джентльмен с подзорной трубой! Я видел, как солнце поблескивает на ее линзе, и сначала не мог догадаться, что это за штука. — Он встал и заглянул в пещеру. — Ага, Картрайт уже побывал здесь. Что это за бумажка? Так вы ездили в Кумби-Треси?

— Да.

— Повидаться с миссис Лаурой Лайонс?

— Совершенно верно.

— Прекрасно! В своих розысках мы с вами, очевидно, двигались по параллельным линиям. Что ж, теперь надо поделиться добытыми сведениями, и тогда у нас будет более или менее ясное представление об этом деле.

— Я страшно рад, что вы здесь! У меня уже нервы начали сдавать под бременем всех этих тайн и ответственности, которая лежала на мне. Но как вы сюда попали и что вы здесь делаете? А я-то думал, что Холмс сидит на Бейкер-стрит и трудится над делом о шантаже!

— Я хотел, чтобы вы именно так и думали.

— Значит, вы пользуетесь моей помощью и в то же время не доверяете мне! — рассердился я. — Это незаслуженно, Холмс!

— Друг мой, и в теперешнем деле и во многих других ваша помощь была для меня бесценна. Если вам кажется, что я вас как-то надул, умоляю, не сердитесь! Откровенно говоря, я пошел на это отчасти ради вас же самих. Я чувствовал, что вы подвергаетесь опасности, и приехал сюда лично расследовать это дело. Если б я был вместе с сэром Генри и с вами, моя точка зрения ничем не отличалась бы от вашей, да и противники наши были бы начеку. Приезд в Баскервиль-холл меня очень связал бы, а так я мог действовать совершенно свободно, оставаясь за кулисами и готовясь выступить на сцену в самую критическую минуту.

— Но зачем вам понадобилось скрываться и от меня?

— Если б вы знали, что я здесь, это ничему бы на помогло и, может быть, даже кончилось моим разоблачением. Вам, наверно, захотелось бы рассказать мне что-нибудь или же вы, по свойственной вам доброте, вдруг вздумали бы обставлять меня здесь удобствами. Зачем подвергаться ненужному риску? Я привез с собой Картрайта — помните мальчугана из Рассыльной конторы? — и он великолепно обслуживает меня. А вы знаете мои скромные требования: кусок хлеба, чистый воротничок, что еще человеку нужно? Кроме того, Картрайт — это лишняя пара глаз и лишняя пара ног, весьма быстрых. То и другое оказалось для меня просто кладом.

— Значит, все мои отчеты писались впустую! — сказал я дрогнувшим голосом, вспомнив, сколько труда и гордости этим трудом было вложено в них.

Холмс вынул из кармана пачку писем:

— Вот ваши отчеты, друг мой, изученные самым тщательным образом, в чем вы можете не сомневаться. Я так хорошо все устроил, что они попадали ко мне с опозданием только на один день. Примите мои горячие поздравления. Упорство и наблюдательность, которые вы проявили в таком необычайно трудном деле, выше всякой похвалы.

Я все еще никак не мог примириться с тем, что меня так ловко провели, но теплые слова Холмса рассеяли мою досаду. Кроме того, в глубине души я чувствовал правоту моего друга и признавал, что в интересах дела мне не следовало знать о его появлении в здешних местах.

— Ну, то-то же! — сказал он, глядя на мое просветлевшее лицо. — А теперь расскажите мне о своем визите к миссис Лауре Лайонс. Я сразу догадался, к кому вы поехали, ибо теперь мне уже ясно, что это единственный человек в Кумби-Треси, от которого мы можем кое-чего добиться. Откровенно говоря, если б вы не побывали там сегодня, я, по всей вероятности, отправился бы к ней завтра сам.

Солнце уже спряталось, над болотами сгустились сумерки. В воздухе сразу похолодало, и мы перешли в пещеру. И там, сидя в полутьме рядом с Холмсом, я рассказал ему о своем разговоре с миссис Лайонс. Он так заинтересовался им, что многое мне пришлось повторять по два раза.

— Это все очень важно, — сказал Холмс, когда я кончил. — Дело чрезвычайно сложное, и в нем был один пробел, который до сих пор мне никак не удавалось заполнить. Вы, вероятно, знаете, что Стэплтон в большой дружбе с миссис Лайонс?

— Нет, о дружбе я ничего не слыхал.

— Это факт. Они встречаются, обмениваются письмами — вообще между ними полное согласие, что дает нам крупный козырь в руки. Если б пустить этот козырь в ход, чтобы воздействовать на его жену…

— Его жену?

— Теперь я поделюсь кое-чем с вами в обмен на ваши открытия. Женщина, которую он выдает здесь за мисс Стэплтон, на самом деле его жена.

— Боже мой, Холмс! Вы уверены в этом? Тогда как же он допустил, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

— Романтические чувства сэра Генри грозят бедой только самому сэру Генри. Как вы заметили, Стэплтон всячески оберегает ее от ухаживаний баронета. Повторяю, эта леди не сестра, а жена Стэплтона.

— Но зачем понадобились такие хитросплетения?

— А вот зачем: Стэплтон предвидел, что она будет гораздо полезнее ему в роли свободной женщины.

Все мои неясные подозрения, все подсказанное чутьем вдруг выплыло наружу и сомкнулось вокруг натуралиста. От этого спокойного, бесцветного человека в соломенной шляпе и с сачком для ловли бабочек веяло чем-то грозным. Выдержка и терпение, сопряженное с хитростью, на губах улыбка, а в сердце черная злоба…

— Значит, это и есть наш противник? Значит, он и выслеживал нас в Лондоне?

— Да, так я разгадал эту загадку.

— А предостережение… Его прислала она?

— Совершенно верно.

Из мрака, в котором я так долго блуждал, выступили наполовину увиденные, наполовину угаданные мною очертания чудовищного злодейства.

— Неужели это верно, Холмс? Откуда вы узнали, что она его жена?

— В первую свою встречу с вами Стэплтон настолько увлекся, что поведал вам часть своей биографии, о чем, вероятно, не перестает жалеть до сих пор. У него действительно была школа на севере Англии. А ведь отыскать учителя — самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агентства, которые дадут вам сведения о любом лице, связанном с этой профессией. Я навел справки и вскоре узнал, что действительно в одной школе разыгрались очень неприятные события и что директор ее — фамилия у него была другая — скрылся вместе с женой. Все их приметы совпадали в точности. А когда мне стало известно его увлечение энтомологией,[78] тут уж я совсем перестал сомневаться.

Тьма, окутывавшая меня, мало-помалу начинала редеть, но многое еще оставалось в тени

— Если эта женщина его жена, то при чем тут миссис Лаура Лайонс? — спросил я.

— Это один из пунктов, на который вы сами пролили некоторый свет. После вашей поездки в Кумби-Треси многое стало ясным. Я, например, не знал, что миссис Лайонс хочет развестись с мужем. Она, вероятно, рассчитывает на брак со Стэплтоном — ведь ей невдомек, что он женат.

— А когда она узнает правду?

— Тогда эта леди может оказаться весьма полезной для нас. Нам обоим нужно завтра же повидать ее. А теперь, Уотсон, как вы думаете, не пора ли вам вернуться к своим обязанностям? Ваше место в Баскервиль-холле.

Последние красные отблески заката погасли на западе, и на болота спустилась ночь. В лиловатом небе слабо мерцали редкие звезды.

— Еще один, последний, вопрос, Холмс, — сказал я, вставая. — Нам нечего скрывать друг от друга. Что все это значит? К чему он ведет?

Холмс ответил мне глухим голосом:

— К убийству, Уотсон… хладнокровно обдуманному убийству. Не допытывайтесь с подробностях. Стэплтон затягивает в свои сети сэра Генри, а я затягиваю его самого. Он почти

у меня в руках, с вашей помощью. Теперь нам угрожает только одна опасность — он может нанести удар первым. Еще день, самое большее два, и у меня все будет готово, а до тех пор берегите сэра Генри, как любящая мать бережет больного ребенка. Ваше отсутствие сегодня вполне простительно, и все же я бы, пожалуй, предпочел, чтобы вы не оставляли его… Слышите?

Страшный протяжный вопль, полный ужаса и муки, пронесся над безмолвными болотами. Я слушал его и чувствовал, как у меня стынет кровь в жилах.

— Боже мой! Что это? Что это такое?

Холмс вскочил с места, и его высокая фигура заслонила от меня вход в пещеру. Он стал там, пригнувшись, вытянув шею, напряженно вглядываясь в темноту, и только успел бросить мне шепотом:

— Тише! Тише!

Этот крик, поразивший нас своей пронзительностью, шел из глубины беспросветно темных болот. Но вот он послышался ближе, явственнее…

— Где это? — шепнул Холмс, и по тому, как дрогнул у него голос — у него, у человека с железными нервами! — я понял, что этот вопль проник ему в самую душу. — Где кричат, Уотсон?

— По-моему, в той стороне. — Я протянул руку, показывая в темноту.

— Нет, вон там!

Мучительный крик снова пронесся в безмолвной ночи, но теперь он был еще ближе, еще громче. И к нему примешивались какие-то другие звуки — глухое низкое рычание, напоминающее чем-то непрестанный рокот моря.

— Это собака! — крикнул Холмс. — Бежим, Уотсон, бежим! Боже мой! Только бы не опоздать!

Он бросился в темноту, я следом за ним. И вдруг где-то впереди, за валунами, раздался отчаянный вопль, потом глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Но больше ничто не нарушало давящей тишины безветренной ночи.

Я увидел, как Холмс, словно обезумев, схватился за голову и топнул ногой о землю:

— Он опередил нас, Уотсон! Мы опоздали!

— Нет, этого не может быть!

— Чего я медлил, дурак! И вы тоже хороши, Уотсон! Оставили Баскервиля одного, и вот чем все кончилось! Нет, если поправить ничего нельзя, я все равно отомщу негодяю!

Не разбирая дороги, мы бросились туда, откуда донесся этот страшный крик. Мы взбирались вверх по склонам, сбегали вниз, натыкались в темноте на валуны, продирались сквозь заросли дрока. С вершины каждого холма мой друг быстро оглядывался по сторонам, но болота покрывал густой мрак, и на их угрюмой шири нельзя было приметить ни малейшего движения.

— Вы что-нибудь видите?

— Ничего.

— Подождите! Что это?

До нас донесся приглушенный стон. Он шел откуда-то слева. Каменная гряда круто обрывалась там вниз, переходя в усеянный валунами склон, и среди валунов лежало что-то темное. Мы подбежали ближе, и темный предмет принял более ясные очертания. Это был человек, лежащий на земле лицом вниз. Он словно готовился сделать кульбит — подвернутая под каким-то невероятным углом голова, приподнятые плечи, округленная линия спины. Нелепость этой позы помешала мне в первую минуту осознать, что его стон был предсмертным. Мы стояли, наклонившись над ним, и не слышали ни хрипа, не могли уловить ни шороха. Холмс

тронул неподвижное тело, вскрикнул в ужасе и тут же отдернул руку. Зажженная спичка осветила его окровавленные пальцы и страшную лужу, медленно расплывавшуюся из-под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло — при свете спички мы увидели, что перед нами лежит сэр Генри Баскервиль!

Разве можно было забыть этот необычный красновато-коричневый костюм — тот самый, в котором баронет впервые появился на Бейкер-стрит! Нам достаточно было секунды, чтобы узнать его, а потом спичка вспыхнула и погасла так же, как погасла в нас последняя искра надежды. Холмс застонал, и я даже в темноте разглядел, какой бледностью покрылось его лицо.

— Мерзавец! Мерзавец! — Руки у меня сами собой сжались в кулаки. — Холмс, я никогда не прощу себе, что оставил его на произвол судьбы!

— Моя вина больше, Уотсон. Я пожертвовал жизнью клиента только ради того, чтобы подытожить, так сказать, закруглить, это дело. Я не помню другого такого удара за всю свою практику. Но кто мог знать, кто мог знать, что, несмотря на все мои предостережения, он рискнет выйти один на болота!

— И мы слышали его крик — боже мой, какой крик! — и не могли сразу прийти ему на помощь! Но куда делась эта чудовищная собака — виновница его смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь здесь? И где Стэплтон? Он ответит за это!

— Да, он ответит за все, об этом я позабочусь. И дядя и племянник — оба убиты. Один умер от страха, только увидев перед собой это чудовище, которое он считал сверхъестественным существом, другой погиб, спасаясь от него бегством. Но теперь нам надо доказать, что между этим человеком и собакой есть связь. Мы слышали ее вой, но это еще не доказательство, так как сэр Генри, вероятно, разбился при падении. И все же, клянусь, как ни хитер наш противник, а завтра он будет у меня в руках!

Потрясенные внезапной непоправимой бедой, положившей столь грустный конец нашим долгим и нелегким трудам, мы стояли возле изуродованного тела. Потом, когда из-за туч показалась луна, поднялись на каменную гряду, с которой упал наш несчастный друг, и оглядели оттуда серебрившиеся в лунном свете болота. Вдали, где-то около Гримпена, виднелся желтый огонек. Он мог гореть только в уединенном жилище Стэплтонов. Я с проклятием погрозил в ту сторону кулаком:

— Чего мы ждем? Надо схватить его немедленно!

— Дело еще не закончено, а он человек осторожный, хитрый. Мало ли что мы знаем, а вот попробуйте доказать это. Один неосторожный шаг — и негодяй ускользнет от нас.

— Так что же тогда делать?

— На завтра забот у нас хватит. А сегодня нам остается только оказать последнюю услугу несчастному сэру Генри.

Мы спустились по крутому откосу и подошли к бесформенной черной груде, лежавшей на посеребренных луной камнях. При виде этого мучительно скорченного тела сердце у меня сжалось от боли и глаза заволокло слезами.

— Придется послать за помощью, Холмс. Мы не донесем его до дому… Боже мой, что с вами? Вы сошли с ума!

Холмс вскрикнут и наклонился над телом сэра Генри. И вдруг начал приплясывать, с хохотом тряся мне руку. Неужели это мой строгий, всегда такой сдержанный друг? Вот что бывает, когда скрытое пламя прорывается наружу!

— Борода! У него борода!

— Борода?

— Это не сэр Генри!.. Боже, да это мой сосед — каторжник!

Мы с лихорадочной быстротой перевернули тело, и окровавленная борода уставилась теперь прямо в холодный яркий лик луны. Сомнений быть не могло! Низкий лоб, глубоко запавшие, как у обезьяны, глаза. Это было то же лицо, которое при свете свечи мелькнуло передо мной в расселине, — лицо убийцы Селдена!

И тут я понял все. Я вспомнил, что баронет подарил Бэрримору чуть ли не весь свой старый гардероб. Значит, Бэрримор отдал его Селдену, чтобы тот переоделся к отъезду. Башмаки, рубашка, кепи — все носил когда-то сэр Генри. Правда, трагедия оставалась трагедией, но ведь этот человек так или иначе заслужил смерть по законам нашей страны. Сам не свой от радости, я объяснил Холмсу, как все это получилось.

— Значит, несчастный погиб из-за костюма, — сказал он. — Собаке, конечно, дали понюхать какую-нибудь вещь сэра Генри — по всей вероятности, тот самый башмак, который был украден в отеле, — и пустили ее по следам каторжника. Остается невыясненным только одно: каким образом Селден увидел в темноте, что за ним кто-то гонится?

— Наверно, услышал.

— Услышал, что по болотам бегает собака, и стал звать на помощь, рискуя быть пойманным? Нет, каторжника этим не напугаешь. Так вот: как Селден мог увидеть, что за ним гонится собака?

— А по-моему, есть вещи более странные. Почему эту собаку… предполагая, что наши догадки правильны…

— Я ничего такого не предполагаю.

— Хорошо. Почему эту собаку выпустили на болота сегодня ночью? Вряд ли она всегда пользуется такой свободой. Стэплтон, вероятно, ждал, что сэр Генри придет сюда.

— Моя загадка труднее. На вашу мы скоро получим ответ, а моя, вероятно, так и останется неразгаданной. А теперь давайте решим, что нам делать с этим несчастным. Нельзя же оставлять его здесь на съедение лисицам и коршунам.

— Пусть полежит в какой-нибудь пещере, пока мы не сообщим в полицию.

— Правильно. Туда-то мы его во всяком случае донесем. Смотрите, Уотсон! Что это? Неужели он сам? Нет, какова дерзость!.. Ни слова о наших подозрениях, ни единого слова! Не то все мои планы рухнут.

Из глубины болот к нам приближался человек. Он курил сигару, огонек которой тускло мерцал вдали. Луна ярко освещала его, и я сразу узнал щуплую фигуру и быструю, подпрыгивающую походку натуралиста. Увидев нас, он остановился, потом снова зашагаю вперед.

— Доктор Уотсон! Нежели это вы? Вот уж никак не думал встретить вас ночью на болотах! Боже мой что это? Что случилось? Нет, не может быть! Неужели это наш друг, сэр Генри?

Стэплтон пробежал мимо меня и нагнулся над трупом…

Я услышал прерывистый вздох, сигара выпала из его руки на землю.

— Кто… кто это? — запинаясь, пробормотал он — Это Селден, каторжник, сбежавший из принстаунской тюрьмы.

Стэплтон повернул к нам мертвенно-бледное лицо. Ему стоило громадного усилия воли овладеть собой и ничем не выдать своего удивления и разочарования. Его пристальный взгляд остановился сначала на Холмсе, потом на мне.

— Боже мой, какой ужас! Как это случилось?

— Должно быть, свалился вон с того откоса и сломал себе шею. Мы с приятелем гуляли по болотам и услышали чей-то крик.

— А я на этот крик и вышел из дому. Меня беспокоил сэр Генри.

— Почему именно сэр Генри? — не удержался я.

— Он должен был зайти к нам сегодня и почему-то не пришел, что меня очень удивило. А когда я услышал на болотах крики, то, естественно, встревожился за него. Кстати, — Стэплтон снова перевел взгляд с меня на Холмса, — кроме этих криков, вы ничего не слышали?

— Нет, — сказал Холмс. — А вы?

— Тоже нет.

— Тогда зачем об этом спрашивать?

— Ах, вы же знаете, что у нас тут рассказывают о призрачной собаке и тому подобных чудесах! Здешние фермеры говорят, будто бы она бегает каждую ночь по болотам. Вот я и интересуюсь: может быть, вы слышали ее?

— Нет, мы ничего такого не слышали, — сказал я.

— А как вы объясните гибель этого несчастного?

— Я уверен, что у него помутился рассудок от страха, от постоянной опасности быть пойманным. Вероятно, бегал по болотам в припадке сумасшествия и в конце концов упал под откос и сломал себе шею.

— Да, это вполне правдоподобно, — сказал Стэплтон и вздохнул с явным облегчением. — А что об этом думаете вы, мистер Шерлок Холмс?

— Какая догадливость! — сказал мой друг, отвесив ему низкий поклон.

— Мы давно вас поджидаем, с тех самых пор, как здесь появился доктор Уотсон. И вы вовремя приехали — как раз к трагедии.

— Да, в самом деле! Я уверен, что мой друг даст ей правильное объяснение. А я уеду завтра в Лондон с неприятным осадком в душе.

— Как! Вы завтра уезжаете?

— Собираюсь.

— Но ваш приезд, конечно, прольет свет на все эти события, которые поставили нас буквально в тупик.

Холмс пожал плечами:

— Успех не всегда дается нам в руки. При расследовании надо опираться на факты, а не на легенды и слухи. У меня что-то ничего не получается из этого дела.

Мой друг говорил самым естественным и самым спокойным тоном. Стэплтон взглянул на него внимательно, пристально. Потом обратился ко мне:

— Я охотно предложил бы перенести тело к нам в дом, но моя сестра так перепугается, что, пожалуй, лучше этого не делать. Давайте прикроем ему чем-нибудь лицо и оставим здесь. До утра с ним ничего не случится.

Так и было сделано. Мы с Холмсом отклонили предложение Стэплтона зайти в Меррипит-хаус и, предоставив ему возвращаться домой в одиночестве, пошли к Баскервиль-холлу. Пройдя несколько шагов, мы оглянулись и увидели его фигуру, медленно удаляющуюся в глубь болот, а дальше, позади нее, единственное черное пятно на посеребренном луной склоне — там, где лежал погибший такой страшной смертью человек.

— Наконец-то мы схватились врукопашную! — сказал Холмс, шагая рядом со мной. — Но какая выдержка! Как быстро он овладел собой! А ведь удар был поистине ошеломляющий — увидеть, что твоей жертвой пал совсем не тот человек, которого ты намечал. Я, Уотсон, говорил вам об этом в Лондоне и повторяю сейчас: нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником.

— Все-таки жалко, что он нас увидел!

— Я сначала сам об этом пожалел! Но, в конце концов, что ж поделаешь!

— А как вы думаете, встреча с вами отразится на его планах?

— Да, он будет действовать с еще большей осторожностью или же решится на какой-нибудь отчаянный шаг. Как и большинство незаурядных преступников, Стэплтон, вероятно, слишком полагается на свою хитрость и воображает, что обвел нас вокруг пальца.

— Почему же вы не хотите арестовать его?

— Мой дорогой Уотсон! Вы человек действия. Ваши инстинкты толкают вас на самые решительные меры. Ну хорошо, допустим, что ночью он будет арестован. А что это даст нам? Мы ничего не сможем доказать. Вот в чем дьявольская хитрость этого замысла! Если б пособником Стэплтона был человек, мы бы раздобыли кое-какие улики, но попробуйте вытащить на свет божий огромного пса! Разве это поможет нам затянуть петлю на шее его хозяина?

— Но ведь состав преступления налицо?

— Ничего подобного! Все это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами.

— А сэр Чарльз?

— Найден мертвым, следов насильственной смерти не обнаружено. Мы-то с вами знаем, что он умер от страха, и знаем, что его напугало. Но как убедить в этом тех двенадцать тупиц, которые будут присяжными заседателями? На чем основано предположение, что тут замешана какая-то собака? Где следы ее укусов? Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых и что сэр Чарльз умер до того, как она на него кинулась. Но ведь это надо доказать, а доказывать нам нечем.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Она ничего особенного не дала. Прямой связи между собакой и гибелью каторжника все-таки нет. Никто этой собаки не видел. Правда, мы ее слышали, но у нас нет доказательств, что она гналась за каторжником. Полное отсутствие мотивировки! Нет, друг мой, факт остается фактом: состава преступления мы установить не можем, но, чтобы сделать это, стоит пойти на любой риск.

— Что же вы намерены предпринять?

— Я возлагаю большие надежды на миссис Лауру Лайонс. Когда истинное положение дел станет ей известно, она окажет нам серьезную помощь. Кроме того, у меня есть и другой план. Но не надо загадывать вперед, хотя я все-таки надеюсь, что завтра победа будет за мной.

Больше мне ничего не удалось выведать от Холмса, и до самых ворот Баскервиль-холла он шел молча, погруженный в свои думы.

— Вы зайдете?

— Да. Теперь уж не имеет смысла скрываться. Но еще одно слово, Уотсон. Не говорите сэру Генри о собаке. Пусть приписывает смерть Селдена тем же причинам, которые старался подсказать нам Стэплтон. Так ему будет легче перенести то испытание, что ждет его завтра, когда он пойдет обедать в Меррипит-хаус, если я правильно цитирую ваш последний отчет.

— Но меня тоже туда звали.

— Тогда вам придется отказаться от приглашения. Пусть идет один, это легко устроить… Ну-с, так. К обеду мы, наверно, опоздали, но к ужину пришли в самый раз.

Глава XIII. СЕТИ РАССТАВЛЕНЫ

Сэр Генри не столько удивился, сколько обрадовался своему новому гостю, так как был уверен, что, узнав о событиях последних дней, Шерлок Холмс не усидит в Лондоне. Тем не менее баронет изумленно поднял брови, когда выяснилось, что мой друг явился без багажа и даже не дает себе труда объяснить его отсутствие. Холмса тут же снабдили всем необходимым, и за поздним ужином мы поведали баронету ту часть своих приключений, которую ему следовало знать. Но до этого мне пришлось выполнить одну тяжкую обязанность — сообщить Бэрримору и его жене о гибели Селдена. Дворецкий принял это известие с нескрываемым

чувством облегчения, но миссис Бэрримор горько плакала, закрыв лицо передником. В глазах всего мира этот Селден был преступником, чем-то средним между дьяволом и зверем, а она по-прежнему видела в нем озорного мальчугана, ребенка, цеплявшегося в детстве за ее руку. Поистине чудовищем должен быть человек, если не найдется женщины, которая оплачет его смерть!

— С тех пор как вы уехали, Уотсон, я все сижу дома и пропадаю с тоски, — сказал баронет. — Надеюсь, такое послушание мне зачтется? Если б не данное вам слово не выходить на болота, я бы провел вечер гораздо веселее, потому что Стэплтон прислал мне записку с приглашением.

— Да, вы провели бы вечер гораздо веселее, я в этом не сомневаюсь, — сухо сказал Холмс. — Кстати, вы, вероятно, не цените, что, глядя на человека со сломанной шеей, мы оплакивали вас?

Сэр Генри широко открыл глаза:

— Это почему же?

— Потому, что злосчастный каторжник был в костюме с вашего плеча. Он получил его от Бэрримора, у которого могут быть из-за этого серьезные неприятности с полицией.

— Нет, вряд ли. Насколько я помню, там не было никаких меток.

— Ну что ж, его счастье, да и ваше тоже, поскольку вы все замешаны в противозаконных деяниях. В сущности говоря, мне как добросовестному сыщику следовало бы немедленно арестовать всю вашу компанию. Обличающим документом могут послужить письма Уотсона.

— Расскажите лучше, как обстоит наше дело? — спросил баронет. — Удалось ли вам разобраться в этой путанице? Мы с Уотсоном с чем приехали, с тем и сидим — ничего не разузнали.

— Я думаю, что в самом ближайшем будущем многое выяснится. Дело на редкость трудное и запутанное. Для меня некоторые пункты до сих пор покрыты мраком… Но он рассеется, непременно рассеется.

— Уотсон, вероятно, уже рассказывал вам о том, что мы слышали на болотах. Так что это не пустое суеверие. Мне в свое время приходилось иметь дело с собаками, и тут меня не проведешь — собачий вой нельзя не узнать. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я буду считать вас величайшим сыщиком в мире.

— Будет он и в наморднике, будет и на цепи, только помогите мне.

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Прекрасно! Но я потребую слепого повиновения без всяких «зачем» и «почему».

— Как вам будет угодно.

— Если вы соглашаетесь на это, тогда мы разрешим нашу задачу. Я не сомневаюсь, что…

Холмс осекся на полуслове и устремил пристальный взгляд куда-то поверх моей головы. Лампа светила ему прямо в лицо — неподвижное, застывшее, словно лицо классической статуи. Оно было олицетворением тревоги и настороженности.

— Что случилось? — в один голос воскликнули мы с сэром Генри.

Холмс перевел взгляд на нас, и я почувствовал, что он старается подавить свое волнение. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но глаза светились торжеством.

— Простите меня, но я не мог сдержать свой восторг, — сказал он, показывая на портреты, висевшие на противоположной стене. — Уотсон утверждает, что я ничего не смыслю в живописи, но это в нем говорит чувство соперничества, так как мы расходимся в своих оценках произведений искусства. А портреты на самом деле великолепные.

— Рад слышать, — сказал сэр Генри, с удивлением глядя на моего друга.

— Я в картинах мало что понимаю. Вот лошадь или бычок — другое дело. Но кто бы мог подумать, что у вас есть время интересоваться искусством!

— Не беспокойтесь, хорошую вещь я всегда замечу. Бьюсь об заклад, что вон та дама в голубом шелковом платье — кисти Неллера. А толстый джентльмен в парике, безусловно, написан Рейнольдсом. Это, вероятно, фамильные портреты?

— Да, все до одного.

— И вы знаете их по именам?

— Бэрримор долго натаскивал меня по этому предмету, и я, кажется, могу ответить свой урок без запинки.

— Кто этот джентльмен с подзорной трубой?

— Это контр-адмирал Баскервиль, служивший в Вест-Индии. А вот тот, в синем сюртуке и со свитком в руках, сэр Вильям Баскервиль, председатель комиссии Палаты общин при Питте.[79]

— А этот кавалер напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

— О! С ним вы должны познакомиться. Это и есть виновник всех бед — злодей Гуго, положивший начало легенде о собаке Баскервилей. Мы его, вероятно, не скоро забудем.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым недоумением.

— Боже мой! — сказал Холмс. — А ведь по виду он такой спокойный, тихонький. Правда, в глазах есть что-то бесовское. Но я представлял себе вашего Гуго эдаким дюжим молодцом с разбойничьей физиономией.

— Портрет подлинный, в этом не может быть ни малейших сомнений. Сзади на полотне написано его имя и дата — тысяча шестьсот сорок седьмой год.

Весь остальной вечер Холмс говорил мало, но портрет беспутного Гуго словно приковывал его к себе, и за ужином он почти не отрывал от него глаз. Однако ход мыслей моего друга стал ясен мне только тогда, когда сэр Генри ушел к себе. Холмс захватил свечу со своего ночного столика и, вернувшись вместе со мной в пиршественный зал, поднес ее к потемневшему от времени портрету.

— Вы ничего особенного не замечаете?

Я долго рассматривал широкополую шляпу с плюмажем, белый кружевной воротник и длинные локоны, обрамляющие суровое узкое лицо. Это лицо никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых тонких губах, в холодном, непреклонном взгляд» было что-то черствое, чопорное, беспощадное.

— Он никого вам не напоминает?

— В нижней части лица есть что-то общее с сэром Генри.

— Да, пожалуй, чуть-чуть есть. Но подождите минутку!

Он встал на стул и, держа свечку в левой руке, прикрыл согнутой правой широкополую шляпу и длинные локоны.

— Силы небесные! — воскликнул я вне себя от изумления.

С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

— Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку — основное качество сыщика.

— Поразительно! Как будто его портрет!

— Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическим и в духовном отношении. Вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ. Он тоже Баскервиль, это совершенно очевидно.

— И метит в наследники.

— Безусловно. Этот случайно попавшийся мне на глаза портрет помог нам восполнить один из самых трудных пробелов. Теперь мы его поймали, Уотсон, теперь мы его поймали! И клянусь вам, завтра к ночи он будет биться в наших сетях, как бьются его бабочки под сачком. Булавка, пробка, ярлычок — и коллекция на Бейкер-стрит пополнится еще одним экземпляром.

Холмс громко расхохотался и отошел от портрета. В тех редких случаях, когда мне приходилось слышать его смех, я знал, что это всегда предвещает какому-нибудь злодею большую беду.

Одеваясь на следующее утро, я выглянул в окно и увидел Холмса, который, оказывается, встал еще раньше и уже успел куда-то отлучиться.

— Да, денек у нас будет хлопотливый, — сказал он, радостно потирая руки в предвкушении всех этих хлопот. — Скоро начнем действовать. Сети уже расставлены. А к вечеру будет видно, запуталась в них эта большая зубастая Щука или уже ускользнула на волю.

— Вы уже успели побывать на болотах?

— Я дошел до Гримпена и дал оттуда телеграмму в Принстаун о смерти Селдена. Думаю, что никого из вас не станут беспокоить по этому делу. Кроме того, я связался с моим верным Картрайтом, который от тревоги за меня, по всей вероятности, не замедлил бы умереть на пороге пещеры, как собака на могиле своего хозяина.

— С чего же мы сегодня начнем?

— Прежде всего повидаем сэра Генри. Да вот и он сам!

— С добрым утром, Холмс! — сказал баронет. — Вы похожи на генерала, который обсуждает с начальником штаба план предстоящего сражения.

— Так оно и есть. Уотсон явился за приказаниями.

— Я тоже.

— Прекрасно. Если не ошибаюсь, наши друзья Стэплтоны пригласили вас сегодня к обеду?

— Надеюсь, что вы тоже пойдете? Они люди гостеприимные и будут очень рады вам.

— К сожалению, мы с Уотсоном должны уехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да. При данных обстоятельствах нам лучше быть там.

Лицо у баронета вытянулось:

— А я-то думал, что вы не покинете меня до конца! Откровенно говоря, в Баскервиль-холле не так-то уютно одному.

— Друг мой, вы должны повиноваться мне беспрекословно и делать все, что я от вас потребую. Скажите вашим друзьям, что мы пришли бы с удовольствием, но неотложные дела призывают нас в Лондон. Впрочем, мы скоро вернемся в Девоншир. Вы не забудете передать им это?

— Если вы настаиваете.

— Уверяю вас, другого выхода нет.

По тому, как баронет нахмурился в ответ на эти слова, я понял, что он обиделся и считает наш отъезд дезертирством.

— Когда вы думаете выехать? — холодно спросил он.

— Сразу же после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумби-Треси, но Уотсон оставит вам свои вещи в залог, так что ждите его обратно. Уотсон, напишите записочку Стэплтону, извинитесь, что не можете у них быть.

— Мне тоже захотелось уехать в Лондон, — сказал баронет. — Почему я должен сидеть здесь один?

— Потому, что вам нельзя покидать свой пост. Потому, что вы дали слово слушаться меня во всем, а теперь я говорю вам: оставайтесь здесь.

— Хорошо, я останусь.

— Еще одна просьба. Поезжайте в Меррипит-хаус на лошадях. Отошлите экипаж обратно и скажите Стэплтонам, что домой вы пойдете пешком.

— Пешком, через болота?

— Да.

— Но ведь вы же сами столько раз удерживали меня от этого!

— А теперь можете идти совершенно спокойно. Я настаиваю на этом только потому, что уверен в вашем мужестве.

— Хорошо, я так и сделаю.

— И если вы хоть сколько-нибудь дорожите жизнью, не сворачивайте с тропинки, которая ведет от Меррипит-хаус к Гримпенской дороге, тем более что это ближайший путь к Баскервиль-холлу.

— Все будет исполнено в точности.

— Вот и хорошо. А мы постараемся выехать сразу же после завтрака, чтобы попасть в Лондон днем.

Меня очень удивила эта программа действий, хотя я помнил, как накануне вечером Холмс предупреждал Стэплтона о своем отъезде. Но кто бы мог подумать, что ему придет в голову ехать вместе со мной, да еще в такое время, которое он сам считал критическим! Впрочем, мне не оставалось ничего другого, как беспрекословно повиноваться моему другу, и вскоре мы простились с опечаленным баронетом, а через два часа, отослав шарабан домой, вышли на станционную платформу в Кумби-Треси. Там нас ждал небольшого роста мальчик.

— Какие будут приказания, сэр?

— Садись в поезд, Картрайт, и поезжай в Лондон. Как только приедешь, сейчас же дай от моего имени телеграмму сэру Генри Баскервилю. Запроси его, не нашел ли он где-нибудь мою записную книжку, которую я потерял. Если нашел, пусть вышлет ее заказной бандеролью на Бейкер-стрит.

— Слушаю, сэр.

— А сейчас узнай в станционной конторе, нет ли там чего на мое имя.

Мальчик вскоре вернулся с телеграммой. Холмс прочитал ее и протянул мне. Там было написано следующее:

«Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. Лестрейд».

— Это ответ на мою утреннюю. Лестрейд — лучший сыщик-профессионал, нам может понадобиться его помощь… Ну-с, Уотсон, время у нас есть, и я думаю, что сейчас самое время нанести визит вашей знакомой миссис Лауре Лайонс.

План кампании, составленный Холмсом, прояснялся для меня с каждой минутой. С помощью баронета он убедит Стэплтона, что нас нет здесь, а на самом деле мы вернемся к тому времени, когда наша помощь будет больше всего нужна. Если сэр Генри упомянет о телеграмме, полученной от Холмса из Лондона, это рассеет последние подозрения Стэплтона. И я уже видел мысленно, как наши сети все туже и туже стягиваются вокруг зубастой щуки.

Миссис Лаура Лайонс сидела у себя в рабочей комнате. Шерлок Холмс приступил к разговору с такой прямотой и откровенностью, что у нее широко открылись глаза от изумления.

— Я расследую обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, — начал он. — Мой друг, доктор Уотсон, передал мне все, что вы ему сообщили в связи с этим и о чем предпочли умолчать.

— О чем же я умолчала? — дерзко спросила она.

— Вы признались, что вызывали сэра Чарльза к калитке к десяти часам вечера. Как мы знаем, он умер именно в тот час и на том самом месте. Вы умолчали о связи, существующей между этими двумя фактами.

— Между ними не существует никакой связи.

— В таком случае совпадение получилось поистине поразительное. Но я думаю, что в конце концов мы эту связь установим. Я буду с вами совершенно откровенен, миссис Лайонс. Речь идет об убийстве, а улики по этому делу таковы, что под следствием может оказаться не только ваш друг, мистер Стэплтон, но и его жена.

Миссис Лайонс вскочила с кресла:

— Его жена!

— Это уже ни для кого не тайна. Особа, которую он выдает за свою сестру, на самом деле его жена.

Миссис Лайонс опустилась в кресло и с такой силой впилась пальцами в его ручки, что ногти у нее побелели.

— Его жена! Его жена… Но ведь он холостяк!

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите мне это! Докажите! И если сможете… — Яростный блеск ее глаз говорил лучше всяких слов.

— За доказательствами дело не станет, — сказал Шерлок Холмс, вынимая из кармана какие-то бумаги. — Вот фотография этой супружеской четы, снятая четыре года назад в Йорке. На обороте надпись: «М-р и м-с Ванделер», но вы, конечно, узнаете и его и эту женщину, если вам приходилось встречаться с ней. Дальше — три документа, подписанные людьми, заслуживающими всяческого доверия. Это описание мистера и миссис Ванделер, которые содержали некогда частную школу «Сент-Оливер». Прочтите их, и у вас не останется ни малейших сомнений в том, что это действительно знакомые вам люди.

Миссис Лайонс мельком просмотрела лежавшие перед ней бумаги и перевела взгляд на нас. Отчаяние превратило ее лицо в неподвижную маску.

— Мистер Холмс, — сказала она, — этот негодяй обещал жениться на мне, если я получу развод. Значит, нельзя верить ни одному его слову? Значит, он все время обманывал меня? Но зачем? Зачем? Я думала, что он печется только обо мне. А выходит, я была орудием в его руках. Чего ради хранить верность человеку, который так лжет? Чего ради выгораживать его? Пусть поплатится за свое злодейство! Спрашивайте меня о чем угодно, я ничего не утаю. В одном клянусь вам: когда я писала то письмо, мне и не снилось, что это погубит сэра Чарльза, моего лучшего друга!

— Я верю каждому вашему слову, сударыня, — сказал Шерлок Холмс. — Вам, вероятно, очень тяжело рассказывать об этом. Давайте сделаем так: я буду говорить сам и, если ошибусь в чем-нибудь существенном, вы меня поправите. Письмо было написано по наущению Стэплтона?

— Под его диктовку.

— Он, вероятно, говорил вам, что сэр Чарльз возьмет на себя все издержки по бракоразводному процессу?

— Да.

— А потом, когда письмо было отослано, убедил вас не ходить на свидание?

— Он сказал, что перестанет уважать самого себя, если деньги на процесс даст кто-то другой. Клялся, что, несмотря на всю свою бедность, отдаст последнее пенни, лишь бы уничтожить препятствие, которое отделяет нас друг от друга.

— Он, по-видимому, весьма последователен в своих поступках! Итак, о дальнейших событиях вы ничего не слышали и узнали о смерти сэра Чарльза только из газет?

— Да.

— И Стэплтон взял с вас слово, что вы никому не скажете о предполагавшемся свидании?

— Да. Он сказал, что смерть сэра Чарльза произошла при весьма загадочных обстоятельствах и, если о письме узнают, я буду взята на подозрение. Он запугал меня, и я решила молчать.

— Так, понимаю. Но вы все-таки подозревали что-то?

Миссис Лайонс опустила глаза, видимо, не решаясь ответить.

— Я хорошо знаю этого человека, — сказала она наконец. — Но если б он не обманул меня, я бы его не выдала.

— В общем, вы счастливо отделались, — сказал Шерлок Холмс. — Он был в ваших руках и прекрасно знал это, а вы все-таки остались живы. Последние месяцы вы ходили по краю бездны. А теперь, миссис Лайонс, разрешите пожелать вам всего хорошего. Но мы еще, вероятно, увидимся…

— Ну вот, все мало-помалу выясняется, туман редеет, — сказал Холмс, когда мы снова вышли на станционную платформу к приходу лондонского экспресса. — Скоро я смогу пункт за пунктом воссоздать это преступление — пожалуй, самое сенсационное преступление нашего времени. Криминалисты скажут, что нечто подобное уже было, и, конечно, вспомнят убийство в Гродно, на Украине, в 1866 году и Андерсона из Северной Каролины, но у теперешнего нашего дела есть некоторые совершенно своеобразные черты. Мы даже сейчас не можем предъявить прямые улики этому коварному хитрецу. Но помяните мое слово, Уотсон: к тому времени, когда мы ляжем спать, все будет выяснено.

Лондонский экспресс с грохотом подкатил к станции, и из вагона первого класса выскочил на платформу маленький коренастый человек, напоминающий чем-то бульдога. Мы поздоровались, и по той почтительности, с какой Лестрейд относился к моему товарищу, мне стало ясно, что он многое понял с тех пор, как они начали работать вместе. Я прекрасно помнил, сколько презрения вызывали когда-то у этого практика логические выкладки нашего любителя теорий.

— Ну как, крупное дело? — спросил Лестрейд.

— Такого давно не бывало, — сказал Холмс. — У нас в запасе два часа свободного времени. Давайте употребим его на обед, а потом, Лестрейд, мы угостим вас чистейшим ночным воздухом Дартмура и поможем вам прочистить горло от лондонского тумана. Никогда здесь не были? В таком случае вы не скоро забудете свое первое знакомство с этими местами.

Глава XIV. СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Одним из недостатков Шерлока Холмса — если только это можно назвать недостатком — было то, что он никогда и ни с кем не делился своими планами вплоть до их свершения. Такая скрытность объяснялась отчасти властной натурой этого человека, любившего повелевать окружающими и поражать их воображение, отчасти профессиональной осторожностью, не позволявшей ему рисковать без нужды. Как бы то ни было, эта черта характера Шерлока Холмса доставляла много неприятностей тем, кто работал с ним в качестве его агентов или помощников. Я сам часто страдал от нее, но то, что мне пришлось вытерпеть за это долгое путешествие в темноте, превзошло все мои прошлые муки. Нам предстояло нелегкое испытание, мы были готовы нанести последний, решающий удар, а Холмс упорно молчал, и я мог только догадываться о его планах. Мое нервное напряжение дошло до предела, как вдруг в лицо нам пахнуло холодным ветром, и, глянув в темноту, на пустынные просторы, тянувшиеся по обеим сторонам узкой дороги, я понял, что мы снова очутились на болотах. Каждый шаг лошадей, каждый поворот колес приближал нас к развязке всех этих событий.

В присутствии возницы, нанятого в Кумби-Треси, нельзя было говорить о деле, и мы, несмотря на все свое волнение, беседовали о каких-то пустяках. Я облегченно вздохнул, когда в стороне от дороги показался коттедж Френкленда, от которого оставалось две-три мили до Баскервиль-холла и до того места, где должна была разыграться заключительная сцена трагедии. Не останавливаясь у подъезда, мы проехали к калитке в тисовой аллее, расплатились с возницей, отправили его обратно в Кумби-Треси, а сами пошли по направлению к Меррипит-хаус.

— Вы с оружием, Лестрейд?

Маленький сыщик улыбнулся:

— Раз на мне брюки, значит, и задний карман у них есть, а раз есть задний карман, значит, он не пустует.

— Вот и прекрасно! Мы с Уотсоном тоже приготовились ко всяким неожиданностям.

— Я вижу, вы настроены очень серьезно, мистер Холмс. А что от нас теперь требуется в этой игре?

— Требуется терпение. Будем ждать.

— Действительно, места здесь не очень веселые! — Сыщик повел плечами, глядя на мрачные склоны холмов и туман, озером разлившийся над Гримпенской трясиной. — А вон где-то горит огонек.

— Это Меррипит-хаус — конечная цель нашего путешествия. Теперь попрошу вас ступать как можно тише и говорить шепотом.

Мы осторожно шагали по тропинке, которая вела к дому, но ярдов за двести от него Холмс остановился.

— Дальше не надо, — сказал он. — Вот эти валуны послужат нам прекрасной ширмой.

— Здесь и будем ждать?

— Да, устроим засаду. Станьте вот сюда, Лестрейд. Уотсон, ведь вы бывали в доме? Расположение комнат знаете? Вон те окна с переплетом — что это?

— По-моему, кухня.

— А следующее, ярко освещенное?

— Это столовая.

— Шторы подняты. Вы лучше меня знаете, как туда пройти. Загляните в окно — что они там делают? Только, ради бога, тише. Как бы вас не услышали.

Я подкрался на цыпочках к низкой каменной ограде, окружающей чахлый садик Стэплтонов, и, пробираясь в ее тени, дошел до того места, откуда можно было заглянуть в незанавешенное окно.

В комнате были двое мужчин — сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом, ко мне в профиль, и курили сигары. Перед ними стояли чашки с кофе и вино. Стэплтон оживленно говорил о чем-то, но баронет сидел бледный и слушал его невнимательно. Ему, вероятно, не давала покоя мысль о скором возвращении домой по зловещим болотам.

Но вот Стэплтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри подлил себе вина в стакан и откинулся на спинку стула, попыхивая сигарой. Я услышал скрип двери, потом похрустывание гравия на тропинке. Шаги приближались ко мне. Выглянув из-за стены, я увидел, что натуралист остановился у небольшого сарая в углу сада. Звякнул ключ в замке, и в сарае послышалась какая-то возня. Стэплтон пробыл там не больше двух минут, снова звякнул ключом, прошел мимо меня и исчез в доме. Я увидел, что он вернулся к своему гостю; осторожно пробравшись к товарищам, я рассказал им все это.

— Значит, женщина не с ними? — спросил Холмс, когда я кончил.

— Нет.

— Тогда где же она? Ведь, кроме кухни и столовой, все окна темные.

— Право, не знаю.

Я уже говорил, что над Гримпенской трясиной стлался густой белый туман. Он медленно полз в нашу сторону, окружая нас и справа и слева низким, но плотным валом. Лившийся сверху лунный свет превращал его в мерцающее ледяное поле, над которым, словно черные пики, вздымались верхушки отдаленных гранитных столбов. Холмс повернулся в ту сторону и, глядя на эту медленно подползающую белую стену, нетерпеливо пробормотал:

— Смотрите, Уотсон, туман движется прямо на нас.

— А это нехорошо?

— Хуже некуда! Туман — единственное, что может нарушить мои планы. Но сэр Генри там не задержится. Уже десять часов. Теперь все — и наш успех и даже его жизнь — зависит от того, выйдет ли он прежде, чем туман доползет до тропинки, или нет.

Ночное небо было чистое, без единого облачка Звезды холодно поблескивали в вышине, луна заливала болота мягким неверным светом. Прямо перед нами смутно чернели очертания дома с островерхой крышей, словно ощетинившейся трубами, которые четко выступали на звездном небе. Широкие золотые полосы падали из окон нижнего этажа в сад и дальше, на болота. Одна из них вдруг погасла. Слуги вышли из кухни. Теперь лампа горела только в столовой, где те двое — убийца-хозяин и ничего не подозревающий гость — покуривали сигары и продолжали свой разговор.

Белая волокнистая пелена, затянувшая почти все болото, с каждой минутой приближалась к дому. Первые прозрачные клочья уже завивались у золотистого квадрата освещенного окна. Дальняя стена сада совсем исчезла в этой клубящейся мгле, над которой виднелись только верхушки деревьев. Вот белесые кольца показались с обеих сторон дома и медленно слились в плотный вал, и верхний этаж с крышей всплыл над ним, точно волшебный корабль на волнах призрачного моря. Холмс яростно ударил кулаком о камень, за которым мы стояли, и вне себя от нетерпения топнул ногой.

— Если он не появится через четверть часа, тропинку затянет туманом, а через полчаса мы уже не сможем разглядеть собственную руку в этой тьме.

— Отойдем немного назад, там выше.

— Да, пожалуй, так и сделаем.

По мере того как туман надвигался на нас, мы отступали все дальше и дальше, пока не очутились в полумиле от дома. Но сплошное белесое море, посеребренное сверху луной, подбиралось и туда, продолжая свое медленное, неуклонное наступление.

— Мы слишком далеко зашли, — сказал Холмс. — Это уже рискованно: его могут настигнуть прежде, чем он дойдет до нас. Ну, будь что будет, останемся здесь.

Он опустился на колени и приложил ухо к земле.

— Слава богу! Кажется, идет!

В тишине болот послышались быстрые шаги. Пригнувшись за валунами, мы напряженно всматривались в подступавшую к нам мутно-серебристую стену. Шаги все приближались, и вот из тумана, словно распахнув перед собой занавес, выступил тот, кого мы поджидали. Увидя над собой чистое звездное небо, он с удивлением осмотрелся по сторонам. Потом быстро зашагал по тропинке, прошел мимо нас и стал подниматься вверх по отлогому склону, начинавшемуся сразу за валунами. На ходу он то и дело оглядывался через плечо, видимо остерегаясь чего-то.

— Тсс! — шепнул Холмс и щелкнул курком, — Смотрите! Вот она!

В самой гуще подползающего к нам тумана послышался мерный, дробный топот. Белая стена была от нас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое вперили в нее взгляд, не зная, какое чудовище появится оттуда. Стоя рядом с Холмсом, я мельком взглянул ему в лицо — бледное,

взволнованное, с горящими при лунном свете глазами. И вдруг оно преобразилось: взгляд стал сосредоточен и суров, рот приоткрылся от изумления. В ту же секунду Лестрейд вскрикнул от ужаса и упал ничком на землю. Я выпрямился и, почти парализованный тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потянулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромная, черная как смоль. Но такой собаки еще никто из нас, смертных, не видывал. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана.

Чудовище неслось по тропинке огромными прыжками, принюхиваясь к следам нашего друга. Мы опомнились лишь после того, как оно промчалось мимо. Тогда и я и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся вслед за этим оглушительный рев убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель. Но собака не остановилась и продолжала мчаться вперед. Мы видели, как сэр Генри оглянулся, мертвенно-бледный при свете луны, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое настигало его.

Но голос взвывшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и если она ранена, значит, ее можно и убить. Боже, как бежал в ту ночь Холмс! Я всегда считался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстояние, на какое я сам опередил маленького сыщика. Мы неслись по тропинке и слышали непрекращающиеся крики сэра Генри и глухой рев собаки. Я подоспел в ту минуту, когда она кинулась на свою жертву, повалила ее на землю и уже примеривалась схватить за горло. Но Холмс всадил ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последний раз, яростно щелкнула зубами, повалилась на спину и, судорожно дернув всеми четырьмя лапами, замерла. Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и приставил дуло револьвера к этой страшной светящейся морде, но выстрелить мне не пришлось — исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без сознания там, где она настигла его. Мы сорвали с него воротничок, и Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен и что наша помощь подоспела вовремя. А потом веки у сэра Генри дрогнули и он слабо шевельнулся. Лестрейд просунул ему между зубами горлышко фляги с коньяком, и через секунду на нас глянули два испуганных глаза.

— Боже мой! — прошептал баронет. — Что это было? Где оно?

— Его уже нет, — сказал Холмс. — С привидением, которое преследовало ваш род, покончено навсегда.

Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь — поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза были обведены огненными кругами. Я дотронулся до этой светящейся головы и, отняв руку, увидел, что мои пальцы тоже засветились в темноте.

— Фосфор, — сказал я.

— Да, и какой-то особый препарат, — подтвердил Холмс, потянув носом.

— Без запаха, чтобы у собаки не исчезло чутье. Простите нас, сэр Генри, что мы подвергли вас такому страшному испытанию. Я готовился увидеть собаку, но никак не ожидал, что это будет такое чудовище. К тому же нам помешал туман, и мы не смогли оказать псу достойную встречу.

— Вы спасли мне жизнь.

— Подвергнув ее сначала опасности… Ну как, можете встать?

— Дайте мне еще один глоток коньяку, и тогда все будет в порядке. Ну вот! Теперь с вашей помощью я встану. А что вы намерены делать дальше?

— Пока оставим вас здесь — вы уже достаточно натерпелись за сегодняшнюю ночь, — а потом кто-нибудь из нас вернется с вами домой.

Баронет попробовал подняться, но не смог. Он был бледен как полотно и дрожал всем телом. Мы подвели его к валуну. Он сел там, дрожа всем телом, и закрыл лицо руками.

— А теперь нам придется уйти, — сказал Холмс. — Надо кончить начатое дело. Дорога каждая минута. Состав преступления теперь налицо, остается только схватить преступника… Держу пари, в доме его уже не окажется, — продолжал Холмс, быстро шагая рядом с нами по тропинке. — Он не мог не слышать выстрелов и понял, что игра проиграна.

— Ну что вы! Это было далеко от дома, к тому же туман приглушает звуки.

— Можете не сомневаться, что он кинулся следом за собакой, ведь ее надо было оттащить от тела. Нет, мы его уже не застанем! Но на всякий случай надо обшарить все уголки.

Входная дверь была открыта настежь, и, вбежав в дом, мы быстро осмотрели комнату за комнатой, к удивлению дряхлого слуги, встретившего нас в коридоре. Свет горел только в столовой, но Холмс взял оттуда лампу и обошел с ней все закоулки в доме. Человек, которого мы искали, исчез бесследно. Однако на втором этаже дверь одной из спален оказалась запертой.

— Там кто-то есть! — крикнул Лестрейд.

В комнате послышался слабый стон и шорох. Холмс ударил ногой чуть повыше замка, и дверь распахнулась настежь. Держа револьверы наготове, мы ворвались туда.

Но дерзостного негодяя, за которым мы охотились, не оказалось и тут. Вместо него глазам нашим предстало нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте.

Эта комната представляла собой маленький музей. Ее стены были сплошь заставлены стеклянными ящиками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек — любимое детище этой сложной и преступной натуры. Посередине поднималась толстая подпорка, подведенная под трухлявые балясины потолка. И у этой подпорки стоял человек, привязанный к ней простынями, которые укутывали его с головы до ног, так что в первую минуту даже нельзя было разобрать, кто это — мужчина или женщина. Одно полотнище шло вокруг горла, другое закрывало нижнюю часть лица, оставляя открытыми только глаза, которые с немым вопросом смотрели на нас, полные ужаса и стыда. В мгновение ока мы сорвали эти путы, вынули кляп, и к нашим ногам упала не кто иная, как миссис Стэплтон. Голова ее опустилась на грудь, и я увидел красный рубец у нее на шее от удара плетью.

— Мерзавец! — крикнул Холмс. — Лестрейд, где коньяк? Посадите ее на стул. Такие пытки кого угодно доведут до обморока!

Миссис Стэплтон открыла глаза.

— Он спасся? — спросила она. — Он убежал?

— От нас он никуда не убежит, сударыня.

— Нет, нет, я не про мужа. Сэр Генри… спасся?

— Да.

— А собака?

— Убита!

У нее вырвался долгий вздох облегчения:

— Слава богу! Слава богу! Негодяй! Смотрите, что он со мной сделал! — Она засучила оба рукава, и мы увидели, что ее руки все в синяках. — Но это еще ничего… это ничего. Он истерзал, он опоганил мою душу. Пока у меня теплилась надежда, что этот человек любит

меня, я все сносила, все: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную обмана… Но он лгал мне, я была орудием в его руках! — Она не выдержала и разрыдалась.

— Да, сударыня, у вас нет никаких оснований желать ему добра, — сказал Холмс. — Так откройте же, где его искать. Если вы были его сообщницей, воспользуйтесь случаем загладить свою вину — помогите нам.

— Он может спрятаться только в одном месте, больше ему некуда деваться, — ответила она. — В самом сердце трясины есть островок, на котором был когда-то рудник. Там он и держал свою собаку, и там у него все приготовлено на тот случай, если придется бежать.

Холмс посветил в окно лампой. Туман, словно белая вата, лип к стеклу.

— Смотрите, — сказал он. — Сегодня ночью никто не сможет пробраться на Гримпенскую трясину.

Миссис Стэплтон рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза ее сверкнули недобрым огнем.

— Туда-то он найдет дорогу, а обратно не выберется! — воскликнула она. — Разве в такую ночь разглядишь вехи? Мы ставили их вместе, чтобы наметить тропу через трясину. Ах, почему я не догадалась убрать их сегодня! Тогда он был бы в вашей власти!

При таком тумане о погоне нечего было и думать. Мы оставили Лестрейда полновластным хозяином Меррипит-хаус, а сами вместе с сэром Генри вернулись в Баскервиль-холл. Скрывать от него историю Стэплтонов больше было нельзя. Узнав всю правду о любимой женщине, он мужественно принял этот удар.

Однако пережитое ночью потрясение не прошло даром для баронета. К утру он лежал без памяти в горячке под надзором доктора Мортимера. В дальнейшем им обоим было суждено совершить кругосветное путешествие, и только после него сэр Генри снова стал тем же веселым, здоровым человеком, какой приехал когда-то в Англию наследником этого злополучного поместья.

А теперь мое странное повествование быстро подходит к концу. Записывая его, я старался, чтобы читатель делил вместе с нами все те страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали нашу жизнь и завершились такой трагедией.

К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас к тому месту, где начиналась тропинка, ведущая через трясину. Эта женщина с такой охотой и радостью направляла нас по следам мужа, что нам только тогда и стало ясно, как страшна была ее жизнь. Мы расстались с ней на узкой торфяной полоске, полуостровом вдававшейся в трясину. Маленькие прутики, воткнутые то там, то сям, намечали тропу, извивающуюся зигзагом от кочки к кочке, между затянутыми зеленью окнами, которые преградили бы путь всякому, кто был незнаком с этими местами. От гниющего камыша и покрытых илом водорослей над трясиной поднимались тяжелые испарения. Мы то и дело оступались, уходя по колено в темную зыбкую топь, мягкими кругами расходившуюся на поверхности. Вязкая жижа присасывалась к нашим ногам, и ее хватка была настолько сильна, что казалось, чья-то цепкая рука тянет нас в эти мерзостные глубины. На глаза нам попалось только одно-единственное доказательство, что не мы первые идем по этому опасному пути. На кочке, поросшей болотной травой, лежало что-то темное. Потянувшись туда. Холмс сразу ушел по пояс в тину, и если б не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю. Он держал в руке старый черный башмак. Внутри была метка: «Мейерс. Торонто».

— Из-за такой находки стоило принять грязевую ванну. Вот он, пропавший башмак нашего друга!

— Брошенный второпях Стэплтоном?

— Совершенно верно. Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним, а потом бросил. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что до этого места он добрался благополучно.

Но больше нам ничего не удалось узнать, хотя догадываться мы могли о многом. Разглядеть на тропинке следы не было никакой возможности — их сразу же затягивало тиной. Мы решили, что они обнаружатся на более сухом месте, однако все поиски были тщетны. Если земля говорила правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища на островке, к которому он стремился в ту памятную нам туманную ночь. Этот холодный, жестокий человек был навеки погребен в самом сердце зловонной Гримпенской трясины, засосавшей его в свою бездонную глубину.

Мы нашли немало его следов на опоясанном топью островке, где он прятал своего страшного сообщника. Огромный ворот и шахта, до половины заваленная щебнем, говорили, что когда-то здесь был рудник. Рядом с ним стояли развалившиеся лачуги рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда ядовитые болотные испарения. В одной из этих лачуг мы нашли кольцо в стене, цепь и множество обглоданных костей. Здесь, вероятно, Стэплтон и держал своего пса. Среди мусора валялся скелет собаки с оставшимся на нем клочком рыжей шерсти.

— Боже мой! — воскликнул Холмс. — Да это, спаниель! Бедный Мортимер больше никогда не уводит своего любимца. Ну что ж, теперь, я думаю, этот островок открыл нам все свои тайна. Спрятать собаку было нетрудно, а вот попробуйте заставить ее молчать! Отсюда и шел этот вой, от которого людям даже днем становилось не по себе. В случае крайней необходимости Стэплтон мог бы перевести собаку в сарай, поближе к дому, но на такой риск можно было пойти только в самую критическую минуту, в расчете на близкую развязку. А вот эта паста в жестянке — тот самый светящийся состав, которым он смазывал своего пса. Его натолкнуло на эту мысль не что иное, как легенда о чудовищной собаке Баскервилей, и он решил разделаться таким способом с сэром Чарльзом. Теперь неудивительно, что злосчастный каторжник с воплями пустился наутек, когда эдакое страшилище выскочило на него из темноты. Точно так же поступил и наш друг, да и мы сами были недалеки от этого. Стэплтон хитро придумал! Уж не говоря о том, что собака помогла бы ему убить его жертву, кто из здешних фермеров решился бы поближе познакомиться с ней? С такой тварью достаточно и одной встречи. А ведь ее многие видели на болотах. Я говорил об этом в Лондоне, Уотсон, и повторяю опять: нам никогда не приходилось иметь дело с человеком более опасным, чем тот, кто лежит теперь там! — И он показал на зелено-бурую трясину, уходившую вдаль, к пологим склонам торфяных болот.

Глава XV. ВЗГЛЯД НАЗАД

Был конец ноября. Ненастным, туманным вечером мы с Холмсом сидели у пылающего камина в кабинете на Бейкер-стрит. Со времени трагедии, которая завершила нашу поездку в Девоншир, мой друг успел расследовать два очень серьезных дела. В первом из них ему удалось разоблачить полковника Эпвуда, замешанного в скандале, разыгравшемся за карточным столом в клубе «Патриций», во втором — полностью снять с несчастной мадам Монпенсье обвинение в убийстве падчерицы, молоденькой мадемуазель Карэр, которая, как известно, полгода спустя объявилась в Нью-Йорке и благополучно вышла там замуж. После успешного разбора двух таких трудных и серьезных дел Холмс был в прекрасном расположении духа, и, пользуясь этим, я решил выведать у него некоторые подробности загадочной баскервильской истории. Я терпеливо ждал своего часа, зная, что Холмс не любит держать в голове сразу по нескольку дел и что его ясный, логический ум не станет отвлекаться от текущей работы ради воспоминаний о прошлом.

В эти дни в Лондоне как раз были сэр Генри и доктор Мортимер, готовившиеся к далекому путешествию, которое врачи предписали баронету для укрепления расшатанной нервной системы. Утром они нанесли нам визит, так что у меня был хороший повод завести разговор, на нужную тему.

— С точки зрения человека, именующего себя Стэплтоном, события разворачивались как по-писаному, — начал Холмс, — но нам все это казалось чрезвычайно сложным, потому что мы не имели тогда ни малейшего понятия, чем он руководствуется в своих действиях, и знали

только кое-какие факты. С тех пор у меня было два разговора с миссис Стэплтон, и все разъяснилось. Думаю, что теперь загадок уже нет. Можете посмотреть мои заметки по этому делу в картотеке под литерой «Б».

— А может, вы изложите ход событий просто по памяти?

— С удовольствием, хотя и не ручаюсь, что вспомню все подробности. Когда сосредоточишься на чем-нибудь одном, прошлые помыслы улетучиваются из головы. Адвокат, знающий назубок свое очередное дело и ломающий из-за него копья в суде, недели через две начисто все забывает. Так и у меня: каждое новое расследование вытесняет из памяти предыдущее, и мадемуазель Карэр своей персоной заслонила в моем сознании Баскервиль-холл. Завтра передо мной, может быть, встанет следующая загадка, которая, в свою очередь, заслонит очаровательную француженку и шулера Эпвуда. Но я все-таки постараюсь изложить вам всю эту историю, а если я что-нибудь забуду, вы мне подскажете.

Наведенные справки окончательно убедили меня, что фамильный портрет не лгал и что этот человек действительно из рода Баскервилей. Он оказался сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, которому пришлось бежать в Южную Америку, где он и женился, и после него остался сын, носивший отцовскую фамилию. Сей небезызвестный вам молодчик женился на некой Бэрил Гарсиа, одной из красавиц Коста-Рики, растратил казенные деньги и, переменив фамилию на Ванделер, бежал в Англию, где вскоре открыл школу в восточной части Йоркшира. Этот род деятельности он избрал потому, что сумел воспользоваться знаниями и опытом одного учителя, с которым познакомился в пути. Но его компаньон, Фрезер, был в последней стадии чахотки и вскоре умер. Дела школы шли все хуже и хуже, а конец у нее был совсем бесславный. Супруги Ванделер сочли за благо переменить фамилию и с тех пор стали именоваться Стэплтонами. В дальнейшем Стэплтон вместе с остатками своего состояния, новыми планами на будущее и страстью к энтомологии перебрался на юг Англии. Я наводил справки в Британском музее и выяснил, что Ванделер считался признанным авторитетом в своей области и что его имя было присвоено одной ночной бабочке, описанной им еще в Йоркшире.

Теперь мы дошли до того периода его жизни, который оказался столь интересным для нас. Этот человек, по-видимому, разузнал, что между ним и крупным поместьем стоят всего две жизни. Когда он собрался в Девоншир, его планы были, вероятно, еще весьма туманны, но недобрый замысел зрел — недаром он с самого начала выдал свою жену за сестру. Мысль воспользоваться ею в качестве приманки овладела им сразу, хотя он, может быть, еще и не представлял себе, как все сложится в дальнейшем. Его цель была — получить поместье; ради этого он не стеснялся в средствах и шел на любой риск. Итак, для начала надо было поселиться как можно ближе к Баскервиль-холлу, а потом завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом и с другими соседями.

Баронет сам рассказал ему предание о собаке и таким образом ступил на свой смертный путь. Стэплтон, как я его по-прежнему буду называть, знал, что у старика больное сердце и что сильное потрясение может убить его. Все это он слышал от доктора Мортимера. Кроме того, ему было известно, что сэр Чарльз — человек суеверный и придает большое значение этой мрачной легенде. Изворотливый ум Стэплтона немедленно подсказал ему способ, каким можно убить баронета и остаться самому вне подозрений.

Выработав план действия, Стэплтон приступил к его осуществлению со всей изощренностью, свойственной его натуре. Заурядный преступник удовольствовался бы в таком случае просто злой собакой, но Стэплтона осенила гениальная мысль — сделать из нее исчадие ада. Он купил этого пса в Лондоне у Росса и Менгласа, на Фулхем-роуд, выбрав самого крупного и самого свирепого из всех, какие были. Потом приехал с ним в Девоншир по северной линии и сделал немалый конец пешком через болота, чтобы провести его домой незаметно. Во время своих экскурсий за бабочками он нашел путь в глубь Гримпенской

трясины, а более надежного места для собаки нельзя и придумать. Он посадил ее там на цепь и стал ждать удобного случая.

Но такой случай долго не представлялся: сэра Чарльза нельзя было выманить ночью за пределы поместья. Стэплтон не раз подстерегал старика, держа собаку наготове, но все было тщетно. Вот во время этих бесплодных блужданий по болотам он, вернее, его сообщник и попался на глаза кое-кому из тамошних фермеров, и легенда о чудовищном псе получила новое подтверждение. Тогда Стэплтон возложил все свои надежды на жену, но на сей раз она проявила неожиданную твердость характера. Миссис Стэплтон наотрез отказалась пускать в ход свои чары против старика, зная, что это может погубить его. Ни угрозы, ни даже — увы! — побои, ничто не помогало. Она не хотела принимать участие в кознях мужа, и на время Стэплтон оказался в тупике.

Но выход из этого тупика был найден. Сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лауре Лайонс. Выдав себя за холостяка, тот совершенно покорил эту несчастную женщину и дал ей понять, что женится на ней, если она добьется развода. И тут же вскоре выяснилось, что надо действовать безотлагательно: сэр Чарльз собрался в Лондон по настоянию доктора Мортимера, с которым Стэплтон для видимости соглашался. Нельзя было терять ни минуты, иначе жертва могла ускользнуть. Стэплтон заставил миссис Лайонс написать сэру Чарльзу письмо, в котором она умоляла старика дать ей возможность повидаться с ним накануне его отъезда из Баскервиль-холла. Потом под благовидным предлогом он уговорил ее не ходить на свидание, и вот долгожданный случай представился.

Вернувшись вечером из Кумби-Треси, Стэплтон успел сбегать за собакой, смазал ее этим адским составом и привел на то место, куда должен был прийти старик. Собака, натравленная хозяином, перемахнула через калитку и помчалась за несчастным баронетом, который с криками бросился бежать по тисовой аллее. Представляю себе, какое это было страшное зрелище! Кругом темнота, и в этой темноте за тобой мчится что-то огромное со светящейся мордой и огненными глазами. Сердце у баронета не выдержало, и он упал мертвый в самом конце аллеи. Собака неслась за ним по узкой полоске дерна, и поэтому на дорожке не было никаких следов, кроме человеческих. Когда сэр Чарльз упал, она, вероятно, обнюхала его, но не стала трогать мертвеца и убежала. Вот эти следы и заметил доктор Мортимер. Стэплтон подозвал своего пса и поторопился увести его назад, в глубь Гримпенской трясины. Таково происхождение этой загадки, которая сбила с толку полицию, переполошила всех окрестных жителей и, наконец, была представлена на наше рассмотрение.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы понимаете, с какой дьявольской хитростью этот человек обделал свое дело! Ведь уличить преступника не представлялось возможным! Соучастник у него был только один, причем такой, который не выдаст, а непостижимый, фантастический характер всего замысла и вовсе запутывал расследование. Обе женщины, замешанные в это дело, миссис Стэплтон и миссис Лаура Лайонс, подозревали, кто истинный виновник смерти сэра Чарльза. Миссис Стэплтон знала, что муж строит козни против старика, знала и о существовании собаки. Миссис Лайонс не имела ни малейшего понятия ни о том, ни о другом, но ее поразило, что смерть сэра Чарльза совпала по времени с несостоявшейся встречей у калитки, о которой, кроме Стэплтона, никто не знал. Но обе они были всецело под его влиянием, и он мог не бояться их. Таким образом, первая половина задачи была выполнена успешно, оставалась вторая — куда более трудная.

Очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде. Но он не замедлил узнать об этом от своего приятеля, доктора Мортимера, который заодно уведомил его и о дне приезда Генри Баскервиля. Прежде всего ему пришла в голову мысль, нельзя ли будет разделаться с этим молодым канадцем в Лондоне, до того как он приедет в Девоншир. Жене Стэплтон больше не доверял, помня, что она отказалась завлечь в свои сети старика Баскервиля. Оставлять ее надолго одну он тоже не решался — так можно

было совсем утратить над ней власть. Пришлось ехать в Лондон вместе. Они остановились, как я потом выяснил, в отеле «Мексборо», на Кревенстрит, куда Картрайт тоже заходил в поисках изрезанной страницы «Таймса». Стэплтон держал жену взаперти в номере, а сам, приклеив фальшивую бороду, ходил по пятам за доктором Мортимером — на Бейкер-стрит, на вокзал, в отель «Нортумберленд». Миссис Стэплтон подозревала, какие планы строит ее супруг, но она испытывала такой страх перед ним — страх, рожденный его жестокостью, — что не решалась написать сэру Генри о грозящей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стэплтона, кто бы мог поручиться за ее жизнь? В конце концов, как мы уже знаем, она пошла на хитрость: вырезала нужные слова из газеты и написала адрес измененным почерком. Письмо дошло до баронета и послужило ему первым предостережением.

Стэплтону нужно было во что бы то ни стало раздобыть какую-нибудь вещь из туалета сэра Генри на тот случай, если придется пускать собаку по его следу. Действуя, как всегда, быстро и смело, он не стал медлить, и мы можем не сомневаться, что и коридорный и горничная в отеле получили щедрую мзду за оказанную ему помощь. Увы! Первый башмак оказался ненадеванным и, следовательно, был непригоден. Он вернул его и взамен получил другой. Из этого факта я сделал очень важный вывод. Мне стало ясно, что мы имеем дело с настоящей собакой, ибо только этим можно было объяснить старания Стэплтона получить старый башмак. Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем большего внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетантски, разобраться в них.

На другое утро наши друзья пожаловали к нам, а Стэплтон следовал за ними издали в кэбе. Судя по многим признакам и хотя бы по тому, что он знал меня в лицо, знал и мой адрес, его карьера не ограничивалась баскервильским делом, я в этом почти уверен. Так, например, за последние три года в западных графствах было совершено четыре крупных ограбления, а преступников обнаружить не удалось. Последнее из них — это было и Фолкстон-корт в мае месяце — не обошлось без кровопролития. Грабитель в маске уложил выстрелом из револьвера мальчика-слугу, который застиг его. Теперь я не сомневаюсь, что Стэплтон поправлял таким способом свои расстроенные финансовые дела и что он уже давно был опасным преступником.

В его находчивости и дерзости мы могли убедиться в то утро, когда он так ловко улизнул от нас и потом назвался моим же именем, прекрасно зная, что я доберусь до этого кэбмена. И тогда Стэплтон понял: в Лондоне рассчитывать на успех нечего, так как за это дело взялся я. Он уехал в Дартмур и стал ждать приезда баронета…

— Постойте! — перебил я Холмса. — Вы совершенно точно изложили весь ход событий, но один пункт все же для меня неясен. Что стало с собакой, когда ее хозяин уехал в Лондон?

— Вопрос очень существенный, я сам этим интересовался. У Стэплтона, конечно, был какой-то сообщник, хотя вряд ли он делился с ним всеми своими планами — это значило бы полностью отдаться в его власть. Помните слугу в Меррипит-хаус, старика Антони? Он жил у Стэплтонов несколько лет, еще в то время, когда у них была школа, и, конечно, знал, что они муж и жена. Так вот, этот самый Антони исчез бесследно, в Англии его нет. Обратите также внимание на то, что имя Антони встречается у нас довольно редко, а в Испании и в Латинской Америке Антонио попадаются на каждом шагу. Старик говорил по-английски не хуже миссис Стэплтон, но с тем же странным акцентом. Я сам видел, как он ходил в глубь Гримпенской трясины по тропинке, намеченной Стэплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина собаку кормил слуга Антони, хотя, может статься, ему было невдомек, с какой целью ее здесь держат.

Итак, Стэплтоны вернулись в Девоншир, а вскоре туда приехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о себе. Вы, вероятно, помните, что, разглядывая письмо, присланное сэру Генри, я заинтересовался, есть ли на нем водяные знаки. Я поднес листок к глазам и уловил легкий запах — от него пахло духами «Белый жасмин». Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сыщик должен уметь отличать один от другого. Я на

собственном опыте убедился, что успешное расследование преступлений не раз зависело именно от этого. Если пахнет жасмином, значит, автор письма женщина, а к тому времени Стэплтоны уже начинали интересовать меня. Итак, я понял, что собака существует на самом деле, и догадался, кто преступник, еще до своей поездки в Девоншир.

За Стэплтоном надо было установить слежку. Но если б я следил за ним, находясь в вашем обществе, он бы сразу насторожился. Пришлось обмануть всех, в том числе и вас. Я сказал, что останусь в Лондоне, а сам поехал следом за вами. Лишения, которые мне пришлось испытать, вовсе не так страшны, как вам кажется. Впрочем, подобные пустяки не должны мешать нашей работе. Я жил, собственно, в Кумби-Треси, а пещеру на болотах навещал лишь в тех случаях, когда требовалось быть поближе к месту действия. Картрайт приехал в Девоншир вместе со мной и, расхаживая повсюду под видом деревенского мальчика, оказал мне большую помощь. Кроме того, он снабжал меня едой и чистым бельем и следил за вами, когда я был занят Стэплтоном. Так что, как видите, все нити были у меня в руках.

Вы уже знаете, что ваши отчеты немедленно пересылались с Бейкер-стрит в Кумби-Треси. Я очень много из них почерпнул, особенно из того, где сообщался единственный подлинный эпизод из биографии Стэплтонов. После этого мне уже нетрудно было установить личность их обоих, и я понял, с кем имею дело. Однако расследование осложнялось одним побочным обстоятельством

— бегством каторжника и связью между ним и Бэрриморами. Но вы распутали и этот узел, хотя я уже сам пришел к тем же выводам на основе собственных наблюдений.

К тому времени, когда вы отыскали меня в пещере на болотах, картина преступления стала окончательно ясна, но выносить это дело на суд присяжных было преждевременно. Даже неудачное покушение Стэплтона на сэра Генри, закончившееся гибелью злосчастного каторжника, не давало прямых улик. Оставался единственный выход: схватить его на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти один, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели. Подвергнув своего клиента такому испытанию, я, конечно, вполне заслужил упрек в плохом ведении дела, но кто мог знать заранее, какое страшное, ошеломляющее зрелище предстанет нашим глазам, кто мог предвидеть, что ночью будет туман и собака выскочит из него прямо на нас! Мы достигли цели дорогой ценой, но оба врача — и специалист по нервным болезням и доктор Мортимер — уверяют меня, что сэр Генри скоро поправится. Путешествие поможет нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и залечить сердечные раны. Ведь ему пришлось так обмануться в миссис Стэплтон, к которой он питал такие искренние и глубокие чувства! Это его больше всего и угнетает.

Теперь мне остается рассказать, какую роль сыграла она в этой мрачной истории. Я не сомневаюсь, что Стэплтон совершенно подчинил ее своему влиянию. Чем это объяснить? Любила она его или боялась — или и то и другое? Ведь эти чувства вполне совместимы. Во всяком случае, он действовал наверняка. Миссис Стэплтон согласилась выдать себя за его сестру, но стать прямой пособницей убийства все же отказалась наотрез, и тут ему пришлось убедиться, что его власть над ней не безгранична. Она не раз пыталась предупредить сэра Генри о грозящей ему опасности, но делала это так, чтобы не подвести мужа. Стэплтон, по-видимому, был способен на ревность, и когда баронет начал проявлять нежные чувства к даме своего сердца, Стэплтон не выдержал, хотя это входило в его планы, и выдал в бешеной вспышке всю страстность своей натуры, до тех пор тщательно скрываемую. Тем не менее он продолжал поощрять ухаживания сэра Генри, рассчитывая, что тот будет частым гостем в Меррипит-хаус и рано или поздно попадется ему в лапы. Но в самую решительную минуту жена взбунтовалась. Она прослышала о гибели беглого каторжника и узнала, что в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти к обеду, собаку перевели в сарай во дворе. Последовала бурная сцена. Миссис Стэплтон назвала мужа преступником и впервые услышала от него, что у нее

есть соперница. Былая преданность уступила место ненависти. Стэплтон понял, что жена его выдаст, и связал ее, чтобы она не могла предостеречь сэра Генри. Все его расчеты основывались на том, что, узнав о смерти баронета, в графстве вспомнят о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, а тогда он снова добьется от жены повиновения и заставит ее молчать. Стэплтон и тут просчитался. Его судьба была решена и без нашего вмешательства. Женщина, в жилах которой течет испанская кровь, не простила бы ему измены…

Вот и все, дорогой мой Уотсон. А если вам нужен более подробный отчет об этом из ряда вон выходящем деле, то мне придется заглянуть в свои записи. Но я, кажется, ничего существенного не упустил.

— Неужели Стэплтон надеялся, что сэр Генри тоже умрет от страха при виде этого пугала?

— Собака была совершенно дикая, кроме того, он держал ее впроголодь. Если б сэр Генри не умер на месте, то, во всяком случае, такое страшное зрелище могло бы парализовать его силы и он не оказал бы никакого сопротивления.

— Да, пожалуй. Теперь остается только один вопрос. Если бы Стэплтон доказал свои права на владение Баскервиль-холлом, как бы ему удалось объяснить тот факт, что он, наследник, жил под чужим именем да еще так близко от поместья? Неужели это не возбудило бы подозрений?

— На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответишь — вы слишком многого от меня требуете. Моя сфера деятельности — прошлое и настоящее. Что человек собирается делать в будущем, это я не берусь решать. По словам миссис Стэплтон, ее супруг думал об этом не раз. Он мог найти три выхода. Первый: уехать в Южную Америку, установить там свою личность в британском консульстве и затребовать наследство оттуда, не приезжая в Англию. Второй: проделать все это в Лондоне, предварительно изменив себя до неузнаваемости. И третий: выдать за наследника подставное лицо, снабдив его всеми необходимыми документами, а себе выговорив за это известную часть доходов. Зная Стэплтона, мы можем не сомневаться, что тот или иной выход из положения был бы найден.

А теперь, друг мой, обратимся мыслями к предметам более приятным. Несколько недель такого тяжелого труда дают нам право на свободный вечер. Я взял ложу в оперу. Вы слышали де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в течение получаса. Тогда мы заедем по дороге к Марцини и не спеша пообедаем там.

Его прощальный поклон (сборник)

Предисловие

Друзья Шерлока Холмса надеюсь будут рады услышать, что он жив и здоров, если не учитывать несколько приступов ревматизма. Он несколько лет прожил на маленькой ферме в пяти милях от Истборна, где делил время между философией и сельским хозяйством. Во время этого отдыха он отказался от поистине королевских предложений, полагая, что ушел в отставку навсегда. Однако, начало войны с Германией заставило его проявить замечательную комбинацию интеллектуальной и практической активности по освобождению правительства, исторические результаты которого перечислены в главе «Его последний поклон». Несколько предыдущих литературных опытов, долго хранившихся в моем портфолио, добавлены для завершения тома.

Д-р. Джон Ватсон

В Сиреневой сторожке

1. Необыкновенное приключение с мистером Джоном Скотт-Эклсом

Я читаю в своих записях, что было это в пасмурный и ветреный день в конце марта тысяча восемьсот девяносто второго года. Холмс, когда мы с ним завтракали, получил телеграмму и тут же за столом написал ответ. Он ничего не сказал, но дело, видно, не выходило у него из

головы, потому что потом он стоял с задумчивым лицом у огня, куря трубку, и все поглядывал на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне с лукавой искрой в глазах.

— Полагаю, Уотсон, мы вправе смотреть на вас как на литератора, — сказал он. — Как бы вы определили слово «дикий»?

— Первобытный, неприрученный, затем — странный, причудливый, — предложил я.

Он покачал головой.

— Оно заключает в себе кое-что еще, — сказал он: — Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое. Припомните иные из тех рассказов, посредством которых вы испытываете течение публики, — и вы сами увидите, как часто под диким крылось преступное. Поразмыслите над этим «делом рыжих». Поначалу оно рисовалось просто какой-то дичью, а ведь разрешилось попыткой самого дерзкого ограбления. Или эта дикая история с пятью апельсиновыми зернышками, которая раскрылась как заговор убийц. Это слово заставляет меня насторожиться.

— А оно есть в телеграмме?

Он прочитал вслух:

«Только что со мной произошла совершенно дикая, невообразимая история. Не разрешите ли с вами посоветоваться?

Скотт-Эклс. Чаринг-Кросс, почтамт».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Мужчина, конечно. Женщина никогда бы не послала телеграммы с оплаченным ответом. Просто приехала бы.

— Вы его примете?

— Дорогой мой Уотсон, вы же знаете, как я скучаю с тех пор, как мы посадили за решетку полковника Карузерса. Мой мозг, подобно перегретому мотору, разлетается на куски, когда не подключен к работе, для которой создан. Жизнь — сплошная пошлость, газеты выхолощены, отвага и романтика как будто навсегда ушли из преступного мира. И вы еще спрашиваете, согласен ли я ознакомиться с новой задачей, хотя бы она оказалась потом самой заурядной! Но если я не ошибаюсь, наш клиент уже здесь.

На лестнице послышались размеренные шаги, и минутой позже в комнату вошел высокий, полный, седоусый и торжественно благопристойный Господин. Тяжелые черты его лица и важная осанка без слов рассказывали его биографию. Все — от гетр до золотых его очков — провозглашало, что перед вами консерватор, верный сын церкви, честный гражданин, здравомыслящий и в высшей степени приличный. Но необыденное происшествие, как видно, возмутило его прирожденное спокойствие и напоминало о себе взъерошенной прической, горящими сердитыми щеками и всей его беспокойной, возбужденной манерой. Он немедленно приступил к делу.

— Со мной произошел очень странный и неприятный случай, мистер Холмс, — сказал он. — Никогда за всю свою жизнь я не попадал в такое положение. Такое… непристойное, оскорбительное. Я вынужден настаивать на каком-то разъяснении. — Он сердито отдувался и пыхтел.

— Садитесь, мистер Скотт-Эклс, прошу, — сказал успокоительно Холмс. — Прежде всего позвольте спросить, почему вообще вы обратились ко мне?

— Понимаете, сэр, дело тут явно такое, что полиции оно не касается; и все же, когда вы узнаете все факты, вы, конечно, согласитесь, что я не мог оставить это так, как есть. На частных сыщиков, как на известную категорию, я смотрю неодобрительно, но тем не менее все, что я слышал о вас…

— Ясно. А во-вторых, почему вы не пришли ко мне сразу же?

— Позвольте, как вас понять?

Холмс поглядел на часы.

— Сейчас четверть третьего, — сказал он. — Ваша телеграмма была отправлена в час дня. Между тем, посмотрев на вашу одежду и на весь ваш туалет, каждый скажет, что нелады у вас начались с первой же минуты пробуждения.

Наш клиент провел рукой по своим нечесаным волосам, по небритому подбородку.

— Вы правы, мистер Холмс. Я и не подумал о своем туалете. Я рад был уже и тому, что выбрался из такого дома. А потом я бегал наводить справки и уж только после этого поехал к вам. Я обратился, знаете, в земельное агентство, и там мне сказали, что мистер Гарсия платит аккуратно и что с Сиреневой сторожкой все в порядке.

— Позвольте, сэр! — рассмеялся Холмс. — Вы совсем как мой друг, доктор Уотсон, который усвоил себе скверную привычку вести свои рассказы не с того конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и изложите мне в должной последовательности самое существо тех событий, которые погнали вас, нечесаного, в непочищенном платье, в застегнутых наискось гетрах и жилете, искать совета и помощи.

Наш клиент сокрушенно оглядел свой не совсем благопристойный туалет.

— Что и говорить, мистер Холмс, это должно производить неприятное впечатление, и я не припомню, чтобы когда-нибудь за всю мою жизнь мне случилось показываться на людях в таком виде; но я расскажу вам по порядку всю эту нелепую историю, и, прослушав меня, вы, я уверен, согласитесь, что у меня есть достаточное оправдание.

Но его прервали, не дав даже начать рассказ. В коридоре послышался шум, и миссис Хадсон, отворив дверь, впустила к нам двух крепких, военной осанки, мужчин, одним из которых оказался наш старый знакомец инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда, энергичный, храбрый и при некоторой ограниченности все же способный работник сыска. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил ему своего спутника — полицейского инспектора Бэйнса из графства Суррей.

— Мы вместе идем по одному следу, мистер Холмс, и он привел нас сюда. — Он навел свой бульдожий взгляд на нашего посетителя. — Вы мистер Джон Скотт-Эклс из Попем-хауса в Ли?

— Он самый.

— Мы вас разыскиваем с раннего утра.

— И нашли вы его, конечно, по телеграмме, — сказал Холмс.

— Точно, мистер Холмс. Мы напали на след в Чаринг-Кроссе, на почтамте, и вот явились сюда.

— Но зачем вы меня разыскиваете? Что вам от меня нужно?

— Нам, мистер Скотт-Эклс, нужно получить от вас показания о событиях, которые привели этой ночью к смерти Господина Алоисио Гарсии, проживавшего в Сиреневой сторожке под Эшером.

Наш клиент с застывшим взглядом выпрямился в кресле, и вся краска сбежала с его изумленного лица.

— Умер? Он, вы говорите, умер?

— Да, сэр, он умер.

— Но отчего? Несчастный случай?

— Убийство, самое несомненное убийство.

— Боже правый! Это ужасно! Вы не хотите сказать… не хотите сказать, что подозрение падает на меня?

— В кармане убитого найдено ваше письмо, и мы таким образом узнали, что вчера вы собирались приехать к нему в гости и у него заночевать.

— Я так и сделал.

— Ага! Вы так и сделали?

Инспектор Достал свой блокнот.

— Минуту, Грегсон, — вмешался Холмс. — Все, что вам нужно, — это просто снять показания, не так ли?

— И я обязан предупредить мистера Скотт-Эклса, что они могут послужить свидетельством против него же.

— Когда вы вошли сюда, мистер Эклс как раз и собирался рассказать нам об этом. Думаю, Уотсон, коньяк с содовой ему не повредит. Я предложил бы вам, сэр, не смущаться тем, что слушателей стало больше, и вести свой рассказ в точности так, как вы его вели бы, если бы вас не прервали.

Наш посетитель залпом выпил свой коньяк, и краска снова проступила на его лице. С сомнением покосившись на инспекторский блокнот, он сразу приступил к своим необычайным показаниям.

— Я холост, — объявил он, — и так как человек я по натуре общительный, у меня широкий круг друзей. В числе моих друзей я могу назвать и семью одного отошедшего от дел пивовара, мистера Мелвила, проживающего в Кенсингтоне, в собственном доме. За их столом я и познакомился недели три тому назад с молодым человеком по фамилии Гарсия. Родом он был, как я понимаю, испанец и был как-то связан с посольством. Он в совершенстве владел английским языком, обладал приятными манерами и был очень хорош собой — я в жизни своей не видел более красивого мужчины.

Мы как-то сразу подружились, этот молодой человек и я. Он как будто с самого начала проникся ко мне симпатией и на второй же день после того, как мы с ним познакомились, он навестил меня в Ли. Раз навестил, другой, потом, как водится, и сам пригласил меня к себе погостить у него в Сиреневой сторожке, что между Эшером и Оксшоттом. Вчера вечером я и отправился, следуя этому приглашению, в Эшер.

Приглашая, он расписывал мне, как у него поставлен дом. По его словам, он жил с преданным слугой, своим соотечественником, который его избавил от всех домашних забот. Этот слуга говорит по-английски и сам ведет все хозяйство. И есть у него, сказал он, удивительный повар-мулат, которого он выискал где-то в своих путешествиях и который умеет подать гостям превосходный обед. Помню, он еще заметил, что и дом его и этот штат прислуги покажутся мне необычными — не каждый день встретишь подобное в английском захолустье, и я с ним согласился, но все же они оказались куда более необычными, нежели я ожидал.

Я приехал туда — это за Эшером, мили две к югу. Дом довольно большой, стоит немного в стороне от шоссе, подъездная дорога идет полукругом через высокий вечнозеленый кустарник. «Сторожка» оказалась старым, обветшалым строением, донельзя запущенным. Когда шарабан, прокатив по заросшей травой подъездной дороге, остановился перед измызганной, в дождевых подтеках дверью, меня взяло сомнение, умно ли я поступил, приехав в гости к человеку, с которым так мало знаком. Он, однако, сам отворил мне дверь, поздоровался со мной очень радушно. Меня препоручили слуге — угрюмому, чернявому субъекту, который, подхватив мой чемодан, провел меня в мою спальню. Все в этом доме производило гнетущее впечатление. Мы обедали вдвоем, и хотя мой хозяин старался как мог занимать меня разговором, что-то, казалось, все время отвлекало его мысли, и говорил он так туманно и бессвязно, что я с трудом его понимал. Он то и дело принимался постукивать пальцами по столу, грыз ногти и выказывал другие признаки нервозности и нетерпения. Сам по себе обед приготовлен был очень неважно да и сервирован неумело, а присутствие

мрачного и молчаливого слуги отнюдь не оживляло его. Смею вас уверить, мне не раз в течение вечера хотелось изобрести какой-нибудь благоприличный предлог и вернуться в Ли.

Одна вещь приходит мне на память, возможно, имеющая отношение к тому делу, по которому вы, джентльмены, ведете расследование. В то время я не придал ей значения. К концу обеда слуга подал хозяину записку. Я обратил внимание, что, прочитав ее, хозяин стал еще более рассеян и странен, чем раньше. Он перестал даже хотя бы для видимости поддерживать разговор — только сидел, погруженный в свои мысли, и курил сигарету за сигаретой, ни слова, однако, не сказав насчет той записки. В одиннадцать я с радостью пошел к себе и лег спать. Некоторое время спустя Гарсия заглянул ко мне — у меня в это время был уже потушен свет — и, стоя в дверях, спросил, не звонил ли я. Я сказал, что нет. Он извинился, что обеспокоил меня в такое позднее время, и добавил, что уже без малого час. Я после этого сразу заснул и крепко спал до утра.

И вот тут и пойдут в моем рассказе всякие удивительные вещи. Я проснулся, когда уже давно рассвело. Смотрю на часы, оказалось без пяти девять. Я настоятельно просил разбудить меня в восемь, и такая нерадивость очень меня удивила. Я вскочил и позвонил в звонок. Слуга не явился. Звоню еще и еще раз — никакого ответа. Тогда я решил, что звонок испорчен. Наспех оделся и в крайне дурном расположении духа сошел вниз истребовать горячей воды. Можете себе представить, как я был поражен, никого не застав на месте. Захожу в переднюю, звоню — ответа нет. Тогда я стал бегать из комнаты в комнату. Нигде никого. Накануне мой хозяин показал мне свою спальню, так что я знал, где она, и постучал к нему в дверь. Никто не отозвался. Я повернул ручку и вошел. В комнате никого, а на постели, как видно, и не спали. Он пропал со всеми вместе. Хозяин-иностранец, иностранец лакей, иностранец повар — все исчезли за ночь! На том и кончилось мое знакомство с Сиреневой сторожкой.

Шерлок Холмс потирал руки и посмеивался, добавляя этот причудливый случай к своему подбору странных происшествий.

— С вами, как я понимаю, случилось нечто совершенно исключительное, — сказал он. — Могу я спросить вас, сэр, как вы поступили дальше?

— Я был взбешен. Моею первой мыслью было, что со мной сыграли злую шутку. Я уложил свои вещи, захлопнул за собой дверь и отправился в Эшер с чемоданом в руке. Я зашел к Братьям Аллен — в главное земельное агентство по этому городку — и выяснил, что вилла снималась через их фирму. Мне подумалось, что едва ли такую сложную затею могли провести нарочно ради того, чтобы меня разыграть, и что тут, наверно, цель была другая: уклониться от арендной платы — вторая половина марта, значит, приближается срок квартального платежа. Но это предположение не оправдалось. Агент поблагодарил меня за предупредительность, сообщив, однако, что арендная плата внесена вперед. Я вернулся в Лондон и наведался в испанское посольство. Там этого человека не знали. Тогда я поехал к Мелвилу, в доме у которого я познакомился с Гарсией, но убедился, что он знает об испанце даже меньше, чем я. И вот, получив от вас ответ на свою депешу, я приезжаю к вам, так как слышал, что вы можете подать совет в затруднительном случае жизни. Но теперь, Господин инспектор, из того, что вы нам сообщили, когда вошли в эту комнату, я понял, что вы можете продолжить мой рассказ и что произошла какая-то трагедия. Могу вас заверить, что каждое сказанное мною слово — правда и что сверх того, что я вам рассказал, я ровно ничего не знаю о судьбе этого человека. У меня лишь одно желание — помочь закону чем только я могу.

— В этом я не сомневаюсь, мистер Скотт-Эклс, ничуть не сомневаюсь, — сказал инспектор Грегсон самым любезным тоном.

— Должен отметить, что все, рассказанное вами, точно соответствует установленным нами фактам. Например, вы упомянули о записке, переданной за обедом. Вы случайно не заметили, что с ней произошло?

— Заметил. Гарсия скатал ее и бросил в огонь.

— Что вы на это скажете, мистер Бэйнс?

Деревенский сыщик был крепкий толстяк, чье пухлое красное лицо казалось бы и вовсе простецким, если бы не пара необыкновенно ярких глаз, прячущихся в глубокой складке между толстых щек и нависших бровей. С медлительной улыбкой он вытащил из кармана скрученный и обесцвеченный листок бумаги.

— В камине там, мистер Холмс, колосники устроены на подставках, и он промахнулся — закинул записку слишком далеко. Я выгреб ее из-за подставок даже не обгоревшую.

Холмс одобрительно улыбнулся.

— Чтобы найти этот единственный уцелевший клочок бумаги, вы должны были самым тщательным образом обыскать весь дом.

— Так и есть, мистер Холмс. Это у меня первое правило. Прочитать, мистер Грегсон?

Лондонец кивнул головой.

— Писано на обыкновенной гладкой желтоватой бумаге без водяных знаков. Четвертинка листа. Отрезано в два надреза короткими ножничками. Листок был сложен втрое и запечатан красно-фиолетовым сургучом, который накапали второпях и придавили каким-то овальным предметом. Адресовано мистеру Гарсии, Сиреневая сторожка. Текст гласит:

«Цвета — наши исконные: зеленый и белый. Зеленый — открыто, белый — закрыто. Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно. Да хранит вас Бог. Д.»

Почерк женский. Текст написан острым пером, адрес же — либо другим пером, либо написал кто-то другой. Здесь, как вы видите, почерк смелый и толще нажим.

— Очень интересная записка, — сказал Холмс, просмотрев сам. — Должен вас похвалить, мистер Бэйнс, за такое внимания деталям. Можно добавить разве что кое-какие мелочи. Овальный предмет — несомненно, обыкновенная запонка для манжет — что другое может иметь такую форму? Ножницы были кривые, для ногтей. Как ни коротки два надреза, вы ясно можете разглядеть на каждом один и тот же легкий изгиб.

Деревенский сыщик усмехнулся.

— Я-то думал, что выжал из нее все, что можно, — сказал он, — а вот, оказывается, кое-что оставил и другим. Признаться, записка эта мне ничего не говорит, кроме того, что там что-то затевалось и что тут, как всегда, дело в женщине.

Пока шел весь этот разговор, мистер Скотт-Эклс ерзал в своем кресле.

— Я рад, что вы нашли эту записку, потому что она подтверждает мой рассказ, — сказал он. — Но разрешите напомнить, что я еще не слышал, что же случилось с мистером Гарсией и куда исчезли все слуги.

— Насчет Гарсии, — сказал Грегсон, — ответ простой. Его сегодня утром нашли мертвым на Оксшоттском Выгоне в миле от его дома. Ему размозжили голову — дубасили чем-то тяжелым вроде мешка с песком или другого подобного орудия, чем-то, что не режет, а скорей раздавливает. Место глухое, ни одного дома на четверть мили вокруг. Первый удар был нанесен, очевидно, сзади и сразу его свалил, но потом его еще долго били уже мертвого. Нападение совершено было, как видно, в страшной злобе. Следов никаких, никакого ключа к раскрытию преступников.

— Ограблен?

— Нет; и ничего, что указывало бы на попытку ограбления.

— Весьма прискорбно, прискорбно и страшно, — сказал мистер Скотт-Эклс плаксивым голосом, — и какая же это неприятность для меня! Я тут совершенно ни при чем, если мой хозяин вышел ночью на прогулку и его постигла такая печальная судьба. И почему-то я оказался замешан в эту историю!

— Очень просто, сэр, — ответил инспектор Бэйнс. — Единственным документом, какой нашли в кармане у покойника, было ваше письмо, сообщающее, что вы собираетесь к нему с ночевкой — как раз в ночь его смерти. По адресу на письме мы и узнали имя убитого и где он проживал. В десятом часу утра мы пришли в его дом и не застали ни вас, ни кого-либо другого. Я дал мистеру Грегсону телеграмму с просьбой, чтобы он разыскал вас в Лондоне, пока я проведу обследование в Сиреневой сторожке. Затем я поехал в город, встретился с мистером Грегсоном — и вот мы здесь.

— Нам теперь следует, — заявил Грегсон, — оформить дело по всем правилам. Вы пройдете вместе с нами в полицию, мистер Скотт-Эклс, и мы снимем с вас показания в письменном виде.

— Конечно! Пойду сейчас же. Но я не отказываюсь от ваших услуг, мистер Холмс. Я хочу дознаться до истины и прошу вас не стесняться расходами и не щадить трудов.

Мой друг повернулся к деревенскому инспектору.

— Надеюсь, вы не будете возражать против моего сотрудничества с вами, мистер Бэйнс?

— Почту за честь, сэр.

— До сих пор вы, я вижу, действовали быстро и толково. Разрешите спросить: есть ли данные, позволяющие уточнить час, когда его настигла смерть?

— Тело к часу ночи уже лежало там. С часу пошел дождь, а смерть наступила, несомненно, еще до дождя.

— Но это совершенно исключено, мистер Бэйнс! — объявил наш клиент. — Его голос нельзя спутать ни с каким другим. Я могу подтвердить под присягой, что в час ночи я лежал в постели и не кто, как Гарсия, говорил со мной в моей спальне.

— Примечательно, но отнюдь не исключено, — сказал с улыбкою Холмс.

— Вы нашли разгадку? — спросил Грегсон.

— Дело выглядит не слишком сложным, хотя, конечно, в нем есть новые и любопытные черты. Необходимо собрать дополнительные данные, прежде чем я позволю себе вынести окончательное и определенное суждение. Кстати, мистер Бэйнс, вы при осмотре дома, кроме этой записки, не обнаружили ничего примечательного?

Сыщик посмотрел на моего друга каким-то особенным взглядом.

— Там есть, — сказал он, — очень даже примечательные вещи. Может быть, когда я управлюсь в полиции, вы съездите со мной на место и скажете мне, что вы о них думаете?

— Я весь к вашим услугам, — сказал Шерлок Холмс и позвонил. — Проводите джентльменов, миссис Хадсон, и пошлите мальчика на почту с этой телеграммой. Пять шиллингов на оплаченный ответ.

Когда посетители ушли, мы некоторое время сидели молча. Холмс жадно курил, сдвинув брови над своими пронзительными глазами и выдвинув голову вперед в характерном для него страстном напряжении мысли.

— Ну, Уотсон, — спросил он, вдруг повернувшись ко мне, — что вы об этом скажете?

— Насчет шутки с мистером Скотт-Эклсом не скажу вам ровно ничего.

— А насчет преступления?

— Поскольку все, проживавшие в доме, исчезли, я сказал бы, что они так или иначе причастны к убийству и сбежали от суда.

— Это, конечно, вполне возможное предположение. Однако, если его допустить, очень странным представится, что двое слуг, вступив в заговор против хозяина, почему-то нападают на него в ту единственную ночь, когда у него гость. Они могли разделаться с ним без помехи во всякую другую ночь.

— А почему же тогда они сбежали?

— Вот именно. Почему они сбежали? Это существенный факт. Другой существенный факт — замечательное происшествие с нашим клиентом, Скотт-Эклсом. Неужели, дорогой мой Уотсон, это вне пределов человеческой изобретательности — дать объяснение, которое могло бы связать эти два существенных факта? И если к тому же под него удастся подогнать и таинственную записку, составленную в таких странных выражениях, что ж, тогда его бы стоило принять как рабочую гипотезу. Если потом новые установленные нами факты все улягутся в схему, тогда наша гипотеза может постепенно перейти в решение.

— Но какова она, наша гипотеза?

Холмс откинулся в кресле, полузакрыв глаза.

— Вы должны согласиться, дорогой мой Уотсон, что о розыгрыше здесь и думать не приходится. Готовились серьезные дела, как показало дальнейшее, и то, что Скотг-Эклса заманили в Сиреневую сторожку, стоит с ними в прямой связи.

— Но какая здесь возможна связь?

— Разберем шаг за шагом. Есть что-то неестественное — это сразу видно — в странной и внезапной дружбе между молодым испанцем и Скотт-Эклсом. Почин принадлежит испанцу. Едва познакомившись, он на следующий же день едет к Эклсу в гости в другой конец Лондона и поддерживает с ним тесную связь, пока тот не приезжает к нему в Эшер. Что же ему было нужно от Эклса? Что Эклс мог ему дать? Я не вижу в этом человеке никакого обаяния. Он и умом не блещет; и едва ли можно думать о духовном сродстве между ним и человеком живого и тонкого латинского интеллекта. Почему же Гарсия из всех своих знакомых избирает именно его как человека, особенно подходящего для его целей? Есть у него какое-нибудь выделяющее его качество? Я сказал бы, есть. Он воплощенная британская добропорядочность, как раз такой человек, какой в роли свидетеля должен импонировать другому британцу. Вы сами видели, что его показания при всей их необычайности не внушили и тени сомнения ни одному из наших двух инспекторов.

— Но что он должен был засвидетельствовать?

— Как обернулось дело, — ничего, но сложись оно иначе, — все, что угодно. Так я толкую факты.

— Понятно. Он мог бы подтвердить алиби.

— Вот именно, мой дорогой Уотсон: он мог бы подтвердить алиби. Допустим, в порядке обсуждения, что слуги в Сиреневой сторожке все являются соучастниками некоего заговора. Покушение, в чем бы оно ни заключалось, предполагалось совершить, скажем, до часу ночи. Возможно, что-нибудь подстроили с часами, и когда Скотт-Эклс ложился спать, было раньше, чем он думал: и уж во всяком случае, очень вероятно, что когда Гарсия нарочно зашел к нему и сказал, что уже час ночи, на самом деле было не позже двенадцати. Если бы Гарсия успешно совершил намеченное дело, в чем бы оно ни состояло, и к часу вернулся бы домой, у него был бы, очевидно, убедительный ответ на обвинение. Был бы налицо этот англичанин безупречной репутации, готовый присягнуть на любом суде, что обвиняемый сидел все время дома. Это при самом дурном повороте давало некоторую гарантию.

— Да, конечно, тут мне все понятно. Но как объяснить исчезновение остальных?

— Я еще не располагаю всеми фактами, но думается, с этим едва ли возникнут неразрешимые трудности. Все же это ошибка — строить дедукцию до того, как получены достаточные данные. Незаметно для самого себя начинаешь их подгонять под свою схему.

— А записка?

— Как она гласила? «Цвета — наши исконные: зеленый и белый». Речь как будто о соревнованиях. «Зеленый — открыто, белый — закрыто». Это явно сигнализация. «Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно». Это — указание места встречи. За всем этим, возможно, кроется ревнивый муж. Затеянное, во всяком случае,

связано было с большой опасностью. Будь это иначе, она не добавила бы: «Да хранит вас Бог». «Д.» — это то, что может навести на след.

— Гарсия — испанец. Я полагаю. «Д.» проставлено вместо «Долорес». В Испании это очень распространенное женское имя.

— Отлично, Уотсон, превосходно, но совершенно неприемлемо. Испанка писала бы испанцу по-испански. Записка бесспорно от англичанки. Итак, нам остается только набраться терпения и ждать, когда этот умница инспектор вернется за нами. А пока мы можем благодарить свою счастливую судьбу, что она на несколько часов избавила нас от невыносимой тягости безделья.

Наш суррейский инспектор еще не вернулся, когда пришел ответ на телеграмму Холмса. Он его прочел и уже хотел заложить в свою записную книжку, но, верно, заметил, как у меня вытянулось лицо, и со смехом перебросил мне эту ответную телеграмму.

— Мы вращаемся в высоких сферах, — сказал он.

Телеграмма представляла собой перечень имен и адресов:

«Лорд Харрингби — Ущелье. Сэр Джордж Фоллиот — Оксшоттский Замок. Мистер Хайнс Хайнс, мировой судья — Парди-Плейс. Мистер Джеймс Бейкер Уильямс — Фортон, Старый Дом. Мистер Хендерсон — Дозорная Башня. Преподобный Джошуа Стоун — Нижний Уолслинг».

— Этим и ограничивается наше поле действий, — сказал Холмс. — Способ напрашивается сам собой. Бэйнс с его методическим умом, несомненно, избрал подобный же план.

— Мне не совсем ясно.

— Но, дорогой мой друг, мы ведь уже пришли к выводу, что в записке, которую Гарсия получил за обедом, назначалась какая-то встреча. Далее, если напрашивающееся толкование правильно и для того, чтобы попасть на место тайного свидания, надо подняться с парадного хода на второй этаж и искать седьмую дверь по коридору, то совершенно ясно, что дом очень большой. Столь же очевидно, что он стоит не дальше, как в двух милях от Оксшотта, коль скоро Гарсия направился туда пешком и рассчитывал, по моему толкованию данных, вовремя вернуться в Сиреневую сторожку, пока в силе его алиби, то есть до часу ночи. Так как больших домов поблизости от Оксшотта, наверно, не так уж много, я прибег к простому, самоочевидному методу: запросил агентство, упомянутое Скотт-Эклсом, и получил их список. Здесь они все налицо, в этой телеграмме, и наша запутанная нить другим своим концом уходит в один из них.

Было около шести, когда мы добрались в сопровождении инспектора Бэйнса до Эшера — славного городка в графстве Суррей.

Мы с Холмсом прихватили с собой все, что нужно для ночевки, и сняли довольно удобные комнаты в гостинице «Бык». Наконец вместе с нашим сыщиком мы отправились на осмотр Сиреневой сторожки. Вечер был холодный и темный, резкий мартовский ветер и мелкий дождь хлестали нам в лицо, и от этого еще глуше казался пустынный выгон, которым шла дорога, еще печальней цель, к которой она нас вела.

2. Тигр из Сан-Педро

Отшагав мили две, мы подошли, невеселые и озябшие, к высоким деревянным воротам, за которыми начиналась угрюмая каштановая аллея. Изогнутая, укрытая тенью, она привела нас к низкому, темному дому, черному, как смоль, на свинцово-сером небе. По фасаду в одном из окон — слева от двери — чуть мерцал слабый отблеск света.

— Тут у нас дежурит констебль, — сказал Бэйнс. — Я постучусь в окно. — Он прошел прямо по газону и легонько постучал пальцами в нижнее стекло. Сквозь потное стекло я смутно увидел, как с кресла у камина вскочил какой-то человек, услышал донесшийся из

комнаты резкий крик, и через полминуты нам открыл дверь полисмен, бледный, тяжело дыша и с трудом удерживая в дрожащей руке шатающуюся свечу.

— В чем дело, Уолтерс? — резко спросил Бэйнс.

Полисмен отер лоб носовым платком и облегченно вздохнул.

— Хорошо, что вы пришли, сэр. Вечер тянулся так долго, а нервы у меня что-то не те, что были.

— Нервы, Уолтерс? А я и не знал, что у вас есть нервы.

— Понимаете, сэр, дом пустой, и тишина такая, да еще эта странная штука на кухне. И потом, когда вы постучали в окно, я подумал, что это опять вернулся он.

— Кто он?

— Сам не знаю. Не иначе, как дьявол, сэр. Он тут все стоял под окном.

— Кто стоял под окном и когда?

— Часа два тому назад. Когда только начало темнеть. Я сидел в кресле и читал. Не знаю, что меня толкнуло поднять голову, но только в окошко, в нижнее стекло, на меня смотрело чье-то лицо. Боже мой, сэр, что это была за рожа! Она мне будет сниться по ночам.

— Ну-ну, Уолтерс! Констеблю полиции не пристало так говорить.

— Знаю, сэр, знаю. Но меня кинуло в дрожь, сэр, что пользы скрывать? Она была не черная, сэр, и не белая, и ни какого ни на есть известного мне цвета, а какая-то землистая, что ли, в желтоватых разводах. И широченная, сэр, — вдвое больше вашего лица. А глядела-то как: выпученные глазища и белые оскаленные зубы — ну, совсем, точно голодный зверь. Говорю вам, сэр, я пальцем не мог пошевелить, не мог вздохнуть, пока это чудовище не исчезло, сэр шмыгнуло куда-то и пропало. Я кинулся за ним в кусты, но там слава Богу, никого не оказалось.

— Когда бы я не знал, что вы хороший работник, Уолтерс, я бы за такие слова закатил вам выговор. Будь там сам дьявол, полицейский на посту никак не должен говорить «слава Богу», когда не сумел его схватить. Может, вам это все померещилось, нервы шалят?

— Проверить это очень просто, — сказал Холмс, зажигая свой карманный фонарик.

— Да, — доложил он, быстро осмотрев газон, — башмаки, по-моему, номер двенадцатый. Если у него и рост подстать, он должен быть великаном.

— Куда он делся?

— Видимо, продрался сквозь кусты и выбежал на большую дорогу.

На лице инспектора отразилось важное раздумье.

— Ладно, — сказал он. — Кто бы это ни был и что бы он ни затевал, его здесь нет, и мы должны заняться нашей прямой задачей. С вашего разрешения, мистер Холмс, мы сейчас осмотрим с вами дом.

В спальнях и гостиных тщательный обыск, по словам Бэйнса, ничего особенного не дал. Очевидно, жильцы не привезли с собою почти что ничего, и все вещи в доме, вплоть до последних мелочей, были взяты на прокат. Оставлено было много одежды с маркой «Маркс и К°, Хай-Холборн». Телеграфный запрос уже был сделан и тоже ничего не дал: Маркс знал о своем клиенте только одно, что он исправный плательщик. Из собственного имущества было обнаружено несколько табачных трубок, кое-какие романы — два из них на испанском, — устарелый револьвер системы Лефоше да гитара — вот, собственно, и все.

— Тут ничего особенного, — сказал Бэйнс, вышагивая со свечой в руке из комнаты в комнату. — Теперь, мистер Холмс, я предложу вашему вниманию кухню.

Это было мрачное, с высоким потолком помещение окнами на задний двор. В одном углу — соломенная подстилка, служившая, должно быть, повару постелью. Стол был завален початыми блюдами со снедью и грязными тарелками — остатки вчерашнего обеда.

— Посмотрите вот на это, — сказал Бэйнс. — Как, по-вашему, что это может быть?

Он поднес свечу к какому-то необыкновенному предмету, приставленному к задней стенке посудного шкафа. Он был такой сморщенный, съежившийся, выцветший, что не разберешь, что же это такое. Можно было только сказать, что это что-то черное, обтянутое кожей, и что похоже оно на крошечное человеческое тельце. Посмотрев на него, я сперва подумал, что передо мною мумия негритянского младенца, а потом мне показалось, что это скорей сильно скрючившаяся и очень старая обезьянка. Я так и не решил, чье же это в конце концов тело — человеческое или звериное? Посередине оно было опоясано двойною нитью бус из белых ракушек.

— Интересно… очень интересно! — заметил Холмс, вглядевшись в эти зловещие останки. — Есть что-нибудь еще?

Бэйнс молча подвел нас к раковине и поднял над ней свечу. По ней раскиданы были туловище и конечности зверски растерзанной, с неощипанными перьями крупной белой птицы. Холмс указал на оторванную голову с красным жабо на шее.

— Белый петух, — сказал он. — Чрезвычайно интересно! Случай в самом деле весьма любопытный.

Но самое зловещее мистер Бэйнс приберег напоследок. Он вытащил из-под раковины цинковое ведро, полное крови. Потом взял со стола и показал нам большое плоское блюдо с горой изрубленных и обгорелых костей.

— Здесь убивали и жгли. Это все мы выгребли из топки. Утром у нас был тут врач. Говорит, кости не человеческие.

Холмс улыбался, потирая руки.

— Должен вас поздравить, инспектор: вам достался очень необычный и поучительный случай. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу вам, что ваши способности выше тех возможностей, какие открыты перед вами.

Маленькие глазки Бэйнса засверкали от удовольствия.

— Вы правы, мистер Холмс. Нас тут, в провинции, губит застой. Такой случай, как этот, для человека редкая удача, и я постараюсь не упустить ее. Что вы скажете об этих костях?

— Кости ягненка, сказал бы я, или козленка.

— А о белом петухе?

— Любопытно, Бэйнс, очень любопытно. Я бы даже сказал — уникально!

— Да, сэр, в этом доме жили, наверно, очень странные люди, и уклад у них был очень странный. Один из них погиб. Может быть, его слуги проследили его и убили? Если так, мы их перехватим; во всех портах стоят у нас посты. Но, на мой взгляд, тут другое. Да, сэр, на мой взгляд, тут нечто совсем другое.

— Значит, у вас есть своя теория?

— И я проверю ее сам, мистер Холмс. Мне это послужит к чести. Вы уже составили себе репутацию, а мне свою надо еще только утверждать. Хотелось бы мне, чтобы потом я мог говорить, что решил задачу без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Ладно, инспектор, — сказал он. — Ступайте своим путем, а я пойду своим. Если я чего-то достигну, все будет к вашим услугам по первой вашей просьбе. Пожалуй, я видел в доме все, что было нужно; и мое время может быть потрачено с большей пользой где-нибудь еще. All revoir[80] , желаю вам успеха. По множеству тонких признаков, которые, верно, никому, кроме меня, ничего не сказали бы, я видел, что Холмс напал на след. Сторонним наблюдателям он показался бы спокойным, как всегда; и тем не менее в его посветлевших глазах, в живости его движений ощущалась какая-то еле сдерживаемая страстность и какая-то напряженность,

позволявшие мне заключить, что гон начался. Холмс по своему обыкновению ничего не говорил, а я по своему — не задавал вопросов. С меня было довольно и того, что я участвую в охоте и оказываю другу посильную помощь, не отвлекая его ненужными расспросами от неотступного размышления. В положенное время он сам обратится ко мне.

Итак, я ждал, но, к своему все возрастающему разочарованию, ждал напрасно. Проходил день за днем, а друг мой не предпринимал никаких шагов. Как-то он съездил утром в город, и по одному брошенному вскользь замечанию я понял, что он заходил в Британский музей. Если не считать этого единственного случая, он проводил свои дни в долгих и нередко одиноких прогулках или в разговорах с местными кумушками, с которыми завел знакомство.

— По-моему, Уотсон, неделя в деревне принесет вам неоценимую пользу, — заметил он однажды. — Так приятно увидеть опять первые зеленые побеги на живой изгороди и сережки на орешнике! С лопатой в руке, с ботанизиркой и кратким определителем растений тут отлично можно отдохнуть, расширяя при том свои знания.

Он и сам бродяжил в таком снаряжении, но вечерами мог предъявить довольно скудный сбор трав и цветов.

В наших прогулках мы иногда набредали на инспектора Бэйяса. Толстое, красное его лицо, когда он здоровался с моим спутником, собиралось в складки от широкой улыбки, маленькие глазки поблескивали. О розысках своих он говорил немного, но из этого немногого мы могли заключить, что и он вполне доволен ходом дела. Все же, признаюсь, я порядком удивился, когда дней через пять после убийства, развернув утром газету, я увидел набранное огромными буквами:

ТАЙНА ОКСШОТТА РАСКРЫТА

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ УБИЙЦА АРЕСТОВАН

Холмс, как ужаленный, подскочил в своем кресле, когда я прочитал вслух эти заголовки.

— Быть не может! — вскричал он. — Это что ж означает, что Бэйнс его накрыл?

— Очевидно, так, — сказал я, пробежав глазами следующую заметку.

«Сильное волнение охватило город Эшер и его окрестности, когда вчера поздно вечером распространилось известие об аресте, произведенном в связи с Оксшоттским убийством. Наши читатели, вероятно, помнят, что мистер Гарсия из Сиреневой сторожки был найден мертвым на Оксшоттском Выгоне, причем на его теле были обнаружены следы, с несомненностью говорящие о насильственной смерти; и что в ту же ночь его лакей и повар сбежали, что наводило на мысль об их соучастии в убийстве. Есть предположение, очень вероятное, хотя и недоказанное, что покойный хранил в доме ценности, похищение которых и явилось мотивом преступления. Инспектор Бэйнс, ведущий это дело, прилагал все усилия к обнаружению места укрытия преступников и не без оснований полагал, что они не могли сбежать далеко, а укрылись в каком-то заранее подготовленном убежище. Однако с самого начала представлялось несомненным, что беглецы непременно будут обнаружены, так как повар, по свидетельству двух-трех разносчиков, мельком видевших его в окно, обладает чрезвычайно приметной внешностью: это очень рослый и на редкость безобразный мулат с желтоватым лицом резко выраженного негритянского склада. Человека этого уже видели после свершения убийства: констебль Уолтерс обнаружил его и пытался преследовать, когда тот в первый же, вечер имел дерзость наведаться в Сиреневую сторожку. Рассчитав, что для такого посещения мулат должен был иметь какую-то цель и, значит, по всей вероятности, повторит свою попытку, инспектор Бэйнс оставил дом пустым, по поместил засаду в кустах. Ночью мулат попал в ловушку и был схвачен после борьбы, в которой этот дикарь жестоко укусил констебля Даунинга. После первых допросов арестованного полиции, очевидно, разрешат дальнейшее содержание его под стражей, и его поимка вселяет надежду, что Оксшоттская тайна будет вскоре раскрыта».

— Нужно немедленно повидаться с Бэйнсом! — закричал Холмс. — Времени в обрез, но мы еще успеем застать его дома.

Мы быстро прошли деревенскую улицу и, как и ожидали, захватили инспектора при выходе из дому.

— Читали, мистер Холмс? — спросил он, протягивая нам газету.

— Да, Бэйнс, читал. Не примите в обиду, но я позволю себе подружески предостеречь вас.

— Предостеречь, мистер Холмс?

— Я и сам вникал в это дело, и я уверен, что вы на ложном пути. Не хочется мне, чтобы вы слишком долго блуждали понапрасну, пока убедитесь в этом сами!

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Холмс.

— Уверяю вас, я говорю это, желая вам добра.

Мне показалось, будто Бэйнс чуть подмигнул одним своим крошечным глазом.

— Мы условились, что будем работать каждый сам по себе, мистер Холмс. И я следую уговору.

— Ага, очень хорошо, — сказал Холмс. — Так уж не ругайте меня потом.

— Зачем же, сэр? Я вижу, что вы со мной по-хорошему. Но у каждого своя система, мистер Холмс. Вы действуете по своей, а я, может, по своей.

— Не будем больше об этом говорить.

— Я всегда с удовольствием поделюсь с вами новостями. Этот парень совершенный дикарь, силен, как ломовая лошадь, и свиреп, как черт. Он Даунингу чуть совсем не откусил большой палец, пока мы с ним совладали. Он по-английски ни слова, и мы ничего не можем вытянуть из него — мычит и только.

— У вас, вы думаете, есть доказательства, что он убил своего хозяина?

— Я этого не говорю, мистер Холмс. Не говорю. У нас у каждого своя дорожка. Вы пробуете идти по вашей, я по своей. Ведь так мы договорились?

— Не пойму я этого человека, — сказал, пожимая плечами, Холмс, когда мы вышли от инспектора. — Сам себе яму роет. Что ж, попробуем, как он говорит, идти каждый своей дорожкой и посмотрим, что из этого получится. А все-таки этот инспектор Бэйнс не так прост — я тут чего-то не понял.

— Сядьте же в это кресло, Уотсон, — сказал Холмс, когда мы вернулись в свои комнаты в «Быке». — Я хочу, чтобы вы уяснили себе ситуацию, так как сегодня вечером мне, возможно, понадобится ваша помощь. Сейчас я покажу вам, как шло, насколько я мог проследить, развитие этого случая. Он как будто вовсе и не сложен в основных своих чертах, а между тем представляет неожиданные трудности для ареста виновных. В этом смысле у нас остаются пробелы, которые еще предстоит заполнить.

Вернемся к записке, полученной Гарсией за обедом в день его смерти. Мы можем отбросить идею Бэйнса, что в деле замешаны слуги Гарсии. Это опровергается тем, что он сам же постарался завлечь в дом Скотт-Эклса, что могло быть сделано единственно в целях алиби. Значит, именно Гарсия замыслил какое-то предприятие — и, по-видимому, преступное — на ту самую ночь, когда он встретил свою смерть. Я говорю «преступное», потому что, только замыслив преступное, человек желает подготовить себе алиби. Кто же тогда всего вероятней лишил его жизни? Конечно, тот, против кого был направлен его преступный умысел. До сих пор мы, как мне кажется, стоим на твердой почве.

Теперь нам видно, что могло послужить причиной к исчезновению слуг Гарсии. Они были оба соучастниками в том неизвестном нам покушении. Если бы к возвращению Гарсии оно было бы уже совершено, всякое подозрение отпало бы благодаря свидетельству англичанина и все прошло бы безнаказанно. Но покушение сопряжено было с опасностью, и если бы

к намеченному часу Гарсия не вернулся, это означало бы, что он сам поплатился жизнью. Поэтому они условились, что в этом случае двое его подчиненных должны уйти в какое-то заранее приготовленное место, где они могли бы укрыться от преследования, чтобы в дальнейшем повторить свою попытку. Так, не правда ли, все факты получают объяснение?

Передо мною все легло, точно распутанная пряжа. Я, как всегда, только диву давался, как мне раньше не было это столь же очевидно самому.

— А почему же один из слуг вернулся?

— Мы можем представить себе, что при побеге он в спешке забыл захватить какую-то вещь, очень ему дорогую — такую, что расстаться с ней для него невыносимо. Как, по-вашему, это объяснимо бы его упрямые попытки вернуться за нею?

— Хорошо. Следующее звено?

— Следующее звено — записка, полученная Гарсией за обедом. Это нить, ведущая к другому сообщнику. Где же мы найдем ее второй конец? Я вам уже показывал, что его надо искать в некоем большом доме и что число больших домов ограниченно. Свои первые дни в деревне я посвятил планомерным прогулкам, и, гуляя, я между своими ботаническими поисками ознакомился со всеми большими домами и выведал семейную историю их обитателей. Один из этих домов — и только один — привлек мое внимание. Это Дозорная Башня, знаменитый старый замок времен Якова I. Он стоит в одной миле от того конца Оксшотта и менее чем в полумиле от места, где разыгралась трагедия. Все прочие большие дома принадлежат прозаическим, почтенным людям, живущим размеренной жизнью, далекой от всякой романтики. А вот мистер Хендерсон из Дозорной Башни выглядел во всех рассказах необыкновенным человеком, с которым могут происходить необыкновенные вещи. Поэтому я сосредоточил свое внимание на нем и его домашних.

Удивительные это люди, Уотсон, и всех удивительней он сам. Я исхитрился явиться к нему под благовидным предлогом, но, кажется, я прочел в его темных, глубоко запавших, подозрительных глазах, что он безошибочно разгадал мою действительную цель. Это человек лет пятидесяти, крепкий, энергичный, со стальными волосами, густыми, черными, кустистыми бровями, поступью оленя и осанкой императора — жестокий, властный человек, снаружи пергамент, а под ним раскаленное железо. Он или иностранец или же долго жил в тропиках, потому что он желтый и высохший, но тугой, как плеть. Его друг и секретарь, мистер Лукас, тот, несомненно, иностранец, шоколадно-коричневый, коварный и вкрадчивый — с кошачьей повадкой и ядовито-любезным разговором. Как видите, Уотсон, теперь перед нами уже две группы иностранцев, одна в Сиреневой сторожке, другая в Дозорной Башне. Таким образом, наши пробелы понемногу заполняются.

Эти два человека, связанные дружбой и взаимным доверием, составляют ядро второй группы; но в доме есть еще одна особа, может быть, более важная для нас в смысле наших розысков. У Хендерсона двое детей — две дочки, одна тринадцати, другая одиннадцати лет. Гувернанткой при них — мисс Вернет, англичанка лет сорока. И есть еще доверенный лакей. Эта небольшая компания образует тесную семью: они всегда путешествуют вместе, а Хендерсон, надо сказать, большой путешественник, он вечно в разъездах. Он всего лишь несколько недель как вернулся в Дозорную Башню после годичного отсутствия. Добавлю, что он несметно богат и может с легкостью удовлетворить свою любую прихоть. Дом его полон всяких буфетчиков, лакеев, горничных и прочей прислуги — обычный зажравшийся и обленившийся штат большого барского дома в английской деревне.

Все это я знаю частью из деревенских сплетен, частью по собственным наблюдениям. Нет лучшего орудия для этой цели, чем уволенные слуги с их обидой, и мне выпала удача найти одного такого. Я говорю «удача», но я не встретил бы ее на своем пути, если б не искал. Как заметил Бэйнс, у нас у каждого есть своя система. Вот система-то моя и помогла мне найти Джона Уорнера, бывшего садовника с Дозорной Башни, которого властный хозяин под горячую

руку уволил. А у него, со своей стороны, есть друзья среди живущих в доме слуг, которые все до одного трепещут перед своим Господином и ненавидят его. Таким образом у меня оказался ключ к тайнам дома.

Странные люди, Уотсон! Я, может быть, там еще не во всем разобрался, но это, во всяком случае, очень странные люди! Дом на два крыла, и слуги живут все в одном крыле, семья в другом. Между теми и другими нет иного связующего звена, кроме личного лакея самого Хендерсона, прислуживающего также всей семье за столом. Все подается к некой двери, соединяющей обе половины. Гувернантка с девочками чуть ли вообще никуда не выходит за пределы сада. Хендерсон никогда, ни под каким видом не выходит из дому один. Его всюду сопровождает, как тень, его темнолицый секретарь. Слуги говорят между собой, будто он страшно чего-то боится. «Душу дьяволу продал за деньги, — говорит Уорнер, вот и ждет, что кредитор придет истребовать свое». Никто понятия не имеет, кто они и откуда явились. Они очень необузданны. Хендерсону дважды случилось отхлестать человека плеткой, и только тугой кошелек оба раза позволил ему, откупившись большими деньгами, уйти от суда.

Теперь, Уотсон, давайте обсудим ситуацию в свете этих добавочных сведений. Мы можем с достоверностью принять, что записка была от кого-то из слуг этого странного дома и приглашала Гарсию осуществить некое покушение согласно ранее составленному плану. Кем написана записка? Кем-то внутри цитадели — и при том женщиной. Так кем же тогда, если не мисс Вернет, гувернанткой? Все наше построение, очевидно, приводит нас к ней. Во всяком случае, мы можем принять это как гипотезу и посмотрим, какие следствия она за собой повлечет. Я могу добавить, что возраст мисс Вернет и ее репутация, бесспорно, исключают мою первую мысль, что подоплекой в этом деле могла быть какая-то любовная история.

Если записка от нее, то, по всей вероятности, эта женщина — друг и сообщница Гарсии. Тогда как же она должна была себя повести, узнав о его смерти? Если он встретил свой конец, когда сам совершал беззаконное дело, сообщница должна держать рот на замке. Все же в сердце она, конечно, затаила жестокую ненависть к его убийцам и, наверно, чем только может, станет помогать отмщению за него. Так нельзя ли нам повидаться с ней и воспользоваться ее помощью? Это первое, что мне пришло на ум. Но тут перед нами встает один зловещий факт. С ночи убийства никто и нигде не видел мисс Вернет. Она еще с вечера точно исчезла. Жива ли она? Может быть, и ее постигла смерть в ту же ночь — вместе с другом, которого она призывала? Или ее только держат взаперти? Вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Вы оцените, Уотсон, всю трудность положения. Нам не на что опереться, чтобы требовать вмешательства закона. Наше построение покажется фантасмагорией, если с ним явиться к судье. Что женщина исчезла, не поставят ни во что, — весь уклад этого странного дома таков, что любой из его обитателей может неделю не показываться людям на глаза. А между тем женщине, возможно, в любую минуту грозит смерть. В моей власти наблюдать за домом, поставить своего человека, Уорнера, сторожить у ворот — и только. Но мы же не можем дать делу идти своим ходом. Если закон бессилен, мы должны взять риск на себя.

— Что же вы предлагаете?

— Я знаю, в какой она комнате. Туда можно пробраться с крыши флигеля. Мое предложение: не попробовать ли нам с вами сегодня ночью проникнуть в самое сердце тайны?

Перспектива, должен я признаться, была не слишком заманчива. Старый дом, дышащий убийством, странные и страшные его обитатели, тайные опасности, подстерегающие приходящего, и то, что мы сами при этом выступаем правонарушителями, — все это, взятое вместе, охлаждало мой пыл. Но было в холодных рассуждениях Холмса нечто такое, что вы, не дрогнув, пошли бы с ним на самое рискованное дело. Вы знали, что так и только так можно найти решение задачи. Я молча пожал ему руку, и жребий был брошен.

Но нашему расследованию не суждено было закончиться такою авантюрой. Было около пяти часов, мартовский вечер уже стелил свои тени, когда в комнату к нам ворвался в сильном возбуждении какой-то деревенский житель.

— Они уехали, мистер Холмс. С последним поездом. Леди вырвалась, она в моем кэбе — здесь, внизу.

— Превосходно, Уорнер! — прокричал, вскочив на ноги, Холмс. — Уотсон, пробелы быстро заполняются!

Женщина в кэбе была в полуобмороке от нервного истощения. На ее горбоносом, исхудалом лице лежал отпечаток какой-то недавней трагедии. Ее голова безжизненно свесилась на грудь, но, когда она подняла голову и тупо повела глазами, я увидел черные точки зрачков на серых радужных оболочках: ее опоили опиумом.

— Я поджидал у ворот, как вы наказывали, мистер Холмс, — докладывал наш тайный агент, хендерсоновский уволенный садовник. — Когда они выехали в карете, я двинул за ними следом на станцию. Леди шла по платформе, как во сне, но, когда они стали сажать ее в поезд, она ожила и давай отбиваться. Они впихнули ее в вагон. Она стала опять вырываться. Я вступился за нее, посадил ее в свой кэб, и вот мы здесь. Никогда не забуду, с каким лицом глядел на меня в окно вагона этот человек, когда я ее уводил. Его бы воля — не долго б я пожил на свете. Черные глаза, лицо желтое, сам осклабился — сущий дьявол!

Мы внесли женщину наверх, уложили на диван, и две чашки крепчайшего кофе быстро разогнали пары опиума и прояснили ее мысли. Холмс вызвал Бэйнса и коротко объяснил ему, как обстоит дело.

— Прекрасно, сэр, вы мне доставили то, чего мне не хватало, — показания свидетельницы, — с жаром сказал инспектор, пожимая руку моему другу. — Я ведь с самого начала шел с вами по одному и тому же следу.

— Как? Вы подозревали Хендерсона?

— Когда вы, мистер Холмс, прятались в кустах у Дозорной Башни, я там сидел в саду на дереве и смотрел на вас сверху. Все дело было в том, кто первый добудет доказательства.

— Зачем же тогда вы арестовали мулата?

Бэйнс усмехнулся.

— Я был уверен, что этот Хендерсон, как он себя называет, понял, что попал под подозрение, и, значит, будет начеку и не шелохнется, покуда чует над собой опасность. Вот я и арестовал не того человека — пусть его думает, что у нас другие подозрения. Я знал, что тут он, вероятно, попробует смыться и даст нам возможность подобраться к мисс Вернет.

Холмс положил руку на плечо инспектору.

— Вы далеко пойдете в своей профессии, — сказал он. — У вас есть чутье и интуиция.

Бэйнс покраснел от удовольствия.

— У меня всю неделю караулил на станции сотрудник в штатской одежде. Куда бы кто из «Башни» ни поехал, он проследил бы. Но когда мисс Вернет вырвалась, он, видно, растерялся. К счастью, ваш человек ее подхватил, и все обернулось благополучно. Мы, ясное дело, не можем арестовать их без ее показаний, так что чем скорей мы снимем допрос, тем лучше.

— Она приходит в себя, — сказал Холмс, поглядев на гувернантку. — Но скажите мне, Бэйнс, кто он, этот Хендерсон?

— Хендерсон, — ответил инспектор, — это дон Мурильо, известный когда-то под прозванием Тигра из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро! Вся его история мгновенно пронеслась в моей памяти. За ним утвердилась слава самого низкого, кровожадного тирана, какой когда-либо правил страной, притязающей на цивилизованность. Сильный, бесстрашный, энергичный — этих качеств

оказалось довольно, чтобы он мог принудить устрашенный народ терпеть его мерзкие пороки чуть не двенадцать лет. Его имя повергало в ужас всю Центральную Америку. К концу этого срока поднялось против него всеобщее восстание. Но он был так же хитер, как жесток, и при первом же слухе о надвигающихся беспорядках тайно вывез свои богатства на пароходе с экипажем из своих приверженцев. На другой день повстанцы ворвались в пустой дворец. Диктатор, его двое детей, его секретарь, его сокровища — все ускользнуло от них. С этого часа он исчез из мира, и в европейской печати часто обсуждалось, не скрывается ли он за той или другою личностью.

— Да, сэр, дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро, — продолжал Бэйнс. — Загляните в справочник, и вы увидите, что цвета Сан-Педро — зеленый и белый, те же, что в нашей записке, мистер Холмс. Он взял себе имя «Хендерсон», но я проследил его через Париж, Рим и Мадрид вплоть до Барселоны, где пришвартовался его пароход в восемьдесят шестом году. Все это время его разыскивали, чтобы отомстить ему, но только недавно им удалось его выследить.

— Его нашли год тому назад, — сказала мисс Вернет. Приподнявшись на локте, она теперь напряженно следила за разговором. — Было уже одно покушение на его жизнь, но какой-то злой гений ограждает его. Вот и сейчас благородный, рыцарственный Гарсия погиб, а это чудовище вышло невредимым. Но придет другой и третий, пока однажды не совершится над злодеем правый суд. Это верно, как то, что завтра встанет солнце. — Ее худые руки сжались в кулаки, и страстная ненависть выбелила ее изможденное лицо.

— Но как вы, мисс Вернет, оказались втянуты в это дело? — спросил Холмс. — Дама, англичанка, вдруг вступает в заговор убийц?

— Я вступила в заговор, потому что только таким путем могли свершиться правосудие. Какое дело английскому закону до моря крови, пролитой много лет назад в Сан-Педро, или до судна, груженного ценностями, которые украдены этим человеком? Для вас это все равно как преступления, совершенные на другой планете. Но мы-то знаем. Мы знаем правду, выстраданную в горе и муках. Для нас нет в преисподней дьявола, подобного Хуану Мурильо, и нет на земле покоя, пока его жертвы еще взывают о мести.

— Он, бесспорно, таков, как вы говорите, — вставил Холмс. — Я наслышан о его жестокости. Но как это коснулось лично вас?

— Расскажу вам все. Этот негодяй избрал своим политическим принципом расправляться под тем или другим предлогом с каждым, кто мог бы со временем стать для него опасным соперником. Мой муж (да, мое настоящее имя — сеньора Висенте Дурандо), мой муж, Висенте Дурандо, был посланником Сан-Педро в Лондоне. Здесь мы встретились с ним, и он на мне женился. Не было на земле человека благородней его. На мое горе Мурильо прослышал о его даровитости, отозвал его под каким-то предлогом и отдал под расстрел. Предчувствуя свою судьбу, муж отказался взять меня с собой. Его земли и все имущество были конфискованы, я осталась одна со своим горем и без средств к существованию.

Потом произошло падение тирана. Он бежал, как вы сейчас рассказывали. Но многие из тех, чью жизнь он искалечил, чьи родные и близкие претерпели пытки и смерть от его руки, не примирились с таким исходом. Они сплотились в союз, который не распадется до тех пор, пока не сделает своего дела. Как только мы разведали, что низвергнутый деспот скрывается под видом Хендерсона, на меня возложили задачу наняться к нему на службу и извещать остальных при его переездах. Мне удалось выполнить задачу, получив место гувернантки в его доме. Он и не подозревал, что каждый день садится за стол с той самой женщиной, мужа которой он без суда, единым росчерком пера послал на казнь. Я улыбалась ему, добросовестно воспитывала его дочерей — и ждала своего часа. Одно покушение было сделано в Париже и сорвалось. Мы метались туда и сюда по Европе, чтобы сбить преследователей со следа, и наконец вернулись в этот дом, который он снял еще при первом своем приезде в Англию.

Но и здесь ждали вершители правосудия. Понимая, что он непременно вернется сюда, Гарсия, чей отец до Мурильо занимал в Сан-Педро высший правительственный пост, ждал его здесь с двумя своими верными товарищами — людьми невысокого звания, но которым, как и ему, было за что мстить. Днем он едва ли смог бы что-то сделать, так как Мурильо соблюдал всемерную осторожность и не выходил из дому иначе, как в сопровождении своего сподвижника Лукаса, или Лопеса, как его именовали в дни его величия. Ночью, однако, он спал один, и тут мститель мог бы к нему подобраться. Однажды вечером, как было заранее условлено, я собралась послать другу последние указания, так как Мурильо был всегда настороже и непрестанно менял спальню. Я должна была проследить, чтобы входная дверь была не заперта, и зеленым или белым светом в окне дать знать, что все благополучно или что попытку лучше отложить.

Но все у нас пошло вкривь и вкось. Я чем-то возбудила подозрение у Лопеса, секретаря. Он подкрался сзади и, как только я дописала записку, набросился на меня. Вдвоем с хозяином он уволок меня в мою комнату, и здесь они держали надо мною суд как над уличенной предательницей. Во время суда они не раз готовы были всадить в меня нож — и всадили бы, когда бы знали, как потом уйти от ответа. Наконец после долгих споров они пришли к заключению, что убивать меня слишком опасно. Но они решили раз и навсегда разделаться с Гарсией. Мне заткнули рот, и Мурильо выкручивал мне руки до тех пор, пока я не дала ему адрес. Клянусь вам, я дала бы ему выкрутить их вовсе, если бы знала, что грозило Гарсии. Лопес сам надписал адрес на моей записке, запечатал ее своею запонкой и отправил ее со слугой, испанцем Хосе. Как они его убили, я не знаю, одно мне ясно, — что погиб он от руки Мурильо, потому что Лопес остался стеречь меня. Дорога вьется по зарослям дрока, так он, должно быть, подстерег его в кустах и там оглушил его и прикончил.

Сперва они думали дать Гарсии войти в дом и затем убить, как будто пойманного с поличным грабителя; но потом рассудили, что если их припутают к следствию и станут снимать с них допрос, то сразу откроется, кто они такие, и огласка вскоре навлечет на них новое покушение. А так со смертью Гарсии преследование могло и вовсе прекратиться, потому что эта прямая расправа отпугнула бы других от подобных попыток.

Они теперь могли бы успокоиться, если бы не то, что я знала об их преступлении. Я не сомневаюсь, что моя жизнь не раз висела на волоске. Меня заперли в моей комнате, грозили мне всякими ужасами, всячески истязали, чтобы сломить мой дух — видите эту ножевую рану на моем плече, эти синяки по всей руке, — а когда я попробовала раз закричать в окно, мне забили в горло кляп. Пять дней длилось это тюремное заключение, и есть мне давали совсем мало — только-только, чтобы с голоду не умереть. Сегодня к часу дня мне принесли хороший завтрак, но я сразу поняла, что в него чего-то намешали. Помню, меня в каком-то полусне не то вели, не то несли к карете; в том же состоянии посадили в поезд. Только, когда дернулись колеса, я вдруг поняла, что моя свобода в моих руках. Я соскочила, меня пробовали втащить обратно, и, если бы не пришел на помощь этот добрый человек, который усадил меня в свой кэб, мне бы не вырваться от них. Теперь, слава Богу, им уже мной не завладеть никогда.

Мы все напряженно слушали этот удивительный рассказ.

Первым прервал молчание Холмс.

— Трудности для нас еще не кончились, — заметил он, покачав головой. — С полицией наше дело закончено, начинается работа для суда.

— В том-то и суть, — сказал я. — Ловкий адвокат сумеет представить это как меру самозащиты. За ними может числиться сотня преступлений, но судить их будут сейчас только за это одно.

— Ну нет! — бойко возразил Бэйнс. — Не так он плох, наш закон. Самозащита — это одно. А умышленно заманить человека с целью убить его — это совсем другое, какой бы опасности

вы от него ни страшились. Нет, нет, нам ничего не поставят в вину, когда обитатели Дозорной Башни предстанут пред судом на ближайшей сессии в Гилдфорде.

История, однако, говорит, что если Тигр из Сан-Педро получил наконец по заслугам, то это случилось еще не сразу. Коварный и смелый, он со своим сообщником ушел от преследователей, зайдя на Эдмонтон-стрит в какой-то пансион и выйдя из него задними воротами на Керзон-сквер.

С того дня в Англии их больше не видели. А полгода спустя в Мадриде, в гостинице «Эскуриал», были убиты в своих номерах некий маркиз Монтальва и его секретарь, сеньор Рулли. Преступление приписывалось нигилистам, но захватить убийц так и не удалось. Инспектор Бэйнс зашел к нам на Бейкер-стрит и показал газету, где описывались темное лицо секретаря и властные черты хозяина, его магнетические черные глаза, его косматые брови. У нас не осталось сомнений, что правосудие, хоть и запоздалое, наконец свершилось.

— Сумбурное дело, мой дорогой Уотсон, — сказал Холмс, покуривая свою вечернюю трубку. — Вам едва ли удастся представить его в том сжатом изложении, которое так любезно вашему сердцу. Оно раскинулось на два материка, охватывает две группы таинственных личностей и вдобавок осложняется присутствием респектабельного гостя, нашего друга Скотт-Эклса, привлечение которого показывает мне, что покойный Гарсия обладал вкусом к интриге и развитым инстинктом самосохранения. Тут замечательно только то, что в дебрях всяческих возможностей мы с нашим достойным сотрудником, инспектором Бэйнсом, оба цепко ухватились за самое существенное, и это правильно вело нас по извивам кривой тропы. Что-нибудь все-таки остается, что не совсем вам ясно?

— Чего ради возвращался повар-мулат?

— Думаю, на это нам ответит та странная вещь на кухне. Человек этот — неразвитый дикарь из глухих лесов Сан-Педро, и это был его фетиш. Когда он со своим товарищем бежал в их заранее подготовленное убежище, где, несомненно, уже засел кто-то из их сообщников, товарищ уговорил его не брать с собой такую громоздкую улику. Но сердце мулата не могло от нее оторваться, и на другой же день он потянулся к ней. Заглядывает в окно, видит полисмена Уолтерса — дом занят! Он переждал еще три дня, и тут его вера или его суеверие толкнули его сделать новую попытку. Инспектор Бэйнс, хотя передо мной и делал вид, что недооценивает этот инцидент, на самом деле со свойственной ему проницательностью понял все его значение и расставил мулату ловушку, в которую тот и попался. Что-нибудь еще, Уотсон?

— Растерзанная птица, кровь в ведре, обугленные кости — вся тайна ведьминской кухни.

Холмс улыбался, раскрывая свой блокнот на длинной выписке.

— Я провел целое утро в Британском музее, читая по этим и смежным вопросам. Вот вам цитата из книги Эккермана «Вудуизм и негритянские религии»:

«Убежденный вудуист никогда не приступит ни к какому важному делу, не принеся установленной жертвы своим нечистым Богам, дабы умилостивить их. В чрезвычайных случаях эти обряды принимают вид человеческого жертвоприношения, сопровождающегося людоедством. Обычно же в жертву приносится белый петух, которого раздирают на куски живьем, или черный козел, которому перерезают горло, а тело сжигают».

Как видите, наш темнокожий друг проводил обряд по всем правилам своей религии. Да, Уотсон, дикая история, — добавил Холмс, медленно закрывая на застежку свой блокнот, — но, как я имел уже случай заметить, от дикого до ужасного только шаг.

Картонная коробка

Выбирая несколько типичных дел, иллюстрирующих замечательные свойства ума моего друга Шерлока Холмса, я старался, насколько возможно, отыскать среди них наименее сенсационные, но в то же время открывающие широкое поле для его талантов. Однако,

к сожалению, совершенно невозможно отделить сенсационное от криминального, и летописец оказывается перед дилеммой: он должен либо пожертвовать подробностями, необходимыми для его отчета, и, следовательно, дать неверное представление о деле в целом, либо использовать материалы, которые дает ему не выбор, а случай. После этого краткого вступления я перехожу к моим запискам о странной и в своем роде ужасной цепи событий.

Стоял неимоверно жаркий августовский день. Бейкер-стрит была раскалена, как печь, и ослепительный блеск солнца на желтом кирпиче дома напротив резал глаза. Трудно было поверить, что это те самые стены, которые так мрачно глядели сквозь зимний туман. Шторы у нас были наполовину спущены, и Холмс, поджав ноги, лежал на диване, читая и перечитывая письмо, полученное с утренней почтой. Сам я за время службы в Индии привык переносить жару лучше, чем холод, и тридцать три градуса выше нуля не особенно меня тяготили. Но в утренних газетах не было ничего интересного. Сессия парламента закрылась. Все уехали за город, и я начал тосковать по полянам Нью-Фореста и по каменистому пляжу Саутси. Однако истощенный банковский счет заставил меня отложить отпуск, а что касается моего друга, то ни сельская местность, ни море никак не привлекали его. Ему нравилось затаиться среди пяти миллионов людей, перебирая их своими щупальцами и чутко ловя каждый слух или подозрение о неразгаданном преступлении. Любви к природе не нашлось места среди множества его достоинств, и он изменял себе лишь тогда, когда оставлял в покое городского злодея и начинал выслеживать его деревенского собрата.

Увидев, что Холмс слишком поглощен чтением, чтобы беседовать со мной, я отбросил скучную газету и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в размышления. Внезапно голос моего друга прервал их.

— Вы правы, Уотсон, — сказал он. — Это совершенно нелепый способ решать споры.

— Совершенно нелепый! — воскликнул я и, внезапно поняв, что он угадал мою невысказанную мысль, подскочил в кресле и в изумлении уставился на него.

— Что это. Холмс? — вскричал я. — Я просто не представляю себе, как это возможно.

Он от души рассмеялся, видя мое недоумение.

— Помните, — сказал он, — не так давно, когда я прочел вам отрывок из рассказа По, в котором логически рассуждающий наблюдатель следит за внутренним ходом мыслей своего собеседника, вы были склонны рассматривать это просто как tour de force[81] автора. Я же сказал, что постоянно занимаюсь тем же, но вы мне не поверили.

— Ну что вы!

— Возможно, вы не выразили этого словами, дорогой Уотсон, но бровями выразили несомненно. Итак, когда я увидел, что вы отложили газету и задумались, я был рад возможности прочитать ваши мысли и под конец ворваться в них в доказательство того, что я не отстал от вас ни на шаг.

Но я все же далеко не был удовлетворен таким объяснением.

— В том отрывке, который вы прочли мне, — сказал я, — наблюдатель делает свои умозаключения на основании действий человека, за которым он наблюдает. Насколько я помню, этот человек споткнулся о кучу камней, посмотрел на звезды и так далее. Но я спокойно сидел в кресле. Какой же ключ я мог вам дать?

— Вы несправедливы к себе. Человеку даны черты лица как средство для выражения эмоций, и ваши верно служат вам.

— Вы хотите сказать, что прочли мои мысли по лицу?

— По лицу и особенно по глазам. Вероятно, вы сами не можете теперь вспомнить, с чего начались ваши размышления.

— Не могу.

— Тогда я скажу вам. Отложив газету — это и было действием, которое привлекло к вам мое внимание, — вы полминуты сидели с отсутствующим видом. Затем ваши глаза остановились на недавно вставленном в раму портрете генерала Гордона[82] , и по тому, как изменилось ваше лицо, я понял, что размышления начались. Но они увели вас не очень далеко. Вы бросили взгляд на портрет Генри Уорда Бичера[83] , который без рамы стоит на ваших книгах. Затем вы посмотрели вверх на стену, и ваша мысль стала ясна. Вы подумали, что, если вставить этот портрет в раму, он как раз и займет пустое пространство и будет хорошо сочетаться с портретом Гордона.

— Вы удивительно проследили за мной! — воскликнул я.

— До сих пор я едва ли мог ошибиться. Но тут ваши мысли вернулись к Бичеру, и вы посмотрели на него внимательно, даже испытующе. Затем вы перестали щуриться, но продолжали смотреть на портрет, и ваше лицо стало задумчивым. Вы вспоминали эпизоды карьеры Бичера. Я прекрасно понимал, что при этом вы не можете не думать о той миссии, которую он выполнял по поручению северян во время Гражданской войны, потому что я помню ваше негодование по поводу того, как его встретили наиболее нетерпимые наши сограждане. Вы были так возмущены, что, разумеется, думая о Бичере, не могли не подумать и об этом. Когда через секунду вы отвели глаза от портрета, я предположил, что ваши мысли обратились к Гражданской войне, а заметив, как сжались ваши губы, засверкали глаза, а руки стиснули подлокотники кресла, я уже не сомневался, что вы в самом деле думаете о храбрости, проявленной обеими сторонами в этой отчаянной борьбе. Но затем на ваше лицо снова набежала тень; вы покачали головой. Вы размышляли об ужасах войны и бесполезных человеческих жертвах. Ваша рука потянулась к старой ране, а губы искривились в усмешке — я понял, что нелепость такого способа разрешения международных конфликтов стала вам ясна. Тут я согласился, что это нелепо, и был рад обнаружить, что все мои заключения оказались правильными.

— Абсолютно! — сказал я. — Но и теперь, когда вы мне все объяснили, признаюсь, я не перестаю удивляться.

— Все это было очень поверхностно, дорогой Уотсон, уверяю вас. Я не стал бы отвлекать этим вашего внимания, не вырази вы недоверия в тот раз. Но вот здесь у меня в руках задача, решение которой может оказаться труднее, чем этот маленький опыт чтения мыслей. Видели ли вы в газете коротенькую заметку об удивительном содержании пакета, присланного по почте некой мисс Кушинг на Кросс-стрит, в Кройдоне?

— Нет, я ничего такого не видел.

— Так, значит, вы пропустили ее. Бросьте-ка мне газету. Смотрите, вот тут, под финансовым обзором. Не будете ли вы любезны прочесть ее вслух?

Я поднял газету, которую он бросил мне обратно, и прочел указанную заметку. Она была озаглавлена «Страшная посылка».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая на Кросс-стрит, в Кройдоне, стала жертвой возмутительнейшей шутки, если только не окажется, что это происшествие имеет более зловещий смысл. Вчера в два часа дня почтальон принес ей небольшой пакет, завернутый в бумагу. Это была картонная коробка, наполненная крупной солью. Высыпав соль, мисс Кушинг в ужасе обнаружила два человеческих уха, отрезанных, по-видимому, совсем недавно. Коробка была отправлена по почте из Белфаста накануне утром. Отправитель не указан, и таинственность дела усугубляется тем, что мисс Кушинг, незамужняя особа пятидесяти лет, ведет самый уединенный образ жизни и имеет так мало знакомых и корреспондентов, что очень редко получает что-либо по почте.

Однако несколько лет назад, живя в Пендже[84] , она сдавала в своем доме комнаты трем молодым студентам-медикам, от которых была вынуждена избавиться вследствие их шумливости и распущенности. Полиция считает, что безобразный поступок, возможно,

является делом рук этих молодых людей, которые имели зуб на мисс Кушинг и хотели напугать ее, послав ей этот сувенир из анатомического театра. Некоторое правдоподобие этой версии придает тот факт, что один из студентов раньше жил в Северной Ирландии, насколько известно мисс Кушинг, — в Белфасте. А пока ведется энергичное расследование, порученное мистеру Лестрейду, одному из лучших агентов нашей сыскной полиции».

— С «Дейли кроникл» все, — сказал Холмс, когда я дочитал статью. — Теперь послушаем нашего друга Лестрейда. Утром я получил от него записку, в которой он пишет:

«Я думаю, что это дело придется Вам очень по вкусу. Мы надеемся довести его до конца, но у нас возникли некоторые трудности в связи с отсутствием материала. Мы, разумеется, телеграфировали в белфастский почтамт, но в тот день было отправлено много посылок, и они ничего не могут сказать про эту и не помнят ее отправителя. Коробка полуфунтовая, из-под паточного табака, и она нам ничего не дает.

Предположение насчет студента-медика все еще кажется мне наиболее вероятным, но если у Вас есть несколько свободных часов, я был бы очень рад видеть Вас здесь. Я весь день буду либо в этом доме, либо в полицейском участке».

— Что вы на это скажете, Уотсон? Можете ли вы презреть жару и поехать со мной в Кройдон с некоторой надеждой на новое дело для ваших анналов?

— Я как раз думал, чем бы мне заняться.

— Тогда у вас будет занятие. Позвоните, чтобы нам принесли ботинки, и пошлите за кэбом. Я буду готов через минуту, только сниму халат и наполню портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел дождь, и в Кройдоне жара была менее гнетущей, чем в столице. Перед отъездом Холмс отправил телеграмму, и Лестрейд, как всегда подвижной, щегольски одетый и похожий на хорька, встретил нас на станции. Через пять минут мы были на Кросс-стрит, где жила мисс Кушинг.

Это была очень длинная улица, застроенная двухэтажными кирпичными домами, чистенькими и немного чопорными; на беленых каменных крылечках судачили женщины в передниках. Пройдя около половины улицы, Лестрейд остановился и постучал в дверь; на стук вышла девочка-служанка. Нас провели в гостиную, где сидела мисс Кушинг. У нее было спокойное лицо, большие кроткие глаза и седеющие волосы, закрывавшие виски. Она вышивала салфеточку для кресла, а рядом стояла корзинка с разноцветными шелками.

— Эта пакость лежит в сарае, — сказала она, когда Лестрейд вошел в комнату. — Хоть бы вы их совсем забрали!

— Я так и сделаю, мисс Кушинг. Я держал их здесь только для того, чтобы мой друг мистер Холмс мог взглянуть на них в вашем присутствии.

— А почему в моем присутствии, сэр?

— На случай, если он захочет вас о чем-нибудь спросить.

— Что тут еще спрашивать, раз я сказала вам, что ровно ничего об этом не знаю?

— Совершенно верно, сударыня, — сказал Холмс успокаивающе. — Не сомневаюсь, что вам больше чем достаточно надоели в связи с этим делом.

— Еще бы, сэр. Я человек скромный, живу тихо. Мне никогда не случалось видеть свое имя в газетах, и полиция у меня в доме не бывала. Я не позволю, чтобы эту пакость вносили сюда, мистер Лестрейд. Если вы хотите взглянуть на них, вам придется пойти в сарай.

Маленький сарай находился в узком садике за домом. Лестрейд вошел в сарай и вынес желтую картонную коробку, кусок оберточной бумаги и веревку. В конце дорожки была скамья, мы сели на нее, и Холмс принялся рассматривать предметы, которые Лестрейд передавал ему один за другим.

— Прелюбопытнейшая веревка, — заметил он, поднимая ее к свету и обнюхивая. — Что вы скажете об этой веревке, Лестрейд?

— Она просмолена.

— Совершенно верно. Это кусок просмоленного шпагата. Несомненно, вы заметили также, что мисс Кушинг разрезала веревку ножницами, это видно по двум срезам с каждой стороны. Это очень важно.

— Не понимаю, что тут важного, — сказал Лестрейд.

— Важно, что узел остался цел и что это узел особого рода.

— Он завязан очень аккуратно. Я уже обратил на это внимание, — не без самодовольства сказал Лестрейд.

— Ну, хватит о веревке, — сказал Холмс, улыбаясь, — теперь займемся упаковкой. Оберточная бумага с отчетливым запахом кофе. Как, вы этого не заметили? Здесь не может быть никакого сомнения. Адрес написан печатными буквами, довольно коряво: «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон». Написано толстым пером, возможно, «рондо», и очень плохими чернилами. Слово «Кройдон» вначале было написано через «е», которое затем изменено на «о». Итак, посылка была отправлена мужчиной — почерк явно мужской, — не очень образованным и не знающим Кройдона. Пойдем дальше. Коробка желтая, полуфунтовая, из-под паточного табака, ничем не примечательная, если не считать двух отпечатков больших пальцев в левом нижнем углу. Она наполнена крупной солью, которая применяется для хранения кож и для других промышленных целей, связанных с сырьем. И в соли находится весьма своеобразное вложение.

С этими словами он вытащил два уха и, положив себе на колено доску, стал внимательно их изучать, а мы с Лестрейдом, стоя по обе стороны, наклонились вперед и смотрели то на эти страшные сувениры, то на серьезное, сосредоточенное лицо нашего спутника. Наконец он положил их обратно в коробку и некоторое время сидел, глубоко задумавшись.

— Вы заметили, конечно, — сказал он наконец, — что это непарные уши.

— Да, это я заметил. Но если это шутка каких-нибудь студентов-медиков, им ничего не стоило послать и два непарных уха и пару.

— Совершенно правильно. Но это не шутка.

— Вы в этом убеждены?

— Многое в этом убеждает. Для работы в анатомическом театре в трупы вводят консервирующий раствор. На этих ушах его не заметно. Кроме того, они свежие. Они были отрезаны тупым инструментом, что едва ли могло бы случиться, если бы это делал студент. Далее, в качестве консервирующего вещества медик, естественно, выбрал бы раствор карболки или спирт и уж, конечно, не крупную соль. Повторяю: это не розыгрыш, перед нами серьезное преступление.

Легкая дрожь пробежала по моему телу, когда я услышал слова Холмса и увидел его помрачневшее лицо. За этим решительным вступлением таилось нечто странное, необъяснимое и ужасное. Лестрейд, однако, покачал головой, как человек, которого убедили только наполовину.

— Несомненно, кое-что говорит против версии с розыгрышем, — сказал он, — но против другой версии есть более сильные аргументы. Мы знаем, что эта женщина в течение последних двадцати лет, как в Пендже, так и здесь, жила самой тихой и добропорядочной жизнью. За это время она едва ли провела хоть один день вне дома. С какой же стати преступник станет посылать ей доказательство своей вины, тем более, что она — если только она не превосходная актриса — понимает в этом так же мало, как и мы?

— Это и есть задача, которую мы должны решить, — ответил Холмс, — и я, со своей стороны, начну с предположения, что мои рассуждения правильны и что было совершено двойное убийство. Одно из этих ушей женское, маленькое, красивой формы, с проколом для серьги. Второе — мужское, загорелое и также с проколом для серьги. Эти два человека, по-

видимому, мертвы, иначе мы бы уже услышали о них. Сегодня пятница. Посылка была отправлена в четверг утром. Следовательно, трагедия произошла в среду, или во вторник, или раньше. Если эти два человека были убиты, кто, кроме самого их убийцы, мог послать мисс Кушинг это свидетельство его преступления? Будем считать, что отправитель пакета и есть тот человек, которого мы ищем. Но у него должны быть веские причины для отправки этого пакета мисс Кушинг. Что же это за причины? Должно быть, необходимость сообщить ей, что дело сделано! Или, может быть, желание причинить ей боль. Но тогда она должна знать, кто этот человек. А знает ли она это? Сомневаюсь. Если она знает, зачем ей было звать полицию? Она могла закопать уши, и все осталось бы в тайне. Так она поступила бы, если бы хотела покрыть преступника. А если она не хотела его покрывать, она назвала бы его имя. Вот головоломка, которую нужно решить.

Он говорил быстро, высоким, звонким голосом, глядя невидящим взором поверх садовой ограды, потом проворно вскочил на ноги и пошел к дому.

— Я хочу задать несколько вопросов мисс Кушинг, — сказал он.

— В таком случае я вас покину, — сказал Лестрейд, — потому что у меня здесь есть еще одно дельце. Я думаю, что от мисс Кушинг мне больше ничего не нужно. Вы найдете меня в полицейском участке.

— Мы зайдем туда по дороге на станцию, — отозвался Холмс.

Через минуту мы были снова в гостиной, где мисс Кушинг продолжала спокойно и безмятежно вышивать свою салфеточку. Когда мы вошли, она положила ее на колени и устремила на нас открытый, испытующий взгляд своих голубых глаз.

— Я убеждена, сэр, — сказала она, — что это ошибка и посылка предназначалась вовсе не мне. Я несколько раз говорила это джентльмену из Скотленд-Ярда, но он только смеется надо мной. Насколько я знаю, у меня нет ни одного врага на свете, так зачем же вдруг кому-то понадобилось сыграть со мной такую шутку?

— Я склоняюсь к такому же мнению, мисс Кушинг, — сказал Холмс, садясь рядом с ней. — По-моему, более чем вероятно…

— Он умолк, и я, посмотрев в его сторону, с удивлением увидел, что он впился глазами в ее профиль. Удивление, а затем и удовлетворение промелькнули на его энергичном лице, но, когда она взглянула на него, чтобы узнать причину его молчания, он уже всецело овладел собой. Теперь и я, в свою очередь, пристально посмотрел на ее гладко причесанные седеющие волосы, опрятный чепец, маленькие позолоченные серьги, спокойное лицо; но я не увидел ничего, что могло бы объяснить явное волнение моего, друга.

— Я хочу задать вам несколько вопросов…

— Ох, надоели мне эти вопросы! — раздраженно воскликнула мисс Кушинг.

— По-моему, у вас есть две сестры.

— Откуда вы знаете?

— Как только я вошел в комнату, я заметил на камине групповой портрет трех женщин, одна из которых, несомненно, вы сами, а другие так похожи на вас, что родство не подлежит сомнению.

— Да, вы совершенно правы. Это мои сестры — Сара и Мэри.

— А вот тут, рядом со мной, висит другой портрет, сделанный в Ливерпуле, портрет вашей младшей сестры и какого-то мужчины, судя по одежде — стюарда. Я вижу, что она в то время не была замужем.

— Вы очень быстро все замечаете.

— Это моя профессия.

— Ну что же, вы совершенно правы. Но она вышла замуж за мистера Браунера через несколько дней после этого. Когда был сделан снимок, он служил на Южноамериканской линии, но он так любил мою сестру, что не мог вынести долгой разлуки с ней и перевелся на пароходы, которые ходят между Ливерпулем и Лондоном.

— Случайно не на «Победителя»?

— Нет, на «Майский день», насколько я знаю. Джим однажды приезжал сюда ко мне в гости. Это было до того, как он нарушил свое обещание не пить; а потом он всегда пил, когда бывал на берегу, и от самой малости становился как сумасшедший. Да! Плохой это был день когда его снова потянуло к бутылке. Сначала он поссорился со мной, потом с Сарой, а теперь Мэри перестала нам писать, и мы не знаем, что с ними.

Тема эта явно волновала мисс Кушинг. Как большинство одиноких людей, она вначале стеснялась, но под конец стала чрезвычайно разговорчивой. Она рассказала нам много подробностей о своем зяте-стюарде, а затем, перейдя к своим бывшим постояльцам — студентам-медикам, долго перечисляла все их провинности, сообщила их имена и названия больниц, где они работали. Холмс слушал внимательно, время от времени задавая вопросы.

— Теперь о вашей средней сестре, Саре, — сказал он. — Как-то удивительно, что вы не живете одним домом, раз вы обе не замужем.

— Ах! Вы не знаете, какой у нее характер, а то бы не удивлялись. Я попыталась было, когда переехала в Кройдон, и мы жили вместе до недавнего времени — всего месяца два прошло, как мы расстались. Не хочется говорить плохое про родную сестру, но она, Сара, всегда лезет не в свое дело и привередничает.

— Вы говорите, что она поссорилась с вашими ливерпульскими родственниками?

— Да, а одно время они были лучшими друзьями. Она даже поселилась там, чтобы быть рядом с ними. А теперь не знает, как покрепче обругать Джима Браунера. Последние полгода, что она жила здесь, она только и говорила, что о его пьянстве и скверных привычках. Наверно, он поймал ее на какой-нибудь сплетне и сказал ей пару теплых слов; ну, тут все и началось.

— Благодарю вас, мисс Кушинг, — сказал Холмс, вставая и откланиваясь. — Ваша сестра Сара живет, кажется, в Уоллингтоне, на Нью-стрит? Всего хорошего, мне очень жаль, что пришлось вас побеспокоить по делу, к которому, как вы и говорите, вы не имеете никакого отношения.

Когда мы вышли на улицу, мимо проезжал кэб, и Холмс окликнул его.

— Далеко ли до Уоллингтона? — спросил он.

— Всего около мили, сэр.

— Отлично. Садитесь, Уотсон. Надо ковать железо, пока горячо. Хоть дело и простое, с ним связаны кое-какие поучительные детали. Эй, остановитесь возле телеграфа, когда будем проезжать мимо.

Холмс отправил короткую телеграмму и всю остальную часть пути сидел в кэбе, развалившись и надвинув шляпу на нос, чтобы защититься от солнца. Наш возница остановился у дома, похожего на тот, который мы только что покинули. Мой спутник приказал ему подождать, но едва он взялся за дверной молоток, как дверь отворилась, и на пороге появился серьезный молодой джентльмен в черном, с очень блестящим цилиндром в руке.

— Мисс Кушинг дома? — спросил Холмс.

— Мисс Сара Кушинг серьезно больна, — ответил тот. — Со вчерашнего дня у нее появились симптомы тяжелого мозгового заболевания. Как ее врач, я ни в коем случае не могу взять на себя ответственность и пустить к ней кого-либо. Советую вам зайти дней через десять.

Он надел перчатки, закрыл дверь и зашагал по улице.

— Ну что ж, нельзя — значит, нельзя, — бодро сказал Холмс.

— Вероятно, она и не смогла бы, а то и не захотела бы много вам сказать.

— А мне вовсе и не нужно, чтобы она мне что-нибудь говорила. Я хотел только посмотреть на нее. Впрочем, по-моему, у меня и так есть все, что надо… Отвезите нас в какой-нибудь приличный отель, где можно позавтракать, а потом мы поедем к нашему другу Лестрейду в полицейский участок.

Мы отлично позавтракали; за столом Холмс говорил только о скрипках и с большим воодушевлением рассказал, как он за пятьдесят пять шиллингов купил у одного еврея, торгующего подержанными вещами на Тоттенхем-Корт-роуд, скрипку Страдивариуса, которая стоила по меньшей мере пятьсот гиней. От скрипок он перешел к Паганини, и мы около часа просидели за бутылкой кларета, пока он рассказывал мне одну за другой истории об этом необыкновенном человеке. Было уже далеко за полдень, и жаркий блеск солнца сменился приятным мягким светом, когда мы приехали в полицейский участок. Лестрейд ждал нас у двери.

— Вам телеграмма, мистер Холмс, — сказал он.

— Ха, это ответ! — Он распечатал ее, пробежал глазами и сунул в карман. — Все в порядке, — сказал он.

— Вы что-нибудь выяснили?

— Я выяснил все!

— Что? — Лестрейд посмотрел на него в изумлении. — Вы шутите.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Совершено ужасное преступление, и теперь, мне кажется, я раскрыл все его детали.

— А преступник?

Холмс нацарапал несколько слов на обороте своей визитной карточки и бросил ее Лестрейду.

— Вот о ком идет речь, — сказал он. — Произвести арест можно будет самое раннее завтра вечером. Я просил бы вас не упоминать обо мне в связи с этим делом, ибо я хочу, чтобы мое имя называли только в тех случаях, когда разгадка преступления представляет известную трудность. Идемте, Уотсон.

Мы зашагали к станции, а Лестрейд так и остался стоять, восхищенно глядя на карточку, которую бросил ему Холмс.

— В этом деле, — сказал Шерлок Холмс, когда мы, закурив сигары, беседовали вечером в нашей квартире на Бейкер-стрит, — как и в расследованиях, которые вы занесли в свою хронику под заглавиями «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», мы были вынуждены рассуждать в обратном порядке, идя от следствий к причинам. Я написал Лестрейду с просьбой сообщить нам недостающие подробности, которые он узнает только после того, как возьмет преступника. А об этом можно не беспокоиться, потому что, несмотря на полное отсутствие ума, он вцепится, как бульдог, если поймет, что надо делать; эта-то цепкость и помогла ему сделать карьеру в Скотленд-Ярде.

— Значит, вам еще не все ясно? — спросил я.

— В основном все. Мы знаем, кто совершил это отвратительное преступление, хотя одна из жертв нам еще неизвестна. Конечно, вы уже пришли к какому-то выводу.

— Очевидно, вы подозреваете этого Джима Браунера, стюарда с ливерпульского парохода?

— О! Это больше чем подозрение.

— И все же я не вижу ничего, кроме весьма неопределенных указаний.

— Напротив, по-моему, ничто не может быть яснее. Давайте еще раз пройдем по основным этапам нашего расследования. Как вы помните, мы подошли к делу абсолютно

непредвзято, что всегда является большим преимуществом. У нас не было заранее построенной теории. Мы просто отправились туда, чтобы наблюдать и делать выводы из наших наблюдений. Что мы увидели прежде всего? Очень спокойную и почтенную женщину, судя по всему, не имеющую никаких тайн, и фотографию, из которой я узнал, что у нее есть две младших сестры. Тогда же у меня мелькнула мысль, что коробка могла предназначаться одной из них. Но я оставил эту мысль, решив, что подтвердить ее или опровергнуть еще успею. Затем, как вы помните, мы пошли в сад и увидели необычайное содержимое маленькой желтой коробки.

Веревка была такая, какой шьют паруса, и в нашем расследовании сразу же запахло морем. Когда я заметил, что она завязана распространенным морским узлом, что посылка была отправлена из порта и что в мужском ухе сделан прокол для серьги, а это чаще встречается у моряков, чем у людей сухопутных, мне стало совершенно ясно, что всех актеров этой трагедии надо искать поближе к кораблям и к морю.

Рассмотрев надпись на посылке, я обнаружил, что она адресована мисс С. Кушинг. Самая старшая сестра была бы, разумеется, просто мисс Кушинг, но хотя ее имя начинается на «С», с этой же буквы могло начинаться имя и одной из двух других. В таком случае расследование пришлось бы начинать сначала, совсем на другой основе. Для того, чтобы выяснить это обстоятельство, я и вернулся в дом. Я уже собирался заверить мисс Кушинг, что, по-моему, здесь произошла ошибка, когда, как вы, вероятно, помните, я внезапно умолк. Дело в том, что я вдруг увидел нечто, страшно меня удивившее и в то же время чрезвычайно сузившее поле нашего расследования.

Будучи медиком, Уотсон, вы знаете, что нет такой части человеческого тела, которая была бы столь разнообразна, как ухо. Каждое ухо, как правило, очень индивидуально и отличается от всех остальных. В «Антропологическом журнале» за прошлый год вы можете найти две мои статейки на эту тему. Поэтому я осмотрел уши в коробке глазами специалиста и внимательно отметил их анатомические особенности. Вообразите мое удивление, когда, взглянув на мисс Кушинг, я понял, что ее ухо в точности соответствует женскому уху, которое я только что изучал. О совпадении не могло быть и речи. Передо мной была та же несколько укороченная ушная раковина, с таким же широким изгибом в верхней части, та же форма внутреннего хряща. Словом, судя повеем важнейшим признакам, это было то же самое ухо.

Конечно, я сразу понял огромную важность этого открытия. Ясно, что жертва находилась в кровном и, по-видимому, очень близком родстве с мисс Кушинг. Я заговорил с ней о ее семье, и вы помните, что она сразу сообщила нам ряд ценнейших подробностей.

Во-первых, имя ее сестры Сара, и адрес ее до недавнего времени был тот же самый, так что понятно, как произошла ошибка и кому посылка предназначалась. Затем мы услышали об этом стюарде, женатом на третьей сестре, и узнали, что одно время он был очень дружен с мисс Сарой и та даже переехала в Ливерпуль, чтобы быть ближе к Браунерам, но потом они поссорились. После этой ссоры все отношения между ними прервались на несколько месяцев, так что, если бы Браунер решил отправить посылку мисс Саре, он, несомненно, послал бы ее по старому адресу.

И вот дело начало удивительным образом проясняться. Мы узнали о существовании этого стюарда, человека неуравновешенного, порывистого, — вы помните, что он бросил превосходное, по-видимому, место, чтобы не покидать надолго жену, — и к тому же запойного пьяницы. Мы имели основание полагать, что его жена была убита и тогда же был убит какой-то мужчина — очевидно, моряк. Конечно, в качестве мотива преступления прежде всего напрашивалась ревность. Но почему эти доказательства совершенного злодеяния должна была получить мисс Сара Кушинг? Вероятно, потому, что за время своего пребывания в Ливерпуле она сыграла важную роль в событиях, которые привели к трагедии. Заметьте, что пароходы этой линии заходят в Белфаст, Дублин и Уотерфорд; таким образом, если предположить, что

убийца — Браунер и что он сразу же сел на свой пароход «Майский день», Белфаст — первое место, откуда он мог отправить свою страшную посылку.

Но на этом этапе было возможно и другое решение, и, хотя я считал его очень маловероятным, я решил проверить себя, прежде чем двигаться дальше. Могло оказаться, что какой-нибудь неудачливый влюбленный убил мистера и миссис Браунер и мужское ухо принадлежит мужу. Против этой теории имелось много серьезных возражений, но все же она была допустима. Поэтому я послал телеграмму Элтару, моему другу из ливерпульской полиции, и попросил его узнать, дома ли миссис Браунер и отплыл ли мистер Браунер на «Майском дне». Затем мы с вами направились в Уоллингтон к мисс Саре.

Прежде всего мне любопытно было посмотреть, насколько точно повторяется у нее семейное ухо. Кроме того, она, конечно, могла сообщить нам очень важные сведения, но я не слишком надеялся, что она захочет это сделать. Она наверняка знала о том, что произошло накануне, поскольку об этом шумит весь Кройдон, и она одна могла понять, кому предназначалась посылка. Если бы она хотела помочь правосудию, она вероятно, уже связалась бы с полицией. Во всяком случае, повидать ее было нашей прямой обязанностью, и мы пошли. Мы узнали, что известие о прибытии посылки — ибо ее болезнь началась с того момента — произвело на нее такое впечатление, что вызвало горячку. Таким образом, окончательно выяснилось, что она поняла значение посылки, но не менее ясно было и то, что нам придется некоторое время подождать прежде чем она сможет оказать нам какое-то содействие.

Однако мы не зависели от ее помощи. Ответы ждали нас в полицейском участке, куда Элтар послал их по моей просьбе. Ничто не могло быть убедительнее. Дом миссис Браунер стоял запертый больше трех дней, и соседи полагали, что она уехала на юг к своим родственникам. В пароходном агентстве было установлено, что Браунер отплыл на «Майском дне», который, по моим расчетам, должен появиться на Темзе завтра вечером. Когда он прибудет, его встретит туповатый, но решительный Лестрейд, и я не сомневаюсь, что мы узнаем все недостающие подробности.

Шерлок Холмс не обманулся в своих ожиданиях. Два дня спустя он получил объемистый конверт, в котором была короткая за писка от сыщика и отпечатанный на машинке документ, занимавший несколько страниц большого формата.

— Ну вот, Лестрейд поймал его, — сказал Холмс, взглянув н меня. — Вероятно, вам будет интересно послушать, что он пишет.

«Дорогой мистер Холмс!

Согласно плану, который мы выработали с целью проверки наших предположений (это «мы» великолепно, правда, Уотсон?), я отправился вчера в шесть часов вечера в Альберт-док и взошел на борт парохода «Майский день», курсирующего на линии Ливерпуль — Дублин — Лондон. Наведя справки, я узнал, что стюард по имени Джеймс Браунер находится на борту и во время рейса вел себя так странно, что капитан был вынужден освободить его от его обязанностей. Сойдя вниз, где находилась его койка, я увидел, что он сидит на сундуке, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Это большой, крепкий парень, чисто выбритый и очень смуглый — немного похож на Олдриджа, который помогал нам в деле с мнимой прачечной. Когда он услышал, что мне нужно, он вскочил на ноги, и я поднес свисток к губам, чтобы позвать двух человек из речной полиции, которые стояли за дверью; но он словно бы совсем обессилел и без всякого сопротивления дал надеть на себя наручники. Мы отправили его в участок и захватили его сундук, надеясь обнаружить в нем какие-нибудь вещественные доказательства; но за исключением большого острого ножа, который есть почти у каждого моряка, мы не нашли ничего, что вознаградило бы наши старания. Однако выяснилось, что нам не нужны никакие доказательства, потому что, когда его привели к инспектору, он пожелал сделать заявление, которое, разумеется, записывал наш стенографист. Мы отпечатали три экземпляра, один из которых я прилагаю. Дело

оказалось, как я всегда и думал, исключительно простым, но я благодарен Вам за то, что Вы помогли мне его расследовать.

С сердечным приветом

Искренне Ваш Дж. Лестрейд»

— Хм! Это действительно было очень простое расследование, — заметил Холмс, — но едва ли оно представлялось ему таким вначале, когда он обратился к нам. Однако давайте посмотрим, что говорит сам Джим Браунер. Вот его заявление, сделанное инспектору Монтгомери в Шедуэллском полицейском участке, — по счастью, запись стенографическая.

«Хочу ли я что-нибудь сказать? Да, я много чего хочу сказать. Все хочу выложить, начистоту. Вы можете повесить меня или отпустить — мне плевать. Говорю вам, я с тех пор ни на минуту не мог заснуть; наверно, если я и засну теперь, так только вечным сном. Иногда его лицо стоит передо мной, а чаще — ее. Все время так. Он смотрит хмуро, злобно, а у нее лицо такое удивленное. Ах, бедная овечка, как же ей было не удивляться, когда она прочла смерть на лице, которое всегда выражало одну только любовь к ней.

Но это все Сара виновата, и пусть проклятие человека, которому она сломала жизнь, падет на ее голову и свернет кровь в ее жилах! Не думайте, что я оправдываюсь. Я знаю, я снова начал пить, вел себя, как скотина. Но она простила бы меня, она льнула бы ко мне, как веревка к блоку, если бы эта женщина не переступила нашего порога. Ведь Сара Кушинг любила меня — в этом все дело, — она любила меня, пока ее любовь не превратилась в смертельную ненависть, когда она узнала, что след моей жены в грязи значит для меня больше, чем все ее тело и душа.

Их было три сестры. Старшая была просто хорошая женщина, вторая — дьявол, а третья — ангел. Когда я женился, Саре было тридцать три, а Мэри — двадцать девять. Мы зажили своим домом и счастливы были не знаю как, и во всем Ливерпуле, не было женщины лучше моей Мэри. А потом мы пригласили Сару на недельку, и неделька превратилась в месяц, а дальше — больше, так что она стала членом нашей семьи.

Тогда я ходил в трезвенниках, мы понемножку откладывали и жили припеваючи. Боже мой, кто бы мог подумать, что все так кончится? Кому это могло прийти в голову?

Я обычно приезжал домой на субботу и воскресенье, а иногда, если пароход задерживался для погрузки, я бывал свободен по целой неделе, поэтому довольно часто видел свою свояченицу Сару. Была она ладная, высокая, черноволосая, быстрая и горячая, с гордо закинутой головой, а в глазах у нее вспыхивали искры как из-под кремня. Но я даже и не думал о нем, когда крошка Мэри была рядом, вот Бог мне свидетель.

Иногда мне казалось, что ей нравится сидеть со мной вдвоем или вытаскивать меня на прогулку, да я не придавал этому значения. Но однажды вечером у меня открылись глаза. Я пришел с парохода; жены не было, но Сара была дома. «Где Мэри?» — спросил я. «О, пошла платить по каким-то счетам». От нетерпения я принялся мерять шагами комнату. «Джим, неужели ты и пяти минут не можешь быть счастлив без Мэри? — спросила она. — Плохи мои дела, если моя компания не устраивает тебя даже на такое короткое время». «Да будет тебе, сестрица», — сказал я и ласково протянул ей руку, а она схватила ее обеими руками, такими горячими, точно она была в жару. Я посмотрел ей в глаза и все там прочел. Она могла ничего не говорить, да и я тоже. Я нахмурился и отдернул руку. Она молча постояла рядом со мной, потом подняла руку и похлопала меня по плечу. «Верный старый Джим!» — сказала она и с легким смешком, словно издеваясь надо мной, выбежала из комнаты.

И вот с этого времени Сара возненавидела меня всей душой, а она такая женщина, которая умеет ненавидеть. Я был дурак, что позволил ей остаться у нас, — пьяный дурак, но я ни слова не сказал Мэри, потому что это ее огорчило бы. Все шло почти как прежде, но через некоторое время я начал замечать, что Мэри как будто изменилась. Она всегда была такой доверчивой и простодушной, а теперь стала странная и подозрительная и все

допытывалась, где я бываю, и что делаю, и от кого получаю письма, и что у меня в карманах, прочие такие глупости. С каждым днем она становилась все чуднее и раздражительнее, и мы то и дело ссорились из-за пустяков. Я не знал, что и думать. Сара теперь избегала меня, но с Мэри они были просто неразлучны. Сейчас-то я понимаю, как она интриговала и настраивала мою жену против меня, но в то время я был слеп, как крот. Потом я снова запил, но этого бы не было, если бы Мэри оставалась прежней. Теперь у нее появилась причина чувствовать ко мне отвращение, и пропасть между нами стала увеличиваться. А потом появился этот Алек Фэрберн, и все покатилось к чертям.

Сперва он пришел в мой дом из-за Сары, но скоро стал ходить уже к нам, — он умел расположить к себе человека и без труда всюду заводил друзей. Лихой был малый, развязный, такой щеголеватый, кудрявый; объехал полсвета и умел рассказать о том, что повидал. Я не спорю, в компании он был парень что надо и для матроса на редкость учтив: видно, было время, когда он больше торчал на мостике, чем на баке. Он то и дело забегал к нам, и за весь этот месяц мне ни разу не пришло в голову, что его мягкость и обходительность могут довести до беды. Наконец кое-что показалось мне подозрительным, и с той поры я уже не знал покоя.

Это была просто мелочь. Я неожиданно вошел в гостиную и, переступая через порог, заметил радость на лице жены. Но когда она увидела, кто идет, оживление исчезло с ее лица, и она отвернулась с разочарованным видом. Этого было для меня достаточно. Мои шаги она могла спутать только с шагами Алека Фэрберна. Попадись он мне тогда, я бы его убил на месте, потому что я всегда теряю голову, когда выхожу из себя. Мэри увидела дьявольский огонь в моих глазах, бросилась ко мне, схватила меня за рукав и кричит: «Не надо, Джим, не надо!» «Где Сара?» — спросил я. «На кухне», — ответила она. «Сара, — сказал я, входя в кухню, — чтоб ноги этого человека здесь больше не было». «Почему?» — спросила она. «Потому что я так сказал». «Вот как! — сказала она. — Если мои друзья недостаточно хороши для этого дома, тогда и я для него недостаточно хороша». «Ты можешь делать что хочешь, — сказал я, — но если Фэрберн покажется здесь снова, я пришлю тебе его ухо в подарок». Наверное, мое лицо испугало ее, потому что она не ответила ни слова и в тот же вечер от нас уехала.

Я не знаю, от одной ли злости она делала все это или думала поссорить меня с женой, подбивая ее на измену. Во всяком случае, она сняла дом через две улицы от нас и стала сдавать комнаты морякам. Фэрберн обычно жил там, и Мэри ходила туда пить чай со своей сестрой и с ним. Часто она там бывала или нет, я не знаю, но однажды я выследил ее, и, когда я ломился в дверь, Фэрберн удрал, как подлый трус, перепрыгнув через заднюю стену сада. Я пригрозил жене, что убью ее, если еще раз увижу их вместе, и повел ее домой, а она всхлипывала, дрожала и бледная была, как бумага. Между нами теперь не оставалось уже и следа любви. Я видел, что она ненавидит меня и боится, и, когда от этой мысли я снова принимался пить, она вдобавок презирала меня.

Тем временем Сара убедилась, что в Ливерпуле ей не заработать на жизнь, и уехала, как я понял, к своей сестре в Кройдон, а у нас дома все продолжалось по-старому. И вот наступила последняя неделя когда случилась эта беда и пришла моя погибель.

Дело было так. Мы ушли на «Майском дне» в семидневный рейс, но большая бочка с грузом отвязалась и пробила переборку, так что нам пришлось вернуться в порт на двенадцать часов. Я сошел на берег и отправился домой, думая, каким сюрпризом это будет для моей жены, и надеясь, что, может, она обрадуется, увидев меня так скоро. С этой мыслью я повернул на нашу улицу, и тут мимо меня проехал кэб, в котором сидела она рядом с Фэрберном; оба они болтали, и смеялись и даже не думали обо мне, а я стоял и глядел на них с тротуара.

Правду вам говорю, даю слово, с той минуты я был сам не свой, и как вспомню — все это кажется мне туманным сном. Последнее время я много пил и от всего вместе совсем

свихнулся. В голове моей и сейчас что-то стучит, как клепальный молоток, но в то утро у меня в ушах шумела и гудела целая Ниагара.

Я погнался за кэбом. В руке у меня была тяжелая дубовая палка, и говорю вам: я сразу потерял голову. Но пока я бежал, я решил быть похитрее и немного отстал, чтобы видеть их, но самому не попадаться им на глаза. Вскоре они остановились у вокзала. Возле кассы была большая толпа, так что я подошел к ним совсем близко, но они меня не видели. Они взяли билеты до Нью-Брайтона. Я тоже, только сел на три вагона дальше. Когда мы приехали, они пошли по набережной, а я — в какой-нибудь сотне ярдов следом за ними. Наконец я увидел, что они берут лодку и собираются ехать кататься, потому что день был очень жаркий, и они, конечно, решили, что на воде будет прохладнее.

Теперь их словно отдали мне в руки. Стояла легкая дымка, и видимость не превышала нескольких сот ярдов. Я тоже взял лодку и поплыл за ними. Я смутно видел их впереди, но они шли почти с такой же скоростью, как я, и успели, должно быть, отъехать от берега на добрую милю, прежде чем я догнал их. Дымка окружала нас, словно завеса. О Господи, я не забуду, какие у них стали лица, когда они увидели, кто был в лодке, которая к ним приближалась. Она вскрикнула не своим голосом. А он стал ругаться, как сумасшедший, и тыкать в меня веслом: должно быть, в моих глазах он увидел смерть. Я увернулся и нанес ему удар палкой — голова его раскололась, как яйцо. Ее я, может быть, и пощадил бы, несмотря на все мое безумие, но она обвила его руками, заплакала и стала звать его «Алек». Я ударил еще раз, и она упала рядом с ним. Я был как дикий зверь, почуявший кровь. Если бы Сара была там, клянусь Богом, и она бы пошла за ними. Я вытащил нож и… ну ладно, хватит. Мне доставляло какую-то жестокую радость думать, что почувствует Сара, когда получит это и увидит, чего она добилась. Потом я привязал тела к лодке, проломил доску и подождал, пока они не утонули. Я был уверен, что хозяин лодки подумает, будто они заблудились в тумане и их унесло в море. Я привел себя в порядок, причалил к берегу, вернулся на свой корабль, и ни одна душа не подозревала о случившемся. Ночью я приготовил посылку для Сары Кушинг, а на другой день отправил ее из Белфаста.

Теперь вы знаете всю правду. Вы можете повесить меня или сделать со мной что хотите, но не сможете наказать меня так, как я уже наказан. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу эти два лица — они все смотрят на меня, как смотрели тогда, когда моя лодка выплыла из тумана. Я убил их быстро, а они убивают меня медленно; еще одна такая ночь, и к утру я либо сойду с ума, либо умру. Вы не посадите меня в одиночку, сэр? Умоляю вас, не делайте этого, и пусть с вами обойдутся в ваш последний день так же, как вы сейчас обойдетесь со мной».

— Что же это значит, Уотсон? — мрачно спросил Холмс, откладывая бумагу. — Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это немыслимо. Так каков же смысл? Вот он, вечный вопрос, на который человеческий разум до сих пор не может дать ответа.

Алое кольцо

I

— По-моему, миссис Уоррен, у вас нет серьезных причин беспокоиться, — сказал Шерлок Холмс, — а мне, человеку, чье время в какой-то степени ценно, нет смысла ввязываться в эту историю. Право же, у меня достаточно других занятий. — И он снова взялся за свой огромный альбом с газетными вырезками, намереваясь вклеить в него и вписать в указатель какие-то новые материалы.

Но миссис Уоррен, упрямая и лукавая, как всякая женщина, твердо стояла на своем.

— В прошлом году вы распутали дело одного моего жильца, — сказала она. — Мистера Фэрдела Хоббса.

— О да, пустяковое дело.

— Но он, не переставая, говорил об этом — про вашу доброту, сэр, про то, как вы сумели раскрыть тайну. Я вспомнила его слова теперь, когда сама брожу в потемках и окружена тайной. Я уверена, вы найдете время, если только захотите.

Холмс поддавался на лесть и, надо отдать ему справедливость, был человеком отзывчивым. Эти две силы побудили его, вздохнув, безропотно положить на место кисточку для клея и отодвинуться от стола вместе со своим креслом.

— Ну что ж, миссис Уоррен, рассказывайте. Вам не помешает, если я закурю? Спасибо. Уотсон, — спички! Насколько я понимаю, вы обеспокоены тем, что ваш новый жилец не выходит из своих комнат и вы никогда его не видите? Простите, миссис Уоррен, но будь я вашим постояльцем, вы частенько не видели бы меня неделями.

— Вы правы, сэр, только тут совсем другое. Мне страшно, мистер Холмс. Я не сплю по ночам от страха. Слушать, как он ходит там взад и вперед, с раннего утра и до позднего вечера, и никогда его не видеть — такого мне не вынести. Мой муж нервничает, как и я, но он весь день на службе, а мне куда деваться? Почему он прячется? Что он натворил? Кроме служанки, я одна с ним в доме, и мои нервы больше не выдерживают.

Холмс наклонился к женщине и положил ей на плечо свои длинные, тонкие пальцы. Он, когда хотел, проявлял чуть ли не гипнотическую способность успокаивать. Взгляд женщины утратил выражение испуга, а черты ее взбудораженного лица обрели присущую им обыденность. Она села в указанное Холмсом кресло.

— Если я берусь распутать загадку, я должен знать мельчайшие подробности, — сказал он. — Соберитесь с мыслями. Самая незначительная деталь может оказаться самой существенной. Вы говорите, этот человек явился десять дней назад и заплатил вам за квартиру и стол вперед за две недели?

— Он спросил, какие будут мои условия, сэр. Я ответила — пятьдесят шиллингов в неделю. На верхнем этаже у меня небольшая гостиная и спальня — обособленная квартирка.

— Дальше?

— Он сказал: «Я буду платить вам вдвое больше — пять фунтов в неделю, если вы согласитесь на мои условия». Я женщина небогатая, сэр, мистер Уоррен зарабатывает мало, и такие деньги для меня большое подспорье. Он тут же достал десятифунтовый кредитный билет. «Вы будете получать столько же каждые две недели в течение долгого времени, если согласитесь, — сказал он, — а нет — так я с вами никаких дел больше не имею».

— И какие же он поставил условия?

— Так вот, сэр, он хотел иметь ключ от дома. В этом ничего удивительного нет. Жильцы нередко имеют свой ключ. А также, чтоб его предоставили самому себе, и никогда, ни при каких обстоятельствах не тревожили.

— Но ведь и в этом нет ничего особенного.

— Так-то оно так, сэр, да надо меру знать. А тут какая уж мера. Он у нас десять дней, и ни я, ни мистер Уоррен, ни служанка ни разу его не видели. Мы слышим, как он там ходит и ходит — ночью, утром, днем, но из дому он выходил только в первый вечер.

— О, значит, в первый вечер он выходил?

— Да, сэр, и вернулся очень поздно — мы все уже легли спать. Он предупредил, что придет поздно, и просил не запирать дверь на задвижку. Я слышала, как он поднимался по лестнице, это было уже после полуночи.

— А как насчет еды?

— Он особо наказал, чтоб еду ставили на стул за его дверью после того, как он позвонит. Когда поест, он звонит опять, и мы забираем поднос с того же стула. А если ему надо что-нибудь еще, он оставляет клочок бумаги, на котором написано печатными буквами.

— Печатными буквами?

— Да, сэр, карандашом. Только одно слово и ничего больше. Я принесла вам показать, вот: МЫЛО. А вот еще: СПИЧКА. Эту записку — «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ» — он положил в первое утро. Я оставляю ему эту газету на стуле каждое утро вместе с завтраком.

— Вот как! — сказал Холмс, с любопытством разглядывая клочки бумаги, протянутые ему миссис Уоррен. — Это действительно не совсем обычно. Желание отгородиться от людей мне понятно, но зачем печатные буквы? Писать печатными буквами — утомительное занятие. Почему он не пишет просто? Как вы это объясните, Уотсон?

— Он хочет скрыть свой почерк?

— Но зачем? Что ему до того, если квартирная хозяйка получит бумажку, написанную его рукой? Впрочем, может, вы и правы… Ну, а почему такие лаконичные записки?

— Понятия не имею.

— Это открывает перед нами интересные возможности для умозаключений. Написано плохо отточенным, фиолетового света карандашом весьма обычного образца. Обратите внимание, у записки оборвали уголок после того, как она была напечатана, недостает кусочка буквы «м» в слове «мыло». Наводит на размышления, Уотсон, а?

— Он чего-то опасается?

— Безусловно. На бумажке, по-видимому, остался след, отпечаток пальца или что-нибудь еще, по чему его могли бы опознать. Так вы говорите, миссис Уоррен, что человек этот среднего роста, брюнет и носит бороду. А сколько ему лет?

— Молодой, сэр, не больше тридцати.

— На что вы еще обратили внимание?

— Он правильно говорил по-английски, сэр, и все-таки, судя по произношению, я подумала, что он иностранец.

— И он был хорошо одет?

— Очень хорошо, сэр, настоящий джентльмен. Черный костюм — ничего такого, что бросалось бы в глаза.

— Он не назвался?

— Нет, сэр.

— Не получал писем, и никто не навещал его?

— Нет.

— Но вы или служанка, разумеется, входите по утрам в его комнату?

— Нет, сэр, он сам себя обслуживает.

— Неужели! Поистине удивительно. Ну, а какой у него был багаж?

— Один большой коричневый чемодан — и только.

— М-да, не сказал бы, что у нас много данных. Так вы говорите, что из комнаты ничего не выносили, совсем ничего?

Миссис Уоррен извлекла из сумочки конверт и вытряхнула из него на стол две использованные спички и окурок сигареты.

— Это было нынче утром на подносе. Я принесла, так как слышала, что даже из мелочей вы умеете делать серьезные выводы.

Холмс пожал плечами.

— Из этого никаких серьезных выводов не сделаешь. Спичками, разумеется, зажигали сигареты, судя по тому, что обгорел только кончик. Когда зажигают сигару или трубку, сгорает половина спички. Э, а вот окурок действительно представляет интерес. Вы говорите, у этого джентльмена усы и борода?

— Да, сэр.

— Тогда не понимаю. Эту сигарету, по-моему, мог курить только гладко выбритый человек. Ведь даже ваши скромные усы, Уотсон, нельзя было бы не опалить.

— Мундштук? — предположил я.

— Ни в коем случае: примят кончик. А может быть, у вас в доме живут два человека, миссис Уоррен?

— Нет, сэр. Он ест так мало, что я порой удивляюсь, как одному-то хватает.

— Что ж, придется ждать еще материала. В конце концов вам не на что жаловаться. Квартирную плату вы получили, и он спокойный жилец, хотя, безусловно, не совсем обычный. Он хорошо вам платит, а если предпочитает не показываться, то, собственно, вас это не касается. У нас нет причин нарушать его уединение, пока нет оснований полагать, что он скрывается от закона. Я берусь за это дело и буду о нем помнить. Сообщите, если произойдет что-либо новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится.

— В этом деле, несомненно, есть кой-какие занятные особенности, Уотсон, — сказал он после того, как миссис Уоррен ушла. — Оно может оказаться пустяковым — допустим, жилец просто оригинал; возможно, однако, что оно гораздо серьезнее, чем выглядит поначалу. Прежде всего приходит в голову, что в комнатах миссис Уоррен живет вовсе не тот человек, который их снимал.

— Почему вы так думаете?

— На такую мысль наводит окурок, и потом, разве не было установлено, что жилец выходил один раз и в тот же день, как снял квартиру? Он — или кто-то другой — возвратился, когда никто в доме не мог его видеть. У нас нет никаких доказательств, что вернувшийся — тот самый человек, который уходил. Далее, человек, снявший комнаты, правильно говорил по-английски. Этот же пишет печатными буквами и «спичка» вместо «спичкл». По-видимому, он нашел слово в словаре, ведь словарь дает существительное только в единственном числе. Краткость, возможно, ему нужна, чтобы скрыть незнание английского языка. Да, Уотсон, у нас достаточно оснований подозревать, что тут произошла замена.

— Но с какой целью?

— Наша задача в том и заключается, чтобы это разгадать. Один очевидный путь к разгадке у нас, пожалуй, есть. — Он достал свой огромный альбом, куда изо дня в день вклеивал вырезанные из лондонских газет объявления о розыске пропавших, о месте встреч и тому подобное. — Боже мой! — воскликнул он, листая страницы. — Какая разноголосица стонов, криков, нытья! Какой короб необычайных происшествий! А ведь именно из этого короба человек, изучающий необычное, может выудить самые ценные сведения! Жилец миссис Уоррен уединился, и ему не шлют писем из опасения, что раскроется тайна, которую так хотят сохранить. Каким же путем сообщать ему о том, что происходит за стенами дома? Разумеется, через газеты. По-видимому, другого способа нет, и, по счастью для нас, мы можем ограничиться изучением одной газеты.

Вот вырезки из «Дейли газетт» за последние две недели. «Дама в черном боа в Конькобежном Клубе Принса» — это пропустим. «Неужели Джимми разобьет сердце своей матери!» — и это вряд ли имеет к нам отношение: «Если женщина, потерявшая сознание в Брикстонском омнибусе…» — меня она не интересует. «Душа моя тоскует по тебе…» — нытье, Уотсон, самое настоящее нытье! А вот это подходит больше. Слушайте: «Терпение. Найду какой-нибудь верный способ общаться. А пока этот столбец. Дж.» Напечатано через два дня после того, как жилец поселился у миссис Уоррен. Вполне годится, верно? Таинственный незнакомец, возможно, читает по-английски, хотя и не умеет писать. Попытаемся снова напасть на этот след. Ну вот, так и есть — три дня спустя. «Дело идет на лад. Терпение и благоразумие. Тучи рассеются. Дж.» Потом — ничего целую неделю. А вот нечто более определенное. «Путь расчищается. Если найду возможность сообщить, помни условленный код — один А, два Б и так далее. Узнаешь вскорости. Дж.» Напечатано во вчерашней газете,

в сегодняшней — ничего. Все это весьма подходит к случаю с жильцом миссис Уоррен. Ждать недолго, Уотсон, я уверен, что положение прояснится.

Мой друг оказался прав. Утром я застал его стоящим на коврике перед камином, спиной к огню, с улыбкой полного удовлетворения на лице.

— Ну, что вы теперь скажете, Уотсон! — воскликнул он и взял со стола газету. «Высокий красный дом с белыми каменными карнизами. Четвертый этаж. Второе окно слева. Когда стемнеет. Дж.» Это уже вполне определенно. После завтрака мы, пожалуй, произведем небольшую разведку в окрестностях дома миссис Уоррен… А-а, миссис Уоррен! Какие у вас новости?

Стремительность, с какой наша клиентка влетела в комнату, говорила о том, что произошло что-то очень важное.

— С меня хватит, мистер Холмс! — вскричала она. — Надо сообщить в полицию! Пусть укладывает чемодан и убирается. Я бы сразу поднялась к нему и так ему и сказала бы, да подумала, что сперва надо посоветоваться с вами. Но терпение мое кончилось, уж если дошло до того, что избили моего старика…

— Избили мистера Уоррена?

— Ну, во всяком случае, обошлись с ним по-свински.

— Но кто с ним обошелся по-свински?

— Вот это мы и хотим узнать! Случилось это нынче утром, сэр. Мистер Уоррен работает табельщиком у Мортона и Вейлайта на Тоттенхем-Корт-роуд. Уходит он из дому около семи. Так вот, нынче утром, не прошел он и десяти шагов по улице, как его нагнали двое, накинули на голову пальто и сунули в кэб, стоявший у обочины. Целый час они возили его, потом отворили дверь и вышвырнули. Он лежал на мостовой, обезумев от страха, и, конечно, ему было не до того, куда девался кэб. Когда он встал, то увидел, что находится на Хэмстед-Хит. Он приехал домой в омнибусе и теперь лежит на кушетке, а я сразу помчалась сюда рассказать, что произошло.

— Чрезвычайно интересно, — сказал Холмс. — Не заметил ли он, как выглядели эти люди, не слышал ли, о чем говорили?

— Нет, он совсем обалдел. Знает только, что подняла его будто нечистая сила и будто нечистая сила бросила наземь. Их было не меньше, чем двое, а может, и трое.

— И вы связываете нападение на вашего мужа с жильцом?

— А как же! Мы живем здесь пятнадцать лет, и подобного никогда не случалось. Больше я не желаю терпеть. Деньги — это еще не все в жизни. Я сегодня же выставлю его из своего дома.

— Подождите немного, миссис Уоррен. Не делайте ничего наспех. Боюсь, что случай куда более серьезен, чем кажется на первый взгляд. Теперь ясно, что вашему жильцу грозит какая-то опасность. Столь же ясно, что в туманном утреннем свете враги, подстерегавшие его у двери, приняли за него вашего мужа. Обнаружив свою ошибку, они его отпустили. Мы можем лишь гадать, как бы они поступили, если бы не ошиблись.

— Ну, а мне что делать, мистер Холмс?

— Мне было бы весьма любопытно посмотреть на вашего жильца, миссис Уоррен.

— Ума не приложу, как это устроить, если не взломать дверь. Когда я оставляю поднос и спускаюсь по лестнице, я всегда слышу, как он ее отпирает.

— Ему приходится уносить поднос в комнату. Разве нельзя где-нибудь спрятаться и последить за ним?

Хозяйка задумалась.

— Верно, сэр, Напротив есть чулан. Я могла бы поставить туда зеркало, и если вы скроетесь за дверью…

— Великолепно! — воскликнул Холмс. — А когда у него второй завтрак?

— Около часа, сэр.

— Значит, мы с доктором Уотсоном придем к тому времени. Всего вам хорошего, миссис Уоррен.

В половине первого мы были уже у дома миссис Уоррен — высокого, узкого, желтого кирпичного дома на Грейт-Орм-стрит, неширокой улочке к северо-востоку от Британского музея. Он был расположен поблизости от угла, и из него открывался вид на Хау-стрит с ее более солидными строениями. Посмеиваясь, Холмс указал на одно из них — большой многоквартирный дом, стоявший несколько впереди других, из тех, что невольно привлекают внимание.

— Вот оно, Уотсон! Высокий красный дом с белыми каменными карнизами. А вот и окно, откуда будут подавать сигналы. Место известно, известен и код; наша задача не окажется трудной. В том окне объявление: «Сдается внаем». Следовательно, квартира пуста и сообщник может ею пользоваться… Ну, как дела, миссис Уоррен?

— Я все для вас подготовила. Оставьте башмаки внизу, поднимайтесь, и я впущу вас в чулан.

Она все устроила очень удобно. Зеркало было так поставлено, что, сидя в темноте, мы ясно видели дверь напротив. Только мы уселись и миссис Уоррен нас покинула, как отдаленное звяканье возвестило, что таинственный сосед позвонил. Вскоре явилась хозяйка, поставила поднос на стул возле запертой двери и, тяжело ступая, удалилась. Скрючившись в уголке за нашей дверью, мы устремили взгляд на зеркало. Замерли шаги хозяйки, туг же щелкнул ключ, повернулась дверная ручка, и две тонких руки взяли со стула поднос. Через минуту его быстро поставили на место, и передо мною мелькнуло прекрасное смуглое личико, с ужасом глядевшее на чуть приоткрытую дверь чулана. Потом дверь в комнату захлопнулась, ключ в замке повернулся снова, и все стихло. Холмс дернул меня за рукав, и мы, крадучись, спустились по лестнице.

— Вечером я приду опять, — сказал он выжидающе смотревшей на него хозяйке. — По-моему, Уотсон, нам лучше обсудить это дело у себя дома.

— Итак, мое предположение подтвердилось, — начал он, удобно расположившись в кресле. — Произошла замена. Я только не предугадал, Уотсон, что мы встретим женщину, и женщину незаурядную.

— Она увидела нас.

— Она увидела что-то испугавшее ее. Это несомненно. В общем, ход событий достаточно ясен, вы согласны с этим? Парочка ищет убежища в Лондоне, спасаясь от нависшей над ними страшной угрозы. Насколько серьезна угроза, можно судить по тому, что приняты строгие меры предосторожности. Мужчина, которому необходимо что-то совершить, желает на это время обеспечить женщине полную безопасность. Задача нелегкая, однако он решил ее весьма своеобразно и настолько успешно, что присутствие женщины в доме неизвестно даже квартирной хозяйке, которая ей носит еду. Теперь ясно, зачем нужны печатные буквы: чтобы не видно было, что пишет женщина. Встречаться с ней мужчина не может — он навел бы врагов на ее след. А поскольку ему нельзя с нею видеться, он сообщал ей о себе через газету. Пока что все понятно.

— Но что за этим кроется?

— Ах, Уотсон, вы, как всегда, практичны донельзя! Что за всем этим кроется? Забавная проблема миссис Уоррен несколько усложнилась и принимает все более зловещий характер. Покамест мы можем с уверенностью сказать одно: это не банальное любовное приключение.

Вы заметили выражение лица женщины, когда ей почудилась опасность? Мы слышали также о нападении на хозяина, ведь его, несомненно, приняли за жильца. Все это, а также крайняя необходимость сохранить тайну, говорит о том, что речь идет о жизни и смерти. Далее, нападение на мистера Уоррена показывает, что врагам, кто бы они ни были, неизвестно о замене квартиранта-мужчины женщиной. Это весьма любопытно и запутанно, Уотсон.

— А почему бы вам не отстраниться от этого дела? Никакой выгоды оно вам не сулит.

— Правда, не сулит. Искусство для искусства, Уотсон. Вы ведь тоже, когда занимались врачебной практикой, наверное, лечили не только за плату.

— Чтобы пополнять свое образование. Холмс.

— Учиться никогда не поздно, Уотсон. Образование — это цепь уроков, и самый серьезный приходит род конец. Наш случай поучительный. Он не принесет ни денег, ни славы, и все же хочется загадку распутать. С наступлением темноты мы сделаем шаг вперед в наших изысканиях.

Когда мы снова пришли в квартиру миссис Уоррен, сумрак лондонского вечера сгустился; унылую, однообразно серую пелену разрывали только резко очерченные желтые квадраты окон и расплывчатые круги газовых фонарей. Выглянув из затемненной гостиной, мы увидели еще одно тусклое пятно света, мерцавшее высоко во мраке.

— В той комнате кто-то ходит, — прошептал Холмс, приблизив свое длинное напряженное лицо к стеклу. — Да, я вижу его тень. Вот он опять. У него в руке свеча. Теперь он смотрит в нашу сторону. Хочет убедиться, что она наблюдает за ним. Начинает подавать сигналы. Принимайте и вы, Уотсон, чтобы мы могли сверить наши данные. Одна вспышка, — разумеется, А. Ну, сколько вы насчитали? Двадцать? Я тоже. Должно означать Т. АТ — вполне вразумительно! Снова Т. Это, разумеется, начало второго слова. Получается TENTA. Кончилось. Неужели все, Уотсон? ATTENTA — бессмысленно. Нет смысла ив том случае, если считать за три слова — AT, TEN, TA. Началось опять! Что же это такое? ATTE — как, то же самое? Странно, Уотсон, очень странно! И опять все сначала! AT — да ведь он повторяет уже в третий раз. Три раза — ATTENTA. Сколько же будет еще? Нет, кажется, кончил. Он отошел от окна. Как вы это объясните, Уотсон?

— Зашифрованное сообщение.

Неожиданно Холмс хмыкнул, будто что-то сообразив.

— И шифр не такой уж головоломный, Уотсон. Ведь это на итальянском! «А» в конце — обозначает, что адресовано женщине. «Берегись! Берегись! Берегись!» Что скажете, Уотсон?

— Полагаю, что вы попали в точку.

— Несомненно. Предупреждение необычайно важное, потому и повторено трижды. Но беречься чего? Погодите, он снова подошел к окну.

Мы опять увидели смутный силуэт согнувшегося человека и мелькание огонька в окне, когда сигналы возобновились. Теперь их передавали намного быстрее, так быстро, что трудно было уследить.

— PERICOLO — pericolo — а это что означает, Уотсон? Опасность? Боже милостивый! Да это сигнал опасности. Опять начал! PERI… Вот те на, что же…

Свет вдруг погас, скрылся мерцающий квадрат, и четвертый этаж черной лентой опоясал высокое здание с его рядами светящихся окон. Последний предостерегающий сигнал внезапно оборван. Почему? Кем? Такая мысль возникла у нас обоих одновременно. Холмс отскочил от окна.

— Это не шутки, Уотсон! — крикнул он. — Там происходит какая-то дьявольщина! Почему сигналы так странно прекратились? Надо связаться со Скотленд-Ярдом, а с другой стороны, уходить нам нельзя — время не терпит.

— Может, мне сбегать за полицией?

— Необходимо поточнее узнать, в чем там дело. Может быть, причина совсем безобидная. Скорее туда, Уотсон, и попытаемся разобраться сами.

II

Когда мы быстро шли по Хау-стрит, я оглянулся на только что покинутый нами дом. В окошке верхнего этажа маячила тень головы — тень женщины, которая напряженно, затаив дыхание, смотрела в ночь, ожидая возобновления сигналов.

Перед зданием на Хау-стрит, склонившись над перилами и уткнув лицо в шарф, стоял человек в длинном пальто. Он вздрогнул, когда свет фонаря в подъезде упал на наши лица.

— Холмс! — вскричал он.

— Да, это я, Грегсон! — отозвался мой спутник, здороваясь с сыщиком из Скотленд-Ярда. — Влюбленные встретились вновь. Что вас привело сюда?

— Очевидно, то же, что и вас, — сказал Грегсон, — но каким образом вы узнали об этом деле, ума не приложу.

— Меня и вас привели разные нити одного и того же запутанного клубка. Я принимал сигналы.

— Сигналы?

— Да, из этого окна. Они оборвались на середине. Мы пришли выяснить, почему. Но так как дело сейчас в верных руках, у меня нет оснований заниматься им дальше.

— Погодите! — с жаром крикнул Грегсон. — Скажу вам по чести, мистер Холмс, с вашей поддержкой я в любом деле чувствую себя увереннее. Этот подъезд единственный в доме. Ему от нас не уйти.

— Кому? Кто он такой?

— Наконец-то перевес на нашей стороне, мистер Холмс. Придется вам с этим согласиться. — Он сильно ударил своей тростью по тротуару, после чего кучер извозчичьей кареты, стоявшей в конце улицы, не спеша направился к нам с кнутом в руке. — Позвольте представить вам мистера Холмса, — сказал ему Грегсон. — А это мистер Ливертон из американского агентства Пинкертона.

— Герой тайны Лонг-Айлендской пещеры! — воскликнул Холмс. — Рад познакомиться с вами, сэр.

Американец, деловитый молодой человек с острыми чертами продолговатого, гладко выбритого лица, покраснел, услышав такую похвалу.

— То, что нам предстоит сейчас, — дело всей моей жизни, мистер Холмс. Если мне удастся схватить Джорджано…

— Что? Джорджано из лиги «Алое кольцо»?

— О, у него уже европейская слава? Что ж, в Америке нам все о нем известно. Мы знаем, что на его совести пятьдесят убийств, но пока что у нас нет неопровержимых улик, и мы не можем его арестовать. Я гнался за ним по пятам из Нью-Йорка и неделю слежу за ним в Лондоне, выжидая случая схватить его за шиворот. Мы с мистером Грегсоном выследили его — он в этом большом доме, где только один подъезд, и ему от нас не скрыться. С тех пор, как он там, вышли трое, но, клянусь, его в их числе не было.

— Мистер Холмс говорил о сигналах, — вставил Грегсон. — Я уверен, ему, как всегда, известны такие подробности, каких мы не знаем.

Холмс в коротких словах разъяснил, как мы себе представляем положение дел. Американец с досадой стиснул руки.

— Он узнал, что мы здесь!

— Почему вы так думаете?

— А разве не ясно? Он скрылся в доме и подает знаки соучастнику — в Лондоне несколько человек из его банды. Потом, как вы изволили заметить, когда он сообщал о грозящей опасности, сигналы вдруг оборвались. Что же это означает, если не то, что он увидел нас из окна или почему-то догадался, насколько близка опасность, и решил действовать немедля, чтобы ее избежать? Что вы предлагаете, мистер Холмс?

— Подняться наверх и выяснить на месте, что там произошло.

— Но у нас нет ордера на его арест.

— Этот человек находится в пустой квартире при подозрительных обстоятельствах, — сказал Грегсон. — Для начала достаточно. Когда мы посадим его за решетку, Нью-Йорк, наверное, поможет нам удержать его там. Я беру на себя ответственность за арест.

Наши сыщики-профессионалы, может быть, не всегда быстро шевелят мозгами, но в храбрости им нельзя отказать. Грегсон поднимался по ступенькам, чтобы арестовать этого матерого преступника, столь же деловито и спокойно, как если бы шел по парадной лестнице Скотленд-Ярда. Пинкертоновский агент попытался было обогнать его, но Грегсон весьма решительно оттеснил его назад. Лондонские опасности — привилегия лондонской полиции.

Дверь квартиры слева на четвертом этаже была приоткрыта. Грегсон отворил ее. Внутри было темно и очень тихо. Я чиркнул спичкой и зажег фонарь сыщика. Когда огонь разгорелся, все мы ахнули в изумлении. На сосновых досках голого пола виднелись свежие следы крови. Красные отпечатки сапог вели в нашу сторону из внутренней комнаты, дверь в которую была закрыта. Грегсон широко распахнул ее и поднял фонарь, горевший теперь ярким пламенем, а мы нетерпеливо глядели из-за его спины.

На полу посредине пустой комнаты распростерся человек геркулесовского сложения. Черты его смуглого, гладко выбритого лица были страшно искажены, голова с жутким венчиком алой крови лежала на светлом паркете в растекшейся кровяной луже. Колени его были подняты, руки раскинуты, а в могучей коричневой шее торчала рукоятка ножа. Хоть он и был гигантом, сокрушительный удар, видимо, свалил его, как мясник валит быка. Возле его правой руки на полу лежал внушительный обоюдоострый кинжал с роговой рукоятью, а рядом черная лайковая перчатка.

— Боже мой! Ведь это и есть Черный Джорджано! — вскричал американский сыщик. — На этот раз кто-то нас опередил.

— А вот и свеча на окошке, мистер Холмс, — сказал Грегсон. — Но что это вы делаете?

Холмс подошел к окну, зажег свечу и принялся размахивать ею перед оконным переплетом. Потом вгляделся в темноту, погасил свечу и бросил на пол.

— Пожалуй, это нам поможет.

Он вернулся к обоим профессионалам, осматривавшим тело, и в глубокой задумчивости стал рядом.

— Вы говорите, что пока ждали внизу, из дома вышли трое, — произнес он наконец. — Вы разглядели их?

— Да, разглядел.

— Был ли среди них человек лет тридцати, смуглый, чернобородый, среднего роста?

— Да, он прошел мимо меня последним.

— Думаю, что это тот, кто вам нужен. Я могу его описать вам, и у нас есть великолепный отпечаток его ноги. По-моему, этого вам хватит.

— Не очень-то много, мистер Холмс, чтобы найти его среди миллионов лондонцев.

— Возможно. Потому я и подумал, что нелишне призвать на помощь даму.

При этих словах мы все обернулись. В прямоугольнике двери стояла высокая красивая женщина — таинственная квартирантка миссис Уоррен. Она медленно приблизилась, ее

бледное лицо было полно тревоги, напряженный, испуганный взгляд прикован к темной фигуре, лежавшей на полу.

— Вы убили его! — пробормотала она. — О, Dio mio[85] , вы убили его! Потом она глубоко перевела дыхание и с радостным криком подпрыгнула. Она кружилась по комнате, хлопала в ладоши, ее карие глаза горели восторгом и изумлением, с губ срывались тысячи прелестных итальянских возгласов. Ужасно и удивительно было смотреть на эту женщину, охваченную радостью при виде такого зрелища. Вдруг она остановилась и вопрошающе взглянула на нас.

— Но вы! Ведь вы полиция? Вы убили Джузеппе Джорджано? Правда?

— Мы полиция, сударыня.

Она вгляделась в темные углы комнаты.

— А где же Дженнаро? Дженнаро Лукка, мой муж? Я Эмилия Лукка, мы оба из Нью-Йорка. Где Дженнаро? Он только что позвал меня из этого окна, и я помчалась со всех ног.

— Это я позвал, — сказал Холмс.

— Вы! Но как вы узнали?

— Ваш шифр несложен, сударыня. Вы нужны нам здесь. Я был уверен, что стоит мне подать знак Vieni[86] , и вы обязательно придете. Прекрасная итальянка взглянула на Холмса с благоговейным страхом.

— Не понимаю, откуда вам все это известно, — сказала она. — Джузеппе Джорджано… как он… — Она замолчала, и вдруг ее лицо осветилось радостью и гордостью. — Теперь я поняла! Мой Дженнаро! Это сделал мой прекрасный, чудесный Дженнаро, который охранял меня от всех бед, он убил чудовище собственной сильной рукой! О Дженнаро, какой ты замечательный! Есть ли на свете женщина, достойная такого мужчины!

— Так вот, миссис Лукка, — сказал прозаичный Грегсон, положив руку на локоть синьоры так же бесстрастно, как если бы она была хулиганом из Ноттинг-Хилла. — Пока мне еще не совсем ясно, кто вы такая и зачем вы здесь, но из того, что вы сказали, мне вполне ясно, что вами заинтересуются в Скотленд-Ярде.

— Одну минуту, Грегсон, — вмешался Холмс, — я полагаю, эта леди и сама не прочь дать нам кое-какие сведения. Вам понятно, сударыня, что вашего мужа арестуют и будут судить за убийство человека, который лежит перед нами? Ваши слова могут быть использованы как доказательство его виновности. Но если вы полагаете, что ваш муж действовал не в преступных целях и желал бы сам, чтобы о них узнали, то, рассказав нам все, вы очень ему поможете.

— Теперь, когда Джорджано мертв, нам ничего не страшно, — ответила итальянка. — Это был дьявол, чудовище, и ни один судья в мире не накажет моего мужа за то, что он убил его.

— В таком случае, — сказал Холмс, — я предлагаю запереть дверь, оставив все, как есть, пойти вместе с этой леди к ней на квартиру и принять решение после того, как она расскажет нам век историю.

Через полчаса мы все четверо сидели в маленькой гостиной синьоры Лукки, слушая ее удивительный рассказ о зловещих событиях, развязки которых нам довелось быть свидетелями. Она говорила, по-английски быстро и бегло, однако весьма неправильно, и для большей ясности я несколько упорядочил ее речь.

— Родилась я в Посилипло, неподалеку от Неаполя, — начала она, — я дочь Аугусто Барелли, который был там главным юристом, а одно время и депутатом от этого округа. Дженнаро служил у моего отца, и я влюбилась в него, ибо в него нельзя не влюбиться. Он был беден и не имел положения в обществе, не имел ничего, кроме красоты, силы и энергии, и отец не дал согласия на брак. Мы бежали, поженились в Бари, продали мои драгоценности, а на вырученные деньги уехали в Америку. Это случилось четыре года назад, и с тех пор мы жили в Нью-Йорке.

Сначала судьба была к нам очень благосклонна. Дженнаро оказал услугу одному джентльмену-итальянцу — спас его от головорезов в месте, называемом Бовери, и таким образом приобрел влиятельного друга. Зовут его Тито Касталотте, он главный компаньон известной фирмы «Касталотте и Замба», основного поставщика фруктов в Нью-Йорк. Синьор Замба много болеет, и все дела фирмы, в которой занято более трехсот человек, в руках нашего нового друга Касталотте. Он взял моего мужа к себе на службу, назначил заведующим отделом и проявлял к нему расположение, как только мог. Синьор Касталотте холост, и, мне кажется, он относился к Дженнаро, как к родному сыну, а я и мой муж любили его, словно он был нам отец. Мы сняли и меблировали в Бруклине небольшой домик, и наше будущее казалось нам обеспеченным, как вдруг появилась черная туча и вскоре заволокла все небо.

Как-то вечером Дженнаро возвратился с работы и привел с собой соотечественника. Звали его Джорджано, и он тоже был из Посилиппо. Это был человек колоссального роста, в чем вы сами могли убедиться — вы видели его труп. У него было не только огромное тело, в нем все было фантастично, чрезмерно и жутко. Голос его звучал в нашем домике, как гром. Когда он говорил, там едва хватало места для его громадных размахивающих рук. Мысли, переживания, страсти — все было преувеличенное, чудовищное. Он говорил, вернее, орал, с таким жаром, что остальные только сидели и слушали, испуганные могучим потоком слов. Глаза его сверкали, и он держал вас в своей власти. Это был человек страшный и удивительный. Слава создателю, что он мертв!

Он стал приходить все чаще и чаще. Но я знала, что Дженнаро, как и я, не испытывал радости от его посещений. Мой несчастный муж сидел бледный, равнодушный, слушая бесконечные разглагольствования насчет политики и социальных проблем, что являлось темой разговоров нашего гостя. Дженнаро молчал, но я, хорошо его зная, читала на его лице чувство, какого оно не выражало никогда раньше. Сперва я подумала, что это неприязнь. Потом поняла, что это нечто большее. То был страх, едва скрываемый, неодолимый страх. В ту ночь — в ночь, когда я прочитала на его лице ужас, — я обняла его и умоляла ради любви ко мне, ради всего, что дорого ему, ничего не утаивать и рассказать мне, почему этот великан так удручает его.

Муж рассказал мне, и от его слов сердце мое оледенело. Мой бедный Дженнаро в дни пылкой, одинокой юности, когда ему казалось, что весь мир против него, и его сводили с ума несправедливости жизни, вступил в неаполитанскую лигу «Алое кольцо» — нечто вроде старых карбонариев. Тайны этой организации, клятвы, которые дают ее члены, ужасны, а выйти из нее, согласно правилам, невозможно. Мы бежали в Америку, и Дженнаро думал, что избавился от всего этого навсегда. Представьте себе его ужас, когда однажды вечером он встретил на улице гиганта Джорджано, того самого человека, который в Неаполе втянул его в организацию и на юге Италии заработал себе прозвище «Смерть», ибо руки его по локоть обагрены кровью убитых! Он приехал в Нью-Йорк, скрываясь от итальянской полиции, и уже успел создать там отделение этой страшной лиги. Все это Дженнаро рассказал мне и показал полученную им в тот день бумажку с нарисованным на ней алым кольцом. Там говорилось, что в такой-то день и час состоится собрание, на котором он должен присутствовать.

Это ничего хорошего не сулило, но худшее ждало нас впереди. С некоторого времени я стала замечать, что Джорджано, придя к нам — а теперь он приходил чуть ли не каждый вечер, — обращается только ко мне, а если и говорит что-нибудь моему мужу, то не спускает с меня страшного, неистового взгляда своих блестящих глаз. Однажды его тайна обнаружилась. Я пробудила в нем то, что он называл любовью, — любовь чудовища, дикаря. Дженнаро еще не было дома, когда он пришел. Он придвинулся ко мне, схватил своими огромными ручищами, сжал в медвежьем объятии и, осыпая поцелуями, умолял уйти с ним. Я отбивалась, отчаянно крича, тут вошел Дженнаро и бросился на него. Джорджано ударил мужа так сильно, что тот упал, потеряв сознание, а сам бежал из дома, куда вход ему был закрыт навсегда. С того вечера он стал нашим смертельным врагом.

Через несколько дней состоялось собрание. По лицу Дженнаро, когда он возвратился, я поняла, что случилось нечто ужасное. Такой беды нельзя было себе представить. Общество добывает средства, шантажируя богатых итальянцев и угрожая им насилием, если они откажутся дать деньги. На этот раз они наметили своей жертвой Касталотте, нашего друга и благодетеля. Он не испугался угроз, а записки бандитов передал полиции. И вот решили учинить над ним такую расправу, которая отбила бы у других охоту противиться. На собрании постановили взорвать динамитом его дом с ним вместе. Бросили жребий, кому выполнять это чудовищное дело. Опуская руку в мешок, Дженнаро увидел улыбку на жестоком лице своего врага. Конечно, все было как-то подстроено, потому что на ладони мужа оказался роковой кружок с алым кольцом — приказ совершить убийство. Он должен был лишить жизни самого близкого друга, — за неповиновение товарищи наказали бы его и меня тоже. Дьявольская лига мстила отступникам или тем, кого боялась, наказывая не только их самих, но и близких им людей, и этот ужас навис над головой моего несчастного Дженнаро и сводил его с ума.

Всю ночь мы сидели, обнявшись, подбадривая друг друга перед лицом ожидающих нас бед. Взрыв назначили на следующий вечер. В полдень мы с мужем были уже на пути в Лондон и, конечно, предупредили нашего благодетеля об опасности и сообщили полиции все сведения, необходимые для охраны его жизни.

Остальное, джентльмены, вам известно. Мы не сомневались, что нам не уйти от своих врагов, как нельзя уйти от собственной тени. У Джорджано были и личные причины для мести, но мы знали также, какой это неумолимый, коварный и упорный человек. В Италии и в Америке без конца толкуют о его страшном могуществе. А сейчас уж он, конечно, использовал бы свои возможности. Благодаря тому, что мы опередили врагов, у нас оказалось несколько спокойных дней, и мой любимый обеспечил мне убежище, где я могла укрыться от опасности. Сам он хотел иметь свободу действий, чтобы снестись с итальянской и американской полицией. Я не имею представления, где он живет и как. Я узнавала о нем только из заметок в газете. Однажды, выглянув в окно, я увидела двух итальянцев, наблюдавших за домом, и поняла, что каким-то образом Джорджано обнаружил наше пристанище. Наконец Дженнаро сообщил мне через газету, что будет сигнализировать из определенного окна, но сигналы говорили только о необходимости остерегаться и внезапно прервались. Теперь мне ясно: муж знал, что Джорджано напал на его след, и, слава Богу, подготовился к встрече с ним. А теперь, джентльмены, скажите: совершили мы такое, что карается законом, и есть ли на свете суд, который вынес бы обвинительный приговор Дженнаро за то, что он сделал?

— Что же, мистер Грегсон, — сказал американец, посмотрев на английского агента, — не знаю, какова ваша британская точка зрения, но в Нью-Йорке, я полагаю, подавляющее большинство выразит благодарность мужу этой дамы.

— Ей придется поехать со мною к начальнику, — ответил Грегсон — Если ее слова подтвердятся, не думаю, что ей или ее мужу что-нибудь грозит. Но, чего я не способен уразуметь, так это каким образом в этом деле оказались замешаны вы, мистер Холмс.

— Образование, Грегсон, образование! Все еще обучаюсь в университете. Кстати, сейчас еще нет восьми часов, а в Ковент-Гардене идет опера Вагнера. Если поторопиться, мы можем поспеть ко второму действию.

Чертежи Брюса-Партингтона

В предпоследнюю неделю ноября 1895 года на Лондон спустился такой густой желтый туман, что с понедельника до четверга из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит невозможно было различить силуэты зданий на противоположной стороне. В первый день Холмс приводил в порядок свой толстенный справочник, снабжая его перекрестными ссылками и указателем. Второй и третий день были им посвящены музыке средневековья — предмету, в недавнее время ставшему его коньком. Но когда на четвертый день мы после завтрака, отодвинув стулья, встали из-за стола и увидели, что за окном плывет все та же непроглядная, бурая мгла,

маслянистыми каплями оседающая на стеклах, нетерпеливая и деятельная натура моего друга решительно отказалась влачить дольше столь унылое существование. Досадуя на бездействие, с трудом подавляя свою энергию, он расхаживал по комнате, кусал ногти и постукивал пальцами по мебели, попадавшейся на пути.

— Есть в газетах что-либо достойное внимания? — спросил он меня.

Я знал, что под «достойным внимания» Холмс имеет в виду происшествия в мире преступлений. В газетах были сообщения о революции, о возможности войны, о предстоящей смене правительства, но все это находилось вне сферы интересов моего компаньона. Никаких сенсаций уголовного характера я не обнаружил — ничего, кроме обычных, незначительных нарушений законности. Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

— Лондонский преступник — бездарный тупица, — сказал он ворчливо, словно охотник, упустивший добычу. — Гляньте-ка в окно, Уотсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может невидимкой рыскать по городу, как тигр в джунглях, готовясь к прыжку. И только тогда… И даже тогда его увидит лишь сама жертва.

— Зарегистрировано множество мелких краж, — заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

— На такой величественной, мрачной сцене надлежит разыгрываться более глубоким драмам, — сказал он. — Счастье для лондонцев, что я не преступник.

— Еще бы! — сказал я с чувством.

— Вообразите, что я — любой из полусотни тех, что имеют достаточно оснований покушаться на мою жизнь. Как вы думаете, долго бы я оставался в живых, ускользая от собственного преследования? Неожиданный звонок, приглашение встретиться — и все кончено. Хорошо, что не бывает туманных дней в южных странах, где убивают, не задумываясь… Ого! Наконец-то нечто такое, что, быть может, нарушит нестерпимое однообразие нашей жизни.

Это вошла горничная с телеграммой. Холмс вскрыл телеграфный бланк и расхохотался.

— Нет, вы только послушайте. К нам жалует Майкрофт, мой брат!

— И что же тут особенного?

— Что особенного? Это все равно, как если бы трамвай вдруг свернул с рельсов и покатил по проселочной дороге. Майкрофт движется по замкнутому кругу: квартира на Пэл-Мэл, клуб «Диоген» Уайтхолл — вот его неизменный маршрут. Сюда он заходил всей один раз. Какая катастрофа заставила его сойти с рельсов?

— Он не дает объяснений?

Холмс протянул мне телеграмму. Я прочел:

«Необходимо повидаться поводу Кадогена Уэста. Прибуду немедленно.

Майкрофт».

— Кадоген Уэст? Я где-то слышал это имя.

— Мне оно ничего не говорит. Но чтобы Майкрофт вдруг выкинул такой номер… Непостижимо! Легче планете покинуть свою орбиту. Между прочим, вам известно, кто такой Майкрофт?

Мне смутно помнилось, что Холмс рассказывал что-то о своем брате в ту пору, когда мы расследовали «Случай с переводчиком».

— Вы, кажется, говорили, что он занимает какой-то небольшой правительственный пост.

Холмс коротко рассмеялся.

— В то время я знал вас недостаточно близко. Приходится держать язык за зубами, когда речь заходит о делах государственного масштаба. Да, верно. Он состоит на службе

у британского правительства. И так же верно то, что подчас он и есть само британское правительство.

— Но, Холмс, помилуйте…

— Я ожидал, что вы удивитесь. Майкрофт получает четыреста пятьдесят фунтов в год, занимает подчиненное положение, не обладает ни малейшим честолюбием, отказывается от титулов и званий, и, однако, это самый незаменимый человек во всей Англии.

— Но каким образом?

— Видите ли, у него совершенно особое амплуа, и создал его себе он сам. Никогда доселе не было и никогда не будет подобной должности. У него великолепный, как нельзя более четко работающий мозг, наделенный величайшей, неслыханной способностью хранить в себе несметное количество фактов. Ту колоссальную энергию, какую я направил на раскрытие преступлений, он поставил на службу государству. Ему вручают заключения всех департаментов, он тот центр, та расчетная палата, где подводится общий баланс. Остальные являются специалистами в той или иной области, его специальность — знать все. Предположим, какому-то министру требуются некоторые сведения касательно военного флота, Индии, Канады и проблемы биметаллизма. Запрашивая поочередно соответствующие департаменты, он может получить все необходимые факты, но только Майкрофт способен тут же дать им правильное освещение и установить их взаимосвязь. Сперва его расценивали как определенного рода удобство, кратчайший путь к цели. Постепенно он сделал себя центральной фигурой. В его мощном мозгу все разложено по полочкам и может быть предъявлено в любой момент. Не раз одно его слово решало вопрос государственной политики — он живет в ней, все его мысли тем только и поглощены. И лишь когда я иной раз обращаюсь к нему за советом, он снисходит до того, чтобы помочь мне разобраться в какой-либо из моих проблем, почитая это для себя гимнастикой ума. Но что заставило сегодня Юпитера спуститься с Олимпа? Кто такой Кадоген Уэст, и какое отношение имеет он к Майкрофту?

— Вспомнил! — воскликнул я и принялся рыться в ворохе газет, валявшихся на диване. — Ну да, конечно, вот он! Кадоген Уэст — это тот молодой человек, которого во вторник утром нашли мертвым на линии метрополитена.

Холмс выпрямился в кресле, весь обратившись в слух: рука его, державшая трубку, так и застыла в воздухе, не добравшись до рта.

— Тут, должно быть, произошло что-то очень серьезное, Уотсон. Смерть человека, заставившая моего брата изменить своим привычкам, не может быть заурядной. Но какое отношение имеет к ней Майкрофт, черт возьми? Случай, насколько мне помнится, совершенно банальный. Молодой человек, очевидно, выпал из вагона и разбился насмерть. Ни признаков ограбления, ни особых оснований подозревать насилие — так ведь, кажется?

— Дознание обнаружило много новых фактов, — ответил я.

— Случай, если присмотреться к нему ближе, напротив, чрезвычайно странный.

— Судя по действию, какое он оказал на моего брата, это, вероятно, и в самом деле что-то из ряда вон выходящее. — Он поудобнее уселся в кресле. — Ну-ка, Уотсон, выкладывайте факты.

— Полное имя молодого человека — Артур Кадоген Уэст. Двадцати семи лет от роду, холост, младший клерк в конторе Арсенала в Вулидже.

— На государственной службе? Вот и звено, связывающее его с Майкрофтом!

— В понедельник вечером он неожиданно уехал из Вулиджа. Последней его видела мисс Вайолет Уэстбери, его невеста: в тот вечер в половине восьмого он внезапно оставил ее прямо на улице, в тумане. Ссоры между ними не было, и девушка ничем не может объяснить его поведение. Следующее известие о нем принес дорожный рабочий Мэйсон, обнаруживший его труп неподалеку от станций метрополитена Олдгет.

— Когда?

— Во вторник в шесть часов утра. Тело лежало почти у самой остановки, как раз там, где рельсы выходят из тоннеля, слева от них, если смотреть с запада на восток, и несколько в стороне. Череп оказался расколотым, вероятно, во время падения из вагона. Собственно, ничего другого и нельзя предположить, ведь труп мог попасть в тоннель только таким образом. Его не могли притащить с какой-либо из соседних улиц: было бы совершенно невозможно пронести его мимо контролеров. Следовательно, эта сторона дела не вызывает сомнений.

— Превосходно. Да, случай отменно прост. Человек, живой или мертвый, упал или был сброшен с поезда. Пока все ясно. Продолжайте.

— На линии, где нашли Кадогена Уэста, идет движение с запада на восток. Здесь ходят и поезда метро и загородные поезда, выходящие из Уилсдена и других пунктов. Можно с уверенностью утверждать, что молодой человек ехал ночным поездом, но где именно он сел, выяснить не удалось.

— Разве нельзя было узнать по его билету?

— Билета у него не нашли.

— Вот как! Позвольте, но это очень странно! Я по собственному опыту знаю, что пройти на платформу метро, не предъявив билета, невозможно. Значит, надо предположить, что билет у молодого человека имелся, но кто-то его взял, быть может, для того, чтобы скрыть место посадки. А не обронил ли он билет в вагоне? Тоже вполне вероятно. Но самый факт отсутствия билета чрезвычайно любопытен. Убийство с целью ограбления исключается?

— По-видимому. В газетах дана опись всего, что обнаружили в карманах Кадогена Уэста. В кошельке у него было два фунта и пятнадцать шиллингов. А также чековая книжка Вулиджского отделения одного крупного банка — по ней и установили личность погибшего. Еще при нем нашли два билета в бенуар театра в Вулидже на тот самый понедельник. И небольшую пачку каких-то документов технического характера.

Холмс воскликнул удовлетворенно:

— Ну, наконец-то! Теперь все понятно. Британское правительство — Вулидж — технические документы — брат Майкрофт. Все звенья цепи налицо. Но вот, если не ошибаюсь, и сам Майкрофт, он нам пояснит остальное.

Через минуту мы увидели рослую, представительную фигуру Майкрофта Холмса. Дородный, даже грузный, он казался воплощением огромной потенциальной физической силы, но над этим массивным телом возвышалась голова с таким великолепным лбом мыслителя, с такими проницательными, глубоко посаженными глазами цвета стали, с таким твердо очерченным ртом и такой тонкой игрой выражения лица, что вы тут же забывали о неуклюжем теле и отчетливо ощущали только доминирующий над ним мощный интеллект.

Следом за Майкрофтом Холмсом показалась сухопарая, аскетическая фигура нашего старого приятеля Лестрейда, сыщика из Скотленд-Ярда. Озабоченное выражение их лиц ясно говорило, что разговор предстоит серьезный. Сыщик молча пожал нам руки. Майкрофт Холмс стянул с себя пальто и опустился в кресло.

— Очень неприятная история, Шерлок, — сказал он. — Терпеть не могу ломать свои привычки, но власти предержащие и слышать не пожелали о моем отказе. При том конфликте, какой в настоящее время наблюдается в Сиаме, мое отсутствие в министерстве крайне нежелательно. Но положение напряженное, прямо-таки критическое. Никогда еще не видел премьер-министра до такой степени расстроенным. А в адмиралтействе все гудит, как в опрокинутом улье. Ты ознакомился с делом?

— Именно этим мы сейчас и занимались. Какие у Кадогена Уэста нашли документы?

— А, в них-то все и дело. По счастью, главное не вышло наружу, не то пресса подняла бы шум на весь мир. Бумаги, которые этот несчастный молодой человек держал у себя в кармане, — чертежи подводной лодки конструкции Брюса-Партингтона.

Произнесено это было столь торжественно, что мы сразу поняли, какое значение придавал Майкрофт случившемуся. Мы с моим другом ждали, что он скажет дальше.

— Вы, конечно, знаете о лодке Брюса-Партингтона? Я думал, всем о ней известно.

— Только понаслышке.

— Трудно переоценить ее военное значение. Из всех государственных тайн эта охранялась особенно ревностно. Можете поверить мне на слово: в радиусе действия лодки Брюса-Партингтона невозможно никакое нападение с моря. За право монополии на это изобретение два года тому назад была выплачена громадная сумма. Делалось все, чтобы сохранить его в тайне. Чертежи чрезвычайно сложны, включают в себя около тридцати отдельных патентов, из которых каждый является существенно необходимым для конструкции в целом. Хранятся они в надежном сейфе секретного отдела — в помещении, смежном с Арсеналом. На дверях и окнах запоры, гарантирующие от грабителей. Выносить документы не разрешалось ни под каким видом. Пожелай главный конструктор флота свериться по ним, даже ему пришлось бы самому ехать в Вулидж. И вдруг мы находим их в кармане мертвого мелкого чиновника, в центре города! С политической точки зрения это просто ужасно.

— Но ведь вы получили чертежи обратно!

— Да нет же! В том-то и дело, что нет. Из сейфа похищены все десять чертежей, а в кармане у Кадогена Уэста их оказалось только семь. Три остальных, самые важные, исчезли — украдены, пропали. Шерлок, брось все, забудь на время свои пустяковые полицейские ребусы. Ты должен разрешить проблему, имеющую колоссальное международное, значение. С какой целью Уэст взял документы? При каких обстоятельствах он умер? Как попал труп туда, где он был найден? Где три недостающих чертежа? Как исправить содеянное зло? Найди ответы на эти вопросы, и ты окажешь родине немаловажную услугу.

— Почему бы тебе самому не заняться расследованием? Твои способности к анализу не хуже моих.

— Возможно, Шерлок, но ведь тут понадобится выяснять множество подробностей. Дай мне эти подробности, и я, не вставая с кресла, вручу тебе точное заключение эксперта. Но бегать туда и сюда, допрашивать железнодорожных служащих, лежать на животе, глядя в лупу, — нет, уволь, это не по мне. Ты и только ты в состоянии раскрыть это преступление. И если у тебя есть желание увидеть свое имя в очередном списке награжденных…

Мой друг улыбнулся и покачал головой.

— Я веду игру ради удовольствия, — сказал он. — Но дело действительно не лишено интереса, я не прочь за него взяться. Дай мне, пожалуйста, еще факты.

— Я записал вкратце все основное. И добавил несколько адресов — могут тебе пригодиться. Официально ответственным за документы является известный правительственный эксперт сэр Джеймс Уолтер, его награды, титулы и звания занимают в справочном словаре две строки. Он поседел на государственной службе, это настоящий английский дворянин, почетный гость в самых высокопоставленных домах, и, главное, патриотизм его не вызывает сомнений. Он один из двоих, имеющих ключ от сейфа. Могу еще сообщить, что в понедельник в течение всего служебного дня документы, безусловно, были на месте, и сэр Джеймс Уолтер уехал в Лондон около трех часов, взяв ключ от сейфа с собой. Весь тот вечер он провел в доме адмирала Синклера на Баркли-сквер.

— Это проверено?

— Да. Его брат, полковник Валентайн Уолтер, показал, что сэр Джеймс действительно уехал из Вулиджа, и адмирал Синклер подтвердил, что вечер понедельника он пробыл у него. Таким образом, сэр Джеймс Уолтер в случившемся непосредственной роли не играет.

— У кого хранится второй ключ?

— У старшего клерка конторы техника Сиднея Джонсона. Ему сорок лет, женат, пятеро детей. Человек молчаливый, суровый. Отзывы по службе отличные. Коллеги не слишком его жалуют, но работник он превосходный. Согласно показаниям Джонсона, засвидетельствованным только его женой, в понедельник после службы он весь вечер был дома, и ключ все время оставался у него на обычном месте, на цепочке от часов.

— Расскажи нам о Кадогене Уэсте.

— Служил у нас десять лет, работал безупречно. У него репутация горячей головы, человека несдержанного, но прямого и честного. Ничего плохого мы о нем сказать не можем. Он числился младшим клерком, был под началом у Сиднея Джонсона. По долгу службы он ежедневно имел дело с этими чертежами. Кроме него, никто не имел права брать их в руки.

— Кто в последний раз запирал сейф?

— Сидней Джонсон.

— Ну, а кто взял документы, известно. Они найдены в кармане у младшего клерка Кадогена Уэста. Относительно этого и раздумывать больше нечего, все ясно.

— Только на первый взгляд, Шерлок. На самом деле многое остается непонятным. Прежде всего зачем он их взял?

— Я полагаю, они представляют собой немалую ценность?

— Он мог легко получить за них несколько тысяч.

— Ты можешь предположить иной мотив, кроме намерения продать эти бумаги?

— Нет.

— В таком случае примем это в качестве рабочей гипотезы. Итак, чертежи взял молодой Кадоген Уэст. Проделать это он мог только с помощью поддельного ключа.

— Нескольких поддельных ключей. Ведь ему надо было сперва войти в здание, затем в комнату.

— Следовательно, у него имелось несколько поддельных ключей. Он повез документы в Лондон, чтобы продать военную тайну, и, несомненно, рассчитывал вернуть оригиналы до того, как их хватятся. Приехав в Лондон с этой целью, изменник нашел там свой конец.

— Но как это случилось?

— На обратном пути в Вулидж был убит и выброшен из вагона.

— Олдгет, где было найдено тело, намного дальше станции Лондонский мост, где он должен был бы сойти, если бы действительно ехал в Вулидж.

— Можно представить себе сколько угодно обстоятельств, заставивших его проехать мимо своей станции. Ну, например, он вел с кем-то разговор, закончившийся бурной ссорой и убийством изменника. Может быть, и так: Кадоген Уэст хотел выйти из вагона, упал на рельсы и разбился, а тот, другой, закрыл за ним дверь. В таком густом тумане никто ничего не мог увидеть.

— За неимением лучших будем пока довольствоваться этими гипотезами. Но, обрати внимание, Шерлок, сколько остается неясного. Допустим, Кадоген Уэст задумал переправить бумаги в Лондон. Естественно далее предположить, что у него там была назначена встреча с иностранным агентом, а для этого ему было бы необходимо высвободить себе вечер. Вместо этого он берет два билета в театр, отправляется туда с невестой и на полдороге внезапно исчезает.

— Для отвода глаз, — сказал Лестрейд, уже давно выказывавший признаки нетерпения.

— Прием весьма оригинальный. Это возражение первое. Теперь второе возражение. Предположим, Уэст прибыл в Лондон и встретился с агентом. До наступления утра ему надо было во что бы то ни стало успеть положить документы на место. Взял он десять чертежей. При нем нашли только семь. Что случилось с остальными тремя? Вряд ли он расстался бы с ними добровольно. И, далее, где деньги, полученные за раскрытие военной тайны? Логично было бы ожидать, что в кармане у него найдут крупную сумму.

— По-моему, тут все абсолютно ясно, — сказал Лестрейд.

— Я отлично понимаю, как все произошло. Уэст выкрал чертежи, чтобы продать их. Встретился в Лондоне с агентом. Не сошлись в цене. Уэст отправляется домой, агент за ним. В вагоне агент его приканчивает, забирает самые ценные из документов, выталкивает труп из вагона. Все сходится, как, по-вашему?

— Почему при нем не оказалось билета?

— По билету можно было бы догадаться, какая из станций ближе всего к местонахождению агента. Поэтому он и вытащил билет из кармана убитого.

— Браво, Лестрейд, браво, — сказал Холмс. — В ваших рассуждениях есть логика. Но если так, розыски можно прекратить. С одной стороны, изменник мертв, с другой стороны, чертежи подводной лодки Брюса-Партингтона, вероятно, уже на континенте. Что же нам остается?

— Действовать, Шерлок, действовать! — воскликнул Майкрофт, вскакивая с кресла. — Интуиция подсказывает мне, что тут кроется нечто другое. Напряги свои мыслительные способности, Шерлок. Посети место преступления, повидай людей, замешанных в деле, — все переверни вверх дном! Еще никогда не выпадало тебе случая оказать родине столь большую услугу.

— Ну что же, — сказал Холмс, пожав плечами. — Пойдемте, Уотсон. И вы, Лестрейд, не откажите в любезности на часок-другой разделить наше общество. Мы начнем со станции Олдгет. Всего хорошего, Майкрофт. Думаю, к вечеру ты уже получишь от нас сообщение о ходе дела, но, предупреждаю заранее, многого не жди.

Час спустя мы втроем — Холмс, Лестрейд и я — стояли с метро как раз там, где поезд, приближаясь к остановке, выходит из тоннеля. Сопровождавший нас краснолицый и весьма услужливый старый джентльмен представлял в своем лице железнодорожную компанию.

— Тело молодого человека лежало вот здесь, — сказал он нам, указывая на место футах в трех от рельсов. — Сверху он ниоткуда упасть не мог — видите, всюду глухие стены. Значит, свалился с поезда, и, по всем данным, именно с того, который проходил здесь в понедельник около полуночи.

— В вагонах не обнаружено никаких следов борьбы; насилия?

— Никаких. И билета тоже не нашли.

— И никто не заметил ни в одном из вагонов открытой двери?

— Нет.

— Сегодня утром мы получили кое-какие новые данные, — сказал Лестрейд. — Пассажир поезда метро, проезжавший мимо станции Олдгет в понедельник ночью, приблизительно в 11.40, показал, что перед самой остановкой ему почудилось, будто на пути упало что-то тяжелое. Но из-за густого тумана он ничего не разглядел. Тогда он об этом не заявил. Но что это с мистером Холмсом?

Глаза моего друга были прикованы к тому месту, где рельсы, изгибаясь, выползают из тоннеля. Станция Олдгет — узловая, и потому здесь много стрелок. На них-то и был устремлен острый, ищущий взгляд Холмса, и на его вдумчивом, подвижном лице я заметил так хорошо знакомое мне выражение: плотно сжатые губы, трепещущие ноздри, сведенные в одну линию тяжелые густые брови.

— Стрелки… — бормотал он. — Стрелки…

— Стрелки? Что вы хотите сказать?

— На этой дороге стрелок, я полагаю, не так уж много?

— Совсем мало.

— Стрелки и поворот… Нет, клянусь… Если бы это действительно было так…

— Да что такое, мистер. Холмс? Вам пришла в голову какая-то идея?

— Пока только догадки, намеки, не более. Но дело, безусловно, приобретает все больший интерес. Поразительно, поразительно… А впрочем, почему бы и нет?.. Я нигде не заметил следов крови.

— Их почти и не было.

— Но ведь, кажется, рана на голове была очень большая?

— Череп раскроен, но внешние повреждения незначительны.

— Все-таки странно — не могло же вовсе обойтись без кровотечения! Скажите, нельзя ли мне обследовать поезд, в котором ехал пассажир, слышавший падение чего-то тяжелого?

— Боюсь, что нет, мистер Холмс. Тот поезд давно расформирован, вагоны попали в новые составы.

— Могу заверить вас, мистер Холмс, что все до единого вагоны были тщательно осмотрены, — вставил Лестрейд. — Я проследил за этим самолично.

К явным недостаткам моего друга следует отнести его нетерпимость в отношении людей, не обладающих интеллектом столь же подвижным и гибким, как его собственный.

— Надо полагать, — сказал он и отвернулся. — Но я, между прочим, собирался осматривать не вагоны. Уотсон, дольше нам здесь оставаться незачем, все, что было нужно, уже сделано. Мы не будем вас более задерживать, мистер Лестрейд. Теперь наш путь лежит в Вулидж.

На станции Лондонский мост Холмс составил телеграмму и, прежде чем отправить, показал ее мне. Текст гласил:

«В темноте забрезжил свет, но он может померкнуть. Прошу к нашему возвращению прислать с нарочным на Бейкер-стрит полный список иностранных шпионов и международных агентов, в настоящее время находящихся в Англии, с подробными их адресами.

Шерлок».

— Это может нам пригодиться, — заметил Холмс, когда мы сели в поезд, направляющийся в Вулидж. — Мы должны быть признательны Майкрофту — он привлек нас к расследованию дела, которое обещает быть на редкость интересным.

Его живое, умное лицо все еще хранило выражение сосредоточенного внимания и напряженной энергии, и я понял, что какой-то новый красноречивый факт заставил его мозг работать особенно интенсивно. Представьте себе гончую, когда она лежит на псарне, развалясь, опустив уши и хвост, и затем ее же, бегущую по горячему следу, — точно такая перемена произошла с Холмсом. Теперь я видел перед собой совсем другого человека. Как не похож он был на ту вялую, развинченную фигуру в халате мышиного цвета, всего несколько часов назад бесцельно шагавшую по комнате, в плену у тумана!

— Увлекательный материал, широкое поле действия, — сказал он. — Я проявил тупость, не сообразив сразу, какие тут открываются возможности.

— А мне и теперь еще ничего не ясно.

— Конец не ясен и мне, но у меня есть одна догадка, она может продвинуть нас далеко вперед. Я уверен, что Кадоген Уэст был убит где-то в другом месте, и тело его находилось не внутри, а на крыше вагона.

— На крыше?!

— Невероятно, правда? Но давайте проанализируем факты. Можно ли считать простой случайностью то обстоятельство, что труп найден именно там, где поезд подбрасывает и раскачивает, когда он проходит через стрелку? Не тут ли должен упасть предмет, лежащий на крыше вагона? На предметы, находящиеся внутри вагона, стрелка никакого действия не окажет. Либо тело действительно упало сверху, либо это какое-то необыкновенное совпадение. Теперь обратите внимание на отсутствие следов крови. Конечно, их и не могло оказаться на путях, если убийство совершено в ином месте. Каждый из этих фактов подтверждает мою догадку, а взятые вместе, они уже являются совокупностью улик.

— А еще билет-то! — воскликнул я.

— Совершенно верно. Мы не могли это объяснить. Моя гипотеза дает объяснение. Все сходится.

— Допустим, так. И все же мы по-прежнему далеки от раскрытия таинственных обстоятельств смерти Уэста. Я бы сказал, дело не стало проще, оно еще более запутывается.

— Возможно, — проговорил Холмс задумчиво, — возможно…

Он умолк и сидел, погруженный в свои мысли, до момента, когда поезд подполз наконец к станции Вулидж. Мы сели в кэб, и Холмс извлек из кармана оставленный ему Майкрофтом листок.

— Нам предстоит нанести ряд визитов, — сказал он. — Первым нашего внимания требует, я полагаю, сэр Джеймс Уолтер.

Дом этого известного государственного деятеля оказался роскошной виллой — зеленые газоны перед ним тянулись до самой Темзы. Туман начал рассеиваться, сквозь него пробивался слабый, жидкий свет. На наш звонок вышел дворецкий.

— Сэр Джеймс? — переспросил он, и лицо его приняло строго торжественное выражение. — Сэр Джеймс скончался сегодня утром, сэр.

— Боже ты мой! — воскликнул Холмс в изумлении. — Как, отчего он умер?

— Быть может, сэр, вы соблаговолите войти в дом и повидаете его брата, полковника Валентайна?

— Да, вы правы, так мы и сделаем.

Нас провели в слабо освещенную гостиную, и минуту спустя туда вошел очень высокий, красивый мужчина лет пятидесяти, с белокурой бородой — младший брат покойного сэра Джеймса. Смятение в глазах, щеки, мокрые от слез, волосы в беспорядке — все говорило о том, какой удар обрушился на семью. Рассказывая, как это случилось, полковник с трудом выговаривал слова.

— Все из-за этого ужасного скандала, — сказал он. — Мой брат был человеком высокой чести, он не мог пережить такого позора. Это его потрясло. Он всегда гордился безупречным порядком в своем департаменте, и вдруг такой удар…

— Мы надеялись получить от него некоторые пояснения, которые могли бы содействовать раскрытию дела.

— Уверяю вас, то, что произошло, для него было так же непостижимо, как для вас и для всех прочих. Он уже заявил полиции обо всем, что было ему известно. Разумеется, он не сомневался в виновности Кадогена Уэста. Но все остальное — полная тайна.

— А лично вы не могли бы еще что-либо добавить?

— Я знаю только то, что слышал от других и прочел в газетах. Я бы не хотел показаться нелюбезным, мистер Холмс, но вы должны понять, мы сейчас в большом горе, и я вынужден просить вас поскорее закончить разговор.

— Вот действительно неожиданный поворот событий, — сказал мой друг, когда мы снова сели в кэб. Бедный старик. Как же он умер — естественной смертью или покончил с собой?

Если это самоубийство, не вызвано ли оно терзаниями совести за невыполненный перед родиной долг? Но этот вопрос мы отложим на будущее. А теперь займемся Кадогеном Уэстом.

Осиротелая мать жила на окраине в маленьком доме, где царил образцовый порядок. Старушка была совершенно убита горем и не могла ничем нам помочь, но рядом с ней оказалась молодая девушка с очень бледным лицом — она представилась нам как мисс Вайолет Уэстбери, невеста покойного и последняя, кто видел его в тот роковой вечер.

— Я ничего не понимаю, мистер Холмс, — сказала она. — С тех пор, как стало известно о несчастье, я не сомкнула глаз, день и ночь я думаю, думаю, доискиваюсь правды. Артур был человеком благородным, прямодушным, преданным своему делу, истинным патриотом. Он скорее отрубил бы себе правую руку, чем продал доверенную ему государственную тайну. Для всех, кто его знал, сама эта мысль недопустима, нелепа.

— Но, факты, мисс Уэстбери…

— Да, да. Я не могу их объяснить, признаюсь.

— Не было ли у него денежных затруднений?

— Нет. Потребности у него были очень скромные, а жалованье он получал большое. У него имелись сбережения, несколько сотен фунтов, и на Новый год мы собирались обвенчаться.

— Вы не замечали, чтоб он был взволнован, нервничал? Прошу вас, мисс Уэстбери, будьте с нами абсолютно откровенны.

Быстрый глаз моего друга уловил какую-то перемену в девушке — она колебалась, покраснела.

— Да, мне казалось, его что-то тревожит.

— И давно это началось?

— С неделю назад. Он иногда задумывался, вид у него становился озабоченным. Однажды я стала допытываться, спросила, не случилось ли чего. Он признался, что обеспокоен и что это касается служебных дел. «Создалось такое положение, что даже тебе не могу о том рассказать», — ответил он мне. Больше я ничего не могла добиться.

Лицо Холмса приняло очень серьезное выражение.

— Продолжайте, мисс Уэстбери. Даже если на первый взгляд ваши показания не в его пользу, говорите только правду, — никогда не знаешь наперед, куда это может привести.

— Поверьте, мне больше нечего сказать. Раза два я думала, что он уже готов поделиться ею мной своими заботами. Как-то вечером разговор зашел о том, какое необычайно важное значение имеют хранящиеся в сейфе документы, и, помню, он добавил, что, конечно, иностранные шпионы дорого дали бы за эту военную тайну.

Выражение лица Холмса стало еще серьезнее.

— И больше он ничего не сказал?

— Заметил только, что мы несколько небрежны с хранением военных документов, что изменнику не составило бы труда до них добраться.

— Он начал заговаривать на такие темы только недавно?

— Да, лишь в последние дни.

— Расскажите, что произошло в тот вечер.

— Мы собрались идти в театр. Стоял такой густой туман, что нанимать кэб было бессмысленно. Мы пошли пешком. Дорога наша проходила недалеко от Арсенала. Вдруг Артур бросился от меня в сторону и скрылся в тумане.

— Не сказав ни слова?

— Только крикнул что-то, и все. Я стояла, ждала, но он не появился. Тогда я вернулась домой. На следующее утро из департамента пришли сюда справляться о нем. Около

двенадцати часов до нас дошли ужасные вести. Мистер Холмс, заклинаю вас: если это в ваших силах, спасите его честное имя. Он им так дорожил!

Холмс печально покачал головой.

— Ну, Уотсон, нам пора двигаться дальше, — сказал он. — Теперь отправимся к месту, откуда были похищены документы.

— С самого начала против молодого человека было много улик. После допросов их стало еще больше, — заметил он, когда кэб тронулся. — Предстоящая женитьба — достаточный мотив для преступления. Кадогену Уэсту, естественно, требовались деньги. Мысль о похищении чертежей в голову ему приходила, раз он заводил о том разговор с невестой. И чуть не сделал ее сообщницей, уже хотел было поделиться с ней своим планом. Скверная история.

— Но послушайте, Холмс, неужели репутация человека вовсе не идет в счет? И потом, зачем было оставлять невесту одну на улице и сломя голову кидаться воровать документы?

— Вы рассуждаете здраво, Уотсон. Возражение весьма существенное. Но опровергнуть обвинение будет очень трудно.

Мистер Сидней Джонсон встретил нас с тем почтением, какое у всех неизменно вызывала визитная карточка моего компаньона. Старший клерк оказался худощавым, хмурым мужчиной среднего возраста, в очках; от пережитого потрясения он осунулся, руки у него дрожали.

— Неприятная история, мистер Холмс, очень неприятная. Вы слышали о смерти шефа?

— Мы только что из его дома.

— У нас тут такая неразбериха. Глава департамента умер, Кадоген Уэст умер, бумаги похищены. А ведь в понедельник вечером, когда мы запирали помещение, все было в порядке — департамент как департамент. Боже мой, Боже мой!.. Подумать страшно. Чтобы именно Уэст совершил такой поступок!

— Вы, значит, убеждены в его виновности?

— Больше подозревать некого. А я доверял ему, как самому себе!

— В котором часу в понедельник заперли помещение?

— В пять часов.

— Где хранились документы?

— Вон в том сейфе. Я их сам туда положил.

— Сторожа при здании не имеется?

— Сторож есть, но он охраняет не только наш отдел. Это старый солдат, человек абсолютно надежный. Он ничего не видел. В тот вечер, правда, был ужасный туман, невероятно густой.

— Предположим, Кадоген Уэст вздумал бы пройти в помещение не в служебное время; ему понадобилось бы три ключа, чтобы добраться до бумаг, не так ли?

— Именно так. Ключ от входной двери, ключ от конторы и ключ от сейфа.

— Ключи имелись только у вас и у сэра Джеймса Уолтера?

— От помещений у меня ключей нет, только от сейфа.

— Сэр Джеймс отличался аккуратностью?

— Полагаю, что да. Знаю только, что все три ключа он носил на одном кольце. Я их часто у него видел.

— И это кольцо с ключами он брал с собой, когда уезжал в Лондон?

— Он говорил, что они всегда при нем.

— И вы тоже никогда не расстаетесь со своим ключом?

— Никогда.

— Значит, Уэст, если преступник действительно он, сделал вторые ключи. Но у него никаких ключей не обнаружили. Еще один вопрос: если бы кто из сотрудников, работающих в этом помещении, задумал продать военную тайну, не проще ли было бы для него скопировать чертежи, чем похищать оригиналы, как это было проделано?

— Чтобы скопировать их как следует, нужны большие технические познания.

— Они, очевидно, имелись и у сэра Джеймса и у Кадогена Уэста. Они есть и у вас.

— Разумеется, но я прошу не впутывать меня в эту историю, мистер Холмс. И что попусту гадать, как оно могло быть, когда известно, что чертежи нашлись в кармане Уэста?

— Но, право, все же очень странно, что он пошел на такой риск и захватил с собой оригиналы, когда мог преспокойно их скопировать и продать копии.

— Конечно, странно, однако взяты именно оригиналы.

— Чем больше ищешь, тем больше вскрывается в этом деле загадочного. Недостающие три документа все еще не найдены. Насколько я понимаю, они-то и являются основными?

— Да.

— Значит ли это, что тот, к кому эти три чертежа попали, получил возможность построить подводную лодку Брюса-Партингтона, обойдясь без остальных семи чертежей?

— Я как раз об этом и докладывал в адмиралтействе. Но сегодня я опять просмотрел чертежи и усомнился. На одном из вернувшихся документов имеются чертежи клапанов и автоматических затворов. Пока они там, за границей, сами их не изобретут, они не смогут построить лодку Брюса-Партингтона. Впрочем, обойти такое препятствие не составит особого труда.

— Итак, три отсутствующие чертежа — самые главные?

— Несомненно.

— Если не возражаете, я произведу небольшой осмотр помещения. Больше у меня вопросов к вам нет.

Холмс обследовал замок сейфа, обошел всю комнату и, наконец, проверил железные ставни на окнах. Только когда мы уже очутились на газоне перед домом, интерес его снова ожил. Под окном росло лавровое дерево, — некоторые из его веток оказались согнуты, другие сломаны. Холмс тщательно исследовал их с помощью лупы, осмотрел также еле приметные следы на земле. И, наконец, попросив старшего клерка закрыть железные ставни, обратил мое внимание на то, что створки посредине чуть-чуть не сходятся и с улицы можно разглядеть, что делается внутри.

— Следы, конечно, почти исчезли, утратили свою ценность из-за трех дней промедления. Они могут что-то означать, могут и не иметь никакого значения. Ну, Уотсон, я думаю, с Вулиджем пока все. Улов наш здесь невелик. Посмотрим, не добьемся ли мы большего в Лондоне.

И, однако, мы поймали еще кое-что в наши сети, прежде чем покинули Вулидж. Кассир на станции, не колеблясь, заявил, что в понедельник вечером видел Кадогена Уэста, которого хорошо знал в лицо. Молодой человек взял билет третьего класса на поезд 8.15 до станции Лондонский мост. Уэст был один, и кассира поразило его крайне нервное, встревоженное состояние. Он был до такой степени взволнован, что никак не мог собрать сдачу, кассиру пришлось ему помочь. Справившись по расписанию, мы убедились, что поезд, отходивший в 8.15, был фактически первым поездом, каким Уэст мог уехать в Лондон, после того как в половине восьмого оставил невесту на улице.

— Попробуем восстановить события, — сказал мне Холмс, помолчав минут тридцать. — Нет, честное слово, мы с вами еще не сталкивались с делом до такой степени трудным. С каждым шагом натыкаешься на новый подводный камень. И все же мы заметно продвинулись вперед.

Результаты допроса в Вулидже в основном говорят против Уэста, но кое-что, замеченное нами под окном конторы, позволяет строить более благоприятную для него гипотезу. Допустим, что к нему обратился иностранный агент. Он мог связать Уэста такими клятвами, что тот был вынужден молчать. Но эта мысль его занимала, на что указывают те отрывочные замечания и намеки, о которых рассказала нам его невеста. Отлично. Предположим далее, что в то время, как они шли в театр, он различил в тумане этого самого агента, направляющегося к зданию Арсенала. Уэст был импульсивным молодым человеком, действовал не задумываясь. Когда дело касалось его гражданского долга, все остальное для него уже теряло значение. Он пошел за агентом, встал под окном, видел, как вор похищает документы, и бросился за ним в погоню. Таким образом, снимается вопрос, почему взяты оригиналы, а не сняты копии, для постороннего лица сделать это было невозможно. Видите, как будто логично.

— Ну, а дальше?

— Тут сразу возникает затруднение. Казалось бы, первое, что следовало сделать молодому человеку, это схватить негодяя и поднять тревогу. Почему он поступил иначе? Быть может, похититель — лицо выше его стоящее, его начальник? Тогда поведение Уэста понятно. Или же так: вору удалось ускользнуть в тумане, и Уэст тут же кинулся к нему домой, в Лондон, чтобы как-то помешать, если предположить, что адрес Уэсту был известен. Во всяком случае, только что-то чрезвычайно важное, требующее безотлагательного решения, могло заставить его бросить девушку одну на улице. И не дать позже знать о себе. Дальше след теряется, и до момента, когда тело Уэста с семью чертежами в кармане оказалось на крыше вагона, получается провал, неизвестность. Начнем теперь поиски с другого конца. Если Майкрофт уже прислал список имен и адресов, быть может, среди них найдется тот, кто нам нужен, и мы пустимся сразу по двум следам.

На Бейкер-стрит нас и в самом деле ожидал список, доставленный специальным курьером. Холмс пробежал его глазами, перекинул мне. Я стал читать:

«Известно множество мелких мошенников, но мало таких, кто рискнул бы пойти на столь крупную авантюру. Достойны внимания трое: Адольф Мейер — Грейт-Джордж-стрит, 13, Вестминстер; Луи ла Ротьер — Кэмден-Мэншенз, Ноттингг Хилл; Гуго Оберштейн — Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон. Относительно последнего известно, что в понедельник он был в Лондоне, по новому донесению — выбыл. Рад слышать, что „в темноте забрезжил свет". Кабинет министров с величайшим волнением ожидает твоего заключительного доклада. Подучены указания из самых высоких сфер. Если понадобится, вся полиция Англии к твоим услугам.

Майкрофт».

— Боюсь, что «вся королевская конница и вся королевская рать»[87] не смогут помочь мне -в этом деле, — сказал Холмс, улыбаясь. Он раскрыл свой большой план Лондона и склонился над ним с живейшим интересом. — Ого! — немного спустя воскликнул он удовлетворенно. — Кажется, нам начинает сопутствовать удача. Знаете, Уотсон, я уже думаю, что в конце концов мы с вами это дело осилим. — В неожиданном порыве веселья он хлопнул меня по плечу. — Сейчас я отправляюсь всего-навсего в разведку, ничего серьезного я предпринимать не стану, пока рядом со мной нет моего верного компаньона и биографа. Вы оставайтесь здесь, и, весьма вероятно, через час-другой мы увидимся снова. Если соскучитесь, вот вам стопа бумаги и перо: принимайтесь писать о том, как мы выручили государство.

Меня в какой-то степени заразило его приподнятое настроение, я знал, что без достаточных на то оснований Холмс не скинет с себя маски сдержанности. Весь долгий ноябрьский вечер я провел в нетерпеливом ожидании моего друга. Наконец в самом начале десятого посыльный принес мне от него такую записку:

«Обедаю в ресторане Гольдини на Глостер-роуд, Кенсингтон. Прошу вас немедленно прийти туда. Захватите с собой ломик, закрытый фонарь, стамеску и револьвер.

Ш. Х.»

Нечего сказать, подходящее снаряжение предлагалось почтенному гражданину таскать особой по темным, окутанным туманом улицам! Все указанные предметы я старательно рассовал по карманам пальто и направился поданному Холмсом адресу. Мой друг сидел в этом крикливо нарядном итальянском ресторане за круглым столиком неподалеку от входа.

— Хотите перекусить? Нет? Тогда выпейте за компанию со мной кофе с кюрасо. И попробуйте одну из сигар владельца заведения, они не так гнусны, как можно было ожидать. Все с собой захватили?

— Все. Спрятано у меня в пальто.

— Отлично. Давайте в двух словах изложу вам, что я за это время проделал и что нам предстоит делать дальше. Я думаю, Уотсон, для вас совершенно очевидно, что труп молодого человека был положен на крышу. Мне это стало ясно, едва я убедился, что он упал не из вагона.

— А не могли его бросить на крышу с какого-нибудь моста?

— По-моему, это невозможно. Крыши вагонов покаты, и никаких поручней или перил нет, — он бы не удержался. Значит, можно с уверенностью сказать, что его туда положили.

— Но каким образом?

— Это вопрос, на который нам надлежит ответить. Есть только одна правдоподобная версия. Вам известно, что поезда метро в некоторых пунктах Вест-Энда выходят из тоннеля наружу. Мне смутно помнится, что, проезжая там, я иногда видел окна домов как раз у себя над головой. Теперь представьте себе, что поезд остановился под одним из таких окон. Разве так уж трудно положить из окна труп на крышу вагона?

— По-моему, это совершенно неправдоподобно.

— Следует вспомнить старую аксиому: когда исключаются все возможности, кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется она невероятной, и есть неоспоримый факт. Все другие возможности нами исключены. Когда я выяснил, что крупный международный шпион, только что выбывший из Лондона, проживал в одном из домов, выходящих прямо на линию метро, я до того обрадовался, что даже удивил вас некоторой фамильярностью поведения.

— А, так вот, оказывается, в чем дело!

— Ну да! Гуго Оберштейн, занимавший квартиру на Колфилд-Гарденс в доме тринадцать, стал моей мишенью. Я начал со станции Глостер-роуд. Там очень, любезный железнодорожный служащий прошелся со мной по путям, и я не только удостоверился, что на черном ходу окна лестниц в домах по Колфилд-Гарденс выходят прямо на линию, но и узнал еще кое-что поважнее: именно там пути пересекаются с другой, более крупной железнодорожной веткой, и поезда метро часто по нескольку минут стоят как раз на этом самом месте.

— Браво, Холмс! Вы все-таки докопались до сути!

— Не совсем, Уотсон, не совсем. Мы продвигаемся вперед, но цель еще далека. Итак, проверив заднюю стену дома номер тринадцать на Колфилд-Гарденс, я обследовал затем его фасад и убедился в том, что птичка действительно упорхнула. Дом большой, на верхнем этаже отдельные квартиры. Оберштейн проживал именно там, и с ним всего лишь один лакей, очевидно, его сообщник, которому он полностью доверял. Итак, Оберштейн отправился на континент, чтобы сбыть с рук добычу, но это отнюдь не бегство, — у него не было причин бояться ареста. А то, что ему могут нанести частный визит, этому джентльмену и в голову не приходило. Но мы с вами как раз это и проделаем.

— А нельзя ли получить официальный ордер на обыск, чтобы все было по закону?

— На основании имеющихся у нас данных — едва ли.

— Но что может дать нам обыск?

— Например, какую-нибудь корреспонденцию.

— Холмс, мне это не нравится.

— Дорогой мой, вам надо будет постоять на улице, посторожить, только и всего. Всю противозаконную деятельность беру на себя. Сейчас не время отступать из-за пустяков. Вспомните, что писал Майкрофт, вспомните встревоженное адмиралтейство и кабинет министров, высокую особу, ожидающую от нас новостей. Мы обязаны это сделать.

Вместо ответа я встал из-за стола.

— Вы правы, Холмс. Это наш долг.

Он тоже вскочил и пожал мне руку.

— Я знал, что вы не подведете в последнюю минуту, — сказал Холмс, и в глазах его я прочел что-то очень похожее на нежность. В следующее мгновение он был снова самим собой — уверенный, трезвый, властный. — Туда с полмили, но спешить нам незачем, пойдемте пешком, — продолжал он. — Не растеряйте ваше снаряжение, прошу вас. Если вас арестуют как подозрительную личность, это весьма осложнит дело.

Колфилд-Гарденс — это ряд домов с ровными фасадами, с колоннами и портиками, весьма типичный продукт середины викторианской эпохи в лондонском Вест-Энде. В соседней квартире звенели веселые молодые голоса и бренчало в ночной тишине пианино. По-видимому, там был в разгаре детский праздник. Туман еще держался и укрывал нас своей завесой. Холмс зажег фонарик и направил его луч на массивную входную дверь.

— Да, солидно, — сказал он. — Тут, видимо, не только замок, но и засовы. Попробуем черный ход — через дверь в подвал. В случае, если появится какой-нибудь слишком рьяный блюститель порядка, вон там внизу к нашим услугам великолепный темный уголок. Дайте мне руку, Уотсон, придется лезть через ограду, а потом я помогу вам.

Через минуту мы были внизу у входа в подвал. Едва мы укрылись в спасительной тени, как где-то над нами в тумане послышались шаги полицейского. Когда их негромкий, размеренный стук затих вдали, Холмс принялся за работу. Я видел, как он нагнулся, поднатужился, и дверь с треском распахнулась. Мы проскользнули в темный коридор, прикрыв за собой дверь. Холмс шел впереди по голым ступеням изогнутой лестницы. Желтый веерок света от его фонарика упал на низкое лестничное окно.

— Вот оно. Должно быть, то самое.

Холмс распахнул раму, и в ту же минуту послышался негромкий, тягучий гул, все нараставший и, наконец, перешедший в рев, — мимо дома в темноте промчался поезд. Холмс провел лучом фонарика по подоконнику — он был покрыт густым слоем сажи, выпавшей из паровозных труб. В некоторых местах она оказалась слегка смазана.

— Потому что здесь лежало тело. Эге! Смотрите-ка, Уотсон, что это? Ну, конечно, следы крови. — Он указал на темные, мутные пятна по низу рамы. — Я их заметил и на ступенях лестницы. Картина ясна. Подождем, пока тут остановится поезд.

Ждать пришлось недолго. Следующий состав, с таким же ревом вынырнувший из тоннеля, постепенно замедлил ход и, скрежеща тормозами, стал под самым окном. От подоконника до крыши вагона было не больше четырех футов. Холмс тихо притворил раму.

— Пока все подтверждается, — проговорил он. — Ну, что скажете, Уотсон?

— Гениально! Вы превзошли самого себя.

— Тут я с вами не согласен. Требовалось только сообразить, что тело находилось на крыше вагона, и это было не Бог весть какой гениальной догадкой, а все остальное неизбежно вытекало из того факта. Если бы на карту не были поставлены серьезные государственные интересы, вся эта история, насколько она нам пока известна, ничего особенно значительного собой не представляла бы. Трудности у нас, Уотсон, все еще впереди. Но, как знать, быть может, здесь мы найдем какие-нибудь новые указания.

Мы поднялись по черной лестнице и очутились в квартире второго этажа. Скупо обставленная столовая не заключала в себе ничего для нас интересного. В спальне мы тоже ничего не обнаружили. Третья комната сулила больше, и мой друг принялся за систематический обыск. Комната, очевидно, служила кабинетом — повсюду валялись книги и бумаги. Быстро и ловко Холмс выворачивал одно за другим содержимое ящиков письменного стола, полок шкафа, но его суровое лицо не озарилось радостью успеха. Прошел час, и все никакого результата.

— Хитрая лисица, замел все следы, — сказал Холмс. — Никаких улик. Компрометирующая переписка либо увезена, либо уничтожена. Вот наш последний шанс.

Он взял стоявшую на письменном столе небольшую металлическую шкатулку и вскрыл ее с помощью стамески. В ней лежало несколько свернутых в трубку бумажных листков, покрытых цифрами и расчетами, но угадать их смысл и значение было невозможно. Лишь повторяющиеся слова «давление воды» и «давление на квадратный дюйм» позволяли предполагать, что все это имеет какое-то отношение к подводной лодке. Холмс нетерпеливо отшвырнул листки в сторону. Оставался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

— Что это такое, Уотсон, а? Газетные объявления и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» — из верхнего угла правой полосы. Даты не указаны, но вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раньше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указанному на карточке.

Пьерро».

А вот второе:

«Слишком сложно для описания. Должен иметь полный отчет. Оплата по вручении товара.

Пьерро».

И третье:

«Поторопитесь. Предложение снимается, если не будут выполнены условия договора. В письме укажите дату встречи. Подтвердим через объявление.

Пьерро».

И, наконец, последнее:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одни. Оставьте подозрительность. Оплата наличными по вручении товара.

Пьерро».

Собрано все — вполне исчерпывающий отчет о ходе переговоров! Теперь добраться бы до того, кому это адресовано.

Холмс сидел, крепко задумавшись, постукивая пальцем по столу. И вдруг вскочил на ноги.

— А, пожалуй, это не так уж трудно. Здесь, Уотсон, нам делать больше нечего. Отправимся в редакцию «Дейли телеграф» и тем завершим наш плодотворный день.

Майкрофт Холмс и Лестрейд, как то было условленно, явились на следующий день после завтрака, и Холмс поведал им о наших похождениях накануне вечером. Полицейский сыщик покачал головой, услышав исповедь о краже со взломом.

— У нас в Скотленд-Ярде такие вещи делать не полагается, мистер Холмс, — сказал он. — Не удивительно, что вы достигаете того, что нам не под силу. Но в один прекрасный день вы с вашим приятелем хватите через край, и тогда вам не миновать неприятностей.

— Погибнем «за Англию, за дом родной и за красу»[88] . А, Уотсон? Мученики, сложившие головы на алтарь отечества. Но что скажешь ты, Майкрофт?

— Превосходно, Шерлок! Великолепно! Но что это нам дает? Холмс взял лежавший на столе свежий номер «Дейли телеграф».

— Ты видел сегодняшнее сообщение «Пьерро»?

— Как? Еще?

— Да. Вот оно:

«Сегодня вечером. То же место, тот же час. Стучать два раза. Дело чрезвычайно важное. На карте ваша собственная безопасность.

Пьерро».

— Ах, шут возьми! — воскликнул Лестрейд. — Ведь если он откликнется, мы его схватим!

— С этой целью я и поместил это послание. Если вас обоих не затруднит часов в восемь отправиться с нами на Колфилд-Гарденс, мы приблизимся к разрешению нашей проблемы.

Одной из замечательных черт Шерлока Холмса была его способность давать отдых голове и переключаться на более легковесные темы, когда он полагал, что не может продолжать работу с пользой для дела: и весь тот памятный день он целиком посвятил задуманной им монографии «Полифонические мотеты Лассуса». Я не обладал этой счастливой способностью отрешаться, и день тянулся для меня бесконечно. Огромное государственное значение итогов нашего расследования, напряженное ожидание в высших правительственных сферах, предстоящий опасный эксперимент — все способствовало моей нервозности. Поэтому я почувствовал облегчение, когда после легкого обеда мы, наконец, отправились на Колфилд-Гарденс, Лестрейд и Майкрофт, как мы договорились, встретили нас возле станции Глостер-роуд. Подвальная дверь дома, где жил Оберштейн оставалась открытой с прошлой ночи, но так как Майкрофт Холмс наотрез отказался лезть через ограду, мне пришлось пройти вперед и открыть парадную дверь. К девяти часам мы все четверо уже сидели в кабинете, терпеливо дожидаясь нужного нам лица.

Прошел час, другой. Когда пробило одиннадцать, бой часов н церковной башне прозвучал для нас как погребальный звон но нашим надеждам. Лестрейд и Майкрофт ерзали на стульях и поминутно смотрели на часы. Шерлок Холмс сидел спокойно, полузакрыв веки, но внутренне настороженный. Вдруг он вскинул голову.

— Идет, — проговорил он.

Кто-то осторожно прошел мимо двери. Шаги удалились и снова приблизились. Послышалось шарканье ног, и дважды стукнул дверной молоток. Холмс встал, сделав нам знак оставаться на месте. Газовый рожок в холле почти не давал света. Холмс открыл входную дверь и, когда темная фигура скользнула мимо, запер дверь на ключ.

— Прошу сюда, — услышали мы его голос, и в следующее мгновение тот, кого мы поджидали, стоял перед нами.

Холмс шел за ним по пятам, и, когда вошедший с возгласом удивления и тревоги отпрянул было назад, мой друг схватил его за шиворот и втолкнул обратно в комнату. Пока наш пленник вновь обрел равновесие, дверь в комнату была уже заперта, и Холмс стоял к ней спиной. Пойманный испуганно обвел глазами комнату, пошатнулся и упал замертво. При падении широкополая шляпа свалилась у него с головы, шарф, закрывавший лицо, сполз, и мы увидели длинную белокурую бороду и мягкие, изящные черты лица полковника Валентайна Уолтера.

Холмс от удивления свистнул.

— Уотсон, — сказал он, — на этот раз можете написать в своем рассказе, что я полный осел. Попалась совсем не та птица, для которой я расставлял силки.

— Кто это? — спросил Майкрофт с живостью.

— Младший брат покойного сэра Джеймса Уолтера, главы департамента субмарин. Да-да, теперь я вижу, как легли карты. Полковник приходит в себя. Допрос этого джентльмена прошу предоставить мне.

Мы положили неподвижное тело на диван. Но вот наш пленник привстал, огляделся — лицо его выразило ужас. Он провел рукой по лбу, словно не веря своим глазам.

— Что это значит? — проговорил он. — Я пришел к мистеру Оберштейну.

— Все раскрыто, полковник Уолтер, — сказал Холмс. — Как мог английский дворянин поступить подобным образом, это решительно не укладывается в моем сознании. Но нам известно все о вашей переписке и отношениях с Оберштейном. А также и об обстоятельствах, связанных с убийством Кадогена Уэста. Однако некоторые подробности мы сможем узнать только от вас. Советую вам чистосердечным признанием хоть немного облегчить свою вину.

Полковник со стоном уронил голову на грудь и закрыл лицо руками. Мы ждали, но он молчал.

— Могу вас уверить, что основные факты для нас ясны, — сказал Холмс. — Мы знаем, что у вас были серьезные денежные затруднения, что вы изготовили слепки с ключей, находившихся у вашего брата, и вступили в переписку с Оберштейном, который отвечал на ваши письма в разделе объявлений в «Дейли телеграф». Мы знаем также, что в тот туманный вечер в понедельник вы проникли в помещение, где стоял сейф, и Кадоген Уэст вас выследил, — очевидно, у него уже были основания подозревать вас. Он был свидетелем похищения чертежей, но не решился поднять тревогу, быть может, предполагая, что вы достаете документы по поручению брата. Забыв про личные дела, Кадоген Уэст, как истинный патриот, преследовал вас, скрытый туманом, до самого этого дома. Тут он к вам подошел, и вы, полковник Уолтер, к государственной измене прибавили еще одно, более ужасное преступление — убийство.

— Нет! Нет! Клянусь Богом, я не убивал! — закричал несчастный пленник.

— В таком случае, объясните, каким образом он погиб, что произошло до того, как вы положили его труп на крышу вагона.

— Я расскажу. Клянусь, я вам все расскажу. Все остальное действительно было именно так, как вы сказали. Я признаюсь. На мне висел долг — я запутался, играя на бирже. Деньги нужны были позарез. Оберштейн предложил мне пять тысяч. Я хотел спастись от разорения. Но я не убивал, в этом я не повинен.

— Что же в таком случае произошло?

— Уэст меня подозревал и выследил — все так, как вы сказали. Я обнаружил его только у входа в дом. Туман был такой, что в трех шагах ничего не было видно. Я постучал дважды, и Оберштейн открыл мне дверь. Молодой человек ворвался в квартиру, бросился к нам, стал требовать, чтобы мы ему объяснили, зачем нам понадобились чертежи. Оберштейн всегда имеет при себе свинцовый кистень — он ударил им Кадогена Уэста по голове. Удар оказался смертельным, Уэст умер через пять минут. Он лежал на полу в холле, и мы совершенно растерялись, не знали, что делать. И тут Оберштейну пришла в голову мысль относительно поездов, которые останавливаются под окном на черном ходу. Но сперва он просмотрел чертежи, отобрал три самых важных и сказал, что возьмет их.

«Я не могу отдать чертежи, — сказал я, — если к утру их не окажется на месте, в Вулидже поднимется страшный переполох».

«Нет, я должен их забрать, — настаивал Оберштейн, — они настолько сложны, что я не успею до утра снять с них копии». «В таком случае, я немедленно увезу чертежи обратно», — сказал я. Он немного подумал, потом ответил: «Три я оставлю у себя, остальные семь засунем в карман этому молодому человеку. Когда его обнаружат, похищение, конечно, припишут ему». Я не видел другого выхода и согласился. С полчаса мы ждали, пока под окном не остановился поезд. Туман скрывал нас, и мы без труда опустили тело Уэста на крышу вагона. И это все, что произошло и что мне известно.

— А ваш брат?

— Он не говорил ни слова, но однажды застал меня с ключами, и я думаю, он меня стал подозревать. Я читал это в его взгляде. Он не мог больше смотреть людям в глаза и…

Воцарилось молчание. Его нарушил Майкрофт Холмс.

— Хотите в какой-то мере искупить свою вину? Чтобы облегать совесть и, возможно, кару.

— Чем могу я ее искупить?..

— Где сейчас Оберштейн, куда он повез похищенные чертежи?

— Не знаю.

— Он не оставил адреса?

— Сказал лишь, что письма, отправленные на его имя в Париж, отель «Лувр», в конце концов дойдут до него.

— Значит, для вас есть еще возможность исправить содеянное, — сказал Шерлок Холмс.

— Я готов сделать все, что вы сочтете нужным. Мне этого субъекта щадить нечего. Он причина моего падения и гибели.

— Вот перо и бумага. Садитесь за стол — будете писать под мою диктовку. На конверте поставьте данный вам парижский адрес. Так. Теперь пишите:

«Дорогой сэр!
Пишу Вам по поводу нашей сделки.
Вы, несомненно, заметили, что недостает одной существенной детали. Я добыл необходимую копию. Это потребовало много лишних хлопот и усилий, и я рассчитываю на дополнительное вознаграждение в пятьсот фунтов. Почте доверять опасно. И я не приму ничего, кроме золота или ассигнаций. Я мог бы приехать к Вам за границу, но боюсь навлечь на себя подозрение, если именно теперь выеду из Англии. Поэтому надеюсь встретиться с Вами в курительной комнате отеля «Чаринг-Кросс» в субботу в двенадцать часов дня. Повторяю, я согласен только на английские ассигнации или золото».

— Вот и отлично, — сказал Холмс. — Буду очень удивлен, если он не отзовется на такое письмо.

И он отозвался! Но все дальнейшее относится уже к области истории, к тем тайным ее анналам, которые часто оказываются значительно интереснее официальной хроники. Оберштейн, жаждавший завершить так блестяще начатую и самую крупную свою аферу, попался в ловушку и был на пятнадцать лет надежно упрятан за решетку английской тюрьмы. В его чемодане были найдены бесценные чертежи Брюса-Партингтона, которые он уже предлагал продать с аукциона во всех военно-морских центрах Европы.

Полковник Уолтер умер в тюрьме к концу второго года заключения. А что касается Холмса, он со свежими силами принялся за свою монографию «Полифонические мотеты Лассуса»; впоследствии она была напечатана для узкого круга читателей, и специалисты расценили ее как последнее слово науки по данному вопросу. Несколько недель спустя после описанных событий я случайно узнал, что мой друг провел день в Виндзорском дворце и вернулся оттуда с великолепной изумрудной булавкой для галстука. Когда я спросил, где он ее купил, Холмс ответил, что это подарок одной очень любезной высокопоставленной особы, которой ему посчастливилось оказать небольшую услугу. Он ничего к этому не добавил, но, мне кажется, я угадал августейшее имя и почти не сомневаюсь в том, что изумрудная булавка всегда будет напоминать моему другу историю с похищенными чертежами подводной лодки Брюса-Партингтона.

Шерлок Холмс при смерти

Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию странных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность,

привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, иногда стрельба из револьвера в комнате, загадочные и весьма неароматичные химические опыты, которые он часто ставил, да и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса едва ли не самым неудобным квартираитом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, хотя его образ жизни причинял ей много беспокойства. Она симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

— Он умирает, доктор Уотсон, — говорила она. — Он болеет уже три дня, и с каждым днем ему все хуже и хуже. Я не знаю, доживет ли он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увидела, как у него все кости на лице обтянулись и как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия или без него, мистер Холмс, я немедленно иду за врачом», — сказала я. «В таком случае, позовите Уотсона», — согласился он. Не теряйте ни минуты, сэр, иначе вы можете не застать его в живых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезни. Излишне говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

— Я могу вам рассказать очень немного, сэр, — отвечала она. — Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, и, вероятно, там заразился. В среду пополудни он слег и с тех пор не встает. За все эти три дня ничего не ел и не пил.

— Боже мой! Почему же вы не позвали врача? — Он не велел, сэр. Вы знаете, какой он властный. Я не осмелилась ослушаться его. Но вы сразу увидите, ему надолго осталось жить.

Действительно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного ноябрьского дня его спальня Казалась достаточно мрачной, но особенно пронзил мне сердце вид его худого, изможденного лица на фоне подушек. Глаза его лихорадочно блестели, на щеках играл болезненный румянец, губы покрылись темными корками. Тонкие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым и ломающимся. Когда я вошел в комнату, он лежал неподвижно, однако что-то мелькнуло в его глазах — он, несомненно, узнал меня.

— Ну, Уотсон, как видно, наступили плохие времена, — сказал он слабым голосом, но все же в своей прежней шутливой манере.

— Дорогой друг! — воскликнул я, приближаясь к нему.

— Стойте! Не подходите! — крикнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у него только в самые напряженные минуты. — Если вы приблизитесь ко мне, я велю вам тотчас уйти отсюда.

— Но почему же?

— Потому что я так хочу. Разве этого недостаточно? — Да, миссис Хадсон была права, властности в нем де убавилось. Но вид у него был поистине жалкий.

— Ведь я хотел только помочь, — сказал я.

— Правильно. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

— Хорошо, Холмс.

Он несколько смягчился.

— Вы не сердитесь? — спросил он, задыхаясь.

Бедняга! Как я мог сердиться на него, когда он был в таком состоянии!

— Это ради вас самих, — сказал он хрипло.

— Ради меня?!

— Я знаю, что со мной. Родина этой болезни — Суматра. Голландцы знают о ней больше нас, но и они пока очень мало изучили ее. Ясно только одно: она, безусловно, смертельна и чрезвычайно заразна.

Он говорил с лихорадочной энергией, его длинные руки беспокойно шевелились, как бы стремясь отстранить меня.

— Заразная при прикосновении, Уотсон, только при прикосновении! Держитесь от меня подальше, и все будет хорошо.

— Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меня какое-либо значение? Я бы пренебрег этим даже по отношению к постороннему мне человеку. Так неужели это помешает мне выполнить мой долг по отношению к вам, моему старому другу?

Я снова сделал шаг в его сторону. Но он отстранился от меня с бешеной яростью.

— Я буду говорить с вами, только если вы останетесь на месте. В противном случае вам придется уйти.

Я так уважаю необычайные таланты моего друга, что всегда подчинялся его указаниям, даже если совершенно их не понимал. Но тут во мне заговорил профессиональный долг. Пусть Холмс руководит мною в любых других случаях, но сейчас я — врач у постели больного.

— Холмс, — сказал я, — вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Больной все равно что ребенок. Хотите вы этого или нет, но я осмотрю вас и примусь за лечение.

Он злобно посмотрел на меня.

— Если мне против воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

— Значит, вы мне не доверяете?

— В вашу дружбу я, конечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсон, в конце концов только обычный врач, с очень ограниченным опытом и квалификацией. Мне тяжело говорить вам такие вещи, но у меня нет иного выхода.

Я был глубоко оскорблен.

— Такие слова недостойны вас. Холмс. Они свидетельствуют о расстройстве вашей нервной системы. Но если вы мне не доверяете, я не буду набиваться с услугами. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мика, или Пенроза Фишера, или любого из самых лучших врачей Лондона. Так или иначе, кто-нибудь должен оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойно стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

— Вы мне желаете добра, Уотсон, — сказал Холмс с тихим стоном. — Но хотите, я докажу вам ваше невежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провинции Тапанули или о формозской черной язве?

— Я никогда о них не слышал.

— На Востоке, Уотсон, существует много странных болезней, много отклонений от нормы. — Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы собраться с силами. — За последнее время я это понял в связи с одним расследованием медико-уголовного характера. Очевидно, во время этих расследований я и заразился. Вы, Уотсон, не в силах помочь мне.

— Может быть, и так. Но я случайно узнал, что доктор Энстри, крупнейший в мире знаток тропических болезней, сейчас находится в Лондоне. Не возражайте, Холмс, я немедленно еду к нему!

Я решительно повернулся к двери.

Никогда я не испытывал такого потрясения! В мгновение ока прыжком тигра умирающий преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачиваемого ключа. В следующую минуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки энергии.

— Силой вы у меня ключ не отнимете, Уотсон. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я вас не выпущу. Но вы не горюйте. — Он говорил прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание. — Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

— Но это безумие, Холмс!

— Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпите?

— Вы мне не оставили выбора.

— Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Энстри, а того, кого я сам выберу.

— Согласен.

— Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Займитесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал… Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом; казалось, он уснул.

Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешанные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до камина. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвижной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут…

Холмс издал крик, столь, пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы встали дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное лицо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

— Поставьте ее на место, Уотсон! Немедленно поставьте на место!

И только когда я поставил коробку на прежнее место, он со вздохом облегчения откинулся на подушку.

— Не выношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия. Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, сталь несвойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его нервной системы. Распад благородного ума — что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

— Уотсон, — спросил он, — есть у вас при себе мелочь?

— Да.

— Серебро?

— Да, порядочное количество.

— Сколько полукрон?

— Пять.

— Мало, слишком мало! — воскликнул он. — Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

— Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умоляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для сахара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Бэрк-стрит, дом тринадцать.

Говоря по правде, мне совсем не хотелось бежать за врачом, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставить его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смита, требовал так же упорно, как прежде отказывался от всякой помощи.

— Никогда не слышал такого имени, — сказал я.

— Очень может быть, дорогой Уотсон. И возможно, вас удивит, что лучший в мире знаток этой болезни — не врач, а плантатор. Мистер Кэлвертон Смит — постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждений, заставила его самого заняться изучением ее, и он добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпускать вас раньше шести часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мне и применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мне поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его резко изменился. Лихорадочный румянец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазных впадин, по временам холодный пот выступал на лбу. И все же он сохранял свою спокойную, четкую речь. До последней минуты он останется самим собой!

— Вы расскажете ему подробно о моем состоянии, — сказал он. — Опишете, какое впечатление я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю… Просто непонятно, почему все дно океана не представляет собою сплошной массы устриц, — ведь они так плодовиты… Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует… Что я говорил, Уотсон?

— Вы давали указания относительно мистера Кэлвертона Смита.

— Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отношения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон… Я заподозрил недоброе, и он почувствовал это. Юноша умер в страшных муках. Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

— Обещаю, что привезу его с собой, даже если бы мне пришлось снести его в кэб на руках.

— Нет, это не годится. Вы должны убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили… Можно не сомневаться, что какие-то природные силы препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все, что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять его с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на улице подзывал кэб, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

— Как здоровье мистера Холмса? — спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотленд-Ярда, одетый в штатское.

— Очень плохо, — ответил я.

Его взгляд показался мне странным. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

— Да, я слышал об этом, — сказал он.

Кэб подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Ноттинг-хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кэб, имело чопорный и солидный вид — старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками. Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

— Да, мистер Кэлвертон Смит дома. Доктор Уотсон? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитную карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидно, не произвели должного впечатления на мистера Кэлвертона Смита. Через полуоткрытую дверь я услышал раздраженный, пронзительный голос:

— Кто это? Что ему нужно? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мне нельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объяснения дворецкого.

— Я его не приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меня нет дома, так ему и скажите. Если я ему нужен, пусть придет завтра утром.

Снова тихое бормотание.

— Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мне представился Холмс, как он мечется по кровати и считает минуты в ожидании помощи. Тут было не до церемоний. Жизнь Холмса зависела от моей энергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать мне ответ своего хозяина, я оттолкнул его и вошел в комнату.

Человек, сидевший в кресле у камина, с пронзительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупное желтое лицо с грубыми чертами, массивным двойным подбородком и злобными серыми глазами, свирепо глядевшими на меня из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была надета бархатная шапочка, кокетливо сдвинутая набок. Череп хозяина был огромен, Но, переведя взгляд ниже, я с изумлением увидел, что тело у него маленькое, хилое, искривленное в плечах и спине, вероятно из-за перенесенного в детстве рахита.

— Что это значит? — кричал он высоким, визгливым голосом. — Что означает это вторжение? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

— Простите, — сказал я, — но это дело неотложное. Мистер Шерлок Холмс…

Имя моего друга произвело удивительное действие на маленького человечка. Гнев моментально исчез, лицо сделалось напряженным и внимательным.

— Вы от Холмса? — спросил он.

— Я только что от него.

— Что с Холмсом?

— Он очень, очень болен. Поэтому-то я и приехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камином мелькнуло его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорчение.

— Мне больно слышать это, — сказал он. — Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, но очень уважаю его как за талант, так и за человеческие достоинства. Он знаток преступлений, а я знаток болезней; он занимается злодеями, я — микробами. Вот мои заключенные, — продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены. — В этих желатиновых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

— Зная вашу эрудицию. Холмс прислал меня к вам. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

— Почему же? — спросил он. — Почему мистер Холмс думает, что я могу помочь ему?

— Потому что вы знаток восточных болезней.

— Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

— Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

— Ах вот как… — сказал он. — Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

— Около трех дней.

— Он бредит?

— По временам.

— Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не откликнуться на его просьбу. Я очень не люблю, когда прерывают мою работу, доктор Уотсон, но тут, конечно, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вами.

Мне припомнилось указание Холмса.

— Меня ждут в другом месте, — сказал я.

— Хорошо, я поеду один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Через полчаса я буду у него.

С замиранием сердца входил я в спальню Холмса. За это время могло произойти самое худшее. Однако я с огромной радостью увидел, что его состояние значительно улучшилось. Правда, лицо его все еще было мертвенно-бледным, но от бреда не осталось и следа: он говорил хотя и слабым голосом, но даже сверх обычного ясно и живо.

— Вы видели его, Уотсон?

— Да, он сейчас приедет.

— Замечательно, Уотсон, замечательно. Вы лучший из вестников.

— Он хотел вернуться со мной.

— Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы просто невозможно. Спрашивал ли он о причинах болезни?

— Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

— Правильно! Вы сделали все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсон, вы можете исчезнуть со сцены.

— Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

— Конечно. Но я имею основания полагать, что он выскажет свое мнение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с ним одни. За изголовьем моей кровати как раз достаточно места для вас, Уотсон.

— Дорогой Холмс!

— Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комнате негде спрятаться, и это к лучшему: это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ничем не рискуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

— Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любите. И не шевелитесь, что бы ни случилось. Что бы ни случилось, понятно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можно внимательнее.

Столь же внезапно силы оставили его, и четкая, повелительная речь перешла в слабое, неясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданно оказался, я услышал шаги на лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальню. А затем, к моему удивлению, последовало долгое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием больного. Я представил себе, как наш посетитель стоит у кровати и смотрит на страдальца. Наконец это странное молчание кончилось.

— Холмс! — воскликнул Смит настойчивым тоном, каким будят спящего. — Холмс! Вы слышите меня?

Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

— Это вы, мистер Смит? — прошептал Холмс. — Я не смел надеяться, что вы придете.

Смит засмеялся.

— Ну еще бы, — сказал он. — И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло. Холмс, добром за зло.

— Это очень хорошо, очень благородно с вашей стороны. Я высоко ценю ваши знания.

Наш посетитель усмехнулся.

— К счастью, только вы во всем Лондоне и способны их оценить. Вы знаете, что с вами?

— То же самое, — сказал Холмс.

— Вот как! Вы узнаёте симптомы?

— Да, слишком хорошо.

— Что ж, очень возможно. Холмс. Очень возможно, что это оно и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедный Виктор умер на четвертый день, а он был здоровый, молодой. Вам тогда показалось очень странным, что он в сердце Лондона заразился этой редкой азиатской болезнью, которую я к тому же специально изучаю. Удивительное совпадение, Холмс. Вы ловко это подметили, но не очень-то великодушно было утверждать, что здесь можно усмотреть причину и следствие.

— Я знаю, что это ваших рук дело.

— Ах вот как, вы знали? Но доказать вы ничего не могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? Как это назвать? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыхание больного.

— Дайте мне воды, — прошептал он задыхаясь.

— Скоро вам крышка, милейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держите! Не расплескайте. Вот так. Вы понимаете, что я вам говорю?

Холмс застонал.

— Помогите мне чем можно. Забудем прошлое… — шептал он. — Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

— Что забудете?

— О смерти Виктора Сэведжа. Вы сейчас сознались в своем преступлении. Я это забуду.

— Можете забывать или помнить, как вам будет угодно. Я не увижу вас среди свидетелей. Вы будете в другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну и ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

— Да, да.

— Ваш приятель, которого вы послали за мной — не помню его имя, — сказал, что вы заразились этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

— Я только так могу это объяснить.

— И вы гордитесь своим умом, Холмс! Вы считаете себя таким догадливым, не правда ли? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, не могли ли вы заразиться этой болезнью другим путем?

— Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогите…

— Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как произошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

— Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить эти боли!

— Ага, у вас появились боли? Да, мои кули тоже визжали перед смертью. Ощущение, как при судорогах?

— Да, да, это судороги.

— Ничего, слушать они вам не помешают. Слушайте! Не припомните ли вы какое-нибудь необычное происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

— Нет, нет, ничего.

— Подумайте хорошенько.

— Я слишком болен, чтобы думать.

— Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

— По почте?

— Например, коробочку.

— Я слабею, я умираю!..

— Слушайте, Холмс! — Он, видимо, тряс умирающего за плечо. (Я едва усидел в своем убежище.) — Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли… Помните?

— Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка…

— Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

— Вспомнил! — Холмс задыхался. — Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там на столе.

— Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, здесь не останется ни одной улики. Ну вот. Холмс, теперь вы знаете правду и умрете с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Сэведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

— Что? — спросил Смит. — Отвернуть газ? У вас уже темно в глазах? Охотно. Я отверну газ, чтобы лучше вас видеть. — Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет. — Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

— Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвном изумлении смотрит на Холмса.

— Что это значит? — спросил он наконец сухим, резким голосом.

— Лучший способ хорошо сыграть роль, — сказал Холмс, — это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы! (Я услышал чирканье спички.) Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

— Все в порядке. Можете его забрать, — сказал Холмс.

— Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сэведжа, — сказал инспектор.

— И можете прибавить: за покушение на убийство Шерлока Холмса, — заметил мой друг, посмеиваясь. — Чтобы зря не затруднять больного, мистер Кэлвертон Смят сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

— Только себя же изувечите, — сказал инспектор. — Стойте смирно!

И я услышал, как защелкнулись наручники.

— Вот как! Ловушка! — закричал высокий визгливый голос.

— Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня приехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать сколько хотите, Холмс. Мои слова имеют не меньший вес, чем ваши.

— Боже мой! — воскликнул Холмс. — Ведь я совершенно забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений! Подумать только, что я упустил из виду ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мистером Кэлвертоном Смитом — вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь: мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

— Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием, — сказал он. — Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Хадсон уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он приедет взглянуть на результаты своего преступления.

— Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

— Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может быть устранено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрыснутая в глаза, румяна на скулах и пленки из воска

на губах — все это производит вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней — это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукронах, устрицах и прочих не относящихся к делу вещах неплохо создал иллюзию бреда…

— Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

— И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? На расстоянии четырех шагов я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить, где именно появляется острая пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэведж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него признание. Свою болезнь я разыграл со старанием настоящего актера. Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что и лишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.

Исчезновение леди Френсис Карфэкс

— Но почему турецкие? — спросил Шерлок Холмс, упорно разглядывая мои ботинки. Я сидел в широком плетеном кресле, и мои вытянутые ноги привлекли его недремлющее внимание.

— Нет, английские, — удивленно отозвался я. — Я их купил у Латимера на Оксфорд-стрит.

Холмс обреченно вздохнул.

— Бани! Бани турецкие, а не ботинки! Почему расслабляющие и очень дорогие турецкие бани, а не бодрящая ванна дома?

— Потому что у меня разыгрался ревматизм, я стал чувствовать себя старой развалиной. А турецкие бани — как раз то, что мы, медики, в таких случаях рекомендуем, встряска, после которой как будто заново рождаешься. Кстати, Холмс, — продолжал я, — для человека, мыслящего логически, связь между моими башмаками и турецкими банями, разумеется, самоочевидна, но я буду чрезвычайно признателен, если вы ее мне раскроете.

— Ход рассуждений не так уж непостижим, милый Уотсон. — В глазах Холмса запрыгали озорные искорки. — Иллюстрацией к несложной системе умозаключений, которой я пользовался, может послужить вопрос: кто сегодня утром ехал с вами в кэбе?

— Не считаю еще одну иллюстрацию объяснением, — не без едкости парировал я.

— Браво, Уотсон! Сказано с достоинством и вполне логично. Да, так с чего мы начали? Давайте разберем сначала второй пример — с кэбом. На левом плече и рукаве вашего пальто брызги. Если бы вы сидели на середине сиденья, вас бы, вероятно, не забрызгало вовсе или забрызгало с обеих сторон. Значит, вы сидели слева. И, значит, вы ехали не один.

— Ну вот, теперь я понял.

— До смешного просто, да?

— Но бани и ботинки?

— О, это еще примитивнее. Вы всегда завязываете шнурки одинаково. А сейчас я вижу замысловатый двойной узел, совсем не похожий на ваш. Значит, вы снимали ботинки. Кто мог завязан вам шнурки? Или сапожник, или прислужник в бане. Сапожника исключаем, потому что ботинки почти новые. Что остается? Остаются бани. Элементарно, правда? Но как бы там ни было, Уотсон, турецкие бани сослужили свою службу.

— В каком смысле?

— Вы сознались, что поехали туда, потому что вам нужна была встряска. Позвольте мне предоставить вам возможность встряхнутся. Что вы скажете о поездке в Лозанну, милый Уотсон, — первым классом, все расходы оплачиваются с королевской щедростью, а?

— Великолепно! Но зачем?

Холмс откинулся на спинку кресла и вытащил из кармана записную книжку.

— Из всех представителей рода человеческого, — начал он, — самый опасный — одинокая женщина без дома и друзей. Этот безобиднейший и даже, может быть, полезнейший член общества — неизменная причина многих и многих преступлений. Это беспомощное существо сегодня здесь, завтра там. У нее достаточно средств, чтобы кочевать из страны в страну, переезжать из гостиницы в гостиницу. И вот в каком-нибудь подозрительном пансионе или отеле след ее обрывается. Она как цыпленок, заблудившийся в мире лисиц. Если ее слопают, никто и не хватится. Боюсь, леди Фрэнсис Карфэкс попала в беду.

Я приветствовал этот неожиданный переход от общих рассуждений к частным. Холмс полистал странички и продолжал:

— Леди Фрэнсис — единственный потомок графа Рафтона по прямой линии. Земли в их роду, как вы, возможно, помните, наследовали сыновья. Состояние леди Фрэнсис получила небольшое, но ей достались редчайшие драгоценности старинной испанской работы — оправленные в серебро бриллианты необычной огранки, которые она очень любила, настолько, что не пожелала оставить их у своего банкира и всегда возила с собой. Грустные мысли вызывает леди Фрэнсис: по странной прихоти судьбы этой красивой, далеко не старой женщине суждено было стать последним, засыхающим побегом дерева, всего двадцать лет тому назад мощного и цветущего.

— Но что же с ней случилось?

— Что случилось с леди Фрэнсис Карфэкс? Жива она или нет? Это-то мы и должны узнать. Она человек строгих привычек: четыре года она неизменно раз в две недели писала своей старой гувернантке мисс Добни, которая уже давно не работает и живет в Камберуэлле. Мисс Добни и обратилась ко мне. Вот уже пять недель от леди Фрэнсис нет ни строчки. Последнее письмо было послано из Лозанны, из отеля «Националь», откуда она уехала, не оставив адреса. Родные волнуются. Люди они чрезвычайно состоятельные и, разумеется, готовы на любые расходы, если мы поможем им выяснить, что произошло.

— И эта мисс Добни — единственный источник сведений? Неужели у леди Фрэнсис не было других корреспондентов?

— Были, Уотсон, вернее, был еще один корреспондент, и от него-то я узнал немало любопытного. Это банк. Одиноким женщинам тоже нужно жить, и их банковский счет — тот же дневник. Деньги леди Фрэнсис лежат в банке Сильвестра. Я просматривал ее счет. Предпоследний раз она взяла деньги, чтобы расплатиться в лозаннском отеле, но сумму взяла большую, так что у нее должны были еще остаться наличные. С тех пор был предъявлен только один чек.

— Кем и где?

— Мадемуазель Мари Девин, а вот где он был выписан, неизвестно. Погасил его филиал банка «Лионский кредит» в Монпелье две с половиной недели тому назад. Сумма — пятьдесят фунтов.

— А кто такая мадемуазель Мари Девин?

— Это мне тоже удалось установить. Мадемуазель Мари Девин служила у леди Фрэнсис горничной. Но вот зачем леди Фрэнсис понадобилось выдать этот чек своей горничной, — я еще не разгадал. Впрочем, я ни на минуту не сомневаюсь, что ваши поиски помогут прояснить это обстоятельство.

— Мои поиски?

— Ну да, — вы же едете в Лозанну, чтобы рассеяться. Мне-то нельзя уехать из Лондона, пока жизни Абрахамса грозит такая опасность. Да и вообще по многим соображениям мне следует держаться в пределах Англии. Скотленд-Ярд без меня скучает, а в уголовном мире начинается нездоровое оживление. Поезжайте, милый Уотсон, и если два пенса за слово моего скромного совета не покажутся вам чрезмерной ценой, я в любое время дня и ночи к вашим услугам и в пределах досягаемости Континентального телеграфа.

Через два дня я входили дверь лозаннского отеля «Националь». Знаменитый управляющий отеля мсье Мозер был сама любезность. Да, леди Фрэнсис прожила у них несколько недель. Все были очарованы ею. Мадам лет сорок, не больше. Она и сейчас еще очень хороша собой, можно себе представить, какая она была красавица в молодости. О фамильных драгоценностях мсье Мозеру ничего не известно, но от слуг он слышал, что тяжелый чемодан в спальне мадам всегда был заперт. Горничную Мари Девин все тоже любили, как и ее хозяйку. Она даже была помолвлена с одним из старших официантов отеля, и узнать ее адрес оказалось делом совсем несложным. «Моппелье, улица Траян, дом 11», — записал я в своей книжке и подумал, что сам Холмс мог бы позавидовать ловкости, с какой я раздобыл эти сведения.

Одно оставалось загадкой, и у меня не было к этой загадке ключа: почему леди Фрэнсис неожиданно уехала из Лозанны? Ведь жизнь ее здесь складывалась так приятно. Естественно было ожидать, что она проведет здесь весь сезон. А она вдруг в один день собралась и уехала, потеряв недельную плату за свой роскошный номер окнами на озеро. Никто ничего не понимал. Единственную догадку высказал жених горничной Жюль Вибар: внезапный отъезд леди Фрэнсис связан с появлением высокого смуглого человека с бородой, который явился к ней в отель накануне. «Un sauvage, un veritable sauvage!»[89] — восклицал Жюль Вибар. Человек этот снимал комнаты где-то в городе. Однажды, когда мадам гуляла по набережной — многие это видели, — он подошел к ней и стал что-то взволнованно говорить. Потом он пришел в гостиницу, однако мадам отказалась принять его. Он был англичанин, но имени его никто не знал. На другой день мадам уехала. И Жюль Вибар и — что гораздо важнее — его невеста считали появление этого человека причиной случившегося, а отъезд мадам — следствием. Лишь одно Жюль Вибар отказался сообщить — почему Мари ушла от леди Фрэнсис. То ли не знал, то ли не хотел говорить. «Если вас это интересует, поезжайте в Монпелье и спросите ее сами».

Так завершился первый тур моих поисков. Теперь мне предстояло узнать, куда направилась леди Фрэнсис Карфэкс из Лозанны. Она это обстоятельство скрыла, следовательно, предположение, что, уезжая, она хотела сбить кого-то со следа, подтверждается. Как иначе объяснить, что на ее багаже не было наклеек с обозначением Бадена? И она и ее багаж отправились на этот рейнский курорт не прямо, а кружным путем. Узнав все это в местном отделении агентства Кука, я отправился в Баден, предварительно информировав Холмса по телеграфу о всех своих действиях и получив в ответ шутливо-добродушную похвалу.

В Бадене я без труда нашел потерянный было след. Леди Фрэнсис остановилась в гостинице «Альбион», где прожила две недели. Там она познакомилась с неким доктором Шлезингером — миссионером из Южной Африки — и его супругой. Как почти все одинокие женщины, леди Фрэнсис искала утешения в религии и посвящала ей много времени. На нее произвела глубокое впечатление необыкновенная личность доктора Шлезингера и страстная вера этого человека, страдавшего от недуга, который поразил его во время подвижнической деятельности в Африке. Леди Фрэнсис помогала миссис Шлезингер ухаживать за выздоравливающим святым, который, как рассказал мне управляющий отеля, весь день проводил в глубоком кресле на веранде, в обществе обеих дам. Он работал над составлением карты Святой земли; в особенности его интересовало племя мидианитов, о которых он пишет монографию. Наконец здоровье доктора заметно улучшилось, и он с женой вернулся в Лондон.

Леди Фрэнсис поехала с ними. Произошло это три недели тому назад, и больше ни о ком из них управляющий не слышал. Что касается горничной Мари, то за несколько дней до отъезда мадам она вышла от нее в слезах. Служанкам в гостинице она рассказала, что больше служить не будет, и уехала страшно расстроенная. Доктор Шлезингер уплатил и по своему счету и по счету леди Фрэнсис.

— И знаете, — сказал в заключение управляющий «Альбиона», — вы не единственный из друзей леди Фрэнсис разыскиваете ее. Всего неделю назад к нам приходил справляться о ней какой-то мужчина.

— Он назвал свое имя?

— Нет. Он англичанин, хоть внешность у него для англичанина нетипичная.

— На дикаря похож, да? — спросил я, сопоставив по методу моего прославленного друга известные мне факты.

— Да, да, именно на дикаря! Это слово к нему очень подходит. Высоченный, загорелый, бородатый, такому место в деревенском трактире, а не в фешенебельной гостинице. Не человек, а порох. Бешеный какой-то, я бы такого поостерегся задевать.

Наконец-то контуры начали вырисовываться — так яснее проступают фигуры пешеходов на улице, когда редеет туман. За доверчивой, набожной женщиной крадется по пятам зловещая тень. Она боится своего преследователя, иначе не бежала бы так поспешно из Лозанны. Он снова гонится за ней. Рано или поздно он ее настигнет. А может быть, уже настиг? Не в этом ли разгадка ее долгого молчания? Значит, славные люди, с которыми она подружилась в Бадене, не сумели защитить ее от его угроз и домогательств? Какая страшная тайна, какой непостижимый замысел заставляют его так упорно преследовать леди Фрэнсис? Эти вопросы ждали моего решения.

Я написал обо всем Холмсу, довольный, что так быстро добрался до сути дела. В ответ я получил телеграмму с просьбой описать левое ухо доктора Шлезингера. Своеобразно у Холмса проявляется чувство юмора, иногда даже оскорбительно. Я, разумеется, оставил без внимания его неуместную шутку, — кстати, и получил я его послание уже в Монпелье, куда поехал повидаться с Мари Девин.

Я без труда нашел дом бывшей горничной и выведал у нее все, что она знала. Она очень любила свою хозяйку и рассталась с ней только потому, что ту сейчас окружают друзья — в этом Мари была уверена, — и еще потому, что приближался день ее свадьбы и службу ей все равно пришлось бы оставить. Она призналась огорченно, что, когда они жили в Бадене, леди Фрэнсис часто сердилась на нее, один раз даже допрашивала, как будто сомневалась в ее честности, и из-за этой обиды Мари пережила расставание легче, чем думала. Леди Фрэнсис дала ей в виде свадебного подарка пятьдесят фунтов. Так же, как и мне, девушке внушал серьезные опасения незнакомец, из-за которого ее хозяйка уехала из Лозанны. Она своими глазами видела, как он у всех на виду грубо схватил леди Фрэнсис за руку. Страшный человек, бешеный какой-то. Наверное, леди Фрэнсис потому и уехала в Лондон с Шлезингером, что боялась его. С Мари она никогда о нем не говорила, но по многим признакам та видела, что хозяйку ее неотступно терзает мучительный страх.

— Вот он, смотрите! — вдруг прервала свой рассказ девушка, испуганно вскочив со стула. — Негодяй опять ее выслеживает!

В открытое окно гостиной я увидел очень высокого смуглого человека с черной курчавой бородой. Он медленно шел по мостовой, внимательно разглядывая номера домов. Сомнений не оставалось, — он, как и я, разыскивал горничную. Не раздумывая, я выбежал на улицу и остановил его.

— Вы англичанин? — спросил я.

— Ну и что, если англичанин? — огрызнулся он.

— Позвольте мне спросить, как ваше имя?

— Не позволю, — отрезал он.

Положение осложнялось. Я решил идти напролом — ведь прямой путь самый короткий! — и строго спросил:

— Где леди Фрэнсис Карфэкс?

Он в изумлении уставился на меня.

— Что вы с ней сделали? Зачем вы ее преследуете? Я требую ответа!

С яростным воплем человек кинулся на меня, как тигр. Я не раз одерживал верх в драках, но у этого сумасшедшего оказались железные лапищи и сила бешеного быка. Не прошло и трех секунд, как он схватил меня за горло, я начал терять сознание, но тут из кабачка напротив выбежал какой-то небритый француз-мастеровой в синей блузе, хватил моего обидчика по плечу дубинкой, и тому пришлось выпустить меня. С минуту он стоял, трясясь от бешенства и раздумывая, не кинуться ли на меня снова, потом злобно фыркнул и зашагал к дому, из которого я только что вышел. Я повернулся поблагодарить моего спасителя — он все еще стоял рядом на мостовой — и вдруг услышал:

— Ну, поздравляю, Уотсон, надо же суметь столько напортить! Видно, придется вам возвращаться со мной ночным экспрессом в Лондон.

Час спустя Шерлок Холмс, уже в своем обличье и, как всегда, элегантный, сидел в моей комнате в отеле. Разгадка его неожиданного счастливого появления оказалась более чем простой: обстоятельства позволили ему уехать из Лондона, и он решил перехватить меня в том месте, где я, по его расчетам, должен был в это время находиться. В одежде рабочего он расположился в кабачке, дожидаясь меня.

— И ведь до чего последовательно вы действовали, милый Уотсон! Из всех ошибок, которые только можно было совершить, вы не упустили ни одной. В результате вы всех, кого можно, вспугнули и ровным счетом ничего не выяснили.

— Может быть, и вам удалось бы не больше, — с обидой возразил я.

— Никаких «может быть» не может быть, мне удалось больше. А вот и достопочтенный Филипп Грин. Он ваш сосед по гостинице. Возможно, с его помощью нам удастся повести дело более успешно.

Лакей подал визитную карточку на подносе, и в комнату вошел тот самый бородатый хулиган, который налетел на меня на улице. Он вздрогнул, увидев меня.

— Что это значит, мистер Холмс? — спросил он. — Я получил вашу записку и пришел. Но как объяснить присутствие здесь этого человека?

— Этот человек — мой старый друг и коллега, доктор Уотсон, он помогает нам в наших поисках.

Незнакомец протянул мне коричневую от загара ручищу и стал извиняться:

— От души надеюсь, что вы не пострадали от моих рук. Когда вы стали обвинять меня в каком-то проступке против нее, я не сдержался. Я вообще сейчас живу как в лихорадке. Нервы ни к черту. Но объясните мне ради всего святого, мистер Холмс, как вы вообще узнали о моем существовании?

— Я разговаривал с гувернанткой леди Фрэнсис, с мисс Добин.

— Милая старушка Сьюзен Добни в вечном своем чепце! Я ее хорошо помню.

— А она помнит вас. Таким, каким вы были раньше, до отъезда в Африку.

— Так вы все знаете! Хорошо, что мне не нужно ничего скрывать от вас, мистер Холмс. Клянусь вам, не было в мире человека, который любил бы женщину сильнее, чем я любил Фрэнсис. Но в юности я вел беспутную жизнь, как и многие молодые люди нашего круга, а ее душа была чиста, как снег, все грубое и низменное было ей невыносимо. И когда кто-то

рассказал ей обо мне, она не пожелала больше меня видеть. А ведь эта святая женщина любила меня — вот что удивительно! — любила так, что из-за меня на всю жизнь осталась одна. Я уехал в Барбертон. Прошло много лет, я нажил состояние и наконец решился разыскать ее и попытаться смягчить. Мне было известно, что она так и не вышла замуж. Я нашел ее в Лозанне и стал умолять простить меня. Мне кажется, сердце ее не осталось глухо к моей мольбе, но воля была непреклонна, и, когда я пришел к ней на другой день, ее уже не было в городе. Мне удалось узнать, что она поехала в Баден, а через некоторое время я услышал, что здесь живет ее горничная. Человек я резкий, жил все эти годы среди людей простых, ну и взорвался, когда доктор Уотсон заговорил со мной. Но ради Бога, что случилось с леди Фрэнсис?

— Это-то мы и должны узнать, — сказал Холмс очень серьезно. — Вы где остановитесь в Лондоне?

— В отеле «Лангхем».

— Тогда я попрошу вас ехать немедленно в Лондон и быть наготове, мне не хочется подавать вам несбыточных надежд, мистер Грин, но вы можете быть уверены, что для спасения леди Фрэнсис будет сделано все возможное. Пока я ничего больше не могу сказать. Вот моя визитная карточка, держите со мной связь все время. А теперь, Уотсон, если вы начнете укладываться, я пойду на телеграф и попрошу миссис Хадсон завтра в половине восьмого продемонстрировать свое искусство двум голодным путешественникам.

На Бейкер-стрит нас ждала телеграмма. Холмс с жадным интересом прочел ее и протянул мне. Телеграмма была отправлена из Бадена и содержала всего одно слово: «Разорванное».

— Что за чепуха? — удивился я.

— Эта чепуха имеет огромный смысл, — сказал Холмс. — Вы, надеюсь, помните просьбу, с которой я к вам обратился — она на первый взгляд могла показаться нелепой, — описать левое ухо почтенного миссионера? Вы ее оставили без внимания.

— Я не мог навести справки, меня к тому времени в Бадене уже не было.

— Совершенно верно. Именно поэтому я послал телеграмму с точно такой же просьбой управляющему «Альбиона». Вот его ответ.

— И о чем его ответ говорит?

— А о том, дорогой мой Уотсон, что мы имеем дело с человеком чрезвычайно хитрым и опасным. Миссионер из Южной Африки доктор Шлезингер не кто иной, как Питерс-Праведник, один из самых ловких преступников среди тех, что дала миру Австралия, а эта молодая страна вывела уже немало образцовых экземпляров. Питерс специализируется на одиноких женщинах, которых заманивает в ловушку, играя на их религиозных чувствах, а некая англичанка по имени Фрейзер, его так называемая жена, ему в этом помогает. Тактика доктора Шлезингера дала мне основания заподозрить, что он не Шлезингер, а Питерс-Праведник, телеграмма же с описанием его левого уха — ему прокусили ухо в пьяной драке в Аделаиде в 1889 году — подтвердила мои подозрения. Бедная леди Фрэнсис в руках страшных людей, Уотсон, они не остановятся ни перед чем. Очень возможно, что ее уже нет в живых. Если она и жива, то содержится, под замком и не может написать ни мисс Добни, ни вообще никому. Возможно, она так и не доехала до Лондона, но это вряд ли: с континентальной полицией шутки плохи, при их системе регистрации иностранцам ее не провести; или же она проехала дальше, но и это маловероятно, потому что Лондон — единственное место в Англии, где негодяям удалось бы скрывать человека так, чтобы никто ничего не заподозрил. Шестое чувство твердит мне, что она в Лондоне, но пока мы не знаем, где ее искать. Поэтому выход один: набраться терпения. Сейчас давайте обедать, а попозже вечером я наведаюсь в Скотленд-Ярд и побеседую с нашим приятелем Лестрейдом.

Время шло, но ни полиция, ни собственная служба информации Холмса — небольшая, но очень действенная организация — не сумели даже приблизиться к тайне. Люди, которых мы

искали, затерялись в многомиллионном Лондоне, как иголка в стоге сена. Мы помещали объявления в газетах, вели неусыпную слежку за всеми притонами, где мог появиться Питерс, держали в поле зрения людей, с которыми он был когда-то связан, но все было тщетно: все пути неизбежно заводили нас в тупик. И вот после недели бесплодных поисков и мучительной неизвестности вдруг забрезжил свет. В ломбард Бевингтона на Вестминстер-роуд принесли серебряную подвеску с брильянтами старинной испанской работы. Заложил ее высокого роста человек без бороды и усов, по виду священник. И имя и адрес он дал явно подложные. Какое у него ухо, мистер Бевингтон не заметил, но, судя по портрету, это был явно Шлезингер.

Три раза наш бородатый друг из отеля «Лангхем» заходил к нам, в третий раз он появился через полчаса после того, как нам сообщили о проданной драгоценности. Горе состарило его на несколько лет, одежда висела на нем, как на вешалке. «Если бы я хоть чем-нибудь мог помочь вам!» — в отчаянии твердил он все эти дни. Наконец-то у Холмса нашлось для него дело.

— Он начал продавать драгоценности. Теперь мы его поймаем!

— Но ведь это значит… это значит, что с леди Фрэнсис что-то случилось?

Лицо Холмса стало очень серьезно.

— Предположим, эти люди до сих пор держали ее под замком. Освободить ее сейчас — значит погубить себя. Мистер Грин, мы должны быть готовы к худшему.

— Что я должен делать?

— Эти люди вас не знают?

— Нет.

— Возможно, он в следующий раз пойдет к другому ювелиру. Тогда нужно начинать: все сызнова. С другой стороны, у Бевингтона ему дали хорошую цену и не задали ни одного вопроса. Поэтому можно ожидать, что, когда ему опять понадобятся деньги, он снова туда пойдет. Я сейчас напишу Бевингтону записку, что вам нужно неотлучно находиться в его магазине. Если Питерс придет, вы будете следить за ним до его дома. Но никакой опрометчивости и, главное, никакого насилия. Дайте слово, что ничего не предпримете без моего ведома и согласия.

Два дня от достопочтенного Филиппа Грина (к слову сказать, он был сын прославленного адмирала Грина, который командовал нашим Азовским флотом во время Крымской кампании) не было никаких вестей. На третий день вечером он ворвался в гостиную на Бейкер-стрит бледный, дрожа, как в лихорадке.

— Попался! Попался! — закричал он.

Волнение не давало ему говорить. Холмс усадил его в кресло, стал успокаивать.

— Расскажите нам все по порядку, — попросил он его наконец.

— Она пришла всего час назад. На этот раз жена принесла подвеску в точности такую, как первая. Высокая бледная женщина, глаза, как у хорька…

— Это она, — подтвердил Холмс.

— Я пошел за ней. Она свернула на Кеннингтон-роуд — я не отставал. Вдруг она вошла в какую-то лавку… Мистер Холмс, это оказалась лавка гробовщика!

Холмс вздрогнул.

— Дальше! — Голос его зазвенел, выдав волнение, охватившее пламенную душу, которую он скрывал под маской ледяного спокойствия.

— Я вошел за ней. Она разговаривала с женщиной за прилавком, и до меня долетели ее слова: «Как вы долго!» Та стала оправдываться: «Все будет немедленно доставлено по адресу. Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались…» Тут они увидели меня и замолчали. Я что-то спросил и вышел на улицу.

— Правильно сделали! Что потом?

— Женщина тоже вышла, но я спрятался в соседнем подъезде. Наверно, она что-то заподозрила, потому что огляделась вокруг. Затем подозвала кэб и уехала. К счастью, я сразу же поймал другой кэб и поехал за ней. Она вышла в Брикстоне[90] , адрес: Полтни-сквер, дом 36. Я проехал дальше, отпустил кэбмена и стал наблюдать за домом.

— Кого-нибудь удалось увидеть?

— Свет горел только в одном окне на первом этаже, но штора была опущена и ничего не было видно. Я стоял и раздумывал, что же теперь делать, как вдруг у крыльца остановился закрытый фургон. Двое мужчин спрыгнули на мостовую, вытащили что-то из фургона и понесли на крыльцо… Мистер Холмс, это был гроб.

— Вот оно что…

— Не знаю, как я устоял на месте. Дверь отворилась, чтобы впустить людей и то, что они принесли, и я увидел ту самую женщину. Но и она меня заметила и, по-моему, узнала. Вздрогнув, она поспешно захлопнула дверь. Я вспомнил, какое обещание вы с меня взяли, и полетел к вам.

— Вы очень хорошо провели дело. — Холмс схватил со стола клочок бумаги и стал что-то писать. — Без ордера на арест мы не имеем права ничего предпринимать. Лучшее, что вы сейчас можете сделать, мистер Грин, — это отнести мою записку в полицию и получить ордер. Могут возникнуть затруднения, но, думаю, продажа драгоценностей — достаточный повод. Подробностями займется Лестрейд.

— Да ведь ее тем временем убьют! Что значит этот гроб, и для кого он, если не для нее?

— Мистер Грин, все возможное будет сделано. Мы не потеряем ни минуты. Положитесь на нас. Ну вот, Уотсон, — продолжал Холмс, когда наш гость выбежал из комнаты, — он сейчас заручится поддержкой закона, а нам тем временем придется действовать, как всегда, беззаконно. Боюсь, дела настолько плохи, что самые наши крайние меры будут оправданны. Скорей на Полтни-сквер!

Попробуем восстановить всю картину, — говорил Холмс в то время, как наш кэб катился мимо Парламента и по Вестминстерскому мосту. — Негодяи заманили несчастную женщину в Лондон, предварительно заставив ее расстаться с преданной Мари. Если леди Фрэнсис и писала кому-нибудь в это время, ее письма перехватывали. Один из сообщников Питерса снял для него в Лондоне дом. Переступив порог этого дома, леди Фрэнсис превратилась в пленницу, и драгоценности, за которыми эти люди и охотились с самого начала, стали их добычей. Они уже распродают их понемножку и не видят в этом никакой для себя опасности, уверенные, что судьба их жертвы никого не интересует. Когда ее отпустят, она их, разумеется, разоблачит. Поэтому они ее никогда не отпустят. Однако держать ее всю жизнь под замком тоже нельзя. Значит, единственный выход — убийство.

— Все предельно ясно.

— Теперь взглянем на дело с другой стороны. Когда два пути, по которым развивалась мысль, скрещиваются, точка пересечения дает максимальное приближение к истине. Возьмем теперь за исходную точку не леди Фрэнсис, а гроб и пойдем назад. Боюсь, этот гроб окончательно убеждает нас в том, что леди Фрэнсис умерла. Но, кроме того, он означает официальные похороны, свидетельство врача и разрешение полиции. Если бы леди Фрэнсис убили каким-нибудь примитивным способом, то труп зарыли бы во дворе. Но тут все открыто и гласно. Что это означает? А то, что ее умертвили настолько необычным способом, что даже врач не заподозрил насильственной смерти, — может быть, отравили каким-то редким ядом. И все-таки странно, что они позволили врачу освидетельствовать ее, — разве что подкупили врача… Но это очень маловероятно.

— А не могли они подделать свидетельство?

— Это опасно, Уотсон, очень опасно. Не думаю, чтобы они на это решились… Эй, стойте!.. Мы только что проехали ломбард, значит, следующий дом — лавка гробовщика. Уотсон, ваше лицо внушает доверие, зайдите к ним и спросите, на какое время назначены завтра похороны клиента с Полтни-сквер.

Женщина за прилавком доверчиво рассказала мне, что похороны состоятся завтра в восемь утра.

— Вот видите, Уотсон, никаких тайн и уловок. Им как-то удалось оформить все официально, и теперь они считают, что бояться нечего. Что ж, у нас один выход: идти напролом. Вы вооружены?

— Вот трость!

— Ну ничего, как-нибудь пробьемся: «Ведь трижды тот вооружен, кто прав»[91]. Мы просто не можем дожидаться полиции, положение не таково, чтобы педантично блюсти букву закона… Поезжайте, пожалуйста. Будем пытать счастья вместе, Уотсон. Нам ведь не впервой. Он резко дернул за шнурок у двери большого темного дома. Дверь немедленно открыли, на пороге полутемного холла мы увидели высокую женскую фигуру.

— Что вам угодно? — сухо спросила женщина, пытаясь разглядеть нас в темноте.

— Мне нужен доктор Шлезингер, — ответил Холмс.

— Здесь нет никакого доктора Шлезингера!

Женщина хотела захлопнуть дверь, но Холмс придержал ее ботинком.

— В таком случае мне нужен человек, который живет в этом доме, как бы он себя ни называл! — настойчиво сказал Холмс.

Она помедлила, потом все-таки впустила нас.

— Что ж, входите, мой муж никого не боится.

Она заперла парадную дверь, ввела нас в гостиную, зажгла свет и вышла, попросив минутку подождать.

Но нам не пришлось ждать и полминуты: не успели мы окинуть взглядом комнату, в которой очутились — пыльную, с изъеденной молью мебелью, — как дверь отворилась, и в гостиную неслышным шагом вошел высокий лысый человек. Его широкое багровое лицо с обвисшими щеками сияло преувеличенным добродушием, с которым никак не вязалось жесткое выражение беспощадного рта.

— Тут, несомненно, какая-то ошибка, господа! — непринужденно обратился он к нам самым елейным тоном. — Вам, по-видимому, дали неправильный адрес. Если вы пройдете чуть дальше налево…

— Мы не пойдем никуда, — холодно сказал мой друг. — У нас нет времени, мистер Генри Питерс из Аделаиды, в прошлом — его преподобие доктор Шлезингер из Бадена и Южной Африки. Я в этом так же мало сомневаюсь, как и в том, что меня зовут Шерлоком Холмсом.

Питерс — я теперь буду его так называть — вздрогнул и впился взглядом в своего грозного противника.

— Ну что ж, мистер Холмс, ваше имя меня не испугало, — сказал он. — Когда совесть у человека чиста, ему нечего бояться. Что вам нужно в моем доме?

— Узнать, что вы сделали с леди Фрэнсис Карфэкс, которую привезли с собой из Бадена.

— Вы чрезвычайно меня обяжете, если сообщите, где она сейчас находится, — спокойно возразил Питерс. — Она задолжала мне около ста фунтов, а в уплату оставила пару безвкусных подвесок с поддельными камнями, в ломбарде на них и смотреть не стали. Леди Фрэнсис привязалась к нам с миссис Питерс в Бадене — я действительно жил там под другим именем — и не расставалась с нами до самого Лондона. Я уплатил по ее счету в гостинице и за

ее билет. А в Лондоне она исчезла, оставив в счет долга, как я уже говорил вам, какие-то старомодные украшения. Если вы ее найдете, мистер Холмс, я буду вам очень обязан.

— Непременно, — сказал Холмс. — Буду до тех пор искать ее в этом доме, пока не найду.

— Где ваш ордер?

Холмс показал Питерсу пистолет и снова сунул его в карман.

— Придется вам пока удовольствоваться этим!

— Да вы просто бандит!

— Ничуть не возражаю против такого определения, — рассмеялся Холмс. — Мой спутник тоже весьма опасный головорез, рекомендую. Мы с ним начинаем обыск.

Питерс отворил дверь в прихожую.

— Энни, беги за полицией!

По лестнице прошуршали юбки, парадная дверь отворилась и захлопнулась.

— Времени у нас в обрез, Уотсон, — сказал Холмс. — Идем! И не вздумайте нам мешать, Питерс, будет только хуже. Где гроб, который вам сегодня привезли?

— Зачем вам гроб? Он занят! В нем покойница.

— Я должен ее видеть.

— Никогда! Я не позволю!

— Обойдемся без вашего позволения. — Холмс молниеносно оттолкнул Питерса и вышел в холл. Прямо перед нами была полураскрытая дверь. Мы вошли. В столовой под тускло горящими рожками газовой люстры стоял на столе гроб. Холмс прибавил света и поднял крышку. Жалкое, иссохшее существо лежало на дне глубокого гроба. Яркий свет упал на старое, сморщенное лицо. Ни болезнь, ни голод, ни самые зверские истязания не могли бы превратить все еще красивую, цветущую женщину, какой была леди Фрэнсис, в эту дряхлую развалину. Изумление на лице Холмса сменилось радостью.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Это не она!

— Да, на этот раз вы жестоко ошиблись, мистер Холмс, — раздался голос Питерса, вошедшего в столовую следом за нами.

— Кто эта женщина?

— Могу рассказать, если это вас так интересует. Эта женщина — старая няня моей жены, зовут ее Роза Спенсер, мы взяли ее из Брикстонской богадельни, привезли сюда, пригласили доктора Хорсома — он живет на Фирбэнк-Виллас, дом 13, не забудьте записать, мистер Холмс! — окружили ее заботой, как велел нам наш христианский долг. На третий день она скончалась. В свидетельстве написано «от старческого маразма», но ведь это всего лишь мнение врача, — вам, мистер Холмс, разумеется, истинная причина ее смерти известна лучше, чем кому бы то ни было! Мы обратились к фирме Стимсон и К на Кеннингтон-роуд, похороны состоятся завтра в восемь часов утра. Попробуйте придраться хоть к чему-нибудь! Признайтесь, мистер Холмс, вы остались в дураках. Много бы я дал, чтобы сфотографировать вашу физиономию, когда вы так воинственно ринулись к гробу и вместо леди Фрэнсис увидели в нем убогую девяностолетнюю старушку!

Холмс с обычным своим спокойствием стоял под градом насмешек, которые обрушил на него Питерс, только кулаки его гневно сжались.

— Я продолжаю обыск.

— Ну, это мы еще посмотрим! — закричал Питерс, и в это время в прихожей раздался женский голос и тяжелые шаги. — Сюда, господа! Эти люди силой ворвались в мой дом, и я никак не могу заставить их уйти. Пожалуйста, помогите мне!

Сержант и констебль встали на пороге столовой. Холмс вынул из бумажника визитную карточку.

— Вот мое имя и адрес. А это мой друг — доктор Уотсон.

— Да что вы, сэр, зачем нам ваша карточка, мы ли вас не знаем! — сказал сержант. — Но только без ордера вам здесь оставаться нельзя.

— Знаю, что нельзя.

— Арестуйте его! — крикнул Питерс.

— Мы знаем, где найти этого джентльмена, если он нам понадобится, — величественно ответствовал сержант. — Но все-таки вам придется уйти, мистер Холмс.

— Да, Уотсон, нам придется уйти.

Через минуту мы снова были на улице. Холмс казался спокоен, как всегда, я же весь пылал от гнева и унижения. Сержант вышел с нами.

— Вы уж извините, мистер Холмс. Что поделаешь — закон.

— Все правильно, сержант, вы не могли поступить иначе.

— Конечно, Вы туда не пришли бы зря, я понимаю. Если я могу вам чем помочь…

— Пропала женщина, сержант, и мы подозреваем, что ее скрывают в этом доме. Я с минуты на минуту жду ордера.

— Так я с них глаз не спущу, мистер Холмс, и если что, сейчас же дам вам знать.

Было всего девять часов, и мы с Холмсом, не теряя ни минуты, пустились в путь. Первым делом мы направились в Брикстонскую богадельню и узнали, что несколько дней назад туда действительно пришла супружеская пара, выразившая желание взять к себе впавшую в детство старуху, когда-то бывшую у них в услужении, как они заявили. Получив разрешение, они увезли ее домой. Когда мы сказали, что старуха умерла, никто в богадельне не удивился.

Следующий наш визит был к доктору Хорсому. Он рассказал, что накануне днем его вызвали к больной, которая, как он установил, умирала от старческой слабости. На его глазах она и испустила дух. Он составил свидетельство по всей форме и подписал.

— Уверяю вас, конец этой женщины был самый естественный, какие бы то ни было подозрения просто неоправданны, — заключил он.

Ничего необычного в доме он не заметил, только, пожалуй, немного странным показалось, что люди с таким достатком живут без прислуги. Вот все, что удалось нам узнать от доктора Хорсома.

Наконец мы направились в Скотленд-Ярд. Оказалось, что при оформлении ордера возникли какие-то трудности, дело затягивалось: подпись судьи можно будет получить не раньше утра. Если мистер Холмс зайдет завтра к девяти, он может поехать с инспектором Лестрейдом и присутствовать при аресте.

Больше никаких событий в тот день не произошло, не считая полночного визита нашего приятеля-сержанта, который пришел рассказать, что в темных окнах дома на Полтни-сквер несколько раз мелькал какой-то свет, но что никто не выходил и не входил. Нам оставалось только набраться терпения и ждать утра.

Шерлок Холмс был слишком расстроен, чтобы беседовать, и слишком взволнован, чтобы спать. Я ушел к себе, а он остался в гостиной. Сдвинув темные густые брови, он сидел в кресле, барабанил по его ручке длинными нервными пальцами, курил одну сигарету за другой и искал, искал ключ к разгадке. Несколько раз ночью я слышал его шаги. Утром, когда я уже умывался, он ворвался ко мне в комнату бледный, с ввалившимися щеками, ни на миг не сомкнувший глаз.

— Когда похороны? В восемь, да? Сейчас двадцать минут восьмого, — отрывисто заговорил он. — Куда девался разум, который Господь Бог вложил в мою голову? Скорей, Уотсон, скорей! Ведь сейчас решается: жизнь или смерть, и сто против одного за смерть! Если мы опоздаем, я никогда, никогда себе не прощу!

Не прошло и пяти минут, как мы мчались в кэбе по Бейкер-стрит. Но когда мы подъезжали к Парламенту, Биг-Бен показывал без двадцати пяти восемь, а на углу Брикстон-роуд стрелка подошла к восьми! Однако мы оказались не единственные опоздавшие. В восемь часов десять минут кэбмен осадил взмыленную лошадь возле крыльца, у которого все еще стоял катафалк, и из двери трое рабочих выносили гроб. Холмс кинулся вперед и преградил им путь.

— Стойте! — закричал он, упершись рукой в грудь первого носильщика. — Немедленно несите гроб назад!

— Какого дьявола вам здесь нужно?! Где ваш ордер, покажите сейчас же! — разъяренно заревел из холла багровый Питерс.

— Ордер подписан. Гроб останется в доме, пока он не прибудет!

Властный голос Холмса произвел на людей впечатление. Питерс незаметно юркнул в какую-то дверь, а они понесли гроб обратно.

— Скорей, скорей, Уотсон! Вот отвертка! — прерывающимся голосом командовал Холмс. — Вы тоже берите отвертку. Если через минуту крышка будет сорвана, получите соверен, друзья. Никаких вопросов! Быстрей, быстрей! Так, хорошо! Еще один шуруп… последний. Приналяжем все вместе! Ага, идет, идет! Уф, наконец-то!

Впятером мы сорвали крышку, и в тот же миг нас оглушил тяжелый вязкий запах хлороформа. Голова покойницы была обложена толстым слоем ваты, пропитанной наркотиком. Холмс сбросил ее, и мы увидели прекрасное тонкое лицо женщины лет сорока. Холмс обхватил ее за плечи и посадил.

— Она жива, Уотсон? Неужели мы опоздали? Неужели все кончено?!

Полчаса мне казалось, что все действительно кончено. Я боялся, что недостаток воздуха и ядовитые пары хлороформа задушили последнюю искру жизни и все наши усилия напрасны. Мы впрыскивали ей эфир, делали искусственное дыхание и вообще все, что предписывает в таких случаях современная медицина, и наконец веки ее слабо дрогнули, поднесенное к губам зеркало затуманилось — жизнь возвращалась!

У крыльца остановился кэб. Холмс поднял штору и выглянул из окна.

— Явился Лестрейд с ордером, — сказал он, — только птички его уже упорхнули… А вот, — продолжал он, прислушиваясь к быстрым шагам по коридору, — идет человек, который поможет леди Фрэнсис лучше, чем мы. Здравствуйте, мистер Грин! Чем скорее мы увезем отсюда леди Фрэнсис, тем лучше. А похороны пусть идут своим чередом, только теперь эта бедная старушка, которая все еще лежит в гробу, совершит свой последний путь одна.

— Если вы захотите включить этот эпизод в свою хронику, милый Уотсон, — говорил мне в тот вечер Холмс, — приведите его как пример временного затмения, которое может поразить даже самый трезвый ум. Ни один смертный не застрахован от таких промахов, но уважения достоин тот, кто способен вовремя понять их и исправить. Мне кажется, я вправе причислить себя к таким людям. Всю ночь меня сегодня преследовала мысль, что была ведь, была какая-то деталь, которой я не придал должного значения, что-то не совсем обычное, какое-то слово, движение, взгляд… И когда уже рассвело, я вдруг вспомнил — ответ жены гробовщика! Она сказала: «Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались». Они говорили о гробе. Гроб делали по особому заказу. Значит, делали по особым размерам. Но зачем? Зачем? И тогда я как будто снова увидел высокие стенки гроба и на самом его дне маленькую жалкую фигурку. Зачем для такого маленького трупа заказали такой большой гроб? Да чтобы осталось место еще для одного!.. Оба похоронят по одному свидетельству. Все было с самого начала ясно как день, только я-то как будто ослеп! В восемь часов леди Фрэнсис в гробу положат на катафалк. Единственная наша надежда — задержать гроб, пока его еще не вынесли из дому. Предположение, что она еще жива, было равнозначно безумию, но безумие-то и спасло все. Насколько мне известно, эти люди никогда не совершали убийства. Я подозревал, что в конце концов они не решатся на него и сейчас. Они похоронят ее, не оставив никаких следов, по

которым можно было бы установить причину смерти леди Фрэнсис, и даже если труп впоследствии эксгумируют, у них все-таки будет шанс выкрутиться. Я надеялся, что именно этими соображениями они и руководствовались. Что было дальше — вы помните, и тот страшный чердак, где негодяи держали бедняжку, вы видели. Сегодня утром они ворвались к ней, усыпили ее хлороформом, отнесли вниз, положили пропитанную хлороформом вату в гроб, чтобы она не проснулась, и завинтили крышку. Гениальный план! Ничего подобного в истории преступлений я еще не встречал. Если нашим приятелям — экс-миссионеру и его супруге — удалось ускользнуть от Лестрейда, их дальнейшая карьера, надо ожидать, ознаменуется не менее блестящими деяниями.

Дьяволова нога

Пополняя время от времени записи о моем старом друге, мистере Шерлоке Холмсе, новыми удивительными событиями и интересными воспоминаниями, я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности. Этому угрюмому скептику претили шумные похвалы окружающих, и после блестящего раскрытия очередной тайны он от души развлекался, уступив свои лавры какому-нибудь служаке из Скотленд-Ярда, и с язвительной усмешкой слушал громкий хор поздравлений не по адресу. Подобное поведение моего друга, а вовсе не отсутствие интересного материала и привело к тому, что за последние годы мне редко удавалось публиковать новые записи. Дело в том, что участие в некоторых его приключениях было честью, всегда требующей от меня благоразумия и сдержанности.

Представьте же мое изумление, когда в прошлый вторник я получил телеграмму от Холмса (он никогда не посылал писем, если можно было обойтись телеграммой). Она гласила:

«Почему не написать о Корнуэльском ужасе — самом необычном случае в моей практике».

Я решительно не понимал, что воскресило в памяти Холмса это событие или какая причуда побудила его телеграфировать мне, однако, опасаясь, как бы он не передумал, я тут же разыскал записи с точными подробностями происшествия и спешу представить читателям мой рассказ.

Весной 1897 года железное здоровье Холмса несколько пошатнулось от тяжелой, напряженной работы, тем более, что сам он совершенно не щадил себя. В марте месяце доктор Мур Эгер с Харли-стрит, который познакомился с Холмсом при самых драматических обстоятельствах, о чем я расскажу как-нибудь в другой раз, категорически заявил, что знаменитому сыщику необходимо временно оставить всякую работу и как следует отдохнуть, если он не хочет окончательно подорвать свое здоровье. Холмс отнесся к этому равнодушно, ибо умственная его деятельность совершенно не зависела от физического состояния, но когда врач пригрозил, что Холмс вообще не сможет работать, это убедило его наконец сменить обстановку. И вот ранней весной того года мы с ним поселились в загородном домике близ бухты Полду на крайней оконечности Корнуэльского полуострова.

Этот своеобразный край как нельзя лучше соответствовал угрюмому настроению моего пациента. Из окон нашего беленого домика, высоко стоящего на зеленом мысе, открывалось все зловещие полукружие залива Маунтс-Бей, известного с незапамятных времен как смертельная ловушка для парусников: скольких моряков настигла смерть на его черных скалах и подводных рифах. При северном ветре залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь и манил к себе гонимые штормом суда, обещая им покой и защиту. Но внезапно с юго-запада с ревом налетал ураган, судно срывалось с якоря, и у подветренного берега, в пене бурунов, начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. Опытные моряки держались подальше от этого проклятого места.

Суша в окрестностях нашего дома производила такое же безотрадное впечатление, как и море. Кругом расстилалась болотистая равнина, унылая, безлюдная, и лишь по одиноким

колокольням можно было угадать, где находятся старинные деревушки. Всюду виднелись следы какого-то древнего племени, которое давно вымерло и напоминало о себе только причудливыми каменными памятниками, разбросанными там и сям могильными курганами и любопытными земляными укреплениями, воскрешающими в памяти доисторические битвы. Колдовские чары этого таинственного места, зловещие призраки забытых племен подействовали на воображение моего друга, и он подолгу гулял по торфяным болотам, предаваясь размышлениям. Холмс заинтересовался также древним корнуэльским языком и, если мне не изменяет память, предполагал, что он сродни халдейскому и в значительной мере заимствован у финикийских купцов, приезжавших сюда за оловом. Он выписал кучу книг по филологии и засел было за развитие своей теории, как вдруг, к моему глубокому сожалению и его нескрываемому восторгу, мы оказались втянутыми в тайну — более сложную, более захватывающую и уж, конечно, в сто раз более загадочную, чем любая из тех, что заставили нас покинуть Лондон. Наша скромная жизнь, мирный, здоровый отдых были грубо нарушены, и нас закружило в водовороте событий, которые потрясли не только Корнуэлл, но и всю западную Англию. Многие читатели помнят, наверное, о «Корнуэльском ужасе», как это тогда называлось, хотя должен вам сказать, что лондонская пресса располагала весьма неполными данными. И вот теперь, через тринадцать лет, настало время сообщить вам все подлинные подробности этого непостижимого происшествия.

Я уже говорил, что редкие церковные колоколенки указывали на деревни, разбросанные в этой части Корнуэлла. Ближайшей к нам оказалась деревушка Тридэнник-Уоллес, где домики сотни-другой жителей лепились вокруг древней замшелой церкви. Священник этого прихода, мистер Раундхэй, увлекался археологией; на этой почве Холмс и познакомился с ним. Это был радушный толстяк средних лет, неплохо знавший здешние места. Как-то он пригласил нас к себе на чашку чая, и у него мы встретились с мистером Мортимером Тридженнисом, состоятельным человеком, который увеличивал скудные доходы священника, снимая несколько комнат в его большом, бестолково построенном доме. Одинокий священник был доволен этим, хотя имел мало общего со своим жильцом, худощавым брюнетом в очках, до того сутулым, что с первого взгляда казался горбуном. Помню, что за время нашего недолгого визита священник произвел на нас впечатление неутомимого говоруна, зато жилец его был до странности необщителен, печален, задумчив; он сидел, уставившись в одну точку, занятый, видимо, собственными мыслями.

И вот во вторник, шестнадцатого марта, когда мы докуривали после завтрака, готовясь к обычной прогулке на торфяные болота, в нашу маленькую гостиную ворвались два этих человека.

— Мистер Холмс, — задыхаясь, проговорил священник, — этой ночью произошла ужасная трагедия? Просто неслыханно! Наверное, само Провидение привело вас сюда как раз вовремя, потому что если кто-нибудь в Англии и может помочь, то это вы!

Я бросил не слишком дружелюбный взгляд на назойливого священника, но Холмс вынул изо рта трубку и насторожился, как старый гончий пес, услышавший зов охотника. Он знаком предложил им сесть, и наш взбудораженный посетитель со своим спутником уселись на диван. Мистер Мортимер Тридженнис больше владел собой, но судорожное подергивание его худых рук и лихорадочный блеск темных глаз показывали, что он взволнован ничуть не меньше.

— Кто будет рассказывать, я или вы? — спросил он священника.

— Я не знаю, что у вас случилось, — сказал Холмс, — но раз уж, судя по всему, открытие сделали вы, то вы и рассказывайте: ведь священник узнал об этом уже от вас.

Я взглянул на одетого наспех священника и его аккуратного соседа и в душе позабавился тому изумлению, которое вызвал на их лицах простой логический вывод Холмса.

— Позвольте мне сказать несколько слов, — начал священник, — и тогда вы сами решите, выслушать ли вам подробности от мистера Тридженниса или лучше немедленно поспешить

к месту этого загадочного происшествия. Случилось вот что: вчера вечером наш друг был в гостях у своих братьев Оуэна и Джорджа и сестры Брэнды в их доме в Тридэнник-Уорта, что неподалеку от древнего каменного креста на торфяных болотах. Он ушел от них в начале одиннадцатого, до этого они играли в карты в столовой, все были здоровы, и прекрасном настроении. Сегодня утром, еще до завтрака, наш друг — он всегда встает очень рано — пошел прогуляться в направлении дома своих родственников, и тут его нагнал шарабан доктора Ричардса: оказалось, что того срочно вызвали в Тридэнник-Уорта. Конечно, мистер Мортимер Тридженнис поехал вместе с ним. Приехав, они обнаружили нечто невероятное. Сестра и братья сидели вокруг стола точно в тех же позах, как он их оставил, перед ними еще лежали карты, но свечи догорели до самых розеток. Сестра лежала в кресле мертвая, а с двух сторон от нее сидели братья: они кричали, пели, хохотали… разум покинул их. У всех троих — и у мертвой женщины и у помешавшихся мужчин — на лицах застыл невыразимый страх, гримаса ужаса, на которую жутко смотреть. Нет никаких признаков, что в доме были посторонние, если не считать миссис Портер, их старой кухарки и экономки, которая сообщила, что всю ночь крепко спала и ничего не слыхала. Ничего не украдено, все в полном порядке, и совершенно непонятно, чего они испугались настолько, что женщина лишилась жизни, а мужчины — рассудка. Вот вкратце и все, мистер Холмс, и если вы поможете нам разобраться во всем этом, вы сделаете великое дело.

Я еще надеялся уговорить моего друга вернуться к отдыху, составлявшему цель нашей поездки, но стоило мне взглянуть на его сосредоточенное лицо и нахмуренные брови, как стало ясно, что надеяться не на что. Холмс молчал, поглощенный необычайной драмой, ворвавшейся в нашу тихую жизнь.

— Я займусь этим делом, — сказал он наконец. — Насколько я понимаю, случай исключительный. Сами вы там были, мистер Раундхэй?

— Нет, мистер Холмс. Как только я узнал от мистера Тридженниса об этом несчастье, мы тут же поспешили к вам, чтобы посоветоваться.

— Далеко ли дом, где разыгралась эта ужасная трагедия?

— Около мили отсюда.

— Значит, отправимся вместе. Но сначала, мистер Мортимер Тридженнис, я хочу задать вам несколько вопросов.

За все это время тот не произнес ни звука, но я заметил, что внутренне он встревожен куда больше, чем суетливый и разговорчивый священник. Лицо его побледнело, исказилось, беспокойный взгляд не отрывался от Холмса, а худые руки сжимались и разжимались. Когда священник рассказывал об этом страшном происшествии, побелевшие губы Тридженниса дрожали, и казалось, что в его темных глазах отражается эта ужасная картина.

— Спрашивайте обо всем, что сочтете нужным, мистер Холмс, — с готовностью сказал он. — Тяжело говорить об этом, но я не скрою от вас ничего.

— Расскажите мне о вчерашнем вечере.

— Так вот, мистер Холмс, как уже говорил священник, мы вместе поужинали, а потом старший брат Джордж предложил сыграть в вист. Мы сели за карты около девяти. В четверть одиннадцатого я собрался домой. Они сидели за столом, здоровые и веселые.

— Кто закрыл за вами дверь?

— Миссис Портер уже легла, и меня никто не провожал. Я сам захлопнул за собой входную дверь. Окно в комнате, у которого они сидели, было закрыто, но шторы не спущены. Сегодня утром и дверь и окно оказались в том же виде, что и вчера, и нет причины думать, что в дом забрался чужой. И все-таки страх помутил рассудок моих братьев, страх убил Брэнду… если б вы видели, как она лежала, свесившись через ручку кресла… До самой смерти не забыть мне этой комнаты.

— То, что вы рассказываете, просто неслыханно, — сказал Холмс. — Но, насколько я понимаю, у вас нет никаких предположений о причине происшедшего?

— Это дьявольщина, мистер Холмс, дьявольщина! — воскликнул Мортимер Тридженнис. — Это нечистая сила! В комнату проникает что-то ужасное, и люди лишаются рассудка. Разве человек способен на такое?

— Ну, если человеку такое не под силу, то, боюсь, и разгадка окажется мне не под силу, — заметил Холмс. — Однако, прежде чем принять вашу версию, мы должны испробовать все реальные причины. Что касается вас, мистер Тридженнис, то вы, как я понял, в чем-то не ладили со своими родными, — ведь вы жили врозь, верно?

— Да, так оно и было, мистер Холмс, хотя это — дело прошлое. Видите ли, нашей семье принадлежали оловянные рудники в Редруте, но потом мы продали их Компании и, получив возможность жить безбедно, уехали оттуда. Не скрою, что при дележе денег мы поссорились и разошлись на некоторое время, но что было, то прошло, и мы снова стали лучшими друзьями.

— Однако вернемся к событиям вчерашнего вечера. Не припомните ли вы что-нибудь, что могло бы хоть косвенно натолкнуть нас на разгадку этой трагедии? Подумайте как следует, мистер Тридженнис, любой намек мне поможет.

— Нет, сэр, ничего не могу припомнить.

— Ваши родные были в обычном настроении?

— Да, в очень хорошем.

— Не были они нервными людьми? Не бывало ли у них предчувствия приближающейся опасности?

— Нет, никогда.

— Больше вы ничем не можете помочь мне?

Мортимер Тридженнис напряг память.

— Вот что я вспомнил, — сказал он наконец. — Когда мы играли в карты, я сидел спиной к окну, а брат Джордж, мой партнер, — лицом. И вдруг я заметил, что он пристально смотрит через мое плечо, и я тоже обернулся и посмотрел. Окно было закрыто, но шторы еще не спущены, и я разглядел кусты на лужайке; мне показалось, что в них что-то шевелится. Я даже не понял, человек это или животное. Но подумал, что там кто-то есть. Когда я спросил брата, куда он смотрит, он ответил, что ему тоже что-то показалось. Вот, собственно, и все.

— И вы не поинтересовались, что это?

— Нет, я тут же забыл об этом.

— Когда вы уходили, у вас не было дурного предчувствия?

— Ни малейшего.

— Мне не совсем ясно, как вы узнали новости в такой ранний час.

— Я обычно встаю рано и до завтрака гуляю. Только я вышел сегодня утром, как меня нагнал шарабан доктора. Он сказал, что старая миссис Портер прислала за ним мальчишку и спешно требует его туда. Я вскочил в шарабан, и мы поехали. Там мы сразу бросились в эту жуткую комнату. Свечи и камин погасли уже давно, и они до самого рассвета были в темноте. Доктор сказал, что Брэнда умерла по крайней мере шесть часов назад. Никаких следов насилия. Она лежала в кресле, перевесившись через ручку, и на лице ее застыло это самое выражение ужаса. Джордж и Оуэн на разные голоса распевали песни и бормотали, как два каких-нибудь орангутанга. О, это было ужасно! Я еле выдержал, а доктор побелел как полотно. Ему стало дурно, и он упал в кресло, — хорошо еще, что нам не пришлось за ним ухаживать.

— Поразительно… просто поразительно, — сказал Холмс, вставая, и взялся за шляпу. — По-моему, лучше, не теряя времени, отправиться в Тридэнник-Уорта. Должен признаться, что редко мне встречалось дело, которое на первый взгляд казалось бы столь необычайным.

В то утро наши розыски продвинулись мало. Зато в самом же начале произошел случай, который оказал на меня самое гнетущее действие. Мы шли к месту происшествия по узкой, извилистой проселочной дороге. Увидев тарахтящую навстречу карету, мы сошли на обочину, чтобы пропустить ее. Когда она поравнялась с нами, за поднятым стеклом метнулось оскаленное, перекошенное лицо с вытаращенными глазами. Эти остановившиеся глаза и скрежещущие зубы промелькнули мимо нас, как кошмарное видение.

— Братья! — весь побелев, воскликнул Мортимер Тридженнис. — Их увозят в Хелстон!

В ужасе мы смотрели вслед черной карете, громыхающей по дороге, потом снова направились к дому, где их постигла такая странная судьба.

Это был просторный, светлый дом, скорее вилла, чем коттедж, с большим садом, где благодаря мягкому корнуэльскому климату уже благоухали весенние цветы. В этот сад и выходило окно гостиной, куда, по утверждению Мортимера Тридженниса, проник злой дух и принес столько несчастий хозяевам дома. Прежде, чем подняться на крыльцо, Холмс медленно и задумчиво прошелся по дорожке и между клумбами. Я помню, он был так занят своими мыслями, что споткнулся о лейку, и она опрокинулась на садовую дорожку, облив нам ноги. В доме нас встретила пожилая экономка, миссис Портер, которая вела здесь хозяйство с помощью молоденькой служанки. Она с готовностью отвечала на все вопросы Холмса. Нет, она ничего не слышала ночью. Да, хозяева в последнее время были в прекрасном настроении: никогда она не видела, чтоб они были такие веселые и довольные. Она упала в обморок от ужаса, когда зашла утром в комнату и увидела их за столом. Опомнившись, она распахнула окно, чтобы впустить утренний воздух, бросилась на дорогу, окликнула фермерского мальчишку и послала его за доктором. Если мы хотим посмотреть, то хозяйка лежит в своей спальне. Четверо здоровенных санитаров еле справились с братьями, усаживая их в карету. А она сама и до завтра не останется в этом доме, немедленно уедет в Сент-Айвс к своим родным.

Мы поднялись наверх и осмотрели тело Брэнды Тридженнис. Даже сейчас всякий сказал бы, что в молодости она была красавицей. И после смерти она была прекрасна, хотя тонкие черты ее смуглого лица хранили печать ужаса — последнего ее ощущения при жизни. Из спальни мы спустились в гостиную, где произошла эта невероятная драма. В камине еще лежала зола. На столе стояли четыре оплывшие, догоревшие свечи и валялись карты. Стулья были отодвинуты к стенам, к остальным предметам никто не прикасался. Холмс легкими, быстрыми шагами обошел комнату; он садился на стулья, двигал их и расставлял так, как они стояли накануне. Он прикидывал, насколько виден сад с разных мест. Он осмотрел пол, потолок, камин; но ни разу я не заметил ни внезапного блеска в его глазах, ни сжатых губ, которые подсказали бы мне, что в мозгу его мелькнула догадка.

— Зачем топили камин? — спросил он вдруг. — Даже весной топят в такой небольшой комнате?

Мортимер Тридженнис пояснил, что вечером было холодно и сыро. Поэтому, когда он пришел, затопили камин.

— Что вы собираетесь делать дальше, мистер Холмс? — спросил он.

Улыбнувшись, мой друг положил руку мне на плечо.

— Знаете, Уотсон, пожалуй, мне снова придется взяться за трубку и снова вызвать ваши справедливые упреки, — сказал он.

— С вашего разрешения, господа, мы вернемся домой, ибо я не рассчитываю найти здесь что-то новое. Я проанализирую все известные факты, мистер Тридженнис, и если мне что-нибудь придет в голову, немедленно извещу вас и священника. А пока позвольте пожелать вам всего доброго.

Вернувшись в Полду-коттедж, Холмс погрузился в сосредоточенное молчание. Он сидел с ногами в глубоком кресле, весь окутанный голубыми клубами табачного дыма; его черные

брови сошлись к переносице, лоб перерезала морщина, глаза на изможденном лице аскета уставились в одну точку. После долгих раздумий он отбросил трубку и вскочил.

— Ничего не выходит, Уотсон! — рассмеялся он. — Пойдемте-ка лучше побродим и поищем кремневые стрелы. Скорее мы найдем их, чем ключ к этой загадке. Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала, — все равно, что перегревать мотор. Он разлетится вдребезги. Морской воздух, солнце и терпение — вот что нам нужно, Уотсон, а остальное приложится.

— Теперь давайте спокойно обсудим наше положение, Уотсон, — продолжал он, когда мы шли по тропинке над обрывом. — Нужно твердо усвоить хотя бы то, что нам известно, для того чтобы поставить на место новые факты, когда они появятся. Уговоримся, во-первых, что дьявольские козни тут ни при чем. Выбросим это из головы. Отлично. Зато перед нами три несчастные жертвы некоего намеренного или невольного преступления, совершенного человеком. Будем исходить из этого. Идем дальше: когда это случилось? Если верить Мортимеру Тридженнису, то, очевидно, сразу же после его ухода. Это очень важно. Вероятно, все произошло в следующие несколько минут. Карты еще на столе. Хозяева в это время обычно ложатся спать. Но они продолжают сидеть, даже не отодвинув стулья. Итак, повторяю: это произошло немедленно после его ухода и никак не позже одиннадцати часов вечера.

Проследим теперь, насколько возможно, что делал Мортимер Тридженнис, выйдя из комнаты. Это совсем нетрудно, и он как будто вне подозрений. Вы хорошо знакомы с моими методами и, конечно, догадались, что довольно-таки неуклюжая уловка с лейкой понадобилась мне для того, чтобы получить ясный отпечаток его ноги. На сыром песке она отпечаталась прекрасно. Вчера вечером, как вы помните, тоже было сыро, и я легко проследил его путь. Судя по всему, он быстро пошел к дому священника.

Раз Мортимер Тридженнис исчезает со сцены, значит, перед игроками в карты появляется кто-то другой; кто же это и как ему удалось вызвать такой ужас? Миссис Портер отпадает. Она явно ни при чем. Можно ли доказать, что некто прокрался из сада к окну и своим появлением добился такого трагического исхода? Единственное указание на это исходит опять-таки от Мортимера Тридженниса, который говорил, что его брат заметил какое-то движение в саду. Это странно, потому что вечер был темный, шел дождь, и если тот, кто собирался напугать этих людей, хотел, чтобы его заметили, он должен был прижаться лицом к оконному стеклу. А под окном широкая цветочная грядка — и ни одного отпечатка ног. Трудно вообразить, как мог незнакомец при этих обстоятельствах произвести столь жуткое впечатление; к тому же мы не находим подходящего мотива для такого необъяснимого поступка. Вы улавливаете наши трудности, Уотсон?

— Еще бы! — убежденно отвечал я.

— И все-таки, если у нас появятся новые данные, мы преодолеем эти трудности. По-моему, в ваших необъятных архивах, Уотсон, найдется много таких же неясных случаев. Тем не менее отложим дело пока не получим более точных сведений, и закончим утро поисками неолитического человека.

Кажется, я уже говорил, что мой друг обладал исключительной способностью совершенно отключаться от какого-либо дела, но никогда я не поражался ей больше, чем в то весеннее утро в Корнуэлле, когда часа два кряду он толковал о кельтах, кремневых наконечниках и черепках так беззаботно, будто зловещей тайны не было и в помине. И только вернувшись домой, мы обнаружили, что нас ждет посетитель, сразу же вернувший нас к действительности. У него не было нужды представляться нам. Гигантская фигура, огрубевшее, иссеченное морщинами лицо, горящие глаза, орлиный нос, седеющая голова, почти достающая до потолка, золотистая борода с проседью, пожелтевшая у губ от неизменной сигары, — эти приметы были отлично известны и в Лондоне и в Африке и могли принадлежать лишь одному человеку — доктору Леону Стерндейлу, прославленному исследователю и охотнику на львов.

Мы слышали, что он живет где-то поблизости, и не раз замечали на торфяных болотах его могучую фигуру. Однако он не стремился к знакомству с нами, да и нам это не приходило в голову, потому что мы знали, что именно любовь к уединению побуждает его проводить большую часть времени между путешествиями в маленьком домике, скрытом в роще у Бичем-Эраэнс. Там он жил в полном одиночестве, окруженный книгами и картами, сам занимался своим несложным хозяйством и совершенно не интересовался делами соседей. Поэтому меня удивила горячность, с которой он расспрашивал Холмса, удалось ли ему разгадать хоть что-нибудь в этой непостижимой тайне.

— Полиция в тупике, — сказал он, — но, может быть, ваш богатый опыт подскажет какое-нибудь приемлемое объяснение? Я прошу вас довериться мне потому, что за время моих частых наездов сюда я близко познакомился с семьей Тридженнисов, они даже приходятся мне родственниками со стороны матери, здешней уроженки. Вы сами понимаете, что их ужасная судьба потрясла меня. Должен сказать вам, что я направлялся в Африку и уже был в Плимуте, когда сегодня утром узнал об этом событии, и туг же вернулся, чтобы помочь расследованию.

Холмс поднял брови.

— Из-за этого вы пропустили пароход?

— Поеду следующим.

— Бог мой, вот это дружба!

— Я же сказал, что мы родственники.

— Да, помню… по материнской линии. Багаж уже был на борту?

— Не весь, большая часть еще оставалась в гостинице.

— Понимаю. Но не могла ведь эта новость попасть в плимутские газеты сегодня утром?

— Нет, сэр. Я получил телеграмму.

— Позвольте узнать, от кого?

Исхудалое лицо исследователя потемнело.

— Вы слишком любознательны, мистер Холмс.

— Такова моя профессия.

Доктор Стерндейл с трудом обрел прежнее спокойствие.

— Не вижу основания скрывать это от вас, — сказал он. — Телеграмму прислал мистер Раундхэй, священник.

— Благодарю вас, — отозвался Холмс. — Что касается вашего вопроса, то я могу ответить, что мне еще не вполне ясна суть дела, но я твердо рассчитываю добиться истины. Вот пока и все.

— Не могли бы вы сказать, подозреваете ли вы кого-нибудь?

— На это я вам не могу ответить.

— В таком случае я пришел напрасно, не стану задерживать вас более.

Знаменитый путешественник большими шагами вышел из нашего домика, изрядно раздосадованный; вслед за ним ушел и Холмс. Он пропадал до самого вечера, а когда вернулся, вид у него был усталый и недовольный, и я понял, что розыски не увенчались успехом. Его ждала телеграмма, он пробежал ее и бросил в камин.

— Это из Плимута, Уотсон, из гостиницы, — пояснил он. — Я узнал у священника, как она называется, и телеграфировал туда, чтобы проверить слова доктора Стерндейла. Он действительно ночевал там сегодня, и часть его багажа действительно ушла в Африку; сам же он вернулся, чтобы присутствовать при расследовании. Что скажете, Уотсон?

— Видимо, его очень интересует это дело.

— Да, очень. Вот нить, которую мы еще не схватили, а ведь она может вывести нас из лабиринта. Бодритесь, Уотсон, я уверен, что мы знаем далеко не все. Когда мы узнаем больше, все трудности останутся позади.

Я никак не предполагал ни того, что слова Холмса сбудутся так скоро, ни того, каким странным и жутким окажется наше новое открытие, повернувшее розыски в совершенно ином направлении. Утром, когда я брился, я услышал стук копыт и, выглянув из окна, увидел двуколку, которая во всю прыть неслась по дороге. У наших ворот лошадь стала, из двуколки выпрыгнул наш друг-священник и со всех ног помчался по садовой дорожке. Холмс был уже готов, и мы с ним поспешили навстречу.

От волнения наш гость не мог говорить, но в конце концов, тяжело дыша и захлебываясь, он выкрикнул:

— Мы под властью дьявола, мистер Холмс! Мой несчастный приход под властью дьявола! — задыхался он. — Там поселился сам Сатана! Мы в его руках! — Он приплясывал на месте от возбуждения, и это было бы смешно, если бы не его посеревшее лицо и безумные глаза. И тут он выпалил свои ужасные новости:

— Мистер Мортимер Тридженнис умер сегодня ночью точно так же, как его сестра!

Холмс мгновенно вскочил, полный энергии.

— Хватит места в вашей двуколке?

— Да!

— Уотсон, завтрак позже! Мистер Раундхэй, мы готовы! Скорей, скорей, пока там ничего не тронуто!

Мортимер Тридженнис занимал в доме священника две угловые комнаты, расположенные обособленно, одна над другой. Внизу была просторная гостиная, наверху — спальня. Под самыми окнами — крокетная площадка. Мы опередили и доктора и полицию, так что никто еще сюда не входил. Позвольте мне точно описать сцену, которую мы увидели в это туманное мартовское утро. Она навеки врезалась в мою память.

В комнате был невероятно удушливый, спертый воздух. Если бы служанка не распахнула окно рано утром, дышать было бы совсем невозможно. Это отчасти объяснялось тем, что на столе еще чадила лампа. У стола, откинувшись на спинку кресла, сидел мертвец; его жидкая бородка стояла торчком, очки были сдвинуты на лоб, а на смуглом, худом лице, обращенном к окну, застыло выражение того же ужаса, которое мы видели на лице его покойной сестры. Судя по сведенным судорогой рукам и ногам и по переплетенным пальцам, он умер в пароксизме страха. Он был одет, хотя мы заметили, что одевался он второпях. И так как мы уже знали, что с вечера он лег в постель, надо было думать, что трагический конец настиг его рано утром.

Как только мы вошли в роковую комнату, Холмс преобразился: внешнее бесстрастие мгновенно сменилось бешеной энергией. Он подобрался, насторожился, глаза его засверкали, лицо застыло, он двигался с лихорадочной быстротой. Он выскочил на лужайку, влез обратно через окно, обежал комнату, промчался наверх — точь-в-точь гончая, почуявшая дичь. Он быстро оглядел спальню и распахнул окно; тут, как видно, появилась новая причина для возбуждения, потому что он высунулся наружу с громкими восклицаниями интереса и радости. Потом он промчался вниз, выбежал в сад, растянулся на траве, вскочил и снова кинулся в комнату — все это с пылом охотника, идущего по следу. Особенно он заинтересовался лампой, которая с виду была самой обычной, и измерил ее резервуар. Затем с помощью лупы тщательно осмотрел абажур, закрывавший верх лампового стекла, и, соскоблив немного копоти с его наружной поверхности, ссыпал ее в конверт, а конверт спрятал в бумажник. Наконец, после появления полиции и доктора, он сделал знак священнику, и мы втроем вышли на лужайку.

— Рад сообщить вам, что мои розыски не остались бесплодными, — объявил он. — Я не намерен обсуждать это дело с полицией, однако вас, мистер Раундхэй, я попрошу засвидетельствовать мое почтение инспектору и обратить его внимание на окно в спальне и лампу в гостиной. И то и другое в отдельности наводит на размышления, а вместе приводит к определенным выводам. Если инспектору понадобятся дальнейшие сведения, буду рад видеть его у себя. А теперь, Уотсон, я думаю, нам лучше уйти.

Возможно, инспектора уязвило вмешательство частного сыщика, а может быть, он вообразил, что находится на верном пути, во всяком случае, в течение двух дней мы ничего о нем не слышали. Холмс в это время мало бывал дома, а если и бывал, то дремал или курил; свои продолжительные прогулки он совершал в одиночестве, ни словом не упоминая о том, где ходит. Однако один опыт Холмса помог мне понять направление его поисков. Он купил лампу — такую же, как та, что горела в комнате Мортимера Тридженниса в утро трагедии. Заправив ее керосином, каким пользовались и в доме священника, он тщательно высчитал, за какое время он выгорает. Другой его опыт оказался гораздо менее безобидным, и, боюсь, я не забуду о нем до самой смерти.

— Вы, вероятно, помните, Уотсон, — начал он как-то, — что во всех показаниях, которые мы слышали, есть нечто общее. Я имею в виду то, как действовала атмосфера комнаты на тех, кто входил туда первым. Помните, Мортимер Тридженнис, описывая свой последний визит в дом братьев, упомянул, что доктор, войдя в комнату, чуть не лишился чувств? Неужто забыли? А я прекрасно помню. Дальше: помните ли вы, что экономка, миссис Портер, говорила нам, что ей стало дурно, когда она вошла, и она открыла окно? А после смерти Мортимера Тридженниса не могли же вы забыть ужасную духоту в комнате, хотя служанка уже распахнула окно? Как я узнал потом, ей стало до того плохо, что она слегла. Согласитесь, Уотсон, это очень подозрительно. В обоих случаях одно и то же явление — отравленная атмосфера. В обоих случаях и комнатах что-то горело. В первом случае — камин, во втором — лампа. Огонь в камине был еще нужен, но лампу зажгли после того, как рассвело, — это видно по уровню керосина. Почему? Да потому, что есть какая-то связь между тремя факторами: горением, удушливой атмосферой и, наконец, сумасшествием или смертью этих несчастных. Надеюсь, вам ясно?

— Да, как будто ясно.

— Во всяком случае, мы можем принять это за рабочую гипотезу. Предположим затем, что в обоих случаях там горело некое вещество, отравившее атмосферу. Превосходно. В первом случае с семьей Тридженнисов это вещество было брошено в камин. Окно было закрыто, но ядовитые пары, естественно, уходили в дымоход. Поэтому действие оказалось слабее, чем во втором случае, когда у них не было выхода. Это видно по результатам: в первом случае умерла только женщина, как более уязвимое существо, а у мужчин временно или безнадежно помрачился рассудок, что, очевидно, является первой стадией отравления. Во втором случае результат достигнут полностью. Таким образом, факты подтверждают теорию об отравлении при сгорании некоего вещества.

Исходя из этого, я, разумеется, рассчитывал найти в комнате Мортимера Тридженниса остатки этого вещества. По всей видимости, их надо было искать на ламповом абажуре. Как я и предполагал, там оказались хлопья сажи, а по краям — кайма коричневого порошка, который не успел сгореть. Если вы помните, половину этого порошка я соскоблил и положил в конверт.

— Почему только половину, Холмс?

— Становиться на пути полиции не в моих правилах, Уотсон. Я оставил им все улики. Найдут они что-нибудь на абажуре или нет — это уже вопрос их сообразительности. А теперь, Уотсон, зажжем нашу лампу; однако, чтобы не допустить преждевременной гибели двух достойных членов общества, откроем окно. Садитесь около него в это кресло… если, конечно,

как здравомыслящий человек, вы не отказываетесь принять участие в опыте. О, я вижу, вы решили не отступать! Не зря я всегда верил в вас, дорогой Уотсон! Сам я сяду напротив, лицом к вам, и мы окажемся на равном расстоянии от лампы. Дверь оставим полуоткрытой. Теперь мы сможем наблюдать друг за другом, и, если симптомы окажутся угрожающими, опыт нужно немедленно прекратить. Ясно? Итак, я вынимаю из конверта порошок, или, вернее, то, что от него осталось, и кладу его на горящую лампу. Готово! Теперь, Уотсон, садитесь и ждите.

Ждать пришлось недолго. Едва я уселся, как почувствовал тяжелый, приторный, тошнотворный запах. После первого же вдоха разум мой помутился, и я потерял власть над собой. Перед глазами заклубилось густое черное облако, и я внезапно почувствовал, что в нем таится все самое ужасное, чудовищное, злое, что только есть на свете, и эта незримая сила готова поразить меня насмерть. Кружась и колыхаясь в этом черном тумане, смутные призраки грозно возвещали неизбежное появление какого-то страшного существа, и от одной мысли о нем у меня разрывалось сердце. Я похолодел от ужаса. Волосы у меня поднялись дыбом, глаза выкатились, рот широко открылся, а язык стал как ватный. В голове так шумело, что казалось, мой мозг не выдержит и разлетится вдребезги. Я попытался крикнуть, но, услышав хриплое карканье откуда-то издалека, с трудом сообразил, что это мой собственный голос. В ту же секунду отчаянным усилием я прорвал зловещую пелену и увидел перед собой белую маску, искривленную гримасой ужаса… Это выражение я видел так недавно на лицах умерших… Теперь я видел его на лице Холмса. И тут наступило минутное просветление. Я вскочил с кресла, обхватил Холмса и, шатаясь, потащил его к выходу, потом мы лежали на траве, чувствуя, как яркие солнечные лучи рассеивают ужас, сковавший нас. Он медленно исчезал из наших душ, подобно утреннему туману, пока к нам окончательно не вернулся рассудок, а с ним и душевный покой. Мы сидели на траве, отирая холодный пот, и с тревогой подмечали на лицах друг друга последние следы нашего опасного эксперимента.

— Честное слово, Уотсон, я в неоплатном долгу перед вами, — сказал наконец Холмс нетвердым голосом, — примите мои извинения. Непростительно было затевать такой опыт, и вдвойне непростительно вмешивать в него друга. Поверьте, я искренне жалею об этом.

— Вы же знаете; — отвечал я, тронутый небывалой сердечностью Холмса, — что помогать вам — величайшая радость и честь для меня.

Тут он снова заговорил своим обычным, полушутливым-полускептическим тоном:

— Все-таки, дорогой Уотсон, излишне было подвергать себя такой опасности. Конечно, сторонний наблюдатель решил бы, что мы свихнулись еще до проведения этого безрассудного опыта. Признаться, я никак не ожидал, что действие окажется таким внезапным и сильным. — Бросившись в дом, он вынес в вытянутой руке горящую лампу и зашвырнул ее в заросли ежевики. — Пусть комната немного проветрится. Ну, Уотсон, теперь, надеюсь, у вас нет никаких сомнений в том, как произошли обе эти трагедии?

— Ни малейших!

— Однако причина так же непонятна, как и раньше. Пойдемте в беседку и там все обсудим. У меня до сих пор в горле першит от этой гадости. Итак, все факты указывают на то, что преступником в первом случае был Мортимер Тридженнис, хотя во втором он же оказался жертвой. Прежде всего нельзя забывать, что в семье произошла ссора, а потом примирение. Неизвестно, насколько серьезна была ссора и насколько искренне примирение. И все-таки этот Мортимер Тридженнис, с его лисьей мордочкой и хитрыми глазками, поблескивающими из-под очков, кажется мне человеком довольно-таки злопамятным. Помните ли вы, наконец, что именно он сообщил нам о чьем-то присутствии в саду — сведение, которое временно отвлекло наше внимание от истинной причины трагедии? Ему зачем-то нужно было навести нас на ложный след. И если не он бросил порошок в камин, выходя из комнаты, то кто же еще? Ведь все произошло сразу после его ухода. Если бы появился новый гость, семья, конечно,

поднялась бы ему навстречу. Но разве в мирном Корнуэлле гости приходят после десяти часов вечера? Итак, все факты свидетельствуют, что преступником был Мортимер Тридженнис.

— Значит, он покончил с собой!

— Да, Уотсон, такой вывод как будто напрашивается. Человека с виной на душе, погубившего собственную семью, раскаяние могло бы привести к самоубийству. Однако имеются веские доказательства противного. К счастью, в Англии есть человек, который в курсе дела, и я позаботился о том, чтобы мы все узнали из его собственных уст, сегодня же. А! Вот и он! Сюда, сюда, по этой дорожке, мистер Стерндейл! Мы проводили в доме химический опыт, и теперь наша комната не годится для приема такого выдающегося гостя!

Я услышал стук садовой калитки, и на дорожке показалась величественная фигура знаменитого исследователя Африки. Он с некоторым удивлением направился к беседке, где мы сидели.

— Вы посылали за мной, мистер Холмс? Я получил вашу записку около часу назад и пришел, хотя мне совершенно непонятно, почему я должен исполнять ваши требования.

— Я надеюсь, вам все станет ясно в ходе нашей беседы, — сказал Холмс. — А пока я очень признателен вам за то, что вы пришли. Простите нам этот прием в беседке, но мы с моим другом Уотсоном чуть было не добавили новую главу к «Корнуэльскому ужасу», как называют это событие в газетах, и потому предпочитаем теперь свежий воздух. Может быть, это даже лучше, потому что мы сможем разговаривать, не боясь чужих ушей, тем более что это дело имеет к вам самое прямое отношение.

Путешественник вынул изо рта сигару и сурово воззрился на моего друга.

— Решительно не понимаю, сэр, — сказал он, — что вы подразумеваете, говоря, что это имеет самое прямое отношение ко мне.

— Убийство Мортимера Тридженниса, — ответил Холмс.

В эту секунду я пожалел, что не вооружен. Лицо Стерндейла побагровело от ярости, глаза засверкали, вены на лбу вспухли, как веревки, и, стиснув кулаки, он рванулся к моему другу. Но тотчас остановился и сверхъестественным усилием снова обрел ледяное спокойствие, в котором, быть может, таилось больше опасности, чем в прежнем необузданном порыве.

— Я так долго жил среди дикарей, вне закона, — проговорил он, — что сам устанавливаю для себя законы. Не забывайте об этом, мистер Холмс, я не хотел искалечить вас.

— Да и я не хотел повредить вам, доктор Стерндейл. Простейшим доказательством может служить то, что я послал за вами, а не за полицией.

Стерндейл сел, тяжело дыша; возможно, впервые за всю богатую приключениями жизнь его сразил благоговейный страх. Невозможно было устоять перед несокрушимым спокойствием Холмса. Наш гость немного помедлил, сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Что вы имеете в виду? — спросил он наконец. — Если это шантаж, мистер Холмс, то вы не на того напали. Итак, ближе к делу. Что вы имеете в виду?

— Сейчас я скажу вам, — ответил Холмс, — я скажу потому, что надеюсь, на откровенность вы ответите откровенностью. Что будет дальше, зависит исключительно от того, как вы сами будете оправдываться.

— Я буду оправдываться?

— Да, сэр.

— В чем же?

— В убийстве Мортимера Тридженниса.

Стерндейл утер лоб платком.

— Час от часу не легче! — возмутился он. — Неужели вся ваша слава держится на таком искусном шантаже?

— Это вы занимаетесь шантажом, а не я, доктор Стерндейл, — ответил Холмс сурово. — Вот факты, на которых основаны мои выводы. Ваше возвращение из Плимута в то время, как ваши вещи отправились в Африку, в первую очередь натолкнуло меня на мысль, что на вас следует обратить особое внимание…

— Я вернулся, чтобы…

— Я слышал ваши объяснения и нахожу их неубедительными. Оставим это. Потом вы пришли узнать, кого я подозреваю. Я не ответил вам. Тогда вы пошли к дому священника, подождали там, не входя внутрь, а потом вернулись к себе.

— Откуда вы знаете?

— Я следил за вами.

— Я никого не видел.

— Я на это и рассчитывал. Ночью вы не спали, обдумывая план, который решили выполнить ранним утром. Едва стало светать, вы вышли из дому, взяли несколько пригоршней красноватых камешков из кучи гравия у ваших ворот и положили в карман.

Стерндейл вздрогнул и с изумлением взглянул на Холмса.

— Потом вы быстро пошли к дому священника. Кстати, на вас были те же теннисные туфли с рифленой подошвой, что и сейчас. Там вы прошли через сад, перелезли через ограду и оказались прямо под окнами Тридженниса. Было уже совсем светло, но в доме еще спали. Вы вынули из кармана несколько камешков и бросили их в окно второго этажа.

Стерндейл вскочил.

— Да вы сам дьявол! — воскликнул он.

Холмс улыбнулся.

— Две-три пригоршни — и Тридженнис подошел к окну. Вы знаком предложили ему спуститься. Он торопливо оделся и сошел в гостиную. Вы влезли туда через окно. Произошел короткий разговор, вы в это время ходили взад-вперед по комнате. Потом вылезли из окна и прикрыли его за собой, а сами стояли на лужайке, курили сигару и наблюдали за тем, что происходит в гостиной. Когда Мортимер Тридженнис умер, вы ушли тем же путем. Ну, доктор Стерндейл, чем вы объясните ваше поведение и какова причина ваших поступков? Не вздумайте увиливать от ответа или хитрить со мной, ибо, предупреждаю, этим делом тогда займутся другие.

Еще во время обвинительной речи Холмса лицо нашего гостя стало пепельно-серым. Теперь он закрыл лицо руками и погрузился в тяжкое раздумье. Потом внезапно вынул из внутреннего кармана фотографию и бросил ее на неструганый стол.

— Вот почему я это сделал, — сказал он.

Это был портрет очень красивой женщины. Холмс вгляделся в него.

— Брэнда Тридженнис, — сказал он.

— Да, Брэнда Тридженнис, — отозвался наш гость. — Долгие годы я любил ее. Долгие годы она любила меня. Поэтому нечего удивляться тому, что мне нравилось жить затворником в Корнуэлле. Только здесь я был вблизи единственного дорогого мне существа. Я не мог жениться на ней, потому что я женат: жена оставила меня много лет назад, но нелепые английские законы не дают мне развестись с ней. Годы ждала Брэнда. Годы ждал я. И вот чего мы дождались! — Гигантское тело Стерндейла содрогнулось, и он судорожно схватился рукой за горло, чтобы унять рыдания. С трудом овладев собой, он продолжал: — Священник знал об этом. Мы доверили ему нашу тайну. Он может рассказать вам, каким она была ангелом. Вот почему он телеграфировал мне в Плимут, и я вернулся. Неужели я мог думать о багаже, об Африке, когда узнал, какая судьба постигла мою любимую! Вот и разгадка моего поведения, мистер Холмс.

— Продолжайте, — сказал мой друг.

Доктор Стерндейл вынул из кармана бумажный пакетик и положил его на стол. Мы прочли на нем: «Radix pedis diaboli», на красном ярлыке было написано: «Яд». Он подтолкнул пакетик ко мне.

— Я слышал, вы врач. Знаете вы такое вещество?

— Корень дьяволовой ноги? Первый раз слышу.

— Это нисколько не умаляет ваших профессиональных знаний, — заметил он, — ибо это единственный образчик в Европе, не считая того, что хранится в лаборатории в Буде. Он пока неизвестен ни в фармакопее, ни в литературе по токсикологии. Формой корень напоминает ногу — не то человеческую, не то козлиную, вот почему миссионер-ботаник и дал ему такое причудливое название. В некоторых районах Западной Африки колдуны пользуются им для своих целей. Этот образец я добыл при самых необычайных обстоятельствах в Убанге. — С этими словами он развернул пакетик, и мы увидели кучку красно-бурого порошка, похожего на нюхательный табак.

— Дальше, сэр, — строго сказал Холмс.

— Я уже почти закончил, мистер Холмс, и сами вы знаете так много, что в моих же интересах сообщить вам все до конца. Я упоминал уже о своем родстве с семьей Тридженнисов. Ради сестры я поддерживал дружбу с братьями. После ссоры из-за денег этот Мортимер поселился отдельно от них, но потом все как будто уладилось, и я встречался с ним так же, как с остальными. Он был хитрым, лицемерным интриганом, и по различным причинам я не доверял ему, но у меня не было повода для ссоры.

Как-то, недели две назад, он зашел посмотреть мои африканские редкости. Когда дело дошло до этого порошка, я рассказал ему о его странных свойствах, о том, как он возбуждает нервные центры, контролирующие чувство страха, и как несчастные туземцы, которым жрец племени предназначает это испытание, либо умирают, либо сходят с ума. Я упомянул, что европейская наука бессильна обнаружить действие порошка. Не могу понять, когда он взял его, потому что я не выходил из комнаты, но надо думать, это произошло, пока я отпирал шкафы и рылся в ящиках. Хорошо помню, что он забросал меня вопросами о том, сколько нужно этого порошка и как скоро он действует, но мне и в голову не приходило, какую цель он преследует.

Я понял это только тогда, когда в Плимуте меня догнала телеграмма священника. Этот негодяй Тридженнис рассчитывал, что я уже буду в море, ничего не узнаю и проведу в дебрях Африки долгие годы. Но я немедленно вернулся. Как только я услышал подробности, я понял, что он воспользовался моим ядом. Тогда я пришел к вам узнать, нет ли другого объяснения. Но другого быть не могло. Я был убежден, что убийца — Мортимер Тридженнис: он знал, что цели члены его семьи помешаются, он сможет полновластно распоряжаться их общей собственностью. Поэтому ради денег он воспользовался порошком из корня дьяволовой ноги, лишил рассудка братьев и убил Брэнду — единственную, кого я любил, единственную, которая любила меня. Вот в чем было его преступление. Каким же должно было быть возмездие?

Обратиться в суд? Какие у меня доказательства? Конечно, факты неоспоримы, но поверят ли здешние присяжные такой фантастической истории? Либо да, либо нет. А я не мог рисковать. Душа моя жаждала мести. Я уже говорил вам, мистер Холмс, что провел почти всю жизнь вне закона и в конце концов сам стал устанавливать для себя законы. Сейчас был как раз такой случай. Я твердо решил, что Мортимер должен разделить судьбу своих родных. Если бы это не удалось, я расправился бы с ним собственноручно. Во всей Англии нет человека, который ценил бы свою жизнь меньше, чем я.

Теперь вы знаете все. Действительно, после бессонной ночи я вышел из дому. Предполагая, что разбудить Мортимера будет нелегко, я набрал камешков из кучи гравия, о которой вы упоминали, и бросил в его окно. Он сошел вниз и впустил меня в гостиную через

окно. Я обвинил его в преступлении. Я сказал, что перед ним его судья и палач. Увидев револьвер, негодяй рухнул в кресло как подкошенный. Я зажег лампу, насыпал на абажур яда и, выйдя из комнаты, стал у окна. Я пристрелил бы его, если бы он попытался бежать. Через пять минут он умер. Господи, как он мучился! Но сердце мое окаменело, потому что он не пощадил мою невинную Брэнду! Вот и все, мистер Холмс. Если бы вы любили, может быть, вы сами поступили бы так же. Как бы то ни было, я в ваших руках. Делайте все, что сочтете нужным. Я уже сказал, что жизнь свою ни во что не ставлю.

Холмс помолчал.

— Что вы думали делать дальше? — спросил он после паузы.

— Я хотел навсегда остаться в Центральной Африке. Моя работа доведена только до половины.

— Поезжайте и заканчивайте, — сказал Холмс. — Я, во всяком случае, не собираюсь мешать вам.

Доктор Стерндейл поднялся во весь свой огромный рост, торжественно поклонился нам и вышел из беседки. Холмс закурил трубку и протянул мне кисет.

— Надеюсь, этот дым покажется вам более приятным, — сказал он. — Согласны ли вы, Уотсон, что нам не следует вмешиваться в это дело? Мы вели розыски частным образом и дальше можем действовать точно так же. Вы ведь не обвиняете этого человека?

— Конечно, нет, — ответил я.

— Я никогда не любил, Уотсон, но если бы мою любимую постигла такая судьба, возможно, я поступил бы так же, как наш охотник на львов, презирающий законы. Кто знает… Ну, Уотсон, не хочу обижать вас и объяснять то, что и без того ясно. Отправным пунктом моего расследования, конечно, оказался гравий на подоконнике. В саду священника такого не было. Только заинтересовавшись доктором Стерндейлом и его домом, я обнаружил, откуда взяты камешки. Горящая средь бела дня лампа и остатки порошка на абажуре были звеньями совершенно ясной цепи. А теперь, дорогой Уотсон, давайте выбросим из головы это происшествие и с чистой совестью вернемся к изучению халдейских корней, которые, несомненно, можно проследить в корнуэльской ветви великого кельтского языка.

Его прощальный поклон

Было девять часов вечера второго августа — самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось Божье проклятие — царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца — личности примечательные: за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, Господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза выглядывающего из тьмы злого демона, исчадия ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Среди всех преданных кайзеру агентов второго такого не сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссию», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к ее выполнению, таланты эти раскрывались все ярче, чему свидетелями было человек пять посвященных. Одним из этой пятерки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг, первый секретарь посольства; его громадный, в сто лошадиных сил, «бенц» загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчать хозяина обратно в Лондон.

— Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине, — сказал секретарь.

— Прием, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высоких сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьезный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размеренно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

— Их не так уж трудно провести, — заметил он. — Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

— Не знаю, не знаю, — проговорил его собеседник задумчиво. — В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно внешнее простодушие и является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое — на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твердое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо приноравливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

— Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное?

Фон Борк вздохнул, как человек, много от того пострадавший.

— Я имею в виду типичные британские условности во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашен на «уикенд» в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

— Я бывал там, — сказал он сухо.

— Разумеется. Так вот, я, естественно, послал резюме своих наблюдений в Берлин. К несчастью, наш милейший канцер не всегда достаточно тактичен в делах подобного рода. Он обронил замечание, показавшее, что ему известно, о чем именно шли разговоры. Проследить источник информации было, конечно, нетрудно. Вы даже представить себе не можете, как это мне навредило. Куда вдруг девалась мягкость наших английских хозяев! Ее как не бывало. Понадобилось два года, чтобы все улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмена…

— Нет, нет, это совсем не так. Игра — значит что-то нарочитое, искусственное. А у меня все вполне естественно, я прирожденный спортсмен. Я обожаю спорт.

— Ну что ж, оттого ваша деятельность только эффективнее. Вместе с ними вы участвуете в парусных гонках, охотитесь, играете в поло — не отстаете ни в чем. Ваш выезд четверкой берет призы в Олимпии[92] . Я слышал, что вы даже занимаетесь боксом вместе с молодыми английскими офицерами. И в результате? В результате никто не принимает вас всерьез. Кто вы? «Славный малый», «для немца человек вполне приличный», выпивоха, завсегдатай ночных клубов — веселый, беспечный молодой бездельник. Кому придет в голову, что ваш тихий загородный дом — центр, откуда исходит половина всех бед английского королевства, и что помещик-спортсмен — опытный агент, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы гений, дорогой мой фон Борк, гений!

— Вы мне льстите, барон. Но я действительно могу сказать о себе, что провел четыре года в этой стране не зря. Я никогда не показывал вам мой маленький тайник? Быть может, зайдем на минутку в дом?

Кабинет выходил прямо на террасу. Фон Борк толкнул дверь и, пройдя вперед, щелкнул электрическим выключателем. Потом прикрыл дверь за двигающейся следом массивной

фигурой фон Херлинга и тщательно задернул тяжелую оконную штору. Лишь приняв все меры предосторожности, он повернул к гостю свое загорелое, с острыми чертами лицо.

— Часть моих бумаг уже переправлена, — сказал он. — Наименее важные взяла с собой жена, вчера она вместе со всеми домочадцами отбыла в Флиссинген. Рассчитываю, что охрану остального возьмет на себя посольство.

— Ваше имя уже включено в список личного состава. Все пройдет гладко, никаких затруднений ни в отношении вас, ни вашего багажа. Конечно, как знать, быть может, нами не понадобится уезжать, если Англия предоставит Францию ее собственной участи. Нам достоверно известно, что никакого взаимообязывающего договора между ними нет.

— Ну, а Бельгия?

— И в отношении Бельгии то же самое.

Фон Борк покачал головой.

— Едва ли. Ведь с ней договор, безусловно, существует. Нет, от такого позора Англия тогда вовек не оправится.

— По крайней мере у нее будет временная передышка.

— Но честь страны…

— Э, дорогой мой, мы живем в век утилитаризма. Честь — понятые средневековое. Кроме того, Англия не готова. Это просто уму не постижимо, но даже наше специальное военное налогообложение в пятьдесят миллионов, цель которого уж кажется так ясна, как если бы мы поместили о том объявление на первой странице «Таймса», не пробудило этих людей от спячки. Время от времени кто-нибудь задает вопрос. На мне лежит обязанность отвечать на такие вопросы. Время от времени вспыхивает недовольство. Я должен успокаивать, разъяснять. Но что касается самого главного — запасов снаряжения, мер против нападения подводных лодок, производства взрывчатых веществ, — ничего нет, ничего не готово. Как же Англия сможет войти в игру, особенно теперь, когда мы заварили такую адскую кашу из гражданской войны в Ирландии, фурий, разбивающих окна[93] , и еще Бог знает чего, чтобы ее мысли были полностью заняты внутренними делами?

— Ей надлежит подумать о своем будущем.

— А, это дело другое. Я полагаю, у нас есть наши собственные, очень определенные планы относительно будущего Англии — ваша информация будет нам тогда крайне необходима. Мистер Джон Буль может выбирать — либо сегодня, либо завтра. Желает, чтобы это было сегодня — мы к тому готовы. Предпочитает завтрашний день — тем более будем готовы. На мой взгляд, с их стороны благоразумнее сражаться с союзниками, чем в одиночку; но уж это их дело. Эта неделя должна решить судьбу Англии. Но вы говорили о вашем тайнике.

Барон уселся в кресло. Лучи света падали прямо на его широкую лысую макушку. Он невозмутимо попыхивал сигарой.

В дальнем конце просторной комнаты, обшитой дубовой панелью и уставленной рядами книжных полок, висела занавесь. Фон Борк ее отдернул, и фон Херлинг увидел внушительных размеров сейф, окованный медью. Фон Борк снял с часовой цепочки небольшой ключ и после долгих манипуляций над замком распахнул тяжелую дверцу.

— Прошу, — сказал он, жестом приглашая гостя и сам отступая в сторону.

Свет бил в открытый сейф, и секретарь посольства с живейшим любопытством разглядывал его многочисленные отделения. На каждом была табличка — водя по ним взглядом, фон Херлинг читал «Броды», «Охрана портов», «Аэропланы», «Ирландия», «Египет», «Укрепления Портсмута», «Ламанш», «Розайт»[94] и десятки других. Все отделения были набиты документами, чертежами и планами.

— Грандиозно! — сказал секретарь. Отложив сигару, он не громко похлопал мясистыми ладонями.

— И всего за четыре года, барон. Не так уж плохо для помещика, выпивохи и охотника. Но бриллианта, который должен увенчать мою коллекцию, здесь еще нет — скоро он прибудет, и ему уже приготовлена оправа.

Фон Борк указал на отделение с надписью «Военно-морская сигнализация».

— Но ведь у вас тут уже достаточно солидное досье…

— Устарело, пустые бумажки. Адмиралтейство каким-то образом проведало, забило тревогу, и все коды были изменены. Да, вот это был удар! Никогда еще не получал я такого афронта. Но помощью моей чековой книжки и молодчины Олтемонта сегодня же вечером все будет улажено.

Барон глянул на свои часы — у него вырвалось гортанное восклицание, выразившее досаду.

— Нет, право, больше ждать не могу. Вы представляете себе как сейчас все кипит на Карлтон-Террас[95] , — каждый из нас должен быть на своем посту. Я надеялся привезти новости о вашем последнем улове. Разве ваш Олтемонт не назначил точно часа, когда придет? Фон Борк пододвинул ему телеграмму:

«Буду непременно. Вечером привезу новые запальные свечи.

Олтемонт».

— Запальные свечи?

— Видите ли, он выдает себя за механика, а у меня тут целый гараж. В нашем с ним коде все обозначено терминами автомобильных деталей. Пишет о радиаторе — имеется в виду линейный корабль, а насос для масла — это крейсер. Запальные свечи — значит военно-морская сигнализация.

— Отослано из Портсмута в полдень, — сказал секретарь, взглянув на телеграмму.

— Между прочим, сколько вы ему платите?

— Пятьсот фунтов дам только за это поручение. И еще, конечно, плачу регулярное жалованье.

— Недурно загребает. Они полезны, эти изменники родины, но как-то обидно столько платить за предательство.

— На Олтемонта мне денег не жалко. Отлично работает. Пусть я плачу ему много, зато он поставляет «настоящий товар», по его собственному выражению. Кроме того, он вовсе не изменник. Уверяю вас, что касается отношения к Англии, то наш самый прогерманский юнкер — нежный голубок по сравнению с озлобленным американским ирландцем.

— Вот как! Он американский ирландец?

— Послушали бы, как он говорит, у вас не осталось бы на этот счет сомнений. Поверите ли, иной раз я с трудом его понимаю. Он словно бы объявил войну не только Англии, но и английскому языку. Вы в самом деле больше не можете ждать? Он должен быть с минуты на минуту.

— Нет. Очень сожалею, но я и так задержался. Ждем вас завтра рано утром. Если вам удастся пронести папку с сигнальными кодами под самым носом у герцога Йоркского[96] , можете считать это блистательным финалом всей вашей английской эпопеи. Ого! Токайское! Он кивнул на тщательно закупоренную, покрытую пылью бутылку, стоявшую на подносе вместе с двумя бокалами.

— Позвольте предложить вам бокал на дорогу?

— Нет, благодарю. А у вас, по-видимому, готовится кутеж?

— Олтемонт — тонкий знаток вин, мое токайское пришлось ему по вкусу. Он очень самолюбив, легко обижается, приходится его задабривать. Да, с ним не так-то просто, смею вас уверить.

Они снова вышли на террасу и направились в дальний ее конец, — и тотчас огромная машина барона, стоявшая в той стороне, задрожала и загудела от легкого прикосновения шофера.

— Вон то, вероятно, огни Хариджа, — сказал секретарь, натягивая дорожный плащ. — Как все выглядит спокойно, мирно. Через какую-нибудь неделю здесь загорятся другие огни, английский берег утратит свой идиллический вид. Да и небеса тоже, если наш славный Цеппелин сдержит свои обещания. А это кто там?

В доме свет горел только в одном окне — там за столом, на котором стояла лампа, сидела симпатичная румяная старушка в деревенском чепце. Она склонилась над вязаньем и время от времени прерывала работу, чтобы погладить большого черного кота, примостившегося на табурете возле нее.

— Марта, служанка. Только ее одну я поставил при доме.

Секретарь издал смешок.

— Она кажется олицетворением Британии — погружена в себя и благодушно дремлет. Ну, фон Борк, au revoir.

Махнув на прощание рукой, он вскочил в машину, и два золотых конуса от фар тут же рванулись вперед в темноту. Секретарь откинулся на подушки роскошного лимузина и настолько погрузился в мысли о назревающей европейской трагедии, что не заметил, как его машина, сворачивая на деревенскую улицу, чуть не сбила маленький «фордик», двигавшийся навстречу.

Когда последнее мерцание фар лимузина угасло вдали, фон Борк медленно направился обратно к себе в кабинет. Проходя по саду, он заметил, что служанка потушила лампу и пошла спать. Молчание и тьма, заполнившие просторный дом, были для фон Борка непривычными — семья его со всеми чадами и домочадцами была большая. Он с облегчением подумал, что все они в безопасности, и если не считать старухи служанки, оставленной хозяйничать на кухне, во всем доме он теперь один. Перед отъездом предстояло еще многое привести в порядок, кое-что ликвидировать. Он принялся за дело и работал до тех пор, пока его красивое, энергичное лицо не раскраснелось от пламени горящих бумаг. Возле стола на полу стоял кожаный чемодан — фон Борк начал аккуратно, методически укладывать в него драгоценное содержимое сейфа. Но тут его тонкий слух уловил шум движущегося вдали автомобиля. Он издал довольное восклицание, затянул на чемодане ремни, закрыл сейф и поспешно вышел на террасу. Как раз в эту минуту у калитки, сверкнув фарами, остановился маленький автомобиль. Из него выскочил высокий человек и быстро зашагал навстречу барону; шофер, плотный пожилой мужчина с седыми усами, уселся на своем сиденье поудобнее, как видно, готовясь к долгому ожиданию.

— Ну как? — спросил фон Борк с живостью, кидаясь бегом к приезжему.

Вместо ответа тот с торжествующим видом помахал у себя над головой небольшим свертком.

— Да, мистер, сегодня вы останетесь довольны! — крикнул приезжий. — Дело выгорело.

— Сигналы?

— Ну да, как я и писал в телеграмме. Все до единого — ручная сигнализация, сигналы лампой, маркони — само собой, копии, не оригиналы: было бы уж очень опасно. Но товар стоящий, можете положиться.

Он с грубой фамильярностью хлопнул немца по плечу. Тот нахмурился.

— Входите, я дома один, — сказал он. — Копии, безусловно, лучше, чем оригиналы. Если бы исчезли оригиналы, тотчас все коды заменили бы новыми. А как с этими копиями, полагаете, все в порядке?

Войдя в кабинет, американский ирландец уселся в кресло и вытянул вперед длинные ноги. Ему можно было дать лет шестьдесят — очень высокий, сухопарый, черты лица острые, четкие; небольшая козлиная бородка придавала ему сходство с дядей Сэмом, каким его изображают на карикатурах. Из уголка рта у него свисала наполовину выкуренная, потухшая сигара; едва усевшись, он тотчас ее разжег.

— Собираетесь давать ходу? — заметил он, осматриваясь. Взгляд его упал на сейф, уже не прикрытый занавесью. — Послушайте-ка, мистер, неужто вы храните в нем все ваши бумаги?

— Почему бы нет?

— Шут возьми — в этаком-то ящике? А еще считаетесь шпионом высшего класса. Да любой воришка-янки вскроет его консервным ножом. Знай я, что мои письма брошены в такой вот сундук, я бы не свалял дурака, не стал бы вам писать.

— Ни одному воришке с этим сейфом не справиться, — ответил фон Борк. — Металл, из которого он сделан, не разрежешь никаким инструментом.

— Ну, а замок-то?

— Замок особый, с двойной комбинацией, понимаете?

— Ни черта не понимаю.

— Чтобы открыть такой замок, требуется знать определенное слово и определенное число. — Фон Борк поднялся и показал на двойной диск вокруг замочной скважины. — Внешний круг для букв, внутренний — для цифр.

— Здорово, здорово!

— Не так-то просто, как вы думали. Я заказал его четыре года назад, и, знаете, какие я выбрал слово и число?

— Понятия не имею.

— Так вот, слушайте: слово — «август», а число — 1914, поняли?

Лицо американца выразило восхищение.

— Вот это ловко, ей-Богу! То есть в самый раз угадали! — воскликнул он удивленно.

— Да, кое-кто из нас мог уже тогда предвидеть точную дату. Ну вот, теперь время пришло, и завтра утром я свертываю все дела.

— Послушайте, мистер, вы и меня должны отсюда вытащить. Я в этой растреклятой стране один не останусь. Видать, через неделю, а то и раньше Джон Буль встанет на задние лапы и начнет бушевать. Я предпочитаю поглядывать на него с бережка по ту сторону океана.

— Но ведь вы американский гражданин!

— Ну и что же? Джек Джеймс тоже американский гражданин, а вот теперь отсиживает свой срок в Портленде. Английский фараон не станет с вами целоваться, если заявить ему, что вы американец. «Здесь у нас свои законы, британские» — вот что он скажет. Да, мистер, кстати уж, раз мы помянули Джека Джеймса. Сдается мне, вы не очень бережете людей, которые на вас работают.

— Что вы хотите сказать? — спросил фон Борк резко.

— Ведь вы их как бы хозяин, верно? И вам полагается следить, чтобы они не влипли. А они то и дело влипают, и хоть одного из них вы выручили? Взять того же Джеймса…

— Джеймс сам виноват, вы это отлично знаете. Он был слишком недисциплинирован для такого дела.

— Джеймс — тупая башка, согласен. Ну, а Холлис?

— Холлис вел себя как ненормальный.

— Да, под конец он малость спятил. Спятишь, когда с утра до вечера разыгрываешь, как в театре, а вокруг согни полицейских ищеек — так и жди, что сцапают. Ну, а если говорить о Стейнере…

Фон Борк сильно вздрогнул, его румяное лицо чуть побледнело.

— Что такое со Стейнером?

— А как же? Ведь его тоже схватили. Вчера ночью сделали налет на его лавку, и он сам и все его бумаги теперь в Портсмутской тюрьме. Вы-то удерете, а ему, бедняге, придется расхлебывать кашу, и хорошо еще, если не вздернут. Вот потому-то я и хочу не мешкая перебраться за океан.

Фон Борк был человеком сильного характера, с достаточной выдержкой, но было нетрудно заметить, что эти новости его потрясли.

— Как они добрались до Стейнера? — бормотал он про себя.

— Вот это действительно удар.

— Может случиться и еще кое-что похуже — того и гляди, они и меня схватят.

— Ну что вы!

— Да уж поверьте. К моей квартирной хозяйке явились какие-то типы, расспрашивали обо мне. Я, как о том услышал, пора, думаю, смываться. Но вот чего я не пойму, мистер, как это полицейские ищейки пронюхивают о таких вещах? С тех пор, как мы тут с вами договорились, Стейнер пятый по счету, кого сцапали, и я знаю, кто будет шестым, если я вовремя не дам деру. Как вы все это объясните? И не совестно вам предавать своих?

Фон Борк побагровел от гнева.

— Как вы смеете так со мной разговаривать?

— Не было бы у меня смелости, мистер, не пошел бы я к вам на такую работу. Но я вам выкладываю все начистоту. Я слыхал, что, как только агент сослужит свою службу, вы, немецкие политиканы, даже рады бываете, если его уберут.

Фон Борк вскочил с кресла.

— Вы имеете наглость заявлять мне, что я выдаю собственных агентов?

— Этого я не говорил, мистер, но где-то тут завелся доносчик или кто-то работает и нашим и вашим. И вам надлежало бы раскопать, кто же это такой. Я-то, во всяком случае, больше шею подставлять не буду. Перекиньте меня в Голландию, и чем скорее, тем оно лучше.

Фон Борк подавил свой гнев.

— Мы слишком долго работали сообща, чтобы ссориться теперь, накануне победы, — сказал он. — Вы работали отлично, шли на большой риск, и я этого не забуду. Разумеется, поезжайте в Голландию. В Роттердаме сможете сесть на пароход до Нью-Йорка. Все другие пароходные линии через неделю будут небезопасны. Так, значит, я заберу ваш список и уложу его с остальными документами.

Американец продолжал держать пакет в руке и не выразил ни малейшего желания с ним расстаться.

— А как насчет монеты?

— Что такое?

— Насчет деньжат. Вознаграждение за труды. Мои пятьсот фунтов. Тот, кто все это мне сварганил, под конец было заартачился, пришлось его уламывать — дал ему еще сотню долларов. А то остались бы мы ни с чем — и вы и я. «Не пойдет дело», — говорит он мне, и вижу, не шутит. Но вторая сотня свое сделала. Так что всего на эту штуковину я выложил две сотни и уж пока не получу своего, бумаг не отдам.

Фон Борк улыбнулся не без горечи.

— Вы, кажется, не очень высокого мнения о моей порядочности, — сказал он. — Хотите, чтобы я отдал деньги до того, как получил бумаги.

— Что ж, мистер, мы люди деловые.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. — Фон Борк сел за стол, заполнил чек, вырвал листок из чековой книжки, но отдавать его не спешил. — Раз уж мы, мистер Олтемонт, перешли на такие отношения, я не вижу резона, почему мне следует доверять вам больше, чем вам мне. Вы меня понимаете? — добавил он, глянув через плечо на американца. — Я положу чек на стол. Я вправе требовать, чтобы вы дали мне сперва взглянуть на содержимое пакета и уж потом взяли чек.

Не говоря ни слова, американец передал пакет. Фон Борк развязал бечевку, развернул два слоя оберточной бумаги. Несколько мгновений он не сводил изумленного взгляда с небольшой книжки в синем переплете, на котором золотыми буквами было вытиснено «Практическое руководство по разведению пчел». Но долго рассматривать эту неуместную надпись ему не пришлось: руки крепкие, словно железные тиски, охватили сзади его шею и прижали к его лицу пропитанную хлороформом губку.

— Еще стакан, Уотсон? — сказал мистер Шерлок Холмс, протягивая бутылку с токайским.

Плотный, коренастый шофер, теперь уже сидевший за столом, заметной готовностью пододвинул свой бокал.

— Неплохое вино, Холмс.

— Превосходное, Уотсон. Наш лежащий сейчас на диване друг уверял меня, что оно из личного погреба Франца-Иосифа в Шенбруннском дворце. Могу я попросить вас открыть окно? Пары хлороформа не способствуют приятным вкусовым ощущениям.

Сейф стоял настежь, и Холмс вытаскивал оттуда досье за досье, каждое быстро просматривал и затем аккуратно укладывал в чемодан фон Борка. Немец спал на диване, хрипло дыша; руки и ноги у него были стянуты ремнями.

— Можно особенно не торопиться, Уотсон. Нам никто не помешает. Будьте добры, нажмите кнопку звонка. В доме никого нет, кроме старой Марты, — она свою роль сыграла восхитительно. Я пристроил ее здесь сразу же, как только взялся за расследование этого дела. А, Марта, вы! Вам будет приятно узнать, что все в порядке.

Почтенная старушка стояла в дверях и, улыбаясь, приседала перед Холмсом, но глянула с некоторым испугом на фигуру, распростертую на диване.

— Не волнуйтесь, Марта. С ним решительно ничего не случилось.

— Очень рада, мистер Холмс. В своем роде он был неплохим хозяином. Даже хотел, чтобы я поехала с его женой в Германию, но это не сошлось бы с вашими планами, ведь правда, сэр?

— Ну, конечно, нет. Пока вы оставались здесь, я был спокоен. Но сегодня нам пришлось подождать вашего сигнала.

— Это из-за секретаря, сэр.

— Да, я знаю. Мы встретили его машину.

— Я уж думала, он никогда и не уедет. Я знала, сэр, что это не сошлось бы с вашими планами, застать его здесь.

— Разумеется, нет. Ну, подождали с полчаса, это значения не имеет. Как только я увидел, что вы потушили лампу, я понял, что путь свободен. Завтра, Марта, можете зайти ко мне в отель «Кларидж» в Лондоне.

— Слушаю, сэр.

— Я полагаю, у вас все готово к отъезду?

— Да, сэр. Он сегодня отправил семь писем. Я списала адреса, как обычно.

— Прекрасно, Марта. Завтра я их просмотрю. Спокойной ночи. Эти вот бумаги, — продолжал он, когда старушка ушла к себе, — особо большой ценности не имеют; уж, конечно, сведения, содержащиеся в них, давно переданы в Германию. Это все оригиналы, которые не так-то легко вывезти за границу.

— Значит, пользы от них никакой?

— Я бы не сказал, Уотсон. Во всяком случае, по ним мы можем проверить, что известно и что неизвестно немецкой разведке. Надо заметить, что многие из этих документов шли через мои руки и, разумеется, решительно ничего не стоят. Мне будет отрадно наблюдать на склоне лет, как немецкий крейсер войдет в пролив Солент, руководствуясь схемой заминирования, составленной мною. Ну-ка, Уотсон, дайте на себя взглянуть. — Холмс отложил работу и взял друга за плечи. — Я вас еще не видел при свете. Ну, как обошлось с вами протекшее время? По-моему, вы все такой же жизнерадостный юнец, каким были всегда.

— Сейчас я чувствую себя на двадцать лет моложе, Холмс. Вы не можете себе представить, до чего я обрадовался, когда получил вашу телеграмму с предложением приехать за вами на машине к Харидж. И вы, Холмс, изменились очень мало. Вот только эта ужасная бородка…

— Родина требует жертв, Уотсон, — сказал Холмс, дернув себя за жидкий клок волос под подбородком. — Завтра это станет лишь тяжким воспоминанием. Остригу бороду, произведу еще кое-какие перемены во внешности и завтра снова стану самим собой у себя в «Кларидже», каким был до этого американского номера; прошу прощения, Уотсон, я, кажется, совсем разучился говорить по-английски. Я хочу сказать, каким был до того, как мне пришлось выступать в роли американца.

— Но ведь вы удалились от дел, Холмс. До нас доходили слухи, что вы живете жизнью отшельника среди ваших пчел и книг на маленькой ферме в Суссексе.

— Совершенно верно, Уотсон. И вот плоды моих досугов, magnun opus[97] этих последних лет. — Он взял со стола книжку и прочел вслух весь заголовок: «Практическое руководство по разведению пчел, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки». Я это совершил один[98]. Взирайте на плоды ночных раздумий дней, наполненных трудами, когда я выслеживал трудолюбивых пчелок точно так, как когда-то в Лондоне выслеживал преступников.

— Но как случилось, что вы снова взялись за работу?

— Я и сам не знаю. Видите ли, министра иностранных дел я бы еще выдержал, но когда сам премьер-министр соблаговолил посетить мой смиренный кров… Дело в том, Уотсон, что этот джентльмен, лежащий на диване, — тот орешек, который оказался не по зубам нашей контрразведке. В своем роде это первоклассный специалист. У нас что-то все не ладилось, и никто не мог понять, в чем дело. Кое-кого подозревали, вылавливали агентов, но было ясно, что их тайно направляет какая-то сильная рука. Было совершенно необходимо ее обнаружить. На меня оказали сильное давление, настаивали, чтобы я занялся этим делом. Я потратил на него два года, Уотсон, и не могу сказать, что они не принесли мне приятного волнения. Сперва я отправился в Чикаго, прошел школу в тайном ирландском обществе в Буффало, причинил немало беспокойства констеблям в Скибберине[99] и в конце концов обратил на себя внимание одного из самых мелких агентов фон Борка, и тот рекомендовал меня своему шефу как подходящего человека. Как видите, работа проделана сложная. И вот я почтен доверием фон Борка, несмотря на то, что большинство его планов почему-то проваливалось и пятеро его лучших агентов угодили в тюрьму. Я следил за ними и снимал их, как только они дозревали… Ну, сэр, надеюсь, вы чувствуете себя не так уж плохо?

Последнее замечание было адресовано самому фон Борку, который сперва долго ловил воздух ртом, задыхался и часто мигал, но теперь лежал неподвижно и слушал то, что рассказывал Холмс.

Вдруг его лицо исказилось яростью, и тут полился целый поток немецких ругательств. Пока пленник бранился, Холмс продолжал быстро и деловито просматривать документы.

— Немецкий язык, хотя и лишенный музыкальности, самый выразительный из всех языков, — заметил Холмс, когда фон Борк умолк, очевидно, выдохшись. — Эге, кажется, еще одна птичка попадает в клетку! — воскликнул он, внимательно вглядевшись в кальку какого-то чертежа. — Я давно держу этого казначея на примете, но все же не думал, что он до такой степени негодяй. Мистер фон Борк, нам придется ответить за очень многое.

Пленник с трудом приподнялся и смотрел на своего врага со странной смесью изумления и ненависти.

— Я с вами сквитаюсь, Олтемонт, — проговорил он медленно, отчеканивая слова. — Пусть на это уйдет вся моя жизнь, но я с вами сквитаюсь.

— Милая старая песенка, — сказал Холмс. — Сколько раз слышал я ее в былые годы! Любимый мотив блаженной памяти профессора Мориарти. И полковник Себастьян Моран, как известно, тоже любил ее напевать. А я вот жив по сей день и развожу пчел в Суссексе.

— Будь ты проклят, дважды изменник! — крикнул немец, делая усилия освободиться от ремней и испепеляя Холмса ненавидящим взглядом.

— Нет-нет, дело обстоит не так ужасно, — улыбнулся Холмс. — Как вам доказывает моя речь, мистер Олтемонт из Чикаго — это, по существу, миф. Я использовал его, и он исчез.

— Тогда кто же вы?

— В общем, это несущественно, но если вы уж так интересуетесь, мистер фон Борк, могу сказать, что я не впервые встречаюсь с членами вашей семьи. В прошлом я распутал немало дел в Германии, и мое имя, возможно, вам небезызвестно.

— Хотел бы я его узнать, — сказал пруссак угрюмо.

— Это я способствовал тому, чтобы распался союз между Ирэн Адлер и покойным королем Богемии, когда ваш кузен Генрих был посланником. Это я спас графа фон Графенштейна, старшего брата вашей матери, когда ему грозила смерть от руки нигилиста Копмана. Это я…

Фон Борк привстал, изумленный.

— Есть только один человек, который…

— Именно, — сказал Холмс.

Фон Борк застонал и снова упал на диван.

— И почти вся информация шла от вас! — воскликнул он.

— Чего же она стоит? Что я наделал! Я уничтожен, моя карьера погибла без возврата!

— Материал у вас, конечно, не совсем надежный, — сказал Холмс. — Он требует проверки, но времени у вас на то мало. Ваш адмирал обнаружит, что новые пушки крупнее, а крейсеры ходят, пожалуй, несколько быстрей, чем он ожидал.

В отчаянии фон Борк вцепился в собственное горло.

— В свое время обнаружится, несомненно, и еще много неточностей, — продолжал Холмс. — Но у вас есть одно качество, редкое среди немцев: вы спортсмен. Вы не будете на меня в претензии, когда поймете, что, одурачив столько народу, вы оказались наконец одурачены сами. Вы старались на благо своей страны, а я — на благо своей. Что может быть естественнее? И кроме того, — добавил он отнюдь не злобно и положив руку на плечо фон Борка, — все же лучше погибнуть от руки благородного врага. Бумаги все просмотрены, Уотсон. Если вы поможете мне поднять пленника, я думаю, нам следует тотчас же отправиться в Лондон.

Сдвинуть фон Борка с места оказалось нелегкой задачей. Отчаяние удвоило его силы. Наконец, ухватив немца с обеих сторон за локти, два друга медленно повели его по садовой дорожке — той самой, по которой он всего несколько часов назад шагал с такой горделивой

уверенностью, выслушивая комплименты знаменитого дипломата. После непродолжительной борьбы фон Борка, все еще связанного по рукам и ногам, усадили на свободное сиденье маленького «форда». Его драгоценный чемодан втиснули рядом с ним.

— Надеюсь, вам удобно, насколько то позволяют обстоятельства? — сказал Холмс, когда все было готово. — Вы не сочтете за вольность, если я разожгу сигару и суну ее вам в рот?

Но все эти любезности были растрачены впустую на взбешенного немца.

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, мистер Холмс, что если ваше правительство одобрит ваши действия в отношении меня, это означает войну?

— А как насчет вашего правительства и его действий? — спросил Холмс, похлопывая по чемодану.

— Вы частное лицо. У вас нет ордера на мой арест. Все ваше поведение абсолютно противозаконно и возмутительно.

— Абсолютно, — согласился Холмс.

— Похищение германского подданного…

— И кража его личных бумаг.

— В общем, вам ясно, в каком вы положении, вы и ваш сообщник. Если я вздумаю позвать на помощь, когда мы будем проезжать деревню…

— Дорогой сэр, если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразие вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним еще одну: «Пруссак на веревке». Англичанин — создание терпеливое, но сейчас он несколько ощерился, и лучше не вводить его в искушение. Нет, мистер фон Борк, вы тихо и спокойно проследуете вместе с нами в Скотленд-Ярд, и оттуда, если желаете, посылайте за вашим другом бароном фон Херлингом: как знать, быть может, еще сохранено числящееся за вами место в личном составе посольства. Что касается вас, Уотсон, вы, насколько я понял, возвращаетесь на военную службу, так что Лондон будет вам по пути. Давайте постоим вон там на террасе — может, это последняя спокойная беседа, которой нам с вами суждено насладиться.

Несколько минут друзья беседовали, вспоминая минувшие дни, а их пленник тщетно старался высвободиться из держащих его пут. Когда они подошли к автомобилю, Холмс указал на залитое лунным светом море и задумчиво покачал головой.

— Скоро подует восточный ветер, Уотсон.

— Не думаю, Холмс. Очень тепло.

— Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом веке вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан Богом, и когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее. Пускайте машину, Уотсон, пора ехать. У меня тут чек на пятьсот фунтов, нужно завтра предъявить его как можно раньше, а то еще, чего доброго, тот, кто мне его выдал, приостановит платеж.

Архив Шерлока Холмса (сборник)

Знатный клиент

— Теперь это никому не повредит, — так ответил мне Шерлок Холмс, когда я в десятый раз за десять лет попросил у него разрешения обнародовать нижеследующее повествование. Так что мне наконец-то позволено написать отчет о том деле, которое в определенном отношении можно считать вершиной карьеры моего друга.

Турецкая баня — наша с Холмсом слабость. Я не раз замечал, что именно там, в приятной истоме дымной парилки, мой друг становился менее замкнутым и более человечным, нежели где бы то ни было. На верхнем этаже бань на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, в

котором стоят рядышком две кушетки. На них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, в день, с которого начинается мое повествование. Я спросил Холмса, нет ли у него сейчас какого-нибудь интересного дела. Вместо ответа он вытащил из-под простынок, в которые был запакован, худую нервную руку и извлек из внутреннего кармана висевшего рядом пальто какой-то конверт.

— Либо это написал суетящийся по пустякам напыщенный болван, либо речь идет о жизни и смерти, — сказал он, вручая мне письмо. — Я знаю не больше, чем сказано в этом послании.

Записка была отправлена из Карлтон-клаб вчера вечером. Вот что я прочел:

«Сэр Джеймс Дэймри с поклоном сообщает мистеру Шерлоку Холмсу, что посетит его завтра в половине пятого пополудни. Сэр Джеймс просит сообщить, что дело, которое он желал бы обсудить с мистером Холмсом, крайне щекотливое и важное. Поэтому он уверен, что мистер Холмс приложит все усилия к тому, чтобы встреча состоялась, и подтвердит это телефонным звонком в Карлтон-клаб».

— Излишне говорить, что я позвонил и подтвердил, Уотсон, — произнес Холмс, когда я вернул ему листок. — Вы знаете что-нибудь про этого Дэймри?

— Только одно: в свете это имя известно как имя дворянина.

— Что ж, я могу рассказать вам больше. Дэймри слывет докой по улаживанию щекотливых делишек, таких, которые не должны попадать в газеты. Возможно, вы помните его переговоры с сэром Джорджем Льюисом по вопросу о завещании Хаммерфорда. Это человек света, с природной склонностью к дипломатии, и поэтому я могу надеяться, что дело не обернется ложным следом и что ему действительно нужна наша помощь.

— Наша?

— Ну, если вы будете настолько любезны, Уотсон.

— Был бы польщен…

— В таком случае время вам известно: половина пятого. А пока можем выкинуть это дело из головы.

Я тогда жил в своей квартире на улице Королевы Анны, но явился на Бейкер-стрит до назначенного часа. Ровно в половине пятого доложили о прибытии полковника сэра Джеймса Дэймри. Вряд ли так уж необходимо описывать его наружность: многие помнят этого крупного, грубовато-добродушного и честного человека, его широкое, чисто выбритое лицо и в особенности голос — приятный и сочный. Серые ирландские глаза его излучали искренность, добрая усмешка играла на живых улыбчивых губах. Цилиндр с блестками, черный сюртук, каждый предмет одежды — от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-лиловых, идеально надраенных туфель — говорил о дотошной изысканности, которой славился полковник. Этот грузный и уверенный в себе аристократ заполнил собой всю нашу маленькую комнату.

— Разумеется, я был готов застать здесь доктора Уотсона, — с изящным поклоном заметил он. — Нам может понадобиться его помощь, поскольку на этот раз, мистер Холмс, речь идет о человеке, для которого насилие — привычное дело и который не останавливается буквально ни перед чем. Я бы даже сказал, что более опасного человека в Европе не сыскать.

— У меня уже было несколько противников, к которым применимы эти лестные слова, — с улыбкой ответил Холмс. — Вы не курите? В таком случае позвольте мне раскурить мою трубку. Если этот ваш человек более опасен, чем покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран, значит, с ним действительно стоит познакомиться. Могу я спросить, как его зовут?

— Вы когда-нибудь слышали о бароне Грюнере?

— Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Дэймри со смехом всплеснул руками, затянутыми в лайковые перчатки.

— Все-то вам известно, мистер Холмс! Чудеса, да и только! Значит, вы уже составили о нем мнение как об убийце?

— В интересах дела я внимательно слежу за уголовной хроникой Континента. Кто же усомнится в виновности этого человека, ознакомившись с отчетом о пражских событиях? Его спасла чисто формальная юридическая зацепка да еще подозрительная смерть одного из свидетелей. А так называемый «несчастный случай» на Шплюгенском перевале? Он убил свою жену, я так же уверен в этом, как если бы видел все собственными глазами. О его приезде в Англию мне тоже известно, и я предчувствовал, что рано или поздно он загрузит меня какой-нибудь работенкой! Ну-с, что же натворит барон Грюнер? Не думаю, чтобы речь шла о той давней трагедии, вновь выплывшей на свет.

— Нет, дело гораздо серьезнее. Воздать за преступление, конечно, важно, однако куда важнее предотвратить его. Это ужасно, мистер Холмс: видеть, как прямо на глазах готовится зверское злодеяние, со всей ясностью сознавать, к чему оно приведет, и не иметь при этом ни малейшей возможности отвести беду. Дано ли человеку оказаться в более тяжелом положении?

— Вероятно, нет.

— Значит, вы с сочувствием отнесетесь к клиенту, в интересах которого я действую.

— Я не думал, что вы — лишь посредник. Кто же главное действующее лицо?

— Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на ответе. Для меня крайне важно иметь возможность заверить этого человека, что его сиятельное имя ни в коем случае не будет упомянуто в связи с делом. Им движут в высшей степени достойные, рыцарские побуждения, но он предпочел бы не открываться. Излишне говорить, господа, что ваши гонорары гарантированы и что вам предоставляется полная свобода действий. А имя клиента, я уверен, не имеет большого значения, не правда ли?

— Мне очень жаль, — ответил Холмс, — но я привык иметь в деле только одну тайну. Две чреваты слишком большой путаницей. Боюсь, сэр Джеймс, что мне придется отказаться от каких бы то ни было действий.

Наш посетитель очень смутился. На его крупное подвижное лицо легла тень досады и разочарования.

— Вряд ли вы сознаете, к чему приведет ваш отказ, мистер Холмс, — сказал он. — Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, поскольку я уверен, что вы с гордостью возьметесь за дело, если я изложу вам факты, и в то же время обещание, которое я дал, не позволяет мне открыться до конца. Разрешите, по крайней мере, рассказать вам то, что я могу рассказать.

— Разумеется, если при этом я не беру на себя никаких обязательств.

— Само собой. Начнем с того, что вы, конечно же, наслышаны о генерале де Мервиле.

— Прославившем себя под Хайбером? Да, я слышал о нем.

— У него есть дочь, Виолетта де Мервиль, юная, богатая, красивая, образованная. Женщина изумительная во всех отношениях. Вот ее-то, милую, простодушную девочку, мы и хотим вырвать из лап изверга.

— Значит, барон Грюнер имеет над ней какую-то власть?

— Самую сильную власть, какую только может иметь над женщиной, — власть любви. Как вы, вероятно, слышали, этот человек необычайно хорош собой. Манеры его обворожительны, голос нежен. Да еще этот налет романтической таинственности, который так привлекает женщин… Говорят, что перед ним не устоит ни одна из них, и он пользуется этим обстоятельством с большой выгодой для себя.

— Но как могло случиться, что такой человек вдруг познакомился с дамой, занимающей столь высокое положение в обществе, с мисс Виолеттой де Мервиль?

— Это произошло во время прогулки на яхте по Средиземному морю. В компанию вошли лишь избранные. Они сами оплатили поездку. Устроители слишком поздно осознали истинную сущность барона. Этот злодей начал увиваться за дамой и так преуспел, что окончательно и бесповоротно пленил ее сердце. Сказать, что она его любит, — значит почти ничего не сказать. Она сходит по нему с ума, она бредит им. Для нее на нем весь свет клином сошелся. Попробуйте при ней сказать о нем хоть одно дурное слово! Чего мы только не делали, чтобы излечить ее от этого безумия, — все впустую. Короче говоря, через месяц она собирается выйти за него замуж, и трудно сказать, как удержать ее от этого шага: она совершеннолетняя и обладает железной волей.

— Ей известно об австрийском происшествии?

— Хитрая бестия! Он рассказал ей обо всех гнусных скандалах, в которых был замешан в прошлом и которые стали достоянием гласности, причем в рассказах этих он неизменно выставлял себя невинным мучеником. Она безоговорочно приняла его версии и не желает слушать ничего другого.

— Боже мой! Однако вы невольно выдали нам имя вашего клиента. Это, конечно же, генерал де Мервиль.

Наш гость заерзал на стуле.

— Я мог бы обмануть вас, сказав, что это так, мистер Холмс. Но ведь это было бы ложью. Де Мервиль — сломленный человек. Некогда крепкий солдат теперь полностью деморализован, и всему виной самообладание, которое ни разу не изменило ему на поле брани, и превратился в немощного трясущегося старца, совершенно неспособного противостоять натиску такого сильного и блистательного мошенника, как этот австриец. Так или иначе, мой клиент — старый друг генерала, долгие годы близко знавший его, по-отечески заботившийся о девушке еще в те времена, когда она носила короткие платьица. Видеть, как дело движется к трагической развязке, и не попытаться предотвратить ее — это выше его сил. Предложение призвать на помощь вас исходило от моего клиента, ибо задействовать Скотленд-Ярд невозможно. Однако клиент никоим образом не должен быть лично причастен к делу — это, как я уже говорил, непременное условие. Я не сомневаюсь, мистер Холмс, что при ваших огромных возможностях вы с легкостью узнаете, кто он. Хотя бы проследив за мной. Но я прошу вас как честного человека воздержаться от такого рода действий и не нарушать его инкогнито.

Холмс капризно усмехнулся.

— Думается, я могу твердо обещать вам это, — ответил он.

— Добавлю также, что ваше дело заинтересовало меня, и я готов им заняться. Как мне держать с вами связь?

— В Карлтон-клаб скажут, где я. В экстренных случаях звоните по домашнему телефону Эйч, Эйч, 31.

Холмс записал номер. Он сидел, положив на колени раскрытую записную книжку и продолжая улыбаться.

— Назовите, пожалуйста, теперешний адрес барона.

— Вернон-Лодж, возле Кингстона. Дом большой. Барон нажился на каких-то довольно темных махинациях. Теперь он богач, и это, естественно, превращает его в еще более опасного противника.

— А сейчас он дома?

— Да.

— Не могли бы вы сообщить мне еще какие-нибудь сведения об этом человеке вдобавок к уже сказанному?

— Вкусы у него дорогостоящие. Любитель лошадей. Одно время участвовал в поло в Хэрлингеме, но был вынужден бросить это дело, когда поднялась шумиха вокруг пражских событий. Собирает книги и картины. Довольно артистичная натура. Кажется, барон слывет признанным знатоком китайской керамики и написал о ней книгу.

— Разносторонний ум, — заметил Холмс. — Этим отличаются все незаурядные преступники. Мой старинный приятель Чарли Пейс виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был неплохим художником. Могу привести множество других примеров… Итак, сэр Джеймс, передайте вашему клиенту, что я намерен обратить внимание на барона Грюнера. Это все, что я могу вам сказать. У меня есть кое-какие источники информации, и я осмелюсь утверждать, что мы сумеем внести ясность в это дело.

После ухода нашего гостя Холмс долго просидел в глубокой задумчивости. Мне даже показалось, что он забыл о моем присутствии. Но вот он наконец очнулся и словно спустился на землю.

— Ну-с, Уотсон, ваши соображения? — спросил он.

— По-моему, вы должны повидаться с юной леди лично.

— Мой дорогой Уотсон, если ее не может поколебать вид несчастного сломленного отца, то каким образом мне, постороннему человеку, удастся переубедить ее? И все же в вашем предложении кое-что есть. Если, конечно, другие меры ни к чему не приведут. Однако мне кажется, что начинать нам следует с другого бока. Думается, Шинвел Джонсон мог бы нам помочь.

Ранее у меня не было возможности упомянуть в этих воспоминаниях о Шинвеле Джонсоне, поскольку я редко описывал те дела, которыми мой друг занимался под конец своей карьеры. В начале века Джонсон стал нашим ценным помощником. Вынужден с прискорбием сообщить, что поначалу он прославился как опасный преступник и отсидел два срока в Паркхэрсте. В конце концов он раскаялся и близко сошелся с Холмсом, став его агентом в обширном преступном мире Лондона. Сведения, которые он собирал, зачастую оказывались жизненно важными. Будь Джонсон полицейским шпиком, его бы вскоре раскрыли, но поскольку он занимался делами, которые так и не доходили до суда, сообщники не знали истинного смысла его действий. Слава человека, дважды побывавшего на каторге, открывала перед ним двери всех ночных клубов, ночлежек и игорных домов города, а наблюдательность и сообразительность сделали его великолепным осведомителем. К нему-то и намеревался теперь обратиться Шерлок Холмс.

Я не мог проследить все предпринятые Холмсом шаги, поскольку был загружен срочной работой, но в тот же вечер мы, как было условлено, встретились у Симпсона. Сидя за маленьким столиком у парадной витрины и глядя на Стрэнд, где ключом била жизнь, Холмс рассказал мне о некоторых событиях прошедшего дня.

— Джонсон вышел на охоту, — сообщил он. — Вероятно, ему удастся выкопать кое-какой мусор в самых темных уголках преступного мира, поскольку, если мы хотим получить сведения о тайной жизни барона, их следует искать там, среди черных корней всех преступлений.

— Но коль скоро леди не желает принимать во внимание то, что уже известно, почему вы считаете, что ваши новые открытия отвратят ее от задуманного?

— Как знать, Уотсон… Женское сердце и женский разум — неразрешимая загадка для мужчины. Они могут простить и объяснить убийство, и в то же время какой-нибудь мелкий грешок способен причинить им мучительные страдания. Как заметил в беседе со мной барон Грюнер…

— Заметил в беседе с вами?!

— Ах да, ведь я для большей верности не стал посвящать вас в свои замыслы. Что ж, Уотсон, мне нравится брать противника за грудки, встречаться с ним лицом к лицу и самолично

определять, из какого материала он сделан. Дав указания Джонсону, я взял кэб, отправился в Кингстон и застал барона в самом приветливом расположении духа.

— Он узнал вас?

— Это было нетрудно. Я попросту послал ему свою визитную карточку. Замечательный противник, Уотсон. Холоден как лед, голос бархатистый, убаюкивающий, как у ваших модных консультантов. И ядовит, будто кобра. В нем чувствуется школа — настоящий аристократ преступного мира. Такой предлагает вам небрежным тоном послеполуденную чашечку чаю, а вы ощущаете за этой небрежностью смертельную злобу. Нет, я рад, что барон Адальберт Грюнер стал объектом моего внимания!

— Говорите, он был радушен?

— Словно кот-мурлыка, завидевший мышь, которой, как он полагает, суждено стать его добычей. Радушие иных людей более убийственно, чем жестокость грубых душ. Его приветствие уже говорило о многом. «Я так и думал, мистер Холмс, что рано или поздно мне доведется встретиться с вами, — сказал он. — Вас, несомненно, нанял генерал де Мервиль, пытаясь помешать моей женитьбе на его дочери Виолетте. Это так или нет?»

Я промолчал в знак согласия, и тогда он сказал:

«Мой дорогой друг, вы только загубите свою заслуженную репутацию. В этом деле вам успеха не добиться. Работа неблагодарная, не говоря уж о некоторой толике опасности. Позвольте дать вам настоятельный совет: немедленно отступитесь».

«Удивительное дело, — ответил я. — Именно этот совет я хотел дать вам. Я уважаю ваш ум, барон, и это уважение не уменьшилось после того, как я немного узнал вас. Давайте говорить как мужчина с мужчиной. Никто не собирается ворошить ваше прошлое и причинять вам неудобства: с этим покончено, и вы на спокойной воле. Но если вы будете настаивать на женитьбе, то наживете целый сонм влиятельных врагов, и они не оставят вас в покое до тех пор, пока английская земля не загорится у вас под ногами. Стоит ли игра свеч? Куда благоразумнее было бы расстаться с леди. Если она узнает о некоторых фактах вашей прошлой жизни, это вряд ли будет вам приятно».

У этого барона короткие напомаженные усики, которые торчат, как усы какого-нибудь насекомого. Он слушал меня, и усики эти подрагивали от сдерживаемого хохота. Кончилось тем, что барон разразился вежливым смешком.

«Простите мне мое веселье, мистер Холмс, — сказал он, — но наблюдать за человеком, который порывается играть в карты, не имея на руках ни одной, действительно забавно. Не думаю, что кто-либо способен делать это лучше вас, но тем не менее зрелище довольно жалкое. У вас нет ни единого козыря, мистер Холмс. Только разная мелочь».

«Вы думаете?»

«Я знаю. Давайте я вам все объясню, ибо мои карты так сильны, что я могу позволить себе раскрыть их. Мне посчастливилось добиться беззаветной любви этой дамы. Я без утайки рассказал ей обо всех несчастьях моей прошлой жизни, и тем не менее она полюбила меня. Кроме того, я предупредил ее, что к ней будут приходить коварные недоброжелатели (вы, разумеется, узнаете себя) и вновь рассказывать все эти истории. Я объяснил ей, как следует держать себя с подобного рода посетителями. Вы слышали о постгипнотическом внушении, мистер Холмс? Что ж, у вас будет возможность своими глазами увидеть, как действует эта штука, ибо человек, обладающий сильным характером, умеет пользоваться гипнозом, причем без надувательства и всяких там пошлых пассов. Леди готова к вашему приходу и, несомненно, примет вас, поскольку она послушна воле своего отца во всем, не считая одного пустяка».

Вот так, Уотсон. Говорить, кажется, было больше не о чем, и я удалился со всем доступным мне холодным достоинством. Однако, когда я уже взялся за дверную ручку, барон остановил меня.

«Да, кстати, мистер Холмс, — спросил барон, — вы знали французского сыщика Лебрана?»

«Знал», — ответил я.

«Вам известно, какое его постигло несчастье?»

«Я слышал, что неподалеку от Монмартра его будто бы избили какие-то хулиганы, и он на всю жизнь остался калекой».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению, всего за неделю до этого события он начал приставать к людям с расспросами о моих делах. Не стоит этим заниматься, мистер Холмс. Кое-кто уже убедился, что это не приносит счастья. Шагайте своей дорогой, а мне позвольте шагать своей. Это мое последнее слово. Прощайте!»

Такие вот пироги, Уотсон. Теперь вы знаете все.

— Кажется, барон — опасный человек.

— Чрезвычайно опасный. На какого-нибудь задиристого бахвала я бы и внимания не обратил, но барон — из тех людей, которые далеко не все свои мысли облекают в слова.

— Неужели вы непременно должны ему мешать? А может, пускай себе женится на девушке? Какое это имеет значение?

— Очень большое, если учесть, что он, вне всякого сомнения, убил свою первую жену. Допивайте кофе и пойдемте-ка со мной: наш весельчак Шинвел давно нас ждет.

Мы и вправду застали его у себя. Это был крупный, грубоватый краснолицый мужчина болезненного вида. Лишь живые черные глаза выдавали в нем большого хитреца. Держался он, словно король в своем королевстве. Рядом с ним на кушетке сидела одна из его воспитанниц — худощавая, подвижная как огонь молодая женщина с бледным настороженным лицом, еще юным, но уже успевшим увянуть от жизни, полной горечи и порока. Тяжкие годы оставили на ее облике нездоровый след.

— Это мисс Китти Уинтер, — произнес Шинвел Джонсон и взмахнул рукой, представляя свою спутницу. — Если уж она чего-то не знает… А впрочем, пускай сама говорит. Я вышел на нее через какой-нибудь час после получения вашей записки, мистер Холмс.

— Меня долго искать, не надо, — сказала молодая женщина.

— Адрес у нас с Хрюшей Шинвелом один и тот же: Преисподняя, Лондон. Так и пишите, не ошибетесь. Хрюша и я — старые приятели. Но есть один человек, который, будь в мире справедливость, сидел бы сейчас в еще более страшном аду, чем мы. Клянусь всеми чертями! Это человек, за которым вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся.

— Насколько я понимаю, вы желаете нам успеха, мисс Уинтер?

— Если вам нужна моя помощь, чтобы упрятать парня туда, где ему самое место, я вся ваша, от хвоста до головы, — свирепо сказала наша гостья. Ее бледное решительное лицо напряглось, наливаясь ненавистью. Нечасто доводилось мне видеть такой огонь в глазах женщины, а в глазах мужчины — и вовсе ни разу. — Вам нет нужды лезть в мое прошлое, мистер Холмс. Оно к делу не относится. Но это Адальберт Грюнер превратил меня в то, чем я стала. Эх, если б только я могла свалить его! — Она яростно вцепилась руками в воздух. — Уж я бы стащила его в ту яму, в которую он сбросил столько народу!

— Вам известно, как обстоят дела?

— Хрюша Шинвел рассказывал. Барон волочится за очередной бедной дурой. На этот раз ему приспичило жениться. Вы хотите этому помешать. Наверняка вы знаете об этом злодее достаточно, чтобы у любой доброй девушки отбить охоту иметь с ним дело, если она в своем уме.

— Эта девушка не в своем уме. Она влюблена до безумия. Она знает о нем все, но ей хоть бы что!

— А про убийство ей рассказывали?

— Да.

— Господи, ну и нервы же у нее!

— Она считает, что все это клевета.

— Разве вы не можете сунуть ей под нос доказательства?

— А вы поможете нам в этом?

— Да я сама живое доказательство. Стоит мне заявиться к ней и рассказать, как он изводил меня…

— А вы бы согласились?

— Согласилась бы я?! Да неужто не согласилась бы!

— Попробовать, наверное, стоит. Но он уже поведал ей большую часть своих прегрешений и получил прощение. По-моему, для нее этот вопрос закрыт, и она не захочет возвращаться к нему.

— Чтоб мне подохнуть, если он рассказал ей все, — отвечала мисс Уинтер. — Помимо того нашумевшего убийства, я слышала кое-что еще об одном или двух. Он, бывало, рассказывает о ком-нибудь этим своим бархатистым голосом, а потом вперит в меня глазищи и говорит: «Он умер. И месяца не прошло». И это было не пустое бахвальство. Но я почти не обращала внимания на такие речи, мистер Холмс, ведь я любила его в те времена, и мне было все равно, чем он занимается. Так же, как сейчас этой бедной дурехе. Только одна вещь действительно потрясла меня. Если б не его лживый язык, способный все объяснить и всех успокоить, я бы ушла от него в тот же вечер, чертом клянусь! У него есть книга, мистер Холмс. В буром таком кожаном переплете с замочком. Сверху — золотой баронский герб. Наверное, он был немножко под хмельком, иначе ни за что не показал бы мне ее.

— Что же это за книга?

— Говорят же вам, мистер Холмс: этот человек коллекционирует женщин так же, как иные собирают мотыльков и бабочек. И кичится своей коллекцией. Вот что это за книга. Альбом с фотографиями, именами, подробностями и всем прочим. Это была чудовищная книга. Ни один мужчина, даже если он живет в придорожной канаве, ни за что не составил бы такую. И тем не менее это была книга Адальберта Грюнера. «Души, которые я погубил» — вот что он мог бы написать на обложке, будь у него такое желание. Да только не будет вам проку с этой книги, а если и будет, ее ведь не достать.

— Где она?

— Откуда я знаю, где она теперь? Я бросила барона год с лишним назад. Мне известно, в каком месте он хранил книгу в те времена. Кое в чем этот кот аккуратен и дотошен до педантичности, так что, может статься, книга все еще лежит в тайнике старого бюро во внутреннем кабинете. Вы знакомы с его домом?

— В кабинете я был, — ответил Холмс.

— Вот как? Значит, вы времени даром не теряли, если взялись за дело только нынче утром. Видать, на этот раз милашка Адальберт встретил достойного противника. Во внешнем кабинете у него китайская посуда — там стоит большущий стеклянный шкаф промеж двух окон. А позади письменного стола есть дверца, которая ведет во внутренний кабинет — маленькую комнатушку, где он хранит бумаги и всякую всячину.

— Он что же, не боится взломщика?

— Адальберт не трус. Злейший враг не сможет сказать этого о нем. Он умеет за себя постоять. По ночам дом охраняют от взломщиков. Да и какой прок взломщику забираться туда? Разве что утащит всю эту диковинную посуду.

— Бесполезное дело, — твердым тоном знатока заявил Шинвел Джонсон. — Ни один барыга не возьмет товар, который нельзя сплавить или загнать.

— Совершенно верно, — согласился Холмс. — Хорошо, мисс Уинтер. Может быть, вы зайдете сюда завтра в пять часов вечера? А я тем временем пораскину мозгами и решу, можно ли воспользоваться вашим предложением и устроить личную встречу с этой дамой. Крайне признателен вам за помощь. Вряд ли стоит говорить, что мои клиенты не поскупятся…

— Не надо об этом, мистер Холмс! — воскликнула молодая женщина. — Не в деньгах дело. Швырните этого человека в грязь и дайте мне втоптать туда его проклятую физиономию — больше мне ничего не нужно. Такова моя цена. Я буду у вас завтра или в любой другой день, пока вы идете по его следу. Хрюша всегда скажет, где меня найти.

Я вновь встретился с Холмсом лишь следующим вечером, когда мы опять обедали в нашем ресторанчике на Стрэнде. На мой вопрос о том, удачно ли прошла встреча, Холмс только пожал плечами. Но потом он рассказал мне все, и я повторяю его рассказ в несколько измененном виде. Сухое и точное сообщение Холмса надобно слегка подредактировать, смягчить и передать более простыми словами.

— Встречу удалось устроить без каких-либо затруднений, — начал Холмс, — поскольку девушка прямо-таки олицетворяет собою образец безропотной дочерней покорности, пытаясь вознаградить отца за свое вопиющее непослушание в вопросе о женитьбе послушанием во всех остальных мелочах. Генерал сообщил мне по телефону, что все готово, мисс Уинтер явилась точно в срок, и в половине шестого мы вылезли из кэба возле дома номер 104 по Беркли-скуэр, где живет старый генерал. Вы знаете эти безобразные серые лондонские замки, в сравнении с которыми церковь и та выглядит кокетливо. Лакей провел нас в громадную гостиную, украшенную желтой драпировкой. Здесь нас и ждала леди — бледная, притворно-застенчивая, замкнутая, непреклонная и далекая, как снеговик на склоне горы. Даже и не знаю, как описать ее вам, Уотсон. Возможно, вы еще встретитесь с ней по ходу дела и тогда сумеете использовать ваше писательское дарование. Она прекрасна, но это какая-то неземная, потусторонняя красота фанатика, чьи мысли парят в заоблачных высях. Я видел такие лица на средневековых полотнах старых мастеров. Ума не приложу, каким образом этому зверю в человеческом обличье удалось заграбастать своими мерзкими лапами такое небесное создание. Вероятно, вы заметили, как стремятся друг к другу противоположности — духовное к плотскому, пещерный человек — к ангелу… Тут мы имеем дело с самым вопиющим примером такого рода.

Разумеется, она знала, зачем мы пришли, — негодяй уже успел отравить ее разум и настропалить против нас. Думается, появление мисс Уинтер несколько удивило леди, но она жестом пригласила нас садиться в отведенные для нас кресла, словно какая-нибудь преподобная настоятельница, принимающая двух прокаженных нищих. Если вы склонны к возвышенным помыслам, Уотсон, берите пример с мисс Виолетты де Мервиль!

«Мне знакомо ваше имя, сэр, — сказала она холодным, как дыхание айсберга, голосом. — Как я понимаю, вы явились сюда с намерением оклеветать моего жениха, барона Грюнера. Я согласилась принять вас только потому, что об этом просил мой отец, и хочу заранее предупредить: что бы вы ни говорили, ваши слова не окажут на меня никакого влияния».

Мне стало жаль ее, Уотсон. На какое-то мгновение я представил себе, что это моя родная дочь. Мне не так уж часто удавалось блеснуть красноречием: я живу умом, а не сердцем. Но тут я буквально молил ее, я говорил с таким жаром, какой только доступен человеку моего склада. Я расписал ей весь ужас положения женщины, которая узнает истинную цену мужчине лишь после того, как становится его женой, женщины, которая вынуждена сносить ласки

окровавленных рук и развратных губ. Я перечислил все — стыд, страх, страдания, безысходность… Но жара моих слов не хватило даже на то, чтобы окрасить хотя бы едва заметным румянцем эти щеки цвета слоновой кости или хоть раз зажечь огонек чувства в этих отрешенных глазах. Я вспомнил слова этого негодяя о постгипнотическом внушении. Нетрудно поверить, что девушка живет в каком-то сонном исступлении. И при всем том она отвечала мне вполне осмысленно.

«Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, — проговорила она, — и не ошиблась в своем предположении касательно воздействия, которое окажет на меня ваша речь. Мне известно, что Адальберт… что мой жених прожил бурную жизнь, что он навлек на себя жгучую ненависть многих людей и не раз бывал ославлен злыми языками без всяких на то оснований. Не вы первый являетесь ко мне с этой клеветой. Возможно, вами движут добрые побуждения, хотя, как мне известно, вы — платный сыщик, в равной мере готовый действовать как в интересах барона, так и против него. Как бы там ни было, я прошу вас раз и навсегда уяснить, что я люблю его, а он — меня и что мнение света значит для меня не больше, чем чириканье вон тех птичек за окном. А если этот благороднейший человек однажды на миг оступился, то вполне возможно, что именно мне назначено судьбой вознести его дух на подобающую ему высоту. Мне не совсем понятно, — тут она перевела взор на мою спутницу, — кто эта юная леди».

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот миг девушка сама вихрем ворвалась в разговор.

«Я скажу вам, кто я! — закричала она, вскакивая со стула с перекошенным от гнева ртом. — Я — его последняя любовница, одна из тех женщин, которых он соблазнил, довел до ручки, обесчестил и вышвырнул на свалку, как вскоре вышвырнет и вас! Только той свалкой, где будете лежать вы, вернее всего окажется могила. Может, оно и к лучшему. Знайте, глупая женщина: выйдя замуж за барона, вы вступите в брак с собственной смертью. Не ведаю, чем это кончится — разбитым сердцем или свернутой шеей, но тем или иным способом он с вами расправится. Я говорю это не из любви к вам: мне совершенно наплевать, умрете вы или нет. Я ненавижу его, я желаю ему зла и хочу отомстить за то, что он со мной сделал. Все это правда, и нечего так на меня глазеть, моя прекрасная леди, ибо вы можете пасть еще ниже, чем я, пока пройдете этот путь до конца!»

«Я бы предпочла не обсуждать этот вопрос, — холодно проговорила мисс де Мервиль. — Хочу сразу сказать, что в жизни моего жениха было три случая (и все они мне известны), когда коварным женщинам удавалось опутать его своими сетями, и что он от всего сердца раскаивается в том зле, которое когда-то кому-то причинил».

«Три случая! — возопила моя спутница. — Дура! Слов нет, какая вы дура!»

«Мистер Холмс, я нижайше прошу вас закончить нашу беседу, — ледяным тоном проговорила мисс де Мервиль. — Я уступила желанию отца и встретилась с вами, но никто не заставит меня выслушивать оскорбления от этой особы».

Мисс Уинтер с проклятиями ринулась вперед и наверняка вцепилась бы в волосы этой дамы, не схвати я ее за руку. Я поволок ее к двери и сумел водворить обратно в кэб, счастливо избежав свары при всем честном народе, ибо мисс Уинтер была вне себя от злости. Я и сам испытывал какую-то холодную ярость, Уотсон. В ее спокойной самодовольной отчужденности было нечто такое, отчего я вдруг почувствовал невыразимую злость. А ведь мы пришли туда, чтобы попытаться спасти эту женщину!

Ну вот, вы опять в курсе дела. Теперь, разумеется, придется придумать какой-нибудь новый ход, поскольку гамбит не удался. Буду держать с вами связь, Уотсон: я больше чем уверен, что вам еще предстоит сыграть свою роль, хотя следующий ход, возможно, сделаем не мы, а наши противники.

Так и случилось. Они нанесли свой удар. Вернее, он нанес свой удар, ибо я никогда не поверю, что юная леди тоже была к этому причастна. Думается, я смог бы показать вам даже ту каменную плиту в мостовой, на которой я стоял, когда мой взгляд натолкнулся на афишу и я почувствовал внезапный приступ ужаса. Это было между Гранд-отелем и Чаринг-кросским вокзалом, рядом с тем местом, где стоит одноногий продавец вечерних газет. Афишу напечатали через два дня после моей последней беседы с Холмсом. На желтом поле чернела ужасная надпись: «Покушение на убийство Шерлока Холмса».

Несколько секунд я простоял, словно оглушенный. Смутно помню, как я схватил газету, как запричитал продавец, которому я не заплатил, и, наконец, как я стоял в дверях аптеки, листая газету в поисках роковой заметки. Вот что в ней говорилось: «Редакция с прискорбием узнала, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный сыщик, нынче утром стал жертвой кровавого избиения, и теперь жизнь мистера Холмса висит на волоске. Мы не можем сообщить всех подробностей, но это событие, очевидно, произошло около полудня на Риджент-стрит, перед „Кафе-Ройял“. Двое нападавших были вооружены палками и нанесли мистеру Холмсу удары по голове и туловищу, причинив ранения, которые врачи считают очень серьезными. Холмса доставили в Чаринг-кросскую лечебницу, но затем по его настоянию отвезли домой на Бейкер-стрит. Негодяи, напавшие на него, были прилично одеты. Они скрылись от собравшихся вокруг прохожих, пробежав через „Кафе-Ройял“ на расположенную за ним Тепличную улицу».

Излишне говорить, что я тут же ринулся на Бейкер-стрит, еще не успев дочитать заметку до конца. В прихожей я застал знаменитого хирурга сэра Лесли Окшотта, у тротуара стоял его кабриолет.

— Непосредственной опасности нет, — сообщил он. — Две рваные раны на черепе и несколько изрядных синяков. Пришлось наложить пару швов и ввести морфий. Необходим покой, однако короткую беседу не запрещаю.

Заручившись разрешением, я крадучись вошел в затемненную комнату. Страдалец не спал, и я услышал свое имя, произнесенное хриплым шепотом. Штора была спущена на три четверти, но в комнату проникал солнечный лучик и падал на забинтованную голову раненого. Кровь багровой полоской просочилась сквозь белую полотняную повязку. Я присел рядом с Холмсом и понурил голову.

— Все в порядке, Уотсон, к чему этот испуганный вид? — пробормотал он слабым голосом. — Дела не так плохи, как кажется.

— Слава Богу, коли так!

— Я все-таки умею бороться один на один с человеком, вооруженным палкой.

— Чем я могу вам помочь, Холмс? Их, конечно же, подослал тот проклятый субъект. Одно ваше слово, Холмс, и я пойду и сдеру с него шкуру!

— Добрый старый Уотсон! Нет, тут мы бессильны что-либо сделать, разве что полиция сцапает этих парней; однако их отход был хорошо продуман, в этом можете не сомневаться. Погодите немного, у меня тоже есть кое-какие замыслы. Первым делом необходимо преувеличить серьезность моих ранений. К вам явятся репортеры. Настращайте их, Уотсон. Дай Бог, чтобы я протянул неделю: сотрясение мозга, бред, все, что хотите! Перестараться тут невозможно.

— Но как же сэр Лесли Окшотт?

— О нем не беспокойтесь, он будет видеть меня в наихудшем состоянии. Об этом я позабочусь.

— Еще что-нибудь?

— Да. Велите Шинвелу Джонсону удалить девушку. Эти милашки теперь будут охотиться за ней. Им, конечно же, известно, что она участвовала в деле вместе со мной. Если уж они

дерзнули напасть на меня, то ею вряд ли пренебрегут. Это срочно, удалите ее сегодня же вечером.

— Отправляюсь немедленно. Что еще?

— Положите на стол мою трубку и поставьте туфлю с табаком. Вот так! Заходите каждое утро, мы продумаем нашу кампанию.

Тем же вечером мы с Джонсоном сумели перевезти мисс Уинтер в тихий пригород и позаботились о том, чтобы она залегла на дно до тех пор, пока не минует опасность.

В течение шести дней публика пребывала в твердом убеждении, что Шерлок Холмс стоит у врат смерти. Сводки были удручающие, в газетах появлялись зловещие заметки. Мои частые приходы к Холмсу убедили меня, что все не так уж и плохо. Крепкий организм и твердая воля моего друга творили чудеса. Он быстро шел на поправку — как я временами подозревал, даже быстрее, чем хотел мне показать. Скрытность и таинственность, свойственные характеру этого человека, не раз приводили к театральным эффектам и в то же время заставляли даже ближайших друзей Холмса ломать голову, силясь догадаться, что у него на уме. Он довел до крайности аксиому, гласящую, что строить поистине тайные планы можно только в одиночку. Я был самым близким ему человеком, но даже я неизменно ощущал разделявшую нас пропасть.

На седьмой день швы сняли, но в вечерних газетах тем не менее появилось сообщение о рожистом воспалении. Те же вечерние газеты поместили объявление, которое я не мог не довести до сведения моего друга, здоров он или болен. В объявлении говорилось, что среди пассажиров парохода «Руритания», отплывающего из Ливерпуля в ближайшую пятницу, будет барон Адальберт Грюнер, которому необходимо уладить важные денежные дела в Штатах накануне бракосочетания с мисс Виолеттой де Мервиль, единственной дочерью и проч. Холмс выслушал известие с холодным сосредоточенным выражением лица, по которому я определил, что эта новость стала для него серьезным ударом.

— В пятницу! — воскликнул он. — Всего трое полных суток в нашем распоряжении. Похоже, негодяй решил обезопасить себя. Но ничего не выйдет, Уотсон! Клянусь Иисусом Христом, ничего не выйдет! Так, Уотсон, вы должны кое-что для меня сделать.

— Я здесь специально для этого, Холмс.

— В таком случае посвятите ближайшие двадцать четыре часа основательному изучению китайской керамики.

Он не дал никаких пояснений, да я их и не спрашивал, зная по долгому опыту, что благоразумнее всего делать так, как он велит. Но когда я вышел от Холмса и зашагал по Бейкер-стрит, разум мой терзала одна мысль: как же выполнить столь странное распоряжение? В конце концов я поехал в лондонскую библиотеку на Сент-Джеймс-скуэр, изложил дело своему приятелю Ломаксу, младшему библиотекарю, и отправился домой с увесистым томом под мышкой.

На следующий вечер я явился к Холмсу и был с пристрастием проэкзаменован. Он уже встал с постели, хотя догадаться об этом по печатным отчетам было нельзя, и сидел в глубинах своего любимого кресла, подперев рукой обмотанную бинтами голову.

— Право же, Холмс, — сказал я, — если верить газетам, вы при смерти.

— Именно такое впечатление я и хотел создать, — отвечал он. — Ну как, Уотсон, выучили уроки?

— Во всяком случае, попытался.

— Хорошо. Вы в состоянии вести умный разговор о предмете?

— Думаю, что в состоянии.

— Тогда передайте мне вон ту коробочку, что стоит на камине.

Он откинул крышку и извлек из коробки маленькую вещицу, заботливо обернутую тонким восточным шелком. Развернув его, Холмс вытащил крохотное блюдечко тонкой работы прекрасного темно-синего цвета.

— Эта штуковина требует осторожного обращения, Уотсон. Настоящая керамика времен династии Мин. Не толще яичной скорлупы. У Кристи никогда не было таких искусно выполненных изделий. Целый сервиз стоит громадных денег, да и неизвестно, существует ли где-либо за пределами императорского дворца в Пекине такой полный набор. При виде этой штуки любой подлинный ценитель потеряет голову.

— Что я должен с ней сделать?

Холмс вручил мне карточку, на которой было напечатано: «Доктор Хилл Бартон, улица Хафмун-стрит, 369».

— На сегодняшний вечер это ваше имя, Уотсон. Вы пойдете к барону Грюнеру. Я немного знаком с его привычками. В половине девятого он, вероятно, будет свободен, О вашем приходе он узнает заранее из записки. Вы напишете, что хотели бы принести ему предмет из совершенно уникального фарфорового сервиза, изготовленного в эпоху династии Мин. Вы медик. Эту роль вам удастся сыграть без натяжек. Вы собиратель. Блюдечко попало к вам в руки, и вы, зная о том, какой интерес питает барон к фарфору, были бы не прочь продать сервиз за хорошую цену.

— За какую цену?

— Отличный вопрос, Уотсон! Разумеется, вы загремите, если не будете знать стоимость своего товара. Это блюдечко мне достал сэр Джеймс, взяв его, насколько я понял, из коллекции своего клиента. Можно без преувеличения сказать, что второго такого в мире нет.

— Я мог бы предложить оценить сервиз у какого-нибудь знатока.

— Превосходно, Уотсон! Сегодня вы просто блистательны. Предложите обратиться к Кристи или Сотби. Деликатность мешает вам самому назначить цену.

— А если он не пожелает принять меня?

— Еще как пожелает. Он одержим манией собирательства в самой острой ее форме, особенно когда речь идет о предмете, в котором он слывет признанным авторитетом. Садитесь, Уотсон, я продиктую вам письмо. Ответа не нужно. Вы просто уведомите его, что придете, и сообщите, зачем.

Это был восхитительный документ — краткий, изысканный, дразнящий любопытство истинного ценителя. В должное время районный парнишка-рассыльный понес его по назначению. Тем же вечером я отправился навстречу своей судьбе, держа в руках драгоценное блюдечко и сунув в карман визитную карточку доктора Хилла Бартона.

Прекрасный дом и его окружение свидетельствовали о том, что барон Грюнер, как и говорил сэр Джеймс, был обладателем значительного состояния.

Дворецкий, способный украсить собою жилище епископа, впустил меня внутрь и передал облаченному в бархат лакею, который и привел меня к барону.

Тот стоял у открытой дверцы громадного шкафа, помещавшегося меж двух окон и содержавшего часть его китайской коллекции. При моем появлении он обернулся. В руках у барона была маленькая коричневая вазочка.

— Садитесь, доктор, прошу вас, — сказал он. — Я как раз делал смотр моим сокровищам и прикидывал, могу ли я позволить себе пополнить их. Возможно, вас заинтересует это изделие времен династии Тан. Седьмой век. Уверен, что прежде вам не доводилось видеть более искусной работы и богатой глазури. Вы принесли с собой то самое блюдечко эпохи Мин, о котором говорили?

Я осторожно распаковал блюдечко и протянул его барону. Он уселся за письменный стол, пододвинул лампу, поскольку уже темнело, и принялся изучать фарфор. При этом лицо барона залил желтый цвет, и я смог спокойно рассмотреть его.

Это действительно был на редкость миловидный мужчина, вполне заслуженно слывший в Европе красавцем. Не выше среднего роста, однако с грациозными и выразительными линиями фигуры. Лицо смуглое, почти восточное, с большими томными черными глазами, неодолимо привлекательными для любой женщины. Волосы и усы у него были иссиня-черные, причем коротко остриженные усики стояли торчком и были тщательно напомажены. Правильность этих миловидных черт нарушал лишь прямой тонкогубый рот. То был настоящий рот убийцы — жесткий и твердый, словно рубец, и плотно сжатый. Он свидетельствовал о бессердечии и производил ужасающее впечатление. Кто-то очень неудачно посоветовал Грюнеру расчесывать усы таким образом, чтобы они обнажали губы — этот сигнал опасности, подаваемый жертвам барона самой природой. Голос его звучал завораживающе, а манеры были безупречны. Я бы дал ему чуть больше тридцати лет, хотя впоследствии мы узнали из документов, что барону было сорок два.

— Прелесть, просто прелесть! — сказал он наконец. — Вы говорите, у вас есть набор из шести штук? Удивительно, почему я прежде никогда не слыхал о таких чудесных изделиях. Я знаю, что в Англии есть только один набор, способный сравниться с вашим, и он вряд ли когда-нибудь появится на рынке. Не будет ли нескромным с моей стороны спросить, как вы завладели им, доктор Хилл Бартон?

— Так ли уж это важно? — ответил я с таким беспечным видом, какой только сумел на себя напустить. — Вы видите, что это подлинник, а что до его стоимости, так меня вполне устроит оценка знатока.

— Очень таинственно, — сказал барон, и его черные глаза подозрительно вспыхнули. — Когда имеешь дело с такими дорогими вещами, вполне естественно возникает желание узнать об условиях сделки все. Разумеется, это подлинник, тут у меня нет никаких сомнений. Но давайте допустим, что в один прекрасный день выяснится — а я обязан учитывать все возможности, — что вы не имеете права продавать его?

— Могу ручаться, что никаких претензий подобного рода не возникнет.

— И все же эта сделка поражает меня своей необычностью.

— Вы вправе принять ее или отказаться, — безразличным тоном ответил я. — Я решил обратиться с моим предложением сначала к вам, поскольку, как я понял, вы — истинный ценитель. Но я не встречу никаких затруднений в любом другом месте.

— А кто сказал вам, что я — истинный ценитель?

— Мне известно, что вы написали книгу о китайском фарфоре.

— Вы читали эту книгу?

— Нет.

— Боже мой! Мне становится все труднее и труднее понимать вас! Вы знаток и собиратель, в вашей коллекции есть очень ценный экспонат, и тем не менее вы даже не позаботились обратиться к единственной в мире книге, способной дать вам представление о подлинном значении и стоимости принадлежащего вам предмета! Как вы это объясните?

— Я очень занятой человек. Практикующий врач.

— Это не ответ. Если уж человек чем-то увлекся, он сумеет выкроить время для своего увлечения, как бы он ни был при этом загружен другими делами. А в вашем письме было сказано, что вы — большой любитель фарфора.

— Так оно и есть.

— Могу я задать вам несколько вопросов, чтобы проверить ваши знания? Должен сообщить вам, доктор — если вы и правда доктор, — что дело принимает все более

подозрительный оборот. Позвольте спросить, что вам известно об императоре Се и какая связь между ним и Сесоин возле Нары? Господи, неужели этот вопрос обескуражил вас?

Я с притворным возмущением вскочил со стула.

— Это уж слишком, сэр! Я пришел сюда, чтобы оказать вам любезность, а не сдавать экзамен, будто какой-нибудь школьник. Вполне вероятно, что я знаю об этом предмете гораздо меньше, чем вы, но я не намерен отвечать на вопросы, поставленные столь оскорбительным образом.

Он пристально посмотрел на меня. Истомы в глазах как не бывало. Вдруг они гневно сверкнули. Жесткие губы разомкнулись, обнажив тускло блестящие зубы.

— Что за игру вы ведете? Вы явились сюда шпионить за мной. Вас подослал Холмс! Вы хотите обвести меня вокруг пальца. Как я слышал, этот парень при смерти, вот он и посылает своих подручных следить за мной! Вы ввалились ко мне без приглашения, и, клянусь Богом, сейчас вы убедитесь, что выйти отсюда труднее, чем войти!

Он вскочил на ноги, и я отступил на шаг, приготовившись отразить нападение. Должно быть, он заподозрил меня с самого начала, а перекрестный допрос уж наверняка открыл ему истину. Так или иначе, но мне было совершенно ясно, что пытаться перехитрить его — безнадежное дело, Барон сунул руку в боковой ящик и принялся яростно рыться в нем. Потом его ухо уловило какой-то звук, и он замер, сосредоточенно прислушиваясь.

— Ага! — вскричал барон. — Ага! — И ринулся во внутренний кабинет.

Два шага, и я у распахнутой двери. Разыгравшаяся в комнате сцена четко и на всю жизнь запечатлелась в моей памяти. Окно, выходившее в сад, было раскрыто настежь, а возле него, словно какой-то жуткий призрак, стоял Шерлок Холмс. Голова его была обмотана кровавыми бинтами, белое лицо искажено. В тот же миг он выскочил в окно, и я услышал, как его тело с треском рухнуло в росшие на улице кусты лавра. Хозяин дома с яростным воплем бросился следом за Холмсом к открытому окну.

А потом! Это произошло в мгновение ока, но тем не менее я отчетливо все видел. Из гущи листвы стремительно высунулась рука — женская рука! В тот же миг барон издал страшный крик — вопль, который будет вечно звенеть у меня в ушах Он прижал ладони к лицу и заметался по комнате, с силой ударяясь головой о стены, потом рухнул на ковер и начал кататься по нему, корчась и оглашая дом непрерывными криками.

— Воды! Ради Бога, дайте воды! — молил он.

Схватив с бокового столика графин, я бросился ему на помощь. В тот же миг из коридора в кабинет вбежали дворецкий и несколько лакеев. Помню, как один из них лишился чувств, когда я спустился на колени возле раненого и повернул его страшное лицо к свету лампы. Купорос въедался в него, капая с подбородка и ушей. Один глаз уже покрылся бельмом и остекленел, второй воспалился и покраснел. Лицо, которым я любовался всего несколько минут назад, теперь было похоже на прекрасную картину, по которой живописец провел мокрой и грязной губкой. Черты его смазались, обесцветились и приобрели страшный, нечеловеческий вид.

Я в нескольких словах объяснил, каким образом произошло нападение. Кое-кто из слуг полез в окно, другие бросились на лужайку через двери, но было темно и начинался дождь. Крики жертвы перемежались яростными проклятиями в адрес мстительницы.

— Это Китти Уинтер! — вопил барон. — Чертова кошка! Дьяволица! Она за это заплатит! Заплатит! О, силы небесные, я не вынесу этой боли!

Я обмыл его лицо растительным маслом, наложил на раны вату и впрыснул барону морфий. Потрясение вытравило из его сознания все подозрения на мой счет, и он цеплялся за мои руки, словно в моей власти было прояснить взгляд этих устремленных на меня остекленевших глаз, похожих на глаза дохлой рыбины. Вид этого пепелища едва не заставил

меня прослезиться, но я слишком хорошо помнил, что этот человек сотворил в жизни много зла, которое и навлекло на него столь ужасное возмездие. Его огненно-горячие руки впились в меня, и это было отвратительное ощущение.

Поэтому я облегченно вздохнул, когда мне на смену прибыл домашний врач больного в сопровождении специалиста по ожогам. Приехал и полицейский инспектор. Я вручил ему свою настоящую визитную карточку. Поступить иначе было бы глупо и бессмысленно, поскольку в Скотленд-Ярде меня знали в лицо почти так же хорошо, как и самого Холмса. Затем я покинул этот полный тоски и ужаса дом и менее чем через час был на Бейкер-стрит.

Холмс, бледный и изможденный, сидел в своем привычном кресле. Раны и события сегодняшнего вечера потрясли даже его стальные нервы. Он с ужасом выслушал мой рассказ о страшном преображении барона.

— Это расплата за грехи, Уотсон! Расплата за грехи! — воскликнул он. — Рано ли, поздно ли, но она непременно приходит. А грехов у него, видит Бог, хватает, — добавил Холмс, взяв со стола том в коричневом переплете. — Вот та самая книга, о которой рассказывала мисс Уинтер. Если уж она не расстроит свадьбу, стало быть, это и вовсе невозможно. Но она расстроит ее, Уотсон. Должна расстроить. Ни одна уважающая себя женщина не снесет такого оскорбления.

— Это дневник любовных похождений барона?

— Или, скорее, дневник его распутства. Как хотите, так и называйте. В тот миг, когда мисс Уинтер рассказала нам о нем, я понял, что книга может стать сокрушительным оружием, если только нам удастся завладеть ею. Я тогда ни словом не обмолвился о своем замысле, но начал вынашивать его. Потом на меня напали, и я воспользовался этим нападением, чтобы внушить барону, что я для него безвреден и предосторожности излишни. Все складывалось очень удачно. Я бы выждал еще немного, но его отъезд в Америку вынудил меня действовать без промедления. Ведь барон наверняка забрал бы столь компрометирующий документ с собой. Ночной грабеж отпадал: барон осторожен. Зато в вечерние часы я мог попытать счастья, если б наверняка знал, что его внимание отвлечено. Тут-то мне и понадобились вы с вашим синим блюдечком. Однако мне необходимо было совершенно точно установить местонахождение книги, поэтому в самый последний миг я прихватил с собой девушку. Сколько минут в моем распоряжении — зависело от объема ваших познаний в области китайской керамики. Откуда мне было знать, что там, в этом маленьком пакетике, который мисс Уинтер с такими предосторожностями несла под накидкой? Я-то думал, что она будет только помогать мне, но у нее, похоже, были там и свои дела.

— Барон догадался, что я пришел от вас.

— Я этого опасался. Но ваша игра отвлекла его, и я успел забрать книгу. Правда, на то, чтобы скрыться незамеченным, времени уже не хватило. А, сэр Джеймс! Как я рад, что вы пришли!

Наш вылощенный приятель явился по заранее посланному приглашению. Он с глубочайшим вниманием слушал рассказ Холмса о случившемся.

— Вы свершили чудо! Чудо! — воскликнул он, выслушав историю. — Однако если раны барона так ужасны, как описывает их доктор Уотсон, этого обстоятельства нам с избытком хватит, чтобы добиться нашей цели и сорвать женитьбу, не прибегая к помощи этой ужасной книги!

Холмс покачал головой.

— Женщина такого типа, как Виолетта де Мервиль, будет любить искалеченного страдальца еще крепче, чем здорового человека. Нет, нет, мы должны уничтожить его морально, а не физически. Эта книга — и только она одна — вернет девушку на землю. Книга написана почерком барона, мисс де Мервиль не сможет этого не заметить.

Сэр Джеймс унес с собой и книгу, и драгоценное блюдечко. Я и сам засиделся у Холмса дольше, чем нужно, и поэтому вышел на улицу вместе с полковником. Его ждал кабриолет. Сэр Джеймс вскочил в экипаж, отдал короткую команду кучеру, на голове которого красовалась кокарда, и быстро уехал. Он наполовину свесил из окна свое пальто, чтобы прикрыть им геральдические знаки на дверце, но это ничуть не помешало мне разглядеть их в ярком свете, падавшем из веерообразного оконца над дверью дома. Я задохнулся от изумления, затем повернулся и вновь поднялся по лестнице в комнату Холмса.

— Я выяснил, кто наш клиент! — воскликнул я, распираемый желанием поскорее выпалить великое известие. — Холмс, да это же…

— Это истинный рыцарь и верный друг, — сказал Холмс, жестом призывая меня к молчанию. — Давайте же раз и навсегда удовлетворимся этим.

Я не знаю, каким образом была пущена в дело порочащая барона книга. Это устроил сэр Джеймс Или же, что более вероятно, столь щекотливое поручение было доверено отцу юной дамы. Во всяком случае, это возымело желаемое действие. Спустя три дня в «Утренней почте» появилась заметка, сообщавшая, что бракосочетание барона Адальберта Грюнера и мисс Виолетты де Мервиль не состоится. В той же газете был помещен первый отчет о слушании судебного дела, возбужденного против мисс Китти Уинтер по серьезному обвинению в нанесении увечий посредством купороса. На суде открылись такие смягчающие вину обстоятельства, что приговор, как вы помните, оказался самым мягким, какой только можно было вынести за такое преступление. Шерлоку Холмсу угрожали преследованием за кражу со взломом, однако, когда цель благородна, а клиент достаточно знатен, даже косный английский закон становится гибким и человечным. Моего друга так и не посадили на скамью подсудимых.

Человек с белым лицом

Мой друг Уотсон не отличается глубиной ума, зато упрямства ему не занимать. Вот уже сколько времени он уговаривает меня описать одно из моих дел. Впрочем, я сам, пожалуй, дал ему повод докучать мне этой просьбой, ибо не раз говорил, что его рассказы поверхностны и что он потворствует вкусам публики, вместо того чтобы строго придерживаться истины. «Попробуйте сами, Холмс!» — обычно отвечал он, и, должен признаться, едва взяв в руки перо, я уже испытываю желание изложить эту историю так, чтобы она понравилась читателю. Дело, о котором пойдет речь, безусловно, заинтересует публику — это одно из самых необычных дел в моей практике, хотя Уотсон даже не упоминает о нем в своих заметках. Заговорив о моем старом друге и биографе, я воспользуюсь случаем и объясню, пожалуй, зачем я обременяю себя партнером, распутывая ту или иную загадку. Я делаю это не из прихоти и не из дружеского расположения к Уотсону, а потому, что он обладает присущими только ему особенностями, о которых обычно умалчивает, когда с неумеренным пылом описывает мои таланты. Партнер, пытающийся предугадать ваши выводы и способ действия, может лишь испортить дело, но человек, который удивляется каждому новому обстоятельству, вскрытому в ходе расследования, и считает загадку неразрешимой, является идеальным помощником.

Судя по заметкам в моей записной книжке, мистер Джеймс М. Додд посетил меня в январе 1903 года, сразу же, как только закончилась война с бурами. Это был высокий, энергичный, обожженный солнцем англичанин. Старина Уотсон в то время покинул меня ради жены — единственный эгоистический поступок, совершенный им за все время, что мы знали друг друга. Я остался один.

У меня есть привычка садиться спиной к окну, а посетителя усаживать в кресло напротив, так, чтобы свет падал на него. Мистер Джеймс М. Додд, видимо, испытывал некоторое затруднение, не зная, с чего начать беседу. Я же не торопился прийти ему на помощь, предпочитая молча наблюдать за ним. Однако я не раз убеждался, как важно поразить клиентов своей осведомленностью, и потому решил наконец сообщить кое-какие выводы.

— Из Южной Африки, сэр, я полагаю?

— Да, сэр, — ответил он с некоторым удивлением.

— Имперский, кавалерийский полк территориальной армии, разумеется.

— Совершенно правильно.

— Мидлсекский корпус, несомненно?

— Так точно, мистер Холмс. Да вы чародей!

Видя его изумление, я улыбнулся.

— Когда ко мне приходит столь энергичный на вид джентльмен, с лицом, загоревшим явно не под английским солнцем, и с носовым платком в рукаве, а не в кармане, — совсем не трудно определить, кто он. У вас небольшая бородка, а это значит, что вы не из регулярной армии. Выправка заправского кавалериста. Из вашей визитной карточки видно, что вы биржевой маклер с Трогмортон-стрит, — поэтому я и упомянул Мидлсекс. В каком же еще полку вы могли служить?

— Вы все видите!

— Не больше, чем вы, но я приучил себя анализировать все, что замечаю. Однако, мистер Додд, вы зашли ко мне сегодня утром не ради того, чтобы побеседовать об искусстве наблюдения. Так что же происходит в Таксбери-олд-парк?

— Мистер Холмс!..

— Мой дорогой сэр, я не делаю никакого открытия. Именно это место указано на бланке вашего письма, а из вашей настоятельной просьбы о свидании вытекает, что произошло нечто неожиданное и серьезное.

— Да, да, конечно. Но письмо написано в полдень, и с тех пор произошло многое. Если бы полковник Эмсуорт не выгнал меня…

— Выгнал?!

— По существу, да. Суровый человек этот полковник Эмсуорт. Трудно было сыскать в свое время более исправного армейского служаку, к тому же в армии в те годы грубость вообще считалась чем-то само собой разумеющимся. Я бы не стал связываться с полковником, если бы не Годфри.

Я закурил трубку и откинулся на спинку кресла.

— Может быть, вы объясните, о чем идет речь?

Мистер Додд усмехнулся.

— Я уже привык, что вы сами все знаете. Хорошо, я сообщу вам факты и надеюсь, что вы найдете им объяснение. Я не спал всю ночь, но чем больше ломал голову, тем невероятнее казалась мне вся эта история.

На военную службу я поступил в январе 1901 года, как раз два года назад, и попал в тот же эскадрон, где служил молодой Годфри Эмсуорт. Он был единственным сыном полковника Эмсуорта, того самого, что получил Крест Виктории в Крымской войне, — в жилах у Годфри текла солдатская кровь, и неудивительно, что он пошел добровольцем в армию. Лучшего парня не было во всем полку. Мы подружились, как могут подружиться только люди, которые ведут одинаковый образ жизни, делят одни и те же радости и печали. Он стал моим другом, а в армии это много значит. Целый год мы участвовали в ожесточенных боях, вместе переживали и поражения и победы. Затем в сражении у Брильянт-хилл, близ Претории, он был ранен пулей из крупнокалиберной винтовки. Я получил от него два письма — одно из госпиталя в Кейптауне, другое из Саутгемптона. После этого, мистер Холмс, за шесть с лишним месяцев он не написал мне ни слова, ни единого слова, а ведь он был моим ближайшим другом.

Ну вот. Как только кончилась война и мы вернулись по домам, я написал его отцу и попросил сообщить, что ему известно о Годфри. Никакого ответа. Через некоторое время я

написал снова. На этот раз пришел короткий и грубый ответ. Годфри, говорилось в нем, отправился в кругосветное путешествие и вряд ли вернется раньше, чем через год. Вот и все.

Такой ответ не удовлетворил меня, мистер Холмс. Вся эта история показалась мне чертовски неправдоподобной. Такой парень, как Годфри, не мог забыть так быстро своего друга. Нет, это совсем на него не походило. Кроме того, случайно я узнал, что ему предстояло получить большое наследство и что он не всегда жил в согласии со своим отцом. Старик бывал очень груб, и самолюбивый юноша не хотел покорно переносить его выходки. Нет, нет, ответ отца меня не удовлетворил, и я решил разобраться, что произошло. К сожалению, в результате двухлетнего отсутствия дела мои пришли в расстройство, и только на этой неделе я смог вновь вернуться к истории с Годфри. Но уж если я вернулся, то теперь брошу все, а дело до конца доведу.

Мистер Джеймс М. Додд выглядел человеком, которого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Его голубые глаза выражали непреклонность, а квадратный подбородок свидетельствовал о настойчивом и твердом характере.

— Ну и что же вы сделали? — поинтересовался я.

— Прежде всего я решил побывать у него в доме, в Таксбери-олд-парк, и выяснить обстановку на месте. Я предпринял лобовую атаку и написал его матери (с грубияном отцом я уже столкнулся и больше не хотел с ним связываться), что Годфри был моим приятелем, я мог бы рассказать много интересного о наших совместных переживаниях, и, так как скоро должен побывать в соседних с имением местах, не будет ли она возражать, если я… и т. д. и т. п. В ответ я получил вполне любезное приглашение остановиться на ночь у них. Вот почему я и отправился туда в понедельник.

Не так-то просто оказалось попасть в Таксбери-олд-парк: от ближайшего населенного пункта нужно было добираться до него миль пять. На станцию за мной никто не приехал, и мне пришлось отправиться пешком, с чемоданом в руке, так что, когда я пришел на место, уже почти стемнело. Дом — огромный и какой-то несуразный — стоял посреди большого парка. Я бы сказал, что в нем сочеталась архитектура разных эпох и стилей, начиная с деревянных сооружений елизаветинских времен и кончая портиком в викторианском стиле. Комнаты дома, где, казалось, блуждают тени прошлого и скрыты какие-то тайны, были обшиты панелями и украшены многочисленными гобеленами и полувыцветшими картинами. Старик дворецкий, по имени Ралф, был, наверно, не моложе самого дома, а его жена — еще дряхлее. Несмотря на ее странный вид, я сразу почувствовал к ней расположение: она была нянькой Годфри, и я не раз слышал, как он называл ее своей второй матерью. Мать Годфри — маленькая, ласковая, седенькая, как белая мышь, старушка — тоже мне понравилась. Зато сам полковник никакой симпатии у меня не вызвал.

Мы поссорились с ним в первые же минуты, и я бы немедленно вернулся на станцию, если бы не мысль о том, что именно этого он, возможно, и добивается.

Едва я появился в доме, как меня сразу провели к нему в кабинет, где я увидел огромного сутулого человека с прокопченной — так мне показалось — кожей и седой растрепанной бородой; он сидел за письменным столом, заваленным бумагами. Покрытый красными жилками нос торчал, как клюв грифа, а из-под косматых бровей свирепо смотрели серые глаза. Теперь я понял, почему Годфри так неохотно говорил об отце.

— Ну-с, сэр, — пронзительным голосом начал он, — хотелось бы мне знать истинные причины вашего визита.

Я ответил, что уже объяснил их в письме его жене.

— Да, да, вы утверждаете, что знали Годфри в Африке. Но почему, собственно, мы должны верить вам на слово?

— У меня с собой его письма.

— Позвольте взглянуть.

Он быстро просмотрел два письма, которые я вручил, потом бросил их мне обратно.

— Ну и что же? — спросил он.

— Я привязался к вашему сыну Годфри, сэр. Нас связывала большая дружба, мы с ним много пережили. Меня, естественно, удивляет, почему он вдруг перестал писать мне. Я хочу знать, что с ним произошло.

— Насколько мне помнится, я уже писал вам и все объяснил. Он отправился в кругосветное путешествие. Служба в Африке отрицательно сказалась на его здоровье, и мы с его матерью решили, что ему необходимы полный отдых и перемена обстановки. Не откажите в любезности поставить об этом в известность всех других его приятелей.

— Разумеется, — ответил я. — Но будьте добры, назовите, пожалуйста, пароходную линию и корабль, на котором он отплыл, а также дату отплытия. Уверен, что мне удастся переслать ему письмо.

Моя просьба одновременно и озадачила, и привела в раздражение моего хозяина. Его мохнатые брови нахмурились, он нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Наконец он взглянул на меня, и на его лице появилось то же самое выражение, какое бывает у шахматиста, оценившего все коварство очередного хода противника и решившего достойно его парировать.

— Мистер Додд, — сказал он, — многие на моем месте нашли бы вашу настойчивость возмутительной, переходящей в откровенную наглость.

— Моя настойчивость только доказывает, как искренне я привязан к вашему сыну, сэр.

— Не спорю. Именно поэтому я проявляю такую снисходительность. И тем не менее я вынужден просить вас отказаться от дальнейшего наведения всяких справок. У каждой семьи есть свои сугубо частные дела, и не всегда уместно посвящать в них посторонних, какими бы добрыми побуждениями те ни руководствовались. Моей жене очень хотелось бы услышать все, что вы знаете о военной жизни Годфри, но я прошу вас не задавать вопросов, относящихся к настоящему или будущему. Это ни к чему не приведет, а только поставит нас в щекотливое и даже трудное положение.

Я понял, мистер Холмс, что из расспросов ничего не выйдет. Мне оставалось лишь принять условия старика, но в душе я дал клятву не успокаиваться до тех пор, пока не выясню судьбу друга. Вечер прошел скучно. Мы втроем мирно поужинали в мрачной и какой-то поблекшей комнате. Старушка нетерпеливо расспрашивала меня о своем сыне, старик был угрюм и подавлен. Церемония ужина производила на меня столь тягостное впечатление, что под первым же благовидным предлогом я извинился и ушел в отведенную мне комнату. Это была большая, скудно обставленная комната на первом этаже, такая же мрачная, как и весь дом, но если в течение целого года единственным ложем человеку служила южноафриканская степь, мистер Холмс, он перестает быть чересчур разборчивым в отношении ночлега. Я раздвинул занавеси и выглянул в парк; вечер выдался великолепный, яркий лунный свет заливал все вокруг. Я уселся перед пылающим камином, поставил лампу на столик и попытался занять себя чтением романа. Дверь вдруг отворилась, и вошел старик дворецкий Ралф с корзиной угля в руках.

— Я подумал, сэр, что вам может не хватить угля на ночь. Комнаты эти сырые, а погода холодная.

Старик явно не спешил уходить, и, оглянувшись, я увидел, что он все еще топчется на месте с каким-то тоскливым выражением на морщинистом лице.

— Прошу прощения, сэр, но я нечаянно услышал, как вы рассказывали во время ужина о нашем молодом господине Годфри. Вы знаете, сэр, моя жена нянчила его, и я люблю его, как отец. Нам тоже интересно о нем послушать. Так вы говорите, сэр, он был хорошим солдатом?

— В полку не было человека храбрее его. Если бы не Годфри, я, возможно, не сидел бы сейчас здесь — однажды он вытащил меня из-под обстрела.

Старик дворецкий потер костлявые руки.

— Да, сэр, да, узнаю нашего молодого господина Годфри! В смелости ему не откажешь. В нашем парке, сэр, нет ни одного дерева, на которое бы он не взбирался. Ничто не могло его остановить. Какой был замечательный мальчик, сэр, какой был замечательный молодой человек!

Я вскочил.

— Послушайте! — воскликнул я. — Вы сказали «был», словно речь идет о мертвом. Что-то вы все скрываете! Что случилось с Годфри Эмсуортом?

Я схватил старика за плечо, но он отшатнулся.

— Не понимаю, сэр, о чем вы толкуете. Спросите о молодом господине у хозяина. Он знает. А мне запрещено вмешиваться.

Он хотел уйти, но я удержал его за руку.

— Или вы ответите мне на один вопрос, или я продержу вас здесь всю ночь. Годфри мертв?

Старик не мог поднять на меня глаза. Он стоял, словно загипнотизированный, а когда собрался с силами и ответил, я услышал нечто ужасное и совершенно неожиданное.

— Уж лучше бы он был мертв! — воскликнул старик и, вырвавшись из моих рук, выбежал из комнаты.

Вы понимаете, мистер Холмс, в каком настроении я снова опустился в кресло. Слова старика могли означать только одно: либо мой бедный друг замешан в каком-то преступлении, либо, в лучшем случае, совершил недостойный поступок, затрагивающий честь семьи. Непреклонный старик услал куда-то сына, укрыл его от глаз людских, опасаясь, как бы скандал не выплыл наружу. Годфри был сорвиголова и легко поддавался влиянию окружающих. Несомненно, он попал в чьи-то дурные руки, его обманули и погубили. Жаль, конечно, если это так, но и сейчас мой долг состоял в том, чтобы найти его и выяснить, чем можно ему помочь. Погруженный в эти размышления, я машинально поднял глаза и увидел перед собой… Годфри Эмсуорта!..

Мой клиент умолк, вновь охваченный волнением.

— Прошу вас, продолжайте, — сказал я. — История и в самом деле не совсем обычная.

— Он стоял за окном, мистер Холмс, прижимаясь лицом к стеклу. Я уже говорил вам, что незадолго до этого любовался парком, освещенным луной, и, очевидно, неплотно задвинул занавески на окне. В образовавшемся между ними просвете и стоял мой друг. Окно начиналось от самого пола, и я видел Годфри во весь рост, но прежде всего мне бросилось в глаза его лицо. Оно было мертвенно-бледное — ни у кого никогда я не видел такого бледного лица. Так, наверно, выглядят привидения, но когда наши взгляды встретились, я понял, что передо мной живой человек. Он заметил, что я смотрю на него, отскочил от окна и скрылся в темноте.

Вид Годфри, мистер Холмс, поразил меня. Не только это лицо, белевшее в темноте, словно ломоть сыра, но еще больше его жалкое, виноватое, какое-то приниженное выражение. Оно было так несвойственно прямодушному и мужественному юноше, каким я знал Годфри. Я содрогнулся от ужаса.

Но тот, кто провоевал год-другой, приучается сохранять хладнокровие и мгновенно принимать решения. Едва Годфри исчез, как я оказался у окна. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы справиться с замысловатым шпингалетом и распахнуть окно. Я выскочил в парк и побежал по тропинке, по которой мог скрыться Годфри.

Тропинка, казалось, не имела конца, среди деревьев царил полумрак, но все же — или зрение обманывало меня? — я заметил впереди что-то движущееся. Несколько раз на бегу я

окликнул Годфри по имени. Добравшись до конца тропинки, я обнаружил несколько дорожек, разбегавшихся в разных направлениях к каким-то постройкам. Я в нерешительности остановился и тут же услышал стук закрывающейся двери. Звук долетел не из дома, оставшегося у меня за спиной, а откуда-то из темноты, впереди меня. Этого было достаточно, мистер Холмс, чтобы рассеять мои сомнения в реальности происходящего. Это был Годфри, и, скрываясь от меня в доме, он захлопнул за собой дверь. Я был твердо в этом убежден.

Мне не оставалось ничего другого, как вернуться в свою комнату, где я провел бессонную ночь, размышляя и пытаясь найти какое-то объяснение случившемуся.

На следующий день полковник разговаривал со мной более дружелюбным тоном, а когда его жена вскользь заметила, что места вокруг очень живописные, я воспользовался случаем и спросил, не очень ли помешаю им, если останусь еще на ночь. Старик, хотя и не очень охотно, ответил согласием, и таким образом я получил для своих наблюдении целый день. Я уже не сомневался, что Годфри скрывается где-то поблизости, но где и почему — эту загадку мне предстояло решить.

Дом был такой большой и так беспорядочно построен, что в нем мог бы укрыться целый полк, и никто бы об этом не узнал. Если разгадка тайны скрывалась в самом доме, мне нечего было и надеяться на успех. Но дверь, стук которой я слышал, находилась безусловно не в доме. Мне предстояло обследовать парк и выяснить, какие строения в нем расположены. Задача не представляла особой трудности, поскольку хозяева занимались своими делами и предоставили меня самому себе.

Усадьба состояла из нескольких надворных построек, а в конце парка находился изолированный флигель, предназначенный, видимо, для садовника или егеря. Не здесь ли и хлопнула дверь накануне ночью? С небрежным видом, будто прогуливаясь по саду, я приблизился к флигелю. Как раз в это время невысокий энергичный человек с бородкой, в черном пальто и в шляпе-котелке вышел из двери. Он совсем не походил на садовника. Выйдя из домика, он, к моему изумлению, закрыл дверь на замок и положил ключ в карман. Потом он с некоторым удивлением взглянул на меня.

— Вы здесь в гостях? — спросил он.

Я объяснил причины своего приезда и подчеркнул, что являюсь другом Годфри.

— Какая жалость, что ему пришлось отправиться в путешествие, — продолжал я, — наша встреча доставила бы ему удовольствие.

— Вот именно, — ответил он несколько сконфуженно. — Но ничего, вы еще побываете здесь в более подходящее время.

Неизвестный ушел, но, обернувшись через некоторое время, я заметил, что он стоит за лавровыми кустами в дальнем конце сада и наблюдает за мной.

Продолжая прогуливаться, я внимательно осмотрел домик. Тяжелые шторы на окнах не позволяли заглянуть внутрь, но во флигеле, видимо, никого не было. Я чувствовал, что за мной по-прежнему наблюдают, и понял, что испорчу себе всю игру, если буду действовать слишком уж дерзко. Мне просто-напросто предложат убраться из поместья. Я решил отложить дальнейшие поиски до наступления вечера и не спеша вернулся в свою комнату. Как только стемнело и все кругом затихло, я выскользнул в окно и, соблюдая величайшую осторожность, прокрался к таинственному домику.

Я уже говорил, что тяжелые шторы не позволяли заглянуть внутрь, а теперь окна были закрыты еще и ставнями. Однако в одном месте сквозь них пробивалась полоска света, и я прильнул к окну. Мне повезло: шторы оказались задернутыми небрежно, в ставне нашлась узенькая щель, и я смог разглядеть все внутри. Это была довольно уютная, освещенная яркой лампой комната с пылающим камином. Напротив меня сидел невысокий человек — с ним я разговаривал сегодня утром. Он покуривал трубку и читал газету…

— Какую? — поинтересовался я.

Мне показалось, что мой клиент несколько раздражен тем, что я перебил его.

— Разве это имеет значение? — спросил он.

— Имеет, и очень важное.

— Я не обратил внимания.

— Но, возможно, вы заметили, какого формата была газета — большая или размера еженедельника?

— Теперь, после вашего вопроса, припоминаю, что небольшого. Возможно, это был журнал «Спектейтор». Но у меня не было времени интересоваться подобными деталями, я видел в комнате второго человека. Он сидел спиной к окну, и я готов был поклясться, что это Годфри. Его лица я не видел, но узнал своего друга по знакомой покатости плеч. Он сидел, повернувшись к камину и опираясь на руку, и вся его поза выражала величайшую меланхолию. Пока я раздумывал, как поступить дальше, кто-то сильно толкнул меня в спину, и я увидел рядом с собой полковника Эмсуорта.

— Идите за мной, сэр, — тихо проговорил он и молча направился к дому.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним в отведенную мне комнату. В вестибюле он захватил с собой железнодорожное расписание.

— Поезд в Лондон отправляется в восемь тридцать, — сказал он. — Двуколка будет ждать у подъезда в восемь.

Полковник даже побелел от ярости, а я испытывал такой стыд, что мог пролепетать в свое оправдание лишь несколько бессвязных фраз, объясняя свой поступок беспокойством за друга.

— Вопрос не подлежит обсуждению, — резко ответил полковник. — Вы нагло вмешались в частные дела нашей семьи. Вы приехали сюда как гость, а оказались шпионом. Нам не о чем больше говорить, хочу только добавить, что не имею ни малейшего желания еще раз встречаться с вами.

Я не сдержался, мистер Холмс, и заговорил со стариком с некоторой горячностью:

— Я видел вашего сына и убежден, что по каким-то причинам вы прячете его от всех. Не знаю, чем это вызвано, но не сомневаюсь, что он лишен возможности действовать по собственной воле. Предупреждаю вас, полковник Эмсуорт, что до тех пор, пока я не получу доказательств, что жизни моего друга ничто не угрожает, я не откажусь от попыток до конца разобраться в этой тайне; я не позволю себя запугать, что бы вы ни говорили и ни делали.

Я опасался, что взбешенный старик вот-вот бросится на меня. Я уже сказал, что это был высоченный и энергичный старик великан, и, хотя я и сам не из числа слабых, мне пришлось бы туго, если бы мы с ним схватились. Он долго с гневом смотрел на меня, потом резко повернулся и вышел. Я же сел в поезд, полный решимости немедленно обратиться к вам за советом и помощью. Письмо с просьбой о свидании я направил вам несколько раньше.

Такова была загадка, которую мне предложил мой посетитель. Проницательный читатель, вероятно, уже понял, что она не представляла особых трудностей, поскольку существовало всего два-три варианта ее решения. И все же, несмотря на простоту, она содержала несколько интересных и необычных деталей, что, собственно, и заставило меня выбрать ее, когда я взялся за перо. Применяя свой обычный метод, я продолжал сокращать количество возможных решений.

— Сколько всего слуг в доме? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, только старик дворецкий и его жена. Эмсуорты живут очень просто.

— Следовательно, во флигеле слуги не было?

— Нет, если только его обязанности не выполняет маленький человек с бородой. Однако он совсем не похож на слугу.

— Очень важное обстоятельство. Вы не замечали, пища доставляется во флигель из дома?

— Сейчас припоминаю, что однажды я видел, как Ралф шел по дорожке парка к флигелю с корзиной в руках. Но тогда мне и в голову не пришло, что он нес еду.

— Ну а на месте вы наводили какие-нибудь справки?

— Да, я разговаривал с начальником станции и с хозяином деревенской таверны. Я интересовался, известно ли им что-нибудь о моем старом товарище Годфри Эмсуорте. Оба они утверждали, что он отправился в кругосветное путешествие. По их словам, он вернулся домой из армии, но почти сразу же отправился путешествовать. Очевидно, это общее мнение.

— Вы ничего не говорили о своих подозрениях?

— Ни слова.

— Похвально. Дело, безусловно, нужно расследовать. Я поеду вместе с вами в Таксбери-олд-парк.

— Сегодня?

Случилось так, что в то время я заканчивал дело, названное моим другом Уотсоном «Приключением в школе аббатства», — в нем был серьезно замешан герцог Греймипстерский. Кроме того, я получил одно поручение от турецкого султана, что требовало от меня немедленных действий, ибо в противном случае могли возникнуть самые неприятные политические последствия. Вот почему, судя по записям в моем дневнике, я только в начале следующей недели смог поехать в Бедфордшир вместе с мистером Джеймсом М. Доддом. По пути на вокзал Юстон мы прихватили с собой седого джентльмена — сурового и молчаливого; с ним я договорился заранее.

— Это мой старый приятель, — объяснил я Додду. — Возможно, его присутствия и не потребуется, но, возможно, оно окажется необходимым. Пока нет смысла вдаваться в детали.

Из рассказов Уотсона читатели, несомненно, знают, что я обычно не трачу слов впустую и не люблю раньше времени делиться своими мыслями. Додда удивляло мое поведение, но он молчал, и мы продолжали поездку. В поезде я задал мистеру Додду еще один вопрос: мне хотелось, чтобы его ответ услышал наш спутник.

— Вы, как мне помнится, сказали, что успели хорошо разглядеть лицо вашего друга в окне, настолько хорошо, что сразу его узнали. Это так?

— Никаких сомнений. Он прижался к стеклу вплотную, и свет лампы падал как раз на его лицо.

— Но, возможно, это был кто-нибудь другой, похожий на вашего.

— Нет и нет.

— Однако вы утверждали, что он изменился?

— Изменился только цвет его лица. Оно было — как бы вам сказать? — такого же белого цвета, как, скажем, живот рыбы. Словно выбеленное.

— Все или частично?

— Пожалуй, частично. Особенно мне бросился в глаза его лоб, когда он прижимался к стеклу.

— Вы окликнули Годфри?

— В ту минуту я был страшно удивлен и даже потрясен. Потом, как я уже рассказывал, я бросился за ним вдогонку, но безуспешно.

По существу, мне уже все было ясно, оставалось лишь уточнить одну небольшую деталь. После довольно продолжительной поездки мы добрались наконец до странного, беспорядочно построенного дома; дверь нам открыл старик дворецкий Ралф. Коляску я нанял на весь день и попросил своего старого друга побыть в ней, пока мы его не позовем. На Ралфе, маленьком морщинистом старичке, был обычный костюм — черный пиджак и брюки в полоску, но с одним

курьезным дополнением. На руках у него я увидел коричневые кожаные перчатки. При нашем появлении он торопливо стянул их и положил на столик в вестибюле. Как уже, очевидно, отмечал мой друг Уотсон, я наделен отличным обонянием и потому сразу ощутил хотя и слабый, но характерный запах, исходивший, насколько я мог определить, от этого столика. Я повернулся, положил на него шляпу, как бы нечаянно столкнул ее на пол и, нагнувшись за ней, принюхался. Да, странный дегтярный запах исходил, несомненно, от перчаток, оказавшихся благодаря моей уловке не больше чем в футе от моего носа. Направляясь в кабинет хозяина, я уже считал расследование законченным. Какая жалость, что мне приходится самому выступать в роли рассказчика и раскрывать свои карты! Ведь только умалчивая до поры до времени о самых важных звеньях цепи, Уотсон умел так эффектно заканчивать свои истории.

Полковника Эмсуорта в кабинете не оказалось, но, извещенный Ралфом, он вскоре предстал перед нами. Сначала мы услышали в коридоре быстрые, тяжелые шаги. Потом распахнулась дверь, и в комнату ворвался ужасного вида старик. В руке он держал наши визитные карточки, которые тут же изорвал в мелкие клочки и, бросив на пол, принялся топтать.

— Разве я не советовал вам не совать свой проклятый нос в чужие дела? Разве не предупреждал, что не желаю вас больше видеть? Не вздумайте еще хоть раз показать мне свою гнусную физиономию! Если вы осмелитесь снова появиться здесь без моего разрешения, я пристрелю вас, сэр! Такое же предупреждение, — он повернулся ко мне, — я делаю и вам. Мне известна ваша подлая профессия, но применяйте свои так называемые таланты где-нибудь в другом месте, только не здесь.

— Я никуда отсюда не уйду, — решительно заявил мой клиент, — пока не услышу от самого Годфри, что он в безопасности.

Наш нелюбезный хозяин звонком вызвал дворецкого.

— Ралф, — распорядился он, — позвоните в полицию и попросите инспектора прислать двух полицейских. Объясните, что у меня в доме воры.

— Минуточку, — сказал я. — Вы должны понять, мистер Додд, что полковник Эмсуорт поступает справедливо. Мы не имеем права вторгаться в его дом. Вместе с тем и ему надо понять, что ваши действия вызваны только беспокойством о его сыне. Позволю себе выразить надежду, что, если я получу возможность поговорить с полковником Эмсуортом минут пять, мне, безусловно, удастся изменить его настроение.

— Не так легко меня переубедить, — отрезал старый вояка.

— Ралф, выполняйте приказание. Какого дьявола вы ждете? Звоните в полицию!

— Ничего подобного, — сказал я и встал в дверях. — Вмешательство полиции приведет к той самой катастрофе, которой вы так опасаетесь. — Я вынул блокнот, написал на нем всего лишь одно слово и передал вырванный листок полковнику Эмсуорту.

— Вот поэтому-то мы и приехали сюда, — пояснил я.

Некоторое время он молча смотрел на листок из блокнота, и выражение его лица постепенно менялось. Оторвавшись наконец от листка, он в удивлении посмотрел на нас.

— Как вы узнали? — с трудом проговорил он, тяжело опускаясь в кресло.

— Я обязан был узнать. Такова моя профессия.

Наш хозяин погрузился в глубокое раздумье. Он сидел и молча теребил свою растрепанную бороду, потом махнул худой рукой, и этот жест означал, что старик вынужден покориться обстоятельствам.

— Ну что ж, если вы желаете повидать Годфри, пожалуйста: Я не хотел этого, но бессилен помешать. Ралф, скажите Годфри и мистеру Кенту, что мы зайдем к ним минут через пять.

Когда истекло это время, мы прошли по дорожке через парк и очутились перед таинственным флигелем. У двери стоял невысокий бородатый человек и с удивлением смотрел на нас.

— Как все неожиданно, полковник Эмсуорт! — воскликнул он. — Это расстраивает все наши планы.

— Ничего не могу поделать, мистер Кент. Нас вынудили. Как мистер Годфри?

— Он ждет.

Кент повернулся и провел нас в большую, просто обставленную гостиную. Спиной к камину стоял человек. Мой клиент бросился к нему с протянутой рукой.

— Годфри, старина!

Однако человек у камина знаком остановил его.

— Не прикасайся ко мне, Джимми, не подходи. Да, да, смотри на меня во все глаза. Я теперь не очень похож на бравого капрала Эмсуорта из эскадрона «Б», не так ли?

Действительно, выглядел капрал Годфри Эмсуорт по меньшей мере странно. Еще совсем недавно это был красивый, загоревший под африканским солнцем юноша, а сейчас его лицо покрывали беловатые пятна, кожа казалась как бы выбеленной.

— Вот почему я неприветлив с гостями, — заметил он. — Тебя-то я рад видеть, Джимми, однако не могу сказать того же о твоем знакомом. Он, вероятно, не случайно оказался здесь, но не знаю, что привело его сюда.

— Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Годфри. Я видел, как ты вчера вечером заглядывал в мое окно, и решил во что бы то ни стало узнать, что у вас происходит.

— О твоем приезде мне рассказал старина Ралф, и я не мог удержаться, чтобы не взглянуть на тебя. Я надеялся, что ты не заметишь меня, и бросился со всех ног в свою нору, когда ты подошел к окну.

— Боже, но что же с тобой?

— Ну, объяснение не займет много времени, — ответил он, закуривал сигарету. — Ты помнишь утренний бой в Баффелспруите, около Претории, на Восточной железной дороге? Ты слышал, что я был тогда ранен?

— Да, слышал, но подробностей не знаю.

— Я и еще двое наших отстали от своей части. Если ты помнишь, местность там холмистая. Со мной были Симпсон, тот самый парень, которого мы называли Лысым Симпсоном, и Андерсон. Мы прочесывали участок, но солдаты противника хорошо укрылись и внезапно напали на нас. Симпсон и Андерсон были убиты, а я был ранен в плечо. Правда, мне удалось удержаться на лошади, и она проскакала несколько миль, прежде чем я потерял сознание и свалился с седла.

Когда я пришел в себя, уже наступила ночь, и хотя я ослаб и чувствовал себя очень плохо, все же сумел приподняться и осмотреться. С удивлением я обнаружил, что нахожусь недалеко от большого здания с широкой верандой и множеством окон. Было очень холодно. Ты помнишь этот отвратительный холод — он всегда наступал по вечерам, вызывал какое-то болезненное состояние и не имел ничего общего с бодрящей, здоровой прохладой. Так вот, я очень замерз, и мне казалось, что я выживу только в том случае, если доберусь до какого-нибудь крова. С трудом поднялся и потащился, почти не сознавая того, что делаю. Мне смутно помнится, как я медленно поднялся по ступеням крыльца, вошел через распахнутую дверь в большую комнату, где стояло несколько кроватей, и со вздохом облегчения бросился на одну из них. Постель не была заправлена, но меня это вовсе не обеспокоило. Я дрожал и, натянув на себя простыни и одеяло, мгновенно погрузился в глубокий сон.

Проснулся я утром, и мне сразу же показалось, что какая-то сила перенесла меня из реального мира в царство кошмаров. В огромные, без занавесок окна вливались лучи

африканского солнца и ярко освещали большую голую спальню с выбеленными стенами. Передо мною стоял низенький, похожий на гнома человек с головой-луковицей; он размахивал обезображенными, напоминавшими коричневые губки руками, и что-то возбужденно трещал по-голландски. За ним я увидел группу людей, которых, видимо, очень забавляла эта сцена. У меня же при взгляде на них стала стынуть кровь. Ни одного из них нельзя было назвать нормальным человеческим существом: изуродованные, искривленные, распухшие. Жуткое впечатление производил смех этих уродов.

Никто из них, кажется, не знал английского языка, но обстановка вскоре прояснилась, ибо существо с головой-луковицей уже пришло в ярость, с какими-то звериными возгласами ухватилось за меня своими изуродованными руками и принялось стаскивать с кровати, не обращая внимания на то, что из моей раны снова хлынула кровь. Маленькое чудовище обладало звериной силой, и не знаю, что оно сделало бы со мной, не появись в комнате какой-то пожилой человек, привлеченный шумом и, судя по манере держаться, обладавший определенной властью. Он бросил несколько сердитых слов по-голландски, и мой мучитель сейчас же оставил меня в покое. Потом человек повернулся и с величайшим изумлением уставился на меня.

— Каким образом вы оказались здесь? — не скрывая удивления, спросил он. — Одну минуту! Я вижу, вы утомлены и ранены. Я врач и сейчас перевяжу вас. Но, Боже мой, здесь вам угрожает еще большая опасность, чем на поле боя. Вы попали в больницу для прокаженных и провели ночь в постели больного проказой.

Нужно ли рассказывать дальше, Джимми? Оказывается, в связи с приближением фронта все эти несчастные были накануне эвакуированы. После того как англичане продвинулись вперед, доктор — он оказался заведующим больницей — доставил своих пациентов обратно. Он сказал, что, хотя и считает себя невосприимчивым к проказе, все же не осмелился бы сделать то, что сделал я. Он поместил меня в отдельную палату, внимательно ухаживал за мной, а через неделю отправил в военный госпиталь в Преторию.

Вот и вся моя трагическая история. Вопреки всему я еще на что-то надеялся, но уже после возвращения домой ужасные знаки, которые ты видишь у меня на лице, дали знать, что болезнь не пощадила меня. Что мне оставалось делать? Наша усадьба расположена в уединенной местности. Нас обслуживают двое слуг, на которых мы могли полностью положиться. У нас есть флигель, где я мог жить. Врач, мистер Кент, согласился разделить со мной уединение и обязался хранить тайну. Казалось, все очень просто. А что ожидало меня, если бы мы открыли тайну моего заболевания? Пожизненная изоляция вместе с совершенно чужими людьми, без всякой надежды на освобождение. Нам оставалось только одно: соблюдать строжайшую тайну, иначе разразился бы скандал и ничто не спасло бы меня от ужасной участи. Даже тебя, Джимми, даже тебя пришлось держать в неведении! Ума не приложу, почему вдруг отец смягчился.

Полковник Эмсуорт показал на меня.

— Вот господин, вынудивший меня сделать это. — Он развернул листок бумаги, на котором я написал слово «Проказа».

— Я решил, что если уж он знает так много, то будет безопаснее, если узнает все.

— Правильно, — ответил я. — Возможно, именно поэтому все закончится очень хорошо. Насколько я понимаю, пока лишь мистер Кент наблюдал своего пациента. Позвольте спросить, сэр: вы действительно специалист по таким заболеваниям?

— Я просто врач, — несколько сухо ответил мистер Кент.

— Не сомневаюсь, сэр, что вы вполне компетентный врач, но уверен, что вы не станете возражать, если вам предложат выслушать еще чье-то мнение. Если не ошибаюсь, вы пока не сделали этого из опасения, что вас заставят изолировать вашего пациента.

— Именно так, — подтвердил полковник Эмсуорт.

— Я предвидел, что возникнет подобная ситуация, — продолжал я, — и привез с собой друга, на чье молчание вполне можно положиться. В свое время я оказал ему профессиональную услугу. И он готов дать совет скорее как друг, чем как специалист. Я говорю о сэре Джеймсе Саундерсе.

Перспектива побеседовать со своим главнокомандующим не вызвала бы у младшего офицера такого энтузиазма, какой отразился на лице мистера Кента при моих словах.

— Буду весьма польщен, — пробормотал он.

— В таком случае я приглашу сюда сэра Джеймса. Он ждет в коляске у ворот. Мы же, полковник Эмсуорт, пройдем в ваш кабинет, где я сочту своим долгом дать вам необходимые разъяснения.

Именно сейчас я и почувствовал, как мне недостает моего Уотсона. Уж он-то всякими интригующими вопросами и возгласами удивления умеет возвысить мое несложное искусство до уровня чуда, хотя в действительности оно представляет собой не что иное, как систематизированный здравый смысл. Я же, выступая в качестве рассказчика, лишен возможности прибегать к подобным методам. Поэтому ограничусь тем, что изложу здесь ход своих рассуждений, как изложил его маленькой аудитории в кабинете полковника Эмсуорта.

— Размышляя над всей этой историей, я исходил из предпосылки, что истиной, какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить все невозможное. Не исключено, что это оставшееся допускает несколько объяснений. В таком случае необходимо проанализировать каждый вариант, пока не останется один, достаточно убедительный. Применим сейчас этот метод к нашему случаю. В том виде, в каком дело было изложено мне впервые, оно допускало только три возможных ответа на вопрос, чем вызвано добровольное уединение или принудительное заключение этого джентльмена в имении отца: либо он скрывался от привлечения к ответственности за какое-то преступление, либо сошел с ума и родители не хотели посылать его в сумасшедший дом, либо у него обнаружили болезнь, требовавшую изоляции. Иных приемлемых объяснений я придумать не мог. Таким образом, предстояло сравнить и проанализировать каждый из этих трех вариантов.

Версия о преступлении не выдерживала серьезной проверки. Нераскрытых преступлений в этом районе не было. Я это твердо знал. Если же речь шла о не раскрытом пока преступлении, интересы семьи, несомненно, потребовали бы поскорее отделаться от виновника и отправить его за границу, а не прятать в доме. Поведение семьи казалось мне необъяснимым.

Более правдоподобной выглядела версия о сумасшествии. Присутствие второго человека во флигеле давало повод предполагать, что вместе с Годфри живет санитар. Тот факт, что, выходя, он закрыл за собой дверь на замок, лишь подтверждало подобную возможность и свидетельствовало о каких-то ограничениях, наложенных на больного. Вместе с тем эти ограничения, видимо, не носили слишком строгий характер, иначе молодой человек не мог бы выйти из флигеля, чтобы взглянуть на своего приятеля. Вы помните, мистер Додд, меня интересовало, какую газету или журнал читал мистер Кент. Я утвердился бы в своем предположении, если бы это оказался «Ланцет» или «Британский медицинский журнал». Душевнобольной может оставаться в частном доме, если за ним присматривает медицинский работник и предупреждены соответствующие власти. Но тогда к чему вся эта таинственность в поведении Эмсуортов? Объяснения я не находил.

Оставалась третья версия, почти невероятная, но все ставившая на свои места. Проказа в Южной Африке очень распространена, и вполне возможно, что в результате какой-то нелепой случайности юноша заразился страшной болезнью. Это поставило его родителей в исключительно трудное положение, так как они, естественно, не хотели, чтобы их сына изолировали. Оставался один выход: постараться сохранить постигшее семью несчастье в тайне, не допустить возникновения слухов и избежать вмешательства властей. Не представляло трудности найти надежного медицинского работника, готового за

соответствующее вознаграждение взять на себя уход за больным. Наконец, не было никаких оснований отказывать больному в некоторой свободе передвижения с наступлением темноты. Что касается белого лица юноши, то именно побеление кожи является одним из последствий заболевания проказой.

Это предположение показалось мне настолько убедительным, что я решил действовать так, словно оно уже подтвердилось. Мои последние сомнения рассеялись, когда я заметил, что Ралф носил еду в перчатках, пропитанных дезинфицирующим средством. Всего лишь одним словом, сэр, я дал вам понять, что ваш секрет раскрыт. Я мог бы произнести это слово, но предпочел написать, так как хотел показать вам, что мне можно довериться.

Я уже заканчивал свое краткое сообщение, когда раскрылась дверь и в ней появилась аскетическая фигура великого дерматолога. На этот раз черты его лица, напоминавшего в обычное время лик сфинкса, не казались суровыми, а глаза светились теплотой. Он не спеша подошел к полковнику Эмсуорту и пожал ему руку.

— Чаще всего я приношу плохие вести, — сказал он, — но на этот раз пришел с хорошей новостью. Это не проказа.

— Что?!

— Бесспорный случай псевдопроказы, или ихтиоза, иногда еще называемого «рыбьей чешуей». Это вызывающее отвращение и с трудом поддающееся излечению заболевание кожи, к счастью, не заразно. Да, мистер Холмс, сходство поразительное! Но можно ли его назвать случайным? Разве нельзя предположить, что нервное потрясение, которое пережил молодой человек после соприкосновения с прокаженными, как раз и вызвало подобие того, чего он так боялся? Во всяком случае гарантирую своей профессиональной репутацией… Что это? Дама в обмороке! Побудьте с ней, мистер Кент, пока она не придет в себя. Это от радости.

Камень Мазарини

Доктору Уотсону было приятно снова очутиться на Бейкер-стрит, в неприбранной комнате на втором этаже, этой исходной точке стольких замечательных приключений. Он взглянул на таблицы и схемы, развешанные по стенам, на прожженную кислотой полку с химикалиями, скрипку в футляре, прислоненную к стене в углу, ведро для угля, в котором когда-то лежали трубки и табак, и, наконец, глаза его остановились на свежем улыбающемся лице Билли, юного, но очень толкового и сообразительного слуги, которому как будто удалось перекинуть мостик через пропасть отчуждения и одиночества, окружавшую таинственную фигуру великого сыщика.

— У вас тут все по-старому. И вы сами нисколько не изменились. Надеюсь, то же можно сказать и о нем?

Билли с некоторым беспокойством посмотрел на закрытую дверь спальни.

— Он, кажется, спит, — сказал он.

Стояла ясная летняя погода, и было только семь часов вечера, однако предположение Билли не удивило доктора Уотсона: он давно привык к необычному образу жизни своего старого друга.

— Это означает, если не ошибаюсь, что ему поручено дело, не так ли?

— Совершенно верно, сэр. Он сейчас весь поглощен им. Я даже опасаюсь за его здоровье. Он бледнеет и худеет с каждым днем и ничего не ест. Миссис Хадсон его спросила: «Когда вы изволите пообедать, мистер Холмс?» — а он ответил: «В половине восьмого послезавтра». Вы ведь знаете, какой он бывает, когда увлечен делом.

— Да, Билли, знаю.

— Он кого-то выслеживает. Вчера он изображал рабочего, подыскивающего место. А сегодня нарядился старухой. И так похоже, что я совершенно не узнал его, а уж я бы, кажется, должен знать его приемы.

Усмехнувшись, Билли указал на необыкновенно потрепанный зонтик, прислоненный к дивану.

— Это одна из принадлежностей костюма старухи.

— Но какое у него на этот раз дело, Билли?

Билли понизил голос, словно речь шла о великой государственной тайне.

— Вам я, конечно, скажу, сэр. Но, кроме вас, этого никто не должен знать. Это то самое дело о бриллианте короны.

— Вы говорите о похищении камня в сто тысяч фунтов?

— Да, сэр. Они должны разыскать его во что бы то ни стало. И премьер-министр и министр внутренних дел были у нас и сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был очень любезен с ними. Он совсем не важничал и пообещал сделать все, что только можно. И потом еще лорд Кантлмир…

— Вот как?

— Да, сэр, вы понимаете, что это значит. Он, если только можно так выразиться, ужасно заносчивый. Я могу иметь дело с премьер-министром и ничего не имею против министра внутренних дел — он производит впечатление воспитанного и любезного человека, — но этого лорда я совершенно не выношу. И мистер Холмс тоже. Дело в том, что он не верит в мистера Холмса и возражал против того, чтобы ему поручили дело. Мне кажется, он был бы даже рад, если бы мистер Холмс с ним не справился.

— И мистер Холмс это знает?

— Не было еще такого случая, чтобы мистер Холмс чего-нибудь не знал.

— Ну, я очень надеюсь, что он справится и лорд Кантлмир будет посрамлен. Послушайте, Билли, зачем эта занавеска на окне?

— Мистер Холмс повесил ее три дня тому назад. У нас там есть кое-что любопытное. — Билли подошел и отдернул занавесь, отделявшую комнату от оконной ниши.

Доктор Уотсон невольно вскрикнул от удивления. Перед ним в глубоком кресле сидела точная копия его старого друга, и халат и все остальное были в точности как у Холмса, лицо, на три четверти обращенное к окну, было слегка наклонено вниз, словно над невидимой книгой. Билли снял голову с туловища и подержал ее в руках.

— Мы придаем ей различные положения, чтобы было больше похоже на живого человека. Если бы штора не была спущена, я бы, конечно, не решился ее трогать. Когда штора не задернута, ее видно с той стороны улицы.

— Однажды у нас уже было что-то в этом роде.

— Меня тогда еще здесь не было, — сказал Билли. Он раздвинул шторы и выглянул на улицу. — За нами из того дома ведут наблюдение. Вон в окне человек, хотите посмотреть?

Уотсон сделал шаг вперед, но в это время дверь спальни отворилась, и оттуда появилась худая и длинная фигура Холмса; лицо его осунулось и побледнело, но держался он, как всегда, бодро. Одним прыжком он очутился у окна и поправил штору.

— Довольно, Билли, — сказал он, — вы рисковали жизнью, а как раз сейчас вы мне очень нужны. Рад вас видеть, Уотсон, в вашей старой квартире. Вы явились в критическую минуту.

— Я это чувствую.

— Можете идти, Билли. Не знаю, как быть с этим мальчиком. Насколько я вправе подвергать его опасности.

— Какой опасности, Холмс?

— Опасности внезапной смерти. Я не удивлюсь, если сегодня вечером что-нибудь произойдет.

— Но что именно?

— Например, меня убьют.

— Не может быть, Холмс, вы шутите!

— Даже при моем отсутствии юмора я мог бы придумать лучшую шутку. Но пока что мы можем наслаждаться жизнью, верно? Спиртные напитки вам не противопоказаны? Сифон и сигары на прежнем месте. Надеюсь, вы еще не презираете мой жалкий табак и трубку? В эти дни они должны заменить мне еду.

— Но почему вы отказываетесь от еды?

— Потому что голод обостряет умственные способности. Мой дорогой Уотсон, вы, как врач, должны согласиться, что при пищеварении мозг теряет ровно столько крови, сколько ее требуется для работы желудка. Я сейчас один сплошной мозг. Все остальное — не более чем придаток. Поэтому я прежде всего должен считаться с мозгом.

— Но вы говорили о какой-то опасности, Холмс?

— Ах да, на всякий случай вам, пожалуй, не мешает обременить свою память адресом и именем убийцы. Вы сможете передать эти сведения в Скотленд-Ярд в виде прощального привета от преданного Холмса, Его зовут Сильвиус, граф Негретто Сильвиус. Запишите: Мурсайд-Гарденс, 136, Норд-Вест. Готово?

Честное лицо Уотсона нервно подергивалось. Ему было слишком хорошо известно, что Холмс никогда не останавливался ни перед какой опасностью и скорее склонен был недооценивать ее, чем преувеличивать. Уотсон не привык тратить время даром и решительно поднялся.

— Можете располагать мной, Холмс, в ближайшие дни я совершенно свободен.

— В моральном отношении вы нисколько не изменились к лучшему, Уотсон. Ко всем вашим старым порокам добавился еще один — вы научились лгать. Весь ваш вид говорит о том, что вы загруженный работой врач, которого осаждают больные.

— Среди них ни одного сколько-нибудь серьезного. Но разве вы не можете арестовать этого человека?

— Конечно, могу, Уотсон, поэтому-то он так и беспокоится.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, что я не знаю, где бриллиант.

— Ах да, Билли рассказывал — бриллиант короны.

— Вот именно, огромный желтый камень Мазарини. Я расставил сети, и рыбка уже попалась, но я еще не получил камня. Какой мне толк забирать грабителей? Разумеется, мир станет лучше, если всех их посадить за решетку. Но у меня другая цель — мне нужен камень.

— Так, значит, граф Сильвиус — одна из попавшихся рыбок?

— Да, и при этом акула, которая кусается. Другой — Сэм Мертон, боксер. Сэм — неплохой парень, но граф использует его для своих целей. Он не акула, а всего только глупый большеголовый пескарь. Но все равно он тоже бьется в моих сетях.

— А где этот граф Сильвиус?

— Я сегодня все утро провел у него под самым носом. Вы ведь видели меня в роли старухи. Но так удачно, как в этот раз, у меня еще никогда не получалось. Граф даже поднял мой зонтик со словами «Позвольте мне, сударыня», он ведь наполовину итальянец и, как истинный южанин, умеет быть чрезвычайно любезным, если только он в духе, но если не в духе, — это сущий дьявол. Как видите, Уотсон, в жизни случаются прелюбопытные вещи.

— Но это могло кончиться трагически.

— Не спорю. Я шел за ним до мастерской старого Штраубензе на Майнорис. Ему там изготовили духовое ружье — великолепная штука, и, если не ошиблось, сейчас она находится

в окне напротив. Вы видели манекен? Ах да, Билли вам показывал. В любой момент в эту прекрасную голову может угодить пуля. В чем дело, Билли?

Билли вошел с карточкой на подносе. Холмс взглянул на карточку; брови его поднялись, и на губах появилась усмешка.

— Он решил пожаловать сюда собственной персоной. Этого я не ожидал. Надо хватать быка за рога, Уотсон. Этот человек способен на все. Вы ведь, наверное, слышали, что граф — знаменитый охотник на крупного зверя. Если ему удастся заполучить в свой ягдташ и меня. Это будет достойным и блестящим завершением его спортивной карьеры. Он, конечно, чувствует, что я вот-вот его настигну.

— Пошлите за полицией.

— Вероятно, я так и сделаю, но не сейчас. Поглядите хорошенько, Уотсон, нет ли кого на улице.

Уотсон осторожно выглянул из-за шторы.

— Какой-то верзила стоит около двери.

— Ну так это Сэм Мертон, преданный, но не слишком далекий Сэм. Где же этот джентльмен, Билли?

— В приемной, сэр.

— Когда я позвоню, впустите его.

— Слушаюсь, сэр.

— Если меня не будет в комнате, все равно впустите его.

— Слушаюсь, сэр.

Уотсон подождал, когда закроется дверь, и затем с горячностью обратился к своему собеседнику:

— Послушайте, Холмс, это просто невозможно. Это же отчаянный человек, он ни перед чем не остановится. Может быть, он пришел сюда, чтобы убить вас.

— Что же, я нисколько не удивлюсь.

— В таком случае, я останусь с вами.

— Ваше присутствие может очень помешать.

— Ему?

— Нет, мой дорогой, мне.

— И все-таки я не могу оставить вас одного.

— Нет, Уотсон, вы можете и должны это сделать, вы еще никогда не выходили из игры. Я уверен, что и на этот раз вы доведете ее до конца. Этот человек явился сюда ради своих целей, но, возможно, он останется здесь ради моих. — Холмс вытащил записную книжку и написал несколько строк. — Поезжайте в Скотленд-Ярд и передайте эту записку Югелу из отдела уголовного розыска. Возвращайтесь обратно с полицией, и тогда графа можно будет арестовать.

— Я охотно помогу вам в этом.

— Надеюсь, до вашего возвращения у меня как раз хватит времени, чтобы выяснить, где камень.

Холмс позвонил.

— Пожалуй, нам лучше выйти через спальню. Чрезвычайно удобно иметь второй выход. Я предпочитаю поглядеть на свою акулу так, чтобы она меня не видела, и, вы ведь знаете, для таких случаев у меня кое-что придумано.

Таким образом, когда через минуту Билли впустил Сильвиуса, в комнате никого не было. Знаменитый стрелок, спортсмен и франт был крупный смуглый мужчина, его огромные черные

усы прикрывали тонкий жестокий рот, над которым нависал длинный крючковатый нос, напоминавший орлиный клюв. Он был хорошо одет, но его яркий галстук, сверкающая булавка и блестящие кольца слишком резко бросались в глаза. Когда дверь за ним затворилась, он свирепо и вместе с тем испуганно огляделся, словно ожидая на каждом шагу ловушки. Вдруг он резко вздрогнул, заметив у окна безмятежно склоненную голову и воротник халата, видневшийся из-за спинки кресла. Сначала на его лице выразилось полнейшее изумление. Затем черные глаза убийцы радостно сверкнули. Он еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не видит, и затем, приподняв свою тяжелую палку, подкрался на цыпочках к молчаливой фигуре. Он уже присел, чтобы сделать последний прыжок и нанести удар, как вдруг из открывшейся двери спальни его остановил спокойный и насмешливый голос Холмса:

— Смотрите, не разбейте ее, граф!

Убийца отступил назад, его перекошенное лицо выражало изумление. Он снова приподнял опущенную было трость, словно желая перенести свою ярость с изображения на оригинал, но в твердом взгляде серых глаз и насмешливой улыбке Холмса было что-то, заставившее его руку снова опуститься.

— Прелестная вещица! Работа французского мастера Тавернье. Он так же ловко делает восковые фигуры, как ваш приятель Штраубензе — духовые ружья.

— Духовые ружья? Не понимаю, сэр, что вы хотите этим сказать.

— Положите шляпу и трость на столик. Вот так, благодарю вас. И, пожалуйста, присядьте. Быть может, вы заодно вытащите и свой пистолет? Впрочем, если вы предпочитаете сидеть на нем, я не возражаю. Вы пришли очень кстати, мне необходимо с вами поговорить.

Граф угрожающе нахмурил свои густые брови.

— Я тоже хотел сказать вам пару слов, Холмс. Поэтому я и пришел. Не стану отрицать — я только что собирался размозжить вам голову.

Холмс присел на краешек стола.

— Я так и понял, что вам взбрело на ум нечто подобное. Но почему я заслужил такое внимание с вашей стороны?

— А потому, что вы слишком много себе позволяете, мне это начинает действовать на нервы. Потому что вы рассылаете своих приспешников следить за мной.

— Я никого не посылал, даю вам честное слово.

— Не говорите глупостей. Я видел, что за мной следят. Но мы еще посмотрим, кто кого, Холмс.

— Разумеется, это мелочь, граф Сильвиус, но я попросил бы вас обращаться ко мне, соблюдая правила вежливости. Вы понимаете, что по роду своей деятельности мне пришлось бы быть на ты с доброй половиной преступников, и согласитесь, что я не могу делать ни для кого исключения, дабы не вводить в соблазн других.

— Ладно, пусть будет мистер Холмс.

— Прекрасно! Однако, уверяю вас, вы ошибаетесь, утверждая, будто бы я пользуюсь агентами.

Граф Сильвиус презрительно рассмеялся.

— Не думайте, что я глупее вас и ничего не замечаю. Вчера это был какой-то спортсмен. Сегодня — старуха. Они ни на минуту не выпускали меня из виду.

— Вы мне льстите, сэр. Старый барон Даусон за день до того, как его повесили, сказал, что театр потерял в моем лице ровно столько же, сколько выиграло правосудие. А сегодня вы расхваливаете меня за мои маленькие перевоплощения.

— Так это… Так это были вы?

Холмс пожал плечами.

— Вон в углу стоит зонтик, который вы, еще ничего не подозревая, так вежливо вручили мне.

— Если бы я знал, вы бы никогда…

— Я бы никогда не увидел этого скромного жилища, хотите вы сказать? Я это хорошо понимал. Всем нам свойственны промахи, о которых мы потом сожалеем. Но так или иначе вы меня не узнали, и вот я сижу перед вами.

Нахмуренные брови графа, из-под которых угрожающе блестели глаза, сдвинулись еще плотнее.

— Что ж, тем хуже. Значит, это не ваши агенты, а вы сами скоморошничаете и суете нос не в свое дело. Вы сами сознаетесь, что следили за мной. Зачем?

— Полноте, граф, вы ведь когда-то охотились на львов в Алжире.

— Ну так что?

— Позвольте вас спросить: зачем?

— Зачем? Ради спорта, ради сильных ощущений, ради риска.

— И, кроме того, вы хотели очистить страну от хищников?

— Совершенно верно.

— Теперь вам понятна моя цель?

Граф вскочил, и его рука невольно потянулась к заднему карману.

— Сядьте, сядьте, граф. У меня, кроме этого, есть еще и другая, более конкретная цель. Мне нужен желтый бриллиант!

Зловеще улыбаясь, граф Сильвиус снова опустился на стул.

— Вот как, — произнес он.

— Вы отлично знали, что ради этого я следил за вами, и вы только затем и явились сюда сегодня, чтобы выяснить, много ли мне известно и насколько необходимо меня устранить. Можете мне поверить, что с вашей точки зрения это абсолютно необходимо, так как я знаю все, за исключением одного факта, но я рассчитываю узнать о нем от вас.

— Неужели? Интересно, что же это за факт, которого вы не знаете.

— Где находится бриллиант сейчас?

Граф хитро взглянул на собеседника.

— И только-то? Но, черт возьми, как я могу вам это сказать?

— Можете, и вы это сделаете.

— Вы думаете?

— Граф Сильвиус, вам не удастся меня запугать.

Глаза Холмса, устремленные на Сильвиуса, сузились и угрожающе сверкнули, как стальные острия.

— Я вижу вас насквозь, как будто вы стеклянный.

— В таком случае, вы видите, где бриллиант.

Холмс радостно хлопнул в ладоши и затем выразительно поднял палец.

— Итак, вы знаете, где он, вы это сами признали.

— Ничего я не признавал.

— Послушайте, граф, если вы будете благоразумны, мы сможем заключить сделку, а иначе вам не поздоровится.

Граф Сильвиус вперил взор в потолок.

— Кто же кого запугивает — вы меня или я вас?

Холмс посмотрел на него в раздумье, словно гроссмейстер, собирающийся сделать решающий ход. Затем он выдвинул ящик стола и достал оттуда толстый блокнот.

— Знаете, что у меня в этой книжечке?

— Понятия не имею, сэр.

— Вы.

— Я?

— Да, сэр, вы! Вы тут весь — каждый шаг вашей гнусной и преступной жизни.

— Подите вы к черту, Холмс! — вскочил граф, сверкнув глазами. — Не выводите меня из терпения.

— Тут все записано, граф. Все, что касается смерти старой миссис Гаролд, оставившей вам свое владение в Блимере, которое вы так поспешно проиграли.

— Что за чушь!

— И вся история мисс Минни Уоррендер.

— Бросьте! Вы ничего из этого не выжмете.

— И много еще чего, граф. Ограбление в экспрессе по пути на Ривьеру 13 февраля 1892 года. И подделка чека Лионского банка в том же году.

— Ну уж тут вы ошиблись.

— Значит, я не ошибся во всем остальном. Послушайте, граф, вы ведь играете в карты. Какой смысл продолжать игру, если вы знаете, что у противника все козыри?

— Какое отношение имеет вся эта болтовня к драгоценному камню?

— Терпение, граф. Умерьте свою любознательность! Позвольте уж мне изложить дело со свойственной мне дотошностью. Все это улики против вас. Но, помимо этого, у меня есть еще неоспоримые улики по делу о бриллианте и против вас и против вашего телохранителя.

— Какие же это улики?

— Во-первых, показания кэбмена, с которым вы ехали на Уайт-холл, и кэбмена, который вез вас обратно. Во-вторых, показания швейцара, видевшего вас около витрины. И, наконец, у меня есть показания Айки Сандерса, который отказался распилить вам камень. Айки донес на вас, так что игра сыграна.

Вены вздулись на лбу у графа. Стараясь подавить волнение, он судорожно сжимал смуглые волосатые руки. Он попробовал заговорить, но язык не слушался его.

— Вот мои карты. Я все их выложил перед вами. Но одной карты не хватает. Не хватает короля бриллиантов. Я не знаю, где камень.

— И никогда не узнаете.

— Вы так думаете? Ну будьте же благоразумны, граф. Взвесьте все обстоятельства. Вас посадят на двадцать лет. Так же, как и Сэма Мертона. Какой вам прок от камня? Ровно никакого. Но если вы его вернете, я вам обещаю, что дело не дойдет до суда. Ни вы, ни Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его, и, если вы будете хорошо себя вести, я гарантирую вам свободу. Но если вы опять попадетесь, то это будет уже конец. А пока что мне поручено раздобыть камень, а не вас.

— А если я не согласен?

— Ну что ж, тогда придется взять вас, а не камень.

Холмс позвонил, и вошел Билли.

— Я полагаю, граф, что неплохо было бы пригласить на это совещание и вашего приятеля Сэма. Он как-никак тоже заинтересованная сторона. Билли, на улице, у подъезда, вы увидите огромного безобразного джентльмена. Попросите его подняться сюда.

— А если он откажется, сэр?

— Никакого насилия, Билли. Не обращайтесь с ним грубо. Если вы скажете, что его зовет граф Сильвиус, он непременно придет.

— Что вы собираетесь делать? — спросил граф, как только Билли вышел.

— Я только что говорил своему другу Уотсону, что в мою сеть попались акула и пескарь. Сейчас я тяну сеть, и обе рыбы показались из воды.

Граф поднялся со стула, держа руку за спиной. Холмс опустил руку в карман халата.

— Вам не суждено умереть в своей постели, Холмс.

— Да, я уже не однажды об этом думал. Но разве это так уж важно? Похоже, что и вы, граф, примете смерть не в горизонтальном, а в вертикальном положении. Впрочем, все эти мрачные прогнозы только портят настроение. Не лучше ли беспечно наслаждаться сегодняшним днем?

Темные враждебные глаза короля преступного мира внезапно вспыхнули, как у настоящего хищника. Вся фигура Холмса выражала напряжение и готовность в любой момент отразить удар; казалось, что от этого он сделался еще выше.

— Не стоит нащупывать револьвер, мой друг, — спокойно произнес он. — Вы очень хорошо знаете, что не осмелитесь пустить его в ход, даже если бы я дал вам время его вытащить. С этими револьверами не оберешься хлопот. От них так много шума, граф. Лучше уж пользоваться духовыми ружьями. А, я, кажется, слышу легкую поступь вашего достойного компаньона. Добрый день, мистер Мертон! Скучновато дожидаться на улице, не правда ли?

Премированный боксер, грузный молодой человек с глупым, упрямым и грубо обтесанным лицом неловко остановился в дверях, растерянно озираясь по сторонам. Любезный тон Холмса озадачил его, и, хотя Сэм смутно почувствовал в нем враждебность, он не знал, как себя вести. Он повернулся к своему более проницательному товарищу.

— Что тут происходит, граф? Чего ему надо? В чем дело? — Голос его звучал глухо и хрипло.

Граф пожал плечами. Вместо него Сэму ответил Холмс:

— Если говорить кратко, мистер Мертон, ваше дело проиграно.

Боксер продолжал обращаться к своему сообщнику:

— Шутит он, что ли? Так мне сейчас не до шуток.

— Это вполне понятно, — сказал Холмс. — И уверяю вас, что через час-другой вы будете настроены еще менее шутливо. Вот что, граф Сильвиус. Я человек занятой и не могу попусту тратить время. Сейчас я пройду в спальню. Прошу вас не стесняться в мое отсутствие. Без меня вам будет удобнее объяснить своему другу, как обстоит дело. Тем временем я сыграю на скрипке баркаролу из «Сказок Гофмана». Через пять минут я вернусь за окончательным ответом. Надеюсь, вы достаточно ясно уразумели, что вам приходится выбирать одно из двух: или мы заберем вас или камень.

Холмс удалился, прихватив с собой стоявшую в углу скрипку. Минуту спустя из-за закрытой двери спальни послышались протяжные, жалобные звуки этой самой запоминающейся из мелодий.

— Так в чем дело? — спросил Мертон, когда его приятель повернулся к нему. — Он что, знает про камень?

— Будь он проклят, он знает слишком много, а может быть, и все.

— Черт! — Желтоватое лицо боксера слегка побледнело.

— Нас выдал Айки Сандерс.

— Айки? Ну, погоди, я ему сверну шею, хоть бы меня за это повесили.

— Нам от этого легче не станет. Надо решить, что делать.

— Обожди, — сказал боксер, подозрительно глядя на дверь спальни. — С этой хитрой лисицей надо держать ухо востро. Он не подслушивает?

— Как он может подслушивать, когда он играет?

— Это верно. А нет ли кого за занавеской? Слишком уж много тут занавесок.

Боксер стал осматриваться и вдруг в первый раз заметил у окна манекен; в немом удивлении он уставился на него, не в силах произнести ни слова.

— Это восковая кукла, и больше ничего, — объяснил граф.

— Подделка, да? А здорово, мадам Тюссо, небось, такое и не снилось. Прямо как живой, и халат и все остальное. Но черт бы побрал эти занавески, граф!

— Шут с ними, с занавесками, мы только зря тратим время, а у нас его не так уж много. Он может арестовать нас из-за этого камня.

— Черта с два!

— Но если мы скажем, где камень, он нас отпустит.

— Еще чего! Отказаться от камня в сто тысяч фунтов?

— Другого выхода нет.

Мертон почесал коротко остриженную голову.

— Послушай, он ведь тут один. Пристукнуть его, и все. Если мы его прикончим, нам нечего будет бояться.

Граф покачал головой.

— У него есть оружие, и он начеку. Если мы его застрелим, нам вряд ли удается отсюда выбраться. К тому же он наверняка успел сообщить свои сведения полиции. Постой-ка! Что это?

Они услышали слабый звук, который, казалось, доносился со стороны окна. Оба вскочили, но все было тихо. Если не считать странной фигуры в кресле, в комнате, кроме них, никого не было.

— Это на улице, — сказал Мертон. — Ну так слушай, шеф, у тебя есть голова на плечах. Надо что-то придумать. Раз нельзя пустить в ход кулаки, тогда твое дело решать, как быть.

— Я еще и не таких обманывал, — отвечал граф. — Камень-то у меня с собой. В потайном кармане. Я бы ни за что не решился оставить его где-нибудь. Сегодня ночью его можно будет переправить в Амстердам, а там до воскресенья его успеют распилить на четыре части. Он ничего не знает о Ван Седдаре.

— Я думал, Ван Седдар поедет на той неделе.

— Он должен был ехать на той неделе, но теперь ему придется отправиться со следующим же пароходом. Кому-нибудь из нас надо проскользнуть с камнем на Лайм-стрит и предупредить его.

— Второе дно еще не готово.

— Ничего не поделаешь. Придется рискнуть и везти прямо так. Нельзя терять ни минуты.

И снова, как охотник, привыкший быть настороже, он замолчал и пристально посмотрел на окно. Да, этот слабый звук, несомненно, донесся с улицы.

— А Холмса ничего не стоит провести. Этот идиот, чтоб ему было неладно, сказал, что он нас не тронет, если получит камень. Ну, так мы пообещаем ему камень. Наведем его на ложный след, а пока он догадается, в чем дело, камень будет уже в Голландии, а мы сами — за границей.

— Вот это здорово! — довольно ухмыльнулся Сэм Мертон.

— Ты пойдешь к голландцу и скажешь, чтобы он поторапливался. А я возьму на себя этого простака и постараюсь заговорить ему зубы. Я скажу ему, что камень в Ливерпуле. Черт бы

побрал эту музыку, она мне действует на нервы! Пока Холмс выяснит, что в Ливерпуле его нет, камушек будет поделен на четыре части, а мы будем в открытом море. Поди сюда, а то тебя видно через замочную скважину. Вот он, камушек-то.

— Как ты не боишься носить его с собой?

— Это — самое надежное. Если уж мы ухитрились стащить его с Уайтхолл, из моей квартиры его всякий унесет.

— Дай-ка поглядеть.

Граф Сильвиус, не обращая внимания на протянутую грязную руку, бросил не слишком одобрительный взгляд на своего сообщника.

— Уж не думаешь ли ты, что я собираюсь тебя охмурить? Так вот, имейте в виду, граф, мне начинают надоедать ваши штучки.

— Ну ладно, ладно, Сэм, не обижайся. Нам нельзя сейчас ссориться. Если хочешь как следует разглядеть эту красоту, подойди сюда, к окну. На, держи поближе к свету.

— Благодарю вас.

В мгновение ока Холмс спрыгнул с кресла, на котором раньше сидел манекен, и схватил бриллиант. В одной руке он зажал камень, а другой держал пистолет и целился в голову графа. В полном замешательстве оба мошенника отступили назад. Прежде чем они успели опомниться, Холмс нажал кнопку электрического звонка.

— Не вздумайте сопротивляться! Джентльмены, умоляю вас, поберегите мебель! Вам должно быть ясно, что ваше положение безнадежно. Полиция ждет внизу.

Граф был так ошеломлен, что злоба и страх отступили в эту минуту на второй план.

— Но, черт возьми, каким образом? — прохрипел он.

— Ваше удивление вполне естественно. Вы не знаете, что за этой занавеской есть вторая дверь, ведущая в спальню. Если не ошибаюсь, вы должны были слышать, как я снимал манекен с кресла. Но мне повезло, и я подслушал ваш милый разговор, который мог бы оказаться куда менее откровенным, знай вы о моем присутствии.

Граф стоял с видом человека, сложившего оружие.

— Ваша взяла. Холмс. По-моему, вы сущий дьявол.

— Очень может быть, — ответил Холмс, вежливо улыбаясь.

Туго соображающий Сэм Мертон не сразу понял, что произошло. И, только когда на лестнице раздались тяжелые шаги, к нему наконец вернулся дар речи.

— Не иначе как фараон. Но я вот чего не пойму: ведь эта проклятая скрипка все еще пиликает.

— Вы совершенно правы, — ответил Холмс, — пусть ее играет. Эти современные граммофоны — замечательное изобретение:.

В комнату ворвалась полиция, щелкнули наручники, и преступников препроводили в ожидающий их кэб. Уотсон остался, чтобы поздравить Холмса еще с одним новым листком, украсившим его лавровый венок. Их разговор снова был прерван появлением невозмутимого Билли с подносом в руках.

— Лорд Кантлмир, сэр.

— Проводите его сюда, Билли. Это знаменитый пэр, представляющий интересы августейших особ, — сказал Холмс. — Человек верноподданный и в своем роде замечательный, но, если так можно выразиться, несколько старорежимный. Заставим его быть повежливее? Позволим себе небольшую вольность, а? Он, разумеется, еще ничего не знает о случившемся.

Дверь открылась, и на пороге появилась тонкая прямая фигура с продолговатым лицом; черные, как смоль, бакенбарды в средневикторианском стиле не вязались с покатыми плечами

и неуверенной, старческой походкой. Холмс с самым любезным видом подошел к вошедшему и пожал его безответную руку.

— Добрый день, лорд Кантлмир. Сегодня довольно прохладно для летнего времени. Но в комнатах очень тепло. Позвольте, я помогу вам снять пальто.

— Благодарю, я не намерен раздеваться.

— Позвольте, я помогу вам! — настойчиво продолжал Холмс, кладя руку на рукав лорда. — Мой друг, доктор Уотсон, подтвердит, что резкие колебания температуры чрезвычайно вредны.

Его светлость раздраженно отдернул руку.

— Мне вполне удобно, и я не собираюсь задерживаться. Я заглянул сюда только для того, чтобы узнать, как продвигается дело, которое вы сами на себя возложили.

— Трудно… очень трудно.

— Я так и знал, что вы это скажете.

В словах и тоне старого лорда явно чувствовалась насмешка.

— Каждый рано или поздно осознает, что его возможности ограниченны, мистер Холмс. Но по крайней мере это излечивает нас от самоуверенности — столь свойственного людям порока.

— Признаюсь, сэр, я совершенно сбит с толку.

— Это вполне естественно.

— В особенности меня смущает одно обстоятельство. Не могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Вы слишком поздно обратились ко мне за советом. Мне казалось, что вы привыкли полагаться на свой ум во всех случаях жизни. Тем не менее я готов вам помочь.

— Видите ли, лорд Кантлмир, мы, конечно, можем составить обвинение против истинных похитителей камня.

— Когда вы их поймаете.

— Разумеется. Но какие меры воздействия нам следует применить по отношению к укрывателю?

— Не преждевременно ли задаваться подобным вопросом?

— Тем не менее все должно быть продумано заранее. На основании каких улик и кого, по-вашему, следует считать виновным?

— Того, у кого будет обнаружен камень.

— И вы сочли бы это достаточным основанием для ареста?

— Разумеется.

Холмс редко смеялся, но, по словам Уотсона, в эту минуту он был более чем когда-либо близок к смеху.

— В таком случае, дорогой сэр, как это ни прискорбно, я буду вынужден требовать вашего ареста.

— Вы слишком много себе позволяете, мистер Холмс, — не на шутку рассердился лорд Кантлмир, и его желтоватые щеки зарделись давно угасшим пламенем. — За пятьдесят лет моей общественной деятельности мне не приходилось слышать ничего подобного. Я деловой человек, на меня возложены серьезные обязанности, и мне некогда выслушивать глупые шутки. Скажу вам откровенно, сэр, я никогда не верил в ваши таланты, и, по-моему, было бы гораздо лучше, если бы дело поручили официальной полиции. Ваше поведение подтверждает, что я был прав. Имею честь пожелать вам спокойной ночи.

Но Холмс преградил пэру дорогу, встав между ним и дверью.

— Постойте, сэр. Оказаться временным обладателем камня Мазарини — еще куда ни шло. Но если вы выйдете отсюда с камнем, это может повлечь за собой более серьезные обвинения.

— Сэр, это становится невыносимым. Дайте мне пройти.

— Сначала опустите руку в правый карман вашего пальто.

— Что это значит, сэр?

— Не спорьте, сэр, а повинуйтесь.

В следующую секунду пораженный пэр, мигая и бормоча что-то невнятное, стоял перед Холмсом, держав трясущейся руке огромный желтый бриллиант.

— Но как же… как же так, мистер Холмс?

— Ужасно! Ужасно, лорд Кантлмир! — вскричал Холмс. — Мой старый друг доктор Уотсон скажет вам, что я обожаю подобные мистификации. И, кроме того, я питаю слабость к драматическим ситуациям. Я положил камень — разумеется, это была большая вольность с моей стороны — к вам в карман в начале нашего разговора.

Старый пэр перевел взгляд с камня на улыбающееся лицо Холмса.

— Я, право, в замешательстве, сэр. Но это… это в самом деле камень Мазарини. Мы чрезвычайно обязаны вам, мистер Холмс. Быть может, у вас, как вы это сами заметали, несколько своеобразная манера шутить, и вы довольно неудачно выбираете время для шуток. Но я полностью беру назад замечания, которые я позволил себе относительно ваших поразительных способностей сыщика. Но каким образом?

— Дело закончено еще только наполовину. Да и подробности не так уж существенны. Я не сомневаюсь, лорд Кантлмир, что удовольствие, которое вам доставит возможность сообщить о счастливом завершении дела в высших кругах, куда вы направляетесь, будет некоторым искуплением моей неуместной шутки. Билли, проводите его светлость и скажите миссис Хадсон, что я буду рад, если она подаст нам обед на двоих и как можно скорее.

Происшествие на вилле «Три конька»

Мне кажется, ни одно из моих с Шерлоком Холмсом приключений не начиналось столь неожиданно и мелодраматически, как приключение, связанное с виллой «Три конька».

Я несколько дней не виделся с Холмсом и не представлял, по какому новому руслу направлялась тогда его энергия. В то утро мой друг был явно расположен к разговору. Но едва он успел усадить меня в потертое глубокое кресло у камина и удобно расположиться напротив с трубкой во рту, как явился посетитель. Если сказать, что тот вбежал, подобно разъяренному быку, — это точнее изобразило бы происшедшее. Дверь распахнулась внезапно, и в комнату ворвался огромный негр. Не окажись он так грозен на вид, его можно было бы назвать комичным — из-за вызывающего костюма в серую клетку и пышного оранжево-розового галстука. Широкое лицо с приплюснутым носом было наклонено вперед, а сердитые темные глаза, в которых горела скрытая угроза, всматривались то в одного из нас, то в другого.

— Который тут Шерлок Холмс, господа? — осведомился он.

Мой друг вяло усмехнулся и поднял вверх свою трубку.

— А, значит, вы? — произнес наш посетитель, обходя стол крадущейся, настораживающей походкой. — Послушайте-ка, масса Холмс, не суйте нос в чужие дела. Пусть люди в Харроу сами управляются с собственными проблемами. Уяснили, масса Холмс?

— Ну что же вы, продолжайте! — воскликнул мой друг. — Это так интересно.

— Интересно, говорите? — почти крикнул свирепый незнакомец. — Если мне придется вас слегка разукрасить, черта с два, вы назовете это интересным. Я уже занимался такими типами, и выглядели они после всего далеко не интересно. Полюбуйтесь-ка, масса Холмс!

И негр помахал перед носом знаменитого сыщика своим внушительным кулаком, напоминавшим обломок скалы. Холмс, с нескрываемым интересом осмотрел сжатый кулак.

Возможно, ледяная холодность Холмса или звук, раздавшийся, когда я поднимал кочергу, сделали гостя несколько вежливее.

— Ну ладно! Я честно предупредил вас, — сказал он. — Кое-кто из моих знакомых очень, просто дальше некуда, горит желанием избавиться от вашего вмешательства. Понимаете, что я имею в виду? Я вам, конечно, не указ, но и вы мне тоже. Если сунетесь, я буду поблизости. Помните!

— Давно хотел побеседовать с вами, — сказал Холмс. — Не предлагаю сесть, поскольку не питаю к вам симпатий. Ведь перед нами Стив Дикси, бывший боксер-профессионал, не так ли?

— Да, это я, Стив Дикси. И масса Холмс наверняка почувствует это на собственной шкуре, если попытается морочить мне голову.

— Но ведь именно ею вы и пользуетесь менее всего, — ответил мой друг, пристально глядя на посетителя. — Может, лучше побеседуем об убийстве молодого Перкинса возле бара «Холборн»?

Негр отпрянул, и его лицо побледнело.

— Не терплю подобной болтовни, — сказал он. — Какое мне дело до Перкинса, масса Холмс? Я был в Бирмингеме. Тренировался в «Буллринг», когда этот парень нарвался на неприятности.

— Довольно! Можете убираться. От меня не скроетесь, все равно найду в случае необходимости.

— До свидания, масса Холмс. Надеюсь, не сердитесь за визит?

— Следовало бы рассердиться, если не скажете, кому понадобилось посылать вас сюда.

— Тут нет никакого секрета, масса Холмс. Этот человек — Барни Стокдейл.

— А под чью дудку плясал Стокдейл?

— Клянусь, не знаю, масса Холмс. Он просто сказал: «Стив, сходи проведай Шерлока Холмса и предупреди: если он сунется в Харроу, долго ему не прожить». Вот и все. Я говорю чистую правду.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, наш гость выбежал из комнаты. Холмс, тихо усмехнувшись, выбил пепел из трубки.

— К счастью, вам не пришлось испытать на прочность его не слишком разумную голову, Уотсон. От меня не укрылись ваши маневры с кочергой. Но в действительности Дикси — довольно безобидный парень. Просто огромной силы несмышленый хвастливый ребенок. Заметили, как легко удалось его усмирить? Он из шайки Спенсера Джона. Замешан в их последних темных делишках, которые я непременно раскрою. Стивом Дикси командует непосредственно Барни Стокдейл — человек более хитрый. Они занимаются преимущественно запугиванием и избиением. Любопытно, кто стоит за их спинами в данном случае.

— А почему они решили вам угрожать?

— Причиной тому некое происшествие в Харроу. И сегодняшний визит заставляет меня обратить на нем особое внимание. Ведь если кто-то так беспокоится, дело должно быть любопытным.

— А что там случилось?

— Я как раз собирался рассказать, когда нас прервал этот нелепый фарс. Миссис Мейберли из Харроу прислала вот это письмо. Если вы готовы составить мне компанию, отправим ей ответ телеграфом — и немедленно в путь.

Письмо гласило:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Я столкнулась с цепью непонятных событий, касающихся моего дома. Буду очень благодарна за совет. Жду Вас завтра в любое время. Вилла расположена всего в нескольких минутах пути от станции Уайлд. Мой покойный супруг, Мортимер Мейберли, кажется, был одним из Ваших первых клиентов. С почтением.

Мэри Мейберли».

Обратный адрес — «Три конька», Харроу Уайлд.

— Вот такая ситуация! — вымолвил Холмс.

Непродолжительное путешествие по железной дороге и еще более короткое на автомобиле — и мы оказались перед строением из кирпича и дерева, виллой, окруженной зеленой лужайкой. Лепные изображения над окнами верхнего этажа являли собой неубедительную попытку оправдать название. На заднем плане располагалась наводящая уныние рощица низкорослых сосен. В целом место выглядело невзрачно и оставляло гнетущее впечатление. Однако внутри дом был обставлен со вкусом, а встретившая нас пожилая дама оказалась симпатичной, отмеченной печатью истинно высокой культуры.

— Я хорошо помню вашего мужа, мадам, хотя прошло уже немало лет с тех пор, как он воспользовался моими услугами в одном пустяковом деле, — начал Холмс.

— Вероятно, вам лучше знакомо имя моего сына Дугласа?

Холмс взглянул на хозяйку с возросшим интересом.

— Вот как! Значит, вы — мать Дугласа Мейберли? Не скажу, что относился к кругу его близких друзей, но, как любой лондонец, много слышал о нем. Удивительная личность! А где он сейчас?

— Умер, мистер Холмс. Дуглас мертв! Его назначили атташе при нашем посольстве в Риме. В прошлом месяце он скончался там от воспаления легких.

— Простите… Не верится, что смерть властна над такими людьми. Более деятельного и энергичного человека мне не приходилось встречать. Жил в постоянном напряжении, не щадил себя…

— Именно, сэр. Это его и погубило. Помню, каким он был, — сама жизнерадостность и благородство. Немногим довелось увидеть угрюмое, мрачное, озабоченное создание, каким стал мой сын. За какой-то месяц, буквально на глазах, внимательный и почтительный мальчик превратился в усталого циника.

— Несчастная любовь… Женщина?

— Скорее — демон. Только я пригласила вас, мистер Холмс, вовсе не для разговора о покойном сыне.

— Мы с доктором Уотсоном рады помочь вам.

— Здесь в последнее время стали происходить непонятные вещи. Прошло уже больше года с тех пор, как я перебралась в эту виллу. Живу замкнуто, практически не общаясь с соседями. А три дня назад меня посетил человек, назвавшийся агентом по торговле недвижимостью. Он сообщил, что мой дом именно такой, какой необходим одному из клиентов. Тот готов заплатить большие деньги, если я соглашусь уступить «Три конька». Предложение выглядело странным, поскольку поблизости продается несколько вполне приличных вилл, но, естественно, не могло не заинтересовать меня. И я назначила цену на пятьсот фунтов выше той суммы, что заплатила сама. Мужчина не стал торговаться, только сказал о желании клиента одновременно приобрести и обстановку. Кое-что из мебели сохранилось у нас от старых времен, но, можете убедиться сами, все в хорошем состоянии. Так что сумму я назвала кругленькую. На нее также согласились немедленно. Мне давно хотелось попутешествовать, а сделка была выгодной и позволила бы ни от кого не зависеть до конца моих дней. Вчера агент явился с подготовленным договором. К счастью, я показала документ мистеру Сатро, моему адвокату, живущему здесь же, в Харроу, и тот сказал мне: «Контракт крайне необычен. Знаете,

поставив под ним подпись, вы уже не сможете на законном основании вынести из дома ни единой вещи, включая ваши личные». Когда вечером агент пришел снова, я указала ему на подобную странность и добавила, что собиралась продать лишь мебель.

«Нет, нет. Именно все», — возразил он.

«Ну а моя одежда, драгоценности?»

«Для личных вещей будут сделаны некоторые исключения. Только без предварительной проверки из дома нельзя забирать ничего. Мой клиент довольно богат и щедр, но у него имеются определенные причуды и своя манера вести дела. Его условие: все или ничего».

«Тогда лучше ничего», — ответила я. На том и порешили. Однако происшедшее показалось мне необычным, и я решила…

Тут рассказ миссис Мейберли неожиданно оказался прерван. Холмс жестом попросил тишины, затем осторожно пересек комнату и, резко распахнув дверь, втащил внутрь высокую худую женщину, пойманную им за плечо. Та неуклюже сопротивлялась, словно крупный нескладный цыпленок, протестующий, когда его силой вырывают из родного курятника.

— Пустите! Что вы себе позволяете? — вопила она.

— Но в чем дело, Сьюзен? — удивилась хозяйка.

— Понимаете, мадам, я собиралась войти узнать, остаются ли гости к ленчу. А этот господин вдруг схватил меня.

— Я услышал, что кто-то находится за дверью, еще пять минут назад. Просто жаль было прерывать любопытную историю. Страдаете астмой, Сьюзен? Слишком шумно дышите для подобного рода занятий.

Женщина повернула рассерженное и в то же время удивленное лицо к Холмсу, все еще державшему ее в плену.

— Кто вы такой? На каком основании так бросаетесь на людей?

— Просто хотел задать хозяйке один вопрос в вашем присутствии. Вы говорили кому-нибудь о своем намерении обратиться за советом ко мне, миссис Мейберли?

— Нет, мистер Холмс, никому.

— А кто отправлял письмо?

— Сьюзен.

— Вот как? Тогда скажите, Сьюзен, кому вы сообщили, что ваша хозяйка ищет помощи у меня?

— Это ложь! Не было ничего подобного!

— Послушайте, Сьюзен. Астматики обычно долго не живут. А говорить неправду, знаете, грешно. Так кого же вы оповестили?

— Сьюзен! — воскликнула миссис Мейберли. — Продажное негодное создание! Припоминаю сейчас, что видела, как вы разговаривали с каким-то мужчиной возле забора.

— Это мое личное дело!

— Положим, имя вашего собеседника мне известно и так. Барни Стокдейл. Так?

— Зачем спрашивать, если знаете?

— Полной уверенности не было, а теперь она появилась. Сьюзен, вы можете заработать десять фунтов, если расскажете, кто стоит за Барни Стокдейлом.

— Человек, способный выложить в сто раз больше денег, чем есть у вас.

— О, какой богатый мужчина! А, вы рассмеялись… Что, это женщина? Ну, коли уж мы докопались до таких тонкостей, очевидно, есть смысл назвать ее и получить свою десятку?

— Катитесь-ка к черту!

— Сьюзен, подбирайте выражения.

— Я ухожу отсюда. Вы мне надоели! За вещами пришлю завтра. — Служанка бросилась к двери.

— Прощайте, Сьюзен. И примите что-нибудь успокоительное.

Но едва за раскрасневшейся взбешенной женщиной захлопнулась дверь, мой друг продолжил:

— Да, злоумышленники настроены серьезно. Посудите сами, какую рискованную игру они затеяли. На штемпеле письма, полученного мною от вас, стояло время 22.00. Сьюзен сообщила о нем Стокдейлу. Тому пришлось отправиться за инструкциями к своему нанимателю, который (или которая) разрабатывает план действий. Я склонен считать последнее более верным из-за усмешки Сьюзен, подметившей мою ошибку. Нанимают чернокожего Стива Дикси, и на следующее же утро бывший боксер приходит запугать меня. Быстрая реакция, верно?

— Но что им нужно?

— В том-то и вопрос! Кто владел этим домом прежде?

— Морской капитан в отставке по фамилии Фергюсон.

— Чем примечателен?

— Насколько мне известно — ничем.

— А не мог ли он что-нибудь закопать здесь? Правда, сейчас сокровища чаще прячут в обычном банке. Но среди людей всегда находятся личности со странностями. Без них мир стал бы просто скучен. Потому на первых порах я подумал о некоем зарытом кладе. Однако в этом случае непонятно, зачем понадобилась мебель. У вас часом нет картины кисти Рафаэля или первого издания Шекспира, о которых вы умалчиваете?

— Не думаю, что обладаю большей редкостью, чем фарфоровый чайный сервиз XVIII века, изготовленный в Дерби.

— Ну, он едва ли способен стать причиной подобных таинственных событий. А кроме того, почему бы не сказать прямо, что именно им требуется? Если уж они так домогаются вашего чайного сервиза, проще предложить за него приличную цену, а не закупать все имущество целиком. Нет, насколько я понимаю, у вас есть нечто такое, о чем вы даже не подозреваете и с чем не пожелали бы расстаться добровольно.

— Мне тоже так кажется, — вмешался я.

— Если и доктор Уотсон согласен, остановимся на этой версии.

— Но, мистер Холмс, о чем же может идти речь?

— Попробуем выяснить методом логического анализа. Вы живете здесь уже год?

— Почти два.

— Тем более. И за все время никому ничего от вас не требовалось. А в последние три-четыре дня — вдруг такие срочные предложения.

— По-моему, возможен единственный вывод, — ответил я. — Интересующий их объект, чем бы он ни был, только что появился в доме.

— Миссис Мейберли, вспомните, имеются у вас какие-нибудь недавно приобретенные вещи?

— В этом году я не покупала решительно ничего.

— В самом деле? Тогда придется подождать дальнейшего развития событий и заодно уточнить некоторые детали. Кстати, ваш адвокат — надежный человек?

— О, на мистера Сатро можно положиться.

— У вас есть еще прислуга, кроме прекрасной Сьюзен, только что хлопнувшей парадной дверью?

— Да. Одна молодая девушка.

— Тогда попытайтесь убедить мистера Сатро в необходимости провести ночь-другую в «Трех коньках». Возможно, вам потребуется защита.

— От кого?

— Кто знает! Дело пока темное. Поскольку установить, за чем ведется охота, не удается, попытаемся подойти к проблеме с другой стороны. Агент по торговле недвижимостью оставил свой адрес?

— Нет. Только эту карточку: «Хейнес-Джонсон, аукционист и оценщик».

— Не думаю, что нам удастся найти такого в справочнике. Честные люди не скрывают адресов своих контор. Я берусь за ваше дело и доведу его до конца, можете быть спокойны. Все новости немедленно сообщайте мне.

Когда мы уже направлялись к выходу, взгляд Холмса, привыкшего замечать все детали, упал на несколько сундуков и чемоданов, сваленных в углу зала.

— Милан, Люцерн… Они из Италии?

— Это вещи Дугласа.

— Их не распаковывали? Давно они здесь?

— Прибыли на прошлой неделе.

— А вы говорили… Тут как раз и может таиться недостающее звено. Откуда вам известно, что в них нет ничего ценного?

— Там ценного просто быть не должно, мистер Холмс. Мой несчастный сын жил только на жалованье. Откуда взяться дорогим вещам при таком небольшом годовом доходе?

— И все же, миссис Мейберли, медлить не следует. Прикажите перенести вещи Дугласа к себе в спальню и осмотрите их как можно скорее. Завтра я приеду узнать о результатах.

Не вызывало сомнений, что вилла «Три конька» под пристальным наблюдением: когда мы, пройдя по аллее, оказались за высокой оградой, то увидели знакомого нам боксера. Он словно вырос из-под земли. Его грозная фигура в столь уединенном месте выглядела особенно зловещей, и Холмс поспешил опустить руку в карман.

— Ищете револьвер, масса Холмс?

— Нет, флакон с духами, Стив.

— Вы шутник, масса Холмс, не так ли?

— Вам, Стив, будет не до смеха, если вынудите меня заняться вашими делишками. Я ведь предупреждал сегодня утром.

— Ладно, масса Холмс. Поразмыслив над вашими словами, не желаю продолжать беседу об истории господина Перкинса. Допустим, Стив Дикси не прочь оказать содействие Шерлоку Холмсу.

— Тогда ответьте: кто стоит за вами в этом деле?

— Чтоб мне провалиться, если я знаю, масса Холмс. Я сказал правду. Мой босс Барни просто дал указания, вот и все.

— Довольно! Только помните. Стив, дама, живущая в «Трех коньках», и ее имущество находятся под моей охраной. Не забывайте!

— Хорошо, масса Холмс. Запомню!

Когда мы двинулись дальше, Холмс заметил:

— Он не на шутку испугался за собственную шкуру, Уотсон. Думаю, он выдал бы своего нанимателя, если б знал. К счастью, мне кое-что известно про шайку Спенсера Джона, а Дикси принадлежит к ней. Мне кажется, доктор, что все происходящее в Харроу как раз в компетенции Ленгдейла Пайка. Отправляюсь к нему прямо сейчас. Когда вернусь, ситуация должна несколько проясниться.

В тот день мне больше не довелось увидеть Холмса, но я легко мог предвидеть, чем именно занимался мой друг, поскольку Ленгдейл Пайк являл собой живой справочник по всем вопросам, касающимся светских скандалов. Это странное апатичное создание весь период бодрствования проводило у большого окна в клубе на Сент-Джеймс-стрит и служило своеобразным приемником и одновременно передатчиком любых сплетен, какие только имелись в Англии. Поговаривали, что Пайк зарабатывает десятки тысяч за статьи, поставляемые каждую неделю грязным бульварным газетенкам, которые обслуживают любопытствующую публику. Едва только где-то далеко, в мутных глубинах лондонской жизни, возникали необычные водовороты или завихрения, как с механической точностью все они регистрировались на поверхности прибором по имени Ленгдейл Пайк. Иногда Холмс предусмотрительно снабжал Ленгдейла Пайка соответствующей информацией, и в отдельных случаях тот, в свою очередь, помогал знаменитому сыщику.

Когда на следующее утро я нашел своего друга в кабинете, вид Холмса свидетельствовал, что наши дела не столь уж плохи. Но тем не менее нас ожидал неприятный сюрприз в виде телеграммы следующего содержания:

«Приезжайте немедленно. Ночью ограблен дом клиентки. Полиция приступила расследованию. Сатро».

Холмс присвистнул.

— Действие достигло кульминации, и притом гораздо скорее, чем я ожидал. За происшедшим ощущается мощная движущая сила, Уотсон. И это неудивительно, учитывая сведения, полученные от Пайка. Я допустил оплошность, не попросив вас, доктор, подежурить ночью на вилле. Юрист явно не оправдал надежд. Ну да ничего не остается, как вновь отправиться в Харроу Уайлд!

Сразу бросалось в глаза, что на сей раз «Три конька» заметно отличались от образцового дома, каким он был вчера. Перед воротами толпились зеваки: Двое полицейских осматривали окна и клумбы, засаженные геранью. Внутри нас встретил седовласый пожилой мужчина, представившийся адвокатом Сатро. Здесь же суетился румяный инспектор, который поприветствовал Холмса, как старинного приятеля.

— Думаю, мистер Холмс, данное дело не для вас! Самое обычное бесхитростное ограбление. Его вполне способна раскрыть и старомодная полиция. Крупные специалисты тут не требуются.

— Убежден, что расследование находится в надежных руках, — ответил знаменитый сыщик. — Значит, простая кража со взломом, вы говорите?

— Именно! Мы прекрасно осведомлены, чья это работа и где найти преступников. Это совершила банда Барни Стокдейла. В ней состоит негр. Их видели поблизости.

— Великолепно! А что похищено?

— Добыча налетчиков, кажется, оказалась невелика. Миссис Мейберли усыпили, а дом… Кстати, вот и сама хозяйка.

В комнату вошла наша вчерашняя знакомая, опиравшаяся на руку девушки-служанки.

— Вы дали мне правильный совет, мистер Холмс, — произнесла миссис Мейберли с горькой усмешкой. — Но, к сожалению, я ему не последовала. Не хотела беспокоить мистера Сатро. Вот и оказалась совершенно беззащитной.

— Мне сообщили о случившемся сегодня утром, — пояснил адвокат.

— Мистер Холмс рекомендовал пригласить в дом кого-нибудь из друзей. Я пренебрегла его опытом и поплатилась за это.

— У вас крайне болезненный вид, — начал Холмс. — Сможете рассказать о происшедшем?

— Все уже записано здесь, — вмешался инспектор и похлопал по объемистой записной книжке.

— И тем не менее, если мадам не слишком устала…

— Поверьте, мне почти нечего сообщить. Не сомневаюсь, что злодейка Сьюзен помогла грабителям проникнуть в дом. Они знали расположение комнат как свои пять пальцев. На мгновение я ощутила мокрый лоскут, закрывший мне лицо. Не представляю, сколько лежала без чувств.

— Что они забрали?

— Едва ли исчезло что-то ценное. Я уверена, в сундуках моего сына подобного не было и в помине.

— Неужели бандиты не оставили следов?

— Лишь один листок… Бумажка валялась на полу. Она вся исписана рукой Дугласа.

— Нам от нее мало толку, — подвел итог инспектор. — Вот если бы там оказался почерк преступника…

— Несомненно, — вмешался Холмс. — Непоколебимый здравый смысл! Но все же любопытно взглянуть.

Инспектор достал из записной книжки свернутый лист.

— Никогда не прохожу мимо улик, даже столь ничтожных, — несколько напыщенно произнес он. — Советую и вам поступать так, мистер Холмс. Меня научил этому двадцатипятилетний опыт. Всегда есть шанс обнаружить отпечатки пальцев или еще что-нибудь.

Холмс принялся осматривать бумагу.

— Каково ваше мнение, инспектор?

— По-моему, эта история напоминает окончание странного романа.

— Да, это вполне может оказаться необычным финалом, — тихо промолвил Холмс. — Вы заметили номер в верхней части страницы? Двести сорок пять! А где остальные двести сорок четыре?

— Полагаю, их унесли грабители. Что и говорить — ценный трофей. Забираться в дом с намерением украсть подобную рукопись — по крайней мере, нелепо.

— А это не наводит вас ни на какие мысли?

— Полагаю, в спешке грабители просто схватили первое, что попало под руки. Все указывает на это. Пусть теперь радуются своей добыче. Видимо, не найдя ничего ценного на нижнем этаже, они решили попытать счастья наверху. Такова моя версия. А как считаете вы, мистер Холмс?

— Тут необходимо хорошенько поразмыслить. Уотсон, подойдите сюда, к окну.

Когда я встал рядом с Холмсом, тот прочел вслух написанное на обрывке листа. Первая фраза начиналась следующим образом:

«… по лицу текла кровь из ран от порезов и ударов. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как обливалось кровью его сердце при виде прекрасного лица, ради которого он готов был пожертвовать даже жизнью. Женщина засмеялась. Да, можно было поклясться чем угодно, что она именно смеялась, как безжалостный демон, в тот момент, когда он взглянул на нее. Мгновенно любовь умерла, и родилась ненависть. Ведь мужчина должен жить ради чего-то. Если не ради вашей взаимности, мадам, то уж наверняка ради моей мести, несущей вам погибель».

— Странное обращение с грамматическими формами, — с усмешкой сказал Холмс, возвращая бумагу инспектору. — Заметили, как «его» вдруг сменилось на «мое»? Автор настолько увлекся, что в критический момент поставил себя на место героя.

— Эта писанина кажется до ужаса бездарной, — сказал инспектор, кладя листок в записную книжку. — Как?! Вы уже уходите, мистер Холмс?

— Полагаю, что мне здесь больше нечего делать, поскольку дело расследуется столь компетентно. Кстати, миссис Мейберли, помнится, вы упоминали о желании попутешествовать?

— Давно мечтаю об этом, мистер Холмс.

— А куда бы вы хотели отправиться? Каир, Мадейра, Ривьера?

— О, будь у меня достаточно средств, я совершила бы кругосветное путешествие.

— Вот как! Значит, вокруг света… Ну что ж, до свидания. Не исключена возможность, что я черкну вам пару строк вечером.

Проходя мимо окна, я заметил, как инспектор усмехнулся и покачал головой. Ухмылка его словно говорила: «У ловких малых всегда есть свои заскоки».

Когда мы вновь окунулись в шум города, Холмс произнес:

— Теперь наше приключение подходит к последнему этапу, Уотсон. Думаю, следует, не откладывая, довести расследование до конца.

Мы сели в кэб и поспешили в направлении Гросвенор-скуэр. Холмс погрузился в глубокое раздумье, затем, словно внезапно очнувшись, промолвил:

— Уотсон, надеюсь, теперь вам все ясно?

— Не сказал бы. Я понял лишь то, что мы намерены навестить леди, стоящую за происшествием в Харроу.

— Именно! Но разве имя Айседоры Кляйн ни о чем не говорит вам? Известная светская красавица. Тут едва ли кто мог с ней сравниться. Чистокровная испанка, прямая наследница властных конкистадоров. Ее предки правили в Пернамбуко. Вышла замуж за пожилого сахарного короля из Германии — Кляйна — и вскоре оказалась самой богатой и привлекательной вдовой на свете. Настала пора развлечений. У нее было множество поклонников. В их числе оказался и Дуглас Мейберли — один из наиболее примечательных мужчин Лондона. По всей вероятности, у него это было серьезно. Не пустой светский кавалер, а человек сильный и гордый, он отдался чувству целиком и требовал того же взамен. А Айседора Кляйн представляла собой истинную героиню старинного романа — безжалостную красавицу.

— Значит, герой нашего повествования — он сам?

— О, наконец-то вы начали понимать. Я слышал, Айседора собирается замуж за молодого графа Ломонда. Тот годится ей почти в сыновья. Мать его светлости способна закрыть глаза на разницу в возрасте, но уж не на публичный скандал. Поэтому возникла необходимость… Да вот мы уже и прибыли.

Дом выглядел одним из наиболее изысканных в Уэст-Энде. Лакей, словно некий механизм, принял наши визитные карточки и скоро вернулся сообщить, что леди нет дома.

— Мы ее подождем, — бодро ответил Холмс.

Отлаженный механизм не выдержал.

— Нет дома — означает: нет для вас, — произнес он.

— Отлично! — сказал мой друг. — Следовательно, нам не придется тратить время на ожидание. Будьте любезны передать хозяйке эту записку.

Он черкнул несколько слов на листке из своего блокнота, свернул и отдал слуге.

— Что вы написали, Холмс? — поинтересовался я.

— Единственную фразу: «Неужели вы предпочитаете полицию?» Думаю, это поможет нам пройти в дом.

Так и случилось. Минуту спустя мы были уже в гостиной, напоминающей сказку «Тысячи и одной ночи», — огромной и великолепной. Немногочисленные розоватые светильники оставляли комнату в полумраке. Чувствовалось, что леди Кляйн уже достигла той поры жизни,

когда даже самая надменная красота начинает отдавать предпочтение умеренному освещению.

С небольшого дивана поднялась высокая величественная женщина с прекрасной фигурой и милым неподвижным лицом. Удивительные глаза испанки глядели на нас, словно хотели испепелить.

— Как понимать ваше вторжение и оскорбительные намеки? — воскликнула Айседора Кляйн, протягивая записку.

— Разве объяснения необходимы, мадам? Я достаточно уважаю ваш ум, чтобы снизойти до них. Правда, последние дни дали мне право несколько усомниться…

— Отчего же?

— Оттого, мадам, что вы решили запугать меня наемными громилами и тем самым отстранить от дела. Однако не учли вы одного — человек выбирает себе подобный род занятий, если его привлекают именно опасности. Таким образом вы сами заставили меня заняться расследованием дела Мейберли.

— Не имею понятия, о чем вы говорите. Какое отношение я имею к бандитам?

— Да, я действительно переоценил вашу сообразительность. Прощайте.

— Постойте! Куда же вы?

— В Скотленд-Ярд.

Мы не успели пройти и половины пути к двери — Айседора Кляйн догнала нас и взяла моего друга за руку. В одно мгновение стальная твердость сменилась мягкостью бархата.

— Господа, давайте обсудим ситуацию. Чувствую, что могу говорить с вами откровенно, мистер Холмс. Вы создаете впечатление истинного джентльмена. Инстинкт женщины безошибочен: я вижу в вас друзей.

— Не стану пока утверждать подобное о себе, мадам. Хотя я и не олицетворяю закон, но, насколько мне позволяют ограниченные мои полномочия, я являюсь представителем правосудия. Готов вас выслушать, после чего смогу сообщить, как намерен поступить дальше.

— О, конечно же, попытка запугать столь храброго человека была просто глупостью с моей стороны.

— Но еще неосмотрительней с вашей стороны было то, что вы, мадам, попали в зависимость от шайки злодеев, способных вас шантажировать и даже выдать полиции.

— Ну нет! Я не так проста. Раз уж пообещала быть искренней, то скажу все. Кроме Барни Стокдейла и его жены Сьюзен, никто не имел ни малейшего представления, на кого работал. А что касается тех двоих, им не впервой…

Айседора Кляйн улыбнулась с очаровательным кокетством, словно близкому знакомому.

— Понятно! Они уже испытаны вами.

— Да, это верные псы…

— Напрасно вы так верите им. Подобные создания могут и укусить руку, кормящую их. Стокдейлов непременно арестуют за участие в ограблении. Полиция охотится за ними.

— Они готовы принять наказание. За то им и платят. Мое же имя в деле упоминаться не будет.

— Если только я не сочту необходимым…

— О нет. Джентльмены не обходятся так с секретами, принадлежащими даме.

— Вам следует вернуть рукопись.

Айседора Кляйн рассмеялась и подошла к камину, где возвышалась обугленная черная масса.

— Неужели вот это вам может понадобиться? — осведомилась она.

Женщина, стоявшая перед нами с вызывающей усмешкой, выглядела дерзкой и одновременно изящной и привлекательной. Однако Холмс не пошел на поводу у сентиментальности.

— Тем самым вы решили свою участь, мадам, — холодно произнес он. — Ваши действия отличались быстротой и точностью, но теперь вы зашли слишком далеко.

— Не будьте так безжалостны, мистер Холмс. Я расскажу вам всю историю…

— Думаю, я теперь уже и сам способен сделать это.

— Но попытайтесь взглянуть на все моими глазами, мистер Холмс. Постарайтесь понять ситуацию, в какую попала женщина, чьи честолюбивые устремления должны внезапно, в самый последний момент, рухнуть. Справедливо ли винить ее за попытку защититься? Да, Дуглас был славным юношей, но совсем не подходил для моих планов. Он хотел на мне жениться. Я не могла позволить себе вступить в брак с человеком без титула и денег. Поскольку сначала я была несколько уступчива, Дуглас вообразил, что может предъявлять мне претензии. Теперь это оказалось невыносимым, и в конце концов пришлось развеять его иллюзии…

— …наняв хулиганов, избивших его прямо у ваших дверей?

— О, вы и в самом деле производите впечатление человека информированного. Да, это правда, мистер Холмс. Барни и его ребята обошлись с Дугласом, готова признать, достаточно грубо. Но что же Дуглас придумал в отместку? Могла ли я ожидать подобного от джентльмена? Он написал книгу, в которой изобразил собственную историю. И, конечно же, мне отвел в ней роль хищника, а себе — ягненка. Там рассказывалось обо всем, только имена, естественно, были вымышленными. Но разве хоть для одного лондонца истина осталась бы тайной? Как вы считаете, мистер Холмс?

— Он имел на это полное право.

— Воздух Италии словно вскружил ему голову и придал безжалостности. Дуглас написал мне письмо и одновременно прислал экземпляр своего творения. По его словам, один из двух экземпляров предназначен для меня, другой — для издателя.

— Откуда вам известно, что Дуглас Мейберли еще не привел свою угрозу в исполнение?

— Установить имя издателя не составило труда. Как удалось выяснить, из Италии ему пока не поступало ничего. И тут вдруг скоропостижная смерть Дугласа. Я не могла чувствовать себя в безопасности, пока где-то существовал еще один экземпляр рукописи. Скорее всего, рукопись должна была находиться среди его вещей, которые вернули матери, подумала я. И мои люди принялись за работу. Сьюзен устроилась служанкой в дом миссис Мейберли. Я намеревалась действовать по справедливости. Поверьте, это так! Попыталась купить дом со всеми вещами. Была готова уплатить любую цену, названную хозяйкой. Но когда сделка сорвалась, пришлось обратиться к иным средствам. Поступить иначе оказалось невозможным, мистер Холмс. На карте стояло мое будущее.

— Ладно, — сказал Холмс. — Думаю, в данном случае придется отказаться от судебного преследования и потребовать компенсации. Во сколько обойдется кругосветное путешествие в каюте первого класса?

Айседора Кляйн взглянула на моего друга с удивлением.

— Пяти тысяч фунтов достаточно?

— Вполне, мадам, — ответил я.

А Холмс добавил:

— Хорошо, вы подпишете чек на такую сумму, и я сам позабочусь, чтобы миссис Мейберли получила деньги. Она заслужила того, чтобы на некоторое время переменить обстановку. Но вот что еще, мадам: будьте осторожнее. Нельзя постоянно играть острыми предметами, не порезав при этом свои нежные ручки.

Вампир в Суссексе

Холмс внимательно прочел небольшую, в несколько строк записку, доставленную вечерней почтой, и с коротким, сухим смешком, означавшим у него веселый смех, перекинул ее мне.

— Право, трудно себе представить более нелепую мешанину из современности и средневековья, трезвейшей прозы и дикой фантазии. Что вы на это скажете, Уотсон?

В записке стояло:

«Олд-Джюри.46 19 ноября

Касательно вампиров.

Сэр! Наш клиент мистер Роберт Фергюсон, компаньон торгового дома „Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая" на Минсинг-лейн, запросил нас касательно вампиров. Поскольку наша фирма занимается исключительно оценкой и налогообложением машинного оборудования, вопрос этот едва ли относится к нашей компетенции, и мы рекомендовали мистеру Фергюсону обратиться и Вам. У нас свежо в памяти Ваше успешное расследование дела Матильды Бригс.

С почтением, сэр, Моррисон, Моррисон и Додд».

— Матильда Бригс, друг мой Уотсон, отнюдь не имя молоденькой девушки, — проговорил Холмс задумчиво.

Так назывался корабль. В истории с ним немалую роль сыграла гигантская крыса, обитающая на Суматре. Но еще не пришло время поведать миру те события… Так что же нам известно о вампирах? Или и к нашей компетенции это не относится? Конечно, все лучше скуки и безделья, но, право, нас, кажется, приглашают в сказку Гримма. Протяните-ка руку, Уотсон, посмотрим, что мы найдем под буквой «В».

Откинувшись назад, я достал с полки за спиной толстый справочник. Кое-как приладив его у себя на колене, Холмс любовно, смакуя каждое слово, проглядывал собственные записи своих подвигов и сведений, накопленных им за долгую жизнь.

— «Глория Скотт»… — читал он. — Скверная была история с этим кораблем. Мне припоминается, что вы, Уотсон, запечатлели ее на бумаге, хотя результат ваших трудов не дал мне основания поздравить вас с успехом… «Гила, или ядовитая ящерица»… Поразительно интересное дело. «Гадюки»… «Виктория, цирковая прима»… «Виктор Линч, подделыватель подписей»… «Вигор, Хаммерсмитское чудо»… «Вандербильт и медвежатник»… Ага! Как раз то, что нам требуется. Спасибо старику — не подвел. Другого такого справочника не сыщешь. Слушайте, Уотсон: «Вампиры в Венгрии». А вот еще: «Вампиры в Трансильвании».

С выражением живейшего интереса он листал страницу за страницей, читая с большим вниманием, но вскоре отшвырнул книгу и сказал разочарованно:

— Чепуха, Уотсон, сущая чепуха. Какое нам дело до разгуливающих по земле мертвецов, которых можно загнать обратно в могилу, только вбив им кол в сердце? Абсолютная ерунда.

— Но, позвольте, вампир не обязательно мертвец, — запротестовал я. — Такими делами занимаются и живые люди. Я, например, читал о стариках, сосавших кровь младенцев в надежде вернуть себе молодость.

— Совершенно правильно. Здесь эти сказки тоже упоминаются. Но можно ли относиться к подобным вещам серьезно? Наше агентство частного сыска обеими ногами стоит на земле и будет стоять так и впредь. Реальная действительность — достаточно широкое поле для нашей деятельности, с привидениями к нам пусть не адресуются. Полагаю, что мистера Роберта Фергюсона не следует принимать всерьез. Не исключено, что вот это письмо писано им самим, быть может, оно прольет свет на обстоятельства, явившиеся причиной его беспокойства.

Холмс взял конверт, пришедший с той же почтой и пролежавший на столе незамеченным, пока шло чтение первого письма. Он принялся за второе послание с веселой, иронической

усмешкой, но постепенно она уступила место выражению глубочайшего интереса и сосредоточенности. Дочитав до конца, он некоторое время сидел молча, погруженный в свои мысли; исписанный листок свободно повис у него в пальцах. Наконец, вздрогнув, Холмс разом очнулся от задумчивости.

— Чизмен, Лемберли. Где находится Лемберли?

— В Суссексе, к югу от Хоршема.

— Не так уж далеко, а? Ну, а что такое Чизмен?

— Я знаю Лемберли — провинциальный уголок. Сплошь старые, многовековой давности дома, носящие имена первых хозяев — Чизмен, Одли, Харви, Карритон, — сами люди давно забыты, но имена их живут в построенных ими домах.

— Совершенно верно, — ответил Холмс сухо. Одной из странностей этой гордой, независимой натуры была способность с необычайной быстротой запечатлевать в своем мозгу всякое новое сведение, но редко признавать заслугу того, кто его этим сведением обогатил. — К концу расследования мы, вероятно, узнаем очень многое об этом Чизмене в Лемберли. Письмо, как я и предполагал, от Роберта Фергюсона. Кстати, он уверяет, что знаком с вами.

— Со мной?

— Прочтите сами.

Он протянул мне письмо через стол. Адрес отправителя гласил: «Чизмен, Лемберли».

Я стал читать:

«Уважаемый мистер Холмс!

Мне посоветовали обратиться к Вам, но дело мое столь деликатного свойства, что я затрудняюсь изложить его на бумаге. Я выступаю от имени моего друга. Лет пять тому назад он женился на молодой девушке, уроженке Перу, дочери перуанского коммерсанта, с которым познакомился в ходе переговоров относительно импорта нитратов. Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхождение и чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь моего друга к жене стала несколько остывать. Он даже готов был считать их союз ошибкой. Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми. Все это было особенно мучительно потому, что эта женщина, по-видимому, необычайно любящая и преданная ему супруга.

Перехожу к событиям, которые надеюсь наложить точнее при встрече. Цель этого письма лишь дать общее о них представление и выяснить, согласны ли Вы заняться этим делом. Последнее время жена моего друга стала вести себя очень странно, поступки ее шли совершенно вразрез с ее обычно мягким и кротким нравом. Друг мой женат вторично, и от первого брака у него есть пятнадцатилетний сын — очаровательный мальчик, с нежным, любящим сердцем, несмотря на то, что несчастный случай еще в детстве сделал его калекой. Теперешняя жена моего друга дважды и без малейшего повода набрасывалась на бедного ребенка с побоями. Один раз ударила его палкой по руке с такой силой, что от удара остался большой рубец.

Но все это не столь существенно по сравнению с ее отношением к собственному ребенку, прелестному мальчугану, которому не исполнилось и года. Как-то кормилица на несколько минут оставила его в детской одного. Громкий, отчаянный крик младенца заставил ее бегом вернуться назад. И тут она увидела, что молодая мать, прильнув к шейке сына, впилась в нее зубами: на шейке виднелась ранка, из нее текла струйка крови. Кормилица пришла в неописуемый ужас и хотела тотчас позвать хозяина, но женщина умолила ее никому ничего не говорить и даже заплатила пять фунтов за ее молчание. Никаких объяснений засим не последовало, и дело так и оставили.

Но случай этот произвел страшное впечатление на кормилицу. Она стала пристально наблюдать за хозяйкой и не спускала глаз со своего питомца, к которому испытывала

искреннюю привязанность. При этом ей казалось, что и хозяйка, в свою очередь, непрерывно за ней следит — стоило кормилице отойти от ребенка, как мать немедленно к нему кидалась. День и ночь кормилица стерегла дитя, день и ночь его мать сидела в засаде, как волк, подстерегающий ягненка. Конечно, мои слова кажутся Вам совершенно невероятными, но, прошу Вас, отнеситесь к ним серьезно, быть может, от того зависят и жизнь ребенка и рассудок его отца.

Наконец наступил тот ужасный день, когда стало невозможно что-либо скрывать от хозяина. Нервы кормилицы сдали, она чувствовала, что не в силах выдержать напряжение, и во всем ему призналась. Отцу ребенка ее рассказ показался таким же бредом, каким он, вероятно, кажется и Вам. Мой друг никогда не сомневался, что жена искренне и нежно его любит и что, если не считать этих двух нападений на пасынка, она такая же нежная, любящая мать. Разве могла она нанести рану своему собственному любимому дитяти? Мой друг заявил кормилице, что все это ей померещилось, что ее подозрения — плод больного воображения и что он не потерпит столь злостных поклепов на свою жену. Во время их разговора раздался пронзительный детский крик. Кормилица вместе с хозяином кинулась в детскую. Представьте себе чувства мужа и отца, когда он увидел, что жена, отпрянув от кроватки, поднимается с колен, а на шее ребенка и на простынке — кровь. С криком ужаса он повернул лицо жены к свету — губы ее были окровавлены. Сомнений не оставалось: она пила кровь младенца.

Таково положение дел. Сейчас несчастная сидит, запершись в своей комнате. Объяснения между супругами не произошло. Муж едва ли не потерял рассудок. Он, как и я, плохо осведомлен о вампирах, собственно, кроме самого слова, нам ровно ничего не известно. Мы полагали, что это всего-навсего нелепое, дикое суеверие, не имеющее места в нашей стране. И вдруг в самом сердце Англии, в Суссексе… Все эти происшествия мы могли бы обсудить завтра утром. Согласны ли Вы меня принять? Согласны ли употребить свои необычайные способности в помощь человеку, на которого свалилась такая беда? Если согласны, то, прошу Вас, пошлите телеграмму на имя Фергюсона (Чизмен, Лемберли), и к десяти часам я буду у Вас.

С уважением Роберт Фергюсон.

P. S. Если не ошибаюсь, Ваш друг Уотсон и я однажды встретились в матче регби: он играл в команде Блэкхита, я — в команде Ричмонда. Это единственная рекомендация, которой я располагаю».

— Отлично помню, — сказал я, откладывая письмо в сторону. — Верзила Боб Фергюсон, лучший трехчетвертной, каким могла похвастать команда Ричмонда. Славный, добродушный малый. Как это похоже на него — так близко принимать к сердцу неприятности друга.

Холмс посмотрел на меня пристально и покачал головой.

— Никогда не знаешь, чего от вас ожидать, Уотсон, — сказал он. — В вас залежи еще не исследованных возможностей. Будьте добры, запишите текст телеграммы: «Охотно беремся расследование вашего дела».

— «Вашего» дела?

— Пусть не воображает, что наше агентство — приют слабоумных. Разумеется, речь идет о нем самом. Пошлите ему телеграмму, и до завтрашнего дня оставим все эти дела в покое.

На следующее утро, ровно в десять часов, Фергюсон вошел к нам в комнату. Я помнил его высоким, поджарым, руки и ноги как на шарнирах, и поразительное проворство, не раз помогавшее ему обставлять коллег из команды противника. Да, грустно встретить жалкое подобие того, кто когда-то был великолепным спортсменом, которого ты знавал в расцвете сил. Могучее, крепко сбитое тело как будто усохло, льняные волосы поредели, плечи ссутулились. Боюсь, я своим видом вызвал в нем те же чувства.

— Рад вас видеть, Уотсон, — сказал он. Голос у него остался прежний — густой и добродушный. — Вы не совсем похожи на того молодца, которого я перебросил за канат прямо

в публику в «Старом Оленьем Парке»[100]. Думаю, и я порядком изменился. Но меня состарили последние несколько дней. Из телеграммы я понял, мистер Холмс, что мне нечего прикидываться, будто я выступаю от имени другого лица.

— Всегда лучше действовать напрямик, — заметил Холмс.

— Согласен. Но поймите, каково это — говорить такие вещи о своей жене, о женщине, которой долг твой велит оказывать помощь и покровительство! Что мне предпринять? Неужели отправиться в полицию и все им выложить? Ведь и дети нуждаются в защите! Что же это с ней такое, мистер Холмс? Безумие? Или это у нее в крови? Сталкивались ли вы с подобными случаями? Ради всего святого, подайте совет. Я просто голову потерял.

— Вполне вас понимаю, мистер Фергюсон. А теперь сядьте, возьмите себя в руки и ясно отвечайте на мои вопросы. Могу вас заверить, что я далек от того, чтобы терять голову, и очень надеюсь, что мы найдем способ разрешить ваши трудности. Прежде всего скажите, какие меры вы приняли? Ваша жена все еще имеет доступ к детям?

— Между нами произошла ужасная сцена. Поймите, жена моя человек добрый, сердечный — на свете не сыщешь более любящей, преданной жены. Для нее было тяжким ударом, когда я раскрыл ее страшную, невероятную тайну. Она даже ничего не пожелала сказать. Ни слова не ответила мне на мои упреки — только глядит, и в глазах дикое отчаяние. Потом бросилась к себе в комнату и заперлась. И с тех пор отказывается меня видеть. У нее есть горничная по имени Долорес, служила у нее еще до нашего брака, скорее подруга, чем служанка. Она и носит жене еду.

— Значит, ребенку не грозит опасность?

— Миссис Мэйсон, кормилица, поклялась, что не оставит его без надзора ни днем, ни ночью. Я ей полностью доверяю. Я больше тревожусь за Джека, я вам писал, что на него дважды было совершено настоящее нападение.

— Однако никаких увечий не нанесено?

— Нет. Но ударила она его очень сильно. Поступок вдвойне жестокий, ведь мальчик — жалкий, несчастный калека. — Обострившиеся черты лица Фергюсона как будто стали мягче, едва он заговорил о старшем сыне. — Казалось бы, несчастье этого ребенка должно смягчить сердце любого: Джек в детстве упал и повредил себе позвоночник. Но сердце у мальчика просто золотое.

Холмс взял письмо Фергюсона и стал его перечитывать.

— Кроме тех, кого вы назвали, кто еще живет с вами в доме?

— Две служанки, они у нас недавно. В доме еще ночует конюх Майкл. Остальные — это жена, я, старший мой сын Джек, потом малыш, горничная Долорес и кормилица миссис Мэйсон. Больше никого.

— Насколько я понял, вы мало знали вашу жену до свадьбы?

— Мы были знакомы всего несколько недель.

— А Долорес давно у нее служит?

— Несколько лет.

— Значит, характер вашей жены лучше известен горничной, чем вам?

— Да, пожалуй.

Холмс что-то записал в свою книжку.

— Полагаю, в Ламберли я смогу оказаться более полезным, чем здесь. Дело это, безусловно, требует расследования на месте. Если жена ваша не покидает своей комнаты, наше присутствие в доме не причинит ей никакого беспокойства и неудобств. Разумеется, мы остановимся в гостинице.

Фергюсон издал вздох облегчения.

— Именно на это я и надеялся, мистер Холмс. С вокзала Виктория в два часа отходит очень удобный поезд — если это вас устраивает.

— Вполне. Сейчас в делах у нас затишье. Я могу целиком посвятить себя вашей проблеме. Уотсон, конечно, поедет тоже. Но прежде всего я хотел бы уточнить некоторые факты. Итак, несчастная ваша супруга нападала на обоих мальчиков — и на своего собственного ребенка и на вашего старшего сынишку?

— Да.

— Но по-разному. Вашего сына она только избила.

— Да, один раз палкой, другой раз била прямо руками.

— Она вам объяснила свое поведение в отношении пасынка?

— Нет. Сказала только, что ненавидит его. Все повторяла: «Ненавижу, ненавижу…»

— Ну, с мачехами это случается. Ревность задним числом, если можно так выразиться. А как она по натуре — ревнивая?

— Очень. Она южанка, ревность у нее такая же яростная, как и любовь.

— Но мальчик — ведь ему, вы сказали, пятнадцать лет, и если физически он неполноценен, тем более, вероятно, высоко его умственное развитие, — разве он не дал вам никаких объяснений?

— Нет. Сказал, что это без всякой причины.

— А какие отношения у них были прежде?

— Они всегда друг друга недолюбливали.

— Вы говорили, что мальчик ласковый, любящий.

— Да, трудно найти более преданного сына. Он буквально живет моей жизнью, целиком поглощен тем, чем я занят, ловит каждое мое слово.

Холмс снова что-то записал себе в книжку. Некоторое время он сосредоточенно молчал.

— Вероятно, вы были очень близки с сыном до вашей второй женитьбы — постоянно вместе, все делили?

— Мы почти не разлучались.

— Ребенок с такой чувствительной душой, конечно, свято хранит память матери?

— Да, он ее не забыл.

— Должно быть, очень интересный, занятный мальчуган. Еще один вопрос касательно побоев. Нападение на младенца и на старшего мальчика произошло в один и тот же день?

— В первый раз да. Ее словно охватило безумие, и она обратила свою ярость на обоих. Второй раз пострадал только Джек, со стороны миссис Мэйсон никаких жалоб относительно малыша не поступало.

— Это несколько осложняет дело.

— Не совсем вас понимаю, мистер Холмс.

— Возможно. Видите ли, обычно сочиняешь себе временную гипотезу и выжидаешь, пока полное знание положения вещей не разобьет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости присущи человеку. Боюсь, ваш старый приятель Уотсон внушил вам преувеличенное представление о моих научных методах. Пока я могу вам только сказать, что ваша проблема не кажется мне неразрешимой и что к двум часам мы будем на вокзале Виктория.

Был тусклый, туманный ноябрьский вечер, когда, оставив наши чемоданы в гостинице «Шахматная Доска» в Лемберли, мы пробирались через суссекский глинозем по длинной, извилистой дороге, приведшей нас в конце концов к старинной ферме, владению Фергюсона, — широкому, расползшемуся во все стороны дому, с очень древней средней частью

и новехонькими боковыми пристройками. На остроконечной крыше, сложенной из хоршемского горбыля и покрытой пятнами лишайника, поднимались старые, тюдоровские трубы. Ступени крыльца покривились, на старинных плитках, которыми оно было вымощено, красовалось изображение человека и сыра — «герб» первого строителя дома[101]. Внутри под потолками тянулись тяжелые дубовые балки, пол во многих местах осел, образуя глубокие кривые впадины. Всю эту старую развалину пронизывали запахи сырости и гнили.

Фергюсон провел нас в большую, просторную комнату, помещавшуюся в центре дома. Здесь в огромном старомодном камине с железной решеткой, на которой стояла дата «1670», полыхали толстые поленья.

Осмотревшись, я увидел, что в комнате царит смесь различных эпох и мест. Стены, до половины обшитые дубовой панелью, относились, вероятно, к временам фермера-йомена, построившего этот дом в семнадцатом веке. Но по верхнему краю панели висело собрание со вкусом подобранных современных акварелей, а выше, там, где желтая штукатурка вытеснила дуб, расположилась отличная коллекция южноамериканской утвари и оружия — ее, несомненно, привезла с собой перуанка, что сидела сейчас запершись наверху, в своей спальне. Холмс быстро встал и с живейшим любопытством, присущим его необыкновенно острому уму, внимательно рассмотрел всю коллекцию. Когда он снова вернулся к нам, выражение лица у него было серьезное.

— Эге, а это что такое? — воскликнул он вдруг.

В углу в корзине лежал спаниель. Теперь собака с трудом поднялась и медленно подошла к хозяину. Задние ее ноги двигались как-то судорожно, хвост волочился по полу. Она лизнула хозяину руку.

— В чем дело, мистер Холмс?

— Что с собакой?

— Ветеринар ничего не мог понять. Что-то похожее на паралич. Предполагает менингит. Но пес поправляется, скоро будет совсем здоров, правда, Карло?

Опущенный хвост спаниеля дрогнул в знак согласия. Печальные собачьи глаза глядели то на хозяина, то на нас. Карло понимал, что разговор идет о нем.

— Это произошло внезапно?

— В одну ночь.

— И давно?

— Месяца четыре назад.

— Чрезвычайно интересно. Наталкивает на определенные выводы.

— Что вы тут усмотрели, мистер Холмс?

— Подтверждение моим догадкам.

— Ради Бога, мистер Холмс, скажите, что у вас на уме? Для вас наши дела, быть может, всего лишь занятная головоломка, но для меня это вопрос жизни и смерти. Жена в роли убийцы, ребенок в опасности… Не играйте со мной в прятки, мистер Холмс. Для меня это слишком важно.

Высоченный регбист дрожал всем телом. Холмс мягко положил ему на плечо руку.

— Боюсь, мистер Фергюсон, при любом исходе дела вас ждут впереди новые страдания, — сказал он. — Я постараюсь щадить вас, насколько то в моих силах. Пока больше ничего не могу добавить. Но надеюсь, прежде чем покинуть этот дом, сообщить вам что-то определенное.

— Дай-то Бог! Извините меня, джентльмены, я поднимусь наверх, узнаю, нет ли каких перемен.

Он отсутствовал несколько минут, и за это бремя Холмс возобновил свое изучение коллекции на стене. Когда наш хозяин вернулся, по выражению его лица было ясно видно, что все осталось в прежнем положении. Он привел с собой высокую, тоненькую, смуглую девушку.

— Чай готов, Долорес, — сказал Фергюсон. — Последи, чтобы твоя хозяйка получила все, что пожелает.

— Хозяйка больная, сильно больная! — выкрикнула девушка, негодующе сверкая глазами на своего Господина. — Еда не ест, сильно больная. Надо доктор. Долорес боится быть одна с хозяйка, без доктор.

Фергюсон посмотрел на меня вопросительно.

— Очень рад быть полезным.

— Узнай, пожелает ли твоя хозяйка принять доктора Уотсона.

— Долорес поведет доктор. Не спрашивает можно. Хозяйка надо доктор.

— В таком случае я готов идти немедленно.

Я последовал за дрожащей от волнения девушкой по лестнице и дальше, в конец ветхого коридора. Там находилась массивная, окованная железом дверь. Мне пришло в голову, что если бы Фергюсон вздумал силой проникнуть к жене, это было бы ему не так легко. Долорес вынула из кармана ключ, и тяжелые дубовые створки скрипнули на старых петлях. Я вошел в комнату, девушка быстро последовала за мной и тотчас повернула ключ в замочной скважине.

На кровати лежала женщина, несомненно, в сильном жару. Она была в забытьи, но при моем появлении вскинула на меня свои прекрасные глаза и смотрела, не отрываясь, со страхом. Увидев, что это посторонний, она как будто успокоилась и со вздохом снова опустила голову на подушку. Я подошел ближе, сказал несколько успокаивающих слов; она лежала не шевелясь, пока я проверял пульс и температуру. Пульс оказался частым, температура высокой, однако у меня сложилось впечатление, что состояние женщины вызвано не какой-либо болезнью, а нервным потрясением.

— Хозяйка лежит так один день, два дня. Долорес боится, хозяйка умрет, — сказала девушка.

Женщина повернула ко мне красивое пылающее лицо.

— Где мой муж?

— Он внизу и хотел бы вас видеть.

— Не хочу его видеть, не хочу… — Тут она как будто начала бредить:

— Дьявол! Дьявол!.. О, что мне делать с этим исчадием ада!..

— Чем я могу помочь вам?

— Ничем. Никто не может помочь мне. Все кончено. Все погибло… И я не в силах ничего сделать, все, все погибло!..

Она явно находилась в каком-то непонятном заблуждении; я никак не мог себе представить милягу Боба Фергюсона в роли дьявола и исчадия ада.

— Сударыня, ваш супруг горячо вас любит, — сказал я. — Он глубоко скорбит о случившемся.

Она снова обратила на меня свои чудесные глаза.

— Да, он любит меня. А я, разве я его не люблю? Разве не люблю я его так сильно, что готова пожертвовать собой, лишь бы не разбить ему сердца?.. Вот как я его люблю… И он мог подумать обо мне такое… мог так говорить со мной…

— Он преисполнен горя, но он не понимает.

— Да, он не в состоянии понять. Но он должен верить!

— Быть может, вы все же повидаетесь с ним?

— Нет, нет! Я не могу забыть те жестокие слова, тот взгляд… Я не желаю его видеть. Уходите. Вы ничем не можете мне помочь. Скажите ему только одно: я хочу, чтобы мне принесли ребенка. Он мой, у меня есть на него права. Только это и передайте мужу.

Она повернулась лицом к стене и больше не произнесла ни слова.

Я спустился вниз. Фергюсон и Холмс молча сидели у огня. Фергюсон угрюмо выслушал мой рассказ о визите к больной.

— Ну, разве могу я доверить ей ребенка? — сказал он. — Разве можно поручиться, что ее вдруг не охватит опять то ужасное, неудержимое желание… Разве могу я забыть, как она тогда поднялась с колен и вокруг ее губ — кровь?

Он вздрогнул, вспоминая страшную сцену.

— Ребенок с миссис Мэйсон, там он в безопасности, там он и останется.

Элегантная горничная, самое современное явление, какое мы доселе наблюдали в этом доме, внесла чай. Пока она хлопотала у стола, дверь распахнулась, и в комнату вошел подросток весьма примечательной внешности — бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами, которые так и вспыхнули от волнения и радости, едва он увидел отца. Мальчик кинулся к нему, с девичьей нежностью обвил его шею руками.

— Папочка, дорогой! — воскликнул он. — Я и не знал, что ты уже приехал! Я бы вышел тебя встретить. Как я рад, что ты вернулся!

Фергюсон мягко высвободился из объятий сына; он был несколько смущен.

— Здравствуй, мой дружок, — сказал он ласково, гладя льняные волосы мальчика. — Я приехал раньше потому, что мои друзья, мистер Холмс и мистер Уотсон, согласились поехать со мной и провести у нас вечер.

— Мистер Холмс? Сыщик?

— Да.

Мальчик поглядел на нас испытующе и, как мне показалось, не очень дружелюбно.

— А где второй ваш сын, мистер Фергюсон? — спросил Холмс. — Нельзя ли нам познакомиться и с младшим?

— Попроси миссис Мэйсон принести сюда малыша, — обратился Фергюсон к сыну. Тот пошел к двери странной, ковыляющей походкой, и мой взгляд хирурга тотчас определил повреждение позвоночника. Вскоре мальчик вернулся, за ним следом шла высокая, сухопарая женщина, неся на руках очаровательного младенца, черноглазого, золотоволосого — чудесное скрещение рас, саксонской и латинской. Фергюсон, как видно, обожал и этого сынишку, он взял его на руки и нежно приласкал.

— Только представить себе, что у кого-то может хватить злобы обидеть такое существо, — пробормотал он, глядя на, небольшой, ярко-красный бугорок на шейке этого амура.

И тут я случайно взглянул на моего друга и подивился напряженному выражению его лица — оно словно окаменело, словно было вырезано из слоновой кости. Взгляд Холмса, на мгновение задержавшись на отце с младенцем, был прикован к чему-то, находящемуся в другом конце комнаты. Проследив за направлением этого пристального взгляда, я увидел только, что он обращен на окно, за которым стоял печальный, поникший под дождем сад. Наружная ставня была наполовину прикрыта и почти заслоняла собой вид, и тем не менее глаза Холмса неотрывно глядели именно в сторону окна. И тут он улыбнулся и снова посмотрел на младенца. Он молча наклонился над ним и внимательно исследовал взглядом красный бугорок на мягкой детской шейке. Затем схватил и потряс махавший перед его лицом пухлый, в ямочках кулачок.

— До свидания, молодой человек. Вы начали свою жизнь несколько бурно. Миссис Мэйсон, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они встали поодаль и несколько минут о чем-то серьезно беседовали. До меня долетели только последние слова: «Надеюсь, всем вашим тревогам скоро придет конец». Кормилица, особа, как видно, не слишком приветливая и разговорчивая, ушла, унеся ребенка.

— Что представляет собой миссис Мэйсон? — спросил Холмс.

— Внешне она, как видите, не очень привлекательна, но сердце золотое, и так привязана к ребенку.

— А тебе, Джек, она нравится?

И Холмс круто к нему повернулся.

Выразительное лицо подростка как будто потемнело. Он затряс отрицательно головой.

— У Джека очень сильны и симпатии и антипатии, — сказал Фергюсон, обнимая сына за плечи. — По счастью, я отношусь к первой категории.

Мальчик что-то нежно заворковал, прильнув головой к отцовской груди. Фергюсон мягко его отстранил.

— Ну, беги, Джекки, — сказал он и проводил сына любящим взглядом, пока тот не скрылся за дверью. — Мистер Холмс, — обратился он к моему другу, — я, кажется, заставил вас проехаться попусту. В самом деле, ну что вы можете тут поделать, кроме как выразить сочувствие? Вы, конечно, считаете всю ситуацию слишком сложной и деликатной.

— Деликатной? Безусловно, — ответил мой друг, чуть улыбнувшись. — Но не могу сказать, что поражен ее сложностью. Я решил эту проблему методом дедукции. Когда первоначальные результаты дедукции стали пункт за пунктом подтверждаться целым рядом не связанных между собой фактов, тогда субъективное ощущение стало объективной истиной. И теперь можно с уверенностью заявить, что цель достигнута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы покинули Бейкер-стрит, — здесь, на месте, оставалось только наблюдать и получать подтверждение.

Фергюсон провел рукой по нахмуренному лбу.

— Ради Бога, Холмс, — сказал он хрипло, — если вы в чем-то разобрались, не томите меня. Как обстоит дело? Как следует поступить? Мне безразлично, каким путем вы добились истины, мне важны сами результаты.

— Конечно, мне надлежит дать вам объяснение, и вы его получите. Но позвольте мне вести дело, согласно собственным моим методам. Скажите, Уотсон, в состоянии ли миссис Фергюсон выдержать наше посещение?

— Она больна, но в полном сознании.

— Прекрасно. Окончательно все выяснить мы сможем только в ее присутствии. Поднимемся наверх.

— Но ведь она не хочет меня видеть! — воскликнул Фергюсон.

— Не беспокойтесь, захочет, — сказал Холмс. Он начеркал несколько слов на листке бумаги. — Во всяком случае, у вас, Уотсон, есть официальное право на визит к больной. Будьте так любезны, передайте мадам эту записку.

Я вновь поднялся по лестнице и вручил записку Долорес, осторожно открывшей дверь на мой голос. Через минуту я услышал за дверью возгласы, одновременно радостные и удивленные. Долорес выглянула из-за двери и сообщила:

— Она хочет видеть. Она будет слушать.

По моему знаку Фергюсон и Холмс поднялись наверх. Все трое мы вошли в спальню. Фергюсон шагнул было к жене, приподнявшейся в постели, но она вытянула руку вперед, словно отталкивая его. Он опустился в кресло. Холмс сел рядом с ним, предварительно отвесив поклон женщине, глядевшей на него широко раскрытыми, изумленными глазами.

— Долорес, я думаю, мы можем отпустить… — начал было Холмс. — О, сударыня, конечно, если желаете, она останется, возражений нет. Ну-с, мистер Фергюсон, должен сказать, что человек я занятой, а посему предпочитаю зря время не тратить. Чем быстрее хирург делает разрез, тем меньше боли. Прежде всего хочу вас успокоить. Ваша жена прекрасная, любящая вас женщина, несправедливо обиженная.

С радостным криком Фергюсон вскочил с кресла.

— Докажите мне это, мистер Холмс, докажите, и я ваш должник по гроб жизни!

— Докажу, но при этом буду вынужден причинить вам новые страдания.

— Все остальное безразлично, лишь бы была оправдана моя жена. По сравнению с этим ничто не имеет значения.

— В таком случае разрешите мне изложить вам ход моих умозаключений еще там, на Бейкер-стрит. Мысль о вампирах я почел абсурдной. В практике английской криминалистики подобные случаи места не имели. И в то же время, Фергюсон, вы действительно видели, как ваша жена отпрянула от кроватки сына, видели кровь на ее губах.

— Да, да.

— А вам не пришло в голову, что из ранки высасывают кровь не только для того, чтобы ее пить? Вам не вспоминается некая английская королева, которая высасывала кровь из раны для того, чтобы извлечь из нее яд?

— Яд?

— В доме, где хозяйство ведется на южноамериканский лад, должна быть коллекция оружия — инстинкт подсказал мне это прежде, чем я увидел ее собственными глазами. Мог быть использован, конечно, и какой-либо другой яд, но это первое, что пришло мне на ум. Когда я заметил пустой колчан возле небольшого охотничьего лука, я увидел именно то, что ожидал увидеть. Если младенец был ранен одной из его стрел, смоченных соком кураре или каким-либо другим дьявольским зельем, ему грозила неминуемая смерть, если не высосать яд из ранки.

И потом собака. Тот, кто задумал пустить в ход такой яд, сперва непременно испытал бы его, чтобы проверить, не утратил ли он свою силу. Случая с собакой я не предвидел, но смысл его разгадал, и этот факт занял свое место в моем логическом построении.

Ну, теперь-то вы поняли? Ваша жена страшилась за младенца. Нападение произошло при ней, и она спасла своему ребенку жизнь. Но она не захотела открыть вам правду, зная, как сильно вы любите мальчика, зная, что это разобьет вам сердце.

— Джекки!..

— Я наблюдал за ним, когда вы ласкали младшего. Его лицо ясно отражалось в оконном стекле там, где закрытая ставня создавала темный фон. Я прочел на этом лице выражение такой ревности, такой жгучей ненависти, какую мне редко доводилось видеть.

— Мой Джекки!

— Отнеситесь к этому мужественно, Фергюсон. Особенно печально, что причина, толкнувшая мальчика на такой поступок, кроется в чрезмерной, нездоровой, маниакальной любви к вам и, возможно, к покойной матери. Душу его пожирает ненависть к этому великолепному ребенку, чье здоровье и красота — прямой контраст с его собственной немощностью.

— Боже правый! Просто невозможно поверить!

— Я сказал правду, сударыня?

Женщина рыдала, зарывшись лицом в подушки. Но вот она повернулась к мужу.

— Как могла я рассказать тебе это, Боб? Нанести тебе такой удар! Я предпочла ждать, пока чьи-нибудь другие уста, не мои, откроют тебе истину. Когда этот джентльмен — он настоящий маг и волшебник, — написал, что все знает, я так обрадовалась!

— Мой рецепт юному Джекки — год путешествия по морю, — сказал Холмс, поднимаясь со стула. — Одно мне не совсем ясно, сударыня. Ваш гнев, обрушившийся на Джекки, вполне понятен. И материнскому терпению есть предел. Но как вы решились оставить младенца на эти два дня без своего надзора?

— Я надеялась на миссис Майсон. Она знает правду, я ей все сказала.

— Так я и предполагал.

Фергюсон стоял возле кровати, дыхание у него прерывалось, протянутые к жене руки дрожали.

— Теперь, Уотсон, я полагаю, нам пора удалиться со сцены, — шепнул мне Холмс. — Если вы возьмете не в меру преданную Долорес за один локоток, я возьму ее за другой. Ну-с, — продолжал он, когда дверь за нами закрылась, — я думаю, мы можем предоставить им самим улаживать свои отношения.

Мне осталось лишь познакомить читателя с еще одной запиской — Холмс отправил ее в ответ на то послание, с которого этот рассказ начался. Вот она:

«Бейкер-стрит 21 ноября.

Касательно вампиров Сэр!

В ответ на Ваше письмо от 19 ноября сообщаю, что я взял на себя ведение дела мистера Роберта Фергюсона из торгового дома „Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая" на Минсинг-лейн, и расследование оного дела дало удовлетворительные результаты.

С благодарностью за рекомендацию остаюсь, сэр,

Ваш покорный слуга Шерлок Холмс».

Три Гарридеба

Историю эту можно в равной мере назвать как трагедией, так и комедией. В результате ее один человек лишился рассудка, второму — вашему покорному слуге — досталось небольшое «кровопускание», третий угодил за решетку. И все же у нее есть и комическая сторона. Впрочем, судите сами.

Я могу указать точную дату случившегося, ибо все это произошло в тот месяц, когда Холмс отказался от дворянского звания, пожалованного ему за услуги, которые, быть может, еще будут описаны. Пока я об этом упоминаю лишь вскользь: положение партнера и доверенного лица вынуждает меня остерегаться малейшей нескромности. Но, повторяю, именно этот факт позволяет мне установить дату: самый конец июня тысяча девятьсот второго года, вскоре после окончания Бурской войны. Холмс несколько дней не вставал с постели, — с ним это часто бывало. Однако в то утро он вышел из спальни, держа в руке большой исписанный лист бумаги; в строгих серых глазах Холмса плясали веселые искорки.

— Уотсон, вам предоставляется возможность недурно заработать, — сказал он. — Слыхали вы такую фамилию — Гарридеб?

Я ответил, что не слыхал.

— Ну так вот, если сумеете откопать одного-единственного Гарридеба, положите в карман кругленькую сумму.

— Каким образом?

— А, это длинная история, к тому же весьма любопытная. Мы с вами ломали головы над множеством сложных, путаных задач, но такой оригинальной нам, кажется, еще не попадалось. С минуты на минуту должен явиться тот, кого нам с вами предстоит подвергнуть допросу. До его прихода не стану ничего рассказывать. Пока займемся самим именем.

Телефонная книга лежала на столе у меня под рукой. Я полистал страницы, не слишком надеясь на успех, и, к своему удивлению, тут же нашел в соответствующем месте эту странную фамилию.

— Есть! — воскликнул я торжествующе. — Вот, пожалуйста, получайте!

Холмс взял книгу у меня из рук.

— «Н. Гарридеб, Вест-Энд, Литл-Райдер-стрит, 136», — прочел он вслух.

— Должен вас разочаровать, Уотсон, но это уже известный мне Гарридеб. Видите, вот его адрес на письме. Нам нужен второй Гарридеб, под пару первому, понимаете?

Вошла миссис Хадсон, неся на подносике визитную карточку. Я заглянул в нее.

— Смотрите-ка, вот и второй! — воскликнул я в изумлении. — Все данные другие: «Джон Гарридеб, адвокат. США, Канзас, Мурвилл».

Пробежав глазами карточку, Холмс улыбнулся.

— Боюсь, Уотсон, вам придется сделать еще одну попытку. Этот джентльмен уже участвует в игре, хотя, признаться, я не рассчитывал увидеть его так скоро. Надеюсь, нам удастся кое-что от него выведать.

В следующую минуту мистер Джон Гарридеб, адвокат, стоял у нас в комнате — коренастый, мощного сложения мужчина с гладко выбритым круглым свежим лицом, какие часто встречаешь у американских дельцов. Особенно примечательна была необыкновенная, почти детская пухлость этого лица, с которого не сходила широкая улыбка, — создавалось впечатление, что это еще совсем молодой человек. Но глаза у него были поразительные. Редко случалось мне видеть пару человеческих глаз, столь явно свидетельствующих о необычайно напряженной внутренней жизни их обладателя, — так они были ярки, так настороженны, так мгновенно отражали малейшее движение мысли. Выговор у мистера Джона Гарридеба был американский, но речь правильная, без развязных американизмов.

— Мистер Холмс? — проговорил он, поочередно обводя нас взглядом. — А, ну да, конечно. Вас нетрудно узнать по фотографиям, сэр, если разрешите заметить. Вы, надо полагать, уже получили письмо от моего тезки, мистера Натана Гарридеба?

— Садитесь, прошу вас, — сказал Шерлок Холмс. — Нам предстоит кое-что обсудить. — Он взял со стола исписанный лист. — Вы, разумеется, мистер Джон Гарридеб, упоминаемый в письме, — мистер Джон Гарридеб из Америки. Но, позвольте, вы ведь уже давно живете в Англии?

— С чего вы взяли?

Мне показалось, что в выразительных глазах американца я прочел подозрение.

— Все, что на вас надето, — английского производства.

Мистер Гарридеб принужденно рассмеялся.

— Я читал про ваши фокусы, мистер Холмс, но никак не думал, что вы станете проделывать их на мне. Как это вы сообразили?

— Покрой плеч вашего пиджака, носки ботинок, — разве тут можно ошибиться?

— Вот уж не знал, что выгляжу таким заправским англичанином. Да, верно. Не так давно дела вынудили меня перебраться сюда, потому-то почти все, что на мне, куплено в Лондоне, как вы подметили. Но время ваше, надо полагать, дорого стоит, и мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать фасон моей обуви. Как насчет того, чтобы перейти к бумаге, что у вас в руках?

Холмс чем-то вызвал раздражение у нашего посетителя, и пухлое его лицо в значительной степени утратило свою приветливость.

— Терпение, терпение, мистер Гарридеб, — проговорил мой друг успокаивающим тоном. — Доктор Уотсон может вас заверить, что мои небольшие отклонения от главного в

конце концов часто оказываются в прямой с ним связи. Но почему мистер Натан Гарридеб не пришел вместе с вами?

— И какого дьявола втянул он вас в наши дела? — неожиданно вскипел американский адвокат. — Какое, черт возьми, имеете вы к ним касательство? Два джентльмена обсуждают личные свои отношения, и, нате вам, одному из них вдруг зачем-то понадобилось приглашать сыщика! Сегодня утром захожу к старику и узнаю, какую дурацкую шутку он со мной сыграл. По этой причине я и явился сюда. В общем, его затея мне очень не по нутру.

— Она не бросает никакой тени на вас, мистер Гарридеб. Мистер Натан Гарридеб всего лишь проявил усердие для достижения цели, одинаково важной для вас обоих, насколько я понял. Зная, что я располагаю средствами добывать нужные сведения, он, естественно, обратился именно ко мне.

Рассерженное лицо нашего посетителя постепенно прояснилось.

— Тогда дело другое, — сказал он. — Я, как только узнал, что старый чудак вздумал просить подмоги у сыщика, сразу взял у него адрес и прямо к вам. Не желаю, чтобы полиция совала нос в наши частные дела. Но если вы действительно беретесь разыскать необходимого нам человека, — что ж, я не возражаю.

— Все именно так и обстоит, — сказал Холмс. — А теперь, сэр, раз уж вы здесь, мы бы хотели услышать из ваших собственных уст перечень основных фактов. Моему другу совершенно неизвестны подробности.

Мистер Гарридеб окинул меня не слишком дружелюбным взглядом.

— А зачем ему знать? — спросил он.

— Обычно мы работаем вместе.

— Ну что ж, у меня нет причины держать мои дела в секрете. Выложу вам все и как можно короче. Будь вы родом из Канзаса, мне было бы незачем объяснять, кто такой Александр Гамильтон Гарридеб. Он сколотил себе состояние на недвижимом имуществе и еще спекулировал пшеницей на чикагской бирже. А деньги тратил на одно: скупал земли по берегам Арканзас-ривер, к западу от Форт-Доджа. Столько их накупил, что хватило бы на любое ваше графство, — пастбища, строевой лес, пашни, рудники — все, что способно приносить доллары их владельцу.

Ни родни, ни близких у Александра Гарридеба не было, я, во всяком случае, ни об одном не слышал. Но старика прямо-таки распирала гордость оттого, что у него такая диковинная фамилия. Это-то нас и свело. Я тогда адвокатствовал в Топеке, и как-то раз старик является ко мне. До чего же он обрадовался, что встретил однофамильца! У него это стало настоящим пунктиком, и он решил во что бы то ни стало разузнать, существуют ли еще где-нибудь другие Гарридебы. «Сыщите мне хоть одного!» — упрашивал он меня. Я сказал, что я человек занятой, некогда мне рыскать по белу свету, охотиться за Гарридебами. «Ничего, ничего, — сказал он, — именно этим вы и займетесь, если выгорят у меня то, что я затеял». Я, конечно, подумал, что старик просто дурачится, но оказалось, в словах его скрывался очень и очень большой смысл, в чем я скоро убедился.

Года не прошло, как он, видите ли, умер и оставил завещание такое чудное, каких в Канзасе регистрировать еще не приходилось. Все свое состояние старик разделил на три части и одну завещал мне на том условии, что я раздобуду еще пару Гарридебов, — они тоже получат наследство, каждый свою долю. Это выходит ровнехонько по пяти миллионов на брата! Но ни один из нас не увидит ни гроша, пока не соберется вся наша тройка вместе.

Это было так заманчиво, что я забросил свою адвокатуру и принялся за поиски Гарридебов. В Соединенных Штатах их нет. Я прочесал страну, сэр, можно сказать, самым частым гребнем, но не нашел ни одного. Тогда я двинулся в Англию. И что же? В лондонской телефонной книге стоит это имя, Натан Гарридеб! Два дня тому назад я зашел к нему,

рассказал, как обстоит дело. Старик один-одинешенек, вроде меня, то есть родня у него где-то есть, но все только женщины, ни одного мужчины. А по завещанию требуется трое мужчин. Так что, как видите, одно место еще свободно, и если вы поможете нам его заполнить, мы готовы оплатить ваши услуги.

— Ну как, Уотсон, — обратился ко мне Холмс, улыбаясь, — не говорил ли я, что это прелюбопытная история? Я полагаю, сэр, вам первым долгом следует поместить в газетах объявление о розысках.

— Уже проделано, мистер Холмс. Все попусту.

— Нет, в самом деле, история весьма курьезная. Пожалуй, займусь ею на досуге. Кстати, это интересно, что вы из Топеки. Я когда-то вел переписку с одним из тамошних жителей — его звали доктор Лизандер Старр. В 1890 году он был мэром.

— Славный был старик, доктор Старр. Его имя и сейчас у нас в почете. Так вот, мистер Холмс, сдается мне, нам нужно держать с вами связь. Что ж, будем сообщать, как подвигаются наши поиски. Думаю, через день-два дадим о себе знать.

Заверив нас в этом, наш американский знакомец поклонился и вышел.

Холмс раскурил трубку и некоторое время сидел молча. На лице его блуждала странная улыбка.

— Ну? — спросил я наконец.

— Любопытно, Уотсон, чрезвычайно любопытно.

— Что именно?

Холмс вынул трубку изо рта.

— А вот что: с какой целью этот джентльмен наплел нам столько небылиц? Я чуть не спросил его об этом прямо: иной раз грубая атака — наилучшая тактика, — но потом решил оставить его в приятном заблуждении, пусть думает, что одурачил нас. Человек в пиджаке английского покроя да еще с протертыми локтями и в брюках, которые от годовалой носки лежат на коленях мешком, оказывается, если верить письму и собственному его заявлению, американским провинциалом, только что прибывшим в Англию. Никаких объявлений о розысках в газетах не появлялось. Вы знаете, я никогда их не пропускаю, они служат мне прикрытием, когда требуется поднять дичь. Неужели я прозевал бы подобного фазана? И никакого доктора Лизандера Старра из Топеки я не знаю. В общем, куда ни поверни, все сплошная фальшь. Вероятно, он действительно американец, но почти утратил акцент, прожив несколько лет в Лондоне. Что за всем этим скрывается, каковы подлинные мотивы нелепых розысков людей с фамилией Гарридеб? Да, этим субъектом следует заняться. Если он мошенник, то, безусловно, весьма изобретательный и хитроумный. Необходимо выяснить, может быть, и автор письма такая же дутая личность. Позвоните-ка ему, Уотсон.

Я позвонил. На другом конце провода послышался жидкий, дрожащий голос:

— Да-да, говорит Натан Гарридеб. Нет ли поблизости мистера Холмса? Я бы очень хотел с ним поговорить.

Холмс взял трубку, и я услышал обычные обрывки разговора:

— Да, он заходил к нам. Кажется, вы не слишком хорошо его знаете? Знакомы недавно? Всего два дня?.. Да-да, конечно, перспективы заманчивые… Вы сегодня вечером дома? А ваш однофамилец не обещал зайти?.. Нет? Отлично, мы придем, я как раз хотел поболтать с вами не в его присутствии… Со мной будет доктор Уотсон… Из вашего письма я понял, что вы редко отлучаетесь из дому… Так, значит, мы будем у вас около шести. Американского адвоката оповещать о том не стоит. Всего хорошего, до скорой встречи.

Спускались чудесные весенние сумерки, и даже Литл-Райдер-стрит, крохотная улочка, отходящая от Эджуэр-роуд неподалеку от недоброй памяти Тайберн-Три,[102] дышала прелестью и казалась совсем золотой от косых лучей заходящего солнца. Мы нашли нужный

нам дом — приземистое, старомодное здание времени первых Георгов; ровный кирпичный фасад его украшали лишь два окна-фонаря на первом этаже, выступавшие глубоко вперед. Именно на этом этаже и жил наш клиент, оба эти окна, как выяснилось, принадлежали огромной комнате, где он проводил свои дни. Мы подошли к двери, и Холмс обратил мое внимание на небольшую медную дощечку, на которой стояло знакомое нам странное имя: Гарридеб.

— Находится здесь уже несколько лет, — заметил Холмс, указывая на потускневшую медь. — Во всяком случае, этот не самозванец. Следует учесть.

Лестница в доме была одна, общая, и на стенах холла мы увидели немалое количество писанных краской названий контор и фамилий жильцов. Квартир для семейных в доме не имелось, он скорее служил кровом для холостяков богемного образа жизни. Наш клиент сам открыл дверь, в чем и принес извинения, объяснив, что прислуга уходит домой в четыре часа. Мистер Натан Гарридеб оказался долговязым, тощим, сутулым и лысым джентльменом лет шестидесяти. Кожа на его изможденном лице была тусклая, будто неживая, — как это часто встречается у людей, ведущих сидячий, неподвижный образ жизни. Большие круглые очки, узкая козлиная бородка, согбенные плечи — все это, вместе взятое, сразу наводило на мысль, что перед вами человек крайне пытливый и любознательный.

Впрочем, общее впечатление создавалось приятное: чудак, конечно, но чудак симпатичный.

Комната выглядела такой же оригинальной, как ее владелец. Она походила на миниатюрный музей. Большая, квадратная, а по стенам полки, шкафы и шкафчики, уставленные всевозможными предметами, имеющими отношение к геологии и анатомии. По бокам двери висели ящики с коллекциями мотыльков и бабочек. Посреди комнаты на широком столе лежала груда образцов различных горных пород, и из нее торчала высокая медная трубка мощного микроскопа. Я оглядел все вокруг и подивился разносторонности интересов старика: здесь ящик со старинными монетами, там собрание древних кремневых орудий. У стены, по другую сторону стола, помещался большой шкаф, где хранились какие-то окаменелости, а на верху его выстроились в ряд гипсовые черепа с подписями: «неандерталец», «гейдельбергский человек», «кроманьонец» и тому подобное. Как видно, мистер Натан Гарридеб посвятил себя не одной, а нескольким отраслям науки. Стоя перед нами, он протирал куском замши какую-то монету.

— Сиракузская, лучшего периода, — пояснил он, указывая на монету. — Позже они очень деградировали. Лучшие их образцы я считаю непревзойденными, хотя некоторые специалисты отдают предпочтение александрийской школе. Мистер Холмс, для вас найдется стул. Разрешите мне снять с него эти кости… А вы, сэр… ах да, доктор Уотсон. Будьте так любезны, доктор Уотсон, отодвиньте японскую вазу подальше. Здесь, в этой комнате, сосредоточены все мои жизненные интересы. Доктор бранит меня за то, что я не бываю на воздухе, но зачем уходить от того, что так к себе тянет? Смею вас уверить, подробная классификация содержимого любого из этих шкафов потребует от меня не меньше трех месяцев.

Холмс с любопытством осмотрелся.

— Правильно ли я вас понял, сэр, что вы действительно никогда не выходите из дому?

— Время от времени я совершаю поездку к Сатеби или Кристи[103]. А вообще-то я очень редко покидаю свою комнату. Здоровье у меня не из крепких. Научные исследования поглощают все мои силы. Можете себе представить, мистер Холмс, каким потрясением — радостным, и все же потрясением — явилось для меня известие о столь невероятно счастливом повороте судьбы! Чтобы довести дело до конца, необходим еще один Гарридеб. Уж, конечно, мы его разыщем. У меня был брат, он умер, а женская родня в счет не идет. Но, безусловно, на свете есть и другие Гарридебы. Я слышал, что вы брались за очень сложные, трудные проблемы, и решил прибегнуть к вашей помощи. Мой американский тезка, конечно,

совершенно прав, мне следовало сперва посоветоваться с ним, но я действовал из лучших побуждений.

— Вы поступили весьма осмотрительно, — сказал Холмс. — А вам и в самом деле не терпится стать американским землевладельцем?

— Разумеется, нет, сэр. Ничто не заставит меня расстаться с моими коллекциями. Но этот американский адвокат обещал выкупить мою долю, как только мы утвердимся в правах наследства. Сумма, предназначенная каждому из нас, — пять миллионов долларов. Как раз в настоящее время имеется возможность сделать несколько ценных приобретений. Как это восполнило бы пробелы в моих коллекциях! Сейчас я ничего не могу приобрести, у меня нет необходимых для этого нескольких сотен фунтов. Подумайте, сколько я накуплю на пять миллионов! Мое собрание ляжет в основу нового национального музея, я стану Гансом Слоуном[104] нашего века!

Глаза его за стеклами очков блестели. Было ясно, что мистер Натан Гарридеб не пожалеет усилий, чтобы раздобыть недостающего однофамильца.

— Я зашел только, чтобы познакомиться, ни в коем случае не хочу мешать вашим занятиям, — сказал Холмс. — Когда я вступаю с человеком в деловые отношения, я всегда предпочитаю личное с ним знакомство. Мне почти не о чем вас спрашивать, мистер Гарридеб, в кармане у меня ваше письмо с очень толковым изложением основных фактов, и кое-что я еще уточнил во время визита американского джентльмена. Насколько я понял, до этой недели вы и не подозревали о его существовании?

— Абсолютно. Он явился ко мне в прошлый вторник.

— Он вам уже рассказал о нашей встрече?

— Да. Он пришел сюда прямо от вас. Как он тогда на меня рассердился, когда узнал о моем письме!

— За что ему, собственно, было сердиться?

— Он почему-то воспринял это как личное оскорбление. Но от вас он вернулся повеселевшим.

— Он предлагал какой-нибудь план действий?

— Нет, сэр.

— Получал он от вас деньги или, может, просил их?

— Нет, сэр, ни разу!

— Вы не заметили, не преследует ли он каких-либо особых целей?

— Никаких, — ничего, кроме той, о которой он мне сообщил.

— Вы сказали ему, что мы с вами договорились по телефону о встрече?

— Да, сэр, я поставил его в известность.

Холмс глубоко задумался. Я видел, что он недоумевает, что-то ускользает от его понимания.

— Нет ли в ваших коллекциях каких-либо особо ценных предметов?

— Нет, сэр, я человек небогатый. Коллекции мои хороши, но большой материальной ценности собой не представляют.

— И грабителей вы не опасаетесь?

— Нисколько!

— Давно вы занимаете эту квартиру?

— Почти пять лет.

Разговор был прерван повелительным стуком в дверь. Наш хозяин едва успел отодвинуть задвижку, как в комнату буквально влетел американский адвокат.

— Вот, смотрите! — воскликнул он, размахивая над головой сложенной газетой. — Я так и думал, что застану вас здесь. Мистер Натан Гарридеб, примите мои поздравления. Вы богаты, сэр. Наши хлопоты счастливо завершились, все улажено. А вы, мистер Холмс… Нам остается лишь выразить сожаление, что вас потревожили попусту.

Он передал газету нашему клиенту. Не отрывая изумленного взгляда, старик читал отмеченное в ней объявление. Мы с Холмсом наклонились вперед и, заглядывая через плечо мистера Натана Гарридеба, прочли:

«Говард Гарридеб.
Конструктор сельскохозяйственных машин.
Сноповязалки, жнейки, ручные и паровые плуги, сеялки, бороны, фургоны, дровяные козлы и пр.
Расчеты по артезианским колодцам.
Бирмингем, Астон, Гровнер-билдинг».

— Великолепно! — воскликнул наш хозяин, задыхаясь от волнения. — Найден третий!

— Я наводил справки в Бирмингеме, — сказал американец, — и мой тамошний агент прислал это объявление — вырезал его из местной газеты. Надо, не мешкая, доводить дело до конца. Я написал этому конструктору, что завтра в четыре часа вы будете у него в конторе.

— Я? Вы хотите, чтобы поехал именно я?

— А вы как считаете, мистер Холмс? Вам не кажется, что так оно разумнее? Представьте себе, являюсь я, никому не известный американец, и рассказываю волшебные сказки. С чего это вдруг станет он мне верить? А вы, мистер Натан Гарридеб, вы англичанин, человек солидный, вас он, уж конечно, выслушает. Если желаете, я могу вас сопровождать, но, признаться, завтра у меня куча дел. Знаете что, если возникнут какие-нибудь осложнения, я мигом примчусь туда следом за вами.

— Понимаете, я уже многие годы не совершал таких длительных поездок…

— А, пустяки, мистер Гарридеб. Я все для вас выяснил. Вы едете двенадцатичасовым поездом, в начале третьего будете на месте. К вечеру успеете вернуться обратно. И все, что от вас требуется, это повидать нашего однофамильца, изложить ему суть дела и получить письменное подтверждение того, что он действительно существует. Боже ты мой, — добавил он с горячностью, — если вспомнить, что я ехал в такую даль, добирался сюда из самого сердца Америки, то, право, с вас спрашивают не так уж много — проехать сотню миль, чтобы все наконец счастливо устроилось.

— Безусловно, — сказал Холмс. — Я считаю, что этот джентльмен рассуждает резонно.

Мистер Натан Гарридеб уныло пожал плечами.

— Ну, раз вы настаиваете, хорошо, я поеду, — сказал он. — Конечно, мне трудно отказать вам в чем бы то ни было — вам, принесшему в мою жизнь радость надежды.

— Значит, решено, — сказал Холмс. — И при первой возможности известите меня о ходе дела.

— Я об этом позабочусь, — сказал американец. — Ну, мне пора, — добавил он, глянув на свои часы. — Завтра, мистер Натан, я зайду за вами и посажу вас на поезд до Бирмингема. Нам не по пути, мистер Холмс? Нет? В таком случае позвольте распрощаться. Завтра к вечеру вы, вероятно, уже получите от нас добрые вести.

Я заметил, что едва американец вышел из комнаты, как лицо моего друга просветлело, недоуменное выражение на нем исчезло.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на ваши коллекции, мистер Гарридеб, — сказал Холмс. — При моей профессии мне могут пригодиться самые неожиданные сведения, а ваша комната — неистощимый их кладезь.

Наш клиент просиял от удовольствия, глаза его за стеклами больших очков заблестели.

— Я много наслышан, сэр, о вашей высокой интеллектуальности, — сказал он. — Могу хоть сейчас показать все что угодно.

— К сожалению, сейчас я не располагаю временем. Но все экспонаты снабжены ярлыками и отлично классифицированы, едва ли требуются еще и личные ваши пояснения. Что если я загляну к вам завтра? Вы ничего не имеете против, если я в ваше отсутствие полюбуюсь на эти сокровища?

— Разумеется, прошу вас. Квартира будет, конечно, заперта, но я оставлю ключ у миссис Сандерс. До четырех часов она не уйдет, вы разыщете ее внизу. Она вам отопрет.

— Завтра днем я как раз свободен. Будет очень хорошо, если вы поговорите с миссис Сандерс относительно ключа. Кстати, где помещается контора ваших квартирных агентов?

Неожиданный вопрос явно удивил нашего клиента.

— На Эджуэр-роуд. А в чем дело?

— Видите ли, по части архитектуры я сам немного специалист, — сказал Холмс, смеясь. — И вот никак не могу решить, к какому периоду относится ваш дом: царствование королевы Анны? Или уже более позднее время, Георг I?

— Георг, безусловно.

— Вы так думаете? А я бы отнес его к несколько более раннему времени. Впрочем, это легко уточнить. Итак, мистер Гарридеб, до свидания. Позвольте пожелать вам удачной поездки.

Контора жилищного агентства была рядом, но оказалась уже закрытой, и мы с Холмсом отправились к себе на Бейкер-стрит. Только после обеда Холмс вернулся к нашей теме.

— Эта маленькая история движется к развязке, — сказал он. — Вы, конечно, уже мысленно начертали себе ход ее развития.

— Не вижу в ней ни конца, ни начала.

— Ну, начало ее уже достаточно хорошо обрисовано, а конец увидим завтра. Вы не заметили ничего странного в этом газетном объявлении?

— Заметил. В слово «артезианский» вкралась орфографическая ошибка.

— Ага, значит, заметили? Поздравляю, Уотсон, вы делаете успехи. Но это не типографская ошибка, слово напечатали так, как оно было написано тем, кто давал объявление. И, кстати, артезианские колодцы более характерны для Америки, чем для Англии. И фургоны тоже. В общем, типичное американское объявление, но якобы исходящее от английской фирмы. Ваше мнение по этому поводу, Уотсон?

— Мне кажется, американский адвокат составил и поместил его сам. Но с какой целью, решительно не догадываюсь.

— Возможны различные мотивы. Но ясно одно, ему надо было спровадить в Бирмингем нашего симпатичного старичка. Это вне сомнений. Я мог бы сказать бедняге, что его гонят искать ветра в поле, но рассудил, что лучше очистить место действия. Пусть едет. Завтра — завтра, Уотсон, само за себя скажет.

Холмс встал рано и куда-то ушел. К завтраку он вернулся, и я увидел, что лицо у него хмурое и сосредоточенное.

— Дело серьезнее, чем я предполагал, — сказал он. — Я должен предупредить вас об этом, Уотсон, хотя наперед знаю, это только подстрекнет ваше стремление лезть туда, где есть шанс сломать себе шею. Мне ли не знать моего друга Уотсона? Но опасность действительно есть, предупреждаю.

— Она будет не первой, которую мы с вами разделяем, и, надеюсь, не последней. В чем же она заключается на сей раз?

— Дело очень не простое, рискованное. Я установил личность адвоката из Америки. Он не кто иной, как «Убийца Эванс» — опаснейший преступник.

— Боюсь, я по-прежнему плохо понимаю, что к чему.

— Ну да, людям вашей профессии не свойственно держать в памяти «Ньюгетский календарь»[105]. Я заходил в Скотленд-Ярд к нашему приятелю Лестрейду. У них там иной раз, быть может, недостает воображения и интуиции, но что касается тщательности и методичности — им нет равных. Мне пришло в голову порыться в их «Галерее мошенников» — вдруг набреду на след нашего американского молодчика? И что же, я и в самом деле наткнулся на его пухлую, улыбающуюся физиономию. Под фотографией я прочел: «Джеймс Уингер, он же Маркрофт, он же „Убийца Эванс"». — Холмс вынул из кармана конверт: — Я кое-что выписал из его досье. «Возраст 46 лет, уроженец Чикаго. Известно, что совершил три убийства в Соединенных Штатах. Бежал из тюрьмы с помощью влиятельных лиц. В 1893 году появился в Лондоне. В январе 1895 года в игорном доме на Ватерлоо-роуд стрелял в своего партнера. Тот скончался, но свидетели показали, что именно убитый был зачинщиком ссоры. Труп был опознан, оказалось, что это Роджер Прескотт, знаменитый чикагский фальшивомонетчик. В 1901 году „Убийца Эванс" вышел из тюрьмы. Состоит под надзором полиции и, насколько это известно, ведет честный образ жизни. Очень опасный преступник, обычно имеет при себе оружие и, не задумываясь, пускает его в ход». Вот какова наша птичка, Уотсон, довольно бедовая, надо признать.

— Но что он затевает?

— План его постепенно становится ясен. Я заходил в контору жилищного агентства. Там мне подтвердили, что наш клиент живет в данной квартире пять лет. До него она год стояла пустая. Предыдущий жилец был некий джентльмен по имени Уолдрон. Внезапно он исчез, и больше о нем не было ни слуху, ни духу. Внешность Уолдрона в конторе хорошо запомнили: высокий, бородатый, смуглый мужчина. Так вот, Уотсон, согласно описаниям Скотленд-Ярда, человек, застреленный «Убийцей Эвансом», был высокий, смуглый и с бородой. В качестве рабочей гипотезы предположим, что именно Прескотт, американский преступник, проживал в той комнате, которую мистер Натан Гарридеб, невинная душа, отвел под свой музей. Таким образом, мы, как видите, первое звено уже имеем.

— А следующее?

— Отправимся на его поиски.

Холмс вытащил из ящика стола револьвер и протянул его мне.

— Берите. Мой всегдашний спутник при мне. Если наш приятель с Дикого Запада попытается оправдать свою кличку, нам надо быть наготове. Сосните часок, Уотсон, а затем, я думаю, пора нам будет отправиться на Райдер-стрит, — посмотрим, что нас там ждет.

Было ровно четыре часа, когда мы снова очутились в любопытной квартире Натана Гарридеба. Миссис Сандерс, поденная уборщица, собиралась уже уходить, но впустила нас, не колеблясь: замок в двери защелкивался автоматически, и Холмс обещал, что перед уходом проверит дверь и все будет в порядке. Вскоре затем мы услышали, как хлопнула входная дверь, за окном проплыла шляпка миссис Сандерс, — теперь на первом этаже никого, кроме нас, не оставалось. Холмс быстро осмотрел помещение. В темном углу, несколько отступя от стены, стоял шкаф — за ним мы и спрятались. Холмс шепотом изложил мне план действий.

— Совершенно ясно, что ему было необходимо выпроводить нашего уважаемого клиента, но так как старик никогда не выходит из дому, «американскому адвокату» пришлось сочинить повод. Вся эта сказка про трех Гарридебов, очевидно, только эту цель и преследует. Должен сказать, Уотсон, в ней чувствуется прямо-таки дьявольская изобретательность, пусть даже необычная фамилия жильца дала ему в руки неожиданный козырь. План свой он разработал чрезвычайно хитроумно.

— Но зачем все это ему нужно?

— Для того мы и сидим здесь, чтобы это узнать. Насколько я разобрался в ситуации, к нашему клиенту это не имеет никакого отношения. Тут что-то связано с человеком, которого Эванс застрелил — возможно, они были сообщниками. Эта комната хранит какую-то преступную тайну. Сперва я заподозрил, что у нашего почтенного друга имеется в коллекции что-нибудь очень значительное, чему он сам не знает цены, — нечто достойное внимания мошенника. Но тот факт, что недоброй памяти Роджер Прескотт занимал когда-то это самое помещение, указывает на иные, более глубокие причины. А сейчас, Уотсон, наберемся терпения, подождем, пока пробьет решительный час.

Ждать пришлось недолго. Мы замерли, услышав, как открылась и тут же захлопнулась входная дверь. Щелкнул ключ в двери, ведущей в комнату, и появился наш американец. Тихо притворив за собой дверь, он острым взглядом окинул все вокруг и, убедившись, что опасности нет, сбросил пальто и пошел прямо к столу, стоявшему посреди комнаты, — шел он уверенно, как человек, точно знающий, что и как ему надо делать. Отодвинув стол и сдернув лежавший под ним ковер, он вытащил из кармана ломик, опустился на колени и стал энергично действовать этим ломиком на полу. Вскоре мы услышали, как стукнули доски, и тут же в полу образовалась квадратная дыра. «Убийца Эванс» чиркнул спичкой, зажег огарок свечи и скрылся из виду.

Теперь пришло время действовать нам. Холмс подал знак, слегка коснувшись моей руки, и мы подкрались к открытому подполу. Как ни осторожно мы двигались, старые доски, очевидно, все же издали скрип у нас под ногами — из черной дыры неожиданно показалась голова американца. Он повернулся в нашу сторону — и лицо его исказилось бессильной яростью. Но постепенно оно смягчилось, на нем даже появилось подобие сконфуженной улыбки, когда он увидел два револьверных дула, нацеленных ему в голову.

— Ну ладно-ладно, — сказал он с полным хладнокровием и стал вылезать наверх. — Видно, с вами, мистер Холмс, мне не тягаться. Сразу разгадали всю мою махинацию и оставили меня в дураках. Ну, признаю, сэр, ваша взяла, а раз так…

В мгновение ока он выхватил из-за пазухи револьвер и дважды выстрелил. Я почувствовал, как мне обожгло бедро, словно к нему приложили раскаленный утюг. Послышался глухой удар — это Холмс обрушил свой револьвер на череп бандита. Я смутно видел, что Эванс лежит, распростершись на полу, и с лица у него стекает кровь, а Холмс ощупывает его в поисках оружия. Затем я почувствовал, как крепкие, словно стальные, руки моего друга подхватили меня — он оттащил меня к стулу.

— Вы не ранены, Уотсон? Скажите, ради Бога, вы не ранены? Да, стоило получить рану, и даже не одну, чтобы узнать глубину заботливости и любви, скрывавшейся за холодной маской моего друга. Ясный, жесткий взгляд его на мгновение затуманился, твердые губы задрожали. На один-единственный миг я ощутил, что это не только великий мозг, но и великое сердце… Этот момент душевного раскрытия вознаградил меня за долгие годы смиренного и преданного служения.

— Пустяки, Холмс. Простая царапина.

Перочинным ножом он разрезал на мне брюки сверху донизу.

— Да, правда, слава Богу! — воскликнул он с глубоким вздохом облегчения. — Только кожу задело. — Потом лицо его ожесточилось. Он бросил гневный взгляд на нашего пленника, который приподнялся и ошарашено смотрел перед собой. — Счастье твое, негодяй, не то, клянусь… Если бы ты убил Уотсона, ты бы живым отсюда не вышел. Ну, сэр, что вы можете сказать в свое оправдание?

Но тому нечего было сказать в свое оправдание. Он лежал и хмурил физиономию. Я оперся о плечо Холмса, и вместе с ним мы заглянули в подпол, скрывавшийся за подъемной крышкой. В подполе еще горела свеча, которую прихватил с собой Эванс. Взгляд наш упал на

какую-то проржавевшую машину, толстые рулоны бумаги, целую кучу бутылок. А на небольшом столе мы увидели несколько аккуратно разложенных маленьких пачек.

— Печатный станок… Весь арсенал фальшивомонетчика, — сказал Холмс.

— Да, сэр, — проговорил наш пленник. Медленно, пошатываясь, он поднялся на ноги и тут же опустился на стул. — Здесь работал величайший артист, какого только знал Лондон. Вон то — его станок, а пачки на столе — две тысячи ассигнаций работы Прескотта. Каждая стоимостью в сотню и пригодна к обращению в любом месте. Ну что ж, забирайте, джентльмены, все ваше. А меня отпустите…

Холмс рассмеялся.

— Мы такими делами не занимаемся. Нет, мистер Эванс, в Англии вам укрыться негде. Убийство Прескотта чьих рук дело?

— Да, сэр, это я его прихлопнул, верно. Ну что ж, я за то отсидел пять лет, а свару-то затеял он сам. Пять лет! А меня следовало бы наградить медалью размером с тарелку! Ни одна живая душа не могла отличить ассигнацию работы Прескотта от тех, что выпускает Английский банк, и, не прикончи я парня, он наводнил бы своими бумажками весь Лондон. Кроме меня, никто на свете не знал, где он их фабрикует. И что ж удивительного, что меня тянуло добраться до этого местечка? А когда я проведал, что этот выживший из ума собиратель козявок, можно сказать, сидит на самом тайнике и никогда носа из комнаты не высовывает, что ж удивительного, что я стал из кожи вон лезть, придумывать, как бы выпихнуть его из дому? Может, оно было бы поумнее прихлопнуть старика — и все, и труда бы никакого. Но такой уж я человек, сердце у меня мягкое, не могу стрелять в безоружного. А скажите-ка, мистер Холмс, на каком основании думаете вы отдать меня под суд? Что я совершил преступного? Денег не брал, старикана пальцем не тронул. Прицепиться не к чему!

— Не к чему? Конечно! Всего-навсего вооруженное покушение на жизнь, — сказал Холмс. — Но мы вас, Эванс, судить не собираемся, это — дело не наше, этим займутся другие. Пока нам требуется только сама ваша очаровательная особа. Уотсон, позвоните-ка в Скотленд-Ярд. Наш звонок, я полагаю, не будет для них сюрпризом.

Таковы факты, связанные с делом «Убийцы Эванса» и его замечательной выдумкой о трех Гарридебах. Позже мы узнали, что бедный старичок ученый не вынес удара: мечты его оказались развеяны, воздушный замок рухнул, и он пал под его обломками. Последние вести о бедняге были из психиатрической лечебницы в Брикстоне. А в Скотденд-Ярде был радостный день, когда извлекли наконец всю аппаратуру Прескотта. Хотя полиции было известно, что она где-то существует, однако после смерти фальшивомонетчика, сколько ее ни искали, найти не могли. Эванс в самом деле оказал немалую услугу и многим почтенным особам из уголовного розыска дал возможность спать спокойнее. Ведь фальшивомонетчик — это совсем особая опасность для общества. В Скотленд-Ярде все охотно сложились бы на медаль размером с тарелку, о которой говорил «американский адвокат», но неблагодарные судьи придерживались менее желательной для него точки зрения, и «Убийца Эванс» вновь ушел в мир теней, откуда только что было вынырнул.

Загадка Торского моста

Где-то в подвалах банка «Кокс и К°» на Чарринг-кросс лежит потертая курьерская сумка с моим именем на крышке «Джон X. Уотсон, доктор медицины, бывший военнослужащий Индийской армии». Сумка набита бумагами: это записи необычных дел, которые Холмс когда-то расследовал. Некоторые из дел, и довольно интересные, окончились полной неудачей, и поэтому едва ли стоит о них писать: задача без решения может заинтересовать специалиста, а у случайного читателя вызовет лишь раздражение. Среди таких незаконченных дел — история мистера Джеймса Филимора, который, вернувшись домой за зонтиком, бесследно исчез. Не менее замечательна история катера «Алисия»: однажды вечером он вошел в полосу тумана и пропал навсегда — никто более не слышал ни о нем, ни о его экипаже. Третье дело,

достойное упоминания, — случай с Айседором Персано, знаменитым журналистом и дуэлянтом: он помешался на том, что в спичечной коробке, которую он постоянно держал в руках, находится редчайший червь, по его словам, еще не известный науке.

Не считая этих «темных дел», есть несколько таких, которые затрагивают семейные тайны, настолько интимные, что сама мысль о возможности их оглашения вызвала бы переполох во многих высокопоставленных домах. Нет нужды говорить, что это исключено, и теперь, когда у моего друга есть время и силы, подобные записи будут отобраны и уничтожены.

Остается значительное число дел, более или менее интересных, о которых я мог бы написать раньше, если бы не боялся пресытить читателя и тем самым повредить репутации человека, которого чту больше всех.

Я был участником некоторых из этих дел и потому могу говорить о них как очевидец. К их числу относится и описанное ниже.

Был ветреный октябрьский день. Я одевался и следил, как кружились в воздухе сорванные ветром последние листья одинокого платана, который украшал двор позади нашего дома. Спускаясь к завтраку, я ожидал застать моего друга в подавленном настроении, ибо, как настоящая артистичная натура, он легко поддавался влиянию окружающей обстановки. Напротив, он кончал завтракать в особенно веселом настроении того несколько зловещего оттенка, который был характерен для него в минуты душевного подъема.

— У вас есть дело, Холмс? — заметил я.

— Ваша способность к дедукции поистине поразительна, Уотсон, — ответил он. — Она помогла вам раскрыть мою тайну. Да, у меня есть дело. После месяца незначительных происшествий и застоя колесо завертелось снова.

— Я мог бы принять участие в этом деле?

— Пока не в чем, но мы обсудим этот вопрос, когда вы уничтожите два крутых яйца, которыми нас сегодня удостоила наша новая кухарка. Степень их съедобности находится в прямой связи с очередным номером «Семейной газеты», которую я видел вчера на столе в гостиной: даже такое пустяковое дело, как варка яиц, требует внимания, точного ощущения времени и несовместимо с чтением романа, напечатанного в этом отличном периодическом издании.

Через четверть часа со стола убрали, и мы остались одни. Холмс вытащил из кармана письмо.

— Вы слышали о Нейле Гибсоне, Золотом Короле? — спросил он.

— Вы имеете в виду американского сенатора?

— Ну да, он был когда-то сенатором от одного из западных штатов, но больше известен как крупнейший в мире золотопромышленник.

— Да, знаю: он некоторое время жил в Англии, и его имя пользовалось некоторой популярностью.

— Он купил солидное поместье в Хэмпшире лет пять тому назад. Вы, вероятно, уже слышали о трагической гибели его жены?

— Конечно. Я теперь вспоминаю — вот почему его имя мне известно. Правда, я не знаю подробностей.

Холмс указал на бумаги, лежащие на стуле.

— Мои химические опыты по получению экстрактов еще не окончены, а тут эта история. С виду пахнет сенсацией, но, мне кажется, разобраться здесь нетрудно. Улики явные — таково мнение и экспертизы и полиции. Сейчас дело передано на рассмотрение выездной сессии суда в Винчестере. Боюсь, что это неблагодарная работа. Я могу обнаружить факты, но не могу их изменить! Пока не появятся какие-либо новые данные, не вижу, на что может надеяться мой клиент.

— Ваш клиент?

— Ах, я забыл вам рассказать! Я, кажется, перенял вашу привычку, Уотсон, рассказывать историю с конца. Лучше прочтите сначала вот это.

Он передал мне письмо. Оно было написано четким, уверенным почерком и гласило:

«Отель „Кларидж", 3 октября Уважаемый м-р Шерлок Холмс!Мне тяжело быть свидетелем того, как самая лучшая на Земле женщина идет навстречу своей гибели. Я сделаю все, что в моих силах, для ее спасения. Я ничего не могу объяснить, не могу даже попытаться сделать это, но я ничуть не сомневаюсь, что мисс Данбэр невиновна. Вы знаете факты — кто их не знает? — об этом сплетничают по всей Англии. И ни один голос не поднялся в ее защиту — какая чудовищная несправедливость! Эта женщина и мухи не обидит!

Одним словом, я буду у Вас завтра в 11 часов. Посмотрим, сможете ли Вы что-нибудь прояснить в этой темной истории. Во всяком случае, все, чем я располагаю, — к Вашим услугам, только спасите ее. Умоляю Вас, приложите все свое умение и энергию!

С совершенным почтением

Дж. Нейл Гибсон».

— Вот, извольте. — Шерлок Холмс выбил пепел из трубки, которую курил после завтрака, и снова не спеша набил ее табаком. — Этого джентльмена я как раз и жду. Что касается самой истории, то за недостатком времени я перескажу вам ее вкратце, если вы доверяете официальным отчетам о ходе следствия. Человек этот — крупный финансовый магнат. Насколько я понимаю, он крайне вспыльчив и страшен в гневе. Он женился на женщине, жертве этой трагедии, — о ней я пока не знаю ничего, кроме того, что она была уже не первой молодости. Дело осложняется еще и тем, что воспитание их двоих детей было поручено молодой и весьма привлекательной гувернантке. Вот три человека — участники события, происшедшего в старинном английском поместье.

Теперь с самой трагедии. Труп был найден в парке, примерно в полумиле от дома. Убитая была одета к обеду, с шалью на плечах. Пуля, выпущенная из револьвера, пробила ее голову навылет. Около трупа не нашли никакого оружия, никаких следов убийства. Заметьте, Уотсон, никакого оружия! Преступление, по-видимому, было совершено поздно вечером, а труп обнаружен лесником около одиннадцати часов. Затем врач и полиция осмотрели убитую, после чего перенесли ее в дом… Может быть, я излагаю слишком сжато, или вам ясны все обстоятельства этого происшествия?

— Абсолютно все ясно. А почему подозревают гувернантку?

— Во-первых, есть некоторые прямые улики: револьвер с одним разряженным гнездом в барабане (калибр оружия соответствует найденной пуле) был обнаружен на дне ее платяного шкафа. — Холмс уставился в одну точку и раздельно повторил: — На… дне… ее… платяного… шкафа… — Затем он погрузился в раздумье, и я понял, что с моей стороны было бы глупо прерывать его.

Вдруг он снова оживился.

— Да, Уотсон, найден револьвер. Здорово изобличает, а? Таково мнение двоих понятых. На убитой найдена записка с предложением встретиться на том самом месте, где произошло убийство; записка подписана гувернанткой. Ну как? К тому же и мотивы убийства налицо: сенатор Гибсон — личность привлекательная, и, если его жена умрет, кому занять ее место, как не юной леди, которая, по общим отзывам, уже давно пользовалась исключительным вниманием со стороны хозяина. Любовь, деньги, власть — а на пути к этому стоит немолодая жена Гибсона! Плохо дело, Уотсон, очень плохо!

— Да, Холмс, это так.

— И алиби она не может представить. Напротив, гувернантка вынуждена признать, что примерно в то время, когда это случилось, она находилась как раз около Торского моста (это

место трагедии). Отрицать этот факт бессмысленно, ибо несколько проходивших мимо крестьян ее там видели.

— Да, вопрос ясен!

— И все же, Уотсон, не будем спешить с выводами! Давайте разберемся. Мост, о котором идет речь, представляет собой один широкий каменный пролет с парапетом по краям. Он построен для переправы через самую узкую часть длинного глубокого водоема, заросшего тростником. Это так называемый Торский пруд. У входа на мост лежала мертвая женщина. Таковы факты… Но что это? Если я не ошибаюсь, наш клиент пришел значительно раньше условленного времени.

Вилли, слуга Холмса, открыл дверь, но имя, которое он объявил, было неизвестно нам обоим: «Мистер Марлоу Бэйтс». Нашему взору предстал худощавый субъект с испуганными глазами и судорожными, неуверенными манерами — этакий «комок нервов». На мой взгляд врача-профессионала, этот человек находился на грани полного расстройства нервной системы.

— Вы, кажется, возбуждены, мистер Бэйтс, — сказал Холмс.

— Прошу вас, садитесь. Боюсь, что смогу уделить вам очень мало времени: у меня в 11 часов свидание.

— Я знаю о нем. — Наш посетитель выпаливал короткие фразы, словно ему не хватало воздуха. — Сюда идет Гибсон — мой хозяин. Я управляющий его имением. Холмс, знайте: он негодяй, жуткий негодяй!

— Крепко сказано, мистер Бэйтс.

— Я вынужден так говорить, ибо у меня мало времени. Я не хочу встречаться с ним у вас. Он вот-вот придет. Была причина, не позволившая мне прийти раньше: его секретарь, мистер Ферпоссон, только сегодня утром рассказал о предстоящей встрече Гибсона с вами.

— Так вы его управляющий?

— Я подал заявление об уходе. Через несколько недель я избавлюсь от этого проклятого рабства. Гибсон — тяжелый человек. Эти благотворительные дела лишь ширма, прикрывающая дурные стороны его личной жизни. Его жена пала жертвой. Он был груб с ней, да-да, сэр, груб! Не знаю, как она погибла, но уверен, что он превратил ее жизнь в страдание. Она была типичная южанка, бразилианка по рождению — вы, конечно, знаете это?

— Нет, это обстоятельство ускользнуло от меня.

— Южанка по рождению и по натуре. Дитя солнца и страсти. Она любила его, как могут любить такие женщины. Но когда увяла ее красота (говорят, когда-то она была прекрасна), ничто уже не привязывало к ней мужа. Нам всем она нравилась, мы ей сочувствовали и ненавидели его за то, как он с ней обращался. Но он хитер и умеет внушать доверие. Это все, что я должен сказать вам. Не судите о нем по внешнему виду, смотрите глубже. Ну, я пойду. Нет-нет, не удерживайте меня! Он сейчас придет!

Наш странный посетитель испуганно взглянул на часы и буквально вылетел из комнаты.

— Ну-ну! — сказал Холмс после небольшой паузы. — Я вижу, у мистера Гибсона довольно «преданные» домочадцы. Хорошо, что Бэйтс предупредил нас; теперь подождем самого хозяина.

Точно в назначенное время раздались тяжелые шаги на лестнице, и знаменитый миллионер вошел в комнату. Взглянув на него, я понял причину страха и антипатии его управляющего, да и проклятий, которые обрушивали на его голову многие конкуренты по бизнесу. Если бы я был скульптором и хотел олицетворить преуспевающего бизнесмена с железными нервами и без совести, я выбрал бы в качестве натурщика мистера Нейла Гибсона. Его высокая, худощавая, словно высеченная из камня фигура выражала алчность хищника; ну прямо-таки Авраам Линкольн, но обративший свою энергию на достижение низменных

целей, — вот как можно было бы определить этого человека. Его лицо, твердое, безжалостное, было изрыто глубокими морщинами — следами бурно прожитой жизни.

Гибсон оглядел нас по очереди с ног до головы холодными серыми глазами, коварно поблескивающими из-под ощетинившихся бровей. Когда Холмс упомянул мое имя, он небрежно поклонился, затем властным жестом хозяина подвинул стул вплотную к столу моего друга и сел, почти касаясь его своими худыми коленями.

— Позвольте мне сразу же сказать, мистер Холмс, — начал он, — что деньги в данном случае не имеют для меня значения. Вы можете жечь их, если это сколько-нибудь поможет вам осветить путь к истине. Женщина невиновна и должна быть оправдана, а сделать это предстоит вам. Назовите вашу цену.

— Размер моего гонорара точно установлен, — холодно сказал Холмс. — Я не меняю его, за исключением тех случаев, когда вообще отказываюсь от оплаты.

— Ну ладно, раз доллары не имеют для вас значения, подумайте о репутации. Если вы выиграете это дело, все газеты в Англии и в Америке поднимут шум вокруг вашего имени. О вас будут говорить на обоих континентах.

— Благодарю вас, мистер Гибсон. Право же, я не нуждаюсь в рекламе. Возможно, вас это удивит, но я предпочитаю работать инкогнито, и в деле меня привлекает именно сама проблема. Однако мы теряем время. Обратимся к фактам.

— Я полагаю, что вы знаете все главные факты из сообщений прессы. Не знаю, смогу ли добавить что-либо полезное для вас. Но если хотите, чтобы я лучше осветил некоторые моменты, — я к вашим услугам.

— Хорошо. Меня интересует только один момент.

— Какой именно?

— Каковы в действительности ваши отношения с мисс Данбэр?

Сильно вздрогнув, Золотой Король приподнялся со стула. Затем к нему вновь вернулось спокойствие и солидность.

— Полагаю, что ваше право и, может быть, ваш долг — задавать такие вопросы, мистер Холмс.

— Допустим, — сказал Холмс.

— Тогда могу заверить вас, что отношения ничем не отличаются от обычных отношений между хозяином и молодой леди, с которой он видится лишь в обществе своих детей.

Холмс встал.

— Я довольно занятой человек, мистер Гибсон, — сказал он, — и не имею ни времени, ни склонности к бесплодным разговорам. Всего хорошего!

Наш посетитель также встал; он высокомерно возвышался над Холмсом, словно башня; глаза вспыхнули злобой, желтоватые щеки слегка окрасились румянцем.

— Черт побери, что вы хотите этим сказать, мистер Холмс? Вы отказываетесь от моего дела?

— Да, мистер Гибсон, по крайней мере я отказываюсь от вас. Полагаю, что выразился ясно.

— Довольно ясно, но что за этим кроется? Хотите набить себе цену? Боитесь взяться за это дело? Или что другое? Я имею право требовать объяснений.

— Возможно, — сказал Холмс. — Я объясню вам. Прежде всего это дело и так запутано, незачем его еще осложнять ложной информацией.

— То есть я лгу?

— Ну, я пытался выразиться как можно деликатнее, но, если вы настаиваете на такой формулировке, не возражаю.

Я вскочил, ибо у нашего гостя страшно напряглись мускулы лица и он поднял громадный сжатый кулак.

Вяло улыбнувшись, Холмс протянул руку за трубкой.

— Не шумите, мистер Гибсон. Я понимаю, что после завтрака даже незначительный спор выбивает из колеи. Поэтому я думаю, что прогуляться и спокойно подумать на свежем воздухе будет в высшей степени полезно для вас.

Золотой Король с трудом сдерживал свою ярость. Я не мог не восхищаться им: проявив незаурядное самообладание, он вмиг подавил вспышку гнева, и теперь на его лице можно было прочесть лишь высокомерное безразличие.

— Ну, это ваше дело. Я не могу заставить вас взяться за расследование, если вы сами этого не хотите. Но имейте в виду, мистер Холмс, вы сейчас совершили ошибку, ибо я побеждал более сильных людей, чем вы. Не было еще человека, который, став на моем пути, вышел бы победителем!

— Многие говорили то же самое, однако я жив-здоров, чего и вам желаю. До свидания, мистер Гибсон. Вам предстоит еще многому научиться.

Наш посетитель с шумом вышел. Холмс невозмутимо курил, уставив в потолок мечтательный взгляд.

— Ваше мнение, Уотсон? — спросил он наконец.

— Когда я подумал о том, что этот человек на самом деле способен смести любое препятствие на своем пути, и когда я вспомнил, что его жена могла быть таким препятствием и объектом неприязни, как сказал этот Бэйтс, мне показалось, что…

— Верно. И мне тоже.

— Но каковы его действительные отношения с гувернанткой и почему вы спросили его об этом?

— Чепуха, Уотсон, чепуха! Когда я обратил внимание на нешаблонный, неделовой тон его письма, а затем сопоставил это с его замкнутостью и внешним обликом, мне стало совершенно ясно, что обвиняемая вызывает у него более глубокое чувство, чем просто жертва. Мы должны выяснить истинные взаимоотношения этих трех людей, если хотим докопаться до истины. Вы видели, как я атаковал его в лоб и как спокойно он отразил атаку. Затем я начал его запугивать, делая вид, что все знаю, тогда как на самом деле у меня одни подозрения.

— Быть может, он вернется?

— Он обязательно вернется. Он должен вернуться. Он не может так оставить дело. Ха! Не звонок ли это? Да, это его шаги. Так вот, мистер Гибсон, я только что сказал доктору Уотсону, что вы слегка запаздываете.

На этот раз Золотой Король был более спокоен. В его возмущенном взгляде еще сквозило уязвленное самолюбие, но здравый смысл подсказывал, что он должен уступить, если хочет достичь своей цели.

— Мистер Холмс, я чувствую, что погорячился, обидевшись на ваши замечания. Вы имеете полное право устанавливать факты, каковы бы они ни были; я переменил к лучшему свое мнение о вас. Однако уверяю вас, что отношения между мисс Данбэр и мной, конечно, не касаются этого дела.

— Это уж я сам решу, ладно?

— Да, я понимаю. Вы похожи на врача, который должен знать все симптомы, чтобы поставить диагноз.

— Вот именно. Это определение подходит. И если пациент скрывает симптомы своей болезни, значит, он хочет обмануть врача.

— Допустим, так, но вы должны признать, мистер Холмс, что любой бы на моем месте испугался, если напрямик спросить о его отношениях с женщиной. Конечно, в том случае, если речь идет о сколько-нибудь серьезном чувстве. Думаю, что у большинства людей где-то в глубине души есть тайный уголок, куда не пускают незваных гостей. А вы вдруг ворвались туда. Но цель оправдывает ваши действия: надо попытаться спасти девушку. Итак, ставки снижены, завеса приоткрыта, и вы можете начать исследовать. Что вам нужно знать?

— Правду.

Золотой Король сделал небольшую паузу, как бы собираясь с мыслями. Его мрачное, изрытое глубокими морщинами лицо помрачнело еще больше.

— Я могу сообщить правду в нескольких словах, мистер Холмс, — наконец сказал он. — Есть некоторые вещи, которые тяжело пережить, и так же трудно о них говорить. Поэтому я не буду углубляться больше, чем нужно. Я встретил свою жену, когда искал золото в Бразилии. Мария Пинто была дочерью крупного правительственного чиновника в Манаусе[106]. Она была очень красива. Я тогда был молод и горяч, но даже теперь, глядя на все более хладнокровно и критически, я понимаю, что она была необыкновенно красива. Это была глубокая натура, страстная, цельная, по-южному неуравновешенная. Она резко отличалась от тех американок, которых я знал. Короче говоря, я полюбил ее, и мы поженились. И только когда любовь прошла — а это случилось не сразу, — я понял, что между нами не было ничего, решительно ничего общего. Моя любовь прошла. Если бы у нее было так же, нам обоим было бы легче. Но вы же знаете женщин: как ни стараешься их оттолкнуть — ничего не получается. Я был с ней груб, даже жесток, как говорят некоторые. И это потому, что я знал: стоит мне убить в ней любовь или обратить ее в ненависть, как нам обоим будет легче. Однако ничто не помогало: она обожала меня так же, как и двадцать лет назад. Что бы я ни делал, она по-прежнему была мне предана.

…Затем появилась мисс Данбэр. Она пришла по объявлению и стала воспитывать наших детей. Вы, наверное, видели ее портрет в газетах и согласитесь с общим мнением, что она настоящая красавица. Я не притворяюсь моралистом, как другие, и признаюсь, что живя под одной крышей с такой женщиной и ежедневно с ней общаясь, я не мог не испытывать к ней пылких чувств. Вы не осуждаете меня за это?

— Я не осуждаю вас за то, что вы испытываете такие чувства, но я бы сурово осудил вас, если бы вы признались в них мисс Данбэр, — ведь эта женщина была в известном смысле у вас на содержании.

— Хорошо, пусть будет так. — Он был задет упреком: его глаза сверкнули злобой. — Я не хочу казаться лучше, чем есть. Всю свою жизнь я брал то, что мне было нужно. Однако никогда я так не жаждал любви женщины, как теперь. Я об этом сказал ей.

— Как, вы это сделали?! — Когда Холмс волновался, взгляд его был страшен.

— Я сказал мисс Данбэр, что если бы мог, то женился бы на ней. Но это было не в моей власти. Я сказал, что, не считаясь с затратами, сделаю все, чтобы она была счастлива и довольна.

— Весьма благородно с вашей стороны, — съязвил Холмс.

— Послушайте, мистер Холмс, я пришел к вам давать показания, а не выслушивать нравоучения. Я не нуждаюсь в вашей критике.

— Только ради девушки я вообще берусь за ваше дело, — сурово сказал Холмс. — Я не уверен, что то, в чем ее обвиняют, хуже того, что вы себе позволяете: вы пытались обесчестить беззащитную девушку, жившую в вашем доме. Некоторым из вас, богачей, надо бы зарубить себе на носу, что есть вещи, которые не купишь за деньги.

К моему удивлению, Золотой Король хладнокровно принял упрек.

— Да, теперь я это понимаю. Благодарю Бога, что мои намерения не осуществились. Она бы ни за что не согласилась; в тот момент она хотела сразу уехать.

— Почему же она не сделала этого?

— Во-первых, у нее были на иждивении родные, нелегко ей было подвести их, пожертвовав своим жалованьем. Когда я поклялся — да, да, поклялся! — что не буду больше никогда к ней приставать, она согласилась остаться. Но у нее были и другие соображения: она знала, что имеет на меня влияние большее, чем кто бы то ни было. Она хотела это влияние употребить на благо.

— Каким образом?

— Ну, она знала кое-что о моих делах. Это большие дела, настолько большие, что обыкновенному человеку покажутся невероятными. Я властен создать и разрушить, обычно разрушаю. Это касается не только людей, это касается дорог, городов, даже народов. Бизнес — жестокая игра. Здесь слабый погибает. Я вел игру, чего бы это мне ни стоило. Я никогда не хныкал сам и не обращал внимания, если хныкал другой. Но она смотрела на все это иначе, и, я думаю, она права. Она уверена в том, что несправедливо, если один имеет больше, чем ему нужно, а десять тысяч разорены и оставлены без средств к существованию. Вот как она смотрела на вещи и, мне кажется, видела кое-что поважнее долларов. Она убедилась, что я прислушиваюсь к ее словам, и верила, что оказывает услугу обществу, влияя на мои поступки. Все было хорошо, как вдруг случилась эта история.

— Можете вы что-нибудь прояснить в ней? — спросил Холмс.

Золотой Король молчал, опустив голову на руки и глубоко задумавшись.

— Девушка предстает в очень дурном свете — не отрицаю. Однако женщины живут своей духовной жизнью, и мужчина иногда не может истолковать их поступков. Сначала я был захвачен врасплох и так напуган, что подумал было: она могла быть выведена из равновесия каким-то необычным образом (хотя это совершенно не в ее характере). Мне на ум приходит одно объяснение — хотите верьте, хотите нет. Безусловно, моя жена терзалась мучительной ревностью. Существует ревность духовного порядка, она может быть столь же безумной, как и обычная, «физическая» ревность. И хотя моя жена не имела повода для последней, — я думаю, она понимала это, — все же она знала, что эта молодая англичанка оказывала на мой разум и действия такое влияние, какого моя жена никогда на меня не имела. Тот факт, что влияние это было хорошим, не улучшал дела. Жена обезумела от ненависти. Может быть, она задумала убить мисс Данбэр или, скажем, пригрозив ей револьвером, заставить ее покинуть наш дом. Могла произойти драка, револьвер выстрелил и убил женщину, которая держала его.

— О такой возможности я уже думал, — сказал Холмс. — Ибо в самом деле это единственная версия, противоположная версии о предумышленном убийстве.

— Но мисс Данбэр полностью отрицает эту версию.

— Ну, это еще не все, правда? Ведь можно представить, что женщина в таком ужасном положении могла поспешить домой, бессознательно держа в руках револьвер; она могла даже бросить его среди своей одежды, едва сознавая, что делает, а когда нашли револьвер, могла попытаться найти выход из положения, полностью все отрицая. Что может опровергнуть это предположение?

— Сама мисс Данбэр.

— Допускаю.

Холмс взглянул на часы.

— Я не сомневаюсь, что мы получим разрешение на свидание с ней и вечерним поездом отправимся в Винчестер. Когда я увижу девушку, то, может быть, окажусь более полезным в вашем деле, хотя не могу обещать, что мои выводы будут непременно соответствовать вашим предположениям.

Со служебными пропусками произошла задержка, и вместо Винчестера мы в тот день поехали к Торскому мосту, в хэмпширское имение мистера Нейла Гибсона. Сам он не поехал, но у нас был адрес сержанта местной полиции Ковентри, который начал следствие. Это был высокий худой мужчина с мертвенно-бледным лицом. У него был несколько таинственный вид, словно он хотел показать, что знает гораздо больше, чем говорит. К тому же он имел привычку понижать голос до шепота, будто напал на что-то крайне важное, хотя все, что он сообщил, было довольно обычной информацией. А вообще это был честный малый: он не стыдился признаться, что ему не одолеть этого дела и что он нуждается в помощи.

— Как бы там ни было, мистер Холмс, но лучше вы, чем Скотленд-Ярд. Когда приглашаешь людей оттуда, теряешь всякую надежду на удачу, да еще и выговор схватишь. Вы же, как я слышал, ведете честную игру.

— Мне вообще не стоит фигурировать в деле, — ответил Холмс, к явному удовольствию нашего меланхоличного знакомого.

— Если я все выясню, то прошу моего имени не упоминать в газетах.

— Очень благородно с вашей стороны. А вашему другу, доктору Уотсону, доверять можно, я знаю. Так вот, мистер Холмс, прежде чем мы дойдем до места происшествия, я хочу получить ответ на вопрос, который не задавал еще ни одному человеку: вы не думаете, что придется возбудить дело об убийстве против самого Гибсона?

— Я думал об этом.

— Вы просто не видели мисс Данбэр — она удивительная женщина во всех отношениях. У Гибсона, наверное, было сильное желание убрать жену с дороги. А эти американцы куда проворнее нас, когда дело доходит до револьвера… Знаете, это его револьвер…

— Точно установлено?

— Да, сэр. Это один из двух, что принадлежат ему.

— Один из двух? Где же другой?

— Видите ли, у него много огнестрельного оружия всех видов. Мы никак не можем подобрать похожий револьвер, а ящик сделан для двух. Мы вытащили все револьверы, что были в доме. Если хотите, можете их осмотреть.

— Потом. Сначала взглянем на место происшествия.

Разговор наш происходил в маленькой прихожей скромного коттеджа сержанта Ковентри — коттедж этот служил местным полицейским участком.

Пройдя примерно полмили через пустошь, всю золотую от увядшего папоротника, мы подошли к боковой калитке, ведущей на территорию Торской усадьбы. Тропинка шла через фазаний заповедник. С опушки открывался вид на усадьбу: на гребне холма широко раскинулся дом с колоннами и портиком. Мы шли мимо длинного пруда, заросшего тростником; в середине он сужался — здесь через каменный мост проходила дорога.

Наш гид остановился у входа на мост и показал на землю.

— Здесь лежало тело миссис Гибсон. Я отметил место вон тем камнем.

— Я полагаю, вы успели прийти сюда до того, как тело сдвинули с места? — спросил Холмс.

— Да, за мной сразу послали.

— Кто?

— Сам мистер Гибсон. Как только была поднята тревога, он с людьми прибежал из дому и распорядился, чтобы ничего не трогали до прибытия полиции.

— Это разумно. Из газетного сообщения я понял, что выстрел был произведен с близкого расстояния.

— Так точно, сэр, с очень близкого.

— Рана около правого виска?

— Как раз сзади виска.

— Как лежало тело?

— На спине, сэр. Никаких следов борьбы. Никаких отпечатков, никакого оружия. В левой руке убитой была зажата краткая записка от мисс Данбэр.

— Вы сказали, «зажата»?

— Да, сэр, мы едва разжали кулак.

— Это чрезвычайно важно, ибо исключает мысль, что кто-то мог положить записку после смерти, чтобы запутать следы. Черт возьми! Записка, я вспоминаю, была совсем короткой: «Буду на Тереком мосту в 9 часов. Г. Данбэр». Так или нет?

— Точно, сэр.

— Мисс Данбэр призналась, что писала это?

— Да, сэр.

— Какое объяснение она дала?

— Она сохранила за собой право выступить с оправданием на выездной сессии суда. Сейчас она ничего не скажет.

— Задача действительно очень интересна. Смысл письма очень неясный, не правда ли?

— Как вам сказать, сэр. Простите за смелость, но, на мой взгляд, это единственный по-настоящему ясный момент во всем деле.

Холмс покачал головой.

— Если допустить, что письмо подлинное, то миссис Гибсон получила его несколько ранее, скажем за час или два. Почему же она еще сжимала его в левой руке? Почему она так старалась держать его при себе? Ей ведь не нужно было ссылаться на него при свидании. Не кажется ли это странным?

— Да, сэр, если вас послушать, вроде бы так.

— Мне бы хотелось спокойно посидеть несколько минут и обдумать все это. — Он уселся на каменный парапет моста, и я заметил, что его живые серые глаза вопросительно оглядывают все вокруг. Вдруг он снова вскочил, подбежал к противоположному парапету, выхватил из кармана лупу и начал рассматривать каменную кладку. — Любопытно! — сказал он.

— Да, сэр. Мы видели щербину на парапете. Я думаю, это дело рук какого-нибудь прохожего.

Кладка была из серых камней, но в этом месте было белое пятно, размером не более шестипенсовой монеты. При внимательном рассмотрении можно было заметить, что поверхность выщерблена, как при резком ударе.

— Потребовалось известное усилие, чтобы сделать это, — задумчиво сказал Холмс. Он ударил тростью по парапету несколько раз, но следов не осталось. — Да, это был резкий удар. И к тому же в странном месте: он был нанесен не сверху, а снизу — видите, след на нижнем краю парапета.

— Но до тела по крайней мере пятнадцать футов!

— Да, пятнадцать футов. Может быть, это и не имеет отношения к делу, но заслуживает внимания. Думаю, что нам здесь нечего делать. Вы сказали, отпечатков ног не было?

— Земля тверда как камень. На ней вообще не видно никаких следов.

— Тогда можно идти. Сначала осмотрим оружие, о котором вы говорили. Затем поедем в Винчестер: перед дальнейшим расследованием я хотел бы повидаться с мисс Данбэр.

Нейл Гибсон еще не вернулся из города, но мы встретились с нервным мистером Бэйтсом, который заходил к нам утром. Со зловещим видом он показал нам огромное количество огнестрельного оружия различных образцов и размеров, которое его хозяин накопил в течение своей полной приключений жизни.

— У Гибсона много врагов, как и можно ожидать, зная его характер и методы, — сказал он. — Когда он спит, рядом с постелью в ящике лежит заряженный револьвер. У хозяина крутой нрав, его боятся. Уверен, что его жена не была исключением.

— Вы когда-нибудь видели, чтобы он оскорблял ее действием?

— Не могу сказать. Но презрительные слова, которыми он обзывал ее, не стесняясь слуг, граничили с оскорблением действием.

— Кажется, наш миллионер не блещет в личной жизни, — заметил Холмс по дороге на станцию. — Ну, Уотсон, фактов прибавилось, некоторые из них новые, однако я еще довольно далек от окончательных выводов. Несмотря на весьма очевидную неприязнь Бэйтса к своему хозяину, он сказал мне, что, когда подняли тревогу, Гибсон был в библиотеке. Обед закончился в половине девятого, и до этого времени все было в порядке. Верно, тревога была поднята несколько позже, но трагедия, безусловно, произошла около девяти; этот час указан и в записке. Нет никаких доказательств, что после своего возвращения из города в пять часов Гибсон вообще выходил из дому. С другой стороны, мисс Данбэр, как я понял, признает, что у нее было назначено свидание с хозяйкой на мосту. Помимо этого она ничего не скажет, поскольку адвокат посоветовал ей отложить свое оправдание до суда. Мы должны задать этой девушке несколько вопросов, очень важных, и я не успокоюсь, пока мы не повидаем ее. Я признаюсь вам, Уотсон: дело показалось бы мне безнадежным для нее, если бы не одна вещь.

— Какая же?

— Револьвер в ее шкафу.

— Господь с вами, Холмс! Это же самая важная улика против нее!

— Нет, Уотсон. Даже при первом, поверхностном ознакомлении с делом это обстоятельство показалось мне очень странным, а теперь, когда я непосредственно изучил все факты, для меня это единственный довод в пользу невиновности мисс Данбэр. Во всем надо искать логику. Где ее недостает, надо подозревать обман.

— Я не понимаю вас.

— Так вот, Уотсон: представьте себя на месте женщины, которая, хладнокровно продумав все заранее, собирается избавиться от соперницы. Вы составили план. Написали записку. Жертва явилась. У вас есть оружие. Преступление совершено, все проделано мастерски. Но, вместо того чтобы швырнуть оружие в пруд, где оно будет похоронено навеки, вы осторожно понесете его домой и положите в свой платяной шкаф — именно туда, где его будут искать! Даже зная, что вы далеко не опытный преступник, я все же не могу себе представить, чтобы вы сработали так грубо.

— В минутном возбуждении…

— Нет-нет, Уотсон, даже не допускаю такой возможности. Когда преступление хладнокровно продумано заранее, тогда продумано, как замести следы. Нет, Уотсон, здесь недоразумение.

— Но при этой версии потребуется так много объяснений!

— Хорошо, приступим к объяснению. Стоит только измениться вашей точке зрения, как именно то, что ранее казалось изобличающей уликой, станет ключом к разгадке. Так и с этим револьвером. Мисс Данбэр утверждает, что вообще не знает ни о каком револьвере. По нашей новой теории в этом случае она говорит правду. Значит, к ней в шкаф его подложили. Кто? Некто, стремившийся обвинить ее в преступлении. Не является ли это лицо фактическим преступником? Видите, наши поиски сразу стали намного плодотворнее!

…Мы были вынуждены провести ночь в Винчестере, так как еще не были завершены необходимые формальности, но на следующее утро мы получили разрешение на свидание с мисс Данбэр. Оно состоялось в ее камере в присутствии мистера Джойса Кэммингса, начинающего адвоката, которому поручили защиту мисс Данбэр.

Я ожидал увидеть красивую женщину, но впечатление, произведенное на меня мисс Данбэр, превзошло все мои ожидания. Нет ничего удивительного, что властный миллионер попал под ее влияние, найдя в ней что-то более сильное, чем он сам. К тому же при взгляде на ее волевое, ясно очерченное и в то же время нежное лицо чувствовалось, что, если она и могла совершить отчаянный поступок, все равно присущее ей благородство оказывало на Гибсона положительное влияние.

Мисс Данбэр была высокой брюнеткой, с благородной и внушительной осанкой, но взгляд ее темных глаз выражал трогательную беспомощность зверька, попавшегося в ловушку. Теперь, когда она ощутила поддержку моего знаменитого друга, ее глаза заблистали надеждой, бледные щеки слегка окрасились румянцем.

— Вероятно, мистер Гибсон кое-что рассказал о наших взаимоотношениях? — Ее низкий голос слегка дрожал от возбуждения.

— Да, но вам не стоит этого касаться. Это огорчит вас. Познакомившись с вами, я готов согласиться с мистером Гибсоном как относительно вашего влияния на него, так и относительно чистоты ваших отношений. Но почему вы сами не рассказали об этом на следствии?

— Мне казалось невероятным, что такое обвинение может быть доказано. Я думала, если подождать, то все выяснится без вмешательства суда в тягостные подробности жизни этой семьи. Теперь я поняла, что дело еще более запуталось.

— Дорогая моя! — горячо воскликнул Холмс. — Я прошу вас не строить никаких иллюзий на этот счет! Мистер Кэммингс может подтвердить, что сейчас все против нас, и было бы жестоким обманом делать вид, что вам не грозит большая опасность. Помогите же мне разобраться в этом деле.

— Я от вас ничего не скрою.

— Тогда расскажите о ваших истинных взаимоотношениях с женой мистера Гибсона.

— Она ненавидела меня, мистер Холмс. Она ненавидела меня со всей страстью южанки. Она была женщиной, которая ничего не делает наполовину, и мера ее любви к мужу была мерой ненависти ко мне. Она превратно истолковала наши отношения. Я не желала ей ничего дурного, но она любила своего мужа так пылко и так безотчетно, что едва могла понять его духовную привязанность ко мне. И не могла представить себе, что только желание направить его энергию на добрые дела удерживало меня в их доме.

— Теперь, мисс Данбэр, — сказал Холмс, — я прошу вас точно рассказать нам, что произошло в тот вечер.

— Я могу сказать только то, что я знаю, мистер Холмс, но я не в состоянии ничего доказать. А некоторые моменты, чрезвычайно важные, я к тому же не могу объяснить.

— Если вы изложите факты, может быть, другие люди найдут объяснение?

— Вот как я оказалась на Торском мосту в тот вечер. Утром я получила от миссис Гибсон записку. (Я нашла ее на столе в классной комнате.) Миссис Гибсон умоляла меня встретиться на мосту после обеда, чтобы сообщить нечто важное, и просила оставить ответ на солнечных часах в саду, поскольку не желала никого посвящать в нашу тайну. Я не видела смысла в такой конспирации, но сделала, как она просила, и согласилась на свидание. Она просила меня уничтожить ее записку, я сожгла ее в печке: она очень боялась, что муж, который грубо с ней обращался (за что я часто упрекала его), узнает о нашей встрече.

— Однако она весьма бережно сохранила ваш ответ?

— Да. Я была удивлена, услышав, что она держала его в руке, уже будучи мертвой.

— Ну и что же произошло потом?

— Я пришла, как и обещала. Когда я подходила к мосту, она ждала меня. Только теперь я почувствовала, как бедняжка ненавидит меня. Она словно обезумела — я думаю, что она действительно была сумасшедшая, но притом чрезвычайно коварная и хитрая. Как же иначе она могла спокойно видеть меня, в душе испытывая такую бешеную ненависть? Я не могу повторить, что она тогда мне сказала. Она выплеснула всю свою жгучую ярость в ужасных словах. Я даже не отвечала — не могла. Страшно было ее видеть. Я заткнула уши и бросилась бежать. Когда я убегала, она еще стояла у входа на мост, выкрикивая проклятья по моему адресу.

— Там же ее и нашли потом?

— В нескольких ярдах от этого места.

— И несмотря на то, что она была убита вскоре после вашего ухода, вы не слышали выстрела?

— Нет, я ничего не слышала, мистер Холмс, я была так возбуждена и напугана этой страшной вспышкой гнева, что торопилась скорее укрыться в своей комнате и была не в состоянии что-либо заметить.

— Вы сказали, что вернулись к себе в комнату. Вы выходили из нее?

— Да, когда подняли тревогу, я выбежала вместе с другими.

— Вы видели мистера Гибсона?

— Да, он как раз вернулся с моста и послал за доктором и полицией.

— Вам показалось, что он очень взволнован?

— Мистер Гибсон очень волевой человек. Кажется, он никогда не выражает открыто своих чувств. Но я, зная его достаточно хорошо, заметила, что он был сильно взволнован.

— Теперь перейдем к самому важному пункту. Этот револьвер, что найден у вас в комнате, — вы видели его раньше?

— Никогда, клянусь.

— Когда его нашли?

— На следующее утро, когда полиция вела обыск.

— Среди вашей одежды?

— Да. На дне моего платяного шкафа, под одеждой.

— Вы не могли бы определить, сколько времени он там лежал?

— Накануне утром его там не было.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я убирала в шкафу.

— Понятно. Кто-то вошел в вашу комнату и положил туда револьвер с целью обвинить вас в убийстве.

— Должно быть, так.

— Когда же?

— Это могло быть только во время еды или когда я была с детьми в классной комнате.

— Как раз когда вы обнаружили записку?

— Да.

— Благодарю вас, мисс Данбэр. Можете ли вы еще чем-нибудь помочь следствию?

— Пожалуй, нет.

— На каменном парапете моста имеется след — совершенно свежая выбоина, как раз против места, где лежал труп. Что это, по-вашему?

— Должно быть, просто совпадение.

— Странно, мисс Данбэр, очень странно. Почему же этот след появился именно в момент трагедии и на этом самом месте?

— Что же могло оставить след? Для этого надо приложить большое усилие.

Холмс не отвечал. Его бледное энергичное лицо внезапно приняло какое-то отсутствующее выражение: я уже знал, что его мозг осенила гениальная догадка. Это было столь очевидно, что никто из нас не решался заговорить; мы — адвокат, мисс Данбэр и я — сидели и сосредоточенно наблюдали за ним, сохраняя полную тишину. Вдруг Холмс вскочил со стула, дрожа от нервного напряжения и жажды немедленно действовать.

— Идем, Уотсон, скорей! — воскликнул он.

— Что такое, мистер Холмс? — спросила мисс Данбэр.

— Не беспокойтесь, дорогая. Мистер Кэммингс, я напишу вам. Я раскрою преступление, которое прогремит на всю Англию. Вы получите известия к завтрашнему дню, мисс Данбэр, а пока знайте, что тучи рассеиваются, и я верю, что справедливость восторжествует.

Из Винчестера до торского имения ехать было недолго, но я не мог дождаться, когда же мы приедем. Для Холмса же, я видел, путь казался бесконечным: он не мог усидеть на месте и все время расхаживал по вагону или садился и начинал барабанить своими длинными, чувствительными пальцами по спинке сиденья. Когда мы уже подъезжали, он вдруг уселся против меня (мы были одни в купе) и, положив руку мне на колено, пристально посмотрел на меня. Взгляд был озорным, как у бесенка.

— Уотсон, — сказал он, — я припоминаю, что, отправляясь в наше путешествие, вы взяли с собой револьвер.

Я это сделал скорее для него, ибо он мало заботился о своей безопасности, когда углублялся в решение проблемы, так что не раз мой револьвер выручал нас в беде. Я напомнил ему об этом.

— Да, да. Я немного рассеян в таких делах. Так он у вас при себе?

Я вытащил из заднего кармана небольшой, но очень удобный револьвер. Он открыл затвор, высыпал патроны и внимательно осмотрел его.

— Такой тяжелый, прямо удивительно… — сказал он.

— Да, солидная штучка.

Холмс задумался.

— Знаете, Уотсон, я полагаю, что ваш револьвер скоро окажется в очень тесной связи с тайной, которую мы раскрываем.

— Дорогой Холмс, вы шутите.

— Нет, Уотсон. Я очень серьезен. Нам предстоит провести один опыт. Если он удастся, все будет ясно. И исход его зависит от поведения этого маленького оружия… Один патрон — долой… Теперь вложим обратно остальные пять и поставим на предохранитель… Так! Это увеличит вес и лучше воспроизведет подлинную обстановку.

Я даже отдаленно не представлял себе, что у него на уме, а он меня об этом не информировал и сидел, погруженный в раздумья, пока мы не подъехали к маленькой станции в Хэмпшире. Там наняли старую двуколку и через четверть часа оказались в доме нашего коллеги — сержанта.

— Нашли ключ к разгадке, мистер Холмс? Расскажите.

— Все зависит от поведения револьвера доктора Уотсона, — сказал мой друг. — Вот он. Теперь скажите, сержант, у вас найдется десять ярдов бечевки?

В деревенской лавке мы достали клубок прочной бечевки.

— По-моему, это все, что нам понадобится, — сказал Холмс. — Теперь, если позволите, мы отправимся на место, и я надеюсь, что это последний этап нашего путешествия.

Солнце садилось, и в его лучах поросшие вереском холмы Хэмпшира были прекрасны. Сержант брел рядом с нами, критически поглядывая на моего спутника, словно он глубоко сомневался в его здравом рассудке. Когда мы подходили к мосту, я заметил, что мой друг, несмотря на все внешнее хладнокровие, был на самом деле сильно возбужден.

— Да, — сказал он в ответ на мое замечание. — Вы видели, как я сделал промах, Уотсон. У меня есть нюх на такие вещи, и, однако, он меня иногда подводит. Догадка промелькнула в моем сознании еще в Винчестерской тюрьме. Но в том и недостаток активного ума, что он мгновенно предлагает противоположное объяснение, которое часто наводит на ложный след. И все же, все же… Ладно, Уотсон, попытаемся.

Он уже успел крепко привязать один конец веревки к рукоятке револьвера. Мы подошли к месту трагедии. С помощью полицейского Холмс весьма тщательно отметил точное местонахождение тела. Затем он отыскал в зарослях вереска солидный камень. Его он прикрепил к другому концу бечевки и перекинул через парапет моста, так что камень свободно раскачивался над водой. Затем, держа в руке мой револьвер, Холмс встал на некотором расстоянии от парапета моста, так чтобы бечевка натянулась.

— Готово! — воскликнул он.

С этими словами он поднес пистолет к голове, а затем разжал руку. В то же мгновение — под действием веса камня — револьвер быстро пронесся в воздухе, резко стукнулся о парапет и, перелетев через барьер, упал в воду. Не успел он погрузиться, как Холмс уже стоял на коленях около парапета и радостным возгласом дал понять, что его предположения оправдались.

— Может ли быть лучшее доказательство? — воскликнул он.

— Видите, Уотсон, ваш револьвер разрешил проблему!

Он показал на каменный борт моста: на нижнем его краю образовалась выбоина, точно такого же размера и формы, как и первая.

— Мы заночуем в гостинице. — Он встал и поглядел в лицо изумленному сержанту. — Вы, конечно, достанете багор и легко вытащите револьвер моего друга. Рядом с ним вы также найдете револьвер, веревку и грузило, при помощи которых эта мстительная женщина пыталась скрыть свое собственное преступление и обвинить в убийстве невинного человека. Можете передать мистеру Гибсону, что я встречусь с ним утром, и тогда мы примем меры к реабилитации мисс Данбэр.

Поздно вечером, когда мы сидели в деревенской гостинице и курили трубки, Холмс дал краткий обзор всему происшедшему.

— Боюсь, Уотсон, что, добавив к вашему архиву дело о тайне Торского моста, вы не укрепите моей репутации. Мне не хватило быстроты реакции и того сочетания воображения и ощущения реальности, которые составляют основу моего ремесла. Должен признаться, что выбоина на парапете вполне могла послужить ключом к верному решению, и я стыжусь, что не пришел к нему сразу. Надо признать, что эта несчастная женщина обладала незаурядным умом и хитростью, поэтому было не так-то просто распутать ее интригу. Погибшая никак не могла примириться с тем, что мисс Данбэр была ее соперницей. Нет сомнения, что она считала эту невинную девушку причиной всех оскорблений со стороны мужа, который пытался таким образом отвергнуть слишком явную любовь жены. Первым ее решением было покончить с собой. Затем она решила сделать это так, чтобы подвергнуть соперницу страданиям гораздо более мучительным, чем внезапная смерть. Можно проследить ее поступки, и все они свидетельствуют о необычайной хитрости. Очень искусно «вытянуто» у мисс Данбэр письмо,

из которого должно явствовать, что именно та выбрала место свидания. В своем стремлении подчеркнуть это миссис Гибсон немного перестаралась, зажав записку в руке. Одно это уже могло раньше возбудить мои подозрения.

Затем она взяла один из револьверов ее мужа — как вы видели, в доме их целый арсенал — и держала его у себя для своих целей. Другой такой же револьвер она спрятала в шкафу мисс Данбэр, предварительно разрядив один патрон, что легко можно было сделать в лесу, не привлекая ничьего внимания. Затем она придумала этот хитрый способ избавиться от оружия и для этого пришла на мост. Когда мисс Данбэр появилась, она собралась с последними силами и излила на нее всю свою ненависть, а затем, когда та была далеко и не могла слышать, осуществила свой ужасный замысел.

Теперь все звенья на своих местах и цепь событий полностью восстановлена. Газеты могут задавать вопросы, почему сразу не прочесали драгой дно пруда, но все они задним умом крепки; во всяком случае, такое огромное озеро, заросшее тростником, не так-то легко прочесать, не имея ясного представления, что и где искать.

Ну, Уотсон, мы оказали помощь обаятельной женщине и заодно грозному мужчине. Если они объединят в будущем свои усилия (что вполне вероятно), то финансовый мир может считать, что мистер Нейл Гибсон кое-чему научился в той классной комнате, где Скорбь преподает нам уроки земной жизни.

Человек на четвереньках

Мистер Шерлок Холмс всегда придерживался того мнения, что мне следует опубликовать поразительные факты, связанные с делом профессора Пресбери, для того хотя бы, чтобы раз и навсегда положить конец темным слухам, которые лет двадцать назад всколыхнули университет и до сих пор повторялись на все лады в лондонских научных кругах. По тем или иным причинам, однако, я был долго лишен такой возможности, и подлинная история этого любопытного происшествия так и оставалась погребенной на дне сейфа вместе с многими и многими записями о приключениях моего друга. И вот мы, наконец, получили разрешение предать гласности обстоятельства этого дела, одного из самых последних, которые расследовал Холмс перед тем, как оставить практику. Но и теперь еще, делая их достоянием широкой публики, приходится соблюдать известную сдержанность и осмотрительность.

Как-то воскресным вечером, в начале сентября 1903 года, я получил от Холмса характерное для него лаконическое послание: «Сейчас же приходите, если можете. Если не можете, приходите все равно. Ш. Х.».

У нас с ним в ту пору установились довольно своеобразные отношения. Он был человек привычек, привычек прочных и глубоко укоренившихся, и одной из них стал я. Я был где-то в одном ряду с его скрипкой, крепким табаком, его дочерна обкуренной трубкой, справочниками и другими, быть может, более предосудительными привычками. Там, где речь шла об активных действиях и ему нужен был товарищ, на выдержку которого можно более или менее спокойно положиться, моя роль была очевидна. Но для меня находилось и другое применение: на мне он оттачивал свой ум, я как бы подстегивал его мысль. Он любил думать вслух в моем присутствии. Едва ли можно сказать, что его рассуждения были адресованы мне — многие из них могли бы с не меньшим успехом быть обращены к его кровати, — и тем не менее, сделав меня своей привычкой, он стал ощущать известную потребность в том, чтобы я слушал его и вставлял свои замечания. Вероятно, его раздражали неторопливость и обстоятельность моего мышления, но оттого лишь ярче и стремительней вспыхивали догадки и заключения в его собственном мозгу. Такова была моя скромная роль в нашем дружеском союзе.

Прибыв на Бейкер-стрит, я застал его в глубоком раздумье: он сидел в своем кресле, нахохлившись, высоко подняв колени, и хмурился, посасывая трубку. Ясно было, что он поглощен какой-то сложной проблемой. Он знаком пригласил меня сесть в мое старое кресло и в течение получаса ничем более не обнаруживал, что замечает мое присутствие. Затем он

вдруг встряхнулся, словно сбрасывая с себя задумчивость, и с обычной своей иронической улыбкой сказал, что рад вновь приветствовать меня в доме, который когда-то был и моим.

— Надеюсь, вы извините мне некоторую рассеянность, милый Уотсон, — продолжал он. — За последние сутки мне сообщили довольно любопытные факты, которые, в свою очередь, дали пищу для размышлений более общего характера. Я серьезно подумываю написать небольшую монографию о пользе собак в сыскной работе.

— Но позвольте, Холмс, что же тут нового? — возразил я. — Ищейки, например…

— Нет-нет, Уотсон, эта сторона вопроса, разумеется, очевидна. Но есть и другая, куда более тонкая. Вы помните, быть может, как в том случае, который вы в вашей сенсационной манере связали с Медными буками, я смог, наблюдая за душевным складом ребенка, вывести заключение о преступных наклонностях его в высшей степени солидного и положительного родителя?

— Да, превосходно помню.

— Подобным же образом строится и ход моих рассуждений о собаках. В собаке как бы отражается дух, который царит в семье. Видели вы когда-нибудь игривого пса в мрачном семействе или понурого в счастливом? У злобных людей злые собаки, опасен хозяин — опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Я покачал головой.

— Полноте, Холмс, это уж чуточку притянуто за волосы.

Он набил трубку и снова уселся в кресло, пропустив мои слова мимо ушей.

— Практическое применение того, о чем я сейчас говорил, самым тесным образом связано с проблемой, которую я исследую в настоящее время. Это, понимаете ли, запутанный клубок, и я ищу свободный конец, чтобы ухватиться и распутать всю веревочку. Одна из возможностей найти его лежит в ответе на вопрос: отчего овчарка профессора Пресбери, верный пес по кличке Рой, норовит искусать хозяина?

Я разочарованно откинулся на спинку кресла: и по такому пустяку меня оторвали от работы? Холмс метнул на меня быстрый взгляд.

— Все тот же старый Уотсон! — произнес он. — Как вы не научитесь понимать, что в основе серьезнейших выводов порой лежат сущие мелочи! Вот посудите сами: не странно ли, когда степенного, пожилого мудреца… вы ведь слыхали, конечно, про знаменитого Пресбери, физиолога из Кэмфорда? Так вот, не странно ли, когда такого человека дважды пытается искусать его собственная овчарка, которая всегда была ему самым верным другом? Как вы это объясните?

— Собака больна, и только.

— Что ж, резонное соображение. Но она больше ни на кого не кидается, да и хозяина, судя по всему, не трогает, кроме как в совершенно особых случаях. Любопытно, Уотсон, весьма любопытно. Но вот и звонок — видно, молодой Беннет явился раньше времени. Я рассчитывал потолковать с вами подольше, до того как он придет.

На лестнице послышались быстрые шаги, в дверь отрывисто постучали, и секунду спустя новый клиент Холмса уже стоял перед нами.

Это был высокий, красивый молодой человек лет тридцати, со вкусом одетый, элегантный, впрочем, что-то в его манере держаться выдавало скорей застенчивость ученого, чем самоуверенность светского человека. Он обменялся рукопожатием с Холмсом и затем чуть растерянно взглянул на меня.

— Дело это очень щепетильное, мистер Холмс, — сказал он. — Не забудьте, какими отношениями я связан с профессором Пресбери — как в личной жизни, так и по службе. Я решительно не считаю себя вправе вести разговор в присутствии третьего лица.

— Не бойтесь, мистер Беннет. Доктор Уотсон — сама деликатность, а кроме того, смею вас уверить, что в таком деле мне, вероятнее всего, потребуется помощник.

— Как вам будет угодно, мистер Холмс. Вы, несомненно, поймете, отчего я несколько сдержан в этом вопросе.

— Поймете и вы, Уотсон, когда я скажу, что этот джентльмен, мистер Джон Беннет, работает у профессора ассистентом, живет с ним под одной крышей и помолвлен с его единственной дочерью. Нельзя не согласиться, что знаменитый ученый имеет все основания рассчитывать на его преданность. Но, пожалуй, лучший способ ее доказать — принять все меры к тому, чтобы раскрыть эту удивительную тайну.

— И я так полагаю, мистер Холмс. Я только этого и добиваюсь. Известно ли доктору Уотсону положение вещей?

— Я не успел познакомить его с обстановкой.

— Тогда, быть может, мне стоит еще раз изложить основные факты, прежде чем говорить о том, что произошло нового?

— Я лучше сам, — сказал Холмс. — Кстати, проверим, правильно ли я запомнил последовательность событий. Итак, Уотсон. Профессор — человек с европейским именем. В его жизни главное место всегда занимала наука. Репутация его безупречна. Он вдовец, у него есть дочь по имени Эдит. Характер у него, насколько я мог заключить, решительный и властный, пожалуй, можно даже сказать, воинственный. Так обстояли дела до последнего времени.

Но вот каких-нибудь несколько месяцев назад привычное течение его жизни было нарушено. Несмотря на свой возраст — а профессору шестьдесят один год, — он сделал предложение дочери профессора Морфи, своего коллеги по кафедре сравнительной анатомии, причем все это, как я понимаю, больше напоминало не рассудочное ухаживание пожилого человека, а пламенную страсть юноши. Никто не мог бы выказать себя более пылким влюбленным. Элис Морфи, молодая особа, о которой идет речь, — девица весьма достойная, умна и хороша собой, так что увлечение профессора вполне понятно. Тем не менее в его собственной семье к этому отнеслись не слишком одобрительно.

— Нам показалось, что все это немножко слишком, — вставил наш клиент.

— Вот именно. Немножко слишком бурно и не совсем естественно. А между тем профессор Пресбери — человек состоятельный, и со стороны отца его нареченной возражений не возникло. У дочери, правда, были другие виды: на ее руку уже имелись претенденты, быть может, не столь завидные с житейской точки зрения, зато более подходящие ей по возрасту. Профессор, несмотря на свою эксцентричность, судя по всему, нравился ей. Мешало только одно: возраст.

Примерно в это время в налаженной жизни профессора произошло не совсем понятное событие. Он совершил нечто такое, чего никогда не делал прежде: уехал из дому и никому не сказал куда.

Пробыв в отсутствии две недели, он воротился утомленный, словно после долгой дороги. О том, где он побывал, он не обмолвился ни словом, хотя обычно это был предельно откровенный человек.

Случилось так, однако, что наш с вами клиент, мистер Беннет, получил письмо из Праги от одного своего коллеги; тот писал, что имел удовольствие видеть профессора Пресбери, хотя поговорить им не довелось. Только так домашние узнали, где он был.

Теперь я подхожу к главному. Начиная с этого времени с профессором произошла удивительная перемена. Окружающих не оставляло чувство, что перед ними не тот, кого они знали прежде: на него словно нашло какое-то затмение, подавившее в нем все высокие начала. Интеллект его, впрочем, не пострадал. Его лекции были блистательны, как всегда. Но в нем

самом постоянно чувствовалось что-то новое, что-то недоброе и неожиданное. Его дочь, которая души в нем не чает, всячески пыталась наладить с ним прежние отношения, заглянуть под маску, которую он надел на себя. Вы, сэр, как я понимаю, со своей стороны, делали то же самое, но тщетно. А теперь, мистер Беннет, расскажите нам сами про эпизод с письмами.

— Надо вам сказать, доктор Уотсон, что у профессора не было от меня секретов. Будь я ему сын или младший брат, я и тогда не мог бы пользоваться большим доверием. Ко мне, как его секретарю, попадали все поступавшие на его имя бумага; я вскрывал и разбирал его письма. Вскоре по его возвращении все это изменилось. Он сказал, что, возможно, будет получать письма из Лондона, помеченные крестиком под маркой. Эти письма мне надлежало откладывать, а читать их будет только он сам. И действительно, несколько таких писем прошло через мои руки; на каждом был лондонский штемпель, и надписаны они были почерком малограмотного человека. Быть может, профессор и отвечал на них, но ни ко мне, ни в корзинку, куда складывается вся наша корреспонденция, они не попадали.

— И еще шкатулка, — напомнил Холмс.

— Ах да, шкатулка. Из своей поездки профессор привез маленькую деревянную шкатулочку. Это единственный предмет, по которому можно предположить, что он побывал на континенте: одна из этих оригинальных резных вещиц, которые сразу наводят на мысль о Германии. Поставил он ее в шкаф с инструментами. Однажды, разыскивая пробирку, я взял шкатулку в руки. К моему удивлению, он очень рассердился и в самых несдержанных выражениях отчитал меня за излишнее любопытство. Такого раньше никогда не случалось; я был глубоко задет. Я попытался объяснить, что взял шкатулку по чистой случайности, но весь вечер чувствовал на себе его косые взгляды и знал, что этот эпизод не выходит у него из головы. — Мистер Беннет вынул из кармана записную книжечку. — Это случилось второго июля, — добавил он.

— Вы просто образцовый свидетель, — заметил Холмс. — Кое-какие даты, которые вы у себя пометили, могут мне пригодиться.

— Методичности, как и всему прочему, я научился у профессора. С того момента, как я заметил отклонения от нормы в его поведении, я понял, что мой долг разобраться, что с ним происходит. Итак, у меня тут значится, что в тот же самый день, второго июля, когда профессор выходил из кабинета в холл, на него бросился Рой. Такая же сцена повторилась одиннадцатого июля и затем, как у меня отмечено, еще раз — двадцатого. После этого собаку пришлось изгнать в конюшню. Милейший был пес, ласковый… Впрочем, боюсь, я утомил вас.

Это было сказано укоризненным тоном, так как Холмс явно его не слушал. Он сидел с застывшим лицом, устремив невидящий взгляд в потолок. При последних словах он с усилием вернулся к действительности.

— Интересно! Крайне интересно, — пробормотал он. — Эти подробности я слышу впервые, мистер Беннет. Ну-с, первоначальную картину мы восстановили достаточно полно, не так ли? Но вы упомянули о каких-то новых событиях.

На симпатичное, открытое лицо нашего гостя набежала тень мрачного воспоминания.

— То, о чем я говорил, случилось позавчера ночью, — сказал он. — Я лежал в постели, но заснуть не мог. Часа в два ночи из коридора донеслись какие-то приглушенные, неясные звуки. Я открыл дверь и выглянул наружу. Надо сказать, что спальня профессора находится в конце коридора…

— Число, простите? — спросил Холмс.

Рассказчик был явно задет, что его перебили таким маловажным вопросом.

— Я уже сказал, сэр, что это случилось позапрошлой ночью, стало быть, четвертого сентября.

Холмс кивнул и улыбнулся.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал он.

— Спальня профессора в конце коридора, и, чтобы попасть на лестницу, ему надо пройти мимо моей двери. Поверьте, мистер Холмс, это была жуткая сцена. Нервы у меня, кажется, не хуже, чем у других, но то, что я увидел, ужаснуло меня. В коридоре было темно, и только против одного окна на полпути лежало пятно света. Видно было, как по направлению ко мне что-то движется, что-то черное и сгорбленное. Но вот оно внезапно вошло в полосу света, и я увидел, что это профессор. Он продвигался ползком, мистер Холмс, да-да, ползком! Точнее, даже на четвереньках, потому что он опирался не на колени, а на полную ступню, низко свесив голову между руками. При этом двигался он, казалось, с легкостью. Я так оцепенел от этого зрелища, что, лишь когда он поравнялся с моей дверью, нашел в себе силы шагнуть вперед и спросить, не нужна ли ему моя помощь. Реакция была неописуема. Он разом выпрямился, прорычал мне в лицо чудовищное ругательство, метнулся мимо меня и ринулся вниз по лестнице. Я прождал не меньше часа, но он все не шел. Видимо, он вернулся к себе в комнату уже на рассвете.

— Ну, Уотсон, что вы на это скажете? — спросил Холмс с видом патолога, описавшего редкий в его практике случай.

— Люмбаго, скорей всего. Я знал больного, который во время жестокого приступа был вынужден передвигаться точно так же, причем нетрудно представить себе, как это должно действовать на нервы.

— Превосходно, Уотсон! С вами всегда стоишь обеими ногами на земле. И все-таки едва ли можно допустить, что это люмбаго: ведь он тут же смог распрямиться.

— Со здоровьем у него как нельзя лучше, — сказал Беннет. — Не помню, чтобы за эти годы он когда-нибудь лучше себя чувствовал. Вот, мистер Холмс, таковы факты. Это не тот случай, чтобы можно было обратиться в полицию, а между тем мы буквально ума не приложим, как нам быть; мы чувствуем, что на нас надвигается какая-то неведомая беда. Эдит — я хочу сказать, мисс Пресбери — считает, как и я, что сидеть сложа руки и ждать больше невозможно.

— Случай, безусловно, прелюбопытный и заслуживающий внимания. Ваше мнение, Уотсон?

— Как врач могу сказать, что это, судя по всему, случай для психиатра, — отозвался я. — Бурное увлечение повлияло на мозговую деятельность старого профессора. Поездку за границу он совершил в надежде исцелиться от своей страсти. Письма же и шкатулка, возможно, имеют отношение к личным делам совершенно иного характера — скажем, получению долговой расписки или покупке акций, которые и хранятся в шкатулке.

— А овчарка, разумеется, выражает свое неодобрение по поводу этой финансовой сделки? Ну нет, Уотсон, здесь дело обстоит сложнее. И единственное, что я мог бы тут предложить…

Что именно собирался предложить Шерлок Холмс, навсегда осталось загадкой, ибо в этот самый миг дверь распахнулась, и нам доложили о приходе какой-то молодой дамы. Едва она показалась на пороге, как мистер Беннет, вскрикнув, вскочил и бросился к ней с протянутыми руками. Она тоже протянула руки ему навстречу.

— Эдит, милая! Надеюсь, ничего не случилось?

— Я не могла не поехать за вами. Ах, Джек, как мне было страшно! Какой ужас быть там одной!

— Мистер Холмс, это и есть та молодая особа, о которой я вам говорил. Моя невеста.

— Мы уже начали об этом догадываться, правда, Уотсон? — с улыбкой отозвался Холмс. — Насколько я понимаю, мисс Пресбери, произошло что-то новое и вы решили поставить нас об этом в известность?

Наша гостья, живая, миловидная девушка чисто английского типа, ответила Холмсу улыбкой, усаживаясь возле мистера Беннета.

— Когда оказалось, что мистера Беннета нет в гостинице, я сразу подумала, что, наверное, застану его у вас. Он, конечно, говорил мне, что хочет к вам обратиться. Скажите, мистер Холмс, умоляю вас, можно как-нибудь помочь моему бедному отцу?

— Надеюсь, да, мисс Пресбери, хотя в деле еще много непонятного. Быть может, что-то прояснится после того, как мы выслушаем вас.

— Это произошло вчера ночью, мистер Холмс. Весь день отец был какой-то странный. Я уверена, что временами он просто сам не помнит, что делает. Живет, как во сне. Вчера как раз выдался такой день. Человек, с которым я находилась под одной крышей, был не мой отец, а кто-то другой. Внешняя оболочка оставалась та же, но на самом деле это был не он.

— Расскажите мне, что случилось.

— Ночью меня разбудил неистовый лай собаки. Бедный Рой, его теперь держат на цепи у конюшни! Надо вам сказать, что на ночь я запираю свою комнату, потому что мы все — вот и Джек… то есть мистер Беннет может подтвердить, — живем с таким чувством, что над нами нависла опасность. Моя комната на третьем этаже. Случилось так, что жалюзи на моем окне остались подняты, а ночь была лунная. Я лежала с открытыми глазами, глядя на освещенный квадрат окна и слушая, как заливается лаем собака, и вдруг, к ужасу своему, увидела прямо перед собой лицо отца. Знаете, мистер Холмс, я чуть не умерла от изумления и страха. Да, это было его лицо, прижавшееся к оконному стеклу: он глядел на меня, подняв руку, словно пытаясь открыть окно. Если бы ему это удалось, я, наверное, сошла бы с ума. Не подумайте, будто мне это померещилось, мистер Холмс. Не обманывайте себя. Пожалуй, добрых полминуты я пролежала не в силах шевельнуться, глядя на это лицо. Затем оно исчезло, и все-таки я никак, ну никак не могла заставить себя встать с кровати и посмотреть, куда оно делось. Так и пролежала до утра, дрожа от озноба. За завтраком отец был резок и раздражен, но о ночном эпизоде даже не заикнулся. Я — тоже. Я только выдумала предлог, чтобы отлучиться в город, и вот я здесь.

Рассказ мисс Пресбери, судя по всему, глубоко удивил Холмса.

— Вы говорите, милая барышня, что ваша комната на третьем этаже. Есть в саду большая лестница?

— Нет, мистер Холмс, то-то и странно. До окна никак не достать, и тем не менее он все-таки забрался туда.

— И было это пятого сентября, — сказал Холмс. — Это, бесспорно, усложняет дело.

Теперь настала очередь мисс Пресбери сделать удивленное лицо.

— Вы уже второй раз заговариваете о датах, мистер Холмс, — заметил Беннет. — Неужели это существенно в данном случае?

— Возможно, и даже очень. Впрочем, пока что я не располагаю достаточно полным материалом.

— Уж не связываете ли вы приступы помрачения рассудка с фазами луны?

— Нет, уверяю вас. Моя мысль работает в совершенно ином направлении. Вы не могли бы оставить мне вашу записную книжку? Я бы сверил числа. Ну, Уотсон, по-моему, наш с вами план действия предельно ясен. Эта юная дама сообщила нам — а на ее чутье я полагаюсь безусловно, — что ее отец почти не помнит того, что происходит с ним в определенные дни. Вот мы и нанесем ему визит под тем предлогом, что якобы в один из таких дней условились с ним о встрече. Он припишет это своей забывчивости. Ну, а мы, открывая нашу кампанию, сможем для начала хорошенько рассмотреть его на короткой дистанции.

— Превосходная мысль! — сказал мистер Беннет. — Только должен предупредить вас, что профессор бывает по временам вспыльчив и буен.

Холмс улыбнулся.

— И все же есть причины — притом, если мои предположения верны, причины очень веские, — чтобы мы поехали к нему тотчас же. Завтра, мистер Беннет, мы, безусловно, будем в Кэмфорде. В гостинице «Шахматная Доска», если мне память не изменяет, очень недурен портвейн, а постельное белье выше всяких похвал. Право же, Уотсон, наша судьба на ближайшие несколько дней складывается куда как завидно.

В понедельник утром мы уже сидели в поезде — направляясь в знаменитый университетский городок. Холмсу, вольной птице, ничего не стоило сняться с места, мне же потребовалось лихорадочно менять свои планы, так как моя практика в то время была весьма порядочна. О деле Холмс заговорил лишь после того, как мы оставили чемоданы в той самой старинной гостинице, которую он похвалил накануне.

— Я думаю, Уотсон, мы застанем профессора дома. В одиннадцать у него лекция, а в перерыве он, конечно, завтракает.

— Но как мы объясним наш визит?

Холмс заглянул в свою записную книжечку.

— Один из приступов беспокойного состояния приходится на 26 августа. Будем исходить из того, что в такие дни он не вполне ясно представляет себе, что делает. Если мы твердо скажем, что договорились о приезде заранее, думаю, он едва ли отважится это отрицать. Хватит ли только у вас духу на такое нахальство?

— Риск — благородное дело.

— Браво, Уотсон! Не то стишок для самых маленьких, не то поэма Лонгфелло. Девиз фирмы: «Риск — благородное дело». Какой-нибудь дружественный туземец наверняка покажет нам дорогу.

И действительно, вскоре один из них, восседая на козлах щегольского кэба, уже мчал нас мимо старинных университетских зданий и, наконец, свернув в аллею, остановился у подъезда прелестного особняка, окруженного газонами и увитого пурпурной глицинией. Все говорило о том, что профессор Пресбери живет в полном комфорте и, даже более того, в роскоши. В тот самый миг, как мы подъехали к дому, в одном окне появилась чья-то седая голова и глаза в больших роговых очках устремили на нас пронзительный взгляд из-под косматых бровей. Еще минута, и мы очутились в святая святых — в кабинете, а перед нами собственной персоной стоял таинственный ученый, чьи странные выходки привели нас сюда из Лондона. Впрочем, ни его внешний вид, ни манера держаться не выдавали и тени эксцентричности: это был представительный мужчина в сюртуке, высокий, важный, с крупными чертами лица и полной достоинства осанкой, отличающей опытного лектора. Замечательнее всего были его глаза: зоркие, острые и умные, дьявольски умные.

Он взглянул на наши визитные карточки.

— Садитесь, пожалуйста, джентльмены. Чем могу служить?

Холмс подкупающе улыбнулся.

— Именно этот вопрос я собирался задать вам, профессор.

— Мне, сэр?

— Возможно, произошла какая-то ошибка, но мне передали через третье лицо, что профессор Пресбери из Кэмфорда нуждается в моих услугах.

— Ах, вот как! — Мне почудилось, что в серых внимательных глазах профессора вспыхнул злобный огонек. — Передали, стало быть? А позвольте спросить, кто именно?

— Простите, профессор, но разговор был конфиденциальный. Если я и ошибся, беда невелика. Мне останется лишь принести свои извинения.

— Ну нет. Я не намерен так оставлять это дело. Вы возбудили мой интерес. Можете вы привести какое-нибудь письменное доказательство в подтверждение ваших слов — письмо, телеграмму, записку, наконец?

— Нет.

— Не возьмете же вы на себя смелость утверждать, будто я сам вас вызвал?

— Я предпочел бы не отвечать ни на какие вопросы.

— Еще бы! — насмешливо отозвался профессор. — Ничего, на этот-то вопрос легко получить ответ и без вашей помощи.

Он повернулся и подошел к звонку. На зов явился наш лондонский знакомец — мистер Беннет.

— Входите, мистер Беннет. Вот эти два джентльмена приехали из Лондона в уверенности, что их сюда вызвали. Вы ведаете всей моей корреспонденцией. Значится у вас где-нибудь адресат по имени Холмс?

— Нет, сэр, — вспыхнув, ответил Беннет.

— Это решает вопрос, — отрезал профессор, свирепо воззрившись на моего спутника. — Ну-с, сэр, — он подался вперед всем телом, опершись руками на стол, — положение у вас, на мой взгляд, довольно-таки двусмысленное.

Холмс пожал плечами.

— Я могу только еще раз извиниться за наше напрасное вторжение.

— Маловато, мистер Холмс! — пронзительно взвизгнул старик, и его лицо исказилось неописуемой злобой. Он преградил нам путь к двери, неистово потрясая кулаками. — Сомневаюсь, чтобы вам удалось так легко выкрутиться!

С перекошенным лицом, он в дикой ярости гримасничал, выкрикивая бессвязные угрозы. Я убежден, что нам пришлось бы пробиваться к двери силой, если б не вмешательство мистера Беннета.

— Дорогой профессор, вспомните о вашем положении! — вскричал он. — Подумайте, что будут говорить в университете! Мистер Холмс — человек известный. Нельзя допустить такую неучтивость по отношению к нему.

Наш не слишком гостеприимный хозяин хмуро отступил от двери. Как приятно было вырваться из его дома и снова очутиться в тиши тенистой аллеи! Холмса это происшествие, казалось, немало позабавило.

— У нашего ученого друга пошаливают нервы, — произнес он. — Быть может, мы и впрямь вторглись к нему чуточку слишком бесцеремонно, зато получили возможность вступить с ним в непосредственный контакт, что мне и требовалось. Но погодите, Уотсон! Так и есть, он мчится в погоню! Злодей еще не отступился от нас.

Слышно было, как кто-то бежит вслед за нами, но, к моему облегчению, вместо грозного профессора из-за поворота аллеи показался его ассистент. Переводя дыхание, он остановился возле нас.

— Мне так неприятно, мистер Холмс! Я хотел извиниться перед вами.

— Зачем, дорогой мой? Для человека моей профессии все это в порядке вещей.

— Я никогда не видел его в таком взвинченном состоянии. С ним становится просто страшно. Вы понимаете теперь, отчего мы с его дочерью в такой тревоге? А между тем ум его совершенно ясен.

— Слишком ясен! — отозвался Холмс. — В этом-то и заключался мой просчет. Очевидно, его память работает куда более точно, чем я полагал. Кстати, нельзя ли нам, пока мы здесь, посмотреть на окно мисс Пресбери?

Мистер Беннет, раздвигая кусты, вывел нас на такое место, откуда особняк был виден сбоку.

— Вон оно. Второе слева.

— Ого, до него как будто и не добраться. Впрочем, обратите внимание: внизу вьется плющ, а выше торчит водосточная труба. Как-никак, точка опоры.

— Мне бы, честно говоря, не влезть, — заметил мистер Беннет.

— Вполне допускаю. Для любого нормального человека это, несомненно, была бы опасная затея.

— Я вам еще кое-что хотел сказать, мистер Холмс. Я достал адрес того человека, которому профессор шлет письма в Лондон. Одно он, по-видимому, отправил сегодня утром, и я списал адрес с бювара. Недостойный прием для личного секретаря, но что поделаешь!

Холмс пробежал глазами бумажку с адресом и спрятал в карман.

— Дорак — занятное имя! Славянское, как я понимаю. Что ж, это — важное звено. Мы возвращаемся в Лондон сегодня же, мистер Беннет. Не вижу смысла оставаться. Арестовать профессора мы не можем: он не совершил никакого преступления; поместить его под наблюдение тоже нельзя, потому что нельзя доказать, что он сумасшедший. Действовать пока рано.

— Да, но как же быть?

— Немножко терпения, мистер Беннет. События начнут назревать в самом скором времени. Либо я ничего не понимаю, либо во вторник можно ждать кризиса. В этот день мы, естественно, будем в Кэмфорде. При всем том нельзя отрицать, что обстановка в доме не из приятных, и если мисс Пресбери имеет возможность продлить свое отсутствие…

— Это нетрудно.

— Тогда пусть побудет в Лондоне, пока мы не сможем заверить ее, что всякая опасность миновала. Ну, а пока пусть профессор делает что хочет, не перечьте ему. Лишь бы он был в добром расположении духа, и все обойдется.

— Смотрите, вон он! — испуганно шепнул Беннет, и мы увидели из-за ветвей, как в дверях дома показалась высокая, осанистая фигура. Профессор стоял, чуть подавшись вперед, покачивая руками прямо перед собой, и озирался по сторонам, поворачивая голову то вправо, то влево. Его секретарь, помахав нам на прощание рукой, исчез за деревьями, и вскоре мы увидели, как он подошел к своему шефу и оба направились в дом, горячо, можно сказать, даже ожесточенно, обсуждая что-то.

— Видимо, почтенный джентльмен смекнул что к чему, — говорил Холмс по дороге в гостиницу. — От этой короткой встречи у меня осталось впечатление, что он человек на редкость ясного и логического ума. Вспыльчив, как порох, не спорю, а впрочем, его можно понять: поневоле вспылишь, если к тебе приставили сыщиков, причем, как ты подозреваешь, не кто иной, как твои собственные домочадцы. Боюсь, нашему Беннету сейчас приходится несладко.

По пути Холмс завернул на почту, чтобы отправить кому-то телеграмму. Ответ пришел вечером, и Холмс протянул его мне.

«Был на Коммершл-роуд, видел Дорака. Пожилой чех, очень учтив. Владелец большого универсального магазина.

Мерсер».

— Мерсера при вас еще не было, — объяснил Холмс. — Я ему поручаю всякую черновую работу. Важно было разузнать кое-что про человека, с которым у нашего профессора такая секретная переписка. Он чех — тут есть связь с поездкой в Прагу.

— Слава Богу, наконец у чего-то с чем-то обнаружилась связь, — сказал я. — Пока что, кажется, перед нами целый набор необъяснимых событий, не имеющих ни малейшего отношения друг к другу. Каким образом, например, можно связать злобный нрав овчарки с поездкой в Чехию или то и другое — с человеком, который ночами разгуливает по коридору на четвереньках? А самое необъяснимое — эти ваши даты.

Холмс усмехнулся и потер руки. Замечу, кстати, что этот разговор происходил в старинном холле гостиницы «Шахматная Доска» за бутылкой знаменитого портвейна, о котором давеча вспоминал мой друг.

— Ну что ж, тогда давайте и поговорим прежде всего об этих датах, — произнес он, сомкнув кончики пальцев с видом учителя, который обращается к классу. — Из дневника этого милого молодого человека явствует, что нелады с профессором начались второго июля и с тех пор — насколько я помню, с одним-единственным исключением — повторяются через каждые девять дней. Вот и последний приступ, тот, что случился в пятницу, падает на третье сентября, а предпоследний — на двадцать шестое августа. Ясно, что о простом совпадении речи быть не может.

Я был вынужден согласиться.

— А потому условимся исходить из того, что каждый девятый день профессор принимает какое-то средство, оказывающее кратковременное, но очень сильное действие. Под его влиянием природная несдержанность профессора усугубляется. Рекомендовали ему это снадобье, когда он был в Праге, теперь же снабжают им через посредника-чеха из Лондона. Все сходится, Уотсон!

— Ну, а собака, а лицо в окне, а человек на четвереньках?

— Ничего-ничего, лиха беда — начало. Не думаю, чтобы до вторника произошло что-нибудь новое. А пока что нам остается не терять связь с нашим другом Беннетом и вкушать тихие радости этого прелестного городка.

Утром к нам заглянул мистер Беннет, чтобы сообщить последние новости. Как и предполагал Холмс, ему пришлось довольно туго. Профессор, хоть и не обвиняя его прямо в том, что это он подстроил наш визит, разговаривал с ним крайне грубо, неприязненно и явно был глубоко уязвлен. Наутро, впрочем, он держался как ни в чем не бывало и, по обыкновению, блистательно прочел лекцию в переполненной аудитории.

— Если б не эти странные припадки, — закончил Беннет, — я бы сказал, что он никогда еще не был так энергичен и бодр, а ум его так светел. И все же это не он, это все время не тот человек, которого мы знали.

— Я думаю, по крайней мере неделю вам опасаться нечего, — сказал Холмс. — Я человек занятой, а доктора Уотсона ждут пациенты. Условимся так: во вторник в это же время мы с вами встречаемся здесь, и я более чем уверен, что, прежде чем снова расстаться, мы будем в состоянии обнаружить и, быть может, устранить причину ваших невзгод. Ну, а пока пишите и держите нас в курсе событий.

Вслед за тем я несколько дней не виделся с моим другом, но в понедельник вечером получил от него коротенькую записку, в которой он просил меня встретиться с ним завтра на вокзале. По дороге в Кэмфорд он рассказал, что там пока все тихо, ничто не нарушало покой в профессорском доме и сам хозяин вел себя вполне нормально. Это подтвердил и мистер Беннет, навестивший нас вечером все в том же номере «Шахматной Доски».

— Сегодня он получил от того человека из Лондона письмо и небольшой пакет. Оба помечены крестиком, и я их не вскрывал. Больше ничего не было.

— Может статься, что и этого более чем достаточно, — угрюмо заметил Холмс. — Итак, мистер Беннет, думаю, нынешней ночью мы добьемся какой-то ясности. Если ход моих рассуждений верен, у нас будет возможность ускорить развязку, но для этого необходимо

держать профессора под наблюдением. А потому я рекомендовал бы вам не спать и быть начеку. Случись вам услышать, что он крадется мимо вашей двери, не останавливайте его и следуйте за ним, только как можно осторожнее. Мы с доктором Уотсоном будем неподалеку. Кстати, где хранится ключ от той шкатулочки, о которой вы рассказывали?

— Профессор носит его на цепочке от часов.

— Мне сдается, что разгадку нам следует искать именно в этом направлении. В крайнем случае замок, вероятно, не так уж трудно взломать. Есть там у вас еще какой-нибудь крепкий мужчина?

— Есть еще Макфейл, наш кучер.

— Где он ночует?

— В комнате над конюшней.

— Возможно, он нам понадобится. Ну-с, делать пока больше нечего, посмотрим, как будут развиваться события. До свидания. Впрочем, думаю, мы с вами еще увидимся до утра.

Незадолго до полуночи мы заняли позицию в кустах прямо напротив парадной двери профессорского особняка. Ночь была ясная, но холодная, и мы порадовались, что надели теплые пальто. Налетел ветерок; по небу, то и дело закрывая серп луны, заскользили тучи. Наше бдение оказалось бы весьма унылым, если б не лихорадочное нетерпение, которым мы были охвачены, и не уверенность моего спутника в том, что вереница загадочных событий, овладевших нашими умами, вероятно, скоро кончится.

— Если девятидневный цикл не будет нарушен, профессор должен сегодня предстать перед нами во всей красе, — сказал Холмс. — Все факты указывают единое направление: и то, что профессор начал вести себя странно после поездки в Прагу, и то, что у него секретная переписка с торговцем-чехом, который живет в Лондоне, но, по-видимому, действует по поручению кого-то из Праги, и, наконец, то, что как раз сегодня профессор получил от него посылку. Что именно он принимает и зачем, пока еще выше нашего понимания, но что все это каким-то образом исходит из Праги, не вызывает сомнений. Снадобье он принимает в соответствии с четкими указаниями — каждый девятый день. Это обстоятельство как раз и бросилось мне в глаза прежде всего. Но вот симптомы, которые оно вызывает, — это нечто поразительное. Вы обратили внимание, какие у него суставы на пальцах?

Я вынужден был сознаться, что нет.

— Утолщенные, мозолистые — ничего подобного в моей практике не встречалось. Всегда первым долгом смотрите на руки, Уотсон. Затем на манжеты, колени брюк и ботинки. Да, прелюбопытные суставы. Такие можно нажить, лишь передвигаясь на… — Холмс осекся и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. — Ах ты, Господи, Уотсон, что же я был за осел! Трудно поверить, но разгадка именно такова! Все сразу встает на свои места. Как это я мог не уловить логику событий? И суставы — суставы как ухитрился проглядеть? Ну да, и собака! И плющ! Нет, мне положительно настало время удалиться на маленькую ферму, о которой я давно мечтаю… Но тихо, Уотсон! Вот и он! Сейчас сами убедимся.

Дверь дома медленно отворилась, и мы увидели в освещенном проеме высокую фигуру профессора Пресбери. Профессор был в халате. Он стоял на пороге, чуть наклонясь вперед и свесив перед собою руки, как и в прошлый раз.

Но вот он сошел с крыльца, и с ним произошла разительная перемена. Он опустился на четвереньки и двинулся вперед, то и дело подскакивая на ходу, словно от избытка сил и энергии, прошел таким образом вдоль фасада и повернул за угол. Едва он скрылся, как из двери выскользнул Беннет и, крадучись, последовал за ним.

— Идем, Уотсон, скорее! — шепнул Холмс, и мы, стараясь не шуметь, устремились сквозь кусты к тому месту, откуда видна была боковая стена особняка, увитая плющом и залитая светом молодой луны. Мы ясно разглядели скрюченную фигуру профессора и вдруг увидели,

как он начал с непостижимым проворством карабкаться вверх по стене. Он перелетал с ветки на ветку, уверенно переставляя ноги, цепко хватаясь руками, без всякой видимой цели, просто радуясь переполнявшей его силе. Полы его халата развевались в воздухе, и он был похож на гигантскую летучую мышь, темным квадратом распластавшуюся по освещенной луной стене его собственного дома. Вскоре эта забава наскучила ему, он спустился вниз, перескакивая с ветки на ветку, опять встал на четвереньки и все тем же странным способом направился к конюшне.

Овчарка уже выскочила на улицу, захлебываясь бешеным лаем, а завидев хозяина, и вовсе осатанела. Она рвалась с цепи, дрожа от злобы и возбуждения. Профессор приблизился к ней и, присев на корточки, совсем близко, но с таким расчетом, чтобы она не могла его достать, принялся дразнить ее на все лады. Он собирал камешки и полными горстями бросал их псу в морду, тыкал его палкой, поднятой с земли, размахивал руками прямо у разинутой собачьей пасти — короче говоря, всячески старался подстегнуть и без того неудержимую ярость животного. За все наши похождения я не припомню более дикого зрелища, чем эта бесстрастная и еще не утратившая остатков достоинства фигура, по-лягушечьи припавшая к земле перед беснующейся, разъяренной овчаркой и обдуманно, с изощренной жестокостью старающаяся довести ее до еще большего исступления.

И тут в мгновение ока — свершилось! Нет, не цепь лопнула: соскочил ошейник, рассчитанный на мощную шею ньюфаундленда. Мы услышали лязг упавшего металла, и в тот же миг собака и человек, сплетенные в тесный клубок, покатились по земле, первая — с яростным рыком, второй — с пронзительным, неожиданно визгливым воплем ужаса. Профессор был буквально на волосок от гибели. Рассвирепевшее животное вцепилось ему в горло, глубоко вонзив в него клыки, и профессор потерял сознание еще до того, как мы успели подбежать и разнять их. Это могло бы оказаться опасной процедурой, но присутствия Беннета и одного его окрика оказалось довольно, чтобы мгновенно унять огромного пса. На шум из комнаты над конюшней выскочил заспанный, перепуганный кучер.

— Ничего удивительного, — сказал он, качая головой. — Я и раньше видел, что он тут вытворяет. Я так и знал, что рано или поздно собака до него доберется.

Роя снова посадили на цепь, а профессора мы вчетвером отнесли к нему в комнату, и Беннет, медик по образованию, помог мне наложить повязку на его истерзанное горло. Рана оказалась тяжелой: острые клыки едва не задели сонную артерию, и профессор потерял много крови. Через полчаса непосредственная опасность была устранена, я ввел пострадавшему морфий, и он погрузился в глубокий сон.

Теперь, и только теперь, мы смогли взглянуть друг на друга и обсудить обстановку.

— Я считаю, что его нужно показать первоклассному хирургу, — сказал я.

— Боже избави! — воскликнул Беннет. — Пока об этой скандальной истории знают только домашние, никто о ней не проговорится. Стоит слухам просочиться за пределы этого дома, и пересудам не будет конца. Нельзя забывать о положении, которое профессор занимает в университете, о том, что он ученый с европейским именем, о чувствах его дочери.

— Совершенно справедливо, — сказал Холмс. — И я думаю, теперь, когда у нас не связаны руки, мы вполне можем найти способ избежать огласки и в то же время предотвратить возможность повторения чего-либо подобного. Снимите ключ с цепочки, мистер Беннет. Макфейл посмотрит за больным и даст нам знать, если что-нибудь случится. Поглядим, что же спрятано в таинственной шкатулке профессора.

Оказалось, немногое, но и этого было достаточно: два флакона, один пустой, другой едва початый, шприц да несколько писем, нацарапанных неразборчивым почерком иностранца. По крестикам на конвертах мы поняли, что это те самые, которые запрещалось вскрывать секретарю; все были посланы с Коммершл-роуд и подписаны «А. Дорак». В одних конвертах были только сообщения о том, что профессору Пресбери отправлен очередной флакон с

препаратом, в других — расписки в получении денег. Был здесь и еще один конверт — с австрийской маркой, проштемпелеванный в Праге и надписанный более грамотой рукой.

— Вот то, что нам надо! — вскричал Холмс, выхватывая из него письмо.

«Уважаемый коллега! — прочли мы. — После Вашего визита я много думал о Вашем случае, и хотя в таких обстоятельствах, как Ваши, имеются особо веские причины прибегнуть к моему средству, я все же настоятельно рекомендовал бы Вам проявлять осмотрительность, так как пришел к выводу, что оно не безвредно.

Возможно, нам лучше было бы воспользоваться сывороткой антропоида. Черноголовый хульман, как я уже объяснял Вам, был избран мною лишь потому, что была возможность достать животное, но ведь хульман передвигается на четырех конечностях и живет на деревьях, меж тем как антропоиды принадлежат к двуногим и во всех отношениях стоят ближе к человеку.

Умоляю Вас соблюдать все меры предосторожности, дабы избежать преждевременной гласности. У меня есть еще один пациент в Англии; наш посредник — тот же Дорак. Вы весьма обяжете меня, присылая Ваши отчеты еженедельно.

С совершенным почтением,

Ваш Г. Ловенштейн».

Ловенштейн! При этом имени мне вспомнилось коротенькое газетное сообщение о каком-то безвестном ученом, который ставит загадочные опыты с целью постичь тайну омолаживания и изготовить эликсир жизни. Ловенштейн, ученый из Праги! Ловенштейн, который открыл чудо-сыворотку, дарующую людям силу, и которому другие ученые объявили бойкот за отказ поделиться с ними секретом своего открытия!

В нескольких словах я рассказал, что запомнил. Беннет достал с полки зоологический справочник.

— «Хульман, — прочел он. — Большая черноголовая обезьяна, обитает на склонах Гималаев, самая крупная и близкая к человеку из лазающих обезьян». Далее следуют многочисленные подробности. Итак, мистер Холмс, сомнений нет: благодаря вам мы все-таки обнаружили корень зла.

— Истинный корень зла, — сказал Холмс, — это, разумеется, запоздалая страсть на склоне лет, внушившая нашему пылкому профессору мысль, что он сможет добиться исполнения своих желаний, лишь став моложе. Тому, кто пробует поставить себя выше матери-Природы, нетрудно скатиться вниз. Самый совершенный представитель рода человеческого может пасть до уровня животного, если свернет с прямой дороги, предначертанной всему сущему. — Он помолчал, задумчиво разглядывая наполненный прозрачной жидкостью флакон, который держал в руке. — Я напишу этому человеку, что он совершает уголовное преступление, распространяя свое зелье, и нам больше не о чем будет тревожиться. Но рецидивы не исключены. Найдутся другие, они будут действовать искуснее. Здесь кроется опасность для человечества, и очень грозная опасность. Вы только вдумайтесь, Уотсон: стяжатель, сластолюбец, фат — каждый из них захочет продлить свой никчемный век. И только человек одухотворенный устремится к высшей цели. Это будет противоестественный отбор! И какой же зловонной клоакой станет тогда наш бедный мир! — Внезапно мечтатель исчез, вернулся человек действия. Холмс вскочил со стула. — Ну, мистер Беннет, я думаю, мы обо всем поговорили, и разрозненные, казалось бы, факты легко теперь связать воедино. Собака, естественно, почуяла перемену гораздо раньше вас: на то у нее и тонкий нюх. Не на профессора бросился Рой — на обезьяну, и не профессор, а обезьяна дразнила его. Ну, а лазать для обезьяны — сущее блаженство, и к окну вашей невесты ее, как я понимаю, привела чистая случайность. Скоро отходит лондонский поезд, Уотсон, но я думаю, мы еще успеем до отъезда выпить чашку чая в гостинице.

Львиная грива

Удивительно, что одна из самых сложных и необычайных задач, с которыми я когда-либо встречался в течение моей долгой жизни сыщика, встала передо мной, когда я уже удалился от дел; все разыгралось чуть ли не на моих глазах. Случилось это после того, как я поселился в своей маленькой Суссекской вилле и целиком погрузился в мир и тишину природы, о которых так мечтал в течение долгих лет, проведенных в туманном, мрачном Лондоне. В описываемый период добряк Уотсон почти совершенно исчез с моего горизонта. Он лишь изредка навещал меня по воскресеньям, так что на этот раз мне приходится быть собственным историографом. Не то как бы он расписал столь редкостное происшествие и все трудности, из которых я вышел победителем! Увы, мне придется попросту и без затей, своими словами рассказать о каждом моем шаге на сложном пути раскрытия тайны Львиной Гривы.

Моя вилла расположена на южном склоне возвышенности Даунз, с которой открывается широкий вид на Ла-Манш. В этом месте берег представляет собой стену из меловых утесов; спуститься к воде можно по единственной длинной извилистой тропке, крутой и скользкой. Внизу тропка обрывается у пляжа шириной примерно в сто ярдов, покрытого галькой и голышом и не заливаемого водой даже в часы прилива. Однако в нескольких местах имеются заливчики и выемки, представляющие великолепные бассейны для плавания и с каждым приливом заполняющиеся свежей водой. Этот чудесный берег тянется на несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте небольшой бухтой, по берегу которой расположена деревня Фулворт.

Дом мой стоит на отшибе, и в моем маленьком владении хозяйничаем только я с моей экономкой да пчелы. В полумиле отсюда находится знаменитая школа Гарольда Стэкхерста, занимающая довольно обширный дом, в котором размещены человек двадцать учеников, готовящихся к различным специальностям, и небольшой штат педагогов. Сам Стэкхерст, в свое время знаменитый чемпион по гребле, — широко эрудированный ученый. С того времени, как я поселился на побережье, нас с ним связывали самые дружеские отношения, настолько близкие, что мы по вечерам заходили друг к другу, не нуждаясь в особом приглашении.

В конце июля 1907 года был сильный шторм, ветер дул с юго-запада, и прибой докатывался до самого подножия меловых утесов, а когда начинался отлив, на берегу оставались большие лагуны. В то утро, с которого я начну свой рассказ, ветер стих, и все в природе дышало чистотой и свежестью. Работать в такой чудесный день не было никаких сил, и я вышел перед завтраком побродить и подышать изумительным воздухом. Я шел по дорожке, ведущей к крутому спуску на пляж. Вдруг меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэкхерста, весело машущего мне рукой.

— Что за утро, мистер Холмс! Так я и знал, что встречу вас.

— Я вижу, вы собрались купаться.

— Опять взялись за старые фокусы, — засмеялся он, похлопывая по своему набитому карману. — Макферсон уже вышел спозаранку, я, наверное, встречу его здесь.

Фицрой Макферсон — видный, рослый молодой человек — преподавал в школе естественные науки. Он страдал пороком сердца вследствие перенесенного ревматизма; но, будучи природным атлетом, отличался в любой спортивной игре, если только она не требовала от него чрезмерных физических усилий. Купался он и зимой и летом, а так как я и сам завзятый купальщик, то мы часто встречались с ним на берегу.

В описываемую минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась из-за края обрыва, у которого кончалась тропка. Через мгновение он появился во весь рост, пошатываясь, как пьяный. Затем вскинул руки и со страшным воплем упал ничком на землю. Мы со Стэкхерстом бросились к нему — он был от нас ярдах в пятидесяти — и перевернем его на спину. Наш друг был по всем признакам при последнем издыхании. Ничего иного не могли означать остекленевшие, ввалившиеся глаза и посиневшее лицо. На одну секунду в его глазах мелькнуло сознание, он исступленно силился предостеречь нас. Он что-то невнятно,

судорожно прокричал, но я расслышал в его вопле всего два слова: «львиная грива». Эти слова ничего мне не говорили, но ослышаться я не мог. В то же мгновение Макферсон приподнялся, вскинул руки и упал на бок. Он был мертв.

Мой спутник остолбенел от неожиданного страшного зрелища; у меня же, разумеется, все чувства мгновенно обострились, и не зря: я сразу понял, что мы оказались свидетелями какого-то совершенно необычайного происшествия. Макферсон был в одних брюках и в накинутом на голое тело макинтоше, а на ногах у него были незашнурованные парусиновые туфли. Когда он упал, пальто соскользнуло, обнажив торс. Мы онемели от удивления. Его спина была располосована темно-багровыми рубцами, словно его исхлестали плетью из тонкой проволоки. Макферсон был, видимо, замучен и убит каким-то необычайно гибким инструментом, потому что длинные, резкие рубцы закруглялись со спины и захватывали плечи и ребра. По подбородку текла кровь из прикушенной от невыносимой боли нижней губы.

Я опустился на колени, а Стэкхерст, стоя, склонился над трупом, когда на нас упала чья-то тень, и, оглянувшись, мы увидели, что к нам подошел Ян Мэрдок. Мэрдок преподавал в школе математику; это был высокий, худощавый брюнет, настолько нелюдимый и замкнутый, что не было человека, который мог бы назвать себя его другом. Казалось, он витал в отвлеченных сферах иррациональных чисел и конических сечений, мало чем интересуясь в повседневной жизни. Он слыл среди учеников чудаком и мог бы легко оказаться посмешищем, не будь в его жилах примеси какой-то чужеземной крови, проявлявшейся не только в черных, как уголь, глазах и смуглой коже, но и во вспышках ярости, которые нельзя было назван иначе, как дикими. Однажды на него набросилась собачонка Макферсона; Мэрдок схватил ее и вышвырнул в окно, разбив зеркальное стекло; за такое поведение Стэкхерст, конечно, не преминул бы его уволить, не дорожи он им как отличным преподавателем. Такова характеристика странного, сложного человека, подошедшего к нам в эту минуту. Казалось, он был вполне искренне потрясен видом мертвого тела, хота случай с собачонкой вряд ли мог свидетельствовать о большой симпатии между ним и покойником.

— Бедняга! Бедняга! Не могу ли я что-нибудь сделать? Чем мне помочь вам?

— Вы были с ним? Не расскажете ли вы, что здесь произошло?

— Нет, нет, я поздно встал сегодня. И еще не купался. Я только иду из школы. Чем я могу быть вам полезен?

— Бегите скорее в Фулворт и немедленно известите полицию.

Не сказав ни слова, Мэрдок поспешно направился в Фулворт, а я тотчас же принялся изучать место происшествия, в то время как потрясенный Стэкхерст остался у тела. Первым моим делом было, конечно, убедиться, нет ли еще кого-нибудь на пляже. С обрыва, откуда спускалась тропка, берег, видимый на всем протяжении, казался совершенно безлюдным, если не считать двух-трех темных фигур, шагавших вдалеке по направлению к Фулворту. Закончив осмотр берега, я начал медленно спускаться по тропке. Почва здесь была с примесью глины и мягкого мергеля, и то тут, то там мне попадались следы одного и того же человека, идущие и под гору и в гору. Никто больше по тропке в это утро не спускался. В одном месте я заметил отпечаток ладони с расположенными вверх по тропе пальцами. Это могло значить только, что несчастный Макферсон упал, поднимаясь в гору. Я заметил также круглые впадины, позволявшие предположить, что он несколько раз падал на колени. Внизу, где тропка обрывалась, была довольно большая лагуна, образованная отступившим приливом. На берегу этой лагуны Макферсон разделся: тут же, на камне, лежало его полотенце. Оно было аккуратно сложено и оказалось сухим, так что, судя по всему, Макферсон не успел окунуться. Кружа во всех направлениях по твердой гальке, я обнаружил на пляже несколько песчаных проплешин со следами парусиновых туфель и голых ступней Макферсона. Последнее наблюдение показывало, что он должен был вот-вот броситься в воду, а сухое полотенце говорило, что он этого сделать не успел.

Тут-то и коренилась загадка всего происшествия — самого необычайного из всех, с которыми я когда-либо сталкивался. Человек пробыл на пляже самое большее четверть часа. В этом не могло быть сомнения, потому что Стэкхерст шел вслед за ним от самой школы. Человек собрался купаться и уже разделся, о чем свидетельствовали следы голых ступней. Затем внезапно он снова натянул на себя макинтош, не успев окунуться или, во всяком случае, не вытеревшись. Он не смог выполнить свое намерение и выкупаться потому, что был каким-то необъяснимым и нечеловеческим способом исхлестан и истерзан так, что до крови прикусил от невыносимой боли губу и у него еле достало сил, чтобы отползти от воды и умереть. Кто был виновником этого зверского убийства? Правда, у подножия утесов были небольшие гроты и пещеры, но они были хорошо освещены низко стоявшим утренним солнцем и не могли служить убежищем. Кроме того, как я уже сказал, вдалеке на берегу виднелось несколько темных фигур. Они были слишком далеко, чтобы их можно было заподозрить в прикосновенности к преступлению, и к тому же их отделяла от Макферсона широкая, подходившая к самому подножию обрыва лагуна, в которой он собирался купаться. Недалеко в море виднелись две-три рыбачьи лодки. Я мог хорошо разглядеть сидевших в них людей. Итак, мне открывалось несколько путей расследования дела, но ни один из них не сулил успеха.

Когда я в конце концов вернулся к трупу, я увидел, что вокруг него собралась группа случайных прохожих. Тут же находился, конечно, и Стэкхерст и только что подоспевший Ян Мэрдок в сопровождении сельского констебля Андерсона — толстяка с рыжими усами, низкорослой суссекской породы, наделенной под неповоротливой, угрюмой внешностью незаурядным здравым смыслом. Он выслушал нас, записал наши показания, потом отозвал меня в сторону.

— Я был бы признателен вам за совет, мистер Холмс. Одному мне с этим сложным делом не справиться, а если я что напутаю, мне влетит от Льюиса.

Я посоветовал ему, во-первых, послать за своим непосредственным начальником, во-вторых, до прибытия начальства не переносить ни тела, ни вещей и, по возможности, не топтаться зря у трупа, чтобы не путать следов. Сам я тем временем обыскал карманы покойного. Я нашел в них носовой платок, большой перочинный нож и маленький бумажник. Из бумажника выскользнул листок бумаги, который я развернул и вручил констеблю. На листке небрежным женским почерком было написано: «Не беспокойся, жди меня. Моди». Судя по всему, это была любовная записка, но в ней не указывалось ни время, ни место свидания. Констебль вложил записку обратно в бумажник и вместе с прочими вещами водворил в карман макинтоша. Затем, поскольку никаких новых улик не обнаруживалось, я пошел домой завтракать, предварительно распорядившись о тщательном обследовании подножия утесов.

Часа через два ко мне зашел Стэкхерст и сказал, что тело перенесено в школу, где будет производиться дознание. Он сообщил мне несколько весьма важных и знаменательных фактов. Как я и ожидал, в пещерках под обрывом ничего не нашли, но Стэкхерст просмотрел бумаги в столе Макферсона и среди них обнаружил несколько писем, свидетельствующих о взаимной склонности между покойным и некой мисс Мод Беллами из Фулворта. Таким образом стало известно, кто писал записку, найденную в кармане Макферсона.

— Письма у полиции, — пояснил Стэкхерст, — я не смог принести их. Они, несомненно, свидетельствуют о серьезном романе. Но я не вижу оснований связывать эти отношения со страшным происшествием, если не считать того, что дама назначила ему свидание.

— Вряд ли, однако, свидание было назначено на берегу, где все вы обычно купаетесь, — заметил я.

— Да, это чистая случайность, что Макферсона не сопровождали несколько учеников.

— Такая ли уж случайность?

— Их задержал Ян Мэрдок, — сказал Стэкхерст. — Он настоял на проведении перед завтраком занятий по алгебре. Бедный малый, он страшно подавлен случившимся!

— Хотя, сколько мне известно, они не были особенно дружны.

— Да, первое время, но вот уже год или больше того, как Мэрдок сошелся с Макферсоном, насколько он вообще только способен с кем-нибудь сойтись. Он не очень-то общителен по природе.

— Так я и думал. Я припоминаю ваш рассказ о том, как он расправился с собачонкой покойного.

— Ну, это — дело прошлое.

— Но такой поступок мог, пожалуй, вызвать мстительные чувства.

— Нет, нет, я уверен в их искренней дружбе.

— Ну что ж, тогда перейдем к сердечным делам. Знакомы ли вы с дамой?

— Ее знают все. Она славится своей красотой по всей нашей округе, она писаная красавица, Холмс, кого ни спроси. Я знал, что она нравится Макферсону, но не предполагал, что дело зашло так далеко, как это явствует из писем.

— Кто же она?

— Дочь старого Тома Беллами, владельца всех прогулочных лодок и купален в Фулворте. Начал он с простого рыбака, а теперь он человек с положением. В деле ему помогает его сын Уильям.

— Не сходить ли нам в Фулворт повидать их?

— Под каким предлогом?

— О, предлог легко найти. Не мог же в конце концов наш несчастный друг покончить с собой, прибегнув к такому страшному способу самоубийства! Ведь плеть, которой он исстеган, должна была находиться в чьей-то руке, если допустить, что убийство совершено с помощью плети. Круг знакомых Макферсона в этом малолюдном месте, конечно, невелик. Давайте займемся всеми его знакомыми, и, досконально изучив их, мы наверное, нащупаем мотив преступления, а это, в свою очередь, поможет нам найти преступника.

Что могло бы быть для нас приятнее прогулки по холмам, заросшим душистым чебрецом, не будь мы так потрясены страшной трагедией, разыгравшейся на наших глазах! Деревня Фулворт расположена в небольшой впадине, полукругом опоясывающей бухту. За рядом старых домишек, вверх по склону, построено несколько современных домов. К одному из таких домов и повел меня Стэкхерст.

— Вот и «Гавань», как называет свой участок Беллами. Вон тот дом, с угловой башенкой и с черепичной крышей. Неплохо для человека, начавшего с ничего… Посмотрите-ка! Это еще что такое?

Садовая калитка «Гавани» открылась, и из нее вышел человек. Трудно было бы не признать в его высокой, угловатой фигуре математика Яна Мэрдока. Через минуту мы столкнулись с ним на дороге.

— Хэлло! — окликнул его Стэкхерст.

Мэрдок кивнул, искоса глянул на нас проницательными темными глазами и хотел было пройти мимо, но директор школы задержал его.

— Что вы здесь делали? — спросил он.

Мэрдок вспыхнул.

— Сэр, я подчинен вам в вашей школе. Но мне кажется, я не обязан давать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережитого нервы Стэкхерста были натянуты, как струна. При других обстоятельствах он бы сдержался. Теперь же он вышел из себя.

— Ваш ответ, мистер Мэрдок, в настоящих условиях — чистейшая дерзость.

— Не меньшей дерзостью кажется мне ваш вопрос.

— Мне уже не в первый раз приходится терпеть ваши грубости. Сегодняшняя ваша выходка будет последней. Я попрошу вас подыскать себе другое место, и как можно скорее.

— Это вполне соответствует моим желаниям. Сегодня я потерял единственного человека, который как-то скрашивал мне существование у вас в школе.

И Мэрдок решительно зашагал по дороге, а Стэкхерст яростно глядел ему вслед.

— Какой трудный, какой невыносимый человек! — воскликнул он.

Меня больше всего поразило, что мистер Ян Мэрдок воспользовался первым же подвернувшимся предлогом, чтобы сбежать с места преступления. Зародившиеся во мне догадки, до сих пор смутные и неопределенные, становились отчетливее. «Может быть, знакомство с семейством Беллами прольет свет на это дело?» — подумал я. Стэкхерст успокоился, и мы направились к дому.

Мистер Беллами оказался мужчиной средних лет, с огненно-рыжей бородой. Вид у него был очень взволнованный, лицо пылало не меньше бороды.

— Увольте, сэр, я не желаю знать никаких подробностей. И мой сын, — он указал на богатырского сложения молодого человека, с тяжелым, угрюмым лицом, — совершенно согласен со мной, что поведение мистера Макферсона компрометировало Мод. Да, сэр, он ни разу не произнес слова «брак», хотя была переписка, были свидания и много всякого другого, чего никто из нас не одобрял. У Мод нет матери, и мы ее единственные защитники. Мы решили…

Это словоизвержение было внезапно прервано появлением самой девушки. Никто не стал бы отрицать, что она могла, послужить украшением любого общества. И кто бы подумал, что столь редкостной красоты цветок вырастет на такой почве и в подобной атмосфере! Я мало увлекался женщинами, ибо сердце мое всегда было в подчинении у головы, но, глядя на прекрасные тонкие черты, на нежный, свежий цвет лица, типичный для этих краев, я понимал, что ни один молодой человек, увидев ее, не мог бы остаться равнодушным. Такова была девушка, которая теперь стояла перед Гарольдом Стэкхерстом, открыто и решительно глядя ему в глаза.

— Я уже знаю, что Фицрой скончался, — сказала она. — Не бойтесь, я в состоянии выслушать любые подробности.

— Тот ваш джентльмен уже все рассказал нам, — пояснил отец.

— У вас нет никаких оснований замешивать в эту историю мою сестру, — пробурчал молодой человек.

— Это — мое дело, Уильям, — сказала сестра, метнув на него горячий, уничтожающий взгляд. — Будь добр, позволь мне вести себя, как я сочту нужным. Ясно, что совершено страшное преступление. Если я смогу помочь раскрыть убийцу, я хотя бы исполню этим свой долг перед умершим.

Она выслушала краткое сообщение моего спутника сдержанно, с сосредоточенным вниманием, тем доказав, что наряду с красотой она обладала сильным характером. Мод Беллами навсегда запомнится мне как одна из самых красивых и самых достойных женщин. Она, по-видимому, уже знала меня в лицо, потому что сразу же обратилась ко мне.

— Привлеките их к ответу, мистер Холмс, — сказала она. — Кто бы ни был убийца, все мои симпатии и моя помощь на вашей стороне.

Мне показалось, что при этих словах она с вызовом посмотрела на отца и брата.

— Благодарю вас, — сказал я. — Я очень ценю в таких делах женскую интуицию. Но вы сказали «их». Вы думаете, что в этом деле повинен не один человек?

— Я достаточно хорошо знала мистера Макферсона, чтобы утверждать, что он был человеком мужественным и сильным. Один на один с ним никто бы не справился.

— Не могу ли я сказать вам несколько слов с глазу на глаз?

— Говорю тебе. Мод, не вмешивайся ты в эти дела! — раздраженно крикнул отец.

Она беспомощно взглянула на меня.

— Как же мне быть?

— Теперь дело все равно получит огласку, — сказал я, — так что никакой беды не будет, если мы поговорим с вами при всех. Я предпочел бы, конечно, разговор наедине, но раз вашему отцу это неугодно, он может принять участие в нашей беседе.

И я рассказал ей о записке, найденной в кармане покойника.

— Она, конечно, будет фигурировать на дознании. Могу я попросить вас дать объяснения по поводу этой записки?

— У меня нет причин что-либо скрывать, — ответила девушка. — Мы были женихом и невестой и собирались пожениться, но мы не оглашали нашей помолвки из-за дяди Фицроя: он старый, по слухам, смертельно болен, и он мог бы лишить Фицроя наследства, женись он против его воли. Никаких других причин скрываться у нас не было.

— Ты могла бы сказать нам об этом раньше, — проворчал Беллами.

— Я бы так и сделала, отец, если бы видела с вашей стороны доброжелательное отношение.

— Я не хочу, чтобы моя дочь связывалась с людьми другого круга!

— Из-за этого вашего предубеждения против Фицроя я и не могла ничего вам рассказать. Что же касается моей записки, то она была ответом вот на это… — И она, пошарив в кармане платья, протянула мне смятую бумажку.

«Любимая (гласила записка)!

Я буду на обычном месте на берегу тотчас после захода солнца, во вторник. Это — единственное время, когда я смогу выбраться.

Ф. М».

— Сегодня вторник, и я предполагала встретиться с ним сегодня вечером.

Я рассматривал письмо.

— Послано не по почте. Каким образом вы его получили?

— Я предпочла бы не отвечать на этот вопрос. Каким образом я получила письмо, право же, не имеет никакого отношения к делу. А про все, что связано с вашим расследованием, я вам охотно расскажу.

И она сдержала слово, но ее показания не смогли натолкнуть нас на чей-либо след. Она не допускала мысли, что у ее жениха были тайные враги, однако признала, что пламенных поклонников у нее было несколько.

— Не принадлежит ли к их числу мистер Ян Мэрдок?

Она покраснела и как будто смутилась.

— Так мне казалось одно время. Но когда он узнал о наших отношениях с Фицроем, его чувства изменились.

Мои подозрения относительно этого человека принимали все более определенный характер. Надо было ознакомиться с его прошлым, надо было негласно обыскать его комнату. Стэкхерст будет мне в этом содействовать, потому что у него зародились те же подозрения. Мы вернулись от Беллами в надежде, что держим в руках хотя бы один конец этого запутанного клубка.

Прошла неделя. Дознание не привело ни к чему и было приостановлено впредь до нахождения новых улик. Стэкхерст навел негласные справки о своем подчиненном, в комнате Мэрдока был произведен поверхностный обыск, не давший никакого результата. Я лично еще раз шаг за шагом — на деле и в уме — проследил все этапы трагического события, но ни к какому выводу не пришел. Во всей моей практике читатель не запомнит случая, когда я так остро ощущал бы свое бессилие. Даже воображение не могло подсказать мне разгадку тайны. Но тут вскоре произошел случай с собакой.

Первая услышала об этом моя старая экономка благодаря своеобразному беспроволочному телеграфу, с помощью которого эти люди получают информацию о всех происшествиях в округе.

— Что за грустная история, сэр, с этой собакой мистера Макферсона! — сказала как-то вечером моя экономка.

Я не люблю поощрять подобную болтовню, но на этот раз ее слова пробудили мой интерес.

— Что же такое случилось с собакой мистера Макферсона?

— Подохла, сэр. Подохла с тоски по хозяину.

— Откуда вы это знаете?

— Как же не знать, когда все только об этом и говорят. Собака страшно тосковала, целую неделю ничего в рот не брала. А сегодня два молодых джентльмена из школы нашли ее мертвой внизу, на берегу, на том самом месте, где случилось несчастье с ее хозяином.

«На том самом месте»! Эти слова словно врезались в мой мозг. Во мне родилось какое-то смутное предчувствие, что гибель собаки поможет распутать дело. То, что собака подохла, следовало, конечно, объяснить преданностью и верностью всей собачьей породы. Но «на том самом, месте»? Почему этот пустынный берег играет такую зловещую роль? Возможно ли, чтобы и собака пала жертвой какой-то кровной мести? Возможно ли?.. Догадка была смутной, но она начинала принимать все более определенные формы. Через несколько минут я шел по дороге к школе. Я застал Стэкхерста в его кабинете. По моей просьбе он послал за Сэдбери и Блаунтом — двумя учениками, нашедшими собаку.

— Да, она лежала на самом краю лагуны, — подтвердил один из них. — Она, по-видимому, пошла по следам своего умершего хозяина.

Я осмотрел труп маленького преданного создания из породы эрдель-терьеров, лежавший на подстилке в холле. Он одеревенел, застыл, глаза были выпучены, конечности скрючены. Все его очертания выдавали страшную муку.

Из школы я прошел вниз к лагуне. Солнце зашло, и на воде, тускло мерцавшей, как свинцовый лист, лежала черная тень большого утеса. Место было безлюдно; кругом не было ни признака жизни, если не считать двух чаек, с резкими криками кружившихся надо мной. В меркнущем свете дня я смутно различал маленькие следы собачьих лап на песке вокруг того самого камня, на котором лежало тогда полотенце ее хозяина. Я долго стоял в глубокой задумчивости, в то время как вокруг становилось все темнее и темнее. В голове моей вихрем проносились мысли. Так бывает в кошмарном сне, когда вы ищете какую-то страшно нужную вещь и вы знаете, что она где-то здесь рядом, а она все-таки остается неуловимой и недоступной. Именно такое чувство охватило меня, когда я в тот вечер стоял в одиночестве на роковом берегу. Потом я наконец повернулся и медленно пошел домой.

Я как раз успел подняться по тропке на самый верх обрыва, когда меня вдруг, как молния, пронзило воспоминание о том, что я так страстно и тщетно искал! Если только Уотсон писал не понапрасну, вам должно быть известно, читатель, что я располагаю большим запасом современных научных познаний, приобретенных вполне бессистемно и вместе с тем служащих мне большим подспорьем в работе. Память моя похожа на кладовку, битком набитую таким

количеством всяческих свертков и вещей, что я и сам с трудом представляю себе ее содержимое. Я чувствовал, что там должно быть что-то, касающееся этого дела. Сначала это чувство было смутно, но в конце концов я начал догадываться, чем оно подсказано. Это было невероятно, чудовищно, и все-таки это открывало какие-то перспективы. И я должен был окончательно проверить свои догадки.

В моем домике есть огромный чердак, заваленный книгами. В этой-то завали я и барахтался и плавал целый час, пока не вынырнул с небольшим томиком шоколадного цвета с серебряным обрезом. Я быстро разыскал главу, содержание которой мне смутно запомнилось. Да, что говорить, моя догадка была неправдоподобной, фантастичной, но я уже не мог успокоиться, пока не выясню, насколько она основательна. Было уже поздно, когда я лег спать, с нетерпением предвкушая завтрашнюю работу.

Но работа эта наткнулась на досадное препятствие. Только я проглотил утреннюю чашку чая и хотел отправиться на берег, как ко мне пожаловал инспектор Бардл из Суссекского полицейского управления — коренастый мужчина с задумчивыми, как у вола, глазами, которые сейчас смотрели на меня с самым недоуменным выражением.

— Мне известен ваш огромный опыт, сэр, — начал он. — Я, конечно, пришел совершенно неофициально, и о моем визите никто знать не обязан. Но я что-то запутался в деле с Макферсоном. Просто не знаю, арестовать мне его или нет.

— Вы имеете в виду мистера Яна Мэрдока?

— Да, сэр. Ведь больше и подумать не на кого. Здешнее безлюдье — огромное преимущество. Мы имеем возможность ограничить наши поиски. Если это сделал не он, то кто же еще?

— Что вы имеете против него?

Бардл, как выяснилось, шел по моим стопам. Тут был и характер Мэрдока и тайна, которая, казалось, окружала этого человека. И его несдержанность, проявившаяся в случае с собачонкой. И ссоры его с Макферсоном в прошлом, и вполне основательные догадки об их соперничестве в отношении к мисс Беллами. Он перебрал все мои аргументы, но ничего нового не сказал, кроме того, что Мэрдок как будто готовится к отъезду.

— Каково будет мое положение, если я дам ему улизнуть при наличии всех этих улик? — Флегматичный толстяк был глубоко встревожен.

— Подумайте-ка, инспектор, в чем основной промах ваших рассуждений, — сказал ему я. — Он, конечно, сможет без труда доказать свое алиби в утро убийства. Он был со своими учениками вплоть до последней минуты и подошел к нам почти тотчас после появления Макферсона. Потом имейте в виду, что он один, своими руками, не мог бы так расправиться с человеком, не менее сильным, чем он сам. И, наконец, вопрос упирается в орудие, которым было совершено убийство.

— Что же это могло быть, как не плеть или какой-то гибкий кнут?

— Вы видели раны?

— Да, видел. И доктор тоже.

— А я рассматривал их очень тщательно в лупу. И обнаружил некоторые особенности.

— Какие же, мистер Холмс?

Я подошел к своему письменному столу и достал увеличенный снимок.

— Вот мой метод в таких случаях, — пояснил я.

— Что говорить, мистер Холмс, вы вникаете в каждую мелочь.

— Я не был бы Холмсом, если бы работал иначе. А теперь давайте посмотрим вот этот рубец, который опоясывает правое плечо. Вам ничего не бросается в глаза?

— Да нет.

— А вместе с тем совершенно очевидно, что рубец неровный. Вот тут — более глубокое кровоизлияние, здесь вот — вторая такая же точка. Такие же места видны и на втором рубце, ниже. Что это значит?

— Понятия не имею. А вы догадываетесь?

— Может быть, догадываюсь. А может быть, и нет. Скоро я смогу подробнее высказаться по этому поводу. Разгадка причины этих кровоизлияний должна кратчайшим путем подвести нас к раскрытию виновника убийства.

— Мои слова, конечно, могут показаться нелепыми, — сказал полицейский, — но если бы на спину Макферсона была брошена докрасна раскаленная проволочная сетка, то эти более глубоко пораженные точки появились бы в местах пересечения проволок.

— Сравнение необычайно меткое. Можно также предположить применение жесткой плетки-девятихвостки с небольшими узлами на каждом ремне.

— Честное слово, мистер Холмс, мне кажется, вы близки к истине.

— А может быть, мистер Бардл, раны были нанесены еще каким-нибудь способом. Как бы то ни было, всех ваших догадок недостаточно для ареста. Кроме того, мы должны помнить о последних словах покойника — «львиная грива».

— Я подумал, не хотел ли он назвать имя…

— И я думал о том же. Если бы второе слово звучало хоть сколько-нибудь похоже на «Мэрдок» — но нет. Я уверен, что он выкрикнул слово «грива».

— Нет ли у вас других предположений, мистер Холмс?

— Может, и есть. Но я не хочу их обсуждать, пока у меня не будет более веских доказательств.

— А когда они у вас будут?

— Через час, возможно, и раньше.

Инспектор почесал подбородок, недоверчиво поглядев на меня.

— Хотел бы я разгадать ваши мысли, мистер Холмс. Может быть, ваши догадки связаны с теми рыбачьими лодками?

— О нет, они были слишком далеко.

— Ну, тогда это, может быть, Беллами и его дылда-сын? Они здорово недолюбливали Макферсона. Не могли они убить его?

— Да нет же; вы ничего у меня не выпытаете, пока я не готов, — сказал я, улыбаясь.

— А теперь, инспектор, нам обоим пора вернуться к нашим обязанностям. Не могли бы вы зайти ко мне часов в двенадцать?..

Но тут нас прервали, и это было началом конца дела об убийстве Макферсона.

Наружная дверь распахнулась, в передней послышались спотыкающиеся шаги, и в комнату ввалился Ян Мэрдок. Он был бледен, растрепан, костюм его был в страшнейшем беспорядке; он целился костлявыми пальцами за стулья, чтобы только удержаться на ногах!

— Виски! Виски! — прохрипел он и со стоном рухнул на диван.

Он был не один. Вслед за ним вбежал Стэкхерст, без шляпы, тяжелю дыша, почти в таком же состоянии невменяемости, как и его спутник.

— Скорее, скорее, виски! — кричал он. — Мэрдок чуть жив. Я еле дотащил его сюда. По пути он дважды терял сознание.

Полкружки спиртного оказали поразительное действие. Мэрдок приподнялся на локте и сбросил с плеч пиджак.

— Ради Бога, — прокричал он, — масла, опиума, морфия! Чего угодно, лишь бы прекратить эту адскую боль!

Мы с инспектором невольно вскрикнули от изумления. Плечо Мэрдока было располосовано такими же красными, воспаленными, перекрещивающимися рубцами, как и тело Фицроя Макферсона.

Невыносимые боли пронизывали, по-видимому, всю грудную клетку несчастного; дыхание его то и дело прерывалось, лицо чернело, и он судорожно хватался рукой за сердце, а со лба скатывались крупные капли пота. Он мог в любую минуту умереть. Но мы вливали ему в рот виски, и с каждым глотком он оживал. Тампоны из ваты, смоченной в прованском масле, казалось, смягчали боль от страшных ран. В конце концов его голова тяжело упала на подушку. Измученное тело припало к последнему источнику жизненных сил. Был ли то сон или беспамятство, но, во всяком случае, он избавился от боли.

Расспрашивать его было немыслимо, но как только мы убедились в том, что жизнь его вне опасности, Стэкхерст повернулся ко мне.

— Господи Боже мой, Холмс, — воскликнул он, — что же это такое? Что это такое?

— Где вы его подобрали?

— Внизу, на берегу. В точности в том же самом месте, где пострадал несчастный Макферсон. Будь у Мэрдока такое же слабое сердце, ему бы тоже не выжить. Пока я вел его к вам, мне несколько раз казалось, что он отходит. До школы было слишком далеко, поэтому я и приволок его сюда.

— Вы видели его на берегу?

— Я шел по краю обрыва, когда услышал его крик. Он стоял у самой воды, шатаясь, как пьяный. Я сбежал вниз, набросил на него какую-то одежду и втащил наверх. Холмс, умоляю вас, сделайте все, что в ваших силах, не пощадите трудов, чтобы избавить от проклятия наши места, иначе жить здесь будет невозможно. Неужели вы, со всей вашей мировой славой, не можете нам помочь?

— Кажется, могу, Стэкхерст. Пойдемте-ка со мной! И вы, инспектор, тоже! Посмотрим, не удастся ли нам предать убийцу в руки правосудия.

Предоставив погруженного в беспамятство Мэрдока заботам моей экономки, мы втроем направились к роковой лагуне. На гравии лежал ворох одежды, брошенной пострадавшим. Я медленно шел у самой воды, а мои спутники следовали гуськом за мной. Лагуна была совсем мелкая, и только под обрывом, где залив сильнее врезался в сушу, глубина воды достигала четырех-пяти футов. Именно сюда, к этому великолепному, прозрачному и чистому, как кристалл, зеленому водоему, конечно, и собирались пловцы. У самого подножия обрыва вдоль лагуны тянулся ряд камней; я пробирался по этим камням, внимательно всматриваясь в воду. Когда я подошел к самому глубокому месту, мне удалось наконец обнаружить то, что я искал.

— Цианея! — вскричал я с торжеством. — Цианея! Вот она, львиная грива!

Странное существо, на которое я указывал, и в самом деле напоминало спутанный клубок, выдранный из гривы льва. На каменном выступе под водой на глубине каких-нибудь трех футов лежало странное волосатое чудовище, колышущееся и трепещущее; в его желтых космах блестели серебряные пряди. Все оно пульсировало, медленно и тяжело растягиваясь и сокращаясь.

— Достаточно она натворила бед! — вскричал я. — Настал ее последний час. Стэкхерст, помогите мне! Пора прикончить убийцу!

Над выступом, где притаилось чудовище, лежал огромный валун: мы со Стэкхерстом навалились на него и столкнули в воду, подняв целый фонтан брызг. Когда волнение на воде улеглось, мы увидели, что валун лег куда следовало. Выглядывавшая из-под него и судорожно трепещущая желтая перепонка свидетельствовала о том, что мы попали в цель. Густая маслянистая пена сочилась из-под камня, мутя воду и медленно поднимаясь на поверхность.

— Потрясающе! — воскликнул инспектор. — Но что же это было, мистер Холмс? Я родился и вырос в этих краях и никогда не видывал ничего подобного. Такого в Суссексе не водится.

— К счастью для Суссекса, — заметил я. — Ее, по-видимому, занесло сюда юго-западным шквалом. Приглашаю вас обоих ко мне, и я покажу вам, как описал встречу с этим чудовищем человек, однажды столкнувшийся с ним в открытом море и надолго запомнивший этот случай.

Когда мы вернулись в мой кабинет, мы нашли Мэрдока настолько оправившимся, что он был в состоянии сесть. Он все еще не мог прийти в себя от пережитого потрясения и то и дело содрогался от приступов боли. В несвязных словах он рассказал нам, что понятия не имеет о том, что с ним произошло, что он помнит только, как почувствовал нестерпимую боль и как у него еле хватило сил выползти на берег.

— Вот книжка, — сказал я, показывая шоколадного цвета томик, заронивший во мне догадку о виновнике происшествия, которое иначе могло бы остаться для нас окутанным вечной тайной. Заглавие книжки — «Встречи на суше и на море», ее автор — исследователь Дж. Дж. Вуд. Он сам чуть не погиб от соприкосновения с этой морской тварью, так что ему можно верить. Полное латинское название ее Cyanea capillata. Она столь же смертоносна, как кобра, а раны, нанесенные ею, болезненнее укусов этой змеи. Разрешите мне вкратце прочесть вам ее описание:

«Если купальщик заметит рыхлую круглую массу из рыжих перепонок и волокон, напоминающих львиную гриву с пропущенными полосками серебряной бумаги, мы рекомендуем ему быть начеку, ибо перед ним одно из самых опасных морских чудовищ — Cyanea capillata». Можно ли точнее описать нашу роковую находку?

— Дальше автор рассказывает о собственной встрече с одним из этих чудищ, когда он купался у Кентского побережья. Он установил, что эта тварь распускает тонкие, почти невидимые нити на расстояние в пятьдесят футов, и всякий, кто попадает в пределы досягаемости этих ядовитых нитей, подвергается смертельной опасности. Даже на таком расстоянии встреча с этим животным чуть не стоила Вуду жизни. «Ее бесчисленные тончайшие щупальца оставляют на коже огненно-багровые полосы, которые при ближайшем рассмотрении состоят из мельчайших точек или крапинок, словно от укола раскаленной иглой, проникающей до самого нерва». Как пишет автор, местные болевые ощущения далеко не исчерпывают этой страшной пытки. «Я свалился с ног от боли в груди, пронизавшей меня, словно пуля. У меня почти исчез пульс, а вместе с тем я ощутил шесть-семь сердечных спазм, как будто вся кровь моя стремилась пробиться вон из груди».

Вуд был поражен почти насмерть, хотя он столкнулся с чудовищем в морских волнах, а не в узенькой спокойной лагуне. Он пишет, что еле узнал сам себя, настолько лицо его было бескровно, искажено и изборождено морщинами. Он выпил залпом целую бутылку виски, и только это, по-видимому, его и спасло. Вручаю эту книжку вам, инспектор, и можете не сомневаться в том, что здесь дано точное описание всей трагедии, пережитой несчастным Макферсоном.

— И чуть было не обесчестившей меня, — заметил Мэрдок с кривой усмешкой. — Я не обвиняю вас, инспектор, ни вас, мистер Холмс, — ваши подозрения были естественны. Я чувствовал, что меня вот-вот должны арестовать, и своим оправданием я обязан только тому, что разделил судьбу моего бедного друга.

— Нет, нет, мистер Мэрдок. Я уже догадывался, в чем дело, и если бы меня не задержали сегодня утром дома, мне, возможно, удалось бы избавить вас от страшного переживания.

— Но как же вы могли догадаться, мистер Холмс?

— Я всеядный читатель и обладаю необычайной памятью на всякие мелочи. Слова «львиная грива» не давали мне покоя. Я знал, что где-то уже встречал их в совершенно неожиданном для меня контексте. Вы могли убедиться, что они в точности характеризуют внешний вид этой твари. Я не сомневаюсь, что она всплыла на поверхность, и Макферсон ее

ясно увидел, потому что никакими другими словами он не мог предостеречь нас от животного, оказавшегося виновником его гибели.

— Итак, я, во всяком случае, обелен, — сказал Мэрдок, с трудом вставая с дивана. — Я тоже должен в нескольких словах объяснить вам кое-что, ибо мне известно, какие справки вы наводили. Я действительно любил Мод Беллами, но с той минуты, как она избрала Макферсона, моим единственным желанием стало содействовать их счастью. Я сошел с их пути и удовлетворялся ролью посредника. Они часто доверяли мне передачу писем: и я же поторопился сообщить Мод о смерти нашего друга именно потому, что любил ее и мне не хотелось, чтобы она была извещена человеком чужим и бездушным. Она не хотела говорить вам, сэр, о наших отношениях, боясь, что вы их истолкуете неправильно и не в мою пользу. А теперь я прошу вас отпустить меня в школу, мне хочется скорее добраться до постели.

Стэкхерст протянул ему руку.

— У всех нас нервы расшатаны, — сказал он. — Простите, Мэрдок. Впредь мы будем относиться друг к другу с большим доверием и пониманием.

Они ушли под руку, как добрые друзья. Инспектор остался и молча вперил в меня свои воловьи глаза.

— Здорово сработано! — вскричал он. — Что говорить, я читал про вас, но никогда не верил. Это же чудо!

Я покачал головой. Принять такие дифирамбы значило бы унизить собственное достоинство.

— Вначале я проявил медлительность, непростительную медлительность, — сказал я. — Будь тело обнаружено в воде, я догадался бы скорее. Меня подвело полотенце. Бедному малому не пришлось вытереться, а я из-за этого решил, что он не успел и окунуться. Поэтому мне, конечно, не пришло в голову, что он подвергся нападению в воде. В этом пункте я и дал маху. Ну что ж, инспектор, мне часто приходилось подтрунивать над вашим братом — полицией, зато теперь Cyanea capillata отомстила мне за Скотленд-Ярд.

История жилички под вуалью

Если вспомнить, что мистер Шерлок Холмс занимался своей практикой двадцать три года и из них семнадцать лет мне довелось сотрудничать с ним и вести записи его дел, станет ясно, что у меня накопилось немало материала. Задача всегда заключалась не в поиске, но в выборе. Целую полку занимают тетради с ежегодными записями, имеются папки, битком набитые документами, — поистине клад для всякого, кто изучает не только преступность, но самые разные общественные и государственные события, наделавшие шуму в конце викторианской эпохи. Касательно последних могу сказать, что авторам тревожных писем, умоляющим пощадить честь их семейства или славное имя их знаменитых предков, опасаться нечего. Осмотрительность и высокое сознание профессионального долга, всегда отличавшие моего друга, остаются в силе при отборе настоящих записок, и ничье доверие не будет обмануто. И я решительно осуждаю недавние попытки уничтожить эти бумаги. Кто стоит за всем этим — известно, и если попытки повторятся, я с разрешения мистера Холмса предам гласности все сведения о некоем политике, маяке и дрессированном баклане. По крайней мере один читатель меня поймет.

Наивно было бы полагать, что во всех без исключения случаях Холмсу удавалось проявлять поразительный дар чутья и наблюдательности, который я пытался отобразить в своих заметках. Порою ему надо было приложить немало усилий, чтобы сорвать плод, а порой плод и сам падал в руки. Нередко самые страшные человеческие трагедии давали Холмсу меньше всего возможностей проявить свои таланты, одну из подобных историй я и хочу рассказать. Я лишь слегка изменил имя и место действия, в остальном же все излагаю точно.

Однажды в конце 1896 года я получил от Холмса записку с просьбой спешно к нему прибыть. Приехав, я застал его в комнате, полной табачного дыма; в кресле напротив хозяина

сидела немолодая, благодушного вида, пышущая здоровьем женщина, — такие обычно сдают жильцам комнаты с пансионом.

— Это миссис Меррилоу из Южного Брикстона, — сказал мой друг и повел рукой в облаке дыма. — Миссис Меррилоу не против, когда курят, Уотсон, так что вы вольны предаться своей скверной привычке. Миссис Меррилоу может рассказать нам кое-что интересное, и, пожалуй, для дальнейшего развития событий ваше присутствие окажется полезным.

— Все, чем я могу…

— Вы понимаете, миссис Меррилоу, навестить миссис Рондер я предпочел бы при свидетеле. Пожалуйста, предупредите ее об этом.

— Господь с вами, мистер Холмс, — сказала посетительница. — Она уж так хочет вас видеть, вы хоть всех соседей с собой приводите, она против не будет.

— Тогда мы придем еще до вечера. Давайте для начала установим все факты. Если мы переберем их по порядку, доктору Уотсону будет легче разобраться в этой истории. Вы говорите, миссис Рондер снимает у вас комнату уже семь лет и вы только один раз видели ее лицо.

— И клянусь Богом, лучше бы мне его не видать! — сказала миссис Меррилоу.

— Как я понял, лицо ее страшно изуродовано.

— Знаете, мистер Холмс, это и лицом-то не назовешь. Вот как. Наш молочник один раз ее увидал, в окно заглянул, так он выронил бидон, молоко по всему палисаднику разлилось. Вот какое у нее лицо. Я как увидала, а я ее нечаянно застала, так она поскорей закрылась и говорит: ну вот, говорит, миссис Меррилоу, теперь вам наконец понятно, почему я никогда не поднимаю вуаль.

— Знаете вы что-нибудь о ее прошлом?

— Ничего я не знаю.

— Она к вам приехала с каким-нибудь рекомендательным письмом?

— Нет, сэр, но она выложила наличные, и не маленькие. Прямо на стол плату вперед за три месяца, и никаких споров про условия. Я женщина бедная, по нынешним временам разве я могу упустить такой случай.

— Объяснила она, почему решила поселиться именно у вас?

— Мой дом стоит в стороне от дороги, не на ходу, как другие. И опять же я пускаю только одного жильца, а своей семьи у меня нету. Я так понимаю, она спрашивала и в других домах, а мой ей лучше подошел. Ей хочется жить подальше от людей, за это она и заплатить готова.

— Вы говорите, она с самого начала не показывала лица, только один раз это нечаянно получилось. Да, странная история, очень странная, я не удивляюсь, что вы хотите проверить, в чем тут дело.

— Нет, мистер Холмс, она мне хорошо платит, и я всем довольна. Уж такая спокойная жиличка, никакого беспокойства от нее нету.

— Тогда из-за чего же вы встревожились?

— Из-за ее здоровья, мистер Холмс. Вроде она очень худеет. И что-то страшное у ней на душе. Кричит: «Убийство! Убийство!» А один раз слышу, она кричит: «Ты бессердечный зверь! Ты чудовище!» Дело было ночью, и кричала она на весь дом, меня прямо в дрожь бросило. Вот я утром к ней пошла, миссис Рондер, говорю, если у вас какая тяжесть на душе, так есть священники, говорю, и есть полиция. Не одни, так другие вам помогут. А она говорит: «Бога ради, не надо полиции, и никакой священник не может изменить прошлое. И однако, говорит, у меня полегчало бы на душе, если бы кто-нибудь узнал правду, пока я не умерла». «Что ж, говорю, коли вам не надо таких, кому по чину положено, так есть один сыщик, про него все знают», — прошу прощенья, мистер Холмс. А она так за это и ухватилась. «Вот, говорит, кто

мне нужен. И как я сама раньше не додумалась. Приведите его ко мне, миссис Меррилоу, а если не захочет пойти, скажите ему, что я жена Рондера, который в цирке показывал диких зверей. И еще назовите такое место — Аббас Парва». Вот видите, она так и написала: Аббас Парва. «Если он такой человек, как я думаю, говорит, он сразу ко мне придет».

— И она не ошиблась, — заметил Холмс. — Очень хорошо, миссис Меррилоу. Я хотел бы немного потолковать с доктором Уотсоном. Это займет у нас время до обеда. К трем часам ждите нас у себя в Брикстоне.

Едва наша посетительница вперевалку прошлепала за дверь — никак иначе не определишь способ передвижения миссис Меррилоу, — Шерлок Холмс молнией метнулся к груде толстых тетрадей в углу. Несколько минут слышался только шелест перелистываемых страниц и наконец довольный возглас: он нашел то, что искал. Он был так взбудоражен, что даже не встал, так и сидел на полу, скрестив ноги, словно какой-то странный Будда, среди раскиданных тетрадей, и одна раскрыта на коленях.

— Тогда этот случай встревожил меня, Уотсон. Вот доказательство — мои пометки на полях. Признаюсь, я ничего не мог понять. И однако был уверен, что следователь ошибался. Вы не помните трагедию в Аббас Парва?

— Нет, Холмс.

— А ведь вы тогда были со мной. Но, конечно, мои впечатления были очень поверхностные, не на что было опереться, и никто не обратился ко мне за содействием. Может быть, хотите просмотреть мои заметки?

— Вы не перескажете мне суть?

— Ничего нет проще. Пока я рассказываю, вы, наверно, все вспомните. Рондер был владелец бродячего цирка. Он слыл в свое время одним из знаменитейших дрессировщиков, соперничал с Вумбелом и Сэнджером. Однако известно, что он стал выпивать, и ко времени той страшной трагедии он и его представления покатились под уклон. Цирк остановился на ночлег в Аббас Парва, деревушке в графстве Беркшир, там и разыгрался этот ужас. Остановились они там на полпути в Уимблдон, просто стали лагерем, не созывая зрителей, деревушка так мала, что выступление не окупилось бы.

Среди четвероногих актеров был великолепный североафриканский лев по кличке Король Сахары. Обычно Рондер и его жена во время представлений входили к нему в клетку. Посмотрите, вот фотография этого зрелища, на ней видно, что Рондер был огромный, похожий на борова детина, а жена его — женщина поразительной красоты. На следствии о смерти говорилось, что по некоторым признакам лев был опасен, но, как всегда бывает, привычка порождает небрежность, и вот — эта трагедия.

Обычно либо сам Рондер, либо его жена кормили льва по ночам. Иногда шел кто-то один, иногда оба, но больше никому это делать не позволяли, уверенные, что, раз зверь получает пищу из их рук, он относится к ним как к благодетелям и никогда не причинит вреда. В ту ночь, семь лет назад, они пошли ко льву оба, и кончилось это ужасной трагедией, подробности которой так и остались неясны.

По-видимому, около полуночи весь лагерь переполошили львиный рык и отчаянные вопли женщины. Все конюхи и employes[107] выскочили с фонарями из своих палаток, и при этом свете глазам их представилось ужасающее зрелище. Рондер лежал ничком шагах в двенадцати от открытой клетки, голова его была разбита, на затылке глубокие раны — следы львиных когтей. А у самой двери клетки лежала на спине миссис Рондер, зверь навалился на нее и свирепо рычал. Он так изодрал когтями ее лицо, что думали, ей не выжить. Несколько человек из цирка во главе с силачом Леонардо и клоуном Григсом шестами отогнали льва, он прыгнул обратно в клетку, и ее заперли. Как он очутился на свободе — загадка. Предположили, что супруги собирались войти в клетку, но, когда ее отворили, зверь на них набросился. Больше в показаниях свидетелей не было ничего существенного, только вот одно: когда миссис Рондер

несли к фургону, где жили супруги, она в бреду, в страшных мученьях все кричала: «Трус! Трус!» Показания она смогла дать лишь через полгода, но следствие надлежащим порядком пришло к очевидному заключению, что смерть Рондера — результат несчастного случая.

— Какой же другой тут возможен вывод? — сказал я.

— Да, он напрашивается. И, однако, были тут две-три мелочи, которые не давали покоя молодому Эдмундсу из беркширской полиции. Смышленый малый! Его позже послали в Аллаабад. От него я и узнал об этой истории, он заглянул тогда ко мне и поделился своими сомнениями.

— Такой рыжий, худощавый?

— Он самый. Я так и знал, вы скоро все вспомните.

— Но что же не давало покоя Эдмундсу?

— По правде сказать, это нас обоих беспокоило. Довольно трудно было восстановить картину случившегося. Посмотрите на это с точки зрения льва. Он на свободе. Как он поступает? В несколько прыжков настигает Рондера. Рондер повернулся, убегая, — следы когтей на затылке, — но лев свалил его наземь. И потом, чем бы нестись дальше, на свободу, возвращается к женщине, которая стоит у самой клетки, сбивает ее с ног и впивается зубами в лицо. И еще эти ее крики, по ним выходит, что муж так или иначе ее подвел. А чем же он, бедняга, мог ей помочь? Видите, в чем сложность?

— Да, конечно.

— И еще одно. Мне это пришло в голову сейчас, когда я все обдумываю заново. Кто-то из свидетелей показывал, что одновременно с львиным рыком и воплями миссис Рондер закричал от ужаса какой-то мужчина.

— Конечно, сам Рондер.

— Ну, при том, что у него был раздроблен череп, едва ли он еще мог кричать. По крайней мере два свидетеля показали, что мужчина и женщина кричали одновременно.

— Мне думается, к этому времени крик подняли все, кто был в лагере. А что до остальных сомнений, я, кажется, мог бы их разрешить.

— Рад буду услышать ваши доводы.

— Когда лев выскочил из клетки, эти двое находились в десятке шагов от нее. Рондер повернулся, и зверь его ударил. Женщине пришла мысль кинуться в клетку и запереться изнутри. Это было для нее единственное убежище. Она бросилась к клетке, лев настиг ее и сбил с ног. Ее возмутило, что муж повернулся, пытаясь удрать, и тем поощрил разъяренного зверя. Оставайся они оба к нему лицом, возможно, они бы его укротили. Отсюда ее крики «Трус!»

— Блистательно, Уотсон! В вашем алмазе есть только один изъян.

— Какой же изъян, Холмс?

— Если оба они были в десяти шагах от клетки, каким образом лев очутился на свободе?

— А если у них был какой-то недруг, который отпер клетку?

— Но с чего бы льву с такой свирепостью напасть на них, ведь он привык с ними играть и проделывать разные трюки, когда они входили к нему в летку?

— Возможно, тот же недруг чем-то заранее разозлил зверя.

Холмс призадумался и несколько минут молчал.

— Что ж, Уотсон, кое-что говорит в пользу вашей теории. Враги у Рондера были, и немало. Эдмундс сказал мне, что в подпитии этот субъект был ужасен. Этакая громадная скотина, он накидывался с бранью и с кулаками на всякого, кто подвернется под руку. Подозреваю, что крики о чудовище, про которые нам поведала сегодняшняя посетительница, это ночные воспоминания о дражайшем покойнике. Однако наши рассуждения бесплодны, пока нам не

известны все факты. На буфете есть холодная куропатка и бутылка монраше. Давайте сперва подкрепимся, а потом с новыми силами возьмемся за дело.

Когда двуколка доставила нас к дому миссис Меррилоу, толстуха уже ждала на пороге, заполняя своей пышной особой дверной проем скромного, особняком стоящего жилища. Ясно было, что первейшая ее забота — как бы не лишиться выгодной жилички, и, прежде чем проводить нас к миссис Рондер, она стала заклинать нас не говорить и не делать ничего такого, что привело бы к столь нежеланной развязке. Мы ее успокоили, поднялись за нею по лестнице, покрытой истертою ковровой дорожкой, и вступили в комнату таинственной жилицы.

Комната была душная, затхлая, дурно проветренная, чего и следовало ожидать, поскольку обитательница почти никогда ее не покидала. Казалось, этой женщине, которая когда-то держала зверей в клетках, странным образом отплатила сама Судьба, заперев в клетку ее самое, точно зверя. И вот она сидит в затененном углу, в поломанном кресле. От долгих лет бездействия фигура ее несколько отяжелела, но видно, что прежде она была хороша и стройна, еще и по сей день сохранились пышные, соблазнительные формы. Густая темная вуаль закрывает лицо, спускаясь до верхней губы, но видны безупречно очерченный рот и нежный округлый подбородок. Я очень легко себе представил, что прежде она была настоящая красавица. И голос у нее оказался приятный, мелодичный.

— Мое имя вам знакомо, мистер Холмс, — сказала она. — Я так и думала, что, услышав его, вы придете.

— Совершенно верно, сударыня, хотя, право, не понимаю, как вы узнали, что я интересовался вашим делом.

— Я об этом узнала, когда здоровье мое окрепло и меня расспрашивал мистер Эдмундс, детектив графства. Боюсь, тогда я ему солгала. Пожалуй, было бы разумнее сказать правду.

— Всегда разумнее говорить правду. Но почему же вы ему солгали?

— Потому что от этого зависела судьба одного человека. Я знаю, он был сущее ничтожество, но все же не хотела я, чтобы его гибель была на моей совести. Мы были так близки… так близки!

— А теперь это препятствие устранено?

— Да, сэр. Человек, о котором я упоминаю, умер.

— Тогда почему бы вам теперь не рассказать полиции все, что вам известно?

— Потому что это касается не только его. Это касается меня. Я не вынесла бы скандала и огласки, а они неизбежны при полицейском расследовании. Жить мне осталось недолго, но я хочу умереть спокойно. И все же мне хотелось найти хоть одного разумного человека, кому я могу рассказать мою ужасную историю, пусть, когда меня не станет, все будет понято.

— Вы оказываете мне большую честь, сударыня. Однако у меня есть чувство ответственности. Я не могу обещать, что, выслушав вас, не сочту своим долгом сообщить обстоятельства дела полиции.

— Думаю, этого не случится, мистер Холмс. Я слишком хорошо знаю ваш характер и ваши методы, я ведь уже несколько лет слежу за вашей работой. Судьба оставила мне единственную радость — чтение, и мне известно едва ли не все, что происходит в мире. Так или иначе, я не хотела бы упустить случай, и, может быть, вы воспользуетесь рассказом о моей трагедии. А у меня, если я все расскажу, станет легче на душе.

— Мой друг и я рады будем вас выслушать.

Миссис Рондер поднялась и достала из ящика фотографию мужчины. Это явно был профессиональный акробат, великолепно сложенный атлет, могучие руки скрещены на выпуклой груди, под густыми усами — улыбка, самодовольная улыбка победителя.

— Это Леонардо, — сказала миссис Рондер.

— Леонардо — силач, который давал показания на следствии?

— Он самый. А это мой муж.

У мужа лицо было ужасное — поистине человек-свинья, вернее, дикий кабан, ибо в зверской грубости своей он был страшен. Нетрудно было вообразить, как он скрежещет зубами, как пускает пену этот гнусный рот, с какой неистовой злобой вонзаются во все на свете свирепые маленькие глазки. Негодяй, хам, скотина — вот что написано было на этом лице с тяжелой нижней челюстью.

— Эти две фотографии помогут вам, господа, понять мою историю. Я, бедная циркачка, росла на опилках арены, мне еще и десяти лет не исполнилось, когда я прыгала через обруч. Когда я подросла, Рондер полюбил меня, если такую похоть можно назвать любовью, и в недобрый час я стала его женой. С того дня моя жизнь стала сущим адом, и этот дьявол вечно терзал меня. В цирке не было человека, кто не знал бы, как он со мной обращается. Он без конца мне изменял. А если я жаловалась, связывал меня и полосовал хлыстом. Все меня жалели, все его ненавидели, но что они могли поделать? Все без исключения его боялись. Страшен он был всегда и смертельно опасен, когда напьется. Опять и опять его привлекали к ответственности то за оскорбление действием, то за жестокое обращение с животными, но денег у него было вдоволь и штрафы его не смущали. Лучшие артисты от нас сбежали, и цирк постепенно приходил в упадок. Все держалось только на Леонардо, на мне да еще на маленьком Джимми Григсе, клоуне. Бедняжка, не так уж он был забавен, но старался изо всех сил.

А Леонардо все больше значил в моей жизни. Вы видите, как он выглядел. Теперь-то я знаю, какой жалкий дух скрывался в этом великолепном теле, но по сравнению с моим мужем он казался Архангелом Гавриилом. Он меня жалел, помогал мне, и наконец наша близость перешла в любовь — глубокую, страстную любовь, о такой я раньше только мечтала, но не надеялась испытать. Муж это заподозрил, но, думаю, он по сути был трус, хоть и хам, а Леонардо — единственный, кого он боялся. И в отместку стал мучить меня больше прежнего. Однажды ночью Леонардо, услыхав мои крики, чуть не ворвался в наш фургон. В ту ночь дело едва не кончилось трагедией, и вскоре мы с любимым поняли, что ее не избежать. Мой муж не должен жить. Мы решили, он должен умереть.

Леонардо был умен и изобретателен. Это он все придумал. Не скажу, чтобы я его осуждала, ведь я готова была пройти с ним этот путь до конца. Но у меня никогда не хватило бы смекалки составить такой план. Мы сделали дубинку — ее смастерил Леонардо, в широкой свинцовой части он закрепил пять длинных стальных гвоздей остриями наружу, расставленных в точности как когти львиной лапы. Дубинка эта и должна была нанести моему мужу смертельный удар, а выглядело бы все так, словно его убил лев, когда вырвался на свободу.

В ту ночь, когда мы с мужем по обыкновению пошли кормить льва, тьма была хоть глаз выколи. Мы несли в цинковом ведре сырое мясо. Леонардо ждал за углом большого фургона, мимо которого нам надо было пройти к клетке. Он замешкался, и мы прошли дальше прежде, чем он успел ударить, но он тихонько прокрался следом, и я услышала удар, который раздробил мужу череп. Сердце мое радостно забилось, я бросилась вперед и откинула щеколду, на которую запиралась клетка льва.

И тут случилось страшное. Может быть, вы слышали, как чутки эти звери к запаху человеческой крови и как он их возбуждает. Изощренное чутье вмиг подсказало льву, что человек убит. Едва я отодвинула запоры, он выскочил и повалил меня. Леонардо мог меня спасти. Если бы он бросился вперед и ударил зверя той дубиной, он бы, наверно, его укротил. Но он струсил. Я слышала, он завопил от ужаса, и видела — он повернулся и кинулся бежать. И в этот миг зубы зверя впились мне в лицо. Под его обжигающим смрадным дыханьем я уже наполовину потеряла сознание и почти не чувствовала боли. Обеими руками я пыталась оттолкнуть огромную, пышущую жаром окровавленную пасть и звала на помощь. Я поняла, что весь лагерь всполошился, потом смутно помню, Леонардо, Григс и другие мужчины тащили меня из-под лап зверя. Это было последнее мое воспоминание на долгие, томительные месяцы,

мистер Холмс. Когда я пришла в себя и погляделась в зеркало, я прокляла этого льва — о, как я его проклинала! — не за то, что он отнял мою красоту, но за то, что не отнял у меня жизнь. У меня осталось одно желание, мистер Холмс, и хватало денег, чтобы его исполнить. Желание скрыть мое несчастное лицо от всех взоров и жить там, где ни одна душа из тех, кто знал меня прежде, меня не найдет. Только это одно мне оставалось, так я и поступила. Жалкое раненое животное, которое заползло в свою нору умирать, — вот чем кончила Юджиния Рондер.

Когда несчастная женщина досказала свою повесть, все мы некоторое время молчали. Потом Холмс протянул длинную руку и с глубоким сочувствием, какое мне не часто случалось у него видеть, погладил руку миссис Рондер.

— Бедняжка, — сказал он, — бедняжка! Поистине пути Судьбы неисповедимы. Если она потом ничем не вознаграждает, тогда наша жизнь — жестокая шутка. Но что же этот Леонардо?

— Я никогда больше его не видела, и ни разу он не дал о себе знать. Быть может, я неправа, что думаю о нем с такой горечью. Любить то, что оставила от меня пасть льва, было бы все равно что полюбить какого-нибудь уродца, каких мы возили в цирке на потеху всей стране. Но женщине не так-то просто отбросить свою любовь. Он покинул меня под когтями зверя, предал в час, когда я в нем больше всего нуждалась, и однако не могла я послать его на виселицу. Что станет со мной, мне было все равно. Может ли быть что-нибудь ужаснее моей теперешней жизни? Но я стояла между Леонардо и его судьбой.

— А теперь он умер?

— Месяц назад он утонул, купаясь близ Маргейта. Я узнала о его смерти из газеты.

— А что он сделал с той дубинкой о пяти когтях? Это самая поразительная и хитроумная часть вашей истории.

— Не могу вам сказать, мистер Холмс. Возле того места, где останавливался тогда наш цирк, есть глубокая меловая шахта, на дне ее стоит зеленая от тины вода. Возможно, в глубине тех вод…

— Что ж, сейчас это уже не имеет значения. Дело закончено.

— Да, — сказала миссис Рондер, — дело закончено.

Мы встали, готовые уйти, но что-то в голосе женщины привлекло внимание Холмса. Он круто повернулся к ней.

— Ваша жизнь вам не принадлежит, — сказал он. — Не вздумайте наложить на себя руки.

— Кому нужна моя жизнь?

— Откуда вам знать? Пример терпеливого страдания сам по себе — драгоценнейший из уроков миру, не знающему терпения.

Ответ женщины был ужасен. Она подняла вуаль и выступила на свет.

— Хотела бы я знать, могли бы вы такое вынести?

Это было страшно. Никакими словами не описать руины лица, когда лица не осталось. Живые, прекрасные карие глаза скорбно смотрели с устрашающих останков, и от этого взора зрелище казалось еще невыносимей. Холмс поднял руку движеньем, полным жалости и протеста, и мы вышли.

Когда три дня спустя я навестил моего друга, он не без гордости показал мне синий флакончик, стоящий на каминной полке. Я взял пузырек в руки. Красная наклейка гласила: яд. Я откупорил его и вдохнул приятный запах миндаля.

— Синильная кислота? — сказал я.

— Совершенно верно. Я получил это по почте. В записке сказано: «Посылаю вам мое искушение. Последую вашему совету». Думаю, Уотсон, нетрудно угадать имя необыкновенной женщины, которая это прислала.

Загадка поместья Шоскомб

Шерлок Холмс довольно долго сидел, склонившись над микроскопом. Наконец он выпрямился и торжествующе повернулся ко мне.

— Это клей, Уотсон! — воскликнул он. — Несомненно, это столярный клей. Взгляните-ка на эти частички!

Я наклонился к окуляру и подстроил фокусировку.

— Волоски — это ворсинки с пальто из твида. Серые комочки неправильной формы — пыль. Ну а коричневые маленькие шарики в центре — не что иное, как клей.

— Допустим, — сказал я с усмешкой. — Готов поверить вам на слово! И что из этого вытекает?

— Но это же прекрасное доказательство, — ответил Холмс. — Вы, вероятно, помните дело Сент-Панкрас: рядом с убитым полицейским найдено кепи. Обвиняемый отрицает, что кепи принадлежит ему. Однако он занимается изготовлением рам для картин и постоянно имеет дело с клеем.

— А разве вы взялись за это дело?

— Мой приятель Меривейл из Ярда попросил ему помочь. С тех пор как я вывел на чистую воду фальшивомонетчика, найдя медные и цинковые опилки в швах на его манжетах, полиция начала осознавать важность микроскопических исследований.

Холмс нетерпеливо поглядел на часы.

— Ко мне должен прийти новый клиент, но что-то задерживается. Кстати, Уотсон, вы что-нибудь понимаете в скачках?

— Еще бы! Я отдал за это почти половину своей пенсии по ранению.

— В таком случае использую вас в качестве справочника. Вам ни о чем не говорит имя сэра Роберта Норбертона?

— Почему же. Он живет в старинном поместье Шоскомб. Я как-то провел там лето и хорошо знаю те места. Однажды Норбертон вполне мог попасть в сферу ваших интересов.

— Каким образом?

— Он избил хлыстом Сэма Брюэра, известного ростовщика с Керзон-стрит. Еще немного, и он убил бы его.

— И часто он позволяет себе такое?

— Ну, вообще-то его считают опасным человеком. Это один из самых бесстрашных наездников в Англии. Он из тех, кто родился слишком поздно: во времена регентства это был бы истинный денди — спортсмен, боксер, лихой кавалерист, ценитель женской красоты и, по всей видимости, так запутан в долгах, что уже никогда из них не выберется.

— Превосходно, Уотсон! Хороший портрет. Я словно увидел этого человека. А не могли бы вы теперь рассказать что-нибудь о самом поместье Шоскомб?

— Только то, что оно расположено среди Шоскомбского парка и известно своей скаковой конюшней.

— А главный тренер там — Джон Мейсон, — неожиданно сказал Холмс. — Не следует удивляться моим познаниям, Уотсон, потому что в руках у меня письмо от него. Но давайте еще немного поговорим о Шоскомбе. Кажется, мы напали на неисчерпаемую тему.

— Еще стоит упомянуть о шоскомбских спаниелях, — продолжал я. — О них можно услышать на каждой выставке собак. Одни из самых породистых в Англии — гордость хозяйки поместья.

— Супруги сэра Роберта?

— Сэр Роберт никогда не был женат. Он живет вместе с овдовевшей сестрой, леди Беатрис Фолдер.

— Вы хотели сказать, что она живет у него?

— Нет, нет. Поместье принадлежало ее покойному мужу, сэру Джеймсу. У Норбертона нет на него никаких прав. Поместье дает небольшую ежегодную ренту.

— И эту ренту, я полагаю, тратит ее братец Роберт?

— Наверное, так. Человек он очень тяжелый, и жизнь с ним для нее нелегка. Но я слышал, леди Беатрис привязана к брату. Так что же произошло в Шоскомбе?

— Это я и сам хотел бы узнать. А вот, кажется, и тот человек, который сможет нам все рассказать.

Дверь открылась, и мальчик-слуга провел в комнату высокого, отменно выбритого человека со строгим выражением лица, какое встречается лишь у людей, привыкших держать в повиновении лошадей или мальчишек. Он холодно и сдержанно поздоровался и сел в предложенное ему Холмсом кресло.

— Вы получили мое письмо, мистер Холмс?

— Да, но оно ничего не объясняет.

— Я считаю дело слишком щепетильным, чтобы излагать подробности на бумаге. И к тому же слишком запутанным. Предпочитаю сделать это с глазу на глаз.

— Прекрасно! Мы в вашем распоряжении.

— Прежде всего, мистер Холмс, я думаю, что мой хозяин, сэр Роберт, сошел с ума.

Холмс вопросительно вскинул брови.

— Но ведь я сыщик, а не психиатр, — произнес он. — А, кстати, почему вам это показалось?

— Видите ли, сэр, если человек поступает странно один раз, другой, то, возможно, этому можно найти и иное объяснение. Но если странным выглядит все, что он делает, — это наводит на определенные мысли. Мне кажется, Принц Шоскомба и участие в дерби помутили его рассудок.

— Принц — это жеребец, которого вы тренируете?

— Лучший во всей Англии, мистер Холмс. Уж кому, как не мне, знать об этом. Буду откровенен с вами, так как чувствую, что вы люди слова и все сказанное здесь не выйдет за пределы вашей комнаты. Сэр Роберт просто обязан выиграть дерби. Он по уши в долгах, и это его последний шанс. Все, что он смог собрать и занять, поставлено на этого коня. Сейчас ставки на Принца один к сорока. Прежде же он шел чуть ли не один к ста.

— Почему цена упала, если конь так хорош?

— Никто пока не знает этого, но сэр Роберт перехитрил всех, тайком собирающих сведения о лошадях. Он выводит на прогулки единокровного брата Принца. Внешне их невозможно отличить, но на скачках уже через двести метров Принц обгонит его на два корпуса. Сэр Роберт думает только о дерби и Принце Шоскомба. От этого сейчас зависит вся его жизнь. Кредиторов удалось уговорить подождать до Дня скачек, но если Принц подведет, Норбертон — человек конченый.

— Да, игра рискованная, но при чем же тут сумасшествие?

— Ну, во-первых, достаточно просто посмотреть на него. Не думаю, что он спит по ночам, почти все время проводит в конюшне. А взгляд у него просто дикий. И еще — его поведение по отношению к леди Беатрис! Они всегда были очень дружны: у них один вкус, одни пристрастия. Леди любила лошадей не меньше, чем ее брат. Каждый день в одно и то же время она приезжала поглядеть на них. Принц Шоскомба нравился и ей больше других. А Принц настораживал уши, заслышав скрип колес, и выбегал навстречу, чтобы получить непременный кусочек сахара. Но сейчас все изменилось. Она потеряла всякий интерес к лошадям. Вот уже целую неделю она проезжает мимо конюшни и ни с кем не здоровается!

— Вы полагаете, они поссорились?

— И притом не на шутку. Иначе почему бы он избавился от ее любимца спаниеля, к которому она относилась как к ребенку? Несколько дней назад сэр Роберт отдал собаку старому Барнесу, владельцу «Зеленого дракона» в Крендалле, в трех милях от поместья.

— Вот это действительно странно.

— Конечно, из-за больного сердца и водянки леди Беатрис передвигалась с трудом и не могла совершать с братом прогулки, но сэр Роберт ежевечерне проводил два часа в ее комнате. Он старался сделать для нее все, что мог, и она относилась к брату с любовью. Но все это уже в прошлом. Теперь он и близко к ней не подходит. А она это переживает. Даже начала пить, мистер Холмс, пить как сапожник. Бутылку за вечер может выпить. Мне об этом рассказал Стивенс, наш дворецкий. Так что изменилось многое, мистер Холмс. И в этом есть что-то ужасное. Да к тому же сэр Роберт уходит ночами в склеп под старой церковью. Что он там делает? С кем встречается?

Холмс удовлетворенно потер руки.

— Продолжайте, мистер Мейсон. Дело становится все более интересным.

— Дворецкий видел, как сэр Роберт шел туда в полночь под проливным дождем. На следующую ночь я спрятался за домом и видел, как он шел туда опять. Мы со Стивенсом двинулись за ним, но очень осторожно. Ох, как бы нам непоздоровилось, если бы он заметил. В гневе он ужасен. Сэр Роберт направлялся именно к склепу, и там его ждал какой-то человек.

— А что представляет собой этот склеп?

— Понимаете, сэр, в парке стоит полуразвалившаяся древняя часовня — никто не знает, сколько ей лет. Под часовней имеется склеп, пользующийся дурной славой. Там пустынно, сыро и темно даже днем. А ночью немногие решатся подойти туда. Хозяин, правда, смел и никогда ничего не боялся. Но все равно, что ему там делать ночью?

— Подождите, — вмешался Холмс. — Вы сказали, там был и другой человек. Вероятно, кто-то из домашней прислуги или с конюшни?

— Он не из наших!

— Почему вы так думаете?

— Потому что сам видел его вблизи, мистер Холмс, в ту вторую ночь. Когда сэр Роберт шел мимо нас обратно, мы со Стивенсом дрожали в кустах, точно два кролика, так как ночь была лунная и он мог нас заметить. Потом послышались шаги того, другого. Его-то мы не боялись. И едва сэр Роберт отошел подальше, мы поднялись притворившись, что просто гуляем при луне, вроде бы случайно приблизились к незнакомцу. «Здорово, приятель! — говорю я ему. — Ты кто такой?» Он не заметил, как мы подошли, и здорово испугался. На обратившемся в нашу сторону лице застыл такой испуг, словно перед ним появился сам сатана. Он громко вскрикнул и бросился бежать. И надо отдать ему должное, бегать он умел! В одно мгновение скрылся из виду.

— Но вы хоть хорошо разглядели его в свете луны?

— Да. Готов поклясться, что опознал бы это отвратительное лицо. Типичный бродяга. Что у него могло быть общего с сэром Робертом?

— Кто прислуживает леди Беатрис Фолдер? — спросил Холмс после некоторой задумчивости.

— Горничная Керри Ивенс. Она у нее уже пять лет.

— Конечно же, предана хозяйке?

Мейсон неловко заерзал на месте.

— Предана-то предана, — ответил он. — Правда, трудно сказать — кому.

— О! — только и вымолвил Холмс.

— Мне не хотелось бы выносить сор из избы…

— Понимаю вас, мистер Мейсон. Ситуация деликатная. Судя по описанию сэра Роберта, данному доктором Уотсоном, я могу сделать вывод: перед ним не устоит ни одна женщина. А не кажется ли вам, что в этом может крыться и причина размолвки между братом и сестрой?

— Их отношения были очевидными давно.

— Но возможен вариант, что леди Беатрис прежде не замечала этого. А когда узнала, решила избавиться от горничной, но брат не позволил ей сделать это. Больная женщина смогла настоять на своем. Служанка, которую она так возненавидела, остается при ней. Леди Беатрис перестает разговаривать, грустит, начинает пить. Брат в гневе отбирает у нее любимого спаниеля. Разве здесь не все сходится?

— Все это вполне правдоподобно, но как быть с остальным? Как связать это с ночными визитами в старый склеп? Они не укладываются в эту схему. И еще есть одно, что в нее не укладывается. Зачем сэру Роберту понадобилось доставать мертвое тело?

Холмс резко выпрямился.

— Да-да, мы обнаружили его только вчера, уже после того, как я отправил вам письмо. Сэр Роберт уехал в Лондон, и мы со Стивенсом отправились в склеп. Там все было как обычно, мистер Холмс, только в одном из углов лежали останки человека.

— Я полагаю, вы сообщили в полицию?

Наш посетитель мрачно усмехнулся.

— Думаю, они едва ли заинтересовались бы, потому что, сэр, это была уже высохшая мумия.

— И что же вы сделали?

— Оставили все как было.

— Разумно. Вы говорили, что сэр Роберт был вчера в отъезде. Он уже вернулся?

— Ждем его сегодня.

— А когда сэр Роберт отдал собаку своей сестры?

— Ровно неделю назад. Бедное создание, спаниель выл ночью возле старого колодца, чем вызвал у Роберта приступ гнева. Утром он поймал собаку, и вид у него был такой, что я решил: убьет! Но он отдал спаниеля Сэнди Бейну, нашему наезднику, и велел отвезти к старику Барнесу в «Зеленый дракон», потому что не желал его больше видеть.

Некоторое время Холмс сидел молча и размышлял, раскуривая свою старую закопченную трубку.

— Мистер Мейсон, — произнес он наконец, — я не совсем понимаю, что от меня требуется.

— Вероятно, вот это позволит сделать некоторые уточнения, мистер Холмс, — ответил наш посетитель.

Он вытащил из кармана небольшой сверток и, осторожно развернув бумагу, достал обуглившийся кусок кости.

Холмс с интересом принялся изучать.

— Где вы это взяли?

— В подвале дома, прямо под комнатой леди Беатрис, расположена печь центрального отопления. Некоторое время ею не пользовались, но как-то сэр Роберт пожаловался на холод и приказал начать топить. Обязанности истопника сейчас выполняет Харвей, один из моих парней. Он-то и принес мне эту кость сегодня утром. Нашел в золе, которую выгребал из печи. Ему не понравилось все это, и он…

— Мне тоже не нравится, — произнес Холмс. — Что вы думаете по этому поводу?

Кость обгорела почти дочерна, но ее форма сохранилась.

— Это верхняя часть человеческой берцовой кости, — ответил я.

Холмс внезапно посерьезнел.

— А когда этот парень обычно топит печь?

— Харвей растапливает ее вечером, а потом уходит спать…

— Значит, ночью в подвал мог зайти кто угодно?

— Да, сэр.

— Можно ли попасть туда со двора?

— Да. Одна дверь выходит прямо на улицу, другая — на лестницу, которая ведет в коридор перед комнатой леди Беатрис.

— Дело зашло далеко, мистер Мейсон, и принимает скверный оборот. Вы говорили, что этой ночью сэра Роберта не было в поместье?

— Да, сэр.

— Значит, кости сжигал в печи не он.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Как называется гостиница, которую вы упоминали?

— «Зеленый дракон».

— А есть где порыбачить в той части Беркшира?

По лицу нашего гостя, не умевшего скрывать свои чувства, было видно: он убежден, что превратности жизни свели его еще с одним сумасшедшим.

— Говорят, в небольшой речушке, той, что выше мельницы, водится форель, а в озере Холл есть щука.

— Этого вполне достаточно. Мы с Уотсоном заядлые рыболовы, не правда ли, доктор? В случае необходимости вы сможете найти нас в «Зеленом, драконе». Мы будем там уже сегодня вечером. Я думаю, вы понимаете, мистер Мейсон, что приходить туда вам не следует. Лучше послать записку. А если вы нам понадобитесь, я разыщу вас. Как только нам удастся продвинуться хоть немного вперед с расследованием, я сообщу вам о выводах.

И вот прекрасным майским вечером мы с Холмсом ехали в вагоне первого класса к небольшой станции Шоскомб, где поезда останавливались только по требованию. Мы сошли на нужной станции и очень скоро добрались до старомодной маленькой гостиницы. Ее владелец, Джозия Барнес, как истый спортсмен охотно принялся помогать нам составлять план истребления всей рыбы в округе.

— А как насчет озера Холл? Есть шанс поймать там щуку?

На лице хозяина отразилось беспокойство.

— Ничего из этого не выйдет, сэр. Там опасно.

— Но почему же?

— Сэр Роберт терпеть не может, когда кто-то тайком собирает сведения о лошадях. И едва вы, двое незнакомых людей, вдруг окажетесь рядом с его конюшнями, он обязательно набросится на вас. Сэр Роберт не хочет рисковать! Да, совсем не хочет.

— Говорят, у него есть конь, который заявлен для участия в дерби?

— Да, славный жеребец. На него поставлены наши денежки, да и сэра Роберта тоже. — Тут Джозия Барнес испытующе взглянул на нас. — Надеюсь, вы сами не имеете отношения к скачкам?

— Абсолютно никакого! Мы всего лишь два усталых лондонца, которым просто необходим ваш чудесный беркширский воздух.

— Ну тогда вы правильно выбрали место. Свежего воздуха здесь сколько угодно. Только помните, что я сказал вам насчет сэра Роберта. Он не из тех, кто много разговаривает, он сразу пускает в ход кулаки. Не подходите близко к парку.

— Хорошо, мистер Барнес. Мы внемлем вашему совету. Между прочим, спаниель, повизгивающий у вас в зале, очень красив.

— Это самый настоящий шоскомбский спаниель. Лучших нет во всей Англии.

— Я большой любитель собак, — продолжал Холмс. — Хочу задать вам не совсем деликатный вопрос. Сколько может стоить подобный пес?

— Намного больше, чем я в состоянии заплатить, сэр. Этого красавца мне недавно подарил сэр Роберт. Я постоянно держу его на привязи, потому что он сбежит домой в ту же секунду, как только я его отпущу.

— Итак, мы уже получили несколько козырей, Уотсон, — сказал мне Холмс, когда владелец гостиницы ушел. — Правда, даже с ними пока не так просто выиграть.

— У вас есть версия, Холмс?

— Я знаю только то, что примерно неделю назад в Шоскомбе произошло нечто, круто изменившее всю жизнь поместья. Что же именно? Могу лишь предположить. Обратимся еще раз к нашим фактам. Брат перестает навещать свою дорогую тяжелобольную сестру. Он избавляется от ее любимой собаки. Ее собаки, Уотсон! Это вам ни о чем не говорит?

— Нет. Разве что о его сильной злости.

— Ну что же, это вполне вероятно. Продолжим обзор событий, происшедших после ссоры, если она вообще была. Леди Беатрис практически все время проводит у себя в комнате, показывается на людях, только выезжая на прогулку вместе со служанкой, больше не останавливается возле конюшни поглядеть на своего любимца — Принца Шоскомба и, вероятно, начинает пить. Вот, пожалуй, и все. Не так ли?

— Да, за исключением того, что касается склепа.

— Это относится уже к другой цепи событий. Я попросил бы их не смешивать. Цепь «А», касающаяся леди Беатрис, имеет довольно зловещий оттенок.

— Я не понимаю…

— Ладно. Перейдем тогда к цепи «Б», связанной с сэром Робертом. Он буквально помешан на выигрыше в дерби. Он попал в лапы к ростовщикам, и в любой момент его имущество может пойти с молотка, включая лошадей и конюшни. Человек он решительный, жить привык на деньги сестры. Горничная сестры — послушное орудие в его руках. Ну что, доктор? Мне кажется, что пока все идет как по маслу.

— Ну а склеп?

— Да… Склеп! Давайте-ка чисто теоретически предположим, что сэр Роберт убил свою сестру.

— Но, Холмс! Друг мой, об этом не может быть и речи!

— Послушайте, Уотсон. По происхождению Норбертоны — люди почтенные. Но и в хорошее стадо может затесаться паршивая овца. Так что не стоит отметать эту версию, не обсудив ее. Без денег Роберт Норбертон бежать за границу не может, а обладателем денег он может стать, только если удастся его затея с Принцем Шоскомба. Поэтому он вынужден пока оставаться в поместье. Роль сестры будет пока исполнять служанка — в этом нет ничего сложного, а тело старой леди можно перенести в склеп, куда вообще никто не заглядывает, или же тайно уничтожить ночью в печи. Так вот и могла остаться улика, подобная имеющейся в нашем распоряжении. Что вы на это скажете, доктор?

— Все довольно правдоподобно, если, конечно, согласиться с чудовищным исходным предположением.

— Кажется, я придумал небольшой эксперимент, Уотсон. Мы поставим его завтра же, чтобы прояснить дело. А сейчас, дабы выглядеть теми, за кого мы себя выдаем, предлагаю пригласить хозяина гостиницы и повести светский разговор об угрях и плотве за стаканом его лучшего вина. Это самый краткий путь к расположению мистера Барнеса. А уж по ходу беседы мы можем услышать полезную местную сплетню.

…На следующее утро Холмс обнаружил, что мы забыли взять с собой блесну на молодую щуку, поэтому вместо рыбалки нам пришлось пойти гулять. Мы вышли около одиннадцати. Холмс получил разрешение взять с собой прекрасного спаниеля.

— Вот мы и пришли, — произнес мой друг, когда мы приблизились к высоким воротам парка, которые венчались фигурами сказочных грифов родового герба. — От мистера Барнеса нам известно, что старая леди выезжает на прогулку около полудня. Ее экипаж должен здесь остановиться и стоять, пока будут открывать ворота. Вы, Уотсон, задержите кучера каким-нибудь вопросом, едва он окажется за воротами. Действуйте, а я спрячусь за куст и стану наблюдать.

Ждать пришлось недолго. Четверть часа спустя мы увидели большую открытую коляску желтого цвета, направляющуюся по главной аллее в нашу сторону. В нее были запряжены два прекрасных серых рысака. Холмс вместе с собакой спрятался за своим кустом, а я встал на дороге, безразлично помахивая тростью. Охранник распахнул ворота.

Коляска двигалась совсем медленно, и я мог разглядеть всех, кто в ней находился. Слева сидела румяная молодая женщина с золотистыми волосами и дерзким взглядом. По правую руку от нее — сгорбленная пожилая дама, плотно закутанная в многочисленные шали. Как только лошади вышли из ворот на дорогу, я поднял руку и, когда кучер остановил экипаж, осведомился, дома ли сейчас сэр Роберт.

В этот миг Холмс покинул свое укрытие и спустил с поводка спаниеля. С радостным визгом пес бросился к коляске и вскочил на подножку. Но тут же его радостный лай стал злобным и яростным, и он вцепился зубами в черную юбку старой леди.

— Пшел! Пшел вон! — услышали мы грубый голос.

Кучер хлестнул лошадей, и мы остались на дороге одни.

— Теперь все ясно, — сказал Холмс, пристегивая поводок к ошейнику еще не успевшего успокоиться спаниеля.

— Но ведь голос был мужской! — воскликнул я.

— Вот именно, Уотсон. У нас появился еще один козырь, однако играть нужно все равно осторожно.

У Шерлока Холмса не было планов на остаток дня, и мы воспользовались своими рыболовными снастями. В результате имели на ужин целое блюдо форели. После ужина мой друг начал опять проявлять признаки активности.

Мы вновь оказались на той же дороге, что и утром, и подошли к воротам парка. Возле них стоял высокий человек, оказавшийся не кем иным, как мистером Мейсоном — тренером из Шоскомба, приезжавшим к нам в Лондон.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он. — Я получил вашу записку, мистер Холмс. Роберт Норбертон еще не вернулся, но его ожидают сегодня к ночи.

— А далеко ли склеп от дома? — осведомился Холмс.

— Метрах в четырехстах.

Ночь была не лунная и очень темная, но Мейсон уверенно вел нас по заросшим травой лужайкам, пока впереди не начали вырисовываться неясные очертания часовни. Когда мы подошли к часовне, наш проводник, спотыкаясь о груды камней, нашел в полной тьме путь к тому месту, откуда лестница вела вниз, прямо в склеп. Спустившись, он чиркнул спичкой, осветил мрачное и зловещее помещение с замшелыми осыпающимися стенами и рядами

гробниц, свинцовых и каменных. Холмс зажег свой фонарь, бросивший сноп ярко-желтого цвета. Лучи отражались от металлических пластинок на гробницах, украшенных изображением короны и грифона — герба древнего рода, сохранявшего свое величие до смертного порога.

— Вы говорили о найденных вами здесь костях, мистер Мейсон. Покажите нам, где они, и можете возвращаться.

— Они здесь, вот в этом углу.

Тренер прошел в противоположный угол склепа и остановился в немом удивлении, когда луч нашего фонаря осветил указанное место.

— Но они исчезли!.. — с трудом вымолвил он.

— Я этого ожидал, — сказал Холмс с довольной усмешкой. — Полагаю, золу от них можно найти в печи, которая уже поглотила часть из них.

— Но зачем же сжигать кости человека, умершего десять веков назад, — изумился Джон Мейсон.

— Мы и пришли сюда, чтобы выяснить это, — ответил Холмс. — Полагаю, до утра нам удастся найти ответ. А вас не станем больше задерживать.

Мейсон удалился, и Холмс принялся тщательно осматривать все гробницы, начиная с самых древних, относившихся, вероятно, еще к саксонскому периоду, продвигаясь от центра склепа вдоль длинного ряда захороненных нормандских Гуго и Одо, пока не достиг наконец Уильяма и Дениса Фолдеров из восемнадцатого столетия. Прошел час, а может, и больше, прежде чем Холмс добрался до свинцового саркофага, стоявшего у самого входа в склеп. Я услышал его удовлетворенное восклицание и по торопливым, но целеустремленным и точным движениям понял, что мой друг нашел то, что искал. При помощи увеличительного стекла он тщательно осмотрел края тяжелой крышки, затем достал из кармана небольшой ломик, какими обычно вскрывают сейфы, просунул его в щель и стал отжимать крышку, которая скреплялась лишь парой скоб. Та подалась со скрежетом рвущегося металла, едва приоткрыв содержимое, когда наши занятия неожиданно оказались прерваны.

В часовне, прямо над нами, послышались шаги — быстрые, но твердые, как у человека, идущего с определенной целью и хорошо знающего дорогу. По ступеням лестницы заструился свет, и мгновение спустя в проеме готической арки показался мужчина с фонарем в руках. Выглядел он устрашающе: крупная фигура, грозные манеры.

Большой керосиновый фонарь, который он держал перед собой, освещал его решительное лицо и страшные глаза. Он внимательно осматривал каждый закуток склепа и наконец остановился на нас.

— Кто вы такие, черт бы вас побрал? — взорвался он. — И что вам понадобилось в моей усадьбе?

Холмс ничего ему не ответил. Тот сделал несколько шагов в нашу сторону и поднял вверх тяжелую палку.

— Вы меня слышите? — крикнул он. — Кто вы? Что делаете?

Его палица подрагивала в воздухе. Но, вместо того чтобы отступить, Холмс двинулся ему навстречу.

— У нас тоже имеется вопрос к нам, сэр Роберт, — произнес мой друг суровым тоном. — Кто это?

Повернувшись, Холмс сорвал с саркофага свинцовую крышку. В свете фонаря я увидел тело и лицо злой колдуньи.

Баронет вскрикнул и, отшатнувшись, прислонился к каменной гробнице.

— Ну что вы лезете не в свое дело?

— Я Шерлок Холмс, — ответил мой друг. — Возможно, вам знакомо это имя? Моя обязанность и долг помогать правосудию. Боюсь, что отвечать вам придется за многое.

Сэр Роберт свирепо поглядел на нас, но спокойный голос и уверенные манеры Холмса подействовали на него.

— Поверьте, мистер Холмс, я не преступник, клянусь, — сказал он. — Это только кажется, что все факты против меня. Я просто не мог поступить иначе.

— Рад был бы поверить вам, но, полагаю, объяснение с полицией неизбежно.

— Ну что ж! Неизбежно так неизбежно. А сейчас давайте пройдем в дом. Там вы сможете разобраться в происшедшем сами.

Спустя четверть часа мы сидели в комнате, которая, судя по рядам ружей, поблескивающих за стеклами витрин, служила оружейной в старинном здании. Обставлена она была довольно уютно. На несколько минут сэр Роберт оставил нас одних. Когда он вернулся, его сопровождали двое: цветущая молодая женщина, которую мы уже видели сегодня в коляске, и невысокий мужчина с неприятной внешностью и раздражающе осторожными манерами. На лицах — полное недоумение. Очевидно, баронет не успел объяснить, какой оборот приняли события.

— Это мистер и миссис Норлетт, — сказал сэр Роберт. — Под своей девичьей фамилией — Ивенс — миссис Норлетт была доверенной служанкой моей сестры вот уже несколько лет. Я чувствую, что лучше объяснить вам истинное положение вещей, потому и привел сюда ее с мужем. Это единственные люди, способные подтвердить мои слова.

— А нужно ли это, сэр Роберт? Вы хорошо все обдумали? — воскликнула женщина.

— Что касается меня, я полностью снимаю с себя ответственность, — добавил ее муж.

Сэр Роберт бросил на него презрительный взгляд и сказал:

— Отвечать за все буду я! А теперь, мистер Холмс, позвольте изложить вам основные факты. Вы, понятно, достаточно осведомлены о моем положении, иначе не оказались бы там, где я вас нашел. По всей вероятности, вы уже знаете и то, что я хочу выставить на дерби свою лошадку и от результата будет зависеть очень многое. Если я выиграю, проблемы решатся сами собой. Если же проиграю… Но об этом лучше и не думать.

— Ситуация вполне понятна, — перебил баронета Холмс.

— В финансовом отношении я в полной зависимости от сестры, леди Беатрис. А я крепко запутался в сетях ростовщиков. И вот представьте себе: как только умирает сестра, мои кредиторы тотчас набрасываются на наше имущество. Все попадает в их руки, конюшни и лошади — тоже. Так вот, мистер Холмс, леди Беатрис действительно скончалась неделю назад.

— И вы никому не сообщили?

— А что еще мог я придумать? Иначе мне грозило полное разорение. Если же отсрочить развитие событий всего на три недели, дела, возможно, устроились бы как нельзя лучше. Вот этот человек, муж горничной, — актер по профессии. И нам, то есть мне, пришло в голову, что он может это время исполнять роль моей сестры. Для этого следовало ежедневно появляться в коляске во время прогулки. В комнату к сестре никто не входил, кроме горничной. Леди Беатрис умерла от водянки, которой страдала очень давно.

— Это решит коронер.

— Ее врач подтвердит, что в течение нескольких месяцев все симптомы предвещали скорый конец.

— Как дальше развивались события?

— В первую же ночь мы с Норлеттом тайно перенесли тело моей сестры в домик над старым колодцем, которым теперь совсем не пользуются. Однако ее любимый спаниель пришел туда следом за нами и начал выть под дверью. Я решил подыскать более безопасное

место. Избавившись от собаки, мы перенесли тело в склеп под древней часовней. Не вижу в том никакого пренебрежения или непочтения, мистер Холмс. Уверен, что не оскорбил покойную.

— Все равно ваше поведение невозможно оправдать, сэр Роберт!

Баронет раздраженно покачал головой.

— Вам легко проповедовать, а в моем положении вы, верно, думали бы иначе. Видеть, как все твои надежды и планы вдруг рушатся в последний момент, и не пытаться спасти их — невозможно. Я не усмотрел ничего недостойного в том, чтобы поместить сестру на некоторое время в одну из гробниц, где захоронены предки ее мужа. Вот и вся история, мистер Холмс.

— В вашем рассказе есть неясность, сэр Роберт! Даже если бы кредиторы захватили все имущество, разве это могло повлиять на выигрыш в дерби и на ваши надежды, связанные с ним?

— Но Принц Шоскомба тоже часть имущества. Вполне вероятно, его вообще не выставили бы на скачки. Какое им дело до моих ставок! Все еще усугубляется тем, что главный кредитор, к несчастью, мой злейший враг, отпетый негодяй Сэм Брюэр, которого мне однажды пришлось ударить хлыстом. Вы полагаете, он пошел бы мне навстречу?

— Видите ли, сэр Роберт, — ответил Холмс, вставая, — вам необходимо обо всем сообщить властям. Моя обязанность — только установить истину. И я это сделал. Что же касается моральной стороны ваших поступков и соблюдений приличий, то не мне судить вас. Уже почти полночь, Уотсон. Я думаю, нам пора возвращаться в наше скромное пристанище.

Сейчас уже известно, что эти невероятные события закончились для Норбертона даже более удачно, чем он того заслуживал. Принц Шоскомба все-таки выиграл дерби, а его владелец заработал на этом восемьдесят тысяч фунтов. Кредиторы, в руках которых он находился до окончания заезда, получили все сполна, и у сэра Роберта осталась еще вполне достаточная сумма, чтобы восстановить свое положение в высшем свете.

И полиция, и коронер снисходительно отнеслись к поступкам Норбертона, так что он выпутался из затруднительной ситуации, отделавшись лишь мягким порицанием за несвоевременную регистрацию кончины старой леди. Хотя все происшедшее и бросило легкую тень на репутацию баронета, но нисколько не повлияло на его карьеру, которая обещает быть благополучной в почтенном возрасте.

Москательщик на покое

В то утро Шерлок Холмс был настроен на философско-меланхолический лад. Его живой, деятельной натуре свойственны были такие резкие переходы.

— Видели вы его? — спросил он.

— Кого? Старичка, который только что вышел от вас?

— Его самого.

— Да, мы с ним столкнулись в дверях.

— И что вы о нем скажете?

— Жалкое, никчемное, сломленное существо.

— Именно, Уотсон. Жалкое и никчемное. Но не такова ли и сама наша жизнь? Разве его судьба — не судьба всего человечества в миниатюре? Мы тянемся к чему-то. Мы что-то хватаем. А что остается у нас в руках под конец? Тень. Или того хуже: страдание.

— Это один из ваших клиентов?

— Пожалуй, что так. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда. Знаете, как врачи иной раз посылают неизлечимых больных к знахарю. Они рассуждают так: сами мы ничего больше сделать не можем, а больному все равно хуже не будет.

— Что же у него стряслось?

Холмс взял со стола не слишком чистую визитную карточку.

— Джозия Эмберли. В прошлом, по его словам, — младший компаньон фирмы «Брикфол и Эмберли», изготовляющей товары для художников. Вы могли видеть эти имена на коробках с красками. Эмберли сколотил небольшое состояние, и, когда ему исполнился шестьдесят один год, вышел из дела, купил дом в Люишеме и поселился там, чтобы насладиться отдыхом после долгих лет неустанного труда. Всякий сказал бы, что этого человека ждет обеспеченная и мирная старость.

— Да, верно.

Холмс взял конверт, на котором были сделаны его рукой какие-то пометки, и пробежал их глазами.

— Ушел на покой в 1896 году, Уотсон. В начале 1897-го женился. Жена на двадцать лет моложе его, притом недурна собой, если не лжет фотография. Достаток, жена, досуг — казалось бы, живи да радуйся. Но не проходит двух лет, и он, как вы сами видели, становится самым несчастным и убитым созданием, какое только копошится под солнцем.

— Но что случилось?

— Старая история, Уотсон. Вероломный друг и ветреная жена. У этого Эмберли, насколько можно судить, есть одна-единственная страсть в жизни: шахматы. В Люишеме, неподалеку от него, живет некий молодой врач, тоже завзятый шахматист. Я вот записал его имя: доктор Рэй Эрнест. Эрнест был частый гость в его доме, и если у него завязались близкие отношения с миссис Эмберли, это только естественно — вы согласитесь, что наш незадачливый клиент не может похвастаться внешней привлекательностью, каковы бы ни были его скрытые добродетели. На прошлой неделе парочка скрылась в неизвестном направлении. Мало того, в качестве ручного багажа неверная супруга прихватила шкатулку старика, в которой хранилась львиная доля всех его сбережений. Можно ли сыскать беглянку? Можно ли вернуть деньги? Поглядеть, так банальная проблема, но для Джозии Эмберли — проблема жизненной важности.

— Как же вы будете действовать?

— Видите ли, мой милый Уотсон, при создавшемся положении вещей надо прежде всего решить, как будете действовать вы, если, конечно, вы согласны заменить меня. Вы знаете, что я сейчас всецело занят делом двух коптских старейшин и сегодня как раз жду его развязки. Мне, право же, не выкроить времени на поездку в Люишем, а ведь улики, собранные по свежим следам, имеют особую ценность. Старик всячески уговаривал меня приехать, но я объяснил ему, в чем трудность. Он готов принять вас вместо меня.

— Я весь к вашим услугам, — ответил я. — Честно говоря, не думаю, чтобы от меня была особая польза, но я рад буду сделать все, что в моих силах.

Вот так и случилось, что в один прекрасный летний день я отправился в Люишем, совсем не подозревая, что не пройдет и недели, как событие, которое я ехал расследовать, будет с жаром обсуждать вся Англия.

Лишь поздно вечером я вернулся на Бейкер-стрит с отчетом о своей поездке. Худая фигура Холмса покоилась в глубоком кресле, над его трубкой медленно свивалась кольцами струя едкого табачного дыма, глаза были лениво полузакрыты — можно было подумать, что он дремлет, но стоило мне запнуться или допустить неточность в рассказе, как опущенные веки приподнимались и серые глаза, сверкающие и острые, как рапиры, пронизывали меня пытливым взглядом.

— Усадьба мистера Джозии Эмберли зовется «Уютное», — начал я. — Я думаю, Холмс, она возбудила бы ваш интерес. Дом похож на обедневшего аристократа, который вынужден ютиться среди простолюдинов. Вам ведь такие места знакомы: однообразные кирпичные дома, унылые провинциальные улицы — и вдруг прямо в гуще всего этого — такая старинная усадьба,

крохотный островок древней культуры и уюта за высокой, растрескавшейся от солнца стеной, испещренной лишайниками и покрытой мохом, стеной, которая…

— Без поэтических отступлений, Уотсон, — строго перебил меня Холмс. — Все ясно: высокая кирпичная стена.

— Совершенно верно. Мне бы не догадаться, что это и есть «Уютное», да благо я спросил какого-то зеваку, который прохаживаются по улице и курил. Высокий такой брюнет с большими усами и военной выправкой. В ответ он кивком указал нужный мне дом и почему-то окинул меня пристальным, испытующим взглядом. Это припомнилось мне немного спустя.

Едва ступив за ворота, я увидел, что ко мне спешит по аллее мистер Эмберли. Еще утром я заметил в нем что-то необычное, хотя видел его лишь мельком, теперь же, при свете дня, его внешность показалась мне еще более странной.

— Я, разумеется, и сам постарался изучить ее, — вставил Холмс. — Но все-таки интересно узнать, каковы ваши впечатления.

— Он выглядит так, будто забота в буквальном смысле слова пригнула его к земле. Спина его сгорблена, словно под бременем тяжкой ноши. Однако он вовсе не так немощен, как кажется на первый взгляд: плечи и грудь у него богатырские, хотя поддерживают этот мощный торс сухие, тонкие ноги.

— Левый ботинок морщит, правый — девственно гладок.

— Этого я не заметил.

— Вы, разумеется, нет. Зато от меня не укрылось, что у него искусственная нога. Однако продолжайте.

— Меня поразили эта пряди сивых волос, которые змеились из-под его ветхой соломенной шляпы, это исступленное, неистовое выражение изрезанного глубокими морщинами лица.

— Очень хорошо, Уотсон. Что он говорил?

— Он принялся взахлеб рассказывать мне историю своих злоключений. Мы шли вдвоем по аллее, и я, разумеется, во все глаза смотрел по сторонам. Сад совершенно не ухожен, весь заглох, все растет, как придется, повинуясь велению природы, а не искусству садовника. Как только приличная женщина могла терпеть такое положение вещей — ума не приложу. Дом тоже запущен до последней степени. Бедняга, видно, и сам это чувствует и пытается как-то поправить дело. Во всяком случае, у него в левой руке была толстая кисть, а посреди холла стояла большая банка с зеленой краской. До моего прихода он занимался тем, что красил двери и оконные рамы.

Он повел меня в свой обшарпанный кабинет, и мы долго беседовали. Конечно, он был огорчен, что вы не приехали сами. Он сказал: «Да я и не слишком надеялся, в особенности после того, как понес столь тяжелый материальный урон, что моя скромная особа сможет серьезно привлечь к себе внимание такого знаменитого человека, как мистер Шерлок Холмс».

Я стал уверять его, что финансовая сторона вопроса тут вовсе ни при чем.

«Да, конечно, — отозвался он, — он этим занимается из любви к искусству, но, возможно, в моем деле для него как раз нашлось бы кое-что интересное. Хотя бы в смысле изучения человеческой природы, доктор Уотсон, ведь какая черная неблагодарность! Разве я хоть раз отказал ей в чем-нибудь? Разве есть еще женщина, которую бы так баловали? А этот молодой человек — я бы и к собственному сыну так не относился. Он был здесь, как у себя дома. И посмотрите, как они со мной обошлись! Ах, доктор Уотвон, какой это ужасный, страшный мир!».

В таком духе он изливался мне час, а то и больше. Он, оказывается, ничего не подозревал об интрижке. Жили они с женой одиноко, только служанка приходила каждое утро и оставалась до шести часов. В тот памятный день старик Эмберли, желая доставить удовольствие жене, взял два билета в театр Хеймаркет, на балкон. В последний момент миссис Эмберли пожаловалась на головную боль и отказалась ехать. Он поехал один. Сомневаться в том, что

это, правда, по-видимому, нет оснований: он показывал мне неиспользованный билет, который предназначался жене.

— Любопытно, весьма любопытно, — заметил Холмс, слушавший, казалось, с возрастающим интересом. — Продолжайте, Уотсон, прошу вас. Я нахожу ваш рассказ крайне интересным. Вы видели этот билет собственными глазами? Номер места случайно не запомнили?

— Представьте себе, запомнил, — не без гордости ответил я. — Номер оказался тот же, что был у меня когда-то в школьной раздевалке: тридцать первый. Вот он и застрял у меня в голове.

— Великолепно, Уотсон! У него самого, стало быть, место было либо тридцатое, либо тридцать второе?

— Ну, конечно, — чуть озадаченно подтвердил я. — В ряду «Б».

— Просто прекрасно. Что еще он вам говорил?

— Он показал мне свою, как он выразился, кладовую. Кладовая сама настоящая, как в банке. Железная дверь, железная штора на окне, никаком взломщику не забраться, как он утверждает. Но у жены оказался второй ключ, и она вместе со своим возлюбленным унесла оттуда не много и мало — тысяч семь фунтов в ассигнациях и ценных бумагах.

— Ценных бумагах? Как же они смогут обратить их в деньги?

— Эмберли сказал, что оставил в полиции опись этих бумаг надеется, что продать их не удастся. В тот день он вернулся из театра около двенадцати ночи и увидел, что кладовая ограблена, дверь и окно открыты, а беглецов и след простыл. Никакого письма, никакой записки — и ни слуху ни духу с тех пор. Он сразу же дал знать в полицию.

Холмс на несколько минут погрузился в раздумье.

— Вы говорите, он что-то красил в доме. Что именно?

— При мне он красил коридор. А дверь и деревянные части комнаты, о которой я говорил, уже закончил.

— Вам не кажется, что для человека в подобной ситуации это несколько необычное занятие?

— «Надо же чем-то занять себя, чтобы сердце не так саднило» — это его собственное объяснение. Разумеется, это странный способ отвлечься, так ведь на то он и вообще человек со странностями. При мне разорвал фотографию своей жены — разорвал яростно, в совершенном беспамятстве, с воплем: «Чтобы глаза мои больше не видели ее мерзкое лицо».

— И это все, Уотсон?

— Нет, есть еще одна вещь, и она поразила меня больше всего. Обратно я уезжал со станции Блэкхит. Сел в поезд, и только он тронулся, как я увидел, что в соседний вагон вскочил какой-то мужчина. Вы знаете, Холмс, какая у меня память на лица. Так вот, это определенно был тот высокий брюнет, к которому я обратился на улице. На Лондонском мосту я заметил его снова, а потом он затерялся в толпе. Но я уверен, что он меня выслеживал.

— Да-да! — сказал Холмс. — Конечно! Так вы говорите, высокий брюнет с большими усами и в очках с дымчатыми стеклами?

— Холмс, вы чародей. Он действительно был в дымчатых очках, но ведь я об этом не говорил!

— А в галстуке — масонская булавка?

— Холмс!

— Это так просто, милый Уотсон. Впрочем, перейдем к тому, что имеет непосредственное отношение к делу. Должен вам признаться: эта история, на первый взгляд до того простая, что мне вряд ли стоило ею заниматься, с каждой минутой приобретает совсем иной характер.

Правда, во время вашей поездки все самое важное осталось вами не замеченным, но даже то, что само бросилось вам в глаза, наводит на серьезные размышления.

— Что осталось незамеченным?

— Не обижайтесь, дружище. Вы знаете, я совершенно беспристрастен. Вы справились со своей задачей как нельзя лучше. Многие и этого бы не сумели. Но кое-какие существенные частности вы явно упустили. Что думают об этом Эмберли и его жене соседи? Разве это не важно? Какой славой пользуется доктор Эрнест? Что он, и впрямь такой отчаянный ловелас? При вашем врожденном обаянии, Уотсон, каждая женщина вам сообщница и друг. Почему я не слышу, что думает барышня на почте и супруга зеленщика? Как естественно вообразить себе такую картину: вы нашептываете комплименты молодой кельнерше из «Синего якоря», а взамен получаете сухие факты. И все это пропало втуне.

— Это еще не поздно сделать.

— Это уже сделано. С помощью телефона и Скотленд-Ярда я обычно имею возможность узнавать самое необходимое, не выходя из этой комнаты. Кстати сказать, полученные мною сведения подтверждают рассказ старика. В городишке он слывет скрягой, с женой был требователен и строг. Что он держал в этой своей кладовой крупную сумму денег — святая правда. Правда и то, что доктор Эрнест, молодой холостяк, играл с Эмберди в шахматы, а с его женой, вероятно, играл в любовь. Кажется, все яснее ясного, и больше говорить не о чем, и все-таки… все-таки!..

— В чем же тут загвоздка?

— В моем воображении, быть может. Что ж, пусть она там и останется, Уотсон. А мы с вами спасемся от серой повседневности этого мира сквозь боковую дверцу — музыку. В Альберт-Холле сегодня поет Карина. Мы как раз успеем переодеться, пообедать и подадимся наслаждению.

Наутро я встал рано, но крошки от гренков и скорлупа от пары яиц на столе свидетельствовали о том, что мой друг поднялся еще раньше. Здесь же, на столе, я обнаружил второпях нацарапанную записку:

«Милый Уотсон! Мне хотелось бы навести еще кое-какие справки относительно мистера Джозии Эмберли. Когда я их получу, мы со спокойной душой будем считать это дело законченным, а быть может, и нет. Я только просил бы Вас быть поблизости часа в три, так как не исключено, что Вы мне можете понадобиться.

Ш. Х.».

Полдня я не видел Холмса, но в назначенный час он вернулся, серьезный, озабоченный, занятый своими мыслями. В такие минуты лучше было к нему не подступаться.

— Эмберли еще не приходил?

— Нет.

— Значит, придет. Я его жду.

Ждать пришлось недолго: старик не замедлил явиться: на хмуром лице его явственно обозначились тревога и недоумение.

— Я тут получил телеграмму, мистер Холмс, и что-то никак не могу в ней разобраться.

Он протянул Холмсу телеграмму, и тот прочел ее вслух:

«Немедленно приезжайте. Располагаю сведениями вашей недавней пропаже.
Элман. Дом священника».

— Отправлена в два десять из Малого Пэрлингтона, — сказал Холмс. — Малый Пэрлингтон находится, если не ошибаюсь, в Эссексе, недалеко от Фринтона. Что ж, надо ехать, не откладывая. Пишет явно лицо ответственное, как-никак приходский священник. Минуточку —

где мой Крокфорд?[108] Ага, вот он: «Дж. К. Элман, магистр искусств, объединенный приход Моссмур — Малый Пэрлингтон». Посмотрите расписание поездов, Уотсон.

— Ближайший — в пять двадцать с Ливерпуль-стрит.

— Превосходно. Вам бы тоже лучше съездить с ним, Уотсон. Ему может понадобиться помощь или совет. Ясно, что близится решающий момент в этой истории.

Наш клиент, однако, не выказывал ни малейшей охоты отправиться в путь.

— Но это же совершенная нелепость, мистер Холмс, — сказал он. — Что может знать о случившемся этот человек? Напрасная трата времени и денег.

— Если б ему не было что-то известно, он не стал бы посылать вам телеграмму. Немедленно сообщите ему, что выезжаете.

— Я, вероятно, все-таки не поеду.

Холмс принял самый суровый вид, на какой был способен.

— И у полиции и у меня, мистер Эмберли, создастся самое неблагоприятное впечатление, если вы откажетесь воспользоваться возможностью, которая сама идет к вам в руки. Нам может показаться, что вы не слишком заинтересованы в успешном исходе расследования.

Это предположение, видимо, привело нашего клиента в ужас.

— Господи, если вы так на это смотрите, я непременно поеду! — воскликнул он. — Просто на первый взгляд глупо рассчитывать, что этот пастор что-нибудь может знать. Но раз вы так считаете…

— Да, считаю, — многозначительно сказал Холмс, и вопрос был решен. Прежде чем мы вышли из комнаты, Холмс отвел меня в сторону и дал краткое наставление, из которого видно было, что он придает серьезное значение этой поездке.

— Во что бы то ни стало, — сказал он, — проследите за тем, чтобы он действительно поехал. Если он, паче чаяния, улизнет или вернется с дороги, бегите на ближайший телефон и передайте мне одно-единственное слово: «Удрал». Я распоряжусь, чтобы мне сообщили, где бы я ни находился.

До местечка Малый Пэрлингтон не так-то просто добраться: оно расположено на боковой ветке. От дороги у меня остались не слишком приятные воспоминания: погода стояла жаркая, поезд полз медленно, мой попутчик был угрюм и молчалив и если раскрывал рот, то лишь затем, чтобы отпустить язвительное замечание насчет того, в какую пустую затею мы ввязались. Когда мы, наконец, сошли с поезда, пришлось ехать еще две мили до пасторского дома, где нас принял в своем кабинете представительный, важный, слегка напыщенный священник. Перед ним лежала наша телеграмма.

— Итак, джентльмены, чем могу быть полезен? — спросил он.

— Мы приехали в ответ на вашу телеграмму, — объяснил я.

— Телеграмму? Я никакой телеграммы не посылал.

— Я говорю о телеграмме, которую вы прислали мистеру Джозии Эмберли, насчет его жены и денег.

— Если это шутка, сэр, то в весьма дурном вкусе, — сердито сказал пастор. — Я никогда не слышал про джентльмена, чье имя вы назвали, и никому не посылал телеграммы.

Мы с Эмберли обменялись удивленными взглядами.

— Быть может, произошла ошибка, — настаивал я. — У вас случайно не два прихода? Вот телеграмма, подпись — «Элман», адрес — «Дом священника».

— Здесь только один приход, сэр, и только один пастор. Что же до вашей телеграммы, то это возмутительная фальшивка, происхождением которой непременно займется полиция. А пока не вижу причин затягивать далее нашу беседу.

Так мы с мистером Эмберли очутились на обочине дороги в деревушке Малый Пэрлингтон, захолустнее которой, наверное, не сыскать во всей Англии. Мы направились на телеграф, но там было уже закрыто. К счастью, в маленькой привокзальной гостинице оказался телефон, и я связался с Холмсом, который был удивлен не меньше нас, узнав об исходе нашей поездки.

— Поразительно! — сказал далекий голос в трубке. — В высшей степени странно! Я очень боюсь, милый Уотсон, что сегодня обратного поезда уже нет. Сам того не желая, я обрек вас на муки захолустной гостиницы. Но ничего, Уотсон, зато вы побудете на лоне природы. Природа и Джозия Эмберли — вы сможете вполне насладиться общением с ними. — Я услышал его суховатый смешок, прежде чем нас разъединили.

Я очень быстро убедился, что мой попутчик недаром слывет скрягой. Сначала он сетовал на дорожные расходы, настоял, чтобы мы ехали третьим классом, а теперь шумно возмущался тем, что придется платить еще и за гостиницу. Когда на другое утро мы наконец прибыли в Лондон, трудно сказать, кто из нас был в худшем расположении духа.

— Советую вам зайти по дороге на Бейкер-стрит, — сказал я. — Мистер Холмс, возможно, захочет дать какие-то новые указания.

— Если в них столько же проку, сколько в старых, они не многого стоят, — злобно огрызнулся Эмберли. Тем не менее он последовал за мной. Я заблаговременно уведомил Холмса телеграммой о времени нашего приезда, но он оставил нам записку, что уехал в Люишем и будет дожидаться нас там. Это была неожиданность, а еще большая ждала нас в гостиной нашего клиента: Холмс оказался не один. Рядом с ним сидел строгий мужчина с непроницаемым лицом — брюнет в дымчатых очках и с большой масонской булавкой в галстуке.

— Это мой друг мистер Баркер, — представил его Холмс. — Он тоже занимался вашим делом, мистер Джозия Эмберли, хотя и независимо от меня. Но оба мы хотим задать вам один и тот же вопрос.

Мистер Эмберли тяжело опустился на стул. Он почуял недоброе. Я понял это по тому, как у него забегали глаза и судорожно задергалось лицо.

— Какой вопрос, мистер Холмс?

— Только один: куда вы дели трупы?

Эмберли с хриплым воплем вскочил на ноги, судорожно хватая воздух костлявыми руками. Рот у него открылся; он был похож сейчас на какую-то жуткую хищную птицу. В мгновение ока Джозия Эмберли предстал перед нами в своем истинном обличье: злобным чудовищем с душой, такой же уродливой, как тело. Он рухнул обратно на стул и прикрыл рот ладонью, как бы подавляя кашель. Холмс, словно тигр, прыгнул на него и вцепился ему в глотку, силой пригнув его голову вниз. Из разомкнувшихся в удушье губ выпала белая таблетка.

— Не пытайтесь сократить себе путь, Джозия Эмберли. Дела надо делать пристойно и в установленном порядке. Что скажете, Баркер?

— Я оставил кэб у ворот, — отозвался наш немногословный знакомец.

— До участка всего несколько сот ярдов. Отправимся вдвоем. Вы можете остаться здесь, Уотсон. Я вернусь через полчаса.

В мощном теле старого москательщика таилась львиная сила, но в руках таких опытных конвоиров он был беспомощен. Как он ни извивался, стараясь вырваться, его втащили в кэб, и я остался нести одинокую вахту в этом зловещем доме. Но и получаса не прошло, как вернулся Холмс в сопровождении молодого, щеголеватого инспектора полиции.

— Я оставил Баркера завершить все формальности, — сказал Холмс. — Вы ведь в первый раз видите Баркера, Уотсон. Это мой ненавистный соперник и конкурент с того берега Темзы. Когда вы упомянули про высокого брюнета, мне уже нетрудно было довершить картину. У него на счету не одно удачное дело, верно, инспектор?

— Да, он не раз встречался на нашем пути, — сдержанно отозвался инспектор.

— Не отрицаю, он использует недозволенные методы, как и я сам. Недозволенное, знаете, порой очень выручает. Вам, например, с вашим непременным предупреждением: «Все, что бы вы ни сказали, может быть использовано против вас», — ни за что не удалось бы фактически вырвать у этого прохвоста признание.

— Быть может, и так, мистер Холмс. Но мы все равно добиваемся своего. Неужели вы думаете, что мы не составили собственного мнения об этом деле и не настигли бы преступника? Вы уж извините, но как нам не чувствовать себя задетыми, когда вы с вашими запретными для нас методами вырываетесь вперед и пожинаете все лавры!

— Ничего подобного не произойдет, Маккиннон. Обещаю вам, что с этой минуты я буду держаться в тени, а что касается Баркера, он делал лишь то, что я ему указывал.

Инспектор заметно повеселел.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Для вас осуждение и похвала значат очень мало, а ведь мы совсем в другом положении, особенно когда нам начинают задавать вопросы газетчики.

— Совершенно справедливо. Но так как задавать вам вопросы они наверняка будут в любом случае, то не мешает иметь наготове ответы. Что вы скажете, например, если какой-нибудь смышленый и расторопный репортер спросит, какие именно улики пробудили в вас подозрение и в конце концов дали возможность установить подлинные факты?

Инспектор замялся.

— Подлинными фактами мы пока что не располагаем, мистер Холмс. Вы говорите, что арестованный в присутствии трех свидетелей покушался на самоубийство и тем самым фактически признал себя виновным в убийстве своей жены и ее возлюбленного. Вам известны еще какие-нибудь факты?

— Вы отдали приказ произвести обыск?

— Сейчас прибудут три полисмена.

— Тогда скоро в вашем распоряжении будет самый бесспорный из всех фактов. Трупы, несомненно, где-то поблизости. Осмотрите погреба и сад. На то, чтобы проверить наиболее подозрительные места, вам потребуется не так уж много времени. Дом старый, водопроводные трубы новые. Где-то должен быть заброшенный колодец. Попытайте счастья там.

— Но как вы обо всем узнали? И как он это сделал?

— Сначала я расскажу, как он это сделал, а уж потом дам объяснение, на которое вправе рассчитывать и вы и в еще большей степени мой долготерпеливый друг, оказавший мне неоценимую помощь. Но прежде всего мне хотелось бы дать вам представление о том, каков склад ума этого человека. Он очень необычен — настолько, что преступника, по всей вероятности, ждет не виселица, а Бродмур[109]. Эмберли в избытке наделен такими чертами натуры, которые в нашем представлении гораздо более свойственны средневековому итальянцу, нежели англичанину наших дней. Это был жалкий скупец, он так замучил жену своим крохоборством, что она стала легкой добычей для любого искателя приключений, каковой и не замедлил явиться в образе этого медикуса-шахматиста Эрнеста. Эмберли играл в шахматы превосходно — характерная примета человека, способного замышлять хитроумные планы, Уотсон. Как все скупцы, он был ревнив, и ревность переросла у него в манию. Были на то основания, нет ли; но он заподозрил измену. Он задался целью отомстить и принялся с дьявольской изобретательностью строить план мести. Подойдите-ка сюда!

Уверенно, словно это был его собственный дом, Холмс повел нас по коридору и остановился у открытой двери кладовой.

— Фу! Как ужасно пахнет краской! — воскликнул инспектор.

— Это обстоятельство и послужило нам первой уликой, — сказал Холмс. — Можете поблагодарить доктора Уотсона, который его заметил, не сумев, правда, сделать должные выводы. Оно-то и навело меня на верный след. Зачем было этому человеку в такое неподходящее время разводить в доме вонь? Очевидно, для того, чтобы заглушить какой-то другой запах, который мог выдать вину, возбудить подозрение. Затем явилась мысль о комнате, вот этой самой, с железной дверью и железной шторой — комнате, которую можно закрыть герметически. Сопоставьте эти два факта — куда они ведут? Это я мог установить, только осмотрев дом самолично. В том, что здесь кроется что-то серьезное, я уже не сомневался, потому что успел навести справки в театре Хеймаркет и — опять-таки благодаря наблюдательности доктора Уотсона — выяснить, что в тот вечер ни тридцатое, ни тридцать второе кресло в ряду «Б» на балконе не было занято. Следовательно, Эмберли в театре не был и его алиби рухнуло. Он допустил грубый промах, позволив моему дальновидному другу заметить номер места, на котором должна была сидеть его жена. Теперь возник вопрос, как осмотреть дом. Я послал своего агента в самую глухую деревушку, какая была мне известна, и вызвал туда Эмберли в такой час, чтобы он заведомо не успел вернуться. На случай, если что-то пойдет не так, я дал ему в попутчики доктора Уотсона. Имя достойного пастора было, разумеется, взято из моего Крокфорда. Я говорю достаточно ясно?

— Это неподражаемо, — благоговейным голосом произнес инспектор.

— Теперь можно было не бояться, что мне помешают, и спокойно лезть в чужой дом. Профессия взломщика всегда меня соблазняла, и, вздумай я ее избрать, не сомневаюсь, что мне удалось бы выдвинуться на этом поприще. Что же я обнаружил? Видите — вдоль плинтуса тянется газовая труба. Прекрасно. Она поднимается вдоль стены, а вон там, в углу, имеется кран. Труба, как вы видите, проведена в кладовую и доходит до вон той лепной розы в центре потолка, где ее не видно под лепниной. Конец ее оставлен открытым. В любой момент, открыв наружный кран, комнату можно наполнить газом. Стоит повернуть рычаг до предела, и любой, кто окажется в этой тесной комнатке при закрытой двери и спущенной шторе, не продержится в сознании даже двух минут. Какой дьявольской хитростью он заманил их сюда, я не знаю, но, едва переступив порог, они оказались в его власти.

Инспектор с интересом рассматривал газовую трубу.

— Кто-то из наших людей говорил, что в доме пахнет газом, — сказал он. — Но окно и дверь были, конечно, открыты, да и краской уже попахивало. Он-то утверждал, будто начал красить накануне происшествия. Но что же дальше, мистер Холмс?

— Дальше произошел инцидент, несколько неожиданный для меня самого. Рано на рассвете я уже спускался в сад из окна буфетной, как вдруг чья-то рука схватила меня за шиворот и чей-то голос произнес: «А ну, мошенник, чем ты здесь занимаешься?» Когда мне удалось повернуть голову, передо мной блеснули дымчатые очки моего друга и соперника мистера Баркера. Это была забавная встреча, и мы оба не могли сдержать улыбки. Выяснилось, что по просьбе родственников доктора Эрнеста он тоже предпринял расследование и тоже пришел к выводу, что дело нечисто. Ой уже несколько дней наблюдал за домом и взял на заметку доктора Уотсона как явно подозрительное лицо, посетившее усадьбу. Арестовать Уотсона он не мог, но когда у него на глазах какой-то субъект вылез в сад из окна буфетной, он не выдержал. Я, разумеется, рассказал ему, как обстоят дела, и мы продолжали вести дело сообща.

— Почему с ним? Почему не с нами?

— Потому что я предполагал подвергнуть Эмберли небольшому испытанию, которое и удалось так блестяще. Боюсь, что вы не согласились бы зайти так далеко.

Инспектор улыбнулся.

— Что ж, быть может, и нет. Итак, мистер Холмс, если я верно вас понял, вы совершенно устраняетесь от участия в этом деле и передаете нам весь ваш материал.

— Разумеется. Это — мое обычное правило.

— Тогда я приношу вам благодарность от имени полиции. Случай, как вы его толкуете, ясный. Трупы мы, вероятно, обнаружим без труда.

— Я покажу вам небольшое, но страшное вещественное доказательство, — продолжал Холмс. — Я уверен, что Эмберли его не заметил. Чтобы добиться успеха, инспектор, надо всегда стараться поставить себя на место другого и вообразить, как поступили бы вы сами. Тут требуется известная доля фантазии, но это окупается.

Допустим, например, что вы заперты в этой комнатке, что жить вам осталось не более двух минут, но вы хотите расквитаться с извергом, который, возможно, еще издевается над вами там, за дверью. Что бы вы в этом случае сделали?

— Оставил бы письмо.

— Правильно. Вы захотели бы рассказать людям о том, как вы погибли. Писать на бумаге бессмысленно. Убийца найдет записку. Но если написать на стене, это может прочесть кто-то другой. Так глядите же! Над самым плинтусом красным химическим карандашом выведено: «Нас у…» — и все.

— О чем же это говорит?

— Видите — от пола до надписи не более фута. Бедняга писал это, лежа на полу, умирая. И, не успев дописать, лишился сознания.

— Он хотел написать: «Нас убили».

— Именно так я и истолковал эту надпись. Так что если вы найдете у убитого химический карандаш…

— Поищем, можете не сомневаться. Ну, а как насчет ценных бумаг? Ведь ясно, что никакой кражи не было. А между тем эти акции у него действительно имелись. Мы проверили.

— Он их надежно припрятал, будьте покойны. Когда вся история с бегством стала бы забываться, он бы внезапно обнаружил их и объявил, что виновники раскаялись и прислали украденное обратно, а не то так обронили где-то по дороге.

— Да, у вас на любой трудный вопрос готов ответ, — сказал инспектор.

— Одного я не могу понять: ну, к нам он так или иначе вынужден был обратиться, но зачем ему было идти к вам?

— Из чистого бахвальства! — ответил Холмс. — Он мнил себя таким умником, был так уверен в себе, что вообразил, будто его никому не побить. А потом он смог бы сказать недоверчивому соседу: «Посмотрите — чего я только не предпринимал! Я обратился не только в полицию, но даже к Шерлоку Холмсу».

Инспектор рассмеялся.

— Придется простить вам это «даже», мистер Холмс, — сказал он. — Такой искусной работы я не припомню.

Несколько дней спустя мой друг бросил мне на колени номер выходящей два раза в месяц «Норс Суррей Обсервер». В ней под множеством леденящих кровь заголовков — от «Упырь из „Уютного"» до «Блестящий успех полицейского сыска» — шел целый столбец, в котором впервые давалось последовательное изложение этого дела. По заключительному абзацу можно судить о стиле, в котором оно было написано:

«Редкостная проницательность, которую выказал инспектор Маккиннон, заключив, что запах краски, возможно, призван заглушить какой-то иной запах, например, запах газа; дерзкое предположение, что кладовая могла оказаться камерой смерти, а также последующее расследование, увенчавшееся находкой трупов в заброшенном колодце, искусно замаскированном собачьей конурой, будут жить в истории сыска как убедительный пример высокого мастерства нашей полиции».

— Ну, ничего, Маккиннон — славный малый, — со снисходительной усмешкой промолвил Холмс. — Советую присовокупить это к нашим архивам, Уотсон. Когда-нибудь можно будет рассказать правду об этой истории.

Примечания

1

В битве при Майванде во время второй англо-афганской войны (1878–1880) англичане потерпели поражение.

2

Гази — фанатик-мусульманин.

3

О международном праве (лат.).

4

Из книг Уильяма Уайта (лат.).

5

«Жизнь богемы» (франц.).

6

Фемгерихт — тайный суд в средневековой Германии, выносивший свои приговоры на секретных ночных заседаниях.

7

Акватофана — яд, названный по имени применявшей его отравительницы Теофании ди Адамо, казненной в Палермо в 1633 году.

8

Бренвилье, Мария Мадлен — из корыстных целей отравила своего отца и двух братьев. Казнена в Париже в 1670 году.

9

Убийства на Рэтклиффской дороге — одно из самых знаменитых преступлений в истории английской криминалистики.

10

«Глупец глупцу всегда внушает восхищенье» (франц.). Н. Буало. «Поэтическое искусство».

11

Явные признаки (франц.).

12

Мормоны — религиозная секта, основанная Д. Смитом (1805–1844) в 1830 году. Учение мормонов — причудливая смесь христианских, мусульманских, буддистских и др. верований.

13

Бригем Янг (1801–1877) — вождь мормонов после смерти Д. Смита.

14

Гебер Ч. Кембелл в одной из проповедей наградил этим нежным эпитетом сотню своих жен. (Прим. автора.)

15

Пресыщенные (франц.).

16

«Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши

Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь».

Гораций. Сатиры, 1, строки 66–67.

17

Великолепно, мастерски, гениально (франц.).

18

Дурной тон ведет к преступлению (франц.).

19

«Нет более несносных глупцов, чем те, которые не совсем лишены ума» (франц.). Ф. Ларошфуко. «Максимы и моральные размышления».

20

«Мы привыкли, что люди издеваются над тем, чего они не понимают» (нем.)

21

Как жаль, что природа сделала из тебя одного человека: материала в тебе хватило бы и на праведника и на подлеца (нем.).

22

Карлсбад (Карловы Вары) — курорт в Чехословакии.

23

Валленштейн — немецкий полководец XVII века.

24

Шесть футов и шесть дюймов — приблизительно 1 метр 90 сантиметров.

25

Грум — конюх.

26

Темпл — лондонский квартал, где сосредоточены конторы юристов.

27

Ландо — открытая коляска, запряженная парой лошадей.

28

Франкмасоны (сокр. — масоны) — члены тайного религиозно-философского общества.

29

Дуга и окружность — масонские знаки. Прежде они были тайными, но современные масоны, нарушая старинный устав, нередко носят их на брелоках и запонках.

30

«Все неведомое кажется нам великолепным» (лат.)

31

Сарасате (1844-1908) — знаменитый испанский скрипач и композитор.

32

В Итоне и Оксфорде находятся аристократические учебные заведения.

33

«Человек — ничто, дело — все» (фр.)

34

Цитата принадлежит, видимо, самому Конан Дойлю.

35

Джордж Мередит (1828-1909) — известный английский писатель.

36

Ярд — около 0,9 метра.

37

Фут — около 0,3 метра.

38

A rat (а рэт) — по-английски значит «крыса».

39

Гражданская война Южных и Северных штатов (1861 — 1865), окончившаяся победой северян над рабовладельческим Югом.

40

Генерал Ли командовал Южной армией.

Джексон и Гуд — генералы этой армии.

41

Кювье (1769-1832) — знаменитый французский ученый, положивший начало палеонтологии (наука об ископаемых животных).

42

Останки (лат.)

43

Палмер, Уильям — английский врач, отравивший стрихнином своего приятеля; казнен в 1856 году.

Причард, Эдуард Уильям — английский врач, отравивший свою жену и тещу; казнен в 1865 году.

44

Цитата взята из дневника американского писателя Генри Давида Торо (1817-1862).

45

Серпентайн (Змейка) — пруд в Гайд-парке, в Лондоне.

46

Холмс имеет в виду английского короля Георга III (1738-1820) и премьер-министра Фредерика-Норта (1732-1792). Политика Георга III и Норта привела к конфликту, а затем к войне с американскими колониями.

47

Положение (лат.)

48

Кокни (англ.) — пренебрежительно насмешливое прозвище лондонского обывателя.

49

V. R. — Victoria Regina — королева Виктория (лат.)

50

Карл I (1600-1685) — английский король (1625-1649). Казнен 30 января 1649 года во время Английской буржуазной революции.

51

Карл II (1630-1685) — английский король (1660-1685), сын Карла 1.

52

В битве при Мальплаке (11 сентября 1709 года), во время войны за испанское наследство, англичане и их союзники одержали победу над французами.

53

Согласно библейской легенде, израильско-иудейский царь Давид, чтобы взять себе в жены Вирсавию — жену военачальника Урии, послал его на верную смерть при осаде города Раввы.

54

подвиг (фр.)

55

Лига — мера длины. Морская лига равна 5,56 км.

56

Верне — семья французских художников. Холмс, очевидно, имеет в виду Ораса Верне (1789 — 1863) — баталиста и автора ряда картин из восточной жизни.

57

Здесь: настоящий (лат.)

58

Далай-лама – в то время верховный правитель Тибета (духовный и светский); город Лхасса был местом пребывания далай-ламы.

59

Лорд Адмиралтейства – морской министр.

60

Герр – господин по-немецки.

61

Портал – вход.

62

Майорат (по-латински старший) — в гражданском праве форма наследования недвижимости (прежде всего земельной собственности), при которой она переходит полностью к старшему из наследников. Направлена на сохранение и упрочение крупных земельных владений.

63

Человек, являющийся сторонником чрезвычайно строгого, аскетического уклада жизни.

64

ДжонО`Гротс - местечко на севере Шотландии.

65

Голос народа — голос Бога (лат.)

66

Куратор — младший медик, наблюдавший больных в клинике.

67

Бертильон А. (1853–1914) — французский ученый-антрополог.

68

Нувориш — человек, быстро разбогатевший, составивший себе состояние на спекуляции.

69

Камеи — небольшие, вырезанные на ценном камне рельефные изображения лиц пли предметов.

70

Бушмены и готтентоты — африканские племена.

71

Кельты — древние племена, переселившиеся на Британские острова из Европы в 4 в. до н. э.

72

Долмены — гробницы каменного века.

73

Эдисон Томас (1847–1931) — знаменитый американский изобретатель. Главным образом известен усовершенствованием электрической лампочки накаливания и изобретением фонографа. Сван — один из изобретателей электрической лампочки.

74

Капище — место, где совершались языческие молебствия.

75

Джентри — мелкопоместные дворяне в Англии.

76

Краниология — наука, изучающая черепа людей и животных.

77

Экартэ — карточная игра.

78

Энтомология — отдел зоологии, посвященный насекомым.

79

Питт Вильям-старший (1708–1778) — английский государственный деятель; с 1766 по 1768 год — премьер-министр.

80

До свидания (франц.)

81

Фокус, выдумка (франц.)

82

Гордон, Чарльз Джордж (1833—1885) — английский генерал. В начале 1884 года был послан английским правительством для подавления махдистского освободительного восстания в Судане и в январе 1885 года был убит при взятии повстанцами Хартума.

83

Бичер, Генри Уорд (1813—1887) — американский священник, брат Г. Бичер-Стоу — автора «Хижины дяди Тома». Сторонник женского равноправия, противник рабства. В 1863 году приезжал в Англию с циклом лекций об освобождении негров.

84

Пригород Лондона.

85

Боже мой (итал.)

86

Приходи (итал.)

87

Строка из английской детской песенки. Перевод С. Маршака.

88

Вошедший в поговорку отрывок из песни «Смерть Нельсона», сочиненной и исполнявшейся знаменитым английским тенором Джоном Брамом (1774—1836).

89

Дикарь, настоящий дикарь (франц.)

90

Южный пригород Лондона.

91

Шекспир, «Генрих VI», ч. II, акт III, 2.

92

Огромный (площадью около 3 га) павильон в Лондоне, где устраиваются выставки, спортивные состязания и пр.

93

Имеется в виду движение суфражисток.

94

Английская военно-морская база в Шотландии.

95

Дом № 9 по Карлтон-Террас — здание немецкого посольства.

96

Памятник герцогу Йоркскому (брату Георга IV) находится рядом со зданием немецкого посольства.

97

Главное произведение (лат.)

98

Шекспир, «Кориолан», акт V, сцена 6.

99

Город на юге Ирландии.

100

Спортивный клуб в Ричмонде, около Лондона.

101

Чизмен (cheeseman) — сыровар.

102

Тайберн-Три («Тайбернское дерево») — виселица в приходе Тайберн, где до конца XVIII века совершались публичные казни.

103

Сатеби, Кристи — лондонские аукционные залы.

104

Слоун, Ганс (1660–1753) — английский врач, натуралист и коллекционер. Собранные им рукописи, картины, книги и пр. легли в основу Британского музея.

105

Издававшийся с XVIII века справочник о заключенных Ньюгетской тюрьмы (Лондон) с биографическими данными о них и описанием совершенных ими преступлений.

106

Порт на реке Амазонке. — *Прим. пер.*

107

Служители *(фр.).*

108

Выдержавший много изданий справочник по английскому духовенству и церквам.

109

Психиатрическая больница для преступников (в графстве Беркшир).